

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 08190610 3

*QC

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВИЧЪ

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ

161

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

1882

LIBRARY
FEB
27
1883
NEW-YORK
546

NEW YORK
LIBRARY
546

ЭПИЗОДЪ

ИЗЪ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ ПРУССІИ *

III

Преемникомъ Гаффрона былъ Гейнрихъ фонъ-Дицъ. Онъ занималъ должность правителя канцеляріи и протопотариуса въ Магдебургѣ когда графу Финкенштейну было поручено отыскать лицо способное къ занятію дипломатическаго поста въ Константинополь. Такого не оказывалось. И вотъ наконецъ попали на фонъ-Дица, слышаго за человѣка талантливаго, работающаго и въ высшей степени свѣдущаго, только, къ сожалѣнію, слабого во французскомъ и италіанскомъ языкахъ. Кромѣ того, по отзыву рекомендовавшаго его Финкенштейну тайнаго совѣтника фонъ-Дома, у г. Дица было мало друзей въ Магдебургѣ — доказательство его неживучивости и дурнаго характера, что очень не годится для дипломата. „Еслибы“, писалъ фонъ - Домъ, „г. Дицъ спросилъ моего совѣта, то зная его и положеніе дѣлъ въ Константинополь, я бы не посовѣтовалъ ему добиваться этого мѣста, хотя онъ человѣкъ дѣйствительно съ головой, въ состояніи преодолѣть всякія другія трудности и сослужить

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 7.

полезную государству службу". Къ этой характеристикѣ можно прибавить что г. Дидъ считался ученымъ ориенталистомъ, потому что онъ довольно много переводилъ съ турецкаго языка на нѣмецкій различныхъ сочиненій и написалъ нѣсколько историко-литературныхъ изслѣдованій. И самостоятельныя его изысканія, и переводныя работы, впрочемъ, требуютъ весьма осторожнаго съ ними обращенія и строгаго критическаго къ нимъ отношенія, ибо уже были случаи обнаруженія въ нихъ промаховъ, показывающихъ что онъ былъ не особенно твердъ въ знаніи и турецкаго языка, и восточныхъ литературъ. За то самъ Дидъ былъ необыкновенно высококаго мнѣнія о своихъ ученыхъ достоинствахъ и не допускалъ никакой критики. Онъ возненавидѣлъ другаго известнаго ориенталиста Гаммера-Пургштаалла за то только что тотъ, печатая текстъ и переводъ сатиры турецкаго поэта Вейса, доставляемые Дидемъ въ *Fundgruben des Orients*, позволилъ себѣ высказать нѣсколько сомнѣній касательно вѣрности нѣкоторыхъ мѣстъ текста и точности перевода. Мало того что Дидъ вслѣдъ за этимъ отдѣльно издалъ вышеупомянутую сатиру, отстаивая непогрѣшимость своей редакціи текста и перевода; но онъ напечаталъ потомъ цѣлую книгу подъ заглавіемъ: *Unfug und Betrug in der morgenländischen Litteratur nebst vielen hundert Proben von der groben Unwissenheit des H. v. Hammer zu Wien in Sprachen und Wissenschaften*. Berlin, 1815. На 598 страницахъ убористой печати Дидъ новоситѣ Гаммера, ссылаясь, хотя и безуспѣшно, опровергнуть замѣчанія послѣдняго насчетъ промаховъ сдѣланныхъ Дидемъ въ его сборникѣ *Denkwürdigkeiten von Asien*. Berlin und Halle, 1811—15. Фовъ-Домъ, обращая вниманіе на образъ мыслей Диды, замѣчаетъ что онъ не твердъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ (er in Religionssachen etwas freisinnig denke). * Это не мѣшало однако Диду на заглавныхъ листахъ своихъ изданій, въ числѣ прочихъ титуловъ, ставить и Prälat, и обнаруживать склонность къ чудесному. Въ переведенной имъ „Тарихи султана Селимъ“, между прочимъ разказывается о томъ какъ мулла Шемсу-д-Диву, когда онъ въ уединенной комнатѣ занимался переписываніемъ Историю Вассафа для султана Селима I, явился, при залертыхъ дверяхъ и рѣшетчатыхъ окнахъ, какой-то святой и, предсказавъ ему

* Zinkeis. VI: 471.

время его смерти, сталъ опять вдругъ невидимъ. Г. Дицъ по этому поводу ставитъ подъ строкой такое замѣчаніе: „Это первое извѣстіе въ Европѣ о духовидѣніи у магометанъ. Вотъ новый предметъ для многихъ посягаться и воскликнуть: *обманъ!* или хотѣтъ знать вещи лучше тѣхъ кто видѣлъ ихъ собственными глазами и объяснять ихъ естественными причинами, вслѣдствіе чего вещи эти становятся еще неестественнѣе“.*

Чтобы возвеличить значеніе своихъ будущихъ подвиговъ въ качествѣ представителя Пруссіи, въ которыхъ онъ невидимому не сомнѣвался, Дицъ первымъ дѣломъ постарался изобразить въ свѣтѣ какъ можно болѣе невыгодномъ состояніи дѣлъ Прусскаго представительства въ Портѣ и поставить на видъ крайнюю затруднительность его положенія на новомъ постѣ, подготовленную его предшественникомъ. Съ этою цѣлью онъ, какъ только прибылъ на мѣсто назначенія, набросился на бѣднаго Гаффрона и сталъ тормозить его, требуя отъ него отчета въ такихъ широкихъ размѣрахъ которые даже превосходили его полномочія. Душа должно-быть угодить въ первыхъ порахъ разчетливости Фридриха II, Дицъ придрался къ Гаффрону за неисправность инвентаря посольскаго имущества: мебель, не ремонтированную со времени Цегелина, онъ нашелъ переломанною, изъѣденною молью и крысами и потому пришедшею въ полную негодность; серебряная посуда оказалась раскраденною слугами или обращенною самимъ Гаффрономъ въ деньги, подарившіяся ему на покрытие расходовъ по какой-то официальной иллюминаціи. На бѣду Гаффрона, онъ еще не сумѣлъ съ самаго начала поладить съ Дицемъ: досадила ему тѣмъ что не тотчасъ же очистилъ для него помѣщеніе, да еще сталъ просить у него взаймы денегъ на улагу своихъ долговъ, предлагая сквитать ихъ частью за уступленные имъ Дицу вещи, частью векселемъ, по которому обѣщался улатить по прибытіи въ Берлинъ изъ суммы причитавшейся ему отъ правительства на возвратный путь. Дицъ не только не далъ этихъ денегъ Гаффрону, но еще обо всемъ выписалъ министру графу фонъ-Финкенштейну, присовокупивъ полученное имъ свѣдѣніе о подаркѣ въ 2.200 піастровъ принятомъ Гаффрономъ отъ Порты.

* Diez, *Denkwürdigkeiten von Asien*. I: 276.

Не удовольствовавшись этимъ, онъ продолжалъ собирать, безъ особенно строго-критическаго разбора, дальнѣйшія свѣдѣнія о денежныхъ прегрѣшеніяхъ Гаффона. По слухамъ дошедшимъ до Дица, Гаффонъ еще получилъ подарокъ въ 4.000 піастровъ отъ австрійскаго интернунція, да предъ отъѣздомъ взялъ заимообразно 1.800 піастровъ у Булгакова. Дицу, должно-быть, помогалъ въ этихъ розыскахъ драгоманъ Франколуло. Хитрый Грекъ, чтобы подслужиться новому начальнику, не щадилъ усердія въ доставленіи всякихъ слетней о прежнемъ. Такъ, между прочимъ, онъ представилъ Дицу копію съ меморіи Гаффона предъявленной будто бы имъ Портѣ и содержащей въ себѣ неудобныя въ дипломатическомъ смыслѣ выходки противъ Франціи и Россіи и даже самой Порты, и обещанія Пруссіи въ пользу послѣдней вых одившія изъ предѣловъ его полномочія. Мало того, Франколуло общался достать даже самый подлинникъ.

Графъ Финкенштейнъ, получивъ князное посланіе Дица, вѣроятно, нашелъ его столь неприличнымъ что не счелъ нужнымъ доводить о немъ до свѣдѣнія короля; а въ отвѣтъ своемъ Дицу, имѣя въ виду ступсвать промахи Гаффона, выражаетъ свое удовольствіе и за то чего удалось достигнуть Гаффону при обстоятельствахъ въ какихъ онъ находился. Заступничество графа Финкенштейна окончательно погубило Гаффона. Чтобы умѣрить неумѣстную ревность Дица и напомнить ему что у всякаго человека могутъ быть свои слабости, Финкенштейнъ къ своему отвѣтному письму приложилъ цѣлыя три страницы листового формата корректурныхъ замѣчаній насчетъ французскаго слога первой депеши новаго дипломата. Зная сатавинское самолюбіе Дица, можно себѣ представить, какъ должна была взорвать его эта выходка Финкенштейна. Не будучи въ состояніи отомстить министру, Дицъ обрушился на Гаффона и немедленно повторилъ доносъ свой уже непосредственно самому королю, прибавивъ къ прежнимъ князамъ еще новыя, и все это „avec bien de regret“ и „im Gefühle seiner Dienstpflicht.“ Ударъ попалъ въ цѣль: Фридрихъ взбѣсился и приказалъ арестовать и заключить въ Шпандау Гаффона тотчасъ же по его возвращеніи, что и было исполнено 22 января 1785 года генераломъ Мѣллендорфомъ. Сколько ни оправдывался несчастный дипломатъ отъ взведенныхъ на него обвиненій, изъ которыхъ нѣкоторыя оказались чистою

запросившей, все-таки не могъ потушить королевскаго гнѣва. Никакіе доводы не могли поколебать вынесеннаго изъ всей этой грязной исторіи убѣжденія короля что Гаффронъ былъ подкуленъ Русскими—*„von den Russen Geld gekauft“*. *„Le moins qu'il mérite est une année de prison“*, писалъ онъ, между прочимъ, въ своей резолюціи на министерскомъ докладѣ по дѣлу обвиняемаго. И дѣйствительно, Гаффронъ почти два года высидѣлъ въ заключеніи, пока окончательно оправдался и получалъ отъ правительства вознагражденіе за претерпѣнныя имъ страданія; но это уже совершилось по смерти Фридриха, при слѣдующемъ королѣ, Фридрихѣ-Вильгельмѣ II, въ февралѣ 1787 года.

Очистивъ съ такимъ скандаломъ поле для своей дѣятельности, Дицу надо было теперь и себя заявить чѣмъ-нибудь съ положительной стороны.

На первыхъ порахъ они обмѣниваются съ королемъ своими взглядами на тогдашнее состояніе Оттоманской имперіи. Дицъ нашелъ что оно крайне безнадежно во всѣхъ отношеніяхъ и полагалъ что существованіе Турціи можетъ продлиться развѣ еще какія-нибудь десять лѣтъ, а затѣмъ она должна исчезнуть съ лица земли и стать добычей... чьею? конечно Россіи. Для ващаго подкрѣпленія такой скороспѣлой своей прозорливости, Дицъ приложилъ къ одной изъ первыхъ своихъ депешъ экономическій трактатъ, написанный въ 1776 году какимъ-то турецкимъ дефтердаремъ, какъ любопытную новость для оцѣнки взгляда самихъ Турокъ на плохое состояніе своего государства. Но Гертцбергъ послѣдшилъ вывести Дица изъ заблужденія, указавъ что трактатъ этотъ давнымъ-давно и дважды напечатанъ европейскими учеными. Что же послѣ этого можно думать о другихъ наблюденіяхъ Дица? Между прочимъ, онъ сообщаетъ о какой-то систематически организованной русской пропагандѣ, веденой въ Турціи, въ частности въ Молдавіи и Валахіи, чрезъ посредство *іезуитовъ*, состоявшихъ будто бы на жалованьи у Русскаго правительства. Взвѣсивая шансы близкаго разрушенія Турціи, Дицъ предостерегаетъ короля отъ могущихъ произойти отсюда послѣдствій и считаетъ необходимымъ, въ интересахъ какъ всей Европы такъ и въ частности Пруссіи, всѣми силами стараться поддержать разваливающееся государство, тѣмъ болѣе что это дало бы несомнѣнный перевѣсъ и самому Фридриху въ международной политикѣ.

Касательно же отношеній Турокъ къ Пруссiи, Дицъ повторяетъ старыя фразы еще Гаффрона о необыкновенномъ ихъ благоговѣнiи къ гениальности Фридриха, фразы, которыя Дицъ, по всему видно, взялъ или изъ черновыхъ делешъ своего предшественника, или проще, выслушалъ отъ своего драгомана Грека Франколуло. Последнее даже вѣроятнѣе, потому что Дицъ, не представивъ официально своихъ вѣрительныхъ документовъ Портѣ, не входилъ въ непосредственныя съ нею сношенiя, а довольствовался тѣмъ что сообщалъ ему драгоманъ, игравшій на первый случай роль Ментора; да и вся исторiя съ Гаффрономъ служить тому сильнымъ подтвержденiемъ. Въ этихъ первыхъ дипломатическихъ опытахъ Дица уже достаточно ясно намѣченъ имъ путь которому онъ намѣренъ былъ слѣдовать еслибы только у него были соответственныя полномочiя. Но, къ его прискорбию, у него руки оставались связанными до самой смерти Фридриха Великаго, который не совсѣмъ-то раздѣлялъ воззрѣнiя своего новаго повѣреннаго, да нѣсколько уже и поохладѣлъ къ восточной политикѣ послѣ столькихъ лѣтъ неудачнаго въ нее вмѣшательства.

Прежде всего онъ считалъ положенiе Турцiи далеко не такимъ отчаяннымъ: онъ видѣлъ еще большой запасъ силы въ религиозномъ воодушевленiи турецкой наци, которое, при извѣстномъ возбужденiи и умномъ руководствѣ, могло вести къ значительнымъ послѣдствiямъ. Далѣе, немалое благополучiе для Турцiи, по его мнѣнiю, составляла, при кажущейся солидарности, полная противоположность интересовъ Австрiи и Россiи, этихъ наиболѣе опасныхъ враговъ Турцiи. Да и сама Францiя въ критическiй моментъ не бросила бы Турокъ на произволъ судьбы еслибы дѣло дошло до окончательнаго изгнанiя ихъ изъ Европы; а если теперь она совѣтовала Портѣ уступить Крымъ Россiи, то не видѣла большой потери для нея въ уступкѣ такой отдаленной провинци, мало связанной съ центромъ Турецкой имперiи. Наконецъ, сильную опору для Порты Фридрихъ видѣлъ въ Боснякахъ, предлагавшихъ свое содѣйствiе и людьми и матеріалами противъ Австрiйцевъ. Одного не переваривалъ Фридрихъ—продажности турецкихъ чиновниковъ, которые парализовали всякую послѣдовательную политику на Востокѣ, даже политику тѣхъ кто искренно желалъ добра Туркамъ: „за деньги они готовы продать отца, мать и даже самого своего Пророка“,

звергически отзывался Фридрихъ въ своемъ *иммедиатордрн* Дицу. Потому, и въ королевской и въ министерской инструкціяхъ Дицу рекомендовалось дѣйствовать крайне осторожно и разговаривать съ Турками такъ чтобы каждый разъ какъ только они захотятъ выдать какой-либо фактъ Австріяцамъ или Русскимъ, сейчасъ можно было бы изболочить ихъ во лжи и не скомпрометтировать своего правительства.

Угадавъ что для Фридриха деньги были самымъ большимъ мѣстомъ въ дѣлѣ восточной политики, Дицъ сразу поддѣлывается подъ его взглядъ, и сообщая о почетѣ которымъ Русскіе пользовались у Турокъ, мотивируетъ это тѣмъ что „они платятъ больше всѣхъ другихъ націй и много трагитъ на подарки Туркамъ“. Король предписалъ держаться наблюдательно-выжидательной политики и ни единымъ словомъ не заикаться о какомъ-либо союзѣ Пруссіи съ Портой, о чемъ ужь будто бы Турки пробовали опять заговаривать. Такъ верховный визирь уже спрашивалъ Дица чрезъ драгомана Порты о томъ чью сторону намѣрена держать Пруссія въ случаѣ новой войны Порты съ Австріей. Фридрихъ въ отвѣтномъ письмѣ Дицу назвалъ подобный вопросъ просто безразсуднымъ. Ему приказано было только добиться отъ Порты, въ силу торговаго договора ей съ Пруссіей 1761 года, большей гарантіи прусскихъ кораблей отъ пиратовъ Средиземнаго Моря, да еще добиться отъ нея официального согласія на учрежденіе Прусскаго консульства въ Яссахъ. Но это какъ разъ совпало съ возникновеніемъ недоразумѣній съ Австріей, которая, по заключеніи торговаго договора въ февралѣ 1784 съ Портой, предъявила претензію прирѣзать кусокъ Турецкой территоріи къ своимъ владѣніямъ, для большаго обезпеченія спокойствія границъ своихъ, опираясь на какой-то пунктъ Карловицкаго трактата. Турки, понятно, возмущались; опять стали раздаваться воинственные крики, если не въ диванѣ, сознававшемъ невозможность дать отпоръ поползновеніямъ Австрійцевъ, то въ народной массѣ. Шансы новой войны увеличались. Вотъ почему Турки, можетъ-быть, и стали опять возлагать улоvanіе на помощь другихъ европейскихъ государствъ, рассчитывая заключить союзъ съ Франціей, Швеціей и Сардиніей и привлечь къ этому союзу также и Пруссію. Вотъ почему они не сразу оказали любезность Фридриху признаніемъ его консула въ Яссахъ,

думая взаимно этого выговорить отъ него и себя какія-нибудь выгоды. Это такъ естественно что едва ли тутъ необходимо видѣть интригу австрійскаго интернунція съ непремѣнною, конечно, русскою поддержкою, какъ это утверждаетъ Цинкейзенъ, который даже приводитъ и сумму денегъ будто бы израсходованныхъ на эту интригу Австрійцами и подданные слова протеста Булгакова, не указывая однакоже источниковъ откуда онъ взялъ то и другое. Турки совершенно резонно выставляли на видъ что допущеніе прусскаго консула въ Яссахъ было бы привилегіей, которую они обязаны были бы дать и другимъ дружественнымъ государствамъ, и тоже безъ предоставленія съ ихъ стороны Портѣ какихъ-либо выгодъ, ибо капитуляція 1761 не приложима къ Молдавіи и Валахіи, гдѣ нѣтъ ни портовъ, ни гаваней. А когда за это имъ предложена была свобода вѣроисповѣданія и торговли для турецкихъ подданныхъ во владѣніяхъ короля Прусскаго, то рейсъ-эфенди отвѣчалъ что о такихъ лустякахъ Порты и разговаривать не станетъ. „Другое дѣло“, говорилъ онъ, „если бы, напримѣръ, вы заключили хоть предварительное обязательство такого рода что король въ случаѣ войны пособитъ Портѣ выставивъ одинъ линейный корабль, взаимно чего она ему можетъ обѣщать цѣлыхъ четыре; или что Пруссія пошлетъ на подмогу Портѣ 1.000 артиллеристовъ, а она бы за это послала 4.000 отборнаго войска; или, наконецъ, чтобы король обѣщался снабдить Порту амуницией и другими потребными для войны предметами, конечно все это за чистыя деньги“. Фридрихъ же наказывалъ Диду растрачивать хорошенько Туркамъ что они „совсѣмъ не умѣютъ наживать друзей себя когда не хотятъ поступиться даже такими лустяками, которые столько же въ интересахъ Порты сколько его самого; что Пруссія есть единственная въ Европѣ держава которую можно считать за истиннаго и естественнаго друга Оттоманскаго государства; что отказомъ Порты лишь доказываетъ свое малодушіе, недружелюбіе и неуваженіе къ нему, королю, а это въ свою очередь должно породить презрѣніе къ ней ея сосѣдей“. Фридрихъ, какъ извѣстно, въ ту пору занятъ былъ осуществленіемъ союза государей, какъ оллота противъ вторженій Австріи. При этомъ онъ весьма недвусмысленно высказывается что его эта мысль больше занимаетъ чѣмъ оласность нападенія Австріи на Турцію, и былъ очень доволенъ, получивъ извѣстіе отъ графа Гѣртца

что вскорѣ опять должна открыться война Россіи съ Турціею, ибо, говорилъ онъ, „если эти люди (то-есть Русскіе и Австрійцы) должны непременно увеличить свои владѣнія, то пускай ужъ лучше обратятся противъ Турціи, нежели противъ насъ“. * И въ то же время Дицъ, по порученію Фридриха, долженъ былъ разъяснить Портѣ назначеніе „союза государей“ сдѣлаться оплотомъ противъ австрійскихъ захватовъ и слѣдовательно доказывать полезность этого союза и для самой Турціи. А еслибы Турки заикнулись опять о союзѣ, то Дицъ долженъ былъ поставить на видъ что съ нихъ довольно и той связи какая до сихъ поръ была между Портой и Пруссіей, потому что „простое существованіе Прусской монархіи составляетъ уже постоянную выгоду для Оттоманской имперіи“. Но Турки не поддавались на эти непонятныя для нихъ соображенія короля и платоническія уговариванія. Между тѣмъ необходимость ремонта, который производился Прусаками главнымъ образомъ въ Молдо-Валахіи, поставила Фридриха въ необходимость добиться своего, хотя бы и въ уменьшенномъ размѣрѣ. Тогда онъ велѣлъ Дицу просить у Порты грамоты если не консульской, то для простаго агента, резидента, или даже повѣреннаго, или какъ тамъ она захочетъ; а въ то же время ублажать Турокъ важностью и „союза государей“, но только устно, чтобы не попасть въ просакъ, и въ такомъ тонѣ чтобы это не возбудило въ Туркахъ военнаго задора.

Можетъ-быть Порта и уступила бы увѣщаніямъ Дицана съчетъ консульства въ Яссахъ; но тутъ подвернулось совершенно особое прелатствіе, уже не зависившее отъ нея, а именно недостатокъ денежныхъ средствъ для того чтобы содержать консульскій постъ, котораго такъ домогались; прусскіе купцы ничего не платили дѣйствовавшему въ Яссахъ, хотя официально и не признанному Портой, консулу Кёнигу, а опредѣленнаго жалованья отъ Прусскаго правительства ему не платалось. Между тѣмъ, по ихъ расчету съ Дицемъ, на одно устройство ремонтнаго дела на Дибстрѣ требовалось не мѣнѣе 15.000 талеровъ. Королю показалось это слишкомъ дорого, и онъ рекомендовалъ Дицу устроиться какъ-нибудь иначе, даже нелегальнымъ путемъ, поставивъ на видъ такой принципъ что „Il faut traiter les Turcs à la Turque“.

* Zinkeisen. VI: 514.

Въ концѣ концовъ султанъ соизволилъ дать брать (грамату) на учрежденіе Прусскаго консульства въ Яссахъ, въ доказательство особеннаго расположенія и дружбы которыя онъ питалъ къ Пруссіи какъ ни къ одному изъ иностранныхъ государствъ. Это случилось уже по смерти Фридриха Великаго, при вступленіи на престолъ новаго короля, котораго Турки хотѣли въ началѣ же чѣмъ-нибудь задобрить.

Съ перемѣной главы государства восточная политика Пруссіи вступила въ новый фазисъ. Фридрихъ Великій послѣ того какъ его Гаффонъ такъ компрометтировался въ глазахъ всей дипломатіи, совершенно подъ конецъ махнулъ рукой на Турцію и союзъ съ нею, и Дицъ поневолѣ пришлось обратить свою дѣятельность на такіе лустаки какъ разслѣдованіе причинъ лорчи посольской мебели, растери посуды и личныхъ долговъ своего злополучнаго предшественника. Но лишь только обнаружались признаки возможности стать на другую дорогу, Дицъ былъ въ полной готовности къ этому. А подстрекнула Пруссію опять-таки зависть ко Франціи, которой будто бы удалось своимъ посредничествомъ уладить на нѣкоторое время безконечныя недоразумѣнія между Портой и Россіей, на этотъ разъ изъ-за разбойничьяго поведенія Лезгинъ на Кавказѣ, въ Грузіи, да такъ удалось что другія державы и не знали объ этомъ. Цинкейзенъ говоритъ что Булгаковъ нарочно распустилъ слухъ о такихъ благодѣтельныхъ для Россіи дѣйствіяхъ Франціи, а что на самомъ дѣлѣ этого не было. Такъ или иначе, но новый король Прусскій, Фридрихъ Вильгельмъ II, распекъ Дица, зачѣмъ онъ давно не сообщилъ своему правительству точныхъ свѣдѣній объ условіяхъ соглашенія спорившихъ. Дицъ отговаривался увѣреніями что все это вздоръ, а между тѣмъ ухватился за этотъ случай какъ за предметъ перейти изъ спокойно-выжидательной политики, предписанной ему покойнымъ Фридрихомъ Великимъ, къ положительно-активной, въ которой онъ надѣялся показать себя отмѣннымъ дипломатомъ, въ особенности при его высокомъ мнѣніи о своихъ способностяхъ и дарованіяхъ. На свое счастье, онъ встрѣтилъ сильную поддержку въ министрѣ графѣ Гертцбергѣ, который тоже былъ за болѣе дѣятельное вмѣшательство въ восточныя дѣла. Въ іюнѣ 1786 года этотъ послѣдній пишетъ Дицу: „Я полагаю что въ случаѣ смерти короля я буду въ состояніи принять мѣры частію чтобы заручиться основаніями для болѣе тѣснаго союза между Пруссіей и Портой, частію

чтобы сдѣлать положеніе послѣдней обезпеченнѣе и полезнѣе для друзей ея. Это вообще мой планъ, о которомъ впередъ пока еще ничего нельзя сказать.“ * Вдохновленный этимъ вызовомъ министра, Дицъ немедленно откликнулся и, по обыкновенію, не безъ увлеченія. Въ частномъ письмѣ своемъ отправленномъ въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ при официальной делашѣ, онъ, между прочимъ, такъ скорбитъ о невыгодахъ для его отечества той политики которой ему приказано держаться: „Всѣ государства которыя держатъ свои посольства при Портѣ дѣлаютъ большіе или меньшіе успѣхи; только Пруссія осталась позади... Я обреченъ играть роль какого-то печальнаго новичка безъ системы и самостоятельности и долженъ скрывать предъ Портой, даже предъ своими собственными драгоманами, индифферентность короля и свое бездѣйствіе.“ Затѣмъ онъ рисуетъ свои мечты о выгодахъ левантской торговли для Пруссіи и свои попытки сдѣлать что-нибудь въ этомъ направленіи, не удавшіяся благодаря тому что у него связаны руки.

Въ завязавшейся такимъ образомъ перелискѣ Дица съ графомъ Гертцбергомъ, они подогрѣвали другъ въ другѣ дипломатическій пылъ. Воображеніе Дица расходилось до того что онъ въ простомъ и довольно обыкновенномъ обращеніи Порты за совѣтомъ, какъ ей держать себя относительно Россіи, усмотрѣлъ такой моментъ отъ котораго будто бы зависѣло или все выиграть или все потерять въ будущемъ; поддержать возстановленный его стараніями кредитъ Прусскаго посольства въ глазахъ Порты, или навсегда лишиться его. Будь только у него надлежащія полномочія, да необходимыя денежныя средства, такъ онъ бы своимъ вліяніемъ сумѣлъ дать надлежащее направленіе отношеніямъ Порты къ прочимъ магометанскимъ странамъ, гдѣ обнаруживалось сильное движеніе, поддержать, напримѣръ, болѣе плодотворныя связи на Кавказѣ и т. д., и т. д. Но пока живъ былъ Фридрихъ Великій, ничего не выходило изъ этого задора двухъ дипломатовъ. Преемникъ его оказался податливѣе. Тотъ былъ скулъ на какіе бы то ни было расходы по дипломатіи; а этотъ не жалѣлъ денегъ, прельщенный предстоящими значительными выгодами. Первое что Дицъ считалъ необходимымъ для успѣха своихъ широкихъ дипломатическихъ

* Zinkeisen. VI: 594.

замысловъ — это было возвышеніе его въ рангъ чрезвычайнаго посла, съ подобающимъ новому положенію содержаніемъ. Онъ доказывалъ, между прочимъ, что низведеніе представителя Пруссіи на степенъ простаго *chargé d'affaires* вызвало будто бы даже нѣкоторое охлажденіе Порты къ Пруссіи, которую она считаетъ настолько сильною и богатою что если она и сдѣлала это, то, конечно, не изъ-за какихъ-нибудь тысячи талеровъ; что послы другихъ державъ, благодаря своему званію, имѣютъ доступъ и къ султану, и во дворецъ, а онъ никуда; что ему только этого и не достаетъ; а за остальное онъ ручается, при его знаніи восточныхъ языковъ и довѣрціи какое онъ приобрѣлъ себѣ этимъ у Турокъ. Желаніе Дица было исполнено: и званіе чрезвычайнаго посла было ему даровано съ жалованьемъ 8.000 талеровъ золотомъ, и 18.000 талеровъ отпущено ему на одновременные расходы; мало того, для вящаго поощренія ему пожалованъ былъ дипломъ на дворянство, такъ что депеша его отъ 23 декабря 1786 года подписана имъ *de Diez*. Но высылая деньги въ такомъ необычномъ обліи, правительство совѣтовало Дицу быть истиннымъ *Прусакомъ* въ расходованіи ихъ, то-есть устраивать все какъ нельзя болѣе экономно. Получивъ деньги, Дицъ починилъ мебель, сшилъ новыя ливреи слугамъ, заготовилъ подарки, словомъ снаряжился и представился на двухъ аудіенціяхъ, сперва у верховнаго визиря, 20 марта, а потомъ у султана, 10 апрѣля 1787 года. Все совершилось какъ нельзя лучше: и аудіенціи были довольно продолжительны, и шуба подаренная ему при этомъ случаѣ была дорогая и, главное, зеленого цвѣта; даже выборъ дня для первой аудіенціи, весенняго равноденствія, и то, по мнѣнію Дица, было хорошимъ знакомъ.

Сами ли Турки усмотрѣли въ этой церемонной затѣѣ желаніе Пруссіи принять болѣе дѣятельное участіе въ международной политикѣ Востока или Дицъ навелъ ихъ на эту мысль, но онъ весьма обрадовался случаю и вознамѣрился было снарядить нарочное посольство въ Бердичъ для принесенія поздравленія новому королю съ востшествіемъ на престолъ. Но воспитанные въ экономной школѣ Фридриха Великаго, Нѣмцы услужались расходамъ которые должны были ихъ постигнуть по случаю приема дорогихъ гостей, а можетъ-быть не хотѣли навлечь на себя подозрѣнія Россіи чрезмѣрнымъ любезничаньемъ съ ея врагомъ и Дицу велѣно

было принять мѣры къ отклоненію Порты отъ задуманнаго предпріятія. Гертцбергъ лучше хотѣлъ чтобы Porta прислава въ Берлинъ одного человѣка, съ которымъ можно бы было вести дѣло, но не слишкомъ упорнаго и не слишкомъ жаднаго.

Какъ бы тамъ ни было, а починъ былъ сдѣланъ; надо было продолжать. Замѣтивъ легкомысліе и горячность Дица, реишъ-эфенди Сулейманъ, человѣкъ не глухой и энергичскій, прямо повелъ разговоръ о союзѣ, предоставляя Прусскому королю самому поставить какія ему заблагоразсудится условія. Дицъ сейчасъ же препроводилъ къ своему правительству предложеніе Сулеймана, напутствовавъ его комментаріями о невообразимыхъ выгодахъ сближенія обоихъ государствъ и важности момента въ который Пруссія можетъ стяжать себѣ первенство въ восточной политикѣ и т. п. Но на его бѣду обстоятельства заставили Пруссію поддерживать согласіе съ Петербургскимъ кабинетомъ, и Дицу было отписано чтобы онъ погодилъ торопиться съ союзомъ, а придерживался бы пока прежней системы платоническихъ увѣреній въ дружбѣ и расположеніи Пруссіи къ Портѣ. Но отъ взоровъ Русскихъ не ускользнуло поведеніе Дица, и они уже начали высказывать свое подозрѣніе что упорство Турокъ въ тогдашнихъ переговорахъ отчасти имѣло своимъ источникомъ внушенія прусскаго дипломата.

Какъ ни неприятно было Дицу, но онъ долженъ былъ опять давать уклончивые отвѣты Портѣ. Сулейманъ-эфенди полагалъ въ чемъ дѣло и принималъ другую тактику. Зная по опыту какіе охотники Европейцы до всякаго рода посредничества, онъ сталъ предлагать таковое и Пруссіи, наравнѣ съ Франціей, въ дивившейся тогда распрѣ съ Россіей, принимавшей все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Дицъ отправляетъ къ своему правительству и это новое предложеніе и склоняетъ къ его принятію, усматривая въ немъ отличный случай для Пруссіи приобрести вѣсь въ международныхъ отношеніяхъ и *поставить въ респектъ Россію*. Пролутивъ этотъ случай, Пруссія, утверждалъ онъ, можетъ навсегда потерять свой кредитъ и вліяніе въ глазахъ Турокъ; онъ же будетъ оставленъ въ томъ тяжеломъ положеніи въ какомъ онъ уже и безъ того находится. Но увы! всѣ его аргументы были тщетны: онъ получилъ заразъ королевскій иммедіатордръ, министерскую депешу и частное письмо Гертцберга,

въ которыхъ ему предписывалось одно и то же—не принимать посредничества и не входить въ какія-либо обязательства предъ Портой отъ лица своего правительства. Положеніе Дица было крайне затруднительнымъ; но его выручилъ реисъ-эфенди, который, видно, понималъ что тутъ никакого толку не выйдетъ, а потому оставилъ прусскаго дипломата въ локоѣ и не заводилъ съ нимъ болѣе рѣчи ни о союзѣ, ни о посредничествѣ; тѣмъ болѣе что дѣла съ Россіей подвинулись настолько что никакое посредничество не могло предотвратить войны съ нею которая вскорѣ и была объявлена.

Булгаковъ, по исконному турецкому обычаю, былъ посаженъ въ Эди-Кулле; его европейскіе коллеги взялись выручать его изъ заключенія. Австрійскій интернуацій, принявшій на себя инициативу въ этомъ дѣлѣ, пригласилъ къ содѣйствию и Дица. Очутившись между двухъ огней, Дицъ отвѣтилъ интернуацію согласіемъ, а въ то же время шеллулъ и реисъ-эфенди что онъ далекъ отъ участія въ какихъ-либо репрессивныхъ дѣйствіяхъ на Порту. Но если Порта, прибавилъ онъ, рѣшается освободить Булгакова, то весьма бы скрасила свой поступокъ, давъ понять что она уступила главнымъ образомъ желанію короля Прусскаго и ходатайству его посольства. Турки оказались не такъ просты чтобы не понять двуличности прусскаго дипломата, и реисъ-эфенди, по турецкому обычаю, не отвергая прямо предложенія Дица, не слѣдилъ дѣйствовать въ направленіи какое ему указывалось. Двуличность поведенія Дица насколько была результатомъ его собственныхъ дипломатическихъ соображеній, настолько же предписывалась и его правительствомъ, которое внушало ему держать себя совершенно нейтральнымъ наблюдателемъ. Но вдругъ произошелъ переворотъ во взглядахъ Прусскаго кабинета на восточную политику, которую графъ Гертцбергъ рѣшилъ сразу сдѣлать изъ пассивной и выжидательной необыкновенно активной и наступательной. Причину этого переворота можно видѣть въ благополучномъ для Пруссіи исходѣ политическихъ замѣшательствъ въ Голландіи, заставлявшихъ Пруссію держаться Россіи какъ опоры въ данномъ случаѣ, а затѣмъ въ болѣе и болѣе угрожавшемъ положеніи Австріи относительно Порты. Графъ Гертцбергъ составилъ планъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ и принести большую выгоду Пруссіи и понравиться

Портъ. Последнюю оны считалъ уже обреченною на гибель. Чтобы спасти себя, она, по его мнѣнію, должна была прибѣгнуть къ посредничеству Пруссіи совместно съ Франціей. Самый планъ состоялъ въ слѣдующемъ: Порта должна была уступить Австріи Молдавію и Валахію, а Россіи Крымъ, Очаковъ и Бессарабію, подъ условіемъ что Пруссія, Франція и прочія европейскія державы на будущее время гарантируютъ цѣлость остальныхъ владѣній Турціи въ Европѣ. Дунай сдѣлался бы естественною границей, за которою кончались бы интересы христіанскихъ государствъ. Кому была бы, полагалъ Гертцбергъ, охота заботиться о какихъ-то Болгаріи, Босніи, Сербіи и т. д.? Россія кромѣ того должна бы поступиться гегемоніей надъ Грузіей и всею Закубанскою территоріей, а Туркамъ не было бы больше надобности вѣдаться съ такими областями которыя, кромѣ безлокойства, ничего не доставляютъ ей существеннаго. Но главная цѣль этого плана заключалась въ томъ что Пруссія должна за свое маклерство получить приличное вознагражденіе, а какое, это опредѣлилось немного спустя. Гертцбергъ, сообщая свой планъ Дицу, заклиналъ его держать его въ строжайшемъ секретѣ, даже отъ самого короля, а между тѣмъ, убѣжденный въ превосходствѣ своего изобрѣтенія, сгоралъ отъ нетерпѣнія, когда долго не получалъ отъ Дица отвѣта. Турки разсуждали однако иначе, и Дицъ, самъ же заварившій кашу, теперь долженъ былъ разочаровать Гертцберга въ возможности осуществленія его предначертаній. Гертцбергъ взбѣсился и сталъ укорять Дица въ неумѣлости, въ равнодушіи къ судьбѣ погибающей Османской имперіи. Дицъ, въ свою очередь, сваливалъ вину на свое правительство короля его за то что оно вовремя не протянуло руки Портѣ и своимъ открытымъ участіемъ не предупредило войны, которая можетъ ей стоить существованія; ибо теперь Турки считаютъ своимъ врагомъ всякаго кто бы заикнулся имъ о мирѣ подъ условіемъ такихъ жертвъ. Но Гертцбергъ не оставлялъ своихъ намѣреній и уповалъ на обстоятельства. Когда оны сообщалъ свои соображенія королю, то оказалось что и король принималъ ихъ съ величайшею готовностью. Немедленно была ассигнована на дипломатическій походъ сумма, составлены инструкціи и, для большей надежности, командированъ въ помощники Дицу королевскій адъютантъ

Гётце, заявившій уже себя въ Голландіи и пользовавшійся личнымъ довѣріемъ короля. А такъ какъ все дѣло должно было вестись въ строжайшемъ секретѣ, то Гётце отправился въ Константинополь инкогнито, подъ именемъ купца Шмидта. Насколько горячо принялъ къ сердцу зятю король, видно изъ того что письма его по этому вопросу къ министрамъ Гертцбергу и фонъ-Финкенштейну все собственноручныя.

Сущность инструкцій Дицу и Гётце заключалась въ томъ чтобы навязать Турціи посредничество Пруссіи обѣщавъ ей гарантировать ея существованіе, но выговоривъ и себѣ нѣкоторое вознагражденіе за хлопоты. Предлагалась такая альтернатива: или Порта будетъ съ упорствомъ продолжать войну и не потерпитъ рѣшительнаго пораженія, или же она будетъ сразу разбита и принуждена будетъ послѣдить заключеніемъ мира. Въ первомъ случаѣ надлежало поддерживать въ ней воинственный духъ, чтобы противники истощали свои силы въ продолжительной борьбѣ. Для этого не худо было бы Гётце отправиться въ главную квартиру верховнаго везира и лично помогать своими совѣтами какъ лучше вести войну. Главное, надо чтобы Турки избѣгали вступать въ большое сраженіе, а ограничивались бы мелкими битвами, ослабляя непріятеля по частямъ. А еслибы при этомъ Турки требовали отъ Пруссіи рѣшительной помощи въ видѣ союза, то слѣдовало деликатнымъ образомъ обойти этотъ щекотливый вопросъ чтобы не подвергать себя опасности одновременнаго нападена Россіи, Австріи и Франціи; достаточно обѣщать такой союзъ по заключеніи мира, чтобы гарантировать будущую неприкосновенность Оттоманскаго государства.

Во второмъ случаѣ, то-есть когда бы Порта вынуждена была заключить послѣдшій миръ, слѣдовало добиться во что бы то ни стало исключительнаго посредничества Пруссіи и, пожалуй еще, Англіи, какъ такихъ государствъ которыя, не будучи сосѣдними съ Турціей, могутъ де быть самыми безпристрастными судьями въ такомъ междунарономъ дѣлѣ, и имѣютъ средства поддержать Оттоманскую имперію въ Европѣ. Еслибы Порта согласилась на территориальныя уступки въ пользу своихъ противниковъ, Австріи и Россіи, то надлежитъ,—и это самый важный пунктъ,—внушить ей необходимость территориальнаго приращенія и для Пруссіи, которая

черезъ это оказалась бы въ состояніи поддержать на будущее время равновѣсіе Европы. За это, пожалуй, можно было посулить Портѣ оборонительный союзъ, долженствующій гарантировать неприкосновенность остальныхъ ея европейскихъ владѣній. Еслибы для послѣдней цѣли повадилось прибѣгнуть даже къ подкулу вліятельныхъ лицъ Порты, то для этого отлучилось 50.000 дукатовъ въ распоряженіе Диду, лишь бы только обдѣлать дѣло, не компрометируя при этомъ короля. Для болѣе успѣшнаго осуществленія плана, Диду рекомендовано было войти въ соглашеніе съ англійскимъ посланникомъ Эйвсли, но пока вести себя съ нимъ крайне осмотрительно и не проговариваться насчетъ главной статьи—территоріальнаго расширенія Пруссіи, ибо Эйвсли слылъ за человѣка крайне сметливаго, страннаго, лгуна и нахала. Испанію и Швецію можно было не принимать въ расчетъ, но Францію надо было постараться всячески оттереть отъ посредничества. Въ другой, секретнѣйшей, инструкціи были съ точностью намѣчены тѣ территоріальные пункты которые должны были отойти къ Австріи и Россіи, въ видѣ уступокъ со стороны Порты, а также и тѣ которые Пруссіи желательно было приобрести. Въ послѣднимъ отчислалась Данцигъ, Торнъ и еще нѣкоторыя пограничныя съ Пруссіей мѣстности отъ Польши, за тѣ она должна была получить Галицію, Лодомирію и всю территорію отошедшую по раздѣлу 1773 года къ Австріи. Россію и Австрію, въ случаѣ ихъ сопротивленія, король наглымъ образомъ принудить согласиться съ его планомъ посредствомъ вооруженнаго нейтралитета; а Портѣ тоже можно было угрожать тѣмъ что если она будетъ упрямствоваться, то король присоединится къ ея противникамъ, и тогда ей придется еще хуже.

Предпровождая эти инструкціи, Гертцбергъ въ частномъ разговорѣ къ Диду убѣждалъ его употребить всѣ силы къ осуществленію содержащагося въ нихъ плана, такъ какъ это есть де заветнѣйшая мечта самого короля; но при этомъ напоминалъ что это есть и глубочайшая тайна его, которой не знаетъ даже кабинетъ-министръ графъ фонъ-Финкенштейнъ; а потому и онъ, Дидъ, тоже обязанъ хранить ее и не говорить о ней въ официальныхъ депешахъ. Что вся эта дипломатическая затѣя отзывается наивностью съ примѣсомъ нѣкоторой дозы нахальства, этого не скрываетъ и Цинкейзенъ:

Турки хотъ и сами мастера на проволочки и не торопавы, но и тѣ замѣтили что Пруссія просто ихъ за носъ водить, такъ какъ цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ собирается выступить за нихъ противъ Австріи, и все никакъ не соберется. Въ этомъ духѣ заходила уже рѣчь и въ Диванѣ въ началѣ апрѣля 1788 года.

Дипъ хорошо понималъ недоумѣніе Турокъ, и ничего существеннаго не могъ противопоставить имъ когда они спрашивали его какъ далеко подвинулось соглашеніе Пруссіи съ обоими императорскими кабинетами по части предоставленія послѣднимъ полной свободы дѣйствиі относительно Порты. Въ то же время онъ былъ убѣжденъ что прислѣло время Пруссіи дѣйствовать болѣе рѣшительно, такъ какъ ей открывается надежда стать первою державой въ Европѣ, и что слѣдуетъ рискнуть еслибы даже пришлось впутаться въ войну. Самымъ надежнымъ средствомъ для осуществленія своего плана онъ считалъ союзъ Пруссіи со Швеціей, Польшей и Англіей, даже, при случаѣ, и съ Венгеріей еслибъ удалось ее оторвать отъ Австріи. Думалъ ли онъ дѣйствовать на рѣшимость короля, или ужь сразу отбить у него охоту къ непосильному предпріятію и снять съ себя обузу которую на него взваливали, но только онъ налисаль королю: „Если ваше величество при этихъ обстоятельствахъ ничего не желаете сдѣлать для Турокъ, то они никогда этого не забудутъ, и вамъ никогда больше не приобрѣсть и не сохранить ихъ довѣрія къ себѣ“. Но Герцбергъ за это страшно обрушился на Дипа, говоря что тотъ ничего не понимаетъ когда предлагаетъ невысмысленный союзъ, старается вовлечь Пруссію въ войну съ двумя сильными государствами, и своею неумѣлостью только утрачиваетъ то вліяніе и расположеніе какимъ доселѣ пользовалась Пруссія у Порты.

Пока прусскіе дипломаты составляли планы, секретничали да перекорялись другъ съ другомъ, дѣла текли своимъ чередомъ. Инструкція отлравленная изъ Берлина съ г. Гѣтце, онъ же и Шмидтъ, 3 апрѣля, вручена была Дипу только лишь въ началѣ іюня, вслѣдствіе дальности круговаго луту и задержки отъ противнаго вѣтра въ Дарданеллахъ. А за это время много воды утекло. Къ довершенію всего, англійскій посолъ въ Берлинѣ узналъ о затѣвѣ Прусскаго кабинета и предупредительно сообщилъ въ Константинополѣ г. Эйсли

о секретной миссіи мнимаго купца Шмидта, такъ что когда Гётце прибылъ туда, то тамъ всѣмъ уже было извѣстно кто онъ и съ чѣмъ явился. Вида невозможность исполнить порученіе своего правительства при измѣнившихся обстоятельствахъ, оба прусскіе дипломата, и Дицъ и Гётце, стали просить одинъ объ отставкѣ, другой о возвращеніи во своиси. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе ихъ было печальное: король пишетъ Дицу: „Купите желѣзо, пока горячо!“; а реисъ-эфенди не безъ ехидства спрашиваетъ его: „А что, какъ у васъ идутъ дѣла по возобновленію союза съ Россіей?“.

Благоприятный для Турокъ ходъ войны сильно повліялъ на берлинскій планъ дипломатическихъ завоеваній, разчитанный совсѣмъ не на тѣ условія какія созданы были теперь дѣйствительностью. Послѣ пораженія Австрійцевъ при Карашебесѣ и Лугошѣ нечего было и думать о какихъ-либо уступкахъ со стороны Порты. Скорѣе можно было ожидать что ея противники будутъ во что бы то ни стало стараться о заключеніи мира; такимъ образомъ, планъ Гертцберга оказывался никуда негоднымъ. Это сознали въ Берлинѣ; но все-таки приказывали Дицу добиваться посредничества Пруссіи и Англіи и втолковать Портѣ выгодность для нея уступки Австріей Галиціи Польшѣ не проговариваясь до поры до времени о видахъ самой Пруссіи на нѣкоторое приобрѣтеніе при этой перетасовкѣ. Въ случаѣ же продленія войны и король теперь не прочь былъ принять въ ней участіе и заключить наступательно-оборонительный союзъ съ Портой и Швеціей; но только Дицъ не смѣлъ давать объ этомъ Портѣ положительныхъ обѣщаній до полученія болѣе точныхъ инструкцій, ибо можно было опасаться что Porta сдѣлается слишкомъ несговорчивою. Потому довольно дать ей лишь отдаленную надежду на такой союзъ. Чтобы скорѣе и вѣрнѣе достигнуть цѣли, Дицъ долженъ былъ съ Гётце поѣхать въ лагерь верховнаго визиря и на мѣстѣ обдѣлать дѣла. Еслибъ они замѣтили что верховный везирь подкупленъ и склоняется къ заключенію скороспѣлаго и невыгоднаго мира, то надо было самимъ прибѣгнуть къ подкупу султанскихъ серальцевъ, разяснить обстоятельства султанау и добиться назначенія другого великаго везиря, который бы лучше понималъ интересы Порты и Пруссіи, какъ это уже и было дѣлаемо не разъ другими европейскими

дипломатами. Какъ и прежде, Гертцбергъ и теперь велъ горячую переписку съ Дицемъ и также страстно приплоривалъ его дѣйствовать въ новомъ направленіи, не особенно даже заботясь и о секретѣ, тѣмъ болѣе что теперь всѣ знали и всюду толковали во всеуслышаніе о берлинскихъ планахъ. Тому что по разчету Прусаковъ должно было особенно обаятельно подѣйствовать на Порту, а именно союзу съ Англіей, которая, по предположенію, должна была выставить въ помощь Пруссіи армію и флотъ, выступить посредницей между Швеціей и Россіей и протестовать противъ союза Россіи съ Польшей, — Турки не придавали значенія. Они хотѣли чтобы Пруссія прямо и рѣшительно выступила противницей враговъ Порты, напримѣръ, сдѣлала какую-нибудь диверсію на границахъ Австріи. Такъ, по крайней мѣрѣ, высказался великій везиръ Дицу въ октябрѣ 1788 года. Турки же были преисполнены теперь воинственнаго духа, и Дицъ вѣрилъ въ возможность окончательнаго перевѣса на ихъ сторону. Должно-быть въ этихъ видахъ Прусаки принялись сами ухаживать за Портой: король, напримѣръ, предлагалъ ей свои услуги содѣйствовать заключенію денежнаго займа у Генуэзской республики. Словомъ, теперь дѣла пошли обратнымъ порядкомъ: прежде Турки искали дружбы и союза съ Прусаками, а тѣ оглядывались, разчитывая какъ бы поменьше истратить, да побольше выгодать; теперь Прусаки начали забѣгать предъ Турками, а эти въ свою очередь стали ломаться. Верховный везиръ объявилъ Дицу что Порты вообще не особенно слѣшитъ заключеніемъ мира, и что она, пожалуй, не прочь отъ посредничества короля, если только ея противники пожелаютъ чрезъ него доставить ей свои предложенія. Тѣмъ не мене, Дицъ, получивъ инструкціи отъ своего правительства, вступилъ въ формальные переговоры съ реисомъ-эфенди и предъявилъ ему, хотя и съ величайшею предосторожностію, предложенія Прусскаго кабинета. 29 ноября состоялась первая конференція у Дица съ реисомъ-эфенди.

Дицъ вынулъ тетрадь листовъ въ десять, но прежде чѣмъ сталъ ее читать, сказалъ длинное предисловіе, которое повело къ очень продолжительнымъ и горячимъ преніямъ. Не открывая главныхъ намѣреній Пруссіи, Дицъ прежде всего повелъ рѣчь о Польшѣ. Онъ настаивалъ чтобы реисъ-эфенди

или великій везиръ заявили Польскому сейму что Порта будетъ считать Польшу враждебнымъ себѣ государствомъ если она вступитъ въ союзъ съ Россiей. Онъ даже сочинилъ проектъ самой меморiи и хотѣлъ вручить свою тетрадь реисъ-эфенди. *

Но когда Дицъ при этомъ обратился къ реисъ-эфенди съ вопросомъ, имѣеть ли онъ еще что сказать на это, то послѣдній повелъ такую рѣчь. „Какъ я уже сказалъ, моя обязанность только выслушивать; а давать отвѣты я не имѣю полномочiя. А потому развѣ неофициально скажу вамъ: мнѣ вотъ что приходитъ въ голову. Вы все убѣждаете насъ въ необыкновенной дружбѣ и расположенiи короля къ Высокой Портѣ; а между тѣмъ изъ того что вы говорили до сихъ поръ, многое какъ будто противорѣчитъ этой выставляемой на видъ дружбѣ. Въ самомъ дѣлѣ; вы сказали что если не будетъ дано севеда (обязательства), то король можетъ быть привлеченъ другою стороною,—развѣ это походить на искренности дружественныя отношенiя? Вѣдь Прусаки, соответственно перечисленнымъ вами услугамъ и со стороны Высокой Порты, конечно, будутъ настаивать на исполненiи того что требуется дружбой и искреннимъ расположенiемъ. Все дѣло въ твердости его величества короля. Куда будетъ годиться оказанная услуга если король можетъ быть привлеченъ другою стороною? Высокая Порта и не преминетъ до возможной крайности стараться о приобрѣтенiи дружбы и искренности Прусаковъ. Но если вы заявляете о ни съ чѣмъ несообразной склонности короля къ другой сторонѣ, такъ какая же это искренность? какая же это твердость?“ ** Дицъ въ отвѣтъ на это сталъ развивать дипломатическую теорiю о первенствѣ для каждаго государства собственныхъ интересовъ. Но Туркамъ мало вразумительны были эти и подобныя тонкости. Реису-эфенди асно было одно: надо не дать Дицу надуть себя. При такихъ условiяхъ споръ о посредничествѣ сдѣлался нескончаемымъ. Насчетъ поѣздки Дица и Гётце въ лагерь верховнаго везира реисъ-эфенди высказался категорически что эта поѣздка не мыслима, потому что появленiе ихъ

* Девлетъ, IV: 137.

** Id., IV: 137—138.

тамъ, по его мнѣнію, породило бы слухъ о близости заключенія мира, вслѣдствіе чего войска стали бы ранѣе времени разбѣгаться, какъ это и случилось въ прошлую войну, что безъ сомнѣнія и ему, Дицу, не безызвѣстно. Тогда Дицъ пустилъ было въ ходъ свои оріенталистскія познанія и сказалъ: „Я читалъ касающійся прошлой войны трактатъ покойнаго Ресми - Ахмедъ-эфенди: я тамъ не видѣлъ ничего подобнаго“. Ресми - эфенди весьма основательно возразилъ на это дипломату-оріенталисту что трактатъ Ресми-эфенди можетъ и не содержать въ себѣ всего что происходило. * Въ концѣ концовъ ресми-эфенди заявилъ что онъ все теперь выслушалъ, доложить султану и его резолюцію общалъ сообщить посланнику. Дицъ просилъ только пока не разглашать того что трактовалось въ настоящей конференціи и въ особенности держать все въ секретѣ отъ англійскаго посланника, говоря что онъ такой-сякой, молъ, человекъ.

Турки не думали слѣшить отвѣтомъ; предложенія Дица были отправлены въ дѣйствующую армію къ верховному везиру съ запросомъ, какого онъ мнѣнія объ этомъ предметѣ. А между тѣмъ Дицъ считалъ почему-то дѣло почти слаженнымъ и заликовалъ полпрежнему, вослѣвая въ своихъ дѣпешахъ диеирамбъ мнимому новому престижу Пруссіи, теперь будто бы такъ любимой и уважаемой Турками что всѣ прочія посольства, потерявъ всякое вліяніе въ Портѣ, только дивуются глядя на прусскіе успѣхи и даже не зная хорошенько въ чемъ дѣло. Но онъ наивно заблуждался: они отлично все знали, ибо когда ресми-эфенди Рашидъ заболѣлъ, а Дицъ осаждалъ Порту, торопя ее отвѣтомъ, Турки секретно обратились къ шведскому и французскому посланникамъ съ вопросомъ какого они мнѣнія объ этомъ дѣлѣ. Одинъ изъ нихъ, шведскій, отвѣчалъ что Порта „не должна выпускать Пруссіи изъ рукъ, но не должна также по ея веревкѣ спускаться въ колодезь“, а посоль французскій прислалъ ресми-эфенди пространную конфиденціальную записку, въ которой предупредилъ Порту о всѣхъ невыгодныхъ для нея послѣдствіяхъ могущихъ произойти въ томъ случаѣ если она дастъ требуемое Дицемъ обязательство о принятіи исключительно

* Джевдетъ, 143.

посредничества Пруссіи, съ устраненіемъ прочихъ державъ, и указывалъ на то что Пруссія, связавъ Порту такимъ обязательствомъ, принесетъ ее же въ жертву собственнымъ просякамъ, ибо она только по внѣшности будто бы въ холодныхъ отношеніяхъ съ Россіей, а потомъ опять стакнется съ нею, удовлетворившись присоединеніемъ къ своимъ владѣніямъ города Данцига да еще какихъ-нибудь мѣстъ изъ территоріи Польши, чего ей только и хочется. *

Въ дѣйствующей арміи состоялся совѣтъ изъ начальствующихъ лицъ для обсужденія вопроса о посредничествѣ Пруссіи, который тоже пришелъ къ заключенію невыгодному для послѣдней. Тамъ разсуждали такъ что давать обязательство объ исключительномъ посредничествѣ Пруссіи—дѣло несмысленное; а ужъ если необходимо быть такому обязательству, то оно должно быть обоюднo, тѣмъ болѣе что „Пруссійскій король у всѣхъ державъ извѣстенъ отсутствіемъ твердости и непостоянствомъ: слова своего не держитъ. Онъ теперь войдетъ въ соглашеніе съ Высокою Портою, а въ критическую минуту, какъ только ему представится со стороны Москововъ что-нибудь выгодное для него, онъ тотчасъ же союзъ этотъ предастъ забвенію, попятится назадъ, насъ броситъ и вступитъ въ союзъ съ противникомъ. Какой можетъ быть союзъ съ такимъ человѣкомъ!.. Если онъ держится образа дѣйствій своего дядюшки, то очевидное дѣло что лукаваго ничего нельзя будетъ добиться“... **

Такимъ образомъ дѣло затормозилось. Гётце, видя что онъ совершенно безцѣльно тратитъ время въ Константинополѣ, сталъ-было проситься домой; но на это ему разрѣшенія не послѣдовало. Герцбергъ писалъ Дицу: „Я пришелъ къ тому убѣжденію что пока Турки не сдѣлаются христианами или христианае Турками, до тѣхъ поръ никакого толку не выйдетъ: они не сталкиются другъ съ другомъ“. *** А самъ въ то же время стоналъ отъ нетерпѣвѣя поскорѣе окончить затѣянное дѣло и всячески поучкалъ Дица дѣйствовать неуклюжнo по давнымъ ему инструкціямъ. Съ одной стороны, онъ боялся пропустить моментъ казавшійся ему весьма

* Деведетъ, IV: 149—153.

** Ibidem, 147—148.

*** Zinkeisen, VI: 703.

благопріятнымъ задуманному въ Берлинѣ плану расширенія прусской территоріи, имѣя въ виду выгодное положеніе Пруссіи, благодаря послѣдней революціи въ Голландіи, и неудачамъ Порты, потерявшей незадолго предъ тѣмъ Хотинъ и Очаковъ, что должно было побавить у ней слѣси и заставить ее сдѣлаться сговорчивѣе. Съ другой стороны, его безлокоили слухи о начатіи тайныхъ переговоровъ воюющихъ державъ о мирѣ, причемъ будто бы императрица готова была даже поступиться Крымомъ и потомъ выместить свой проигрышъ на Пруссіи. Къ этимъ тревожнымъ слухамъ присоединялись еще толки объ усиліяхъ Франціи взять въ свои руки дѣло посредничества, хотя въ Берлинѣ были вообще того мнѣнія что борьба партій и финансовое разстройство во Франціи лишали ее возможности приобрести рѣшающее вліаніе въ восточныхъ дѣлахъ. Говорили также будто бы графъ Сегюръ, вслѣдствіе инструкцій французскаго министра Монморена, пустилъ всѣ колеса въ ходъ въ Петербургѣ къ устройству четвернаго союза между Франціей, Россіей, Австріей и Испаніей. Все это не давало покоя Берлинскому правительству, и Гертцбергъ требовалъ отъ Діаца или заключить немедленно оборонительный союзъ съ Портой, или по крайней мѣрѣ добиться отъ нея категорическаго отвѣта насчетъ предложенія о посредничествѣ въ цѣломъ рядѣ писемъ своихъ отъ 6, 23 и 30 декабря 1788 года *.

Что касается четвернаго союза, то его-то не могло состояться уже потому, между прочимъ, что Потемкинъ всею душой былъ расположенъ къ Англіи и не скрывалъ своей враждебности ко Франціи. Но положеніе Порты дѣйствительно было незавидное; въ особенности она стѣснена была въ финансовомъ отношеніи, и ей приходилось рѣшиться въ выборѣ посредниковъ для заключенія мира, причемъ, послѣ вышеупомянутой конфиденціальной записки французскаго посланника, она почувствовала склонность къ посредничеству Франціи. Главное затрудненіе для нея заключалось въ томъ что если она заключить миръ съ одною Австріей, то пришлось бы продолжать войну съ Россіей, которая, „не вкусивъ сабли Турокъ“, конечно не пошла бы на миръ благопріятный для послѣднихъ. Турки колебались: то склонялись

* Ibidem, 704.

на сторону Франціи и Испаніи, то на сторону Пруссіи и Англіи. Но ждать было нельзя; надо было на что-нибудь рѣшиться, и султанъ издалъ приказъ о собраніи государственнаго совѣта по этому неотложному вопросу. Тогда реисъ-эфенди, забравъ всѣ документы, сперва вдвоемъ потолковалъ съ шейхъ-юль-исламомъ, какъ быть, что дѣлать. Рѣшили что надо остановиться на комъ-нибудь одномъ, на Франціи или на Пруссіи. Но вотъ что заботило ихъ: вопросъ важный, и сразу его не закончить, и до окончанія слѣдуетъ держать въ секретѣ; султанъ же приказалъ обсудить его цѣлымъ совѣтомъ. Если на совѣтъ соберутся почтенные сановники, то толку никакого не выйдетъ, а дѣло получить преждевременную огласку; а не придутъ эти господа на совѣтъ, начнутся разговоры что вотъ утаили важное дѣло отъ сановниковъ. И пойдутъ безконечныя нареканія на тѣхъ кто въ этомъ дѣлѣ участвовалъ. Покончили на томъ что слѣдуетъ пригласить и *сударей*, но только въ концѣ засѣданія взять со всѣхъ клятву, держать въ строжайшемъ секретѣ все происшедшее въ засѣданіи; для большей же надежности, полагали, не худо бы испросить на то особое повелѣніе султана. Затѣмъ посовѣтовались еще особо съ калуданъ-пашой. На представленномъ докладѣ султанъ собственноручно начерталъ: „Сіи предметы столь важны что по нимъ необходимо совѣщаніе. Но наши улемы и государственные мужи, извѣстно, какой народъ! Въ христіанскихъ государствахъ о чемъ бы ни совѣщались, остается тайной. Что же касается нашихъ, то не успѣютъ они, по выходѣ изъ залы совѣта, добраться до дому, какъ ужъ все разболтаютъ своимъ слугамъ, своимъ знакомымъ, своимъ гаремницамъ: на что это похоже! Посему пусть мой почтенный реисъ-эфенди завтра потолкуетъ еще съ калуданъ-пашой, а въ четвергъ послѣ совѣщанія я требую чтобъ участвовавшіе въ немъ члены принесли присягу. А то случится такъ что тутъ будетъ происходить совѣщаніе, а въ Галатѣ къ посламъ станетъ отдаваться эхо, и въ концѣ концовъ Московцы и Нѣмцы обо всемъ провѣдаютъ.“ *

И вотъ, во исполненіе султанскаго повелѣнія, 10 джемазиль-ль-эввеля 1203 (9 февраля 1789 года) государственные

* Джездетъ, IV: 155.

мудрецы Высокой Порты собрались въ квартирѣ шейхъ-юль-ислама разсуждать о предметѣ великой важности. Сперва прочитанъ былъ докладъ о томъ что и Франція и Испанія предлагаютъ свое посредничество, и Пруссія тоже предлагаетъ, да только требуетъ письменнаго обязательства Порты. Надо обсудить у кого какія могутъ быть намѣренія и предпочесть того кто покажется наиболѣе благорасположеннымъ къ Высокой Державѣ. Послѣ предварительнаго разъясненія сдѣланъ былъ небольшой антрактъ. Затѣмъ было высказано что, вѣроятно, всѣ согласны что война во всякомъ случаѣ должна же окончиться миромъ; что побѣда и пораженіе въ рукахъ Божиихъ; а нынѣ грозитъ опасность что и въ войскѣ и въ провіантѣ будетъ недостача. Представители Франціи, Испаніи и Пруссіи, каждый предлагая посредничество своего правительства какъ наивыгоднѣйшее, ежедневно присылаютъ въ Порту своихъ драгомановъ, требуя отвѣта. Необходимо рѣшить: „принять ли посредничество Франціи съ Испаніей, Прусакамъ же дать безнадежный отвѣтъ, или заключить союзъ съ Пруссіей и устнымъ отвѣтомъ выказать любезность другимъ“. Про Испанію сказали что за дальностью разстоянія этого государства ея посредничество не стоить никакого вниманія. Относительно Франціи долго переговаривались о томъ съ обоими ли непріятелями заразъ она беретса помирить Порту, съ Австріей и Москвою, или только съ одною Австріей, и насколько выгодно будетъ послѣднее.

— А Пруссія, это какое такое государство? вдругъ, послѣ уже долгихъ разсужденій, спрашиваетъ одинъ государственный мужъ, Тевфикъ-эфенди, больше всѣхъ ораторствовавшій на этомъ совѣтѣ.

Ему пояснили что „Брандабуркъ есть Пруссія; что по настоящему это есть одно изъ нѣмецкихъ герцогствъ, которое, мало-по-малу взявъ силу, теперь стало государствомъ равнымъ съ Московомъ и Австріей и что такъ какъ владѣнія его находятся между этими двумя державами, то оно все равно что сосѣднее съ Высокою Державою“.

— А! въ такомъ случаѣ прусское посредничество, кажется, слѣдуетъ предпочесть всѣмъ прочимъ; но только письменнаго обязательства давать не слѣдуетъ.

Прочіе судари тоже были согласны съ мнѣніемъ Тевфикъ-

эфенди. Затѣмъ водворилось молчаніе; всѣ углубились въ собственныя думы, такъ что шейхъ - юль - исламу и каиммакаму пришлось лопукать членовъ совѣта и неоднократно напоминать имъ что дѣло важное и „на другія дѣла не похоже; высказывайте же кто что думаетъ“.

Тогда нѣкій Хамди - заде - эфенди открываетъ ротъ и говоритъ:

— А вотъ чтò, господа! можетъ - быть Господь Богъ, по милости и щедротѣ своей, еще даруетъ Высокой Державѣ побѣду надъ врагами, и тогда бы заключенъ былъ почетный миръ. А теперь нельзя ли ото всѣхъ этихъ отдѣлаться какъ-нибудь молчаніемъ?

— Да вѣдь необходимо отвѣтъ имъ дать.

— Такъ-то такъ. Ну, объ Исламіи нечего толковать: она отдаленное государство. Но вѣдь Французы искони лукавый народъ. Когда и кто видѣлъ отъ нихъ какую пользу Высокой Державѣ? Да и теперь какой у нихъ замыселъ? Прусаки, положимъ, по своему могуществу еще предпочтительнѣе для посредничества: но вѣдь они требуютъ заключенія союза, а въ противномъ случаѣ намѣрены войти въ соглашеніе съ нашими непріателями. Они тоже вѣдь преслѣдуютъ собственныя выгоды и не тверды, какъ извѣстно, въ своемъ словѣ. А Англичане въ этомъ дѣлѣ согласны ли съ Прусаками? Англія издавна дружелюбна къ Высокой Державѣ и слоконъ вѣка славится вѣрностью своему слову. Вотъ какъ бы она была въ союзѣ съ Пруссіей, такъ и толковать бы нечего!

Реисъ-эфенди и калуданъ-паша заявили что они заводили рѣчь по этому поводу съ прусскимъ посланникомъ и съ англійскимъ драгоманомъ, и что хотя Англичане пока заодно съ Прусаками, но о единомысліи ихъ въ этомъ именно дѣлѣ они ничего не знаютъ навѣрное.

— Въ такомъ случаѣ надо быть осторожными съ Прусаками. Союзъ-то они заключаютъ съ нами; но хорошо коли они добьются своей цѣли. А какъ не добьются, тогда изъ своихъ видовъ постараются продлить войну. Они скажутъ: мы въ силу союза нашего предлагали миръ, его не приняли, надо продолжать войну. Мы пойдемъ съ такой-то стороны, а вы ступайте съ такой-то стороны. Чтò изъ этого выйдетъ для насъ хорошаго, когда у насъ нѣтъ ни провіанта, ни дисциплины въ войскахъ! А если отказать Прусакамъ, то

они, чего добраго, соединятся съ нашими врагами и пойдутъ противъ Высокой же Державы: ничего мудренаго нѣтъ. Французы тоже не безъ цѣлей: ими руководятъ коммерческія выгоды—какъ бы побольше наживать денегъ торговлей въ Высокой Державѣ, въ чемъ имъ другія державы ужасно завидуютъ. Изъ религіозной враждебности имъ нѣтъ нужды желать благополучія мусульманскаго народа. Они не желали бы допустить потрясенія—чего Боже сохрани!—Высокой Державы, только потому что будь наши владѣнія во власти другихъ державъ, имъ бы не имѣть такихъ выгодъ отъ торговли. Это ясно; да въ этомъ и сами они сознаются.

— А если остановиться на посредничествѣ Прусаковъ, то нельзя ли бы присовокупить къ нимъ и Французовъ? было высказано нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ.

— Если состоится союзъ съ Пруссіей, то никакое другое посредничество о мирѣ невозможно: Французы ни за что не пойдутъ въ товарищи къ Прусакамъ, ибо Англичане въ союзъ съ Прусаками; а Англичанъ съ Французами *хоть въ одномъ котлѣ вари*, не соединить.

Въ такихъ спорахъ засѣданіе грозило длиться до безконечности. Тогда, шейхъ-юль-исламъ опять напоминаетъ собранію что нельзя же тянуть дѣла; надо придти къ какому-нибудь соглашенію: его величество султанъ требуетъ категорическаго рѣшенія.

Тогда премудрый Тевфикъ-эфенди говоритъ: „Если по правдѣ сказать, мы о состояніи этихъ государствъ знаемъ только по наслышкѣ. Вотъ калуданъ-паша и государственные мужи, тѣ знаютъ это лучше насъ. Когда насъ спросятъ по дѣламъ шаріата (законническимъ), наша прямая обязанность дать отвѣтъ; а распутать такую мудреную вещь не беремся.“

Заявленіе Тевфикъ-эфенди дало присутствующимъ тему для новыхъ безконечныхъ разговоровъ, которые, уклонившись отъ главнаго предмета, перешли затѣмъ къ Крыму: Крымъ отнюдь не слѣдуетъ уступать Московамъ. Говорили, спорили и наконецъ постановили что съ Пруссіей можно заключить союзъ, но только съ тѣмъ что сперва изложить лицемъ свои условія и вручить ихъ прусскому посланнику, если согласится, то заключить союзъ; а пока дѣло не

рѣшится окончательно, до тѣхъ поръ „не выпускать изъ рукъ связующей нити Франціи и Испаніи“.*

А условія эти были въ главныхъ чертахъ таковы. Еще относительно Москововъ, говорили Турки, „сразу не определяй, кто первый нарушилъ миръ,—мы или они. А вотъ Нѣмцы, тѣ безо всякаго повода объявили войну и ввели насъ ради своей затѣи въ издержки, такъ пусть заплатятъ все военные расходы да возвратятъ Высокой Державѣ находящіяся теперь въ ихъ рукахъ мѣстности какъ Хотинъ и т. п. Даже, пускай въ этотъ союзъ войдутъ также Англичане, Шведы и Голландцы; и Англичане въ силу этого союза пусть не пропускаютъ московскаго флота чрезъ Гибралтарскій проливъ; а Пруссаки должны поручиться за возвращеніе Турціи Крыма и взять на себя часть не только грядущихъ, но и прежнихъ расходовъ Турціи, въ случаѣ если война продолжится.“

— Ну, Богъ милостивъ! воскликнули государственные мудрецы,—а пока надо дѣйствовать такъ какъ рѣшено теперь.

Въ заключеніе каиммакамъ объявилъ членамъ совѣта волю султана не разглашать происходившаго въ настоящемъ засѣданіи, чтобы потомъ никто не оправдывался невѣданіемъ, и всѣмъ по одиночкѣ принесена была присяга.**

Рѣшеніе совѣта надо было теперь сообщить прусскому посланнику въ конференціи, куда кромѣ реисъ - эфенди и кануланъ-паши сочли нужнымъ пригласить кого-нибудь изъ улемовъ, наиболѣе свѣдущаго и краснорѣчиваго. Шейхъ-юль-исламъ заявилъ что для этого нѣтъ пригоднѣ Хамди-заде-эфенди. Изготовили бумагу, въ которой изложены были условія Порты, за исключеніемъ только требованія съ Пруссіи денегъ на покрытіе части военныхъ расходовъ Турціи. Между тѣмъ, пока готовились къ конференціи, пришло извѣстіе о взятіи Русскими Очакова и повергло Турокъ въ великое волненіе.

15 джемазі-эввеля (9го февраля 1789) соотолась конференція делегатовъ Порты съ г. Динемъ въ адмиралтействѣ. Рашидъ-эфенди открылъ засѣданіе заявленіемъ что побѣда посла въ армію невозможна. Когда затѣмъ разговоръ

* Джебеть, IV: 155—162.

** Id., 164.

перешель на *сенедъ*, то - есть письменное обязательство, котораго Дидъ требовалъ отъ Порты, реисъ-эфенди спросилъ Дидъ, что составитъ предметъ этого сенеда, посредничество или союзъ, и какъ послѣ того намѣрена вести себя Пруссія, приметъ ли она участіе въ войнѣ заодно съ Портой или нѣтъ. Если нѣтъ, то что пользы для Порты обязывать себя исключительнымъ посредничествомъ Пруссіи.

Не находя отвѣта на эти поставленные ребромъ вопросы, Дидъ лустился въ общія разсужденія о громадной пользѣ Пруссіи для Турокъ. Она можетъ поддержать *европейское равновѣсіе*, и вообще не чета другимъ государствамъ. Относительно включенія въ союзъ Англіи, Голландіи и Швеціи, Дидъ замѣтилъ что на это онъ не имѣетъ полномочій, но полагаетъ что въ случаѣ войны и они пристанутъ; Швеція не пропуститъ русскаго флота, только бы помочь ей въ денежномъ отношеніи. Потомъ Дидъ вынулъ бумагу и предложилъ Туркамъ полотчивать ихъ новостями, которыя, сказалъ онъ, должны „доставить удовольствіе Высокой Державѣ“. Эти пріятныя новости заключались въ томъ что Пруссія разстроила совсѣмъ было уже готовый союзъ Россіи съ Польшей, отклонила послѣднюю отъ намѣренія двинуть свои войска противъ Турціи; что прусскіе сторонники въ Польшѣ одержали верхъ и желаютъ союза съ Пруссіей, которая каждую минуту готова двинуть туда двѣнадцатитысячную армію, тогда какъ Русскихъ не осталось ни одного человѣка на польской территоріи и оттуда нельзя уже какъ прежде получать провіантъ, который обязаны имъ теперь доставлять Австрійцы, имѣющіе двинуть изъ Венгріи къ прусскимъ границамъ пятьдесятъ тысячъ войска; что по этому случаю началась уже переписка между царицей и королемъ; что Пруссія прилутнула Давію и заставила ее заключить со Швеціей перемиріе; что король предложилъ Россіи свое посредничество для заключенія мира съ Турціей, на что Россія отвѣчала *лукаво* и уклончиво. Въ заключеніе Дидъ спросилъ нѣтъ ли извѣстій съ театра войны и справедливы ли слухи объ Очаковѣ. Реисъ на это отвѣтилъ что Портой еще не получено никакихъ официальныхъ донесеній. *

* Дневнѣтъ, IV: 165—170.

Конференція такъ ничѣмъ и не разрѣшилась опредѣленнымъ. Дуцъ настаивалъ на своемъ требованіи севеда, а Турки всячески уклонялись, такъ что трудно понять, что нашелъ особенно *интереснаго* въ протоколѣ этой конференціи г. Цинкейзеръ, какъ онъ объ этомъ заявляетъ въ особомъ примѣчаніи.* Онъ видѣлъ этотъ протоколъ, говорить, въ оригиналѣ. Мы читаемъ у Джедета подробные отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ, взятые имъ изъ турецкихъ архивовъ и присяжныхъ историографовъ того времени. Хотя тогда еще не было стенографовъ, но сжатость турецкаго письма и ловкость въ этомъ дѣлѣ турецкихъ клятибовъ (письмоводителей) позволяютъ относиться къ свѣдѣніямъ турецкимъ съ немальшимъ довѣріемъ чѣмъ къ доносеніямъ прусскихъ дипломатовъ, тѣмъ болѣе что они вообще согласны между собою при слуханіи. Изъ всей этой процедуры выводится такое впечатлѣніе что надо удивляться турецкому терпѣнію въ этихъ нескончаемыхъ разговорахъ и преріяхъ съ прусскимъ дипломатомъ: только ихъ флегматическому темпераменту, да крайне критическому положенію надо приписать что они въ состояніи были сто разъ выслушивать претензіи Дуца, которыя всѣ построены были на туманныхъ дипломатическихъ иллюзіяхъ о важности международной роли Пруссіи, практическое значеніе которыхъ для данной минуты трудно уразумѣть даже телерешнему европейскому наблюдателю, а не то что непривычнымъ къ дипломатической абстракціи государственнымъ людямъ Турціи, искавшимъ себѣ выхода изъ затрудненій въ которыя поставила ихъ несчастная война съ Россіей.

Послѣ того опять происходило совѣщаніе на квартирѣ у шейхъ-юль-ислама, 17 джемазіу-ль-эввеля (13 февраля), на которомъ Турки пришли къ рѣшенію выбрать изъ двухъ зольчешее и выдать столь желаемый Дуцемъ севедъ, чтобы не видѣть себѣ новаго врага въ Пруссіи, слособной въ случаѣ отказа присоединиться къ непріателямъ Турціи. Турки выговаривали себѣ только право принять, если понадобится, посредничество и другихъ державъ. 16 февраля опять состоялась конференція съ Дуцемъ, на которой ничего новаго не сказано, кромѣ развѣ странной инсинуаціи Дуца по поводу желанія Порты выговорить себѣ свободу дѣйствій

* Zinkeisen, VI: 713.

но отношенію къ посредническимъ предложеніямъ другихъ державъ, „У Франціи и другихъ державъ, говорилъ онъ, та цѣль чтобы возстановить другъ противъ друга савонниковъ Высокой Державы и посвятить вражду и ненависть между ними. Имъ хочется чтобы въ высокой столицѣ произошло какой-нибудь переломъ. Противъ разныхъ распускаемыхъ слуховъ я по благожелательству своему вотъ какое придумалъ средство: внушить бы шейхамъ и проповѣдникамъ священныхъ мечетей чтобы они въ своихъ поученіяхъ, возбуждая народъ къ войнѣ, убѣждали его въ то же время не обращать вниманія на слухи и слетни“. * Калуданъ - лаша и Хамиди-заде отозвались на это предложеніе такъ: „отчего же не внушить!“ По отношенію же къ главному предмету конференціи опять возникли разногласія, но Дидъ хотя и подался немного въ своихъ требованіяхъ, но хотѣлъ формулировать обязательство Пруссіи словомъ *надѣяться*: „Высокая Держава *надѣется* что король будетъ дѣйствовать въ ея интересахъ“. Турки дали понять что знаютъ лукавства европейскихъ державъ и заявили что считаютъ слово „надѣяться“ тутъ неподходящимъ. Насчетъ поѣздки посла въ дѣйствующую армію обѣщались еще разъ спросить у верховнаго везира главнокомандующаго, а вообще остановились на томъ что Дидъ взялся написать проектъ севеда.

Дидъ сочинилъ проектъ и прислалъ его рейсъ-эфенди; а самъ въ то же время дѣятельно распускалъ слухи и инсинуации противъ Франціи и ея представителя въ Портѣ. Но онъ тщетно усердствовалъ: турецкіе политики, веда переговоры съ Прусаками о союзѣ, въ душѣ все-таки расположенны были ко Французамъ и потихоньку чрезъ драгомановъ спрашивали совѣта у французскаго и шведскаго посланниковъ какъ имъ дѣйствовать. Шведскій посланникъ отвѣчалъ что такъ какъ Пруссія союзница Швеціи, то въ качествѣ официальнаго представителя послѣдней онъ можетъ только сказать: пусть Высокая Держава считаетъ ее другомъ. „А отложивъ, прибавилъ онъ, въ сторону свое официальное положеніе, по правдѣ, по добру я бы совѣтовалъ Портѣ не выпускать изъ рукъ Пруссіи, но и не очень-то полагаться на слова ея, не слускаться по ея веревкѣ въ колодезь“. Французскій посоль дакъ тоже

* Деведеть, 173.

не лучшей отзывъ и высказалъ мнѣніе что если Пруссія и взялась за дѣло посредничества, то только для того чтобы достигнуть своихъ цѣлей и затѣмъ больше ужъ и не знать Турціи. Онъ совѣтовалъ вставить въ сенедъ обязательство Пруссіи воевать заодно съ Турціей; ибо тогда Пруссія не можетъ показать сенеда другимъ. А лучше было бы, по его мнѣнію, подождать дней пятнадцать: можетъ-быть еще состоялся бы сепаративный миръ съ Австріей при посредствѣ Французовъ, секретно отъ Россіи; если же дать сенедъ сейчасъ, то въ силу его пришлось бы посвятить въ эту тайну и Прусаковъ, а они довели бы это до свѣдѣнія Москововъ.

Проектъ Дида подвергся обсужденію въ совѣтѣ у шейхъ-ислама 26 джемазіу-ль-эввелы. Тутъ, между прочимъ, разсмотрѣны были и вышеприведенные совѣты шведскаго и французскаго посланниковъ; тѣмъ не менѣе положили что медлить выдачей сенеда не надобно, потому что лишь только Франція до этого времени явится съ посредничествомъ какъ Пруссія озлобится, и сейчасъ же въ союзѣ съ Москвою обратится на Турцію. Но только признано также было необходимымъ послать проектъ сенеда для просмотра и заключенія къ верховному везиру въ армию*. Такъ и сдѣлали: проектъ Диды, проектъ Порты съ протоколомъ совѣта и съ прочими документами препроводили въ дѣйствующую армию, о чемъ любезно сообщили Диду, который такимъ образомъ опять остался сидѣть у моря ждать погоды.

Тѣмъ временемъ французскій посолъ дѣйствительно получилъ отъ представителя Франціи при Вѣнскомъ дворѣ дѣлешу въ которой сообщалось что Россія и Австрія не прочь отъ заключенія мира при посредничествѣ Франціи на условіи *uti possidetis*, причемъ Россія предварительно требуетъ еще освобожденія изъ Эди-Кулле и торжественнаго препровожденія до границъ посла ея Булгакова. Драгоманъ вручилъ славянскую дѣлешу реисъ-эфенди. Реисъ-эфенди заявилъ что и думать нечего о мирѣ на условіи уступки Портой такихъ мѣстъ какъ Очаковъ, Хотинъ и Ясы. „Слава Богу, вѣдь Порта еще не просила мира чтобы ей предъявлять подобныя условія!“ сказалъ реисъ-эфенди съ обычною въ такихъ

* Дневникъ, 174—177.

случаяхъ у Турокъ завосчивостью. Но драгоманъ всячески умасливалъ реиса, обнадеживая его возможностью смягченія этихъ условій и передавая ему желаніе посланника самымъ секретнымъ образомъ, потолковать объ этихъ предложеніяхъ. Реисъ говоритъ: „Ступай теперь; я этой делешки не могу показать нашему эфенди (то-есть султану), а самъ еще подумаю“. Онъ уже хотѣлъ раскланяться съ драгоманомъ какъ этотъ опять продолжалъ рѣчь и сказалъ: „А къ послу пришла изъ одного достовѣрнаго мѣста бумага касательно шайтанства Прусскаго короля и его сокровенныхъ намѣреній. Въ ней пишутъ что король желаетъ продлить войну, а когда наконецъ состоится миръ, то за уступку Австріяцамъ Молдавіи и Валахіи онъ велитъ возвратить находящуюся въ ихъ рукахъ теперь Галицію королю Польскому, а самъ за это отъ Поляковъ возьметъ себѣ какую-нибудь другую провинцію съ Данцигомъ“*. Слѣдовательно теперь Портъ открытъ былъ *Vergrößerungsplan*. Цинкейзенъ говоритъ что будто бы Дидъ еще раньше, на первой конференціи сообщилъ этотъ планъ своего правительства реисъ-эфенди какъ одинъ изъ аргументовъ выгоды для Порты союза съ Пруссіей**. Можетъ-быть нѣмецкій историкъ взялъ это изъ протокола сообщеннаго Дидемъ при сврей делешѣ***, мы этого не знаемъ; но въ подробномъ отчетѣ объ этой конференціи у турецкаго бытописателя нѣтъ даже и намековъ на что-либо подобное. Дидъ трактовалъ все время о европейскомъ равновѣсїи, какъ уже мы это видѣли выше. Хотя это сообщеніе и произвело впечатлѣніе на турецкихъ политиковъ; но все-таки они, не питая полнаго довѣрія къ Пруссакамъ, не вдругъ положились и на внушенія Французовъ, основательно подозрѣвая тутъ преувеличеніе дѣла изъ-за соревнованія въ вопросѣ посредничества, и потому рѣшили что надо подождать отвѣта изъ дѣйствующей арміи, главная квартира которой зимовала тогда въ Русукуѣ.

Сердаръ-экремъ, получивъ изъ Порты документы, собралъ совѣтъ, на которомъ повторились тѣ же разсужденія. Говорили опять что не слѣдуетъ посредничество по заключенію мира дѣлать монопольнымъ правомъ Пруссіи, ибо это будетъ только одна обуза. Можетъ-быть придется

* Джеветъ, IV: 190—192.

** Zinkeisen, IV: 712.

*** *Ibidem*, 713, 1.

заключатъ миръ наскоро, какъ это бываетъ обыкновенно и какъ случилось на Прутѣ въ 1711 году или въ Кучукъ-Кайнарджи въ 1774, а тутъ пойдутъ проволокки отъ персиски прусскаго посла со своимъ правительствомъ, и можетъ выйти изъ всего этого только пакость. А положеніе турецкой арміи и такъ плохо чтобы рисковать на продолженіе войны. Толковали, толковали, но испугались того предположенія что Пруссія, въ случаѣ отказа Порты дать севедъ, можетъ соединиться съ непріятелемъ и причинить еще большія бѣды. Порѣшили дать севедъ, но только въ проектъ его внесли нѣсколько весьма существенныхъ поправокъ и, прослушавъ его еще разъ въ собраніи чрезъ два дня, въ такомъ передѣланномъ видѣ препроводили въ Порту. Относительно же поѣздки прусскаго посла въ армію совѣтъ высказался категорически отрицательно, потому что, рассуждая оны, это окончательно подорвало бы всякую дисциплину въ войскѣ, какъ это и было разъ когда Абди-паша велъ перелеску съ зиницкимъ главнокомандующимъ, и когда къ нему въ Ада-Камъ пришло письмо одного Австрійца. Сколько ни старались тогда сохранить это въ секретѣ, но въ войскѣ сейчасъ же развѣслась молва что съ Австрійцами будетъ де заключенъ миръ, и въ столицѣ уже готовить квартиру къ пріѣзду послаанца. Да и что пользы въ пріѣздѣ посла въ армію? Вѣдь не обучать же ему стать войска военному искусству и не указывать съ какихъ сторонъ нападать на непріятеля. Да и у него вѣроятно свои дѣла будутъ въ головѣ. Если ему пріѣхать подъ видомъ доктора, то это будетъ еще хуже: Богъ вѣсть что можетъ съ нимъ тогда случиться! Мало ли такимъ образомъ погибло людей. Солдатъ не убѣдишь что это прусскій посолъ. Только наживешь чрезъ это непріятностей съ Пруссіей. *

Полученный изъ арміи отвѣтъ былъ доложенъ султану Абду-ль-Гамиду, а затѣмъ, по его повелѣнію, прослушавъ въ совѣтѣ собравшемся въ квартирѣ шейхъ-юль-ислама 27 джемазі-ль-ахара (23 марта 1789 года) и одобренъ присутствовавшими въ засѣданіи аяамамъ.

Тогда въ маленькую конференцію 2 реджеба (29 марта), изъ капуданъ-паши, Хамиди-заде-эфенди и реисъ-эфенди, былъ

* Джемдетъ, IV: 194—198.

приглашаемъ г. Дицъ. Турки извѣщались предъ нимъ что они никакъ не могутъ допустить его поѣздки въ армию, да и относительно посредничества полагаали бы, ради достоинства и пользы Порты, выговорить себѣ право въ случаѣ слѣдственности или какихъ-либо несомнѣваемыхъ выгодъ не отдавать дѣло мира исключительно въ руки короля Прусскаго, а принять и иное чье-либо посредничество, такъ что посолъ прусскій долженъ заблаговременно заластась полномочіемъ своего правительства, согласиться или не согласиться на совмѣстное съ другими державами участіе въ посредничествѣ.

Дицъ поморщился и сказалъ: „Если я хотѣлъ ѣхать въ армию, то ради блага Высокой Державы; а коли она сама пренебрегаетъ своею же пользою, такъ живъ-то что же тутъ еще толковать?“ и больше уже не настаивалъ на требованіи поѣздки въ армию. Но когда ему показали копію сенеда исправленную въ армию, онъ сталъ возражать. „Да вѣдь тутъ совсѣмъ переиначено, сказалъ онъ, я вѣдь ужъ послалъ королю копію прежняго проекта, и онъ думаетъ что дѣло ужъ кончено; какъ же я теперь пошлю эту?“ Начались споры. Дицъ сталъ доказывать что совсѣмъ не годится упоминать о слѣдственности при заключеніи мира. „Прусскій король, говорилъ онъ, писалъ Русской царицѣ насчетъ мира, и она сперва дала верѣхительный отвѣтъ; а по взятіи Очакова даже высказалась что готова на миръ и съ Турціей, и со Швеціей при посредничествѣ Пруссіи; но только ставить при этомъ три условія: 1) чтобы русскій посолъ (Булгаковъ) былъ освобожденъ изъ Эди-Кулла и съ почетомъ препровожденъ къ границѣ; 2) чтобъ о возвращеніи завоеванныхъ Русскими мѣстахъ Турція и не помышляла; 3) такъ какъ враждебныя дѣйствія со стороны Порты и Швеціи противъ Москововъ оскорбили честь царицы, то чтобы за это ей было дано соотвѣтственное удовлетвореніе. Такъ вотъ вы и торопитесь заключить такой миръ! Конечно, въ случаѣ надежной гарантіи со стороны короля Прусскаго, Высокая Держава можетъ заключить болѣе цѣлесообразный и прочный миръ. Но вы по отношенію къ Прусскому королю что-то неладное замышляете!“ Эта отповѣдь Дица, которою онъ хотѣлъ поколебать упрямство Турокъ, возбуждала новые безконечные разговоры. „Положимъ“, возражали Турки, „что Портѣ нѣтъ никакой пользы задерживать русскаго посла; но если его отпустить, то

сейчасъ пойдутъ слухи что съ Русскими заключенъ будетъ миръ, и тогда ни за что не удержать войскъ на мѣстѣ.“

Дидъ, наконецъ, сказалъ: „Я еще разъ просмотрю проектъ сепеда и потомъ дамъ знать вамъ!“ На этомъ и разошлись.

Ясно было что Порта расположена была лишь къ факультативному, а вовсе не къ обязательному посредничеству Пруссiи, которымъ бы она могла воспользоваться по усмотрѣнiю. Дидъ, черезъ день послѣ описанной конференцiи, послалъ въ Порту своего драгомана сказать тамъ что колю передъавнаго сепеда пошлетъ королю. Какъ получить отвѣтъ, сообщить его Портѣ. При этомъ велѣлъ намекнуть на возможность присоединенiя короля къ противникамъ Порты, и вмѣстѣ ужъ попросить паспорта для прусскаго чиновника, то-есть г. Гётце, на возвратный путь въ образѣ купца, такъ какъ тутъ ему больше дѣлать нечего, если нельзя сопровождать посла въ армiю. Послѣдняя уловка нѣсколько удалась Диду: когда доложили султану, тотъ требовалъ „не выпускать изъ рукъ Прусаконъ“. А это значило дать сепедѣ въ той формѣ въ какой онъ раньше былъ посланъ королю. Бѣдный каиммакамъ потерялъ голову и не зналъ что дѣлать: и волѣ султана нельзя было противиться, и требованiе его прямо противорѣчило мѣрнiю принятому въ дѣйствующей армiи. Рѣшился войти съ рапортомъ къ султану. Султанъ написалъ резолюцiю въ такомъ смыслѣ что не слѣдуетъ упускать посланника изъ рукъ; да и въ поѣздкѣ его чиновника въ армiю тоже ничего нѣтъ худого; пускай хорошенько объ этомъ поразсудятъ. Резолюцiя гласила въ заключенiе, „неужели тѣ что находятся въ армiи умнѣе здѣшнихъ? Можеть-быть мѣрнiя здѣсь находящихса еще лучше ихъ.“ *

При такомъ разногласiи воли султанской съ рѣшенiемъ принятымъ и одобреннымъ въ дѣйствующей армiи, турецкимъ дипломатамъ оставалось одно средство, затануть дѣло и послать вторичный запросъ въ армiю: можеть-быть тамъ передумаютъ, да и обстоятельства могутъ переимѣниться. Позвали опять драгомана въ Порту и сказали ему: „Мы опять напишемъ въ армiю объ этомъ дѣлѣ. А чиновникъ пусть погодитъ немного: можеть-быть въ армiю его одного потребуютъ“. Разославъ въ обѣ стороны такого рода

* Девдети, 199—201.

наѣзотія, въ Портѣ сидѣли и ждали съ камнемъ на сердцѣ, что выйдетъ изъ этого.

Между тѣмъ Дицъ тоже не прочь былъ отложить отъѣздъ Гётте, такъ какъ это имѣло бы видъ окончательнаго разрыва, на который онъ не имѣлъ полномочія. Но курьера своего онъ все-таки отправилъ; онъ тоже видѣлъ что изъ этого маневра Порты ничего не выйдетъ путнаго: много что Турки согласятся измѣнить въкоторыя выраженія въ писемномъ документѣ. Пока король рѣшилъ не объявлять себя ни за ни противъ Порты, всѣ старанія Дица не привели бы ни къ какому результату. Онъ писалъ уже въ Берлинъ что нѣтъ никакой возможности больше разчитывать на исполненіе задуманнаго плана безъ обѣщанія принять участіе въ войнѣ если ей суждено продолжиться.

Изъ хода дѣлъ въ Портѣ, какъ онъ представляется въ вышеприведенныхъ толкахъ, происходившихъ въ отдѣльныхъ засѣданіяхъ турецкихъ политиковъ и въ совмѣстныхъ съ г. Дицемъ конференціяхъ, ясно видно что вся помѣха къ соглашенію заключалась въ притязаніяхъ Пруссіи безъ принятія ею соответствующихъ въ пользу Турціи обязательствъ. Въ этомъ нисколько не расходятся между собою донесенія Дица со свидѣтельствами турецкихъ историковъ. Между тѣмъ Цинкейзель, не указывая источника, приписываетъ это, между прочимъ, лущеннымъ будто бы въ то время врагами Пруссіи, и именно русскимъ посланникомъ въ Варшавѣ барономъ Штакельбергомъ, слухамъ о томъ что вскорѣ долженъ состояться союзъ Россіи съ Пруссіей, и что Пруссія вошла въ соглашеніе съ императоромъ Австрійскимъ для совмѣстнаго осуществленія проекта о раздѣлѣ, что особенно и производило непріятное впечатлѣніе на Порту. *

Но, въ то время какъ Дицъ считалъ дѣло уже почти потеряннымъ, въ Берлинѣ еще воображали что существованіе Турціи въ Европѣ всецѣло зависитъ отъ Пруссіи, и всю неуспѣшность своего предпріятія приписывали предубѣжденному взгляду Дица на Турокъ и несообразности дѣйствій его съ данными ему инструкціями. Что онъ уклонился отъ заключенія наступательнаго-оборонительнаго союза, это было одобрено, потому что вообще не имѣлось въ виду заключать какой бы то ни было формальный договоръ безъ

* Zinkeisen, IV: 719.

предварительнаго принятія Портой прусскаго посредничества. Но на этомъ послѣднемъ все-таки велѣно было ему продолжать настаивать, а въ особенноти всѣми силами мѣшать заключенію сепаративнаго мира съ Австріей, только при этомъ соблюдать крайнюю осторожность, такъ чтобы не могла вѣдомъ открыто обвинять короля въ противодѣйствіи миру. Но все же король довольно откровенно высказывался въ депешахъ къ Дицу. „Онъ сдѣлаетъ, писалъ онъ, все для Турціи что только въ силахъ сдѣлать, но если даже ей повезло бы военное счастье, никогда не влутается во всеобщую войну и не заключить наступательнаго союза съ Турціей, рискуя испытать одинаковую съ нею участь“.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда утромъ 7 апрѣля 1789 года внезапно умеръ отъ удара султанъ Абду-ль-Гамида, шестидесяти семи лѣтъ отъ роду. Гдѣ государственная политика находится въ сильной зависимости отъ одного лица, тамъ судьба лица отражается и на ходѣ политики. Такъ и здѣсь: смерть султана ставила Пруссію въ необходимость сннова начинать свой дипломатическій походъ приблизительно къ образу мыслей новаго повелителя Оттоманской имперіи, султана Селима III.

IV.

Вступивъ на престолъ уже немолодымъ человѣкомъ и при вѣкоторой природной даровитости, ранѣе много думавшій о положеніи своего государства, * еще сидя вѣлперти въ царствованіе своего дядюшки, султанъ Селимъ вступилъ на престолъ съ самыми благими и энергическими начинаніями. Онъ издаетъ указъ за указомъ, требуя отъ государственныхъ чиновниковъ немедленнаго изысканія мѣръ противъ всевозможныхъ неурядицъ и злоупотребленій, стоны отъ которыхъ раздавались отовсюду. Въ дѣйствующей арміи, 10 реджеба 1203 (6 апрѣля 1789), то-есть какъ разъ наканунѣ смерти султана Абду-ль-Гамида, состоялась совѣтъ, на которомъ рѣшено писать его величеству донесеніе что положеніе дѣлъ на театрѣ войны отчаянное: припасовъ нѣтъ, денегъ нѣтъ; вмѣсто

* Джевдетъ IV: 308. Прокламація султана Селима къ дѣйствующей арміи.

войска какой-то пестрый обродъ всякой сволочи; райа, отъ тяжести налоговъ, готова хоть сей часъ разбѣжаться куда глаза глядятъ, ибо *аины* подъ предлогомъ войны чинятъ ей всевозможныя насилия и притѣсненія: „какъ подумаешь обо всемъ этомъ, то просто остолбѣнешь!“ Между тѣмъ русскій главнокомандующій каждую минуту готовъ къ наступленію. „При мысли объ этомъ воротникъ терпѣнія и твердости разрывается на куски“, говорили засѣдавшіе въ совѣтъ. *

Когда эти жалобы получены были новымъ султаномъ, онъ пришелъ въ смятеніе и далъ каимшакаму повелѣніе, въ которомъ говорилось: „Доходы и расходы и умноженіе невѣжества всѣмъ вамъ извѣстны. Еслибы мнѣ теперь пришлось ѣсть одинъ сухой хлѣбъ, то я бы и на то согласенъ былъ. Еслибъ я кому-либо сдѣлалъ насиліе, то сказали бы: вѣдь отецъ его такъ же поступалъ! Вы мнѣ объясните все, только бы ради Бога государство изъ рукъ моихъ не пошло! Послѣ ужъ будетъ бесполезно (толковать). Я, какъ умѣлъ, высказался вамъ.“ **

Въ самомъ дѣлѣ, положеніе вещей было изъ рукъ моихъ плохо. Народъ жаловался на притѣсненіе *аиновъ* и чиновниковъ. Посылавшіеся для разслѣдованія этихъ жалобъ ревизоры пользовались своимъ назначеніемъ для дальнѣйшихъ и со своей стороны злоупотребленій, давая еще больше повода къ мятежамъ и неурядицамъ и способствуя разоренію и безъ того бѣднаго народонаселенія. Жители, не вынося тяжести поборовъ, бросали свои обиталища и массами бѣжали въ Стамбулъ искать средствъ къ существованію, вслѣдствіе чего государственные налоги еще больше обременяли оставшихся на мѣстахъ. Села и деревни день ото дня все разорялись; въ Стамбулѣ образовалось страшное скопленіе люда, и правительство не знало что дѣлать. При этихъ ужасныхъ обстоятельствахъ, султанъ Селимъ торопится произвести необходимыя реформы и шлетъ каимшакаму гатти-гумаюмъ слѣдующаго содержанія: „Государство въ разстройствѣ. Райа въ невыносимомъ положеніи. Нѣтъ такого притѣсненія котораго бы не творили судьи, наибы, воеводы, аяны и сборщики податей. Все это оттого что довѣріе не возлагается на людей заслуживающихъ

* Джемдетъ, IV: 204—205.

** Ibidem, 265.

его. А вѣдь за всѣ ученые должности и должности административныя, а также и за военныя обязанности завтра же, на страшномъ судѣ, Господь Богъ можетъ спросить съ насъ. Чтѣ мы отвѣтимъ? Ты, мой молитвенникъ, подробно обсудивъ съ прочими эфендіями, моими молитвенниками и государственными людьми, сообщаемое мною тебѣ дѣло и изыскавъ средства къ отвращенію зла, доложи мнѣ. Еще до насъ бывшіе султаны османскіе и сановники постепенно установили порядки. Но развѣ они не такіе же люди какъ и мы? Съ помощію и благодію Божіею я не переставу творить правду и милость: миръ пріобрѣтаетъ устройство только властію и справедливостію. Теперь у моего государства война съ двумя непріятелями, а обстоятельства-то каковы? Казна извѣстная, провіантъ извѣстемъ; состояніе войска, пороха и вооруженія каково тоже? Я, вступивъ на престолъ, совсѣмъ не знаю еще дѣлъ: каково положеніе моей державы. Такъ ты все надлежаще обсудивъ, потомъ не преминуи сообщить мнѣ суцую правду, вичего не скрывая. Это государство мнѣ вѣрено, такъ я требую чтобы вы поставили меня въ извѣстность. А если, имѣя какую-либо мысль, не сдѣлаете этого, на томъ свѣтѣ въ присутствіи Божіемъ двойную муку претерпите. Я-то спасусь, сказавъ: О, Господи, это рабы твои не дали мнѣ знать! Если вы послѣ сего дня будете брать взятки, чинить притѣсненія и, зная дѣлающихъ это, намѣренно укрывать ихъ, то, клянусь Богомъ, какъ узнаю наконецъ, то—души предковъ моихъ свидѣтели!—будь то сынъ мой родной, я предамъ его наказанію и казню смертию. Такъ знай и поступиай. Чество служащимъ съ лихою, водамъ должное. На правдивыи рѣчи я не прогаѣваюсь. Если чтѣ нашему государству благо, то по правдѣ сообщи мнѣ. Всемогущій Аллахъ да слослѣшествуетъ вамъ къ добру! Аминь“ *.

Послѣ этого начались засѣданія, на которыхъ иногда присутствовалъ самъ султанъ. На одномъ было постановлено, между прочимъ, закрыть кабаки и запретить продажу питей. Затѣмъ издаво было распоряженіе о преслѣдованіи роскоши въ одеждѣ и украшеніяхъ, такъ какъ это требуетъ денегъ, для добыванія которыхъ люди прибѣгаютъ ко всевозможнымъ коварствамъ и злоупотребленіямъ **.

* Джевадетъ, IV: 269—271.

** Ibidem, 275.

Все это очень хорошо было бы; но для этого требовалось время и притомъ мирное время, а во время войны заниматься подобными дѣлами едва ли было кстати. Да еще султанъ думалъ достигнуть всего собственными силами, мало довѣряя своимъ чиновникамъ: ходилъ переодѣтый по городу, подслушивая разговоры и стараясь изъ нихъ получить надлежащія свѣдѣнія о потребностяхъ и желаніяхъ подданныхъ. Иногда самолично приказывалъ чинить расправу съ нарушителями своихъ повелѣній, велѣвъ, напримѣръ, однажды отрубить голову одному попавшемуся ему щеголю Еврею за щегольство его.

Что же касается внѣшней политики, то Селимъ былъ всецѣло за продолженіе войны для искупленія чести своего государства. Поэтому онъ знать ничего не хотѣлъ о томъ невозможномъ состояніи арміи въ какомъ ему представляла ее, требуя отъ своихъ сановниковъ изыскивать какія они хотятъ средства для снабженія войскъ всѣмъ необходимымъ. Не смотря на повторявшіяся пораженія наносимыя турецкой арміи Русскими, Селимъ настоятельно ободрялъ своихъ, посылая имъ поучительныя прокламаціи, пересылая имъ изреченіями изъ Корана и благочестивыми наставленіями отъосительно долга правовѣрныхъ сражаться за отечество*.

Понятно что при такомъ лихорадочномъ настроеніи и воинственномъ образѣ мыслей султана, трудно было Дицу разчитывать на счастливое продолженіе начатыхъ еще въ прошлое царствованіе переговоровъ о заключеніи мира съ посредничествомъ Пруссіи, о чемъ Дицъ и послѣдшилъ увѣдомить свое правительство въ депешѣ отъ 1 мая 1789 года. И верховный везиръ уклончиво отзывался на его запросы, и самъ султанъ, когда реисъ-эфенди сдѣлалъ докладъ ему, категорически заявилъ что онъ убѣжденъ въ томъ что король какъ только извѣстится о его вступленіи на престолъ соединится съ нимъ для совместнаго веденія войны; что въ такомъ случаѣ можно принять какія угодно обязательства, а безъ этого нечего и толковать, по тѣмъ же основаніямъ какія были уже раньше выставлены Портой.

Выходило что въ самомъ дѣлѣ толковать Дицу больше было не о чемъ. Ясно было что Турки задались мыслью вернуть Крымъ и удержать свое теперешнее положеніе, встанувъ

* Джемдетъ, IV: 308.

въ войну Пруссію, а она вовсе не имѣла этого въ виду, судя по ходу политики какой она доселѣ держалась на Востокѣ.

Но въ Берлинѣ иначе разсуждали на этотъ разъ. Тамъ или еще не знали или знать не хотѣли истиннаго положенія вещей и еще настоятельнѣе стремились къ задуманной цѣли. Еще никогда не было отправляемо къ Диду такой массы официальныхъ делешъ и частныхъ министерскихъ писемъ какъ въ эту пору. Эта горячка продолжалась съ возрастающимъ жаромъ: условія договора съ Портой постепенно все смягчались до окончательной почти безусловности; инструкции Диду принимали тонъ внушеній и грозныхъ репримандовъ. Дидъ очутился между двухъ огней и въ концѣ концовъ сдѣлалъ тотъ шагъ въ своей восточной политикѣ который и составляетъ знаменательный эпизодъ увѣчавшій домогательства Пруссіи длившіяся столько лѣтъ и стоившія ей столько же хлопотъ и издержекъ.

Не долго думая, Берлинскій кабинетъ изготавилъ новыя кредитивныя грамоты, исполненныя самыхъ высокопарныхъ выраженій, въ родѣ того что султанъ „идетъ по стопамъ славныхъ предковъ своихъ, Мурада, Могамета и Сулеймана, возстановить славу и блескъ своего государства“. Особенно сильное удареніе дѣлалось на утвержденіи добрыхъ отношеній между обоими государствами. „Мы уловаемъ на это тѣмъ болѣе“, говорилось тамъ, „что отношенія государствъ и народовъ, ввѣренныхъ Провидѣніемъ власти вашего величества и нашей, хотя и раздѣленныхъ другъ отъ друга большими разстояніями, почти тождественны и тѣснѣе связаны между собою, и что, при вашей провидательности, отъ взора вашего величества не можетъ ускользнуть, насколько наша дружба при теперешнемъ положеніи дѣлъ полезна славному государству и народу Османскому и насколько она можетъ быть полезна и даже необходима въ будущемъ.“ *

* Hertzberg, *Recueil des déductions, mémoires, déclarations, lettres, traités et autres actes et écrits publics*. Berlin, 1790—1792, т. III, р. 30—32. Это былъ документъ въ которомъ въ послѣдній разъ въ сношеніяхъ съ Портой дипломатическимъ языкомъ служилъ латинскій: съ этого времени сношенія продолжались уже на французскомъ языкѣ, ибо Дидъ писалъ что Турки въ латинскомъ языкѣ еще хуже смыслятъ чѣмъ во французскомъ и каждый разъ нуждаются въ переводѣ (*Ibidem*, р. 36).

При этомъ вмѣнялось въ обязанность какъ Дицу, такъ и Гётце, отбросившему уже свое безлоевное инкогнито, стараться всѣми силами спускать личное довѣріе султана, которое могло быть гораздо полезнѣе всякихъ конференцій. На издержки по аудіенціи у султана Дицу отпущено было 12.000 талеровъ.

Въ слѣдовавшихъ одна за другой инструкціяхъ Дицу внушалась однакоже всевозможная осторожность въ переговорахъ съ Портой. Онъ долженъ былъ всячески стараться обходить обязательство о возвратѣ Крыма и Молдавіи, и обѣщать помощь Портѣ оружіемъ только если турецкая армія будетъ отброшена къ самымъ Балканамъ, въ полной увѣренности что дѣло никогда не дойдетъ до этого; а въ то же время самъ долженъ былъ выговорить двѣ главныя статьи, участіе Пруссіи въ мировой сдѣлкѣ и уступку Галиціи Польшѣ.

Пока Гертцбергъ осаждалъ Дица депешами и письмами, Турки въ самомъ дѣлѣ были прогнаны обратно за Дунай, положеніе ихъ становилось критическимъ, и Дицу казалось что теперь наступалъ тотъ моментъ когда Порта вынуждена будетъ принять планъ короля. Онъ началъ оять пристулатъ со своими предложеніями; но всѣ его старанія не вели ни къ какимъ надежнымъ результатамъ, и вотъ ло какимъ причинамъ. Вопервыхъ, должность реису-ль-кюттаба правилъ очень неглупый человѣкъ, Рашидъ-эфенди, который очень хорошо понималъ дипломатическіе подходы представителей иностранныхъ державъ въ Портѣ и лично терлѣтъ не могъ Дица, а потому гдѣ только могъ подставляялъ ему ногу. А Дицъ, вмѣсто того чтобы поладить съ этимъ опаснымъ соперникомъ, по заносчивости своей, прибѣгъ къ подкупамъ и интригѣ, задумавъ свергнуть Рашида и посадить на его мѣсто пріятеля своего, пользовавшагося султанскимъ довѣріемъ, Ратибъ-эфенди. Но ошибся въ расчетѣ: предусмотрительный Рашидъ, вовремя прознавшій объ этомъ, сумѣлъ удалить Дицева кандидата въ ссылку на островъ Тенедось. Вотворыхъ, въ инструкціяхъ Дицу постоянно внушалось поддерживать дружественныя отношенія съ англійскимъ и голландскимъ посланниками, которые при случаѣ могли облегчить его задачу своимъ содѣйствіемъ. Но Дицъ имѣлъ сварливый характеръ. Разчитывая достигнуть чего ему было нужно собственными силами и слишкомъ много думая о своемъ личномъ вліяніи, онъ перессорился съ представителями

всѣхъ союзныхъ и дружественныхъ съ Пруссіей государствъ, англійскимъ, голландскимъ, шведскимъ и польскимъ. Особенно враждовалъ онъ съ англійскимъ посланникомъ Эйсли. О немъ, въ одномъ письмѣ къ Гертцбергу, Дицъ выражался такъ: „се monstre, dont il n'y a jamais eu de semblable sur la terre“, и присовокуплялъ при этомъ будто самъ реисъ-эфенди увѣрялъ его что еслибы такъ велъ себя кто-либо изъ Турокъ, то ему бы уже двѣнадцать разъ отрубилъ голову. * Но и этотъ монстръ не остался въ долгу у Дица. Онъ былъ въ перепискѣ съ англійскимъ посланникомъ въ Берлинѣ г. Юартомъ, и въ свою очередь не разъ жаловался на отношенія къ нему Дица. Юартъ, узнавъ о планахъ Берлинскаго кабинета и получивъ секретныя инструкціи Дицу, немедленно препроводилъ ихъ своему коллегѣ Эйсли въ Константинополь. А этотъ сообщилъ ихъ въ Порту, замаскировавъ впрочемъ свой шагъ такъ что его нельзя было и заподозрить. Помянуто какая вышла комедія: Дицъ думалъ что его секреты никому неизвѣстны; а Порта, заручившись точными, документальными данными, могла гораздо спокойнѣе и самоувѣреннѣе отстаивать свою политику противъ приступовъ прусскаго дипломата. Такъ, 10 сентября Дицъ подалъ Портѣ ноту, въ которой жаловался на ея молчаніе и грозилъ отъѣздомъ, въ случаѣ неполученія удовлетворительнаго объясненія; а реисъ-эфенди, вооруженный свѣдѣніями о намѣреніяхъ Берлинскаго кабинета, самъ еще напустился на Дица, въ полной увѣренности что всѣ его угрозы притворны. „Да что же, въ самомъ дѣлѣ“, сказалъ реисъ драгоману: „развѣ онъ думаетъ что всѣхъ министровъ Порты можетъ третировать какъ джеговъ что ли?“ и т. д. 15 числа была султанская аудіенція; но конференцію, которой Дицъ желалъ на другой же день, откладывали изо дня въ день до 9 октября. Эта медленность была ему всего непріятнѣе, ибо изъ Берлина его постоянно лонукали, такъ какъ тамъ сгорающаго нетерпѣніемъ доподлинно узнать, правда ли будто уже между воюющими державами ведутся тайные переговоры о мирѣ, и въ сентябрѣ еще установлены предварительныя условія, по которымъ Австрія возвращаетъ Турціи Българскіе, за то получаетъ Хотинъ, пограничный округъ Босніи

* Zinkeisen, VI: 732.

и Валахию, до 50 милліоновъ піастревъ контрибуціи, а Россія убогагтворяется такою же суммой контрибуціи и удержаніемъ за собою Крыма. По этому случаю самъ король писалъ 6 октября Дицу: „Можете ли вы при такихъ обстоятельствахъ дать мнѣ отличное доказательство вашей ревности, вашей дѣятельности и вашей ловкости; я надѣюсь что вы сдѣлали уже все, за что я обязанъ быть признателенъ вамъ и щедро наградить васъ. Если же вы пропустили то что возможно было сдѣлать, то я вамъ никогда не прощу этого и затѣмъ приму свои мѣры.“ *

Но что могъ сдѣлать Дицъ? Цинкейзенъ говоритъ что для Дица было уже и то существеннымъ выигрышемъ что онъ достигъ подписанія Портой договора со Швеціей, по которому послѣдняя получала отъ Порты денежную субсидію за совмѣстное продолженіе войны и незаключеніе селаратнаго мира. ** Это онъ говоритъ на основаніи дѣлешъ самого Дица, изъ которыхъ, замѣчаетъ онъ, впервые удовлетворительно разъясняется этотъ вопросъ, остававшійся доселѣ весьма темнымъ. Но еще удовлетворительнѣе, окажемъ мы, завязка и исходъ этихъ отношеній между Портой и Швеціей изложены турецкимъ исторіографомъ Джеветомъ. ** У него однако ни разу не встрѣчается даже и намекъ на какое-либо вниманіе прусскаго дипломата въ эти отношенія. Турки всегда смотрѣли на Швецію какъ на искренняго друга своего государства и считали своимъ нравственнымъ долгомъ оказать денежное вспоможеніе ей, потому что она „по одному слову Высокой Державы (Турціи) объявила войну (Россіи).“ **** Они только стѣснялись сами въ денежныхъ средствахъ чтобъ удовлетворить справедливому, по ихъ мнѣнію, требованію Шведскаго правительства. Каждый разъ какъ Дицъ заводилъ рѣчь о принятіи исключительнаго посредничества Пруссіи въ заключеніи мира, Порта сама подставляла Швецію вмѣстѣ съ другими державами, участіе которыхъ ей также было желательное. Дицъ же тутъ былъ ни при чемъ. Значить, Дицъ въ сущности ничего не успѣлъ сдѣлать за это время; а такъ какъ

* Zinkeisen, 729.

** Ibidem, 730.

*** Тарихи Джеветъ, IV: 171, 179, 185—187, 192—194, 202, 279—290

**** Ibidem, 193 и 286.

его не переставали бомбардировать изъ Берлина депешами самого австрийскаго правительства, то онъ, желая сколько-нибудь удовлетворить материную семью правительства, и занялъ его въ трехъ депешахъ изображеніемъ процедуры шведско-турецкаго договора, представивъ его до известной степени дьямъ своимъ руке.

При такомъ напускномъ или искреннемъ равнодушіи Порты къ вопросу кляпачившему берлинскихъ политиковъ, дѣло не двигалось впередъ, можетъ-быть еще и потому что самъ Дандъ, усердно работавшій надъ тѣмъ что ему самому приходило въ голову, терять не могъ быть только машинальнымъ исполнителемъ и проводникомъ чужихъ плановъ и предположеній, хотя бы они исходили отъ самого короля. Такъ не крайней мѣрѣ агитировалъ его еще въ сентябрѣ и г. Гётце въ срочномъ письмѣ къ Гертибергу. *

Какъ бы то ни было, предложенныя Дандемъ въ конференціи 8 октября условія оборонительнаго союза съ Портой были приняты очень холодно рейсгомъ-эфенди, такъ какъ Пруссія, очень мало наискала на необходимый въ ея видахъ объектъ Австріей Галацію на завоеванныя ею у Турціи Молдавію и Валахію, очень мало или даже почти ничего существеннаго не обещала за это Портѣ. Поэтому неудивительно что умный Рейсгомъ-эфенди, змелушавъ на свои возраженія влиятельнаго рѣчи прусскаго дипломата, счелъ за лучшее отвѣтить на нихъ простымъ молчаніемъ, которое убійственно предсказалось и потомъ, по представленію Дандемъ цѣлыхъ трехъ разъ, 26 октября, 1 и 5 ноября, хотя къ этому времени турецкая армія успѣла уже потерпѣть цѣлый рядъ пораженій отъ Русскихъ.

Въ Берлинѣ же вторичное росло не по дьямъ, а по наемъ. Особенно оно достигло крайней степени къ концу года. Въ то время какъ Дандъ былъ со всеми на ногахъ и шло дѣло сверженія государственныкъ людей Порты, это собственное правительство настоятельно рекомендовало ему, вопреки тому, употреблять всѣ мѣры къ доброму согласію и примиренію на свою сторону какъ посланниковъ другихъ народовъ, такъ и турецкихъ чиновниковъ, дабы при нихъ содѣйствіемъ вѣрнѣе достигнуть своей цѣли. „Имѣйте вы шедо въ виду“, внушалъ ему Гертибергу, „важное дѣло отъ

* Zinkisen, 733, 2.

котораго зависить *остатся ли Пруссія державой первою ранга, какъ во время Фридриха II, или стать третьестепеннымъ государствомъ.* Это, равно какъ ваша собственная участь и слава моего министерства, которая выстѣтъ съ благополучіемъ моего отечества составляетъ единственный предметъ моихъ желаній и неуслыжныхъ стараній, всецѣло зависить отъ исхода нашихъ переговоровъ.“*

Эта слѣпшность вызывалась еще благопріятнымъ поворотомъ обстоятельствъ въ Европѣ, позволявшихъ, какъ казалось Берлинскому кабинету, обѣщать Турціи сохраненіе Молдавіи и Валахіи, взамиънъ чего предполагалось гарантировать Австріи бельгійскія провинціи еслибъ она согласилась, очистить Молдавію и Валахію, удовольствоваться по отношенію къ Турціи границами установленными Пажаровацкимъ миромъ 1718 года. А чтобы сдѣлать податливѣе Порту, въ инструкціи 18 сентября Дицу дано было полномочіе предложить ей *пасту патально-оборонительный союзъ безо всякихъ ограниченій и съ опредѣленными обѣщаніемъ что король будущую военную помощь поддержать ее естли своими военными силами, и особенно поставить на видъ что можетъ-быть она въ состояніи будетъ сохранить ей Молдавію и Валахію, которыя она теперь считаетъ почти-что вовсе для себя потерянными.* Послѣднее особенно представлялось возможнымъ устроить въ виду тѣхъ потерь которыя въ это время понесла Австрія въ Бельгіи и Нидерландахъ. Да и Россія тоже на взглядъ берлинскихъ политиковъ казалась совсѣмъ истощенною какъ въ финансовомъ, такъ и въ военномъ отношеніяхъ.

И вотъ въ такую-то минуту вдругъ въ Берлинѣ узнаютъ что столь важное государственное дѣло, которое велось въ строжайшемъ секретѣ, давнымъ давно извѣстно во всемъ, и тѣмъ кому не слѣдовало бы знать. Объ этомъ узнали въ началѣ декабря мѣсяца, благодаря писъму шведскаго посланника въ Константинополь къ своему коллегѣ при Прусскомъ дворѣ, съ которымъ присланы были и копіи относящихся къ вопросу документовъ. Предполагали что выдача государственной тайны совершилась при посредствѣ прусскаго драгомана, Грека Пальвали, который, выкрывъ у Дици эти важныя документы, передалъ ихъ подкупившему его французскому посланнику Шуазълю, а этотъ тотчасъ же

* Zinkeisen, 739.

особицъ изъ Порты оказавъ что она получена имъ отъ его коллеги прямо изъ Берлина. Шведскiй же посланникъ вскорѣ добылъ ихъ чрезъ третью руку, изъ Порты, въ турецкомъ переводѣ, и перевода ихъ на свой языкъ преисполнилъ въ Берлинѣ.

Можно себѣ представить бичество короля и министра Гертцберга когда дошло до нихъ извѣстiе объ этомъ дипломатическомъ скандалѣ! Гертцбергъ тотчасъ же написалъ представленiе королю, въ которомъ настаивалъ не только на томъ чтобы Диду сдѣлана была за это достойная головомойка и отданъ приказъ о немедленномъ удаленiи г. Пальманъ, но чтобы поскорѣе убрать и самого Диду съ его поста, на которомъ онъ велъ себя столь безтактно и легкомысленно. Король совершенно соглашался со мнѣнiемъ Гертцберга и въ письмѣ къ нему отъ 15 декабря 1789 года выразилъ такъ: „Il ne faut pas tarder de laver comme il le mérite la tête au Sr. de Dies, mais aussi me proposer un successeur à lui envoyer, ce que j'attends de votre part“. * Сперва думали что можетъ-быть еще Дидъ самъ сообщилъ планъ договора Порты и потому, рѣшивъ въ принципѣ отказать его, до поры до времени отложили приводить въ исполненiе это рѣшенiе изъ опасенiя прервать переговоры которые могли быть въ полномъ ходу и близиться къ желанному результату, и непреклонному слази къ Диду одну за другою деленiя, торжественно заключенiемъ договора.

Но все было тщетно. Когда послы дружественныхъ Пруссiи государствъ, Англiи, Швеции и Голландiи, предложили было Диду въ половинѣ ноября произвести дипломатическое давленiе на Порту коллективною нотой, онъ, надѣясь справиться собственными силами, отклонилъ это предложенiе подъ тѣмъ предлогомъ что это дадо бы Порты поводъ къ новымъ проволоккамъ. А между тѣмъ, на конференци 26 ноября, которой онъ едва достигъ путемъ самыхъ крайнихъ презрѣ, битыхъ шесть часовъ толковалъ онъ съ Турками, и все-таки потомъ, извѣщая свое правительство въ депешѣ отъ 1 декабря о результатахъ этой конференци, долженъ былъ признаться что „dans le fonds nous n'avons rien conclu“. Единственно чего онъ добился и что считалъ своимъ успѣхомъ, было то что онъ *получилъ заключенiю*

* Citata у Zinkeisen'a, 785.

мира: разумется, безъ участія Пруссіи. Всего куписите въ этомъ распублікованомъ на шести листахъ посланіи Дюда тѣ главныя возраженія которыя онъ дѣлалъ на конференціи Туркамъ. Такъ, относительно Франціи онъ имъ сказалъ будто бы: „ce n'est que vous (Turcs) qui comptez encore la France au nombre des puissances. Pour nous autres, c'est une monarchie annullée et tombée en ridicule. Elle serait même déjà oubliée en Europe, si elle ne faisait encore parler d'elle par ses sottises“. * Изъ этого видно только что на конференціи была рѣчь о Франціи; но, какъ кажется, Дюда не зналъ хорошенько о томъ что Турки, переговаривались съ нимъ, въ то же время были въ сношеніяхъ по вопросу о мирѣ и съ посланки другихъ державъ, Испаніи, Швеціи и Франціи, драгомины которыхъ ежедневно являлись въ Порту съ требованіемъ отвѣта на свои предложенія. ** Быть, полагать надо, не было достаточно известно какую симпатію ко Франціи питали въ дѣйствующей арміи. Туркамъ въ сущности было безразлично чье бы то ни было посредничество на тѣхъ жалкихъ условіяхъ съ какими оно вѣрнѣе предлагалось. Сутьнаго разсуждалъ такъ: „Правда, Франція издавна была благожелательна и укрепля къ моей Высокой Державѣ и въ этотъ разъ ея желаніе посредничества также подтверждаетъ ея благорасположенность; но такъ какъ не видно никакихъ плодовъ отъ этого посредничества, хоть бы напримѣръ возврата Крыма, то какая польза отъ выражаемаго Франціей благожелательства? Такъ и скажите отъ моего имени послу.“ А французскій посолъ на это отвѣчалъ что „Франція при малѣйшей возможности болѣе чѣмъ кто другой готова была бы хлопотать о возвратѣ Крыма, да только на эту возможность нѣтъ никакой надежды. Пруссскій король, правда, показываетъ видъ что онъ готовъ двинуться на Русскихъ для исполненія столь торжественныхъ обѣщаній, но едва ли надо сомнѣваться что Русскіе сумѣютъ усмирить и убагодворить короля и устранить всякое его движеніе... Если Высокая Держава надеется что Русскихъ можно принудить возвратить Крымъ не завладевъ имъ военною силою, то это чистая фантазія. А если король Пруссскій морочитъ ее этою

* Zinkeisen, 745.

** Джевдетъ, 281.

надеждой, то единственно изъ желанія вступить войну въ своихъ собственныхъ интересахъ.. Хотя у него довольно и войска, и денегъ, но намѣренія его не такіа искреннія какъ короля Шведскаго; у нихъ нѣтъ иной мечты и цѣли какъ только ко вреду и ущербу Высокой Державы обладать свои собственныя дѣлишки.* Турки раздѣляли возвращенія французскаго короля на любезности короля Прусскаго и если склонялись къ принятію его предложеній, то единственно вслѣдствіе угрозы что въ случаѣ ихъ несогласія они пристанутъ къ ихъ непріятелямъ, а также отчасти и подъ вліяніемъ совѣтовъ шведскаго посланника, который указывалъ великую пользу для Порты держаться Пруссіи.** Но еслибы представилась возможность заключить сенаративный миръ съ Австріей, на что подавала надежду французскій посланникъ, то султана разрѣшалъ рещи сфрандизкумъ съ Хамид-Задъ-эфенди вступить съ нимъ въ переговоры объ этомъ.***

Колесанія Порты и верховнаго визиря, которому она въ послѣдъ былъ запросъ о томъ какого она окончательнаго мнѣнія насчетъ предложеній Пруссіи, весьма помѣтны при ужасномъ положеніи каппы и войска Турціи; а между тѣмъ беззастѣнчивость Дюда вставляла его отыскивать разнаа, чѣсто мѣшала себѣ помѣти. Прежде, мы видѣли, онъ считалъ врагомъ своихъ реиса-эфенди, за что и хотѣлъ добиться его сверженія; теперь онъ нашелъ этого противника въ верховномъ визирѣ, а въ концѣ концовъ оказался вышелевшимъ во всемъ интриги Потемкина, который будто бы покупалъ верховнаго визиря. Свидѣнія объ этихъ отношеніяхъ верховнаго визиря съ Потемкинымъ Дюцъ получалъ отъ состояннаго у него на жалованьи Еврей-врача, Марка Кольмана, который будто бы такъ умѣлъ вкрасться въ довѣріе къ верховному визирю что тотъ посмалъ его въ качествѣ драгоманна при своемъ агентѣ Хаджи-Бекрѣ-агѣ отправлявшемся къ Потемкину. Еврей сообщилъ Дюцу что Хаджи-Бекрѣ-ага при этомъ случаѣ получилъ отъ Потемкина подарокъ въ 15.000 дукатовъ.****

* Дживедетъ, 282—283.

** Ibidem, 286.

*** Ibidem, 284.

**** Zinkeisen, 746—747.

Около того же времени верховный везирь, между прочимъ, изъявлялъ согласіе на освобожденіе Булгакова, мотивируя это согласіе тѣмъ что прежде прочія державы требовали этого освобожденія; а въ настоящій моментъ, то-есть съ начала ноября 1789, онъ уже не повторяли своихъ требованій и следовательно можно было сдѣлать это дѣло по собственному почину. Но такъ какъ поѣздка Булгакова сухимъ путемъ могла бы возбудить толки въ войскахъ, то верховный везирь рекомендовалъ лучше поручить его французскому посланнику и съ подобающими почестями отправить моремъ. Султанъ Селимъ тоже не воспротивился этому, и Булгаковъ на ратузскомъ кораблѣ выѣхалъ въ Триестъ. * Цинкейзенъ объясняетъ поступокъ Порты желаніемъ сдѣлать Россію уступчивѣе. Но это какъ-то не вяжется съ воинственнымъ тономъ султанскаго гатти-шерифа, издавнаго въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ которомъ онъ призываетъ всѣхъ правобѣрныхъ къ священной брани и обѣщаетъ дотолѣ не положить меча пока не побѣдитъ враговъ государства и не отвоеуетъ потерянныхъ владѣній. **

Только Дидца все еще продолжали попрежнему томить ожиданіемъ, отдѣлываясь отъ него всевозможными отговорками: то не получено отвѣта отъ верховнаго везира; то надо было да я заключенія союза напередъ получить согласіе улемовъ и фетву муфтия; то наконецъ реисъ-эфенди притворился больнымъ, чтобъ избѣжать всякихъ объясненій. Дидцъ такъ и докладывалъ своему правительству въ депешахъ отъ 8, 10, 15 и 22 декабря 1789 и 1 января 1790. Ему между тѣмъ слали депешки съ приказаніемъ торопиться заключеніемъ союза (2, 21 и 28 декабря нов. ст.).

Но въ Берлинѣ соскучились ожиданіемъ и снова стали помышлять объ отозваніи Дидца, приписывая медленность дѣла исключительно его неумѣлости. А тутъ еще изъ Константинополя пришло въ Берлинъ письмо шведскаго посланника Гьёденстама, въ которомъ сообщалось будто бы и сама Порта ставитъ отозваніе Дидца существеннымъ условіемъ продолженія переговоровъ. Тогда Гертцбергъ, 8 января 1790, входитъ съ формальнымъ уже представленіемъ къ королю о

* Джевдетъ, IV: 281.

** Zinkeisen, 745.

того что такъ какъ Дидъ неоправдывалъ и можетъ все безвозвратно испортить, то его слѣдуетъ замѣнить болѣе лавкымъ и поклавдыстымъ человекомъ какимъ онъ со своей стороны считалъ капитана фонъ-Кюбельсдорфа. Мало того, Герцбергъ считалъ за лучшее уведомить объ этомъ реиса-эфенди чрезъ полковника Гётце, поручивъ ему свѣдѣть всю нину въ безуспѣшности переговоровъ на Дидъ и такимъ образомъ, сколько возможно, вернуть потерянное. Вмѣстѣ съ тѣмъ, къ Диду отправлена была денеша, въ которой ему еще ни слова не говорилось объ отозваніи; но указывалось что король не знаетъ де что и думать о его способностяхъ и характерѣ, что у. него все изъ рукъ валится, что онъ, Дидъ, будетъ лично отвѣтствовать за всѣ свои дѣйствія и промахи. „Прежде всего“, внушалось ему, „вамъ слѣдовало бы, согласно моимъ весьма яснымъ и опредѣленнымъ инструкціямъ отъ 22 сентября, предложить Портъ наступательно-оборонительный союзъ безо всякихъ другихъ условій, кромѣ того чтобъ она была заодно съ нами въ войнѣ и мирѣ. Вы должны бы ясно ставить на видъ обнѣны Молдавіи на Галицію, о чемъ теперь не можетъ быть рѣчи.“ Полковнику Гётце тоже послано было приказаніе войти открыто отъ Дидъ въ непосредственное конфиденціальное сношеніе съ реисомъ-эфенди, извѣстить его объ отозваніи Дидъ, постараться расположить его къ себѣ и склонить къ заключенію наступательно-оборонительнаго союза съ Пруссіей. А еслибы Дидъ какъ-нибудь прозналъ объ этомъ, то Гётце уполномочивался безъ дальнихъ объясненій отправиться къ Диду и въ его присутствіи опечатать всѣ его официальные бумаги и держать ихъ въ такомъ видѣ до прибытія его преемника.

Но въ тотъ моментъ какъ рѣшалась участь Дидъ пришло отъ него благоприятное извѣстіе о скорой возможности желательнаго исхода переговоровъ. Смягченное этою радостною вѣстью правительство опять отсрочило его отозваніе и отъѣздъ его преемника. Въ такомъ смыслѣ Герцбергъ подалъ записку королю и отправилъ делеши Гётце 15 января 1790 года.

Дидъ потребовалъ на 8 января категорическаго отвѣта, въ противномъ случаѣ грозилъ что король будетъ считать себя свободнымъ ото всякихъ принятыхъ доселѣ на себя

обязательствъ и Османское государство будетъ предоставлено самому себѣ. Это отчасти позволило на ускореніе дѣла. Медлительность Турокъ превосходила впрочемъ на отъ одной изъ дѣлъ и безличности: крайне стѣсненное ихъ положеніе и, главное, неопредѣленность тѣхъ выгодъ которыя сдѣланы были съ заключеніемъ союзу съ Пруссіей, заставляли ихъ не разъ приниматься за обсужденіе шага который ихъ почти насильно заставляли сдѣлать. Въ армию къ верховному везирю еще разъ послали бумагу, требуя его мнѣнія. А въ армию въ одномъ только были согласны, въ необходимости заключить миръ. Съ этой точки зрѣнія союзъ съ Пруссіей, какъ можній привести къ продолженію войны, предсталъ нежелательнымъ. А судья дѣйствующей арміи, Шали-Заде-эфенди, прямо считалъ этотъ союзъ претяжимымъ святому завету. Не такъ какъ дѣло было серьезное и никто не могъ вѣсть на себя отвѣтственности—армія сваливала его на Стамбуль, а Стамбуль на армию, и рѣшительнаго мнѣнія не давалось, то и опредѣлено было все предоставить высочайшей воли султана, вкупѣ со мнѣніемъ находящимся въ столицѣ сударей и улемовъ. Такъ и написано было верховнымъ везиремъ князькану. *

Когда воехъ въ-исламъ Ханди-Заде Мустафа-эфенди дѣлъ свое заключеніе въ утвердительномъ смыслѣ, опровергнуть мнѣніе Шали-Заде-эфенди разными казуотическими соображеніями, султанъ недалъ наконецъ пруде о заключеніи прусскаго союзу. **

Но въ послѣдній моментъ Турки помучили Дидя измѣненіями въ договорѣ, а именно ввели обязательство короля во-общемъ не заключать мира раньше чѣмъ будутъ возвращены Крымъ и прочія потерянные земли, Порты за это будетъ хлопотать объ отдачѣ Галиціи Польсѣ. Дидь сперва заупрямился, но потомъ, въ конференціи 16 января, форма договора была установлена въ томъ почти видѣ какъ хотѣли Турки, съ нѣсколькими несущественными измѣненіями. Дидь въ своей деляшѣ оправдываетъ свою уступчивость тѣмъ что съ Турками иначе ничего не подлаешь: они вѣкъ останутся таковы, пока

* Джедетъ, IV: 343—345.

** Джедетъ, IV: 346—347.

будутъ держаться своей религіи. На другой день онъ послалъ письменное заявленіе реису-эфенди о томъ что онъ согласенъ подписать договоръ въ той редакціи какая выработана наканунѣ въ конференціи. Однако и тутъ Турки не съѣхивали. Недовольство Дуча, надо полагать, навела ихъ на раздумье относительно тѣхъ лобужденій которыми руководится Пруссія такъ настойчиво домогаясь союза Порты. Дучъ прибѣгъ къ комедіи: началъ дѣлать распоряженія какъ будто собираетъ ся оставить Кюмюктагивомоль, а 26 января послалъ драгоману къ реису-эфенди завѣсть ему объ этой живимости своемъ намереніи, если только Турки не хотятъ немедленно подписать договора. И вотъ наконецъ состоялась окончательная конференція Дуча съ реисомъ-эфенди и румелийскими кызылбаскеромъ Ахмеръ-эфенди, которые и подписали прусско-турецкій договоръ, заключающій въ себѣ слѣдующія пять статей. Мы приведемъ ихъ по турецкому тексту, имѣющемуся въ двухъ экземплярахъ разнаго происхожденія.

Статья первая. Съ заключеніемъ сего союза между двумя государствами,—по требованію государственной необходимости и сообразно настоящему состоянію дѣлъ сихъ двухъ державъ, поелику, изъясненнымъ въ конференціяхъ образомъ, неприязнь, перейдя рѣку Дунай по сю сторону, учинилъ нарушеніе надлежащаго равновѣсія,—Прусская держава обѣщаетъ и обязуется что она въ началѣ весны сего благословеннаго (1794) года со всѣми своими силами *объявитъ войну Нѣмцамъ и Московцамъ*, и не прекратитъ войны, пока не доставитъ Высокой Державѣ почетнаго, крѣпкаго и прочнаго мира съ ея неприязнителями, и пока не наступитъ полной безопасности съ суши, равно какъ пока не будетъ доставлена совершенная гарантія неприкосновенности Стамбула со стороны Чернаго Моря. Взаимъ этого Высокая Держава обязуется и обѣщаетъ что она во время заключенія мира будетъ стараться о томъ, чтобы со стороны Нѣмцевъ была возвращена Польской Республикѣ находящаяся во власти Австріи Галиція и еще равнѣе, при раздѣлѣ Польши захваченныя Нѣмцами владѣнія. Поелику же Прусская держава стала прочнымъ другомъ и союзникомъ Высокой Державы, то дѣламъ существующимъ у Пруссіи съ Нѣмцами, Московцами и Ляхами, а также спорамъ касающимся ихъ государственныхъ интересовъ, было бы дано надлежащее улаженіе безъ ущерба государственнымъ интересамъ Ляховъ, но и съ пользой для Пруссіи.

Статья вторая. Эти двѣ державы, то-есть Пруссія и Порта, подтверждаютъ и подкрѣпляютъ что условія содержащіяся въ прежде (въ 1170=1761 году) заключенномъ между

вами въ Константинополѣ договорѣ, для надлежащаго ихъ исполненія, присовокупляются къ севеду (грамотѣ) этого новаго союза. Затѣмъ Порты обязуется что, когда прусскіе купеческіе корабли стануть свободно ходить по Бѣлому (Средиземному) Морю, подобно прочимъ наиболѣе благопріятствуемымъ государствамъ, подъ своими флагами и патентами, имъ не будетъ причисляемо ни подъ какимъ видомъ и ни по какимъ поводамъ обидъ и притѣсненій со стороны правительства Алжира, Туниса и Триполи. А для того чтобъ уломянутыя правительства, по ихъ самостоятельности, заключали, со взаимнаго между ними согласія, отдѣльные договоры съ Пруссіей, этотъ севедъ, по заключенію трактата, долженъ быть объявленъ и поставленъ на видъ вышеозначеннымъ правительствамъ.

Статья третья. Такъ какъ Высокая Держава находится въ намѣреніи не заключать мира съ непріятелями до тѣхъ поръ, пока она—если Богу угодно!—станетъ побѣдительницей, не заберетъ крѣпостей и владѣній перешедшихъ въ руки непріятелей, и въ особенности Крымскаго полуострова, то и Прусская держава также не должна оставлять войны пока Порты не замрится съ уломянутыми непріятелями. Взаимнѣ этого Порты не заключаетъ мира ни съ Нѣмцами, ни съ Московцами, ни вмѣстѣ, ни порознь, безъ участія въ немъ Пруссіи, Швеціи и Польши. А если современемъ Московцы или Нѣмцы предпримуть походъ противъ Пруссіи, Швеціи и Польской республики — поодиночкѣ или на всѣхъ трехъ разомъ, то Порты должна считать этотъ походъ какъ бы сдѣланнымъ противъ нея самой, и тотчасъ же всѣми своими силами оказывать помощь въ качествѣ союзника тѣмъ тремъ государствамъ. Равнымъ образомъ если Московцы или Нѣмцы предпримуть походъ на Турцію, Швецію и Польшу поодиночкѣ или на всѣхъ трехъ разомъ, то и Пруссія должна считать этотъ походъ какъ бы сдѣланнымъ противъ нея самой и тотчасъ же ни мало не медля оказать тѣмъ тремъ государствамъ всѣми своими силами въ качествѣ союзника помощь. Покаместъ Нѣмецкая и Московская державы не покончатъ и не уладятъ при содѣйствіи Пруссіи и Порты своихъ распрей съ Польскою республикой, пока Московская держава не уладитъ распрей съ Пруссіей касательно дѣлъ Польши, Порты и Пруссія не замрятся ни съ Московцами, ни съ Нѣмцами и не отдадутъ взятыхъ у непріятеля владѣній. А для того чтобы Пруссіи и Портѣ достигнуть своихъ намѣреній, онѣ общаются что имѣющіи быть заключеннымъ съ Московцами и Нѣмцами миръ состоится при посредствѣ и содѣйствіи Англіи и Голландіи. И уломянутыя державы не должны медлить миромъ. Во всякомъ случаѣ, когда Порты и Пруссія заключатъ при посредничествѣ тѣхъ вышеуломянутыхъ двухъ державъ миръ, то онѣ должны включить въ этотъ миръ Швецію и Польшу. Въ особенности, такъ какъ

Пруссія въ сѣдѣствѣ съ воюющими державами, то со стороны Порты объявляется что будутъ улажены дѣла касающіяся безопасности и государственныхъ интересовъ Поляковъ и Прусаковъ; а со стороны Пруссіи также объявляется что будутъ улажены дѣла касающіяся безопасности и государственныхъ интересовъ Порты.

Статья четвертая. По окончательномъ заключеніи вышеупомянутымъ образомъ мира, Пруссія обязуется и объявляетъ что за сохраненіе по этому имѣющему заключиться миру оставшихся въ рукахъ Порты владѣній поручится король Прусскій и что онъ постарается ввести въ это поручительство также Англію, Голландію, Швецію, Польшу и другія какія угодно государства. Тогда между его величествомъ падишахомъ дома Османова и королемъ Прусскимъ будетъ заключенъ новый союзъ оборонительный, — что они во время заключенія мира гарантируютъ сохраненіе одинъ другому владѣній ихъ, ради безопасности и спокойствія областей находящихся во власти обѣихъ державъ, то-есть Пруссіи и Порты, это и должно быть включено и изъяснено въ сенедѣ. А если до заключенія оборонительнаго союза одна изъ державъ изъ ненависти къ теперешнему договору предприметъ походъ на Пруссію или Порту, тогда обѣ союзныя державы должны помогать другъ другу всѣми своими силами. Пока не состоится мира приличнаго достоинству Порты и Пруссіи и полезнаго во всѣхъ отношеніяхъ государственнымъ интересамъ ихъ, ни Пруссія, ни Порта войны не оставляютъ. Сущестующій въ богослассаемыхъ владѣніяхъ (Порты) относительно Французовъ и Англичавъ образъ дѣйствій и льготы будутъ практикуемы и относительно Прусаковъ.

Статья пятая. Ратификаціи этого договора должны быть обмѣнены въ теченіе пяти мѣсяцевъ, а если возможно, то и раньше, въ Константинополѣ. *

Участники этого трактата согласились подъ клятвой вплоть до весны держать его въ строжайшемъ секретѣ. Чтобъ отвести глаза дипломатіи рѣшено было продолжать въ некоторое время для виду конференціи и увѣрять посланниковъ прочихъ дворовъ что Порта приняла только посредничество Пруссіи, Англіи и Голландіи при заключеніи мира.

* *Сборникъ некоторыхъ важныхъ извѣстій и официальныхъ документовъ касательно Турціи, Россіи и Крыма*, изд. В. Д. Смирновымъ, Спб. 1881, стр. 197—202. Тарихи Джемдетъ, IV, 378—380. Hertzberg, *Recueil des déductions, mémoires, etc.* III, pp. 37—42. Турецкій текстъ Сборника согласенъ съ французскимъ переводомъ нежесть текстъ находящійся въ исторіи Джемдета: послѣдній едва ли имѣть изъ подлинныхъ архивныхъ документовъ и, скорѣе, переведенъ уже съ французской копіи.

Но трудно было утаить шло въ вѣнскѣ. Австрійскій императоръ постоянно зналъ очень хорошо все что творилось въ Константинополь, и весьма недвусмысленно проявил оной взглядъ на совершившійся фактъ Прусско-Турецкаго союза, начавъ стягивать войска въ пограничныхъ съ Пруссіей мѣстностяхъ своихъ владѣній. Въ Берлинѣ пришли въ смятеніе отъ этого австрійскаго маневра и, еще не зная о состоявшемся союзѣ, въ январѣ мѣсяцѣ приказывали Дицу не выпускать Порты изъ рукъ. Мало того, для большей вѣрности рѣшено было немедленно отправить Кнобельсдорфа въ Константинополь, снабдивъ его полномочіемъ совместно съ Гётце добиться подписанія договора съ Портой, если еще Дицъ не въ состояніи былъ устроить этого. Вместе съ этимъ, Кнобельсдорфъ везъ съ собою письмо къ Дицу, въ которомъ его увѣдомляли объ отозваніи, хотя очень вѣжливо, и ссылаясь на обстоятельства которыя обѣщались разъяснить ему по возвращеніи. Гертбергъ, особенно хлопотавшій объ удаленіи дипломата не умѣвшаго доселѣ привести въ осуществленіе плана казавшагося ему весьма грандіознымъ, въ частномъ отъ себя письмѣ къ Дицу увѣрялъ его что онъ со своей стороны употребляетъ всѣ усилія предотвратить эту перемѣну, да будто бы ничего не могъ сдѣлать и какъ истинный *Прусскій патриотъ* (en patriote prussien) долженъ былъ уступитъ необходимости.

А между тѣмъ Дицъ ликовалъ, считая заключенный имъ съ Турціей договоръ вѣдомъ своей дипломатической дѣятельности и уже предвкушая спокойное наслажденіе плодами ея, хотя бы въ видѣ соответственной его заслугамъ признательности своего правительства. Да и какъ было не ликовать ему? Дицъ вѣрилъ въ великое призваніе своего отечества играть важную роль на Востокѣ. И вотъ, наконецъ, въ его рукахъ теперь было средство открывавшее луть Пруссіи къ этой роли. По его убѣжденію, это событіе должно было составить эпоху въ политической исторіи его государства, о чемъ онъ высказывался въ своихъ дѣлесахъ. Онъ говорилъ что заключенный договоръ есть наивѣрнѣйшее доказательство того что король Пруссіи достигъ рѣшительнаго перевѣса въ дѣлахъ Востока“ и что его посредство въ Константинополь съ этихъ поръ занимаетъ первое мѣсто, ибо, лишь только королю, ии ваше величество увидите что эти люди (то-есть Турки) если

внимать чьему голосу, то единственно моему... Моя великая цѣль теперь та чтобы приобрести дѣятельное вліяніе на всѣ отрасли Турецкаго правительства и давать направленіе всѣмъ его дѣламъ и рѣшеніямъ соотвѣтственное интересамъ вашего величества. Судя по тѣмъ чувствамъ какія теперь громко высказываются цѣлою націей относительно Прусаковъ, я отнынѣ всего достигну. Энтузіазмъ къ вашему величеству достигъ крайнихъ предѣловъ. *Всакій Турокъ теперь сталъ Прусакомъ*, и министры (Порты) не имамъ теперь говорить о Пруссіи какъ о *великой державѣ*. Даже реисъ-эфенди и тотъ теперь въ моихъ рукахъ не болѣе какъ кусекъ воска которому я какую хочу придаю форму“.

Пока Дидъ предавался своимъ чаяніямъ и лирическому восторгу, въ Берлинѣ его извѣстіе о заключеніи имъ давно желаннаго договора съ Портой встрѣчено было чуть не съ испугомъ. Больше всего произвелъ смущеніе тотъ пунктъ по которому Пруссія обязывалась объявить Россіи войну и гарантировать Портѣ возвращеніе Крыма и неслучайное въ послѣдствіи обладаніе имъ. Новые друзья Порты готовъ же про себя рѣшили елико возможно замедлить ратификацію договора и если не совсѣмъ исключить ужасную (terrible) статью о Крымѣ, то по крайней мѣрѣ подвергнуть исправленію. Въмѣсто изъявленія благодарности, на Дидъ посылались укоризны. „О чемъ вы думали“, писалъ ему Гертцбергъ, „давша обѣщанія что король объявитъ войну какъ Австріи, такъ равно и Россіи и положить оружіе только когда будетъ опять завоеванъ Крымъ? Это вовсе не находится въ вашихъ инструкціяхъ и повергать меня въ величайшее затрудненіе какъ относительно ратификаціи договора, такъ и исполненія его. Мы желаемъ вести войну противъ Австріи, а не противъ также и Россіи, и обѣщать возвращеніе Крыма намъ положительно невозможно. Мнѣ также извѣстно что турецкіе министры клянутся что они, благодаря вашимъ горячимъ настояніямъ, обещали васъ, ибо они не обѣщаютъ намъ ничего, а вы обещали имъ все. Я не знаю что мнѣ теперь и дѣлать; такъ какъ мы имѣемъ пять мѣсяцевъ времени для ратификаціи, то я отступу ее сколько возможно долѣе въ ожиданіи обстоятельствъ“.*

* Zinkeisen, VI: 753—754.

Подобный репримандъ былъ сюрпризомъ для Диду; да и могъ ли не быть сюрпризомъ если приложить какого бы-ли образа мыслей въ Берлинѣ незадолго предъ этимъ? Верно дипломатическая совѣсть имѣеть какіе-нибудь свои особыя законы чтобы можно было такъ развязно ставить человѣку въ вину то чего отъ него только что требовали какъ исполненія своего долга. Да и съ чего Гертцбергъ взялъ, откуда извѣстился онъ будто бы Турки хвастались что обошли прусскаго дипломата. Позволительно думать что Гертцбергъ просто присочинилъ это. По крайней мѣрѣ турецкій историкъ Джевдетъ-паша вотъ что замѣчаетъ по поводу вышеозначеннаго договора. Договоръ этотъ, копія съ котораго, говоритъ онъ, была послана въ дѣйствующую армію для скрѣпы его печатами тамошняго начальства, „немыслимо было подписать во время везирства Джезаурлы Хасанъ-паши (человѣка весьма неглулаго и дальновиднаго, замѣтимъ мы). Только со смертію его и въ началѣ везирства Русчуклы Хасанъ-паши, въ мѣсяцъ шаи-банъ (апрѣль-мѣя) были приложены печати со стороны начальствующихъ лицъ армій и янычарскаго очага“; * слѣдовательно, спустя почти три мѣсяца по заключеніи договора въ Портѣ. Мыслимо ли было бы со стороны Турокъ такъ долго медлить окончательною санкціей договора съ Пруссіей еслибъ они считали его такою ужъ для себя находкой какъ это ставить на видъ Диду г. Гертцбергъ? Едва ли. Этому противорѣчить и условіе обѣихъ сторонъ держать самый фактъ заключенія договора до поры до времени въ строжайшемъ ото всѣхъ секретѣ, какъ мы видѣли выше.

Бѣдному Диду пришлось теперь оправдываться во всевозможныхъ обвиненіяхъ которыя возводились на него со всею щедростію. Особенно никакъ онъ не хотѣлъ помириться съ обвиненіемъ его въ *легкомысліи* по случаю преждевременнаго оглашенія давныхъ ему отъ правительства инструкцій. Онъ утвердительно заявлялъ свое подозрѣніе въ этой продѣлкѣ на заклятаго своего врага, англійскаго посланника Эйсли, и на драгомана русскаго посольства Пизави какъ соучастника и пособника въ этой каверзѣ коварнаго Англичанина, а также и на прежняго прусскаго

* Тарихи Джевдетъ, IV: 384.

драгомана Франколудо. Своего драгомана Павьяли онъ всѣми силами отстаивалъ какъ ни въ чемъ виновнаго, и даже рекомендовалъ особенному вниманію короля его заслуги. Но добраться до истины онъ уже не могъ, такъ какъ спрошенный имъ реисъ-эфенди счелъ вѣроятію излишнимъ давать удовлетворительныя разъясненія дискредитованному дипломату, хотя Дицъ въ своихъ доносеніяхъ и указывалъ что всѣ, начиная съ султана, поражены и огорчены его отозваніемъ, и что даже реисъ-эфенди лично считаетъ себя чрезъ это глубоко оскорбленнымъ и открыто заявляетъ что онъ считаетъ подобныя клеветы несомнѣнными съ его, Дица, честностью.

Но этимъ еще не кончились огорченія Дица. Константинопольскіе банкиры, провѣдавъ о его отозваніи, отказывались реализовать его вексель на сумму которая была ему необходима для покрытія издержекъ на подарки турецкимъ министрамъ по случаю заключенія договора и простиралась до 200.000 піастровъ. Мало того, когда онъ вернулся въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Берлинъ, то и король не разъ выражалъ ему свое неудовольствіе на то что онъ слишкомъ дорогою цѣной купилъ союзъ, клонившійся къ полной выгодѣ одной Порты, которая бы и должна была за это взять на себя всѣ по этому случаю расходы. Лишенный съ 1 мая своего жалованья, Дицъ, къ вѣщему своему озлобленію, узналъ потомъ что плодами его хлопотъ всецѣло воспользовался преемникъ его Кнобельсдорфъ, который ни за что ни про что полностью получилъ, при ратификаціи договора въ іюнь мѣсяцѣ, почетный подарокъ отъ Порты въ 35.000 піастровъ (21.000 талеровъ), изъ коихъ ни одной лопухи не перепало ему, главному устройтелю всего дѣла. А онъ, послѣ многократныхъ выпрашиваній, едва добился мизернаго пенсіона въ 2.000 талеровъ и проведя остатокъ дней своихъ въ удивленіи и ученыхъ занятіяхъ въ области ориентализма, умеръ въ 1817 году, оставивъ послѣ себя коллекцію книгъ и рукописей по части Османской исторіи, и нѣсколько сочиненій, которыя носятъ на себѣ отпечатокъ горячаго, нѣсколько легкомысленнаго и не чуждаго мистической мечтательности характера ихъ автора.

Результатъ прусской дипломатической затѣи на Востоку получился совсѣмъ не тотъ какой предполагали главные виновники и проводники ея Гертцбергъ и Дицъ. Союзъ

Пруссіи и Порты тотчасъ же сталъ всюду извѣстенъ и надѣлалъ большаго шума въ дипломатическомъ мѣрѣ. Но вскорѣ послѣдовавшая смерть Австрійскаго императора Иосифа II, 20 февраля 1790 года, дала иное направление ходу дѣлъ въ восточной политикѣ. Россія не сласовала предъ угрозой и продолжала поражать Турцію, безпощадно побивая ея армію. Французская революція такъ настрашала всю Европу что враждовавшія дотолѣ государства послѣдствовали потѣсненію сплотиться между собою, войдя для этого въ компромиссы. Гертцбергъ, творецъ плана *расширенія* и душа активной политики Пруссіи на Востокъ, вскорѣ утратилъ свое вліяніе. Между королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ II и новымъ Австрійскимъ императоромъ, миролюбивымъ Леопольдомъ II, завязалась переписка, результатомъ которой было заключеніе такъ-называемой Рейхенбахской конвенціи, 27 іюля 1790 года, сгладившей прежнія отношенія Пруссіи и Австріи, враждебность которыхъ и была главнымъ стимуломъ въ погонѣ Прусаковъ за союзомъ съ Портой. Хотя за мѣсяць съ небольшимъ предъ тѣмъ, 20 іюня 1790, произошла съ прусской стороны ратификація союзнаго договора съ Портой, но обязательство Пруссіи объявить войну Россіи и возвратить Крымъ Портѣ было обойдено вставкой оговорки: „насколько это будетъ въ нашей мощи и насколько позволить обстоятельства“ и замѣной наименованія Крыма общимъ именемъ провинцій которыя Порта утратила „въ настоящей войнѣ“. Обманутая Порта со своей стороны удовольствовалась присовокупленіемъ къ прежней редакціи договора словъ „что она будетъ его вѣрно исполнять до тѣхъ поръ пока Прусская держава не совершитъ какихъ-либо дѣйствій въ противность подтвержденныхъ ею условій“. Расчеты дипломатовъ на то что „Рейхенбахская конвенція“ услужаетъ Россію и заставить ее немедленно принять участіе въ начавшихся переговорахъ о мирѣ, не оправдались. По заключеніи мира со Швеціей и при благопріятномъ ходѣ военныхъ дѣйствій противъ Турокъ, императрица Екатерина и слышать объ этомъ не хотѣла, твердо рѣшившись идти своею дорогою и заключить миръ безо всякаго посторонняго посредничества. Тщетныя Турки, прижатые совѣмъ къ стѣнѣ вслѣдствіе своихъ неудачъ, допрашивали прусскихъ дипломатовъ скоро ли король

объявить войну Россіи: вмѣсто отвѣта имъ ставили въ вину ихъ неудачи и укоряли въ нерадивости, указывая что у верховнаго везира только 20.000 войска, для встрѣчи Русскихъ, готовившихся къ нападенію на его главную квартиру. Тщетно отправленъ былъ Портой въ Берлинъ нарочный посолъ Азмиэфенди, въ февралѣ 1791 года, съ собственноручнымъ письмомъ султана къ королю Прусскому. Король отвѣтилъ такимъ же письмомъ, въ которомъ ставилъ на видъ султану что Пруссія и такъ много де сдѣлала косвенныхъ услугъ Турціи. На случай же еслибы, въ силу договора, считалось неизбѣжнымъ ввязываться въ войну съ Россіей, Портѣ ставились такіа добавочныя условія которыхъ она конечно не въ состояніи была исполнить: выставленіе 150тысячной арміи къ апрѣлю мѣсяцу на Дунай, выдача денежной субсидіи Швеціи и т. л. А затѣмъ, послѣ подписанія Систовскаго мира, 4 августа 1791 между Портой и Австріей, когда всѣ выгоды явно оказались на сторонѣ Австріи, Пруссія же ничего себѣ не выгадывала, королю надобно лутаться въ восточныхъ дѣлахъ, и онъ велѣлъ Гётце и Кнобельсдорфу объявить Портѣ что онъ, король, больше ничего не можетъ сдѣлать для нея кромѣ того что онъ уже сдѣлалъ; что Турки сами виноваты не слушаясь совѣтовъ Гётце относительно веденія войны съ Россіей; что авось, Богъ дастъ, обстоятельства перемѣнятся, а онъ пребываетъ въ неизмѣнныхъ чувствахъ дружбы къ Портѣ, въ чемъ она, безъ сомнѣнія, и убѣдилась во время переговоровъ въ Систовѣ. Гётце вскорѣ послѣ этого постарался уѣхать изъ турецкой главной квартиры, тѣмъ болѣе что 11 августа н. ст. 1791 года въ Галацѣ состоялось подписаніе предварительныхъ условій мира съ Россіей; а король въ то же время, чтобы сбить съ рукъ турецкаго нарочнаго посла, уже семь мѣсяцевъ болтавшагося въ Берлинѣ, велѣлъ лишить его казеннаго отпусковашагося ему суточнаго содержанія и такимъ образомъ принудилъ его убираться во свояси.

Таковъ былъ исходъ первой, продолжительной и настоячиво веденной дипломатической кампаніи Пруссіи на Востокѣ. Поднятая изъ ничтожества гениемъ и усиліями Фридриха Великаго, она тотчасъ же почувствовала аппетитъ къ *приумноженію* своей территоріи въ Европѣ, не брезгуя для этого

хоть бы союзомъ съ Турціей. Теперь мы дожили до другихъ временъ. Пруссія выросла въ цѣлую Германію. Но аппетитъ къ *приумноженію* еще, кажется, не совѣмъ удовлетворенъ ея послѣдними захватами. И опять мы оказываемся свидѣтелями новыхъ предпріятій ея на Востокъ, но съ тою уже разницею что теперь она простираетъ взоры свои туда не во враждѣ, а въ союзѣ съ Австріей, и политика ея въ рукахъ не Гертцберга, а Бисмарка.

В. СМЕРНОВЪ.

ВНѢ КОЛЕИ *

Р О М А Н Ъ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Время, известное дѣло, иногда летитъ птицей, иногда ползаетъ червякомъ; но всего лучше бываетъ людямъ, когда они вовсе не замѣчаютъ его движенія.

Тургеневъ, *Отцы и Дети.*

Тихіе дни наступили для Бѣлыхъ Столбовъ. Ровно и однообразно текли они, принося съ собою хорошее ощущеніе полнаго мира, на которомъ такъ и хотѣлось бы остановиться не давая жизни идти впередъ. Такъ отрадно было бы, казалось, еслибы можно на вѣки сохранить это сознаніе тишины и не дать ему потонуть въ безцвѣтномъ туманѣ прошлыхъ воспоминаній. Случается иногда что въ книгѣ попадешь на такую страницу, на которой хотѣлось бы остановиться чтобы не портить впечатлѣнія дальнѣйшимъ ходомъ разказа; бываетъ и то что спокойнымъ, счастливымъ

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8.

чувствомъ такъ и наполняется сердце отъ случайно услышанной музыкальной фразы и тоже хотѣлось бы удержать звуковыя волны, не дать имъ замолкнуть въ дрожащемъ воздухѣ. Но разказъ не останавливается, аккордъ замираетъ, а жизнь быстро стерла бы радужныя краски съ людскаго счастья еслибъ ей дали застыть въ неподвижности.

Свадьба Дмитрія и Нади была назначена на 15 октября. Срокъ этотъ приближался, а все прожитое время съ того самаго вечера когда Анна Григорьевна дала имъ свое согласіе, сдѣвалось для нихъ обоихъ въ одинъ, все продолжавшійся ясный день. Онъ казался и Дмитрію и Надѣ волшебнымъ днемъ, потому можетъ-быть что ранѣе этого жизнь ихъ не баловала покоемъ. Имъ сдѣвалось что они взобрали на высокій горный подъемъ, что дальше идти уже некуда, а у ногъ ихъ широко раскинулась мирная картина. На первыхъ порахъ такое ощущеніе и есть не чтò иное какъ полное счастье. Въ одномъ только они съ каждымъ днемъ шли впередъ: по мыслямъ они все больше роднились. Нада и не замѣчала сама какъ исчезала всякая умственная рознь между ею и женихомъ. Не Дмитрія она уже только любила, а весь его умственный складъ передавался ей. И дѣлалось это не путемъ убѣжденій и доказательствъ, а тѣмъ гораздо болѣе полнымъ сліяніемъ которое приноситъ съ собою созвучная жизнь. Нада уже не спрашивала себя правъ ли Дмитрій во всѣхъ своихъ мнѣніяхъ: съ нея было довольно и того что въ ея глазахъ онъ былъ правъ не на однихъ словахъ, а на дѣлѣ. Всегда ровное отношеніе къ меньшимъ, чуждое раздраженія и залапчивости, стараніе принести пользу безо всякаго разчета на благодарность, это было какъ разъ то чего Надѣ хотѣлось, чего требовала ея безкорыстная жажда справедливости. И она радостно подмѣчала какъ довѣріе къ Дмитрію все росло, какъ все чаще стали обращаться къ нему за совѣтомъ крестьяне. Въ его заботахъ о нихъ они уже не видѣли признаковъ малодушной слабости, его требованія уже не возбуждали ролота, натянутыя отношенія исчезли. Мужики знали что въ дѣловой просьбѣ имъ отказа не будетъ: Дмитрій распорядился чтобъ изъ кассы имѣнья выдавались нуждающимся крестьянамъ на уплату податей, или на какую-нибудь необходимую покупку, денежныя ссуды за самыя небольшіе проценты. И этою мѣрой онъ вызвалъ крайнее неудовольствіе противъ себя со стороны Акіма

Забудаева: содержатель постоялаго двора былъ издавна сельскимъ банкиромъ, и барыша, отсюда происходящія, считалъ своимъ неотъемлемымъ правомъ.

Осень поемногу стала одѣвать Бѣлые Столбы въ богатое разноцвѣтное убранство. Среди пожелтѣвшихъ лилъ красѣли листья клена и вяза, хмурый дубъ все еще бодрился, но поемногу блекла и бурѣла его все еще темнозеленая одежда, и вѣтеръ сухо шелестѣлъ въ его сморщенныхъ отживавшихъ листьяхъ. За то на поляхъ, гдѣ еще недавно одни жалкіе остатки соломы кое-гдѣ торчали на черной глади, теперь уже яркимъ ковромъ зеленѣли густыя озими. Небо склонъ словно разступился, и глаза дальше проникали за прозрачную дымку, ложившуюся на края безоблачнаго сентябрьскаго неба. То церковная колокольня, то помѣщичій садъ, то крыши деревни выступали вдали тамъ гдѣ глазъ прежде встрѣчалъ одну сиватую мглу. Грачи стаями слетались на поле; воробьи густо залѣливали крышу на гумнѣ, а слугнутые оттуда, шумною тучей слетались на стоявшія вблизи ракиты. Ласточки не ныряли теперь уже по воздуху, журавли давно потянулись на югъ, но жаворонокъ еще кое-гдѣ выпархивалъ изъ куста, громко бросая на вѣтеръ свое привѣтствіе ясному дню.

Разъ въ воскресенье утромъ—это было уже во второй половинѣ сентября—Надя объявила что пойдетъ съ прочими членами семьи къ обѣднѣ. До этого она въ церковь не ходила, и Анна Григорьевна ее не приневоливала.

— Не хотите отъ другихъ отстать, кузина, разсмѣялся Володя. Самъ онъ, когда ему не случалось утромъ проспать, какъ-то невольна присоединялся къ богомольной матери, хотя обѣдаю онъ слушалъ большею частію разсѣянно, бросая вскося пытливые взгляды въ сторону крестьянскихъ дѣвухъ. Анна Григорьевна всегда молилась усердно, а въ этотъ день съ какимъ-то особеннымъ умилеиємъ крестилась медленно и немного торжественно и творила земные поклоны, не смотря на то что колѣни ей плохо служили. Вообще она туго оправлялась отъ болѣзни. Надя не молилась; по крайній мѣрѣ словъ молитвы она не произносила. Но давно несмысленная ею служба навѣвала на нее какое-то особенное благодатное чувство, не смотря даже на гнусливое чтеніе дѣлца и далеко не стройный хоръ. Сердце ея переполнилось тихимъ, отраднымъ чувствомъ благодарности за себя и любви къ окружающимъ. И прежде, съ самыхъ раннихъ

лѣтъ, ее тянуло къ простому оврому люду. Но въ этомъ слегка мечтательномъ влеченіи ей представлялся всегда народъ вообще, отвлеченный народъ, существо очень неопредѣленное и мало осязательное. Съ недавнихъ только поръ она близко увидала настоящаго работника, того который не отстаетъ отъ сохи и не заглядываетъ за свою борозду. И въ своихъ попыткахъ сблизиться съ нимъ ей часто приходилось задавать себѣ вопросъ: какая можетъ быть у нея съ нимъ точка солприкосновенія, какъ могутъ они ловить другъ друга, между тѣмъ какъ его вѣрованія такъ расходятся съ ея образомъ мыслей? Теперь, въ церкви, среди молящейся толпы, это сознаніе розни и обособленности оказалось въ ней еще живѣе. А между тѣмъ ей такъ хотѣлось чувствовать заодно и съ семьей въ которую она входила, и съ крестьянскимъ людомъ которому ей такъ хотѣлось привести пользу уже не на словахъ только. Неужели, думала она, глядя на стоявшую позади толпу, молитва этихъ людей терается въ пространство, обращается къ несуществующему небу?

Послѣ обѣдни Анна Григорьевна заказала молебень. Читали Евангеліе: „приидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи“. Слова эти поразили ее, какъ будто она слышала ихъ въ первый разъ. Вотъ, казалось ей, настоящій призывъ неистощимой, кроткой любви, путь къ убѣжищу готовому для всѣхъ безъ исключенія. И она могла такъ долго отстранять себя отъ этого призыва, видѣть въ немъ чуть ли не какой-то обманъ! Но тотчасъ въ ней поднимался иной, давно знакомый голосъ: „да, полно, говорилъ онъ, находятъ ли всѣ приходящіе обѣщанное утѣшеніе, и много ли пользы для тѣхъ кому оно сулитъ покой развѣ за гробомъ?“ Случайно взглядъ ея упалъ на стоявшаго позади Томилива: подъ конецъ службы Федоръ Васильевичъ приблизился къ тому мѣсту гдѣ стояли Корецкіе. Бѣлые Столбы были его приходомъ, и онъ часто туда навѣзжалъ къ обѣднѣ. Томилинь ласково кивнулъ Надѣ. Взглядъ ея уже не отрывался отъ его сухаго, продолговатаго лица, точно она думала прочесть на немъ какое-то объясненіе.

— Въ первый разъ сюда пришла сегодня, шелнулъ ему на ухо Володя.

Служба кончилась. Анна Григорьевна у палерти сѣла на дрожки. „Устала немножко, домой не дойду“, какъ будто извинялась она. Для нея всегда тяжело было сознаваться въ своей слабости. Домашніе показывали видъ будто они не

прибѣгаютъ что она далеко уже не прежняя, бодрая хозяйка Дмитрій, Томилинь и Нада прошли домой черезъ садъ. Володя отправился вести переговоры со старикомъ насѣчникомъ Ксенофонтомъ, съ которымъ ходилъ часто вдвоемъ на охоту. Тотъ еще съ утра пришелъ объявить что около Бѣлыхъ Столбовъ дрофа оказалась въ большомъ числѣ. И Володя собирался на слѣдующее же утро вмѣстѣ съ нимъ попытать счастья.

— Почему это вы, Надежда Сергѣевна, вдругъ спросилъ у молодой дѣвушки Томилинь,—такъ пристально на меня гляди во время Евангелія?

— Да такъ, мнѣ въ голову пришла одна мысль насчетъ васъ. Она продолжала не сразу.

— Мнѣ думается, нашли ли вы то услокоеніе про которое говорится въ текстѣ. Вѣдь и вы несомнѣнно труждающійся, я знаю, изъ тѣхъ которые пришли...

Томилинь вздохнулъ.

— Ахъ, Надежда Сергѣевна, кто про себя можетъ сказать что онъ пришелъ и куда пришелъ?

— Ну, вотъ видите, живо возразила она (они вошли уже въ садъ и поднимались къ дому),—когда даже вы не можете сказать утвердительно, что же должны тогда чувствовать простые, необразованные люди? Осьмнадцать вѣковъ они слышатъ эти утѣшенія съ амвона, а много ли облегчилась отъ того ихъ нужда?

— А вы думаете, нѣтъ? Вы думаете, чувство довѣрчивой покорности не помогаетъ даже въ физическихъ страданіяхъ? Да поглядите вотъ на себя: развѣ вамъ не лучше телерь когда вы чувствуете себя примиренною со всѣми?

— Да въ томъ-то и дѣло, Федоръ Васильевичъ, улыбулась ему Нада въ отвѣтъ,—что я боюсь какъ бы мое собственное счастье не заставило меня позабыть про другихъ...

— Эхъ, Нада, Нада, вмѣшался Дмитрій,—когда ты переставешь мучить себя, какъ будто ты и права не имѣешь быть просто счастливою! Ну скажи мнѣ пожалуста, развѣ лучше было бы тѣмъ о комъ ты всегда сокрушаешься, еслибъ у нихъ отняли надежду и перестали они молиться по своему, можетъ-быть и не зная даже какими словами молиться, и стали бы они роптать и завидовать другимъ. Ты недавно, кажется, видѣла примѣръ сколько пользы имъ принесла тѣ кто возбуждали ихъ къ протесту. Лучше синица въ рукахъ чѣмъ журавль въ небѣ—конечно, да бѣда-то въ томъ

что синицу эту имъ сулятъ только, а дать не могутъ, а вмѣсто нея оказывается развѣ красный лѣтухъ.

Они втроемъ усѣлись на скамейку предъ домомъ.

— Я некогда до сихъ поръ, Дмитрій, опять начала Нада,— съ тобой про это не заговаривала. Мнѣ казалось что и ты избѣгалъ этихъ вопросовъ, потому... потому что и твои мнѣнія расходятся съ попятіями Анны Григорьевны.... ну да и съ вашими тоже, Федоръ Васильевичъ...

— Вотъ какъ, размѣялся Томилинь,—это все конечно изъ-за лабораторіи, въ которой Дмитрій Алексѣевичъ весной проводилъ цѣлые часы? А теперь все-таки отъ химіи поотсталъ, а?

Дмитрій молчалъ.

— Мнѣ совсѣмъ не до смѣха, продолжала Нада,—я очень хорошо сознаю что настоящихъ, твердыхъ убѣжденій у меня нѣтъ, да и быть не можетъ, потому что надо очень, очень много знать, прежде чѣмъ рѣшиться утверждать положительно.

— Знаніе, Нада, будто съ усиленіемъ проговорилъ Дмитрій,— да вѣдь это фонарь въ потемкахъ, которымъ солнце не замѣнишь! Представь себѣ что я въ темной комнатѣ, куда еле-еле сквозитъ дневной свѣтъ, и меня увѣраютъ будто я не имѣю права выйти оттуда пока къ дверямъ не подберутъ ключа. А ключа все не находятъ, либо, если найдутъ, онъ замка не отпираетъ. Ну, какъ ты думаешь, стану я дожидаться, можетъ-быть цѣлую жизнь, или просто постараюсь отворить, а пожалуй и выломать дверь. А тамъ, я знаю, солнце ясно свѣтитъ и видъ чудесный, а меня туда не пускаютъ, потому что вотъ такой-то ученый все еще не рѣшилъ какой системы долженъ быть знаменитый ключъ...

— Ну хорошо же ты послѣ этого естествоиспытатель, сказала Нада, а глаза ея между тѣмъ засвѣтились сочувствіемъ.

— Да развѣ одно другому мѣшаетъ? Конечно никакая вѣра не поможетъ отыскать законъ паденія тѣлъ, но за то этотъ законъ, да и всякій другой, не помогутъ мнѣ коли у меня есть горе.

— Молчи, молчи, зачѣмъ про горе уломинать, и Нада съ какимъ-то суевѣрнымъ искумомъ закрыла ему ротъ ладонью.

— Да его и не будетъ, улыбнулся Томилинь,—довольно вы натерѣлись...

Къ нимъ крупными шагами, съ сіяющимъ лицомъ подходилъ Волода. Въ рукѣ у него было нѣсколько писемъ и

газетъ. Дорогой онъ перехватилъ только-что привезенную изъ города почту.

— Ко мнѣ! Заграничное! залыхавшись воскликнулъ онъ, вынимая изъ папки одинъ маленькій голубой конвертъ. Письмо было адресовано ему, крупнымъ, хоть и очень юнымъ женскимъ почеркомъ. На конвертѣ была французская марка; на штемпелѣ значилось: Biaritz.

— Что если это отъ Жени? и Володя дрожащими пальцами распечаталъ письмо.

Оно въ самомъ дѣлѣ было отъ Жени и оказалось на цѣлыхъ осьми страницахъ. Последняя была даже исписана крестъ-на-крестъ—барышни всегда большія охотницы такъ писать: слишкомъ уже много интереснаго онѣ приберегаютъ къ концу.

Женечка совсѣмъ повидимому не скорбитъ о своемъ отъѣздѣ изъ Россіи. Она говорила, конечно, что очень сожалѣть о Никольскомъ; но тѣмъ не менѣе восторженно описывала свои заграничныя впечатлѣнія. Вотъ что писала она между прочимъ, конечно, по-французски:

„...Море—это та же стель, но вѣчно гнѣвное и страстное. Я ужасно люблю море. Мы каждый день кулаемся и ѣздимъ на лодкѣ. Мнѣ нравятся волны, потому что онѣ сильныя, и я ихъ совсѣмъ не боюсь. Мы только-что вернулись изъ поѣздки въ Испанію. Я была очень разочарована. Представьте себѣ, сейчасъ за Пиринеями также гладко какъ у насъ, только вмѣсто нашихъ полей какія-то выжженные, сѣрыя, съ жалкою растительностью, и деревьевъ совсѣмъ нѣтъ. Страна какъ будто гнѣвная, сонная, такая же какъ народъ. Только соборъ въ Бургосѣ чудесный. Здѣсь очень весело; мы со многими Англичанами познакомились. Я ихъ гораздо больше люблю чѣмъ Французовъ. Когда они что-нибудь скажутъ, такъ и чувствуешь что это правда. Каждый день играемъ въ lawn tennis: вы бы очень полюбили эту игру. Очень хорошо тоже на ослахъ кататься. У насъ будущимъ лѣтомъ непременно будутъ осла. Не знаю долго ли мы здѣсь останемся. Мама собирается отсюда въ Ниццу. Всѣ говорятъ что тамъ еще лучше чѣмъ здѣсь. Но въ Петербургѣ мы непременно будемъ до зимы. Итакъ все-таки могу вамъ сказать: до скорого свиданія.“

Затѣмъ письмо оканчивалось всего двумя буквами Е. О. Женечка долго обдумывала какъ ей всего приличнѣе кончить

и наконецъ остановилась на этой лаконической подписи. Не менѣе долго она колебалась и для начала письма. Она бралась за него нѣсколько разъ и перепортила цѣлыхъ пять листовъ бумаги. Сперва она было написала: „Сher Владиміръ Алексѣевичъ“, но это ей показалось слишкомъ фамильярно. Потомъ она замѣнила этотъ приступъ словомъ „Monsieur“, но это было уже слишкомъ холодно и офиціально. Фраза: „Сher monsieur Karetzky“ тоже ей не понравилась, и она пришла къ заключенію что лучше всего прямо начать письмо безо всякаго приступа.

На Володю, хоть онъ былъ сначала счастливъ и польщенъ, посланіе Женечки въ концѣ концовъ не произвело особенно радостнаго впечатлѣнія. Слишкомъ ужъ явно она восхищалась путешествіемъ, и смутное чувство безпричинной ревности прокрадывалось къ нему въ сердце. Да и возвращеніе въ Россію все откладывалось—теперь уже рѣчь шла о зимѣ, и Женечка говорила про это какъ ни въ чемъ не бывало! Онъ бережно сложилъ письмо и спряталъ его въ карманъ, но радость его куда-то отлетѣла.

— А графъ Сергій Борисовичъ, сказалъ Дмитрій,—согласился-таки быть опекуномъ дамы твоего сердца. Сегодня мнѣ про это написалъ николевскій управляющій.

Но и эта добрая вѣсть не разсѣяла налывшаго на Володю раздумья.

— Ну а какъ ваша охота? спросила у него Надя.

— Да какая тутъ охота! махнулъ онъ рукой.

— А что, Федоръ Васильевичъ, обратился къ Томилину Дмитрій, не хотите ли позавтракать? Вы, я думаю, проголодались?

Всѣ поднялись съ мѣста. Не успѣли они однако пройти нѣсколько шаговъ какъ увидели сбѣгавшую второпяхъ ключицу Анисью.

— Дмитрій Алексѣевичъ, заговорила она вся растерянная,—идите сюда, батюшка. Не знаю какъ и быть съ генеральшей, что-то недоброе случилось...

Всѣ послѣдили въ домъ. Въ своемъ кабинетѣ, на мягкомъ вольтеровскомъ креслѣ Анна Григорьевна лежала безъ чувствъ.

II.

Had we never loved so kindly,
 Had we never loved so blindly,
 Never met or never parted,
 We had ne er been broken hearted.

Burns.

Mir ist, als ob ich die Hände
 Auf's Haupt dir legen sollt,
 Betend, dass Gott dich erhalte,
 So rein und schön und hold.

Heine.

Анна Григорьевна оправилась и на этотъ разъ. Цѣлые три часа до пріѣзда доктора она пролежала въ безпамятствѣ, но потомъ сознаніе и языкъ къ ней возвратились. Остался только общій уладокъ силъ, продолжавшійся и въ слѣдующіе дни. Мертвенная желтоватая блѣдность покрывала лицо, глаза глядѣли тускло и неподвижно. Не смотря на то что старушка избѣгла паралича, докторъ повидимому оставался недоволенъ ходомъ болѣзни. Прямыхъ опасеній, какъ водится, онъ не высказывалъ, но о будущемъ говорилъ съ таинственною нерѣшительностью. „На этотъ разъ, объявилъ онъ на третій день и при этомъ усиленно сталъ обтирать платкомъ вслѣдъшю лысину,—бояться нечего; а при надлежащемъ уходѣ и приличныхъ случаю медикаментахъ можно надѣяться что острый припадокъ не повторится“. Такъ прикрывалъ онъ несомнѣнную опасность смягчающими научными терминами, будто придуманными для того только чтобы вводить родныхъ въ заблужденіе. Но эта осторожность не успокоила Дмитрія и Надю. Оба они сознавали, хоть и не высказывали этого другъ другу, что угрожающій призракъ затемнилъ ихъ счастье, что насталъ конецъ безмятежнымъ днямъ которыми они недавно еще такъ довѣрчиво наслаждались.

Было сѣрое, тоскливое сентябрьское утро. Анна Григорьевна уже шестыя сутки не выходила изъ своей спальни. Нада сидѣла въ своей комнатѣ у окна, въ ожиданіи что ее позовутъ къ теткѣ. Дмитрія не было дома; онъ уѣхалъ осматривать участокъ лѣса назначенный на срубъ. Дождь съ самаго разсвѣта съ грустнымъ постоянствомъ осеннихъ дождей равномерно билъ въ стекла оконъ. Нада уже цѣлый часъ

неподвижно глядѣла какъ одна за другою капли ударились все въ то же самое мѣсто на каменной плитѣ у подъязда и какъ водяныя брызги небольшими струйками разсыпались въ разныя стороны. Она слѣдила улорно за этими струйками, какъ дѣлаютъ это люди чья мысль работаетъ и у которыхъ остается ровно настолько вниманія чтобы сосредоточить его на самомъ пустомъ предметѣ. „Вотъ, вотъ, сейчасъ выше отскочить“, мелькало у нея въ головѣ, когда болѣе крупная капля падала въ маленькую лужицу образовавшуюся на поверхности плиты. А между тѣмъ мысль уносила ее далеко назадъ. Какъ разъ за годъ предъ тѣмъ она собиралась въ Москву съ сестрой и съ Неродовичемъ. Тогда былъ тоже мутный сентябрьскій день какъ теперь; она живо припомнила всѣ подробности сборовъ и отъезда. Ей тогда какъ разъ минуло восемнадцать лѣтъ. Ровно годъ отдѣлялъ ее отъ этого времени, а какъ все нежданно измѣнилось въ ея жизни! И не только внѣшность этой жизни совсѣмъ уже не та; нѣтъ, весь ея внутренній мѣръ, ея понятія и желанія, все это словно пересоздано вновь. Наканунѣ былъ опять день ея рожденія. И какъ непохожъ онъ былъ на тотъ который за годъ предъ тѣмъ она провела въ О. въ маленькой квартирѣ Тумановыхъ! Правда, и теперь онъ прошелъ невесело; болѣзнь Анны Григорьевны бросала грустную тѣнь на всю семью, но за то сколько теплой любви окружаетъ ее теперь, вмѣсто того суроваго, мнимаго долга которому сама она за годъ предъ тѣмъ себя посвятила. Да, жизнь ея разцвѣла какъ разцвѣтаетъ иногда отъ лѣтняго солнца лобитое морозомъ молодое дерево. Теперь только, въ послѣднѣе дни, она почувствовала себя вполнѣ свободною отъ нитей связывавшихъ ее съ прошлымъ. Онѣ порваны всѣ до единой, и Нада уже совершенно откровенно признавалась предъ собой какъ счастлива она тѣмъ что возвратила себѣ полную свободу. Молодая дѣвушка ощущала то что бываетъ съ людьми которые только что укрылись отъ опасности и радостно отдаются возраждающему чувству избавленія.

Нада растворила окно. Дождь лилъ все сильнѣе. „Бѣдный Митя, какъ онъ себя не бережетъ“, подумала она, и ей вдругъ усиленно захотѣлось его тотчасъ же увидѣть возлѣ себя, словно ему опасность какая-то грозила, и одна она сумѣла бы его уберечь. „Очень ему нужно вѣчно хлопотать! Какъ будто безъ его участія ничего не можетъ сдѣлаться по имѣнію“,

продолжала она разсуждать съ собою, совершенно забывая какъ мало такіа мысли шли къ прежней Надѣ, которая еще такъ недавно требовала во всемъ и отъ себя и отъ другихъ строгаго подчиненія долгу. Вдругъ послышался звукъ колыхать удаляющихъ о намокшую землю. Это былъ Дмитрій конечно. Но пріѣхавшій обогнулъ палисадникъ на дворъ, и она узнала кучера. Онъ привезъ изъ города почту.

— Что намокъ, бѣдвѣй? спросила она чрезъ окно.

— Да, ужь порядкомъ, барышня, весело отвѣтилъ тотъ, страхивая свои мокрые густые волосы.—Ну да ничего, дѣло лустое! Для васъ письмоцо привезъ.

— А Дмитрія Алексѣевича не встрѣтилъ? спросила Надя, для того только завязавшая этотъ разговоръ чтобъ освидѣниться о Дмитріи. Письмо ее нисколько не интересовало. Когда его однако ей подали, она удивилась увидавъ на конвертѣ почеркъ Туманова. Конвертъ изъ грубой сѣрватои бумаги былъ залечатанъ сургучомъ. Надя почему-то сперва рассмотрѣла печать, на которой былъ изображенъ какой-то небывалый цвѣтокъ, и убѣдилась въ томъ что она была не тронута. Молодая дѣвушка взглянула на клеймо—на немъ значилось: „Ст. Плетеный Ташлыкъ“.

Вотъ что съ возрастающею тревогой прочла Надя когда вскрыла наковецъ письмо Туманова.

„Многоуважаемая Надежда Сергѣевна, — Считаю долгомъ уведомить васъ о постигшей насъ бѣдѣ. Жена моя была арестована третьяго дня, во время моего отсутствія. Вернувшись домой, вчера я узналъ отъ нашей служанки, какъ было дѣло. Полицейскіе явились въ 9 часовъ вечера. Мушкетъ въ квартирѣ не было. Жена не пробовала сопротивляться и не успѣла сжечь бумагъ. Служанку взяли тоже, но выпустили на другой день, да она къ нашему дѣлу неприкосновенна. Я конечно долженъ былъ перемѣнить квартиру. Какъ на тяжело мнѣ теперь, а для общаго дѣла надо себя беречь. Когда жему взяли, она успѣла-таки сказать нашей служанкѣ чтобы та извѣстила васъ. „Передайте мужу чтобъ онъ написалъ Надѣ. У нея теперь хорошіа связи. Она можетъ быть для насъ что-нибудь сдѣлаетъ.“ Не знаю сильны ли ваши связи, но сомнѣваюсь чтобы вы что-нибудь сдѣлать захотѣли. Кто къ прежнему дѣлу повернулся сплвой, тотъ мало заботится о тѣхъ которые продолжаютъ за него стоять.

Мы часто съ женой про васъ толковали и сожалѣли о васъ. Сама васъ не переставала любить и все еще вѣрить что вы намъ не измѣнили. Я этихъ иллюзій не раздѣляю и думаю что письмо мое васъ не опечалитъ особенно. Какое вамъ дѣло до сестры, которая настолько была наивна что продолжала служить прежнему, безнадежному дѣлу, когда вамъ напротивъ предстоитъ наслаждаться счастьемъ и богатствомъ. Письмо это я счелъ неудобнымъ вамъ послать отсюда. Одинъ изъ вашихъ, который уѣзжаетъ сегодня, взялся его олустиить въ ящикъ на одной изъ маленькихъ станцій. Такъ, я думаю, все-таки будетъ вѣрнѣе насчетъ официальной любознательности. Съ этою же цѣлью я залечталь конвертъ сургучомъ. Но, отсылая его къ вамъ, я вполнѣ сознаю что это лишь исполненіе формальности, такъ какъ счастливые люди о бѣдныхъ родственникахъ мало заботятся, особенно когда тѣ имѣли несчастье попасть въ число неблагонадежныхъ.

„Вашъ
„Леванъ Тумановъ.“

Наивныя предосторожности Туманова, увы, оказались совершенно напрасными. Письмо его было прочтено гдѣ слѣдуетъ, тщательно залечтано и отправлено по адресу, а съ содержанія его была снята копія.

Надя сперва не почувствовала обидныхъ укоровъ шурина—такъ поразило ее извѣстіе объ арестѣ сестры. „Бѣдная, бѣдная Сама“, громко повторяла она нѣсколько разъ и тотчасъ застыдилась собственнаго счастья при мысли о бѣдѣ постигшей сестру. Образъ этой сестры теперь ярко воскресъ предъ воображеніемъ молодой дѣвушки. Черты ея лица вдругъ съ удивительною отчетливостью выступили предъ лампатою Нади, и для нея эти черты получали какую-то страшную, нѣжную прелесть. Надя почему-то вдругъ припомнила мелкіе позабытые случаи изъ прошлой ея жизни съ сестрой, и каждый изъ этихъ случаевъ дорисовывалъ какую-нибудь симпатичную, милую черту въ характерѣ Саши. Разлука съ сестрой и постигшее ее горе вдругъ придали ей въ глазахъ Нади какое-то особое обаяніе. Никогда еще Сама не была ей такъ дорога какъ именно теперь. Прежде Надѣ случалось осуждать сестру за отсутствіе твердости воли; порой даже полупрезрительное мнѣніе о ней слагалось въ гордой головкѣ Нади. Какъ совѣсть мучила ее теперь за эти суровыя, несправедливыя сужденія! „Бѣдная, бѣдная Сама! Она,

слабая и нерешительная, сумела однако привести себя въ жертву ради своихъ убѣждений". Конечно Надя эти убѣжденія теперь казалась дикими, безобразными: но каковы бы ни были они, самопожертвованіе все-таки оставалось въ ее глазахъ великимъ. Она живо представила себѣ какова должна быть жизнь Саши за послѣдніе мѣсяцы, жизнь величественная и завершенная гирькой. А она сама? Она такъ забылась среди счастливыхъ ощущеній послѣднихъ недѣль что на разѹ въ это время даже не вспомнила про сестру. Свѣтоѹ обвиняла ее все громче и громче въ безсердечіе. Она разошлась съ прежнею средой, но это не давало ей права хладнокровно вычеркнуть изъ памяти тѣхъ къ кому она прежде стояла близко.

Надя еще разѹ принялась за письмо Туманова. Тутъ только сказались ей вся горечь его упрековъ и они тѣмъ болѣе легко отозвались въ ее сердцѣ что она сама только-что говорила себѣ почти то же. Краска стыда бросилась ей въ лицо. Какъ? Тумановъ былъ увѣренъ что она пальцемъ не пошевельнетъ для защиты сестры, потому что, какъ онъ выражалась, счастливые люди становятся равнодушны къ горю бѣдныхъ родственниковъ? Неужели и она такова? Вѣдь поведеніе ея съ сестрой давало Туманову право такъ думать о ней, и потому именно что своего шурина она знала за человѣка недалекаго ума, приговоръ его казался суровѣе всякаго иного. Но она покажетъ что онъ ошибался: она сдѣлаетъ все что въ ее силахъ дабы спасти сестру или по крайней мѣрѣ свидѣться съ нею. Силы ея конечно не велики. Тѣмъ сильней на которыя намекаетъ Тумановъ у нея и нѣтъ вовсе, но все-таки попытку она сдѣлаетъ. Она, пожалуй, обратится къ Борзаскому, какъ на тяжело это для нея, или попроситъ графа Сергея Борисовича... Плана дѣйствія у нея еще не было никакого. Надя смутно представляла себѣ только рядъ хлопотъ и усилій, въ которыхъ она себя не пощадитъ.

Въ особенности ей надо свидѣться съ сестрой, узнать сколько можно и образумить ее. Если ей не удастся избавить Сашу отъ грозившаго суда,—а на этотъ счетъ Надя себѣ не дѣлала иллюзій,—она по крайней мѣрѣ примесетъ сестрѣ нравственную помощь, подѣлится съ нею тѣми нѣмыми сложакающимися мыслями которыми она съ недавнихъ поръ исполнена сама. Только сдѣлавъ это, объявившись съ сестрой хоть разѹ, Надя получить право быть счастливою.

Знать о безвыходномъ положеніи сестры и оставаться къ нему равнодушною, это въ глазахъ Нади было чѣмъ-то до того низкимъ и презрѣннымъ что потому уже о счастья для нея не могло быть и рѣчи. Совѣсть не дастъ ей покоя. Образы покинутыхъ ею когда-то близкихъ людей будутъ преслѣдовать ее съ горькимъ упрекомъ за то что счастье въ жизни досталось ей какъ награда за измѣну. Она рѣшилась во что бы то ни стало поѣхать въ О***, тамъ разыскать Туманова, повидаться съ сестрой... Нада все еще не ясно сознавала къ чему поведетъ ея поѣздка. Но каковы бы ни были послѣдствія, сама поѣздка казалась ей чѣмъ-то необходимымъ. И если даже сестру она не увидитъ и ее не пустать къ Самѣ, она все-таки найдетъ средство доставить ей хоть какую-нибудь вѣсточку. Бѣдная заключенная по крайней мѣрѣ будетъ знать что ее не совсѣмъ забыла семья.

Когда Нада часъ спустя сообщила о своемъ намѣреніи жениху, Дмитрій про ея отъѣздъ не захотѣлъ и слышать.

— Тебѣ ѣхать туда почти наканунѣ свадьбы? Слишкомъ за тысячу верстъ? воскликнулъ онъ въ порывѣ такого страстного чувства какого ей не довелось еще видѣть отъ сдержаннаго Дмитрія.— Да развѣ я тебя пущу?

Нада слушала его опустивъ голову и не возражала ничего. Она дала ему наговориться въволю. Глубокая грусть читалась на ея лицѣ.

— И въ какое время ты это задумала! Мать больна, опасно больна; я ея оставить не могу; ты вѣдь это знаешь...

— Я поѣду одна, Дмитрій, тихо отвѣтила молодая дѣвушка, не поднимая на него глазъ.

— Одна? Да пойми же что это невозможно. Что же это наконецъ? Если тебѣ все равно покинуть мать въ такую минуту—вѣдь она теперь стала матерью и для тебя,—то неужели разстаться со мною для тебя ничего не значитъ? Вотъ стало-быть какова твоя любовь!..

— Ничего не значитъ? И ты можешь такъ говорить? Неужели ты думаешь мнѣ легко было на это рѣшиться?

Пламенные слова Дмитрія опять поллились бурною рѣкой. Ему словно казалось что у него хотять вырвать изъ рукъ съ такимъ трудомъ добытое счастье, какъ будто рѣчь шла не про короткую поѣздку на нѣсколько дней, а про разлуку навсегда.

Но поколебать рѣшеніе разъ принятое Надей ему оказалось не подъ силу.

— Я вѣдь уѣзжаю не на долго, Дмитрій, попрежнему тихо отвѣчала она.—До О*** по желѣзной дорогѣ мѣше трехъ сутокъ. Если я поѣду завтра, ты въ понедѣльникъ вечеромъ (разговоръ ихъ происходилъ въ среду) получишь отъ меня телеграмму. Тамъ я всего пробуду три, четыре дня, а въ воскресенье на той недѣлѣ уже буду здѣсь.

— И ты говоришь про это такъ просто и спокойно какъ будто дѣло совсѣмъ рѣшено и до меня вовсе не касается?

— Мнѣ больно огорчать тебя, Дмитрій, но пойми же что я не могу быть счастлива съ тобой, зная что бѣдную сестру ждетъ тюрьма, а можетъ-быть и ссылка. Дай мнѣ увидаться съ ней по крайней мѣрѣ... Ты прочелъ что пишетъ Тумановъ. Эти упреки будутъ преслѣдовать меня всю жизнь—вѣдь онъ правъ, Дмитрій, а своихъ забыла...

Дмитрій сдѣлалъ гнѣвное движеніе рукой. Его мало тревожа въ эту минуту судьба ея родныхъ, недостойныхъ родныхъ, втолкнувшихъ ее въ тотъ безобразный омутъ откуда почти чудомъ она была спасена.

— Много они про тебя помнили, страстно возразилъ онъ,— а много ты видѣла отъ нихъ добра и любви! Бѣдная моя, обманутая дѣвочка, брось ихъ, забудь.

Но слова эти только усилили ея грусть. Онъ понималъ это, съѣлъ возлѣ нея, и бережно взявъ ея руку въ свои, заговорилъ вѣжливымъ, почти умоляющимъ голосомъ:

— И какую пользу можешь ты принести сестрѣ? Пожелаешь, ты къ ней привязана; тебѣ хочется лишній разъ съ нею познакомиться... Я это понимаю. Но вѣдь ты ровно ничего не достигнешь своею поѣздкой, не только помочь чѣмъ-либо сестрѣ, даже увидѣть ее не удастся. Тебя къ ней не пустятъ.

— Я попрошу Боровскаго, онъ въ этомъ мнѣ отказать не можетъ...

— Боровской! Ты на него рассчитываешь? Сколько я его знаю, вѣтъ у тебя заѣе врага.

Надя поджала на Дмитріа свои, теперь широко раскрытые глаза.

— Нѣтъ, Митя, ты на его счетъ ошибаешься. Положимъ, я оскорбила его самолюбіе, но изъ-за этого онъ не откажетъ мнѣ въ свиданіи съ Сашей. У Боровскаго не мелкая натура.

Дмитрій истощилъ одинъ за другимъ всѣ свои доводы, въ десятый разъ повторяя ей одно и то же. Онъ сознавалъ что

былъ правъ, но противодѣйствию его слабѣло предъ ея такою рѣшимостью.

— Неужели, Митя, ты не хочешь приисоци этой жертвы рада моего спокойствія? Вѣдь я же приисоци ея, мнѣ вѣдь не легко съ тобою разставаться. Я чувствую что для меня это священный долгъ; можетъ-быть я и ошибаюсь въ этомъ, можетъ-быть и не достигну ничего, но еслибъ я не поѣхала туда, воспоминаніе о погибшей, которой я и руки не протянула на прощанье, отравило бы всю мою жизнь.

Дмитрій былъ въ отчаяньи. Онъ не находилъ уже словъ чтобы убѣдить ее. Конечно, онъ могъ бы ее не пустать; онъ зналъ что Нада не воспротивилась бы прямо высказанной имъ волѣ; но имѣлъ ли онъ право лишить ее того что въ ее глазахъ было единственно возможнымъ успокоеніемъ для заволновавшейся совѣсти?

— Подожди, по крайней мѣрѣ, пока матушкѣ станетъ лучше, сказалъ онъ, уступая,—мы тогда поѣхали бы вмѣстѣ.

— Нѣтъ, Митя, рѣшаться, такъ ужь рѣшаться. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Сестра ждать не можетъ. Кто знаетъ, гдѣ она будетъ черезъ недѣлю? А ѣхать одной мнѣ не въ диковинку.

Онъ молча шагалъ по комнатѣ.

— Хорошо, Нада, остановилась онъ предъ нею, — я тебя отпущу, но и не думай о томъ чтобы ѣхать одной: ты возьмешь съ собой Анисью, на нее положиться можно.

— Какъ, Анисью? Что станетъ дѣлать безъ нея тета?

— Ну, мама какъ-нибудь и безъ нея обойдется. А тебя, по крайней мѣрѣ, я хочу сдать на надежныя руки. Когда ты поѣдешь?

— Я думаю, завтра.

Было рѣшено между ними въ тотъ же вечеръ сказать Аннѣ Григорьевнѣ про отъѣздъ Нады, но объясняя ей однако всей правды. Ее увѣрили что Нада получила извѣстіе про болѣзнь отца: ее не хотѣли слишкомъ тревожить.

Анна Григорьевна удивительно спокойно, почти безучастно отнеслась къ этому извѣстію. Она и не думала возражать; способность къ отпору въ ней была словно подорвана.

— Поѣзжай, дружокъ мой, сказала она, цѣлуя Надю въ лобъ,—поцѣлуй отца. Хорошо ты это дѣлаешь, надо отца уважать. Кладяйся отъ меня Сергѣю Петровичу. А что жъ Митя съ тобой поѣдетъ?

— Нѣтъ, мама, я при васъ останусь. Поѣдетъ Анися.

— Ну, какъ вы знаете. Только побереги себя, дружокъ мой, смотри не простудись.

У Дмитрія и Нади слезы навертывались на глазахъ, такъ имъ тяжело было видѣть этотъ уладокъ воли у недавно еще бодрой старушки.

— Прощайте, тетя милая, еще разъ поцѣловала ея руку Нада,—можетъ-быть завтра, когда я поѣду, вы будете еще спать.

— Прощай, прощай, Христосъ съ тобой, Надочка; возвращайся скорѣе.

И старушка прижала къ себѣ молодую дѣвучку, перекрестивъ ее дрожащею рукою.

На другой день Дмитрій и Володя проводили Надю на поѣздъ.

Отъѣзжающихъ было мало. Широкая станція смотрѣла печально въ дождливый осенній день. Казалось все, даже съѣзъ поѣздъ, лѣниво, не огибша, приготовлялся въ путь. На одной сторонѣ платформы терпѣливо ожидала звонка давно уже собравшаяся кучка крестьянъ съ какими-то холщевыми мѣшками, да котомками. Въ залѣ перваго класса человѣкъ семь или восемь мирно дождали завтракъ и изрѣдка обмѣнивались отрывочными замѣчаніями. Буфетный слуга, въ удивительно засаженномъ фракѣ, съ сонною и подбитою физиономіей, не спѣша подавалъ кушанья, причѣмъ нерѣдко приходилось громко подзывать его раза по три. Тучная помѣщица съ многочисленными узелками и двумя собачонками усѣлась въ углу и сладко дремала. Всѣ знали очень хорошо что до третьяго звонка оставалось еще полчаса. Только господинъ съ гнѣвнымъ лицомъ, въ красной желѣзнодорожной фуражкѣ, крупными шагами расхаживалъ по платформѣ, на кого-то прикрикивалъ и дѣлалъ видъ будто отдаетъ важныя приказанія: это былъ помощникъ начальника станціи.

Надю Дмитрій послѣдилъ усадить въ вагонъ: оберъ-кондукторъ обѣщалъ устроить такъ чтобъ ее тамъ не тревожили. На прощаньи женихъ и невеста говорили о самыхъ различныхъ предметахъ; оба они крѣпились чтобы скрыть другъ отъ друга свою грусть. Володя пробовалъ даже подшучивать, но веселость его не находила отголоска. Дмитрій и Нада почти тяготились долгимъ промежуткомъ времени оставшимся до отъѣзда. Имъ обоимъ такъ было тяжело

что казалось быль бы ужь облегченіемъ синальнымъ свистокъ. Отсрочка на прощаньи, это то же что медленно произведенная операція.

— Ты мнѣ телеграмму дай уже изъ Харькова, пожалуйста, въ десятый разъ повторилъ онъ.

— Ну да, ну да. А ты, смотри, маму побереги.

Наступило молчанье. Потомъ опять заговорилъ Дмитрій:

— Ты ничего изъ своихъ вещей не забыла?

— Ничего, кажется, и она попробовала улыбиться.

Но вотъ раздался второй звонокъ.

— Пожалуйте изъ вагона: черезъ пять минутъ идемъ, сказалъ кондукторъ, входя въ отдѣленіе перваго класса гдѣ помѣстилась Нада.

И Дмитрій и Нада какъ будто почувствовали какое-то облегченіе при мысли что сейчасъ вотъ поѣздъ тронется. „Ну, прощай, Нада, обмалъ онъ ее,—будь умница. Прощай“. И онъ вышелъ съ Володей на платформу. Но тутъ, когда преграда отдѣлила его отъ Нады, сердце его болезненно вдругъ сжалось. Онъ не могъ отогнать мрачныхъ мыслей навѣянныхъ этою неожиданною разлукою, какъ ни твердилъ себѣ что черезъ вѣсколько дней она вернется. Дмитрій стоялъ прислонившись къ окну вагона, и взглядъ его какъ будто прощался не съ ней одною, а со всюю этою тѣсною обстановкою, гдѣ ей придется провести вѣсколько часовъ.

— Хорошо ли тебѣ здѣсь? еще разъ повторилъ онъ.— Анясья, поручаю вамъ Надежду Сергѣевну.

— Будьте спокойны, Дмитрій Александровичъ. Небось берегу барышню.

И ласковое, доброе выраженіе показалось на морщинистомъ лицѣ старой ключицы.

Прощаю еще вѣсколько минутъ. Дмитрій повторилъ еще разъ тѣ же вопросы и тѣ же наставленія. Зазвонили въ третій разъ; потомъ раздался пронзительный свистокъ; потомъ на вѣсколько секундъ наступила какая-то страшная гробовая тишина. И медленно, какъ движутся люди страдающіе одышкой, поѣздъ, скрипя рессорами, двинулся съ мѣста, а паровозъ пустилъ къ свѣтому небу густое облако дыма.

Тутъ Нада себя уже не сдерживала. Слезы хлынули изъ ея глазъ и долго она неподвижно глядѣла въ ту сторону гдѣ давно уже скрылась дома города. Ей казалось что чья-то рука насильно вырвала ее изъ дорогой среды и влечетъ ее туда гдѣ не видать ей уже счастья, на мигъ блеснувшего въ ея жизни.

III.

На 28 сентября, чрезъ три дня послѣ отъѣзда Нади, въ окружномъ судѣ было назначено къ слушанію дѣло о кандидатахъ агрономіи, житомирскомъ мѣщанинѣ, Станиславѣ Викентьевѣ Гондзѣвскомъ, обвиняемомъ въ покушеніи на убійство. Судъ на этотъ разъ измѣнилъ своей обычной неторопливости: Ковеведкій въ три недѣли окончилъ сафдствіе, а мѣсяца хватало на утвержденіе обвинительнаго акта. Правда и то что обвиненіе казалось простымъ до очевидности.

Дѣло это возбуждало въ городѣ живой интересъ и, какъ водится, общество и на этотъ разъ сочло нужнымъ раздѣлиться на партіи. Много спорили о томъ имѣлъ ли Дмитрій право собственою властью арестовать Гондзѣвскаго; и старались тѣхъ добрыхъ людей въ чьихъ глазахъ преступникъ до стоилъ большаго сочувствія чѣмъ жертва преступленія Гондзѣвскій мало-по-малу превратился въ страдальца за преевое дѣло. Корреспондентъ Безвидовъ даже тиснулъ на его счетъ статейку въ одной петербургской газетѣ.

Немудрено что зала суда была совершенно полна, и судебному приставу, что рѣдко случается въ провинціи, пришлось чуть ли не силой защищать входныя двери отъ напора любопытныхъ. Гондзѣвскій и не ожидалъ что его произведутъ въ герои дня: когда его ввели въ залу, онъ съ тулымъ изумленіемъ окинулъ взглядомъ пеструю толпу, собравшуюся послушать какъ изъ-за него прокуроръ и адвокатъ будутъ обмѣниваться лдовитыми рѣчами. Его лично судьбой конечно не интересовался никто. Но защищать его взялся мѣстное свѣтло, косвенный потомокъ Хмѣльницкаго, Заболдуха. Обвиненіе поддерживалъ извѣстный своею мягкою ѣдкостью товарищъ прокурора Соборавскій. Словомъ, ожидалось нѣчто въ родѣ перваго представленія, и всѣ заранѣе облизывались предъ вѣроятнымъ скандаломъ. Всего болѣе ковылялись отъ возбужденія дамы, и увы! симпатіи ихъ болшею частію не были на сторонѣ Дмитрія. Натѣжая въ городъ исключительно по дѣламъ, онъ не счелъ нужнымъ познакомиться съ мѣстнымъ обществомъ, и прелестная супруга всего чиновнаго люда, отъ прокуратуры до акциза включительно, питали къ нему болѣе или менѣе явное нерасположеніе.

Неудивительно что среди прекраснаго пола облаченія г. Безвидова находили готовый отголосокъ.

Одною изъ наиболѣе усердныхъ защитницъ угнетенной невинности Гондзѣвскаго была супруга мѣстнаго управляющаго акцизомъ, Клементина Адамовна Дзынгаревская, особа въ высшей степени милостивая, съ непослушными и густыми белокурыми волосами и чистокровною варшавскою кожей, которую охотно показывала. Весь молодой и въ особенности не молодой чиновный людъ былъ неизмѣнно влюбленъ въ кокетливую Польку. Со всѣми мужчинами она одинаково прелестно щебетала и всѣмъ имъ твердила съ замѣтнымъ акцентомъ на предпоследнемъ слогѣ: „я не хочу допустить чтобы меня могли считать за Польку“. Мужъ ея, статскій совѣтникъ Дзынгаревскій, отличался необыкновенно усерднымъ посѣщеніемъ храма Божія въ официальные дни, имѣлъ Владимира на шеѣ, а во всемъ остальномъ какъ нельзя болѣе походилъ на безчисленныхъ статскихъ совѣтниковъ всякаго происхожденія. На этотъ разъ, пожившись въ залѣ суда на первой скамейкѣ, Клементина Адамовна все свое вниманіе посвятила вице-губернатору, который за ней ухаживалъ тѣмъ болѣе старательно что собственная его любовь обладала непривлекательною наружностью и еще болѣе непривлекательнымъ нравомъ. „Я думаю, очень интересный господинъ этотъ Гондзѣвскій?“ спрашивала она вице-губернатора: преступникъ возбуждалъ ея сочувствіе, вопервыхъ, какъ солдатецъ, а вовторыхъ, потому что Клементина Адамовна была изъ числа тѣхъ очаровательныхъ дамъ которымъ всякій кто стрѣлялъ въ другаго непременно кажется героемъ. Когда она увидала мизерную внѣшность г. Гондзѣвскаго, ей пришлось разочароваться, хоть она и не переставала выказывать ему самое явное сочувствіе. Была въ залѣ и другая дама не менѣе горячо расположенная въ пользу защиты. Ее звали Екатериной Николаевной Вондаревой. Давно уже она развелась съ мужемъ и въ мѣстномъ обществѣ была самою видною представительницею женской эманципации. Она затыгивалась папироской и танула шампанское не хуже любого гусара и въ качествѣ сторонницы свободной любви, установила для своихъ многочисленныхъ поклонниковъ нѣчто въ родѣ маленькой говорильни, гдѣ обмѣнивались передовыми сентенціями почерпнутыми изъ послѣднихъ нумеровъ газетъ и журналовъ. На этотъ разъ она

се неудовольствіемъ подмѣчая что въ присутствіи дамъ изъ болѣе высокаго мѣстнаго круга молодежь ее какъ будто избѣгала. Даже обычные почитатели ея наделакой гостини, притѣй чиновникъ по особымъ порученіямъ Вѣлковъ и не менѣе притѣй адъютантъ начальника дивизіи, баронъ фонъ-Брандфуосъ, дѣлали видъ будто ее не притѣчаютъ. На это она язвительно даже намѣкала будѣшему возлѣ нея корреспонденту Безвидову.

Гондѣвскій, на вопросъ председателя, вышвырнувъ себя не приходя и тотчасъ по прочтеніи обвинительнаго акта на чинахъ допросовъ свидѣтелей. Председатель говорилъ тѣмъ глуше, словно выходящимъ изъ щели голосомъ, какой бываеъ у второстепенныхъ лицъ, исполняющихъ въ операхъ басовыя партіи злого духа, привидѣнія, тѣни, или иной какой-либо, сверхъестественной личности, поющей обыкновенно шъ-за кулисъ.

Первымъ былъ вызванъ Дмитрій. Онъ безъ лишннихъ словъ, хоть и подробно разказалъ какъ былъ въ него мущемъ выстрѣлъ, какъ затѣмъ самъ распорядился о задержаніи Гондѣвскаго и какъ были найдены вещественныя доказательства: перерѣзанный портсигаръ, пистроль оказавшійся подъ кровлею Гондѣвскаго и пуля отысканная на лѣшнѣ. Председатель слушалъ его молча, съ видомъ человѣка который давно знаетъ суть дѣла и заботится лишь о томъ чтобы скорѣе окончить слушанное производство. Прокуроръ мѣтко и вкрадчиво поставилъ нѣсколько вопросовъ, на которые Дмитрій пришлося повторить уже сказанное. Въ публикѣ послѣдовалась роль неудовольствительнаго ожиданія. Дѣло становилось черезчуръ яснымъ и уже вовсе не романтичнымъ. „Неужели этотъ человѣкъ просто мошенникъ?“ удивилась гжа Дамингаревская.

— Я думаю, улыбкамъ видѣ-губернаторъ и тотчасъ обратилъ на своемъ лицѣ испугъ, такъ какъ замѣтилъ невдалекѣ отъ себя свою законную половину.

— Его пожалуй обвинять. Какое безобразіе! заволновалась гжа Бондарева.

— Дождется конца, успокоивалъ ее Безвидовъ.

На лицахъ присажныхъ была та злобѣщая, дереванная холодность которой всегда такъ боится адвокаты.

Очередь ставить вопросы была за защитникомъ.

— И вы стало-быть такъ-таки и заарестовали подсудимаго

собственной властью, хотѣлъ въ него секретами взглянуть адвокатъ.

— Ближайшій органъ власти, старшина, промолвилъ отвѣтъ Дмитрій,—выходилъ за шесть верстъ, а замануть его въ полночь было не совсѣмъ легко.

— Я желаю знать не ваше мнѣнiе, а голый фактъ. И вы сочли себя въ правѣ связать подозрѣваемое вами лицо и приставить къ нему караулъ?

— Да; очелъ себя въ правѣ.

Заболдуха съ торжествующимъ взглядомъ обвелъ всю залу.

— Хорошо, сказалъ онъ.—Господа присяжные сдѣлайте вашу поспѣлку. Они и скажутъ, возможно ли у насъ такое нарушенiе правъ свободнаго гражданина...

Предсѣдатель, говоря все какъ будто изъ-за кулисъ, остановилъ Заболдуху.

— Я теперь настаивать не буду... Но какой поводъ имѣли вы заподозрить г. Гомазѣвскаго когда, по вашимъ словамъ, вы усматривали какой-то выстрѣлъ?

Дмитрій съ трудомъ сдерживалъ себя.

— Я уже объяснилъ суду что пуля пролетѣла мимо моего уха и что стало-быть выстрѣлъ былъ луцкомъ въ меня. Подозрѣвалъ же я Гомазѣвскаго потому что мнѣ было передано управляющимъ села Никольскаго про слышанныя отъ него угрозы...

— Это гнусная клевета! возгласилъ со своего мѣста подсудимый.

Предсѣдатель и на этотъ разъ все также мало сдѣлалъ ему замѣчанiе. Адвокатъ презрительно взглянулъ на своего клиента и продолжалъ разсиранивать.

— Вы утверждаете стало-быть что слышали что ли тамъ свистъ пули? У васъ должно-быть необыкновенно тонкiй слухъ... Потрудитесь разказать подробно какъ все это произошло.

— Я уже передалъ суду все что знаю, нетерпѣливо отвѣтилъ Дмитрій,—и болѣе ничего добавить не имѣю.

— Господишь предсѣдатель! громогласно возгласилъ Заболдуха,—прошу васъ замести въ протоколъ что свидѣтель отказывается давать показанiя.

Но предсѣдатель это требованiе пропустилъ мимо ушей. Скука его все болѣе одолевала.

— Вести свидѣтеля Вадимъ Коренкаго, говоря въ ходѣ показаній оныхъ судебному прѣставу.

— Это неужелиже, священныя прѣдъ защитѣ, вполномоченнаго неведомаго гже Бердасова. Но, Безидовъ ея болѣе не слушалъ: оны мысленно погрузиася весь въ свою будущую корреспонденцію.

— Какъ прекрасно на васъ сидитъ это платье, безымянно предъ Клементилою Адамовою адъютантъ баронъ Братцфусъ.

— Вы находите? Оно совсѣмъ простенькое.

— Завтра устроивается *partie de plaisir* за городъ; вы идете? усердничалъ чиновникъ по особымъ порученіямъ. Вице-губернаторъ былъ уже усмирень своею сундукей.

Показаніе Володи ничего не прибавило къ дѣлу. Оно было только повтореніемъ словъ Дмитрія, равнѣ съ прибавкой нѣкоторой сбивчивости въ мелочахъ. Забодуха авидительно заиѣтилъ что нечему удивляться если братья показываютъ такъ согласно. Волода уже повернула къ судьямъ спиной, чтобы выбрать себѣ мѣсто въ залѣ, какъ защитникъ его оставался вопросомъ:

— А вы можете утвердительно сказать что стрѣляла именно въ вашего брата?

— Еще бы! Я слышалъ выстрѣлъ. Я былъ въ десяти шагахъ отъ брата.

— Пожалуй и въ двадцати?

— Можетъ-быть... Я не считалъ.

— Такъ-съ. И на этомъ разстояніи конечно вы не могли расслышать свиста пули пролетѣвшей будто бы мимо вашего брата... Я больше ничего не имѣю.

Прокуроръ счелъ долгомъ вступиться.

— Едва ли необходимо, оказалъ оны сахарнымъ голосомъ, — услышать свистъ пули для того чтобы опредѣлить былъ ли тамъ выстрѣлъ..

— Конечно, не осталася въ долгу Забодуха, — но я хотѣлъ обратить вниманіе господъ присяжныхъ на то что не всякій выстрѣлъ имѣеть дѣлю убійство, что стрѣляютъ иногда и холостыми зарядами.

Прокуроръ въ отвѣтъ только пожалъ плечами.

Поставулся данный рядъ свидѣтелей вызванныхъ обвинительною властью. Тутъ было человекъ десять Никольскихъ крестьянъ, слышавшихъ выстрѣлъ, пока они шли домой изъ

Вильямъ Отолбовъ, староста Филиппъ и трое рабочихъ посланныхъ верхомъ на постоянный дворъ для задержанія Гондзѣвскаго. Все они показывали дружно и не дали обить себя съ толку, какъ ни старался о томъ адвокатъ. Было доказано что Гондзѣвскій до поздняго вечера прощадалъ гдѣ-то съ двустовкой, и что портсигаръ найденный въ кустахъ принадлежалъ ему. Только когда рѣчь зашла о пулѣ отысканной на слѣдующее утро рабочими, Заболдухъ удалось локолотъ обвиненіе.

— Вы говорите, спросилъ онъ у старосты Филиппа, — что нашли эту вотъ самую маленькую пулю среди пашни, по лѣвую сторону дороги ведущей въ усадьбу?

Онъ произнесъ это скороговоркой.

— Точно такъ-съ, ваше благородіе.

— Слѣдовательно вы кажется говорили что пуля лежала на землѣ съ правой стороны?

— Да такъ оно и есть. Сбили вы меня советомъ, прости Господи.

— Я не могу допустить такого порядка допроса, вѣнчался прокуроръ.

— Я кончу, обязательно отвѣтилъ Заболдуха.

Филиппъ уже отвернулся.

— Нѣтъ, стой, братецъ, одно еще слово. Онъ тотчасъ спохватится и опять перешелъ на „вы.“ — У васъ очень хорошее зрѣніе?

— Это вы на отчетъ глазъ, баринъ?.. Ничего, порядочное.

— То-то порядочное; а пулю на черной землѣ сейчасъ подытали. А кто вамъ на это мѣсто указалъ, то-есть гдѣ вы пулю-то нашли? Или, можетъ-быть, сами догадались?

— Нѣтъ, Дмитрій Алексѣевичъ тамъ велѣлъ искать.

— Такъ-съ... А вы у Дмитрія Алексѣевича служите? Ну-съ немудрено что пуля отыскалась гдѣ было нужно...

Слѣдующій свидѣтель, работникъ на постояломъ дворѣ, Макарь, рѣшительно ничего не помнилъ изъ событій того вечера когда былъ арестованъ Гондзѣвскій. Макарь вообще сохранялъ что бы то ни было въ памяти не болѣе трехъ дней. Онъ даже сперва показалъ что двустовка Гондзѣвскаго весь день пролежала въ его комнатѣ на кровати, но когда прокуроръ ему напомнилъ что онъ на свидѣствіи показывалъ иначе, Макарь снятался окончательно, и ни слова нельзя было уже отъ него добиться.

Заболдуха съ торжествомъ посмотрѣлъ на присяжныхъ.

Введенъ былъ Акимъ Забудаевъ. Онъ показавъ, ко всеобщему удивленію, что Гондзѣвскій за все время проведенное имъ на постояломъ дворѣ велъ себя скромно и трезво, никакихъ угрозъ противъ Дмитрія не произносилъ, а въ тотъ день когда произошла эта „палачья“—такъ выразился Акимъ о покушеніи на убійство—выходилъ ли со двора Гондзѣвскій, онъ, Забудаевъ, не помнитъ. „Когда же Дмитрій Алексѣевичъ изволили пріѣхать на лошади и потребовали чтобы я помогъ имъ задержать г. Гондзѣвскаго, а имъ въ отвѣтъ сказалъ: побойтесь вы Бога, Дмитрій Алексѣевичъ, что вы такое затѣвали? Человѣкъ онъ смиренный и ничего онъ противъ васъ не замышлявалъ. А помогать вамъ я, воля ваша, не откажу, потому, значить, это не по закону.“ Все это онъ проговорилъ твердо, безъ запинки, какъ заученный урокъ. Дѣло было въ томъ что Акимъ Егоровъ крѣпко сердился на Дмитрія за устроенный имъ въ Бѣлыхъ Столбахъ денежный кредитъ для крестьянъ.

— А потрудитесь сказать, обратился къ нему прокуроръ, — гдѣ былъ подеудимый когда явился къ вамъ г. Корецкій?

— Не могу знать, ваше превосходительство. Только вышелъ онъ не больше какъ за четверть часа предъ тѣмъ. А прощень дѣло было ночное, вои на дворѣ спали...

— Ну, а ружье Гондзѣвскій захватилъ съ собою когда вышелъ? прервалъ Акима прокуроръ.

— Не припомню, ваше превосходительство.

Эти слова произвели сильное впечатлѣніе. Присяжные видимо замолчали на своихъ мѣстахъ. Только двое западные мирно дремали.

— Свидѣтелю необходимо дать очную ставку съ г. Корецкимъ, сказалъ прокуроръ.

Дмитрія въ залѣ не было. Давъ свое показаніе, онъ просилъ у суда позволенія удалиться.

— Г. Корецкій считалъ за лучшее заблаговременно явиться, спокойно вставилъ адвокатъ.

Товарищъ прокурора тотчасъ потребовалъ чтобы прочтено было показаніе данное Акимомъ на предварительномъ слѣдствіи. Защитникъ этому воспротивился, и суду приходилось разрѣшить спорный вопросъ.

— Не думаете ли вы что пора позавтракать? шепнулъ председатель члену суда сидѣвшему на право.— Не хотите ли

выкурить папироску? Наклонился онъ къ уху члена судьяшаго наивно.

Последовало, разумѣется, согласіе.

— Судъ удаляется чтобы постановить рѣшеніе, уже громко проговорилъ председатель.—Объявляю перерывъ на четверть часа.

Когда судъ вышелъ изъ залы, въ ней произошло то что бываетъ въ учебной комнатѣ, когда дѣтей оставляютъ однихъ и они пользуются этимъ чтобы шалить. Начались громкіе разговоры. Молодежь стала любезничать съ дамами. Двѣнадцать присяжныхъ церемониальнымъ маршемъ прошли въ свою комнату. Защитникъ подошелъ къ публикѣ и тотчасъ одѣлался предметомъ общаго вниманія. Засуетился даже судейные приставы. Одишь только подсудимый, вѣрми забытый, да вещественныя доказательства, лежавшія на столѣ, спокойно остались на своихъ мѣстахъ.

— Неужели все-таки соотойся обвиненіе? волнуясь спросила у Забодухи гжа Бондарева.

— Тотъ пожалуй плечами.

— Кто знаетъ? Кабы всѣ присяжные были изъ интеллигенціи, а бы поручился за оправданіе. А то дѣлхъ шесть жуликовъ..

— Вы не думаете закутить въ буфетѣ? суетился около Клементины Адамовны чиновникъ по особымъ порученіямъ.

— Ахъ, вѣтъ, благодарствуйте.—И небесная улыбка показала въ ея васильковыхъ глазахъ. — *Mais au reste, il fait si chaud...* прибавила она, озираясь. Вѣлковъ тотчасъ крепдемень подставилъ ей свой локоть, но она, будто не замѣчая этого, искала глазами вице-губернатора; и тотъ, не видя на нейъ сулруги, исполнялъ свой рыцарскій долгъ, хоть и съ легкою тревогой въ сердцѣ.

— Говорятъ, этотъ Гондзѣвскій не простой убійца... продолжала гжа Бондарева надобдаты адвокату.

— Чтѣ вы, чтѣ вы, забыли что онъ невинець, улыбнулся Забодуха.

— Ну да, ну да, я хотѣла сказать что тутъ есть политическая подкладка.

— Здѣсь важна не личность подсудимаго, оказалъ корреспондентъ,—онъ пожалуй и драма совершенная. Необходимо обуздаты произволъ такихъ плантаторовъ, какимъ себя

показалъ этотъ Дмитрій Корецкій. Видъ все дѣло изъ-за того казалось что Гондзѣвскій стоялъ за крестьявъ...

— Я что-то слышалъ про какое-то нарушенное условіе, виѣхался Алексій Алексѣевичъ Суходеревскій, тоже подошедшій къ Бондаревой.

Поднялся цѣлый ворохъ сплетень, и воѣми было рѣшено что по настоящему судить бы надо не Гондзѣвскаго, а Дмитрія какъ отъявленнаго ретрограда.

— Судъ идетъ, прервалъ эти извѣстія приставаъ.

Новый рядъ свидѣтелей разъяснилъ обстоетельства, предшествовавшія выстрѣлу — увольненіе Гондзѣвскаго и угрозы его, произнесенныя на постояломъ дворѣ. Особенно твердо и обстоятельно показывалъ Христофоръ Карловичъ. Мотивъ преступленія выяснился. Но Забодука и тутъ ищетъ для себя выгоду: самъ онъ до того времени не заикнулся о поводахъ къ месту со стороны Гондзѣвскаго, но когда противная сторона ихъ коснулась, онъ этимъ тотчасъ воспользовался для цѣлей защиты. Надо было молчески очернить Дмитрія и выставить его въ такомъ неблагоприятномъ свѣтѣ что въ крайнемъ случаѣ покушеніе на его жизнь могло показаться чуть ли не законнымъ возмездіемъ. Забодука очень хорошо зналъ что присяжные нѣкоторымъ образомъ походятъ на женщинъ, на нихъ дѣйствуетъ не столько вѣроятность обвиняемаго сама по себѣ сколько бѣлая или темная симпатичность его жертвы.

Такъ когда двое изъ крестьявъ рассказали про сцену между Дмитріемъ и Гондзѣвскимъ во время бунта въ Никольскомъ, Забодука раздулъ ее въ волнующее оскорбленіе неслучайно обвиненнаго управляющаго со стороны богатого самодура помѣщика. Самое увольненіе Гондзѣвскаго преобразилось въ жестокое лишеніе насущнаго хлѣба бѣднаго, честнаго зреленика. Забодука дѣлалъ что могъ чтобы обить съ току и Христофора Карловича: онъ притворялся что не понимаетъ его отвѣтовъ и силался поставить Нѣмца въ противорѣчіе съ самимъ собой. Когда же это не удалось, онъ прибѣгнулъ къ шлоу уловкѣ.

— Что, скажите пожалуйста, вы долго находились безъ мѣста до поступления своего въ Никольское? спросилъ онъ.

— Восемь мѣсяцевъ.

— Такъ что вы были очень довольны когда вамъ предложили эту должность?

— Не, кроме что была дедованъ. Много хорошее.

— Да-съ, хорошее, я думаю, съ двусмысленною ужимкой продолжалъ Забодуха. — И были конечно очень благодарны Дмитрію Алексѣевичу и готовы всячески услужить ему...

Замѣчаніе было, казалось, совсѣмъ безобидно, а между тѣмъ оно все-таки набрасывало тѣнь на добросовѣстность Христофора Карловича.

Но полное торжество Забодухи началось съ той минуты когда рѣчь зашла про условіе заключенное Гондзѣвскимъ съ крестьянами и нарушенное Дмитріемъ. Тутъ уже онъ постарался какъ можно болѣе сгустить краски, не забывая даже о томъ что тѣмъ самымъ онъ доказывалъ виновность подсудимаго. Забодуха вѣрно рассчиталъ что представить Дмитрія угнетателямъ крестьянъ значило приобрести для оправданія шесть присяжныхъ изъ мужиковъ. Свидѣтели съ готовностью пошла на эту удочку и подтвердили что Станиславъ Виконтъевичъ совсѣмъ было согласился съ ями насчетъ дѣла, а Дмитрій Алексѣевичъ самовольно условіе нарушить извѣдла. Тутъ самъ Гондзѣвскій полпросилъ у предводителя слова и взысканнымъ голосомъ разказалъ какъ Дмитрій въ порывѣ гнѣва разорвалъ на клочки подписанное крестьянами условіе.

— Я всегда заботился о примиреніи правъ и интересовъ крестьянъ съ тѣмъ что признается у насъ правами землевладѣльцевъ. И вотъ когда мнѣ удалось достигнуть такого соглашения и обезпечить ихъ необходимымъ для нихъ дѣломъ... Онъ не договорилъ, такъ сильно былъ онъ тронутъ этимъ воспоминаніемъ.

Предводитель и не думалъ останавливать Забодуху въ его попыткахъ извертить дѣло.

— Да, вѣдь это, кажется, ужъ не Гондзѣвскаго судить, а Дмитрія Алексѣевича, улыбаясь шелгулъ вице-губернаторъ сидѣвшему вонъ него Суходеревскому.

— Ну, а по дѣломъ.

Вице-губернаторъ еще разъ улыбнулся, а потомъ вздохнулъ, припомнивъ что ему никакъ нельзя жадность къ очаровательной Полькѣ.

Появились свидѣтели вызванные защитой. Тутъ были двое крестьянъ и какая-то смазливая горничная, утѣрявшая что Гондзѣвскій, управляя Никольскимъ, былъ примѣромъ честности и безкорыстія. Горничная при этомъ неизвѣстно

почему краснѣла и дѣлала предостереженію гласки. Явился какой-то случайно проѣзжій господи́нъ, не то литераторъ, не то стриптизъ, знавшій подсудимаго еще со школьной скамьи: изъ его словъ выходило что Гондзѣвскій „благороднѣйшій и можно сказать развитѣйшій“, какъ онъ выразился, молодой человекъ. Наконецъ выступили и два какіе-то Жидка, Моше и Натансонъ и Якедь Брильянтъ, которые имѣли передать какіе-то два трогательные анекдота изъ его прошлаго. Словомъ, выходило что если Гондзѣвскій и не обвиняется напрасно, что доказать было трудно, то онъ во всякомъ случаѣ человекъ очень честный и, главное, передовой.

Слово было дано товарищу прокурора Соборанскій, какъ водится, завелъ рѣчь издалека. „Бываютъ дѣла“, началъ онъ, „въ которыхъ съ перваго взгляда сознаешь присутствіе могучей, хоть и испорченной воли, сильныхъ психическихъ мотивовъ, всесокрушающей страсти. Свойство такихъ дѣлъ—привлекать къ себѣ наше вниманіе. Не то мы видимъ въ настоящемъ случаѣ. Предъ нами мелкая, я почти скажу, ничтожная натура, гаусное преступленіе, до того очевидное что почти не стоить его доказывать, и преступленіе это совершенно безо всякихъ ловидимому мотивовъ. Связи между нами и прошлымъ виновника, между дѣяніемъ и характеромъ совершившаго его, на первый взглядъ нѣтъ вовсе. Немножко спрашиваетъ у себя, какимъ образомъ поднялась рука этого ничтожнаго человекѣ на кровавое дѣло и поднялась безо всякаго повода? Но все это только кажется. Если мы глубже вникнемъ во внутренній міръ подсудимаго, раскроемъ, такъ-сказать, его психію, мы найдемъ тайную нить связующую дѣяніе съ мотивомъ. Концы этой нити—я охотно это признаю—скрываются не въ самомъ преступникѣ, лежать, можетъ-быть, далеко за предѣлами его пониманія. И вотъ почему, господа судьи и господа присяжные засѣдатели, я приглашу васъ вмѣстѣ со мною взглянуть шире и глубже на настоящее дѣло, взглянуть на него какъ на проявленіе общественнаго недуга. Предъ вами возстаетъ тогда уже не личность какого-нибудь Гондзѣвскаго, а цѣлое общество и глубоко коренящееся въ немъ зло, которое вы и призваны здѣсь карать...“ Прокуроръ остался, оглянулъ залу и отпилъ немного изъ стоявшаго вондѣ него стакана воды. Всѣ слушали, притаивъ дыханіе, хоть и не всѣ ловили смыслъ этихъ словъ, въ томъ числѣ конечно и присяжные. Адвокатъ

забаранилъ карандашомъ ло лежащему предъ нимъ листу бумаги.

„Я сказалъ уже“, продолжалъ Соборянскій, „что фактическая сторона дѣла ясна до очевидности. Мнѣ придется не столько разъяснять ее вамъ, сколько разъяснять тотъ ответственнѣйшій мракъ который силалась внести въ настоящее дѣло защита“. И Соборянскій съ ласковою, снисходительною проницею указалъ на старанія Забодухи залутать дѣло и сбить съ толку свидѣтелей. „Я охотно соглашусь съ доводами защитника въ пользу безупречнаго прошлаго его клиента, я уступаю ему и двухъ почтенныхъ Евреевъ, засвидѣтельствовавшихъ безкорыстіе подсудимаго, и даже хорошенькую горничную“—въ лубликѣ послышался сдержанный смѣхъ—„скромно говорившую про честность. Все это не ослабляетъ ничуть обвиненія. Посмотримъ же, каковы факты добытые судебнымъ слѣдствіемъ.“

Соборянскій на этихъ фактахъ остановился недолго. Онъ скользилъ по нимъ, какъ будто даже съ пренебреженіемъ торопясь перейти на почву болѣе благодарную для краснорѣчія. Онъ указалъ на причину увольненія Гондзѣвскаго, на угрозы произнесенныя имъ на постояломъ дворѣ и на всѣ мелочи обличавшія его вину. Все это было сгруппировано ясно, вылукао и красиво. Доводы противника, казалось, за разѣ были разбиты.

„И вотъ, стало-быть, человѣкъ уличенный въ недобро совѣстности, человѣкъ котораго могли предать суду за его злоупотребленія и котораго тѣмъ не менѣе великодушно прощаютъ. И что же? Человѣкъ этотъ, за то лишь что его уволили отъ должности, рѣшается на убійство... Какое, подумаешь, глубокое нравственное паденіе! Какое мещанское отвѣтствіе между мотивомъ и дѣяніемъ! Да, еслибы мы знали всего того что здѣсь раскрыто на судѣ, мы бы и повѣрили въ возможность такого дѣянія. Гдѣ же ключъ къ этому противорѣчію, къ этой вязко лавшей душѣ?“

Прокуроръ здѣсь пустился въ тонкій и глубокій анализъ того типа людей образецъ которыхъ онъ видѣлъ въ Гондзѣвскомъ. Онъ описалъ нравственную разнузданность созданную отсутствіемъ твердыхъ принциповъ, разъѣдающее дѣйствіе дурныхъ примѣровъ, создающихъ наконецъ за волю, не знающую себя узды. Онъ счелъ нужнымъ даже упомянуть о вліяніи національнаго характера. „Страшное дѣло

воскликнулъ онъ, — „этотъ характеръ, создавшій столь привлекательный типъ польской женщины, этого воплощенія въживой граціи“ — послѣднія слова были по адресу Клементины Адамовны, которая немедленно потупилась, „этотъ самый характеръ въ мужскомъ поколѣніи часто представляетъ намъ прикрасы непонятной смѣси дерзкой, иногда преступной отлагчи съ самымъ низкимъ коварствомъ.“ Клементина Адамовна, вспомнивъ о своемъ мужѣ, глубоко вздохнула. — „Но я не стану на этомъ настаивать. Вина лежитъ глубже. Она заключается въ цѣломъ нашемъ обществѣ; да, милостивые государи, въ русскомъ обществѣ. Когда проточная вода превращается въ стоячую, на ней заводится плѣсень, когда организмъ разлагается и переходитъ въ гніеніе, въ немъ появляются вибрионы. Въ нашемъ обществѣ такими вибрионами, такую плѣсенью и бываютъ Гондзѣвскіе.“

Въ залѣ послышались слабыя рукоплесканія; общество любить чтобъ ему говорили про его гнилость.

Дойдя такимъ образомъ до любезной всѣмъ ораторамъ высоты полета, Соборянскій пустился уже въ настоящій возвышенный лаосъ. Онъ не щадилъ красокъ чтобъ описать тлетворное вліяніе общества, создающее испорченныхъ личностей, и какъ онъ выразился, „наполняющее воздухъ міазмами, содѣйствующими ихъ порчѣ“. Изъ его словъ даже прямо выходило что въ такомъ обществѣ и должны неминуемо совершаться преступленія, что стало-быть отвѣтственность за нихъ падаетъ не на самихъ виновныхъ, а на создавшую ихъ среду. „И вотъ, гг. судьи и гг. присяжные засѣдатели“, закончилъ онъ, торжественно возвышая голосъ, „вамъ предстоитъ теперь произнести свой безпристрастный приговоръ, усложить изволнованную общественную совѣсть.“

Оказывалось такимъ образомъ что въ гвидомъ обществѣ совѣсть все-таки уцѣлѣла.

„Не одного Гондзѣвскаго вы осудите, нѣтъ! вы произнесете свое карющее слово тѣмъ самымъ и надо всѣми подобными ему; вы поможете оживить застоявшуюся воду, вы оставите процессъ разложенія и разсвѣте накопляющіеся міазмы.“

Присяжные хлопали, да хлопали ушами, а подъ конецъ перестали совсѣмъ даже понимать, Гондзѣвскій или иной кто говорилъ въ Дмитрія. Въ публикѣ были вообще довольны рѣшью. Вице-губернаторъ даже обратился къ Безвидову, усѣвшемуся на скамейкѣ позади него.

— Чтѣ, вѣдь не душно говорить? Какъ вы находите?

— Я нахожу только что прокуроръ бьетъ на оправданіе, отвѣтилъ тотъ.

Вице-губернаторъ вытаращилъ удивленные глаза.

Заболдуха началъ свою рѣчь далеко не такъ плавно, какъ говорилъ предъ нимъ прокуроръ. Онъ словно залинаясь, повторялъ иногда тѣ же выраженія и ударялъ кулакомъ по столу. Но мало-по-малу его слова точно высвободились отъ прелатствій, какъ рѣка освобождается ото льдовъ, и потекли все шире и сильнѣе. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ его рѣчи, какъ передавали ее газеты:

„Гг. судьи и гг. присяжные засѣдатели! Мнѣ предстоитъ тяжелая задача. Я долженъ... Я постараюсь поколебать сложившееся у васъ, можетъ-быть, предубѣжденіе. Мнѣ трудно это, потому что я конечно не имѣю... т.-е. не обладаю такимъ же талантомъ какъ представитель обвинительной власти. Блестящая рѣчь представителя обвинительной власти усилила... умножила трудности моей задачи. Я бы не надѣялся... т.-е. не разчитывалъ на вѣрный успѣхъ еслибы не убѣжденіе что правда всегда находитъ отголосокъ у людей правды, каковы безъ сомнѣнія вы, гг. судьи и присяжные засѣдатели...“

Среди публики находили что защитникъ гораздо слабѣе прокурора.

— Онъ что-то мамалить, сказалъ кому-то Суходеревской.

— Онъ ласуетъ, а его не узнаю, шепнула Безвидову гжа Бондарева.

„Я намѣренъ, продолжалъ Заболдуха,—стать на ту же точку зрѣнія съ какой такъ вѣрно на это дѣло взглянулъ прокуроръ. Да, оно касается не одного подсудимаго. Въ немъ заинтересовано все общество, хотя можетъ-быть и не по той причинѣ на которую указало обвиненіе. Бываютъ случаи и очень даже частые случаи въ которыхъ всѣ готовы признать очевидную вину одного человѣка, а между тѣмъ этотъ мнимый виновный въ сущности жертва и жертва за правое дѣло, за то самое дѣло за которое гибли люди оставшіе послѣ себя самую честную память...“

— Туманно; очень туманно, покачалъ головой вице-губернаторъ.

Но тутъ защитникъ сначала намеками, а потомъ все яснѣе начерталъ характеристику этихъ людей гибнущихъ за правое дѣло. Это мѣсто его рѣчи было вылущено газетами, по

независающимъ отъ редакцій обстоятельствамъ. Заболдуха да же зашелъ такъ далеко въ этомъ алогеевѣ что председатель его остановилъ.

Адвокатъ скрестилъ руки на груди и помолчалъ немного.

„Я хотѣлъ только сказать, снова началъ онъ, — что цивые изъ сидящихъ на скамьѣ подсудимыхъ выносить на своихъ плечахъ грѣхъ самого общества, грѣхъ эгоизма и корысти... Еслибъ они даже и были виновны—такая вина не что иное какъ заслуга.“

Председатель опять остановилъ Заболдуху. Тотъ сгорбился, обѣими руками опираясь на столъ, и продолжалъ совѣмъ низкимъ голосомъ, скороговоркой:

„Обратимся къ фактамъ. Землевладѣлецъ Корецкій и братъ его, проѣзжая по дорогѣ, слышать изъ-за кустовъ какой-то выстрѣлъ и почему-то воображаютъ тотчасъ что выстрѣлъ лудевъ непременно въ одного изъ нихъ. Совѣсть ужъ очень должно-быть у нихъ была чиста. Мнимая пуля не задѣла даже хвоста лошади, хотя прицѣлъ, согласитесь, былъ довольно великъ. Но господинъ Корецкій тутъ же сообразилъ что на его князь совершенно покушеніе, и совершенно Гондзѣвскимъ. Онъ скачетъ на постоялый дворъ, окруживъ себя тѣлохранителями, и когда Гондзѣвскій, не подозрѣвая засады, спокойно возвращается домой, его схватываютъ, важутъ, приставляютъ къ нему караулъ... Что это такое, мм. гг.? Мы въ Персіи, въ Хивѣ, или въ благоустроенномъ государствѣ, гдѣ священною волей монарха личность ограждена отъ насилій? Какъ? Человѣка могутъ частные люди лишить свободы по неосновательному подозрѣнію?.. Нѣтъ, говорятъ намъ, у Гондзѣвскаго была въ рукахъ двустволка; изъ нея былъ недавно данъ выстрѣлъ, и къ колибру этой двустволки подходилъ найденный въ комнатѣ Гондзѣвскаго патронъ, да еще пуля отысканная гдѣ-то на другой день... И это доказательство? Нельзя стало-быть безнаказанно имѣть при себѣ ружье, а имѣя его, держать у себя патроны? Съ какихъ поръ это вмѣняется въ преступленіе?... Я не хочу останавливать вашего вниманія на пулѣ, будто бы найденной въ полѣ старостой Филиппомъ. Вы видѣли здѣсь, каковъ этотъ свидѣтель и какого онъ заслуживаетъ довѣрія. Но я иду дальше. Я утверждаю что все это ложь. Вы слышали показаніе свидѣтеля Акіма Забудаева: это по-крайней мѣрѣ человѣкъ неподкупный уже въ силу своей обезличенности.“

Заболдуха воспользовался какъ нельзя лучше словомъ Акима, и у доброй половины присяжныхъ возбудилъ сомнѣнiе насчетъ того выходилъ ли вообще Гондзѣвскiй съ ружьемъ въ эту ночь на улицу. Потомъ онъ принялся разбирать выставленныхъ обвиненiемъ свидѣтелей и чуть ли не всѣхъ поочередно заподозрилъ въ подкулности.

„Замѣтите, мм. гг., кто эти свидѣтели—люди облагодѣтельствованные г. Корецкимъ или зависящiе отъ него... Но довольно, я не хочу утомлять вашего вниманiя, поднимать весь этотъ соръ подкульной клеветы. Какъ! хотѣть обвинить Гондзѣвскаго въ покушенiи на убiйство, а между тѣмъ никто, замѣтите, никто, даже г. Корецкiй не видѣлъ его на мѣстѣ преступленiя... Да чтѣ я говорю: на мѣстѣ преступленiя? Его не видѣли идущимъ туда или возвращающимся оттуда. Потому развѣ его обвинить что трое Никольскихъ крестьянъ утверждаютъ будто въ этихъ злополучныхъ кустахъ нашли его портсигаръ, который онъ же могъ обронить раяѣе, проходя этимъ мѣстомъ.“

„Но, скажутъ мнѣ, были поводы къ мести со стороны Гондзѣвскаго. Хорошо, посмотримъ каковы эти поводы; оставимъ, забудемъ пока недоказанный фактъ покушенiя и посмотримъ чтѣ за личность Гондзѣвскiй и каковъ тотъ кто выдастъ себя за его жертву.“

Заболдуха точно также какъ и прокуроръ теперь торопился перейти на болѣе благодарную тему. Онъ въ краткихъ словахъ по догадкамъ очертилъ молодость Гондзѣвскаго, его борьбу съ лишенiями, его честныя старанiя принести въ Никольскомъ пользу не одному только помѣщичьему имѣнiю гдѣ служилъ, но и крестьянамъ околотка, „этимъ вѣчнымъ подвижникамъ сохи“, какъ онъ называлъ ихъ, и потомъ всею мощью своей реторики обрушился на Дмитрiя. Сперва онъ подробно разказалъ про вмѣшательство Дмитрiя въ управленiе Никольскимъ и намекнулъ даже на существованiе какихъ-то двусмысленныхъ отношенiй между нимъ и Еленой Михайловной. „Богатая петербургская барыня, сказалъ онъ, наскучивъ праздностью великосвѣтской прогнавшей среды, прiѣзжаетъ въ деревню, и тутъ чтобы наполнить чѣмъ-нибудь свои досуги зазываетъ къ себѣ сосѣда помѣщика, такого же празднаго какъ и она, подъ благовиднымъ предлогомъ занятiя хозяйствомъ. Да вѣдь иначе и быть не можетъ. Развѣ люди привыкшия къ пустой, салонной жизни способны къ

туду? развѣ они полагаютъ тѣ священныя обязанности которыя полагаютъ на нихъ привилегированное положеніе? Меня по крайней мѣрѣ до глубины души возмущаетъ вѣдущее извѣстности этихъ общественныхъ трутней которые и сами безсознательно тяготеютъ проклятіемъ лежащимъ на ихъ роковой жизни...“

Тутъ опять дѣлая тирада была пропущена въ напечатанномъ отчетѣ.

„И вотъ начинается борьба этихъ людей съ человѣкомъ труда и просвѣщенія какимъ былъ въ Никольскомъ Гондзѣвскій. Они неспособны понять его возвышенныя честныя стремленія. Когда Гондзѣвскій, въ силу своей довѣренности, заключилъ съ крестьянами условіе о пользованіи дѣсомъ этихъ русскихъ плантаторовъ, г. Корецкій не посовѣтился нарушить условіе, разорвать документъ. Я не нахожу словъ чтобы заклеймить такой позорный поступокъ. У насъ, въ концѣ девятнадцатаго вѣка, при гласномъ судѣ, такіа дѣянія не влекутъ за собою даже заслуженной ими судебной кары. Но есть иная кара. Есть голосъ общественной совѣсти, и вы, милостивые государи, будете его выразителями.“

Заболдуха подробно изложилъ то что онъ называлъ борьбой Дмитрія съ Гондзѣвскимъ, борьбой „плантатора, воспитаннаго на крѣпостномъ правѣ, на традиціяхъ насилія и самовласти, съ человѣкомъ свободы и мысли“.

„И этотъ человѣкъ долженъ былъ уступить въ неравномъ бою. Его увольняютъ, и не просто увольняютъ, его осмѣляютъ оскорбленіями, бросаютъ въ него грязью, угрожаютъ судомъ... судомъ! И кто поступаетъ такимъ образомъ? Молодой помѣщикъ, не имѣющій понятія не только о научной агрономіи — этого и требовать нельзя конечно отъ крупаго землевладѣльца, умѣющаго только разорать себя и другихъ.. Вы знаете какую всеобщую ненависть возбудилъ противъ себя и въ собственномъ имѣніи г. Корецкій, ненависть завершившуюся извѣстнымъ вамъ пожаромъ въ Бѣлыхъ Столбахъ. Да; какъ ни грустно въ этомъ признаться, у бѣднаго рабочаго люда, когда у него слѣшкомъ наболѣла душа, когда онъ слѣшкомъ изнемогаетъ подъ тяжестью произвола, шлага средства нѣтъ чтобъ отмстить за вѣковое зло.“

Тутъ предсѣдатель снова хотѣлъ остановить защитника, но онъ продолжалъ, уже не обращая на то вниманія.

„Да, милостивые государи, вотъ что лежитъ въ основаніи этого возмутительнаго процесса. Съ одной стороны, плантаторъ,

у котораго собственныя обнищавшіе крестьяне голодаютъ на такъ-называемомъ даровомъ надѣлѣ, этой маслѣнкѣ надъ великодушнымъ закономъ, съ другою—бѣднымъ труженникъ заступающійся за народъ, лишенный чести, посаженный на скамью подсудимыхъ... Что говорю я: лишенный чести! Безчестны не они, эти борцы за правду, за восстановление равенства, а правдивые эксплуататоры труда, которые не стыдятся на свою порочную жизнь вымогать у работника его послѣднюю колѣбку! Между вами вы произнесете свой неподкупный приговоръ, вы восстановите поруганную честь подсудимаго... и это будетъ настоящимъ судомъ правды, той правды которая становится выше преходящихъ, вымирающихъ злоупотребленій, хотя бы и основанныхъ на кажущемся правѣ. Человѣчество идетъ впередъ, оно отбрасываетъ гнилые устои, и близокъ часъ когда уладутъ безобразныя привилегіи дающія правдному меньшинству жить насчетъ горькаго труда работника. Да. Вотъ смыслъ настоящаго дѣла. Оно касается не одного Гомдзѣвскаго. Вашего приговора ждетъ лучшая часть общества; на васъ смотритъ вся Россія. Вы скажете, можно ли безнаказанно угнетать крестьянъ, безчеловѣчно пользоваться монополіей собственности... Въ нашемъ государствѣ, слава Богу, право работника на землю признано самимъ закономъ, хоть и признано еще не полно и нерѣшительно. И когда наступитъ часъ настоящаго освобожденія, когда вся земля будетъ принадлежать тому кто ее обрабатываетъ, вашъ оправдательный приговоръ съ благодарностью припомнитъ недалекое потомство; онъ будетъ однимъ изъ рѣшительныхъ шаговъ къ испроверженію отживающихъ порядковъ!..“

Послѣднія слова Заболдуха произнесъ такъ громко что покрылъ ими звонокъ предсѣдателя. Раздались шумныя рукоплесканія. Аллодировала даже, хотя и нерѣшительно, жема вице-губернатора. Когда стихло волненіе, предсѣдатель коротко и сухо резюмировалъ пренія. Онъ провелъ ту лучезарную мысль что если присяжные согласятся съ доводами прокурора, они обвинять подсудимаго; если же они склонятся въ пользу мнѣнія защиты, они его оправдаютъ.

Присяжнымъ были поставлены два вопроса: „Быль ли въ ночь на 15 іюля въ землевладѣльца Дмитрія Корецкаго, съ цѣлью лишить его жизни, произведенъ выстрѣлъ изъ ружья, близъ дороги ведущей изъ села Никольскаго въ село Бѣлыя

„Отолбы“ и: „если быль произведенъ, то виновенъ ли въ этомъ преступленіи ищущивъ Гондзѣвскій?“

Присяжные совѣщались полчаса. Нельзя сказать чтобъ ихъ приговора ожидали съ большою тревогою. Любопытство тоже притупляется, да и Гондзѣвскимъ не особенно интересовались. Главное было достигнуто—была выслушана трескучая рѣчь, а теперь преобладало желаніе скорѣе вернуться домой и отобдѣять.

Старшина, престарѣлый чиновникъ со Станиславомъ на шеѣ, дребезжающимъ голосомъ прочелъ отвѣтъ—на вопросъ о выстрѣлѣ: „да, быль произведенъ“; на вопросъ о виновности: „нѣтъ, не виновенъ“.

Послышались жидкія рукоплесканія, среди которыхъ быль и сдержанный смѣхъ. „Я готова была бы васъ раздѣловать“, сказала Заболудухъ гжа Дзынгаревская. Предсѣдатель среди всеобщаго невниманія объявилъ Гондзѣвскаго отъ суда свободнымъ. Но про него уже всѣ забыли, въ томъ числѣ и его защитникъ.

IV.

Die Mehrheit ist der Unsiinn.

Schiller. *Demetrius.*

Много размыхъ бываетъ на свѣтѣ чудесъ,
Я не знаю что значить какой-то прогрессъ,
Но до здраваго русскаго вѣча
Вамъ еще, государи, далече.

Гр. А. Толстой.

Дмитрія исходъ процесса не особенно тревожилъ. Совсѣмъ иное занимало его мысли. Онъ только-что получалъ телеграмму отъ Нади о пріѣздѣ ея въ О. Аннѣ Григорьевнѣ за послѣдніе два дня стало какъ будто лучше и, не смотря на дымъ и на мусоръ такъ старательно поднятые на судѣ, у Дмитрія было легко на душѣ когда, въ тотъ же вечеръ, часовъ въ восемь, онъ вышелъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Послѣ дождливаго, мгластаго дня неожиданно выдался ясный осенній вечеръ. Дмитрій вошелъ въ небольшой городской садъ раскинутый невдалекѣ отъ Волги и едва сдѣлалъ онъ въ немъ нѣсколько шаговъ какъ ему попался на встрѣчу губернаторъ. Поровнявшись съ нимъ, его превосходительство немедленно взялъ его подъ руку.

— Очень, очень радъ. Давно не видались.... А какъ здоровье Анны Григорьевны?

Они усѣлись подъ кустомъ акаціи, на которой облетѣли почти уже все листья.

— А я долженъ васъ покурить, Дмитрій Алексѣвичъ, обыкновенно ласково заговорилъ губернаторъ вѣстивъ записку обычныхъ привѣтствій.—Зачѣмъ вы обратились въ судъ по этому несчастному дѣлу? Николай Осиповичъ Боровской, а знаю, уже говорилъ вамъ—вы видите, онъ былъ правъ. Что прикажете дѣлать съ нашею адвокатурою и съ нашими пріятельскими?

Дмитрій молчалъ. Темнота не давала рассмотреть насмѣшливую улыбку въ которую сложились его губы.

— Наласно его не послушались! Признаюсь, и мнѣ бы оказали большое одолженіе...

— Вашему превосходительству? Да какими судьбами?

Дмитрію тотчасъ пришли въ голову слова Боровскаго.

— Избавили бы городъ отъ сегодняшняго скандала. Вы знаете, пока нѣтъ искушенія, люди не грѣшатъ. Вся политика въ томъ и заключается чтобъ оберегать ихъ отъ искушеній. И повѣрьте, сегодняшній случай мнѣ столь же непріятенъ какъ и вамъ.

— Ахъ, обо мнѣ не беспокойтесь. Гондзѣвскій и его мизерное покушеніе давно схоронены въ моей памяти. Но чѣмъ же я могъ бы угодить вамъ?

Губернаторъ носовымъ платкомъ сталъ потирать себѣ лобъ, хотя ужъ, конечно, не страдалъ отъ жары въ сентябрьскій вечеръ.

— Очень просто. Въмѣсто того чтобы поднимать судебное дѣло, вы бы обратились ко мнѣ, и по надлежащемъ дознаніи г. Гондзѣвскій былъ бы удаленъ.

— Административнымъ порядкомъ, перебилъ его Дмитрій.— Да кто же вамъ мѣшаетъ примѣнить этотъ порядокъ и теперь, коли вы находите нужнымъ?

— Теперь, не безъ замѣшательства отвѣтилъ губернаторъ,— Гондзѣвскій сталъ лицомъ извѣстнымъ. Попробуйте-ка его тронуть, и увидите какой поднимется гвалтъ. Да и такъ про него въ газетахъ протрубить, хотя бы вотъ у насъ въ *Нижево-волжскомъ Курьерѣ*, гдѣ тоже участвуетъ этотъ господинъ Безвидовъ.

— Но мнѣ кажется что *Курьеръ* выходитъ подъ вашею же цензурою? уже съ явнымъ смѣхомъ возразилъ Дмитрій.

— Цензура? Да. Хорошо еще когда мы въ состояніи съ ея помощью устранять то что касается правительства и должностныхъ лицъ.

Дмитрій всталъ.

— То-есть, другими словами, ставовато пристава тронуть вельзя, хотя бы онъ былъ и мошенникъ. А социализмъ проповѣдывать можно, потому что этимъ ни одно должностное лицо не затрогивается. Чудесные плоды эта система принесла, нечего сказать!

Дмитрій раскладывался, а губернаторъ просидѣлъ еще нѣсколько минутъ на своемъ мѣстѣ, постукивая тростью по дорожкѣ. Слова Дмитрія задѣли его за живое. „Вотъ, думалъ онъ, богатый помѣщикъ и даже консерваторъ, какъ увѣрять, а въ сущности, это все тотъ же духъ порицанія и оппозиціи. Хорошо было бы, нечего сказать, еслибы дали этимъ господамъ свободно разглагольствовать насчетъ должностныхъ лицъ.“ И губернаторъ самъ собою рѣшилъ что управленіе краемъ стало труднымъ и неблагодарнымъ дѣломъ.

На слѣдующій день открылось въ О*** уѣздное земское собраніе. Господа гласные отъ землевладѣльцевъ къ назначенному часу явились далеко не въ полномъ числѣ. За то гласные крестьяне всѣ до единого толпились, кто въ прихожей, кто въ углу залы, какъ разъ противоположномъ тому гдѣ стояло предсѣдательское кресло. Уховъ съ особымъ приливомъ радущія принималъ всѣхъ, и не мало тревоги сквозило изъ-за его стремительной любезности. Когда вошелъ Дмитрій, онъ даже счелъ долгомъ съ чувствомъ прижать его руку къ своей груди. „Я не изъ числа вашихъ недоброжелателей“, говорили его сѣрые залпывшіе глазки, хотя за минуту предъ тѣмъ онъ обмѣнивался лукавыми сожалѣніями объ исходѣ процесса, даже съ членами враждебной партіи. Вообще про дѣло Гондзѣвскаго много было толковъ и нельзя сказать чтобъ общее настроеніе было въ пользу Дмитрія. Въ лагерѣ Суходеревскаго выражалось явное злорадство, а среди болѣе маститыхъ и тучныхъ клеветовъ Ухова—притворное негодованіе. Дмитрію пришлось испытать, когда онъ вошелъ въ залу, то леденящее впечатлѣніе, очень похожее на струю холоднаго воздуха какое производитъ внезапная перестановка враждебныхъ толковъ. Но Дмитрій зналъ отлично что всегда трусливое злословіе очень похоже на разъярившуюся собаку: стоитъ прямо въ упоръ взглянуть ей въ глаза, и она

подождетъ хвостъ и примется ласкаться. Онъ такъ и сдѣлалъ и какъ ни въ чемъ не бывало со всѣми обмѣнялся крѣпкими рукопожатіями. Когда однако и Забодуха вздумалъ было къ нему подойти и протянуть ему руку, Дмитрій повернулся къ нему спиной.

Первый часъ былъ уже въ исходѣ, а изъ господъ дворянъ прибыло немного болѣе половины. Не дожидаясь остальныхъ, отслужили молебень и принялись за повѣрку суммъ, это вѣчно повторяющееся лицемѣріе мнимаго контроля. Уховъ съ какимъ-то особеннымъ усердіемъ отпиралъ ящики съ деньгами и раздавалъ присутствующимъ разноцвѣтныя лачки процентныхъ бумагъ и ассигнацій. „Посмотрите, казалось говорило его лицо, въ какомъ у меня все отличномъ порядкѣ и какъ мало я боюсь ревизіи“. А ему словно отвѣчало неподвижное и строгое лицо купца Севрюгина, который съ торжественною аккуратностію провѣрялъ, одну за другою денежные лачки, хотя зналъ очень хорошо что это пустая формальность.

Первый день сессіи прошелъ очень безцвѣтно. Прослушали три, четыре официальные бумаги, выбрали, какъ водится, комиссію, и пошло равнодушное, почти безмолвное принятіе обязательныхъ статей смѣты. Публика, состоявшая равно изъ трехъ человѣкъ, зѣвала на своихъ стульяхъ, господа покуривали, да обмѣнивались замѣчаніями насчетъ цѣнъ на хлѣбъ; крестьяне, почти исключительно старшины, чинно молчали. Въ пять часовъ былъ обѣдъ у предводителя, на который онъ усердно приглашалъ всѣхъ, не исключая и недруговъ. Крестьянъ, разумѣется, туда не звали. Впрочемъ Суходеревскій и Забодуха стоически отказались отъ предложенной трапезы. Всѣ уже собирались ѣхать къ Аркадію Степановичу, какъ въ дверяхъ залы показался молодой графъ Соколыницкій. Уховъ съ чувствомъ бросился къ нему.

— Чтò, очень опоздалъ? любезно извинялся графъ.—Вчера только мы поковчили въ моемъ уѣздѣ.

Уховъ такъ настойчиво просилъ Бориса Сергѣевича у него отобѣдать что тотъ, хотъ и былъ прямо съ парохода, не могъ отказаться. Обѣдъ прошелъ мило и радушно, какъ и всѣ предводительскіе обѣды въ первый день собранія. Дровниязъ сказалъ прочувствованную рѣчь и сравнилъ земство съ сѣменемъ изъ котораго выростетъ вѣковое дерево, какъ онъ выразился.—„Дремучее“, смѣясь подсказалъ ему графъ. Но

закончивъ воззваніе къ общему согласію Дровнивъ отъ избытка чувствъ уронилъ на столъ бокаль съ шампанскимъ.

— Плохой знакъ, шелнулъ Дмитрію Томилину, — быть на собраніи скандалу. Коли Дровнивъ въ первый день разобьетъ за обѣдомъ стакаанъ, всегда каверза случится, вѣрная примѣта.

Второй день начался съ чтенія доклада объ увеличеніи содержанія управы. Уховъ откинулся на креслѣ сложивъ руки на животъ и глядѣлъ человѣкомъ котораго это вовсе не касается. Когда докладъ былъ конченъ и наступило, какъ водится, гробовое молчаніе, вѣчный слутвикъ предложенія о надбавкѣ жалованья, Уховъ какъ бы нехотя встреленулся и произнесъ:

— Господа! Никому изъ насъ неизвѣстно на кого падеть вашъ выборъ. Но конечно желательно чтобы выбрали самыхъ достойныхъ. А вамъ извѣстно что окладъ управы оцрѣдѣленъ давно, цѣны на все дорожаютъ, и оцять труды по управѣ — я хвастать не хочу, но всѣ вы знаете что съ каждымъ годомъ дѣла растутъ. Я не для себя это говорю, потому я этихъ обязанностей уже не приму.

Оцять молчаніе. Кто-то кашлянулъ. Кто-то другой чиркнулъ спичкой и закурилъ папироску. Гласные отъ крестьянъ зашевелились, но все-таки не возражали.

— Я думаю, предложеніе надо передать комиссіи, нервнительно, слегка краснѣя, произнесъ мировой судья Нѣмчиновъ, человѣкъ удивительно скромный и одинъ изъ самыхъ близкихъ сторонниковъ Ухова.

— Прежде всего казалось бы, заговорилъ теперь Дмитрій, — надо спросить у собранія, желаетъ ли оно вообще входить въ разсмотрѣніе вопроса...

— Прежде всего, господа, надо бы закусить, сказалъ теперь Уховъ, замѣтивъ не совсѣмъ благопріятное настроеніе. «Какая съ ними возня, право,» добавилъ онъ мысленно, «вчера еще за обѣдомъ все казалось улажено...»

Завтракъ на этотъ разъ былъ не такимъ обильнымъ какъ въ день выборовъ. Но все же онъ былъ вполнѣ достаточенъ для поддержанія ораторскихъ глотокъ, а главное, онъ доставлялъ удобное средство для всевозможныхъ сближеній. Уховъ занялся въ особенности крестьянскими гласными: ихъ даже пригласили къ участію въ трапезѣ. Но честь эта имъ ловидному не особенно польстила: съ пугливостью дѣтей въ

первый разъ полавшихъ въ чужой домъ, они упорно отказывались отъ угощенія и болѣе для вида, конфузясь, принимали изъ предводительскихъ рукъ по рюмкѣ очищенной. Савва Никитичъ Севрюгинъ усердно помогалъ Ухову, увѣряя поочередно старшинъ что за оказанную поддержку ихъ ожидаютъ великія и богатая милости.

— Наклейте управѣ жалованье, говорилъ онъ между прочимъ,—такъ Аркадію Степановичъ постарается на счетъ переложенія дорожной повинности.

Только и этотъ доводъ повидимому не подѣйствовалъ.

— Такъ-то оно такъ, Савва Никитичъ, устремивъ глаза внизъ отвѣчалъ одинъ изъ старшинъ,—такъ, вишь, наши толкуютъ что зачѣмъ же господамъ такія деньги платить коли изъ нашихъ найдутся что съ моимъ удовольствіемъ и за пятьсотъ рублей въ члены пойдутъ.

Узнавъ про это, Аркадію Степановичъ тотчасъ объяснилъ двумъ изъ наиболее шустрыхъ старшинъ что онъ давно собирался ихъ самихъ провести въ члены управы. „А если вы за пятьсотъ рублей согласны, такъ за тысячу и подавно.“

Между тѣмъ шла усердная агитація и среди дворянъ. Столы Уховской партіи, экскъ-докторъ Благосклоновъ, Савва Никитичъ и мировой судья, поочередно убѣждали нерѣшительныхъ и подогрѣвали охладѣвавшихъ. И за Дмитрія тоже привалялся достойный коммерсантъ Севрюгинъ.

— Давно съ вами не видались, Дмитрій Алексѣевичъ, протянулъ онъ ему обѣ свои руки.—Какъ здоровье вашей матушки? А хлѣба-таки продать мнѣ не желаете?

— Да вѣдь мы съ вами цѣлой не сходимся, Савва Никитичъ.

Коммерсантъ разсмѣялся.

— Очень вы ужъ настойчивы, Дмитрій Алексѣевичъ. А вѣрнѣе покупателя вамъ не найти. Ну, да что же говорить, поживете увидите. А напрасно вы вотъ Аркадію Степановичу, кажется, перечить хотите. Могу васъ увѣрить, чело-вѣкъ претолчивѣшій.

Но Дмитрію нравоченія Саввы Никитича оказались совсѣмъ излишними.

— Виновать, оборвалъ онъ его,—мнѣ съ Федоромъ Васильевичемъ переговорить надо.

Томилиня предъ тѣмъ только-что вошелъ.

— Vous n'avez pas de nouvelles d'Hélène? минуту спустя обратился къ Дмитрію молодой графъ.—Представьте, съ тѣхъ поръ какъ я выѣхалъ изъ Никольскаго—ни строчки.

— Я думаю, Елена Михайловна въ Біаррицѣ.

— А-а! Такъ мы увидимся тамъ. Я на двѣкъ уѣзжаю... Ну, а какъ вы думаете, вдругъ перешелъ онъ на другую тему,—поддержать намъ Аркадія Степановича?

— А вы какъ на этотъ счетъ думаете? въ свою очередь спросилъ Дмитрій.

— И? Какъ вамъ сказать... Au fond, je m'en soucie comme de l'an quarante... колѣчнсе дѣло.

Всѣ опять собрались въ залу. Не смотря на убѣдительные доводы Ухова, среди крестьянъ все-таки замѣчалось колебаніе.

— Мы вотъ думаемъ, несомнѣнно рѣшительно сказалъ одинъ изъ мужицкихъ гласныхъ,—когда шесть лѣтъ цѣлыхъ управъ выдавалось одно жалованье, такъ значить пусть такъ оно и останется.

— Какъ останется! заплутушнлся Уховъ,—а что цѣны на все растутъ, этого вы не считаете?

— Вы слышите что говоритъ Аркадій Степановичъ, началъ ему поддакивать скромный судья.

— Цѣны на землю тоже дорожаютъ, ядовито вставилъ адвокатъ Забодуха.

Дмитрій и Томилинь открыто возстали противъ предложенія, и увидавъ себѣ поддержку нерѣшительная оппозиція крестьянъ приободрилась. Дмитрій сказалъ, между прочимъ, что всякая копѣйка потраченная на непроизводительный расходъ сокращаетъ тѣ издержки земства которыя въ самомъ дѣлѣ могутъ привести народу пользу. „А средствъ на такіе расходы у насъ и безъ того не хватаетъ“, добавилъ онъ.

— Какъ, содержаніе управы вы называете непроизводительнымъ расходомъ, съ негодованіемъ воскликнулъ эксъ-докторъ Благосклоновъ.—Да кто же станетъ послѣ этого земству слушать?

Но Аркадій Степановичъ благороднымъ движеніемъ руки тотчасъ же остановилъ прыть своего клеветы.

— Господа, сказалъ онъ съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства,—я ничѣмъ, кажется, не заслужилъ вашего недовѣрія...

— Еще бы! Еще бы! слышалось съ разныхъ сторонъ.

— Вы знаете, я не для себя прошу этой надбавки. И на-меки разныхъ господъ (при этомъ онъ метнулъ косой взглядъ на Дмитрія и Томилину) меня оскорбить не могутъ. Но скажу вамъ откровенно, господа, эти пренія не дѣлають собранію

чести. И я, кажется, былъ въ правѣ ожидать къ себѣ большаго вниманія...

Голосъ предсѣдателя заглушили одобрительные возгласы. Но едва ли они помогли бы при баллотировкѣ, еслибъ Уховъ не встрѣтилъ неожиданную поддержку. Земская лѣвая разсудила что принципы вещь очень хорошая, но что прибавка жалованья тоже не мѣшаетъ на тотъ случай еслибы власть перешла въ руки Суходеревского съ братіей. И вотъ при содѣйствіи нѣкоторыхъ изъ старшинъ предложеніе было принято 22 голосами противъ 16. Лицо Ухова просіяло. И когда затѣмъ были подняты иныя вопросы, болѣе безкорыстнаго свойства, онъ обнаружилъ полную готовность оказать противной сторонѣ всяческую любезность.

Прежде всего отъ этого выиграли школы. На нихъ сразу надбавили цѣлыя три тысячи рублей, не смотря на то что это пришлось сильно не по вкусу членамъ самой Уховской партіи. Чуть-чуть даже не принята была любимая мысль Дровникова объ устройствѣ на счетъ земства дѣтскаго сада, да еще съ туманными картинами и чтеніемъ стиховъ. Уховъ даже совсѣмъ позабылъ трунить надъ обычною жертвою своихъ насмѣшекъ. Вожди лѣвой, разумѣется, не противорѣчили своему собрату и только чуть замѣтно посмѣивались, стараясь какъ можно болѣе наклониться къ столу. Графъ не переставалъ рисовать карандашомъ женскія головки. Словомъ, на земцевъ напелъ тотъ страннѣйшій стихъ при которомъ они болѣе всего стыдятся выказать скудость. На этотъ разъ изъ бѣды выручили мужички. Какъ ни привыкли они молчать когда разсуждаютъ господа, ихъ практическій смыслъ не выдержалъ слишкомъ ужъ явной нечлѣвности, и заготовскій старшина, молодой еще человѣкъ, съ обстриженною черною бородкой и бойкими угольными глазами, обратился къ Дровнину съ вопросомъ:

— А позвольте узнать, Евтихій Семеновичъ, для какого вы это гулянья свой садъ назначаете?

Дровникъ такъ и ахнулъ. Прочіе разсмѣялись, такъ какъ было совершенно очевидно что старшина отлично понимаетъ въ чемъ дѣло.

— Вы бы лучше, Евтихій Семеновичъ, въ своемъ имѣньи такіе сады разводили, добавилъ онъ, — а мы такъ и безъ нихъ обойдемся.

Перешли къ вопросу о народномъ продовольствіи. Начались доггія сѣтованія о томъ что магазины пусты, а у

крестьянъ послѣ неурожае въ прошломъ году не было и чѣмъ сѣмена купить. Суходеревскій даже двѣю рѣчь прочелъ о разореніи крестьянъ отъ малоземелья. Но собраніе все-таки пришло только къ платонической надеждѣ что въ будущемъ все это исправится.

— Господа, началъ Дмитрій,—изъ сказаннаго ясно что крестьянамъ прежде всего нуженъ дешевый кредитъ. Не малоземелье ихъ разорять, а страшные проценты которые они платятъ ростовщикамъ. Я слышалъ, собраніе будетъ обсуждать проектъ объ учрежденіи земскаго общества взаимнаго кредита.

Уховъ перебрѣнился въ лицѣ, услышавъ это: задуманный банкъ былъ его любимымъ дѣтищемъ.

— Вотъ еслибы деньги предназначеныя для этого, продолжалъ Дмитрій,—пошли на устройство ссуднаго банка доступнаго крестьянамъ, уѣзду была бы въ самомъ дѣлѣ принесена существенная польза...

— Вы удаляетесь отъ вопроса, завозилъ въ колокольчикъ председатель, — теперь рѣчь идетъ не о взаимномъ кредитѣ.

— Позвольте. Какъ скоро у земства есть средства на устройство банка, онъ можетъ принять и подѣ свою отвѣтственность учрежденіе выдающее крестьянамъ мелкія ссуды. Это поможетъ и на случай покупки сѣменъ.

— Такъ, такъ, слышалось среди крестьянъ.

— Дмитрій Алексѣевичъ, поглаживая свою бороду вставилъ чернохуторскій старшина, — въ своемъ имѣньи изволить такія ссуды выдавать...

Но сочувствіе мысли Дмитрія было далеко не всеобщее. Нѣкоторымъ изъ старшинъ, которые съ отправленіемъ своей должности совмѣщали банкирскія операціи, оно пришлось не по вкусу. Савва Никитичъ Севрюгинъ пришелъ въ неописанный ужасъ. Уховъ сталъ перешелтываться съ Благосклоновымъ. Графъ прервалъ на мигъ свое рисованіе и шеллулъ сидѣвшему около него Суходеревскому: „C'est du socialisme pur“. Но всѣхъ болѣе пришелъ въ негодованіе только-что вошедшій въ залу Элафродитъ Менадровичъ Замараки. Уроженецъ юга въ нападкахъ на ростовщиковъ увидалъ личныя оскорбленія для себя и отъ словъ Дмитрія сталъ отрещиваться какъ отъ самой вредоносной идеи. И земская дѣлая

не поддержала Дмитрія за то что онъ не соглашался съ ея любимю теоріей малоземелья. Одинъ только Дровнивъ принималъ его сторону, чѣмъ содѣйствовалъ развѣ только его большому пораженію.

Но теперь очередь была за самимъ Евтихіемъ Семеновичемъ. Онъ давно уже досталъ изъ кармана и тревожно мялъ въ рукахъ какой-то листъ написанный дрожащимъ старческимъ почеркомъ. Посоветовавшись съ Забодухой, онъ всталъ, попросилъ слова и заговорилъ напряженнымъ и торжественнымъ голосомъ:

— Господа! Въ великой странѣ къ которой мы, Русскіе, не можемъ не относиться съ сочувствіемъ потому что страна эта колыбель свободы, во Франціи, вотъ уже три года идетъ ожесточенная борьба между сторонниками народнаго дѣла и представителями мрака и старины...

— Позволь однако, Евтихій Семеновичъ, къ чему ты это клонишь? остановилъ его председатель.

Бѣлая эспаньйока задрожала на подбородкѣ Дровнива и сѣрые его глазки забѣгали. Въ эту минуту онъ былъ удивительно похожъ на стараго Италіянца дающаго уроки лѣній.

— Господа, снова заговорилъ онъ не обращая вниманія на слова Ухова,—мы не можемъ оставаться равнодушными къ тому что происходитъ во Франціи. Тамъ идетъ борьба за тѣ же демократическія начала которыми и всѣ мы горячо преданы.

Въ собраніи послышался ропотъ, перемѣшанный со смѣхомъ. Графъ принялся рисовать голову осла, у котораго было отдаленное сходство съ Дровнинымъ. Лица крестьянъ оставались совершенно неподвижны.

— Сочувствіе свое, продолжалъ Дровнивъ,—я предлагаю вамъ выразить въ формѣ адреса...

— Чтò за чепуха! воскликнулъ Уховъ.

Но Евтихій Семеновичъ былъ въ томъ восторженномъ настроеніи въ которомъ уже не смущаются ничѣмъ.

— Адресомъ, все громче возвышалъ онъ голосъ,—на имя человека который воплощаетъ въ себѣ республиканскую Францію, который потому и въ насъ, Русскіе, долженъ вызывать себѣ благодарность—на имя Леона Гамбетты!

Земская дѣвая, въ данную минуту состоявшая изъ семи человекъ, подчеркнула эти слова дружескими рукопожатіями.

— Я полагаю, мы сюда собрались не для балагурства, называй Дмитрій.

— А я напротивъ думаю, сказала графъ,—что мы должны благодарить Евтихія Семеловича за доставленное удовольствіе.

Смѣхъ въ самомъ дѣлѣ все усиливался. Дровнинъ начиналъ замѣтно конфузиться. „Итакъ, господа“, начиналъ онъ нѣсколько разъ, но его никто уже не слушалъ.

— Я полагаю, господа, пришли къ нему на помощь могучія легкія господина Заболдухи,—прежде всего надобно выслушать адресъ. Заглушать такой порывъ почтеннаго чувства могутъ только жалкіе обскуранты.

— Читать!—Не читать! послышалось съ разныхъ сторонъ. Слово „обскурантъ“ замѣтно подѣйствовало.

— Отчего же и не прочесть? Во всякомъ случаѣ забавно будетъ, вполголоса замѣтилъ графъ.

Рѣшено было выслушать адресъ. Вотъ каково было его содержаніе:

„Великій гражданинъ великой націи!—Съ самаго дня паденія позорнаго деспотизма вы твердо боретесь за священныя начала свободы, равенства и братства. Слава ваша провикла далеко за предѣлы вашего отечества. Не удивляйтесь тому что изъ скромнаго угла далекой Россіи, съ глухихъ береговъ Волги, поднимается къ вамъ братскій голосъ. Земство С*** уѣзда постановило переслать къ вамъ настоящее выраженіе своего сочувствія. Мы надѣемся что вы благосклонно примете этотъ отдаленный привѣтъ незвѣстныхъ вамъ людей, которые изъ стелей Востока слѣдятъ за каждымъ вашимъ шагомъ на пути къ торжеству великихъ принциповъ среди просвѣщеннѣйшей націи въ мірѣ.“

Французскій переводъ, не слишкомъ плохой, былъ приложенъ къ тексту. Когда чтеніе было окончено, Суходеревскій поддался съ мѣста.

— Дѣлать объ этомъ официальное постановленіе, сказалъ онъ,—мы конечно не можемъ; губернаторъ его опротестуетъ и адресъ не будетъ отосланъ. Вотъ почему я предлагаю его подписать такъ-сказать не гласно, какъ частныя лица, и въ протоколѣ нашемъ о томъ не упоминать.

— А я напротивъ предлагаю уломянуть самымъ торже-

ственнымъ образомъ, сказалъ насмѣшливо графъ.—Тогда я подпишу съ величайшимъ удовольствіемъ.

— Вы подпишетесь? удивленно спросилъ Уховъ.

— Непременно.—Графъ подошелъ къ председателю.—И всѣмъ вамъ совѣтую, продолжалъ онъ вполголоса:—бѣды отъ этого не будетъ ровно никакой; губернаторъ не пропуститъ.

— Мнѣ кажется мы уже слишкомъ много времени посвятили этой комедіи, сказалъ Дмитрій.—У насъ право недостаточно времени чтобы терять его на водевильныя шутки.

— Комедія! водевильныя шутки! съ негодованіемъ подвинулись на Дмитрія Суходеревскій и Забодуха. Собраніе много превратилось въ какой-то клубъ. Говорили по три человека разомъ. Горячія рѣчи сыпались и не слушались ни кѣмъ; не рѣшивъ ничего, собраніе какъ бы само себя распустило.

— Что вы такъ серьезно ополчились противъ этого балаганнаго адреса? спросилъ въ прихожей у Дмитрія графъ.

— Да просто потому что мы изъ-за него цѣлый часъ потеряли.

— Ну, и прекрасно. Хоть позабавились немного. А теперь кстати и обѣдать пора. Право, жаль что не подписали. Такъ, for the sake of fun.

— Что вы меня не поддерживали совсѣмъ, Федоръ Васильевичъ? сказалъ Томилину Дмитрій, выходя съ нимъ на улицу.

— Да только потому что я хорошо собраніе знаю и почти навѣрное могу сказать напередъ къ чему у насъ придутъ по каждому вопросу. Зачѣмъ же свой порохъ напрасно разстрѣливать? И вы, повѣрьте мнѣ, очень скоро къ этому хладнокровію придете.

— Но тогда я можетъ-быть перестану на собранія ѣздить, невеселымъ тономъ отвѣтилъ Дмитрій.

Они молча прошли нѣсколько шаговъ по улицѣ.

— А вы мнѣ лучше скажите, олять началъ Томилинь,—есть ли у васъ какія-нибудь извѣстія отъ Надежды Сергѣевны?

— Есть. Третьяго дня изъ О*** телеграмму получилъ. Теперь буду письма ожидать.

Говоря это, Дмитрій олять оживился. Томилинь не возражалъ ничего и только задумчиво покачалъ головой.

Въ тотъ же вечеръ въ клубѣ Уховъ, довольный результатами дня, рассказывалъ жандармскому полковнику про невѣроятное предложеніе, какъ онъ выразился, съ которымъ

Дмитрій провалился на собраніи. Онъ только-что усѣлся съ полковникомъ и съ Амфилохіемъ Никаандровичемъ въ преферансъ.

— Видите какимъ духомъ несетъ отъ цыныхъ, такъ-называемыхъ консерваторовъ, сказалъ онъ, сдавая карты.

— Да, да, отозвался полковникъ.

— И представьте себѣ, вѣдь онъ у себя тамъ въ имѣньи ужъ завелъ такую судную кассу. Вчера ко мнѣ приходитъ одинъ простой мужикъ, совсѣмъ даже безграмотный, Акимъ Забуддаевъ, содержатель постоялаго двора, вы его знаете, Амфилохій Никаандрычъ?

Исправникъ утвердительно кивнулъ головой.

— Такъ вотъ этотъ Забуддаевъ и говоритъ мнѣ про эти самыя благотворительныя ссуды: „вѣдь это, Аркадій Степановичъ, социализмъ настоящій“. Видите какой нюхъ у простаго народа.

— Скажите пожалуйста, снова отозвался полковникъ.

— А насъ, Аркадій Степановичъ, заговорилъ исправникъ, — поздравить можно? Опять у насъ будете председателемъ?

— Кто знаетъ, кто знаетъ, побѣдовосно и загадочно въ то же время отвѣчалъ Уховъ и устремилъ на прочихъ торжествующій взглядъ.

— Десять безъ козырей, объявилъ онъ собравъ карты.

Ему въ этотъ день рѣшительно везло.

V.

О Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба,
Но хлѣбомъ золота просторъ ея полей
Ей, также, Господи, духовнаго дай хлѣба!

Майковъ.

Аркадій Степановичъ черезчуръ торопился праздновать побѣду. Слѣдующее засѣданіе началось съ такъ-называемаго санитарнаго вопроса. Въ С*** были двѣ земскія больницы, губернская и уѣздная, хотя обѣ онѣ помѣщались въ томъ же зданіи и находились подъ руководствомъ того же доктора Финдейзена. Въ собраніи былъ прочитанъ докладъ управы въ которомъ выражалась благодарность Финдейзену за отличное содержаніе больницы. Эксъ-докторъ Благослововъ и кулецъ Севрюгинъ подтвердили это; наканунѣ они, по

порученію собранія, осмотрѣлъ больницѹ и видѣннымъ остались вполнѣ довольны. Уховъ обвелъ собраніе глазами, какъ бы не сомнѣваясь въ томъ что оно скрѣпиль выраженное одобреніе.

— Мы должны, сказалъ онъ,—отъ имени земства благодарить Карла Ивановича Финдейзена.

Эти выраженія земской признательности повторялись ежегодно и доставили уже Финдейзену, при содѣйствіи губернатора, два крестика и чинъ коллежскаго совѣтника.

— Меня это крайне удивляетъ, возразилъ Дмитрій.—Я долженъ напротивъ заявить что больница въ самомъ плачевномъ состояніи.

Эти слова подѣйствовали на нервы собранія какъ фальшивый аккордъ вдругъ прозвучавшій въ оркестрѣ.

— Какъ же это вы, однако, съ укоромъ произнесъ Уховъ,—возражаете противъ отзыва двухъ господъ гласныхъ обривозовавшихъ больницѹ, между тѣмъ какъ сами вы ея не видали?

— Въ этомъ вы и ошибаетесь, спокойно отвѣтилъ Дмитрій.—Вопервыхъ, заведенные въ ней порядки нѣ давно извѣстны; а во вторыхъ, а сегодня утромъ ее осмотрѣлъ вмѣстѣ съ Федоромъ Васильевичемъ.

У большинства присутствующихъ тотчасъ оказалось то непріятное ощущеніе какое бываетъ когда у стула на которомъ сидишь оказывается вдругъ поддоманная ножка.

— Нечистота и вонь неописанныя, продолжалъ Дмитрій,—и я не понимаю, какъ почтенные гласные вчера ѣздившіе въ больницѹ этого не примѣтили. Бѣлье грязно и недостаточно. Ухода почти нѣтъ. Тѣснота ужасная, хотя смертность такъ велика что мѣста должно бы оказываться достаточно. И эти порядки, если можно это называть порядками, ведутся издавна.

— Я вполнѣ присоединяюсь къ заявленію гласнаго Корецкаго, въ свою очередь сказалъ Томилинь,—и мы должны благодарить Дмитрія Алексѣевича за взятый имъ на себя починъ.

Благосклоновъ и Савва Никитичъ пробовали возражать, съ чувствомъ увѣряя что они оскорблены такимъ недоверіемъ. Но возражать оказалось не легко. Къ заявленію Дмитрія присоединились и другіе голоса. Со стороны крестьянъ, сперва довольно сдержанно, а потомъ все рѣшительнѣе, тоже стали подниматься обвиненія.

— Совершенно вѣрно цвалоятъ говорить Дмитрій Алексѣевичъ, самаалось отгуда;—это, можно сказать, не больница, а сенимой хлѣвъ.

Словомъ, оказывалось что земцы собиравшіеся благодарить доктора звали почти всѣ про крайне неудовлетворительное состояніе больницы.

— Это еще не все, опять заговорилъ Дмитрій.—Я просмотрѣлъ денежную отчетность и убѣдился въ полномъ ея несогласіи съ дѣйствительностью. Показавъ, напримѣръ, расходъ на тридцать новыхъ подушекъ, а на повѣрку выходитъ что это саама обтавутаая парусиной.

— Меня поразилъ, подхватилъ Томиливъ,—огромный расходъ на вино. Представьте себѣ, одной малаги вышло сорокъ восемь бутылокъ, изъ которыхъ разумѣется ни одной капли не попало въ ротъ больнымъ.

Въ собраніи подаялся хохоть. За то все мрачнѣе становилась лица Ухова и его сторонниковъ. Публика, а ея на этотъ разъ было довольно, стала волноваться. Вдругъ председатель замѣтилъ въ числѣ присутствующихъ маленькую сухощавую фигурку, съ носомъ въ видѣ птичьяго клюва и золотыми на немъ очками.

— Самъ докторъ Финдейзенъ здѣсь присутствуетъ, сказалъ онъ,—и конечно олровергнетъ слышанное нами отъ вѣкоторыхъ господъ гласныхъ.

Докторъ уже предъ этимъ неоднократно выражалъ свое недоводованіе усиленными жестаами. Услыхавъ слова председателя, онъ вскочилъ со стула и произнесъ:

— Все это происходитъ оттого что хотять разсуждайтъ про дѣло лица некомпетентныа, die Nichts vom Fach verstehen.

Уховъ обязательно указавъ доктору на свободное мѣсто у стола.

— Это все равно... Я буду постоять. Господинъ Корепкій не имѣлъ правъ сдѣлать ревизію въ мой больница. И что онъ говоритъ про какой-то подушка?.. Извѣстной дѣло, какой нужно для простой народъ подушка.

— Такъ что по вашему объ этомъ судить могутъ одни спеціалисты? насмѣшливо возразилъ Дмитрій.—Ну а что вы скажете про грязь и вонь въ больницѣ?

— Запахъ, какъ запахъ всегда бываитъ гдѣ есть пациенты. Вы это не можете знайтъ, weil sie sind nicht vom Fach. Это запахъ отъ дезинфекціонскихъ средствъ.

— Хороша дезинфекція! разсмѣялся Томилинь.

Собраніе теперь уже безъ удержу отдалось всеоному настроенію, и докторъ, проговоривъ еще съ минуточку, махнулъ руками.

— Я имѣю отъ самъ Государь, произнесъ онъ все болѣе волнуясь,—чинъ Collegienrath и Св. Станиславъ на шеѣ; а двадцать лѣтъ имѣю практика, и меня учить никто не можетъ.

— Собраніе кажется могло вполнѣ оцѣнить возраженія г. доктора, сказалъ Дмитрій.—Я предлагаю ему выразить не благодарность, а порицаніе отъ лица земства и на будущее время его отъ службы уволить.

За доктора пробовалъ было заступиться Уховъ, но удержать собраніе онъ уже не былъ въ силахъ, а вызывать изъ-за Финдейзена столкновенія онъ не хотѣлъ въ виду будущихъ выборовъ.

Его мытарства этимъ не окончились. Въ качествѣ членовъ ревизіонной комиссіи Дмитрій и Томилинь подробно разсматривали денежную отчетность управы, чего, къ сожалѣнію, почтенные гласные обыкновенно не дѣлали. Ихъ поразилъ очень солидный итогъ суммъ израсходованныхъ на ремонтъ мостовъ по уѣзду и не только за текущій, но и за прошлые два года. Случайно Томилину пришлось недавно проѣхать черезъ одинъ изъ этихъ мостовъ, или вѣрнѣе мимо его жалкихъ остатковъ, по руслу небольшой рѣчки Малиновки, такъ какъ самый мостъ въ весеннее половодье свесло. Не говоря пока никому о своемъ открытіи, онъ справился у нѣкоторыхъ изъ бывшихъ тутъ старшинъ, и тутъ же получалъ отъ нихъ самые неутѣшительные отзывы о состояніи переправъ по уѣзду.

— Помогите, батюшка, въ одинъ голосъ отвѣчали крестьянскіе гласные,—мы на собраніи заявить не смѣемъ, потому все-таки, извѣстное дѣло, начальство. Аркадію Степановичъ съ исправникомъ въ большомъ согласіи живутъ. А нашему брату эти мосты во какъ по горло сидятъ; весной народъ на ремонтъ споняли, потому губернаторъ собирался тогда по губерніи ѣздить. А настоящаго то-есть ремонту никакого не производить.

Подрядчикомъ всѣхъ земскихъ сооруженій издавна состоялъ Савва Никитичъ, и въ послѣдніе три года изъ земской кассы ему было переплачено слишкомъ двадцать лѣтъ

тысячъ рублей. По состоянію дорогъ, каждый годъ поднимались на собраніи жалобы; но Северягину и Аркадію Степановичу всегда до сихъ поръ удавалось недовольныхъ успокоить обѣщаніями будущихъ исправленій. Жирные предводительскіе обиды и желаніе не поссориться съ богатымъ купцомъ Северягинимъ не мало способствовали стоворчivosti земцевъ. На этотъ разъ однако дѣло обошлось не такъ просто. Послѣ санитарнаго волпроса на очереди была дорожная. По обыкновенію подвѣлялись кое-какія жалобы, причемъ каждый заботился лишь о той дорогѣ по которой ему часто приходилось ѣздить.

— Я знаю что дороги у насъ не важныя, примирительно заявилъ Уховъ.— Вы помните какое положеніе было прошлой весной. Чтѣ прикажете дѣлать, господа? съ природой спорить не станешь. Будущая управа конечно приметъ всѣ мѣры....

И на лицѣ Аркадія Степановича выразилась самая многообщающая улыбка. Члены Уховской партіи вспомнили про кусую хлѣбъ-соль своего предсѣдателя и не настаивали. Представители земской дѣвы жили большею частью либо въ городѣ, либо въ его ближайшемъ соудствѣ и потому не особенно терпѣли отъ состоянія дорогъ. Одинъ только Заболдуха сказалъ что во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ имѣется повсюду шоссе, а у насъ даже не имѣютъ исправно содержать допотопные пути сообщенія.

— Чтѣ дѣлать, господа? разводя руками возразилъ Уховъ,— мы должны беречь наши скудные средства. И безъ того наша сибѣтя тяжела.

— А управѣ все-таки жалованье накинуди, ядовито замѣтилъ адвокатъ.

— Я не скажу, теперь заговорилъ Дмитрій,—чтобы наше земство особенно скупилось. Нашему подрядчику, Саввѣ Никитичу Северягину, за послѣдніе три года переплачено слишкомъ двадцать пять тысячъ рублей.

Эти слова раздались какъ громовой ударъ. Савва Никитичъ быстро, какъ ужаленный, вскочилъ съ своего мѣста. Какъ! Позволяли себѣ касаться заповѣдной области его счетовъ съ земствомъ, приводили даже цифры! Да послѣ этого не было и возможности порядочному человѣку вести съ управою дѣла..

— Я все получилъ согласно контракту, ни копѣйки

боафе, дрожащимъ голосомъ произнесъ Савва Никитичъ. — Какъ предъ Богомъ это говорю: извольте превѣрить, коли хотите.

— Мы и превѣрили съ Федоромъ Васильевичемъ, и знаемъ что деньги-то вы исправно получили, а работъ за эти три года не произвели никакихъ.

— Я не могу позволить вамъ, г. Корецкій, остановить его Уховъ,—касаться того что было въ прежніе годы. Счеты за тогдашнее время всѣ закончены, а вы къ тому же были, какъ-жестся, за границей...

Но Дмитрія сбить было не такъ легко.

— Позвольте, возразилъ онъ,—я сведъ этотъ итогъ чтобы напомнить земству какія суммы оно изстратило и спросить у собранія знаетъ ли оно какія соотвѣтственно тому были произведены работы. Мнѣ сдается что ровно никакихъ. Дороги и мосты приходятъ въ отчаянное положеніе не сразу.

— Истинная правда! слышалось со стороны крестьянъ,—ремонтъ, можно сказать, у насъ нѣтъ, никакого...

— Дороги и мосты у насъ сибирскіе, подхватилъ кто-то.

Уховъ въ изнеможеніи откинулся въ креслѣ и принялся утирать лобъ. Онъ чувствовалъ себя не въ силахъ бороться съ поднимающеюся бурей. Севрюгинъ все еще стоялъ, опираясь на столъ дрожащими руками.

— Вы изволили сказать, безжалостно продолжалъ Дмитрій,— что дороги у насъ испорчены веселымъ половодьемъ, но отчего же тогда и теперь, въ концѣ сентября, мосты почти вездѣ таковы что ихъ приходится объѣзжать? Отчего весной, ради проѣзда губернатора, сгоняли крестьянъ на производство тѣхъ же работъ за которыя улава платитъ Севрюгину?

— Кто это вамъ сказалъ? яростно накинулся на Дмитрія Уховъ.

— Напрасно меня оскорблять изволите, защищался Савва Никитичъ,—я вотъ какъ предъ Богомъ...

Но ихъ уже не слушали. Старшины, ободренные давнымъ примѣромъ, стали наперерывъ разказывать какъ почти всѣ дорожныя работы производятся натуральною повинностью, не смотря на денежныя затраты по сибѣ. Заболдуха произнесъ громкую обличительную рѣчь, въ которой много говорилось объ ужасахъ крѣпостнаго права и очень мало объ уѣздныхъ мостахъ. Томилихъ передалъ о своемъ личномъ

знакомствѣ съ несуществующимъ мостомъ черезъ рѣчку Малиловку.

— Какъ же это вы, однако, Федоръ Васильевичъ, съ участіемъ заговорилъ Севрюгинъ: Томилава всѣ въ земствѣ остерегались, такъ какъ онъ издавна пользовался вѣсемъ и уваженіемъ въ уѣздѣ и вдобавокъ былъ на отличномъ счету у губернатора.—Надѣюсь же изволишъ ушибиться?

— Нѣтъ, Савва Никитичъ, мы всѣ съ осторожностію ѣздимъ по вашимъ мостамъ, шутилаво замѣтилъ кто-то изъ гласныхъ,—всѣ знаемъ каковы они.

Все многочисленнѣе становились обличители. Они выходили теперь даже изъ предводительской партіи. Какъ водится, въ виду явного пораженія вождя, въ ея рядахъ сказывалось поползновеніе къ измѣнѣ.

— Я честь имѣю предложить собранію, заключилъ пренія Дмитрій,—начать искъ противъ кулца Севрюгина для взысканія съ него неправильно полученныхъ имъ съ управы денегъ.

Тутъ поднялась настоящая буря. Пока шла разоблаченія оскорбительныя для самолюбія, можно было еще какъ-нибудь отшутиться, да и въ собраніи вопросъ скорѣе возбуждалъ смѣхъ чѣмъ раздраженіе. Но какъ скоро было произнесено злобѣщее слово „взысканіе“, какъ скоро была затронута денежная отвѣтственность, страсти забушевали не на шутку. Савва Никитичъ поблѣднѣлъ отъ злости. Уховъ затрасса на своемъ креслѣ, а въ собраніи началась перепалка, въ которой гласные будто сорвавшись съ цѣли нацѣлились уже не на однихъ виновныхъ, а принялись нападать другъ на друга. Звонокъ предсѣдателя оставался безсильнымъ. Слышались крики: „Подъ судъ!—Нѣтъ, не надо!—Взыскать!—Все до послѣдней копѣйки!—Не хотимъ!—Да вы сами-то чего же защищаете мазуриковъ!“

Всего хуже досталось г. Замараки. Потомокъ древнихъ Элишовъ вздумалъ было заступиться за Савву Никитича, но его тотчасъ же заглушили крики: „Да вы сами каковы? сколько лѣтъ грабили безнаказанно. Видно одного поля ягоды съ Саввой Никитичемъ.“

Севрюгинъ не вытерпѣлъ наконецъ и вышелъ изъ залы, шлепнувъ въ сторону. Его примѣру тотчасъ послѣдовалъ графъ. „Вотъ ужъ кашу-то заварили, нечего сказать“, мимоходомъ замѣтилъ онъ Дмитрію. А когда его кто-то вздумалъ

удерживать, онъ рѣзко отвѣтилъ что до скандаловъ не охотникъ. Уховъ до того растерялся что не замѣтилъ даже ухода графа. А Борисъ Сергѣевичъ прямо изъ собранія поѣхалъ къ губернатору и смѣясь разказалъ ему про случившееся на засѣданіи. Его превосходительство остался крайне недоволенъ. Финдейзенъ былъ его домашнимъ врачомъ, и губернатору валадки Дмитрія на почтеннаго доктора казались тѣмъ-то въ родѣ посягательства. Скандалъ завершившій преніе о дорогахъ тоже ему былъ очень неприятенъ.

— Вы не ловѣрите, графъ, сказалъ онъ,—какъ я не люблю воѣхъ этихъ передрагъ и исторій. Вотъ у васъ въ уздѣ все идетъ отлично—*c'est parce que vous êtes un homme du monde.*

— Я бы конечно не допустилъ до этого, самодовольно отвѣтилъ графъ.

— Впрочемъ и у Аркадія Степановича все до сихъ поръ шло отлично. Все это происходитъ отъ Дмитрія Алексѣевича, должно-быть пребезлокойный характеръ.

— Да, ужъ нечего сказать—крутенекъ, въ отвѣтъ засмѣялся Соколицкій.—А я съ вами долженъ проститься. Завтра я думаю въ Петербургъ.

Губернаторъ выразилъ сожалѣніе.

— Да. И оттуда за границу. Вы конечно мнѣ все устроите насчетъ этихъ маленькихъ формальностей, небрежно добавилъ графъ.

— Еще бы, еще бы, съ чувствомъ пожалъ его руку губернаторъ.—Завтра же изъ моей канцеляріи получите всѣ нужныя бумаги.

Въ собраніи между тѣмъ продолжали бушевать. Публика всегда ладкая до бурныхъ сценъ, осталась до конца на своихъ мѣстахъ. Среди нея преобладало какое-то полуслуганское чувство, точно совершенно было что-то святотатственное. Нѣ Дмитрія смотрѣли какъ на опаснаго демагога, волнующаго страсти. А Уховъ съ тупымъ отчаяніемъ глядѣлъ на волновавшихся гласныхъ, какъ смотрятъ на разрушеніе своего дома стихіей, противъ которой нельзя устоять. Дмитрій думалъ-таки чтобы сдѣлано было постановленіе о взысканіи денегъ съ виновныхъ, а это стоило ему не мало труда: буръ въ русскихъ собраніяхъ обыкновенно разрѣшаются ничѣмъ.

Изъ залы управы всѣ послѣшили въ клубъ, чтобы тамъ растворить свои впечатлѣнія среди бездоннаго моря городскихъ слезенъ. Не поѣхалъ въ клубъ одинъ Уховъ. Онъ

сознавалъ себя разбитымъ окончателно. И это было вдвойнѣ тяжело послѣ недавняго торжества. Но въ заступникахъ у него не оказалось недостатка: посторонніе остались ему болѣе вѣрными чѣмъ вскормленные имъ земцы. И увеличительное стекло клубной болтовни быстро превратило случившееся въ какое-то огромное дѣло съ политическою окраской. Дмитрій оказался чуть ли не мятежникомъ колеблющимъ государство. Этому взгляду особенно держались жандармскій полковникъ и Амфилохій Никандровичъ. Они усердно поддакивали доктору Финдейзену и г. Замараки когда эти господа выражали предъ ними свое негодованіе противъ Дмитрія.

— Вы правы, докторъ, вы правы, Элафродитъ Менадровичъ, говорилъ полковникъ,—господинъ Корецкій поступилъ дерзко, очень дерзко.

— Онъ еще такъ недавно познакомился со здѣшнимъ обществомъ, вставилъ исправникъ,—а такъ можно сказать рѣзко нападаетъ на людей достойныхъ.

— Я двадцать лѣтъ имѣю практику, твердилъ докторъ,—и я еще не видалъ такой нахальство.

— Мы доктора всѣ знаемъ и любимъ, потрепалъ Финдейзенъ по плечу вице-губернаторъ.

Словомъ, доктору сдѣлали маленькую овацію, и тузы губернскаго управленія единогласно рѣшили что такъ какъ поступилъ Дмитрій могутъ дѣйствовать только люди неблагонравные.

Почта въ тотъ же вечеръ привезла Дмитрію письмо отъ Нади. Молодая дѣвушка повидимому сомнѣвалась въ успѣхѣхъ своего предпріятія. Съ Боровскимъ она еще не видалась, и никакой нити пока не имѣла въ рукахъ. Въ большомъ городѣ, гдѣ для нея воскресали самыя тягостныя воспоминанія, Надю охватило, казалось, несвойственное ей недоверіе къ себѣ. Отъ письма ея вѣяло грустью, а между тѣмъ она не хотѣла отказаться отъ своей попытки. „Мнѣ тяжело говорить тебѣ это, Дмитрій“, заканчивала она,—„но врядъ ли я успѣю вернуться такъ скоро какъ думала. Ты былъ совершенно правъ; здѣсь все гораздо труднѣе и недоступнѣе чѣмъ я даже полагала. Но пожалуста не слишкомъ грусти. Я пробуду здѣсь еще три, четыре дня, и если не успѣю познакомиться съ Сашей, все-таки отсюда уѣду. Не безпокойся обо мнѣ; я остановилась въ домѣ отца, хотя его здѣсь не застала: онъ, я думаю, за это не посѣтуетъ. Прислуга увѣряетъ что онъ уѣхалъ въ Кіевъ, не зная про то что случилось

съ Сашей. Онъ долженъ вернуться завтра или послѣ-завтра. Мамѣ и съ нимъ хотѣлось бы дождаться, ты это конечно поймешь. Жди меня во вторникъ или въ среду. Я получила твою телеграмму и очень была обрадована что бѣдной мамѣ лучше. Еще разъ умоляю тебя не грустить."

Но это была совершенно невыполнимая просьба. Тяжкое раздумье охватило Дмитрія когда онъ прочелъ эти строки. Онъ еще болѣе прежняго упрекнулъ себя за то что отпустилъ Надю. Ему даже захотѣлось самому поѣхать въ О*** и привезти ее назадъ въ Бѣлые Столбы. Но онъ тотчасъ оставилъ эту мысль—по расчету времени онъ могъ съ Надей развѣхаться на пути. Гнетущее чувство безпомощности, какой-то неопредѣленный страхъ наполнили его сердце, и какъ ни старался онъ стряхнуть съ себя эти смутныя ощущенія, онъ успеетъ уже не могъ. Дмитрій послѣдшилъ къ ней отправить телеграмму съ убѣдительною просьбою вернуться какъ можно скорѣе. И когда онъ сдалъ телеграфисткѣ исписанный имъ наскоро бланкъ, и аппаратъ задрожалъ, передавая его просьбу всегда послушной провололкѣ, у Дмитрія болѣзненно защемило сердце отъ неотвязной мысли что вѣдь отъ него же зависѣло не допустить Надю до ея необдуманной поѣздки. И все упорнѣе думалось ему что поѣздка эта повлечетъ за собою какую-то нежданную бѣду.

VI

Савва Никитичъ Севрюгинъ былъ крайне озлобленъ на Дмитрія за причиненную ему неприятность. „Подумаешь, разсуждалъ онъ съ собою, что вѣдь самъ я этого барчука расклатого въ гласные провелъ! Очень нужно было! Не было печали, черти накачали! Тьфу!“ И Савва Никитичъ плюнулъ отъ одного этого воспоминанія. На слѣдующее же утро въ пріемный часъ онъ отправился къ губернатору. Ему пришлось дожидаться не долго: начальникъ губерніи всегда цѣнилъ тароватаго коммерсанта, хорошо помня что Савва Никитичъ всегда былъ первымъ во всѣхъ благотворительныхъ подлискахъ и недавно еще пожертвовалъ двѣ тысячи на пріютъ для дѣвицъ. Его превосходительству угодно было приять Севрюгина ласково, хотя съ оттѣнкомъ свисходительнаго локровительства. Савва Никитичъ почти слезно перedalъ ему про свои обиды, умоляя о высококомъ заступничествѣ

— Одна моя надежда на ваше превосходительство. Совсѣмъ вчера на земскомъ собраніи меня осрамили, такъ-сказать ни за что ни про что.

— Знаю, знаю, перебилъ его губернаторъ, который во все время разказа нетерпѣливо вертѣлъ въ рукѣ гусиное перо.— Мнѣ самому это, повѣрьте, очень непріятно.

Губернатору уже наканунѣ вечеромъ были сообщены протоколы засѣданія, а исправникъ, бывшій у него съ докладомъ въ десятомъ часу утра, дополнял ихъ своими личными впечатлѣніями.

— Самы, ваше превосходительство, изволите знать, продолжалъ Северюгинъ,—я ли когда-нибудь чужимъ добромъ воспользовался? Свято, какъ предъ Богомъ, такъ-сказать чтулъ всегда законъ, и скорѣе, чѣмъ кого другаго обидѣть, всегда радъ своею трудовою колѣвкой въ нѣкоторомъ родѣ нуждающемуся пособить.

— Помню, Савва Никитичъ, все помню. Да чѣмъ же я могу вамъ помочь, сами посудите?

Губернаторъ усиленно заморгалъ глазами, что бывало съ нимъ обыкновенно когда онъ не находилъ выхода изъ затрудненія.

— Да я думалъ, ваше превосходительство, смиренно заговорилъ Северюгинъ послѣ нѣкотораго молчанія,—что кабы камъ угодно было въ нѣкоторомъ родѣ опротестовать постановленіе собранія...

— То-есть какъ опротестовать? Земство рѣшило предъявить на васъ искъ, а на этотъ счетъ ему предоставлена закономъ полная власть.

Савва Никитичъ поднялъ вверхъ обѣ руки въ знакъ протеста.

— Совсѣмъ незаконное постановленіе, ваше превосходительство, смѣю васъ увѣрить, умиленно возгласилъ онъ.— Рѣшили съ меня взыскать суммы выдаваемыхъ мнѣ не за прошлый только годъ, а за дѣлые три. Какой же это законъ? Развѣ можно старые, давно конченные счета, такъ-сказать, сызнова тревожить? И кто же послѣ этого станетъ съ земствомъ дѣла вести, коли честному человѣку такіа будутъ тревоги, да обиды чинить?

— Я посмотрю, что можно будетъ для васъ сдѣлать, нервительно отвѣтилъ губернаторъ и бросилъ разсѣянный взглядъ на лежавшія на столѣ дѣла въ синихъ оберткахъ, какъ бы намекая что пора кончить аудіенцію.

— Мнѣ, ваше превосходительство, не деньги дороги, настаивалъ теперь уже возвышая голосъ Савва Никитичъ.— Богъ съ вами. Я за такую малость не погожусь. Сама изволите знать какіе отъ земства барыши. И впередъ ужь съ этими господами рукъ марать не стану. Честь мнѣ дорога, вотъ что!— Онъ ударилъ себя кулакомъ по груди.— Не хочу допустить чтобы меня, старика, напрасно отпелмовали. И доложу я вамъ,— тутъ Савва Никитичъ принявъ конфиденціальную тонъ,— вся эта напраслица черезъ Дмитрія Алексѣевича Корецкаго вышла. Они всѣхъ на земствѣ смутили, должно-быть отъ личной злобы на меня. И совсѣмъ непутевый онъ человекъ— въ дѣлѣ ровно ничего не смыслить, а только знаетъ народъ мутить. Да-съ, ваше превосходительство, доложу вамъ, человекъ онъ оласный, Дмитрій Алексѣевичъ— можно сказать даже тайные замыслы имѣть. Богъ вѣсть съ какими людьми знается. Фанаберію у себя какую-то въ имѣньи завелъ.

Савва Никитичъ покачалъ головой; слово „фанаберія“ онъ вѣроятно привелъ, думая что оно равносильно „фаланстеріи“, про которую онъ слышался когда-то отъ бывшего уѣзднаго судьи любившаго читать запрещенныя книжки.

Но тутъ губернаторъ всталъ съ своего кресла, находя что Савва Никитичъ ужь чрезчуръ злоупотребляетъ его терпѣніемъ.

— Повторяю вамъ, сказалъ онъ,— я сдѣлаю что только могу. Я думаю лучше будетъ переговорить съ будущимъ председателемъ управы. Надѣюсь какъ-нибудь ваше дѣло и уладится. А къ протестамъ, вы знаете, я прибѣгаю только въ крайнемъ случаѣ. До крутыхъ мѣръ я не охотникъ.

Савву Никитича въ кабинетъ губернатора смѣнилъ жандармскій полковникъ. Онъ казался озабоченнымъ не на шутку.

— Съ какими вѣстями, Антошь Девиновичъ? спросилъ у него губернаторъ.

— Да на счетъ г. Корецкаго, усаживался на предложенный ему стулъ, отвѣчалъ полковникъ.— Надо, ваше превосходительство, принять мѣры. Я уже имѣлъ случай вамъ про это докладывать; а то что произошло на земскомъ собраніи явно показываетъ что это за безлокобый человекъ.

Губернаторъ передвинулся на своемъ креслѣ и заложилъ ногу за ногу.

— Я пока не вижу поводовъ къ дѣйствию власти, заговорилъ оиъ, сухостью тона стараясь прикрыть свою тревогу.

— Какъ, ваше превосходительство? возразилъ пламенный блюститель тишины и порядка.—Развѣ все поведеніе г. Корецкаго на собраніи не подозрительно въ высшей степени? Вы изволите конечно знать уже изъ протоколовъ что оиъ третьяго дня предлагалъ на земскія средства учредить какой-то благотворительный банкъ. Развѣ это не агитація?—Полковникъ очень любилъ щеголять нѣкоторыми мудреными иностранными словами, которыя недавнія событія ввели въ официальный языкъ.—А рѣзкія его выходки противъ Аркадія Степановича Ухова? Да не только это, всѣ бывшіе на собраніи говорятъ что оиъ выражался неприличнымъ, можно сказать, дерзкимъ образомъ противъ установленныхъ властей. Вы этого конечно изъ протоколовъ усмотрѣть не могли.

Губернаторъ поправилъ лѣвою рукой галстукъ и кашлянулъ.

— Но мнѣ кажется напротивъ, сказалъ оиъ,—что образъ мыслей Дмитрія Алексѣевича самаго охранительнаго свойства.

— Охранительнаго-съ? Да кто его просить что-нибудь охранять? Оиъ развѣ имѣеть официальное порученіе или должность занимаетъ? Оиъ не болѣе какъ простой помѣщикъ, оставившій почему-то государственную службу, что на него уже набрасываетъ нѣкоторую тѣнь, и обязанъ лишь подчиняться всей строгости законовъ и отбывать лежащая на немъ казенныя повинности. А оиъ вмѣсто того сперва завелъ какіе-то споры съ крестьянами и чуть ли не дѣблый быть возбудилъ, а потомъ вдругъ задумалъ какія-то благотворительныя кассы устраивать.

И полковникъ закидалъ губернатора дѣлою кучей обвиненій противъ Дмитрія. Оиъ конечно не походилъ на тѣхъ всемогущихъ блюстителей стараго времени предъ которыми трепетали сами губернскія власти, но лыкій нравъ иногда возносилъ его не дальновидный умъ далеко за предѣлы благоразумія и давалъ ему несомнѣнный перевѣсъ надъ мягкимъ, припрителаннымъ губернаторомъ.

— Все-таки я тутъ не вижу еще ничего особеннаго, продолжалъ усложивать его начальникъ губерніи.

— А вы развѣ не слыхали (Антонъ Демисовичъ нагнулся черезъ столъ и заговорилъ вполголоса) что г. Корецкій похваченъ съ живущею у его матери дѣвицею Ольшевскою, состоящею подъ негласнымъ полицейскимъ надзоромъ?

Губернаторъ сдѣлалъ удивленное движеніе рукой.

— Вамъ не угодно было мнѣ повѣрить когда я сообщалъ вамъ про тѣ преступныя связи въ которыхъ находится эта молодая особа съ лицами заподозрѣнными. Въ настоящую минуту кажется на этотъ счетъ сомнѣнія быть не можетъ. Вы изволили конечно прочесть копію съ письма надвяхъ адресованнаго къ моему мужемъ ея сестры, княземъ Тумановымъ? И вамъ достоверно извѣстно что дѣвица Ольшевская, получивъ это письмо, на другой же день выѣхала въ О***.

Полковникъ многозначительно устремилъ на губернатора свой вопрошающій взоръ.

— Въ самомъ дѣлѣ? все болѣе волнуясь, отозвался его превосходительство.— Это, разумѣется, нѣкоторымъ образомъ видоизмѣняетъ положеніе вопроса...

— Я полагаю, снова заговорилъ Антошъ Денисовичъ,— что въ виду этого власть не можетъ оставаться бездѣятельною. Въ Бѣлыхъ Столбахъ долженъ быть произведенъ обыскъ...

— Въ домѣ Анны Григорьевны? Ахъ, что вы! услуганно отвѣтилъ губернаторъ.

— Да позвольте же, ваше превосходительство, это единственный способъ наладить на слѣдъ какого-нибудь злоумышленія... Кто знаетъ съ кѣмъ гжа Ольшевская состояла въ перепискѣ? У нея могутъ отыскаться книги, рукописи возмутительнаго содержанія...

Губернатору все это было очень непріятно. Ему, всегда любезному съ дамами, приходилось разрѣшить обыскъ у молодой, хорошенькой дѣвушки, да еще въ домѣ всѣми уважаемой Анны Григорьевны! А между тѣмъ доводы полковника ему казались неотразимыми.

— Вдобавокъ, продолжалъ все болѣе увѣренный въ себѣ Антошъ Денисовичъ,— такой обыскъ можетъ дать полезныя указанія на счетъ самого Дмитрія Алексѣевича. Что бы вы ни говорили про его охранительный образъ мыслей, согласитесь что его помолвка съ особой замѣшанною въ преступной агитаціи представляется крайне странною?...

— Да, какъ бы про себя вымолвилъ губернаторъ,— во время освобожденія крестьянъ бывали такіе крѣпостники которые зачитывались *Колоколомъ*, а въ бытность за границей ѣздили на поклоненіе къ Герцену... У насъ все возможно.

— И наконецъ, добавилъ полковникъ,— развѣ васъ не поразила непозволительная рѣзкость Дмитрія Алексѣевича

относительно доктора Финдейзена?... Посудите сами, развѣ можно такъ оскорблять человека достойнаго, заслуженнаго?..

Налаженіе которому подвергся докторъ Финдейзенъ въ земскомъ собраніи всего болѣе можетъ-быть возстановило его превосходительство противъ Дмитрія.

— Пожалуйста только, сказалъ онъ, не рѣшался дать полковнику прямой отвѣтъ,—сдѣлайте все это какъ можно деликатнѣе и мягче. Выберите такого офицера который бы отпачался умѣньемъ обращаться съ дамами...

— Да помилуйте, ваше превосходительство, они всѣ у насъ люди, можно сказать, только благовоспитанные.

— А я съ своей стороны поручу Амфилохію Никадровичу ему сопутствовать. Онъ хорошо знакомъ съ Анной Григорьевной и сдѣлаетъ все чтобы смягчить неприятность такой щекотливой мѣры...

Губернаторъ очень не любилъ крутаго образа дѣйствій. Но еще болѣе онъ опасался всего похожаго на скандалъ, а за послѣднее время, благодаря Дмитрію, въ мирномъ губерньскомъ городѣ произошелъ цѣлый рядъ крайне прискорбныхъ столкновеній.

Слѣдующій день былъ послѣднимъ днемъ земской сессіи. Оставалось произвести выборы и развѣхаться. Когда въ нашихъ собраніяхъ предстоятъ выборы, господа гласные обыкновенно остаются до конца, чего они въ прочіе года большею частью не дѣлаютъ. На этотъ разъ личный составъ гласныхъ даже усилился пріѣздомъ Аполлона Акакіевича Моргунова.

— Такъ и зналъ что попаду вовремя, сказалъ онъ весело здороваясь со всѣми.—У меня ужъ такое правило: до выборовъ никогда не пріѣзжать. До пустой болтовни я не охотникъ, а вчера еще славный денекъ выдался: одиннадцать зайцевъ въ одно поле затравилъ.

Аполлонъ Акакіевичъ, вопреки обыкновенію, въ этотъ день еще не былъ пьянъ.

Уховъ, не смотря на многократныя упрашиванья, отказался наотрѣзъ баллотироваться предсѣдателемъ. На самомъ дѣлѣ однако онъ и не думалъ отрекаться отъ прежняго мѣста. У него былъ свой планъ. Аркадій Степановичъ рассчитывалъ что всѣхъ прочихъ кандидатовъ забаллотируютъ, и тогда, какъ бы изъ свисхожденія къ земству, онъ приметъ еще разъ предложенное ему предсѣдательство. И въ самомъ дѣлѣ, онъ ловидимому не ошибся. Суходеревской надѣялся

что разгромъ постигшій Савву Накитича уничтожилъ все шансы его противника. Но ему отъ этого легче не стало: за него положено было всего пятнадцать шаровъ. Та же участь постигала и двухъ другихъ охотниковъ баллотироваться—мѣщика съ яростнымъ лицомъ и гласнаго отъ города, купца Незабудкина. Уховъ торжествовалъ: новыхъ кандидатовъ не предвидѣлось.

— Что жь, Аркадій Степановичъ, привялся его дразнить Моргуновъ,—смилуйся! Видишь, безъ тебя земство обходиться не можетъ. Полюбился ты ему ужь очень....

По Ухова ожидалъ негаданный сюрпризъ.

— Господа, вдругъ заявилъ Дмитрій,—будемъ просить Федора Васильевича Томилина баллотироваться.

Уже предъ началомъ засѣданія Дмитрій переговорилъ объ этомъ съ Томилинымъ и съ нѣкоторыми изъ городокихъ и крестьянскихъ гласныхъ. „Я знаю, это неприятная, тяжелая служба, говорилъ Томилину Дмитрій,—но подумайте что въ вашихъ рукахъ, и только въ вашихъ, земское дѣло пойдетъ честно и хорошо.“ Томилинь далъ себя уломать, хоть и очень неприятно ему было разставаться съ невозмутимостью своего углака.

Неожиданная кандидатура Федора Васильевича встрѣтила почти единодушное сочувствіе, особенно среди крестьянъ. Уховъ понялъ что дѣло его проиграно окончателно. За Томилина было подано тридцать голосовъ, и съ нимъ составиться Аркадій Степановичъ не рѣшился.

Въ исходѣ шестаго часа выборы были окончены. Дмитрій собирался уѣхать въ Бѣлые Столбы, которыхъ не видалъ почти цѣлую недѣлю, какъ вдругъ у крыльца его встрѣтилъ только-что выпрыгнувшій изъ тарантаса Володя.

— Что случилось? спросилъ у него старшій братъ, испугавшись его взволнованнаго лица.—Мама?... Что съ нею?

— Мама ничего, здорова. Случилась бѣда, да не съ нею.

— Пойдемъ отсюда поскорѣе. Здѣсь при чужихъ говорить нельзя...

И уведя брата въ сосѣдную улицу, гдѣ въ вечерній часъ не было ни души, Володя, перебиваясь на каждомъ словѣ, разказалъ ему про совершившійся въ тотъ же день наѣздъ полицейскихъ въ Бѣлые Столбы. Полковникъ и Амфилохій Николаевичъ видно не мѣшкали.

Дмитрій слушалъ брата съ возрастающимъ негодованіемъ. Это ни на что не похоже! воскликнулъ онъ.—Пойдемъ со

ней къ губернатору. Ты ему сейчасъ все расскажешь. Не можете быть чтобъ онъ самъ позволялъ такое безобразіе.

Братъ ушелъ въ таратасъ и поскакалъ къ губернаторскому дому.

— Представь себя, продолжалъ Волода рассказывать пока они ѣхали,—теперь только онъ достаточно овладѣлъ собою, чтобы послѣдовательно объяснить что случилось,—сегодня въ двѣнадцатомъ часу вдругъ прискакала во всю прыть къ нашему дому тройка, и изъ ѣкипажа, а столъ на крыльцѣ, выскакиваетъ исправникъ, а съ нимъ какой-то жандармскій офицеръ. Амфилохій Николаевичъ сейчасъ ко мнѣ со своею противною улыбкой, да съ разспросами про маму. „Мы къ вамъ, говорить, по дѣлу. Позвольте васъ познакомиться со штабъ-ротмистромъ Малиновскимъ.“ Тотъ звякнулъ шпорами и поклонился. Я посмотрѣлъ на нихъ съ изумленіемъ и, представь себя, этому подлецу Малиновскому даже руку протянулъ. „Такъ и такъ, говорить Амфилохій Николаевичъ, у васъ порученьце есть — сами знаете, служебныя обязанности иногда бываютъ не совсѣмъ пріятныя, хе-хе-хе.“ Еще смѣяться вздумалъ, полицейская крыса! „Мнѣ бы Анну Григорьевну безлокоить не хотѣлось.“ Тутъ онъ мнѣ объяснилъ что имъ поручено вдвоемъ у васъ въ домѣ обыскъ сдѣлать,—„такъ, знаете, говорить,—самый маленькій; пожалуйста не безлокоитесь... Укажите намъ только комнату которую занимала ваша уважаемая кузина, Надежда Сергѣевна...“

— Какъ? Обыскъ у Нади? съ негодованіемъ перебилъ его Дмитрій.—И ты ихъ лусталъ въ ея комнату?

— Что жь было дѣлать? Требуютъ; на законномъ основаніи! Я, признаться, оторопѣлъ немного и далъ имъ ключъ отъ Надиной комнаты.

Дмитрій снова прервалъ его гнѣвнымъ восклицаніемъ.

— Пошарили тамъ у нея въ письменномъ столѣ, на полкахъ, и разумеется ничего не нашли. Исправникъ хотѣлъ даже къ ней въ комодъ заглянуть, но самъ этотъ Малиновскій его остановилъ: „Ничего мы здѣсь не найдемъ“, говорить; и потомъ ко мнѣ обратился: „А теперь позвольте намъ пройти въ комнаты занимаемыя старшимъ братомъ“. И сказалъ онъ это, завѣшь, самымъ ласковымъ, сахарнымъ тономъ. Я хотѣлъ ихъ остановить: „Что вы это, говорю, что вы? Развѣ брата подозрѣвать можно?“

— Да развѣ обо мнѣ дѣло! нетерпѣливо возразилъ Дмитрій,—

пусть у меня ищутъ! Не все ли равно? Къ Надѣ они смѣли войти, вотъ чего не слѣдовало допускать.

— Привались они и у тебя шарить; даже въ лабораторію заглянули. „Сколько у вашего брата иностранныхъ книгъ“, говоритъ мнѣ этотъ противный Малиновскій и щиплетъ себя за усы. „Да развѣ это запрещено?“ спрашиваю я его. „Не то чтобы запрещено“, отвѣчаетъ, „а все-таки, знаете, странно... Можетъ-быть есть и запрещенныя цензурой...“ А самъ все на исправника поглядываетъ. Налали они на сочиненіе Огюста Конта, да на какое-то русское заграничное изданіе. „Это несомнѣнно запрещенныя книги“, совсѣмъ уже строго сказалъ Малиновскій и объявилъ что какъ это ни прискорбно, а ихъ придется отобрать...

— Олухи! болваны! сквозь зубы произнесъ Дмитрій.

— Ко мнѣ-то и не заглянули совсѣмъ, а у меня-то весь Лассаль есть и цѣлая фаланга что ни на есть самыхъ цензурныхъ вещей. Ну да чертъ съ ними! Перелистываютъ они себѣ тамъ и сами не знаютъ чтò взять и по всему видно очень недовольны тѣмъ что лутнаго ничега не нашли... Только вижу я, входитъ мама, и совсѣмъ прежняя мама, такая рѣшительная, твердая, какъ будто она совсѣмъ и больна не была. Я даже удивился. Ну и досталось имъ отъ нея. На Малиновскаго она и не глядитъ совсѣмъ; не поклонилась ему даже, а все къ Амфилохію Никандровичу обращается: „Да какъ вы смѣете мой домъ обыскивать? Вы не знаете съ кѣмъ имѣете дѣло. Чтò мнѣ вашъ губернаторъ! Я до самого мунистра дойду!“ Они даже предъ ней кажется струхнули....

Лошади остановились, подкативъ къ подъѣзду. Губернатора дома не оказалось, онъ поѣхалъ въ соборъ ко всемогущей, такъ по крайней мѣрѣ объявилъ швейцаръ: дѣло было въ субботу. Въ дѣйствительности губернаторъ былъ вовсе не въ соборѣ, а у Клементины Адамовны Дзынгаревской, къ которой довольно часто заѣзжалъ по вечерамъ.

Дмитрій приказалъ кучеру ѣхать въ Бѣлыя Столбы. Анну Григорьевну онъ засталъ въ страшномъ волненіи. Къ старушкѣ вернулась вся ее прежняя рѣшительность. Она не могла услокоиться послѣ нанесеннаго ей оскорбленія. Дмитрія встревожило овладѣвшее ею лихорадочное возбужденіе: онъ боялся послѣдствій для ее здоровья. Глаза ее блестяли, голосъ звучалъ отрывисто и гнѣвно. Случившееся въ этотъ день будто воскресило прежнюю Анну Григорьевну, какъ

струя воздуха раздуваетъ гаснущее пламя. Прежняя твердость, прежнія силы къ ней вернулись какимъ-то чудомъ. „Ты обо мнѣ не безпокойся“, повторила она сыну. „Я про свою болѣзнь забыла; я себя и свои Бѣлые Столбы въ обиду не дамъ.“ И въ самомъ дѣлѣ казалось будто недавняя болѣзнь совсѣмъ уступила предъ наплывомъ горячаго чувства.

Въ воскресенье утромъ пришло новое письмо отъ Нади, не такъ длинное чѣмъ первое, но такое же грустное. Нада писала что видѣлась наконецъ съ сестрой, но это свиданіе должно-быть не разогнало ея тяжелаго настроенія. Она еще разъ повторила что непремѣнно будетъ во вторникъ. „Зачѣмъ же она не вернулась немедленно?“ спросилъ у себя Дмитрій. Вообще письмо невѣсты привело его въ недоумѣніе. Въ ея словахъ было что-то недосказанное, и два дня оставшіяся еще до ея пріѣзда казались ему невѣроятно длиннымъ, томительнымъ срокомъ.

Между тѣмъ онъ еще разъ попытался видѣть губернатора. Но ему опять сказали что его нѣтъ дома. Слугамъ было велѣно Дмитрія не принимать. „Ты лучше мнѣ это дѣло предоставь“, объявила ему Анна Григорьевна, когда онъ явился въ Бѣлые Столбы. „Я вижу что вы съ Володей хоть и мушкетеры, а все же съ этими чиновниками такъ сладить не сумѣете какъ я. Мнѣ онъ отвѣтитъ. За это я ручаюсь.“ И въ самомъ дѣлѣ, когда Анна Григорьевна написала губернатору, не особенно стѣсняясь выраженіями, онъ ей отвѣтилъ на другой же день. Его превосходительство мягкимъ, но официальнымъ языкомъ сожалѣлъ о случившемся недоразумѣніи и увѣрялъ что никакихъ послѣдствій изъ этого не произойдетъ. „Никакихъ послѣдствій!“ гнѣвно воскликнула Анна Григорьевна. „Вотъ онъ увидитъ какія будутъ для него послѣдствія! Онъ меня вздумалъ баснями кормить что ли?“

Наступилъ вторникъ. Дмитрій съ Володей отправился въ городъ встрѣчать Надю. Анна Григорьевна осталась дома, съ тревогою ожидая весь день ихъ возвращенія. Ни съ утраиваніемъ, ни съ вечернимъ поѣздомъ Нада не пріѣхала. Страхъ предъ какою-то невѣдомою бѣдой овладѣлъ Дмитріемъ. Онъ бросился на телеграфную станцію и отправилъ въ О*** депешу. Всю ночь онъ тщетно прождалъ отвѣта. Въ 7 часовъ утра въ среду ему принесли со станціи его же телеграмму съ отмѣткой что личности которой она была адресована въ О*** не оказалось. Дмитрій уже не сомнѣвался болѣе что случилось

какое-то несчастіе. Онъ подскакалъ въ Бѣлыя Столбы и сказалъ Аннѣ Григорьевнѣ всю правду на счетъ причины отъѣзда Нади, объявивъ матери что самъ въ тотъ же вечеръ отправится въ О***. Анна Григорьевна всплеснула руками: „И ты ее отпустилъ!“ воскликнула она, „туда, гдѣ всѣ ея прежніе знакомые, въ самый омутъ... Кто знаетъ теперь, кого она тамъ встрѣтила, что съ ней случилось!...“

Но теперь было уже не до упрековъ, и Анна Григорьевна это поняла. Она замкнулась въ мрачную неподвижность отчаянія. Медленно тянулись часы этого страшнаго дня. Была послана вторая телеграмма уже къ Анисѣ, съ требованіемъ дать извѣстіе о барышнѣ. Наступалъ вечеръ. Для Дмитрія были поданы лошади. Но вотъ кто-то подскакалъ къ крыльцу. Это былъ работникъ отправленный въ городъ чтобъ еще разъ освѣдомиться, не пришло ли съ почты какое-нибудь письмо. И въ самомъ дѣлѣ письмо онъ привезъ, письмо отъ Анисы. Дмитрій послѣдилъ его вскрыть, но едва успѣлъ онъ прочесть первыя строки, какъ оно выпало изъ его задрожавшихъ рукъ.

К. ОРЛОВСКІЙ.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ

ПО ПОВОДУ НИЗКАГО КУРСА НАШИХЪ БУМАЖНЫХЪ ДЕНЕГЪ
И НѢКОТОРЫХЪ ДРУГИХЪ
ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ И ВОПРОСОВЪ *

VIII.

Экономисты-теоретики не жалуютъ, какъ извѣстно, косвенныхъ налоговъ; ихъ идеалъ заключался бы въ замѣнѣ всѣхъ ихъ прямыхъ налогомъ, строго пропорціональнымъ доходу получаемому каждымъ подданнымъ государства. Нашъ идеалъ совершенно этому противоположный. Въ нашихъ глазахъ, достигшимъ словомъ финансоваго прогресса была бы совершенная замѣна всѣхъ прямыхъ податей косвенными. Первое преимущество этого финансоваго идеала заключается въ томъ что онъ гораздо достигимѣе перваго: въ нѣкоторыхъ странахъ онъ уже и достигнутъ. Такъ, напримѣръ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ Норвегіи (гдѣ мнѣ случилось провести тогда около года) всѣ государственные доходы получались исключительно отъ таможенныхъ пошлинъ, и никакихъ прямыхъ налоговъ не было; измѣнилось ли это теперь, не знаю.

* См. *Русскій Вѣстникъ*, № 8.

Самый существенный недостатокъ прямыхъ налоговъ тотъ что они никогда не могутъ быть распределены пропорціонально дѣйствительнымъ средствамъ плательщиковъ, и всегда считаются ими за тяжелое бремя. Первое есть недостатокъ экономическій; второе, такъ сказать, недостатокъ психическій. Они не могутъ быть пропорціональны и уравнительны, потому что, за небольшимъ исключеніемъ лицъ получающихъ опредѣленное жалованье или опредѣленный доходъ съ бумагъ приносящихъ проценты, доходы всѣхъ прочихъ лицъ: землевладѣльцевъ, фабрикантовъ, купцовъ, ремесленниковъ, занимающихся свободными профессіями, мѣняются съ года на годъ въ самыхъ значительныхъ размѣрахъ, въ зависимости отъ урожаявъ, цѣны на продукты, хода промышленности, торговли и разныхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. Вычисленіе средней доходности очень мало помогаетъ дѣлу, потому что эта средняя доходность есть въ сущности отвлеченная величина, съ которою рѣдко кто соображается. Въ хорошій, удачный годъ хозяева улачиваютъ долги, вообще поправляются въ дѣлахъ, конечно не откладывая на налоги, которые придется улачивать съ трудомъ въ годъ менѣе доходный или совершенно убыточный. Еще важнѣе другое обстоятельство: если и можно опредѣлить получаемый доходъ, то какъ опредѣлить расходъ? Два человѣка получающіе, положимъ, по пяти тысячъ дохода, но изъ которыхъ одинъ холостой или бездѣтный, а другой обремененъ большимъ семействомъ, долженъ содержать престарѣлыхъ родителей и сиротъ-родственниковъ, находятся въ совершенно различныхъ имущественныхъ положеніяхъ. Дѣйствительное различіе въ средствахъ лицъ получающихъ одинаковый доходъ можетъ такимъ образомъ равняться разницѣ существующей между лицами получающими доходъ вдвое и втрое большій или меньшій. Да одно ли это? Образъ жизни одного человѣка, при веденіи котораго онъ только и можетъ получить свой доходъ, требуетъ очень большихъ издержекъ на внѣшнюю представительность, и это вовсе не изъ прихоти, тщеславія, а изъ дѣйствительной необходимости. Большая и хорошо убранная квартира, лошади, экипажъ, дорогая прислуга и т. п. должны быть во многихъ случаяхъ причисляемы, выражаясь экономическимъ языкомъ, къ издержкамъ производства.

Затѣмъ самая тягость, самая непріятность прямыхъ

налоговъ развѣ не должна быть принимаема во вниманіе? Вѣдь то что мы называемъ благосостояніемъ измѣряется собственно не извѣстнымъ количествомъ получаемыхъ рублей, даже не отношеніемъ между числомъ удовлетворяемыхъ и не удовлетворяемыхъ потребностей, а скорѣе чувствомъ довольства которое внушаетъ намъ наше матеріальное положеніе. Следовательно, то что нарушаетъ это чувство довольства есть дѣйствительная тягость, которой должно избѣгать если возможно. Въ самомъ дѣлѣ, не гораздо ли для меня лучше если я плачу столько же или даже болѣе, но ни мало не чувствую тягости этой уплаты? Не должно, кажется мнѣ, забывать что въ концѣ концовъ всѣ экономическіе законы приводятся къ законамъ психическимъ. По многимъ причинамъ, почти всякій плательщикъ будетъ стараться скрывать свои доходы и такимъ образомъ уменьшать свою долю въ уплатѣ налоговъ. Ни одного изъ этихъ неудобствъ не имѣютъ налоги косвенные. Они уравнительны и пропорціональны по самому существу своему, если только соображены такъ чтобы падали на предметы потребленія всѣхъ классовъ общества и уплачивались нечувствительно, малыми, дробными дозами. При всякомъ измѣненіи въ средствахъ къ жизни, всякій имѣетъ полную возможность самъ измѣнять количество уплачиваемыхъ имъ налоговъ.

Но приверженцы прямаго налога съ дохода скажутъ, и дѣйствительно говорятъ, что уплата государственныхъ налоговъ въ размѣрѣ средствъ каждаго есть священный долгъ гражданина, и что политическое развитіе народа должно вести все къ большому и къ большому сознанію этого долга. Все это очень хорошо, но находится въ полнѣйшемъ, непримиримомъ противорѣчій со всѣми остальными положеніями экономической науки. Что такое основной законъ, опредѣляющій цѣну товаровъ, отношеніе ихъ между предложеніемъ и требованіемъ какъ не результатъ человѣческой алчности, жадности или вообще самаго послѣдовательнаго эгоизма? Вѣдь не только законы нравственности, но даже законы правды и справедливости требуютъ совершенно иного. Въ какомъ-нибудь продуктѣ крайняя нужда, и вотъ всѣ обладатели этого продукта потираютъ руки, придерживаютъ свой товаръ и говорятъ про себя: платите дороже, гораздо дороже чѣмъ онъ намъ стоитъ имѣть съ тою надбавкой которую мы по справедливости могли бы требовать въ уплату нашего труда. Наоборотъ, какой-нибудь

товаръ въ изобиліи, но производителямъ его необходимо промѣнять его на предметы удовлетворенія различныхъ нуждъ и потребностей, — покупатели радуются, говоря намъ вашего товара не нужно; возьмемъ, пожалуй, если отдадите безо всякой для васъ выгоды, даже съ убыткомъ. Вѣдь это дѣйствительный смыслъ экономическаго закона, переведенный съ языка научной формулы на языкъ общепонятельный. Но и этимъ не ограничиваются. Выставляютъ и такую экономическую аксіому что капиталъ не знаетъ отечества. Но вѣдь это фигура рѣчи. Капиталъ самъ есть не болѣе какъ сборъ разныхъ вещей которыя, конечно, отечества имѣть не могутъ; капиталомъ становятся онѣ только потому что есть человекъ, капиталистъ, который приводитъ ихъ въ экономическое движеніе. Смыслъ безобидно звучащей метафоры тотъ что обладатели капиталовъ предпочитаютъ свои личные интересы интересамъ отечества до полнаго ихъ забвенія. Все это говоримъ мы вовсе не въ упрекъ экономическому ученію. Положенія его суть несомнѣнные факты, и устанавливая ихъ, экономическая наука была совершенно права и стояла на почвѣ дѣйствительности. Я хочу сказать только что *экономическіе* порядокъ и строй—одно, *правосые* порядокъ и строй—другое, а *нравственные* порядокъ и строй—третье, и что разсуждая съ одной точки зрѣнія, не должно перескакивать на другія. Утверждая, конечно съ экономической точки зрѣнія, что капиталъ не имѣетъ отечества, не должно, разсуждая о налогахъ, переходить на точку зрѣнія гражданскихъ доблестей и христіанскихъ добродѣтелей, въ которыхъ прямыя налоги не могутъ быть ни справедливыми, ни уравнительными для плательщиковъ. Добросовѣстное показаніе доходовъ или, точнѣе, дѣйствительныхъ средствъ къ жизни, при которомъ прямая подать съ дохода только и можетъ быть уравнительною и, слѣдовательно, желательною, предполагаетъ иной строй общества, доселѣ никогда еще на землѣ не существовавшій, строй обществовъ, основанный не на экономическихъ началахъ, а на началахъ евангельски-христіанскихъ. Это есть достоинствіе того блаженнаго тысячелѣтія, наступленія котораго ожидаютъ нѣкоторые сектанты подъ именемъ милленіума, когда агнецъ будетъ ластись около льва и сатана будетъ скованъ на цѣлую тысячу лѣтъ. Но тогда, вѣроятно, ни въ какихъ податяхъ и налогахъ не будетъ уже надобности.

Цѣль которую я имѣлъ въ виду при этомъ разсужденіи о правыхъ и косвенныхъ податяхъ состоитъ въ томъ чтобы показывать что на благоразумномъ и цѣлесообразномъ установленіи косвенныхъ податей должны быть основаны всѣ старанія къ улучшенію русскихъ финансовъ, которое должно состоять послѣдовательно: во-первыхъ, въ уничтоженіи дефицитовъ; во-вторыхъ, въ доставленіи государству возможности дѣлать тѣ новые расходы которые требуются, съ одной стороны, для содѣйствія развитію различныхъ отраслей русской промышленности, а съ другой, для укрѣпленія и усиленія его политическаго положенія, и в-третьихъ — въ отмѣнѣ всѣхъ прямыхъ податей, временное наложеніе которыхъ должно бы замѣнять собою государственные займы въ случаяхъ особаго напряженія государственныхъ силъ въ военное время.

Я сказалъ что улучшеніе финансоваго положенія Россіи обуславливается, между прочимъ, и усиленіемъ политическаго положенія ея, ибо очевидно что въ настоящее время политическое положеніе Россіи далеко не соответствуетъ ни дѣйствительнымъ ея силамъ, ни ея исторической роли. Государство съ населеніемъ по крайней мѣрѣ въ 90 милліоновъ добраго и мужественнаго народа, хотя и не задорно воинственнаго, но не имѣющаго себѣ равнаго по воинской доблести, государство съ границами собственно только съ одной западной стороны открытыми для нападена сильныхъ враговъ, такое государство приуждено выносить оскорбленія и неправды подобныя Берлинскому трактату, оставаться безучастнымъ къ угнетенію своихъ единоплеменниковъ по духу и крови въ Галиціи, Босніи и Герцеговинѣ, подчинять свою политику вѣдѣнъ Германіи и даже считать одною изъ гарантій своей безопасности великодушіе и добропамятность престарѣлаго доблестнаго монарха ея. Силы и призваніе Россіи даютъ ей и право, и обязанность быть столь же безспорно первою военною державою на сушѣ какъ Англія на морѣ; между тѣмъ нельзя не сознаваться что такое значеніе выпало на долю Германіи, имѣющей вдвое меньшее населеніе и границы со всѣхъ сторонъ открытыя непріятельскимъ ударамъ, Германіи, которая могла достигнуть такого значенія только благодаря частію великодушію, частію политическимъ ошибкамъ Россіи.

Улучшеніе нашихъ финансовъ именно путемъ хорошей системы косвенныхъ налоговъ вполне достижимо, и достижимо въ непродолжительномъ времени. Между предметами обложенія

есть одинъ давно извѣстный, который удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ хорошей и чрезвычайно доходной статьи. Я разумно хлѣбное вино. Питейный налогъ служитъ издавна предметомъ упрековъ нашей финансовою системѣ какъ основанной на спиваніи, развращеніи и разореніи народа. Всѣ эти упреки совершенно справедливы, посколькy она касается системъ взиманія этого налога, какъ бывшей откупной такъ и теперешней акцизной. Но тѣмъ не менѣе водка остается не только отличивымъ, но даже наивозможно лучшимъ предметомъ обложенія по своей сущности. Не будучи предметомъ необходимости, она вмѣстѣ съ тѣмъ обратилась въ предметъ чрезвычайно обширнаго потребленія, которое хотя и вовсе не необходимо, даже едва ли полезно, но по крайней мѣрѣ безвредно если употребляется умеренно и если способъ употребленія не приправляется всякаго рода соблазнами, развратомъ и даже преступленіями. Во всякомъ случаѣ употребленіе водки въ народѣ, да и не въ одномъ только народѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а во всѣхъ классахъ общества, укоренилось, и съ этимъ фактомъ надо считаться. Уничтожить или даже сколько-нибудь значительно уменьшить употребленіе водки невозможно ни обществами трезвости, ни развитіемъ народнаго образованія и школъ, какъ нѣкоторые мечтаютъ. Образованіе и школы суть вещи безспорно хорошия и необходимыя, но однакоже не панацея ото всѣхъ возможныхъ золъ. Мы видимъ что грамотные водостные писаря и весь такъ-называемый (хотя и не въ юридическомъ, а въ общеупотребительномъ смыслѣ) классъ разночинцевъ, по школьному образованію стоящій, конечно, гораздо выше простаго народа, не только пьютъ, но даже и пьянствуютъ больше его. Мы видимъ даже изъ множества примѣровъ что и недосыгаемо высокая для народа степень образованія не избавляетъ не только отъ сильнаго употребленія крѣпкихъ напитковъ, но даже и отъ пьянства. Совершенно не вѣрна также и та мысль что народъ льетъ будто бы отъ бѣдности и нищеты, что стараются даже объяснить физиологически потребностью замѣнить недостаточность питанія употребленіемъ алкоголя какъ средствомъ ослабляющимъ аллетитъ замедленіемъ процесса кругообращенія вещества. Не вѣрно это потому что, не смотря на возгласы „либераловъ“ извѣстнаго лошуба и на статистическія выкладки основанныя на данныхъ взятыхъ съ вѣтра, недостаточность питанія

есть прикорбное явленіе свойственное только или нѣкоторымъ исключительнымъ мѣстностямъ, особенно неблагопріятнымъ условіями почвенными, климатическими, а также, къ еще большому сожалѣнію, и условіями общественнаго строя или нѣкоторымъ годамъ, какъ, впрочемъ, это не у насъ однихъ, а и вездѣ бывасть. Укажу лишь на примѣръ недавняго гонима въ богатой Силезіи. Не вѣрно также потому что если пить и бѣднѣе, то еще гораздо больше пьютъ тѣ которые очень хорошо и даже съ излишкомъ питаются. Но какъ бы тамъ ни было, дѣло въ томъ что у насъ пьютъ водку и будутъ пить, не смотря на общества трезвости, еслибы таковыя завелись, не смотря на общественные приговоры, на школы и просвѣщеніе, буде таковыя заведутся въ желательныхъ размѣрахъ, не смотря ни на бѣдность, ни на богатство. Весь вопросъ въ томъ чтобы сдѣлать это питье водки по возможности менѣе вреднымъ для народа и по возможности болѣе доходнымъ для казны, буде объ эти цѣли не противорѣчатъ одна другой. Но по счастью онѣ не только не противорѣчатъ другъ другу, но даже и не достижимы одна безъ другой. Эта задача разрѣшается наивозможно удовлетворительнымъ образомъ обращеніемъ продажи водки и прочихъ крепкихъ напитковъ въ монополію правительства. Мысль эта принадлежитъ *Московскимъ Вѣдомостямъ*. Сама по себѣ она не новая, ибо казенная продажа была даже испытана на практикѣ въ двадцатыхъ годахъ и очень неудачно. Всю цѣну сказанной мысли придаютъ два дополнительныя условія. Во первыхъ, чтобы при этомъ была устранена всякая продажа расливочно и напитки продавались бы въ залечатанныхъ сосудахъ различной величины, что также не ново, потому что предлагалось и при другихъ проектахъ устройства литейнаго дѣла; во вторыхъ, что, сколько мнѣ извѣстно, дѣйствительно ново и предложено въ первый разъ,—чтобы цѣна литей была совершенно пропорціональна продающемуся ихъ количеству, чтобы сотая часть ведра стоила и сотую часть цѣны ведра. Какъ всякое ясное и вѣрное рѣшеніе задачи, и это рѣшеніе, кажется мнѣ, должно поразить cadaго безпристрастнаго человѣка своею простотой и очевидностью. Продажа вина въ залечатанныхъ сосудахъ устраняетъ весь вредъ кабаковъ, а цѣна пропорціональная количеству лишаетъ выгодъ шинкарство, и слѣдовательно низведетъ его до самыхъ незначительныхъ размѣровъ. Доказывать и развивать эту мысль здѣсь не зачѣмъ, ибо она

развита какъ сельская лучше въ *Московскихъ Виноделательныхъ*, прибавимъ только что, по моему мнѣнью, дѣлаемая нѣкоторыми къ этому простому проекту дополненія въ значительной степени испортили бы дѣло. Я разумѣю предлагаемое совершенное запрещеніе раздробительной продажи, что развилось бы шивкарство, доставивъ ему оцѣну тѣ выгоды которыхъ бы оно безъ этого лишилось, и обращеніе въ казенную монополию не только продажу вина, но и самаго винокуренія, что не только чрезвычайно усложнило бы дѣло, но и лишило бы сельское хозяйство выгодъ сопряженныхъ съ небольшими винокурельными заводами. Я хочу только представить вкратцѣ тѣ огромныя выгоды которыя получились бы отъ казенной монополии продажи вина для фискаловъ Россіи, не только безъ стѣсненія народа, но съ нѣкоторымъ даже для него облегченіемъ, чисто съ экономической стороны, не говоря уже о сторонѣ нравственной.

Казна получаетъ по 8 кол. съ градуса, 3 руб. 20 коп. съ ведра 40градусной водки, да сама водка стоитъ заводчику среднимъ числомъ по 80 кол. ведро и того 4 рубля. Но цѣну почему покупаетъ народъ вино сельская положить менѣе 6 рублей за ведро. Оцѣнка эта даже значительно ниже дѣйствительной, ибо въ раздробительной продажѣ оно идетъ и по 7 рублей, а такъ-называемое очищенное и по 10, тогда какъ расходъ на чистку очень не великъ. Въ Россіи ежегодно выливается, или, точнѣе сказать, оплачивается акцизомъ до 65 милліоновъ ведеръ, что, по 2 руб. за ведро, составитъ уже 180 милл. руб., которые платитъ народъ, но которыхъ ни казна, ни винокурельные заводчики не получаютъ. Далѣе, всякому извѣстно что въ кабакахъ вино продается не надлежащей крѣпости. Если предположить что къ 8 ведрамъ вина узаконенной крѣпости приливается девятое воды, что даетъ еще очень крѣпкую водку въ 35½ градусовъ, * то потребители заплатятъ еще по 6 руб. за 8 милл. ведеръ приливаемой воды, то-есть еще 48 милл.

Наконецъ положимъ на перекуръ и корчемство, которое несомнѣнно значительно, еще около 3½ милл. ведеръ на 22 милл. рублей, и мы увидимъ что народъ платитъ не менѣе 200

* Не принимая въ расчетъ измѣненія въ удѣльномъ вѣсѣ, происходящаго при соединеніи алкоголя съ водой.

милліоновъ лишняго противъ того что получаютъ казна и заводчики (безъ права перекура); значительная доля этихъ двухсотъ милліоновъ при казенной монополіи могла бы перейти въ руки казны. При этомъ, впрочемъ, надо сдѣлать вычетъ милліоновъ въ десять. Именно, мы считали что сверхъ 65 милл. ведеръ оплачиваемыхъ акцизомъ народъ выливаетъ еще около 12 милл. корчемной водки, лерекура и воды; казна конечно замѣнитъ воду водкой, и за все это количество должна будетъ платить заводчикамъ, что, по 80 коп. за ведро, и составитъ около 10 милліоновъ рублей. Разчетъ этотъ, безъ сомнѣнія, ниже дѣйствительнаго, потому что кругомъ вино продается въ кабакахъ дороже шести рублей,—да еще сколько бываетъ ведомъру! Положимъ что расходъ казны составитъ 100 милл.: все-таки монополющая продажа вина дала бы правительству не менѣе 90 милл. рублей, сумму которая разомъ устранила бы дефициты, такъ сказать развязала бы правительству руки на всѣ необходимые и полезные расходы, въ которыхъ теперь поневоля приходится ему себя стѣснять. И это не только безъ надбавки единой копейки къ тому что платитъ теперь народъ, но съ облегченіемъ для него, ибо теперь онъ платитъ деньги частью за воду, платитъ въ раздробительной продажѣ не менѣе 7 руб. за ведро, а въ шинкахъ и вообще мѣстахъ тайной продажи и по 8 рублей. Всѣ кабацкія безобразія будутъ уничтожены. Съ прекращеніемъ барыша отъ перекура, винокуренные заводы опять получатъ свое хозяйственное значеніе, скотоводство и хлѣбные урожаи увеличатся, а потребность въ огромномъ количествѣ стеклянной посуды заставитъ возникнуть много стеклянныхъ заводовъ съ обезпеченнымъ сбытомъ ихъ продуктовъ въ казну—обстоятельство которое можно будетъ употребить въ пользу дабы завести у насъ столь важное содовое производство.

Существуетъ ли какой-либо иной способъ, съ одной стороны, уменьшить въ такой же мѣрѣ вредъ причиняемый кабаками и вообще неумѣреннымъ, неправильнымъ употребленіемъ вина, а съ другой настолько разомъ поднять доходъ казны, не только безъ отягощенія народа, но съ выгодой для него? Можетъ-быть при практическомъ исполненіи этого плана и встрѣтятся тѣ или другія затрудненія; но неужели не стоить подумать объ ихъ устраненіи? Алхимики

столятія бились изъ-за открытія мѣнимаго философскаго камня, а тутъ вѣдь для русскихъ финансовъ самый неподдѣльный и настоящій философскій камень. Что это дѣло возможное, доказываетъ табачная монополія во Франціи, гдѣ дѣло несравненно сложнѣе, ибо самая фабрикація табака производится правительствомъ, и въ рукахъ его достигла замѣчательной степени совершенства. Да и у насъ казенная продажа вина нѣкогда существовала, и сложная организація этого дѣла была приведена въ исполненіе. Правда, она не дала хорошихъ результатовъ, но причины этой неудачи ясны: вино было разноцѣнно, смотря по отпускаемому количеству, и продажа производилась какъ на выносъ, такъ и расливочно. Злоупотребленія которыя могли при этомъ существовать понятны. Кромѣ того, условія гласности въ то время и теперь совершенно иныя, иной и контроль, къ которому теперь, сверхъ правительственныхъ, могутъ быть привлечены и земскія силы. Эти опасенія чиновничьей неблагонадежности, хотя, къ несчастію, и не безосновательны, однакоже крайне преувеличены, особливо при томъ условіи что все въ здѣшнемъ мірѣ сравнительно. Эти преувеличенныя опасенія напоминаютъ мнѣ фактъ изъ управленія бывшими военными поселеніями южной Россіи. Какъ извѣстно, крестьяне приписанные къ поселенной кавалеріи управлялись особыми окружными начальниками и исполняли такъ сказать барщинныя работы на войско, которому доставляли сѣно, овесъ, хлѣбъ, избытокъ которыхъ продавали въ Одессѣ. Но пшеницы они сѣять не смѣли, а должны были ограничиваться болѣе дешевою рожью. Это дѣлалось въ видахъ охраненія нравственности господъ окружныхъ начальниковъ. Продажа дорогой пшеницы была бы саишкомъ соблазнительна, сулила саишкомъ большія выгоды ихъ недобросовѣстности. Тѣмъ не менѣе, конечно, недобросовѣстность простиралась и на рожь, и на овесъ. Что при продажѣ пшеницы, хотя доля окружныхъ и была бы значительнѣе, но все-таки значительнѣе былъ бы и доходъ казны: этого въ расчетъ не принималось.

Результатъ совершенно противоположный тому котораго смѣло можно ожидать отъ казенной продажи водки получился отъ смятія солянаго акциза: казна дохода лишилась, а соль не подешевѣла. Оно и понятно. Доходы

казны перешли къ немногимъ лицамъ въ чьи руки попала добыча соли и число которыхъ очевидно недостаточно для пониженія цѣны ея посредствомъ конкуренціи. Единственнымъ действительнымъ лѣкарствомъ было бы и тутъ возвращеніе къ казенной добычѣ и оптовой продажѣ соли, если не всей вообще, то значительной ея доли, достаточной для того чтобы служить регуляторомъ ея цѣны. Дѣло это очень легкое, которое нисколько не могло бы затруднить казны. Главная масса руской соли получается, какъ извѣстно, изъ самосадочныхъ озеръ. Озера эти двухъ совершенно различныхъ свойствъ. Въ огромномъ большинствѣ озеръ (ихъ болѣе тысячи въ одной Астраханской губ.) соль ежегодно садится тонкимъ слоемъ на дно во время лѣтнихъ жаровъ сгущающихся разсолъ. Съ осенними дождями и весеннимъ таяніемъ снѣговъ, этотъ слой весь, или почти весь, растворяется, затѣмъ снова осаждается, и этотъ - то тонкій слой служить предметомъ добыванія. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ добыванія, осаждающійся слой становится все тоньше и тоньше, озеро оскудѣваетъ, и нужно дать ему нѣсколько времени покоя чтобы соль успѣвая въ немъ опять накопиться выщелачиваніемъ солонцеватой почвы окрестностей озера; какъ говорятъ, нужно дать время снова образоваться въ немъ „корню“. Это опрѣсненіе соляныхъ озеръ бываетъ послѣ долговременной добычи столь значительное что въ такихъ озерахъ Астраханской губерніи заводится рыба, именно сазаны, любящіе солонцеватую воду. Упомянутый „корень“ въ такихъ озерахъ составляетъ плотное, вязкое дно, пропитанное и насыщенное солью. Вода растворяетъ соль этой соленой грязи и осаждаетъ ее на ея же поверхность. Такъ какъ соли изъ солончаковой окрестности ежегодно приносится стекающею въ озеро водою меньше чѣмъ сколько ея добывается, то комечко и „корень“ оскудѣваетъ.

Совершенно другаго характера три большія соляныя озера: Эльтовское, Баскунчакское и Индерское, которыя всѣ три я имѣлъ случай посѣтить. Въ нихъ все дно состоитъ изъ слоевъ соли до неизвѣданной глубины. Въ Эльтовскомъ озерѣ, сказывали мнѣ, было произведено буреніе на глубинѣ трехъ сажень, и все была соль. Ежегодно, при половодьѣ, вода въ этихъ озерахъ поднимается, часть прошлогодняго осадка растворяется и, кромѣ того, вливается масса солянаго раствора

частью изъ впадающихъ соляныхъ ручьевъ, частью изъ ключей находящихся въ сообщеніи съ подземными соляными окончаніями. Съ вступленіемъ лѣтнихъ жаровъ часть соли осаждается и нарастаетъ новый слой, масса котораго значительно превосходитъ количество ежегодной добычи. Добыча же такъ легка и проста что почти равняется выгребанію соли изъ готоваго магазина. Въ Индерскомъ озерѣ, по руслу впадающаго въ него оврага съ твердымъ каменно-песчанымъ дномъ, Уральскіе казаки, которымъ принадлежитъ озеро, вѣзжаютъ въ него на телегахъ,—ибо воды въ немъ такъ мало что она не покрываетъ всей поверхности озера, а вся скопается въ подвѣтренной сторонѣ, оголяя соляное дно,—и нагребаютъ соль въ телеги. По свойственной человѣку жадности, накладываютъ обыкновенно больше чѣмъ лошадь можетъ тащить и принуждены постепенно сбрасывать часть своего груза, такъ что вся дорога отъ озера до Урала усыпана кучками соли какъ путевыми знаками. Въ Эльтонѣ воды больше, но и въ немъ она нигдѣ не доходитъ до арши-на глубины, берегъ же илистый и толкій. Въ этой черной, пахнущей сѣрнистымъ водородомъ грязи, прорыты очень мелкія канавы, по которымъ на плоскодонныхъ, широко-развалистыхъ лодкахъ вѣзжаютъ въ озеро. Люди выходятъ въ воду. Лопатами очищаютъ новосадку, то-есть именно то что въ другихъ озерахъ и составляетъ самый предметъ добычи, какъ недовольно плотную и чистую, и ломомъ откалываютъ довольно большія глыбы, всегда въ пять слоевъ (образовавшихся въ теченіе пяти предшествовавшихъ годовъ). Образуется уступъ, и ломка становится еще легче. Эти глыбы разбиваютъ двумя, тремя ударами лома, прополаскиваютъ лопатами въ разсолѣ-ралѣ, чтобъ отдѣлать илистый, грязный прослойки, и наваливаютъ въ лодку. Затѣмъ соль складываютъ въ кучи, имѣющія видъ четырехскатной крыши. Вотъ и вся операція. Въ мою бытность на озерѣ добыча была еще казенною и, по словамъ мѣстныхъ чиновниковъ, всѣ расходы казны (включая въ то число, конечно, и не гласные доходы чиновниковъ) ложились по 1½ к. на пудъ добытой соли. Въ Баскунчакскомъ озерѣ, лежащемъ у подножія знаменитой стелной горы Богдо, добыча соли тогда вовсе не производилась; тамъ жили только чиновникъ и казачья команда наблюдавшіе за тѣмъ чтобъ изъ этого богатаго источника не производилось корчемной добычи.

Изъ этого видно что тутъ никакихъ предварительныхъ работъ, никакихъ устройствъ, никакихъ, словомъ, затратъ капиталовъ для добыванія соли изъ такихъ природныхъ магазиновъ не требуется! Изъ-за чего же, спрашивается, предоставлять откупщикамъ озеро, лицамъ или компаниямъ, фактическую монополию на этотъ столь необходимый и общепотребительный продуктъ? Для удешевленія провоза необходимы, конечно, желѣзныя дороги, и не одна, а двѣ: отъ Баскунчакскаго озера по направлению къ Черному Яру, а отъ Эльтона къ Камышику, куда ближе, или къ Саратову, откуда уже есть желѣзный путь. Мѣстность здѣсь абсолютно ровная, пассажирскаго движенія почти не будетъ, сплавъ всякъ матеріаловъ по Волгѣ удобенъ, следовательно дорога можетъ и должна быть устроена простѣйшимъ и дешевѣйшимъ образомъ. Цѣна ея будетъ такъ не велика что можно бы смѣло рѣшиться строить ее на безпроцентный капиталъ, выпускомъ кредитныхъ билетовъ. На прочихъ желѣзныхъ дорогахъ тарифы за провозъ соли должны быть обязательно наименѣе самый низкій. Еслибы, напримеръ, онъ былъ на дорожкѣ $\frac{1}{100}$ к. съ версты и луда, то въ районѣ 1.200 верстъ онъ обошелся бы въ 20 к. При уравненіи соли съ самыми дешевыми предметами перевозки, кирпичемъ, камнемъ, известью, онъ могъ бы быть и еще дешевле. Еслибы казна брала себѣ по 5 к. съ луда, сверхъ издержекъ добыванія, которыя положимъ въ $1\frac{1}{2}$ к., а провозъ по солевозной желѣзной дорогѣ въ $\frac{3}{4}$ к., что при предлагаемомъ способѣ ея постройки очень возможно, стоимость соли обошла бы по окружности рад і уса отъ Саратова въ 1.200 верстъ—въ 30 коп., и могла бы быть продаваема, приликая въ расчетъ расходы по выгрузкѣ, выгрузкѣ, храненію и барыши продавцевъ, отъ 35 до 40 к., а внутри этого круга значительно дешевле.

Такъ какъ цѣль казенной добычи соли на озерахъ Эльтонскомъ и Баскунчакскомъ состояла бы въ регулированіи цѣны на нее, правительство могло бы отпустить известное ея количество земствамъ по ихъ требованію. Можетъ-быть, для лучшаго достиженія цѣли этого регулированія, можно было бы открыть казенную добычу соли и въ некоторыхъ крымскихъ месторожденіяхъ. Все остальное могло бы быть предоставлено частной промышленности, съ уплатой казнѣ тѣхъ же 5 коп. съ луда. Такъ какъ при такой дешевой и потребленіе

соя не могло бы быть меньше 50 миллионовъ лудовъ, а вѣроятно было бы гораздо болѣе этого, то не смотря на дѣйствительное удешевленіе продукта, казна все-таки получила бы отъ этой статьи по меньшей мѣрѣ до 2½ миллионъ рублей.

Но улучшеніе финансовъ достигается не однимъ увеличеніемъ доходовъ, а также и уменьшеніемъ расходовъ. Самой дѣйствительною въ этомъ отношеніи мѣрой было бы, кажется мнѣ, приобритеніе правительствомъ всего огромнаго количества провіанта, фуража и нѣкоторой части обмундировки, шапелъ обуви и бѣлья для арміи и флота, не по подряднымъ или справочнымъ цѣнамъ, а по цѣнамъ дѣйствительнымъ, по возможности изъ первыхъ рукъ—по цѣнамъ которыхъ, какъ извѣстно, всегда значительно ниже первыхъ. Для этого слѣдовало бы обратиться, въ видѣ опыта, къ земствамъ одной или двухъ губерній, которыя могли бы на выдаваемые имъ авансы заготовлять муку, крупу, овесъ, конечно изъ первыхъ рукъ, отъ самихъ производителей; шитье бѣлья могло бы доставить нѣкоторый заработокъ крестьянскимъ женщинамъ, чему были уже удачные опыты въ нѣкоторыхъ губерніяхъ въ послѣднюю войну. Нѣкоторый процентъ отъ полученныхъ какою бы то ни было выгодъ могъ бы быть предоставленъ земствамъ для увеличенія ихъ средствъ. Но кромѣ этого земствамъ была бы и другого рода выгода. Нельзя не сознаться что теперь существуетъ какъ бы нѣкоторый антагонизмъ между органами правительства и земствами, и послѣднія, какъ вообще малютки, терпятъ разнаго рода стѣсненія въ ихъ дѣятельности. Когда бы само правительство было заинтересовано получаемую имъ посредствомъ земствъ финансовою выгодой, то конечно имъ открылась бы болѣе широкая дѣятельность, ибо стѣсненное и вслѣдствіе этого подавленное, такъ-сказать будирующее, земство не могло бы столь успѣшно исполнять возлагаемую на него обязанность. Позволю себѣ указать на примѣръ. Кому не извѣстно что во время откуловъ само правительство потворствовало даже незаконнымъ продѣлкамъ откупщиковъ, побуждаемое къ тому своими неотложными финансовыми нуждами? Не прямо ли слѣдуетъ изъ этого что оно и всѣ его органы будутъ иначе смотрѣть на дѣйствія земства, въ сущности своей совершенно законныя, когда оно будетъ его финансовымъ

пособникомъ? Какъ, будучи самымъ крупнымъ потребителемъ, могла бы употребить эту силу на регулированіе разныхъ экономическихъ отношеній. Одно изъ хорошихъ явленій русской экономической жизни есть такъ-называемая кустарная промышленность. Съ этою истиной всё согласны. Но занимающіеся этого рода промышленностью очень стѣснены въ своемъ положеніи тѣмъ что должны получать матеріалы изъ рукъ тѣхъ на кого работаютъ получить матеріалы по дорогой цѣнѣ и часто дурнаго качества, а продавать имъ произведенія своего труда цѣною гораздо ниже дѣйствительной. Одна изъ крупныхъ отраслей этой промышленности есть самолюбое производство въ селѣ Кимрѣ, Тверской губерніи, и въ его окрестностяхъ. Еслибы правительство непосредственно черезъ своихъ органовъ, но гораздо лучше черезъ посредство земства же, доставляло жителямъ Кимры кожениый товаръ и прямо окупало бы у нихъ сапоги, то обувь войска отцала бы значительно дешевле, солдаты были бы лучше обуты, и благосостояніе Кимры возрасло бы въ значительной степени. Вѣроятно образовались бы и другіе центры сапожнаго ремесла.

Отъ нихъ мнѣрь: казенной продажи вина, возвышеннаго таможеннаго тарифа, казеннаго добыванія соли, экономіи на провіантѣ, фуражѣ и нѣкоторыхъ предметахъ обкундированія, будетъ, безъ сомнѣнія, съ избыткомъ достаточно и для открытія дефицита, и для доставленія правительству возможности содѣйствовать развитію промышленности и поставить военныя силы Россіи на соответствующую ея политическою положенію высоту. Избытокъ этотъ, по нашему мнѣнію, долженъ быть употребленъ на возможное облегченіе прямыхъ податей, съ цѣлью совершенной ихъ отміны. Но для этого послѣдшаго результата всѣхъ этихъ средствъ, вѣроятно, все-таки будетъ еще недостаточно. Значительнымъ ресурсомъ въ будущемъ была бы табачная регалия. Но дѣло это очень затруднительно, ибо съ нимъ сопряжена самая фабрикація табака. Надо не возбудить всеобщаго неудовольствія дурнымъ качествомъ товара, достигнуть въ приготовленіи его того же совершенства какъ во Франціи, гдѣ это также сдѣлалось не вдругъ, а весьма постепенно; да притомъ и надзоръ за такою выдѣлкой весьма затруднителенъ, а главное развитіе и распространеніе табаководства у насъ еще не

довольно окрѣпло чтобы теперь же наложить на него это стѣсненіе.

Есть еще нѣкоторыя небольшіе налоги которыми также не слѣдуетъ пренебрегать. Укажу лишь на игральныя карты. Играющіе въ дѣйствительности платятъ гораздо дороже чѣмъ во что обходится игра картъ, платятъ отъ 2 до 3 руб. за игру, и на этотъ излишекъ главнымъ образомъ содержатся клубы, изъ него получаютъ доходъ прислуга въ домахъ гдѣ играютъ въ карты, а гдѣ не играютъ? Выгоды эти, думается мнѣ, не столь ужасительны чтобы правительству слѣдовало оставаться предъ нихъ нарушеніемъ. Теперешній доходъ отъ картъ идетъ на содержаніе воспитательныхъ домовъ. Этотъ доходъ долженъ оставаться, конечно, неприкосновеннымъ, но имѣющій получиться излишекъ могъ бы составить одну изъ источниковъ казеннаго дохода. Вѣрнѣе есть и много другихъ такихъ мелкихъ доходныхъ статей мнѣ неизвѣстныхъ. Не забудемъ только что вѣдь именно массою подобныхъ мелкихъ и разнообразныхъ доходовъ Тьеръ возвысилъ доходы Франціи для покрытія процентовъ на пять миллиардовъ которые она должна была уплатить Германіи.

Наконецъ, по нашему мнѣнію, есть одинъ прямой налогъ который изъ всѣхъ наиболее справедливъ, уравнителенъ и наименѣе тягостенъ. Это налогъ на доходъ получаемый съ процентныхъ бумагъ, акцій, облигацій и т. л., какъ правительственныхъ такъ и частныхъ. Процентныя бумаги составляютъ или предметъ спекуляціи, не производительной купли и продажи, приносящихъ иногда огромныя барыши, но во всякомъ случаѣ не составляющихъ производительнаго труда, а нѣчто въ родѣ азартной игры не заслуживающей покровительства; или онѣ выражаютъ собой такъ-сказать отстой или осадокъ труда настоящаго или прошедшихъ поколѣній, передаваемый по наследству и приносящій обладателю доходъ безо всякаго новаго приложенія къ нему труда. Это слѣдовательно уже какъ бы нѣкоторый избытокъ, который гораздо справедливѣе облагать налогомъ нежели трудъ личный, непосредственно дающій собою средства для существованія, все равно будетъ ли это трудъ рабочаго, фабриканта, кулца, или трудъ такъ-называемыхъ свободныхъ профессій, которыя всѣ, даже при кажущейся значительности дохода, или по крайней мѣрѣ оборота, могутъ въ дѣйствитель-

восты давать весьма небольшіе чистые остатки, вѣрѣю даже приводящіе трудящихся безъ вины ихъ къ женой несостоятельности, къ крушенію ихъ состояній, и следовательно въ гораздо меньшей степени подлежащіе обложенію чѣмъ результатъ труда приносящаго почти всегда вѣрный доходъ. Къ тому же доходъ съ процентныхъ бумагъ, поддающихся точному опредѣленію, не можетъ быть оцѣненъ ни слишкомъ высоко, ни слишкомъ низко, какъ то легко бываетъ со всякимъ другимъ доходомъ, и притомъ не можетъ быть открытъ или утаенъ. Обладатели такого дохода часто люди богатые или по крайней мѣрѣ хотя въ вѣкоторой степени самостоятельные. Налогъ на эти бумаги есть единственное средство заставить очень богатыхъ людей участвовать въ вѣсколько значительной мѣрѣ въ несеніи государственныхъ тягостей; хотя, конечно, отчасти и онъ, подобно всякому прямому налогу, можетъ оказаться во многихъ случаяхъ стѣснительнымъ, но все же въ гораздо меньшей степени нежели всѣ прочіе виды ихъ. Да оно какъ-то странно и дико видѣть что взимается подушная подать или все равно поземельная, ибо вѣдь тутъ измѣнена только форма, такъ-оказать только предметъ подати, а не самая сущность и количество ея, съ крестьянина зарабатывающаго въ годъ лица хлѣбъ свой и притомъ способомъ весьма невѣрнымъ, подлежащимъ множеству случайностей, а капиталы дающіе вѣрный и постоянный доходъ, уже безо всякаго приложенія труда со стороны ихъ обладателей, остаются безъ обложенія. Пять процентовъ съ дохода приносимаго процентными бумагами оставили бы уже довольно значительный доходъ соотвѣтственно которому могли бы быть уменьшены наиболѣе тяжелые изъ прямыхъ налоговъ, что, вѣстѣ съ употребленіемъ для сей цѣли избытковъ отъ вышеупомянутыхъ косвенныхъ налоговъ, довело бы прямые налоги если и не до полной отмены, то по крайней мѣрѣ до значительнаго минимума.

IX.

Строгий охранительный тарифъ, легкая для народа и доходная финансовая система и правильное отношеніе къ обращающимся въ государствѣ денежнымъ знакамъ еще

не достаточны для возведенія страны на ту степень экономическаго благосостоянiя къ которой она способна по ея естественнымъ ресурсамъ. Они недостаточны даже для совершеннаго излѣченiя недуга невыгоднаго торговаго баланса, для установленiя равновѣсiя между ввозомъ и вывозомъ и для покрытiя излишкомъ вывоза тѣхъ уласть которыхъ приходится дѣлать за границу помимо оборотовъ чисто торговыхъ. А безъ этого, какъ мы видѣли, полное возстановленiе цѣлостности монетной единицы невозможно. Для этого необходимо еще рядъ положительныхъ мѣръ направленныхъ непосредственно къ развитiю, распространенiю и улучшенiю существующихъ уже въ странѣ отраслей промышленности и къ создаванiю новыхъ. И въ этомъ отношенiи, полагаемъ, серьезныя результаты можно достигнуть не иначе какъ при непосредственномъ содѣйствiи правительства.

Часто можно слышать мнѣнiе что правительство не должно вмѣшиваться въ промышленную жизнь страны, предоставляя все естественному ходу вещей. И въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, основываются на примѣрѣ Англiи, которая, какъ мы уже показали, находится относительно Россiи такъ-сказать на противоположномъ экономическомъ полюсѣ. Но почему же не взять въ примѣрѣ Францiю, которая обязана своимъ экономическимъ развитiемъ какъ разъ противоположной системѣ, то-есть разумному вмѣшательству правительства при Кольберѣ въ промышленную жизнь страны? А въ настоящее время если Францiя и уступаетъ Англiи въ широтѣ торговыхъ и вообще промышленныхъ оборотовъ, то стоитъ вислоько не ниже ея по количеству накопленныхъ капиталовъ, какъ это ясно показала та легкость съ которою она уплатила наложенную на нее громадную контрибуцiю. Количество ежегодныхъ сбереженiй Францiи оцѣнивается не менѣе чѣмъ въ два миллиарда франковъ. Очевидно что народный характеръ, степень промышленнаго развитiя страны и обилiе капиталовъ должны рѣшать вопросъ о вмѣшательствѣ или невмѣшательствѣ правительства въ экономическую жизнь народа. Говорятъ что наша промышленность находится еще въ дѣтствѣ, что совершенно справедливо; но если это такъ, то и обращаться должно съ нею какъ съ дѣткою, то-есть воспитывать и направлять, а не оставлять на произволъ съ лозунгомъ: *laissez faire, laissez passer*. Если въ странѣ

изобиліе капиталовъ, то конечно они будутъ искать выгоднаго себѣ приложенія, охотно приниматься за новыя предпріятія обещающія выгоду, потому что старыя пути по большей части уже заняты. Напротивъ того, гдѣ капиталовъ мало, они довольствуются этими старыми избитыми путями, все еще дающими хорошее вознагражденіе. Зачѣмъ, напримѣръ, было капиталистамъ ломать себѣ голову куда обратить имъ капиталы въ то время когда откуль, или поставка хлѣба, или желѣзнодорожныя концессіи, или страховыя общества и т. п. предпріятія съ проторенными уже путями, давали хорошіе барыши? Если при такихъ условіяхъ явится вдругъ какаа-нибудь обещающая золотыя горы приманка, какъ напримѣръ сибирскія золотыя росыли или кавказская нефть, къ нимъ конечно обратятся капиталы, но ихъ не окажется на предпріятія болѣе скромныя. На нихъ надобно указать, разъяснить что они могутъ быть выгодны и тѣмъ привлечь капиталы, улолребивъ на нихъ сначала, тѣмъ или другимъ способомъ, средства правительственныя.

Да и въ самой Англіи всегда ли было такъ какъ теперь? Что такое знаменитый Кромвелевскій Навигационный Актъ, какъ не правительственное вмѣшательство, какъ не нарушеніе естественнаго хода вещей. Однако именно онъ развилъ англійское торговое мореплаваніе и вырвалъ изъ рукъ Голландцевъ торговое первенство. Что такое знаменитыя кораблени, поднявшіе англійское земледѣліе на такую высоту? Станутъ утверждать что они были результатомъ экономическихъ заблужденій (хотя они еще процвѣтали во время самаго разгара экономической теоріи свободы торговли) которыя исчезли, къ великому благополучію Англіи, съ установленіемъ въ общественномъ мнѣніи болѣе здравыхъ экономическихъ понятій. Что хлѣбные законы были отиѣнены во время, съ этимъ спорить не стану; но еслибъ ихъ вовсе не было, то смѣло можно утверждать что хлѣба ввозилось бы теперь въ Англію въ нѣсколько разъ больше чѣмъ его ввозится. Да и въ не столь давнее время, не оказало ли правительство самаго существеннаго и огромнаго вспоможенія англійскому земледѣлію, давъ ему милліоны на устройство системы дренажа?

Но если въ самой Англіи правительству и не приходится способствовать развитію той или другой отрасли промышленности ни отрицательными мѣрами таможенной охраны,

ли мѣрами положительными; то совершенно иначе дѣйствуетъ оно въ Индіи. Чайныя плантаціи въ Ассамѣ даютъ теперь 50 милліоновъ фунтовъ чаю, а не правительство ли содѣйствовало заведенію и разведенію ихъ, не правительство ли развело огромныя плантаціи молодыхъ чайныхъ деревьевъ для раздачи плантаторамъ? Не то же ли самое дѣлаютъ Англійское правительство въ Индіи и Голландское на островахъ Явъ съ хинными деревьями? На Явъ плантаціи и принадлежатъ, кажется, правительству? Около двухъ лѣтъ тому назадъ я имѣлъ случай познакомиться съ очень интереснымъ человѣкомъ, русскимъ подданнымъ, который странствовалъ по свѣту и, между прочимъ, занималъ видное мѣсто въ ботаническомъ саду въ Брисбенѣ, въ Австраліи. Онъ разказывалъ какія усилія дѣлаетъ Англійское правительство для разведенія тамъ разныхъ полезныхъ деревьевъ, фруктовыхъ и другихъ, и вообще растеній. Оно засаживаетъ, напримѣръ, на свой счетъ пригодныя для сего долины тековымъ деревомъ (*Tutona grandis*) и т. п.

Главныя средства какимъ правительствомъ можетъ оказывать прямое содѣйствіе возникновенію, распространенію и улучшенію разныхъ отраслей промышленности, по моему мнѣнію, суть доставленіе и обезпеченіе сбыта произведеній; примѣръ наглядно доказывающій выгоду какого-нибудь промысла или какого-либо улучшенія въ производствѣ и заведеніе новыхъ отраслей промышленности на собственные средства и собственными стараніями. Примѣры всѣхъ этихъ трехъ способовъ воздѣйствія на промышленность мы укажемъ. Сверхъ этого, существуетъ еще нѣсколько средствъ, какъ-то: преміи, выставки, спеціальныя школы, которымъ мы придаемъ сравнительно меньшее значеніе. Школы могутъ привести дѣйствительную пользу промышленности только чисто практическія, дѣйствующія примѣромъ, наглядностью и навыкомъ. Въ Англіи все промышленное обученіе идетъ этимъ путемъ, и въ этомъ съ нея можно и должно брать примѣръ; даже практическая медицина изучалась тамъ такимъ способомъ. Тѣмъ отраслямъ промышленности которыя для преуспѣванія своего должны освѣщаться свѣтомъ науки, этотъ свѣтъ, это высшее руководство дается не прикладными школами, а высшимъ научнымъ образованіемъ, конечно, въ соединеніи съ природнымъ талантомъ.

Само собою разумѣется что мы не можемъ имѣть притязанія указать на всѣ тѣ отрасли промышленности которыя могутъ быть вновь заведены въ Россіи, распространенны и улучшены. Самая значительная доля ихъ получить необходимый для ихъ развитія жизненный толчекъ уже одною косвенною мѣрой таможеннаго покровительства. Мы можемъ лишь указать на нѣкоторые примѣры почему-либо обратившіе на себя наше вниманіе.

Прежде чѣмъ приступить къ этому, возвратимся еще къ оживляющимъ всякую вообще промышленность путямъ сообщенія; о нѣкоторыхъ изъ нихъ мы уже упоминали при случаѣ (Сибирская и солевозная желѣзные дороги). Между желѣзными дорогами, въ которыхъ нуждается Россія, есть одна, про которую мѣтъ лятнадцать тому назадъ писано и говорилось, о которой приходилось писать и мнѣ, проведеніе которой даже было въ принципѣ рѣшено, но которая, кажется, совсѣмъ забыта, между тѣмъ какъ другія дороги, даже совершенно излишнія, были съ того времени построены, пока въ чистый убытокъ странѣ. Я разумю дорогу которая соединила бы судоходныя части рѣкъ Вятки и Сѣверной Двины, отъ слободы Кукарки или города Уржума до слиянія Вычегды съ Двиной. Дорога эта, по характеру мѣстности и по чисто-торговому (а не пассажирскому) своему характеру, была бы очень дешева и не только оживила бы сѣверъ и сдѣлала бы изъ Архангельска значительный центръ вывозной торговли, но доставила бы сбытъ для хлѣба и вообще сырыхъ продуктовъ весьма значительному пространству и, удешевивъ провозъ, конечно усилила бы производство и отлукъ. Взглядъ на карту показываетъ что рѣки Вятка и Сѣверная Двина, отъ устья Вычегды, лежатъ въ одной прямой линіи, которая можетъ обратиться въ непрерывный путь сообщенія если въ промежуткѣ раздѣляющемъ судоходныя части этихъ рѣкъ провести желѣзную дорогу длиной верстъ въ 450. Всего лучше было бы построить ее на вылученные спеціально съ этою цѣлью кредитныя билеты, такъ какъ сумма потребная на это не велика и, при экономическомъ устройствѣ, едва ли превзойдетъ 15 милліоновъ рублей. Пространство которое нашло бы себѣ въ этой новой дорогѣ самый короткій и дешевый путь сбыта обнимаетъ собою, кромѣ всей Вятской и Уфимской, части Пермской, Оренбургской, Самарской (уѣздъ Бугульминскій) и Казанской губерній. Наконецъ, если будетъ проведена

Сибирская желѣзная дорога, то для части сибирскихъ произведеній: хлѣба, масла и пр., которыя будутъ предназначены къ заграничному обыту, не будетъ болѣе дешеваго и прямого пути отъ пересѣченія ея Камою ниже Сарангула какъ именно Камою, Вяткою, предлагаемою желѣзною дорогой и Сѣвровою Двиной къ Архангельску. Говорятъ, о невозможной, по нашему мнѣнiю, желѣзной дорогѣ отъ Рыбинска или Вологды къ Архангельску, не обращая вниманiя на то что хлѣбъ отправляемый отъ устьевъ Вятки уже пройдетъ почти весь путь до Архангельска въ то время когда, идя вверхъ по Волгѣ, онъ только что достигнетъ Рыбинска, послѣ чего ему будетъ предстоять еще почти тысячеверстное пространство по желѣзной дорогѣ, по которой ему, конечно, и идти не захѣмъ, а уже гораздо дешевле направиться къ Петербургу водою или желѣзными дорогами. Такое сокращенiе и удешевленiе пути не можетъ же остаться безъ влiянiя на увеличенiе отпуска, а слѣдовательно на развитiе земледѣльческой промышленности въ означенномъ обширномъ пространствѣ, не считая даже Сибири съ лятю-шестью миллiонами населенiя.

Говоря о сбытѣ сибирскихъ продуктовъ чрезъ Архангельскъ какъ о самомъ удобномъ по краткости и дешевизнѣ пути, не могу не выразить своего искреннѣйшаго убѣжденiя что всѣ надежды на развитiе сбыта и торговли сибирскими рѣками чрезъ Ледовитый Океанъ и Карское море, которое покойный Баръ такъ удачно назвалъ ледникомъ (Eiskeller), навсегда останутся несообразнымъ съ дѣломъ мечтанiемъ. Не говоря уже о сѣверо-восточномъ пути въ Японiю и Тихiй Океанъ, на которомъ на одну съ трудомъ проскользнувшую *Вею* всегда будетъ приходиться по десятку погибшихъ *Жанетъ*, не говоря о столь прославленномъ и съ такимъ восторгомъ принятомъ въ Россiи лутешествiи г. Норденшельда (теоретическiй результатъ котораго не прибавилъ ничего къ тому что уже мы знали изъ трудовъ русскихъ лутешественниковъ, начиная отъ казака Дежнева до Цивильки, Пахтусова, адмирала Врангеля и графа Литке и иностранцевъ Баренса и Беринга, а практическiе результаты равны нулю), даже торговля сношенiя черезъ Обскую и Енисейскую губы * могутъ

* Сейчасъ прочелъ въ газетѣ о гибели парохода *Оскаръ Диксонъ* и шхуны *Норландъ* во льдахъ между устьями Оби и Енисея.

быть только болѣе или менѣе любопытными и удачными попытками и случайностями, а не практическимъ дѣломъ. Да путь этотъ отъ дѣйствительно богатыхъ мѣстностей Южной Сибири по Оби и Иртышу не былъ бы даже и короче чѣмъ путь частью рѣками, частью желѣзными дорогами на Каму, Вятку, Сѣверную Двину и Архангельскъ; а принимая во вниманіе удлиненіе морскаго пути и опасности сопряженныя съ нимъ въ этихъ высокихъ широтахъ, а слѣдовательно и дорожаніе фрахта, онъ въ сущности былъ бы и дороже.

Но не одніе желѣзные дороги служатъ удобными путями для торговли; во многихъ отношеніяхъ рѣки даже превосходятъ ихъ. Никакіе искусственные пути не могутъ, напримѣръ, замѣнить намъ нашей Волги, а между тѣмъ вторая послѣ Волги рѣка остается у насъ до сихъ поръ какимъ-то неполнымъ, искалѣченнымъ, отчасти разбитымъ парализованнымъ организмомъ. Въ торговомъ отношеніи все равно какъ если бы верхній Двѣлръ, протекающій черезъ плодороднѣйшія мѣста Кіевской, Полтавской и Черниговской губерній, терялся ниже Екатеринослава подобно стелнымъ рѣкамъ въ пескахъ. Прорытіе обводнаго канала мимо двѣлровскихъ пороговъ, какъ, напримѣръ, обойдены въ Швеціи Трольетскіе водопады, въ нѣсколько кратъ увеличило бы значеніе Двѣлра и, удешевивъ сбытъ, усилило бы обороты Херсона и Николаева по вывозной торговлѣ. Мнѣ думается что такое предпріятіе было бы несравненно полезнѣе, напримѣръ, осушенія Писскихъ и Мозырскихъ болотъ, отъ котораго мѣлѣтъ Двѣлръ и которое лишаетъ нашу западную границу стратегической защиты стоящей многихъ первоклассныхъ крѣпостей, не допускающей возможности соединиться врагамъ, которые наступали бы на насъ одновременно съ запада и съ юго-запада, случай конечно не выходящій за предѣлы возможности и даже вѣроятности.

Еще одно гидрографическое сооруженіе привнесло бы Россіи неисчислимыя выгоды въ весьма различныхъ отношеніяхъ: это—направленіе теченія Аму-Дарьи по ея старому руслу въ Каспійское море. Недавній прорывъ показываетъ возможность этого предпріятія напрасно считаемаго химерическимъ. Существованіе низины на пути этого русла, которая образовала бы обширное озеро и огромнымъ цспареміемъ съ его обширной поверхности могла бы препятствовать достиженію

воды до моря, не оставляетъ неустранимаго препятствія. Прибрежными валами можно бы заставить течь рѣку въ сравнительно узкомъ руслѣ; огромной трагѣ воды поливными каналами, такъ-называемыми арыками, можно бы противодѣлствовать устройствомъ обширныхъ водосемовъ, которые, наполняясь водой при излишествѣ ея въ рѣкѣ, потомъ выускали бы ее для орошенія. Наконецъ, еслибы все-таки не хватало въ новой рѣкѣ воды для надобностей судоходства (цѣль орошенія, то-есть обращенія неплодотворной пустыни въ плодородную страну была бы достигнута во всякомъ случаѣ), то знакомые съ мѣстностью утверждаютъ что не было бы невозможнымъ пустить Сыръ-Дарью въ Аму и слить такимъ образомъ въ одно русло эти двѣ среднеазиатскія рѣки. Насколько это удобоисполнимо, я, конечно, судить не могу. Издержекъ на такое предпріятіе жалѣть бы не слѣдовало, оно равнялось бы въ своемъ ролѣ прорытію Суэзкаго канала.

Перехожу къ главному предмету этого отдѣла моей статьи. Хлѣбопашество или вообще земледѣліе, какъ главный, основной промыселъ русскаго народа, конечно, прежде всего долженъ обращать на себя вниманіе. Я не принадлежу къ числу тѣхъ кто вѣрять въ хроническія голодухи и во внезапное оскудѣніе почвы Россіи, не исключая даже знаменитаго черномора. Для этого нужно быть человекомъ или рѣшительно не знающимъ Россіи, или чрезвычайно легкомысленнымъ, или до крайности тенденціознымъ, или, наконецъ, что впрочемъ совершенно тождественно съ легкомысліемъ, надо питать полное довѣріе къ числовымъ даннымъ нашей промысловой и въ особенности земледѣльческой статистики. Впрочемъ, и легкомысліе, и статистика, и незнаніе Россіи служатъ только къ распространенію этихъ несообразностей; истекаютъ же они не изъ чего иного какъ изъ тенденцій и, что весьма замѣчательно, изъ двухъ діаметрально противоположныхъ тенденцій. Одной изъ нихъ надо было доказать что воля данная презрѣнному дикарю, русскому крестьянину, разорила русское хозяйство, какъ помѣщичье, такъ и само крестьянское; другой, что эти самые крестьяне, хотя и ставшіе въ самыя новѣйшія времена прокаженными, суть все-таки настоящіе представители демократіи и, какъ таковые, не могли не быть обиженными и обдѣленными при

назначенія имъ надѣловъ во время освобожденія. И эта вторая тенденція основывается свои выводы на результатахъ добытыхъ жервою.

Но хотя мы и увѣрены что почва наша не оскудѣла внезапно, а осталась плодородною тамъ гдѣ была таковою—мы вѣрный 1882 годъ лучше всего это доказалъ, какъ развѣ вслѣдъ за волнами объ оскудѣннн громче всего раздававшимися какъ нарочно въ прошломъ году; тѣмъ не менѣе въ чинахъ мѣстностяхъ она дѣйствительно оскудна, но оскудна уже очень давно. Хотя, полагаемъ, мы еще можемъ и будемъ вывозить много хлѣба за границу, но тѣмъ не менѣе лучше имѣть возможность вывозить еще болѣе; хотя, наконецъ, мы убѣждены что самъ Русскій народъ, говоря вообще, то-есть на большей части русскои территорн, за исключеніемъ лишь случайныхъ неурожаевъ, пока еще вдоволь, а не въ проголодь нѣтъ хлѣбомъ, тѣмъ не менѣе надо желать и стараться чтобы не было и этихъ частыхъ, но прискорбныхъ исключеній. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, то-есть относительно временныхъ неурожаевъ, должно замѣтить что никакія хозяйственныя улучшения совершенно освободить отъ нихъ не могутъ, что они случаются вездѣ гдѣ народъ живетъ преимущественно земледѣліемъ, что отъ этихъ несчастій можетъ предохранить только правильно примѣняемая пословица: береги денежки на черный день. А денежкой не можетъ тутъ быть не что другое какъ самый же хлѣбъ засыпанный въ запасныя магазины, которые были учреждены у насъ послѣ печальныхъ опытовъ половины тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ, когда самая плодородная мѣстности Россіи были посвящены не только неурожаемъ, но дѣйствительнымъ голодомъ, но которые почему-то были заброшены въ вѣднѣе время.

Какъ ни желательны, какъ ни настоятельны улучшения въ нашей земледѣльческой промышленности, намъ придется очень долго ихъ ожидать если будемъ надѣяться на введеніе такъ-называемаго раціональнаго сельскаго хозяйства съ его сложными оборотами, посѣвами кормоплодныхъ растений, увеличеніемъ и усиленіемъ скотоводства, долго, говорю я, придется ждать даже въ большихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ и никогда не дождаться на земляхъ крестьянскихъ, помочь которымъ всего желательнѣе.

Данныя получаемыя теперь отъ корреспондентовъ изъ

равныхъ губерній, болѣе достовѣрна чѣмъ огульная цифра посѣвовъ и урожая въ собираемая чрезъ полицію, ясно показываютъ что вездѣ и по всѣмъ сортамъ хлѣбовъ и другихъ посѣвныхъ растений урожай на крестьянскихъ земляхъ значительно менѣе чѣмъ на помѣщичьихъ. Улучшеній въ крестьянскихъ хозяйствахъ, да и въ большинствѣ помѣщичьихъ на земляхъ отдаваемыхъ въ аренды, можно ожидать лишь въ томъ случаѣ если возможно привести улучшения къ самымъ простымъ элементарнымъ приемамъ, а выгоду этихъ приемовъ доказать ясными убѣдательными примѣрами, въ возможныхъ для крестьянъ и вообще для небогатыхъ людей условіяхъ,—примѣрами которымъ оставалось бы просто подражать. И это, кажется, возможно. Основное, само по себѣ очевидное правило всякой земледѣльческой промышленности состоитъ въ томъ чтобы почва на которой воздѣлывается любое растеніе заключала въ себѣ достаточное количество тѣхъ питательныхъ веществъ которыя для этого растенія требуются. Если почва сама по себѣ ими богата,—тѣмъ лучше; если же ихъ въ ней недостаточно, то нужно добыть ихъ извнѣ. На это существуютъ три простые средства: 1) распахивать почвы которыя вообще богаты питательными частями и могутъ, смотря по качеству своему, выносить въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени культуру безъ всякаго удобренія; или 2) добывать эту питательную почву изъ глубины, выворотивъ на свѣтъ и воздухъ плодородную почву, добавляя этимъ чего не достаетъ въ оскудѣвшемъ уже отъ долгой культуры поверхностномъ слое; или, наконецъ, 3) привозя въ почву уже истощенную недостающія для питанія вещества извнѣ.

Вспахивать новы въ большинствѣ нашихъ губерній нельзя, или потому что ихъ больше нѣтъ, или потому что для сего надо бы истреблять лѣса необходимые въ другихъ отношеніяхъ. Поэтому пользоваться новыми можно только посредствомъ переселеній въ неосвоенныя еще или малозаселенныя мѣстности. Было уже разъяснено и доказано, и въ газетѣ *Русь*, и въ прекрасной статьѣ г. Маркова въ февральскомъ номерѣ *Русской Речи*, что огульное переселеніе милліоновъ людей и невозможно, и вредно; что оно лишило бы работниковъ мѣстности въ нихъ нуждающіяся, сдѣлало бы въ нихъ невозможнымъ ни развитіе промысловъ, ни усовершенствованія сельскаго хозяйства, которое при недостаткѣ рукъ

должно сохранить свой прежній экономическій характеръ при почтѣ уже значительно истощенной; приучило бы народъ къ перекочевкѣ съ мѣста на мѣсто для отысканія обширныхъ пространствъ гдѣ можно бы держаться залежной системы хлѣбопашества, къ которой и такъ имѣетъ онъ склонность и любовь; наконецъ перенесило бы центръ тяжести государственной силы далѣе и далѣе на востокъ и тѣмъ открывало бы просторъ натиску съ запада. Переселеніе должно исходить только изъ мѣстностей дѣйствительно густо населенныхъ земледѣльческимъ населеніемъ, или изъ общинъ получившихъ малые даровые надѣлы, и должно бы направляться съ содѣйствіемъ правительства по крайней мѣрѣ въ мѣста къ которымъ можно примѣнить названіе—хотя и въ совершенно другомъ смыслѣ — не столь отдаленныхъ: въ Заволжье, южную Россію и Ставропольскую губернію.

На одну изъ мѣстностей этой послѣдней я считаю полезнымъ обратить общее вниманіе какъ на дѣйствительный земледѣльческій рай. вмѣсто описанія общими мѣстами необычайнаго плодородія этой страны, я разкажу эпизодъ изъ моей повѣдки на несуществующую рѣку Манычъ, до сихъ поръ составляющую не малую географическую путаницу, о чемъ позволю себѣ сказать нѣсколько словъ въ видѣ топографическаго введенія. Извѣстно что въ южной части области Войска Донскаго и вдоль границы ея и Астраханской губерніи со Ставропольскою пролегаетъ ложбина, слѣдъ высохшаго морскаго пролива, бывшаго послѣднимъ остаткомъ соединенія Каспійскаго и Азовскаго морей. Ложбина эта, до вероты и болѣе шириной, весьма рѣзко обозначается крутыми берегами и совершенно горизонтальнымъ дномъ съ сильно оловчаковою почвой. По обѣимъ своимъ оконечностямъ, то-есть къ Дону и къ Каспійскому морю, эта рѣзкость очертанія теряется, и ложбина незамѣтно сливается съ общою равниной степи. Въ эту ложбину, какъ въ самую низменную часть степи, впадаетъ текущая съ кавказскихъ предгорій рѣка Егорлыкъ и направляется вдоль по ложбинѣ на западъ. Начиная съ этого мѣста, въ горизонтальномъ днѣ ложбины есть узкое русло или канава въ нѣсколько сажень шириной, которая по ложбинѣ и принимаетъ названіе Маныча, но есть не что иное какъ Егорлыкъ, который вовсе въ Манычѣ не впадаетъ, ибо никакой другой рѣчки, ни даже слѣдовъ рѣчки кромѣ самого Егорлыка нѣтъ; а къ востоку отъ того мѣста

гдѣ Егорыкъ втекаетъ въ ложбину, продолжающуюся и далѣе къ востоку со своимъ горизонтальнымъ дномъ и крутыми, правильно стесанными берегами—никакой канавы, никакого рѣчного русла нѣтъ. Вскорѣ послѣ этого ложбина Манычская расширяется и вмѣщаетъ въ себя Манычское соленое озеро или Гудило, которое ни малѣйшимъ притокомъ ни въ западномъ направленіи съ Егорыкомъ, ни въ восточномъ—съ Калаусомъ не соединяется, а образуетъ совершенно отдѣльный самостоятельный водный бассейнъ, что можно было уже теоретически предвидѣть, такъ какъ никакое соленое озеро истока не имѣетъ, а еслибъ имѣло его, то, постепенно промываясь, выщелачиваясь, наконецъ перестало бы быть соленымъ. За Манычскимъ озеромъ къ востоку ложбина—слѣдъ бывшаго пролива—опять суживается, опять представляетъ видъ правильнаго русла съ крутыми, рѣзко очерченными берегами, съ горизонтальнымъ дномъ, но опять-таки безъ малѣйшаго слѣда канавки или рытвины обозначающихъ слѣдъ хотя бы самой маленькой рѣчки. Далѣе къ востоку втекаетъ въ ложбину рѣка Калаусъ, совершенное повтореніе Егорыка въ западной части ложбины, но нѣсколько значительнѣе и многоводнѣе его.

Далѣе къ Каспійскому морю въ этой мѣстности я не былъ, но изъ словъ лицъ знакомыхъ съ нею видно что къ своему восточному концу ложбина теряетъ свои правильныя рѣзкія очертанія, точно также какъ и на западномъ дономъ концѣ. Итакъ, есть Манычская ложбина, включающая въ себя три системы водъ совершенно между собою раздѣльных: Егорыкъ, Манычское соленое озеро и Калаусъ, а никакой рѣчки Маныча нѣтъ.

Переѣхавъ по Царицынскому тракту съ сѣверной на южную сторону Манычской ложбины, я пріѣхалъ въ деревню Дивную. Было еще довольно рано, и я вышелъ на улицу. Въ разныхъ мѣстахъ лежало нѣсколько совершенно лысыхъ мужиковъ. Я обратился къ провожавшему меня крестьянину съ вопросомъ. „Что это у васъ праздникъ что ли?“ Мой слушникъ отвѣчалъ мнѣ на половину съ гордостью, на половину съ насмѣшкой: „Середа.“—„Какъ же у васъ въ будни не работаютъ?“—„Зачѣмъ нашимъ хозяевамъ работать, на то батраки и наемные есть.“ Вслѣдствіе этого разговора я сталъ разспрашивать разныхъ мужиковъ и, между прочимъ, узналъ что одинъ изъ тамошнихъ крестьянъ, нѣкто Харинъ,

переселившійся 18 лѣтъ тому назадъ изъ Тамбовской губерніи всего съ двумя волами и одною лошадыю (я посѣтилъ эту мѣстность въ началѣ іюня 1866 года), собралъ въ прошломъ году тысячу лятьсотъ четвертей пшевицы (я нарочно выписываю это число словами). „Да сколько же онъ десятина съѣлъ?“—„Тридцать осимю и тридцать яровою“, былъ отвѣтъ. Десятины эти были конечно хозяйственныя, то-есть въ 3.200 кв. саж., и при посѣвѣ 9 мѣрѣ на десятину. Во всякомъ случаѣ урожай былъ кругомъ сашкомъ самъ 20, но въ такіе годы какъ 1865 и 1866 случается собирать и самъ 30, и самъ 40. „Такъ у васъ, значитъ, былъ отличный урожай“, спросилъ я.—„Да, два года хорошо уродилось, теперь хоть шесть лѣтъ ничего не рожайтса, намъ все равно.“ И это при слѣдующей системѣ хозяйства: вспахавъ землю, сѣютъ пшевицу; на слѣдующій годъ ее уже не пахутъ, а только боронятъ и сѣютъ рожь, а послѣ этого года два, три собираютъ пшеницу. Одинъ крестьянинъ при деревнѣ Рагули (верстахъ въ 50 отъ Дивной) накосилъ въ 1865 году такой пшеницы 280 четвертей. На слѣдующее утро я перѣхалъ стѣню въ деревню Рагули, лежащую близъ владенія Калауса въ Мамычскую аожбану, и оттуда къ рѣкѣ Айгуру. Дорога, конечно, не мѣрная, но ѣхали мы, съ небольшими остатками и хорошею расчѣй, до вечера—но словамъ ямщика, было тутъ верстъ пятьдесятъ или шестьдесятъ—и мнѣ объяснились причины столь необычайныхъ урожаевъ. Во всю дорогу, на сколько глазъ видѣлъ, вся стѣль поросла полевымъ клеверомъ (*trifolium agrivense*) такой густоты, даже можно сказать плотности, съ которою никакой посѣвъ не могъ сравниться. Цвѣточныя головки были какъ бы выравнены по ватерпасу, и эта растительность дѣлала такое впечатлѣніе что, казалось, если лечь на траву, то она не поддастся и будетъ поддерживать тѣло. Стѣль эта была мѣстомъ пастбища кочующихъ здѣсь Туркменъ, не знаю когда поселившихся или поселенныхъ сюда. На зиму они уходятъ къ югу, на визовья Кумы, гдѣ тростникъ даетъ зимой пищу для ихъ скота и укрываетъ ихъ отъ непогоды и снѣжныхъ бурь. Стравить всей этой роскошной травы стада ихъ не могутъ, и они, предъ уходомъ, осенью сжигаютъ высохшую траву, что возбуждало большое негодованіе у жителей посѣщенныхъ мною деревень, жаловавшихся на маловемелье и отъсоеченіе отъ Туркменъ. Хотя нельзя сказать чтобы Туркмены стѣсняли

небольшое число поселенныхъ здѣсь Русскихъ, какъ видно изъ предыдущаго; но эти поселенія все же составляютъ только рѣдкіе и ничтожные оазисы на этой переполненной плодородіемъ почвѣ. Сожженіе травы Туркменами, конечно, не только сохраняется, но даже увеличиваетъ лежащій въ почвѣ капиталъ. Но не довольно ли уже времени лежитъ онъ мертвымъ, и не пора ли воспользоваться имъ, пустить его въ оборотъ? Мѣстность эта просится подъ заселеніе земледѣльческаго, а не кочеваго народа, и Туркменъ, казалось бы, можно куда-нибудь и переселить, хоть обратно къ собратіямъ ихъ на восточный берегъ Каспійскаго моря.

Но давно извѣстно что нѣтъ лица безъ изнанки, медали безъ оборотной стороны, розы безъ шиповъ. Такъ и эта привольная мѣстность, климатъ которой, кажется, пришелся по русскимъ людямъ изъ среднихъ губерній,—ибо ни о какихъ болѣзняхъ уносящихъ такъ много Русскихъ въ Закавказьѣ я здѣсь не слышалъ,—страдаетъ недостаткомъ воды. Рѣки рѣдкіи, и вода въ нихъ становится солоноватою послѣ лѣтнихъ жаровъ; но къ этому, кажется, жители привыкли.

Конечно и по Балаусу, и по Айгуру еще есть мѣста для поселенія новыхъ деревень, и населеніе существующихъ деревень можетъ быть значительно увеличено, ибо, при здѣшней системѣ хозяйства, которую еще долго же придется мѣнять, покосы и поля могутъ находиться въ очень далекомъ разстояніи отъ деревень, какъ это существуетъ и въ Новороссіи; но все же желательно было бы воспользоваться такою страной въ полной мѣрѣ. Если гдѣ-либо, то именно здѣсь слѣдовало бы сдѣлать опыты буравленія артезіанскихъ колодезевъ. Даже въ случаѣ неудачи расходъ ограничивался бы нѣсколькими десятками тысячъ, много сотнею тысячъ рублей, а заселеніе такой мѣстности въ недалекомъ разстояніи отъ портовъ Азовскаго моря, Эйска или Ростова, можетъ доставить на десятки милліоновъ пшеницы.

Но въ болѣе заселенныхъ губерніяхъ, даже съ плодородною черноземною почвою, уже мало нови. Ея нѣтъ на поверхности, но еще много въ глубинѣ. Глубокое взрыхленіе почвы вывернетъ ее наружу, подвергнетъ вліянію воздуха, и зарытый капиталъ дастъ богатые проценты. Глубокая пахота, конечно въ глубокой и плодородной почвѣ, дѣйствуетъ благотвѣтельно на растенія тройкимъ образомъ. Вопервыхъ, предлагаетъ имъ обильный, вѣтронутый еще запасъ питательныхъ

веществъ, въ вторыхъ, усиливаетъ развитіе корней, увеличиваетъ число точекъ прикосновенія кормевыхъ мочекъ съ почвой, и тѣмъ позволяетъ каждому растенію вытягивать питательныя вещества съ большей поверхности; а третьихъ, въ глубоко разрыхляемомъ слое больше накопается влаги, и она долѣе сохраняется на глубинѣ, что въ мѣстностяхъ подверженныхъ засухамъ составляетъ едва ли не главное условіе хорошихъ урожаевъ. Какое вліяніе оказываютъ глубоко разрыхляемыя почвы показываютъ древесныя насажденія около Севастополя, никогда не поливаемыя при тамошнихъ сильныхъ засухахъ. Французскій плодоводъ Мартилье приводитъ слѣдующій примѣръ: „Прошлаго года, говоритъ онъ, я показывалъ свои персики одному пріятелю; съ нѣкоторою гордостью я обращалъ его вниманіе на удлиняющіе вѣтви побѣги въ два метра длиной. Я пріѣхалъ изъ Бургундіи, отвѣчалъ онъ, и видѣлъ лучше этого; я видѣлъ персики, побѣги которыхъ достигали среднимъ числомъ трехъ метровъ (4 $\frac{1}{4}$ аршина). Пріятель мой былъ знатокъ, я сталъ его разспрашивать. Узнавъ что персики всего трехлѣтніе были посажены въ почву перекопанной до глубины двухъ метровъ, я пересталъ удивляться.“ Конечно, для растеній травянистыхъ вѣтъ надобности, да и невозможно разрыхлять почву до такой глубины какъ для растеній древесныхъ; но и значительно меньшая глубина разрыхленія, на примѣръ на одинъ футъ, окажетъ благодѣтельные результаты,—и это не невозможно. Одинъ весьма опытный агрономъ говорилъ мнѣ что со вдвое меньшею силой протязъ употребляемой нынѣ для вздиранія почвы въ южной Россіи (на что иногда употребляютъ, на примѣръ въ Крыму, до 7 паръ воловъ), но при употребленіи хорошо устроенныхъ специально съ этою цѣлью плуговъ и пролававъ вторично по проведеннымъ разъ бороздамъ, можно взрыхлить поверхностные слои до 8 и даже до 10 вершковъ. Но какъ привести это въ исполненіе, какъ побудить крестьянъ принять систему такой глубокой пахоты? Не иначе какъ примѣромъ. Пусть правительство или земство, сначала хоть въ одной мѣстности, а потомъ во многихъ, вслашетъ на свои средства два равные куска земли, хоть въ десятину каждый, на обыкновенную и на увеличенную глубину. Разница результатовъ, особенно если случится сухой годъ, покажетъ наглядно выгоду глубокой пахоты, и такому примѣру захочетъ послѣдовать всякій, если только средства ему это позволять. Средства же эти олять-таки

могутъ доставить или правительство, или земство, заведя хорошаго устройства плуги, которые, за известную плату взимаемую жослѣ урожая, отдавались бы внаѣмн желающимъ ими воспользоваться. При удачѣ опыта напились бы и частные люди, и сами крестьянскія общества, которые завели бы такіе плуги и отдавали бы ихъ внаѣмн, какъ теперь отдаютъ внаѣмн и даже развозятъ по полямъ паровыя молотилки и берутъ за нихъ известную долю зерна, какъ на мельницахъ за помолъ. Что же касается силы которая могла бы пахать этими плугами, то, по счастью, въ ней нѣтъ недостатка, по крайней мѣрѣ въ той обширной полосѣ гдѣ земля обрабатывается волами.

Какъ теперь соединяются нѣсколько хозяевъ чтобы взорвать почву, также точно могли бы они соединяться чтобы вывернуть эту почву изъ глубины. Конечно, дѣло это гораздо затруднительнѣе въ тѣхъ черноземныхъ мѣстностяхъ гдѣ пахутъ лошадьми, но однакоже не невозможно. Прежде всего замѣтимъ что гдѣ пахутъ лошадьми, тамъ употребляютъ сохи; уже замѣна ихъ легкими плугами или даже употребленными во многихъ сѣверныхъ губерніяхъ косулами, берущими все же глубже сохи, была бы у нѣкоторыхъ успѣхомъ. Но ввѣсти и это можно только примѣромъ, тѣмъ же способомъ который мы указали выше, непремѣнно вслѣжаніемъ двухъ полосъ земли на правительственная или земскія средства, при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, двумя различными орудіями—сохой или легкимъ плугомъ. Слѣдовало бы также завести или спавныхъ лошадей или, что дешевле, воловъ, и сдѣлавъ съ ними тѣ же сравнительные взглядыные опыты, вспахать ими землю для желающихъ. Такіе животныя, олатъ вида выгоду, стали бы заводить или частныя лица, или сами общества и, за известную плату, глубоко вспахать ими землю. Замѣчу что такую глубину пахоты не надо повторять ежегодно, потому что земля разъ глубоко вспаханая, слегшись на поверхности, сохраняетъ свою рыхлость и удобопроницаемость какъ для влаги, такъ и для корней по нѣсколько лѣтъ; а это значительно удешевляетъ дѣло, ибо каждый годъ пришлось бы такъ глубоко пахать только нѣкоторую часть полей. Для полнаго успѣха нужно бы дѣлать эту глубокую вспашку осенью, чтобы вывороченная почва за зиму выветрилась и разрыхлилась.

Наконецъ, тамъ гдѣ почва дѣйствительно истощена или

бѣдна шкони, гдѣ ляхотный слой не глубокъ, ичего не остается какъ прибѣгать къ удобренію. Но заставить прибѣгать къ удобренію, и именно тѣмъ чѣмъ нужно по свойствамъ почвы, снать можно лишь примѣромъ на правительственныя или земскія средства. Для сего надо сдѣлать предварительныя опыты въ какихъ именно составныхъ частяхъ данная почва нуждается, а такъ какъ почвы большею частію одинаковы на большія разстоянія, то такихъ опытовъ придется дѣлать не слишкомъ много. Впрочемъ, можно даже напередъ сказать что недостатокъ этотъ, лишающій почву плодородія, заключается преимущественно въ калийныхъ соляхъ, фосфорныхъ и частью въ азотистыхъ соединеніяхъ. Но эти послѣднія въ нѣкоторыхъ количествахъ сообщаются почвѣ въ обыкновенномъ скотскомъ навозѣ, слѣдовательно главное дѣло въ двухъ первыхъ. И тутъ сравнительно наглядныя опыты должны убѣдить въ выгодиости употребленія этихъ искусственныхъ удобреній: фосфоритовъ, хлористаго кальція, золы, лудретовъ и т. п., и вещества эти должны быть доставлены желающимъ на счетъ правительства или земствъ заимообразно, по возможно дешевымъ цѣнамъ, точно такъ, напримѣръ, какъ доставляется Ялтинскимъ земствомъ сѣрный цвѣтъ для обылки виноградниковъ противъ оидіума. Такое доставленіе удобрительнаго матеріала будетъ, думается мнѣ, гораздо полезнѣе денежныхъ ссудъ крестьянскими банками, ибо деньги могутъ часто пойти не на то употребленіе на которое бы слѣдовало, да часто и при желаніи ихъ употребить на хозяйственныя улучшенія онѣ, по незначенію не будутъ употреблены столь производительно какъ бы можно. Я часто говорю: на счетъ правительства или земства; но въ большинствѣ случаевъ земства не имѣютъ на это достаточныхъ средствъ, поэтому правительство должно бы придти имъ на помощь займами, по возможности безпроцентными.

При употребленіи различныхъ удобрительныхъ средствъ не должно улускать изъ вниманія тѣхъ которыя уже употребляются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи и находятся во многихъ мѣстахъ подъ руками, но не идутъ въ дѣло по незначенію. Кромѣ отбросовъ изъ большихъ городовъ, которые желательно было бы не терять по пустому и даже со вредомъ для общественнаго здравія, а обращать въ лудреты или другіе удобрительныя препараты, я укажу на одинъ примѣръ. Проѣзжая въ концѣ зимы, великимъ постомъ, по сѣверной

части Вельскаго уѣзда Вологодской губерніи, и по Шенкурскому Архангельской, я замѣтилъ что снѣжная масса дороги была испещрена черными кучами какой-то гравя вездѣ гдѣ она пересѣкалась проселочными дорогами. Изъ разспросовъ я узналъ что по перволутью крестьяне ѣздятъ на торфяныя болота, которыхъ тутъ множество, и воятъ торфъ къ себѣ на скотные дворы. Въ теченіе зимы онъ растапливается, смѣшивается съ твердыми испражненіями животныхъ и, по своей губчатости, впитываетъ большое количество жидкихъ испражненій, наиболѣе богатыхъ аммоніакальными соединеніями, обыкновенно теряющимися при нашемъ способѣ сохраненія навоза. Къ тому же самый торфъ заключаетъ въ себѣ много неорганическихъ соединеній золы. По послѣднему самому пути этотъ уваженный торфъ свозится на поля (въ этой сѣверной мѣстности по большей части дровяныя), и крестьяне говорятъ что такимъ образомъ получаютъ отличные урожаи. И это торфяное удобреніе должно бы точно также заставить принять путемъ сравнительныхъ примѣровъ его выгодности. А во сколькохъ губерніяхъ съ самбою плохомъ почвой имѣется безконечное изобиліе этого удобрения!

Вообще замѣчу что на сѣверѣ, на примѣръ въ Вологодской губерніи, хорошо мнѣ извѣстной, земледѣіе стоитъ на гораздо высшей точкѣ чѣмъ въ среднихъ и черноземныхъ губерніяхъ. Такъ-называемыя пожни, заливныя мѣста изобильныхъ здѣсь озеръ и рѣкъ, доставляютъ много сѣна (хотя и не отличнаго качества, ибо оно состоитъ преимущественно изъ осокъ), собираемаго поздно, уже по окончаніи полевыхъ работъ, и потому скота держать много. При возкѣ навоза не довольствуются обыкновеннымъ навозомъ со скотныхъ дворовъ, но собираютъ всѣ остатки и отброски, навозъ съ проходящихъ черезъ села дорогъ, испражненія человѣческія (которыя, впрочемъ, большею частью скопаются въ тѣхъ же скотныхъ дворахъ, находящихся подъ одною крышею съ жилищами строеніями), олавшими листьями изъ садовъ (это у помѣщиковъ, конечно). Землю пахутъ отлично, разрыхляютъ въ плугъ, и орудіями гораздо лучшими нежели сохи, косулами. Мнѣ извѣстны примѣры урожаявъ самъ 13 и самъ 14, полученныхъ единственно вслѣдствіе тщательнаго надзора и присмотра, безъ употребленія какихъ-либо особыхъ удобреній. Въ Архангельской губерніи, впрочемъ тамъ гдѣ уже не занимаютъ хлѣболашествомъ, именно въ Кемскомъ

угодъ, крестьяне уважаваютъ даже дуга. Мы убждены что только указаннымъ здѣсь путемъ можетъ быть достигнуто улучшеніе земледѣлія въ Россіи въ сравнительно непродолжительное время. Само собою разумѣется что а ничего не имѣю и противъ всякихъ другихъ средствъ улучшенія сельской промышленности, противъ увеличенія посѣвовъ картофеля и другихъ корнеплодныхъ растений, кормовыхъ травъ и т. п.

Еще есть одно весьма дѣйствительное средство улучшенія земледѣлія, особенно въ южной и юго-восточной Россіи, это—орошеніе. Но на общепримѣнительность этого средства трудно разчитывать. При особыхъ обстоятельствахъ, въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, ничто не можетъ сравниться съ его пользой. Такова, напримѣръ, система орошенія уже начавшаяся приводиться въ исполненіе въ Заволжской степи и столь интересно изложенная въ январской книжкѣ *Русской Речи* г. Самсоновымъ. Но вообще система орошенія водою изъ рѣкъ можетъ быть примѣнена съ успѣхомъ или въ низовьяхъ рѣкъ, гдѣ поверхность почвы лишь немногое выше уровня воды, или въ странахъ гористыхъ, съ очень крутымъ паденіемъ. Здѣсь, давая каналамъ меньшій уклонъ, можно легко проводить воду въ мѣста очень высоко лежащія надъ горизонтомъ рѣчной воды ниже по теченію. Но какъ сдѣлать это при слабомъ паденіи рѣкъ, когда эти послѣднія текутъ въ глубокихъ долинахъ и окружены стравой на сто, на двѣсти и болѣе футовъ выше ихъ уровня? Или нужно начинать оросительныя каналы за сотни верстъ выше по теченію, или поднимать воду посредствомъ машинъ. Ни то, ни другое, по всѣмъ вѣроятіямъ, не окупить издержекъ.

Другой важный предметъ составляетъ лѣсоохраненіе. Я не буду говорить ни о лѣсоразведеніи, ни объ усиленіи строгости законовъ противъ самовольныхъ порубокъ и т. п. Я хочу обратить вниманіе лишь на то что и въ этомъ дѣлѣ мѣры косвенныя могутъ-быть еще болѣе дѣйствительны чѣмъ мѣры прямыя и непосредственныя: если уменьшить потребность въ лѣсѣ на главное его употребленіе—толку, заминая его разными видами минеральнаго топлива, то непримѣтно достигнутся благодѣтельные результаты. И въ этомъ дѣлѣ правительство можетъ подать примѣръ. Должно бы доставить чтобы всѣ казенныя зданія: казармы, больницы, училища, правительственныя и присутственныя мѣста,

каменные квартиры, а также земскія и общественныя заведенія, во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ гдѣ дѣло уже не въ изаишкѣ, отапливались каменнымъ углемъ, торфомъ, нефтью, или нефтяными отбросами. Для этого придется устраивать лучшія и болѣе экономическія печи, и подаваемый примѣръ не замедлитъ распространиться. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это уже и дѣлается, но далеко не вездѣ гдѣ можно. Укажу, какъ на примѣръ который собственно и подаль мнѣ эту мысль, на ежегодное количество дровъ запасавшихся въ Ливадіи для всѣхъ тамошнихъ службъ и помѣщеній, между тѣмъ какъ въ Крыму особенно выгодно топить углемъ чѣмъ дровами, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться въ Никитскомъ саду, гдѣ уголь почти уже замѣнилъ дрова.

Еще одно средство. На пассажировъ желѣзныхъ дорогъ и кладъ быстрого сообщенія недавно наложена большая надбавка къ платѣ за билеты. Не буду распространяться объ этой мѣрѣ, финансовыя результаты которой по меньшей степени сомнительны, въ виду того что, уменьшая число пассажировъ и заставляя ихъ брать билеты класса ниже, она можетъ-быть въ той же мѣрѣ усиливаетъ приплату гарантіи въ какой доставляетъ казнѣ доходъ. Къ тому же этотъ налогъ, хотя и косвенный, очень тягостенъ для путешественниковъ, потому что разомъ заставляетъ ихъ приплачивать значительныя суммы. Для меня въ настоящемъ случаѣ важно то что въ примѣненіи къ желѣзнымъ дорогамъ, путямъ сообщенія монополиямъ, налогъ ложится всею своею тяжестью на пассажировъ, а для самихъ гарантированныхъ желѣзно-дорожныхъ обществъ совершенно безразличенъ. Со всѣмъ иное оказалось бы еслибы налогъ этотъ былъ примененъ къ рѣчнымъ пароходамъ, въ особенности къ волжскимъ. Здѣсь конкуренція такъ велика что нѣкоторыя общества или отдѣльные пароходы принимаютъ на себя часть надбавки на пассажировъ. Бывали вѣдь случаи, напримѣръ въ Ростовѣ, въ Херсонѣ, что пароходы, чтобы перетянуть къ себѣ пассажировъ, объявляли плату низкую до явнаго себѣ убытка, заводили хоры музыки и т. п. Еслибы, следовательно, постановить что послѣ известнаго срока тѣ пароходы которые не введутъ у себя минеральнаго топлива будутъ подлежать надбавочному налогу на пассажировъ, то вѣроятно это заставило бы скоро передѣлать устройство многихъ пароходовъ на толку углемъ или нефтью. Сохраняя дерево, подобная мѣра

не мало содѣйствовала бы развитію каменно-угольной промышленности. Конечно, какъ почти для всѣхъ отраслей промышленности, такъ и для каменно-угольной, было бы полезно установить нѣкоторый налогъ на иностранный уголь, не крайней мѣрѣ для черноморскихъ и азовскихъ портовъ. Въ этомъ отношеніи замѣчу что, напримѣръ, на Лозово-Севастопольской желѣзной дорогѣ топятъ англійскимъ углемъ, а не русскимъ, хотя, при доставкѣ его моремъ большими количествами, цѣна его могла бы быть не дороже англійской, то есть 17 к. за людъ. Въ вокзалахъ этой дороги топятъ печи даже сосновыми дровами, привозимыми дорогой въротно изъ Александровска.

Въ числѣ продуктовъ получаемыхъ изъ минеральнаго царства, важную роль играетъ въ промышленности углекислый натръ или сода, которая у насъ совершенно не добывается, тогда какъ условія для полученія ея самыя благоприятныя, потому что въ числѣ нашихъ соляныхъ озеръ Астраханской губерніи есть такія которыя доставляютъ не поваренную, а такъ-называемую астраханскую соль, состоящую изъ смѣси сѣрнокислаго натра и сѣрнокислой магнезій. Въ пятидесятыхъ годахъ астраханскій аптекаръ Оссе завелъ небольшой заводъ для добыванія изъ нея употребительныхъ въ медицинѣ двууглекислой соды и углекислой магнезій. Продукты были отличнаго качества, но дѣла не пошло. Глауберова соль идетъ, кажется, и въ настоящемъ своемъ видѣ на приготовленіе стекла. Не знаю, употребляется ли для этого наша астраханская соль. Кажется, были попытки къ вывозу ея для этой дѣла, также въ пятидесятыхъ годахъ, но повидимому не увѣнчались успѣхомъ, по причинѣ затрудненій происходившихъ отъ опасенія провоза корчемной поваренной соли подъ видомъ астраханской.

Но одна промышленность вызываетъ другую. Еслибы была принята система казенной монополейной продажи вина исключительно на выносъ, потребовалась бы въ огромномъ количествѣ стеклянная посуда, и стали бы заводиться стекланные заводы. Имъ могъ бы быть обезпеченъ сбытъ ихъ произведеній, подъ условіемъ употребленія русской соды, чѣмъ то же обезпеченіе было бы предоставлено и содовымъ заводамъ. На первое время могла бы быть дана и субсидія, не говоря уже о возвышеніи пошлины на иностранный соду, которой, въ разныхъ видахъ, ввозилось въ 1876 году до 1.940.000 пудовъ на сумму 2.200.000 рублей.

Перейду къ культуру двухъ растений, за продукты которыхъ мы ежегодно уплачиваемъ за границу болѣе 15 миліоновъ рублей, и изъ которыхъ одно навѣрное, а другое весьма вѣроятно могли бы расти у насъ. Я разумѣю маслину и индиго.

Масличное или оливковое дерево растетъ уже очень хорошо на южномъ берегу Крыма. Оно свободно выдерживаетъ морозы до 12¹/₂ градусовъ по Реомюру, причемъ даже молодые побѣги ея не страдаютъ, такъ что оно выносливѣе лавра. Но есть нѣсколько причинъ которыя препятствуютъ разведенію маслины въ этой мѣстности. Она все-таки находится здѣсь на своей климатической границѣ и, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, не даетъ обильнаго плодоношенія. Земля тутъ слишкомъ дорога и воды очень мало, такъ что маслинамъ дѣлается только самая худшая и неполивная почва; наконецъ, и это можетъ-быть самое главное, тутъ навозъ слишкомъ дорогъ, да его и нѣтъ въ достаточномъ количествѣ; а маслина требуетъ на тощей почвѣ обильнаго и сильнаго удобренія, какъ это и дѣлается всегда въ Южной Франціи, въ окрестностяхъ Марсели, гдѣ огромныя пространства засажены этимъ деревомъ. Но у насъ есть край съ климатомъ болѣе теплымъ нежели Южный Берегъ, съ почвой необыкновенно тучною, не требующею никакихъ удобреній, съ достаточною влагой. Это юговосточная оконечность Закавказья—Ленкоранскій уѣздъ. Во всей прибрежной равнинѣ, ширящей до 15 верстъ ширины, и по предгорьямъ Талышскаго хребта до нѣсколькихъ сотъ футовъ высоты, оливки несомнѣнно превосходно бы росли и давали бы отличные урожаи. Въ мѣстности болѣе холодной, именно въ Баку, въ кровлостномъ рву бывшей крѣпости, росло превосходное оливковое дерево, которое осталось въ моей памяти какъ первое которое я въ своей жизни видѣлъ. Если я называю Ленкоранскій уѣздъ, то потому что былъ тамъ въ продолженіи нѣкотораго времени и лучше знакомъ съ тамошними условіями; но безъ сомнѣнія за Кавказомъ нашлось бы много и другихъ мѣстностей гдѣ маслина отлично бы росла, какъ напримѣръ по всему черноморскому побережью, начиная отъ Туалсе, въ Гуріи, въ недавно приобрѣтенной Батумской области, а также по скатамъ въ Ріонскую долину, которая сама была бы, кажется, слишкомъ сырою. Вѣроятно и во многихъ мѣстностяхъ Туркестанскаго края оливки росли бы прекрасно.

Надо еще вспомнить что деревянное масло есть продуктъ, сбытъ котораго въ большихъ размѣрахъ въ Россіи обезпеченъ, такъ какъ оно составляетъ необходимую принадлежность нашего богослуженія, сожигается въ большихъ количествахъ въ лампадахъ предъ образами всеми сословіями Русскаго народа, и въ этомъ отношеніи оно незамѣнимо никакимъ другимъ горючимъ матеріаломъ, ибо релігіозная обрядность консервативнѣе всего на свѣтѣ. Деревянное масло никогда не постигнетъ участь другихъ маселъ, стеарина и свѣчаго сала, почти вытѣсненныхъ изъ употребленія болѣе дешевымъ керосиномъ. Мнѣ случилось какъ-то читать въ газетахъ странное предложеніе, сдѣланное также въ видахъ замѣны чужестраннаго продукта отечественнымъ: употреблять вмѣсто деревяннаго другое растительное масло, конечно въ увѣренности что климатъ не дозволитъ намъ завести въ любомъ количествѣ свое собственное деревянное масло. Можно смѣло ручаться что такой замѣны никогда не произойдетъ, и разводителей оливокъ никогда не постигнетъ участь разводителей марены, вытѣсненной анилиновыми красками. Прибавлю еще къ этому что культура оливы очень проста: масличныя деревья не требуютъ почти никакого ухода на плодородной почвѣ. Обрѣзка ихъ очень проста—это не то тонкое искусство которымъ не многіе садовники вполне обладаютъ, какъ обрѣзка плодовыхъ деревьевъ, въ особенности грушъ и яблонь. Все дѣло ограничивается здѣсь вырѣзкой сухихъ и лишнихъ, внутри растущихъ вѣтвей, разрѣженіемъ кроны, чтобы сдѣлать ее вполнѣ провицаемою для свѣта и воздуха.

И однакоже едва ли какой частный человекъ примется, въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ, за разведеніе оливокъ, потому что надо ждать не менѣе 12 лѣтъ чтобы они начали давать плодъ и не менѣе 20 или 25 чтобы получить съ нихъ значительный доходъ. Поэтому начать такое дѣло не можетъ никто кромѣ правительства, подобно тому какъ правительства же Англіи и Голландіи начали дѣло хивныхъ плантацій въ Ассамѣ и на островѣ Явъ. Но еслибы только правительство стало разводить оливковыя плантаціи, хотя бы въ очень значительныхъ размѣрахъ, то въ этомъ еще мало было бы пользы; надо заинтересовать въ этомъ еще мало было бы пользы; надо заинтересовать въ этомъ дѣлѣ и частныхъ лицъ, и это не трудно. Примѣръ всего лучше объяснить дѣло.

800,000 десятинъ Манычской степи, въ предѣлахъ земли Войска Донскаго, предназначены правительствомъ для коневодства, и желающимъ заняться имъ лицамъ войскового сословія раздавались земли подѣ условіемъ разведенія на нихъ лошадей.

Но коневодство собственно промыселъ не очень выгодный, и потому получившіе эти земли обмывались имѣть одну лошадь на 12 десятинъ земли, а остальное пространство могли употреблять подѣ разведеніе болѣе выгодныхъ породъ рогатаго скота и овецъ. Такимъ же точно образомъ и въ Ленкорани могли бы раздаваться земли подѣ подобными же условіями, надримѣръ съ обязательствомъ треть или четверть земли засаживать масличными деревьями, выгоды отъ которыхъ можно ожидать лишь въ довольно отдаленномъ будущемъ, съ правомъ употребить остальную землю подѣ болѣе выгодныя, скорѣе оплачиваемыя культуры.

Одна изъ этихъ выгодныхъ культуръ, думаю я, будетъ индиго. Но какъ же опять раздавать земли частнымъ лицамъ, когда эти земли должны быть неотчуждимою государственною собственностью для заселенія малоземельныхъ крестьянъ? И въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, болѣе всего должно опасаться докритицизма, того узкаго ученія, девизомъ которому служитъ знаменитая фраза: „*périssent plutôt les colonies qu'un prince*“.* Вопервыхъ, каимать Ленкоранскаго уѣзда, какъ и многихъ другихъ мѣстностей Закавказья, совершенно не пригоденъ для русскаго крестьянина, и они вовсе туда не стремятся; а вторыхъ, разведеніе маслицъ и подобныхъ растений едва ли крестьянское дѣло. Если гдѣ это окажется нужнымъ и земли будутъ раздаваться съ толкомъ, съ мѣрой и съ несомнѣнною государственною пользою, то почему же ихъ и не раздавать?

Въ 1855 году, въ мою бытность въ Ленкорани, встрѣтилъ я на пароходѣ одного тамошняго замлевлдѣльца, г. Козицкаго, который началъ разводить тамъ индиго. Я видѣлъ образцы приготовленнаго имъ красильнаго вещества; оно было самаго превосходнаго качества, съ рѣдко-краснымъ изомомъ, такъ что ему предлагали за него въ Москвѣ 110 и даже 120 руб. за пудъ. Приготовлено же имъ было только нѣсколько пудовъ. Для добыванія бѣльшаго количества у

* Да погибнуть лучше колоніи, чѣмъ принципъ.

него не было средствъ. Представивъ образцы, онъ получилъ правительственную субсидію, сталъ разводить дающія индиго растенія, именно видъ *Indigofera argentea*. Потому я узналъ что его постигла неудача. Какія-то насккомыя два года орду поѣдали листья растеній, средства его истощались, и этимъ, кажется, дѣло и кончилось. Еслибъ оно удалось, то это была бы только счастливая случайность, на которую въ подобномъ дѣлѣ разчитывать нельзя. Индиго не деревянное масло. Это посаждаеое дается однимъ опредѣленнымъ растеніемъ, климатическія требованія котораго извѣстны, тутъ нѣтъ надобности дѣлать долгихъ предварительныхъ опытовъ. Напротивъ того индиго получается отъ многихъ видовъ обширнаго рода *Indigofera*, заключающаго въ себѣ до 150 кустарниковъ, полукустарниковъ, травянистыхъ многолѣтнихъ и однолѣтнихъ видовъ, требующихъ весьма различныхъ климатическихъ условій. Следовательно, чтобы систематически ввести ихъ культуру, надо предварительно опредѣлить какія изъ этихъ многочисленныхъ породъ соотвѣтствуютъ данному климату и другимъ мѣстнымъ условіямъ, хоть, напримѣръ, какая подвергается нападеніямъ мѣстныхъ насккомыхъ и какая имъ противустоитъ, ибо изъ того что одинъ видъ поѣдается насккомыми не слѣдуетъ еще чтобы поѣдались и другіе, ибо насккомыя очень часто весьма разборчивы. Такъ, напримѣръ, пресловутая филлоксера, уничтожающая европейскій виноградъ *Vitis vinifera*, мало вредитъ нѣкоторымъ американскимъ сортамъ, по крайней мѣрѣ въ дикомъ состояніи; а кровавая тля, губящая яблони, оставляетъ совершенно въ покоѣ груши, хотя оба дерева принадлежатъ къ тому же роду. Избравъ пригодные виды опытами въ маломъ размѣрѣ, должно приступить къ опытамъ въ большихъ размѣрахъ, для опредѣленія сравнительной экономической выгоды этихъ видовъ, то-есть количества и легкости сбора даваемыхъ ими листьевъ и процента содержанія въ нихъ индиго. Послѣ этого можно уже смѣло приступить къ культурѣ индиговосныхъ растеній съ промышленною цѣлью. Всѣ вѣроятности въ пользу того что найдутся такіе виды рода *Indigofera*, которымъ климатъ и вообще условія Ленкоранскаго уѣзда и другихъ мѣстностей Закавказья, а также и Туркестана, будутъ благоприятны. Культура индиго стоить того чтобы предпринять серьезныя опыты. Въ Индіи акръ засаженный индиговымъ растеніемъ даетъ до 500 фунтовъ красильнаго вещества,

что составить 1.850 фунтовъ на десятину, то-есть до 4.000 р. съ десятины. Конечно, на такіе урожаи нельзя надѣяться въ климатѣ менѣе жаркомъ, потому что въ Индіи индиго срѣзывается въ теченіе года нѣсколько разъ подъ корень; но на восемь мѣсяцевъ роста можно надѣяться и у насъ въ теплѣйшихъ частяхъ Закавказья. Но полученіе красильнаго вещества изъ листьевъ составляетъ довольно сложную операцію, и нельзя ожидать чтобы каждый изъ разводящихъ это растеніе занимался и добываніемъ краски. На первое время само правительство должно взять на себя эту обязанность, скупая свозимые на его фабрику листья, конечно за цѣну только окулающую издержки, а не въ видахъ барыша, или отдавая соответственное количество краски за вычетомъ издержекъ добыванія. Если, какъ по всему должно ожидать, наиболѣе выгодныя породы индигоносныхъ растеній будутъ травянистыя, то культурой ихъ можно будетъ заниматься не только въ особенно теплой прибрежной полосѣ Ленкоранскаго уѣзда, но вѣроятно и въ Муганской степи, и это будетъ гораздо выгоднѣйшимъ употребленіемъ ея чѣмъ посѣвы свекловицы для добыванія сахара, подъ которую, судя по газетнымъ извѣстіямъ, намѣревались ее занять. Свекловица хорошо растетъ и въ южныхъ, и даже въ среднихъ губерніяхъ Россіи.

Другое растеніе, къ разведенію котораго можно бы пріохотить какъ и къ насажденію оливокъ, былъ бы виноградъ, но разводимый съ особенною цѣлью. Опытъ показалъ что виноградъ растущій на очень тучныхъ почвахъ, дающихъ огромный урожай, не даетъ хорошаго вина, а такова именно почва Ленкорани и вѣроятно многихъ другихъ мѣстностей Закавказья, можетъ-быть и Туркестана. При жаркомъ же климатѣ виноградъ будетъ очень сладкій и дастъ крѣпкое вино, при выборѣ должныхъ сортовъ. При большихъ урожаахъ довольно крѣпкаго вина, но не имѣющаго другихъ требуемыхъ отъ него качествъ, будетъ весьма выгодно дѣлать изъ него такъ дорого стоящій коньякъ, который можетъ не только удовлетворять внутреннему потребленію, но и составить предметъ вывоза. Особенно пригоднымъ для этой цѣли былъ бы, по моему мнѣнію, персидскій сортъ винограда—кишмишъ, сортъ очень плодovitый и чрезвычайно сладкій (иначе не дѣлали бы изъ него изюма известнаго подъ именемъ кишмиша). Къ тому же онъ не имѣетъ косточекъ и, при прочихъ равныхъ

обстоятельствахъ, дастъ, сабдоначально, больше сока. О выгоды этого произведетва можно судить изъ сабдунцаго. Въ нѣкой Франціи, около Марсели, гекторъ виноградника давалъ (до уничтоженія тамъ винограда филлоксерой) до 1.200—1.500 ведеръ вина. Тучная лозва Ленкоранн дастъ, конечно, не меньшее количество даже безъ удобренія. Вино изъ кишмиша выросшаго въ жаркомъ Ленкоранскомъ климатѣ не должно содержать менѣе 15% алкоголя, такъ что десятина такого виноградника (полагая коньякъ крепостью въ 60 градусовъ) можетъ дать до 3.000 ведеръ коньяка, цѣна которому, если онъ будетъ хорошо приготовляться, не можетъ быть менѣе 8 руб. за ведро (въ продажѣ онъ гораздо дороже). Но конечно и тутъ правительство должно будетъ, какъ и для пшеницы, на первое время взять на себя и дистилляцію, и выдержку коньяка, скупая вино или выдавая соответственныя доли продукта. Можетъ-быть будетъ хорошо примѣшивать къ кишмишу вѣкоторое количество муокатаго винограда, который можетъ сообщать особый ароматъ коньяку и улучшать продуктъ.

Такимъ образомъ было бы весьма полезно и со временемъ даю бы блестящіе результаты устроитво въ Ленкоранн сада и заведенія со спеціальною и опредѣленною цѣлью культуры масличны, индиго и винограда для выдѣлки коньяку.

Скажу теперь нѣсколько словъ еще о вѣкоторыхъ растеніяхъ, далеко не столь важныхъ какъ три упомянутыя, но которыя тѣмъ не менѣе даютъ продукты которые мы ввозимъ изъ-за границы, тогда какъ могли бы удовлетворять сами внутреннему на нихъ спросу и даже вывозить, а вѣдь и мелкими доходами не должно пренебрегать.

По всей дельтѣ Волги, въ степяхъ землн Уральскаго Войска, а также и въ другихъ частяхъ Каспійскихъ степей, растетъ огромное количество солодкового корня (*Glycyrrhiza glandulifera* Waldk.). На Уралѣ женщины выкапываютъ его и продаютъ скупщикамъ, которые развозятъ его по базарамъ и деревнямъ ередней Россіи какъ крестьянское лакомство. Изъ солодкового корня дѣлается, какъ извѣстно, алтучная лакрица, требуемая въ довольно большомъ количествѣ для подслащиванья микстуръ и какъ аѣкарство отъ кашал. Упомянутый уже мною алтучаръ Оссе, заводилъ въ Астрахани и лакричный заводъ. Лакрица получалась самаго превосходнаго качества, соединяла въ себѣ признаки требуемыя отъ нея по фармаколеѣ, и однако военно-медицинское вѣдомство,

куда онъ представлялъ ея образцы, не захотѣло принять ее; требовались разныя подмазки, на которыя г. Оссе не хотѣлъ согласиться. И это дѣло долженъ онъ былъ бросить какъ соду и магнезію. Я думаю и теперь, еслибы только былъ обвѣщенъ сбытъ лакрицы въ однѣ военныя аптеки, производство ея могло бы возстановиться.

Во всѣхъ мелочныхъ лавкахъ въ Астрахани можно найти цѣлыя бочки соленыхъ калорцевъ, которые очень хороши, чрезвычайно дешевы, кажется двѣ колѣйки фунтъ, и составляютъ самую обыкновенную приправу употребляемую всеми классами населенія. Продаваемые въ банкахъ, нисколько не лучшаго качества, стóятъ 60 кол. фунтъ, и изъ-за границы ввозится къ намъ болѣе 1.500 пудовъ, на 21.000 руб. Привозятся они въ Астрахань съ Кавказа, гдѣ въ изобиліи растутъ дикими. Въ Крыму ихъ также много, въ особенности въ окрестностяхъ Судака, на сланцевой, нѣсколько соленчачковой сухой почвѣ, мало пригодной на какую-нибудь другую культуру. Ихъ стоило бы только собирать какъ собираютъ ягоды и грибы, да и культура калорцевъ не была бы затруднительна. Приготовление ихъ болѣе тщательнымъ образомъ въ банкахъ дало бы хорошія выгоды. Употребляемые калорцы суть не распустившіяся цвѣточныя почки; но и молодые плоды, имѣющіе видъ огурчиковъ, составляютъ хорошую приправу, въ видѣ лакулей или корнишоновъ.

Совершенно въ такомъ же положеніи какъ калорцы и соледковый корень находится лавръ. Не много странъ въ Европѣ которыя могли бы доставлять столько лавроваго листа, употребляемаго какъ кухонная приправа, и лавровыхъ ягодъ, изъ которыхъ вываривается зеленого цвѣта масло, употребительное въ аптекахъ, какъ южная часть Закавказья, гдѣ цѣлыя лавровые лѣса. Между тѣмъ къ намъ ввозится до 8.000 пудовъ этихъ предметовъ на сумму 6.400 руб., тогда какъ мы могли бы ихъ вывозить. Пошлина на эти предметы, считаемыя вѣроятно не могущими производиться въ Россіи, самая ничтожная: за калорцы по $7\frac{1}{2}\%$, а для лавроваго листа $12\frac{1}{2}\%$ съ цѣны. Клещевина, дающая столь употребительное въ медицинѣ клещевинное или касторовое масло, могла бы также составлять выгодный предметъ культуры въ различныхъ мѣстностяхъ Закавказья.

Болѣе важный предметъ производства составлялъ бы мидаль, котораго ввозится въ Россію до 100.000 пудовъ, на сумму слѣшкомъ въ 800.000 руб., и это должно полагать только би

того миндаля; тонкокожыя же миндальныя орѣхи, то-есть миндаль тонкокожій, помѣщается, вѣроятно, въ таможенныхъ отчетахъ подъ общою рубрикою разныхъ орѣховъ; наконецъ надлежитъ прибавить еще миндальное масло, такъ что можетъ-быть миндаля и продуктовъ его ввозится приблизительно на миліонъ рублей. Миндаль, какъ и оливка, отлично растетъ на южномъ берегу Крыма и даже и въ другихъ теплыхъ мѣстахъ полуострова, но и тутъ, по дороговизнѣ земли и ея обработки, удѣляютъ ему лишь худшія не поливыя мѣста и сажаютъ въ небольшомъ количествѣ; сбыта же ему нѣтъ никакого. За твердокожій миндаль, изъ четырехъ пудовъ котораго выходитъ пудъ битаго, не даютъ и 80 копѣекъ, да большею частью и вовсе не берутъ его. Причина заключается, вѣроятно, въ томъ что количество его слишкомъ не велико чтобы купцамъ стоило обращать вниманіе на этотъ продуктъ. Въ послѣдніе два года получалъ сбытъ незрѣлый миндаль въ зеленой оболочкѣ на кондиторскую фабрику заведенную въ большихъ размѣрахъ извѣстнымъ московскимъ кондиторомъ г. Абрикосовымъ въ Симферополѣ, съ цѣлью замѣнить отечественными продуктами иностранныя получаемыя преимущественно изъ Франціи. Въ число тѣхъ растений, къ разведенію которыхъ я предлагаю примать мѣры въ Лемкорани, слѣдовало бы включить вмѣстѣ съ оливками и миндаль.

Въ Ландскомъ департаментѣ Франціи, представившемъ еще не такъ давно самую бѣдную мѣстность, песчаные дюны и лагуны которой почитались негодными ни для какой культуры, были разведены обширныя насажденія растущей всего удачнѣе на приморскихъ пескахъ сосны *Pinus pinaster* или *Pinus maritima*, которая даетъ въ изобиліи отличный сортъ смолы, и это сдѣлалось статьей дохода для цѣлаго края. Приморская сосна растетъ отлично на Южномъ берегу, и вѣроятно будетъ расти и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ Крыма съ песчаною почвой. Обширныя приморскія лески существуютъ вокругъ Феодосійскаго залива и въ окрестностяхъ Евпаторіи. Около Феодосіи съ успѣхомъ занимаются теперь разведеніемъ лѣса на оголенныхъ горахъ. Къ этимъ опытамъ облѣсенія можно бы присоединить и засаженіе уломанутою сосной приморскихъ лесковъ. По берегамъ Чернаго Моря есть еще обширныя песчаныя прибрежья, какъ косы Бивбурнская и Тендра. Можетъ-быть климатъ ихъ былъ бы слишкомъ суровъ для сосны приморской,—въ такомъ случаѣ можно бы замѣнить ее нѣкоторыми болѣе выносливыми аме-

риканскими породами, тоже въ изобиліи дающими смолу, какъ напримеръ *Pinus rubra* или *resinosa*.

Послѣ этихъ примѣровъ крупныхъ и мелкихъ культуръ, введеніе которыхъ было бы желательно, упомяну о существующихъ уже отрасляхъ промышленности, развитіе которыхъ очень возможно въ Россіи въ широкихъ размѣрахъ. Шелководство было нѣкогда довольно значительно на Кавказѣ, особенно въ Нухинскомъ уездѣ, гдѣ въ послѣднее время видимаго упада. Зависѣло ли это отъ болѣзни постигшей шелкоочинныхъ червей, или отъ другой какой причины, мнѣ не извѣстно. Культура тутовыхъ деревъ и разведеніе шелкоочинныхъ червей, безъ сомнѣнія, могло бы быть водворено въ Крыму, что имѣло бы еще и ту выгоду что тутовое дерево есть одно изъ тѣхъ которыя отлично выносятъ сухость почвы и воздуха, и слѣдовательно весьма пригодно для облѣсенія степныхъ мѣстностей и каменистой тончей почвы. Опытъ показываетъ что шелководство не представляетъ большихъ выгодъ для крупнаго хозяйства; въ Крыму же это справедливо болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, потому что, при татарскомъ населеніи, здѣсь совершенно нѣтъ женскаго и дѣтскаго труда, который преимущественно для этого нуженъ. Шелководство есть обыкновенно промыселъ кустарный, принадлежность крестьянскихъ семействъ, могущихъ достать себѣ чрезъ него нѣсколько лишнихъ десятковъ рублей дохода въ годъ, пользуясь трудомъ дѣвушекъ не занятыхъ хозяйственными работами и дѣтей средняго возраста. Такъ, напримеръ, большое количество шелка доставляемое персидскою провинціей Гилянъ именно такого происхожденія. Средства для водворенія этой промышленности въ Крыму, а затѣмъ и въ другихъ Новороссійскихъ губерніяхъ, на Дону, на Кубани, должны бы, по моему мнѣнію, заключаться въ слѣдующемъ; включить шелководство въ число предметовъ преподающихся въ Никитскомъ училищѣ садоводства и винодѣлія, заведя при этомъ питомники бѣлой шелковицы. При практическихъ работахъ выводки червей, кормленія ихъ, замариванія коконовъ, должны бы допускаться изъ мѣстныхъ жителей желающіе ознакомиться съ этими приемами. Молодые тутовые саженцы, на первое время, могли бы раздаваться даромъ. При этомъ надо бы назначить денежные преміи тѣмъ которые представляютъ извѣстное количество коконовъ, которые, — и это, по моему мнѣнію, главное условіе успѣха, — должны скупаться хорошою цѣной на специально отпускаемую для сего прави-

тальствомъ сумму. Убытка это не составило бы, потому что, садъ могъ бы безъ убытка перепродавать собранные цмъ коконы въ Москву. Необходимо только чтобы сбытъ на первое время, пока промышленность не станетъ твердо на свои ноги, былъ совершенно обезпеченъ. Въ началѣ всякой промышленности затрудненія въ сбытѣ составляютъ главное препятствіе къ ея развитію. Количество продуктовъ еще слишкомъ ничтожно, покупщики не станутъ хлопотать изъ-за такой мелочи, а производителямъ невозможно отыскивать покупателей. Для начала этого было бы достаточно; въ послѣдствіи, съ увеличеніемъ количества получаемыхъ коконовъ, для усиленія доходности промысла понадобилось бы открыть штальное заведеніе. Можно надѣяться что съ водвореніемъ шелководства въ одномъ мѣстѣ, примѣръ подѣйствуетъ и на другія. Сдѣланное въ Крыму могутъ повторить хозяйственными управленіями Донскаго, Кубанскаго и Терскаго войскъ и земства южныхъ губерній.

Другая отрасль промышленности способная получить значительную степень развитія и не только замѣститъ собою иностранные продукты, но доставлять предметы для вывоза, это—близко знакомое мнѣ винодѣліе.

Нельзя сказать, какъ о шелководствѣ, чтобы винодѣліе находилось у насъ еще въ періодѣ возникновенія или младенчества. Подъ виноградниками занято у насъ болѣе 100.000 десятинъ и выдѣлывается до 15.000.000 ведеръ вина. Но если и эта промышленность развивается слабо, то опять-таки причины этого должно искать не въ цномъ чмъ какъ въ условіяхъ сбыта. Именно, дѣло состоитъ въ томъ что вино русскаго производства покупается вимоторговцами не для продажи его потребителямъ какъ таковое, а для передѣлки его и для подѣлки для продажи подъ именемъ иностраннаго. Это легко доказать цифрами. Кромѣ бутылочнаго (т.-е. шампанскаго и лучшихъ винъ другихъ сортовъ) ввозится въ Россію съ небольшимъ 1.500.000 ведеръ, скажемъ около 25.000.000 бутылокъ иностраннаго вина. Съ одной стороны, возможно ли чтобъ этого количества хватило на всю Россію, а съ другой—много ли можно встрѣтать (кромѣ немногихъ погребовъ князя Воронцова) вина продаваемого за русское? Куда же дѣвается изъ 15 милл. ведеръ добываемаго вина весь остатокъ остающійся отъ мѣстнаго употребленія, которое значительно только въ Закавказьѣ? Изъ окрестностей Кизляра и вообще съ низовьевъ Терека отправляютъ въ Россію ежегодно болѣе

милліона ведеръ. Вино это можно прослѣдить до Нижегородской ярмарки, куда его доставляется десятки тысячъ бочекъ, которыя и покупаются купцами разныхъ городовъ, преимущественно же Москвы, и затѣмъ все это количество вина, всего въ полтора раза только уступающее ввозимому изъ-за границы, исчезаетъ, ибо часто ли кому случилось въ нашихъ столицахъ, губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, купить бутылку Кизлярскаго вина? Въ такую же проласть проваливаются безслѣдно и Бессарабскія, и Судацкія, и вообще Крымскія вина. Но если большая часть этого исчезнувшаго вина появляется на свѣтъ Божій подъ именемъ медаковъ, сотерновъ и т. п., то какая же нужда купцамъ платить за него хороша цѣны? Чѣмъ дешевле обходится матеріалъ предвѣстительный для такого превращенія, тѣмъ вѣдь для нихъ лучше. Какими глазами смотрять на покупаемое ими вино крупныя оптовые торговцы отлично характеризуетъ слѣдующій разговоръ. Въ бытность мою въ Москвѣ, я обратился къ одному знакомому мнѣ купцу, имѣвшему знакомство между оптовыми торговцами, съ просьбой рекомендовать которому-либо изъ нихъ мое Южнобережное Крымское вино, образцы котораго были со мною. Мы вошли въ лавку и обратились къ хозяину. Увидя бутылки которыя мы хотѣли ему показать, онъ на первыхъ же словахъ насъ остановилъ: „Позвольте-съ, какая цѣна вашему вину?“—„Да вы попробуйте прежде чѣмъ спрашивать цѣну?“—„Нѣтъ-съ, позвольте прежде узнать цѣну.“—„Пять рублей, съ доставкой въ Москву, вино хорошее.“—„Очень можетъ быть-съ, только не трудитесь раскулоривать. Намъ-съ въ два рубля восемь гривенъ съ доставкой, другаго не требуется.“ На этомъ и окончилась наша торговля.

Изъ всѣхъ русскихъ винъ безспорно самое лучшее Крымское, и въ особенности Южнобережное. Есть, конечно, на Кавказѣ отличныя кахетинскія вина, но они мало подходятъ ко вкусу русскихъ покупателей и расходятся на мѣстѣ, а находящіяся въ продажѣ внутри Россіи не хороши. Собственно выдѣлка вина на Южномъ Берегу оставляетъ очень мало желать, она точно такая же какъ и хорошихъ иностранныхъ винъ, конечно за исключеніемъ самыхъ тонкихъ сортовъ, для которыхъ даже ягоды отбираются и сортируются поштучно. Виноградъ всегда собирается слѣлымъ, ягоды раздавливаются на теркахъ и потомъ прессуются на хорошихъ прессахъ, посуда всегда чистая, дубовая и лучшаго качества. Бочки

винны доплатя. Если красное вино слишком долго держится на раздавленных годах—одно въ чемъ можно упрекнуть крымскихъ винодѣловъ — то олатъ-таки это дѣлается по требованію покупателей, желающихъ имѣть вино темное и терпкое. Но затѣмъ вино должно быть выдерживаемо. Какаѣ же возможности большинству садовладѣльцевъ дѣлать это, имѣя, во первыхъ, нужду въ деньгахъ для обработки виноградниковъ и для прожитка, а во вторыхъ, зная напередъ что это ни къ чему не послужитъ, что и за выдержанное вино, въ которомъ покупатель видитъ лишь матеріалъ для фабрикаціи мнимо-иностранныго вина, ему не дадутъ дороже чѣмъ виной первого же года.

Кромѣ условій сбыта, или точнѣе въ связи съ этими условіями, есть еще другое обстоятельство существенно важное для улучшения качества нашего вина. Если винодѣлу невозможно заниматься выдержкой вина, то еще мекѣе возможно для него производить то слабраваніе вина, приведеніемъ его въ согласіе со вкусомъ потребителей, то уравненіе качества урожаевъ отдѣльныхъ годовъ, которое достигается смѣшиваніемъ винъ различнаго происхожденія и различныхъ годовъ и которое не имѣетъ ничего общаго съ фальсификаціей, но составляетъ особую отрасль винодѣлія, трудъ кависта. Для отдѣльнаго винодѣла онъ уже невозможенъ, потому что въ рукахъ его нѣтъ необходимаго для сего матеріала—винъ разныхъ годовъ и разныхъ происхожденій. Для этого необходимо особое торговое заведеніе скулающее вина въ большомъ количествѣ, а слѣдовательно и это принадлежитъ къ условіямъ сбыта. Во Франціи, за исключеніемъ самыхъ значительныхъ виноградниковъ, это иначе и не дѣлается. Всякая помощь оказанная правительствомъ возникновенію такого виннаго склада путемъ ли компаніи, или инымъ образомъ, была бы большою услугою винодѣлію, а начать это дѣло необходимо именно съ Крыма, такъ какъ Крымъ производитъ лучшія изъ русскихъ винъ, имѣющихъ наиболѣе шансовъ найти себѣ потребителей. Былъ бы сбытъ обезпеченъ, и скоро 5.000 десятинъ занятыхъ виноградниками въ Крыму удвоились бы и утроились. За Крымомъ послѣдуютъ и другія мѣстности по пути усиленія и улучшения винодѣлія.

Я уже сказалъ что не имѣю претензіи перечислять всѣхъ отраслей промышленности которыя могли бы быть введены вновь или расширены и улучшены въ Россіи для занятія внутренними произведеніями иностранныхъ, а частію и

жетъ-быть и для усиленія количества и увеличенія разнообразія нашего отпуска. Если я приводилъ довольно многочисленныя примѣры, въ особенности два послѣднiе: шелководства и винодѣлiя, то собственно съ цѣлю доказать мою мысль что почти единственный способъ содѣйствовать введенiю и развитiю разныхъ отраслей промышленности заключается въ доставленiи продуктамъ ихъ обезпеченнаго сбыта и въ измѣненiи условiй этого сбыта когда они невыгодно дѣйствуютъ на условiя производства и качества продуктовъ. Мысль эта кажется мнѣ столь существенно важною что я приведу еще нѣсколько поразительныхъ примѣровъ для ея доказательства изъ отрасли промышленности тоже близко мнѣ известной.

Осенью проходитъ ежегодно довольно значительное количество особой породы сельдей Керченскимъ проливомъ изъ Азовскаго моря въ Черное; ихъ налавливаютъ до 5, а въ хорошия годы до 10 миллионовъ штукъ. Въ это время года она жирна, вкусна, но солится безъ вниманiя внутреностей и самымъ грубымъ, первобытнымъ способомъ. Князь Воронцовъ, такъ много заботившiйся о промышленномъ развитiи управлявшейся имъ Новороссiи, обратилъ свое вниманiе и на эту Керченскую сельдь. Но, какъ обыкновенно, за причину дурнаго приготовленiя сельдей было принято невѣжество, незнанiе, неумѣнiе — этотъ общiй приливъ ко всему, въ особенности когда дѣло идетъ объ отсталости у насъ какой-либо отрасли промышленности. Между тѣмъ, страаннымъ образомъ, требующее несравненно большаго искусства чѣмъ соление сельдей приготовленiе икры и въ особенности балыковъ даетъ у насъ продукты самаго высшаго качества безо всякаго посторонняго обученiя. Полагалось, какъ и теперь полагается, что стоить лишь обучить—и у насъ заведутся свои лучшаго качества сельди. Керченскiя сельди были приняты за крупныя сардинки ловимыя въ изобилiи у юго-западныхъ береговъ Англiи и известныя подъ именемъ пильчардовъ, которыя не заливаются масломъ, а солятся такъ же какъ обыкновенныя сельди. Были поэтому выписаны рыбаки и солельщики изъ Корнваллиса, а потомъ изъ Мальты. Въ практическомъ отношенiи эта ошибка въ опредѣленiи породы рыбы не имѣла собственно, никакого значенiя, и еслибы въ Керчи водворилось приготовленiе сельдей на манеръ пильчардовъ, получился бы продуктъ отличнаго качества. Но дѣло въ томъ что оно не водворилось. Въ

Керн есть и теперь, или были по крайней мѣрѣ недавно, старикъ, умѣвшій приготовить боемекъ, другой превосходныхъ сельдей для естественнаго употребленія, для выговокъ или поднесенія подарка. Мало того, такъ какъ эта самая сельдь весной ловится въ большомъ количествѣ и въ Дону, то были вытребованы съ Дона рыбаки для обученія посолу сельдей. Послѣ этого въ теченіе многихъ лѣтъ въ отчетахъ, о Донскомъ рыболовствѣ помѣщалась рубрика: „Улучшеннымъ способомъ приготовленіе столько-то десятковъ и даже сотенъ тысячъ сельдей“. Количество это впрочемъ уменьшалось съ году на годъ, а теперь и въ Керн и на Дону самая мысль объ этомъ улучшенномъ приготовленіи сельдей исчезла, и сельди продолжаютъ солиться все прежнимъ образомъ. Причине этого совершенно поматва. Девлеи сельдей занимаются люди небогатые, маліе купцы, мѣщане, чювонники, отставные офицеры; они ожидаютъ появленія сельдей въ продажѣ какъ мамы небесной, доставляющей средства къ жизни на цѣлый годъ, заводятъ и чидеть на дешере стѣлціе псевода, начинаютъ артели рабочихъ на посажанія дельны или большою частію въ долгъ. Пойманныя сельди кладутъ въ обширные лари, тутъ же на берегу стоящіе, пересыпаютъ солью и даютъ пролежать 12 дней, почитаемые необходимыми сроками для того чтобы соль сколько-нибудь въ нихъ пропала. Между тѣмъ фуры изъ разныхъ мѣстностей Новороссіи и Малороссіи ждутъ уже съ нетерпѣніемъ времени когда сельди будутъ, что называется, готовы, дабы вынуть изъ ларей и нагрузить на фуры; да и хозяева ждутъ не дождутся чтобы окрестать лари для наполненія ихъ сельдами новыми условіемъ. Задержки на малѣйшей; деньги отдаются сейчасъ, и хозяевамъ есть чѣмъ расплатиться съ рабочими, есть на что жить до будущей осени. Когда же тутъ вычищать сельдей, солить ихъ предварительно хоть въ тѣхъ же ларяхъ, заготовлять хорошіе дубовые боченки, перекладывать ихъ тщательно и плотно изъ ларей въ эти боченки, пересыпать новою солью, и все это покупать, и платить за лишнюю работу? а затѣмъ держать мѣсколько мѣсяцевъ, а то такъ и годъ, эти боченки въ хорошихъ помѣщеніяхъ, которыя надо устроить или нанять и въ концѣ концовъ не звать куда дѣваться съ этими сельдами, куда и кому ихъ продать. Очевидное дѣло что и тутъ, точно также какъ и для вина, нужно чтобы явился человекъ капиталный, или образовалась компанія, которая скупала бы сельди хоро-

шею цѣной, никакъ не дешевле того что даютъ приважающіе съ фурами покупателя, употребила бы довольно значительный капиталъ на устройство погребовъ, на локунку бочекъ, открыла бы себѣ путь сбыта въ столицы и большіе города, гдѣ есть взыскательные потребители, могущіе цѣнить качество товара, словомъ, какъ и для всего, нужно двѣ вещи: обезпеченный сбытъ и раздѣленіе труда. Такъ и идетъ, напримѣръ, приготовленіе хорошихъ икры, кая, балыка и другой рыбы въ Астрахани. Для этого существуютъ особыя заведенія и особые мастера.

Другой примѣръ возьму также относительно сельдей, только на противоположномъ концѣ Россіи. Въ Камдалякской губѣ Бѣлаго Моря ловятся уже настоящія сельди, той же породы какъ и извѣстныя лодъ именемъ голландскихъ. Ловится ихъ милліоновъ до 20 въ хорошій годъ, количество съ избыткомъ достаточное для потребностей Россіи въ сельдяхъ лучшаго качества. И солить ихъ умѣютъ, доказательствомъ чему служатъ Соловецкій монастырь, который приготовляетъ, для себя и для разсылаки нѣкотораго количества въ подарки разнымъ лицамъ, до 8,000 пудовъ сельдей, хотя и нѣсколько иначе приготовляемыхъ чѣмъ голландскія, но все-таки очень хорошихъ. Тутъ и компанія была, бывшая Бѣломорская, ввавшаяся было, между прочимъ, и за слабленіе Россіи голландскими сельдами внутренняго приготовленія. Мастера были выписаны и все необходимое устроено, но приготовляли они какихъ-нибудь три, четыре тысячи пудовъ очень хорошихъ, впрочемъ, сельдей. Однако и это дѣло не пошло, еще раньше чѣмъ компанія распалась. Желали получить большіе барыши, платили рыбакамъ недостаточное вознагражденіе, именно копѣекъ 15—20 за сотню сельдей непрѣменно самаго свѣжаго улова, т.-е. прошедшей ночи, безъ чего соленыя сельди никогда не могутъ быть хороши. Рыбаки не стали продавать, предпочитая солить самимъ и по своему, и поступали весьма основательно. Соленіе ихъ состоитъ въ слѣдующемъ. Въ деревянный еловый боченокъ, еле-еле удерживающій рассоль, въ которомъ помѣщается приблизительно около 100 штукъ, бросаютъ сельди безо всякаго порядка, какъ сами лягутъ, и пересыпаютъ околъ можно меньшимъ количествомъ соли. О вычисткѣ внутренностей и жабръ, кочечко, и не думаютъ. На мой вопросъ, почему не вычищаютъ сельдей, когда это такъ не трудно, я получилъ совершен-но правильный отвѣтъ: „и, батюшка, Устюжани и съ кишеч-

кой съѣдать!" И въ самомъ дѣлѣ, осенью съѣдаются дрибренныя жители Канадалакскаго залива, какъ и всѣ прочіе тамошніе рыболовы, въ Архангельскѣ, и продаютъ свои боченки-сельдяки—обыкновенно по 45 к. вмѣсто 15 или 20. Конечно, боченки и соль чего-нибудь да стоятъ, но уже никакъ не болѣе 10 к.; следовательно, рыболовъ выгадываетъ по крайней мѣрѣ 50% противъ цѣны которую давала компанія. Да для Устюжанъ идутъ безъ разбора всякія сельди, а не тѣ только которыя наловлены въ ночь предъ соленіемъ. Въ Архангельскѣ же ѣхать и безъ того нужно, тамъ залазаются всѣмъ необходимымъ, а поѣздка на своихъ судахъ ничего не стоитъ.

Вотъ примѣръ еще болѣе рѣзкій. Тутъ условія сбыта прямо и непосредственно заставляютъ приготовить дурной продуктъ вмѣсто хорошаго. Печорская семга по своей величинѣ и качествамъ въ свѣжемъ видѣ лучшая на всемъ сѣверѣ; но въ соленомъ видѣ она худшая, и ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ ея не знаютъ, она вся идетъ въ Сибирь, гдѣ въ рѣкахъ семги нѣтъ. Къ осени приходятъ на Печору изъ Чердынскаго уѣзда каюки или барки, привозящія муку, соль и прочіе предметы необходимые для печорскихъ жителей и берутъ у нихъ рыбу, въ томъ числѣ и семгу. Ее солятъ въ большихъ обрѣзахъ, она пускаетъ изъ себя рассолъ. Покупщики берутъ конечно сухую рыбу, т.-е. безъ рассола, и на качество ея не обращаютъ никакого вниманія: хорошо ли она посолена, или, какъ тутъ говорятъ, съ киселью—это имъ все равно, цѣна одинакова, вѣдь и Сибиряки, какъ Устюжане, вѣроятно все съѣдаютъ. Какой же интересъ ловцу хорошо приготовить семгу и класть достаточное количество соли? За большее количество ея надо заплатить больше денегъ тому же Чердынцу, да при сильнѣйшемъ посолѣ рыба уменьшается въ вѣсѣ, изъ нея вытягивается солью больше влажности и увеличивается количество рассола. Между тѣмъ приготовить хорошую семгу не стоитъ большаго труда и не требуетъ особеннаго искусства; для этого надо только положить побольше соли и втереть ее нѣсколько разъ какъ снаружи въ чешую и жабры, такъ и внутрь тѣла. Такъ и дѣлаютъ такіе же мужики какъ и печорскіе на рѣкѣ Онегѣ, доставляющей лучшей сортъ семги. Дальность Печоры также не составила бы препятствія для доставленія оттуда лучшаго качества семги; на оленяхъ зимой ее легко было бы доставить на Пинежскую ярмарку.

Заговорявъ о рыбѣ, и притомъ сѣверной, а считаю нужнымъ замѣтить что мнѣніе о несобьятномъ рыбномъ богатствѣ нашихъ сѣверныхъ рѣкъ не основательно. Считаю очень рыбными Двину, Печору и даже Обь могутъ только тѣ которые не знакомы съ дѣйствительно рыбными рѣками, — Волгой, Ураломъ, Курой, Кубанью. Вообще очень рыбными рѣками могутъ быть только тѣ которыя впадаютъ въ большія прѣсноводныя озера, или слабо соленыя моря (при прочихъ благоприятныхъ условіяхъ, конечно), ибо въ эти рѣки тѣснится въ извѣстныя времена года рыба съ огромнаго пространства, и изъ ширины морскаго простора собирается въ сравнительно узкую трубу рѣки; въ соленыхъ же моряхъ живутъ породы рыбъ не идущія на прѣсную воду, или такихъ во всякомъ случаѣ немного. Но если наши сѣверныя рѣки и не такъ богаты какъ многіе думаютъ, въ нихъ живутъ за то очень цѣныя сигаыя породы: пелядь, чиръ и въ особенности омуль, которые въ соленомъ видѣ представляютъ довольно плохаго качества продуктъ. Между тѣмъ сига эти, хорошо колченыя, могли бы соперничать со знаменитыми петербургскими колчеными ситами, и доставка ихъ въ зимнее время не была бы затруднительна. Съ нѣкотораго времени, лѣтъ уже около пятнадцати, производится изъ тамошней дешевой дичи низшихъ сортовъ великолѣпный бульйонъ, извѣстный подъ названіемъ Клячковскаго, по имени приготовителя его, далеко превосходящій обыкновенный крѣпкій бульйонъ. При нѣкоторомъ содѣйствіи г. Клячковскому, уже показавшему на дѣлѣ свое умѣнье, овъ могъ бы расширить свою дѣятельность и заняться улучшеннымъ приготовленіемъ сѣверныхъ, въ особенности печорскихъ рыбъ — семги и сигаы.

Но главное въ чемъ нуждается крайній сѣверъ, что болѣе всего можетъ содѣйствовать доступному для него промышленному развитію, — это уселеніе оленеводства, и это относится не только къ сѣверу Архангельской губерніи, но и къ Сибири. Проведеніе путей сообщенія, дорогъ не только желѣзныхъ, шоссеыхъ, но и простыхъ грунтовыхъ тамъ немислимо, — и сообщеніе можетъ происходить только при посредствѣ оленей, которыми никакихъ дорогъ зимой не нужно. Все что покрыто снѣгомъ, для нихъ торная дорога. А сообщенія, какъ извѣстно, суть первое основное условіе всякаго промышленнаго развитія, ибо иши обусловливается торговля. Кромѣ того, олени составляютъ капиталъ дающій большіе до-

ходы, капиталъ съ быстрымъ оборотомъ, такъ какъ ежегодно четвертая часть оленей убивается, а онъ даетъ ничѣмъ не замѣнимыя для сѣвера шубы, телыя, мягкія и удобныя: такъ-называемыя малицы и совики, и такую же телую обувь; замшу, для которой, при рѣдкости другихъ видовъ оленей, составляющихъ лишь дичь добываемою охотой, они суть единственный источникъ; шерсть для набавки матрацевъ, уступающую только конскому волосу, но превосходящую всѣ другіе употребляемые для этого матеріалы; превосходное мясо, которое уже начало появляться зимой и въ Петербургѣ и которое гораздо вкуснѣе говядины. Оленьи языки свѣжіе, соленые и копченые вкусомъ и нѣжностью оставляютъ далеко за собою языки всѣхъ другихъ съдобныхъ животныхъ, и если только ихъ ближе узнаютъ—они могутъ, безъ сомнѣнія, составить предметъ вывоза. Изъ роговъ оленьихъ можетъ приготовляться употребляемое въ аптекахъ животное масло, для котораго олень-таки нашъ сѣверный олень можетъ доставить самый изобильный источникъ.

Для развитія оленеводства надо лишь устранить нѣкоторыя препятствія, потому что охота къ нему у всѣхъ сѣверныхъ жителей, какъ Русскихъ такъ и шкородцевъ, большая. Для молодаго человѣка, крестьянина или мѣщанина, восточной части Архангельской губерніи ласти оленья отаде, жить въ оленяхъ, какъ они выражаются, составляетъ верхъ желаній, идеалъ человѣческаго благополучія.

Не знаю, осуществилась ли, но объ этомъ писалось и печаталось какъ о полезномъ открытіи и промышленномъ прогрессѣ,—мысль гнать вино изъ оленьяго моха. Это была бы промышленность истинно варварская, которую слѣдовало бы запретить самымъ строгимъ образомъ. Гнать вино можно изъ множества веществъ: хлѣба, картофеля, остатковъ отъ сахарнаго производства и выводѣля, изъ веществъ количество которыхъ человѣкъ можетъ увеличивать по своему произволу. Но олений мохъ (*Cetraria rangiferina*) и нѣкоторые другіе сухіе мхи или лишайники культурѣ не поддаются и, разъ уничтоженные, возобновляются очень медленно. А мохъ безусловно необходимая для сѣвернаго оленя пища; уничтожить или уменьшить количество этого мха значитъ умножить или уменьшить сѣверное оленеводство, а это значитъ уничтожить или уменьшить не только богатство крайняго сѣвера, но и самую его обитаемость.

Другое предлѣжаніе къ развитію оленеводства—предлѣжаніе по крайней мѣрѣ не намѣренно производимое человекомъ,—составляютъ эпидеміи, которыми подвержены олени. Устраненіе этого зла было бы величайшимъ благодѣяніемъ для сѣвера. Необходимо бы послать хорошихъ ветеринаровъ для изслѣдованія этихъ болѣзней, для изысканія средствъ предупредить и излѣчивать ихъ.

Въ послѣднее время, благодаря начинанію нѣсколькихъ энергическихъ людей и содѣйствію правительства, въ Россіи, особенно на сѣверѣ, развилось сыровареніе и приготовленіе хорошаго масла. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ это составило уже одну изъ главныхъ статей помѣщичьяго и крестьянскаго дохода, и русскіе сыры пошли даже за границу, русскій честеръ сталъ отправляться въ самую Англію. Но по всемъ отчетамъ о результатахъ этой промышленности, да и по собственному опыту, я могу утверждать что хорошими оказываются только сыры голландскіе и честеръ; самый же употребительный сортъ сыра, называемый у насъ швейцарскимъ, а въ самой Швейцаріи по имени одной долины гдѣ преимущественно его дѣлаютъ—грюерскимъ (fromage de Gruyère) не только далеко уступаютъ своему первообразу, но и вообще довольно плохаго качества. Такъ какъ приготовленію его не труднѣе подражать чѣмъ приготовленію всякаго другаго сорта, то причину этого, кажется мнѣ, должно искать въ томъ что голландскій сыръ и честеръ приготовляются и у насъ, и въ ихъ отечествѣ изъ молока коровъ пасущихся на низменныхъ ластбищахъ и лугахъ; тогда какъ сыръ швейцарскій получается отъ молока коровъ пасущихся высоко на горныхъ ластбищахъ, гдѣ трава обладаетъ совершенно иными свойствами. Но горъ у насъ больше чѣмъ въ самой Швейцаріи. Наши горы Кавказскаго хребта и Закавказья имѣютъ къ тому же то естественное преимущество предъ Швейцарскими что, по болѣе южному ихъ положенію, скотъ можетъ пастись на горныхъ ластбищахъ въ теченіе болѣе долгаго времени. Не слѣдовало ли бы, поэтому, учредить въ Кавказскихъ горахъ опытную ферму въ значительныхъ размѣрахъ и завести въ ней сырное хозяйство по образцу швейцарскаго, выиславъ для этого тѣ самыя породы коровъ изъ молока которыхъ дѣлаютъ тамошній знаменитый сыръ. Подражатели, вѣроятно, нашлись бы, ибо и теперь уже, какъ я читалъ, на Кавказѣ приготовляютъ сыры, которые даже отправляются и за границу, но все болѣе честеръ, а не швейцарскій сыръ. Сыръ

же статья не собою маловажна, такъ какъ къ намъ привозится его изъ-за границы болѣе чѣмъ на миллионъ рублей.

Выше я предлагалъ введеніе въ Россію двухъ новыхъ культуръ изъ царства растительнаго: масличнаго дерева и падегонныхъ растений; есть и двѣ группы животныхъ, акклиматизація и прирученіе которыхъ вѣроятно возможно и общало бы выгоды.

Одну изъ этихъ группъ составляютъ животныя давно уже прирученныя, но могущія жить только при спеціальныхъ условіяхъ—на высокихъ горахъ. Я разумю породы ланг, шемво тѣ которыя даютъ отличнаго качества шерсть: вигонь и альпака. Весьма вѣроятно что онѣ могли бы жить на высокихъ Кавказскихъ горахъ и на Араратѣ. Другое животное, которое еще слѣдуетъ приручить, есть наша великолѣпная степная дрофа. Птица эта легко приручается; я видѣлъ въ гостиницѣ въ Аккерманѣ одну дрофу которая ходила по двору, подходила къ незнакомому человѣку, кланялась изъ рукъ и была гораздо ручнѣ всякой другой домашней птицы. Конечно, еще вопросъ стала ли бы она местись въ домашнемъ быту, или, лучше сказать, много ли нужно времени и локомотива чтобы достигнуть этихъ результатовъ. Видя дрофу, нисколько удивляешься какъ до сихъ поръ она не пошла въ число домашнихъ птицъ. Но, послѣ сдѣланныхъ въ глубокой древности изумительныхъ успѣховъ въ прирученіи животныхъ, дѣятельность человѣка въ болѣе цивилизованномъ періодѣ его исторіи совершенно останавливается въ этомъ отношеніи, за исключеніемъ развѣ только что начинающагося прирученія страусовъ въ Южной Африкѣ. Последнимъ пріобрѣтеніемъ человѣка была индѣйка; но не можно думать чтобы это было достигнуто Европейцами, послѣ открытія Америки. Индѣйка была уже одомашнена Мексиканцами, а въ Европу только ввезена. Но дрофа, конечно, не уступитъ своими качествами индѣйкѣ, величиной же много ее превосходить. Въ домашнемъ состояніи, хорошо откормленная, она легко достигнетъ полуторалудоваго вѣса, мясо мѣса также, безъ сомнѣнія, сдѣлается нѣжнѣ. Затѣмъ, копченая дрофа даетъ самые вкусные полотки или птичью ветчину, которую можно ѣсть не опасаясь трихинъ.

У насъ есть Общество Акклиматизаціи, но его средства бѣдны, и садъ, который оно имѣетъ въ Москвѣ, есть скорѣе садъ зоологическій нежели акклиматизаціонный. Такому

городу какъ Москва, конечно, прилично имѣть зоологическій садъ, но расходы на его содержаніе должны бы вести городъ. Правительство же могло бы увеличивать средства Общества подъ условіемъ направленія его дѣятельности къ полезнымъ экономическимъ цѣлямъ. При увеличеніи средствъ Общество могло бы завести отъ себя акклиматизаціонные хутора или фермы въ горахъ на Кавказѣ и въ степныхъ губерніяхъ.

Перечень разныхъ промысловъ и культуръ которыя требуютъ улучшеній, распространеній, или которыя должны быть введены вновь, можно бы, конечно, еще увеличить, но и приведенныхъ примѣровъ достаточно для моей цѣли.

Въ заключеніе, повторю вкратцѣ ходъ мыслей, развитію которыхъ посвящена эта статья.

1) Невыгодный торговый или, общее и точнѣе, разчетный балансъ не только можетъ, но и долженъ имѣть своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ пониженіе денежнаго курса, или явленія совершенно съ нимъ въ сущности аналогичныя, даже при обращеніи исключительно звонкой монеты.

2) При невыгодномъ торговомъ балансѣ, внутренняя цѣнность денежной единицы должна стоять выше вѣншей, и это имѣетъ своимъ результатомъ невыгодный характеръ международной мѣны, при которомъ за вывозимый товаръ получается на промѣнъ меньше чѣмъ бы слѣдовало товара иностраннаго.

3) Безъ этой разницы во внутренней и во вѣншей цѣнѣ денежной единицы не могло бы существовать преміи на вывозъ.

4) Невыгодный разчетный балансъ несомнѣнно существуетъ въ Россіи; излишекъ же денежныхъ знаковъ весьма сомнителенъ, по мнѣнію всѣхъ практиковъ и по явленіямъ денежнаго обращенія, и по соображенію съ количествомъ денежныхъ знаковъ въ другихъ государствахъ.

5) При такихъ обстоятельствахъ, поднятіе курса бумажныхъ денегъ, изъятіемъ части изъ обращенія или другими мѣрами, до исправленія разчетнаго баланса не только не можетъ привести къ желанной цѣли, но должно еще усилить самое существенное зло низкаго курса, увеличивъ разность между внутреннею и вѣншею цѣною денежной единицы.

6) Исправить нашъ курсъ можно только исправленіемъ торговаго баланса въ нашу пользу.

7) Слѣдовательно, всѣ мѣры которыя думаютъ непосредственно возвысить внутреннюю цѣнность денежной единицы.

какъ не достигающія цѣли и вредныя, должны быть оставлены.

8) Принятымъ на себя правительствомъ обязательствамъ, имѣющимъ эту цѣль, лучше дать другое, безусловно полезное назначеніе, всего лучше употребивъ ихъ на постройку нужнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ, каковыми должны считаться: Сибирская, солевозная и Вятско-Двинская.

9) Еще лучше строить дорогахъ, въ особенности очень длинныхъ, безо всякаго обремененія казны, на спеціально съ этою цѣлью выпускаемые кредитные билеты, имѣющіе погаситься доходами съ нихъ, причемъ плата за провозъ можетъ быть, по уплатѣ безпроцентнаго долга, уменьшена приблизительно вдвое противъ обыкновеннаго.

10) Но, дабы пользоваться въ извѣстной мѣрѣ выгодами безпроцентнаго кредита съ полною безопасностью, необходимо получить не теоретическое только, но практическими опытами доказанное убѣжденіе что паденіе денежнаго курса зависить у насъ единственно отъ невыгодности разчетнаго баланса, и что съ устраненіемъ ея курсъ начнетъ улучшаться.

11) Хотя мы и признаемъ преимущество металлической денежной системы предъ бумажною, но тѣмъ не менѣе полагаемъ что безпроцентный кредитъ есть великое орудіе въ рукахъ правительства; что существенный недостатокъ бумажныхъ денегъ заключается не въ сущности ихъ, а въ злоупотребленіи ими, главное же въ различіи качества бумажныхъ денегъ, смотря по характеру тѣхъ обезпеченій подъ которыми оны выпускаются.

12) Прямые и скорые средства для исправленія разчетнаго баланса заключаются въ значительномъ возвышеніи тарифа и въ обложеніи нашихъ заграничныхъ паспортовъ. Косвенныя и болѣе медленныя, но за то болѣе прочныя и не зависящія отъ колебаній финансовой политики, заключаются въ содѣйствіи широкою рукою поднятію и развитію внутренней производительности, которая должна доставить отчасти новые предметы для вывоза, главнымъ же образомъ замѣстить собою предметы иностранные; но это недостижимо безъ возвышенія тарифа.

13) Неотложныя государственныя надобности, не удовлетворяемыя существующими доходами, не допускаютъ широкаго и щедрого содѣйствія промышленности и заставляютъ прибѣгать ко внутреннимъ и внѣшнимъ займамъ, которые еще

уменьшаютъ бюджетныя средства, вѣдѣшніе займы содѣйствуютъ усиленію невыгодности разчетнаго балауса.

14) Отсюда, наравнѣ съ возвышеніемъ тарифа, явдается необходимость улучшенія фискальной системы.

15) Улучшеніе это достигается самымъ справедливымъ, самымъ уравнивающимъ и наименѣе отяготительнымъ для народа способомъ посредствомъ косвенныхъ налоговъ.

16) Изъ числа этихъ налоговъ, казенная монополюная продажа вина обнѣщаетъ огромное увеличеніе доходовъ безъ наложенія единой лишней копейки на плательщиковъ, уменьшая въ то же время льянство въ степеняхъ большей чѣмъ какая-либо другая система и обращая винокуренные заводы снова въ средства улучшенія земледѣлія.

17) Увеличенный тарифъ и другіе косвенные налоги также должны содѣйствовать увеличенію доходовъ.

18) Съ другой стороны, наиболѣе производительная экономія расходовъ заключается въ полученіи правительствомъ необходимыхъ ему какъ для военныхъ, такъ и для другихъ цѣлей предметовъ по возможности изъ первыхъ рукъ, по настоящимъ, а не по подряднымъ и справочнымъ цѣнамъ.

19) Земства могутъ служить орудіями для достиженія этой послѣдней цѣли, что увеличитъ ихъ силу и значеніе какъ хозяйственныхъ органовъ и должно дать большій просторъ ихъ дѣятельности.

20) Ключевая цѣль хорошаго финансоваго устройства заключается въ полной отбѣнѣ прямыхъ податей и замѣнѣ ихъ косвенными налогами, съ однимъ только исключеніемъ:

21) Это исключеніе составляетъ налогъ на процентныя бумаги, какъ относительно самый справедливый, уравнивательный и наименѣе отяготительный изъ всѣхъ прямыхъ налоговъ, падающій притомъ на самый состоятельный классъ населенія.

22) Получивъ въ свои руки денежныя средства, правительство должно употреблять ихъ (за удовлетвореніемъ неотложныхъ государственныхъ нуждъ вызываемыхъ особенностями политическаго положенія страны) на прямое содѣйствіе развитію промышленности.

23) Главныя средства для сего суть: а) непосредственный примѣръ, во очію доказывающій выгоду улучшеній произведенныхъ по возможности простѣйшими, элементарными приѣмами; б) обезпеченіемъ сбыта для молодыхъ отраслей

промышленности и измѣненіемъ характера сбыта для уже существующихъ; в) непосредственнымъ водвореніемъ новыхъ отраслей промышленности на счетъ и заботами самого правительства, въ тѣхъ преимущественно случаяхъ когда выгодность промысла или культуры можетъ оказаться только черезъ очень долгій срокъ.

24) Всѣ прочія средства, какъ-то: преміи, выставки, награды и даже самыя школы, или вообще профессиональное обученіе имѣютъ второстепенное значеніе, ибо гораздо важнѣе доставить дѣлу выгодность чѣмъ научать какъ его дѣлать. Въ первомъ случаѣ всякій и самъ постарается найти средства научиться, а во второмъ и умѣющіе дѣлать за дѣло не примутся.

Все это: строгую охранительную и покровительственную таможенную систему, выгодный торговый балансъ, дѣятельное вмѣшательство правительства въ промышленную жизнь страны, назовутъ, пожалуй, возвращеніемъ къ меркантилизму. Что же, упрекъ этотъ меня не услужалъ бы. Меркантилизмъ далъ вѣкогда Франціи возможность выдержать всю расточительность Людовика XIV, и если къ концу его царствованія Франція и была разорена, то потому только что всему на свѣтѣ есть мѣра, что расточительности и мотовству не въ состояніи удовлетворить никакое хозяйственное устройство. Но даже и послѣдствія этой расточительности прошли, а насажденія Кольбера до сихъ поръ дѣлаютъ изъ Франціи одну изъ богатѣйшихъ странъ въ мірѣ. И другія государства, когда находились, вслѣдствіе разныхъ событій ихъ жизни, въ дурномъ хозяйственномъ положеніи, прибѣгали въ сущности къ тому же меркантилизму, какъ Американскіе Штаты послѣ войны за освобожденіе Негровъ, какъ и Франція послѣ прусскаго погрома, при Тьеръ. Теорія меркантилизма была вѣрна въ своей абстрактности, но практически были изъ нея выведены разумныя мѣры. Были и въ меркантилизмѣ крайности, какъ, напримѣръ, стремленіе къ безмѣрному накопленію драгоценныхъ металловъ, предпочтеніе промышленности мануфактурной предъ земледѣльческой. Но ничего подобнаго мы не советуемъ. Пускай намъ укажутъ примѣръ гдѣ строго примѣненная правовѣрная экономическая теорія свободной конкуренціи — *laissez faire, laissez passer*—имѣла бы такія же благотвѣтельныя послѣдствія для какой-либо страны какъ столь увижаемая меркан-

тальная система при Кольберѣ во Франціи. Укажутъ ли на примѣръ Англіи? Но вѣдь все что можно сказать, это то что Англія продолжаетъ экономически благоденствовать и при системѣ свободы торговли и промышленности послѣ того какъ промышленное и торговое развитіе ея народились, развились и окрѣпли при строгой охранительной системѣ. Какая нужна была теорія чтобы проповѣдывать свободу торговли когда Англія уже оставалась безъ серьезныхъ соперниковъ? Когда таковой серьезный противникъ существовалъ въ лицѣ Голландіи, Англія дѣйствовала иначе. Нужна ли была какая-нибудь теорія для отмены хлѣбныхъ законовъ, когда выяснилось что, не смотря на усовершенствованіе земледѣлія, хлѣба не достаетъ для прокормленія народа и что фабричная промышленность стала значительнѣе земледѣльческой. Очевидно, нужно было отчасти пожертвовать второстепеннымъ для развитія главнаго. Формула приверженцевъ Манчестерской системы: покупать дешево и продавать дорого. Въ примѣненіи къ дѣламу, къ государству, эта формула совершенно идетъ къ Англіи, но совершенно не идетъ къ Россіи, у которой вѣтъ достаточно продуктовъ (за удовлетвореніемъ внутреннихъ потребностей), какъ бы дорого ихъ ни продавать, чтобы вмѣстѣ получить извнѣ все что ей нужно, какъ бы дешево ни покупать. Ей, очевидно, надобно, продавая что можетъ, покупать какъ можно меньше, удовлетворяя сколь возможно большому числу своихъ потребностей внутреннею производительностью. Девизомъ Россіи должна быть экономическая независимость и самостоятельность; тогда какъ девизъ Англіи есть экономическая эксплуатація всѣхъ странъ свѣта. Въ самомъ дѣлѣ, что такое какъ не эксплуатація эта продажа какъ можно дороже, и эта покупка какъ можно дешевле, когда первое достигается устраненіемъ болѣе слабыхъ соперниковъ конкуренціей, а послѣднее поставленіемъ другихъ, на примѣръ Индіи, Турціи, а въ бывшее время и Португаліи, въ экономическую отъ себя зависимость?

Н. ДАНИЛЕВСКІЙ.

МИРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ НА ВОЙНѢ *

ЗАПИСКИ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ НАХОДИВШЕЙСЯ ПРИ ДИ-
ВИЗИОННОМЪ ЛАЗАРЕТѢ 14Ѣ ПѢХОТНОЙ ДИВИЗИИ ВЪ ВОЙНУ
1877—1878 ГОДОВЪ.

ГЛАВА III.

При защитѣ Шилки.

11 Августа. Поздно вечеромъ получили приказаніе выступи-
ть въ 5 часовъ утра форсированнымъ маршемъ на Шилку. Всю ночь лазаретъ укладывался, а я просидѣла на балконѣ
любуясь луннымъ затменіемъ. Двинулись рано утромъ. День
выдался страшно жаркій; мы на подорогѣ сдѣлали привалъ
и тронулись далѣе когда жара не много слала. Подѣзжая
къ Габрову, мы были поражены неприятнымъ извѣстіемъ
что начальникъ дивизіи генералъ Драгомировъ сильно ра-
нень, перевезенъ въ городъ и ждетъ прибытія нашего ла-
зарета. Не смотря на позднее время (12 часовъ ночи), весь
медицинскій персоналъ и я отправились въ монастырь на-
вѣстить раненаго; но никого изъ насъ къ нему не пустили,
ибо онъ только-что заснулъ; при немъ находится сестра
Браслаго Бреста Юханцева, а лѣчитъ докторъ 9ѣ дивизіи.
Къ намъ вышелъ ординарецъ Драгомирова и передалъ прика-
заніе къ утру приготовить карету, а доктору Гриничу при-
готовиться сопровождать генерала въ Россію.

* См. № 6 Русск. Вѣсти.

Августа 12. Габрово. Цѣлый день проработали приводя лазаретъ въ порядокъ и размѣщая раненыхъ по койкамъ и носилкамъ. Старшій дивизионный врачъ раздѣлилъ раненыхъ по палатамъ и въ каждыя двѣ палаты назначилъ медика, а такъ какъ насъ сестеръ всего было четыре, то намъ досталось на каждую болѣе трехъ палатъ: меня назначилъ въ распоряженіе моего зятя хирурга К., которому поручили всѣхъ раненыхъ помѣщенныхъ въ женскомъ монастырѣ. Я очень обрадовалась этому назначенію, такъ какъ монастырь помѣщается въ саду и все зданіе состоитъ изъ не очень большихъ, но совершенно отдѣльныхъ одна отъ другой комнатъ, а потому и воздухъ тутъ совершенно чистый и не можетъ быть заразы. Можно надѣяться что раненые избѣгутъ гангрены, которая грозитъ показаться въ большомъ зданіи. На наши руки досталось 15 офицеровъ и 250 нижнихъ чиновъ. Получивъ опредѣленное назначеніе, я отправилась къ игуменьѣ монастыря и на первое знакомство выпросила у нея одѣяль, подушекъ и ковровъ; общими усиліями мы устроили, сколько возможно комфортабельно, своихъ раненыхъ. Подружилась съ монахинями и упросила ихъ уступить еще нѣсколько келій, гдѣ и размѣстила офицеровъ, по три въ комнатѣ, тогда какъ прежде помѣщалось по восьми человекъ; солдатамъ же отдали большую комнату внизу, трапезную; въ саду разбили три шатра лазаретныхъ; воздуху вездѣ довольно. Между офицерами двое опасно ранены: одинъ капитанъ генеральнаго штаба въ бедро на вылетъ, пожалуй ему придется отнимать ногу, а другой въ грудь на вылетъ, кашляетъ съ кровью. За ними нуженъ очень тщательный уходъ, а такъ какъ мнѣ все время безотлучно находиться при нихъ не возможно, то я и упросила игуменью назначить монахинь дежурить при этихъ тяжело раненыхъ безотлучно. Цѣлый день прошелъ въ сильныхъ хлопотахъ и страшной душевной тревогѣ. Господи! что съ мужемъ? Съ Шилки то и дѣло подвозять раненыхъ. Стукъ каждой подъѣзжающей кареты болѣзненно отдается въ моей душѣ. Такъ и слышится что Подольскій командиръ раненъ, убитъ!... Квартирки въ монастырѣ мнѣ не нашлось, и дѣвочки отъискалъ мнѣ помѣщеніе недалеко, у большого госпиталя. На Шилкѣ не утихаетъ, тамъ идетъ страшная пальба, орудія выстрѣлы и здѣсь слышны. Болгары всѣ въ страшной тревогѣ, боятся нападенія Турокъ на Габрово.

Габрово, 13 августа. Окончилась латисуточный кровавый бой на Шилкѣ; мужъ нынче цѣлый день пролевлъ въ огнѣ и благодаря Господу остался цѣлъ, отдѣлавшись легкой контузией и ушибомъ ногъ. Но чего я натерпѣлась за этотъ день! Цѣлый день подвозили раненыхъ, ко мнѣ помѣстали еще 150 человекъ; за недостаткомъ мѣста тѣхъ кто покрѣпче сейчасъ же отправили въ Тырново. Работы было страшно много. Находясь въ страшной тревогѣ, я у всѣхъ вновь прибывающихъ съ Шилки спрашивала живъ ли мой мужъ и съ такимъ же вопросомъ обратилась къ транспортному офицеру, который, не разслышавъ хорошенько фамиліи, прямо бракунулъ что опасно раненъ и уже умеръ. Я потеряла сознание, и пока меня приводили въ чувство оказалось что офицеръ налугавшій меня ошибел, перелуталъ фамиліи, что убить не мужъ мой, а генералъ Дерюжинскій, трупъ котораго сейчасъ привезли и поставили въ церква...

Какую громадную пользу приносить намъ Красный Крестъ! Чтѣ бы мы дѣлали здѣсь безъ него съ такимъ громаднымъ количествомъ раненыхъ, подходящихъ къ намъ въ обрванномъ латѣ: вѣдь у насъ въ лазаретѣ бѣлья всего на 80 человекъ, а чрезъ наши руки уже прошло болѣе 1.200 человекъ. Между тѣмъ приходится не только шить бѣлье для больныхъ, но одѣвать почти нагихъ чтобъ отправлять ихъ далѣе во всемъ новомъ. Сласибо Красному Кресту и за то что онъ выдаетъ намъ все безпрелатственно и въ большемъ количествѣ; мнѣ одной пришлось сегодня, на свое только отдѣленіе, взять у нихъ 250 комплектовъ разнаго бѣлья и до сотни одѣялъ. Благодаря тому же Красному Кресту, мои раненые получаютъ чай два раза въ день и табакъ; болѣе слабымъ дается изъ склада хорошее вино, водка и спиртъ, и все это въ такомъ количествѣ что достаетъ на всѣхъ.

14 августа. Всю ночь подвозили раненыхъ, больше всего досталось бѣднымъ Подольцамъ. Сейчасъ привезли нашего дорогаго Туркестанца полковника генеральнаго штаба Боголюбова 2, страшно раненаго въ животъ на вылетъ; положеніе почти безнадежное, онъ въ полной памяти, узналъ меня, просилъ помѣстить въ мою палату. У насъ такъ все переполнено что мои старанія помѣстить его въ отдѣльной комнаткѣ не удалось. Хотя я его хорошо устроила въ большой свѣтлой комнатѣ, но пока вмѣстѣ съ двумя другими

офицерами, тоже какъ и онъ тяжело ранеными. Докторъ сейчасъ осмотрѣлъ и перевязалъ его, найдя рану очень серьезною и положеніе крайне опаснымъ. Хлопотъ сегодня было больше обыкновеннаго, такъ какъ многіе раненые народъ относительно аллетита все здоровый, а наша лазаретная пища имъ не по вкусу. Для раненыхъ офицеровъ удалось впрочемъ устроить кухню договорившись съ кухаркой изъ молахивъ. На первый разъ угостили ихъ недурно и всѣ остались очень довольны. Чтобы улучшить пищу и солдатамъ, я упросила доктора для болѣе слабыхъ выписывать лучшія порціи, курицу, котлеты, яйца, молоко, и докторъ согласился.

17 августа. Получила записку отъ мужа. Его съ полкомъ отправили на скалы ораинаго гнѣзда на гору Св. Николая. Позиція эта передовая, Турки всего въ 600 шагахъ. Муж пишетъ что теперь пока спокойно, что главныя силы Турокъ отошли, оставивъ противъ насъ небольшой отрядъ; пока не выждутъ результатовъ съ Плевной, гдѣ идетъ теперь жаркая битва. Вблизи горы Св. Николая воздухъ ужасный: прилегающіе скаты и овраги усыпаны турецкими трупами, которыхъ никто не подбираетъ. Трупы уже начали разлагаться. Сегодня прѣвѣжалъ изъ главной квартиры генералъ Нелокочичскій, осматривалъ всѣ позиціи и велѣлъ всѣхъ офицеровъ участвовавшихъ въ лятасуточномъ боѣ на Шилкѣ, съ 9—13 августа, представить къ наградамъ. Долго ли мы простои́мъ на Шилкѣ и пойдѣмъ ли впередъ, никому неизвѣстно. Сегодня мы отправили большой транспортъ раненыхъ въ Тырново.

19 августа. Вышло новое распоряженіе: со словъ всѣхъ вновь прибывающихъ раненыхъ и больныхъ, тотчасъ по ихъ прѣвѣдѣ, еще не свимая съ подводъ, записывать ихъ имя, фамилію, мѣсто службы, полкъ и т. д. Пришелъ транспортъ, и мы поручили, вмѣстѣ съ докторомъ и фельдшеромъ, переписать вновь прибывшихъ. Переноса острую боль ранъ, усталые и измученные отъ дальней дороги, томимые жаждой, жарой и мухами, бѣдные раненые ждутъ съ нетерпѣніемъ чтобы ихъ поскорѣй на покой, чтобы сняли съ этихъ ужасныхъ транспортныхъ телегъ, уложили бы и перевязали бы поскорѣй, а мы ихъ переписываемъ; изъ-за желанія облегчить не больнаго, а себѣ канцелярскую работу, терзаютъ раненыхъ безчеловѣчно; сердце за нихъ болитъ. Я упросила разрѣшить по крайней мѣрѣ раздать имъ пищу и вино чтобы поскорѣе

подкряпить усталыхъ. Мнѣ сказали что собираемыя свидѣнія почему-то необходимы для науки! Съ перепиской и распределеніемъ по палатамъ мы втроемъ провозились отъ 3 часовъ пополудни до 10 часовъ вечера, подъ конецъ работали при фонаряхъ, переязыку же окончили лишь къ разсвѣту. Въ числѣ внозе прибывшихъ больныхъ назначили въ мое отдѣленіе одного истеричнаго врача въ страшномъ дифтеритѣ; не мало было хлопотъ для помѣщенія его въ монастырѣ, надо было придумать рѣшеніе усложняющее всѣхъ; чтобы не подвергать равныхъ заразы, я упросила игуменью уступить намъ еще одну келью въ концѣ здавія: комнатка эта совсѣмъ отдѣльная и не имѣетъ примаго сообщенія съ остальными кельями.

20 августа. Сегодня перенесла много огорченій: пищу дали солдатамъ такую что въ ротъ взять нельзя. Побѣжала къ смотрителю и къ комиссару и заставила ихъ попробовать и сознаться что такая гадость не обѣдъ для больныхъ; лазаретному повару дано денегъ и, благодаря его услугамъ, для своихъ больныхъ мнѣ удалось приготовить обѣдъ, хотя часами двумя позже обыкновеннаго. Между прибывшими вчера равными попался одинъ майоръ оказавшійся контуженымъ въ голову. Вчера некогда было обратить на него особенное вниманіе, но сегодня, при осмотрѣ его, намъ обонимъ показалась контузія его весьма сомнительною, слишкомъ ужъ здоровый онъ имѣлъ видъ, и такой веселый и аллетить у него превосходный. Показалъ голову мокрымъ платкомъ, во жару вѣтъ и платокъ почти не высыхаетъ. Выказала мои сомнѣнія доктору, но онъ говоритъ что контузія такого рода болѣзнь что опредѣленно сказать болѣнъ ли человекъ или вѣтъ невозможно, а поэтому и отрицать дѣйствительность контузіи тоже нельзя; и хотя мы оба дня наблюдали этого господа и сильно сомнѣвались въ его контузіи, но должны лѣчить, ибо ничѣмъ нельзя пока доказать притворства.

22 августа. Два дня не было слышно выстрѣловъ, а сегодня они опять раздаются съ Шилки. Знакомые страшные орудійные звуки отзываются больно въ сердцахъ. Получила записку отъ мужа: вчерашній день прошелъ благополучно; что будетъ сегодня?

24 августа. Сейчасъ пріѣхалъ изъ нашего полка съ горы Св. Николая полковникъ Т. командиръ 1го баталіона, онъ совсѣмъ больной, помѣстился у меня въ монастырскомъ отдѣленіи лазарета. Мой новый пациентъ сообщилъ что

получена отъ Главнокомандующаго телеграмма о взятіи Ловчи, ожидаютъ что то же самое постигнетъ надьяхъ и Плевну. Отъ Т. узнала что на Шилкѣ многіе больны дисентеріей, но рядовъ не оставляютъ и продолжая службу въ виду неприятеля угощаютъ себя по совѣту врачей ридиаккой. На горѣ Св. Николая всѣ наши вѣчно находятся подъ огнемъ и ожидаютъ ежесекундно что какая-нибудь пуляка отправитъ въ вѣчность. Переносить это чувство — пытка какую трудно себѣ представить. Бомбардировка страшно разстраиваетъ нервы. Т. атлетической комплекси, а теперь онъ до того разстроенъ что отъ малѣйшаго стука весь дрожитъ. Подобно всѣмъ защитникамъ горы Св. Николая, Т. ни за что не хотѣлъ ѣхать съ этой позиціи въ лазаретъ, но мужъ мой по праву командира полка чуть не насильно отправилъ его къ намъ въ Габрово.

27 августа. Получила письмо отъ мужа съ горы Св. Николая. Сидятъ они въ облакахъ, въ дождевомъ туманѣ, въ пяти шагахъ ничего и никого не видно; онъ продрогъ и проситъ прислать теплую одежду. Сегодня солнышко ихъ еще немножко обсушило и отогрѣло. Турки цѣлый день поддерживали сильную ружейную пальбу и ранили у насъ въ полку пятнадцать человекъ.

29 августа. Всѣ мы ждемъ съ нетерпѣніемъ завтрашняго дня и кажется что ради именинъ Государя Плевна должна быть взята нами завтра. Мои раненые сегодня смотрятъ веселѣй, у нихъ также надежда на паденіе Плевны, а съ нею вѣдь связана у всѣхъ надежда на скорое окончаніе страданій на Шилкѣ. Получила письмо мужа; въ крышу его блиндажа засѣли во время сегодняшней бомбардировки одинъ осколокъ и четыре пули; противъ этого примѣнено къ дѣлу военное лѣкарство: приказано утолстить крышу дерномъ.

30 августа. Всѣ мечты о паденіи Плевны рушились, никакихъ извѣстій нѣтъ ни откуда. Погода стоитъ ужасная, льетъ проливной дождь. Хотѣли въ городѣ сдѣлать иллюминацію, да почему-то не удалось. Пальба на Шилкѣ продолжается непрерывно, адскій концертъ не умолкаетъ. Моимъ раненымъ сегодня не здоровится, всѣ такіе скучные. Одинъ докторъ спокоенъ и приписываетъ всѣ стоны и ухудшенія вліянію дурной погоды.

2 сентября. Получила письмо отъ мужа. Противъ горы Св. Николая Турки привезли мортиры и открыли бомбардировку.

Въ одну ночь выпустили болѣе 300 бомбъ; пока мѣсяцъ бомбы перелетаютъ черезъ головы, но говорятъ что гдѣ Турки наконецъ пристѣвляються, и тогда бѣда нашему полку. Люди сидятъ на этой горѣ въ открытыхъ канавкахъ. Прибывшіе съ горы Св. Николая сообщаютъ что тамъ нѣтъ рѣшительно ни офицера, ни солдата здороваго, всѣ страдаютъ или лихорадкой или дисентеріей и не смотря на это несутъ свою тяжелую боевую долю и, что особенно удивительно, бодрость духа ихъ не оставляетъ; говорятъ, они лѣзутъ лѣзши, воодушевляя другъ друга. Подъ эти звуки полковой докторъ Петровъ, общій любимецъ, обходитъ траншеи и подучуетъ дисентериковъ *касторкой*...

4 сентября. Все попрежнему, слава Богу, общее лѣченіе идетъ услѣшно. Но на горѣ Св. Николая положеніе ужасное. Посылаю узнать что тамъ дѣлается.... Оказалось что всѣ офицеры сегодня всю ночь провели подъ открытымъ небомъ, обходя траншеи подъ градомъ бомбъ. Воображаю какую пытку выносить всѣ они за это время. И какъ Господь хранитъ ихъ всѣхъ: вблизи моего мужа сегодня опять упала граната, но, къ счастью, она не разорвалась, а зарылась въ землю; вскорѣ затѣмъ къ ногамъ его упалъ осколокъ гранаты, но и онъ опять не задѣлъ его. Послѣ всего этого, видя на каждомъ шагѣ проявленія милосердія Божія, какъ не сдѣлаться глубоко вѣрующею. Да поддержитъ Господь бодрость духа въ рядахъ полка защищающаго эту ужасную гору Св. Николая, бомбардируемую непрерывно днемъ и ночью.

5 сентября. Сегодня Господь снова явилъ мнѣ Свое милосердіе. Чуть свѣтъ получено извѣстіе что Турки пошли въ атаку на гору Св. Николая. Ожидая новыхъ раненыхъ, старшій докторъ приказалъ снарядить транспортъ, и тѣхъ которые были покрѣпче всѣхъ отправить въ Тырново. Пришлось поскорѣй перевязать ихъ, накормить и доставить у уполномоченнаго Краснаго Креста, г. Глазбова, бѣлая почти на всѣхъ. За эту суетой прошелъ весь день, даже некогда было и пообѣдать. Въ 11 часовъ вечера вернулась къ себѣ съ докторомъ. Только-что сѣли чай пить какъ слышимъ кто-то подѣхалъ къ дому. У меня сердце екнуло, я мигомъ выбѣжала на улицу и увидѣла моего мужа живаго и невредимаго: онъ прямо ко мнѣ послѣ боя. Я его встрѣтила какъ воскресшаго изъ мертвыхъ. Онъ былъ главнымъ участникомъ въ геройскомъ дѣлѣ, отбитіи атаки Сулейманъ - паши. Отдѣлался сравнительно

легко, лишь оглушенъ разрывнымъ дѣйствиємъ турецкихъ бомбъ, да страшно похудѣлъ и нервы также разстроены какъ у того полковника. То же безъ слезъ не можетъ ничего разказать. Черезъ день опять провожу его подъ луи.

26 сентября. Все это время чувствовала себя нездоровою хотя и продолжала работать. Какое ужасное зрѣлище пришлось видѣть сегодня! Къ намъ привезли съ Шилки больныхъ полузамерзшихъ солдатъ, по нѣскольку человекъ на одной телѣгѣ; видъ ихъ до того былъ жалокъ что у меня слезы такъ и брызнули; стали снимать съ телѣги, а они, совсѣмъ окоченѣвшіе, даже не шевелятся... Мы тотчасъ же принялись ихъ оттирать, сначала щетками, потомъ спиртомъ, влили въ ротъ коньяку, часа три провозились, и наконецъ удалось двухъ привести въ чувство, а третій такъ и отправился къ праотцамъ. Никакія старанія не помогли привести его въ чувство; остальные два ненадолго ожили и часа черезъ три тоже послѣдовали за своимъ товарищемъ. Вечеромъ привезли еще другихъ больныхъ, хотя и не совсѣмъ окоченѣвшихъ, но въ такомъ же плачевномъ видѣ, излѣбшихъ до послѣдней степени. Мы ихъ тотчасъ же уложили въ постель, вытерли водкой, напоили горячимъ чаемъ и укрыли теплыми одеялами; теперь слава Богу заснули; но докторъ говоритъ что здоровье ихъ такъ сильно разстроено что врядъ ли выздоровѣютъ. Боже праведный! что тамъ на Шилкѣ будутъ дѣлать долѣе? Вѣдь холода настали, а теплой одежды нѣтъ. Не говоря уже о полушубкахъ, шивели и тѣ всѣ ободрались. Что же станетъ съ бѣдными защитниками Шилки! Говорятъ что въ полкахъ размѣщенныхъ на Шилкѣ только треть здоровыхъ и почти всѣ страдаютъ улачкомъ силъ.

27 сентября. По порученію Ф. Ф. Радекаго, начальникъ его штаба генералъ Дмитровскій повѣхалъ въ главную квартиру чтобы доложить главнокомандующему о положеніи въ которомъ находится Шилкинскій отрядъ и просить слустить 14ю дивизію внизъ и замѣнить ее свѣжими войсками, дабы дать ей возможность оправиться, обчичиться и обсушиться. Бывшіе Севастопольцы говорятъ что тамъ куда легче было чѣмъ на Шилкѣ. Въ Севастополѣ солдаты далеко не испытывали того что имъ здѣсь приходится выносить. Тамъ они несли службу одинъ день въ передовыхъ траншеяхъ, слѣдующій въ заднихъ, а третій размѣщались по домамъ въ Севастополѣ; эти-то

трезвы дни и была отдыхомъ: солдатики могъ и обсушиться, и поочивиться, и заснуть, послѣ чего онъ, бодрый, вновь готовъ былъ на двое сутокъ адской службы. А тутъ на Шилкѣ нашъ корпусъ стоитъ безсмысленно уже 49 дней, съ 10 августа, и несетъ безсмысленно адскую службу, вдали отъ воды и человеческого жилья. Какой отдыхъ голому, босому и мерзлему солдату вѣчно подъ пулями и подъ открытымъ небомъ!

15 октября. Минуло еще пятнадцать томительныхъ дней. Мужъ пишетъ что Турки выстроили новую батарею противъ расположенія Подольскаго полка и все время обстрѣливаютъ; но къ счастью еще не пристрѣлялись и потому снаряды не попадаютъ. Генералу Радецкому удалось выпросить свѣжихъ войскъ, на двѣхъ придутъ на Шилку три полка 24й дивизіи для смѣны Орловцевъ.

18 октября. Пришло извѣстіе о побѣдѣ Гурко подъ Телишемъ, это всѣхъ насъ ободрило, явилась опять надежда что и мы когда-нибудь пойдемъ впередъ.

19 октября. Цѣлый день занималась перемѣщеніемъ больныхъ изъ палатокъ въ комнаты, такъ какъ становится очень сыро и холодно. Многіе начали поправляться, только тифозныхъ оставимъ еще нѣкоторое время въ шатрахъ; имъ холодъ полезенъ.

20 октября. Въ Габрово пришли три полка 24й дивизіи. Генералъ Радецкій со всѣмъ штабомъ пріѣхалъ ихъ встрѣтить и воспользовавшись своимъ здѣсь пребываніемъ посетилъ нашъ лазаретъ, зашелъ и ко мнѣ, намелъ что все въ отлучномъ порядкѣ; поблагодарилъ нашего дивизионнаго доктора, весь медицинскій персоналъ и меня; затѣмъ всѣ отъѣхали на бивуакъ 24й дивизіи. Генералъ Радецкій поздоровался съ этою дивизіей и разрѣшилъ день отдохнуть въ Габровѣ, а завтра велѣлъ уже подвѣяться на Шилку.

26 октября. Слава Богу, наши больные поправляются; сегодня еще двое возвратились на позицію. На Шилкѣ произошла ошибочная тревога, начальство приняло метеоръ за турецкую бомбу и мигомъ подняло войска въ строй.

28 октября. Привезли къ намъ 10 человекъ раненыхъ шальными пулями и гранатами; двое, кромѣ страшнаго раненія, оказались еще и съ отмороженными ногами, а у одного началась уже гангрена; залахъ отъ ранъ такой что едва выдерживаю дѣлая перевязку; ихъ помѣстили въ отдѣльной

комнатъ. Другой съ отмороженными пальцами, очень страдаетъ; онъ раненъ гранатой и у него раздроблено бедро. Докторъ говоритъ что все-таки при хорошемъ уходѣ надежда есть что живъ останется.

Сегодня уѣхалъ въ Россію полковникъ генеральнаго штаба Боголюбовъ. Слава Богу, онъ настолько поправился что есть надежда что живъ останется и благополучно можетъ совершить путешествіе. Для переѣзда его сестры Краснаго Креста выхлопотали особую карету, которая гораздо лучше устроена машихъ.

11 ноября. Всѣ эти дни работали какъ обыкновенно. Сегодня получили радостную телеграмму что Карсъ взятъ. На Шилкѣ во всѣхъ полкахъ молебствіе, у насъ въ большемъ лазаретѣ тоже отслужили торжественное молебствіе, присутствовали всѣ врачи, начальникъ дивизіи генералъ Петрушевскій, три сестры и всѣ больные которые могли подняться съ постелей. Радостно было у всѣхъ на душѣ; послѣ молебна побѣжала сообщить радостную новость с воиамъ лежавшимъ больнымъ; мое извѣстіе подняло духъ у больныхъ; невольно авилась надежда что скоро кончатся и съ Плевной.

14 ноября. Цѣлый день льетъ дождь со страшнымъ вихремъ, срывающимъ крыши съ домовъ, а на Шилкѣ морозъ и влеть снѣгъ. Очень много стали подвозить больныхъ, приливъ ихъ все усиливается: размѣщаемъ въ домикахъ. Приходится жутко: Красный Крестъ сталъ скупо и съ трудомъ можно что-либо достать, а нужда въ содѣйствіи Краснаго Креста вещами и припасами большая...

21 ноября. Генералу Радецкому прислали изъ Россіи разныхъ вещей, бѣлья, теплую одежду, одѣяль, вина, чаю, сахару, спирту, сигаръ, палирость, столь любимой солдатами махорки: цѣлую комнату наполнили всѣми этими сюрпризами, образовался цѣлый складъ, который дивизионный докторъ и просилъ меня взять въ свое завѣдываніе. Я приняла все счетомъ и мѣрой, разложила по мѣстамъ и записала въ шнуровую книгу, которою снабдилъ меня старшій докторъ, онъ же далъ мнѣ и другую книгу для записыванія выдаваемыхъ вещей и принимаемыхъ обратно припасовъ, бѣлья и телмыхъ вещей. Весь день работала при складѣ, но и четверти не приняла, уже поздно ночью пришлось окончить прежде начатую швейную работу и привать спитое бѣлье отъ монахинь.

23 ноября. Приѣхалъ мужъ, чтобы завтра, день моихъ именинъ, провести со мной; но кажется не радостенъ выйдетъ нашъ семейный праздникъ; по Габрову пронеслась грустная вѣсть что Сулейманъ сдѣлалъ нападеніе на Елену; эта вѣсть всѣхъ насъ взволновала.

24 ноября. Провела день въ большой тревогѣ, вчерашнія извѣстія оказались совершенно вѣрными, и генералъ Радецкій уже послалъ стрѣлковый баталіонъ и Воыньскій полкъ въ подкрѣпленіе къ находящимся тамъ двумъ полкамъ 9й дивизіи. Ко мнѣ на пирогъ собрались всѣ доктора и начальники дивизіи, разговоръ шелъ исключительно о военныхъ дѣйствіяхъ.

25 ноября. Грязь и дождь страшные; мужъ уѣхалъ съ разсвѣтомъ и съ большимъ трудомъ добрался до своей позиціи.

26 ноября. Никакихъ извѣстій ни откуда; что дѣлается подъ Еленой не знаемъ, страхъ и тоска ужасная. Болгары носы повѣсили.

28 ноября. Подъ Еленой неудача. Получила письмо отъ брата мужа, имѣвшаго несчастье находиться именно въ той батарее которая потеряла четыре орудія: по словамъ его, батарея была брошена на произволъ судьбы и отбивалась сама до послѣдней возможности. Съ трудомъ удалось побудить мимо уходившій эскадронъ драгунъ прикрыть батарею, благодаря чему удалось спасти остальные два орудія.

29 ноября. Рано утромъ была поражена большимъ движеніемъ на улицахъ: шумъ, говоръ; я испугалась, думала ужъ вѣрно Турки на насъ идутъ; вскочила чтобы скорѣй узнать въ чемъ дѣло, какъ вдругъ вбѣгаетъ монахиня, съ радостнымъ лицомъ бросается ко мнѣ на шею, со словами: „Радуйтесь! Плевна пала!“ Нѣтъ словъ выразить какъ я обрадовалась, точно гора съ плечъ свалилась, мнѣ показалось что уже все кончилось, чуть-чуть что не миръ заключенъ и мы уже возвращаемся въ Россію. Сейчас же полетѣла въ свой лазаретъ подѣлиться этимъ счастіемъ со своими пациентами, и дѣйствительно такого удовольствія не приносила еще ни одна побѣда. Мы всѣ, Шилкинцы, чувствовали что насъ какъ будто выпустили изъ-подъ ареста и даровали намъ снова свободу и жизнь. Больные почти всѣ стали проситься объ отправленіи ихъ въ транспортъ въ Тырново, будучи увѣрены что мы теперь пойдѣмъ впередъ. Болгары въ соборѣ, а мы у себя въ лазаретѣ отслужили

благодарственное молебствіе; у всѣхъ было такъ свѣтло на душѣ какъ уже давно не бывало. Поздно вечеромъ получила письмо отъ мужа, при которомъ, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о паденіи Плевны, онъ посылаетъ мнѣ всѣ свои лишнія вещи: это навело меня на очень грустныя мысли. Напрасно я такъ рано порадовалась возможности мира: Шилкинцамъ вѣрно предстоитъ еще что-либо опасное и тяжелое; вѣдь Турки безъ бою не сдадутъ Шилки, и вѣрно наши готовятся еще къ новому отчаянному бою.

30 ноября. Проработавъ весь день, я отправилась въ театръ (любители Болгары устроили спектакль въ честь паденія Плевны). Играли піесу *Неванка и Селтослав* или освобожденіе Болгаріи Русскими 900 лѣтъ назадъ. Актеры весьма плохи, въ особенности женскій персоналъ. Во время антракта устроилась очень пріятный сюрпризъ: вышелъ Болгаринъ, произнесъ на своемъ языкѣ рѣчь по поводу взятія Плевны и освобожденія Русскимъ Царемъ Болгарію, а по окончаніи этого слова всѣ актеры, совмѣстно съ публикой, прѣкричали громкое ура Царю, Главнокомандующему и Радѣющему, какъ защитнику Шилки и Габрова. Въ это время неожиданно хоръ военной музыки заигралъ нашъ гимнъ *Боже Царя грани*, что вышло кстати, торжественно и хорошо.

7 декабря. У насъ дождь и грязь невылазная, а на Шилкѣ страшный свѣжый ураганъ; солдаты цѣлый день только и дѣлаютъ что откапываются, а на сторожевыхъ постахъ люди страшно мерзнутъ. Каждый день привозятъ въ нашу большую госпиталь новыя жертвы съ отмороженными носами и руками, и все изъ 24й дивизіи. Ничего нѣтъ тяжеле какъ видѣть этихъ несчастныхъ! Это совсѣмъ не то что раненые: эти хоть какъ ни страдали, но обладали всегда большою твердостью духа, тогда какъ озлобленные, наоборотъ, ваводятъ грусть именно страшнымъ уладкомъ духа.

10 декабря. Сегодня въ большой лазаретъ привезли сто человѣкъ съ Шилки больныхъ и большею частію съ отмороженными ногами, руками и даже ушами. Окончивъ работу по монастырю и выдавъ изъ склада вновь прибывшимъ бѣлье, теплыя вещи и фуфайки, я наложила ихъ всѣхъ виномъ, на дѣлала табаконъ. Всѣ она грустныя, не имѣютъ никакой надежды на выздоровленіе и считаютъ себя калѣками; жалуются на судьбу, говоря что хоть бы были въ дѣлѣ и были бы страшно ранены все же было бы имъ неизмѣримо легче, все-таки бы знали что послужили, а тутъ ничего не сдѣлали, а

въ казѣхъ превратились. Сегодня вѣсколькимъ будутъ ампутировать руки и ноги, потому что такъ оставить нельзя, неминуема гангрена и пожалуй смерть; безъ слезъ нельзя ихъ видѣть, тѣмъ болѣе что утѣшить нечѣмъ.

13 декабря. Мужа олятъ поставили на гору Св. Николая съ тремя батальонами, которые и смѣнили почти замерзшую 24ю дивизию. Тамъ страшная вьюга и ураганъ, уже не говоря о выстрѣлахъ. Овъ и такъ не крѣпкаго здоровья, вынесетъ ли это новое испытаніе? Мужъ лишетъ что всю ночь была страшная вьюга. Ради примѣра овъ, копаюсь въ свѣгу, повѣрялъ посты и ободрялъ часовыхъ.

14 декабря. Сегодня получила извѣстіе что мужъ мой произведенъ въ генералы, съ назначеніемъ въ распоряженіе къ Главнокомандующему. Но овъ еще остается при полку на горѣ Св. Николая.

15 декабря. М. Д. Скобелѣвъ пріѣхалъ на Шилку, говорятъ, для переговоровъ съ Радецкимъ объ обходномъ движеніи. Дай-то Господи скорѣе развяжутъ.

16 декабря. Всѣ толкуютъ о предстоящемъ обходномъ движеніи, а 14я дивизія остается на мѣстѣ. Хотя день и прошелъ благополучно, но Турки-таки воспользовались первымъ солнечнымъ днемъ и открыли перестрѣлку, благодаря чему мы пріняли сегодня шесть человѣкъ раненыхъ.

17 декабря. Опять страшная вьюга у насъ въ городѣ, а на Шилкѣ такіе ужасы творятся что трудно и описать! Навѣрно сегодня будетъ тамъ много замерзшихъ. Привезли къ намъ еще сто человѣкъ изъ 24й дивизіи; эта дивизія окончательно разстроена, и Радецкій слускаетъ ее съ Шилки въ Габрово.

18 декабря. Сегодня работы болѣе обыкновеннаго. Пришлось долго просидѣть въ складѣ, пока снабдила 500 человѣкъ отирающихся въ транспортъ; имъ выдала бѣлье и теплыя вещи. Пріѣхала къ намъ въ лазаретъ новая сестра милосердія: гжа Бове, родная сестра командира Брянскаго полка; мы сразу съ нею сошлись, и я очень рада что на все время не останусь одна; есть съ кѣмъ въ трудную минуту душу отвѣста.

19 декабря. Ничего новаго; работала какъ обыкновенно, а свободное время провела съ сестрой Бове. Мужъ, высидѣвъ всю срочную недѣлю на горѣ Св. Николаѣ, благополучно передаетъ позицію другому командиру, полковнику Бакову.

22 декабря. Сегодня вошелъ въ Габрово Скобелевъ съ отрядомъ. Болгары, увидавъ издали войско, любѣжали всѣ на встрѣчу, зазвонили во всѣ колокола. Мы тоже, увидавъ общее движеніе и суету, вышли на главную улицу и увидали Скобелева впереди отряда на бѣлой лошади; рядомъ съ нимъ казакъ со значкомъ, очень красивымъ, и нѣсколько офицеровъ. При видѣ этого войска стало тяжело на душѣ, значить начинается то обходное движеніе о которомъ такъ много говорили. Что-то нашимъ предстоитъ? Отрядъ расположенъ около города, а Скобелевъ поѣхалъ на отведенную ему квартиру.

23 декабря. Узнали что назначено обходное движеніе съ двухъ сторонъ и что начнется оно завтра, 24го. Скобелевъ идетъ со стороны Зелена Древа, а князь Мирскій со стороны монастыря. Нашей дивизіи и Брянскому полку приказано быть наготовѣ къ выступленію.

24 декабря. Сегодня началось движеніе, оба отряда выступили, одинъ въ часъ дня, а другой ночью. Была у всемощной, служилъ священникъ 24й дивизіи, гдѣли писаря и офицеры. Давно не слышала такого глвнїа и служенїа, помолилась усердно и на душѣ какъ будто стало легче; но мысль что завтра начнется дѣло и мужъ поведетъ полкъ не даетъ мнѣ покоя.

25 декабря. Послѣ обѣды я поздравила нашихъ раненыхъ съ праздникомъ, угостила виномъ, надѣлила табаккомъ, а затѣмъ пошла къ сестрѣ Бове и застала ее въ большой тревогѣ; она получила извѣстіе что отряду стоящему на Шилкѣ придется брать позицію штурмомъ и первыми пойдутъ Подольцы и Житомирцы и одинъ баталіонъ Брянскій, такъ какъ они ближе расположены къ Николаевской горѣ, откуда и начнется движеніе. Не обѣдали мы обѣ и пошли на вечернюю визитацию совсѣмъ разбитыя. Грустно прошелъ для насъ первый день Рождества Христова.

28 декабря. Опять пришлось испытывать ту же, если не худшую, пытку, какъ при перелравѣ. Слава Богу что работы сегодня очень много, нѣкогда предаваться отчаянію. Дивизионный докторъ получилъ изъ отряда Скобелева приказаніе приготовить комнату для двухъ раненыхъ, начальника штаба Куропаткина и адъютанта В. К. Лосковского. Докторъ поручилъ мнѣ распорядиться чтобы къ 5 часамъ комната съ постелями была готова. Я исполнила порученіе и въ 5 часовъ уже приняла и уложила раненыхъ. Адъютантъ раненъ въ грудь, но безъ поврежденїа легкихъ, а Куропаткинъ въ плечо и

страшно страдаетъ. Съ 7 часовъ вечера начали уже прибывать раненыя изъ нашего Шилкинскаго отряда, все бѣдныя Подольцы. Сердце обливается кровью при видѣ ихъ; прибываетъ ихъ такъ много что подводъ не хватаетъ отправлять далѣе, а потому въ Тырново тѣ кто покрѣпче идутъ лѣшкомъ. Къ вечеру весь монастырь наполнился ранеными Подольцами и Брянцами. Привезли майора Брянскаго полка съ разбитымъ плечомъ, и его помѣстили въ отдельной комнаткѣ, но такъ какъ мѣста было мало, то пришлось съ нимъ положить и раненаго вольноопредѣляющагося Брянскаго же полка. Когда же было переполнено въ монастырь, привезли нашего подольскаго подполковника Седецакаго, раненаго въ грудь на выметъ, онъ не захотѣлъ и слышать что мѣста нѣтъ, просилъ: хоть на дворѣ положите, а только непремѣнно здѣсь хочу быть, у вашего доктора и у васъ; пришлось выпросить еще одну келью у старушки монахини. Съ помѣщеніемъ этого раненаго въ монастырь не осталось уголочка свободнаго, и хотя прибыло еще нѣсколько Подольскихъ офицеровъ, но съ грустью должна была имъ отказать въ помѣщеніи.

Около часу ночи получили мы извѣстіе что Шилка взята и армія Весель-паши положила оружіе. Мой мужъ и братъ сестры Бове живы; хотя мужъ задѣтъ въ голову, но легко и безопасно. Узнавъ о побѣдѣ раненыя которыхъ мы перевязывали вырывались изъ рукъ и забывъ о своихъ страданіяхъ бѣжали сами не зная куда и кричали: „ура! наша взяла!“ Многие повредили этимъ свои перевязки. Радуются и не обращаютъ вниманія на свои раны, а кровь между тѣмъ течетъ, но они не замѣчаютъ! Описать картину которую изображала въ себя въ эту минуту пріемная большая комната, въ которой мы перевязывали, ни одинъ художникъ не сумѣетъ. Сестры всѣ вскочили отъ радости, побросали свою работу и бросились за разспросами ко вновь прибывающимъ раненымъ, которые уже знали объ этой побѣдѣ. Какое-то вышло особенное небывалое торжество. Намъ сообщили что взято 40 таборовъ Весель-паши, 11 знаменъ и 10 батарей. Побѣда блистательная. Не смотря на ночь, мы достали вина и угостили раненыхъ. Послѣ перваго впечатлѣнія всѣ олоумались и принялись съ новымъ рвеніемъ за работу и со временемъ не ложились спать. Такъ счастливо окончилась этотъ день, полный страха и мукъ.

29 декабря. Изъ подробнаго письма мужа узнала что изъ Подольскаго полка, который онъ повелъ вчера въ атаку на Турокъ, вышло изъ строя 1.073 солдата и 30 офицеровъ, изъ коихъ 4 убиты.

IV. На южномъ склонѣ Балканъ.

1 января 1878 года. Послѣ перевязки поздравила всѣхъ раненыхъ и угостила виномъ и папиросоми. День прошелъ незамѣтно. Наши войска всѣ двинулись въ 10 часовъ на Казанлыкъ, и мы пойдѣмъ туда, какъ только придетъ назначенный сюда намъ на смѣну подвижной госпиталь. Часть раненыхъ отправили въ Тырново, а остальныхъ передадимъ госпиталю.

5 января. Пришелъ 70й подвижной госпиталь. Вчера весь день прешелъ въ большой суетѣ, пришлось очень многихъ отправить въ Тырново, а остальныхъ передали госпиталю. Ужасно грустятъ раненые что мы уходимъ.

Хотя наше выступленіе и было назначено на сегодня, но почему-то отложили до завтра, хотя все уже уложено и лазаретъ передавъ виномъ госпиталю. Для меня это замедленіе вышло кстати, такъ какъ я сильно прихворнула, кашляла до того что нѣсколько разъ показывалась кровь. Докторъ выслушалъ и нашелъ что легкія не въ порядкѣ катарръ дыхательныхъ путей и сильная олухола въ горлѣ. Цѣлый день просидѣла дома, а завтра во что бы то ни стало въ 7 часовъ утра двинусь вмѣстѣ съ лазаретомъ. Всѣ рѣшительно уговариваютъ насъ подождать слухаться, такъ какъ теперь идутъ войска и обозы, что намъ будетъ страшно трудно, но мы рѣшили не останавливаться ни предъ какими затрудненіями.

7 января. Всѣ предупрежденія оказались вѣрными. Чего мы стоимъ добратся только до корпуснаго штаба! Я вышла въ своемъ экипажѣ вмѣстѣ съ Лосковскимъ, сестра Бева въ своемъ, а доктора всѣ верхомъ. Съ большими трудомъ пройхали мы мимо артиллеріи.

Наконецъ мы въ Казанлыкъ, но цѣли не достигли: корпусный штабъ не засталъ уже, и всѣ наши войска ушли дальше. Выѣхали мы отъ Еллера уже не въ экипажѣ, а въ маленькихъ саночкахъ въ 11 часовъ дня, не успѣвъ отъѣхать половины вероты какъ санки сломались: отвалилась

слизка на всемъ ходу и предъ артиллеріей, которая на лямкахъ поднималась въ гору. Свернуть некуда: съ одной стороны гора, а съ другой обрывъ; мы бросили слизку и кое-какъ проскакали впередъ. Тѣмъ временемъ пушка тоже остановилась, мы воспользовались этимъ, подвинули и прибили слизку и поѣхали дальше. Вся дорога такъ загружена артиллеріей и обозами что намъ пришлось путешествовать особымъ способомъ, шагъ сдѣлаемъ на саняхъ, два лѣшконтъ; въ это время наши люди переносятъ сами чрезъ орудія впередъ, мы опять садимся. Наши саночки, въ родѣ самозковъ и совсѣмъ маленькіе, легонькіе, напоминали собой чешокъ. Какъ мы остались цѣлы и не сломали себѣ головы, перескакивая такимъ образомъ, можно объяснить только особымъ счастьемъ, которое покровительствовало намъ въ продолженіи всей дороги. Путешествуя такимъ образомъ мы на половину доскакали, на половину добѣжали до Бранскаго домика; тутъ уже встрѣтились намъ болѣе сильныя затрудненія, но такъ какъ нашъ возница отлично знаетъ мѣстность, то мы свернули въ сугробы снѣга и кое-какъ держась другъ за дружку вымырнули на узенькую дорожку (новую, недавно устроенную Подольскимъ полкомъ). Дорога весьма узенькая и идетъ по краю обрыва, на этомъ участкѣ путь съ версту былъ чистъ, и мы проѣхали спокойно, не встрѣтивъ препятствія; только никакъ не могли уговорить нашего возницу присѣсть. Я не мало подивилась легкимъ нашего кучера, онъ рѣшительно всю дорогу бѣжалъ съ боку санокъ поддерживая ихъ рукой, опасаясь чтобы мы не слетѣли въ пропасть. Среди дороги попался костеръ, чрезъ который перескочили, затѣмъ пришлось ѣхать возлѣ лошадей и бить этихъ несчастныхъ животныхъ по ногамъ: дорога была узкая, и больше проѣхать было негдѣ. Для того чтобы въ случаѣ опасности легче было спрыгнуть, я приѣхала на самый кончикъ саной, и спускаясь съ косогора вылетѣла. Съ большимъ трудомъ добрались мы до расположенія Подольскаго полка и здѣсь встрѣтили небывалое скопленіе артиллеріи: съ одной стороны лошади, съ другой орудія и ящики; тутъ лежали два полка гренадеръ и сорокъ казаковъ съ выкашею: одни направляются впередъ, другіе имъ навстрѣчу на насъ; наши саночки какъ попали въ середину, такъ и застряли,—ни впередъ, ни назадъ. Нашъ усердный возница какъ на упряжничавъ дать намъ дорогу, даже уговаривалъ казаковъ

слуститься немножко въ пропасть, но его рѣчамъ никто не внималъ, и намъ пришлось просидѣть довольно долго въ такомъ непріятномъ положеніи, вынося на себѣ удивленные, даже насмѣшливые взгляды нѣсколькихъ тысячъ глазъ, а нѣкоторые солдаты позволяли себѣ даже отлускать остроты на нашъ счетъ. Должно-быть наши лица выражали отчаяніе, такъ какъ одинъ офицеръ подошелъ къ намъ и предложилъ свои услуги. Благодаря настойчивости удалось кое-какъ, съ помощію двухъ артиллерійскихъ солдатъ, протащить наши саночки на довольно свободное мѣсто. Затѣмъ уже безпрепятственно добрались на самый подъемъ Николая, гдѣ взяли шесть брянскихъ солдатъ, разчитывая что они помогутъ слустить сани; но наши надежды не сбылись. Какъ только подѣхали мы къ слуску, дальше ѣхать было нельзя: опять вся дорога оказалась занятою артиллеріей, вьюками, гренадерами и казаками. Холодъ страшный и начиналась вьюга; видимъ что дѣло совсѣмъ плохо, начинаемъ кочевѣть, а дорога все не очищается. Рѣшили бросить сани и не смотря на страшную скользь идти лѣшкомъ. Тотчасъ мы роздали наши вещи четыремъ Брянцамъ, одного солдата моя слугница, другаго я взяли подъ руку и отправились по скользи; силъ нѣтъ удержаться на ногахъ, а кавалеры наши не особенно ловки. А тутъ позади слышимъ какъ гренадеры смѣются, говоря: вотъ нынче мода вышла солдатамъ подъ руку ходить съ дамами. Я падала раза четыре; особенно страшно было ходить между лошадьми. Наши солдатики оказались очень любезными чичероне. Они показывали намъ турецкіе и наши ложементы и при этомъ дѣлали свои замѣчанія что въ такихъ ложементахъ можно самыя холодныя сѣверныя зимы прожить и не замерзнуть, и что это за люди Турки что не могли удержать своей отлично укрѣпленной хорошей позиціи! Будь мы на мѣстѣ Турокъ, съ гордостью говорили они, дѣлать свѣтъ бы насъ не выгналъ оттуда. Въ такихъ интересныхъ разговорахъ мы слустились наконецъ въ долину и казалось преодолѣли уже всѣ прелестствія, а вышло что самое главное затрудненіе ожидало насъ внизу, въ деревнѣ Шилкѣ. Въ этой деревнѣ кромѣ развалинъ мы не нашли ничего, ни одной крыши подъ которою можно бы было хоть ночь провести. Но мы были въ такомъ хорошемъ настроеніи духа, такъ горды и счастливы сознаніемъ что мы двѣ первыя женщины перевалившія черезъ Баканы, что совершенно

спокойно присѣли на развалившейся стѣнкѣ и принялись заку-
сывать, выжидая не пройдетъ ли какой обозъ чтобы какимъ-
нибудь образомъ примоститься и доѣхать до Казанлыка, до
котораго оставалось еще четырнадцать верстъ. Въ такомъ
ожиданіи мы просидѣли болѣе двухъ часовъ, и уже начало
опадать нами безпокойство, такъ какъ начинало темнѣть.
Фургоновъ никакихъ не показывалось, идти же лѣшкомъ мы
рѣшительно не могли; на наше счастье показался наконецъ
фурговъ, мы его сейчасъ же остановили. Оказалось что это
фурговъ брата моей спутницы. Мы обѣ сейчасъ же вскараба-
лись на чемоданы, не смотря на предостереженія что фурговъ
сломанъ и связанъ веревками. Благополучно добрались до
Казанлыка и въ городѣ еще цѣлый часъ проискали нарасно
квартиры отведенной сестрамъ Краснаго Креста. Пришлось
остановиться у брата моей спутницы, который насъ принялъ
очень радушно. Мы были очень счастливы что попали након-
ецъ въ теплую комнату, и съ наслажденіемъ выпили чаю.

8 января, Казанлыкъ. Цѣлый день пробѣгали по городу въ
тщетныхъ усиліяхъ найти себѣ квартиру и кончили-таки
тѣмъ что поселились въ полуразрушенномъ женскомъ мона-
стырѣ найдя тамъ одну свободную комнатку, такъ какъ всѣ
мало-мальски годныя для помѣщенія келеекы биткомъ наби-
ты ранеными и больными. Хотя воздухъ очень тяжелый, да
и комната эта грязная и отвратительная; но что же дѣлать,
не на улицѣ же жить, а выбирать не изъ чего. Городъ лучше
Габрова. Главная улица широкая и дома все большіе и хо-
рошіе, лучшіе дома заняты подъ турецкіе лазареты, а въ
другихъ уцѣлѣвшихъ домахъ помѣщены русскіе раненые и
больные. Городъ представляетъ изъ себя одинъ громадный
военный госпиталь. Жителей нѣтъ ни души, кое-гдѣ начина-
ютъ появляться по нѣскольку бѣженцевъ, узнавъ о турец-
комъ паденіи; братушки возвращаются и находятъ свои
дома совсѣмъ разрушенными и въ свою очередь принимаютъ
са разорять турецкія постройки, вынимаютъ окна и двери
и даже цѣлыя рамы и переносить все это къ себѣ. Пока
нѣтъ ни одной лавчонки, ничего нельзя купить.

9 января. Въ Казанлыкѣ завѣдуетъ ранеными и больными
ларетъ 9й дивизіи, мы же пришли совсѣмъ налегкѣ; съ
нами нѣтъ почти никакихъ лазаретныхъ вещей кромѣ ма-
ленькой походной аптечки и небольшого количества пере-
возочныхъ средствъ, словомъ, только того что сумели

умѣстить на вьюкахъ. Корпусный врачъ разрѣшилъ всему медицинскому персоналу нашего лазарета отдыхать и идти перевязывать только въ такомъ случаѣ если будутъ о томъ просить. Когда же мы съ сестрой испрашивали относительно себя приказаній у нашего дивизионнаго врача, онъ предоставилъ это вполнѣ на наше усмотрѣнiе, предупредивъ только что здѣсь намъ трудно будетъ, ибо здѣсь все чужіе; неизвѣстно будутъ ли насъ слушать фельдшера и санитары. Такъ какъ во всемъ Казанлыкѣ кромѣ насъ не было ни одной сестры, то мы рѣшили что намъ грѣшно сидѣть сложа руки, а потому, не обращаясь болѣе ни къ кому, раздѣлили между собою монастырскихъ раненыхъ и больныхъ и начали свою работу. Нельзя себѣ представить ничего болѣе ужаснаго.... На долю каждой изъ насъ пришлось по сту человекъ, а при всѣхъ 200 человекъ находится одинъ фельдшеръ и три санитаря. Я вошла въ палату и лохотнулась отъ страшнаго запаха; лежать несчастные въ лохмотьяхъ, покрыты старыми залачканными кровью турецкими одеялами, у нѣсколькихъ началась уже гангрена, и никто не позаботился отдѣлить ихъ, мѣста нѣтъ для того чтобы разсортировать больныхъ. У многихъ въ ранахъ завелись черви, по четыре, по пяти дней раненые лежатъ не перевязанные, и къ довершенію всего безобразія, раненые обратились ко мнѣ съ просьбой приказать убрать трулъ человека умершаго еще вчера утромъ. Оправдались предсказанія доктора что фельдшера и санитары слушаться насъ не будутъ, но я воспользовалась моею опытностію въ манерѣ разговоръ съ этимъ народомъ и мнѣ сравнительно очень скоро удалось наконецъ заставить ихъ повиноваться, вынести трулъ и убрать палаты. Начали мы перевязывать, но чего ни спросишь, ничего нѣтъ; съ нами такъ мало было перевязочныхъ матеріаловъ что и на одну перевязку не достало, а здѣсь ничего нѣтъ. Бѣлье грязное, все залекшееся въ крови и подраемое до того что одними лохмотьями прикрыто тѣло. Во всемъ устройствѣ лазаретовъ въ Казанлыкѣ безпорядокъ страшный. Врача дежурнаго нѣтъ; приходитъ каждое утро и вечеръ докторъ на визитацию, а затѣмъ уходитъ въ городъ. Фельдшеръ одинъ на всѣхъ 200 человекъ, размѣщеныхъ не въ одной палатѣ, а въ трехъ отдѣльныхъ фагеляхъ.

10 января. Пришло извѣстіе что вчера въ главную квартиру прѣехали турецкіе паши для переговоровъ о мирѣ. Но Глав-

вѣдомствующій предложилъ имъ свои условія, которыя принять они отказались, будучи не вполне уполномоченными, и послали за разрѣшеніемъ къ султану; но Главнокомандующій отвѣта ждать не будетъ, и 12го, въ 6 часовъ утра, главная квартира идетъ къ Адрианополю.

11 января. Сегодня цѣлый день проработала у раненыхъ, но, Боже мой, какъ здѣсь тяжело и безпомощно положеніе ихъ! До сихъ поръ на одинъ госпиталь не подошелъ сюда... Ужасно много умираютъ; при монастырѣ есть церковь и кладбище, туда цѣлый день привозятъ покойниковъ изо всѣхъ лазаретовъ, погребальное пѣніе цѣлый день раздастся въ нашихъ ушахъ. Главная квартира уйдетъ, и тогда у насъ не останется даже никого знакомыхъ чрезъ кого можно бы дѣйствовать въ пользу раненыхъ. Завтра уходитъ и лазаретъ 9й дивизіи. Сегодня уже сдали всѣхъ раненыхъ и больныхъ въ лазаретъ гренадерской дивизіи. Эта дивизія въ нашихъ услугахъ не нуждается, она уже намъ совсѣмъ чужая.

16 января. Сидимъ безъ дѣла. Сегодня, кромѣ одного изъ своихъ врачей не видѣли никого. Нѣтъ ни газетъ, ни писемъ, мы отрѣзаны ото всего міра. А между тѣмъ военныя дѣла остановились на самомъ интересномъ мѣстѣ, мы близко къ цѣли. Войдемъ ли мы въ Константинополь или заключить миръ у его стѣнъ? Вотъ вопросъ который и днемъ и ночью не даетъ покою. Будутъ ли наши еще драться или не будутъ? Вмѣшается Англія или нѣтъ? Не у кого спросить что дѣлается въ мірѣ. Читать нечего, книгъ нѣтъ, цѣлый день пьемъ кофе и играемъ въ локоть, но все же время такъ долго тянется что день кажется за годъ, къ тому же и погода не благоприятствуетъ: вѣтеръ, дождь и холодъ, нельзя выйти подышать свѣжимъ воздухомъ, крутитъ насъ и наверху и возлѣ раненые, постоянно слышатся стоны. Право, намъ иногда кажется что мы заключены въ тюрьму.

20 января. Къ намъ зашелъ нашъ дивизионный докторъ; вѣсь сияющій, и порадовалъ насъ, сообщивъ что вчера заключено перемиріе. Сейчасъ же купили шесть ведеръ вина и лошаки поздравлять раненыхъ и больныхъ въ монастырѣ. Нужно было видѣть восторгъ выразившійся на всѣхъ лицахъ. Даже тѣ которымъ очевидно не суждено уже было видѣть своей родины, а тѣ радовались, конечно не за себя, радовались до

слезъ за своихъ товарищей; было невыразимо больно видѣть ихъ послѣднее въ жизни воодушевленіе. Всѣ эти унылые, упавшіе духомъ несчастные отъ радостной вѣсти воскресли нравственно.

26 января, Эски-Загра. Наконецъ я покинула противный Казанлыкъ. Вѣчала цѣлый день. Какое это было удовольствіе послѣ двухдѣльнаго сидѣнья! Дорога до Эски-Загры очень живописная. Городъ должно - быть тоже былъ красивый, но рѣшительно весь разрушенъ и разоренъ. Нѣсколько домовъ уцѣлѣли и остались безъ оконъ и безъ дверей, даже съ разобранными полами. Мнѣ пришлось переночевать въ одной изъ такихъ комнатъ, я страшно продрогла; жители еще не возвратились; кой-гдѣ небольшія кучки Болгаръ возятся на лелеищѣ разгребая его и отыскивая запрягавыя Турками сокровища, деньги и дорогія вещи. Этотъ городъ больше похожъ на турецкій чѣмъ на болгарскій; много мечетей, изъ нихъ одну обращаютъ въ христіанскій храмъ.

27 января. Прошли сорокъ верстъ и пришлось остановиться на ночлегъ въ разрушенной и сожженной деревнѣ, у которой лазаретъ нашъ размѣстился бивуакомъ, я же со своимъ дежурникомъ остановилась у казаковъ держащихъ здѣсь конную почту. Эти пять казаковъ помѣщаются въ полуразрушенномъ сараѣ, раздѣленномъ на двѣ половины: въ передней разведенъ костеръ и помѣщаются сами ови, а въ задней лошади и буйволы; мнѣ ови уступили уголокъ около костра, съ одной стороны печеть и дымить, а съ другой кусокъ стѣнки вывалился и оттуда вѣтеръ такъ и свищетъ; холодъ страшный, такъ что я уже жалѣла что не осталась ночевать на дворѣ въ экилажѣ. Казаки угостили меня супомъ, который при мнѣ же и приготовилъ одинъ изъ нихъ; супъ такъ мнѣ понравился что я съѣла двѣ тарелки, затѣмъ у нихъ же купила овна и овса лошадямъ.

28 января, Тырново-Самени. Здѣсь станція желѣзной дороги. Я обрадовалась и хотѣла въ сопровожденіи дивизионнаго доктора отправиться въ Адрианополь, да оказалось что пѣхадъ уже ушелъ и до завтра другаго не будетъ. Командантъ уступилъ свою комнатку гдѣ я отдохнула хорошо.

29 января. И сегодня не удалось уѣхать. Кромѣ вагоновъ Эго класса другихъ нѣтъ, да и эти биткомъ набиты солдатами и офицерами, но такъ какъ для многихъ не достало мѣста, то размѣстились на крышкахъ вагоновъ. Мнѣ

показалось невозможнымъ помѣститься одной женщиной среди ихъ, и я осталась. Не успѣвъ поѣздъ отойти какъ съ другой стороны къ станціи подошелъ съ музыкой и лѣсками нашъ Подольскій полкъ съ моимъ мужемъ; это было истиннымъ сюрпризомъ.

30 и 31 января. Сдѣлали два перехода вполнѣ благополучно; погода стоитъ великолѣпная.

Отъ 1 февраля до 19 февраля. Наконецъ мы прибыли въ турецкую Москву, въ Адрианополь. Этотъ городъ оказался почти не пострадавшимъ, только на окраинахъ есть нѣсколько разрушенныхъ домовъ, да казармы сожжены нашими солдатами и разрушенъ старинный дворецъ. Остальное все цѣло, даже жители Турки остались на своихъ мѣстахъ. Намъ отвели квартирку въ турецкомъ домѣ, двѣ комнатки, безъ печей и съ одинокими рамами, а такъ какъ на дворѣ было очень холодно, то хозяйка Турокъ принесъ намъ мангалъ съ горячими углями, отъ котораго тепла мало, а чаду много: съ непривычки голова болитъ. Здѣсь нашъ лазаретъ не раскладывался, а какіе были больные тѣхъ передали здѣшнему подвижному госпиталю. Корпусъ пробылъ въ Адрианополѣ восемь дней; въ теченіе этого времени мужъ получилъ новое назначеніе, командованіе бригадой въ 11й дивизию, а на его мѣсто пріѣхалъ новый командиръ. Намъ пришлось расставаться со своимъ лазаретомъ. Весь нашъ персоналъ рѣшилъ на прощанье снять группу въ походной фотографіи Иванова. Группа, къ сожалѣнію, вышла очень дурно: почти никого нельзя узнать. Городъ хорошій, очень большой и по виду очень похожъ на болгарскіе города. Улицы узенькія, дома такіе же какъ у Болгаръ, только обращены окнами во дворъ и окна всѣ съ рѣшетками. Множество мечетей, съ которыхъ цѣлый день раздается крикъ призывающій къ молитвѣ. Осмотрѣли самую богатую мечеть Селима. Великолѣпное зданіе: посрединѣ, въ среднемъ громадномъ куполѣ виситъ люстра, вся изъ проволоки, украшена разноцвѣтными шкаликами, наполненными масломъ, которые зажигаютъ во время службы. Мы попросили муллу зажечь шкалики; за три полумперіала намъ освѣтили, оказалось что освѣщеніе слабо для этой громады. Сегодня посетили мы караванъ-сарай, громадное зданіе, длинный крытый сарай, во обѣимъ стѣнамъ котораго размѣщены лавки со всевозможными товарами, больше конечно въ турецкомъ вкусѣ, но

есть и европейскія матеріи. Осмотрѣли также старинный разрушенный дворецъ греческой постройки; Турки сами частью сожгли его, а частью взорвали при впадѣ нашихъ войскъ, такъ какъ у нихъ тутъ были большіе запасы орудій, ружей и снарядовъ, которые они частью потопили въ протекающей здѣсь рѣкѣ Марицѣ; патроны и ружья сожгли и побросали въ колодець. При насъ вытащили изъ колодца пять ящичковъ закупоренныхъ съ новыми патронами, и пришла команда вытаскивать совсѣмъ новенькія пушки изъ воды. Вслѣдъ затѣмъ осмотрѣли окружающіе Адрианополь со всѣхъ сторонъ форты: они построены превосходно. Невольно удивляешься, какъ могли Турки бросить такія укрѣпленія и сдать городъ безъ боя. Поѣхали на станцію желѣзной дороги и осмотрѣли находящіяся тамъ 65 орудій взятыхъ нами у Турокъ, изъ коихъ шесть громадныхъ Крулловскихъ пушекъ не бывшихъ въ дѣлѣ; мнѣ понравились четыре дальнобойныя пушки, такія хорошенькія, точно игрушки. Пушки исправны, со всѣми принадлежностями и съ ящичками полными снарядовъ разнаго сорта.

8й корпусъ ушелъ въ Киркилису, а распрощалась съ лазаретомъ, взяла свои бумаги и теперь поѣду съ мужемъ въ Румынію, гдѣ назначено ему командовать бригадой.

19 февраля. Весь день мы прождали телеграммы о мирѣ и только въ 10 часовъ вечера наконецъ она была получена. Мы встрѣтили эту радостную новость въ обществѣ дорогихъ знакомыхъ. Она была у меня по случаю дня моего рожденія. Отправились въ мечеть Селима посмотреть на торжественное служеніе Турокъ. При полномъ освѣщеніи и при иллюминаціи, которою украсились всѣ мечети, Селимъ глядѣлъ очень торжественно. На улицахъ полное оживленіе, всѣ лавки открыты, всюду раздаются лѣсни и ура, солдаты собрались кучками, тоже лѣсутъ и вездѣ пьютъ за провозглашеніе мира. Мечеть Селима оказалась полна молящихся Турокъ, которые, какъ объяснилъ переводчикъ, молятся за Царя Русскаго и благодарятъ Бога за миръ. Посрединѣ построена возвышенная галерея, на которой помѣщается отдѣльная группа Турокъ, которые все время кричатъ что-то. Но все идетъ весьма чинно. На палерги мы простились со всѣми нашими дорогими знакомыми и завтра въ 7 часовъ утра уѣзжаемъ изъ Адрианополя въ Румынію.

Е. ДУХОНИНА.

ГОЛОСЪ ШАЙТАНА *

Это случилось давно, когда войско Пророка
Шло на невѣрныхъ священной войной
И разливаясь, какъ бурныя воды потока,
Все затопило своею волной.

* * *

Вземля съ восторгомъ священному слову Корана,
Быстро дружины побѣдныя шли
Съ Краснаго Моря степями до водъ Океана,
Съ юга роднаго до края земли.

* * *

Солнце давно за горами; но завтра дружины
Встрѣтятся снова съ отважнымъ врагомъ,
Дремають Испаніи горы, лѣса и долины
Залиты мѣсяца яркимъ лучомъ.

* * *

Все отдыхаетъ и мирно лежать оба' стана:
Тихо поднявшись надъ зеркаломъ водъ
Медленно таятся бѣлыя нити тумана
Надъ камышами озеръ и болотъ.

* * *

* На островѣ Цейлонѣ и въ мѣкоторыхъ мѣстностяхъ Испаніи происходитъ иногда до сихъ поръ необъяснимое звуковое явленіе; по разказамъ путешественниковъ, звуки бываютъ до того необычайны и страшны что на самыхъ смѣлыхъ наводятъ панической ужасъ; туземцы приписываютъ ихъ нечистой силѣ и называютъ „голосомъ чорта“.

Дремають враги; но лишь небо займется зарей,
 Солнце сверкая взойдетъ изъ-за горъ;
 Вспрянутъ Иславцы и встрѣтятъ желѣзной стѣною
 Старыхъ враговъ своихъ тяжкій валоръ.

* *

Грезится имъ что ужъ бой закилаеть кровавый,
 Рыцари мчатся подъ тучею стрѣлъ;
 Сколькo здѣсь подвиговъ, сколькo отваги и славы,
 Сколькo великихъ свершается дѣлъ!

* *

Мавры разбиты, раздавлены въ битвѣ жестокой,
 Тщетно рады ихъ сомкнуться хотять;
 Дальше и дальше преслѣдуя войско Пророка,
 Рыцари къ морю толпы ихъ тѣсятъ.

* *

Грезится Маврамъ что поле осталось за ними,
 Слово Пророка все дальше зоветъ,
 И подъ знамена стекаясь рядами густыми
 Грозное войско побѣдно идетъ.

* *

И ливинуясь безрелетно волѣ Аллаха,
 Ужась далеко вселяя кругомъ,
 Говить повсюду враговъ и, не вѣдая страха,
 Все покоряетъ огнемъ и мечомъ.

* *

Дремаеть природа, туманомъ окутаны горы,
 Озера воды недвижныя слятъ,
 Слово бросаая на землю безстрастные взоры,
 На небѣ яркія звѣзды горять.

* *

Все неподвижно, все замерло въ лунномъ сіяньи,
 Все безмятежно какъ небо, но вдругъ
 Слышатся стоны и снова молчанье—
 Замеръ въ пространствѣ страданія звукъ.

* *

Но не надолго, вотъ снова невняты и глухи
 Слышатся стоны вдали подъ земаей,
 Слово глубоко вздыхаютъ отверженныхъ души,
 Поляны тяжкою вѣчной тоской;

* *

Скорбные звуки то ближе несутся тревожно,
 То замираютъ слабѣе вдали
 И передъ ними такъ мелко, блѣдно и ничтожно
 Все прѣходящее горе земли.

* * *

Но среди воллей и стоновъ тоски безнадежной
 Слышны угрозы и злоба порой,
 Громче и громче становится голосъ матежый
 Все загапая своюю волной;

* * *

Царство подземное, грозно бушуя, грохочеть;
 Темныя силы ревуть и гудять,
 Словно порвавъ свои цѣли безумно хохочеть
 Надъ небесами ликующій адъ.

* * *

Втора немолчными раскатамъ жестокаго смѣха,
 Перекликаясь въ ущелияхъ горъ,
 Дико смѣется проскувшись отвѣтное эхо
 Словно далекій невидимый хоръ.

* * *

Да, это голосъ шайтана, его перекаты
 Властно и грозно въ долины звучать,
 И пробудившись вдругъ ужасомъ смерти объаты
 Воины бѣгствомъ спастись слѣшать.

* * *

Разомъ покинуты оба враждебные стана,
 Вырвавшись ковы несутся и ржутъ,
 И обезумѣвъ отъ воллей и стоновъ шайтана
 Вмѣстѣ Испанцы и Мавры бѣгутъ.

* * *

Всѣ разбѣжались, забыты и слава и мщенье,
 Брошены копыя, кольчуги, щиты;
 Слова все тихо — ни звука кругомъ, ни движенья,—
 Мѣсяцъ спокойно глядитъ съ высоты.

* * *

Дремлетъ природа; туманомъ окутаны горы,
 Озера воды недвижныя спятъ,
 Словно бросая на землю безстрастные взоры
 На небѣ яркія звѣзды горятъ.

КНЯЗЬ Д. ЦЕРТЕЛЕВЪ.

АРХИМАНДРИТЪ ПИМЕНЪ

НАСТОЯТЕЛЬ НИКОЛО - УГРЪШСКАГО МОНАСТЫРЯ *

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

(1810—1880)

ГЛАВА VIII.

Начало болѣзни отца Пимена. — Письма преосвященнаго Леониды. — Освященіе церкви и открытіе новаго училища. — Екатеринбургская пустынь. — Пребываніе тамъ отца Пимена. — Начало его записокъ. — Письма преосвященнаго Леониды. — Село Сухарово. — Преосвященныи Кириллъ митрополитъ Пальмирскій. — Его пребываніе на Угрѣшѣ. — Газетная слѣдствія объ отцѣ Пименѣ. — Впечатаніе на него и выданіе оной. — Опроверженіе. — Болѣзнь отца Пимена. — Операция. — Выздоровленіе. — Письма преосвященнаго. — Разборъ статьи отца Пимена **монашествѣ**.

I.

Въ послѣдніе три, четыре мѣсяца 1872 года отецъ Пименъ началъ ощущать нѣкоторую неловкость и по временамъ острую боль въ брюшной полости, которыхъ до того времени онъ никогда не ощущалъ. Сначала онъ не обратилъ на нихъ особаго вниманія, считая это временнымъ разстройствомъ организма и ограничивался горчичниками

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 12н 1880 и №№ 10 и 12н 1881 и №№ 5 и 6 1882 года.

натираниями, сухими банями и тому подобными средствами имѣвшимся подъ рукой, но вида что боль и немощность не уменьшаются и напротивъ того еще возрастаютъ, онъ сообщил объ этомъ преосвященному Леониду, который и посоветывалъ ему обратиться къ извѣстнѣйшимъ и искуснѣйшимъ московскимъ хирургамъ, на что отецъ Пименъ наконецъ и рѣшился. Постоянный монастырскій врачъ Тяжеловъ сдѣлалъ приглашенія, и консилиумъ составилъ изъ пяти врачей: Новацкій, Басовъ, Гаагъ, Стуковенко и Тяжеловъ съѣхались на монастырское подворье, совѣщались между собой, осматривали отца архимандрита, сондировали, но опредѣлительнаго ничего на первомъ изслѣдованіи сказать не могли. И такъ какъ это было не за долго до Рождества Христова, то предложили ему послѣ Нового Года или послѣ Крещенія пріѣхать въ Москву и подвергнуть себя вторичному, болѣе тщательному осмотру. Праздники прошли довольно спокойно, и хотя отецъ Пименъ продолжалъ ощущать немощность и по временамъ боль, но онъ по своему обыкновенію служилъ въ праздники и въ воскресные дни, однако благоразумно отказался въ Крещеніе отъ выхода на Иордань, предоставивъ вмѣсто себя первенствовать новому казначею Каллисту, поступившему на мѣсто отца Нила.

Послѣ Крещенія послѣдовалъ вторичный осмотръ врачей: Новацкаго, Басова и Тяжелова, и по признакамъ недуга они стали предполагать присутствіе камня, но не смотря на тщательнѣйшее изслѣдованіе самаго камня все-таки не нашли и всѣ явленія недуга приписали катарру и предупредили отца Пимена что при наступленіи весны ему непрѣменно лужко будетъ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль пить воды для противодѣйствія катарру.

Преосвященный Леонидъ и владыка митрополитъ были сильно озабочены недугомъ отца Пимена. Сохранились нѣкоторыя изъ писемъ преосвященнаго относящихся къ этому времени, которыя отчасти и приводимъ.

Высокочредобрѣднѣйшій отецъ архимандритъ, — Имѣю долгъ передать вамъ слова архипастыря нашего относительно вашей болѣзни.

Прошу васъ, пишетъ онъ отъ 20 января, принять воѣ возможности мѣры къ излѣченію его, то-есть приказанія, солѣты и просьбы и отъ вашего имени и отъ моего. Человѣкъ онъ въ настоящее время незамѣнимый."

Извѣстите слышать: изъясняемой, следовательно, вы дожи-
 ны беречь себя для службы; *съ настоящимъ времѣнъ, следовательно, васъ можно будетъ замѣнить со временемъ.* Когда же? Когда подготовленные вами люди dorostутъ чтобы начальство могло имъ передать ваше дѣло благонадежно, и вы могли бы съ мирною совѣстію отойти къ полулюкою на должности или къ совершенному покою отъ должности, или въ путь отъ земли, съ мирною совѣстію что сдѣлали все зависящее чтобы и въ будущемъ упрочить труды свои.

О помощникъ я напишу ко владыкѣ, а между тѣмъ, если Богъ дастъ, сбѣгаю къ вамъ на Угрюшу: хотѣлось бы сегодня, да не удастся, а Богъ дастъ завтра, послѣ ранней (литургіи), чтобы въ субботу, послѣ ранней, слышать къ совѣщавію *Миссіонерскаго Общества*, котораго засѣданіе будетъ съ лавничидой по преосвященномъ Пареніи, архіепископъ Иркутскомъ. * Это великая для церкви потеря, особенно въ миссіонерскомъ отношеніи.

Мирствуйте и здравствуйте!

Леонидъ епископъ Дмитровскій.

Москва, 24 января 1873.

(№ 61).

Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ, — Отецъ протоіерей Гавриилъ сказалъ мнѣ что зрѣніе владыки вѣсколько лучше; различаетъ предметы коихъ прежде не видѣлъ. Церковь освятилъ 12 февраля съ преосвященнымъ *Ефремомъ*. ** Ничего мнѣ не поручилъ кромѣ вопроса узнать: каковы вы въ здоровьѣ и утверждены ли въ полномъ званіи благочиннаго чтобы утвердить помощника? ***

Третьяго дня скончалась здѣсь графиня Александра Сергѣевна Панина ****, 73 лѣтъ: въ воскресенье была у обѣда,

* *Пареній Поповъ*: 1835 года магистръ VII ка. Кіевской Академіи; 1836—священникъ; 1840 протоіерей; 1841—постриженъ; 1844—ректоръ Орловской семинаріи; 1845—Харьковской семинаріи; 1848—Херсонской семинаріи; 1852—Казанской семинаріи; 1854 марта 14—епископъ Томскій; 1860 сентября 13—Иркутскій; 1868 марта 31—архіепископъ; 1873 январь †.

** *Ефремъ Рязановъ*: 1841 года магистръ XIV ка. Петербургской Академіи; 1841—инспекторъ Воиынской семинаріи; 1845—49—священникъ-протоіерей; 1852—постриженъ; 1852—57—ректоръ Воиынской и Рязанской семинаріи; 1871 марта 7—викарій Березовскій, 1874—епископъ Тобольскій; 1880—Курскій.

*** По нездоровью своему отецъ Пимень просилъ чтобы ему дали помощника какъ благочинному воѣхъ общежительныхъ монастырей Московской епархіи и представлялъ въ такомъ бывшаго угрюшскаго казначея, въ то время уже архимандрита, Сергія, настоятеля Новосолтухина монастыря, имъ преобразованнаго въ общежитіе.

**** Графиня Ал. С. Панина, рожд. Толстая, жена графа Александра Никитича, она имѣла двухъ дочерей: старшая, Софья Александровна, за княземъ Григоріемъ Александровичемъ Щербатовымъ; младшая (въ письмѣ упоминаемая), Марія Александровна, за княземъ Н. П. Мещерскимъ, въ то время бывшимъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа.

загорны, въ орду сани прочитала правила, причастилась, про-
стилась, ооборовалась, и тотчасъ, когда дочь читала отход-
ную, скончалась.

Господи! Гдѣ и какъ мы орбтвмъ Тебѣ?

Миръ и здравіе вамъ!

Богоутробный лодвигъ лоста и радостная Паска вамъ и
братіи!

Леонидъ Е. Д.

Февраля 17 1873.

(№ 62.)

Высокопреподобѣйшій отецъ архимандритъ, — Благодарю за
благословеніе въ просфорахъ и сухаряхъ. Отъ сухарей долаю
вѣзъ отправить къ князю Владиміру Андреевичу, * кото-
рый очень ихъ любить.

Мечтаю (хотя и не должно бы мечтать, а размышлять
только о душѣ своей), мечтаю попасть на вѣснмого дней на
Угрѣшу, аще будетъ можно послѣ среды второй недѣли; но
вѣзѣ съѣзжу въ мечтаніи, а не въ дѣйствительности.

Миръ вамъ и здравіе, а для здравія *березженіе себя вѣрнкое*
и вѣща котѣ ежмѣя постная, но очень лѣгкая, а не братская,
которая вкусна и здорова, но едва ли для васъ.

Если объ этомъ со врачами не совѣтовались, то остере-
гитесь лица; ибо я слышалъ что вы употребляете, хотя
очень умѣренно, но очень суровую.

Христовъ посреди насъ!

Леонидъ Е. Д.

Февраля 22 1873 г.

(№ 63.)

Высокопреподобѣйшій отецъ архимандритъ, — Рѣшительно
не знаю когда придетъ возможность до Угрѣши добраться:
да по этой погодѣ и не хочется. Дѣла, какъ льдины, — пол-
зуть одно на другое. Для отчета еще и матеріалы не собра-
лись. Буду ожидать благоприятной минуты.

Господь съ вами! Вспомните въ молитвахъ князя Влади-
мира Андреевича, — онъ въ Петербургѣ, а также и брата мо-
сто, который по этимъ погодѣмъ и дорогѣ поѣхалъ въ уѣзды!

Миръ и здравіе вамъ.

Леонидъ Е. Д.

Марта 2 1873.

(№ 64.)

* Князь Долгоруковъ, московскій генералъ-губернаторъ, который
очень любилъ угрѣшскіе сухари изъ чернаго братскаго хлѣба, въ осо-
бенности вкуснаго на Угрѣшѣ. Въ послѣдствіи отецъ Пимень на
первой седмицѣ великой четыредесѣтницы всегда посылалъ какъ
просвѣщенному такъ и князю горячія просфоры и черныя сухари.

Высокопреходобожійшій овецъ архимадрита, — Порученіе ваше постарайсь исполнить по мысли вашей. Въ Черногорію * жертва придетъ, уповательно, къ празднику. Къ жертвователямъ, въ ожиданіи будущаго, я напишу вестножно; ибо прочее не отъ васъ зависитъ.

Миръ душѣ немимаемаго вами раба Божія Павла ** Святая обитель ваша да будетъ ему оправданіемъ на страшномъ судѣ Христовомъ. Очень, очень радуюсь доброму начинанію: да расширяются сердца братіи къ любви Христовой чрезъ познаваніе закона Господня! ***

Отцу Досіею миръ Божій!

Утѣшаюсь что имѣю случаи въ самый этотъ день **** привѣтствовать васъ со вступленіемъ въ 40я годъ со вступленія вашего въ обитель. По манію Божественнаго Промысла пришли вы въ пустыню; дай Богъ чтобы чрезъ оороченія достигли того чтобы нарѣклась она, эта ская пустыня, обѣтованною землею, духовнымъ медомъ и млекою каляющею.

Къ лѣтамъ продолжительнаго стражденія Моисея да приложится и отъ лѣтъ водворенія и пользованія людьми земли великаго Іисуса Навина, насколько милосердному Господу благоугодно!

Прилагаю книжицу: *Послѣніе Валаала академикомъ Н. И. Желѣзновымъ*, бывшимъ директоромъ Академіи Земледѣльческой. Скажите о ней мнѣніе.

При случаѣ научите письмомъ къ кому за ланкадалами обратиться: къ празднику надобно ему быть въ Малороссіи, а я и отвѣта еще не даю. Тѣ денегъ не мало послали и можетъ-быть въ сомнѣніи что съ деньгами.

Дѣль, благодареніе Богу, очень не мало, и все поспому времени соотвѣтственно...

Миръ вамъ и зданіе и благословеніе!

Простите и помолитесь!

Леопольдъ Е. Д.

Москва, марта 14

1878 года.

(№ 66).

* По совѣту преосвященнаго при посредничествѣ отца Пимена было пожертвовано одною благочестивою вдовицей (Безомовой) 300 руб. для написанія на полотнѣ 35 иконъ для семи бѣдныхъ церквей въ Черногорію.

** Павелъ Матѣевичъ Александровъ, главный угръшскій владчикъ, умершій 13 марта 1859.

*** На Угрьшѣ были открыты для братіи классы: нѣсколько разъ въ недѣлю имъ преподавали катихизисъ и Священную Исторію. Преподавателями были отецъ Досіеи Байковъ и Воишатій Юркевичъ (братъ бывшаго профессора Московскаго университета), домъкъ еще на Угрьшѣ въ санѣ іеромонаха.

**** Отецъ Пименъ, будучи еще послушникомъ Петромъ и кельяникомъ отца Иларія, пріѣхалъ на Угрьшу въ первый разъ 14 марта 1834.

Благодарю васъ, отецъ архимандритъ! Я не доказываю, что иль действительно было слышать и о томъ, что говорить авторъ о монашеской вообще.

Но поговоримъ при свиданіи. 26 или 27 въ Лавръ, въ Московской дуковной академіи, будетъ диспутъ.

Предметъ его *монашество*. Не будетъ ли для васъ интересно? Если здоровье повелитъ вамъ, милости просимъ. Хотите-быть и я поеду.

Благодарю за отца *Мелетій*. * Въ одно утро все сдѣлаемъ. Миръ вамъ! Помолитесь!

Леоидъ Е. Д.

Марта 15 1873.

(№ 66).

Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ,—Вы знаете что сестра моя У. была опасно больна. Вотъ что она пишетъ: „Теперь нечего дѣлать, буду угождать *зелью*, то-есть своему тѣлу, чтобъ оно не удерживало и небеснаго жидьца и душъ дамо бы просторъ и радость и свободу дѣлать что она хочетъ“.

О, есаибъ и возлюбленный отецъ Пименъ сему послѣдовалъ! На отца намѣстника Автоліа вамъ смотрѣть нечего. Онъ всю жизнь тратилъ силы безъ расчета, но и теперь, когда ему за 80 лѣтъ, икъ у него боляе нежели у васъ. На покойнаго владыку смотрѣть нечего: это былъ духъ. Вамъ бы придерживаться *царскаго пути* указуемаго силами. Зачѣмъ было ходить на могилу? „Что скажутъ?“ Довольно столалъ предъ вами этотъ вопросъ. Бросьте его и оставьте другой „Что угодно Господу?“ а довазѣтъ вамъ. Андрей Николаевичъ Муромцевъ пожелалъ причаститься въ Великій Четвертокъ въ Успенскомъ Соборѣ, но усомнилася что будетъ одинъ причастникъ предъ всѣмъ народомъ; я сказалъ ему: Вы поставьте себя предъ Господомъ, а не предъ народомъ и будете спокойны; то же скажу и вамъ.

По приказанію владыки я выдалъ 2.000 рублей священнику на расходъ по общинѣ. Ему угодно чтобы тотчасъ послѣ

* Отецъ *Мелетій*, іеромонахъ угрѣшскій, въ этотъ же годъ послѣ Пасхи избранный въ должность казначея на мѣсто Калаиста, опредѣленнаго отроченемъ въ Бобреевъ монастырь. Онъ изъ торговаго сословія, родной племянникъ *Нежирова*, одного изъ самыхъ значительныхъ московскихъ купцовъ торгующихъ брилліантами и серебромъ. Человѣкъ лѣтъ тридцати пяти или шести, весьма благообразный, треввый, честный, ревностный къ обители, ласковый къ братіи, чуждый всякихъ сплетней и драгъ, словомъ сказать человѣкъ безукоризненный и который принесъ бы Угрѣшской обители не мале пользы ежели бы вслѣдствіе неприяностей (отъ завистликовъ постаравшихся возстановить противъ него отца Пимена) онъ не поспѣшалъ перейти въ Геосиманскій скитъ, откуда былъ вскоре переведенъ въ Лавру, гдѣ и теперь усердно почитается о добросовѣстныхъ исправаеиіи возлюбленнаго на него послаушанія, къ немалой пользѣ обители и ко благу братіи.

праздниковъ комиссия заявила тѣмъ что будетъ имѣть характеръ ревизіи. Поэтому всѣми мѣрами ускороените себя въ праздникъ, укрѣпайте и здравіе, и съ возможнымъ спокойствіемъ передвиньте себя въ Москву къ 16 апрѣля, распорядясь по монастырю, на все малое можетъ-быть время.

Христосъ съ вами! Я все еще отъ дѣла не отобьюсь и за то хвалю Бога! О, да избавить насъ Господь отъ участи архіереевъ торжественно приготовляющихся къ Паскѣ и не хотѣвшихъ *„снѣти съ преторъ, да не осквернятся“*, и сподобить блаженства Симона Киринейскаго, который прямо отъ самыхъ житейскихъ заботъ сподобился облегчить страданія Богочеловѣку!

Господь да введетъ всѣхъ насъ въ участіе и въ Его страданія, и въ славу Его воскресенія!

Простите!

Леоидъ Е. Д.

Апрѣля 5 1873.

(№ 67).

II.

Послѣ Пасхи врачи подтвердили отцу Пимену о необходимости заняться весной своимъ здоровьемъ и при наступленіи теплой погоды начать лить воды, съ непремѣннымъ условіемъ уѣхать куда-нибудь изъ монастыря чтобы при лѣченіи водами быть въ спокойномъ расположеніи духа, что при управленіи монастыремъ и при постоянныхъ заботахъ и въ особенности же съ раздражительнымъ и впечатлительнымъ характеромъ какъ у отца Пимена было бы совершенно невозможно. Было рѣшено что на время лѣченія водами онъ возьметъ двухмѣсячный отгуокъ, поручитъ управленіе монастыремъ казначею Мелетію и еще кому-нибудь изъ старшихъ братій, а самъ уѣдетъ изъ монастыря лѣчиться и отдыхать.

Но привыкнувъ помышлять прежде всего о пользѣ обители и потомъ уже о себѣ самомъ, отецъ Пимень не рѣшался ѣхать на лѣченіе не докончивъ новаго зданія монастырскаго училища, которое предъ своимъ отъѣздомъ ему хотѣлось открыть и освятить находящійся въ ономъ храмъ во имя *Сошествія Св. Духа*. Желаніе его было чтобы и освященіе послѣдовало въ самый день праздника, который приходился въ тотъ годъ іюня 3 дня. Владыка, возвратившійся уже изъ Петербурга, торопилъ отца Пимена скорѣе уѣхать лить воды, но тотъ все еще медлилъ, и приглашалъ владыку

на сугубое торжество освященія храма и открытія училища; мѣръ отговорился своимъ нездоровьемъ и вмѣсто себя благословилъ пригласить преосвященнаго Леоніда.

Ветхое зданіе стараго монастырскаго постоелаго двора гдѣ первоначально помѣщалось училище, кромѣ того что начинало еще болѣе ветшать, становилось уже и недостаточно помѣстительнымъ при умножавшемся ежегодно числѣ учащихся, такъ что отцу Пимену по неволѣ приходилось подумать объ устройствѣ новаго зданія. Помѣстить оное въ монастырѣ овъ считалъ неприличнымъ и неудобнымъ, а мѣ въ монастырѣ, собственно монастырскаго земли было такъ мало что строиться было негдѣ, ибо мѣсто гдѣ училище первоначально находилось весьма неудобно во время весенняго разлитія Москвы-рѣки, и училище могло тамъ пребывать только временно. Нужно было выбрать мѣсто которое не было бы ни слишкомъ близко къ монастырю и гостиницѣ, но и не слишкомъ бы отдалено отъ монастыря.

Мѣстность Угрѣши, по близости Москвы-рѣки и по разнообразнымъ своимъ неровностямъ, весьма живописна, но по качеству почвы самая плохая, скудная, а мѣстами и вовсе никуда негодная, и потому около монастыря много холмовъ и пустырей, къ которымъ сосѣдніе крестьяне владѣющіе ими не хотятъ даже и рукъ приложить, сознавая что всѣ ихъ труды и время пропадали бы даромъ. Вся польза этихъ безплодныхъ холмовъ и невоздѣланныхъ пустырей и высея въ томъ чтобы разнообразить живописность монастырскихъ окрестностей. Одна изъ подобныхъ горъ песчаная, каменистая, сожжѣнная солнцемъ, влѣво отъ монастырскихъ гостиницъ, въ полуверстѣ отъ монастыря (принадлежавшая крестьянамъ ближайшей деревни Гремячево), показалась отцу Пимену наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для построенія училища, и хотя мѣстность была самая бесполезная для крестьянъ, все безъ труда удалось ему отъ нихъ приобрести эту землю въ собственность монастыря.

На одной изъ такихъ горъ, на полугорѣ, построено монастырское новое училище, весьма своеобразной внѣшности; чрезвычайно красивое издали при первомъ взглядѣ. При болѣе строгомъ наблюденіи и вблизи замѣтною становится некоторая несоответственность частей съ цѣлымъ и уклоненіе отъ той безукоризненной византійской изящности

которою отличается небольшая колокольня и отчасти односторонняя церковь, которой бы сѣдовало быть только возвышеннѣе.

Такъ какъ зданіе построено на полугорѣ, то оно кажется обширнѣе чѣмъ каково въ дѣйствительности. Въ немъ впрочемъ достаточное помѣщеніе для двухсотъ учениковъ.

Въ верхней части зданія храмъ, смежная съ нимъ бодршная шатровая палата, актовая зала, гдѣ происходятъ выпускныя экзамены, служатъ въ обыкновенное время классною комнатою для учениковъ III старшаго отдѣленія, изъ нея створчатая дверь въ церковь. Далѣе по сторонамъ актовой залы три приемныя комнаты для посѣтителей, бібліотека (весьма хорошо снабженная разными руководствами, учебными пособіями и учебниками) и спальная; въ нижнемъ ярусѣ: учебныя комнаты двухъ младшихъ отдѣленій, столовая, доварня, умывальня, рухлядная, комната надзирателя за зданіемъ, кладовыя и прочія принадлежности. Въ послѣдствіи времени было выстроено еще двухъэтажное зданіе на дворѣ съ помѣщеніями для учителей, съ лазаретомъ для учениковъ, а внизу съ прачечною для стирки бѣлья для учащихся.

На построеніе училища израсходовано нѣсколько болѣе 42 тысячъ.

При открытіи новаго училища въ 1873 году ученики подраздѣлялись на четыре отдѣла:

I. Полные монастырскіе пансіонеры, то-есть бесплатно пользующіеся всѣмъ содержаніемъ отъ монастыря, которые кромѣ преподаванія, помѣщенія и пищи имѣютъ отъ монастыря также и бѣлье, обувь и одежду. Таковыхъ предполагалось первоначально имѣть не болѣе 50 человекъ (но въ послѣдствіи число ихъ возросло до 80, а полупансіонеры и своекоштные были отмѣнены).

II. Полупансіонеры отличаются отъ первыхъ тѣмъ что бѣлье, обувь и одежду имѣютъ отъ родителей, и число такихъ назначалось до 70.

III. Своекостные, около 50 человекъ, съ платой за пищу по 2 р. въ мѣсяцъ.

IV. Вольноприходящіе, дѣти изъ ближайшихъ деревень которые приходятъ поутру, присутствуютъ въ классахъ, во время обѣда получаютъ бесплатно хлѣбъ и квасъ, а вечеромъ расходятся по домамъ.

Преподаваніе, съ небольшою разницей, почти такое же какъ въ приходскихъ уѣздныхъ училищахъ: 1) начальная

грамота, 2) объясненіе молитвъ, 3) частоицесловіе, 4) начала черченія, 5) Священная Исторія, 6) упражненіе въ чтеніи церковныхъ и гражданскомъ, 7) ариметика, 8) катихизисъ, 9) объясненіе богослуженій, 10) русскій языкъ, 11) исторія, 12) англійское черченіе, 13) разборъ рукописей по сборнику Золотова.

Главнымъ преподавателемъ съ самаго открытія училища былъ отецъ Димитрій Батковъ, нынѣ іеромонахъ Десноскій. Въ послѣдствіи онъ былъ на вѣкоторое время удаленъ отъ преподаванія по прощанью надоброжелателей, но потомъ оно было возвращено ему. Со времени преобразования училища въ *двуклассное* и передачи оного въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія (въ 1878) прибавлены еще два заемные преподавателя, которые до того времени постоянно избирались изъ числа наиболѣе грамотныхъ братьевъ.

Всѣхъ учащихся съ 1866 по 1874 годъ было до 750 человекъ (слѣдовательно съ тѣхъ поръ въ восемь лѣтъ, 1874—1882, должно удвоить это число), изъ нихъ третья часть: 250 окончили полный курсъ ученія; около 350 вышли въ разное время и болѣе 150 поступили въ новое училище.

Наканунѣ открытія новаго училища прибылъ преосвященный Леонидъ предъ всеющимъ бдѣніемъ, которое совершалъ соборіи; съ нимъ служилъ отецъ архимандритъ Пименъ, Новоголутвинскій архимандритъ Сергій, Берлюковскій строитель Нилъ, Екатерининскій строитель Арсеній и преподаватель отецъ Десноскій, которому по просьбѣ отца Пимена былъ данъ въ этотъ день набедренникъ.

Вечеромъ предъ всеющюю пріѣхалъ князь Трубецкой, князь Туркестановъ, состоящіе въ училищномъ совѣтѣ Московскаго земства, и инспекторъ народныхъ училищъ Московскаго округа Красногилковъ, братъ преосвященнаго.

На слѣдующее утро пріѣхалъ князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ и былъ принятъ въ архіерейскихъ палатахъ, такъ какъ преосвященный Леонидъ, вида въ князѣ Долгоруковѣ не только почетнаго гостя, но и градоправителя столицы пожелалъ чтобъ ему воздали весь должный почетъ и потому въ этотъ пріѣздъ поселился въ скитѣ въ настоятельской кельѣ. Прошедши послѣ того въ соборъ, князь Долгоруковъ тамъ ожидалъ прихода преосвященнаго съ крестнымъ ходомъ за св. мощами въ соборъ и когда взявъ оныя преосвященный пошелъ обратно, то и князь послѣдовалъ за нимъ. Погода

была женая и знойная и стеченіе народа было весьма значительное.

По совершеніи аутургіи преосвященный, все духовенство и почетные гости прошли въ пообѣдительскія комнаты, гдѣ былъ чай и закуска, и отдохнувъ немногого всѣ сошли въ шатровую палату и развѣстались на кресла поставаемыя около стола некрытаго сукномъ. Преосвященный сказалъ краткую рѣчь отцу Пимену и отъ имени владыки митрополита передалъ ему благословеніе и признательность за основаніе училища.

Затѣмъ послѣдовало чтеніе однимъ изъ братій отчета о постройкѣ новаго училища: 1) о стоимости зданій, 2) о подраздѣленіи учениковъ, 3) о предметахъ преподаванія, 4) о преподавателяхъ и 5) о цѣляхъ устройства училища.

По прочтеніи отчета инспекторомъ училища Краснолѣвковымъ, одинъ изъ старшихъ учениковъ по имени Орловъ приблизившись къ преосвященному отъ имени всѣхъ учащихся сказалъ ему слѣдующую рѣчь:

Преосвященнѣйшій владыко милостивѣйшій архипастырь,— Приходящіе сюда просвѣщаются истиннымъ просвѣщеніемъ, *Свѣтломъ Христовымъ всѣхъ просвѣщающимъ*, мы просимъ благословенія выразить вамъ все что у насъ на сердцѣ. Мы радуемся что святой храмъ нашего училища освещенъ вашимъ преосвященствомъ. Много благодѣлствуетъ обитель Угодника Божія и Чудотворца Святителя Николая: она даетъ приютъ немощнымъ и престарѣлымъ, врачуетъ недужныхъ, питаетъ сиротниковъ и нищихъ и хлопочетъ еще о насъ: вотъ уже восьмое лѣто что она заботится о дѣтяхъ мірянъ и какъ настоящая мать учитъ ихъ и питаетъ и одѣваетъ и наставляетъ въ Законъ Божіемъ. Мы должны чувствовать это благодѣяніе, а благодарность доказывать своимъ благоравіемъ и прилежаніемъ и стараться быть достойными нашего жилища, въ которомъ храмъ во имя Св. Духа, чтобъ и намъ самимъ сподобиться быть живыми храмами Духа Святаго, дабы Онъ обиталъ въ сердцахъ нашихъ. Но сколько бы мы ни старались, сами по себѣ мы ничего не сдѣлаемъ ежели не поможетъ намъ великій Угодникъ Божій, который пятьсотъ лѣтъ хранитъ свою обитель, создавшую на мѣстѣ гдѣ чудесно явилась его святая икона.

Просимъ святыхъ молитвъ вашихъ, преосвященнѣйшій владыко: Господь услышитъ ихъ и *призритъ съше на виноградникъ свой, который насадила десница Его*, и подъ кровомъ Святителя виноградъ процвѣтетъ и умножится и принесетъ изобильные плоды въ возблагодареніе обители за ея благодѣянія и всѣ мы будемъ присно прославлять Господа за Его великія и богатая къ намъ милости.

Князь Долгоруковъ, по обычной своей привѣтливости и по особенному своему расположенію къ отцу Пимену, въ немногихъ и краткихъ словахъ умѣлъ сказать ему много пріятнаго и лестнаго и пожелалъ полнаго успѣха въ устройствѣ училища „на дѣло благое для образованія православнаго юношества“.

Этимъ заключился актъ открытія.

Отецъ Пименъ попросилъ преосвященнаго сойти внизъ и благословить ученическую трапезу; потомъ всѣ возвратились въ монастырь, въ Николаевскій соборъ, откуда по праздничному, съ лавагійей и иконой праздника, преосвященный и всѣ почетные гости, настоятели и братія пошли въ трапезу.

По выходѣ изъ трапезы преосвященный и прочіе почетные гости пошли провожать князя Долгорукова въ архіерейскій домъ, гдѣ онъ пробылъ еще болѣе часа и поѣхалъ въ Москву, получивъ при прощаніи отъ отца архимандрита икону Сочестія Св. Духа, въ лампачъ посѣщенія Угрѣшской обители.

На слѣдующій день послѣ литургіи въ новоосвященной церкви преосвященный вмѣстѣ съ архимандритомъ совершилъ соборнѣе благодарственное молебное пѣніе и благословилъ его иконой Казанской Божіей Матери, и долго говорилъ ему много назидательнаго, отраднаго и утѣшительнаго.

Разказывая въ своихъ воспоминаніяхъ объ этомъ освященіи храма и открытіи новаго училища, отецъ Пименъ говоритъ въ заключеніе:

„Въ началѣ весьма мало сочувствуя учрежденію училища, я убѣдился въѣхослѣдствіи что его польза очевидна и существенна:

„1) Для окрестныхъ жителей, которые безъ большихъ пожертвованій имѣютъ возможность дать образованіе своимъ дѣтямъ.

„2) Пренодаваніе, находясь въ рукахъ монашествующихъ, будетъ проникнуто духомъ христіанскаго благочестія, а не тѣмъ зловреднымъ суетумудріемъ и невѣріемъ, которыя все болѣе и болѣе овладѣваютъ міромъ, и добрые плоды приносимые нашимъ училищемъ и теперь * уже отчасти видимы,

* Это было писано въ 1874 году.

потому что тѣ изъ нашихъ учениковъ которые поступили въ учительскую семинарію, въ вѣдѣніи Московскаго земства, но отъзывая ихъ начальство отличаются благопріемлемъ и духомъ христіанскаго смиренія и послушанія.“

Въ особенности замѣчательно слѣдующее за сими замѣчаніе, доказывающее предусмотрительность и почитательность отца Пимена, желавшаго чтобы посажденная имъ жива не заглохла и послѣ и не была бы самовольно передана заведенію будущими настоятелями.

„Такъ какъ въ числѣ преемниковъ моихъ могутъ быть и такіе которые не будутъ сочувствовать *училищу* и *Островской богадѣльнѣ* и станутъ можетъ-быть представлять что они обременительны для монастыря, то, предвидя все это, обитель уже озаботилась достаточнымъ для нихъ обезпеченіемъ.“

Надлежитъ сказать что не обитель озаботилась, а тотъ же предусмотрительный и дальновидный отецъ Пименъ; онъ желалъ такъ поставить дѣло что ежели бы и дѣйствительно явился когда-нибудь настоятель который бы захотѣлъ отговориться тѣмъ что училище обременительно для монастыря, то чтобы начальство было въ правѣ принудить его не закрывать и не сокращать училища.

1) Училище поставлено въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія, слѣдовательно во всякомъ случаѣ упразднить его никакъ уже не дозволить.

2) На содержаніе же училища и на ежегодный взносъ по 1.000 рублей серебромъ въ пользу Островской богадѣльни Высочайше разрѣшено купить монастырю домъ Лаврентьевыхъ, смежный съ монастырскимъ подворьемъ, а Всемилюста вѣнше пожалована лѣсная дача въ 238 десятинъ; слѣдовательно, еслибы какой-нибудь настоятель и задумалъ попробовать отказаться отъ взноса 1.000 руб. для Островской богадѣльни или пожелалъ бы сократить училище подъ предлогомъ обременительности онаго для монастыря, то ему прямо могутъ указать на монастырскій домъ приносящій доходу въ четыре раза болѣе чѣмъ нужно на содержаніе училища и на пожертвованіе въ Островъ, *съ этою именно цѣлію монастыремъ и купленный.*

Прогостивъ еще день, преосвященный прощался сказавъ отцу Пимену: „Ну теперь все сдѣлано нами чего вы желали: церковь освятили, училище открыли; теперь извольте же

вы безъ отговорокъ собираться пить воды гдѣ хотите: всюду вамъ будутъ рады; хотите въ Саявинъ,—милости просимъ; желаете выбрать какой-нибудь монастырь, Пѣтшинскій, Берлизовскій, Екатерининскую пустынь, всё въ вашемъ благочьи, выбирайте любой, но только слышите... Такъ и владыка приказалъ вамъ оказать что онъ васъ погонитъ силой“...

III.

Слуста дня два послѣ отъѣзда пресвященнаго, поѣхалъ и отецъ архимандритъ въ Москву и явился ко владыкѣ, который прежде всего спросилъ его:

„Куда же рѣшили вы, отецъ архимандритъ, ѣхать пить воды? Довольно вы хлопотали: пора заняться своимъ здореваньемъ, а начну на васъ сердиться ежели плохо будете слушаться васъ, которые объ васъ заботятся... На счетъ помощника для васъ пресвященный напоминалъ мнѣ, будетъ сдѣлано по вашему желанію... Слышите, логода устроивалась... Благословляю васъ ѣхать куда вздумаете...“

Мѣстомъ пребыванія отецъ Пименъ избралъ Екатерининскую пустынь, всего въ двухъ часахъ ѣзды отъ Угрюми, для того чтобъ оттуда скорѣе могли доходить извѣстія о томъ что тамъ дѣлается. Взявъ форменный отпускъ на два мѣсяца съ лошадиной и поручивъ во время своего отсутствія управленіе монастыремъ отцу казначею іеромонаху Мелетію и ризничему Валентину, отецъ Пименъ поѣхалъ въ Екатерининскую пустынь со своимъ келейникомъ, заранѣе отпраздивъ туда еще одного изъ братій и другаго келейника.

Екатерининская пустынь, * которая при царѣ Алексѣѣ

* Екатерининская пустынь была въ прежнее время царскимъ звѣринымъ, куда цари ѣзжали на охоту. Въ 1659 году, въ то время когда царь Алексѣй Михайловичъ находился тамъ на соколиной охотѣ, онъ видѣлъ во снѣ Великомученицу Екатерину которая возмѣтила ему рожденіе у него дочери, а по одному преданію, при рожденіи его явился къ нему гонецъ отъ царицы съ извѣстіемъ о рожденіи дочери, а по другому, онъ послѣдшилъ въ Москву и узнавъ что родилась царевна назвалъ ее Екатериною, а звѣринецъ Екатерининскою рожей. Тамъ первоначально устроена была богатѣйшая для престарѣлыхъ дворянскихъ служителей, въ послѣдствіи времени преобразованная въ монастырь. Первый извѣстный по

Михайловичъ стала называться Екатериновскою рощей, верстахъ въ двадцати отъ уѣзднаго города Подольска и въ двадцати пяти отъ Москвы, въ мѣстности совершенно ласковой, поросшей кустарникомъ, мѣстами молодымъ лѣсомъ, не представляя ничего особенно привлекательнаго. Монастырь не обширный, но хорошо и тщательно содержанный. Самая древняя изъ нынѣ существующихъ церквей не восходитъ далѣе времени Екатерины II.

При монастырѣ двѣ гостиницы: одна недавняго построения, двухъэтажная, другая старая. Эта прежняя была построена въ 1820 году какою-то старушкою-барыней на ея собственный счетъ, и она жила въ ней при монастырѣ до своей кончины.

Гостиница эта раздѣляется стѣнами на двѣ равныя половины, изъ которыхъ каждая раздѣляется длиннымъ корридормъ, въ которомъ по двѣ двери съ каждой стороны въ комнаты направо и налево.

По своему расположенію, лѣвая половина гостиницы, выходящая окнами на монастырь, оказалась для жительства отца архимандрита наиболѣе удобною, потому что она заключала въ себѣ четыре комнаты: небольшую столовую, гостиную, кабинетъ и спальную, кромѣ трехъ еще келій для келейниковъ.

Отецъ Пимень прибылъ въ Екатериновскую пустынь прямо изъ Москвы 13 іюня и осмотрѣвъ все для него приготовленное остался въсѣмъ какъ нельзя болѣе доволенъ.

Отпуская его изъ Москвы преосвященный Леонидъ ему усиленно твердилъ:

„Слышите, отецъ архимандритъ, забудьте теперь все дѣла: вы должны теперь думать только о своемъ здоровьи

имени настоятель былъ строитель Варлаамъ, находившійся тамъ около 1690 года (по списку Строева).

Главный храмъ во имя Великомученицы Екатерины, гдѣ и чудотворная ея икона, построенъ около 1660 года, но при императрицѣ Екатерины перестроенъ; онъ по своей вѣщности напоминаетъ Спасо-Виевскую церковь.

Нынѣ настоятелемъ этой пустыни весьма почтенный, благочестивый и глубоко-смиренный старецъ, замѣчательно воздержной и строгой жизни, игумень Арсеній, болѣе тридцати лѣтъ тамъ находящійся и достойный всякаго уваженія; къ сожалѣнію, преклонный лѣтамъ и слабый силами.

лить воду, гулять, купать что угодно и этимъ же смущаю-ся, это не чуждо, а айкרותе и на послушаніе, чтобы вамъ не было скучно позволите прийтись за составленіе своихъ записокъ. Вамъ трудно писать, говорите вы, васъ я не про-скаю, вы говорить можете и умаете, позволите разказывать; другой будетъ писать за вами. Я прошу васъ, а требую что-бы вы непременно это сдѣлали. При васъ будетъ человекъ который вамъ этотъ трудъ можетъ облегчить.“

Никогда еще въ жизни не пользовавшійся совершенною свободою въ удаленіи отъ всякихъ заботъ и помехъ и мо-настырь, отецъ Наменъ въ первые дни своего пребыванія въ предѣлахъ обаятельнаго дѣйствію свободы, весны, теплой и живительной погоды и сельской безмятежной тишины онъ наслаждался воздухомъ, благоуханіемъ густой березовой рощи находящейся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его кельи, много гулялъ и былъ въ самомъ широкъ и спокойномъ настроеніи духа.

Онъ каждое утро вставалъ въ шесть часовъ, пилъ воды, гулялъ съ котормъ-нибудь изъ кельянковъ, пилъ кипяче-вое молоко, завтракалъ, снова гулялъ, обѣдалъ, гулялъ или сидѣлъ въ рощѣ, бесѣдовалъ со строителемъ пустыни отцомъ Арсентіемъ, иногда чтобы отдохнуть немного лежалъ читалъ, пилъ чайна воздуха, опять гулялъ и послѣ весьма легкаго ужина къ десяти часамъ уходилъ во внутреннюю келью и затворялъ свою дверь.

Такъ прошли первые дни въ совершенномъ спокойствіи и бездѣяніи.

На третій или на четвертый день это отсутствіе всякихъ занятій стало надобно отцу Намену и онъ вздумалъ при-йтись за составленіе своихъ записокъ, напечатанныхъ въ послѣдствіи времени подъ названіемъ: *Воспоминаній*, но перво-начально соотвѣтъ не предназначенныхъ для печати и пото-му послѣ того отчасти измѣненныхъ, убавленныхъ и нѣста-ми значительно смягченныхъ.

Эта новая, легкая и пріятная работа—разказывать про-лое, переживать снова всю свою жизнь съ дѣтства, вспоми-нать о людяхъ давно отжившихъ и близкихъ сердцу, о тѣхъ съ которыми намъ приходилось жить вмѣстѣ, о томъ что случилось съ ними, и воспоминать не бесцѣльно, но и изъ невидимаго внутренняго нашего тайника приводить въ види-мость, оживлять, олицетворять и передавать другому и

запечатывать на бумагѣ,—все это было для отца Пимена дѣломъ совершенно новымъ, новымъ и весьма пріятнымъ. Онъ увлекался воспоминаніями, разказывалъ живо, осязательно, съ удивительною точностію и отчетливостію припоминая весьма давнія событія, помнилъ года, числа, дни; передавалъ разговоры и разказы имъ слышанные, такъ плавно, такъ стройно и послѣдовательно что посторонній человѣкъ могъ бы подумать что онъ читаетъ по книгѣ.

Писавшій подъ его диктовку помогалъ ему разспрашивая о подробностяхъ разказываемаго, подсказывалъ ему слова и выраженія которыя иногда не представлялись у него наготовѣ, и бесѣда длилась по нѣскольку часовъ, не отолѣко утомляя отца Пимена сколько руку писавшаго. Видно было что это новое удовольствіе передавать сердечныя воспоминанія и задушевыя мысли доставляло отцу Пимену большее наслажденіе и пробуждало въ немъ духъ творчества, который не стѣсняясь затрудненіемъ механическаго труда писать (для него тягостнаго и мѣшавшаго ему думать и говорить) теперь свободно облакалъ въ видимыя черты давно вышедшыя въ душѣ образы и влоавъ сложившіяся представленія.

Нельзя не удивляться той послѣдовательности въ изложеніи событій и мысли которую запечатаны *воспоминаніями* отца Пимена, той безыскусственной простотѣ и своеобразной художественности и осязательности которою проникнуты всѣ его разказы. При этомъ нужно замѣтить что онъ старался выраженіями своими и словами имъ употребляемыми не показаться желающимъ стать выше уровня того образованія которымъ былъ обязанъ самому себѣ, не воспитаемъ, но постояннымъ чтеніемъ и обращеніемъ съ людьми высшаго образованія.

Случалось не рѣдко что писавшій подъ диктовку отца Пимена, желая помочь ему и усвоивъ его мысль, подсказывалъ ему какую-либо фразу, но отецъ Пименъ останавливалъ его:

— Нѣтъ, сударикъ, это слово не изъ моего словаря, это выраженіе не моей школы... вѣдь это курамъ на смѣхъ будетъ что Пименъ станетъ вдругъ выражаться какъ ученый какой-нибудь профессоръ. Нѣтъ, попроще что-нибудь нужно приискать, каждый знай свою мѣру.

Вотъ письма преосвященнаго Леонидъ которыя относятся ко времени пребыванія отца Пимена въ Екатеринбургской пустыни.

Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ,—Нечаяннымъ случаемъ пользуюсь, чтобы привѣтствовать васъ; каково вамъ въ дѣсной прохлаждѣ?

Исполняйте предписанія врача. Ради Бога дальше отъ мыслей всѣ дѣла!

Я всякій день въ хомутѣ, т.-е. на экзаменахъ и разной другой работѣ. Жары мучаютъ меня. Дача готова, но я только взглянулъ на нее. Брать лоскорѣе надобно, и можетъ быть съ Екатеринбургской пустыни начну, а когда, не знаю.

Владыкѣ лучше. Мирствуйте и знайте что теперь ваше предъ Богомъ и начальствомъ главное дѣло: *ничего не дѣлать!*

Отцу настоятелю и *снискеллу* * вашему привѣтствіе.

Леонидъ епископъ Дмитровскій.

Юня 16 1873.

(№ 69).

Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ,—На письмо (ваше) не отвѣчалъ; ибо къ вамъ изъ Москвы почты нѣтъ. Отецъ Мелетій нашелъ меня въ Петровскомъ-Разумовскомъ, ** гдѣ я пребываю чтобы сколько возможно купаться и уединяться. Давно бы слѣдовало мнѣ быть на обзорнѣи епархіи, но непогода съ бездорожьемъ меня останавливаютъ. Быть на скитскомъ праздникѣ желалъ бы, но есть препятствіе которое едва ли устранится. Впрочемъ, все и сами себя и другъ друга предадимъ въ волю Божию. Миръ и зданіе вамъ! Владыка отпускаетъ меня и посылая вамъ благословеніе, воротилъ меня словами: „съ тѣмъ чтобы непременно выздоравливалъ“. Простите.

Леонидъ епископъ Дмитровскій.

Петровское-Разумовское, юня 27 1873.

(№ 70).

Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ,—Привелъ меня Господь улатить вамъ часть моего долга. Многократно служили вы въ праздникъ въ моей домовоі церкви за меня отсутствующаго, а я единожды за васъ; и желаю чтобы

* По-гречески названіе патриаршаго кедейника; такъ преосвященный въ шутку называетъ того изъ братій которому отецъ Пименъ диктовалъ свои *воспоминанія*.

** Въ Петровскомъ-Разумовскомъ есть дача предназначенная для министра Государственныхъ Имуществъ, и такъ какъ министръ Зеленый не пользовался ею, то по дружбѣ своей къ преосвященному предоставлялъ ему пользованіе оною, что продолжалось во все время пока онъ былъ министромъ.

впредь служить мнѣ на праздникахъ вашихъ съ вами, или за васъ, то-есть чтобы здоровье ваше, возстановилось, уже не падало. Впрочемъ легко платать долги когда въ этомъ извѣстникѣ многихъ утѣшеній.

Дѣла мои устроились такъ что я могъ оставить Москву 27го вечеромъ, и я этимъ воспользовался. Вчера молился въ соборѣ, работалъ уединенно и скоро, чѣмъ испортилъ было себя такъ что оласался буду ли служить. Тошво сдѣлалось, чего никогда со мною не бываетъ, но потомъ все поправилось молитвами Св. Апостоловъ, и я совершилъ и молебень съ акаѳистомъ и всенощное бдѣніе съ литіей на воздухъ и въ склепѣ и литургію съ предшествовавшемъ павнихидой также въ склепѣ. Потомъ насъ угощали въ хижинѣ чаемъ, а въ трапезѣ многими яствами. Былъ Александръ Ивановичъ, съ коимъ воспоминали Петра Ивановича.

Очень благодаренъ отцу архимандриту Сергію: онъ былъ какъ нельзя болѣе кстату. Хозяина не доставало, но онъ былъ съ нами духомъ, а мы съ нимъ всеяродною о немъ молитвой, да воздвигаетъ его Господь Церкви Своей благоугождающа, творяща волю Его. И минута впереди неизвѣстна, а желаніе аще Богъ изволитъ, таково.

Завтра погребеніе въ Довскомъ почтенной и очень рабожной нашей прихожанки, въ Вѣнѣ отъ холеры внезапно скончавшейся, а послѣ (намѣренъ) ѣхать въ Екатеринбургскую пустынь чтобы тамъ совершить литургію въ воскресенье. Если же не смогу, то прїѣду въ воскресенье чтобы 8го тамъ служить. Разошолся а на Угрьшскіе праздники. Но все это съ условіемъ чтобы Угрьшскій настоятель спиревало и послушно сидѣлъ въ Екатеринбургской на водахъ многихъ и немногахъ, какъ велитъ врачъ. Христе съ поореде насъ! Прїимате просфору и хлѣбъ въ освященіи! Простите!

Леонидъ епископъ Дмитровскій.

Угрьша, 29 июня 1878.

Послѣ этого письма преосвященный прїѣзжалъ на нѣскольکو дней въ Екатеринбургскую пустынь, отчасти чтобы навѣстити отца Пимена, во частію и для обозрѣнія епархіи, церквей Подольскаго уѣзда. Онъ пребывалъ въ настоятельскихъ большихъ кельяхъ (въ которыхъ строитель самъ не живетъ, помѣщаясь рядомъ въ двухъ весьма малелькихъ и тѣсныхъ келійкахъ) и ежедневно то по утру, то въ послѣобѣденное время дѣлалъ объѣздъ, а къ вечеру возвращался на постоянную свою квартиру и вечеромъ приходилъ къ отцу архимандриту и проводилъ съ нимъ по нѣскольکو часовъ въ бесѣдѣ. Были читаны первые листы набросковъ (въ послѣдствіи напечатанныхъ *воспоминаній*), которые преосвященный слушалъ съ большимъ вниманіемъ, такъ какъ они его заняли, и

опять неоднократно настаивалъ чтобы отецъ Пименъ ихъ продолжалъ. Это напоминаніе было, впрочемъ, уже совершенно излишнимъ въ этотъ разъ, ибо отецъ Пименъ разохотившись диктовать и самъ бы уже не остановился, потому что это его весьма занимало и во время отдыха и бездѣла все-таки было дѣломъ и занятіемъ.

Погостивъ въ пустынѣ просвѣщенный побѣхалъ на Угрьшу, гдѣ жилъ тоже нѣсколько дней и тоже продолжалъ осматривать церкви въ окрестностяхъ и вечеромъ возвращался въ монастырь.

Вотъ два письма относящіяся къ этому времени писаннаго съ Угрьши.

Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ,—Хотя подъ палящимъ солнцемъ, однако пріятно ѣхалъ я, и къ полудню былъ на мѣстѣ и нашелъ въ спальнѣ затворника прохладу. Отправилъ акаеистное глваніе, всенощное, литургію и молебное глваніе, чинъ трапезы, вечерню отпавія,—утѣшался душой. Не знаю у мощей Преподобнаго (Сергія) можно ли такой имѣть праздникъ*.

Быстрая вода рѣки и дождь взоимъ дружно съ меня смыли сабды лота которымъ часовъ пять къ ряду обливался я. Въ ночи навѣстилъ именованника, большаго іерея Сергія, которому любовь ваша привнесла великую пользу.

Не знаю что дальше будетъ; ибо не умю придумать какъ и куда поѣду; надобно бы ѣздить по берегу Шахры, а какъ туда доберусь?

Полагаю дотянуть до Это и въ обратный путь. Мирствуйте и здравствуйте!

Привѣтствіе отцу строителю и благодарность за радужный пріемъ, а также подражателю Терція! **

Леонидъ епископъ Дмитровскій,

Угрьша

6 іюля 1878 года.

Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ,—Какъ одинъ день прошли эти семнадцать дней, а надобно оставить, не знаю на долго ли, любезную Угрьшу.

Сегодня рожденіе брата, молилася я въ училищной церкви, призывая на васъ и училище благословеніе Небесъ. Какъ причино и благоговѣно вели себя стоявшіе въ алтарѣ; какъ усердно глваніи на клиросѣ, какъ чинно совершали литургію остальные!

* Юля 5 память Преподобнаго Сергія и храмовый праздникъ въ крестовой церкви архіерейскихъ палатъ на Угрьшѣ.

** Такъ просвѣщенный называется того изъ Угрьшскихъ братій который былъ при отцѣ Пименѣ и подъ его диктовку писалъ его *воспоминанія*.

Оттуда я ѣздилъ на рѣку, гдѣ холодныя волны хорошо меня освѣжали, и я спѣшу въ Москву къ докладу и дваащъ кон будетъ нужно исполнить до отъѣзда, если Богъ дастъ, въ Саввиѣ.

Привожу вамъ братское искреннее благодареніе за словоуствоіе которымъ у васъ наслаждался и съ которымъ, признаюсь, не охотно расстаюсь.

Мирствуйте, любите, берегитесь, не спѣшите къ дѣлу, чтобы лучше дѣлать дѣло. Помянемъ васъ сердечно у Преподобнаго Саввы.

Простите! Привѣтствую отца строителя и брата Димитрія: диктуйте ему безъ сожалѣнія къ нему и къ бумагѣ.

Христосъ посреда насъ!

Возвращаюсь ко владыкѣ съ дошошеніемъ что видѣлъ до 25 приходоу.

Леонидъ.

Угряша.

8 іюля 1873 года.

Заимствуемъ изъ *Воспоминаній* отца Пимена небольшой отрывокъ относящійся къ его пребыванію въ Екатеринбургской пустынѣ.

„Окрестности монастыря довольно низменны для прогулокъ, и я облюбовалъ полуденную сторону по направленію къ селу Суханову, имѣнію князя Волковскаго, внука извѣстнаго князя Петра Михайловича, бывшаго столько времени министромъ Высочайшаго Двора. Почти отъ самаго монастыря до села тянется длинный и прекрасный березовый проспектъ...

„Мѣстность Суханова не представляетъ ничего особенно привлекательнаго. Домъ въ полномъ смыслѣ жилище вельможи; паркъ старинный, прекрасно разбитый и хорошо содержаный, очень обширенъ. Къ дому примыкаетъ церковь, которая служитъ какъ бы домовоу: она позднѣйшаго времени, а другая, также каменная, старинная, на нѣкоторомъ разстояніи съ противоположной стороны парка, служитъ усыпальницей рода князей Волковскихъ. *

„Въ домѣ меня особенно поразили двѣ вещи:

„1) Столовая, стѣны которой убраны фарфоровыми тарелками, составляющими сервизъ пожалованный покойнымъ

* Намъ неизвѣстно кто именно изъ Волковскихъ погребенъ въ церкви села Суханова, но въ лѣвомъ тепломъ придѣлѣ въ Екатеринбургской пустынѣ погребенъ родной дядя князя Петра Михайловича, князь Дмитрій Петровичъ, который былъ женатъ на Екатеринѣ Алексѣевнѣ, рожденной Мельгуновой. И еще двѣ могилы Волковскихъ въ томъ же придѣлѣ.

императоромъ Николаемъ Павловичемъ князю Петру Михайловичу: на тарелкахъ и блюдахъ изображенія всѣхъ существующихъ въ Россіи военныхъ мундировъ, и живопись превосходная Императорекой Александровской фабрики.

„2) Другая вещь, которая можетъ быть для каждаго весьма поучительна: въ кабинетѣ князя подъ стекломъ хранятся всѣ орденскіе знаки и русскіе и иностранные, которые имѣлъ князь Петръ Михайловичъ. Старушка Нѣмка, смотрительница замка, водившая насъ, показывала намъ ихъ, и сказывала что ихъ 70, кромѣ жалованныхъ драгоценныхъ портретовъ и другихъ царскихъ пожалованій. Сколько величія! Много ли людей на долю которыхъ выпадетъ столько почетныхъ знаковъ, такъ трудно достаемыхъ, которыхъ многіе домогаются, будучи готовы всѣмъ жертвовать; и все это оканчивается со смертію.

„Суханово было многократно посѣждаемо покойными государями, Александромъ и Николаемъ Павловичами, государынями императрицами и другими членами Царскаго Дома и во время моего пребыванія въ Екатерининской пустынь, Суханово посѣтилъ принцъ Лейхтенбергскій Сергій Максимовичъ. Разказываютъ что покойной императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ очень нравилось Суханово, и что она будто бы намѣревалась избрать его себѣ мѣстомъ пребыванія, но смерть ея помѣшала ей осуществить ея намѣреніе. *

„Въ 20 числа мѣсяца іюня, прямо изъ Москвы пріѣхалъ просвѣщенный Леонидъ и провелъ нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ дѣлалъ объѣздъ по своей епархіи и совершилъ освященіе въ соборномъ храмѣ города Подольска.

* Это существующее въ Екатерининской пустынь преданіе основано вѣроятно на томъ что когда императрица послѣ кончины государя вышла изъ Таганрога, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, сопровождаемая княземъ П. М. Волконскимъ и его семействомъ, и направлялась къ Москвѣ, то было рѣшено что императрица, намѣревавшаяся присутствовать при коронаціи (которое назначалось въ іюлѣ или въ августѣ), чтобы не ѣхать ей въ Петербургъ и опять не возвращаться оттуда, прибывъ въ Москву даже не поѣдетъ. Загородныхъ же дворцовъ по близости Москвы тогда еще не было (Нескучное-Александрія куплено въ 1835 или 1836 году). Чтобы государыня не жить въ городской духотѣ, князь Волконскій предложилъ ей свой домъ въ Сухановѣ. Государыня согласилась, но смерть ея помѣшала съ началомъ мая мѣсяца.

Пресвященный жительствоваеъ въ большихъ настоятельскихъ кельяхъ (весьма не обширныхъ); утромъ цѣль послѣ своей трапезы, выѣзжалъ въ объѣздъ, а къ вечеру возвращался обратно. Въ одинъ изъ дней я сопутствовалъ ему и мы посѣтили между прочими и село *Дидилдино* (верстахъ въ пяти отъ Екатерининской лустыи). Оно окружено оврагами; когда-то было вотчиной московскаго Вознесенскаго монастыря, и одна изъ игуменій построила тамъ деревянный храмъ, существующій и ловишь. Этотъ деревянный храмъ холодный и остается почти безъ измѣненій въ продолженіе около 200 лѣтъ. Съ 1573 по 1685 годъ въ Вознесенскомъ монастырѣ игуменіей была *Феоданія Паикова*.

„Наканувъ праздника святыхъ апостолъ Петра и Павла я проводилъ пресвященнаго къ намъ на Угрѣшу, гдѣ въ скиту въ этотъ день праздникъ, а самъ я служилъ всенощное бдѣніе и на утро позднюю литургію въ главномъ храмѣ Великомученицы Екатерины, а у праздника, въ предѣлахъ что надъ теплою церковію, была ранняя литургія.

„Такъ какъ я лилъ воды, то служилъ не часто, а только въ большіе праздники: въ Петровъ день, въ Преображеніе, въ Успеніе и въ день принесенія изъ Бронницъ чудотворной Иерусалимской Иконы Богородицы, которую по усердію принималъ у себя на дачѣ Колоновъ, а отъ него повесили ее въ Подольскъ. Это было въ концѣ іюля. Августа 1, въ Спасовъ день, я ходилъ на воду, на прудъ, но не служилъ; большаго народнаго стеченія не было.

„Вскорѣ послѣ Ильина дня меня посѣтилъ пресвященный Кириллъ, митрополитъ Пальмирскій, который по разстроенному своему здоровью, съ 12 іюля и по 9 августа, временно пребывалъ на Угрѣшѣ.

„Пріѣхавъ на Угрѣшу онъ не пожелалъ пребывать въ архіерейскомъ домѣ, но предпочелъ мою скитскую келью. Ходилъ къ службамъ по усмотрѣнію, то въ скитскую церковь, то въ монастырь. *

* Вотъ нѣкоторыя подробности о пресвященномъ Кириллѣ, теперь уже скончавшемся. Свѣдѣнія эти, какъ не относящіяся непосредственно къ отцу Пимену, но можетъ-быть для нѣкоторыхъ любителей, помѣщаемъ въ примѣчаніи.

Пресвященный Кириллъ родомъ Грекъ, царградскій уроженецъ, изъ купческаго званія, пріѣхалъ въ Москву въ 1869 или 1870 году за сборомъ для Антиохійскаго патріархата и потому жительствоваеъ на Антиохійскомъ подворьѣ, что между Ильинкой и Варваркой.

IV.

Пребываніе отца Пимена въ Екатеринбургской пустынь, какъ мы видѣли, предписанное ему врачами и необходимое для лита водъ въ удаленіи ото всякихъ дѣлъ, подамо поводъ къ газетной слетнѣ. Въ *Современныхъ Извѣстіяхъ*, въ № 200 было напечатано: „Насъ извѣщаютъ что настоятель Угрѣшскаго монастыря архимандритъ Пимель, по распоряженію Святѣйшаго Синода, отправленъ на покаяніе въ одну изъ

Митрополитъ Иннокентій и преосвященныя викаріи къ нему весьма расположились за его благодушіе, кротость и строго монашеское житіе и весьма часто приглашали его къ служенію и къ трапезованію; при служеніи съ викаріями онъ всегда первенствовалъ.

На видъ ему было не болѣе 45 лѣтъ; весьма благообразный, худощавый, невысокаго роста, онъ носилъ одежду очень простую и черныя кабуки, какъ это принято на Востокѣ, гдѣ есть патриархи; носъ худой, удлинненную и скремную; почти всегда ходилъ гдѣ-то; но когда ему приходилось ѣхать на служеніе, то кто-нибудь изъ преосвященныхъ присылалъ ему свою карету; онъ бывалъ нерѣдко въ крестныхъ ходахъ.

Въ іюль мѣсяцѣ, послѣ служенія въ Успенскомъ соборѣ, съ нимъ случился обморокъ, продолжавшійся долго, и послѣ того какое-то отупленіе мыслей и сознанія, не собственно помѣшательство, но нѣчто на то похожее. Митрополитъ принималъ живое участіе въ его покаяніи: старался дознаться до причинъ подобнаго состоянія, и желая его разказать что онъ давно уже почти не принималъ пищи и до того ослабѣлъ что иногда находили его во время молитвы упавшимъ ницъ и сляпшимъ на полу. Владыка отправилъ его съ однимъ изъ московскихъ архимандритовъ на Угрѣшу, надеясь что чистый воздухъ на нѣтъ благотворно подѣйствуетъ; но и до прѣѣзда на Угрѣшу его душевный недугъ не уменьшился: онъ почти не употреблялъ пищи, иногда уходилъ изъ монастыря, не зная куда идетъ, и его ложили на дорогѣ; иногда приходилъ въ хлѣбную или въ братскую кухню, ложился на лавку и засыпалъ, и однажды запертво пролежалъ почти цѣлыя сутки у себя въ кельи, такъ что его считали умершимъ. Такъ провелъ онъ около мѣсяца на Угрѣшѣ, потомъ отвезли его въ Москву ко врачу по душевнымъ болязнямъ, гдѣ онъ жилъ нѣкоторое время, и когда ему стало примѣтно лучше, его уговорили возвратиться на родину, въ Царьградъ, гдѣ онъ жилъ у родныхъ въ домѣ, такъ какъ имѣлъ мать и сестру. Немного лѣтъ спустя тамъ скончался, кажется не возвращаясь въ свою епархію.

московскихъ пустыней за оскорбленіе дѣйствіемъ іеромонаха Угрѣтскаго монастыря“.

Подобнаго ничего не было: ни оскорбленія іеромонаха, ни распоряженія Святѣйшаго Синода.

Клевета возникла изъ слѣдующаго обстоятельства. Въ этотъ годъ весной отецъ Пименъ выслалъ изъ монастыря одного изъ расофорныхъ послушниковъ, не только лишивъ его расы, но и велѣвъ подстричь ему волосы. Быть недовольнымъ дѣйствіями этого расофорнаго монаха отецъ Пименъ имѣлъ основаніе, но должно признаться, съ нимъ все-таки было поступлено чрезмѣрно строго. Но какъ мы уже упоминали, отецъ Пименъ не всегда соразмѣрялъ наказаніе съ проступкомъ, отчего иногда дѣйствовалъ жестко.

Такъ было и въ этомъ случаѣ.

Высланный братъ, весьма добрый, хорошаго поведенія и расторопный малый, дѣтъ уже съ пять былъ въ монастырѣ когда вздумалъ проситься на Аѳонъ, на что родные давали ему денегъ. Расположенный къ этому брату и небольшой охотникъ до продолжительныхъ отлучекъ на богомолья, отецъ Пименъ неоднократно и сперва весьма ласково, а потомъ и безъ досады отговаривалъ его не *шататься и не тащиться безъ нужды*. Молодой человѣкъ весьма усиленно и настойчиво отпрашивался и наконецъ добился что хотя весьма неохотно, архимандритъ все-таки отпустилъ его.

Это продолжительное отсутствіе весьма повредило ему во мнѣніи отца Пимена, такъ что когда онъ возвратился, то замѣтилъ въ настоятелѣ большую къ себѣ перемѣну и сильное охлажденіе которое люди къ нему нерасположенные старались еще усилить.

Какой бы запасъ смиренія, терпѣнія и благоразумія ни имѣлъ молодой человѣкъ не лишенный самолюбія, хотя и монахъ, больно и прискорбно видѣть перемѣну и охлажденіе въ начальникѣ и происки и злорадство окружающихъ... Такъ было и съ аѳонскимъ путешественникомъ: какъ онъ ни крѣпился и ни ободрялъ себя, уязвленное самолюбіе, а можетъ быть и ядовитые совѣты мнимыхъ доброжелателей возымѣли перевѣсъ и онъ рѣшился совсѣмъ разстаться съ Угрѣшей. Но и это было не легко, потому что отецъ Пименъ весьма неохотно и почти всегда немирно отпуская изъ монастыря тѣхъ которые желали выдти.

Желая избѣжать ожидаемой непріятности и прелатствій неопытный молодой человѣкъ навлекъ себѣ чрезъ то еще

только большую скорбь: онъ отпросился по болѣзни въ Москву и проведя нѣкоторое время въ больницѣ, послѣ того безъ дозволенія и безъ вида отправился по желѣзной дорогѣ въ смежную епархію и сталъ тамъ проситься въ одинъ изъ синодальныхъ монастырей. Настоятель согласился принять его и чтобъ ускорить дѣло принялъ отъ него представленное прошеніе и послалъ въ синодальную контору.

Возвратившись на Угрьшу этотъ неосторожный путешественникъ сдѣлалъ еще неосторожность: сталъ разказывать что онъ подалъ прошеніе о переводѣ его въ синодальный монастырь, прибавляя „что отецъ Пименъ теперь уже не помышляетъ ему выдать, что синодальная контора сумѣетъ его выручить“. Конечно эти слова дошли до отца Пимена и разумѣется не смягченныя, а еще усиленныя и попопозвонныя.

Когда пришелъ запросъ изъ синодальной конторы, отецъ Пименъ потребовалъ къ себѣ просящагося и такъ его отчиталъ за все, и за путешествіе на Афонъ, и за обманъ что онъ просился въ больницу, а попалъ въ чужую епархію, и за отлучку безъ спроса и т. д., что несчастный не зналъ куда дѣться и что дѣлать. Опасаясь чтобъ отецъ Пименъ еще чего-нибудь не придумалъ съ нимъ сдѣлать въ наказаніе, онъ выписалъ свою мать и чрезъ нее сообщилъ о своемъ положеніи своей крестной матери, важной особѣ, бывшей въ то время начальницей одного благотворительнаго заведенія въ Москвѣ.

Желая помочь своему крестнику и не зная характера отца Пимена, эта дама только подлила масла на огонь: она взялась за дѣло нѣсколько свысока, не сочла нужнымъ написать къ отцу Пимену ласковое и вѣжливое письмо, которое конечно все бы дѣло уладило, но прислала своего дворецкого, который можетъ-быть дурно передалъ данное ему порученіе и сказалъ отцу Пимену:

— Ея сіятельство проситъ васъ не задерживать ея крестника и поскорѣе его отпустить, а не то они сами будутъ просить митрополита и т. д.

Можно себѣ представить какъ подобное ходатайство должно было подѣйствовать на отца Пимена.

Онъ выслушалъ рѣчь дворецкого и отвѣчалъ ему:

— Скажите княгинѣ что я не ввязываюсь въ ея дѣла по управленію ея заведеніемъ, прошу и ее не вмѣшиваться въ мои дѣла монашескія, это вовсе не женское дѣло и ея не

кажется, а что мнѣ дѣлать съ моею мовою а самъ лучше ея знаю. А угодио ей на мѣня жаловаться, пусть жалуется кому хощеть, мнѣ этимъ грозить неперо.

Послѣ такого неукладнаго просоудства отецъ Пименъ нарочно не сдѣлалъ отвѣчать на запросъ синодальной канторы и безо всякой уже нужды, но въ благодарность вмѣстительства князю, продолжалъ молить отпустить ея крестника.

Тогда она стала просить преосвященнаго Леонидъ и такъ приступала къ преосвященному что даже раздосадовала и его, однако онъ все-таки просилъ архимандрита не томить желающаго выйти, соглашась со своей стороны что онъ виновенъ, и что князь не сдѣлалъ прощанья дворецкаго.

Отецъ Пименъ уступилъ, но сдѣлалъ такъ что крестникъ князю былъ высланъ изъ монастыря лишешный расы и съ окороченными волосами.

Бѣдный мадыгъ ушелъ изъ Угрѣши обливаясь слезами.

Нелзя не сознаться что съ нимъ было поступлено черезчуръ круто. Это обстоятельство, преувеличенное можетъ-быть въ устахъ недовѣрливой и дочитавшей себя обиженною свѣтской барыни, раздутое изъ искры въ большой пожаръ, соопоставленное съ пребываніемъ настоятеля Угрѣшскаго не въ своемъ монастырѣ, подало поводъ къ газетной клеветѣ, которая до того подѣйствовала на всѣхъ что даже члены консисторіи, которымъ извѣстно было что отецъ Пименъ проручилъ отлукъ на два мѣсяца по болѣзни, усомнились, не было ли изъ Синода конфиденціального предписанія прямо къ митрополиту. Преосвященный Леонидъ сильно негодовалъ и предложилъ владыкѣ печатно опровергнуть печатную ложь, но владыка, зная что въ дѣйствительности нѣтъ ни вида со стороны отца Пимена, ни предписанія отъ Синода, не счелъ нужнымъ обратитъ вниманія на *пустую вѣдулку газеты*, какъ онъ выразился.

Въ то время былъ въ Москвѣ проѣздомъ тогдашній товарищъ оберъ-прокурора Св. Синода, къ которому и обратилъ преосвященный Леонидъ, прося его сдѣлать опроверженіе, такъ какъ газета *обогала Св. Синодъ*. Товарищъ оберъ-прокурора жалѣлъ отца Пимена, бранилъ газету, обѣщалъ сдѣлать опроверженіе, но потомъ перемѣнилъ мнѣніе, намелъ что не слѣдуетъ печатно вступать въ состязаніе съ газетною слетней. Извѣстіе о томъ что напечатано въ газетѣ дошло до отца Пимена чрезъ архимандрита Сергія, въ іюль пріѣхавшаго изъ

Колокны. Онъ привезъ съ собою № 200, отъ 23 июля, *Современника* *Известій*.

Прочитавъ о немъ напечатанное, отъ Пименъ сперва правая весьма благодушно какъ человекъ который знаетъ что это выдумка, ложь и клевета, и даже иногда подшучивалъ надъ собою что онъ посланъ врагами на покаяніе; но завола въ сердцѣ видя что остались и возмалась все глубже и глубже, что отчасти сдѣлалось замѣтнымъ и по расположенію его духа.

Приведемъ тѣ строки въ которыхъ отъ Пименъ самъ высказанъ чистосердечно въ своихъ *Воспоминаніяхъ* какое произвела на него впечатлѣніе эта напастъ.

„Прочитавъ (напечатанное въ *Современникѣ* *Известіяхъ*), въ первую минуту я ни мало не смутился, но въ послѣдствіи времени дѣйствительно приходили мнѣ возмутительныя мысля, тѣмъ болѣе что много прошло времени пока епархіальное начальство не опровергло печатно эту печатную клевету, именно 10 октября, № 254 *Московскихъ Ведомостей*. Многие изъ моихъ хорошихъ знакомыхъ, ожидавшіе немедленнаго опроверженія, видя что его нѣтъ, сильно негодовали, а другіе соблазнились и сбрѣдали напечатанное за истину.

„Не мало, впрочемъ, успокоивало меня то что въ дѣйствительности къ этимъ печатнымъ слухамъ не было подано ни какого ловада ни съ моей стороны, ни со стороны монастыря; ибо, благодаря Господа, я могу оказать по совѣсти что во все время моего двадцатилѣтняго настоятельства (1862—1873) я ни чѣмъ не заслужилъ чтобы кто-либо осель себя въ правѣ распускать обо мнѣ подобныя слухи.

„Нѣкоторые изъ людей расположенныхъ ко мнѣ на меня негодовали и упрекали меня въ безлечности, зачѣмъ я не возвращаюсь въ монастырь и не слышу печатно отвѣтить печальному, ежели уже начальство, и само затронутое и обоглавленное, такъ долго безмолвствуетъ. Сознаюсь что иногда во время бессонныхъ ночей (которыя у меня бывали во время моего пребыванія въ Екатерининской пустынь) мнѣ и самому не рѣдко приходили черныя мысли и негодованіе на начальство что оно безъ защиты оставило меня на посрамленіе. Но въ эти тяжелые часы раздумья я успокоивалъ себя, повторяя себѣ и другимъ что *клеветы болятся нечего, но что должно опасаться повода къ справедливому нареканію. И что*

мѣ и говорили, а все-таки остался въ Екатеринбургской пустынь до конца лѣченія, которое завершилось 18 августа.“

Отецъ Пимень не разъ высказывалъ въ разговорахъ свое неудовольствіе..

— Не могу понять что *они тамъ съ Москвою* молчатъ: человека оклеветали, ослозорили, а имъ какъ будто и дѣла нѣтъ... Ну не гожусь я, помани меня на покой, а если я скажу, тружусь и считаютъ меня не лишнимъ и даже нужнымъ. такъ умѣй и защити меня, не давай меня въ обиду... Мнѣ даже смѣшно. „Думали, видишь, что я оскѣмъ и не знаю.“ Что же я ребенокъ что ли отъ котораго можно скрыть? Ну думали что я не узнаю—хорошо, а я узналъ, и молчу, такъ не ихъ ли же дѣло оправдать меня, за меня вступиться?..

Разговоръ этотъ былъ уже нѣсколько времени спустя когда отецъ Пимень, окончивъ пить воды и переночевавъ въ Угрѣшѣ, поѣхалъ на двѣ недѣли въ Берлюковскую пустынь Тамъ онъ получилъ отъ преосвященнаго Леониды слѣдующія письма:

Вашему высокопреподобію миръ, здравіе и спасеніе!

Такъ я и думалъ что вамъ предлѣшутъ отдыхъ. Берлюки процвѣтаютъ. Братъ тамъ былъ; но говорить что дорога въ хорошая. Съ любовью предлагаю вашей любви избрать: 4 версты нехорошей до Берлюковъ (дороги) и 30 версты до Ильинскаго прекрасной и 25 версты до Саввина посредственною, но крайней мѣрѣ не тряской. Знаете что приняты будутъ съ любовью и почтеніемъ, но ѣхать на нѣсколько дней не стоить. Обыкновенно этотъ отдыхъ простирается до 21 дня вы хотя бы двѣ недѣли отдохнули совсѣмъ отъ дѣлъ; было бы хорошо.

„Уже и я благословеніе имѣю къ 15му на Угрѣшю, но ота жилъ; ибо 16го большой выходъ Государа въ Усленскій соборъ.“

Будьте очень, очень осторожны послѣ водъ, и польза будетъ. Господь съ вами, брате возлюбленный.

Леонидъ.

13 августа 1873.

Сестры, у коихъ на дачѣ пишу, просить вашего благословенія. Брату Димитрію привѣтствіе.

(№ 74).

Это письмо должно было застать отца архимандрита въ Угрѣшѣ, но такъ какъ онъ послѣдствовалъ въ Берлюки, то была туда къ нему послана, а преосвященный извѣщенъ что отецъ Пимень уже уѣхалъ, и затѣмъ получено слѣдующее письмо

Высокопреподобнѣйшій и вселюбящѣйшій отецъ архимандритъ, — Куда бы вы ни поѣхали, только на тѣлесное здравіе и спокойствіе духа. То что вы о себѣ пишете мало усложковаться. Впрочемъ, воды и при лучшемъ удачѣйшемъ лѣченіи дѣйствуютъ медленно. Поэтому и нужеъ отдыхъ послѣ нихъ недѣля на три. Не скулятеоъ теперь на время, тратьте его! Владыка оченьъ вами озабочеъ.

Что до гнусной выдумки, то я надѣялся что вы сохъмъ о ней не узнаете, и когда М. А. Н. хотѣла къ вамъ писать, я отговорилъ, чтобы васъ не растревожить новостію, потомуъ узналъ отъ однихъ что вы приняли съ безпокойствомъ, отъ другихъ что съ полнымъ благодушіемъ.

Ю. В. * былъ здѣсь и говорилъ что вооруживъ себя формальностію, онъ выступилъ противъ газеты, слетницы оболгавшей Св. Синодъ и Высочайшую власть, именемъ коей издуются указы. Я собирался писать къ М. Н. Каткову, но писать мадыка запретаъ, и Ю. В. того же мѣнїа, на опытъ основаннаго. Посмотримъ: это дѣло не должно казуть въ воду, хотя вы, въ душѣ смиренной, конечно, давно имъ всѣмъ простили; тутъ принципль, а не личность.

Общалъ прислать ко владыкѣ все дѣло объ общежитіяхъ въ монастыряхъ, по извѣстной запискѣ начатое.

Сегодня сѣхала Царя. Былъ благосклоненъ ко всѣмъ.

Мои родные васъ привѣтствуютъ и въ отчаяніи сестры что не разгромлены гнусные газетчики.

Миръ и здравіе!

Отцу Нилу привѣтъ. Братъ въ восхищеніи отъ его обители.

Брату Д. спасибо за помощь вамъ въ трудѣ.

Леонидъ Е. Д.

Петровское-Разумовское.

Августа 16, 1878.

(№ 75).

Доскажемъ чѣмъ окончилось дѣло этой газетной слетницы. Въ октябрѣ мѣсяцѣ, при первомъ свиданіи отца Пимена со владыкой, владыка первый заговорилъ о напечатанномъ въ *Современныхъ Извѣстіяхъ* и признался что сперва онъ считалъ это глупою болтовней не заслуживавшею вниманія, но въ послѣдствіи, видя что злоумышленный слухъ сашкомъ разнесся, онъ не отрицаетъ необходимости опроверженія и что только поджидалъ возвращенія отца Пимена чтобы слышать его мѣнїе.

Отецъ Пименъ написалъ письмо къ редактору *Современныхъ Извѣстій*, весьма спокойное и умѣренное, но опро-

* Юрій Васильевичъ Толстой, товарищъ оберъ-прокурора.

вергавшее ложное извѣстіе, напечатанное въ № 200, прося напечатать. Отвѣта не послѣдовало и ничего напечатано не было. Онъ повторилъ, но и въ этотъ разъ его требованіе осталось не напечатаннымъ. Тогда въ № 254 *Московскихъ Вѣдомостей*, 10 октября, съ благословенія владыки, было напечатано такого рода опроверженіе: „Мы получили отъ московскаго епархіальнаго начальства слѣдующее сообщеніе: Въ № 200 *Современныхъ Извѣстій* напечатано будто бы Никола-Угрьскаго монастыря архимандритъ Пименъ, по распоряженію Святейшаго Синода, отправленъ на молебніе въ одау изъ московскихъ пустыней за оскорбленіе дѣйствіемъ іеромонаха Угрьскаго монастыря. Извѣстіе это совершенно ложно: никакого указа или распоряженія Св. Синода не было, да и быть не могло; ибо никакихъ жалобъ къ духовному начальству на архимандрита не поступало и никакого дѣла не возникло. Архимандритъ Пименъ былъ съ января мѣсяца боленъ и лѣчился, не оставляя ни одного изъ многосложныхъ овощей запятій; лѣтнее же время по причинѣ болѣзни провелъ съ совѣта врачей и съ разрѣшенія начальства въ пустыняхъ Екатериининской и Берлюковской, а въ сентябрѣ возвратился въ монастырь. Болѣзнь между тѣмъ достигла зрѣлости и привела къ серьезной операціи исполненной надъ нимъ извѣстнымъ хирургомъ Иваномъ Николаевичемъ Новацкимъ. Архимандритъ Пименъ, какъ монахъ, не вступилъ за себя; но такъ какъ клевета распространенная чрезъ печатаніе во многихъ газетахъ возымѣла свое ядовитое дѣйствіе на репутацію оклеветаннаго, то ему какъ лицу начальственному, коего вліяніе какъ блгочиннаго распространяется на всѣ общественные монастыри Московской епархіи, молчать было невозможно, и онъ писалъ въ редакцію *Современныхъ Извѣстій* письмо которое просилъ напечатать, но сіе требованіе, даже повторенное, не было, вопреки ожиданію, удовлетворено редакціей“.

V.

Пребываніе отца Пимена въ Берлюковской пустыни, продолжавшееся всего двѣ недѣли, съ 17 по 31 августа, не ознаменовалось ничѣмъ особеннымъ и относительно его здоровья не принесло ему существенной пользы.

День своихъ именинъ онъ провелъ въ Берлюкахъ и подучилъ отъ преосвященнаго Леониды слѣдующее письмо:

Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ,—Миръ тебѣ, столпе монашества, просвѣщающій монашество началомъ душеспасительнаго общежителства! Вотъ вамъ, авво возлюбленный, привѣтъ на день Ангела подсказанный мнѣ Святѣмъ Иларіономъ.

Вотъ вижу, и Исхиріонъ идетъ на помощь и велитъ мнѣ повторить и для себя и для васъ что сказалъ онъ нѣкогда отцамъ на вопросъ ихъ: „Что мы сдѣлали?“ Авва отвѣчалъ: „Мы исполнили заповѣди Божіи“. Когда спросили его затѣмъ: „А что сдѣлають тѣ которые будутъ послѣ насъ?“—Онъ, сказалъ авва, сдѣлають въ половину противъ насъ“. Когда же, наконецъ, спросили: „А что тѣ которые послѣ насъ будутъ?“ Отвѣтствовалъ Исхиріонъ такъ: „Люди вѣка того ничего не сдѣлають, но къ нимъ придетъ искушеніе, и тѣ которые въ то время окажутся добрыми будутъ выше насъ и отцовъ нашихъ“.

Вы не можете сказать что ничего не сдѣлали; но тѣмъ лучше для васъ что и въ вышній вѣкъ, когда ничего не дѣлають мнимые подвижники, далъ вамъ Господь многое сдѣлать во славу Его, и къ тому присоединили поприще на коени и они сластися могутъ.

Пришли искушенія: болѣзнь, клевета. Вы терпѣливо переносите болѣзнь... Не пренебрегаете вышнихъ знаковъ чести, въ которыхъ совсѣмъ не та похвала что была такъ дорога Павлу; наконецъ и отъ клеветы человѣческой не потеряли мужества въ храненіи заповѣдей. Будетъ или не будетъ оказана обѣщанная защита, она не для васъ нужна, а для монашества и для вашего дѣланія, а наипаче для общественаго тѣла, которое у насъ часто поражаютъ публично въ самыя вѣжные и жизненные органы.

Можетъ-быть, Богу нужно въ этомъ только испытаніе нашего смиренія и средство къ высшему совершенію; тогда ничего вышняго не возникнетъ. А можетъ-быть Богу угодно, да, послуживъ разными способами монашескому и не монашескому обществу, вы и этимъ бы послужили ему; тогда случай съ вашимъ именемъ не останется въ забвеніи, и Господь *яко съетъ изведетъ правду* вашу. Мирствуйте.

27го, еще Богъ изволить, долженъ въ ходъ, а потомъ 29го и 30го. Поэтому ни на Угрѣшѣ, ни въ Берлюкахъ не могу видѣться. Желая быть съ вами духомъ.

Благословите!

Отцу Нилу и брату Димитрію привѣтствіе.

Леонидъ Е. Д.

Петровское-Разумовское.
25 августа, 1878.

Послѣ своего пребыванія въ Бераюкахъ отецъ Пименъ возвратился на Угрѣшу и провелъ первую половину сентября мѣсяца довольно спокойно, не очень сильно ощущая тѣ боли по признакамъ которыхъ предполагали начало каменной болѣзни, служилъ и въ Рождество Богородицы и въ день праздника Воздвиженія, когда бываетъ весьма продолжительное всеобщее бѣднѣе, при великомъ стеченіи народа. Но сентября 18 появились внезапно такіе признаки, сопровождаемые столь сильными страданіями, послѣ которыхъ отлагать еще свиданіе со врачами становилось невозможнымъ, онъ отправился въ Москву и совершилъ этотъ весьма не дальній путь съ великимъ трудомъ и утомленіемъ.

По осмотру, который былъ сдѣланъ профессоромъ Новацкимъ въ присутствіи монастырскаго врача Тяжелова, оказалось что камень дотолъ только предполагаемый и при первомъ осмотрѣ или еще не образовавшійся, или не найденный несомнѣнно существуетъ, и операція *литотритіи* (камнедробленія) оказалась неизбѣжною, и положено было что профессоръ Новацкій (который пріобрѣлъ огромную извѣстность въ этомъ весьма трудномъ способѣ извлеченія камня) совершитъ ее по прошествіи нѣсколькихъ дней.

Отецъ Пименъ довольно спокойно выслушалъ рѣшеніе И. Н. Новацкаго о необходимости операціи, но на владыку-митрополита и въ особенности на преосвященнаго Леонида это извѣстіе произвело весьма тяжелое впечатлѣніе. Откладывать однако было нельзя, и митрополитъ сказалъ отцу Пимену при свиданіи съ нимъ: „Ужь если нельзя обойтись безъ операціи, то положитесь на волю Божию“.

Первую операцію И. Н. Новацкій дѣлалъ октября 2го, а вторую 5го; предполагалось сдѣлать еще и третью чрезъ недѣлю спустя, но лихорадочное состояніе больного, неожиданное мѣстное весьма сильное воспаленіе, расстройство желудка и наконецъ ничѣмъ неукрощаемая икота, продолжавшаяся около двѣнадцати сутокъ, привели отца Пимена въ такое состояніе что ежечасно ожидали его кончины.

Какъ истинный пастырь церкви и какъ другъ по душѣ, преосвященный Леонидъ, скорбя о болѣзненномъ состояніи недужнаго тѣла, болѣе всего заботился о здравіи и цѣленіи души; онъ предложилъ отцу Пимену пріобщиться Святыхъ Тайнъ и пожелалъ самъ совершить надъ нимъ таинство елеосвященія, которое было совершено соборнѣ; съ преосвященнымъ

въ ономъ участвовали: архимандритъ Новоголутвинскій Сергій, строитель Берлюковскій Нилъ, угрѣшскій казначей Мелетій и духовникъ, іеромонахъ Саввинскаго подворья, отецъ Сергій, нынѣ архимандритъ Дмитровскаго Борисоглѣбскаго монастыря.

Послѣ соборованія преосвященный остался у больного, у котораго онъ верѣдко проводилъ цѣлые вечера, и примѣтивъ что онъ въ смущеніи, старался доискаться до причины и наконецъ прямо спросилъ его: „Скажите пожалуйста мнѣ, что васъ смущиваетъ, не могу ли я тутъ въ чемъ-нибудь вамъ помочь?“

Можетъ-быть преосвященному приходило на мысль что отецъ Пименъ, чувствуя свое положеніе, желалъ бы указать на человѣка котораго хотѣлось бы видѣть своимъ преемникомъ и не рѣшается высказать своей мысли, и потому и сдѣлалъ ему этотъ вопросъ. Но отвѣтъ отца Пимена доказалъ что онъ помышлялъ о совершенно иномъ.

— Я одного еще не докончилъ, именно не сдѣлалъ духовнаго завѣщанія...

Въ свою очередь преосвященный очень смутился отъ этого отвѣта.

— А развѣ... сказалъ онъ и остановился не зная какъ выразить свою мысль, и потомъ прибавилъ:— А развѣ въ завѣщаніи есть надобность? Я думалъ что вамъ и завѣщать нечего.

— Именно оттого-то что я ничего не имѣю, я и считаю нужнымъ завѣщаніе...

— Ну, слава Богу! воскликнулъ преосвященный перекрестившись, и объявъ отца Пимена.—Простите что я на мигу не могъ подумать что вы что-нибудь имѣете...

Онъ тотчасъ послалъ своего человѣка за своимъ братомъ чтобы тотъ пріѣхалъ съ нотаріусомъ, что и было сдѣлано, и завѣщаніе черезъ часъ было написано, а свидѣтелями были братъ преосвященнаго А. В. Краснополѣвковъ, А. В. Симанскій и духовникъ отецъ Сергій.

Отецъ Пименъ о завѣщаніи своемъ замѣчаетъ въ *Воспоминаніяхъ*: „Я сдѣлалъ это завѣщаніе для того именно чтобы послѣ меня никого не залодозрили и не искали бы какихъ-нибудь сокровищъ или денегъ которыхъ никогда не собиралъ и не имѣлъ, и потому я завѣщевалъ послѣ себя не дѣлать имущества и ничего не искать, считая все оставшееся не своимъ, а монастырскимъ. Я всегда былъ того мнѣнія что ежели намъ что дарять, то конечно не намъ лично,

а видя въ насъ настоятелей обители: мы умираемъ, а настоятель всегда существуетъ; но самъ настоятеля не освобождаетъ отъ обѣтовъ монашескихъ, а для монаха первое богатство не имѣть ничего, и слѣдовательно то чѣмъ мы пользуемся, принадлежитъ монастырю.“

Положеніе отца Пимена было не только опасное и сомнительное, но можно сказать почти безнадежное, такъ что и врачи приходили въ недоумѣніе не зная къ какому средству прибѣгнуть чтобъ увяты не прекращавшуюся икоту, которая началась безъ видимой и ничѣмъ не объяснимой причины и внезапно прекратилась отъ теплаго молока.

Всеобщее къ себѣ расположеніе которое стяжалъ отецъ Пимень вполнѣ высказалось въ продолженіе его болѣзни: не только короткіе его знакомые, но даже и тѣ кто его только нѣсколько знали посылали узнавать о его здоровьи или прѣзжали сами навѣщать его. Владыка не разъ присылалъ къ нему своего сына, протоіерея Гавріила, а о пресвященномъ Леонидѣ и говорить уже нечего: невозможно передать его заботливость и полечительность о больномъ съ первыхъ дней его болѣзни и до самаго его выздоровленія. Это можно усмотрѣть, между прочимъ, изъ тѣхъ коротенькихъ писемъ и записочекъ которыя онъ посылалъ къ отцу Пимену. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ, — Вседушно скорблю о болѣзни вашей и надѣюсь завтра видѣть васъ, тогда и поговоримъ объ Угрѣшѣ.

Въ Разумовскомъ холодно, но на Саввинскомъ (подворьѣ) все въ передѣлкѣ и негдѣ жить; поэтому я долженъ терпѣть холодокъ еще нѣсколько дней.

Мы съ братомъ о васъ бесѣдовали когда пришло письмо. Не переставемъ молить Бога чтобы возлюбленный и драгоценный отецъ Пимень и тѣломъ, и духомъ возобновленъ былъ вполнѣ.

Сейчасъ вошли ко мнѣ Андрей Владиміровичъ и Анна Петровна Симанскіе и свидѣтельствуютъ вамъ почтеніе. Миръ вамъ!

Леонидъ.

Сентября 23, 1873.
(№ 78.)

Благодарю, отецъ архимандритъ, за праздникъ *. Онъ былъ

* Пресвященный вѣдаль на Угрѣшу и служилъ тамъ въ крестовой церкви архіерейскаго дома въ праздникъ преподобнаго Сергія, а отецъ архимандритъ находился въ это время въ Москвѣ на подворьѣ, по случаю болѣзни, почему пресвященнымъ и уговариваетъ его не прѣзжать на Угрѣшу.

хорошъ, только малолюдень. За то все было для святаго и небесной славы его.

Прошу васъ не портить себя отъѣздомъ сюда, если врачи сомнительно будутъ соглашаться. Поѣздка въ Лукино * раз-мекла бы васъ, но вы себя тамъ замучаете; слѣдовательно, ѣздить ли? Христось съ вами!

Леонидъ. Е. Д.

Угрюша, 25 сентября 1873.

(№ 79.)

Дай Господи чтобы слова Новацкаго оправдались! Здѣсь не прекращается о васъ молитва.

Возлюбленнѣйшій авва,—Наслаждаясь тѣмъ что здѣсь пригото-вила ваша рука и для жителей и для посѣтителей, я нѣ-сколько понимаю ваши страданія.

Такой услыхъ отъ Бога дается только любимымъ его ра-бамъ и сынамъ, а любимыхъ Онъ и наказуетъ. Что все это значить какъ не то что Господь ваше дѣланіе предъ Нимъ при-млетъ и какъ лшеницу на гумнѣ очищаетъ дѣла ваши отъ всякой человѣческой примѣси, чтобы даровать вамъ жи-вотъ вѣчный, а дѣламъ земнымъ прочность, къ какой земныя дѣла способны. Всякую розгу приносящую плодъ отребля-еть, да множайшій плодъ принесетъ. Я уловаю на милость Божію что все, и тѣлесныя и нравственныя болѣзни, обратят-ся вамъ во благо.

Господь съ вами!

Поманите о улокоеніи усопшей Екатерины отроковицы: уснула о Господѣ, тронувъ и лочувъ окружающихъ и стра-даніями и смертію. *Аще не обратитесь и будете яко дѣти.* Слова особенно поучительныя, слышныя при этомъ гробѣ, который въ этотъ часъ опускаютъ въ землю.

Будьте же, другъ мой, мужественны, яко же достойный юнакъ Исусъ Христовъ чтобы когда кто-либо изъ насъ ома-лоушествуетъ, можно было на вашъ примѣръ взглянувъ укрѣпиться.

Простите! Буду въ общину тотчасъ послѣ ранняго обѣда.

Леонидъ.

Угрюша, 29 сентября 1873.

Възвъ полудня.

(№ 80.)

* Село Лукино въ 12 верстахъ отъ Угрюши, Подольскаго уѣзда; прежде принадлежало Алекс. Петр. Головиной, которая завѣщала въ пользу Крестовоздвиженской общины (находившейся въ селѣ Паара, Стрѣль Ямс тожъ, на большой Каширской дорогѣ), заведенной вдо-вой Саватюгиной въ 1855 и мало-по-малу умножившейся до семидесяти сестеръ. По смерти Головиной община была переведена въ Лукино и Высочайше утверждена подъ именемъ Крестовоздвижен-ской общины, которая, какъ и всѣ общежительныя монастыри Мо-сковской епархіи, находилась въ вѣдѣніи благоуспѣшнаго отца Пимена. Тамъ должно было совершаться освященія колоколки.

Высокопреподобѣйшій отецъ архимандритъ,—И слезы и разказъ отца Ираклія * меня встревожили и мы на вечернѣ присоединили молитвы о васъ болящемъ. Онъ сказывалъ что и видѣть васъ нельзя; ибо, говоритъ, вамъ тяжело и опасно и что сегодня будетъ еще новая операція.

Молю Господа объ облегченіи вашихъ страданій и о исцѣленіи вашемъ, но въ то же время думаю, не потому ли медлитъ Господь подаваніемъ помощи что Его таинственная помощь не призвана, которая и болящаго освящаетъ и врачующую руку направляетъ и дѣйствуетъ, еще изволить Богъ, не только средствами земными, но и прямо благодатными.

Почему донынѣ вы не приняли ни котораго изъ таинствъ: ни покаянія съ причащеніемъ, ни елеосвященія?

Напоминаю вамъ потому что самъ бывалъ въ болѣзни и знаю что болящему нужно напоминаніе. Иду въ храмъ, гдѣ олятъ о васъ будетъ моленіе.

Христосъ съ вами!

Не лишите, а скажите какъ провели ночь и какъ себя чувствуете.

Леонидъ Е. Д.

12 октября.
1873. 9 час. утра,
Москва.
(№ 82.)

Послѣ этого письма, по желанію преосвященнаго, отецъ Пименъ пріобщался обѣдненными дарами, которые привозили съ Саввицкаго подворья, и самъ преосвященный особоровалъ болящаго.

Крайне опасное, почти безнадежное его положеніе сильно тревожило преосвященнаго и потому еще въ особенности что онъ видѣлъ усилія искуснѣйшихъ врачей которые пришли въ тулицъ, не зная болѣе что имъ уже и дѣлать. Но затѣмъ послѣдовала внезапная переменъ къ лучшему и быстрое выздоровленіе, что никакъ нельзя приписать случайности, и должно признать особымъ проявленіемъ милости Божіей. Въ этомъ убѣжденъ былъ и отецъ Пименъ.

„Въ заключеніе о своей болѣзни, говоритъ онъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, я скажу что на свое выздоровленіе я емотрѣлъ не иначе какъ на великое чудо, совершенное Господомъ

* Отецъ Иракаій, іеромонахъ и экономъ угръшскій, человекъ весьма преданный отцу Пимену и одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ его помощниковъ по хозяйственной части послѣ выхода отца Нила и долгое время бывший главнымъ свѣчиномъ. Онъ и теперь находится на Угрьшѣ и продолжаетъ исправлять должность эконома, вѣроятно въ послѣдствіи будетъ казначеемъ, и весьма благонамѣреннымъ и хорошимъ.

до Его милосердію ко мнѣ недостойному и, конечно, не смаче могу объяснить себѣ это не заслуженное мною благоволеніе Божіе, какъ молитвами архипастырей. Пресвященному Леониду угодно было на его подворьѣ и въ Саввиинъ монастырѣ, а равно чтобъ и въ обителяхъ моего благочинія обо мнѣ молились во все время моей болѣзни. Благодарю и отца (архимандрита Антонія) намѣстника Троицкой Лавры, велѣвшаго поминать на ектеніяхъ болящаго Пимена.

„Первый мой выѣздъ для прогулки по моему выздоровленію былъ до церкви Смоленской Божіей Матери что близъ Никитскаго. Я доѣхалъ до церкви, помолился иконѣ не выходя изъ кареты и возвратился домой.

„На слѣдующій день, въ 11 часовъ утра, я поѣхалъ къ пресвященному Леониду, благодарилъ его за всѣ его особія ко мнѣ милости, и ежели я могу такъ выразиться, то скажу, не только за архипастырское, но за совершенно родственное, дружеское ко мнѣ расположеніе.

„Меня вышелъ встрѣтить братъ пресвященнаго и повелѣ на верхъ по лѣстницѣ. Когда я вошелъ въ гостиную пресвященный сталъ меня обнимать и не разъ повторялъ мнѣ: „Не вѣрю, не вѣрю своимъ глазамъ что опять васъ вижу у себя въ домѣ.“ И повелѣ меня въ свою церковь изъ залы изъ которой дверь въ молельную примыкающую къ алтарю и читалъ благодарственные молитвы. Я у пресвященнаго оставался недолго, потому что чувствовалъ себя еще слабымъ и слѣдовалъ возвратиться домой.

„Вечеромъ того же дня я отправился на Троицкое подворье ко владыкѣ. Когда ему обо мнѣ доложили, онъ не повѣрилъ и переспросилъ у докладывавшаго, думая что ошибся и не такъ разслышалъ. Когда я вошелъ въ залу онъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу, взялъ меня за руку и повелѣ въ гостиную, говоря: „Вотъ радость-то, вотъ радость!“

„И посадивъ меня возлѣ себя неоднократно повторялъ опять: Ну слава Богу, слава Богу! Владыка милостиво выразилъ мнѣ свою радость о моемъ выздоровленіи и признался что не думалъ уже меня видѣть въ живыхъ. Я пробылъ у него недолго.

„Вообще всѣ знакомые мои встрѣчали меня съ особенною радостію и какъ человѣка приговореннаго къ смерти который внезапно воскресъ.

„Ноября 19, въ день памяти покойнаго владыки, я служилъ заупокойную литургію на Саввинскомъ подворьѣ, а преосвященный Леонидъ совершалъ поминовеніе въ Чудовомъ монастырѣ. Въ Екатерининъ день меня пригласили въ Ново-Екатерининскую больницу на торжество столѣтія, но я литургіи не служилъ, а совершалъ только молебствіе.

„Декабря 3, въ день памяти преподобнаго Саввы, я служилъ у преосвященнаго на подворьѣ и въ этотъ день была праздничная трапеза, которую почтилъ своимъ присутствіемъ самъ владыка, кушалъ также и преосвященный Игнатій, епископъ Можайскій, и было кромѣ меня еще нѣсколько архимандритовъ.

„Декабря 5 я простился съ преосвященнымъ послѣ всеобщной у него на подворьѣ, такъ какъ на другой день неудобно было бы намъ видѣться: онъ долженъ былъ служить въ Чудовомъ монастырѣ, а я въ его отсутствіе на подворьѣ. Преосвященный напутствовалъ меня своимъ благословеніемъ и св. иконой преподобнаго Саввы и выразилъ всевозможныя благожеланія, доказывавшія все его ко мнѣ расположеніе. Онъ вполне раздѣлялъ мое мнѣніе что возвращеніе мое къ жизни было воистину великимъ чудомъ милосердія Божія за праведныя молитвы многихъ о мнѣ молитвенниковъ.

„Декабря 6 отслуживъ литургію на подворьѣ у преосвященнаго я отправился къ себѣ домой, слегка пообедалъ и въ два часа собрался ѣхать на Угрѣшу.

„По возвращеніи въ монастырь я лѣкарствъ уже болѣе не употреблялъ, но согласно совѣту врачей долженъ былъ позаботиться о восстановленіи силъ посредствомъ легкой и питательной пищи и благодаря Бога настолько подкрѣпилася что во всю великую четьредесятницу могъ употреблять по обыкновенію совершенно постную пищу и даже безъ масла, такъ какъ ово оказалось вреднымъ для моего желудка.“

Вотъ нѣсколько писемъ преосвященнаго слѣдовавшихъ за возвращеніемъ отца Пимена на Угрѣшу, въ которыхъ видно тоже выраженіе дружеской заботливости.

Совѣстно мнѣ принимать благодарность незаслуженную. Приемлю какъ слово льющееся изъ души которая полна благодарности къ Богу и ищетъ среди людей на кого бы ей излиться. Давно воскресилъ васъ Господь: Онъ вознесетъ и омиренье ваше. Много благодареній Богу за ваше выздоровленіе.

Отъ этихъ благодареній душъ вашей будетъ та же польза какая бываетъ отъ прошеній къ Богу возносимыхъ.

Сдѣлайте милость помните что вамъ надобно выздоравливать прочно, поэтому медленно, безъ торопливости, съ истиннымъ терпѣнiемъ. Не полагайтесь на обновленіе силъ. Это обманчиво. Чѣмъ болѣе будете лѣниться тѣмъ лучше будетъ для здоровья и въ послѣдствіи для службы. Такъ же все отъ чего предвидите возмущеніе отдаляйте отъ себя. Въ обясненія горячія или продолжительныя совѣщанія отнюдь не входите. Ежели случайно, чего Боже сохрани, кто-либо изъ братій скажетъ слово гордое или грубое, удалите его, не позволяйте себѣ продолжать съ нимъ разговоръ.

Берегитесь горячей и грубой пищи: вологодскія привычки да исчезнутъ! Въ чтеніи съ душевнорасширяющимъ соединяйте легкое, историческое.

Вдуръ по долгу никакимъ дѣломъ не занимайтесь!

Прошу святыхъ молитвъ вашихъ, да очиститъ и освятитъ и укрѣпитъ меня Господь повести бремя оставленное мнѣ архипастыремъ нашимъ. Простите!

Леонидъ Е. Д.

Москва.
декабря 12.
1873.
(№ 83).

Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ,—Надобно ли говорить какъ я сожалею что васъ не будетъ и что причина въ болѣзни.

Опухоль ногъ бываетъ отъ стоянія долгаго и отъ дурнаго пищеваженія и т. д.

Опытъ учить что горизонтальное положеніе ногъ, просторная обувь и натираніе прованскимъ масломъ (можно съ частицей камфоры) служить къ облегченію.

Да даруетъ вамъ Господь исцѣленіе! Если не можно въ лѣтницу, пріѣзжайте въ среду. Намъ солрисутствуйте молитвою. Миръ вамъ!

Леонидъ Е. Д.

Москва.
января 18
1874 г.
(№ 84).

Возлюбленный отецъ архимандритъ,—Пишу къ вамъ утѣшенный до послѣднихъ степеней, во радостный; ибо Господь слодобилъ меня сегодня присоединить къ православію одного изъ лютаго раскола Филипповца, очень почтеннаго и умнаго Моисея, * коего я хотѣлъ къ вамъ послать,

* Этотъ Моисей Филипповецъ вѣскольکو времени слуста иршаель на Угрьшу съ письмомъ отъ пресвященнаго, былъ прилать въ

но оставилъ чтобъ онъ видѣлъ пасхальный чинъ кремлевскій; когда пришло, примите съ любовью; другаго изъ ереси Несторіевой.

Произвелъ въ игумены скитскаго строителя и въ архимандриты въ четвертокъ Перервинскаго; сегодня смотрителя училища Заиконосласкаго Діонисія и еще нѣсколько протоиереевъ. Слава Господи владыку что все это къ Пасхѣ: двоякѣ отрадио.

Если дорога худа, не слѣшите прѣздомъ, а къ 16му просимъ непремѣнно, аще живы будемъ.

Я былъ до нынѣ въ дѣлахъ службы до преизбытка; но, слава Богу, лишь бы не въ праздности. Служба сегодня шесть часовъ продолжалась, и слава Тебѣ, Христе!

Радуюсь сорокалѣтнѣю вашему и убѣжденъ что Господь исчислитъ всѣ часы служенія вашего и сугубо воздастъ за все не возданное вамъ на землѣ: тогда пріемля отъ него награду возрадуетесь что не пріяли мзды въ животѣ своемъ.

Господь да всако радуеть сердце ваше и да будетъ Ему благопріятенъ трудъ вашъ! Въ ваше мирное ощущеніе радости Воскресенія переносюсь я хотя мыслію. Простите!

Леонидъ Е. Д.

Москва.

30 марта 1874 года.

(№ 85.)

Воистину Христось воскрес!

Труды во храмѣ, гдѣ источникъ силъ, не труды, а средства къ несенію всякихъ трудностей.

Все по чину Успенскаго собора исполвиль, теперь въ домашней церкви.

Радовалъ другихъ, по порученію владыки возлагая новычны и знаки чести церковной на братіи. Угодно было Господу что такое же обрадование и меня коснулось среди радостей праздника. Въ день Пасхи, возвратившись изъ собора Успенія отъ утрени, нашель у себя телеграмму отъ владыки извѣщающую что мнѣ Высочайше пожалована ланагія украшенная драгоценными камнями, а послѣ обѣдни въ Успенскомъ соборѣ пришла ко мнѣ и ланагія съ Высочайшимъ рескриптомъ: было трогательно что старецъ архипа-

скитъ, гдѣ была дана ему келья. Онъ оказался въ скоромъ времени умопомраченнымъ: ему казалось что раскольники, отъ которыхъ онъ бѣжалъ, его вѣоду преслѣдуютъ, что они подкупили скитскую братію и что злоумышляютъ на его жизнь. Вслѣдствіе этого онъ тайно бѣжалъ изъ скита и подалъ преосвященному записку въ которой доносилъ ему что на Угрѣшѣ въ скитѣ былъ противъ него заговоръ и пр. Преосвященный прислалъ отцу Пимену эту бессмысленную записку въ приложеніи къ своей, въ которой писалъ: „Этому страннику выданъ паспортъ и 7 руб. денегъ и да изыдетъ съ миромъ, если стоить разстроеной душѣ миръ возможенъ. Врагъ вездѣ представляетъ ему разбойниковъ и покушеніе на его жизнь.“ 13 мая 1874 года.

отырѣ, получивъ подѣ вечерѣ въ субботу то и другое, тотчасъ отправилъ ко мнѣ своего секретаря и остался почти на всю недѣлю одинъ съ однимъ полубольнымъ отцомъ Гаврииломъ, только чтобы ланাগія достигла (меня) въ день Св. Пасхи.

Богъ авилъ ко мнѣ и ту милость что нахожу соучаствующихъ и сорадующихся.

Велико для меня, грѣшника, утѣшеніе что Господь и люди терпятъ мое недостоинство. Какъ оцѣню то что и милостию и любовію взыскуютъ!

Благодарю за поздравленіе и желаю въ радованіи и въ здоровьи проводить свѣтлые дни. Воображеніе хочеть, но не умѣеть перенести меня къ вамъ на Пасхѣ. Торжество въ храмѣ и тишина повсюду; гулъ колокольнаго звона по водамъ широкаго разлива великихъ водъ... Не могу и надежды имѣть быть когда-нибудь у васъ въ эти дни.

Простите и мудруйте!

Леонидъ Е. Д.

1 апрѣля 1874.
(№ 86).

VI.

Не продолжая разказа далѣе, мы должны будемъ вѣсколько остановиться и возвратиться къ послѣднему времени выздоровленія отца Пимена и пребыванія его въ Москвѣ.

Онъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ* говоритъ въ концѣ XXII главы: „Во время болѣзни хотя по ночамъ у меня и бывала бессонница, но отсутствіе сна меня не тяготило, а когда я сталъ поправляться, то меня начала одолевать скука, и преосвященный, по своей ко мнѣ внимательности, придумалъ для меня средство чтобъ отогнать скуку, предложивъ мнѣ написать: *Мысли о современномъ состояніи монашества*. Преосвященный и прежде неоднократно предлагалъ мнѣ заняться этимъ дѣломъ, до того времени не удавалось за него приняться, а тутъ я весьма обрадовался этому занятію, какъ врачевству отъ скуки. Я дѣлалъ наброски, которые по приѣздѣ домой поручилъ привести въ порядокъ и выправить и въ такомъ видѣ они поступили потомъ въ печать подѣ заглавіемъ *Монашество и современныя о немъ толки*.“

Почитаемъ излишнимъ и неумѣстнымъ выписывать статью однажды уже напечатанную, не можемъ, однако, прейти и совершеннымъ молчаніемъ это произведеніе отца Пимена, потому уже весьма важное и драгоценное для его жизнеописанія что въ ономъ высказались незамѣтно и для

него самого можетъ-быть задушевныя его чувства и искренняя его любовь къ монашеству, изученію котораго была всецѣло посвящена его жизнь: не только на дѣлѣ и опытомъ изучалъ онъ его, но и посредствомъ чтенія твореній святыхъ отецъ, подвижническихъ писаній и всего что касалось монашества и было о немъ писано.

Благодаря за присланную эту отцомъ Пименомъ книгу, намѣстникъ Невской лавры архимандритъ Никодимъ (въ послѣдствіи епископъ Старорусскій и наконецъ Дмитровскій) между прочимъ въ своемъ къ нему письмѣ писалъ: „Господь судилъ вамъ быть защитникомъ монашества дѣломъ, словомъ и писаніемъ. Да поможетъ Онъ вамъ своею сильною помощію въ семъ трудномъ дѣлѣ! Одинъ изъ присланныхъ вами экземпляровъ я представилъ его высокопреосвященству митрополиту Исидору.

„Сердечную благодарность приношу за участіе въ дѣлѣ защиты монашества вашему *сотруднику*, который уподобился въ семъ случаѣ Ев. Марку, изложившему и изъяснившему въ своемъ Евангеліи мысли и сказанія апостола Петра.“

Но трудъ этого *сотрудника*, о которомъ писалъ архимандритъ Никодимъ (какъ намъ достоверно извѣстно), ограничился только приведеніемъ въ порядокъ матеріаловъ данныхъ ему отцомъ Пименомъ, выпиской тѣхъ мѣстъ изъ Василія Великаго, Иоанна Лѣствичника и другихъ книгъ на которыя ему было указано и отчасти выправкой слога и то весьма незначительно, потому что онъ старался по возможности сохранить своеобразную рѣчь и даже длинныя періоды, которые по видимому сократить было бы невозможно не испортивъ и не разстроивъ словопостроенія и не ослабивъ мысли. Сотрудникъ зналъ что его дѣло *исправить* и *подправить*, а не *перетолковать* и потому нужно безошибочно сказать что во всей статьѣ едва ли и четвертая часть посторонняго труда. Сравнивая печатную книжку съ черною тетрадью набросковъ, которую имѣемъ предъ глазами, мы вполнѣ можемъ судить о незначительныхъ измѣненіяхъ сдѣланныхъ *перепищикомъ* скорѣе, нежели *сотрудникомъ* (какъ его величаетъ отецъ Никодимъ), и статья, хотя изъ скромности и не подписанная отцомъ Пименомъ, дѣйствительно его сочиненія, а не *чуждая* (какъ думалось нѣкоторыми), выдаваемая имъ будто бы за свою. Она точно есть трудъ его опыта и пера.

ИЗЪ ФРИЦА РЕЙТЕРА

ПЕРЕВОДЪ СЪ НИЖНЕ-НѢМЕЦКАГО.

(А. С. Прозорову.)

I.

С Ю Р П Р И З Ъ .

Когда приближались Рождественскіе праздники, въ домѣ нашемъ начинались шелтаніе, бѣготня, таинственность, прятанье. Въ одну комнату насъ, дѣтей, совсѣмъ не пускали; тамъ сидѣла матушка съ двумя портнихами и шила обновы сестрамъ и намъ, мальчишкамъ; въ тѣ времена штанашки и куртки для мальчиковъ еще не заказывались у модныхъ портныхъ, а дѣлались дома. Въ залертую комнату насъ вызывали для примѣриванья одного по одному; предварительно намъ завязывали глаза, а на руки надѣвали рукавицы. Рукавицы завела бабушка послѣ того какъ моя старшая сестра какъ-то вздумала ощупывать руками изъ какой матеріи шьется ей новое платье.

— Смотрите-ка, сказала бабушка.— Вотъ дѣвка-то продувала! Нѣтъ, мать моя, меня не перехитришь!

Она надѣла ей на руки рукавицы, и съ той поры никого изъ насъ не впускали предъ Рождествомъ въ эту комнату иначе какъ въ рукавицахъ.

Секретничали старики, секретничали и мы, ребятишки. Предъ Рождествомъ разбивались глиняныя колпаки,

считались набравшіяся у каждаго деньги и дѣлались закулки. Отецъ мой постоянно получалъ отъ каждаго изъ насъ по палочкѣ сургуча и по карандашу; мы знали что если подарить ему къ Рождеству *эти* вещи, то въ Новый Годъ онъ обратно подаритъ ихъ намъ. Въ послѣдствіи мои сестры ежегодно начали ему дарить пару вышитыхъ по канвѣ туфель; онъ никогда ихъ не надѣвалъ, и послѣ его смерти въ шкафу у него оказалось ровно семь паръ такихъ невадеваныхъ туфель. Для тетки обыкновенно покупалась новая гребенка, для бабушки пріобрѣтался новый ваточный калоръ; это были неизмѣнные, разъ навсегда установленные подарки, дѣлавшіеся въ складчину. Настоящее секретничанье начиналось уже послѣ нихъ, когда дѣло шло о покупкѣ подарка для матушки, на который оставлялась главная часть денегъ. Когда, бывало, я наконецъ рѣшалъ что ей нужно купить и пріобрѣталъ выбранную мною вещь (непремѣнно съ условіемъ перемѣнить въ случаѣ надобности, это правило было намъ строго внушено), тогда я на радостяхъ сейчасъ же бѣжалъ къ матушкѣ.

— А я тебѣ на елку подарокъ купилъ, сюрпризъ!

— Хорошо, хорошо, говорила матушка.—Ты только не говори какой сюрпризъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я,—никому не скажу. Только тебѣ одной. Вотъ я тебѣ что купилъ.

Сталъ я старше, научился молчать, и когда изъ лятаго класса гимназіи пріѣхалъ домой на Рождество, то держалъ мой подарокъ въ такой тайнѣ что даже дядя Маттіасъ и тотъ ничего о немъ не зналъ. Только что я началъ было улаковывать и завязывать мой подарокъ,—бумаги, сургуча и тесемокъ пошло на это болѣе нежели стоила сама вещь,—какъ явился дядя и начались разспросы:

— Что это у тебя?

Но уже я умѣлъ держать вещи въ тайнѣ и поэтому отвѣчалъ:

— Что это у меня? Такъ, ничего.

— Какъ ничего? спросилъ дядя.—Вѣдь я вижу что у тебя что-то есть?

— Тебѣ не за чѣмъ знать что это такое, сказалъ я.

— Развѣ такъ отвѣчаютъ дядѣ?

Разъ!.. я получилъ подзатыльникъ. Разумѣется я вслышалъ, выпрямился и спросилъ: знаетъ ли онъ что я пятиклассникъ?

— Знаю что ты еще совсѣмъ дуракъ, сказалъ дядя.—

Впрочемъ еслибы ты былъ самимъ директоромъ, между нами-то обоими все останется какъ оно прежде бывало.

Я надудся и разошелся; въ пятнадцатилѣтнемъ мальчишкѣ заость быстро высовываетъ свои рога. Только дядя былъ человекъ который понималъ шутки, но съ которымъ не хорошо было ссориться въ серіозъ. Я скоро спряталъ рога назадъ.

— Ну, спокойно спросилъ дядя,—что же это у тебя такое?

— Дядя, отвѣтилъ я,—этого я тебѣ не скажу. Я хочу сдѣлать матушкѣ сюрпризъ.

— Да, вотъ что, сказалъ дядя,—ты хочешь сдѣлать ей сюрпризъ? Ну, слушай, что я тебѣ скажу. У меня въ жизни много было сюрпризовъ и всѣ они никуда не годились. Изъ сюрпризовъ часто выходятъ только однѣ неприятели, если только не что-нибудь похуже. Вотъ у меня—сколько было маѣ горя съ теткой Женичкой. Я зналъ что у нея вѣтъ табатерки и что она нюхаетъ табакъ прямо изъ бумажки. Вздумалъ сдѣлать ей сюрпризъ, купилъ ей табатерку, а она кинула маѣ ее прямо въ лицо, да еще сказала что я безсовѣстный старый грѣхпроводникъ гусарь. А прошлый годъ, когда была лотерея въ пользу бѣдныхъ, помнишь какіе были пріятные сюрпризы? Я выигралъ машинку для размотки нитокъ, твоя мать выиграла ермолку съ золотою кистью, тетка—охотничьи салоги.

— Дядя, сказалъ я,—на елку принято дѣлать сюрпризы. Тутъ уже никакихъ неприятели не можетъ случиться.

— Ну, этого ты не говори, сказалъ дядя.—Садись, слушай. Правочень ты получилъ впередъ, теперь я разкажу тебѣ исторію.

—

Когда я жилъ въ Пархимѣ, у насъ былъ въ числѣ городскихъ совѣтниковъ нѣкто Дариусъ. Пархимцы очень заботились о томъ чтобы у нихъ городскими дѣлами заправляли люди въ зрѣломъ возрастѣ, совсѣмъ уже перебѣсившіеся; одному только Дариусу слускались съ рукъ кое-какія проказы, потому что онъ былъ сверхштатный совѣтникъ. Положимъ, сверхштатнымъ онъ состоялъ уже двадцать три года и за это время могъ бы отстать отъ глуостей. Но онъ разсуждалъ такъ: „Вѣдь жалованья я не получаю? служу совѣтникомъ задаромъ? съ какой же стати я стану себѣ лицо портить серіозною рожей?“ Бывало вѣтъ, вѣтъ, да и

откиветъ какую-нибудь штуку надъ знакомымъ. Только съ нимъ самимъ штукъ нельзя было дѣлать: сейчасъ, бывало; раслѣтушится, въ амбицію вломится, станетъ говорить: а городской совѣтникъ, помните, да не забывайте съ кѣмъ дѣло имѣете, и пойдеть, и пойдеть, лучше съ нимъ бывало и не связывайся.

Недалеко отъ Пархима, въ Гюстровѣ, была у Даріуса отдана замужъ сестра за городского же совѣтника Цѣрнекова. У нихъ была дочь, да кромѣ того при нихъ же жила еще другая сестра Даріуса, не замужняя. Каждый Божій день, такая уже у нихъ была заведена манера, всѣ три дамы ѣздили предъ обѣдомъ кататься въ маленькомъ экипажѣ какого-то мудренаго устройства. Впереди сидѣлъ кучеръ на особомъ мѣстечкѣ которое привинчивалось и отвинчивалось; совѣтница и ея сестра сидѣли на боковыхъ скамьяхъ, дочка—на маленькой скамеечкѣ. Какъ-то утромъ, не задолго до Рождества, приходитъ къ совѣтнику кучеръ:

— Господинъ совѣтникъ, говоритъ кучеръ,—у насъ неблагополучно.—Нынче ночью отъ шарабана кучерское мѣсто отвинтили и украли.

Совѣтникъ Цѣрнековъ началъ бравиться, разсердился, зашпалъ по комнатѣ. Въ это самое время пріѣзжаетъ его шурина, совѣтникъ Даріусъ. Одинъ совѣтникъ былъ веселъ и въ духѣ, другой—не въ духѣ и сердитъ. Когда явились барыни, у нихъ тоже вышло ни то ни сѣ: на половину была радость, потому что пришлось здороваться съ родственникомъ, на половину печаль, потому что пришлось простаться съ катаньемъ. Какое же уже было катанье, если кучеру не на чѣмъ сидѣть? Не съ дочерью же рядомъ было его сажать. Стали говорить да толковать, пошли осматривать шарабанъ; вотъ совѣтникъ Даріусъ самъ его осматриваетъ. а самъ думаетъ: „Постой, вотъ сдѣлаю я сестрѣ сюрпризъ къ Рождеству!“ Ему нужно было ѣхать въ Ростокъ, тамъ у него было большое тяжбное дѣло; онъ и рѣшилъ сейчасъ же кулить тамъ и новое кучерское мѣсто для сестринаго шарабана.

Вечеромъ, послѣ ужина, совѣтники лустидись въ большіе разговоры про городскія дѣла. Толковали какъ и что дѣлается въ Пархимѣ и Гюстровѣ, разсуждали объ испытаніи пожарныхъ трубъ, о метевіи улицъ, о томъ какое участіе должно принимать въ этихъ дѣлахъ начальство. Совѣтникъ Даріусъ въ разсужденіяхъ далеко оставлялъ за собою совѣтника

Царнекова. У него, какъ у сверхштатнаго, было множество новыхъ, прекрасныхъ идей, которыя вмѣстѣ съ получениемъ жалованія всѣ какъ-то мало-по-малу вылетѣли изъ головы у совѣтника Царнекова. Переговоривъ обо всемъ что могло относиться къ пользѣ и выгодѣ городовъ Пархима и Гюстрова, совѣтники легли спать и уснули своимъ праведниковъ.

Утромъ совѣтникъ Даріусъ поѣхалъ въ Ростокъ, а дней черезъ пять, шесть, вернулся опять и привезъ съ собою большой ящикъ.

— Что это у тебя въ ящикѣ? спросилъ его шуринъ Царнековъ.

Постой, думаетъ Даріусъ, подшучу! И подшутить:

— Да, говорить,—представь себѣ какой случай! Въ Ростокѣ былъ проездомъ зефиринецъ. Околѣла жирафа. Вотъ мнѣ и пришло въ голову: у насъ въ школѣ давно ужъ собираются устроить зоологическій кабинетъ; дай, думаю, привезу имъ шкуру и кости жирафы, все-таки будетъ начало кабинету. Штука рѣдкостная.

Самъ говоритъ это, а самъ думаетъ: вотъ сюрпризъ-то будетъ, какъ они изъ любопытства откроютъ ящикъ чтобы поглядѣть на жирафу, а вмѣсто нея увидать новыя козлы.

Но совѣтникъ Царнековъ и жена его не любопытствовали поглядѣть на жирафу. На слѣдующее утро совѣтникъ Даріусъ уѣхалъ и нарочно позабылъ свой ящикъ. Проходить по снамамъ Царнековъ, увидѣлъ его, позвалъ горничную:

— Смотри-ка, говорить,—Даріусъ позабылъ свою жирафу. Бѣга скорѣй, узнай, не будетъ ли okazji въ Пархимѣ.

Okazia скоро нашлась. Вотъ господинъ совѣтникъ Царнековъ и наказываетъ вощику: письма, говорить, никакого не будетъ, потому что не нужно. Клавайся отъ насъ, скажи что я прислалъ ему его жирафу.

Пріѣхалъ вощикъ въ Пархимъ. Прямо къ совѣтнику Даріусу. Начинаетъ у его дверей снимать съ воза ящикъ, а сойдя, мѣдникъ, стоитъ лодѣ своей лавки.

— Что ты, говорить,—въ ящикѣ-то привезъ?

— Жирафу, отвѣчаетъ вощикъ.

Мѣдникъ разказалъ лавочнику, лавочникъ цирюльнику, цирюльничекъ аптекарю, аптекаръ москательщику, тотъ хлѣбнику, и черезъ часъ пошло по всему городу: а нашъ совѣтникъ Даріусъ завелъ себѣ жирафу!

Между тѣмъ совѣтникъ Даріусъ возвращался домой изъ засѣданія. Входитъ въ свою улицу, идетъ мимо хлѣбника, тотъ ему и говорить:

— Здравствуйте, говорить,—господивъ совѣтникъ! Ваша жирафа прибыла.

Что за чортъ! думаетъ совѣтникъ. Подходитъ ближе къ своему дому. Стоитъ около своей лавки мѣдвукъ, говорить:

— Господивъ совѣтникъ, говорить,—когда станете выпускать жирафу-то изъ ящика, кликните, — говорить, — меня. Очень,—говорить,—посмотрѣть хочется.

Совѣтника даже передернуло. Входитъ въ сѣни, точно! Стоитъ его ящикъ.

— Этакая дура этотъ мой любезный шуринокъ! воскаикауль совѣтникъ.—Я ему хочу сюрпризъ сдѣлать, а онъ меня предъ всѣми добрыми людьми на смѣхъ выставляетъ. Эй! Вонъ изъ моего дома съ этимъ ящикомъ!

Совѣтница сейчасъ же послала по городу узнавать у купцовъ, не будетъ ли оказія въ Гюстровъ и Ростокъ; приказали, молъ, спросить про оказію, потому что нужно отослать въ Гюстровъ ящикъ, а въ Ростокъ пустые боченки отъ вина. Горничная скоро вернулась назадъ.

— Купецъ Цикуриусъ приказалъ кланяться, свидѣтельствуешь вамъ свое почтеніе, говорить что завтра будетъ оказія въ Ростокъ чрезъ Гюстровъ, присылайте, говорить, вашу кладь, доставлю въ исправности.

Такъ все и сдѣлали. На слѣдующее утро купецъ Цикуриусъ говорить вощику:

— Ты, говорить,—не позабудь что ящикъ совѣтницы нужно доставить...

— Знаю, знаю, говорить вощикъ, а самъ смѣется.—Ящикъ съ жирафой! Знаю, знаю! Совѣтница сама мнѣ все рассказала. Чудное это дѣло, господивъ Цикуриусъ!

— Ну, говорить купецъ,—если знаешь, тѣмъ лучше. Позжай съ Богомъ!

Совѣтника Даріуса начали пробирать его жирафой, онъ началъ сердиться, женѣ его два три или четыре пришлось таки отъ него потерпѣть порядкомъ. Потомъ все обошлось. Вотъ разъ послѣ обѣда совѣтница сидитъ, льетъ кофе, говорить сама себѣ: Слава Богу! кончилась вся эта исторія!

Отворяется дверь, входитъ почталіонъ, привоситъ два письма, одно совѣтнику, другое совѣтницѣ, оба письма изъ Ростокъ. Открываетъ совѣтница свое письмо, читаетъ. Такъ

руки у нея и опустились: Господи, говорить, да что же это за наказанье! Какъ ни читала, какъ ни перечитывала, все выходитъ одно и то же. Пишетъ ей винный торговецъ Алерсъ изъ Ростока: боченки, пишетъ, получилъ въ исправности, но вмѣстѣ съ оными также и ящикъ, въ коемъ, по показанію вощика, заключается жирафа. А посему, пишетъ, свидѣтельствую мой уважительный поклонъ и прошу почтить увѣдомленіемъ, что съ этою жирафой дѣлать.

Совѣтница начала въ отчаяніи ходить по комнатамъ, а въ это время я, твой дядя, вхожу къ ней. Она ко мнѣ:

— Дядя Маттіасъ, говорить,—меня тамъ всѣ звали дядей— дядя Маттіасъ! Что мнѣ теперь дѣлать? Что мнѣ дѣлать-то? Знаете, говорить,—гдѣ теперь эта проклятая жирафа?

— Гдѣ же ей быть, отвѣчаю я ей.—Разумѣется она въ Гюстровѣ.

— Нѣтъ, говорить,—въ Ростокѣ!

Рассказала мнѣ подробно всю исторію, объявила что если ей мужъ опять увидитъ этотъ ящикъ, такъ ей спокойной минуты не будетъ, принялась плакать. Меня, по правдѣ сказать, разбиралъ смѣхъ. Однако я собрался съ духомъ, началъ по долгу христіанства утѣшать ее:

— Полноте, говорю,—что вы это, о чемъ тутъ огорчаться. Я вамъ жирафу вашу пристрою какъ слѣдуетъ. Завтра я ъду въ Ростокъ. Если вамъ угодно, то я на возвратномъ пути заѣду въ Гюстровъ и передамъ жирафу господину совѣтнику Царнекову, прямо изъ рукъ въ руки. Сегодня,—говорю,—вторникъ, въ пятницу кануны Рождества; такъ вашъ сюрпризъ въ самое время и подоспѣетъ.

Обрадовалась, начала благодарить, совсѣмъ утѣшилась. Приходитъ совѣтникъ Даріусъ. Совѣтница нѣтъ-нѣтъ, да и мигаетъ мнѣ: значитъ—молчи, не проболтайся. Подаетъ мужу письмо изъ Ростока. Прочиталъ онъ его, бросилъ на столъ, сдѣлалъ недовольное лицо:

— Чортъ лобери, говорить,—эту проклятую тажбу! Завтра опять мнѣ нужно ѣхать въ Ростокъ!

— Ну вотъ, говорю я ему,—вотъ и отлично. Вмѣстѣ поѣдемъ. Мнѣ завтра тоже нужно ѣхать.

Переговорили, условились, а на слѣдующее утро сѣли и поѣхали въ Ростокъ.

Прѣзжаемъ въ Гюстровъ. Нужно кормить лошадей.

— Не хотите-ли, говорю совѣтнику,—пока лошадей кормить, зайти къ шурину?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ совѣтникъ и разсердился,—нѣтъ, не хочу. Шуринъ мой дуракъ и бабы его дуры. Я имъ хочу сдѣлать сюрпризъ, а они меня людямъ на смѣхъ отдаютъ!

— Это, говорю,—вы насчетъ жирафы?

— Молчите, говорятъ,—не упоминайте вы мнѣ этого слова. Слышать я его не могу. Ящикъ теперь у шурина, а смѣяться надъ собою я никому не позволю.

Пріѣхали мы въ Ростокъ, остановились въ „Солнце“, взяли двѣ комнаты рядомъ; у меня № 8, у него № 9. Разобрался я немного, думаю: пойду теперь по своимъ дѣламъ. Прежде всего иду къ виноторговцу Алерсу.

— Здравствуйте, говорю,—Алерсъ—мы съ нимъ старинные знакомые,—получили вы ящикъ отъ совѣтницы Даріуса изъ Пархима?

— Да, говоритъ онъ, а самъ смѣется,—да, ящикъ съ жирафой?

— Онъ самый, говорю.—Пришлите-ка мнѣ его завтра утромъ въ „Солнце“, я живу въ № 8.

— Хорошо,—говоритъ, непременно пришлю. Только,—говоритъ,—если эта звѣрюка живая тамъ сидѣла, такъ она теперь навѣрное издохла: я ее не кормилъ.

— Это, говорю,—все равно. До свиданья.

Возвращаюсь вечеромъ домой. Хочу идти въ свою комнату. Только кельнеръ и говоритъ мнѣ:

— Нѣтъ, говоритъ,—пожалуйте вотъ сюда, въ № 9. Господинъ совѣтникъ изволили съ вами помѣняться комнатами, находятъ что въ вашей кровати подлиннѣе, къ ихнему, значить, росту подходящая.

— Да, да, говорю,—и ничего при этомъ мнѣ и въ голову не пришло,—да, да! Это точно, онъ ростомъ длинноватъ.

Легъ, заснулъ, проспалъ до утра. Утромъ сижу и лью кофе. Вдругъ слышу въ коридорѣ крикъ, шумъ, скандалъ. Приотворилъ дверь, смотрю, и вижу: совѣтникъ Даріусъ въ одномъ бѣльѣ мечется по коридору, бранится, бѣсится, кричитъ, а двое носильщиковъ стоятъ около большого ящика и чешутъ затылки.

— Чтò это у васъ? спрашиваю Даріуса.

— Жирафа проклятая! закричалъ совѣтникъ, вбѣжалъ въ свой номеръ и такъ хлопнулъ за собою дверью что весь домъ задрожалъ.

Говорю носильщикамъ:

— Несите ящикъ ко мнѣ въ комнату. Велѣлъ поставить его подлѣ кровати и накрытъ его одеяломъ.

Черезъ нѣсколько времени приходитъ ко мнѣ господинъ совѣтникъ, какъ ни въ чемъ не бывало садится на свой ящикъ съ жирафой и начинаетъ всѣхъ ругать. Говоритъ что все это дѣлается ему на зло, что онъ очень хорошо знаетъ каковы у него пріятели въ Пархимѣ, что это они нарочно ему устроили, что онъ имъ это приломнитъ. Я его спрашиваю:

— Куда же вы, говорю,—ящикъ-то велѣли отнести?

— Въ рѣку я его кинуть велѣлъ!

— Ну, говорю,—теперь можете успокоиться. Хорошо его прибрали.

Начинаемъ говорить про нашу поѣздку, про то что дорога стала очень плоха, что завтра нужно будетъ выѣхать до свѣта. Собирается онъ уходить. Разбираетъ меня смѣхъ съ этою жирафой.

— Господинъ совѣтникъ, говорю я ему,—вы бы лучше на стулъ сядились. Какъ бы вамъ не продавить крышу у ящика.

Точно его оса ужалила. Вскочилъ, да какъ закричить:

— У какого ящика?

— У вашего, говорю,—гдѣ жирафа-то.

Снялъ я съ ящика одеяло, засмѣялся, грѣшный человекъ. Смотрю на Дариуса: стоитъ какъ быкъ—знаешь, если быку красивый платокъ показать,—то на ящикъ поглядитъ, то на меня. Ну, думаю, сейчасъ мнѣ въ волосы вцѣлится. Вдругъ лапнулъ, ткнулъ ящикъ ногой, закричалъ: треклятая жирафа! и вылетѣлъ изъ комнаты.

Весь этотъ день ходилъ онъ вокругъ меня какъ кошка вокругъ молока, все издалека на меня посматривалъ, глазъ съ меня не спускалъ. Взглянешь на него—отвернется. Ну, думаю, завтра онъ со мною пожалуй не поѣдетъ. А если узнаетъ что съ нами вмѣстѣ ѣдетъ его ящикъ, такъ тогда это уже вѣрно. Велѣлъ кельнеру зашить ящикъ въ черную клеенку, позвалъ нашего кучера и наказалъ ему:

— Слушай, Йохенъ. Возьми вотъ этотъ ящикъ, уложи его съ вечера, и если совѣтникъ Дариусъ будетъ тебя спрашивать что это такое, скажи: англійское сѣдло, дади тебѣ отвезти господину Шрегелю въ Медерицъ.

На слѣдующее утро совѣтникъ поѣхалъ-таки со мною. Выѣхали мы еще совсѣмъ въ лотымахъ, была оттепель, дорога вся расплзлась, ѣхали все время моача. Остановились лошадей покормить. Вылѣзъ совѣтникъ изъ повозки,

увидаль ящикъ, сталъ на него коситься, точно привидѣніе ему какое показалось, страхъ у него точно какой-то сдѣлался. Я въ комнаты вошелъ, онъ на дворѣ остался и, смотрю, съ кучеромъ разговариваетъ. Должно-быть тотъ его увѣрилъ что въ ящикѣ сѣдло; черезъ нѣсколько минутъ Даріусъ также пришелъ въ комнату, повеселѣлъ, опять началъ разговаривать. Такимъ образомъ пріѣхали мы въ Гюстровъ; дѣло было уже къ вечеру; нечего было и думать попасть къ ночи въ Пархимъ. Сидимъ мы въ гостиницѣ. Вотъ я и говорю:

— Сегодня, говорю, вечеръ подъ Рождество. Елка.

— Да, говорить,—сегодня елка.

— Чтò же, говорю, къ шурину-то вы не думаете пойти?

— Нѣтъ, говорить.—Такъ это слово и оборвалъ.

— Ну, говорю,—а я такъ пойду. Въ такой вечеръ пріятнѣе сидѣть въ хорошей семьѣ, у добрыхъ знакомыхъ, чѣмъ тутъ въ трактирѣ.

Встаю, начинаю поправлять галстукъ. Совѣтнику должно-быть обидно показалось что посторонній человекъ безъ него пойдетъ къ его родственникамъ. Всталъ тоже, говорить: пожалуй ужъ и я съ вами пойду. Пошли мы. Только я напередъ сказалъ кучеру Гохену: часамъ къ восьми отнеси черныя ящикъ въ домъ къ совѣтнику Царнекову. Пріотвори дверь, всунь ящикъ въ комнату и закричи, да погромче: *сюрприз!*

Когда мы пришли къ совѣтнику Царнекову, на дворѣ уже совсѣмъ стемнѣло, въ комнатахъ были уже зажжены огни, у всей семьи были веселыя лица и у самого совѣтника Даріуса лицо наконецъ просвѣтлѣло. Впрочемъ не надолго. Едва это онъ успѣлъ обойтись и повеселѣть, какъ Царнековъ подошелъ къ нему, по пріятельски положилъ ему руку на плечо и началъ спрашивать:

— Ну, говорить,—любезный шуренекъ, чтò твоя жирафа? Получилъ ее въ цѣлости?

Совѣтникъ Даріусъ подозрительно посмотрѣлъ сначала на него: въ какомъ онъ это смыслѣ говорить? Потомъ на меня: смѣюсь я или нѣтъ? Увидаль что шуринокъ спрашиваетъ отъ души, безо всякихъ подвоховъ, увидаль что у меня тоже лицо по обыкновенному—смѣяться-то мнѣ хотѣлось, только я удерживался,—притворился равнодушнымъ, отвѣтилъ:

— Да, говорить,—получилъ въ цѣлости. Все дѣло, говорить, теперь кончено.

Подошли дамы, пошли еще вопросы: рады ли были жирафѣ

въ школъ? Набили ли теперь изъ нея чучелу? Велика ли жирафа? Совѣтникъ такъ и завертѣлся на стулѣ. Отвѣчаетъ только *да, да нѣтъ*, бумажку какую-то на мелкіе клочки рашцпываетъ, видно мученіе терпитъ.

Хорошо. Начались подарки. Совѣтница получила черное шелковое платье, матерія такая что платье само, кажется, на полу можетъ стоять. Совѣтнику поднесли плафрокъ для домашняго отдыха — не все же ему было отдыхать въ ратушѣ,—невѣсткѣ подарили полворотника—другую половину не услѣли додѣлать, явть чулковъ—шестой дочка не услѣла довязать — и рабочій столикъ; верхнюю доску у него и двѣ вожки нужно было еще дополировать. Дочкѣ надарили столько что на двухъ бы достало. Принесли миску съ луштемъ, яблоковъ, пряниковъ, орѣховъ, словомъ, пошло угощенье на славу. Совѣтникъ Царнековъ ходилъ по комнатамъ, поправлялъ свѣчи, налѣвалъ что-то про себя и все мнѣ подмигивалъ:

— Постойте, шелчетъ,—погодите. Это все еще цвѣточки; агодки впереди. Я своимъ дамамъ сюрпризъ приготовилъ.

Совѣтница тоже наклонилась мнѣ къ уху:

— Смотрите, говорить,—какой мужъ-то веселый! А потомъ-то какъ онъ у насъ обрадуется! Мы ему сюрпризъ приготовили!

И начались сюрпризы. Просовывается въ дверь большой ящикъ и чей-то голосъ кричитъ: господину совѣтнику! Открыли ящикъ. Смотримъ: новые козлы.

Совѣтникъ сначала какъ будто смутился и пристально посмотрѣлъ на жену и невѣстку. Потомъ ему пришло въ голову: вотъ, поди, что значитъ женская хитрость! Разузнали таки мой секретъ, дарятъ мнѣ теперь мой собственный подарокъ! Оборачивается къ своимъ, говорить:

— Ловко вы, говорить,—надо мною подшутили. Довольны ли вы, по крайней мѣрѣ, козлами?

Жена и невѣстка смѣются. Невѣстка его спрашиваетъ:

— Что, говорить,—Царнековъ, тебѣ этого въ голову не пришло?

— Что не пришло? говорить совѣтникъ.—Какъ не пришло? Мнѣ-то не пришло? Да кому же пришло-то какъ не мнѣ? Вѣдь я придумалъ.

— Какъ, говорить,—ты придумалъ? Мы думали что ты и не подумаешь про это, вотъ мы и придумали тебѣ сюрпризъ!

— Мнѣ сюрпризъ? говоритъ совѣтникъ.

— Да, тебѣ, отвѣчаетъ его жена.

А за дверью олять голось: сюрпризъ госложѣ совѣтницѣ! Въ комнату вдвигается еще ящикъ. Открываютъ: новые кóзлы.

Совѣтникъ Цѣрнековъ посмотрѣлъ на жену, на невѣстку, на дочь, на шурина, на меня, сдвинулъ ермолку на затылокъ:

— Двое кóзель, говоритъ.—Выходить пара!

Совѣтница такъ и всплеснула руками:

— Двое кóзель! Цѣрнековъ, другъ мой, мы думали...

— Да, отвѣчаетъ совѣтникъ, я тоже думалъ...

Начали оправдываться другъ предъ другомъ, пошли колкости. Совѣтникъ Даріусъ только ухмыляется про себя. Накломила ко мнѣ:

— Слава Богу, говоритъ,—что мой проклятый ящикъ гдѣ-то теперь трелется по свѣту, чортъ его знаетъ гдѣ. Вотъ бы комедія вышла еслибъ онъ-то еще сегодня подослѣлъ!

— Сюрпризъ! крикнулъ за дверью голось Лохена.

Ну, думаю про себя, твори Господи волю Твою!

Отворяется дверь, всовывается въ комнату еще ящикъ въ черной клеенкѣ съ надписью: господину совѣтнику и госложѣ совѣтницѣ Цѣрнековъ. Надпись эту я самъ сдѣлалъ наканунѣ. Только-что увидалъ совѣтникъ Даріусъ ящикъ, какъ сейчасъ же вскочилъ и началъ вокругъ него ходить; такъ онъ кажется глазами бы его и сѣлъ.

— Это, говоритъ,—какой же ящикъ? Кому?

А самъ смотритъ на меня.

— Кому? спрашиваетъ совѣтникъ Цѣрнековъ.—Мнѣ и моеѣ жевѣ. Тутъ такъ и написано.

И въ это время свимааетъ черную клеенку. Показался ящикъ. Въ то же мгновеніе совѣтникъ Даріусъ оттолкнулъ совѣтника Цѣрнекова, — хлопъ! сѣлъ на ящикъ и закрылъ его полами своего сюртука.

— Это, кричитъ,—ошибка! Ошибка, говорю я вамъ! Недоразумѣніе! Тутъ сѣдло, новое англійское сѣдло для Шрегеля въ Медерицѣ!

— Нѣтъ! говоритъ Цѣрнековъ.

— Нѣтъ! говоритъ его жена.

— Нѣтъ! говорятъ невѣстка и дочь.

— Нѣтъ, говорю я самъ;—нѣтъ! это онъ шутитъ!

Смѣются. Стащили Даріуса съ ящика. Увидалъ Цѣрнековъ крышку:

— Дариусъ, кричить, — вотъ чудеса-то! Вѣдь это твоя жирафа!
 — Проклятая жирафа, проклятый ящикъ! принялся кричать совѣтникъ Дариусъ. — Пустите меня, лустите меня домой! Я хочу домой!

Домой его однако не лустили. Дамы стали въ дверяхъ, начали его уговаривать: что за бѣда если узналось что это подарокъ отъ него? вѣдь никто не знаетъ *какой* будетъ подарокъ? Вѣдь все-таки имъ будетъ сюрпризъ? Господинъ совѣтникъ вошелъ въ тихое бѣшенство. Засѣлъ на диванъ, въ самый уголъ, осклабился, говорить:

— Прекрасно, сюрпризъ такъ сюрпризъ! Нѣтъ, говорить, — съ меня ужъ будетъ! Довольно! А вы, — говорить, и обращается ко мнѣ, — вы завтра можете вѣхать одни. Я съ вами телерь шагу вмѣстѣ не сдѣлаю.

Открыли ящикъ, явились новые кóзлы. Нужно было посмотреть на лица совѣтника Цѣркекова и его жены! А совѣтникъ Дариусъ принялся хохотать:

— Что Цѣркековъ? Что, старый дуракъ? Ты меня выставилъ на смѣхъ цѣлому Пархиму разсылая за мною по слѣдамъ ящикъ съ жирафой. Вотъ тебѣ телерь жирафа! Вотъ мы телерь поставимъ всѣ трое кóзелъ рядышкомъ, любуйся на нихъ! Радуйся! Не достаетъ телерь только еще четвертыхъ кóзелъ, тогда у каждаго изъ васъ были бы свои собственные!

Сказалъ это, да вдругъ и побѣднѣлъ. Въ двери показался кучеръ Цѣркекова съ какою-то ношей за плечами:

— Господинъ совѣтникъ, сказалъ кучеръ, — мнѣ тоже хотѣлось сдѣлать вамъ сегодня суприсъ. Наши старые кóзлы вапались. Вотъ они.

И поставилъ на полъ четвертые кóзлы.

— Телерь, другъ мой, заговорилъ дядя, окончивъ свой разказъ, — телерь ты достаточно знаешь про сюрпризы. Покажи-ка, какой сюрпризъ ты хочешь сдѣлать матери.

Я развернулъ свой пакетъ; въ немъ были очки.

— Смотри пожалуй, сказалъ дядя, — очки! Какъ тебѣ эта мысль въ голову пришла?

— Намедни вечеромъ, отвѣтилъ я, — мы сидѣли всѣ вокругъ стола. Матушка хотѣла вздѣть иголку, но никакъ не могла.

Разсердилась, говорить что ей нужно будетъ покупать очки. Ну, я вотъ это и заломилъ.

— Хорошо, сказалъ дядя и позвалъ мою старшую сестру:

— Лиза! что ты матери хочешь подарить?

— Очки, дядя. Только ты никому про это не говори.

— А ты, Густавъ?

Густавъ былъ мой младшій братъ; онъ немного заикался, а если конфузился, то совсѣмъ не могъ выговорить ни одного слова. Но лѣтъ онъ могъ свободно, и дядя завелъ такой порядокъ: когда Густавъ начиналъ заикаться, онъ долженъ былъ лѣтъ вмѣсто того чтобы говорить. Итакъ Густавъ покраснѣлъ и заикнулся:

— Пой, Густавъ, сказалъ дядя.

И Густавъ запѣлъ чистымъ, свѣтымъ голосомъ на мотивъ изъ Фрейшюца:

Я очень мамочку люблю,
Очки, очки я ей куплю.

— Хорошо, дитя мое, сказалъ дядя и обратился ко мнѣ:

— Что ты теперь скажешь?

Я молчалъ.

— Не правда ли, продолжалъ дядя,—твоей матери было бы болѣе досадно нежели пріятно получить вдругъ три пары очковъ? Еслибъ она не была такая разсудительная женщина, то можетъ она бы даже обидѣлась. Поди-ка сюда!

Онъ подвелъ меня къ окну.

— Что это лежитъ на улицѣ?

— Снѣгъ, сказалъ я;—вѣдь теперь зима.

— Да, сказалъ онъ.—Снѣгъ и зима пройдутъ, наступитъ весна, только не вдругъ, а постепенно. То же самое будетъ съ лѣтомъ и съ осенью, пока не придетъ опять зима, и такъ идетъ круглый годъ. А если зимой вдругъ является сюрпризомъ теплая погода, или среди теплаго лѣта вдругъ подуетъ холодный сѣверный вѣтеръ, тогда у васъ, ребятъ, дѣлается насморкъ, а мы, старики, простуживаемся на смерть. Но эти сюрпризы дѣлаетъ Господь Богъ: онъ знаетъ для чего что дѣлается. А если мы вздумаемъ дѣлать то же самое, у насъ ничего лутнаго не выйдетъ. Внезапныя радости и внезапныя печали, это обоюдоострые мечи; нужно имѣть твердую голову и крѣпкое сердце чтобы не погибнуть отъ нихъ. Да, другъ мой, даже и радость, если она неожиданная, всегда имѣеть

примѣсь; за маленькою радостью часто слѣдуютъ неприятности, за большою идетъ иногда слѣдомъ горе. Смотри, вотъ мельниковъ работникъ несетъ къ намъ въ домъ мѣшокъ муки: если онъ завтра выиграетъ двѣсти тысячъ, то будетъ самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ свѣтѣ, а если какой-нибудь принцъ женится на нашей кухаркѣ,—она, дура, за него пойдетъ, потому что романы читаетъ,—то она, сдѣлавшись принцессой, станетъ притчей во языцѣхъ, ибо кухарка она есть, кухаркой останется и ни на что иное не пригодна. Каждый благоразумный сельскій хозяинъ скажетъ тебѣ что самый благословенный годъ тотъ когда все идетъ своимъ тихимъ и спокойнымъ чередомъ. А я тебѣ говорю что самая счастливая жизнь для человѣка та въ которой по возможности менѣе сюрпризовъ.

Съ этими словами дядя повернулся и вышелъ изъ комнаты. Его доброе старое лицо изъ веселаго сдѣлалось печальнымъ.

Теперь я знаю что онъ былъ правъ; въ то время я ему не повѣрилъ. Но слова его я твердо запомнилъ и пользу изъ нихъ себѣ извлекъ: я никогда во всю свою жизнь не игралъ въ лотерею.

II.

ИСТОРИЯ О ТОМЪ КАКЪ Я ЖЕНИЛСЯ.

(А. А. Боброву.)

Обыкновенно—такъ конецъ;
Думаю иди подъ вѣнецъ.

Время шло себѣ да шло. Сталъ я старымъ холостякомъ. Жизнь бросала меня то туда, то сюда, я преклонялъ голову то на мягкую подушку, то на лучекъ соломы; когда я сталъ старше, солома далеко уже не казалась мнѣ такою удобною какою она представлялась мнѣ въ двадцать лѣтъ; что вы хотите: въ дѣтствѣ нравится и сурѣлица, а подъ старость хорошо поѣсть гуська. Люди говорили мнѣ: женись! Я говорю: надо подумать! и все ходилъ кругомъ да около супружеской жизни, какъ лисица вокругъ курятника.

— Не торопись, говорилъ я себѣ.—Жениться не миновать, только слѣдуетъ не слѣдуетъ. Жениться легко, разжениться-са-то каково?

Когда я вспоминалъ про трактирный обѣдъ, про то что въ моей комнатѣ было столько же порядка какъ въ мѣрѣ до перваго дня творенія, про то что одна проклятая луговница постоянно отрывалась у меня каждый день, тогда я говорилъ: нужно жениться, а люди говорили: нужно подумать. Время шло да шло, я не зналъ на чтò рѣшиться, а волосы начали сѣдѣть. Разъ вечеромъ закурилъ я трубку, сталъ у окна, началъ смотрѣть на улицу.

Снѣгъ беззвучно падалъ съ неба; на улицѣ было все тихо, ни экипажей, ни прохожихъ; только вдали слышался замарающій звукъ колокольчика отъ проѣхавшихъ саней. Былъ канунъ Рождества; я чувствовалъ себя безконечно одинокимъ. Я все еще стоялъ и смотрѣлъ въ окно, какъ мой сѣдъ; саложникъ Линзенеръ (свои салоги я заказывалъ у него) подвезъ къ своимъ дверямъ полные салазки дровъ, а на дровахъ—зеленую елку.

— Извольте-ка думать! сказалъ я себѣ.—Человѣку слѣдуетъ поскорѣе дощивать мнѣ пару салогъ, а онъ въ лѣсъ за дровами развѣзжаетъ. Не стану ему заказывать. Мозоли а отъ его салогъ нажилъ.

Самъ стою у окна, все смотрю. Вдругъ у меня мурашки начали бѣгать по спинѣ, холодно стало, дрожь даже взяла.

— Ну, разумѣется, говорю самъ себѣ,—разумѣется насморкъ схватилъ, простудился. Какъ не простудиться? Салоги проносились, чулки худые, старуха Битовша изъ моей шерсти себѣ новые вяжетъ, вмѣсто того чтобы мои штопать. Какъ не простудиться?

Стемнѣло. Захотѣлъ я свѣчу зажечь—сличекъ никакъ не найду. Нашелъ слички—лампа не горитъ, Битовша ее не оправила. Кое-какъ выправилъ фитиль, зажегъ—фють!—погасла лампа, масла не налито. Въ такихъ обстоятельствахъ хорошо сорвать на комъ-нибудь сердце; у меня никого подъ руками не было; чтò будешь дѣлать? Подошелъ олять къ окну, сталъ олять смотрѣть на улицу.

У сосѣда Линзенера зажгли огонь; въ комнатѣ было свѣтло и слышались веселые голоса, но видѣть я ничего не могъ занавѣски были спущены.

— Ну вотъ смотрите, сказалъ я.—У саложника занавѣски настоящія занавѣски!

У меня занавѣсокъ не было, старуха Битовша не умѣла съ ними управляться. Она было навѣсила мнѣ какія-тѣ

трялочку, только онъ не доходили ни до верха, ни до низа окна; добрые люди начали меня спрашивать, зачѣмъ я вывѣшиваю сушить въ окнахъ дѣтскія рубашки, я разсердился и сорвалъ Битовщины занавѣски. Разумѣется мнѣ стало досадно на саложника. Человѣкъ пьетъ на меня салоги, а самъ живетъ точно графъ какой, между тѣмъ какъ я сижу въ лотьмахъ, безъ занавѣсокъ, съ насморкомъ.

Ну, думаю, лстой! Я тебя отчитаю!

Всталъ и пошелъ черезъ улицу къ саложнику Линзенеру. Въ комнатѣ у него стояла на столѣ елка, на ней горѣли свѣчи. Двое маленькихъ сыновей трубили въ рожки, маленькая дочка сидѣла на колѣняхъ у матери, подпрыгивала, тянулась ручонками за огнемъ и барабанила ногами; ходить она еще не умѣла. Мать надѣла чистый фартукъ и праздничный платокъ; она смѣялась на дѣтей и время отъ времени утирала дочкѣ ротъ когда та уже очень пачкала его пряникомъ. Самъ Линзенеръ накрылъ свой верстакъ чистою простыней, надѣлъ туфли, закурилъ длинную трубку и сидѣлъ въ углу за лечью; предъ нимъ была кружка пива.

Какъ можно было браниться среди такой обстановки?

— Добрый вечеръ! сказалъ я.—Зашелъ посмотрѣть чтѣ это у васъ за веселье.

Начали мнѣ все показывать: орѣхи, яблоки, семь пряничныхъ куколъ и одну сахарную, которая висѣла на самой верхушкѣ елки и привлекали особенное вниманіе дѣтей.

— Третій годъ благополучно существуютъ, сказалъ Линзенеръ.—Только вотъ у гусаровой лошади хвостъ сынишка откусилъ, мать не досмотрѣла.

И онъ пригрозилъ сынишкѣ пальцемъ. На душѣ у меня стало хорошо и мирно, хотя голова болѣла невыносимо. Саложникъ принялся показывать и объяснять мнѣ самый большой пряникъ изображавшій Адама и Еву до грѣхопаденія. Я помню что прародители были весьма искусно выдѣлены изъ тѣста и сверху обмазаны яцами и шафраномъ; я помню что дѣти со своими рожками стояли по обѣимъ сторонамъ прародителей и трубили изо всѣхъ силъ. Затѣмъ мнѣ вдругъ начало казаться что старикъ-колесникъ Лангкласъ медленно ввертываетъ мнѣ въ голову буравъ—въ головѣ у меня зашумѣло и послышался звонъ,—ввертываетъ, а самъ спрашиваетъ: хорошо ли? Саложникъ Линзенеръ вѣроятно замѣтилъ что я болею; онъ отвелъ меня домой и хотѣлъ зажечь у меня свѣчу.

— Да гдѣ же у васъ слички? спросилъ онъ.—Есть ли онѣ у васъ?

— Все у меня есть, отвѣчалъ я.—Только гдѣ все,—про это знаютъ лишь Господь Богъ да старуха Битовша.

Линзенеръ снялъ съ меня салоги.

— У васъ мокрыя ноги, сказалъ онъ,—а я-то вамъ не дѣшилъ новой пары салогъ!

Затѣмъ онъ уложилъ меня въ постель и объявилъ что его жена сейчасъ придетъ и заваритъ мнѣ чай. Чай дѣйствительно заварили; но что происходило со мною въ послѣдующія двѣ недѣли, этого я не знаю и не могу про это ничего разказать.

Я лежалъ въ тяжеломъ бреду. Мнѣ казалось что вся моя комната наполнена елками, что на каждой елкѣ горятъ свѣчи и висятъ пряничныя куклы, Адамъ, Ева и всѣ остальные райскіе обитатели. Но каждый разъ какъ я протягивалъ къ нимъ руку, въ рукѣ моей оказывался худой салогъ или носокъ съ протертою ляткой, а дѣти саложника стояли между мною и елками, трубили такъ что у меня все гудѣло и звенѣло въ головѣ, а свѣчи прыгали и лаясали предъ моими глазами.

— Пустите меня, перестаньте, кричалъ я, — я опять буду заказывать салоги вашему отцу!

Съ этими словами я снова протягивалъ руку къ кукламъ, но дѣти отталкивали меня и снова трубили мнѣ прямо въ уши:

Салоги, все салоги!

Что такое салоги?

Елки нѣтъ для бѣдняка

Старого холостака.

Большой, старый, красный кувшинъ, стоявшій на столѣ въ моемъ изголовьи, начиналъ при этомъ прилѣвѣв осклабляться, по всей комнатѣ бѣгали столтаннныя салоги, каждый изъ нихъ высовывалъ мнѣ языкъ, а саложникъ Линзенеръ хваталъ ихъ одного по одному, навизывалъ на снурокъ и вѣшалъ на мое окно вмѣсто занавѣсокъ. Въ ногахъ у меня двое людей постоянно лили дрова, а челчикъ старухи Битовши лорхалъ то вверхъ, то внизъ предъ моими глазами; большая красная ягода земляники выглядывала среди зелени; когда я вглядывался пристальнѣе, она превращалась въ красный носъ моего дяди Маттiаса выглядывавшій изъ зеленого одѣвала.

Вотъ какъ-то ночью, въ то самое время какъ въ ногахъ моихъ особенно усердно лили дрова, мнѣ показалось что я изъ мрака перехожу къ свѣту. Я началъ оцупывать вокругъ себя чтобъ узнать гдѣ я нахожусь. Оказалось что я лежу въ кровати; лампа едва горѣла; въ большомъ креслѣ лежалъ мой дядя Маттиасъ; онъ былъ дѣйствительно закутанный по самый носъ въ мое зеленое одѣяло и храпѣлъ самымъ ужаснымъ образомъ.

— Дядя Маттиасъ! закричалъ я.

Сначала онъ ничего не слышалъ, потомъ проснулся и протеръ глаза.

— Дядя Маттиасъ, спросилъ я,—гдѣ саложникъ Линзенаеръ?

— Паренекъ, сказалъ дядя Маттиасъ (онъ все еще звалъ меня „паренькомъ“ приблизительно съ такимъ же основаніемъ съ какимъ старикъ Гаманъ называетъ „жеребенкомъ“ свою двадцатидвухлѣтнюю лошадь)—паренекъ, ты никакъ опять съ начала начинаешь? Что тебѣ за дѣло до саложника Линзенаера? Вѣдь онъ тебя не трогаетъ?

— Дядя, сказалъ я (а онъ между тѣмъ уже опять улегся чтобъ приняться храпѣть)—правда ли, дядя, или это только мнѣ приснилось, что для насъ, старыхъ холостаковъ, не бываетъ саки?

— Вотъ гаупости! сказалъ дядя Маттиасъ.—Лежи смирно! Молчи!

— Что я болѣнь былъ? спросилъ я.

— А то что же ты думаешь? сказалъ дядя, вылѣзъ изъ-подъ одѣяла, зажегъ свѣчу и посвѣтилъ мнѣ въ лицо.—Господи помилуй! Да никакъ болѣзнь-то у тебя прошла! У тебя, паренекъ,—тутъ онъ погладилъ меня рукой по головѣ,—и видъ-то совсѣмъ другой телерь сталъ. Видишь телерь что я твой дядя и что мой носъ не земляника? Не будешь телерь рвать землянику? Прошаую ночь ты раза два мнѣ сонному въ лицо залѣзалъ.

Я обѣщала вести себя хорошо, ибо дѣйствительно пришелъ въ себя. Болѣзнь кончилась, но тутъ-то и начались мои бѣдствія. Я такъ ослабъ что не могъ двинуть ни рукой, ни ногой. Откроешь, бывало, глаза, а старуха Битовша уже тутъ какъ тутъ, держитъ въ одной рукѣ миску, въ другой ложку, и кормитъ и пичкаетъ меня кашницей. Кашница была такая же густая какъ клейстеръ, вкусъ у ней тоже былъ какъ у клейстера, а Битовша все приговаривала: ѣшь, батюшка, ѣшь! не будешь ѣсть, не поправишься! При этомъ она

дѣлала такія жалостныя лица что волей или неволей, а приходилось глотать ея клейстеръ.

Но у всего есть конецъ, а у лалки ихъ даже два. Я всталъ съ кровати и по цѣлымъ часамъ сидѣлъ и разговаривалъ съ дядей Маттіасомъ.

— Дядя, говорю ему разъ,—у меня все еще остался въ головѣ мой сомъ про то что старымъ холостякамъ не дѣлають елокъ. Дядя! намъ бы съ тобой обоимъ слѣдовало жениться!

— Ври больше! сказалъ дядя.—По твоему мнѣ слѣдовало, какъ отставному гусарскому вахмистру, завести заводъ маленькихъ гусариковъ.

— Не заводъ, говорю я, да и разумью-то я собственно самого себя.—Видишь ли что: я думаю что еслибъ у меня была жена, хорошая жена, добрая жена, ну и недурная собой, да еслибы ты съ нами жилъ...

— И дѣтей бы тебѣ влячилъ? Покорно васъ благодарю, сказалъ дядя Маттіасъ.

— Этого я совсѣмъ не хочу, сказалъ я.—Но жениться я рѣшилъ. Битовша во время моей болѣзни...

— Мнѣ кажется что во время твоей болѣзни за тобой хорошо ухаживали, перебилъ меня дядя.—Я самъ.

— Ахъ, да я совсѣмъ не про то, сказалъ я.—Я знаю, ты дѣлалъ все что могъ; но еслибъ у меня была жена...

— Да ты имѣешь ужъ кого-нибудь въ виду? сказалъ дядя.

— Имѣю одну, сказалъ я.

— Ну, а она-то согласна за тебя идти? спросилъ онъ.

— Этого я еще не знаю, сказалъ я.

— Что жъ она изъ себя этакая лолная? спросилъ онъ и подмигнулъ мнѣ.

— Нѣтъ, говорю,—не особенно.

— Можетъ перестарокъ какой? И олять подмигнулъ.

— Нѣтъ, и не перестарокъ, сказалъ я.—Ты ее даже посмотришь можешь, жаль только что я не могу пойти. Она каждый день послѣ обѣда ходитъ гулять по дорогѣ къ мельницѣ, такъ между тремя и четырьмя часами. Ошибиться тебѣ нелзя; она самая хорошенькая изъ всѣхъ женщинъ которая тамъ гуляють.

— Ну ужъ это разумѣется, сказалъ дядя.

— А сзади у нея на тальмѣ кисть, и маленькаго мальчика она съ собою водить гулять.

— Сына что ли? спросилъ дядя.

— Что ты?—Я даже привскочилъ.—Это ея племянникъ, сынъ сестры.

— Да чего же ты горячишься-то? спросилъ дядя.—Я-то почему дѣла эти могу знать? Развѣ она не можетъ быть вдова? Ладно, посмотрю.

Скавалъ и ушелъ.

Послѣ обѣда, часовъ въ пять, приходитъ онъ опять ко мнѣ. Закуривъ трубку, сѣлъ, молчитъ. Разумѣется, мнѣ это было досадно; я тоже сижу, не говорю ни слова. Сидимъ, куримъ, только дымъ идетъ, точно изъ двухъ ячей. Наконецъ любопытство все-таки меня одолевало. Всталъ я, подошелъ къ окну, помѣстился такъ что дядѣ нельзя было видѣть меня въ лицо, спрашиваю:

— Ну что же, былъ ты на прогулкѣ?

— Былъ, говорить.

— Ну и что же? спрашиваю его.

— Все въ порядкѣ, отвѣчаетъ онъ мнѣ.

— Видѣлъ ты ее?

— Видѣлъ, отвѣчаетъ.—Говорилъ.

Меня точно что перевернуло къ нему:

— Да ты въ умѣ? спрашиваю его.—Про что тебѣ съ нею говорить? Я самъ съ нею еще ни разу не говорилъ.

— Именно поэтому, отвѣчаетъ онъ мнѣ.—Кому-нибудь изъ насъ нужно же было начать? Почему же мнѣ и не поговорить съ невѣстой роднаго племянника?

— Ну, говорю,—до невѣсты-то еще далеко.

— Сначала, говорить,—далеко, а потомъ и близко будетъ.

Услыся онъ поспокойнѣе въ креслѣ, откинулся на спинку, ноги протянулъ, вижу что собою очень доволеалъ.

— Ну, говорить,—слушай, какъ было дѣло. Иду я по дорогѣ, замѣчаю что она сзади меня идетъ. Остановился, пристально смотрю на нее, потому что вижу—за руку она держитъ мальчика; кисти-то мнѣ еще не было видно, она виситъ у нея за спиной.

— Воображаю, говорю,—какъ ты на нее смотрѣлъ! Видѣлъ ты, пожалуй, прямо въ упоръ?

— Когда я на кого смотрю, закричалъ дядя,—такъ всегда въ упоръ! Только-что я на нее уставился, она сейчасъ свои глаза внизъ, и такъ это сдѣлала какъ будто занавѣску вечеромъ предъ окномъ задерживаетъ. Какъ прошла, а сейчасъ кисти-то у нея сзади и увидалъ.

— Хорошо должно-быть ты на нее глаза-то вытаращилъ, говорю я ему.

— Разумѣется что хорошо. Да погоди, еще я не кончилъ.

— Ну что же, понравилась она тебѣ? спрашиваю я его.

— Понравилась. Въ ней-таки много есть кое-чего хорошаго. Волервыхъ, на головѣ у нея не валувано никакихъ фицифаюшекъ; восторыхъ, не мететь подоломъ. Это, паренекъ, двѣ штуки поважнѣе чѣмъ онѣ кажутся, потому что если у какой женщины много на головѣ валувано, такъ у нея въ головѣ, значитъ, мало разума, а которыя подоломи уаццы метуть, тѣ всѣ кривоногія или, что еще хуже, башмаки у нихъ не въ лорядкѣ. У женщинъ да у лошадей, паренекъ, прежде всего смотри на ноги: если походка правильная, ноги переставляетъ хорошо, бабки и все прочее въ лорядкѣ и чистотѣ, тогда дѣло хорошо, значитъ женщина чистоплотная, аккуратная, любить во всемъ лорядокъ и опрятность.

— Такъ ты, значитъ, думаешь... перебилъ я его.

— Я ничего не думаю, оказалъ онъ,—разказываю. Хорошо. Идетъ она къ мельницѣ, а за нею, самъ все на нее смотрю. Вижу, вертитъ мамошко головой. Думаю: ничего! Потому, отчае же ей и не повертѣть головой? Вѣдь она женщина. Это, думаю, не штука, а вотъ штука въ чемъ: какъ она разговариваетъ. Разговоръ главная вещь. Ну-ка, думаю, поговорю я съ нею! Вернулась это она назадъ, а я взялъ да къ дереву и сталъ, прислонился къ нему спиной, дѣлаю видъ будто закуриваю трубку. Ладно. Не дошла она до меня шаговъ пяти, вынимаю я изъ кармана кремь и огниво, да вмѣстѣ съ ними штукъ двадцать мелочи забралъ въ горсть, да на земаю и просыпалъ. Нарочно просыпалъ, паренекъ, слышишь ты: нарочно! Песокъ на дорожкѣ подмерзъ, ловко мелочь моя по песку покатила, только позваниваетъ. Прибѣлъ я къ земаѣ, подбираю, самъ, знаешь ты, крахчу, подаю видъ будто мнѣ очень трудно. Она увидала, говорить своему маленькому мальчику чтобъ онъ мнѣ помогъ, сама тоже начала подбирать, а мнѣ этого только и нужно. Поблагодарилъ я ее, завели мы разговоръ, пошли вмѣстѣ.

— Про что же вы разговаривали? спрашиваю я его.

— Да такъ, больше все о пустякахъ. Я объяснилъ ей что я твой дядя, спросилъ знаетъ ли она тебя, сказалъ что ты тоже каждый день бѣгаешь по этой дорогѣ. Она сказала

что не имѣеть удовольствія тебя знать, слышишь: *удовольствіа!* Я ей на это: а не выдали ли вы, говорю, молодого человека въ свѣтлосѣромъ пласть, въ свѣтлосѣрыхъ штанахъ и со свѣтлосѣрыми волосами? Нѣтъ, говоритъ, не выдали; пожилаго мушину въ такомъ платьѣ встрѣчала вѣсколько разъ. Ну, говорю ей, этотъ пожилой мушина и есть тотъ самый молодой человекъ, племянникъ мой, ты. А мальчонка-то оборотился къ ней и спрашиваетъ: тета, это тотъ самый господинъ про котораго ты говоришь что онъ точно сухарь обмокнутый въ кофе? Она такъ и вспыхнула вся, точно огонь, а я захохоталъ и говорю: да, говорю, это онъ самый.

Я тоже весь вспыхнулъ, очень мнѣ сдѣлалось досадно, и говорю дядѣ:

— Если ты только затѣмъ ходилъ чтобъ изъ роднаго племянника шута предъ людьми дѣлать, такъ пожалуй лучше бы тебѣ было дома оставаться.

— Да я бы, говоритъ,—и остался, только мнѣ хотѣлось узнать: пойдеть она за тебя или нѣтъ.

— Ужь не спросилъ ли ты ее объ этомъ? говорю я ему.

— Слушай, ларенекъ, отвѣчаетъ мнѣ дядя, а самъ дышитъ точно заводская печь,—слушай: если ужъ я за дѣло взянусь, такъ я его дѣлаю основательно. Только тонко дѣлаю! Вотъ я ее и спрашиваю, знаетъ ли она кто ты? Нѣтъ, говоритъ, не знаю; можетъ-быть онъ докторъ? Вотъ выдумали! отвѣчаю я ей, какимъ же, говорю, манеромъ, онъ докторомъ-то сдѣлается? Можетъ, говоритъ, онъ адвокатъ? Нѣтъ, говорю, и не адвокатъ. Начала она, сударь ты мой, угадывать, то вверхъ забереть—ужъ не совѣтникъ ли, говоритъ,—то кънизу спустится—неужто, спрашиваетъ—фершалъ?—а я только знаю качаю головой. Наконецъ говорю ей: нѣтъ, говорю, вамъ не угадать кто онъ. Онъ, говорю, ровно ничего. Ну, это какъ будто ужъ очень мало ей показалось. Такъ онъ, говоритъ, живеть, значить, своими капиталами? Да, говорю, пожалуй что и такъ, онъ, говорю, съ юности влеченіе къ этому чувствовалъ, томыко, говорю, мѣста онъ пра этомъ никакого не получилъ и теперь новое занятіе себѣ придумалъ. Какое же это, говоритъ, занятіе? Въ законный бракъ задумалъ вступить, говорю я ей. Какого, говорю, вы объ этомъ понятія? Самъ ее объ этомъ спрашиваю, а самъ про себя уже заранѣе положилъ: если она поблѣднѣеть, такъ терпѣть тебя не можетъ; если покраснѣеть—пойдетъ за тебя замужъ. Ну, она все

покраснѣла, наклонилась, начала поправлять шляпу у мальчонки, потомъ олять выпрямилась, взглянула на меня такъ, знаешь, свысока, поклонилась этакъ въ подборота, и поминай какъ звали! Такъ мнѣ и не удалось спросить ее еще объ одномъ дѣлѣ.

— О какомъ это такомъ дѣлѣ? спрашиваю я его.—Хороши у тебя должны быть вопросы! Воображаю!

— Нѣтъ, говорить,—мой вопросъ отъ меня еще не уйдетъ. Хотѣлъ спросить умѣетъ ли она рыбу готовить. Если умѣетъ, тогда, такъ ужъ и быть, переѣду жить къ вамъ.

Самъ говорить это, а самъ смотритъ на меня такъ серьезно, какъ будто моя женитьба гораздо болѣе касается его чѣмъ меня. На этомъ дѣло, однако, не окончилось. Подождите, то ли еще пойдетъ.

Прошло еще нѣсколько дней. Я началъ уже выходить, но къ мельницѣ нарочно не ходилъ: совѣстно было, стѣсняясь я нѣсколько. Вотъ разъ думаю себѣ: пойду я посмотрѣть какъ по льду на конькахъ катаются. Отправился. Захожу подъ навѣсъ гдѣ продаютъ пиво, водку, луншъ, грогъ—и вижу; мой дядя Маттисъ стоитъ предъ прилавкомъ и требуетъ стаканъ лунша и кусокъ сладкаго пирога. Я даже диву даюсь: что думаю, за чудо? Пунша онъ не льетъ, любитъ грогъ, а сладкихъ пироговъ такъ въ ротъ даже не беретъ никогда. Должно-быть, разсуждаю про себя, это онъ дѣтей чьихъ-нибудь хочетъ угостить. Смотрю что дальше будетъ. Взялъ онъ луншъ и пирогъ, прошелъ мимо меня—не замѣтилъ что я тутъ стою,—подходитъ прямо къ катальному креслу, къ какой-то дамѣ подъ зеленымъ вуалемъ, начинаетъ предъ ней такъ расшаркиваться что чуть было не раставулся на льду. Только что я хотѣлъ подскочить къ нему, поддержать его подъ руку, а дама-то вуаль и откидываетъ: смотрю—она, мой предметъ! Точно кто меня по затылку хватилъ: чортъ знаетъ, думаю про себя, мой старикъ мнѣ только все дѣло испортить! Разозлился, пошелъ прямо домой.

Сижу, не зажигаю огня, все злюсь. Отворается дверь, входитъ дядя.

— Добрый вечеръ, говорить.—Что ты это въ потьмахъ сидишь? Зажигай свѣчу!

Въ первый разъ въ жизни не пожелалъ я ему добраго вечера. Однако всталъ, зажегъ огонь, а у самого рожа кислая, точно меня недѣли двѣ въ укусу мочили.

— Что это, говорить,—съ тобой?

— Ничего, отвѣчаю.—Потомъ думаю про себя: вѣдь онъ тебѣ все-таки дядя!—Такъ, говорю, не въ духъ я сегодня.

— А я, говорить,—въ большомъ духъ.

Самъ смотритъ на меня такими веселыми и лаутовскими глазами какъ будто онъ старый осель и недѣли двѣ только одинъ овесъ вѣл не выходя изъ стойла.

— Я, говорить,—олять съ ней разговаривалъ.

— Ну что жь, говорю,—на здоровье.

Какъ, говорить,—я это долженъ понимать? Дѣлаетъ при этомъ серьезное лицо.

— Да такъ, отвѣчаю.—Я это дѣло изъ головы выкинулъ.

— Не хочешь? говорить, самъ на меня въ упоръ уставилъ.—Я, говорить, все подготовилъ такъ тонко, такъ деликатно что чортъ ее не знаетъ, а ты теперь на попятный? Ты не хочешь?

— Нѣтъ, говорю,—дядя, я не хочу. Что же по твоему, ты будешь славки спать, а мнѣ святымъ молокомъ пробавляться? Ты прочитай что въ книгахъ пишется про любовь: самое прекрасное время въ любви есть время до свадьбы когда женихъ ухаживаетъ за невѣстой. А ты что дѣлаешь? Ты мою невѣсту пирожками угощаешь? Ты за ней ухаживаешь? А я стою да ушами хлопаю?

Всталъ онъ съ кресла, подошелъ ко мнѣ:

— Въ послѣдній, говорить,—разъ спрашиваю тебя: хочешь ты жениться на этой дѣвицѣ или нѣтъ?

— Нѣтъ, отвѣчаю,—не хочу.

— Ну, говорить,—а я не хочу чтобъ она чрезъ меня потеряла фронтъ. Я самъ женюсь на ней.

Сдѣлалъ лицо такое торжественное какъ будто собираетъ подписываться подъ своимъ духовнымъ завѣщаніемъ, и вышелъ изъ двери. Да вѣдь какъ голову-то подвинулъ!

Ну, думаю себѣ, вотъ это исторія такъ исторія! Сначала я даже оломиться не могъ; потомъ сѣлъ на диванъ и засмѣлся. Какъ? дядя былъ лѣтъ на двадцать старше чѣмъ я, а хотѣлъ сдѣлать шагъ на который не доставало рѣшимости у меня? Я хотѣлъ было засмѣяться опять, но на этотъ разъ это у меня не вышло: душа была не покойна. Я складывалъ лицо въ улыбку, но смѣхъ не вылеталъ изъ груди. Посмотрѣлъ на себя въ зеркало,—вижу: рожа у меня глупѣйшая. Началъ шагать по комнатѣ; на душѣ становилось все хуже и хуже: нѣтъ! старикъ сдѣлаетъ что сказалъ; онъ на это способенъ!

Явилась старуха Битовша; я, разумеется, разобралъ ее,—поводовъ не искать было стать,—потомъ отправился въ клубъ, съѣлъ играть въ карты. Самъ про себя все говорю: неужели же я это потерлю? Проигрался. Пришелъ домой, легъ спать, но не могъ уснуть: дѣлаю ночь все залпа на самого себя. Нѣтъ, думалъ я, тебѣ, братъ, во всю жизнь не устраивать у себя елки! Женись скорѣе! говорилъ я самому себѣ. И въ ту же минуту сомнѣнія и раздумья точно пчелиный рой пронеслись у меня въ головѣ, а предъ глазами являлся большой знакъ вопроса: да еще пойдетъ ли она за меня?

Отвѣтъ на это могла дать только она одна, это я сознавалъ очень ясно. Сѣрое зимнее утро начало между тѣмъ глѣдѣть въ мою нетопленную комнату; холодъ пробиралъ меня до костей когда я съѣлъ пить кофе. Нѣтъ, сказалъ я самъ себѣ,—кончено! Чему быть—того не миновать! Рѣшился, и приказалъ старухѣ Битовшѣ идти и купить мнѣ пару лалевыхъ перчатокъ, самыхъ лучшихъ и какъ можно полалевѣе.

Часовъ въ одиннадцать я былъ уже совсѣмъ одѣтъ: въ черномъ сюртукѣ, въ новыхъ лалевыхъ перчаткахъ. Взглянулъ въ зеркало, самъ себѣ не вѣрю: а ли это? что это я дѣлаю? Посмотрѣлъ вокругъ себя, подумалъ: ну, въ этомъ видѣ здѣсь ужь не останется! Полалисъ мнѣ на глаза мои старыя туфли. Вотъ, думаю, удивятся когда къ нимъ вдругъ явится пара хорошеенькихъ малеенькихъ туфелекъ!

Вышелъ, иду по улицѣ, подхожу ко квартирѣ дяди Маттїаса. Думаю про себя: предъ такимъ дѣломъ нужно сначала со всѣми помириться. Чувство у меня было такое какъ будто я иду на казнь. Остановился, постучался въ дверь къ дядѣ, вошелъ къ нему.

Ну, какъ бы вамъ это сказать? Много видалъ я на своемъ вѣку. Видѣлъ какъ вѣдать огонь, какъ глотаютъ нитки, а вмѣсто нихъ вытаскиваютъ изо рта шелковыя ленты. Но и тогда я не такъ удивлялся, какъ удивился въ это утро при видѣ дяди Маттїаса.

У меня просто потемнѣло въ глазахъ. Дядя Маттїасъ стоялъ среди своей комнаты въ такомъ же парадѣ какъ и я; только вмѣсто чернаго сюртука на немъ была сѣрая охотничья куртка, а вмѣсто лалевыхъ лайковыхъ перчатокъ онъ натянулъ желтыя оленьи. Мои усы были подкручены вверхъ и переливали всѣми цвѣтами; у него усы висѣли внизъ, какъ двѣ ледяныя сосульки.

Дядя! воскликнулъ я и уронилъ шляпу.

— Паренекъ, воскликнулъ онъ,—ты это куда собрался?

— А ты куда?

— Я къ ней.

— Да вѣдь и я къ ней! Я и къ тебѣ-то зашелъ только сказать что я рѣшился. Хотѣлъ допросить тебя чтобы между нами все оставалось по старому.

— Ты это серьезно говоришь? спросилъ онъ, сѣлъ въ свои кресла и пристально посмотрѣлъ на меня.—Ну, вотъ видишь ли: я хотѣлъ идти къ тебѣ въ этомъ нарядѣ и прилутнуть тебя. Я знаю это изъ моей военной службы: ничто такъ не подбодряетъ человѣка какъ если его прилутнуть; сейчасъ въ немъ самолюбіе заиграетъ и весь онъ подтянется. А въ счастье твоемъ я тебѣ мѣшать не хочу,—тутъ онъ всталъ и положилъ руку мнѣ на плечо.—Дѣвушка эта создана для тебя и дѣвушка она хорошая!

Онъ такъ ожалъ мнѣ руку своею латерней что я подумалъ: ну, если она такъ хороша, такъ лучше ужъ и желать мезалья!

А между тѣмъ дядя уже несъ мнѣ рюмку своего старого портвейна:

— Вылей, паренекъ! Подкрѣпись сначала. Ну, какъ же ты приступишь къ дѣлу?

— И самъ не знаю, сказалъ я.

— Поставь-ка ногу на стулъ!

— Это зачѣмъ? спросилъ я.

— Нужно, сказалъ онъ и ототегнулъ мнѣ штрипки.—Прежде всего ты долженъ уласть на колѣна, а со штрипками это неловко.

— Хорошо начало, сказалъ я.

— Да что же дѣлать, паренекъ? Что нужно, такъ ужъ нужно, не миновать этого. Самъ я этихъ штукъ отъ реду не дѣлывалъ, а на картинкахъ всегда такъ изображается. Ну, что же ты ей скажешь? Что ты ей говорить-то будешь? Постои! Я тебя выручу!

Онъ послѣшню наравился къ своему комоду и началъ копаться въ ящикѣ, въ которомъ сохранялись его величайшія драгоценности. Смотрю, несетъ свой альбомъ. Вынималъ онъ его очень рѣдко, только по вечерамъ, когда наступала полная тишина. Тогда онъ надѣвалъ сначала чистое бѣлье и лучшее свое платье, зажигалъ двѣ свѣчи, ставилъ ихъ направо и налѣво предъ собою, въ глубокой задумчивости пересматривалъ

свой альбомъ, листокъ за листкомъ, перечитывалъ всѣ стихи и черными крестами отмѣчалъ умершихъ. На сѣдующее утро дядя всегда бывалъ особенно мягкосердеченъ, а въ послѣдній разъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Телерь только одинъ остался въ живыхъ: Христианъ Бюгеръ, сынъ старика Бюгеръ который жилъ домъ о домъ съ моими стариками. Говорять онъ телерь служить въ Пархимъ лисдомъ при заставѣ. Если Богъ продлитъ мнѣ вѣку, непременно навѣщу его лѣтомъ.

— Вотъ тебѣ! сказалъ дядя и положилъ альбомъ на столъ предо мною.—Садись, найди подходящій стихокъ и выучи его наизусть. Тутъ есть такіе стихи что ихъ можно предъ Господомъ Богомъ говорить какъ молитвы, а ужъ для твоей невѣсты навѣрное что-нибудь найдешь.

— Дядя, сказалъ я, а самъ принялся перелистывать альбомъ,—дядя, знаешь что я сдѣлаю? Я просто буду говорить ей что у меня на сердцѣ, а на сердцѣ у меня сегодня что-то особенное.

— И это хорошо, сказалъ дядя,—даже пожалуй такъ еще лучше будетъ, паренекъ. Ступай съ Богомъ!

Я совсѣмъ собрался уходить.

— Стой, закричалъ дядя,—подожди! У тебя тесемка отъ манашки на аршинъ высунулась сзади.

Поправилъ тесемку, благословилъ:

— Ну, телерь иди, Господь съ тобою!

Когда я вышелъ изъ наружной двери на улицу, надо мною что-то зашумѣло. Я подвѣвалъ голову: дядя Маттисъ открылъ окно, на половину высунулся изъ него и мигалъ мнѣ глазами. Улица была длинная. Каждый разъ какъ только я обертывался, дядя Маттисъ махалъ мнѣ изъ окна своимъ краснымъ платкомъ, такъ что мнѣ сдѣлалось подъ конецъ страшно: что если кто-нибудь увидить это? сейчасъ узнають всѣ въ чемъ у насъ дѣло!

Я могъ бы разказать вамъ телерь дѣлаю исторію, но разказывать ея я не буду, а только скажу вамъ что на самомъ дѣлѣ эти вещи дѣлаются совсѣмъ не такъ какъ описывается въ романахъ. Изъ ста человѣкъ девяносто девять бываютъ смѣшны и глупы, дѣлая предложеніе дѣвушкѣ, и если даже всѣ сто возвращаются домой счастливыми женихами, то девяносто девять навѣрное говорятъ себѣ: дай Богъ чтобы мнѣ не пришлось быть олятъ въ такомъ положеніи, а если

придется, то ужъ я буду умнѣе!—Дай Богъ и мнѣ никогда не быть опять въ этомъ положеніи!

Часа черезъ полтора я возвращаюсь назадъ совсѣмъ счастливымъ; должно-быть это было очень замѣтно; разсуждая теперь спокойно я не удивляюсь если добрые люди, встрѣчаясь со мною въ то утро, осторожно давали мнѣ дорогу, останавливались и пристально смотрѣли мнѣ во слѣдъ чтобъ убѣдиться: пьянъ я или только въ забывчивости декламирую руками. Я не дошелъ еще сажень трехъ до дома дяди, какъ онъ уже выскочилъ и кинулся мнѣ на шею; всѣ эти полтора часа онъ простоялъ у двери, поджидая меня.

— Паренекъ, молчи! кричалъ дядя,—молчи, говорятъ тебѣ! Я все знаю, я все знаю! Когда свадьба?

Я шелпнулъ ему отвѣтъ на ухо:

— А теперь самъ-то молчи, дядя! На улицѣ-то помолчи!

Я взялъ его за руку и потащилъ къ себѣ. Старуха Битовша какъ разъ накрывала на столъ въ то время какъ мы вошли. Тутъ дядя не могъ уже болѣе держаться. Едва Битовша взглянула на него, какъ глаза его такъ и засіяли. Онъ черезъ плечо показалъ на меня пальцемъ:

— Смотрите, любуйтесь на моего племянничка! Женихъ, сударыня! Женихъ не хуже иныхъ прочихъ!

Старуха Битовша начала поздравлять, разспрашивать кто невѣста. Я началъ вслѣдствіи удерживать дядю отъ излишнихъ откровенностей, а онъ чуть было не рассердился на меня, и когда Битовша ушла, то объявилъ мнѣ что я безчувственный притворщикъ:—„сердце у тебя каменное еси ты можешь такъ долго скрывать свое счастье, такъ-то, паренекъ!“

Я долженъ былъ съѣсть и по порядку все разказать ему. По мѣрѣ моего разказа лицо его становилось все веселѣе; онъ кивалъ головой и говорилъ: хорошо! По временамъ дядя однако выказывалъ неодобреніе: „ну, говорилъ онъ,—это вотъ не по моему!“ Когда разказъ былъ конченъ, дядя всталъ и сдѣлалъ такое лицо какъ будто онъ не зналъ слѣдуетъ ли ему выразить мнѣ похвалу или порицаніе. Послѣ долгаго раздумья дядя объявилъ наконецъ что онъ, еслибъ ему только довелось, сдѣлалъ бы все это гораздо лучше:

— Въ какое время ты на колѣна-то упалъ?

Я долженъ былъ сознаться что совсѣмъ не ладалъ на колѣна. Дядя немедленно взялся за шляпу.

— Всякаго вамъ благополучія! Рано лгашечка залѣзла,

какъ бы комечка не съѣла! Дѣла твои еще далеко не въ порядкѣ. Примѣровъ не бывало чтобъ объяснялись не улавъ на колѣна; безъ этого такое дѣло не дѣлается. Разойдется свадьба—левай на себя; я удивляться не стану; въ другой разъ слушай дядю!

Сказалъ и ушелъ.

Но не смотря на предсказанія дяди для меня началось теперь удивительно-прекрасное время. Я могъ бы разказать и про него, но опять-таки не стану этого дѣлать. Про величайшее счастье и про глубочайшее горе не сдѣдуетъ всѣмъ разказывать. Я вѣрю что каждый читающій эти строки прекрасный человекъ: ну а если случится ихъ прочесть кому-нибудь кто надо мною начнетъ подсмѣиваться? Нѣтъ, ужъ лучше помолчать, а не то обидно будетъ.

Да, такъ я сталъ женихомъ. Сначала дѣда Маттѣасъ все еще высказывалъ время отъ времени сомнѣнѣя относительно того правильно ли я сдѣлалъ предложеніе. Когда онъ увидалъ, однако, что дѣло совсѣмъ слажено, бывалъ въ гостяхъ у моей невѣсты, убѣдился въ томъ что она умѣетъ готовить рыбу и перезнакомился съ ея родными, тогда онъ приваляса расписывать всѣмъ встрѣчнымъ и поперечнымъ мое благополучіе въ такихъ яркихъ краскахъ что я просто не зналъ куда дѣться отъ разнахъ исторій которыя пошли обо мнѣ по городу. Я сталъ предметомъ общественнаго вниманія; мнѣ просто нельзя было показаться на улицу. На каждомъ шагѣ каждый дуракъ съ улыбкой смотрѣлъ на меня, а когда я спрашивалъ чему онъ смѣется, всѣ,—точно они сговорились между собою,—всѣ отвѣчали мнѣ; нѣтъ, это мы такъ, ничего. Когда я приходилъ вечеромъ въ клубъ,—я рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не оставлять его, во первыхъ, потому что общество было мнѣ очень подходящее, вторыхъ, потому что посѣщать клубъ я считалъ очень полезнымъ для моего образованія, —когда я вечеромъ приходилъ въ клубъ, тамъ начиналось шептанье и перемигиванье. Одни говорили намеками, другіе —напрямикъ; я только и слышалъ разказъ про то что тотъ-то говорилъ до свадьбы и что сталъ говорить послѣ свадьбы, какъ обманулся одинъ, разочаровался другой, какъ сдѣдуетъ поступать и что нужно дѣлать мужу. Если я сердился и спрашивалъ, не въ мой ли огорождъ бросаютъ они камни, всѣ въ одинъ голосъ говорили: сохрани Богъ! Это мы такъ, вообще!—А если я по вечерамъ оста-

вася дома, старуха Битовша принималась дожимать меня въ свою очередь.

— Какъ прикажете это сдѣлать? спрашивала она.— А это какъ? Потому теперь я не знаю какъ вамъ угодно будетъ приказать. Много лѣтъ живу на свѣтѣ, за разными господами ухаживала, а за женихами не приходилось. Теперь ужь не долго, возьмите терпѣніе, если я что-нибудь и не такъ сдѣлаю. Ужь теперь не знаю какъ и угождать. Глаза у меня стары стали, не видятъ. Вотъ, Богъ дастъ, молодая жена за вами лучше присмотритъ, и за бѣльемъ, и за кушаньемъ, и за порядкомъ. Ужь ей лучше будетъ знать какъ что нужно дѣлать.

Невѣста моя захотѣла придти и посмотреть на мое житье-бытье. Битовша объявила что она ничего не имѣетъ противъ этого, но отказалась обмести наутину и убрать соръ, который она накопила въ одномъ изъ угловъ; авось не сломаешь себѣ ногу, объявила она. Если я спрашивалъ вечеромъ почему не зажечь огонь, то получалъ въ отвѣтъ что это происходитъ отъ неувѣстности, пойду я въ клубъ или нѣтъ? А когда нужно было толпить печку, и Битовша, сидя предъ нею, изо всѣхъ силъ раздувала уголья, мнѣ, прости Господи грѣхъ! казалось иногда что это сидитъ старая чертовка которую озаряетъ адское пламя. Что если какой-нибудь дьяволъ точно также старается изо всѣхъ силъ раздуть мнѣ какую-нибудь бѣду съ моимъ сватовствомъ? Сомнѣнія относительно брачной жизни все еще одолевали меня по временамъ, а тутъ, какъ на грѣхъ, произошелъ еще одинъ случай.

Возвращаюсь я разъ отъ своей невѣсты. Иду по улицѣ и слышу издалека шумъ. Изъ всѣхъ оконъ высунулись головы, предъ одною дверью собралась кучка народа. Только-что поровнялася я съ этою дверью, какъ вдругъ вылетаетъ изъ нея нашъ обручникъ, точно бомба вылетаетъ, да такъ прямо въ кавау и сѣлъ.

— Ты это, другъ, что же такое дѣлаешь? спрашиваетъ его сосѣдъ.

— Да, вотъ поди ты! отвѣчаетъ обручникъ. — Баба моя взяла да и выбросила меня!

— За что же это она тебя?

— А вотъ за что, другъ. Я тебѣ скажу. Жена моя хочетъ чего я хочу, а я этого не хочу.

Происшествіе это до меня не касалось. Пошелъ я дальше. Только иду, а самъ все думаю: что это онъ за вздоръ городить?

Что это значитъ: жена моя хочетъ чего я хочу, а я этого не хочу? Спрошу дядю Маттiаса.

Пришелъ къ дядѣ, разказалъ ему всю исторiю, спрашиваю: дядя! что это обручникъ говорилъ? Какъ это нужно понимать?

Дядя задумался, началъ ходить по комнатѣ.

— Ты говоришь что его жена изъ двери выбросила?

— Да, говорю. Онъ самъ это сказалъ.

— И сидѣлъ онъ въ канавѣ?

— Да, въ канавѣ.

— Ну, такъ это значитъ правда, значитъ точно что выбросила. Въ такомъ случаѣ вотъ что значать его слова: жена моя хочетъ быть въ домѣ главой, и я тоже хочу быть главой, а по женщиной дудкѣ плясать я не хочу. Впрочемъ, если жена его осталась въ домѣ, а онъ въ канавѣ сидѣлъ, такъ значитъ главой-то въ домѣ она, а не онъ.

И вотъ послѣ этого разговора на душѣ у меня стало что-то скучно и боязно: явился новый вопросъ о которомъ я прежде и не думалъ.

— Дядя, сказалъ я,—ты знаешь меня и знаешь ее. Какъ ты думаешь: кто изъ насъ будетъ въ домѣ глава?

— Ну, оказалъ онъ,—она совсѣмъ не похожа на такую которая стала бы сидѣть предъ домомъ въ канавѣ; а думаю что она останется въ домѣ.

— Вотъ тебѣ и разъ! оказалъ я.

— Ну, сказалъ дядя Маттiасъ,—до этого-то у васъ не дойдетъ. А подъ началомъ ты у нея, пожалуй, будешь, подъ благотворнымъ женскимъ влiянiемъ, знаешь? какъ въ книгахъ называютъ.

— Волка бояться—въ лѣсъ не ходить, сказалъ я.—Что ты меня залугиваешь? Я ее послѣ свадьбы живо отучу отъ такихъ манеръ.

— Ну, на это ты не надѣйся, сказалъ дядя.—Знаешь по-словцу:

Объясчался—такъ комедь!

Думаи уда подъ вѣнецъ.

— Нѣтъ, говорю,—въ первый разъ слышу.

— Садись-ка, сказалъ дядя,—я тебѣ исторiю разкажу.

— Разказывай, сказалъ я.—Только правоученiя свои оставь, я уже для нихъ старъ сталъ.

— Не бойся, сказалъ дядя,—правоученье тебѣ жена прочитаетъ если ты меня не слушаешься. Слушай!

И онъ началъ разсказывать.

Когда я еще не поступалъ въ солдаты, въ деревнѣ нашей жили двое молодыхъ, красивыхъ парней. Одного звали Вульфъ, онъ былъ кузнецомъ; другаго звали Кивитъ, онъ былъ мельникъ. Кузнецъ былъ парень острый и дѣло свое отменно разумѣлъ; мельникъ былъ дурашлавъ, за то богатъ. Вотъ пошелъ по деревнѣ слухъ: кузнецъ и мельникъ женятся на двухъ родныхъ сестрахъ, старостинныхъ дочеряхъ. Дальше да больше, говорить да толковать, смотримъ, въ самомъ дѣлѣ свадьба. Ну, староста справилъ все на славу; насъ, молодежь, со всей деревни пригласилъ; я и теперь еще помню какое веселье было. Подъ утро мнѣ нашъ писарь на голову полное ведро съ ливомъ надѣлъ: я разсердился, а онъ говоритъ: эхъ, говорить, не понимаешь ты шутки!

Справили свадьбу; идеть все хорошо. Только долго ли, коротко ли, пошелъ опять разговоръ по деревнѣ: мельничиха мужа своего колотить. Такъ оно и на самомъ дѣлѣ было. Вотъ разъ въ воскресенье послѣ обѣда приходитъ мельникъ въ трактиръ, а кузнецъ сидитъ тамъ да въ карты играетъ.

— Ну, говоритъ мельникъ, — достанется тебѣ сегодня вечеромъ!

— Отъ кого достанется? спрашиваетъ кузнецъ. — Самъ всталъ, выходитъ со своякомъ изъ трактира.

— Самъ знаешь отъ кого, отвѣчаетъ мельникъ. — Да полно, будешь тебѣ, чего притворяешься? Довко мы съ тобой налетимъ, что ужъ толковать!

— Ты это про мою жену говоришь? спрашиваетъ кузнецъ. — Нѣтъ, братъ, я не налетѣлъ. У меня жена добрая.

— Да, говоритъ мельникъ, — добрая когда ея дома нѣтъ.

— Пойдемъ, говоритъ кузнецъ, — я тебѣ докажу. Сегодня у насъ варенецъ дѣлали, жена моя страсть какъ его любить. Приходятъ они къ кузнецову дому, кузнецъ и кричить:

— Жена!

Жена выглянула изъ окна:

— Что, говоритъ, — тебѣ?

— Возьми-ка, говоритъ ей кузнецъ, — большую крынку съ варенцомъ, выбрось-ка ее сюда на улицу.

— Что ты говоришь?

— Говорю: выбрось на улицу большую крынку съ варенцомъ.

Сейчасъ, отвѣчаетъ жена.

Не услѣди они глазомъ моргнуть, вылетѣла крышка изъ окна.

— Хорошо, говорить кузнецъ.—Выбрось-ка телерь еще другую крышку.

Выбросила и другую.

— Ладно, жена, говорить кузнецъ.—Ты меня сегодня рано не жди. Я поздно домой приду.

Пошли кузнецъ съ мельникомъ назадъ въ трактиръ. Кузнецъ и спрашиваетъ мельника:

— Ну что, говорить,—видѣлъ?

— Да, говорить мельникъ,—у тебя жена кладъ. Какъ ты, говорить, до этого дошелъ?

— Очень просто, говорить кузнецъ.

— Запиралъ ты ее, что ли?

— Нѣтъ, говорить кузнецъ.

— Колотилъ?

— Нѣтъ!

— Да что же ты дѣлалъ?

— А я тебѣ скажу, говорить кузнецъ.—Когда мы еще съ тобой были женихами, сталъ я подмѣчать какая вещь больше всего моей невѣстѣ нравится. Вижу, — любимый у нея розовый шелковый платочекъ. Хорошо. Вотъ мы разъ обѣдаемъ, гусь былъ за обѣдомъ, на столъ пролила сало. Я долго не сталъ думать, взялъ да ея шелковый платкомъ столъ-то и вытеръ. Ну, она на меня и напустилась. А я ее обмалъ, поцѣловалъ, да и говорю: Маша, вѣдь я-то у тебя остался? Что тебѣ въ платкѣ? Такой платокъ ты орать купишь, а другого такого какъ я не купишь и не найдешь! Успокоилась. Ладно. Были мы какъ-то на лотерей, выиграла она вазу, чудесную вазу. Очень ей обрадовалась, не налюбуетса. Взялъ я вазу эту въ руки и будто печально—трахъ ее объ полъ. Начала было плакать, а я ей: не плачь, Маша, пусть лучше ваза разобьется, да я у тебя цѣлъ; я вѣдь тебѣ хлѣбъ-то зарабатывать буду. Ну, братецъ ты мой, напоследокъ выломалъ я ей еще три зуба изъ новой гребенки. Только тутъ ужъ она засмѣялась, говорить: я знаю что ты мнѣ другую купишь. Точно, купилъ. Ну, и съ того времени такъ между вами все и остается. Она всѣмъ довольна. Однако, прощай, мнѣ нужно еще игру доигрывать.

Кузнецъ пошелъ опять въ трактиръ. Вотъ черезъ полчаса вызываетъ его трактирщикъ:

— Поди, говорить,—внизъ. Мельникъ тамъ стоитъ: весь избитый.

Сомелъ кузнецъ внизъ, смотритъ: точно, стоитъ его сынокъ. Лицо все исцаралано и одинъ глазъ подбитъ. Удивился.

— Что это, говорить,—съ тобою?

— Да, говорить мельникъ,—вотъ полюбуйся! Все отъ твоихъ проклятыхъ розказней произошло.

— Какъ это такъ? спрашиваетъ кузнецъ.

— Да также, что тутъ долго токовать! Я твою дурацкую исторію запомнилъ, пошелъ домой, думаю: что у одной сестры помогло, то и у другой поможетъ, дай попытаюсь. Вхожу въ комнату, стоитъ моя жена предъ зеркаломъ, убирается, въ гости собралась идти, а на столѣ лежитъ ея чепецъ. Вотъ, думаю, кстата подвернулась. Взялъ чепецъ въ руки, верчу, самъ про себя разсуждаю: ежели его въ тазъ съ помоми кинуть, конецъ тогда чепцу! Кинулъ я его въ тазъ. А жена въ зеркало это самое дѣло увидала, обернулась, да коттами-то прямо мнѣ въ лицо. Я ей говорю: Лизочка, вѣдь я-то у тебя дѣлъ, а чепецъ дѣло наживное! А она мнѣ въ отвѣтъ: да, кричить, ты у меня дѣлъ! Вотъ, говорить, и получиай коли ты дѣлъ! Смотри, что съ глазомъ-то дѣлается. А все изъ-за твоихъ проклятыхъ розказней!

— Дуракъ, говорить ему кузнецъ,—развѣ я тебѣ не говорилъ что я свои поступки до свадьбы дѣлалъ? Что помогаетъ предъ свадьбой, то послѣ свадьбы не поможетъ.

— Вотъ тебѣ и исторія, паренекъ, сказалъ дядя Маттисъ и подвинулся со своего мѣста.—Если ты умѣешь, такъ и сообразиайся съ тѣмъ что я тебѣ разказалъ.

Я тоже всталъ, подошелъ къ окну, задумался. Потомъ говорю дядѣ:

— Не хороша твоя исторія, дядя. Ты прежде лучше исторіи разказывалъ.

Смѣется.

— Да, говорить,—прежде я тебѣ сейчасъ же и правдоученье дѣлалъ. Ну, а теперь самъ правдоученье ищи.

— Что же ты думаешь, говорю я ему,—что мнѣ нужно взять у моей невѣсты шалку, да кинуть ее въ помой? Или взять у нея мантилью, да столъ ею вытереть?

— Ну что же, отвѣчаетъ,—я самъ все смѣется,—ну что же? Попробуй!

— Покорно благодарю за совѣтъ, отвѣчаю ему.

А онъ все смѣется. Вѣдь вотъ, думаю, что значать года-то!— Въ дѣтство старикъ мой впадаетъ! А дядя меня вдругъ и спрашиваетъ:

— Сколько, говорить,—тебѣ лѣтъ?

Не любилъ я женихомъ когда мнѣ наломивали про мои года.—Ну, думаю, теперь пойдетъ онъ меня олатъ поддразнивать!

— Тебѣ, говорю,—это на что?

— Нѣтъ, говорить,—я это такъ.

— Ну такъ, говорю,—позвольте вамъ доложить: седьмого декабря сорокъ одинъ годъ мнѣ исполнился.

— Такъ, говорить,—тебѣ за сорокъ-то уже перевалило?

— Да, отвѣчаю.—Тебѣ это не нравится?

— Мнѣ-то, говорить,—что отъ этого? Я только пословицу вспомнилъ: кто въ двадцать не красивъ, въ тридцать не дородень, въ сорокъ не умень, а въ пятьдесятъ не богатъ, изъ того прока не будетъ. А ты до сорока лѣтъ дожилъ, а ума не нажилъ.

— Дядя Маттисъ, говорю я ему,—нельзя ли тебѣ дураковъ-то гдѣ въ другомъ мѣстѣ поискать!

А самъ, чувствую, преглауное лицо въ это время сдѣлалъ. Дядя расхохотался:

— Ты, говорить,—умнымъ себя считаешь, а правоченья изъ моей исторіи найти не можешь! Паредскъ! Вѣдь это только притча! Что кузнецъ дѣлалъ и что мельникъ дѣлалъ, тебѣ того не годится дѣлать, это я очень хорошо знаю. Разумѣется, тебѣ нужно поступать иначе. Напримѣръ: можешь ли ты еще до свадьбы сдѣлать три-четыре глулости?

— Глулости? спрашиваю я его.

— Да, говорить,—глулости.

Сталъ я ходить по комнатамъ, думать:

— Глулости двѣ, говорю,—могу сдѣлать.

— Ну, говорить,—такъ и дѣлай ихъ.

— Что же, говорю,—ты думаешь что я послѣ этого главою буду въ домѣ?

— Полагаю, говорить.—Понимаешь,—говорить,—глулости, а не что-нибудь дурное. Если она начнетъ тебя за нихъ бранить, тогда обойми ее, разцѣлуй хорошенько и скажи: милая, оставь, не обращай вниманія на эти исторіи. Смотри только на мое сердце, а сердце мое принадлежитъ одной тебѣ на вѣки вѣчные. Ну и при этомъ случаѣ можешь и на колѣна упасть. Потому, что ты тамъ ни говори, а безъ этого нельзя.

Подумалъ я, погадалъ, наконецъ рѣшилъ: сдѣлаю я для удовольствія дяди пару глупостей. И сдѣлалъ. Я могъ бы ихъ разказать, только остерегусь. Разказъ мой можетъ попасться на глаза женьѣ и тогда она замѣтитъ что все было заранѣе нарочно придумано, что я ее провела, пожалуй еще она скажетъ — мало ли что скажетъ! А между тѣмъ, когда она такъ тихо и преданно хлопочетъ и заботится вокругъ меня и ласково уступаетъ мнѣ во всемъ, меня иногда одолеваетъ раскаяніе. Стыдись, говорю я себѣ, стыдись что ты предъ нею коварствовалъ! Намедни говорю дядѣ:

— Знаешь что, дядя? Я хочу разказать женьѣ по какому случаю я предъ свадьбой глупости дѣлалъ.

— Да ты въ умѣ или нѣтъ? отвѣтилъ дядя. — Каждый настоящій человѣкъ долженъ время отъ времени откинуть глупость и отлустить шутку: только разказывать про это онъ не долженъ, а не то онъ потеряютъ свою силу. Вѣдь вы живете счастливо? Ну, и будь этимъ доволенъ.

— Это все такъ, отвѣчаю я ему. — Только мнѣ иной разъ кажется что мы могли бы жить еще счастливѣе еслибы жена была главой въ домѣ.

— Паренекъ, сказалъ дядя Маттіасъ и положилъ руку мнѣ на плечо, — все счастье возможное на землѣ никогда не должно быть въ однихъ рукахъ; довольствуйся тѣмъ что у тебя есть. А что касается супружеской жизни — знавалъ ты стараго Йохена Смитта, Йохена который съ женой дожилъ до восьмидесяти лѣтъ и котораго хоронили вмѣстѣ съ нею, въ одинъ день? Ну, такъ вотъ этотъ Йохенъ Смиттъ говорилъ мнѣ: гослodianъ вахмистръ, супружеская жизнь все равно что яблона на которой человѣкъ сидитъ и рветъ яблоки. Рвать-то онъ ихъ рветъ, а самыя-то лучшія висятъ наверху, не достанешь ихъ, руки коротки. Если который человѣкъ глупъ, захочетъ сплкомъ ихъ достать, такъ начнетъ сбивать ихъ палкой, вѣтки собьетъ, не станутъ яблоки расти. А разумный человѣкъ спокойно дожидается поздней осени, тогда самыя лучшія плоды сами къ нему на колѣни упадутъ и вкусъ-то у нихъ еще гораздо слаще будетъ. Жди поздней осени, паренекъ, не долго тебѣ до нея. Когда настанетъ глубокая осень жизни, тогда разкажи твоей женьѣ зачѣмъ ты дѣлалъ глупости до свадьбы: тогда она порадуетса твоему разказу.

С. ФЛЕРОВЪ.

ЗЛОЙ ДУХЪ *

РОМАНЪ

XXIX.

Хлестовъ не послушался добраго совѣта. Онъ съ утра на-ходился въ состояніи нѣкотораго особеннаго задора, овладѣ-вающаго молодыми людьми когда они долго находятся вмѣстѣ. А сегодня ему весь день пришлось провести съ товарищами и притомъ испытать нѣсколько впечатлѣній подѣйствовав-шихъ на него возбуждительно. За завтракомъ у Борела одинъ изъ веселыхъ въ лодку поручиковъ объявилъ что ему „туго“, что каналья Венделевичъ не хочетъ перелисать вексель и что можетъ-быть черезъ нѣсколько дней ему придется снать мудирь. Пріатели очень волновались, говорили чрезвычайно телыя слова, а Хлестовъ, возбужденный виномъ и еще но-вымъ для него упоеніемъ товарищества, вынулъ изъ порт-фельчика деньги и предложилъ поручику, послѣ чего опять были сказаны чрезвычайно хорошія слова, произошли объ-ятія, завтракъ затянулся и общій счетъ у Борела очень под-нялся. Хлестовъ былъ въ такомъ настроеніи что готовъ былъ весь этотъ счетъ со всѣми предыдущими перелисать на свое имя, но ему не позволили; тѣмъ не менѣе онъ былъ ужасно

* См. *Русск. Вѣст.* 1881, №№ 4, 5, 7, 9, 10, 11 и 1882, №№ 1, 2, 3, 6, 7 и 8й.

счастливы и внутренно очень гордились собою. Изъ ресторана онъ захватилъ домой и сверхъ ожиданія нашелъ тамъ деньги; это его еще болѣе возбудило и усилило въ немъ жажду какихъ-нибудь героическихъ ощущеній. Онъ поѣхалъ обѣдать въ „Каскадъ“, тоже съ товарищами, и тамъ къ величайшему его наслажденію случилось легонькое происшествіе: онъ встрѣтилъ знакомую всему люду Лизонь, пріѣхавшую на этотъ разъ въ нѣкоторой биржевой компаніи, и рѣшилъ немедленно отбить ее. Лизонь визжала и увѣряла что никакъ не можетъ перейти въ другой кабинетъ; однако ее перетащили. Но одинъ изъ пріѣхавшихъ съ ней безъ церемоніи отворилъ дверь и позвалъ ее; Хлестовъ вскоцилъ и крикнулъ: „Прошу васъ убраться вонъ!“ — и въ отвѣтъ на возраженіе лустилъ въ стѣну бутылкой. Товарищи бросились успокоивать его, но Хлестовъ съ разгорѣвшимися глазами и щеками долго еще шумѣлъ и увѣрялъ что его можно заставить сдѣлать все что угодно, но только не елозорить мундира. Это были минуты непонятнаго наслажденія: его называли горячкой, отобрали у него саблю, говорили что свяжутъ ему руки. Онъ чуть не плакалъ отъ блаженства, потомъ скомкалъ въ руки нѣсколько ассигнацій и просилъ чтобъ ему позволили бросить ихъ въ физиономію „штатскаго“, въ видѣ выкупа за Лизонь; ему не позволили. Онъ наконецъ сунулъ ассигнаціи въ карманъ, но при этомъ клялся что никогда въ жизни ему такъ не хотѣлось дать въ физиономію. Затѣмъ весь обѣдъ прошелъ въ любопытнѣйшихъ разказахъ о томъ кто кого и при какомъ случаѣ любилъ; даже отвоеванная съ такимъ успѣхомъ Лизонь оставалась какъ бы всѣми позабытая. Хлестовъ совсѣмъ захлебывался, горѣлъ и млѣлъ; ему казалось что никогда еще онъ не жилъ такою полнотою жизни молодости, счастья, удали и товарищества. Поэтому благомысленный совѣтъ Раисы Николаевны пропалъ даромъ: Хлестовъ былъ слишкомъ расположенъ „переговорить“ съ кѣмъ бы то ни было и о чемъ бы то ни было. Какъ только занавѣсь упала, онъ прошелъ на сцену, гремя шпорами и стучая саблей о стѣны и декорации.

— Па-а-слушайте, мнѣ вамъ лару словъ сказать надо, обратился онъ къ господину солидной наружности, хлопотавшему около рабочихъ.

Тотъ вѣжливо склонилъ голову.

— Чѣмъ могу служить? спросилъ онъ.

— А вотъ чѣмъ. У васъ одна очень талантливая артистка ищетъ дебюта и никакъ не можетъ добиться. Вы ее все завтраками кормите. Такъ вотъ я хотѣлъ узнать, когда же наконецъ вы назначите? Вы понимаете что ей не очень весело ждать пока тамъ у васъ закончатся разные ваши интриги... Она не какая-нибудь, а дѣвушка изъ очень хорошаго семейства, и голосъ у нея такой что всѣ ваши примадонны въ подметки ей не годятся.

— Это кто же такая? полюбилъ-ли вы ее солидный господинъ.

— Подкорникова! объяснилъ чрезвычайно громко Хлестовъ. Антрепренеръ усмѣхнулся съ самымъ равнодушнымъ видомъ.

— Знаю, какъ же. Чтò жь, мы и такъ обѣщали ей когда-нибудь дебютецъ дать, отвѣтилъ онъ.

— То-то что обѣщали, а между тѣмъ не даете! И позвольте спросить, чтò значитъ это „когда-нибудь“? Какой чортъ пойдетъ на ваше „когда-нибудь“? Вы должны день назначить, а не „когда-нибудь“! горячился Хлестовъ.

— Помилуйте, вѣдь у насъ тоже расчетъ.... пообожать надо. Мы еще своихъ артистовъ не всѣхъ представили публикѣ. Вотъ когда пообойдется, или какая-нибудь манкировка случится... отвѣтилъ завѣдующій театромъ.

— Да вы чтò, воображаете что Подкорникова къ вамъ изъ милости просится? вѣдь это громадный талантъ, и собой хороша какъ Венера! Она всю публику съ ума сведетъ и сдѣлаетъ вамъ такіе сборы какихъ вы не видали еще! продолжалъ все болѣе возвышая тонъ Хлестовъ.

Директоръ бросилъ по сценѣ взглядъ, какъ бы щца чѣмъ бы отдѣлаться отъ юности.

— Голосъ у нея маленькій и опытности никакой; ступить въ костюмъ не умѣетъ, сказалъ онъ уже серьезно.

— Чтò-о? голосъ маленькій? у Подкорниковой? вы думаете у вашихъ разбитыхъ балалаекъ голосъ лучше? Да ваша Пѣцова или Славская чижики предъ ней! Подкорникова такой фуроръ произведетъ, посмотрите! ее всѣ наши поддержать. Вы забываете что весь вашъ театръ нашими держится. Кто у васъ первый рядъ разбираетъ? кто въ литературныхъ горячился все больше Хлестовъ.

— Намъ очень пріятно заслужить вниманіе; вотъ обойдется немножко, публика пересмотритъ всѣхъ, мы вовѣркихъ станемъ показывать, успокоивалъ его антрепренеръ.

— А я вамъ повторяю, вы должны теперь же назначить, на этихъ дняхъ! пристукнулъ саблей Хлестовъ. Вы воображаете что если вашъ театръ тутъ одинъ, такъ вы можете что угодно дѣлать съ артистами!

Антрепренеръ, судя по раскраснѣвшемуся лицу юности, не сомнѣвался что онъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ недавней трагедіи и потому старался только поскорѣе отъ него отдѣлаться.

— Помилуйте, вѣдь намъ артисты нужны, зачѣмъ бы мы стали ихъ отъ сцены отбивать, произнесъ онъ успокаивающимъ тономъ.—А сейчасъ занавѣсь поднимають, надо уходить поскорѣй. Подкорниковой мы дадимъ дебютъ, будьте увѣрены, дайте только обойтись немножко.

— Но она не хочетъ ждать, вы поймите это! Вотъ же Лопчкѣ Илатовой вы уже роль дали, а Подкорникова гораздо лучше ея, не отставалъ Хлестовъ.

— Илатова артистка настоящая, какъ же можно такъ судить, спокойнымъ тономъ возразилъ антрепренеръ.—Илатова можетъ сейчасъ на первыя роли поступить.

— А Подкорникова по вашему не можетъ?

— А вотъ выступить на сценѣ, тогда видно будетъ. Тутъ дѣло открытое, публика сама судья.

— Ну смотрите же, я вѣдь не отстану! пригрозилъ Хлестовъ, съ громомъ проходя между боковыми кулисами.

— Ну что? встрѣтила его Женечка на порогѣ ложи.

— Разумѣется вамъ не посмѣютъ отказать въ дебютѣ, отвѣтилъ онъ, и прежде чѣмъ дѣвушка могла оломиться, съ безпримѣрною дерзостью поцѣловалъ ей шейку. Раиса Николаевна только оглянулась на нихъ и повела плечами. Хлестовъ олустился сзади нея на стулъ и наклонившись проговорилъ шелкотомъ:

— Я съ ума схожу, я безъ нея жить не могу! Милая, дорогая, хорошая, я вамъ всѣ лальчики перецѣлую, увезите ее ужинать!

— Пожалуй, какъ бы неохотно согласилась Раиса Николаевна и, обратясь къ Женечкѣ, спросила:

— Пойдемте съ нами ужинать, я васъ потомъ завезу домой!

— Но только я скажу что я у васъ была, предупредила дѣвушка.

— Какъ хотите, отозвалась Раиса Николаевна.

Изъ театра дѣйствительно отправились въ ресторанъ, захвативъ съ собою солиднаго друга Раисы Николаевны,

котораго Хлестовъ посадилъ къ себѣ на колѣни въ эгоисткѣ и всю дорогу придерживалъ, такъ какъ плотная фигура Петрицкаго съ трудомъ держалась на балансѣ.

Изъ комнаты большой балконъ выходилъ въ садъ. Черезъ минуту Женечка и Хлестовъ уже очутились тамъ. Бѣлая весенняя ночь казалась темною рядомъ съ огнями отражавшимися въ холодной глубинѣ Невы. Изъ комнаты на балконъ не было видно. Руки Хлестова крѣпко обвилились вокругъ тонкой талии Женечки.

— Оставьте же, говорила она, пытаюсь освободиться.

Онъ зажалъ ей ротъ поцѣлуями.

— Алексѣй Николаевичъ, да что же это наконецъ! вѣдь могутъ зайти сюда! съ трудомъ проговорила Женечка.

— Хотите, я спрыгну въ садъ и перетащу васъ на рукахъ? предложилъ Хлестовъ.

— Вы съ ума сошли! воскликнула Женечка.

— Сошелъ, конечно сошелъ. Я не могу видѣть вашихъ проклятыхъ глазъ, а способенъ чортъ знаетъ что надѣлать. Я васъ такъ люблю что готовъ убить себя и васъ! проговорилъ стиснувъ зубы Хлестовъ.

— Алекси, идите водку лить, крикнула изъ комнаты Раиса Николаевна.

— Послушайте, продолжалъ Хлестовъ, глядя прямо въ глаза Женечкѣ своими, какъ она выражалась, воровскими глазами, и до боли сжимаая ей руки.—Послушайте, выйдите изъ дому завтра утромъ, часовъ въ двѣнадцать, я буду васъ поджидать около подъезда... проговорилъ онъ шепотомъ, наклоняясь къ самому ея лицу.

— Ну хорошо... Зачѣмъ? прошептала Женечка.

Хлестовъ, вмѣсто отвѣта, снова зажалъ ей ротъ поцѣлуями.

— Алекси, да идите же наконецъ! Женечка! позвала опять Раиса Николаевна.

— Идемъ, идемъ, отвѣтилъ Хлестовъ и ввелъ подъ руку пылавшую и почти до слезъ смущенную дѣвушку.

XXX.

У извѣстной вдовы Пикарь, на Милліонной, комнаты были всегда заняты. Она имѣла полное право сказать что ея заведеніе процвѣтаетъ. Хотя она брала не дешево, но у нея была хорошая мебель и много порядка. Населеніе комнатъ

состояло исключительно изъ женщинъ и притомъ не совсѣмъ безъ разбора. Мисе Пикарь обладала замѣчательною способностью съ одного взгляда угадывать положеніе и обычаи всякой новой жилицы. Многимъ она отказывала сразу, не смотря на самый приличный видъ и безукоризненный туалетъ, и никогда не ошибалась. Она требовала тишины. Она выражалась что ей нѣтъ дѣла до нравственности, но что необходимо поведеніе. Подъ поведеніемъ она разумѣла только одно условіе: чтобы все что дѣлается въ комнатахъ не выходило за предѣлы комнаты и не обнаруживалось для сосѣдей. Дамы могли принимать своихъ знакомыхъ, но эти знакомые не должны были громко разговаривать въ корридорахъ, хлопать дверьми или вообще обращать на себя вниманіе. Обитательницы меблированныхъ комнатъ не обязывались возвращаться къ такому-то часу; но олоздавшимъ воспрещалось саишкомъ громко звонить и подымать шумъ. Прислуга у мадаме Пикарь ходила въ безукоризненно-чистыхъ пластьяхъ и передникахъ, набиралась изъ хорошенькихъ дѣвушекъ и состояла подъ строгимъ надзоромъ; не довольствуясь требованіями квартирантокъ хозяйка сама наблюдала чтобы комнаты и корридоры были чисто убраны и даже приказывала отворять форточки. Вообще вдова Пикарь, предоставляла своей публикѣ удобства и порядокъ, требовала взаимнаго уваженія къ своему авторитету и не допускала противорѣчій. На нее, силой вещей, привыкали смотрѣть какъ на нѣкоторую власть и считали обоюднo полезнымъ не колебать, а напротивъ поддерживать ее.

Лилочка, пріѣхавъ въ Петербургъ въ концѣ зимы, попала къ мадаме Пикарь совершенно случайно и сперва была очень непріятно удивлена ея притязаніями. Ей показалось страннымъ что съ ней говорить такимъ языкомъ какъ будто она поступила въ пансіонъ. Но мадаме Пикарь при всей своей неуступчивости сохраняла такую безукоризненную деликатность и такъ разумно рассуждала что Лилочка вкорѣ совершенно примирилась съ ней. Притомъ самая наружность хозяйки, всегда зашнурованной, расчесанной, со строгою и спокойною улыбкой на свѣжемъ лицѣ, производила очень благоприятное впечатлѣніе.

У Лилочки были двѣ комнаты: одна большая съ мягкой мебелью, ковромъ, каминомъ, другая поменьше. Ей было удобно и покойно: за стѣной никогда не слышалось шума

въ корридорѣ она такъ рѣдко съ кѣмъ-нибудь встрѣчалась что жила какъ бы совсѣмъ отдѣльно. Разъ только какой-то неизвѣстный господинъ по ошибкѣ постучался къ ней въ дверь, и вслѣдъ затѣмъ молоденькая дама, недавно пріѣхавшая изъ провинціи и занимавшая комнату рядомъ съ Липочкой, вбѣжала къ ней почти перепуганная, разсылаясь въ извиненіяхъ за ошибку и умоляя не говорить объ этомъ хозяйкѣ. Липочка успокоила ее смѣясь про себя надъ ея страхомъ, но въ сущности очень довольная что madame Пикарь приобрѣла такой грозный авторитетъ надъ жильцами.

Слустя недѣлю послѣ разказаннаго въ предыдущей главѣ, Липочка сидѣла предъ піанино и повторяла въ полголоса свою партію изъ оперетты въ которой должна была выступить на другой день. Было три часа; она нарочно выбирала такое время для упражненій, такъ какъ рѣдко кто изъ обитательницъ меблированныхъ комнатъ вдовы Пикарь оставался тогда дома. Баронъ Андрей сидѣлъ въ углу и читалъ газету. Уже съ четверть часа они ни слова не сказали другъ другу, занятые каждый своимъ дѣломъ, но молчаливое присутствіе барона мѣшало Липочкѣ, стѣсняя ее вопреки привычкѣ и давно установившимся между ними дружественнымъ отношеніямъ. Чувствуя его тамъ въ углу за своею сливой она никакъ не могла углубиться въ партитуру и дать своему голосу полную свободу. Она знала что баронъ не сочувствуетъ ея поступленію на сцену, хотя никогда не выражался объ этомъ опредѣленно, и это сознаніе раздражало ее, даже дурно дѣйствовало на ея энергію.

Она наконецъ остановилась на половинѣ ариі, захлопнула крышку піанино и встала. Андрей опустил газету и поднялъ глаза.

— Развѣ вы уже кончили? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, мнѣ не хочется продолжать, отвѣтила Липочка, и подойдя къ нему съ нетерпѣливымъ выраженіемъ повела плечами.

— Я васъ давно хотѣла спросить, Андрей Евгеніевичъ, мнѣ кажется что вамъ очень не нравится что завтра мой дебютъ? сказала она быстро и почти недовольнымъ, вызывающимъ тономъ.

— Почему вы спрашиваете? Я никогда вамъ не говорилъ объ этомъ, произнесъ Андрей.

— Потому-то мнѣ и хочется чтобы вы наконецъ сказали. Я вижу что вы точно дуетесь на меня.

— Если хотите знать, то мнѣ дѣйствительно не нравится, отвѣтилъ послѣ короткой паузы Андрей.

— Но почему? Чтò вы можете возразить? также быстро спросила Липочка.

— Какое я имѣю право возражать? Вѣдь вы рѣшили! отозвался Андрей.

— Нѣтъ, объяснитесь, не будьте букой, настаивала Липочка.

— Ну я вамъ скажу: мнѣ не нравится, вопервыхъ, оттого что это ниже васъ; вы, по моему, не созданы для этого. Еслибы вы поступили въ лирическую оперу, на казенную сцену, тогда другое дѣло, объяснилъ Андрей.

— Для серьезной оперы мнѣ надо было бы по крайней мѣрѣ еще три года учиться, работать, а вы знаете что я не могу, мнѣ содержать себя надо, возразила Липочка.

Баровъ на это промолчалъ, только лицо его еще болѣе смурилось.

— Но вы сказали: вопервыхъ; а вовторыхъ? спросила Липочка.

— Вовторыхъ... но вы запретили мнѣ говорить объ этомъ, уклонился Андрей.

— Нѣтъ, говорите, требовала Липочка, чуть-чуть сдвинувъ брови.

Андрей съ видомъ затрудненія ловель мимо нея глазами.

— Я вообще противъ такой карьеры... и думаю что вы сами скоро будете тяготиться ею... сказалъ онъ.

— Но вѣдь надо же что-нибудь дѣлать, чѣмъ-нибудь содержать себя, возразила Липочка;— сцена дастъ мнѣ гораздо больше чѣмъ всякое другое занятіе.

Андрей потупился, на лбу его выступила толстая жила. Онъ потянулъ къ себѣ газету.

— Зачѣмъ мы объ этомъ говоримъ, когда съ этимъ связано такъ много другихъ вопросовъ, о которыхъ не надо говорить? произнесъ онъ съ замѣтнымъ раздраженіемъ.—Вы поступаете на сцену потому что хотите независимости, значитъ... значитъ не хотите ничего другаго!

— Я хочу найти средства къ жизни, сказала Липочка.

— Ну и чтò жь! и найдете... въ этомъ можно не сомнѣваться. Вамъ нравится думать что это необходимо, что это лучше чѣмъ... чѣмъ та обыкновенная дорога которой всѣ идутъ. Вы вѣдь... не хотите замужъ выйти.

Слова эти прозвучали странно, точно со слезами. Андрей отвернулся и что-то отыскивалъ въ газетѣ.

— Замужъ! съ втянутымъ смѣхомъ повторила Липочка. — Выйти какъ всѣ, только для того чтобъ избавиться отъ необходимости самой зарабатывать свой хлѣбъ... вы не станете меня упрекать за то что я не хочу такъ сдѣлать.

Баронъ вдругъ швырнулъ газету.

— Вамъ опять хочется говорить жалкія слова, Олимпиада Васильевна! сказалъ онъ злымъ тономъ. — Я васъ просилъ не спрашивать меня, потому что вотъ видите, пришлось заговорить о томъ о чемъ мнѣ слѣшкомъ тяжело говорить и вамъ также... о чемъ вовсе не надо говорить. Вамъ лучше знать какъ распорядиться собою. Вѣдь быть женой человека котораго вы не любите — это хуже, разумеется хуже... вы правы, тысячу разъ правы, только зачѣмъ же говорить объ этомъ! Завтра вашъ дебютъ, я приду... буду хлопотать... и будьте увѣрены что никто не будетъ такъ искренно обрадованъ вашимъ успѣхомъ.

Онъ взялъ шляпу и быстро вышелъ, забывъ даже проститься. Липочка съ безпомощнымъ выраженіемъ сжала руки. „Зачѣмъ я не могу полюбить его!“ престонала она мысленно.

Она оступилась на стулѣ, смущенная, искренно опечаленная и разстроенная. Она любила Андрея со всею теплотою преждевременно пострадавшаго сердца, сердца которому были знакомы муки обманутаго чувства, горькіе капризы возмущенной и утдающей страсти. Съ этою печальною опытностью она не могла заблуждаться, она знала что ея дружеская привязанность слѣшкомъ далека отъ того чувства которое съ болью переживалъ Андрей. А онъ былъ такъ достоинъ того чего тщетно искалъ въ ея преждевременно установленномъ, незалеженномъ сердцѣ. Уже два года она слѣдила за нимъ, замѣчая съ безкорыстною радостью какъ ея дружеское вниманіе дѣлало то чего не могла сдѣлать великолѣпная Дина Ловацкая, бравшаяся за нравственное возрожденіе Андрея съ серіозностью благотворительнаго подвига и съ тайною безгнлливостью прозрачнаго и холоднаго какъ хрусталь сердца. Андрей пересталъ пить и окончательно разошелся съ Таней. Липочка была безконечно рада, но вмѣстѣ съ тѣмъ тайное чувство говорило ей что дѣло сдѣлано только вполонину, что если Андрей локончилъ съ прошедшимъ, го за то у него

нѣтъ настоящаго. Онъ сповался безо всякой цѣли по Петербургу, томительно боля своею новою страстью и не чувствуя силы за что-нибудь взяться, что-нибудь начать. Онъ походилъ на человѣка котораго вытѣчили и выбросили изъ больницы на улицу. Лилочка это сознавала и страдала. Съ какимъ восторгомъ отдала бы она его простому сердцу все что еще оставалось въ ея собственномъ сердцѣ... Но чувство своевольно, оно мучительно торжествуетъ или безжалостно упорствуетъ. Андрей былъ не красивъ. Минутами, когда Лилочка не глядя на него слышала его голосъ, когда предъ ней раскрывалась незримая внутренняя красота его души, ей казалось что до сихъ поръ упрямо безмолвствующее чувство готово заговорить въ ней. Но впечатлѣннѣе исчезло, и глаза ея, встрѣтившись съ его безлокойнымъ взглядомъ, выражали муку. „Нѣтъ, нѣтъ, это выше моихъ силъ, это была бы жертва бессмысленная, безвозвратная“... повторяла она съ ощущеніемъ внезапнаго холода, пробѣжавшаго по нервамъ.

Дверь изъ корридора быстро отворилась.

— Дома? спросилъ молодой голосъ, и Женечка, въ пальто и въ шляпкѣ, вбѣжала въ комнату и бросилась прямо въ кресло.

— Вы завтра дебутируете? А мнѣ до сихъ поръ ничего не даютъ, и я начинаю думать что меня просто не хотятъ приять... проговорила она стремительно.

— Bonjour, сказала улыбаясь Лилочка.

— Ахъ да, здравствуйте, я забыла что мы не видались сегодня, слыхватилась Женечка, и обѣ онѣ поцѣловались.—Но каково же это!

— Я сама удивляюсь что они такъ долго заставляютъ васъ ждать, отозвалась Лилочка.

— Душечка, это все интриги, я увѣрена! Пѣвцовой и Славской ужасно не хочется передавать свои роли и у нихъ есть поклонники, разумеется. Этотъ противный режиссеръ, вы знаете, вздумалъ за мной ухаживать, вообразилъ что я стану возиться съ какимъ-то актеришкомъ, и теперь на зло мнѣ подставляетъ ногу. Но какъ же этотъ старый коллакъ позволить съ собой дѣлать что угодно... А за Славской, вы знаете, теперь ужасно ухаживаетъ одинъ журналистъ, Нестужевъ, и меня увѣряли что если я появлюсь на сценѣ, то меня въ газетахъ такъ отдѣлаютъ, такъ отдѣлаютъ...

— Да, некрасивая кажется изнанка въ этой карьерѣ, сказала съ задумчивою улыбкой Лилочка.

— Ахъ нѣтъ, ужасно весело, все-таки весело! воскликнула Женечка.— Лишь бы поступить на сцену, а тамъ ужъ все отлично пойдетъ.

Хорошенькое, оживленное лицо ея вдругъ поблѣднѣло при этихъ словахъ; она обхватила обѣими руками колѣни и наклонила голову.

— Что съ вами? спросила Липочка.

Женечка еще ниже опустила голову и вдругъ порывисто сорвалась съ мѣста, обняла Липочку обѣими руками и крѣпко прижалась лицомъ къ ея плечу.

— Жена, что такое? что съ вами случилось? повторила свой вопросъ Липочка.

Жена продолжала молча жаться къ ней, пряча лицо. Она вся вздрагивала, какъ будто боролась съ рыданіями.

— Ну полно же, неужели оттого что вамъ долго не даютъ дебюта? Дадутъ, я увѣрена что дадутъ... успокоивала ее Липочка.

— Нѣтъ, не оттого... прошептала Жена и еще крѣпче сжала ей плечи напряженными, цѣпкими руками.—Я не оттого...

Липочка, испуганная этимъ ввезалнымъ нервнымъ припадкомъ, не знала что дѣлать и только ласково жала руками тонкую талію дѣвушки. Та вдругъ оттолкнула ее и подвала блѣдное и улыбающееся лицо, по которому еще бѣжали крупныя слезы.

— Я сумашедшая, со мною Богъ знаетъ что дѣлается, проговорила она истерическимъ голосомъ.—Да не смотрите же такъ на меня, что это такое!

И она, отворачиваясь, закрыла лицо рукой.

— Вы не шутя перелугали меня... Какъ можно такъ разстроить себѣ нервы! сказала Липочка.

— Ахъ, вы не знаете, ничего не знаете! воскликнула Женечка, подбѣжала къ зеркалу и опустила вуалетку.—До свиданья, я боюсь опоздать... я еще зайду...

— Посидите лучше со мной, вамъ успокоиться надо, удерживала ее Липочка.

— Нѣтъ, нѣтъ, не могу, меня ждутъ... быстро проговорила Женечка и не простившись выбѣжала изъ комнаты.

„Точно вихрь прилетѣла и вылетѣла“, подумала Липочка со смутнымъ чувствомъ страха за свою легкомысленную подругу.

XXXI.

На сценѣ загороднаго театра, за часъ до поднятiя занавѣси, шелъ перелолохъ: одна изъ артистокъ, имѣвшая второстепенную, но необходимую роль въ спектаклѣ, внезапно охрипла и не могла взять ни одной ноты. Режиссеръ былъ въ ярости и увѣрялъ что ему дѣла нѣтъ, что артистка не должна хрипѣть.

— У васъ въ контрактѣ сказано что въ случаѣ болѣзни вы должны предупредить за три дня, увѣждалъ онъ несчастную жертву петербургскаго катарра.

— Какъ же я могла за три дня знать! добродушно оправдывалась лѣвица.—Я сама чуть не плачу отъ отчаянiя, мой сегодняшнiй костюмъ чудо какъ идетъ ко мнѣ... И какъ на бѣду еще полный театръ будетъ!

— Олимпиада Васильевна, что жъ мы будемъ дѣлать! съ вошемъ обращался режиссеръ къ дебютанткѣ.

Лилочка, у которой съ утра уже разстроились нервы, хмурилась брови и въ петербургнiи теребила батистовый платокъ.

— Замѣните кѣмъ-нибудь, это ваше дѣло, отвѣчала она со злобью.

— Да невозможно, никто этой партiи не знаетъ, возражалъ режиссеръ;—ей-Богу, хоть самъ становись да пой.

— Дайте мнѣ, я слою, вдругъ предложила Женечка.

Она прiѣхала вмѣстѣ съ Лилочкой и все время сидѣла въ ея уборной, разсматривая костюмы и волнуясь не меньше самой дебютантки. Режиссеръ схватилъ ее за руки.

— Голубушка, да неужели? вскричалъ онъ, мѣряя ее съ головы до ногъ опытнымъ глазомъ.—Подойдетъ, ей-Богу же подойдетъ!

— Что такое подойдетъ? не поняла Лилочка.

— Костюмъ! Костюмъ подойдетъ. Вѣдь одного роста, и талии у нихъ одинаковыя. Да вправду ли знаете? Ну-те, изъ перваго выхода: ти-и-ри-та-та-та-та...

И онъ подалъ голосъ. Женечка, смѣясь, пропѣла безъ аккомпанимента нѣсколько нотъ.

— Идетъ, ей-Богу же идетъ! Голубушка, вѣдь вы насъ всеручили... въ ножки вамъ поклоняюсь, жестокая барышня!

Лилочка протанула ей обѣ руки.

— Что въ самомъ дѣлѣ? вы ждали дебюта, вотъ вамъ неожиданный: хоть маленькій, да за то сейчасъ, сказала она улыбаясь.—Будемъ ужъ сегодня вмѣстѣ отличатся!

— Ну мнѣ все равно, лишь бы на сцену! тономъ отчаянной рѣшимости отвѣтила Женечка.

Театръ въ тотъ день былъ дѣйствительно полонъ. Послѣ долгаго промежутка оперетка опять входила въ моду. Бенуаръ и первые ряды креселъ блистали. Это не было парадно-скучное блистанье италянскон оперы или домашняго спектакля въ большомъ свѣтѣ, но тѣмъ не менѣе

Тутъ было все что называютъ свѣтомъ.

Въ настоящее время поэтъ можетъ-быть не прибавилъ бы что „смыслъ глубокий есть въ названьи этомъ“, такъ какъ самое названіе съ тѣхъ поръ много утратило въ опредѣленности... Но и настоящій большой свѣтъ тутъ несомнѣнно былъ, только онъ явился не съ тѣми дамами для которыхъ абонируется бельэтажъ Большаго Театра.

Въ одной изъ боковыхъ ложъ Полина, только что пріѣхавшая со „стрѣлки“, обвела бинोकлемъ переполненную залу и сказала какъ бы прятавшемуся за ея спиною Пахтаеву:

— Нигдѣ не встрѣтишь столько знакомыхъ какъ здѣсь. Право, я нахожу что дѣломъ въ Петербургѣ веселѣе чѣмъ зимой. Я раньше осеми не поѣду за границу.

— Теперь эти загородныя мѣста очень поправились, отвѣтилъ важнымъ тономъ Пахтаевъ.

— Но знаете почему здѣсь весело? Потому что ваши дамы сюда не ѣздятъ, продолжала Полина.

Коко, ёрзавшій подлѣ нея на стулѣ, при этомъ неожиданнымъ замѣчаніи произнесъ „лс!“ и взглянулъ на Пахтаева.

— Представьте, еслибы напримѣръ ваша жена тутъ была! пояснилъ онъ этотъ взглядъ.

Генералъ отдулъ щеки и пожевалъ губами. Въ немъ уже развилась величайшая ненависть къ Коко, но схватиться съ нимъ онъ боялся, такъ какъ Полина, чуть ли не для того чтобы подразнить его, не позволяла ему неуважительно обращаться съ мужемъ.

— Кажется сегодня какой-то дебютъ предстоитъ? спросилъ разворачивая афишу генералъ.

— Лилочка Илатова, а ее встрѣчала нѣсколько лѣтъ назадъ, отвѣтила Полина.—Это бывшая страсть Евгенія Саввича, добавила она и покосилась на Безбѣднаго, судившаго

въ соседней ложѣ съ женой и съ Софьей Александровной Каричъ.

— Хорошенькая? полюбобытствовалъ генералъ.

— Увидите.

Софья Александровна, вслушавшаяся въ разговоръ, наклонилась къ Пахтаеву.

— Это моя давнишняя protégée, а ее можно сказать сама открыла и пристроила въ консерваторію, пояснила она.— Прелестная дѣвушка, хорошенькая и голосъ великолѣпный. Въ сожалѣнію она мало надъ нимъ работала, потому что у нея завязался еще раньше романъ съ Еженіемъ Саввичемъ... а замъ когда-нибудь разкажу... Но пожалуйста хлопайте побольше, надо ей сдѣлать пріемъ.

— Vraiment? отозвался генералъ и подставилъ перчатки, какъ бы приготовляясь исполнить порученіе.

— Еженій, какъ ты можешь быть такъ спокоемъ! произнесла Аннетъ, оборачиваясь къ мужу.

Безбѣдный улыбулся одними глазами.

— Я отъ души желаю ей успѣха, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, я не могу этого понять, продолжала Аннетъ:— нѣтъ все-таки это была твоя любовь, и что-нибудь должно же остаться въ человѣкѣ...

— Глупости! произнесъ Безбѣдный, и наклонившись чрезъ головы дамъ, съ любопытствомъ заглянулъ въ крайнюю loge grillée, откуда выставлялся рукавъ мундира съ аксельбантомъ и молодежавый профиль господина лѣтъ лятдесати.— Это князь Роро... можешь себѣ представить! оказалъ онъ жемъ.— Государственные умы и политическіе геніи тоже, какъ оказывается, не брезгаютъ опереткой...

— Развѣ имъ не нужны женщины какъ и воѣмъ другимъ? отозвалась со свойственнымъ ей цинизмомъ Софья Александровна.— Мнѣ одинъ нашъ дипломатъ говорилъ вчера съ отчаяніемъ что теперь въ Петербургѣ на женщинъ уходитъ больше времени чѣмъ въ Парижѣ.

— Да, это все замѣчаютъ что петербургская жизнь какъ-то перемѣнилась: demi-monde очень увеличилась и главное— много Русскихъ, замѣтилъ Безбѣдный.— Прежде почти исключительно Француженки были или вообще иностранки, а теперь самыя прелестныя женщины Русскія. Говорятъ, онѣ и за границей нынче очень въ модѣ.

— Но и кромѣ того какъ-то все веселѣе стало, рѣзвѣе, добавила Аннетъ.

— Политическая атмосфера совсѣмъ другая, это и на общественной жизни отражается, пояснилъ Безбѣдный...

— Да, сколько теперь на политической сценѣ Оффенбаховскихъ фигуръ! сказала Софья Александровна.

— Ну, однако кто же? нѣсколько формализовался такимъ замѣчаніемъ Безбѣдный.

— Ахъ, есть! постоянно у васъ точно что-то изъ оперетки разыгрывается, подтвердила Аннетъ.

— Не знаю отчего тебѣ такъ кажется, осларивалъ Безбѣдный;—при либеральномъ режимѣ обыкновенно всѣмъ легче дышать, общество оживаетъ, оттого и веселѣе. По моему въ этомъ даже есть своего рода смыслъ, когда министры поощряютъ увеселительныя мѣста, смѣшиваются съ толпой, какъ бы живутъ съ ней одною жизнью... Тутъ идея гуманности. Я бы даже отъ губернаторовъ требовалъ чтобы они иногда потолкались на ярмаркѣ, зашли бы на какую-нибудь свадьбу...

— Ахъ, это ты ужь прямо изъ оперетки! засмѣялась Аннетъ.

Пестрый хоръ, толтавшійся во время этого разговора на сценѣ, прошелъ полонезомъ за боковыя кулисы, и вдругъ на нѣсколько секундъ въ залѣ водворилась та особая выжидательная тишина, которая дѣйствуетъ на лублику сильнѣе самыхъ шумныхъ овацій. Дебютантка приблизилась къ рамлѣ; легкія ободрительныя рукоплесканія провесались изъ первыхъ рядовъ креселъ.

— Да она прехорошенькая, сказалъ сосѣдъ сосѣду.

— Очень, очень недурна.

— Прелесть что такое!

— Ахъ какая хорошенькая!

Липочка спокойно и весело слѣла свою выходную арію. Видъ переполненной залы не только не смущалъ ее, но какъ будто даже ободрялъ. „Въ сущности это вѣдь такъ ничтожно“... сверкало въ ея умѣ, въ то время какъ красивый, полный голосъ ея все свободнѣе звучалъ, овладѣвая просторомъ. Ощущеніе легкой и спокойной удачи ободряющею дрожью пробѣжало по ея нервамъ. Въ залѣ шумно прорвались рукоплесканія. Безбѣдный приподнялся въ ложѣ и наклоняясь надъ плечами жены пожиралъ оттуда Липочку глазами. Онъ кажется не вѣрилъ что это та самая Липочка которая когда-то такъ конфузилась въ присутствіи великаго Флютенталя;

на лицѣ его отражалось отрадное, жадное волненіе, какъ будто утраченное вдругъ получило въ его глазахъ внезапное, несравненно большее значеніе... Софья Александровна и Аннеть усердно хлопали. Рядомъ съ ними Пахтаевъ, ловивуясь приказанію, мѣрно ударялъ ладонями, туго обтянутыми замшей.

— Mais elle est charmante, votre protégée, наклонялась онъ со значительнымъ видомъ къ ште Каричъ.

Кoko, изучавшій дебютантку въ бинокль, презрительно по-тянулъ губами.

— Пс, elle n'a pas du chien, celle-là, выразилась онъ.

— Очень, очень удачно; а такъ рада! говорила Софья Александровна.

Въ большомъ дуэтѣ, сѣдовавшемъ за арией, Липочка была кажется еще лучше. Здѣсь она играла. Это была очень изящная, простая, даже какъ бы небрежная игра, полная вкуса и художественной воздержности. Публика была совершенно зачлупена въ ея пользу; аплодисменты усиливались послѣ каждой паузы, дуэтъ заставляли повторить.

— Но это успѣхъ! съ рѣшительнымъ видомъ выразилась ште Каричъ.

— Я просто не ожидалъ, сказалъ Безбѣдный.

Онъ, нагнувшись, разсматривалъ въ партерѣ плотваго, небрежно одѣтаго господина, наружность котораго вдругъ что-то напомнила ему. Господинъ этотъ изо всѣхъ силъ хлопалъ руками, стучалъ палкой и такъ кричалъ *bis* что голосъ его покрывалъ толпу.

— Да вѣдь это кажется баронъ Андрей! оказалъ Безбѣдный Софья Александровнѣ.

Та тоже посмотрѣла въ бинокль.

— Конечно онъ... да и странно было ему не быть здѣсь сегодня? Мнѣ давно говорили что онъ очень ухаживаетъ за ште Илатовой, сказала она.

— Вамъ говорили? переспросилъ какъ бы озабоченнымъ тономъ Безбѣдный.—Но вѣдь у него была какая-то связь... въ деревнѣ...

— Чтò же можетъ значить такая связь! Онъ уже давно влюбленъ въ Липочку, возразила Софья Александровна.

— Такъ что у нихъ? романъ? спросилъ съ оттяжкой Безбѣдный.

— Почему же я знаю чтò у нихъ такое!

Безбѣдный, вытанувъ шею, продолжалъ смотрѣть то на Андрея, то на Лилочку, и самодовольно-спокойные глаза его какъ будто помрачались.

— Eh, voilà une qui a du genre! вдругъ воскричалъ Кoko, даже привскочивъ на стулъ.

Восклицаніе это относилось къ Женечкѣ только что выбѣжавшей на сцену, въ костюмъ на который такъ много разчитывала охрипшая артистка.

Костюмъ дѣйствительно сразу произвелъ впечатлѣніе. Оставаясь въ границахъ приличія, нельзя было бы выдумать что-нибудь болѣе рискованное. Ничего нескромнаго, ничего прозрачнаго, всего только два куска тяжелой матеріи, драпировавшіе Женечку съ головы до ногъ. Но эта плотная драпировка была какъ будто не надѣта, а только наброшена на ея стройную фигуру; казалось, этимъ смѣлымъ складкамъ угрожало каждое неосторожное движеніе. Но Женечка ни на полминуты не оставалась спокойною; она перелетала съ одного конца сцены на другой, играя глазами, улыбкой, плечами, соединяла веселое значеніе роли со своимъ собственнымъ радостнымъ чувствомъ, охватившимъ ее оттого что она наконецъ выступила на эти освѣщенные электрическимъ свѣтомъ подмостки, въ этомъ красивомъ, тайно дразнящемъ костюмѣ. Она сознавала что на нее смотрять, что ее замѣтили, что она соблазнительно хороша, что ея необъявленное въ афишѣ появленіе производитъ почти смятеніе въ залѣ. Ей даже было легче выступать подъ такимъ случайнымъ инкогнито, она чувствовала себя точно въ маскѣ.

Публика дѣйствительно недоумѣвала. „Это вѣдь не та что стоитъ въ афишѣ; кто же это?“ спрашивали въ залѣ. Только Хлестовъ, ничего раньше не подозревавшій, вдругъ привскочилъ въ креслѣ и принялся съ невѣроятнымъ азартомъ хлопотъ вытанутыми до самаго оркестра руками. Онъ при этомъ то ламъ каблуками, звенѣлъ шпорами, вытягивалъ шею и почти дико озирался на товарищей, не узнававшихъ Женечку. В то же время въ одной изъ ложъ бенуара красивая молодая дама привстала и весело захолопала маленькими ручками и замахала платкомъ. Это была Раиса Николаевна, безконечно пораженная и обрадованная внезапнымъ дебютомъ Женечки

XXXII.

Успѣхъ бываетъ разный: если Лилочку слушали съ возрастающимъ и ободряющимъ вниманіемъ, даже съ нѣкоторымъ удивленіемъ, свидѣтельствовавшимъ что лублика не рассчитывала встрѣтить на частной опереточной сценѣ такой сильной и свѣжей голосъ и такую изящно умную игру, то Женечку вовсе не слушали, на нее только смотрѣли. Тѣмъ не менѣе это былъ своего рода успѣхъ. Въ каскадной труппѣ необходимы красивыя женщины, умѣнія носить костюмъ и играть глазами и улыбками. Это составляетъ своего рода амплуа и даже требуетъ своего рода таланта. У Женечки очевидно былъ такой талантъ.

Баронъ Андрей тотчасъ почувствовалъ различіе этихъ двухъ дебютовъ, и какъ будто ощущеніе личнаго удовлетворенія, личной радости все росло въ немъ, пока лублика продолжала хлопать той и другой артисткѣ. Ему даже казалось что успѣхъ Женечки еще больше отбѣиваетъ и возвышаетъ впечатлѣніе произведенное Лилочкой...

Какъ только занавѣсъ упала, онъ всталъ и прошелъ на сцену. Лилочка протянула ему обѣ руки и весело улыбнулась, тогда какъ глаза ея пылко и почти тревожно старались заглянуть ему въ глаза.

— Поздравляю... я безконечно радъ.. сказалъ онъ.

— Право? вы правду говорите? недоувѣрчиво спросила она.

— Правду... я кажется всегда говорю правду!

— И вы теперь уже не такъ недовольны моимъ поступленіемъ на сцену?

— Я радъ что вы имѣете успѣхъ, и хорошій успѣхъ, отвѣтилъ Андрей.

Лилочка быстро взглянула на него.

— Вы должны признать по крайней мѣрѣ что можно играть въ опереткѣ и оставаться... такою какъ я была? сказала она.

— Развѣ я когда-нибудь сомнѣвался въ этомъ? возразилъ съ невольнымъ движеніемъ бровей Андрей.—Право, вы точно нарочно не хотите прогнать меня... продолжалъ онъ тономъ внезапнаго раздраженія.—Какъ будто я опасался что сцена уронитъ ваше общественное положеніе или что опереточная

атмосфера отразится на вашей натурѣ... что къ вамъ прилипнетъ грязь которая будетъ здѣсь окружать васъ... Мнѣ кажется что я выражался такъ ясно, и моя личная точка зрѣнія была такъ понятна!

Глаза Липочки съ выраженіемъ печали смотрѣли мимо него.

— Ахъ, Андрей Евгеньевичъ, вы не умѣете быть другомъ! сказала она и медленно отворила дверь своей уборной, предъ которою они стояли.

Некрасивое лицо Андрея поблѣднѣло.

— Да, не умѣю, повторилъ онъ глухо.—И не могу!

Онъ вдругъ схватилъ руку Липочки и прижалъ ее къ холоднѣвшимъ губамъ.

— Зачѣмъ вы это сказали! проговорилъ онъ съ тоскливымъ упрекомъ;—я, я самъ не смѣлъ себѣ этого сказать!

Липочка тихонько сжала руку которую онъ еще держалъ въ своей рукѣ.

— Полноте, вѣдь я знаю что вы... не виноваты, молвила она и ласково взглянула на него изъ-подъ нахмуренныхъ бровей.

Онъ опять припалъ къ ея рукѣ; слеза его какъ будто судорожно вздрагивала.

— Вы достигли вашей цѣли, благослови васъ Богъ! вдругъ сказалъ онъ поднимая голову, и быстро повернулся и пошелъ по корридору.

Липочка опустила на стулъ и опершись обѣими руками на туалетный столикъ, задумчиво взглянула въ зеркало на свое покрытое театральными румянами лицо. На этомъ лицѣ не было ни выраженія радости, ни торжества. „Какъ всякая другая была бы счастлива на моемъ мѣстѣ!“ невольно подумалось ей. „А я только достигла независимости... но развѣ это такъ мало?“

И внезапно, быстро, какъ поднятые вихремъ осенніе листья, пронеслась предъ ней воспоминанія—даже не воспоминанія, такъ какъ имъ не было мѣста и времени развернуться въ лихорадочной нервной вознѣ мгновенно всплывшей въ ней—а только отраженія пережитыхъ ощущеній связанная стремительнымъ движеніемъ мысли... Горькое, ѣдкое чувство поемногу легло ей на сердце, и расчесанная театральнымъ куаферомъ головка визко опустилась на руки...

Кто-то осторожно постучался въ дверь.

— Войдите, сказала Липочка и, оглянувшись, съ изумлениемъ увидѣла предъ собой Безбѣднаго.

Онъ поклонился, и прежде чѣмъ Липочка успѣла опомниться, поднесъ къ губамъ ея руку.

— Я не могъ удержаться чтобы не броситься поздравить васъ: вы провели первый актъ блистательно! сказалъ онъ почти развязно.

— Благодарю васъ, отвѣтила Липочка.

Невольное любопытство пересиливало ея смущеніе, и она смотрѣла на Безбѣднаго стараясь прочесть на его лицѣ объясненіе этого неожиданнаго посѣщенія, походившаго на дерзость.

— Я позволилъ себѣ думать что въ эти радостныя минуты артистическаго торжества я найду въ васъ больше свискожденія, больше готовности протянуть руку старому другу— продолжалъ Безбѣдный.

Холодная, почти презрительная улыбка скользнула по губамъ Липочки.

— Еще разъ очень благодарю васъ, молвила она и какъ бы изъ предосторожности положила руку за спиной на рѣзную стул. Она не садилась и не приглашала Безбѣднаго вѣстъ.

— Мы такъ давно, такъ давно не видались съ вами! сказалъ онъ.

— Я и не разчитывала съ вами видѣться, произнесла Липочка.

— Для меня это лишеніе было тѣмъ тягостнѣе что мы остались подѣ впечатлѣніемъ недоразумѣній, неудовольствій... продолжалъ, не смущаясь ея суровымъ тономъ, Безбѣдный.

— Когда мы разставались, для меня уже не существовало никакихъ недоразумѣній, возразила Липочка.

— Вы хотите сказать что моя вина совершенно объяснилась вамъ? подхватилъ Безбѣдный.— Ахъ, Олимпиада Васильевна, есть вещи о которыхъ никогда не слѣдуетъ думать что для насъ все ясно въ нихъ.

Липочка холодно взглянула на него.

— Для меня не ясно только, что могло побудить васъ теперь искать этого разговора? сказала она.

— Что меня побудило? а буду очень счастливъ объяснить вамъ...

— Но я не любопытна...

Безбѣдный съ покорнымъ видомъ наклонилъ голову.

— Я знаю что еще ничѣмъ не заслужилъ вашего снисхожденія, что въ эти три года вы находились подъ впечатлѣнїемъ нашего разрыва и не могли встрѣтить меня безъ неприязни, продолжалъ онъ;—но если я не смотря на все это рѣшаюсь быть здѣсь у васъ, говорить съ вами, то значитъ есть же во мнѣ самое сознаніе какого-то права... иначе моя смѣлость была бы наглостью!

„Вы еще сомнѣваетесь въ своей наглости!“ хотѣла сказать Липочка, но промолчала. Безбѣдный это молчаніе принялъ за вниманіе.

— Да, вы не можете не понять что во мнѣ есть какое-то внутреннее сознаніе своего права, во имя котораго я смѣлъ придти къ вамъ, смѣлъ назвать себя вашимъ другомъ, заговорилъ онъ опять.—Въ любви всегда такъ много нервозности, она такъ часто мѣшаетъ людямъ понять другъ друга. Я много, много разъ переживалъ воспоминаніемъ нашъ печальный романъ, и мало-по-малу мнѣ выяснились эти мелочи, эти нервы, эта мгла застилающая влюбленные глаза. Нашъ замучило недоверіе, мы не умѣли вѣрить другъ другу. Теперь, на разстояніи трехъ лѣтъ, научаешься понимать недоразумѣнія, капризы, мнительность— а гдѣ тогда все это ослѣпляло, окружало призраками, не давало видѣть. Вамъ казалось что я охладѣлъ къ вамъ, что я не достоинъ вашей любви, вы невольно становились придирчивы, охлаждали сами, а у меня нервы разыгрывались, мнительность росла, я не могъ понять что такое съ вами дѣлается. Въ тотъ несчастный день когда у насъ обѣдалъ Флютевталъ и когда вы вдругъ окрылись, ушли, бросили меня,—меня который такъ любилъ васъ, ахъ, мы кажется обсошли съ ума въ тотъ день.

Онъ сѣлъ и взялся обѣими руками за голову. Липочка глядѣла на него широко раскрытыми, изумленными глазами. Происходящее представлялось ей невѣроятнымъ, неслыханнымъ, возмущающимъ до той степени когда остается при бѣгнутахъ только къ физической защитѣ. Она машинально кусала себѣ губы, не замѣчая боли.

— Евгенийъ Саввичъ, я имѣю право подумать что вы пьяны сказала она тономъ невыразимаго презрѣнія.—И это было бы самое снисходительное объясненіе тому что вы говорите. Я надѣюсь что вамъ угодно будетъ сію минуту оставить меня

Безбѣдный не былъ приготовленъ къ этому отвѣту. Выраженіе досады и обиды покривило его красивое лицо.

— Не дайте увлечь себя этому первому движенію гнѣва, оно никогда не бываетъ правильно! сказалъ онъ съ едва приметнымъ отгѣнкомъ оскорбленной провіи.—Я не могъ разчитывать на ласковый пріемъ и если все-таки рѣшился придти къ вамъ, то потому что повиновался совершенно искреннему чувству, возбужденному вашимъ сегодняшнимъ успѣхомъ. Этотъ успѣхъ, эта сцена, этотъ голосъ вашъ, который я первый имѣлъ счастье услышать и оцѣнить, напомнили мнѣ такъ много. Вѣдь на моихъ глазахъ, въ наши счастливые дни, среди нашихъ разговоровъ и мечтаній, зародились эти планы, сказались ваше артистическое призваніе. Я среди вашего торжества невольно чувствовалъ, какъ будто мнѣ принадлежитъ какая-то доля въ немъ. Развѣ вы не помните какъ я настойчиво указывалъ вамъ эту дорогу, старался окружить васъ артистами, разбудить въ васъ музыкальный вкусъ... я познакомилъ васъ съ Флютенталемъ!

Липочка едва могла сдержать свое презрительное негодованіе.

— Будьте увѣрены что я вспоминаю объ этомъ съ такимъ чувствомъ которое не можетъ быть вамъ пріятно, сказала она съ брезгливымъ движеніемъ головы.

— Вы безжалостны! молвилъ нѣсколько сконфуженнымъ тономъ Безбѣдный, вставая и повертывая въ рукахъ шляпу.—Если я позволялъ себѣ напомнить нѣкоторыя ничтожныя услуги съ моей стороны, то только для того чтобъ объяснить почему мнѣ такъ дорогъ и близокъ вашъ артистическій триумфъ. Мнѣ это казалось тѣмъ болѣе простительно что съ тѣхъ поръ наше положеніе существенно измѣнилось. Вы тогда были провинціальная барышня, ученица, а я только что входившій въ моду адвокатъ; мы оба нуждались въ поддержкѣ, должны были многимъ жертвовать въ практическихъ интересахъ будущаго. А теперь какъ все перемѣнилось! Вы артистка, которую въ скоромъ времени будетъ знать вся Россія, а я—я богатъ, очень богатъ, я стою у власти, я одинъ изъ вліятельныхъ людей...

— Тѣмъ болѣе, кажется, причинъ забыть намъ наше прошлое, перебила его Липочка.

— Забыть? вы считаете возможнымъ забыть? возразилъ

Безбѣдный;—вѣтъ, я болѣе чѣмъ когда-нибудь помню, помню съ признательнымъ восторгомъ и съ горькимъ упрекомъ. Да, съ упрекомъ, потому что судьба слишкомъ безжалостно распорядилась нами: еслибъ она послала мнѣ васъ теперь, когда матеріальная борьба окончена, когда ваша любовь была бы для меня радостною роскошью, праздникомъ жизни...

Лилочкѣ вдругъ сдѣлалось смѣшно: наглость Безбѣднаго, перейдя мѣру, становилась жалкимъ шутковствомъ. Она расхохоталась и спокойно, почти весело взглянула ему въ лицо.

— Я сначала злилась на васъ, monsieur Безбѣдный, но теперь нахожу что это скорѣе смѣшно чѣмъ оскорбительно, сказала она.—Но такъ какъ мнѣ чрезъ нѣсколько минутъ надо выходить на сцену, то я прошу васъ оставить меня.

И она движеніемъ руки спокойно указала на дверь.

Безбѣдный замѣтно измѣнился въ лицѣ.

— Я вижу что вы ничего не сохранили изъ того чувства которое связывало насъ, проговорилъ онъ, почтительно наклоняя голову.

— Радуюсь что вы догадались объ этомъ. Безъ сомнѣнія мы видимся въ послѣдній разъ?

— Еслибъ я смѣлъ разчитывать на ваше снисхожденіе...

Лилочка въ нетерпѣннѣе пожала плечами.

— Ахъ, monsieur Безбѣдный, вы заставляете меня прибѣгать къ грубостямъ, къ которымъ я не привыкла. Я принуждена сказать вамъ ясно и точно что никогда не приму васъ и не буду говорить съ вами, произнесла она холодно и рѣзко.

Глаза Безбѣднаго тоже холодно блеснули.

— Простите за ошибку, всю глупость которой я сознаю теперь, вымолвилъ онъ.

Лилочка отвѣтила молчаливымъ накломеніемъ головы и отвернулась.

Бѣдный, со злою насмѣшкой на губахъ вышелъ Безбѣдный въ корридоръ. Онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ, осмѣяннымъ, униженнымъ даже въ собственномъ сознаніи. „Какъ можно было сдѣлать такую глупость!“ мысленно упрекалъ онъ себя съ болью стыда и разочарованія. „Но кто могъ ожидать! она, эта дѣвчонка, провинціальная гимназистка, которая собственно говоря всѣмъ мнѣ обязана... она наговорила мнѣ дерзостей, расхохоталась мнѣ въ лицо... Но развѣ я могу этимъ оскорбиться?“

А на сердцѣ, наперекоръ уму, лежала не только горечь

оскорбленія, но еще болѣе ждкая горечь другого чувства, которое онъ съ изумасіемъ и заобой сознавалъ въ себѣ...

Да, этотъ успѣхъ, это обаяніе подмостковъ, этотъ электрическій свѣтъ, это красивое своевоіе театральнаго костюма расшевелили давно завядшую, забытую страсть. Это былъ капризь, можетъ-быть такой же недолговѣчный какъ сценическая плаузія, но Безбѣдный чувствовалъ себя въ его власти.

XXXIII.

Хлестовъ, ворвавшись за кулисы, бросился прямо къ Женечкѣ.

— Это вы мнѣ сюрпризь! Да какая же вы прелесть! кричалъ онъ, цѣлуя ей руки.

— Нѣтъ, хорошо? спрашивала Женечка.

— Прелесть, чудо, божество! я васъ еще и не видалъ такою... Да постоитъ, дайте же васъ рассмотреть...

Онъ вертѣлъ ее за руки и самъ вертѣлся, совершенно обаянный восторгомъ.

— Приведите Раису Николаевну, попросила Женечка.— Ахъ, да вотъ она сама. Сюда, сюда, а васъ проведу ко мнѣ въ уборную...

И она бросилась въ объятія Мше Ливцовой и зацѣловала ее до такой степени что у той на лицѣ сдѣлались красныя пятна отъ боли и отъ приставшихъ къ ней театральныхъ румянъ.

Уборную Женечкѣ дали совсѣмъ крошечную, такъ что и повернуться въ ней трудно было; Хлестовъ, не оглядѣвшись сразу, столкнулъ со столика коробку и отяянку, и нагнувшись поднять, повалилъ тревогій стулъ. Въ коробкѣ оказалась лудра; онъ въ ней весь перепачкался и расчихался. Въ комнаткѣ подаялась возня, шумъ и хохотъ, а тутъ вошли еще нѣсколько товарищей Хлестова и стало такъ тѣсно что пришлось тотчасъ ихъ прогнать.

— Уходите, уходите всѣ, послѣ спектакля я васъ увижу, кричала имъ Женечка, олускаясь отъ волненія и усталости на крошечный диванчикъ, убого приткнутый къ отянкѣ.— Душечка, Раиса Николаевна, ну скажите же, вѣдь хорошо? что говорили въ публикѣ?

— Вамъ этотъ костюмъ необычайно идетъ, и воѣ наша что вы прелесть какая хорошенькая, охотно отвѣчала Лизова.

— А гдѣла я очень скверно? спросила нѣсколько разочарованнымъ тономъ Женечка.

— Нѣтъ, совсѣмъ не душно, успокоила ее Раиса Николаевна.

Женечка задумчиво сжала плечи.

— Навѣрное душно, я чувствовала. А впрочемъ... если я поправилась безъ гдѣнія, я нахожу что это еще и лучше... лучше сводить съ ума наружностью чѣмъ голосомъ...

— Чтò жь, вы пожалуй правы, сказала Раиса Николаевна.

— Да, конечно, красота выше всего! воскликнулъ съ увлеченіемъ Хлестовъ.

— Вѣдь если я такъ добивалась поступить на сцену, то потому что это весело... артистки всегда больше нравятся, и потомъ... онѣ гераздо свободнѣе.

Дверь въ эту минуту приотворилась и показала щеголеватая фигура генерала Пахтаева. За нимъ въ корридорѣ мелькнули еще какіе-то мундиры.

— Раиса Николаевна, окажите мнѣ любезность представить меня Мше Подкорниковой, сказалъ онъ кланяясь и отдавая поклонъ Хлестову, присутствіе котораго въ уборной было не совсѣмъ для него пріятно: предъ молодыми офицерами генералъ въ подобныхъ случаяхъ всегда нѣсколько конфузился.—Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи поздравить васъ съ блистательнымъ успѣхомъ, обратился онъ къ Женечкѣ.—Вы будете такъ добры, позвольте мнѣ представить вамъ двухъ моихъ друзей, Бекащевъ и князя Рорд.

Оба они весело вошли въ дверь, и въ крошечной комнаткѣ тотчасъ залахло смѣхъ и шипра, которымъ опрыскивалъ свои шютки Бекащевъ, и шампака, которымъ безбожно душился Рорд.

— Господи, гдѣ же я васъ посажу, тутъ повернуться негдѣ, воскликнула Женечка, беззадежно оглядывая свою артистическую кибитку.

Посѣтители просили не беспокоиться. Пахтаевъ, встрѣчавшійся съ Раисой Николаевной у Полины и замѣчавшій что она нѣсколько какъ бы кокетничаетъ съ нимъ, присѣлъ подле нея на диванчикѣ и серіознымъ тономъ увѣрялъ что ей приносить честь воспитывать молодые таланты и покровитель-

ствовать имъ въ ихъ карьерѣ. Беклицевъ шутилво просилъ Женечку объяснить ему устройство ея костюма и не хотѣлъ вѣрить чтобъ это было произведеніе театральнаго портнаго случайно попавшее на ея плечи.

— Нѣтъ, нѣтъ, тутъ должна быть ваша идея, я чувствую что здѣсь есть часть васъ самой, угнралъ онъ.

— Да нѣтъ же, это было сдѣлано совсѣмъ для другой, но впрочемъ подобный костюмъ зависитъ отъ того какъ его носить, говорила чрезвычайно польщенная всѣмъ этимъ ухаживаемъ Женечка.

— Вы сказали глубоко вѣрную вещь: именно искусство носить костюмъ, вотъ что самое главное! подхватилъ князь Рорд.— Это вѣчно врожденное, или по крайней мѣрѣ приобретаемое съ дѣтства, какъ одинъ изъ элементовъ женской граціи и сценическаго изящества. У васъ это такъ рѣдко что поражаетъ. Почему, напримѣръ, вы были тотчасъ замѣчены? потому что вы совсѣмъ не похожи на русскіхъ актрисъ... У васъ этотъ особенный шикъ есть, чисто парижское изящество... Съ вашимъ выходомъ мы будто вдругъ перенеслись въ *Boffes Parisiennes*. Знаете, Беклицевъ, кого мнѣ напомнила *Mlle Подкорникова*? Помните въ Парижѣ, эта маленькая блондинка, вы ее знали... *tenez*, какъ башь ее... еще у нея былъ русскій рысакъ отъ Безрышкина...

Рорд завертѣлся, стараясь припомнить, и отъ каждого ея движенія разносился по маленькой коморкѣ крѣпкій запахъ шампака.

— Я нахожу что *Mlle Подкорникова* дѣтотвительно обладаетъ чисто парижскимъ *genre*, но сравнивать съ кѣмъ-нибудь не рѣшаюсь, потому что она имѣетъ еще громадное преимущество молодости и свѣжести, чего совсѣмъ не найдешь на парижскихъ сценахъ, сказалъ окончательно сладкимъ тономъ Беклицевъ.

— И вы правы! подхватилъ опять Рорд;—но знаете что нужно чтобы молодая артистка съ такими задатками могла развить талантъ и сохранить это изящество, этотъ *genre*? Нужно общество, это я вамъ говорю какъ опытный человекъ. Артисткѣ необходимо жить не въ томъ кругу съ которымъ она встрѣчается на подмосткахъ, а въ свѣтскомъ обществѣ, гдѣ есть вкусъ, гдѣ приобретаются сами собой изящныя привычки и потребности. Наше общество воспитываетъ, *mon cher*,—обратился онъ вдругъ къ Беклицеву,—тогда какъ въ

другомъ кругу можно незамѣтно *s'escapiller*, я видѣлъ ужасные примѣры.

Хлестовъ молча подкручивалъ свои почти дѣтскіе усы, стараясь составить на лицѣ не то надутое, не то провинческое выраженіе: ему очень не нравилось навязчивое ухаживанье генераловъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ никакъ не хотѣлъ обнаружить своей ревности.

— Вы мнѣ овсѣмъ закружите голову, *messieurs*, сказала Женечка тономъ самаго дѣтскаго счастья.

— А знаете вѣрнѣйшій способъ кружить головы другимъ? надо самой закружиться, отвѣтилъ на это Рорд.—Но не смѣемъ больше отнимать у васъ времени, вамъ надо приготовить выходить на сцену, прибавилъ онъ, оттягивая увѣщенное золотымъ аксельбантомъ плечо.

— Я заранѣе восторгаюсь какъ у васъ долженъ пройти второй актъ, сказалъ Бекащевъ, и оба, прощаясь, поцѣловали у Женечки руку.

Патгасевъ пошелъ проводить Раису Николаевну, а Бекащевъ и Рорд, подымаясь въ свою *loge grillée*, обмѣнялись нѣсколькими фразами выражавшими ихъ впечатлѣнія.

— Въ самомъ дѣлѣ прелесть что за дѣвчонка, сказалъ со сдержаннымъ блескомъ глазъ Бекащевъ.

— Я вамъ скажу! подтвердилъ Рорд, одѣлавъ нѣкоторое движеніе губами.—Знаете, за ней надо слѣдить, и какъ только у нея разстроится съ этимъ лижомъ, тотчасъ по горячему слѣду!

— Ну, придется пожалуй долго ждать, замѣтилъ Бекащевъ.

— Напротивъ, пари что очень не долго; эти мальчишки не годятся для серьезныхъ отношеній, возразилъ Рорд.—Она ему надобно черезъ два, три мѣсяца, а онъ съ деньгами залуется, и тутъ-то самая настоящая минута и явится.

— *Voilà chance*, проговорилъ съ матавutoю попыткой усмѣхнуться Бекащевъ.

Рорд весело взглянулъ на него.

— Развѣ уступаете? молвилъ онъ.—Не притворяйтесь, вижу по глазамъ и по вашему тону что она вамъ ужасно нравится.

— Вы и не ошибаетесь, но только не считайте меня въ числѣ соперниковъ, отвѣтилъ Бекащевъ.

Рорд вѣжко взялъ его за руку лыше локтя.

— О, знаю я васъ, сказалъ онъ подозрительно.— Je vous ai vu à l'escuige.

— Нѣтъ, серьезно. То было прежде.

— Да что вы, старика хотите корчить что ли? Пожалуста пощадите меня, что же мнѣ тогда подлѣ васъ останется дѣлать?

— Старикомъ я даже въ старости не намѣренъ быть, но обстоятельства складываются такимъ образомъ что мнѣ неудобно начинать какую-нибудь новую интригу, объяснилъ Бекашцевъ.

Рордъ внимательно взглянулъ на него.

— Dites-moi, вы можете-быть попались въ руки? спросилъ онъ даже озабоченно.— Не залуэкайте, это хуже всего что можетъ быть на свѣтѣ.

— Нѣтъ, я пока совершенно свободенъ, отвѣтилъ Бекашцевъ.

Рордъ расхохотался.

— Это пока великолѣбно. Eh bien, сказали бы прямо что хотите жениться... я буду очень радъ первый васъ поздравить.

— Да нѣтъ, я еще ничего не знаю, проговорилъ Бекашцевъ;— но это возможно, я не скрываю.

— Ну, значить, надо поздравлять. На комъ? не секретъ? спросилъ Рордъ.

— Увѣряю васъ, я ничего еще не сдѣлалъ; это только мои собственныя предположенія, отвѣтилъ Бекашцевъ.

— Ну, какъ хотите; но только когда это не будетъ секретъ, вы должны будете мнѣ первому сказать.

— Охотно, дорогой князь.

И Бекашцевъ почти съ чувствомъ пожалъ пріятелю руку. Полина встрѣтила Пахтаева насмѣшливымъ взглядомъ.

— Вы кажется волочитесь за актрисами? бросила она ему. Генералъ вслыхнулъ.

— Меня мой beau-frère и князь Рордъ просили провести ихъ... отвѣтилъ онъ.

— Это очень мило что они нуждаются въ вашемъ покровительствѣ, продолжала тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ Полина.— Съ какихъ поръ вы имѣете тутъ свободный входъ за кулисы?

— Но это просто потому что Раиса Николаевна... пытался оправдаться генералъ.

— Заколчите пожалуйста, перебила его Полина и отвернулась.

— Нѣтъ, ради Бога... могли ли вы думать! умоляющимъ тономъ проговорилъ Пахтаевъ, наклоняясь къ ней.

— Я давно уже имѣю причины быть сердитою на васъ, сказала не оборачиваясь Полина.

— Но за чтò же?

— Подумайте.

Розовыя щеки Пахтаева еще больше вспыхнули. Ему совсѣмъ не надо было подумать чтобы догадаться. Онъ сознавалъ свою вину. Еще съ недѣлю назадъ Полина говорила ему о неприяностяхъ причиняемыхъ какими-то запутанными счетами съ модисткой и обобщикомъ. Она увѣряла что ничего не понимаетъ въ нихъ, что уже нѣсколько разъ платила, и кажется ее надуваютъ.

— Пожалуйста разберите, дѣйствительно ли я должна, и устройте это какъ-нибудь, попросила она съ такою небрежностью какъ будто дѣло шло о совершенныхъ пустякахъ.

Пахтаевъ обѣщалъ, но оказалось что счета были совсѣмъ въ порядкѣ и доходили до нѣсколькихъ тысячъ. У него такихъ денегъ не было, онъ какъ-то все еще не умѣлъ воспользоваться теоріей кредита, на которой рѣшено было основать его полухолостую жизнь: совершенная неопытность и стыдливость мѣшали ему.

Полинѣ вдругъ захотѣлось пить и она послала мужа за сельтерскою водою. Пахтаевъ догадался что это сдѣлано нарочно чтобы дать ему случай объясниться.

— Ахъ, кстати: мнѣ до сихъ поръ никакъ не удавалось исполнить ваше порученіе, но завтра непременно все будетъ сдѣлано, сказалъ онъ, рѣшившись дѣйствительно прибѣгнуть завтра къ самымъ крайнимъ мѣрамъ.

— Какое порученіе? какъ бы не вспомнила Полина.

— Тамъ у васъ счета были, съ модисткой...

— Ахъ, не хлопчите пожалуйста, кисло отвѣчала Полина:—я васъ просила потому что хотѣла скрыть отъ мужа, но такъ какъ вамъ не удалось, то онъ теперь уже знаетъ, и вы потрудитесь возвратить мнѣ эти счета, онъ самъ заплатитъ. Ему предлагаютъ деньги по векселю, надо только найти поручителя. Но я кого-нибудь найду.

Пахтаевъ почувствовалъ какъ будто у него гора съ плечъ свалилась.

— Позвольте васъ просить никто не искать, а самъ оставлю бланкъ, предложилъ онъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же! отказалась Полина.

— Это будетъ доказательствомъ что вы не очень на меня сердитесь...

— Но я именно очень на васъ сержусь! улыбнулась Полина.

— Нѣтъ, это рѣшено. Я утромъ пораньше къ вамъ заѣду. Полина благосклонно пожала плечами.

— Покажите мнѣ лучше, за которую именно вы намѣрены волоочиться, сказала она съ улыбкой, повернувшись къ сценѣ.

Успѣхъ Липочки росъ съ каждымъ выходомъ: лублика очевидно уже сочувствовала ей, хотѣла поддержать ее, волновалась за нее. Бываютъ такіе счастливые дебюты, когда театральная зала настолько сживается съ артистомъ или артисткой что какъ бы сама хочетъ во что бы то ни стало дать успѣхъ. А про Женечку со втораго акта точно уже забыли: она какъ будто сдѣлалась безразличною принадлежностью сцены, которую очень пріятно видѣть, но которая уже не можетъ приковать вниманіе. Ее одобрили какъ декорацію, при первомъ появленіи, но нельзя же въ теченіе цѣлаго акта восхищаться декораціей. И когда ея локлонники возобновили рукоплесканія и вызовы, зала оставалась спокойною. Хлестовъ выходилъ изъ себя, вскакивалъ съ кресла, кивалъ товарищамъ. Изъ loge grillee высовывались руки въ бѣлыхъ перчаткахъ и мѣрно отбивали тактъ.

— Досадно что у меня сегодня вечеръ занятъ, надо было бы ее сейчасъ же пригласить ужинать, сказалъ князь Рорд.

— А гдѣ вы сегодня? спросилъ Беклицевъ.

— У графа Заржицкаго маѣвка на дачѣ, нѣчто въ родѣ bal champêtre на мокрой травѣ, при двухъ градусахъ тепла, объяснилъ Рорд.

— Значитъ можемъ вмѣстѣ отправиться, а тоже звякъ, сказалъ Беклицевъ.

И послѣ втораго акта оба поѣхали на Крестовскій.

XXXIV.

На великолѣпной дачѣ Заржицкаго давно уже не давались праздники. Графъ былъ человекъ разчетливый; показываясь постоянно въ свѣтѣ и всюду принятый въ силу своего

придворнаго званія, родовитаго происхожденія и несмѣтнаго богатства, онъ умѣлъ какъ-то избѣгать большихъ приемовъ дома, отдѣляясь приглашеніями къ себѣ въ имѣніе, въ одной изъ западныхъ губерній, гдѣ онъ обыкновенно проводилъ часть года. Съ петербургскимъ обществомъ онъ былъ знакомъ, но дальше известной черты не обличался.

Лѣтъ двадцать назадъ, наканунѣ польскаго матажа, когда онъ былъ еще почти молодой человѣкъ, онъ жилъ открыто и домъ его считался однимъ изъ самыхъ пріятныхъ и наиболѣе посѣщаемыхъ; но затѣмъ онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ за границей, появляясь въ Петербургѣ мимоходомъ, и о немъ начали забывать. Говорили что онъ скомпрометтированъ, но какъ-то въ своемъ родѣ, на такой аристократической подкладкѣ и подъ такимъ бѣлымъ знаменемъ что не стали докалываться. Въ послѣдніе годы его опять стали всюду встрѣчать, а нынче ему вдругъ вздумалось отпраздновать новоселье на дачѣ или, какъ онъ выражался, сдѣлать „маѣвку“.

Когда Беклицевъ и князь Рордъ подъѣхали къ чугунной рѣшеткѣ дачи, праздникъ былъ уже въ полномъ разгарѣ. Надъ садомъ залитымъ огнями стояло точно зарево; изъ освѣщенной танцевальной залы неслись звуки оркестра. Графъ, еще очень молодцоватый на видъ, встрѣчалъ прибывающихъ на широкой террасѣ, уставленной пальмами и живыми цвѣтами. Въ бутоньеркѣ его лестрѣли орденскія ленточки всѣхъ государствъ въ мірѣ. Онъ обѣими руками пожалъ руку Беклицеву, а князя Рордъ даже обнялъ за талію, и повелъ обоихъ къ графинѣ.

— У насъ кажется весь Петербургъ сегодня веселится, графъ, сказалъ Беклицевъ.

— Я обожаю эти праздники на дачѣ, и какъ жаль что они у насъ такъ мало въ ходу, прибавилъ Рордъ.

— А то жь климатъ! отозвался Заржцкій.

И улыбаясь свойственною ему какою-то замысловатою улыбкой, продолжалъ по-французски:

— Надо, господа, веселиться, мы слава Богу оживились немножко... То война была, то все такое... теперь погода должна переѣвиться.

Беклицевъ, откланявшись хозяйкѣ, остановился и оглянулся. Громадный залъ вертѣлся въ послѣдней фигурѣ кадрили. На террасѣ, въ гостиныхъ, въ просторной столовой, превра-

щевой въ buffet-ouvert, было тѣсно. Собрался дѣйствительно весь Петербургъ, все что еще не развѣхалось на лѣто. У одной изъ дверей выходившихъ въ садъ разговаривала стоя группа пожилыхъ людей въ мундирахъ и во фракахъ. Беклицевъ почтительно отдалъ поклонъ и остановился.

— Тѣму надо разговяять свѣтомъ, говорилъ небольшого роста генералъ съ умнымъ и хитрымъ лицомъ, которому онъ искусственно старался придать оттѣнокъ ласковой прямоты.

— Тѣмъ болѣе что намъ не надо этотъ свѣтъ изобрѣтать, а только перенести его изъ Европы, подтвердилъ господинъ во фракѣ, съ лицомъ почти окаменѣвшимъ въ выраженіи государственной благопристойности.

Легкотѣлый „маркизъ“, находившійся тутъ же, сдѣлалъ что-то ножкой и слегка качнулъ носомъ.

— Что до меня касается, я стараюсь прежде всего замѣтить равны прошлаго, сказалъ онъ и обвелъ разговаривавшихъ созерцательнымъ взглядомъ.

Представительная фигура Безбѣднаго слегка выдвинулась въ кружокъ. Онъ еще не научился говорить лалцдарно-краткими афоризмами, въ его рѣчахъ отзывалась лухлая вихлявость адвокатской практики. Повтому онъ выразился довольно дивно:

— Мнѣ кажется, общая задача, продиктованная положеніемъ вещей, заключается въ томъ чтобы возвратить правительству довѣріе общества, то-есть пойти на встрѣчу общественнымъ стремленіямъ, призвавъ на службу намъ тѣ самыя оппозиціонныя силы которыя теперь по необходимости дѣйствуютъ противъ насъ.

Еще одинъ савовникъ, длинный, сухой, повернулся къ Безбѣдному, взявъ его за пуговицу фрака, и поднявъ круглыя брови, проговорилъ:

— Общественныя силы, да; но entendons-nous, что вы называете обществомъ? Не аристократію, которая у насъ не имѣетъ политическаго воспитанія и не живетъ въ странѣ; и не народъ, потому что онъ еще находится въ состояніи дикаго звѣря, и его слишкомъ оласно было бы разнуздывать.

— Я разумѣю интеллигенцію, вотъ на кого должно опереться, пояснилъ Безбѣдный.

— А слава Богу, то у насъ есть же эта интеллигенція! вдругъ раздался рѣзкій акцентъ хозяина.— Дайте только той интеллигенціи у себя дома, въ своемъ краю, дышать свободно!

Беклищевъ, догадавшись что съ его стороны было бы нескромно вставить здѣсь свое слово, поправилъ въ рукахъ фуражку и тихонько отошелъ. Кадриль кончалась, толпа направилась понемногу въ разныя двери. Беклищевъ, двигаясь, внимательно вглядывался по сторонамъ; вдругъ прищуренный взглядъ его оживился, онъ встряхнулъ эполетами и пошелъ скорѣе вслѣдъ за мелькнувшею вдали женскою головкой съ бѣлыми ландашами въ волосахъ.

Это была Лариса. Она шла съ матерью, но ихъ окружало нѣсколько молодыхъ и старыхъ лицъ. Беклищевъ догналъ ихъ на террасѣ.

— Вы не боитесь изъ душевной заалы выйти прямо на холодный воздухъ? спросилъ онъ послѣ перваго привѣтствія.

— Я и то говорю что простудится, подхватила Марья Ивановна;—вотъ еслибы вы были такъ любезны, отыскали наши шали...

Беклищевъ поклонился и пошелъ исполнить порученіе. Онъ догналъ дамъ уже въ саду. Теперь, подавая шали, онъ могъ занять мѣсто подлѣ Ларисы.

— Я явился поздно, и вѣроятно всѣ ваши контрадансы уже разобраны, сказалъ онъ почти печально.

— Я никогда много не танцую, отвѣтила Лариса;—но если вы хотите, у меня свободна слѣдующая кадриль.

Беклищевъ поклонился, и обернувшись къ Марьѣ Ивановнѣ сказалъ что высмотрѣлъ для нихъ дачу здѣсь близко на Крестовскомъ.

— Если прикажете, я явлюсь къ вамъ завтра, и мы поѣдемъ вмѣстѣ посмотрѣть.

Марья Ивановна была въ восторгѣ и благодарила. Она къ Беклищеву вообще какъ-то сразу стала благоволить, и дѣйствительно онъ со своими утонченными манерами, примирительными взглядами на вещи и всегдашней готовностью услужить, вполне соответствовалъ ея идеалу. „Вотъ и видно что вполне порядочный человекъ: и знатенъ, и богатъ, и выслужился сильно, а совѣмъ не важничаетъ и очень просто себя держать“, отзывалась она о немъ.

Идя подлѣ Ларисы, но обращаясь какъ бы больше къ матери, Беклищевъ очень подробно и ясно описалъ всѣ удобства пріисканной имъ дачи; въ немъ такъ и видна была пріятная мелкая дѣловитость.

— Собственно для васъ, отнесся онъ прямо къ Ларисѣ,—двѣ прехорошенькія комнаты, окнами въ садъ и съ выхо-

домъ въ галерею, которую всю можно заставить растениями. Дорожка прямо къ Невѣ, купальня, пристань съ яликами, можно даже паровой катеръ завести, если вы любите кататься.

— Мерси, это совсѣмъ такъ какъ мнѣ хотѣлось, поблагодарила Лариса.

— Мнѣ казалось что я могу довольно вѣрно угадать ваши вкусы, сказалъ Беклицевъ.

— Они такіе обыкновенныя, возразила Лариса.

Беклицевъ недовѣрчиво улыбулся.

— Мы вѣроятно не одинаково понимаемъ это выраженіе, сказалъ онъ;—слово „обыкновенный“ совсѣмъ не сочетается съ вами (онъ такъ и выразился: „не сочетается“.)

Лариса при такой крѣпкой любезности неопредѣленно поведла глазами.

— Вы еще не замѣтили, monsieur Беклицевъ, что я не люблю когда меня часто хвалятъ, молвила она.

Беклицевъ наклонилъ голову.

— Покорно привимаю замѣчаніе, но сознаюсь что трудно будетъ исправиться, отвѣтилъ онъ.

Изъ раскрытыхъ настѣжъ оконъ донеслись звуки ритурнели.

— Намъ пора, напомнилъ Беклицевъ, и они повернули къ дому.

Когда Лариса сбросила шаль и вся бѣлая въ своемъ весеннемъ платьѣ шла по залѣ, опираясь на руку Беклицева, и когда они отразились въ широкомъ зеркалѣ, Беклицевъ даже въ тайнѣ вздрогнулъ отъ внезапнаго, радостнаго и увѣреннаго чувства сказавшагося въ немъ. Для него въ ту минуту представилось такимъ яснымъ и непреложнымъ что они созданы другъ для друга, что ни онъ, ни она не могутъ быть такъ на своемъ мѣстѣ ни въ какой другой парѣ.. И вѣроятно что-то подобное скользнуло также въ умъ Ларисы, потому что она оглянулась въ зеркало и, встрѣтившись тамъ со взглядомъ Беклицева, быстро опустила глаза.

— Я не замѣчаю здѣсь Зимовьева, сказалъ Беклицевъ лавая стулъ;—вѣроятно онъ играетъ въ карты.

— Его здѣсь нѣтъ, отвѣтила Лариса.

— Развѣ онъ не знакомъ съ графомъ?

— Онъ вообще мало теперь бываетъ въ обществѣ, особенно тамъ гдѣ не сошелся близко.

— Но я думала что если вы здѣсь... то онъ такой давній

и близкій вашъ знакомый... продолжалъ со странною настойчивостью Беклищевъ.

— Но вы видите что его здѣсь нѣтъ, улыбнулась Лариса.

— Это доказываетъ что въ обществѣ иногда саишкомъ послѣшно выводятъ заключенія, возвратился къ тому же разговору Беклищевъ послѣ первой фигуры.

— Какого рода заключенія? спросила совершенно спокойно Лариса.

— Такъ какъ вы въ петербургскомъ свѣтѣ новое лицо, то вами этотъ свѣтъ много заваямался, а къ числу самыхъ любобытвыхъ принадлежалъ и я, хотя вообще я совсѣмъ не любобытень... объяснилъ Беклищевъ и взглянулъ на Ларису. Она ничего не сказала.

— Между прочимъ мнѣ сообщили что на Зимовьева надо смотрѣть какъ на серіознаго претендента, продолжалъ генералъ.—Это могло быть правдоподобно, хотя...

— Хотя невѣрно, по крайней мѣрѣ для настоящей минуты, снова улыбнулась Лариса.

— Нѣтъ, я хотѣлъ сказать.... впрочемъ это личное впечатлѣніе и можетъ быть будетъ нескромно его высказывать.

— Скажите, молвила неохотно Лариса.

— Когда мнѣ это сообщили, я подумалъ что жизнь которая вамъ предстояла бы въ замужествѣ за Зимовьевымъ не совсѣмъ отвѣчала бы вамъ, слѣшилъ объяснить Беклищевъ.—Провинція, деревня, удивленіе, отреченье ото всего что привлекаетъ молодость, что считается обязательною обстановкой красоты—это вѣдь похоже на жертву.

— Я, напротивъ, люблю деревню и очень мало привыкла къ свѣту, сказала Лариса.

— Но вѣдь необходима также вѣшняя сторона жизни, продолжалъ Беклищевъ.—По моему мнѣнію мужъ долженъ непремѣнно имѣть крутые служебные или общественные интересы и ввести жену ко Двору. Можно не отдавать себя всецѣло свѣту, но необходимо принадлежать къ высшимъ сферамъ.

„Почему?“ хотѣла спросить Лариса, но въ тонѣ какимъ говорилъ Беклищевъ чувствовалась такая простота убѣжденія, такъ очевидно было что онъ не философствуетъ, а высказываетъ свое врожденное, почти физиологическое пониманіе жизни, что ей показалось излишнимъ возражать. Она только взглянула на него. Онъ спокойно выдѣлывалъ solo,

съ красивою небрежностью человѣка танцующаго только потому что онъ на балѣ. Что-то замысловато-серіозное лежало на его лицѣ, какъ будто онъ озабоченъ былъ довести до конца разговоръ начатый съ опредѣленною цѣлью.

— Еслибъ я былъ увѣренъ что вы точно такъ же смотрите на эти вещи, то рѣшился бы объяснить почему я заговорилъ о Зимовьевѣ, началъ онъ опять, становясь подлѣ ея стула.

Рѣсницы Ларисы чуть дрогнули и опустились. Она точно что-то угрожающее слышала въ измѣнившемся тонѣ Беклицева. Только это не пугало ея, а скорѣе удивляло совладеніемъ съ ея собственнымъ тайнымъ ожиданіемъ.

— Намъ начинать, сказала она вставая.

Беклицевъ подаль ей обѣ руки, и повертывая ея въ голѣ, сказалъ, ближе наклонясь къ ней:

— Такъ какъ вы не любите много танцовать, то намъ можно будетъ окончить этотъ разговоръ въ гостиной...

Лариса не отвѣчала, только оживленное лицо ея сдѣлалось серіозно и вся фигура ея какъ будто утратила свой радостный весенній блескъ. Въ grand-rond она ни разу не взглянула на Беклицева, и онъ чувствовалъ сквозь перчатки холодъ ея руки.

(До слѣдующаго №).

В. АВСѢНКО.

ОПАЛЬНЫЙ БРАТЪ НАПОЛЕОНА I *

II.

Тотчасъ вслѣдъ за учрежденіемъ консульства, министромъ внутреннихъ дѣлъ Франціи былъ назначенъ извѣстный математикъ Лалласъ; шесть недѣль спустя онъ замѣненъ былъ въ этой должности Люціаномъ Бонапартомъ... Люціанъ пока былъ еще нуженъ брату. „Но между имъ и Наполеономъ долгое согласіе было невысказано, говорить г. Юнгъ; братья эти, какъ въ послѣдствіи кузены, Наполеонъ III и принцъ Жеромъ-Наполеонъ, были оба *слишкомъ Корсиканцы* (тгор *Corses*) чтобы долго жить бокъ-о-бокъ не мѣшая другъ другу. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ поглотить другаго, или отстранить его; это была роковая дилемма“...

Люціанъ въ сущности былъ искренно преданъ брату, желалъ поддерживать его всѣми силами, способствовать даже его возвышенію,—но подъ непремѣннымъ условіемъ чтобы братъ былъ ему за это благодаренъ, признавалъ бы необходимость его содѣйствія и считался бы съ нимъ какъ съ равнымъ. Онъ юношески наивно (не надо забывать что ему было едва 25 лѣтъ) мечталъ о какомъ-то двуглавомъ консульствѣ, при которомъ Наполеонъ вѣдалъ бы военною частью, а онъ гражданскою. Вступившій во власть генералъ, въ свою

* См. *Русскій Вѣстникъ*, № 8.

очередь, среди хаоса и заботъ устанавливавшегося новаго порядка вещей, имѣлъ надобность въ слодручныхъ надежныхъ помощникахъ. Онъ въ это первое время совѣтовался часто съ братомъ, соглашался съ его замѣчаніями и, назначивъ его министромъ внутреннихъ дѣлъ, предоставилъ ему весьма широкую долю власти, между тѣмъ какъ самъ, вызванный къ арміи новою войною съ Австріей (1800), отправлялся, выражаясь словами г. Юнга, „рѣшать вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ своей на полѣ сраженія при Маренго“.

Дѣйствительно, все стояло на картѣ телерь, все зависѣло отъ того подъ щитомъ или на щитѣ вернется изъ Италіи опять этотъ Корсиканецъ, такъ дерзко захватившій вѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ кормило правленія Франціи. Что сталося бы съ нимъ, съ его семьей, еслибы военное счастье измѣнило ему въ эти дни? Подъ чью руку отдала бы себя сама страна въ этомъ случаѣ: призвала ли бы опять она править собою старую династію своихъ королей или должна была бы роковымъ образомъ вернуться къ правительственному строю Конвента?... Это былъ вопросъ жизни и смерти преимущественно для людей стоявшихъ на высшихъ постахъ въ новомъ правительствѣ. Всѣ эти люди, вышедшіе изъ революціи, но переставшіе быть революціонерами, не могли, само собою, надѣяться на какое-либо выгодное для себя соглашеніе ни съ Бурбонами, ни съ крайнею республиканскою партіей. Они мечтали о такомъ режимѣ во Франціи при которомъ сами могли бы найти прочное положеніе, сообразное съ личными притязаніями ихъ на вліаніе и власть. Съ этою цѣлью и искалъ Сіесъ *шаги*, „une illustre érée“, на которую могло бы опираться новое правительство. Шлага эта, какъ мы видѣли, оказалась въ рукахъ не генерала послушваго чужой волѣ, а нежданнаго властелина, предъ которымъ все должно было преклониться... Но самъ онъ не успѣлъ еще пустить глубокихъ корней въ почву; первая военная невзгода могла унести его и его случайную, нахрапомъ захваченную власть, а съ нимъ и участниковъ и сочувственниковъ 19 брюмера. Людямъ этимъ слѣдовало поэтому подумать о себѣ, заручиться напередъ всѣми шансами, выгородить себя на случай его крушенія... Отъѣздъ Бонапарта, „дерзость“ перехода арміи чрезъ Сенъ-Бернаръ, сдача Генуи непріятелю, неблагопріятныя первыя вѣсти привосившіяся съ театра войны,

все это, усиливая ихъ опасенія, побуждало ихъ скорѣ слѣться, согласиться между собою относительно ближайшаго будущаго. Въ Отѣль (Auteuil), имѣннѣ Талеярана подъ Парижемъ (онъ былъ въ это время министромъ иностранныхъ дѣлъ), стали сѣзжаться для тайныхъ совѣщаній Карно (военный министръ), Лафайетъ, Сіесъ, Фуше (министръ полиціи), * Люро, Леклеръ и многіе другіе. Фактическихъ данныхъ о томъ что именно постановлено было на этихъ совѣщаніяхъ мы не находимъ въ книгѣ г. Юнга. Онъ говоритъ лишь отъ себя, безо всякихъ ссылокъ на источники, что „главные воротилы (les principaux meneurs) рѣшили удержать во всякомъ случаѣ власть въ своихъ рукахъ въ ожиданіи событій“. Вопросъ кому окончателно затѣмъ должна была быть ввѣрена эта власть оставленъ былъ ими, повидимому, открытымъ. Изъ сообщаемаго г. Юнгомъ конфиденціального письма Люціана къ брату Юсифу (онъ былъ въ Италіи съ братомъ генераломъ) отъ 24 іюня 1800 (то-есть 12 дней послѣ побѣды при Маренго) видно только что Сіесъ, котораго Люціанъ, на условномъ очевидно языкѣ, называетъ „великимъ жрецомъ“ (le grand prêtre),**

* Фуше, бывшій инспекторъ каассовъ (préfet des études) у *Ораторіанцевъ* (Oratoriens или Pères de l'Oratoire духовная католическая конгрегация занимавшаяся по преимуществу дѣломъ образованія юношества) въ Нантѣ; затѣмъ членъ Конвента посланный въ 1793 вмѣстѣ съ Collot d'Herbois приводить въ исполненіе декретъ предписывающій „разрушить“ (détruire) городъ Лионъ, гдѣ и совершены были ими страшныя жестокости, намелъ послѣ паденія Робеспьера покровителя въ Баррастѣ, назначившемъ его во время Директоріи министромъ полиціи. Онъ оказалъ необыкновенныя способности, прозорливость и находчивость на этомъ мѣстѣ; участвовалъ въ заговорахъ братьевъ Бонапартовъ съ Сіесомъ и Талеяраномъ противъ Директоріи и сохранилъ свой портфель какъ при Консульствѣ, такъ и въ пору имперіи до 1810, когда между имъ и Наполеономъ произошла размолвка, причина которой до сихъ поръ необъяснена. Во время „Ста дней“ онъ опять назначенъ былъ на должность министра полиціи. Изгнанный изъ Франціи во время реставраціи онъ умеръ въ Триестѣ въ 1820.

** Сіесъ отказался отъ совмѣстнаго съ Бонапартомъ консульства двѣ или три недѣли послѣ общаго ихъ назначенія, равно какъ и товарищъ его Роже Дюко (ихъ замѣнили Камбасересъ и Лебрёнъ). Въ 1800 онъ былъ членомъ Сената, замѣнившаго Совѣтъ Старшихъ въ новомъ государственномъ устройствѣ.

клопалъ на сторону „какого-либо принца Орлеанскаго дома (пн d'Orléans), причеъ де оъ „проводилъ“ лоборниковъ ресубликанскаго режима, Карно и Лафайетъ... Какъ бы то ни было, интрига эта, „душой которой былъ Талебранъ“, представлялась Люциану (провѣдавшему о ней чрезъ своихъ агентовъ) настолько серіозною и опасною для брата и всей семьи Бонапартовъ что въ томъ же письмѣ говоритъ оъ Иосифу слѣдующее: „Вѣсть о Маренго ошеломала итъ. Что же до насъ касается, то еслибы побѣда стоила жизни первому консулу, въ ту минуту когда я пишу къ вамъ мы были бы етъ изгнанниками.“

Самъ Наполеонъ, какъ видно, раздѣлялъ тревогу брата, такъ какъ на другой же день по полученіи его письма оъ выѣхалъ изъ Милана, и 2 іюля былъ уже въ Парижѣ.

Все смолкло, все поникло головой предъ нимъ. Но многіе могли бояться весьма неприяныхъ объясненій и даже небезопасныхъ для себя розысковъ... Фуше, одинъ изъ главнѣйшихъ руководителей „интриги“, вызволилъ всѣхъ ближайшихъ соучастниковъ своихъ изъ затруднительнаго положенія... „Къ темному предпріятію Талебрана, Сіеса и Фуше, объясняетъ г. Юнгъ, примыкали всякіе люди, наивные республиканцы, роялисты, преимущественно же политики центра. Подъ руками ловкаго министра полиціи, каждый изъ нихъ велъ свою, совершенно отличную отъ другихъ игру, имѣвшую вмѣстѣ съ тѣмъ служить одной общей цѣли. Такимъ образомъ Фуше, въ случаѣ разглашенія комплота, имѣлъ возможность обратиться подозрительную бдительность перваго консула на ту или другую категорію лицъ, согласно съ личными своими соображеніями...“ Оъ выдалъ ему лишь сторонниковъ ресубликанскаго правленія, противъ которыхъ и начались усиленныя преслѣдованія съ первыхъ же дней возвращенія побѣдителя изъ Италіи. Первымъ его дѣломъ было смѣщеніе съ поста военнаго министра даровитаго Карно, превосходнаго военнаго администратора, которому въ высшей степени одолжены были ресубликанскія арміи со времени Конвента успѣхами своими на поляхъ сраженія, вслѣдствіе чего общимъ голосомъ страны дано было ему прозвище „уготовителя побѣды“ (organisateur de la victoire). Оъ былъ замѣненъ Бертъе, бывшимъ въ только-что законченной кампаніи начальникомъ штаба главнокомандующаго и котораго Бонапартъ считалъ „глупцомъ и лаутомъ“, но въ

рабской преданности котораго онъ не сомнѣвался. Республиканцевъ стали всякими способами вытѣснять изъ административныхъ должностей и отстранять отъ вліятельныхъ командованій въ войскахъ. Указано было наконецъ на двухъ Корсиканцевъ, Арену и Черакки, изъ которыхъ первый, бывший депутатъ Пятисотъ, состоялъ въ числѣ кинувшихся съ кужаломъ на Бонапарта въ день 19го брюмера. Они съ двумя другими лицами обвинены были въ заговоръ на жизнь перваго консула, приговорены къ смерти судомъ и казнены.

Люціанъ, въ которомъ участники Отѣльской интриги видѣли, и основательно, разоблачителя ихъ тайной махинаціи, оставался у нихъ какъ бѣльмо на глазу. Онъ занималъ весьма важный постъ, пользовался популярностью и былъ братъ своего всемогущаго брата. Отстранить его казалось на первый взглядъ не совсемъ легко. Къ сожалѣнію для него, самъ онъ, какъ министръ подавалъ не мало справедливыхъ поводовъ къ нареканіямъ, которыми и имѣли возможность воспользоваться его враги для подрыва его вліянія на перваго консула.

Въ сферу дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ Франціи въ 1799 году, кромѣ общихъ предметовъ этого вѣдомства, входило еще завѣдываніе народнымъ просвѣщеніемъ, искусствами и литературой (*arts et belles-lettres*). Всѣмъ этимъ приходилось начальствовать и руководить чуть не юношѣ, не получившему притомъ, какъ мы видѣли, даже и средняго образованія. Но недостаточность умственной подготовки своей Люціанъ замѣнялъ въ нѣкоторой мѣрѣ горячимъ воображеніемъ, весьма развитымъ критическимъ чутьемъ, необыкновенною усвойчивостью ума и тою дѣловитостью которую имѣлъ онъ возможность приобрести личнымъ участіемъ своимъ въ событіяхъ первостепенной важности въ тѣ годы когда большинство молодыхъ людей едва еще отыскиваютъ себѣ положеніе... Изъ оставленнаго имъ небольшого очерка объ этомъ времени своей жизни, мы видимъ что онъ старался соединить кругомъ себя всѣхъ тѣхъ весьма немногихъ въ ту пору культурныхъ людей которымъ посчастливилось выплыть цѣлыми изъ кровавыхъ волнъ революціи, совѣтовался съ ними, заимствовался у нихъ знаніями, опредѣлялъ ихъ на правительственныя мѣста и способствовалъ дальнѣйшему ихъ повышенію... У него назначены были литературные вечера, на которые собирались Фонтанъ (стихотворецъ и словесникъ, будущій пред-

сдатель законодательнаго корпуса и министр народнаго просвѣщенія Первой Имперіи, подъ пышнымъ титуломъ grand-maitre de l'Université); Арно (поэтъ и драматургъ, авторъ *классической* трагедіи, пользовавшейся большимъ успѣхомъ въ тѣ дни, *Marius à Minturnes*); только-что вернувшійся изъ эмиграціи старикъ Буфлеръ, извѣстный со времени своей юности подъ кличкой „l'aimable chevalier de Boufflers“, гусарскій полковникъ времени Людовика XV и „лѣвецъ Киприды и Амура“ (написавшій весьма игривую стихотворную сказку *Aline, reine de Galconde* *); желчный критикъ Лагарпъ, изъ страстнаго поклонника Робеспьера обратившійся послѣ 9го термидора въ менѣе страстнаго роялиста и католика; политико-экономъ Дюкенау; Редереръ, профессоръ и публицистъ, будущій министръ финансовъ Неаполитанскаго короля, Иосифа Бонапарта. Другой вернувшійся эмигрантъ, „молодой другъ Фонтана, котораго звали *Шатобрианомъ*“, читалъ на этихъ вечерахъ поэму свою *Атала*, навѣянную ему воспоминаніемъ о пустыняхъ и дѣвственныхъ лѣсахъ Америки. Самъ юный министръ, какъ узнаемъ мы изъ его строкъ, не желая отстать отъ своихъ гостей, удостоилъ ихъ однажды чтенія двухъ лѣсезъ задуманной имъ поэмы въ прозѣ подъ заглавіемъ *Цезарейда* (*Césaréide*), сочиненныхъ въ пору заключенія его въ тюрьмѣ въ городѣ Aix, въ 1794 (Арно, подчиненный его и другъ, выразилъ ему по этому поводу „на ухо какъ онъ жалеть что поэма эта не написана въ стихахъ“. Можно допустить что въ стихотворной формѣ она заставила бы того же Арно пожалѣть что не написана въ прозѣ)...

Ревность Люціана къ дѣлу и относительная способность его къ нему были несомнѣнны, но онъ лѣзлъ отъ власти и не умѣлъ держать себя на высотѣ ея съ должнымъ приличіемъ. Бойкій говорунъ, ладкій на элиграммы, онъ сохранялъ на министерскомъ посту оппозиціонныя замашки депутата совѣта Пятисотъ, отпуская направо и налево колкости и сатирическія замѣчанія свои о людяхъ и дѣлахъ, безо всякаго соображенія того насколько могли воспользоваться этимъ другіе во вредъ ему. Онъ вносилъ въ

* Она передѣлана была затѣмъ въ оперу, переведена въ этомъ видѣ на многіе европейскіе языки, между прочимъ на русскій и давалась на театрѣ Эрмитажа при Екатеринѣ.

дѣловыя отношенія свою нервность и раздраженіе, создавшіи ему много недоброжелателей, особенно въ военномъ мірѣ, съ которымъ ему, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ приходилось ежедневно имѣть столкновенія. Армія въ ту пору была самою живою силою націи, понимала это и считала себя поэтому все дозволеннымъ, тѣмъ болѣе что самое новое правительство было въ значительной мѣрѣ дѣломъ рукъ ея. Надо было много тонкой и мягкой ловкости въ приѣмахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ терпѣливой послѣдовательности въ образѣ дѣйствій чтобы добиться, какъ стремился къ этому Люціанъ, ограниченія военныхъ притязаній. А братъ перваго консула былъ менѣе всего способенъ на роль *kunktatora* и долготерпца...

Но это было не все. Люціанъ любилъ женщину, игру, пышные приемы. На все это были нужны деньги, и онъ добывалъ ихъ. Откуда?... Изъ одного приводимаго составителемъ разбираемой нами книги письма его къ Іосифу оказывается что онъ съ братомъ играли на биржѣ. Въ своихъ запискахъ кромѣ того, онъ признается самъ что „въ министерствѣ его было много *безпорядка*“, въ чемъ де виноваты были „одни изъ его подчиненныхъ, которому онъ слишкомъ довѣрился“. Но вотъ что говоритъ объ этомъ маркизь Лукезини, тогдашній прусскій посланникъ во Франціи, въ депешѣ къ своему королю отъ 10 ноября 1800 г.: „Онъ (Люціанъ) пользовался своею властью чтобы наживаться раздачей монополій на поставки и производства и всѣмъ сборомъ старыхъ административныхъ злоупотребленій“. А нѣсколько дней спустя Лукезини добавляетъ слѣдующее: „Въ законодательный корпусъ должны были быть внесены отчеты по всѣмъ министерствамъ. Задержку до сихъ поръ этихъ отчетовъ объясняютъ въ публикѣ тѣмъ что Люціанъ Бонапартъ, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, залодозрѣвъ во взяточничествѣ (*malversation*). Говорятъ что онъ оставилъ довольно значительный дефицитъ въ фондахъ своего вѣдомства и что теперь равно представляется труднымъ и скрыть оный и пополнить...“

При томъ уровнѣ нравственныхъ требованій на которомъ стоялъ самъ Наполеонъ, можно допустить что къ „безпорядкамъ“ брата въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, о которыхъ доносилъ ему Фуше, онъ отвесилъ бы съ тою же снисходительностью съ какою терпѣлъ „лаутство“ Бертье въ военномъ вѣдомствѣ еслибы Люціанъ излишнимъ усердіемъ

не подалъ ему повода къ личному противъ него неудовольствию.

Братья Бонапарты страстно желали чтобы временная власть предоставленная первому консулу была упрочена навсегда за нимъ и его семействомъ. Иосифъ, ближайшій къ нему человекъ, старался въ этомъ смыслѣ вліять на него лично. Люцианъ, болѣе пылкій и безтактный, вздумалъ произвести съ тою же цѣлью давленіе на общественное мнѣніе. Онъ выпустилъ анонимную брошюру (которая произвела дѣйствительно большое волненіе въ публикѣ) подъ заглавіемъ: *Parallèle entre César, Cromwell et Bonaparte*. „Параллель“ эта клонилась къ доказательству что ни Кромвель, „казнившій своего короля (tué son roi) и возбудившій междуусобныя распри въ видахъ личнаго честолюбія“, ни Цезарь „подъявшій ярость черни противъ мудрости патриціевъ, хранителей свободы“, * не могли идти въ сравненіе съ Бонапартомъ, „одоленнымъ возвышеніемъ своимъ единственно побѣдамъ надъ чужеземными врагами и умротоверенію терзаемаго до тѣхъ поръ внутренними усобицами отечества“... Затѣмъ говорилось о „безсмысленномъ и недостойномъ завоевателя Италіи“ сооставленіи его „нѣкоторыми“ (разумѣлись роялисты) съ Монкомъ, къ чему пристегнуть былъ болѣе чѣмъ прозрачный намекъ: „Титулъ герцога Албермальскаго (данный Карломъ II возстановившему его на престолъ Стюартовъ генералу) могъ, конечно, удовольствоваться дюжиннаго человека какъ Монкъ, но ужели позволено думать что маршальскій жезлъ или шлага констабля можетъ удовлетворить того предъ кѣмъ *сложла вселенная* (devant qui l'univers s'est tû)? Развѣ неизвѣстно что есть избранныки судьбы для которыхъ возможно лишь первое мѣсто, что Бонапартъ слишкомъ великъ чтобы играть второстепенную роль“. И далѣе еще прозрачнѣе: „Бонапартъ общается Франціи новый вѣкъ

* Куріозно саѣдующее относящееся къ этому мѣсто брошюры:

„Брутъ подъявшій на Цезаря защищалъ общественный порядокъ противъ анархіи, собственность противъ аграрнаго закона, народъ противъ черни. Робеспьеръ и его сторонники, вѣчно взывавшіе къ имени Брута, осуждаются дѣйствіями и доктриной его. Революціонное невѣжество все перепутало (avait tout confondu); пора возстановить настоящія понятія исторіи и политики: *Брутъ сооружился противъ дежагогов; Цезарь былъ глава дежагогов*“ (подчеркнуто въ подлинникѣ).

величія; всѣ надежды соединены со славой его и жизнью. Счастливая республика, *будь онъ безсмертен!*.. Но еслибы вдругъ лишилось его отечество, *гдѣ его наследники*, гдѣ учрежденія которыя хранили бы его указанія и увѣковѣчивали бы его гений? Что сталося бы тогда съ вами, Французы? Подняли бы вы опять подъ власть *собраній*? Увы, десять лѣтъ смуть, ошибокъ и несчастій научили васъ разумѣть чего должны вы ожидать отъ нихъ... Или призовете вы такъ-называемаго *законаго короля*? Несчастные! Едва избавившись отъ революціи, вы вызвали бы новую революцію на десятки лѣтъ⁴¹. Брошюра заключалась слѣдующимъ эмфатическимъ возгласомъ: „Французы, таковы опасности отечества: каждый день можете вы подпасть владычеству собраній или яру опозоренныхъ Бурбоновъ. Вы слите надъ бездною! И союзъ вашъ слокоенъ!.. Безумцы!“

Фуше само-собой не преминулъ поднести первому консулу эту безтактную элукубрацію, разоблачившую предъ публикой сокровенныя намѣренія честолюбца ранѣе той минуты когда по его расчетамъ могло это быть сдѣлано безъ неудобствъ. Она разгнѣвала его гораздо сильнѣе чѣмъ административная недобросовѣстность брата, послужившая ему затѣмъ скорѣе предлогомъ чѣмъ настоящею причиною отрѣшенія Люціана отъ занимаемой имъ должности.

Самъ Люціанъ разказываетъ объ этомъ обстоятельствѣ такимъ образомъ.

„Онъ въ это время лишился жены оставившей ему двухъ дочекъ, съ которыми онъ уѣхалъ провести первое время траура въ имѣніе пріобрѣтенное имъ въ окрестностяхъ Самаса. Вернувшись оттуда въ Парижъ и приступивъ снова къ своимъ должностнымъ занятіямъ онъ нашелъ въ министерствѣ разныя улущенія, въ которыхъ оказался виновнымъ одинъ изъ его подчиненныхъ (мы уже знаемъ насколько слѣдуетъ вѣрить этому объясненію). Подчиненный этотъ былъ отставленъ.

„При первомъ моемъ затѣмъ докладѣ, говоритъ Люціанъ взбѣшенный первый консулъ отнесся ко мнѣ съ вѣскимъ упреками за выборъ этого лица. Изъ этого произошелъ между нами весьма горячій разговоръ.

„— Вы тоже, сказалъ я ему, были не разъ обмануты въ нашемъ довѣріи. И будете еще... Юлитеръ, ты сердисься значить и ты не правъ, примолвилъ я.

„Видъ себя, консулъ обзываетъ меня сумасбродомъ. Я даю ему понять что сердце у него начинаетъ походить на голову (?). Онъ хочетъ велѣть арестовать меня. Я наконецъ выхожу изъ терпѣнія, далѣе и далѣе, и мой министерскій портфель летитъ на столъ перваго консула, но *ex post* ему, какъ разказывали потомъ. Довольно было и этого.

„Всѣгда за этимъ неприятнымъ происшествіемъ, я подалъ въ отставку и уѣхалъ въ Plessis-Chamant (имѣніе Люціана).“

„Добрый Иосифъ“, старшій изъ Бонапартовъ, и котораго, вѣрный въ этомъ случаѣ корсиканскимъ понатіямъ и традиціямъ, Люціанъ признавалъ въ этомъ качествѣ „единственнымъ себѣ главой и авторитетомъ“, помирилъ его кое-какъ съ Наполеономъ. На другой же день отставленный министръ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ посломъ въ Испанію.

Государство это, въ видахъ перваго консула, имѣло послужить весьма важнымъ для Франціи интересамъ. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, тотчасъ вслѣдъ за побѣдой при Маренго, посланъ былъ имъ туда съ этою цѣлью Бертъе, которымъ и предъявлены были Мадридскому двору въ общихъ чертахъ тѣ пункты желаемаго съ нимъ соглашенія по коимъ подробные переговоры посылались теперь вести Люціанъ. Дѣло прежде всего шло о содѣйствіи Испанскаго правительства къ перевозкѣ на своихъ судахъ людей, оружія и провіанта на помощь кивутой Бонапартомъ на произволъ судьбы французской арміи въ Египтѣ. Армія эта находилась въ самомъ безвыходномъ положеніи. Изъ числа прибывшихъ въ Египеть, за два года предъ тѣмъ, 33.000 человекъ оставалось теперь менѣе половины, притомъ раставутой на пространства почти 200 льё (600 верстъ), что дѣлало для нея невозможнымъ никакое рѣшительное дѣйствіе противъ непріятеля. Ни оставаться въ странѣ при такихъ условіяхъ, ни вернуться въ отечество армія не могла, такъ какъ вслѣдъ за Абукирскимъ разгромомъ Франція осталась безъ флота. Содѣйствіе въ этомъ случаѣ мореходной страны, какою была Испанія, представлялось необходимою... Но при этомъ Бонапартъ преслѣдовалъ болѣе широкій, общій планъ, первая мысль котораго принадлежала еще Комитету Общественнаго Спасенія 93го года: вытѣснить Англичанъ изъ Средиземнаго моря и сдѣлать изъ него, отвоевавъ Гибралтаръ, центръ экономическаго и торговаго движенія исключительно латинскихъ расъ. „Во чтѣ бы вы стало, писалъ онъ брату,

едва услѣвъ тотъ прибыть къ своему посту, надо стать господами на Средиземномъ морѣ или принудить Англичанъ къ напряженію силъ которое они долго выдержать бы не могли. Сообщите объ этомъ князю Мира и кончайте съ нимъ скорѣе конвенцію, основанія которой мною ему посланы“... Конвенція эта истекала изъ того же общаго плана и состояла въ томъ чтобы заставить Португалію, состоявшую издавна въ тѣснѣйшей связи съ Англіей и какъ бы данницею ей, къ разрыву съ этимъ государствомъ, закрытію портовъ своихъ его судамъ и открытію оныхъ флотамъ и товарамъ единоплеменныхъ ей Франціи и Испаніи; въ случаѣ же отказа Португаліи принять эти предложенія объявить ей войну, причемъ первый консулъ обязывался послать 15.000 французскаго войска для совмѣстныхъ дѣйствій съ испанскою арміей подъ общее ими командованіе князя Мира.

Кромѣ того, Люціану поручалось склонить Испанское правительство возвратить Франціи ту часть бывшей ея американской колоніи, Луизианы, которая въ 1763 году была Людовикомъ XV уступлена своей запринейской соседкѣ, * и, какъ *captatio benevolentiae* Испанской королевской четы, предложить мужу инфанты Маріи-Луизы (дочери короля Карла IV и королевы Маріи-Луизы), наследному принцу Пармскому, престолъ новосозданнаго въ Италіи королевства Этрурійскаго. **

Изъ возложенныхъ на молодого посла задачъ, лишь двѣ послѣднія исполнены были имъ вполне согласно съ видами его брата. Благодаря традиціонной, а въ этомъ случаѣ и намѣренной быть-можетъ, медленности дѣйствій Испанскаго правительства, одолѣть которую оказалось не по силамъ Люціану,—отправка въ Египетъ судовъ съ провіантомъ и оружіемъ оттянулась до той минуты когда французская армія, разбитая англійскимъ генераломъ Аберкромби при Александріи и доведенная болѣзнями и изнуреніемъ до послѣдней крайности, должна была положить оружіе, подписавъ подъ Эл-Аришемъ одну изъ постыднѣйшихъ капитуляцій какія только

* Другая часть, восточная, была тогда же уступлена Англіи.

** По Люневильскому миру (1801) бывшее великое герцогство Тосканское, отвоеванное Французами у Австріи, возведено было на степень королевства подъ именемъ Этрурійскаго.

извѣстны въ военныхъ лѣтописяхъ... Въ „португальскомъ дѣлѣ“ (l'affaire du Portugal) Люцианъ, напротивъ, погрѣшилъ въ глазахъ перваго консула излишнею послѣдностью. Но, замѣтимъ отъ себя, олъ въ этомъ случаѣ хорошо зналъ что дѣлалъ.

Дѣло это довольно любопытно.

Съ первыхъ же почти дней прибытія своего въ Мадридъ братъ перваго консула сталъ лично, помимо официальнаго своего значенія, какъ представителя могущественной сосѣдней страны, persona grata у тамошняго двора, благодаря дружескимъ связямъ которыя сумѣлъ установить со всесильнымъ фаворитомъ Гобои, носившимъ звонкій титулъ герцога Алкудія и князя Мура. * Этотъ случайный человекъ, какъ говорилось у насъ встарь, незнатнаго и небогатаго рода дворянинъ, начавшій службу рядовымъ въ придворной гвардіи короля Карла IV, вознесенъ былъ неслыханнымъ капризомъ фортуны, двадцати пяти лѣтъ отъ роду, на стелень перваго министра Испаніи. Фаворитъ королевы и въ то же время довѣреннѣйшее лицо ея царственного супруга, олъ безконтрольно и всевластно правилъ страной въ теченіе 16ти лѣтъ (1792—1808), то-есть до самой минуты отреченія Карла IV отъ престола въ пользу сына своего Фердинанда (тотчасъ вслѣдъ затѣмъ свергнутаго Наполеономъ, посадившимъ на его мѣсто брата своего Иосифа)... Въ запискахъ Люциана мы находимъ весьма бойко очерченныя характеристики главныхъ персонажей этого куріознаго придворнаго міра тогдашней Испаніи, начиная съ ея короля, честнаго и недалекаго человека, про котораго подданные его говорили: „Найдите-ка другаго государя который какъ олъ не подымался бы никогда съ постели лоднѣе 5 часовъ утра, не пилъ ни вина, ни кофе, ниже другихъ напитковъ и не зналъ во всю жизнь свою ни единой женщины кромѣ своей жены“, и котораго чрезъ эту лицемѣрную, безнравственную и притомъ весьма ограни-

* Олъ получилъ этотъ титулъ въ награду за заключенный между Испаніей и Франціей въ Базелѣ миръ, по которому тогдашнее правительство Франціи возвратило Испаніи всѣ завоеванныя у нея республикой на континентѣ земли и получило въ обмѣнъ Санъ-Доминго въ Антильскихъ островахъ. Въ слѣдующемъ году олъ заключилъ въ Санъ-Ильдефонсѣ извѣстный оборонительный и наступательный союзъ съ Франціей, вовлекшій Испанію въ изкури- тельнѣйшую для нея войну съ Англіей.

ченную жену, общій фаворитъ ихъ руководилъ какъ малымъ ребенкомъ. Свѣлое довѣріе Карла IV къ королеви „не пошатнулось въ немъ ни единой минуты въ теченіе тридцати лѣтъ“, между тѣмъ какъ отношенія ея къ его первому министру были вѣдомы всему міру и „скаandalизовали, по словамъ Люціана, даже этотъ испанскій, раслутившій во всей Европѣ, дворъ“... *

Всемогущій министръ и посолъ Французской республики слѣдись по всѣмъ пунктамъ предстоявшей имъ общей программы дѣйствій относительно Португаліи. За отказомъ ея исполнить предъявленныя отъ имени обѣихъ странъ требованія о которыхъ мы говорили выше, ей объявлена была война (11 февраля 1801)... „Вы понимаете, любезный мой посолъ, говорилъ по этому случаю со слезами добрякъ-король Люціану, какъ тяжело быть королемъ когда изъ-за политическаго долга принужденъ воевать со своими дѣтьми“ (старшая дочь его была замужемъ за принцемъ-регентомъ Португальскимъ) **. Но князь Мира лочиталъ необходимымъ угодить желаніямъ Французскаго правительства. Онъ принялъ самъ начальство надъ испанскою арміею имѣвшею вступать въ предѣлы Португаліи.

* Отношенія эти de facto уже прекратились когда Люціанъ прибылъ въ Мадридъ, но королева Марія-Луиза была все также всецѣло „порабощена“ деспотической волею фаворита. По свидѣтельству аловинскаго лица, приводимому въ запискахъ изданныхъ г. Югомъ, Гобои „обращался съ нею съ самымъ оскорбительнымъ пренебреженіемъ“ и доходилъ не разъ „до ручной расправы“ (des actes de brutalité et de violence). Онъ „не скрывалъ отъ нея своихъ многочисленныхъ невѣрностей, тѣшась ея вѣрностью и муками узавлекной гордости“.. По поводу этихъ „невѣрностей“ авторъ разказываетъ нѣчто едва вѣроятное о существовавшей въ ту пору распущенности нравовъ въ испанскомъ обществѣ. „У князя Мира поможено было въ часы пріема не допускать мушкетъ (только дипломатическій корпусъ составлялъ исключеніе). Одна женщина имѣла право являться къ нему въ черомъ въ секретаріатъ. Салоны, переднія, корридоры были наполнены ими; ихъ бывало тутъ двѣсти, триста (не думайте что я преувеличиваю), притекшихъ со всѣхъ сторонъ королевства. Онъ проводилъ гуськомъ, одна за другою. Если дочь являлась въ сопровожденіи матери, мать не входила къ министру. Просительницы выжидали отъ него дозволенія, растрепанныя (animées, chiffonnées) исправная на глазахъ у всѣхъ безпорядокъ своего туалета“...

** Въ посѣдствіи Іоанномъ V, правившимъ въ ту пору королевствомъ за безуміемъ матери его королевы Маріи I.

Первый консулъ въ свою очередь далъ немедленно приказаніе генералу Сень-Сиру отправиться въ Мадридъ для составленія общаго плана кампаніи союзныхъ войскъ, а генералу Деклеру, мужу сестры своей Полины, * распорядиться скорѣйшею отправкой въ Ислаію обѣщаннаго вспомога-тельнаго французскаго отряда.

Но затѣмъ произошло вѣчто трудно объяснимое. Войска республики, которыя, по соглашенію Сень-Сира съ княземъ Мира, должны были прибыть на соединеніе съ испанскими въ половинѣ марта, не выступили изъ Франціи и въ концѣ апрѣля. Деклеркъ писалъ Люціану: „Бонапартъ, кажется, не желаетъ чтобы мы шли въ Португалію; иначе мы давно могли бы уже быть въ походѣ...“ Князь Мира, не ожидая да-лѣе, повелъ свои войска къ неприятельскимъ предѣламъ. Изъ Бадахоса, пограничной испанской крѣлости, онъ от-правилъ Португальцамъ ультиматумъ, коимъ давалось имъ 48 часовъ для принятія „основаній переговоровъ“, заключающихся въ непремѣнномъ условіи закрыть португальскіе порты англійскимъ судамъ, и, за несогласіемъ ихъ на это, началъ военныя операціи. Дорого рюи Испанцамъ не стоили и продолжались всего двое сутокъ, въ теченіе которыхъ заняты были ими безъ выстрѣла двѣ ближайшія неприятельскія крѣлости; вслѣдъ за тѣмъ прискакалъ въ ихъ лагерь курьеръ отъ принца-регента съ извѣщеніемъ что онъ высылаетъ уполномоченнаго для переговоровъ на основаніи вышесказанныхъ требованій. Люціанъ немедленно отправился со своей стороны въ Бадахосъ, гдѣ между имъ, княземъ Мира и португальскимъ повѣреннымъ, Пинто-да-Суза, установлены были окончательныя условія мира. Кромѣ главнаго пункта (недопущенія англійскихъ судовъ въ португальскія гавани), выговорены были посломъ Франціи, согласно съ послѣдними инструкціями полученными ими отъ Талейрана, въ пользу своей страны, ввозъ французскихъ суконъ въ Португалію и исправленіе границъ Французской Гвіаны въ Южной Америкѣ, о чемъ давно были недоразумѣнія между обоими государствами. 5 іюня уполномоченные должны были подписать трактатъ, какъ вдругъ въ этотъ самый день Люціанъ получаетъ отъ брата письмо и делешу отъ Талейрана коими сообщалось ему что первый консулъ не утвердитъ

* Во второмъ бракѣ княжны Боргезе.

никакого трактата если въ него не будетъ включено что Португалія заплатитъ Франціи 20 милліоновъ франковъ, въ вознагражденіе военныхъ издержекъ (?) и „главное“ что „три провинціи этого королевства должны быть заняты союзными войсками Франціи и Испаніи до заключенія общаго мира“ (въ Европѣ)..

Что было дѣлать Люціану? Помимо всей той общей тревоги, недовольства и дипломатическихъ затрудненій которыя должно было вызвать это новое притязаніе, оно еще разстраивало и всѣ его личные расчеты. Дѣйствительно, новый разрывъ и война до истощенія со страной связанною съ Испаніей родственными узами ихъ династій, никакъ не могли быть желательны для сей послѣдней, и князь Мира, исполнивъ въ точности обязательство свое относительно союзной Франціи, слѣдилъ естественно теперь возобновить мирныя отношенія съ Португаліей на условіяхъ не черезчуръ унижительныхъ и разорительныхъ для нея. За содѣйствіе этому уполномоченнаго Франціи дано было ему, повидимому, вкусить заранѣе отъ той щедрости съ которою вслѣдъ затѣмъ, уже въ формѣ болѣе или менѣе официальной, счелъ нужнымъ отблагодарить его Испанскій дворъ... Но какъ было быть ему теперь, по полученіи отъ главы своего правительства новыхъ требованій которыя очевидно Португалія принять не могла и которыя слѣдовательно устраивалась самая *raison d'être* только-что заготовленнаго уполномоченными въ Бадахосѣ и ожидавшаго ихъ подписи мирнаго трактата? Люціанъ не думалъ долго. Онъ положилъ полученныя имъ инструкціи въ карманъ, не сообщивъ о нихъ ни слова въ ту минуту своимъ коллегамъ, подписалъ съ ними трактатъ въ тотъ же день (5 числа), а первому консулу отправилъ одновременно такого рода доносеніе: „я подписалъ *вчера* мирный договоръ. Препровождаю его при семъ съ депешей къ Талебрану. *Сегодня* получилъ ваше письмо. Оно меня ошеломило заставляя думать что вы хотите войны...“

„*A Corse Corse et demi*“, иронически замѣчаетъ составитель разбираемой нами книги по поводу этой проделки. Тутъ разыгрывалась, дѣйствительно, комедія какого-то взаимнаго надувательства, для которой трудно найти сколько-нибудь основательное объясненіе если не захотимъ принять на вѣру утвержденіе г. Юнга что главную роль играла во всемъ этомъ „просто зависть Бонапарта къ брату“. Дѣйствительно,

воевать съ Португаліей онъ очевидно не хотѣлъ, но притворился весьма разгнѣваннымъ на „послѣдствіе“ заключенія трактата, уступившаго де изъ виду „весьма важныя для Франціи равно какъ и для Испаніи интересы“. Сень-Сирю отдано было приказаніе отправиться немедленно въ главную квартиру князя Мира „для соглашенія съ нимъ относительно новаго плана кампаніи“. Люціану братъ писалъ желчныя письма, въ которыхъ тщился доказать ему что „ни слогъ, ни форма“ редижированнаго имъ трактата „не дипломатичны“, и что это изобличаетъ его „малую привычку къ дѣламъ“, на что Люціанъ отвѣчалъ что онъ „нисколько не отрицаетъ своей малоопытности въ дѣлахъ“, а потому настоятельно просить отозвать его какъ можно скорѣе изъ Испаніи.. Въ такомъ положеніи вещей прошло три мѣсяца. Генераль Сень-Сиръ, весьма свысока вздумавшій обращаться съ княземъ Мира, ничего отъ него не добился. Французскія войска вошли въ Испанію, но только для вида. Люціанъ бомбардировалъ брата письмами, въ которыхъ горько жаловался на „дѣвный заговоръ Талеярана противъ его, Люціана, услѣховъ“, и умолялъ выслать ему скорѣе его отзывныя грамоты, такъ какъ де „перемежающаяся лихорадка и мучительнѣйшія слезмы грозятъ опасностью его жизни“. Отзывныя грамоты ему не высылались; переговоры же о мирѣ съ Португаліей приказано было ему возобновить, а въ половинѣ сентября курьеръ отъ Талеярана привезъ ему утвержденный первымъ консуломъ „проектъ трактата“ съ этимъ государствомъ, который былъ не что иное, писалъ Люціану министръ, какъ „тотъ же, слегка исправленный въ редакціи, Бадахоскій договоръ“. 18го миръ былъ окончателью подписанъ, а 1 октября рѣшено возвращеніе Испаніей Луизіаны Франціи. Но только въ декабрѣ счелъ возможнымъ, преложивъ наконецъ гнѣвъ на милость, официально отозвать посла своеправный и заопаматный братъ его.

Онъ вернулся за то изъ Испаніи съ цѣлымъ огромнымъ состояніемъ, полученнымъ имъ, въ видѣ обычныхъ *soi-disant* „подарковъ посламъ“, отъ Испанскаго правительства. Подарки эти въ дѣйствительности такъ превышали цѣнность своею среднюю цифру того что обыкновенно давалось, по существовавшему въ тѣ времена обычаю, въ награду представителямъ чужестранныхъ государствъ въ извѣстныхъ случаяхъ что первый консулъ пожелалъ имѣть отъ своего посла

объясненія по этому поводу. Люціанъ отвѣтилъ на это что за „Тосканскій трактатъ“ (по которому герцогъ и герцогиня Пармскіе возведены были на престолъ Этруріи) онъ получилъ „20 хорошихъ картинъ изъ дворца Ретиро и на 100.000 ефимковъ (écus) брилліантовъ въ оправѣ, и что столько же долженъ онъ былъ получить за миръ съ Португаліей“... „Если бы, говорилъ онъ, заявляя при этомъ о своемъ крайнемъ безкорыстіи,—если бы деньги были моя страсть, я былъ бы уже миллионеромъ, такъ какъ я прельстилъ здѣсь всю королевскую фамилію и мнѣ стоило бы только намекнуть чтобы на меня посылались сокровища. Вотъ вамъ примѣръ. На дняхъ на королевѣ были великолѣпные часы украшенные брилліантами. Я долженъ былъ, какъ всѣ, выразить мое восхищеніе ими. Этого было достаточно: королева заставила меня принять ихъ и сама сунула мнѣ эти часы въ карманъ“... Но о существеннѣйшей долѣ „сокровищъ“ которыя дѣйствительно „посылались“ на него, Люціанъ счелъ лучше умолчать въ этомъ письмѣ. Состояла она, какъ узнаемъ мы изъ найденной г. Юнгомъ въ бумагахъ его собственноручной замѣтки, въ „нѣсколькихъ мѣшечкахъ съ неоправленными брилліантами“, настоящую цѣну которыхъ онъ узналъ будто бы „лишь когда отправилъ продавать ихъ въ Амстердамъ“... Какъ бы то ни было, но „вывезенное Люціаномъ изъ Испаніи, по расчету г. Юнга, образовало капиталъ съ котораго онъ получалъ отъ 300 до 400 тысячъ франковъ дохода“. Въ долговѣчность правительственнаго режима установленнаго братомъ и въ неизбежность его счастья онъ очевидно не вѣрилъ, такъ какъ, вернувшись въ отечество, послѣдилъ большую часть своихъ денегъ перевести въ Англію и Америку; въ Парижѣ приобрѣлъ лишь отель „для помѣщенія своей картинной галлерей“, но и тотъ вскорѣ перепродалъ своей матери за 900 тысячъ франковъ, а галлерей перевелъ въ Римъ. *

Первый консулъ со своей стороны не намѣревался давать этому вернувшемуся богачемъ брату высокое положеніе въ своемъ правительствѣ. Онъ продолжалъ питать къ нему тайнѣ какое-то осласливое чувство, которому, какъ объясняетъ

* Галлерей князя Капино, по собственному его показанію, состояла изъ 300 картинъ первостепенныхъ мастеровъ XVI и XVII вѣка. Онѣ были воспроизведены въ превосходныхъ гравюрахъ, издаваемыхъ въ Римѣ въ 1822 году.

княгиня Кавино въ одной изъ ея отмытокъ къ этой части записокъ мужа, подавали нѣкоторые поводъ доходившіе до него въ ту пору толки въ нѣкоторыхъ политическихъ кругахъ Парижа о замѣнѣ его съ товарищами, по истеченіи срока ихъ консульства (пожизненнымъ консуломъ Бонапартъ назначенъ былъ только въ слѣдующемъ 1802 году), новымъ консульскимъ триумвиратомъ, имѣвшимъ состоять изъ генерала Моро, Иосифа и Люціана Бонапартовъ. „Съ этой минуты, говоритъ княгиня, началось охлажденіе между ими (Наполеономъ) и Моро, равно какъ и стараніе очернить всякими средствами репутацію Люціана; что касается Иосифа, первый консулъ, повидимому, не придавалъ значенія его кандидатурѣ, потому что они, хотя часто ссорясь, оставались всегда въ добрыхъ отношеніяхъ“...

Люціанъ былъ назначенъ сначала членомъ Трибуната (за мѣнявшаго совѣтъ Пятисотъ въ новой консульской конституціи), а вскорѣ затѣмъ переведенъ такимъ же членомъ въ сенатъ. Но оба эти законодательныя учрежденія, при всепоглощавшемъ властолюбіи перваго консула, не имѣли уже никакого серьезнаго государственнаго значенія, и политическая роль бывшаго президента совѣта Пятисотъ можетъ быть съ минуты возвращенія его изъ Испаніи считаема поконченною.

Тѣмъ не менѣе, всемогущій генералъ признавалъ не безплоднымъ совѣтоваться съ младшимъ братомъ или вѣрнѣе интересовался его мнѣніемъ по государственнымъ вопросамъ особой важности. Иосифъ, старшій и наиболѣе любимый братъ Наполеона (если допустить что этотъ человекъ былъ способенъ любить кого-либо искренно и безкорыстно), былъ обыкновенно третьимъ въ этихъ интимныхъ семейныхъ совѣщаніяхъ, кончавшихся по большей части, вслѣдствіе раздражительности и нетерпимости перваго консула, выходками самаго нежелательнаго свойства съ его стороны. Люціанъ въ весьма подробномъ изложеніи сообщаетъ двѣ подобныя, слѣдовавшія одна за другою, траги-комическія сцены, изъ которыхъ одна передана во многихъ мемуарахъ того времени въ совершенно превратномъ видѣ. Дѣло шло о Лузіанѣ, только что возвращенной, какъ мы видѣли, Испаніей Франціи по Бадахосскому миру. Первый консулъ, находя невозможнымъ, за неимѣніемъ достаточнаго военнаго флота, отстоять ее въ случаѣ болѣе чѣмъ вѣроятнаго нашествія Англіи

овладѣть ею, рѣшился продать Американскимъ Штатамъ за 80.000.000 франковъ, и притомъ единоличнымъ рѣшеніемъ своимъ, не предлагая самаго вопроса объ этомъ на обсужденіе комитета. Иосифъ и Люціанъ находили такой образъ дѣйствій преступнымъ, и первый изъ нихъ, пользуясь своимъ правомъ старшинства, весьма значительнымъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, въ помятыхъ корсиканскихъ семей, выразилъ брату на чистоту что еслибы лаванъ уступки Луизианы былъ приведенъ имъ въ исполненіе, то она произвела бы такое раздраженіе что семьѣ Бонапартовъ оставалось бы только готовиться отправляться въ изгнаніе, какъ тѣмъ бѣднымъ республиканцамъ которыхъ онъ, первый консулъ, отправилъ безъ суда въ Африку за дѣло адской машины.“

Разговоръ происходилъ въ ванной комнатѣ первого консула, и самъ онъ въ эту минуту сидѣлъ по шее въ водѣ. Слова брата взбѣсили его донельзя. Онъ выскочилъ изъ воды съ громкимъ ругательствомъ и тутъ же погрузился олять въ ванну. Отъ этого движенія Иосифъ облитъ былъ водой съ ногъ до головы. Камердинеръ Наполеона кинулся съ простыней въ рукѣ обтирать его, но, не добѣжавъ до него, подъ вліяніемъ страха произведеннаго на него этою сценой, повалился въ обморокъ на полъ, между тѣмъ какъ Люціанъ, „стараясь придать происшедшему характеръ шутки, произносилъ весело эмфатическимъ тономъ известное *quos ego* Вергилія“. Первый консулъ пришелъ въ себя, велѣлъ отнести камердинера въ его комнату и по уходѣ все еще мокраго Иосифа ласково пригласилъ младшаго брата перейти къ нему въ кабинетъ. Тамъ уже вдвоемъ разговоръ о Луизианѣ возобновился. Наполеонъ доказывалъ брату что Луизиану слѣдовало продать уже потому что въ виду предвидимой имъ новой войны, ему нужны были деньги. Люціанъ, „осторожно“ и учтиво“ оспаривая это мнѣніе по существу, доказывалъ кромѣ того что продажа не утвержденная согласіемъ камеръ была бы дѣйствіемъ совершенно противоконституціоннымъ. Бонапартъ отвѣтилъ на это громкимъ язвительнымъ смѣхомъ. „Конституція, республика, народное державство,—громкія слова, громкія фразы! Вы еще себя воображаете, какъ видно, въ клубѣ I. Maximin? Но эти времена прошли, прошу не забывать этого! Вамъ не годится говорить объ этомъ, господина рыцаря консти-

туш. 18 брюмера вы, если угодно вамъ вспомнить, не оказали особеннаго почтенія къ конституціоннымъ камерамъ. Я же смѣюсь надъ вами и надъ вашимъ народнымъ представительствомъ!

„Весьма оскорбленный этою выходкой, продолжаетъ Люціанъ, но сохраняя все мое хладнокровіе, я отвѣтилъ ему такъ: „Я, гражданинъ консулъ, въ званіи президента Совѣта Пятисотъ, принимаю отъ васъ присягу въ вѣрности конституціи 18го брюмера и, видя съ какимъ презрѣніемъ вы къ ней относитесь, еслибъ я не былъ вашимъ братомъ, а былъ бы вашимъ врагомъ.

„— Моимъ врагомъ, а! моимъ врагомъ! попробуйте-ка! воскликнулъ онъ, направляясь съ намѣреніемъ меня ударить, и я помыслъ благодарю Бога что онъ этого не сдѣлалъ, такъ какъ я нисколько не намѣревъ былъ потерлѣть это; но онъ остановился при видѣ холодной неподвижности съ которою я выжидалъ дальнѣйшаго.

„— Моимъ врагомъ, ты! я разобью тебя, видишь, вотъ какъ эту табатерку!

„Говоря это, онъ держалъ въ рукѣ табатерку, съ изображеніемъ на покрышкѣ ея портрета Жозефины, писаннаго Изабеемъ. Онъ бѣшено швырнулъ ее объ полъ, на которомъ она не сломалась благодаря ковру, но портретъ вылетѣлъ изъ своей рамки. Я послѣдилъ поднимать его и, подавая ему, съ почтительнымъ, сколько могъ, видомъ:

„— Очень жаль, сказалъ я,—вы разбили портретъ вашей жены въ ожиданіи когда вамъ можно будетъ это сдѣлать съ моимъ оригиналомъ.“ *

Люціанъ заканчиваетъ свой разказъ замѣчаніемъ что гнѣвъ Наполеона былъ въ этомъ случаѣ гораздо болѣе налускной

* Генералъ Раппъ въ своихъ запискахъ передаетъ этотъ инцидентъ въ совершенно иномъ видѣ:

„Однажды, вслѣдъ за горячимъ споромъ между братьями, Люціанъ выхватилъ часы изъ кармана и швырнулъ ихъ о землю, произнеся слѣдующія замѣчательныя слова:

„Вы будете разбиты (brisé) какъ я разбилъ эти часы, и придетъ время когда семья ваша и ваши друзья не будутъ знать куда приклонить голову.“

Точно такъ же повѣствуется объ этомъ у герцогини д'Абрантесъ, жужъ которой, Жюмо, былъ однимъ изъ приближеннѣйшихъ адъютантовъ генерала Бонапарта.

чѣмъ искренній, и что онъ думалъ лишь застрашить брата грознымъ его выраженіемъ... „Онъ склоненъ былъ вообще разыгрывать изъ себя героическаго актера, хотя я и не вѣрю чтобъ онъ, какъ утверждали это многіе, прибѣгалъ съ этою цѣлью къ совѣтамъ нашего общаго друга, великаго Таальмы, съ которыми онъ будто бы заирался для изученія эффекта нужныхъ ему въ данныхъ случаяхъ ораторскихъ тѣлодвиженій и позъ.“ Объ *актерствѣ* Наполеона мы имѣемъ свидѣтельства не одного только его брата и, замѣтимъ мимоходомъ, на этомъ мотивѣ построена превосходная по художественной правдивости изображенія сцена свиданія Наполеона съ папой Пиемъ VII въ извѣстной книгѣ Альфреда де-Вивьи *Souvenirs de servitude et de grandeur militaires*.

Изъ слѣдующихъ затѣмъ откровеній находимыхъ нами въ запискахъ Люціана мы узнаемъ что онъ въ свою очередь, не смотря на весь его будто бы „горячій республиканизмъ“, готовъ былъ „поступить какъ многіе другіе, то-есть смириться и жить спокойно, чуть даже не блаженно, подъ властію правительства имъ не сочувственнаго“, еслибы властительный братъ его не захотѣлъ „насиловать душу его и совѣсть“. Окончательный разрывъ его съ нимъ произошелъ вслѣдствіе упорнаго отказа со стороны Люціана вступить во второй бракъ соответственно желанію перваго консула. Ему, теперь богатому жениху, прежде всего предложена была въ жены Гортензія Богарне, дочь Жозефины (будущая мать Наполеона III). Но Люціанъ имѣлъ весьма вѣскіе поводы отклонить эту „комбинацію“. Нравственная распуцченность Наполеона, не пощадившая и родныхъ сестеръ (о чемъ свидѣлствуютъ многіе современники, въ томъ числѣ гжа де-Ремюза), заставляла заподозривать преступность и въ отношеніяхъ его къ падчерницѣ. *

Люціанъ весьма прозрачно намекаетъ на это въ объясненіи своего отказа, послѣ котораго устроенъ былъ Жозефиной

* Люціанъ въ свою очередь заподозривался въ таковой по отношенію къ сестрамъ своимъ Элизѣ Баччиокки и Каролинѣ Мюратъ, о чемъ съ горечью упоминаетъ онъ самъ въ своихъ запискахъ, приписывая эти тоаки самому Наполеону и семьѣ его жены. Поэтому можно судить о нравственномъ уровнѣ вообще всего этого міра случайныхъ людей, очутившихся во главѣ французскаго общества той эпохи.

бракъ дочери ея съ четвертымъ братомъ ея мужа, Луи, будущимъ королемъ Голландскимъ. * Бракъ этотъ, какъ известно, былъ далеко не счастливъ и кончился разводомъ.

Затѣмъ бывшему посланнику въ Испаніи предложенъ былъ братомъ брачный союзъ политическаго характера, столько же удивившій Люціана сколько и причинившій ему, за несогласіемъ его на это новое предложеніе, огорченій и тревогъ. Дѣло шло о молодой герцогинѣ Пармской, дочери короля Карла IV, возведенной вмѣстѣ съ супругомъ, по устроенному Люціаномъ соглашенію съ Испанскимъ дворомъ, на новый престолъ Эструріи, и услѣвшей овдовѣть тѣмъ временемъ... Какъ ни страннымъ это можетъ казаться со стороны царственной особы, принадлежавшей притомъ къ дому Бурбоновъ, но королева Марія-Луиза Испанская питала какое-то упорное желаніе вступить въ родственныя связи съ вышедшимъ изъ революціи генераломъ, правившимъ судьбами Франціи. Еще въ бытность Люціана посломъ въ Мадридѣ, она въ конфиденціальномъ разговорѣ сообщила ему что была бы весьма не прочь выдать за перваго консула младшую дочь свою Изабеллу, въ случаѣ еслибъ онъ въ виду безплодія жены своей рѣшился развестись съ нею. Объ этомъ разговорѣ Люціанъ само собою передалъ также конфиденціально брату, который однако не счелъ нужнымъ тогда дать какой-либо отвѣтъ на это предложеніе. Онъ еще привазаивъ былъ къ женѣ, которую суетливо почиталъ существомъ

* Люціанъ разказываетъ что братъ его Луи явился къ нему на этому случаю за совѣтомъ. „Я, говоритъ онъ, посоветовалъ ему подождать, сообщилъ ему о собственномъ моемъ отказѣ, но не объяснилъ повода оного. Это было слишкомъ деликатно. Но такъ какъ онъ настаивалъ, я уступилъ его желанію и подтвердилъ ему мои подозрѣнія. Луи въ свою очередь признался что онъ подозревалъ то же, и что такъ какъ здѣсь идетъ дѣло о чести его и счастіи, то онъ и кажется мнѣ что браку этому никогда не бывать... Но черезъ нѣсколько дней онъ явился ко мнѣ опять за тѣмъ же совѣтомъ. Я съ немалымъ смущеніемъ долженъ былъ повторить ему то что было уже мною ему сказано.—„Но что же мнѣ дѣлать, возразилъ Луи, я... я влюбленъ.“—Ты влюбленъ? Такъ на чорта (que diable) приходишь ты спрашивать у меня совѣта? Забудь все что я тебѣ сказалъ, женись и Богъ съ тобою (que Dieu te bénisse)! Черезъ недѣлю Луи былъ женатъ. Ждать не приходилось (le cas était urgent).“

„привносящимъ ему счастье“ и имѣлъ даже слабость передать ей въ шуточномъ видѣ объ исканіи его руки „особами самыхъ гордыхъ царственныхъ династій Европы“. Это, весьма понятно, никакъ не могло понравиться Жозефинѣ, потерявшей надежду дать наследника мужу (она была на десять лѣтъ старше его), и предъ которою вслѣдствіе того постоянно стоялъ призракъ разрыва союза своего съ нимъ. Люціанъ приписываетъ этому обстоятельству нерасположеніе къ нему его золовки, на которую онъ постоянно жалуется въ своихъ запискахъ, хотя не приводитъ ни одного факта изъ котораго можно было бы заключить что нерасположеніе это переходило у нея въ серьезное желаніе повредить ему... Смерть герцога Пармскаго дала Испанской королевы новый случай попытки сблизиться родственно если не съ самимъ первымъ консуломъ, то, по крайней мѣрѣ, съ однимъ изъ членовъ его семьи. Она поручила своему посланнику предложить руку овдовѣвшей дочери своей, молодой королевы Этрурійской, Люціану Банапарту, сумѣвшему, какъ уже намъ извѣстно, приобрести самое искреннее расположеніе къ себѣ со стороны Испанской королевской четы. Первый консулъ, съ радостію на этотъ разъ, отвѣтилъ личнымъ согласіемъ на это предложеніе. Онъ по этому пришелъ въ величайшее раздраженіе, когда на сообщеніе его объ этомъ Люціану, тотъ отвѣтилъ ему рѣшительно отказомъ.

Говоря объ этомъ обстоятельствѣ, Люціанъ подробно передаетъ разговоръ свой съ „добрымъ Иосифомъ“ (онъ относительно братьевъ игралъ постоянно роль посредника и примирителя), всячески уговаривавшимъ его согласиться на желаніе Наполеона. Самомнѣніе Люціана заставляло его предполагать что первый консулъ питалъ заднюю мысль отдѣлаться отъ него, низводя на значительную роль „безвластнаго мужа королевы, перваго царедворца своей жены“, и этимъ средствомъ удалить его навсегда изъ Франціи. Онъ постоянно преслѣдуемъ былъ мыслью что Наполеонъ завидуетъ ему и не можетъ простить его искренняго республиканства. „Бракъ съ особой принадлежащею къ Бурбонскому дому, говорилъ онъ Иосифу, уронилъ бы меня безвозвратно въ общественномъ мнѣніи. Наполеонъ очень хорошо знаетъ это, и какъ злобно смѣялся бы онъ еслибъ я дался на его удочку!“

Читатель изъ нашего изложенія могъ, смѣемъ думать, составить себѣ достаточно опредѣленное понятіе о пресловутомъ

„республиканизмъ“, которымъ такъ кичился Люцианъ. Можно даже предполагать что перспектива родства съ Бурбоновскимъ домомъ не представляла бы, при другихъ обстоятельствахъ, ничего противнаго его тайнымъ вождѣніямъ *. Но дѣло въ томъ что никакой бракъ не былъ возможенъ для Люциана, такъ какъ онъ уже годъ какъ былъ женатъ,—женатъ на женщинѣ замѣчательной красоты, въ которую былъ страстно влюбленъ.

Она была вдова вѣскогаго проходившаго по фамиліи Жубертонъ (Jouberton), покинувшаго ее съ маленькою дѣвочкой и отправившагося искать счастья въ Америку, гдѣ онъ и скончался. Ей было 24 года, когда она встрѣтилась съ Люцианомъ. Красота ея дѣлала ее предметомъ исканій со стороны всякихъ пламенныхъ любителей прекраснаго пола. Въ томъ числѣ, по словамъ Люциана, былъ и первый консулъ. Но попытки его не имѣли успѣха. Она предпочла ему младшаго брата и, какъ говорить г. Юнгъ, „овладѣла имъ вполне весьма искуснымъ приемомъ, то-есть отдавая всецѣло судьбу свою въ его руки. Она экзальтировала этимъ способомъ все что имѣлось дѣйствительно честнаго и рыцарскаго въ измѣнчивомъ характерѣ своего любовника“.

Люцианъ дѣйствительно, по рожденію ея отъ него сына, женился на ней по церковному обряду. Гражданскій бракъ, единственно законный во Франціи, не могъ быть совершенъ за неимѣніемъ гжой Жубертонъ формальнаго свидѣтельства о кончинѣ мужа, умершаго на островѣ С.-Доминго. (Этотъ необходимый документъ, какъ оказалось затѣмъ, былъ задержанъ на почтѣ по тайному распоряженію перваго консула, въ мелочной злобѣ своей не пренебрегавшаго даже и такимъ средствомъ для мести брату за его непослушаніе.)

Люцианъ тѣмъ временемъ, вслѣдъ за разговоромъ съ Иосифомъ, послалъ Наполеону официальное письмо съ извѣщеніемъ о своемъ бракѣ. Получено оно было въ Мальмезонѣ (Malmaison), загородной резиденціи генерала Бонапарта, вечеромъ, во время концерта, на которомъ присутствовали почти всѣ члены семьи и многія другія лица... Мюрать, женатый на

* Г. Юнгъ говоритъ что во время совершенной Люцианомъ въ ту пору недогадой поѣздки въ Римъ, онъ, „раздраженный противъ брата, вошелъ въ сношенія съ врагами своего правительства, забывая что это были въ то же время враги его отечества“.

Каролинь Бонапартъ, передавалъ такимъ образомъ Люціану послѣдовавшую за полученіемъ этого письма сцену, которую мы и приводимъ здѣсь какъ весьма ярко очерчивающую неслыханную безудержность человѣка овладѣвшаго правленіемъ Франціи.

„Едва первый консулъ разобралъ первую строку твоего письма какъ, къ величайшему моему и всѣхъ удивленію, быстро вскочилъ со своего кресла, крича, словно на плац-парадѣ: „Замолчать музыкѣ, замолчать!“ Онъ похожъ былъ на сумашедшаго. Онъ заходилъ по комнатѣ, раскидывая руками въ видѣ телеграфа, повторяя: „Измѣна, измѣна! Это настоящая измѣна!“... Жозефина, блѣдная подъ своими румянами и бѣлками, подошла дрожа къ мужу, спрашивая: „Боже мой, Бонапартъ, что же такое случилось?“ Онъ, все также стоя, гнѣвно смаялъ письмо въ рукѣ и голосомъ прерывавшимся отъ гнѣва, проговорилъ такъ громко что всѣ это слышали: „Что случилось, что случилось? Случилось то что Люціанъ женился на своей любовницѣ.“ * Онъ кинулся къ столу, началъ писать, но, окалавъ лишь всю бумагу чернилами, кинулъ тутъ же перо. „Нѣтъ, нечего писать!“ и, обращаясь ко мнѣ: „Отправляйтесь къ нему, Мюратъ, и объявите ему отъ меня что бракъ его недѣйствителенъ, и что я его никогда не признаю!“

Люціанъ отвѣтилъ Мюрату на это что они съ первымъ консуломъ „хитрили до сихъ поръ въ переговкы относительно другъ друга: онъ, показывая видъ что ничего не знаетъ объ этомъ бракѣ, а Люціанъ представляясь будто вѣрилъ тому что братъ ничего объ этомъ не знаетъ; но что теперь дѣло пошло на чистоту и что онъ проситъ Мюрата передать пославшему его что онъ „обойдется и безъ признанія имъ брака его съ гжой Жубертонъ“... Весьма комически красками передаетъ при этомъ Люціанъ съ какимъ смущеніемъ выслушалъ это бѣдный Мюратъ, одинъ изъ неустрашимѣйшихъ на полѣ сраженія воиновъ того времени, но чувствовавшій себя въ присутствіи своего генерала (онъ былъ адъютантомъ Бонапарта) „лостыдѣйшимъ трусомъ“.

* Выраженіе употребляемое въ дѣйствительности Наполеономъ, было еще сильнѣе: „J'ai su par un autre témoin de ce charmant épisode, говоритъ Люціанъ, que le véritable mot employé par mon aimable frère était tout simplement „sa coquine“.

— Вѣдь ты понимаешь, говорилъ онъ, — что я не могу, не могу передать это ему такъ какъ ты сказалъ. Для меня было бы легче выдержать атаку кавалеріи воѣхъ соединенныхъ противъ республики военныхъ силъ... Но Люціанъ убѣдилъ его что „посолъ никогда не отвѣтственъ“ (ambassadeur ne porte pas peine), и Мюратъ, глубоко вздыхая, отправился исполнить свое порученіе.

На другой день явилася къ Люціану новый посланецъ отъ перваго консула; это былъ второй консулъ Камбасересъ, „приказная строка“ (онъ началъ съ адвокатства, былъ затѣмъ членомъ Конвента, вотировалъ смерть короля и считался отличнымъ законникомъ), человекъ „весьма самоувѣренной и важной наружности, имѣвшій въ своемъ распоряженіи готовые фразы и крючкотватые исходы на всякій затруднительный случай жизни“. Онъ весьма пространно и помлезно заявилъ Люціану что „нашелъ средство приличнымъ образомъ развязать его, Люціана, отъ обязательства къ женщинѣ бракъ съ которою первый консулъ признаетъ *несоотвѣтствующимъ достоинству* его семьи“. Люціанъ само собою былъ настолько же изумленъ сколько и оскорбленъ этими словами. Онъ возразилъ весьма резонно Камбасересу что первый консулъ не вѣнчанный государь, что члены его семьи не принцы крови и что онъ не имѣетъ никакого законнаго права дозволять имъ или запрещать вступать въ бракъ какъ и съ кѣмъ бы имъ ни вздумалось. „Никто на свѣтѣ, съ величайшею важностію молвилъ на это тотъ, ни вы, ни я не въ силахъ отнынѣ противиться волѣ человека который не только не имѣетъ себѣ равнаго по генію во всѣхъ родахъ (*génie de tous les genres*), но могущество котораго, предсказываю вамъ, будетъ расти сильнѣе каждый день, къ смущенію и даже гибели его враговъ, а потому, смѣю сказать, отказъ повиноваться ему сдѣлалъ бы положеніе ваше опаснымъ, или по меньшей мѣрѣ неприличнымъ (*inconvenante*)“. Онъ долго еще говорилъ на эту тему, и Люціанъ, выведенный наконецъ изъ терпѣнія, позволилъ и отдалъ приказаніе „подать карету второму консулу“...

Съ этой минуты положеніе Люціана стало дѣйствительно невыносимымъ. Между тѣмъ какъ размолвка его съ властительнымъ братомъ, сдѣлавшаяся вскорѣ извѣстною всему Парижу, возбуждала, утверждаетъ онъ, явные выраженія сочувствія къ нему и его женѣ повсюду куда ни являлись они

въ публикѣ, сами они были предметомъ самыхъ недостойныхъ клеветъ, уколовъ и униженій со стороны родственниковъ ему лицъ. Первый консулъ не дозволяя женѣ познакомиться со своею новою belle-soeur и громко заявилъ что онъ съ неудовольствіемъ узнаеть о посѣщеніи жены Люціана кѣмъ-либо изъ своей семьи. Всѣ повиновались всемогущей волѣ. Одинокъ Бернадотъ съ женою дѣлаалъ въ этомъ случаѣ исключеніе. Напрасно старушка Летиція, мать Бонапартовъ, употребляла всѣ усилія помирить своихъ сыновей; напрасно старались о томъ же братья ея, кардиналъ Фешъ, Иосифъ и красавица Полива Леклеръ, выходившая въ эту минуту вторымъ бракомъ за богатаго римскаго князя Боргесе. У перваго консула на всѣ ихъ просьбы и увѣщанія былъ лишь одинъ отвѣтъ: „Все для Люціана неженатаго, ничего для женатаго Люціана“...

Люціанъ наконецъ не выдержалъ. Узнавъ что на свадьбу сестры своей Поливы, по случаю которой готовились большія празднества, жена его не будетъ приглашена, онъ отправился къ Наполеону и, послѣ весьма бурной между ними сцены, окончившейся уже самымъ рѣшительнымъ разрывомъ, уѣхалъ, какъ говорить г. Юнгъ, „взбѣшенный, полный самыхъ бессмысленныхъ плановъ мщенія, готовить себѣ на всякій случай убѣжище въ Италіи“. Онъ вернулся лишь по окончаніи брачнаго фестиваля, избѣжавъ, по крайней мѣрѣ, открытаго скандала.

Политическія событія между тѣмъ неслись со страшною быстротой. Генералъ Моро, знаменитый побѣдитель при Гогенлинденѣ, заключенъ былъ въ тюрьму, обвиненный въ соучастіи въ заговорѣ противъ перваго консула. Нѣсколько дней послѣ того арестованы были: генералъ Пинегрю, Ба-дудаль, братья Полицьяки и многіе другіе роялисты (февраль 1804 года). Мѣсяць спустя, герцогъ Энгиенскій, схваченный на германской территоріи, привезенъ былъ въ крѣпость Вевсевъ, судимъ и приговоренъ къ казни въ тотъ же день и разстрѣлянъ въ ночь съ 21 на 22 марта.

Люціанъ приводитъ по этому поводу нѣсколько весьма разгорѣчивыхъ отзывовъ объ этомъ событіи со стороны нѣкоторыхъ, ближайшихъ къ тогдашнему правителю Франціи, лицъ.

Жозефина, рыдая, говорила мужу: „Если ты велишь убить твоего лаввника, ты будешь самъ гильотинированъ какъ мой

первый мужъ, и на этотъ разъ казнена буду и я за компанію съ тобою“ (*pour compagnie avec toi*).

Фуше говорилъ своимъ друзьямъ: „Наконецъ-то, а не то этотъ маленькій Бонапартъ заставлялъ меня бояться что онъ желаетъ сыграть роль Мюка.“

Бернадотъ, будущій король Швеціи, восклицалъ, лотирая себя съ торжествомъ руки: „Ну, вотъ теперь онъ нашъ.“

Талейранъ, говоритъ Люціанъ, „недовольный или довольный совершившимся—что, признаюсь, оставалось для меня долго загадкой, отвѣчалъ тѣмъ кто говорили ему что это преступленіе, извѣстными словами: „Это болѣе чѣмъ преступленіе, это ошибка!“ (*c'est plus qu'un crime, c'est une faute*).

Что касается самого Люціана, то, какъ только дошла до него вѣсть объ этой жестокости, онъ вошелъ, взволнованный, въ комнату жены и сказалъ ей: „Милая, прочь отсюда, онъ попробовалъ крови“ (*il a goûté du sang*)... Черезъ двѣ недѣли они уѣхали въ Римъ на постоянное тамъ пребываніе...

Этимъ кончается вторая часть изложенной нами книги. Едва ли мы ошибемся, сказавъ въ заключеніе что борьба вынесенная Люціаномъ изъ-за глубокой и преданной любви его къ женѣ, представляетъ собою наиболѣе симпатичную сторону въ злолеѣ этого человѣка котораго весьма неосновательно многіе возводили на пьедесталъ великаго гражданина. Такимъ онъ никогда не былъ.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

Письма къ роднымъ митрополита Московскаго Филарета, отъ 1800 до 1886 Москва, 1882.

Напрасно „колебались“ почтенные издатели, какъ высказываютъ они въ своемъ предисловіи, „печатать ли письма, никогда, конечно, не назначавшіяся самимъ авторомъ къ печати“. Въ этихъ письмахъ заключается драгоценный біографическій матеріалъ, который не долженъ былъ оставаться достояніемъ тѣснаго родственнаго кружка.

До сихъ поръ мы знали только Филарета митрополита Московскаго, глубокаго богослова, знаменитаго іерарха, прославленнаго церковнаго витію. Въ *Письмахъ къ роднымъ* (см. первые 100 нумеровъ, отъ февраля 1800 по ноябрь 1808 годовъ) въ первый разъ встрѣчаемся съ „Василіемъ Михайловичемъ Дроздовымъ“, сперва на школьной скамьѣ 17—18 лѣтнимъ ученикомъ, потомъ юнымъ учителемъ Троицкой или Сергіево-Лаврской семинаріи (въ послѣдствіи переименованной въ Духовную Академію). Знакомимся также впервые съ его родителемъ, личностью до сихъ поръ почти совершенно неизвѣстною и между тѣмъ въ своемъ родѣ тоже очень замѣчательною и интересною, между прочимъ, по тому представленію которое, по немъ суда, можно составить себѣ о степени образованія и объ уровнѣ умственныхъ интересовъ въ нашемъ духовенствѣ конца прошедшаго и началъ

текущаго столѣтій. Не знаемъ, въ какой мѣрѣ такіе соборныя діаконъ составляли тогда явленіе обыкновенное въ своей средѣ, или были случайнымъ исключеніемъ, но у бывшаго соборнаго діакона въ узьдомѣ городѣ Коломнѣ (въ послѣдствіи священника и протоіерея) Михаила Федоровича Дроздова имѣлась, какъ видно, очень изрядная бібліотека и въ этой бібліотекѣ можно было найти и письма Плинія, и философскія сочиненія Цицерона, и Виргилія и другихъ римскихъ поэтовъ и прозаиковъ. „Изъ Лавры мнѣ лишуть“, читаемъ въ письмѣ № 200 изъ Петербурга, гдѣ въ то время жилъ Филаретъ уже въ санѣ епископа Ревельскаго, „что у брата и племянника (обучавшихся тогда въ Троицкой семинаріи) не велика бібліотека, а дома такъ велика! Для кого же она? Развѣ не умѣютъ выбрать? Нельзя ли отыскать реестръ и прислать мнѣ чтобъ я могъ назначить книги которыя они могли бы употреблять съ пользой, а мнѣ отселѣ составлять имъ особую бібліотеку неудобно“... Далѣе, въ письмѣ № 202 къ брату: „Книги въ реестръ твоемъ, который при семъ посылаю, отмѣченныя первымъ числомъ, можешь выписать изъ Коломны теперъ же. А когда перейдешь въ богословское отдѣленіе, тогда можешь взять книги отмѣченныя въ реестръ вторымъ числомъ и тогда будешь имѣть бібліотеку какую ученики очень рѣдко имѣютъ. Кстатѣ, *Путешествія по Святѣмъ Мѣстамъ* (не Василія ли Барскаго?) не худо бы прислать ко мнѣ“... Хорошій, какъ видно, латинистъ (пиша къ родителю, студентъ Дроздовъ не разъ прибѣгаетъ къ латинскому языку, когда нужно передать что-нибудь такъ-сказать болѣе конфиденціально), бывшій соборный діаконъ былъ знакомъ и съ новыми языками, по крайней мѣрѣ съ французскимъ. Доставляя родителю изъ Петербурга одну изъ своихъ проповѣдей, „по поводу которой умные люди вздумали увѣрять глулыхъ будто проповѣдникъ обокралъ Массильюна“, Филаретъ пишетъ: „Если угодно, справьтесь и вы (то-есть съ Массильюномъ), потому что, сколько я знаю, вы почти такъ же далеки во французскомъ языкѣ какъ и я“ (№ 123). Въ виду приведенныхъ фактовъ какъ не вспомнить съ уваженіемъ и благодарностью то время когда въ программахъ духовныхъ семинарій числилось, можетъ-быть, не такъ много предметовъ какъ въ позднѣйшую пору, но когда, по учебному плану митрополита Платона, семинаристы въ классѣ Священнаго Писанія имѣли

случай нѣсколько разъ въ теченіе курса прочесть всю Библию, русской исторіи учились, между прочимъ, по лѣтописамъ, а на урокахъ древней исторіи читали въ подлинникъ Тита Ливія и Тацита (см. инструкціи митрополита Платона въ приложенияхъ къ сочиненію Смирнова: *Спасо - Виванскій монастырь*).

Богатый книгами, благословенный довольно большимъ семействомъ, отецъ Михаилъ не имѣлъ, конечно, много лишнихъ денегъ, а потому звалъ цѣну трудовой колѣвки и училъ дѣтей бережливости. Разъ, посылая сыну, когда тотъ еще учился въ Троицкой семинаріи, нѣсколько денегъ, родитель счелъ нужнымъ наломнить что ихъ не слѣдуетъ тратить безъ серьезной необходимости. Предостереженіе было сдѣлано, очевидно, къ слову, безо всякаго личнаго повода, но впечатлительный юноша прочелъ въ немъ незаслуженный „упрекъ“, уязвившій его до душевной боли, до горькихъ слезъ. „Я прочиталъ вашъ упрекъ и не знаю, потерялъ ли нашелъ четверть часа которая прошла въ горестной задумчивости. Я бы не нашелъ конца и обезлокоилъ бы васъ ежели бы захотѣлъ болѣе говорить о семъ упрекѣ. Не знаю заслужилъ ли я его. За молчу. Вы не видите слезъ сквозь которыя я едва вижу эту бумагу. Простите меня“ (№ 30). Черезъ письмо (очевидно на недоумѣвающій вопросъ родителя: гдѣ онъ нашелъ упрекъ?): „Вотъ ваши слова которыхъ вы требуете: я уповаю что ты уже и опытомъ узналъ что безъ нужды тратить деньги не хорошо. Чьимъ опытомъ? спросилъ я, прочитавъ сіе. Опытомъ другихъ? Но это вы назвали бы примѣромъ... Черезъ опыты мы обыкновенно разумѣемъ познаніе пріобрѣтенное чрезъ то что съ нами случилось. Итакъ, кто узналъ опытомъ что безъ нужды тратить деньги худо? Безъ сомнѣнія тотъ кто протомалъ ихъ и послѣ почувствовалъ въ нихъ нужду для истиннаго употребленія. Дай Богъ чтобъ я ошибся въ вашей мысли!“ По неволѣ приходилось тщательнѣе взвѣшивать слова въ перепискѣ съ сыномъ, который былъ такъ силенъ въ логикѣ и тогда уже такъ тонко умѣлъ различать силу и значеніе каждаго слова!

25 ноября 1803 года митрополитъ Платонъ вызвалъ къ себѣ юнаго Дроздова (ему шелъ тогда 21 годъ отъ рожденія), *одѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ на греческомъ языкѣ, а „чрезъ часъ“, пишетъ къ отцу Василій Михайловичъ, „вы видите новаго учителя, зной въ лѣтнемъ платьѣ. Представьте*

трудности новаго сего состоянія: постеля, теплое платье, и *или слѣдовать товарищамъ, для случаевъ чай...* вотъ нужды"... „Я уже перебрался (№ 42) въ назначенныя для меня покои (вѣроятно, одна или двѣ комнатки въ одномъ изъ Лаврскихъ зданій, гдѣ помѣщались и другіе наставники семинаріи, изъ холостыхъ). Теперь восемь часовъ вечера: заслуженный матросъ, отправляющій для всѣхъ учителей должность повара, а для меня и камердинера, только теперь окончивъ со мною разговоръ объ антихриствѣ, вышелъ въ переднюю... * Я долженъ жить въ отдаленіи отъ васъ, и жить самъ собою или, какъ говорятъ, своимъ домою. Я еще не знаю, сколь многочисленны 150 рублей годоваго жалованья.“ Какъ видно, они оказались не очень-то „многочисленны“. По крайней мѣрѣ, не всегда однѣ науки занимали теперь голову молодого ученаго: у него бывали и другія, болѣе реальныя, заботы. „Батюшка!“ пишетъ онъ въ письмѣ № 60, „я хочу сообщить вамъ теперь мои *карманные* мысли... Короче: я думаю сдѣлать себѣ перемѣну лѣтняго платья. Вы подумаете: къ чему это? Иначе я могу дойти до того что сюртуку мой вѣкуда не годится, а дѣлать новый будетъ не по времени. Я глажу также и на другихъ. Но я сомнѣваюсь въ томъ на какое платье рѣшиться“ и т. д.

Неизвѣстно, какъ родитель разрѣшилъ это недоумѣніе, но мнѣе чѣмъ чрезъ три года, когда Василю Михайловичу пошелъ всего двадцать четвертый годъ, въ его жизни возникъ вопросъ совершенно иной важности, вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависѣло направление всей его послѣдующей судьбы. Ему совѣтуютъ „избрать такой родъ жизни въ которомъ были бы единственнымъ предметомъ науки“, то-есть, другими словами, постричься въ монахи. Въ короткихъ словахъ сообщаетъ онъ объ этомъ отцу (№ 68, отъ 16 февраля 1806) и проситъ отвѣта. Если не ошибаемся, отвѣтъ заставилъ себя ждать дѣлая три недѣли (отъ 16 февраля по 8 марта) и, когда былъ полученъ, не удовлетворилъ сына. Какъ видно, роди-

* Изъ послѣдующихъ писемъ видно что у заслуженнаго ветерана была еще другая тема для бесѣды съ будущимъ митрополитомъ. Онъ очень охотно дѣлился съ Василиемъ Михайловичемъ своими мыслями и предвидѣніями насчетъ погоды, въ родѣ того наприхѣръ что „новый снѣгъ за старымъ пришелъ, и весна будетъ дружная“ и т. д. Въ письмѣ № 61: „Мой поваръ имѣетъ общую со всеми календарями участь—агаты!“ (невольно вспомнишь Грибоедовское: „всѣ врутъ календарю!“)

тель отрекался высказаться определенно за или против, предоставляя рѣшеніе труднаго вопроса его собственному сознанію своихъ наклонностей, своего призванія. Въ отвѣтъ на письмо отъ 8 марта, у всегда почтительнаго и вѣрнаго сына въ первый (и единственный) разъ вырываются горькія, почти жесткія, слова укора и ролота. Не легкомысленно относился онъ къ предстоявшей ему перемѣнѣ и не легка была та „борьба ломысловъ“ которую онъ переживалъ въ эту пору! „Какъ вы обманули мое ожиданіе! У кого же просить совѣта когда отецъ отказывается въ немъ? Еслибы какой сынъ сказалъ мнѣ: мой отецъ не хочетъ дать мнѣ нужныхъ для меня наставленій и, не смотря на повторяемыя просьбы, оставляетъ меня самому себѣ, а бы отвѣтствовалъ: ты жалокъ, другъ мой! Конечно, твой отецъ почитаетъ тебя недостойнымъ своихъ попеченій и своей довѣренности. Боже мой! долженъ ли я сказать это самому себѣ! „Все зависитъ отъ способностей и наклонностей каждаго; ихъ можно знать самому.“ Дай Богъ чтобы никто не ошибался въ семъ познаніи! И неужели въ такія дѣла когда непозволительно еще (если я не ошибаюсь) располагать имѣніемъ безъ опекуна, можно располагать своими способностями совершенно безъ помощи другихъ?..“ Какъ письмо № 69, изъ котораго мы выписали эти строки, такъ и слѣдующія затѣмъ №№ 70, 71, 73, написанныя по тому же поводу, представляютъ высокой психологической интересъ, хотя интересны и всѣ безъ исключенія письма перваго, Троицкаго, періода. Въ нихъ такъ живо рисуется личность самого лишущаго, не смотря на всю сдержанность, какъ будто прирожденную ему (не даромъ отецъ просилъ его писать не только чаще, но и „открытѣе“), составлявшую по свидѣтельству ближе знавшихъ митрополита Филарета одну изъ выдающихся чертъ его характера въ теченіе всей его послѣдующей жизни (см. въ *Православномъ Обзорѣннн* „Воспоминанія П. С. Казанскаго“). Такъ симпатично отражаются въ этихъ письмахъ его добрыя, сердечныя отношенія къ семьѣ и роднымъ *. Выстулаеть въ

*) Въ этомъ отношеніи очень характерно, между прочимъ, письмо № 53 къ именинамъ отца, на половину написанное шутивыми стихами, которые кончаются такъ:

....., Посылаю

Кому агу! кому сызати!

Пусть сами (т.-е. родственники большіе и малые) межъ собою дѣлаютъ!“

нихъ иногда и пріятельскій, увлеченный сѣдинами, образъ Введенскаго „Старца“. Такъ названъ въ одномъ письмѣ митрополитъ Платонъ, удрученный лѣтами и недугами, ветшій, видимо клонящійся къ закату, но неизмѣнный въ своей горячей привязанности къ любимымъ „разсадникамъ духовнаго просвѣщенія“ (Троицкая и Введенская семинаріи) и ихъ питомцамъ, особенно къ тѣмъ въ которыхъ онъ примѣчалъ искру выдающагося таланта. Какъ рано и вѣрно оцѣнилъ и какъ отечески ласкаетъ онъ Дроздова! Для Дроздова, точно для любимаго дитяти, у „Старца“ всегда готовъ какой-нибудь *гостинчикъ*: то „два гранатныя яблока“, ананасъ, шелковый платокъ, то, на первый день Пасхи, свѣжій огурецъ, одинъ изъ четырехъ находившихся на блюдѣ (со всею точностью сообщаетъ въ Коломну одаренный), а потомъ вечеромъ того же дня еще „искусственное яйцо“, книга, кусокъ матеріи на платье, и все это не даромъ, каждый разъ непременно за удачную проловѣдь сказанную юношей въ присутствіи владыки.

Не на глазахъ Платова однако суждено было проявиться во всей силѣ и блескѣ необыкновеннымъ дарованіямъ его любимаго воспитанника. Напрасно умолялъ „Старецъ“ оставить ему учителя Дроздова „на утѣшеніе его старости“. Въ концѣ 1808 года Вазилія Дроздова—не стало (№ 100: Батюшка! *Василья скоро не будетъ*; но вы не лишитесь сына, который понимаетъ что вамъ обязанъ болѣе нежели жизнью... и знаетъ цѣну вашего сердца...), а въ самомъ началѣ 1809 года іеродиаконъ Филаретъ уже былъ въ Петербургѣ, куда требовались тогда даровитые люди для вновь открываемой Александро-Невской Духовной Академіи.

Съ переходомъ въ Петербургъ письма становятся рѣже. За суетой новыхъ трудовъ и обязанностей, отнимавшихъ все время и силы у молодаго монаха („свободой я называю то“, пишетъ онъ, „когда имѣю одно дѣло, а не три или пять вдругъ“ № 173), Коломенской семьѣ приходится иногда мѣсяцъ и болѣе поджидать вѣстей съ береговъ Невы. Но за то какія вѣсти приходятъ оттуда! Чуть не изъ каждаго письма родители узнаютъ о новыхъ успѣхахъ, новомъ повышеніи, о какомъ-нибудь новомъ отличіи, новой наградѣ сына. Онъ уже приобрѣлъ въ столицѣ славу знаменитаго проловѣдника. Уже высшая знать сѣзжается слушать его, и онъ имѣетъ возможность (какое утѣшеніе для родителей и едва ли еще не

большее для самого сына!) переслать въ Коломну 300 руб., присланные ему при благодарственномъ письмѣ отъ графа П. А. Строганова за слово произнесенное при погребеніи отца графа. Предъ нимъ открылись двери первыхъ домовъ столичной аристократіи, гдѣ ему случается иногда „весь вечеръ“ бесѣдовать „о духовныхъ матеріяхъ“, какъ было, напримеръ, у Строгановыхъ (№ 137). Но всего болѣе, можно сказать: дружески, сблизился онъ съ княземъ А. Н. Голицынымъ, тогдашнимъ министромъ Духовныхъ Дѣлъ и любимцемъ государя. 1 октября 1812 года (въ то время когда Москва была еще въ рукахъ Французовъ, уже впрочемъ собиравшихся покидать ее) у князя А. Н. Голицына происходило освященіе домової церкви, и Филаретъ говорилъ проповѣдь, имѣвшую такой успѣхъ что его *убѣждали повторить* ее въ слѣдующее служеніе его въ томъ же самомъ храмѣ. „Я не могъ себя принудить къ тому“, пишетъ онъ (№ 146, отъ 2 декабря 1812) и говорилъ вмѣсто того бесѣду которую прилагаю. Она счастлива тѣмъ что въ 30й день прошедшаго мѣсяца я заставленъ былъ служить въ томъ же храмѣ и повторить ее *предъ такими лицами котораго никогда не мое представлять можеть слушателямъ*. Наканунъ сего дня не повѣрилъ бы я никакому предсказанію о томъ что случилось со мною въ сей день. Я слышалъ такіа слова кротости, которыя меня растопляли какъ воскъ; такіа слова благочестія которыя воспламеняли меня. Но я боюсь чтобы не власть въ тщеславіе, тогда какъ желаю изъяснить мое удивленіе и благоговѣніе.“ Слушатель не названъ въ письмѣ, но едва ли возможно сомнѣніе въ томъ что рѣчь идетъ объ Императорѣ.

Сколько счастья такіа письма должны были приносить подъ скромный кровъ Коломенскаго протоіерея, и какія сладкія слезы вызывать иногда у счастливыхъ родителей!

Къ новому 1812 году протоіерей, на ряду съ другими лицами изъ блага духовенства, былъ представленъ Синодомъ къ награжденію камилавкой. Письмомъ отъ 1 января сынъ извѣщаетъ что награда „вышла“, но при какихъ, совсѣмъ особыхъ, обстоятельствахъ, о которыхъ едва ли когда-нибудь мечтали въ Коломнѣ! „Радостно поздравляю васъ съ благополучнымъ начатіемъ новаго года. *Вы очень хорошо начали его въ Петербургѣ*: желаю чтобы также и въ Коломнѣ. Съ Синодъ представлялъ васъ къ камилавкѣ, а Всемилостивѣйшій

Государь пожаловалъ крестомъ“. Итакъ, вмѣсто одной, разомъ двѣ награды: случай необычайный самъ по себѣ! Но что значили всѣ награды въ мірѣ въ сравненіи съ тѣмъ что должно было чувствовать *сердце отца* когда онъ читалъ въ вѣдомостяхъ что вторая награда прибавлена самимъ Государемъ „въ знакъ особеннаго Монаршаго благоволенія къ его сыну, находящемуся здѣсь (то-есть въ Петербургѣ) баклавару Александро-Невской Духовной Академіи Филарету, только ознаменовавшему себя на полприцѣ проповѣданія слова Божія“ (между письмами сохранилась вырѣзка изъ Московско́й газеты за 1812 годъ, гдѣ перелечатанъ подлинный указъ или *отношеніе*, откуда нами заимствованы приведенныя выше слова).

Михаилъ Федоровичъ скончался въ 1816 году. Съ этого года большая часть писемъ адресованы къ „любезнѣйшей родительницѣ“ или къ „милостивой государынѣ матушкѣ“, которая до самой смерти ея, послѣдовавшей въ Москвѣ въ 1853 году, была для сына предметомъ трогательнѣйшей сыновней любви и самаго заботливаго, самаго предупредительнаго вниманія. Кромѣ писемъ къ ней, сохранились письма къ брату и къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ изъ родства. И здѣсь митрополитъ Филаретъ является любящимъ, преданнымъ родственникомъ, всегда готовымъ принять участіе въ семейной заботѣ или скорби, оказать помощь или удовлетворить справедливую просьбу съ тою изящною деликатностью, которая придаетъ двойную цѣну благодѣянію. Даже въ тѣхъ (рѣдкихъ впрочемъ) случаяхъ, когда онъ отказывается въ просимомъ или по какому-либо поводу считаетъ нужнымъ сдѣлать родственнику замѣчаніе, высказать не совсѣмъ пріятную правду, и тогда въ словахъ его столько сердечности, столько искренняго доброжелательства!

Полагаемъ, сказаннаго достаточно чтобъ убѣдиться какого вниманія заслуживаютъ „Письма къ роднымъ“, и особенно у насъ, въ Москвѣ, гдѣ пока еще такъ жива память митрополита Филарета, гдѣ и въ духовенствѣ и среди мірянъ еще такъ много лицъ лично знавшихъ и глубоко, искренно чтившихъ покойнаго владыку при жизни. Въ виду приближающейся (26 декабря текущаго года) *сотой годовщины* его рожденія настоящее изданіе является особенно интереснымъ и своевременнымъ.

И. М.

II.

Словарь церковно-историческій. Трудъ и изданіе А. Верховскаго. Томъ I. Выпускъ первый. Слб. 1882.

Появленіе этой книги въ Москвѣ сопровождалось газетною рекламою совершенно особаго и очень куріознаго характера. Въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* (см. № 76 и др.) нѣсколько разъ было напечатано слѣдующее, съ буквальною точностью воспроизводимое, объявленіе: „Вышелъ изъ печати *Словарь церковно-историческій.* А. Верховскаго, (sic) выпускъ I, въ „которомъ помѣщена обширная статья подъ заглавіемъ: „Австрійско-Бѣлориницкая іерархія заслуживающая по своему достовѣрному изложенію особеннаго вниманія. Въ сравненіи съ изслѣдованіями г. Субботина очеркъ А. Верховскаго отличается безпристрастнымъ изложеніемъ и большою добросовѣстностью. Продается въ книжномъ складѣ С. Т. „Большакова, у Ильинскихъ воротъ“. Въ рекламѣ этой, мы увѣрены, не принималъ никакого участія самъ почтенный издатель *Церковно-историческаго Словаря*; она принадлежитъ, конечно, г. Большакову. Въ качествѣ книгопродавца и раскольника онъ хотѣлъ заразъ подстрѣлить двухъ зайцевъ—завлечь покупателей въ свою лавочку или, какъ онъ выражается, въ свой „книжный складъ“ (?) за пріобрѣтеніемъ интересной книги, будто бы безпристрастнаго и добросовѣстнаго излагающей исторію Бѣлориницкой іерархіи „въ сравненіи съ изслѣдованіями г. Субботина“, и лишній разъ поклеветать предъ публикой на этого послѣдняго, заявить о мнимой пристрастности и недобросовѣстности очень непріятныхъ расколу его изслѣдованій о новой раскольнической іерархіи. Полагали выстрѣлъ г. Большакова въ первую цѣль, это, разумѣется, извѣстно только ему; во другой цѣли онъ, конечно, достигнуть не могъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ людямъ которые не расположены слѣпо вѣрить ему и возьмутъ на себя трудъ провѣрить его отзывъ о сравнительномъ достоинствѣ „изслѣдованій г. Субботина“ и статьи г. Верховскаго.

Въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, которыя уже давно сдѣлались органомъ раскольниковъ и сами ни мало не стѣсняясь называютъ расколъ „древлеправославіемъ“, а раскольническихъ

самодѣльныхъ архіепископовъ и епископовъ ихъ высокопресвященствами и преосвященствами. съ похвальною аккуратностью даютъ своимъ читателямъ отчеты о собраніяхъ „древлеправославныхъ богослововъ“ и серьезно излагаютъ содержаніе ихъ „рефератовъ“,—въ этой служащей расколу газетѣ не разъ уже печатались, говоря собственнымъ ея языкомъ, „инсинуаціи“ подобныя приведенной рекламѣ г. Большакова. Тамъ не одинъ разъ было сообщаемо, напримѣръ, что на собраніяхъ раскольническихъ „богослововъ“ какой-то изъ ораторовъ въ своемъ „рефератѣ“ заявлялъ о имѣющихся въ его владѣніи многочисленныхъ документахъ относящихся къ исторіи учрежденія Бѣлокривицкой іерархіи, которые проливаютъ новый свѣтъ на это дѣло, будто бы изложенное г. Субботинымъ въ искаженномъ видѣ, и несомнѣнно доказываютъ отрицаемому этимъ писателемъ правильность и законность вывѣ существующей у раскольниковъ іерархіи, причемъ выражались обычныя сѣтованія на строгость цензуры, лишашую референта всякой возможности напечатать столь важныя и интересныя документы. По поводу этихъ заявленій отецъ протоіерей І. Г. Виноградовъ также не разъ печатно обращался ко владѣльцу мнимохъ документовъ съ предложеніемъ своего посредства для напечатанія оныхъ во все-полнотѣ и цѣлости. Само собою разумѣется что на предложеніе достопочтеннаго отца протоіерея не послѣдовало никакаго отвѣта, по той простой причинѣ что никакихъ документовъ проливающихъ новый, благопріятный для раскола, свѣтъ на Бѣлокривицкую іерархію вовсе не имѣется. Будь у раскольниковъ что-нибудь подобное, все это давнымъ-давно они напечатали бы и за границей и даже въ Россіи, не смотря на всю строгость цензуры. Напечатанный въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* „рефератъ“ нуженъ былъ только ради „инсинуаціи“, ради того чтобы лишній разъ провозгласить въ газетахъ о мнимои недобросовѣстности писателя смѣло выражающаго горькую правду о расколѣ среди лѣстивыхъ восхваленій ему отъ „либеральной прессы“ и за то особенно не любимаго раскольниками. Ту же цѣль и такую же точно ложь еще легче обнаружить въ рекламѣ Большакова такъ обязательно напечатанной *Русскими Вѣдомостями*. Онъ самъ съ гостинодворскою предупредительностью приглашаетъ каждаго приобрести за объявленную цѣну непререкаемаго общителя этой его ажи, самую книгу г. Верховскаго. Кто

пріобрѣтеть ее и прочесть, тотъ дѣйствительно только подивиться наглости рекламы...

Мы со вниманіемъ прочли напечатанную въ книгѣ г. Верховскаго статью о Бѣлокривицкой іерархіи и намѣрены познакомить читателей съ дѣйствительными качествами этой восхваляемой книгопродавцемъ-раскольникомъ статьи. Къ этому впрочемъ побуждаетъ насъ вовсе не реклама г. Большакова; статья заслуживаетъ вниманія потому что явилась въ первомъ пробномъ выпускѣ предпріятого г. Верховскимъ обширнаго, многотомнаго и по своей задачѣ весьма важнаго учено-литературнаго изданія.

Г. Верховскій рѣшился издавать *Словарь церковно-историческій*: предпріятіе, какъ понятно само собою, сколько полезное и нужное столько же и трудное. Сознывая это, издатель говоритъ: „Не обѣщаемъ чтобы предпринимаемое изданіе было совершеннымъ по своей полнотѣ или изложенію. Составляя первый опытъ въ этомъ родѣ, оно конечно должно имѣть свои недостатки.“ А къ напечатанному первому тому или, какъ онъ выражается, „начальнымъ, примѣрнымъ листамъ“ *Словаря* „заранѣе просить снисхожденія публики“, прибавляя что „никто болѣе его самого не можетъ сознать недостатковъ, погрѣшностей и малозначительности въ ученомъ отношеніи представляемыхъ образцовъ“.

Сознаніе недостатковъ своего труда есть конечно похвальное дѣло со стороны автора; когда у публики заранѣе просить снисхожденія къ этимъ недостаткамъ, ставится неловко судить о нихъ съ надлежащею строгостью. Не если авторъ открыто заявляетъ что даже „никто лучше его не можетъ сознать недостатки, погрѣшности и малозначительность въ ученомъ отношеніи“ его труда, то позволительно спросить, зачѣмъ же онъ не исправилъ эти недостатки и особенно погрѣшности, зачѣмъ предлагаетъ читателямъ трудъ который самъ же признаетъ малозначительнымъ въ ученомъ отношеніи? Какъ не понималъ онъ что предлагая публикѣ *такой* трудъ въ видѣ „примѣрныхъ листовъ“, въ видѣ образца, онъ внушаетъ мало довѣрія къ дальнѣйшимъ выпускамъ своего изданія? Не касаясь другихъ статей напечатанныхъ въ первомъ „примѣрномъ“ выпускѣ *Церковно-историческаго Словаря*, нельзя не сказать что по крайней мѣрѣ статья о Бѣлокривицкой іерархіи представляетъ и въ самомъ дѣлѣ такіе

недостатки и погрѣшности, такъ малозначительна въ ученomъ отношеніи что ея помѣщеніе въ книгѣ можно объяснить только именно излишнею разчетливостію издателя на „снисхожденіе лублики“.

Никто не въ правѣ требовать чтобы статьи назначаемыя для подобныхъ изданій какъ *Церковно-историческій Словарь* представляли каждая въ отдѣльности самостоятельное по первоначальнымъ источникамъ сдѣланное изслѣдованіе данныхъ вопросовъ. Задача издателей и составителей такого рода статей гораздо проще: отъ нихъ требуется только чтобы они изложили въ полномъ, но сжатомъ очеркѣ все что уже добыто научными изслѣдованіями самаго достовѣрнаго по тѣмъ вопросамъ о которыхъ читатель будетъ искать и имѣть право искать свѣдѣній въ словарномъ изданіи. Они должны поэтому тщательно изучить литературу каждаго вопроса и съ должною критикою выбрать то что есть въ ней лучшаго, наиболѣе основательнаго, сдѣлать точное, послѣдовательное и ясное изложеніе сущности дѣла. Каждая статья въ *Словарѣ* можетъ быть не больше какъ компиляціей, но компиляціей вполнѣ отвѣчающею научнымъ требованіямъ относительно даннаго предмета, сдѣланною съ совершеннымъ знаніемъ дѣла, тщательно и насколько возможно талантливо. Г. Верховскій несомнѣнно сознаетъ свое право давать читателямъ *Словаря* не болѣе какъ компиляціи; но, кажется, онъ недостаточно понимаетъ свои обязанности относительно внутреннихъ и внѣшнихъ качествъ такихъ компиляцій. По крайней мѣрѣ, статья объ Австрійско-Бѣлокриницкой іерархіи представляетъ компиляцію лишенаую всякой критики, составленную до крайности небрежно, спитую бѣлыми нитками изъ отдѣльныхъ мѣстъ, буквально взятыхъ имъ изъ книгъ бывшихъ у него лодъ руками.

Не будемъ говорить о небрежности обнаруженной издателемъ *Церковно-Историческаго Словаря* въ мелочахъ, хотя и такая небрежность въ справочной книгѣ гораздо непростительнѣе чѣмъ во всякой другой, какъ на примѣръ о томъ что извѣстный цюкъ Павелъ, въ мірѣ Петръ Васильевъ *Великодворскій*, называется у г. Верховскаго (стр. 28) Петромъ Васильевымъ *Гостинодворскимъ* (и это не разъ), также извѣстный Антоній 2й, еписколъ противуокружниковъ, въ мірѣ Аванасій *Климовъ*, называется Аванасіемъ *Кирилловымъ*

(стр. 41), извѣстный фанатикъ раскола Проколь Лаврентьевъ *Баужановъ—Баужановичъ* (стр. 43), а Гуслицы, составляющія, какъ извѣстно, дѣлю палестину густо заселенную раскольниками, называются *Посадъ-Гуслицы* (стр. 40), даже императоръ Иосифъ II называется (и не разъ) *королемъ* Иосифомъ (стр. 29) и т. п. Укажемъ только на самые главные недостатки—на совершенное отсутствіе критики и крайнюю небрежность (если тутъ одна только небрежность) въ изложеніи самой сущности дѣла.

Для первой, менѣе значительной по объему (стр. 27--33) половины статьи, г. Верховскому, какъ самъ онъ говоритъ, пособіемъ служила „книга Н. Субботина: *Происхожденіе такъ-называемой австрійской или Бѣлокриницкой іерархіи*“.

Книга эта составлена по источникамъ заимствованнымъ главнымъ образомъ изъ Бѣлокриницкаго архива, въ которомъ находятся большею частію подлинныя документы по дѣлу объ учрежденіи іерархіи. Къ этимъ документамъ и другимъ источникамъ, бывшимъ въ его распоряженіи, авторъ относился со строгою критикою и свои критическія о нихъ замѣчанія даже излагаетъ большею частію въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, объясняя такимъ образомъ, почему одни источники предпочелъ другимъ. Поэтому г. Верховскій могъ съ довѣріемъ отнестись къ помянутому сочиненію и не подвергать его новой критической провѣркѣ со своей стороны, какъ онъ дѣйствительно и сдѣлалъ. Ему оставалось только изложить существеннѣйшее содержаніе книги, передать читателямъ въ связномъ разказѣ важнѣйшіе, наиболее крупныя изъ подробно изложенныхъ въ ней фактовъ, представить ходъ дѣла объ учрежденіи нынѣшней раскольнической іерархіи въ главныхъ его моментахъ, съ указаніемъ наиболее характеризующихъ его чертъ. И г. Верховскій дѣйствительно изложилъ на пятнадцати столбцахъ содержаніе довольно объемистаго сочиненія, но какъ изложилъ? Онъ не позаботился, или не сумѣлъ, не только отдѣлать важнѣйшее и существенное отъ подробностей второстепеннаго значенія, но и передать въ неискаженномъ видѣ то что бралъ изъ книги; онъ выдергивалъ изъ нея случайно попавшіе на глаза клочки и связавъ ихъ кое-какъ предложилъ читателямъ въ видѣ исторіи учрежденія Бѣлокриницкой іерархіи. Надлежащаго понятія о дѣлѣ изъ этой исторіи читатель не получитъ, обильныхъ же обстоятельствъ получить даже неправильное

понятіе и, въ довершеніе всего, нѣкоторыя мѣсты въ разказахъ Верховскаго вовсе не пойметъ. Изъ числа такихъ стоить указать, какъ на особенно характеризующія небрежность автора, на тѣ, напримѣръ, гдѣ онъ представляетъ читателей уже знающими то о чемъ долженъ былъ сказать имъ прежде и о чемъ однакоже забылъ сказать. Такъ, изъ книги служившей ему источникомъ г. Верховскій приводитъ въ сокращенномъ и нѣсколько искаженномъ видѣ слѣдующія слова: „Первая неудача не охладила въ Павлѣ увѣренности въ томъ что онъ *наводится подѣ особымъ покровительствомъ Св. Николая*“ (стр. 28). Эта фраза должна остаться совершенно непонятною для читателей, такъ какъ выше авторъ совсѣмъ не упоминалъ объ увѣренности Павла въ особомъ надѣ имъ покровительствѣ святителя Николая (о чемъ не стоило и упоминавать въ сжатомъ изложеніи исторіи). Вслѣдъ затѣмъ говорится: „*Вторично снабженный* Грозовымъ деньгами Павелъ отправился къ Геронтію *въ Серковскій монастырь*“. Но читатель ничего не знаетъ о *первомъ снабженіи*, потому что выше авторъ не упоминалъ и объ этомъ, равно какъ не можетъ понять затѣмъ Павлу нужно было ѣхать къ Геронтію именно въ Серковскій монастырь, такъ какъ объ отношеніяхъ Геронтія къ этому монастырю опять не упомянуто ни слова. Еще „третьимъ кандидатомъ на епископство былъ дячекъ (?) Кипріанъ Тимошеевъ... жребій выпалъ на Кипріана... посвященіе *Кирилла* въ епископа происходило“... (стр. 33). Для читателя остается непонятнымъ, о какомъ Кириллѣ идетъ тутъ рѣчь, такъ какъ авторъ не догадался упомянуть что Кипріанъ Тимошеевъ былъ постриженъ въ монахи и названъ Кирилломъ. Нѣсколько выше читаемъ: „Орудіемъ исполненія своихъ замысловъ относительно Амвросія Павелъ порѣшилъ избрать его единственнымъ и горячо любимого имъ сына. Пригласивъ къ себѣ *Георгія*, Павелъ и Алимпій начали бесѣду съ нимъ“ (стр. 32). Можетъ быть читатель догадается что упомянутый здѣсь Георгій и есть именно сынъ Амвросія; но автору слѣдовало не вынуждать читателя къ догадкамъ, а сказать прямо что у Амвросія былъ сынъ Георгій, котораго Павелъ и Алимпій избрали орудіемъ для осуществленія своихъ замысловъ относительно Амвросія.

Не будемъ однако останавливаться на мелочахъ; скажемъ только о болѣе важномъ, приведемъ нѣкоторые изъ весьма

многихъ примѣровъ того залутаннаго, не точнаго, невѣрнаго, даже извращеннаго изложенія событій, которое лишаетъ читателя возможности составить себѣ надлежащее и даже какое бы то ни было понятіе о дѣлѣ.

Въ самомъ началѣ статьи кратко излагается первоначальная исторія Бѣлокриницкаго монастыря. Упомянувъ о томъ что переселившіеся въ Буковину раскольники тайно, вопреки рѣшенію правительства, построили въ лѣсу, въ вѣкоторомъ отдаленіи отъ селенія Бѣлой Криницы, монастырь, авторъ продолжаетъ: „черезъ пять лѣтъ существованіе монастыря было открыто, и правительство постановило чтобы монастырь(?) былъ перенесенъ въ селеніе, а монахамъ приказано было построить избы, платить подати и работать на ряду съ другими. Такимъ образомъ монастырь былъ официально уничтоженъ. Однако и здѣсь раскольники умѣли *обойти законъ*. Ихъ предводитель Иларіонъ Петровичъ *выстроилъ монастырь на своей землѣ и при немъ (?) дома для монаховъ*. Такимъ образомъ законъ былъ *исполненъ* и монастырь продолжалъ существовать“ (стр. 25). Какой монастырь выстроилъ Иларіонъ и на какой своей землѣ? Потомъ, какъ отсюда вышло что законъ былъ и обойденъ и вмѣстѣ исполненъ? Все это непонятно, а непонятно потому что дѣло излагается не точно и не вѣрно. Иларіонъ вовсе не строилъ монастыря съ какими-то домами при немъ; онъ только перенесъ, согласно распоряженію правительства, въ Бѣлую Криницу построенное въ лѣсу единственное монастырское зданіе, въ которомъ жили монахи составлявшіе весь монастырь, и поставилъ его въ саду при своемъ собственномъ домѣ: здѣсь монахи и стали жить по старому на монашескомъ положеніи. Такимъ образомъ, дѣйствительно исполнено было распоряженіе правительства о перенесеніи монастырскаго зданія въ селеніе, но совсѣмъ не было исполнено распоряженіе о томъ чтобы монахи жили своими домами на одинаковыхъ со всѣми прочими бѣлокриницкими лилованами условіяхъ. Упомянувъ далѣе что въ 1830 году монастырь Бѣлокриницкій приведенъ былъ въ вѣкоторое устройство цюками Паусіемъ и Алимпіемъ, авторъ прибавляетъ что оба они „скоро ушли изъ Бѣлой Криницы, *хотя не надолго*“. Это несправедливо. Паусій, въ послѣдствіи извѣстный игуменъ Парсскій, авторъ *Странствія и путешествія*, въ Бѣлую Криницу совсѣмъ не возвращался.

Перехода къ самой сущности дѣла, вотъ какъ излагаетъ г. Верховскій первые хлопоты раскольниковъ объ учрежденіи собственной архіерейской кафедры.

„Въ настоящемъ случаѣ *мѣсто* проявленія этой мысли (о самостоятельной іерархіи) сдѣлался *сначала* Иргизъ, *потомъ* Москва, *затѣмъ* большая часть поповщины. Было рѣшено возобновить попытки сношенія (?) съ Русскимъ правительствомъ. Первоначально приведеніе этой мысли въ дѣйствіе, *не смотря на энергическое содѣйствіе* петербургскаго купца Сергія Громова, имѣвшаго большія связи съ правительственными лицами, не имѣло успѣха. Съ появленіемъ шюка Павла, въ мирѣ Петра Васильевича Гостинодворскаго (sic), дѣло поповцевъ начало значительно идти впередъ... По поводу отысканія клада ему пришлось быть въ Петербургѣ и познакомиться съ Громовымъ, который *поручилъ ему отысканіе епископа для раскольниковъ*. Побывавъ въ Петербургѣ, Петръ Васильевъ отправился въ Стародубье и поселился въ Лаврентьевскомъ монастырѣ... *На пути*, въ одномъ изъ Стародубскихъ монастырей онъ принялъ инокство съ именемъ Павла. *Отсюда* новолоставленный (?) инокъ Павелъ и его другъ, тоже инокъ, Геронтій, *скоро* добрались до Кутаиса. Но здѣсь они были взяты полиціей и отправлены въ Тифлисъ, а оттуда Геронтія препроводили на мѣсто его жительства въ Бессарабію, а Павла въ Новгородскую губернію“ (стр. 28).

Здѣсь можно сказать что ни строчка, то или невѣрность, или неточность; а въ дѣломъ весь разказъ такъ безсвязенъ и запутанъ что читатель, особенно же незнакомый съ обстоятельствами о которыхъ идетъ рѣчь, не въ состояніи и думать о чемъ собственно повѣствуетъ ему авторъ. Разберемъ этотъ коротенькій отрывокъ, который можетъ дать понятіе какъ вообще пользовался авторъ своимъ источникомъ.

Начнемъ съ первой фразы гдѣ „*мѣсто* проявленія мысли“ о самостоятельной раскольнической іерархіи, на ряду съ Иргизомъ и Москвою, куріозно поставляется „большая часть поповщины“ (такого мѣста не укажетъ ни одна географія). Дѣло впрочемъ не въ этомъ куріозѣ, а въ томъ что авторъ несправедливо утверждаетъ, и притомъ съ полною рѣшительностью, что такимъ мѣстомъ были *сначала* Иргизъ, *потомъ* Москва, *затѣмъ* большая часть поповщины. Такой постепенности и послѣдовательности въ распространеніи мысли объ учрежденіи старообрядческой архіерейской кафедры на

самомъ дѣлѣ не было, по крайней мѣрѣ доказать этого нельзя. Авторъ очевидно не позволялъ того что говорится въ книгѣ, которую пользовался.

„Было рѣшено возобновить попытки сношенія съ Русскимъ правительствомъ.“ Кѣмъ и гдѣ было рѣшено? спросить читатель, въ Москвѣ, на Иргизѣ, или въ „большей части попощивы“? И какія это „попытки сношенія съ Русскимъ правительствомъ“ рѣшено возобновить? Если, какъ надобно полагать по связи, разумѣются здѣсь попытки испросить разрѣшеніе у Русскаго правительства на учрежденіе раскольниковъской архіерейской кафедры, то раскольники никогда рѣшительно такихъ попытокъ не дѣлали и значить не могли постановлять рѣшенія о „возобновленіи“ оныхъ. Правда, въ царствованіе Екатерины II хлопоталъ предъ правительствомъ объ учрежденіи единовѣрія съ еписколомъ во главѣ извѣстный инокъ Никодимъ Стародубскій; но попытка Никодима не можетъ имѣть ничего общаго съ предполагаемыми авторомъ попытками раскольниковъ. Г. Верховскій взялъ эту фразу о „возобновленіи попытокъ“, хотя и не въ точномъ ея видѣ, изъ сочиненія которымъ пользовался (стр. 57), не позволявъ какъ слѣдуетъ о чемъ идетъ тамъ рѣчь. Тамъ говорится о состоявшемся въ 1832 году на Рогожскомъ собраніи старообрядцевъ рѣшеніи возобновить не разъ употреблявшіяся дѣйствительно попытки ходатайствовать предъ Русскимъ правительствомъ о дозволеніи раскольниковъ имѣть попрежнему бѣглыхъ половъ, о чемъ нашъ авторъ нигдѣ рѣшительно не упоминаетъ.

„Первоначально приведеніе этой мысли въ дѣйствіе, не смотря на энергическое содѣйствіе петербургскаго купца Сергѣя Громова, имѣвшаго большія связи съ правительственными лицами, не имѣло успѣха.“ О какой „мысли“ говорится тутъ? Если о мысли возобновить сношенія съ Русскимъ правительствомъ касательно дозволенія раскольниковъ имѣть своего епископа, какъ видно изъ состава рѣчи и изъ уломиванія о связяхъ Громова съ правительственными лицами, то мы уже видѣли что *такой* мысли у раскольниковъ не было и быть не могло. И о Громовѣ авторъ говоритъ неправду. Онъ съ участіемъ принималъ тогда мысль объ отысканіи для раскольниковъ архіерея за границей, но вовсе и не думалъ просить на то дозволенія у Русскаго правительства, къ дѣйствительному же осуществленію этой мысли не только не прилагалъ

„энергическаго содѣйствія“ до знакомства съ инокѣмъ Павломъ, но и старался хранить ее въ секретѣ даже отъ самихъ старообрядцевъ.

„Съ появленіемъ инока Павла дѣло половцевъ (какое дѣло?) начало значительно идти впередъ... Ему пришлось быть въ Петербургѣ и познакомиться съ Громовымъ, который и поручилъ ему отысканіе епископа для раскольниковъ“. Читатель въ первый разъ и совершенно неожиданно услышитъ теперь отъ автора объ „отысканіи епископа для раскольниковъ“; изъ предыдущаго разказа ему трудно понять почему и какъ явилось у раскольниковъ это намѣреніе отыскать епископа. Притомъ у автора и здѣсь, по обычаю, оказалась историческая невѣрность. При свиданіи съ Павломъ въ Петербургѣ, Громовъ не только не поручилъ ему отысканіе епископа, но не имѣлъ съ нимъ и рѣчи объ этомъ предметѣ. Для объясненій по сему дѣлу онъ уже въ послѣдствіи приглашалъ его пріѣхать изъ Лаврентьева монастыря въ Петербургъ, и когда Павелъ отказался отъ поѣздки въ Петербургъ нарочно посылалъ къ нему въ Лаврентьевъ довременнаго челоука.

„Побывавъ въ Петербургѣ, Петръ Васильевъ отправился въ Стародубье и поселился въ Лаврентьевомъ монастырѣ“. Опять невѣрно. Изъ Петербурга Павелъ отправился не въ Стародубье. И потомъ, для читателя осталось непонятнымъ зачѣмъ Павелъ поѣхалъ въ Стародубье и поступилъ на жительство въ Лаврентьевъ монастырь. Нужно было объяснить это или совсѣмъ не говорить о поѣздкѣ Павла въ Стародубье.

„На пути, въ одномъ изъ стародубскихъ монастырей онъ принялъ иночество съ именемъ Павла“. Выходитъ что постриженіе Павла совершилось на пути его изъ Петербурга въ Лаврентьевъ монастырь; на самомъ же дѣлѣ было совсѣмъ не такъ. Павелъ не менѣе двухъ лѣтъ прожилъ въ Пафнутьевъ монастырь, здѣсь получилъ и принялъ предложеніе Громова отправиться на Востокъ для отысканія „древле-православныхъ“ епископовъ, здѣсь дождался Геронтія, отсюда вмѣстѣ съ Геронтіемъ лустился въ предложенное Громовымъ странствіе, и вотъ тогда уже, на пути изъ Лаврентьева монастыря въ это далекое странствіе, онъ постригся въ Стародубскомъ Пахоміевомъ монастырѣ.

„Отсюда новопоставленный (?) инокъ Павелъ и его другъ,

тоже инокъ, Геронтій скоро добрались до Кутаиса. Но здѣсь они были взяты полиціей и отправлены въ Тифлисъ“. Если подъ этимъ „отсюда“ разумѣтся тотъ Стародубскій монастырь въ которомъ Павелъ былъ постриженъ, то читатель немольно усомнится въ справедливости извѣстія будто сей новопоставленный инокъ (новопостриженный, а никакъ не „новопоставленный“: поставленіе бываетъ только въ священныя степени), скоро добрался до Кутаиса (въ дѣйствительности, Павелъ и Геронтій ѣхали до Кутаиса болѣе двухъ мѣсяцевъ). И потому у читателя сами собою возникаютъ недоумѣнія: откуда и зачѣмъ явился при Павлѣ другъ его Геронтій? кто такой этотъ Геронтій? куда именно и зачѣмъ поѣхали оба друга? почему имъ нужно было „добираться до Кутаиса“? за чтѣ здѣсь задержала ихъ полиція? Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ авторъ не даетъ ему отвѣта.

Не меньше, если только не больше, замѣчавій подобнаго рода возбуждаетъ и все дальнѣйшее изложеніе исторіи учрежденія Бѣлокриницкой іерархіи, сдѣланное въ *Церковно-Историческомъ Словарѣ* г. Верховскаго. Мы, разумѣется, не будемъ утомлять читателей подробнымъ разборомъ этого изложенія: представленнаго примѣра достаточно чтобы видѣть какъ небрежно или какъ неумѣло исполнилъ авторъ свою, на этотъ разъ весьма нетрудную задачу: изложить существнѣйшее содержаніе книги составившей единственный и вполне достаточный для него источникъ.

Задача автора въ отношеніи ко второй половинѣ статьи была нѣсколько труднѣе. Источникъ которымъ онъ пользовался для изложенія исторіи Бѣлокриницкой іерархіи послѣ Амвросія былъ изъ числа такихъ что требовалось отнестись къ нему съ нѣкоторою критикой. Авторъ изложилъ эту исторію, какъ самъ объявляетъ, по книжкѣ г. Монастырева: *Историческій очеркъ австрійскаго священника послѣ Амвросія* (Казань, 1878). Сочиненіе г. Монастырева есть также компиляція, составленная по статьямъ о новѣйшихъ событіяхъ въ расколѣ, которыя, начиная съ 1863 года, почти непрерывно печатались въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Современной Лѣтописи*, *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и другихъ повременныхъ изданіяхъ подъ разными заглавіями (О современныхъ движеніяхъ въ расколѣ“, „Лѣтопись происходящихъ въ расколѣ событій“, „Расколъ какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій“ и т. п.). Надобно отдать справедливость автору: тщательно собралъ онъ всѣ эти статьи и въ порядкѣ, хотя не всегда

точно, изложилъ почерпнутыя изъ нихъ свѣдѣнія. Но такъ какъ эти статьи все же не представляютъ полной исторіи Бѣлокриницкой іерархіи послѣ Амвросія, то автору приходилось иногда прибѣгать къ другимъ источникамъ, достоверность которыхъ подлежитъ сомнѣнію и которыми однако онъ пользовался съ полною довѣрчивостью. Къ удивленію, онъ даже предпочиталъ иногда пользоваться такими сомнительнаго достоинства источниками, говоря и о событіяхъ подробно излагающихся въ упомянутыхъ статьяхъ и въ другихъ сочиненіяхъ того же автора, составленныхъ по несомнѣннымъ документамъ и разказамъ очевидцевъ, или ближайшихъ участниковъ событій. Оттого встрѣчаются въ книгѣ г. Монастырева промахи очень крупныя и совсѣмъ не извинительныя. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. Говоря о состоявшемся еще при Амвросіи избраніи Кирилла на должность намѣстника, г. Монастыревъ заимствуетъ, и съ полнымъ довѣріемъ, изъ напечатанной въ *Сборникъ* Попова „Повѣсти Платона Аванецковича“ извѣстныя нелицности о Кириллѣ, будто въ началѣ онъ былъ противъ учрежденія іерархіи, былъ даже великимъ ругателемъ Амвросія „изрыгавшимъ на него злыя хулы и проклятія“ и проч. (стр. 7—8), тогда какъ въ „Исторіи Бѣлокриницкой іерархіи“, которою пользовался и которую цитуетъ на тѣхъ же самыхъ страницахъ, могъ найти о Кириллѣ свѣдѣнія вполне достоверныя и даже замѣчаніе противъ этихъ самыхъ нелицностей которыя приводитъ, ссылаясь на *Сборникъ* Попова (стр. 495). О томъ же Кириллѣ онъ говоритъ, неизвѣстно даже на какомъ основаніи, будто „съ перваго раза“ раскольники возлагали на него *слишкомъ много надеждъ* какъ на единственную почти подпору и поддержку юной еще Бѣлокриницкой іерархіи“ (стр. 8). Это неправда, и изъ той же *Исторіи Бѣлокриницкой іерархіи* авторъ могъ видѣть что никакихъ надеждъ на Кирилла раскольники не возлагали, напротивъ и именно въ первое время Павелъ и Геронтій отъсидѣлись къ нему съ пренебреженіемъ, какъ къ человѣку отъ котораго нельзя ожидать ничего добраго для митрополіи. При жизни Павла Кириллъ дѣйствительно не имѣлъ никакого значенія и былъ послушнымъ орудіемъ Павла, который распорядился въ митрополіи всѣми дѣлами: поэтому совсѣмъ напрасно г. Монастыревъ говоритъ далѣе о какихъ-то „своихъ задачахъ“, къ осуществленію которыхъ будто бы

„приступилъ“ Кириллъ (стр. 10). О другомъ намѣстникѣ митрополита, Онуфрїи епископѣ Браиловскомъ, въ книгѣ г. Монастырева говорится: „Онъ предназначался быть чѣмъ-то *ex parte vicaria* Кирилла и имѣлъ отъ лица его завѣдывать дѣлами раскольниковъ отдаленныхъ отъ митрополіи и главнымъ образомъ молдавскихъ, валахскихъ и турецкихъ“ (стр. 11). Слова эти показываютъ совершенное недовѣріе дѣла, и авторъ не сказалъ бы ихъ еслибъ обратилъ вниманіе на то какъ излагаются права и обязанности намѣстника въ „уставахъ Бѣлокриницкаго монастыря“ и другихъ документахъ приведенныхъ въ *Историю Бѣлокриницкой іерархіи*. Онуфрїй, будучи намѣстникомъ, только именовался епископомъ Браиловскимъ (какъ прежде его Кириллъ въ должности намѣстника назывался епископомъ Майвоскимъ), а дѣлами Браиловской епархіи, тѣмъ паче всѣхъ молдавскихъ, валахскихъ и особенно турецкихъ раскольниковъ, у которыхъ были свои архіереи, Славскій и Тульчинскій, вовсе не завѣдывалъ. Нѣвѣрно также говорится въ книгѣ г. Монастырева и о первомъ появленіи въ Россіи архіереевъ австрійскаго поставленія. По его словамъ, русскіе раскольники сами „послѣдствовали зачерпнуть для себя благодати“ изъ Бѣлокриницы, пригласивъ и своего кандидата на архіерейство; а потомъ черезъ нѣсколько строкъ самъ же говоритъ что „первые архіереи появились въ Россіи совершенно случайно, безъ вѣдома русскихъ старообрядцевъ“ (стр. 28—29). На самомъ же дѣлѣ о поставленіи епископа для русскихъ старообрядцевъ всего больше хлопотали не въ Россіи, а въ Бѣлой Криницѣ, особенно Павелъ и Онуфрїй, тогда крайне раздраженные противъ Русскаго правительства за удаленіе Амвросія и за другія причисленныя до его настоянію неприятели новоучрежденной митрополіи: имъ хотѣлось скорѣйшимъ назначеніемъ епископа для Россіи не только услужить своимъ русскимъ одновѣрцамъ, ради которыхъ и учреждена была митрополія, но и Русскому правительству въ отмщеніе со своей стороны причинить большую неприятность. Поэтому-то они послѣдствовали поставить на епископство въ Россію первого встрѣтившагося кандидата, не позаботившись даже узнать его какъ слѣдуетъ и не наведя о немъ надлежащихъ справокъ, на что въ послѣдствіи пришлось имъ горько сътовать. Объ этомъ первомъ на Руси раскольническомъ епископѣ австрійскаго поставленія, извѣстномъ Софроніи

говорится въ книгѣ Монастырева что „вернувшись (?) въ Россію 19 іюля 1850, на Рогожскомъ кладбищѣ онъ совершилъ первую архіерейскую обѣдню“ (стр. 30). Сколько намъ извѣстно, ни одинъ раскольнической епископъ не служивалъ обѣдней на Рогожскомъ кладбищѣ. Извѣстіе объ этомъ авторъ заимствовалъ изъ источника весьма сомнительнаго. О томъ же Софроніи говорится дальше: „въ 1852 ему *предписано* удалиться въ Симбирскъ, а для русскихъ раскольниковъ *рѣшено* было поставить другаго епископа“ (стр. 30). Гдѣ и какъ предписано и рѣшено? Ниже авторъ упоминаетъ мимоходомъ что „постановленіе Софроніи удалить въ Симбирскъ, а на мѣсто (?) его поставить другаго епископа (куда?) *составлено въ Москвѣ*“ (стр. 32). Очевидно онъ совѣтъ не знаетъ дѣла о Софроніи: дѣло это, довольно сложное и замѣчательное по своимъ подробностямъ, производилось, какъ и слѣдовало, въ Бѣлой Кривицѣ, а не въ Москвѣ. Оно сохранилось въ Бѣлокривицкомъ архивѣ и составляетъ цѣлую тетрадь, собственноручно писанную Павломъ, который именно и производилъ это дѣло отъ имени Кирилла. Въ Москвѣ же некому было и судить Софроніи, такъ какъ тамъ кромѣ поставленныхъ самимъ Софроніемъ поповъ, никакого духовенства австрійскаго поставленія еще не имѣлось. О соперникѣ Софроніи, новомъ епископѣ присланномъ изъ Бѣлой Кривицы въ Россію, еще болѣе извѣстномъ Антоніи Шутовѣ, сообщаются также несправедливые разказы. Говорится, напри- мѣръ, что „въ 1848 году онъ *высланъ* былъ съ Преображенскаго кладбища по подозрѣнію въ растратѣ общественныхъ денегъ и въ обидѣ одной дѣвицы“; послѣ этого „удалился въ прусскіе скиты (?) и затѣмъ *скоро проникъ* въ Бѣлую Кривицу“, куда *явился въ качествѣ искателя епископскаго званія*“ (31). На памяти Антоніи лежитъ много черныхъ пятенъ; скрывать ихъ, разумѣется, не слѣдуетъ, но и справедливость и достоинство православнаго писателя требуютъ особенной осторожности чтобы не сказать при этомъ чего-нибудь несправедливаго и тѣмъ не подать повода раскольникахъ упрекать насъ въ намѣренной клеветѣ на ихъ, такъ-называемыхъ, архипастырей. Въ приведенныхъ словахъ объ Антоніи г. Монастыревѣ именно не соблюлъ этого весьма важнаго требованія: тутъ много неточнаго и невѣрнаго. Антоніи не *высылали* съ Преображенскаго кладбища, особенно по подозрѣнію въ обидѣ какой-то дѣвицы; но самъ онъ на нѣкоторое

время уходилъ дѣйствительно съ Преображенскаго, причемъ открылись обстоятельства бросающія тѣнь на него. Въ прусскую кировію, устройствомъ которой занимался тогда папскій Павелъ, извѣстный въ послѣдствіи подъ именемъ Прусскаго, Антоній ушелъ по своей доброй волѣ и съ согласія настоятеля Преображенскаго кладбища Семена Кузмина. Было это не въ 1840 году, а въ 1851. Въ Бѣлую Кривицу или точнѣе въ Климоуды онъ пріѣхалъ совсѣмъ не „въ качествѣ искателя епископскаго званія“. Въ Климоуды, въ тамошнюю безлоповскую общину, онъ удался изъ Пруссіи по особымъ обстоятельствамъ, о которыхъ нѣтъ надобности здѣсь разказывать. Тогда завели съ нимъ знакомство бѣлокривцкіе дѣятели, Павелъ и Ануфрій: они-то и переманили Антонія въ половство обѣщаніемъ архіерейства, о которомъ дотолѣ самъ онъ, истый безлоповецъ, никогда не помышлялъ. Даже о событіяхъ позднѣйшаго времени, изложенныхъ во упомянутымъ выше статьямъ, г. Монастыревъ пишетъ не всегда вѣрно. Таково, напримѣръ, его объясненіе происхожденія окружнаго посланія. Онъ говоритъ что съ распространеніемъ австрійской іерархіи „стали выдвигаться изъ безлоповскаго лагеря не только частныя (?) возраженія противъ законности австрійскаго священства, но и цѣлыя лжесоставныя тетради, какъ напримѣръ, Апокалипсисъ седмитолковой и др.“ (стр. 88). Читатель можетъ подумать что „Апокалипсисъ“ этотъ и другія, исчисленные въ окружномъ посланіи тетрадки теперь именно и явились на свѣтъ ради опроверженія законности австрійскаго священства, тогда какъ эти безлоповскія сочиненія существовали уже давнымъ-давно. Впрочемъ, далѣе самъ авторъ говоритъ что тетрадки безлоповскія „издавна ходили по рукамъ старообрядцевъ, но до поры до времени лоповцы не придавали имъ особеннаго значенія“; а теперь будто бы придали такое значеніе и признали нужнымъ защитить противъ нихъ австрійское священство, каковой нужды и „взялся удовлетворить, по порученію духовнаго совѣта, Иларіонъ Егоровъ изъ Стародубья составленіемъ окружнаго посланія“ (стр. 89). Выходитъ такимъ образомъ что въ обществѣ лоповцевъ, принявшихъ австрійское священство, чувствовалась потребность такого сочиненія какъ окружное посланіе и сочинитель оного удовлетворилъ только этой потребности. Въ дѣйствительности было совсѣмъ не такъ. Инициатива окружнаго посланія принадлежитъ исклю-

чительно Иларіону Егорову и у него уже было готово посланіе когда онъ хлопоталъ предъ старообрядческими властями объ его издавіи, предлагая всевозможныя убѣжденія и просьбы. А какъ мало въ самомъ обществѣ половцевъ ощущалась потребность сочиненія подобнаго окружному посланію, видно изъ того уже что своимъ появленіемъ оно вызвало въ этомъ обществѣ дѣлую бурю, сдѣлалось причиной нескончаемыхъ раздоровъ. И дѣлю посланія было вовсе не огражденіе бѣлокриницкаго священства отъ безполовскихъ нападеній, производимыхъ посредствомъ „богомерзкихъ тетрадокъ“, а вразумленіе самихъ половцевъ принявшихъ это священство и вѣрныхъ ему, чтобъ они бросили почерпнутыя изъ безполовскихъ тетрадокъ хульныя безполовскія мнѣнія о имени *Иисусъ*, о крестѣ четырехконечномъ и другія. *

Изъ представленныхъ заключеній не трудно видѣть что книгой г. Момастырева надобно пользоваться осторожно, съ надлежащею критикою. А между тѣмъ редакторъ *Церковно-Историческаго Словаря* отнесся къ ней съ полнымъ довѣріемъ,

* Ошибки и невѣрности содержащіяся въ книгѣ г. Момастырева, къ удивленію, внесъ въ свою первую публичную лекцію „о старообрядческомъ поповствѣ“ (Казань, 1882) г. Ивановскій, составившій и всю эту лекцію главнымъ образомъ по книгѣ Момастырева. Нѣкоторыя невѣрности онъ повторяетъ даже гораздо рѣзче. Напримеръ объ Антоніи г. Ивановскій повѣствуетъ: „Въ 1848 году Шутовъ былъ заложивъ въ кражѣ общественныхъ денегъ и поэтому онъ оставилъ Москву и *бѣжалъ въ прусскіе безпоповщинскіе скиты*. Но туда уже дошла вѣсть о его поступкѣ и онъ принятъ не былъ (?). Возвратившись въ Москву Андрей Ларіоновичъ познакомился съ нѣкимъ Пуговкинымъ. *Этотъ Пуговкинъ и указалъ Шутову лучший въ его положеніи (?) исходъ—отправиться въ Бѣлую Крилицу за полученіемъ священства. Совѣтъ пришелся по сердцу, и Андрей Ларіоновичъ отправился въ Бѣлую Крилицу“* (стр. 7—8). Все это раскольники по справедливости могутъ назвать клеветой на Антонія. Есть у г. Ивановскаго промахи какихъ не встрѣчаемъ и въ книгѣ Момастырева. Такъ онъ приводитъ изъ статьи *Присоединеніе* раскольническихъ епископовъ слѣдующій отзывъ одного изъ нихъ объ окружномъ посланіи: „окружное посланіе—это бритва, которая разрѣзала двухвѣковой смердащій струлъ“, но приводитъ въ слѣдующемъ видѣ: „окружное посланіе—это бритва, которая разрѣзала двухвѣковой смердащій *трунъ*“. И здѣсь не опечатка. О „бритвѣ разрѣзавшей *трунъ*“. г. Ивановскій упоминаетъ дважды (стр. 38 и 71).

и черпалъ изъ нея, выписывая иногда страницами все что казалось ему нужнымъ. Поэтому, къ обычнымъ недостаткамъ его статьи, о которыхъ говорилось выше, прибавились еще во второй ея половинѣ историческія невѣрности зависѣвшія отъ излишняго довѣрія къ источнику которымъ исключительно пользовался авторъ. Въ одномъ мѣстѣ г. Верховскій вздумалъ впрочемъ исправить предположенную имъ ошибку г. Монастырева и совершенно невпопадъ. Рѣчь идетъ о поставленіи архіерея для турецкихъ раскольниковъ. Въ книгѣ г. Монастырева повѣствуется объ этомъ уже послѣ разказа объ удаленіи Амвросія изъ Бѣлой Кривицы и вступленіи Кирилла на митрополичью кафедру, а между тѣмъ говорится что архіерея для турецкихъ раскольниковъ изъ присланныхъ имъ кандидатовъ поставилъ Амвросій, какъ и было на самомъ дѣлѣ, а не Кириллъ, какъ бы слѣдовало сказать по мнѣнію г. Верховскаго,—и вотъ онъ исправляетъ мнимую ошибку своего руководителя: „представлены были *Кириллу* два кандидата... перваго *Кирилъ* отказался посвятить... втораго же посвятилъ“ (стр. 34). Встрѣчаются и такіе примѣры что ошибку руководителя г. Верховскій увеличиваетъ новыми, собственнаго сочиненія. Такъ о мнимомъ избраніи самими русскими раскольниками перваго кандидата на архіерейство онъ повѣствуетъ такъ: „нѣкоторые старообрядцы избрали своего кандидата и послали его въ *Москву*, но этотъ кандидатъ оказался негоднымъ“ (стр. 35). О посылкѣ избраннаго кандидата, конечно, для поставленія въ архіереи, да еще въ *Москву*, гдѣ и поставить его было некому, г. Монастыревъ, какъ мы видѣли, совсѣмъ не говоритъ, а только уломинаетъ о назначеніи кандидата.

И такую-то статью „объ австрійской іерархіи“ рекомендуютъ раскольники особому вниманію читателей, какъ отличающуюся будто бы безпристрастіемъ и добросовѣстностію, а самъ авторъ предлагаетъ въ видѣ образца ученыхъ статей имѣющихъ явиться въ *Церковно-Историческомъ Словарѣ*...

Н. С.

III.

Древнѣйшія русскія монеты Великаго Княжества Кіевскаго.

Нумизматическій опытъ графа И. И. Толстаго. С.-Петербургъ, 1882 года.

Изданный въ текущемъ году въ 230 экземплярахъ въ объемистомъ томѣ въ 272 страницы *in folio*, съ 19 таблицами рисунковъ, этюдъ графа И. И. Толстаго о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ Великаго Княжества Кіевскаго представляетъ очень интересное явленіе въ области археологическихъ изслѣдованій нашего прошлаго. Приятно отмѣтить что этотъ опытъ, въ ряду все чаще появляющихся изданій подобнаго рода, свидѣтельствуетъ что отечественныя древности все болѣе и болѣе привлекаютъ къ себѣ вниманіе нашихъ ученыхъ даже изъ круга молодыхъ, которые еще такъ недавно интересовались въ нашей исторіи только тѣмъ что имѣетъ связь съ преходящею политическою злобой дня.

Разсматриваемое сочиненіе представляетъ описаніе и изслѣдованіе монетъ Владиміра Святаго, Святополка I и Ярослава Мудраго.

Авторъ изслѣдованія вмѣстѣ со своимъ братомъ пріобрѣлъ въ 1877 году, въ числѣ монетъ нумизматической коллекціи М. В. Юзюфовича, нѣсколько десятковъ монетъ изъ вырытаго въ 1852 году близъ Пѣжина драгоценнаго въ археологическомъ отношеніи клада, значительная часть коего перешла въ собственность университета Св. Владиміра и была описана г. Волошинскимъ. Желая подѣлиться съ учеными свидѣніями о части пріобрѣтеннаго богатства, авторъ свои монеты сравнилъ съ современными имъ нумизматическими памятниками кои хранятся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, Академіи Наукъ, Румянцовскомъ Музеѣ и другихъ древохранилищахъ и такимъ образомъ пришелъ къ мысли издать свое сочиненіе по вышеназванному предмету.

„Еще не такъ давно, говоритъ изслѣдователь, безаллеяціонно рѣшали что Русь до-монгольскаго періода собственныя денегъ не имѣла и довольствовалась деньгами сосѣднихъ странъ; собственно же русскими денежными знаками были доскутья шкуръ и кожи. Только въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, сперва не очень увѣренно, но чѣмъ дальше тѣмъ

согласіе стали доказывать что и на Руси были чеканенные денежные знаки, но до сихъ поръ никто еще не рѣшился утверждать чтобы Русь того времени относительно денежнаго дѣла могла находиться въ одинаковомъ положеніи со своими сосѣдами.“

Между тѣмъ русскія монеты до-монгольскаго періода были извѣстны уже съ начала нынѣшняго столѣтія; надписи на этихъ монетахъ русскія, ясныя, съ именами первыхъ князей, Владиміра и Ярослава. Но найдено ихъ, или по крайней мѣрѣ опубликовано было мало; ученые не хотѣли отказаться отъ предвзятой мысли; которые сами не имѣли монетъ въ рукахъ, тѣ или сомнѣвались въ ихъ подлинности, или даже не вѣрили въ ихъ существованіе; тѣ же которые имѣли возможность близко ознакомиться съ ними, будучи въ меньшинствѣ, должны были дѣлать уступки большинству: одни, отказываясь признавать ихъ русскими, считали греческими, болгарскими и сербскими, другіе, рѣшаясь считать ихъ русскими, соглашались что это вѣроятно не денежные знаки, а родъ медалей или печатей и т. п. Но вотъ въ 1852 году сдѣлана была близъ Нѣжина крупная находка—цѣлый кладъ такихъ монетъ, и теорія существованія русскихъ монетъ въ до-монгольскій періодъ получила болѣе твердое основаніе. Съ тѣхъ поръ находки подобныхъ монетъ учащались; все указывало на ихъ русское происхожденіе (самыя надписи: *Владиміръ на столѣ, а се его злато; сребро Ярослава* и проч.). Между тѣмъ такова сила предвзятыхъ теорій: до сихъ поръ не мало знатоковъ ослабляющихъ существованіе чеканныхъ знаковъ на Руси до-монгольскаго періода.

Въ своемъ изслѣдованіи авторъ съ полною добросовѣстностью привелъ мнѣнія ученыхъ и знатоковъ нашей нумизматики относительно монетъ кievскаго періода Руси, начиная со статьи Фелькнера напечатанной еще въ 1797 году, въ коей говорится о Ярославемъ сребрѣ графа Мусина-Пушкина, и до знаменитыхъ изслѣдованій по этой части академика Буника и сужденій графа С. Г. Строганова включительно.

Въ ряду доказательствъ русскаго происхожденія нашихъ монетъ на первомъ планѣ, говоритъ авторъ изслѣдованія, стоитъ замѣчательное совпаденіе дознаннаго времени чеканки ихъ и времени княженія на Руси тѣхъ государей имена которыхъ находятся на монетахъ.

Извѣстно что въ нумизматикѣ выработался испытанный способъ съ точностью опредѣлять время заковки кладовъ по имѣющимся въ нихъ монетамъ. Объ этомъ времени судятъ по самымъ позднимъ монетамъ въ кладѣ. Поэтому монеты кнѣжвскаго клада относятся къ концу X, или началу XI вѣка. Такимъ образомъ, мы имѣемъ монеты какого-то Владиміра княжившаго въ концѣ X или началѣ XI вѣка, и какого-то Ярослава княжившаго въ XI вѣкѣ. Если заглянемъ въ исторію, то найдемъ что другаго Ярослава въ XI вѣкѣ нигдѣ не было, кромѣ великаго князя Кіевскаго Ярослава Владиміровича, а въ началѣ XI вѣка хотя и былъ другой Владиміръ кромѣ Кіевскаго, именно Сербскій († въ 1016 году), но по самому сходству найденныхъ монетъ съ именованъ Владиміра (полное изображеніе Спасителя на оборотной сторонѣ и характерная надпись: *a se ego* (Владиміра) *сребро*) слѣдуетъ заключить что онѣ принадлежатъ русскимъ государямъ. Всѣ онѣ найдены или въ предѣлахъ Россіи или въ странахъ смежныхъ съ нею. Находящіяся на монетахъ (разныхъ коллекцій) имена; Владиміръ, Святополкъ, Ярославъ, Юрій (Георгій) вполне соответствують именамъ кіевскихъ государей XI столѣтія; рядомъ съ именованъ Владиміра находимъ и христіанское имя этого князя—Василій, и на монетахъ Ярослава изображеніе его ангела—Св. Георгія. Это сочетаніе имеемъ вполне соответствующее извѣстіямъ нашихъ лѣтописцевъ.

Кромѣ совершенно обособленнаго характера разсматриваемыхъ монетъ, свойственныя имъ одиѣмъ надписи, говоритъ авторъ, рѣзко отацаютъ ихъ отъ монетъ всѣхъ другихъ народовъ: *Владиміръ, Святополкъ на столѣ, а се ego сребро; Ярославе сребро* и проч. Выраженіе *a se* чисто народное, разговорное, съ прибавленіемъ названія монеты встрѣчается въ надписи псковской дѣмги XV столѣтія, на которой читаемъ: *се денга псковская*, вмѣсто обыкновенной надписи: *денга псковская*.

Кромѣ надписей характеристична неразгаданная еще фигура неизмѣнно изображенная на всѣхъ разбираемыхъ монетахъ, вѣроятно хоругвь или знамя въ родѣ герба княжескаго. Мы видимъ возобновленіе этой фигуры на монетахъ Кіевскаго князя XIV столѣтія Владиміра Ольгердовича.

Что разбираемые чеканенные знаки были дѣйствительно ходячею монетой, доказательствомъ тому служатъ слѣдующія соображенія. Медали чеканились въ ограниченномъ числѣ экземпля-

ровъ. Нашихъ же монеть, говоритъ графъ И. И. Толстой, найдено свыше двухсотъ и большая часть ихъ—изъ одного вѣнчавскаго клада. Стертость монеть указываетъ на то что онѣ много ходили по рукамъ прежде чѣмъ попали въ землю.

Наиболѣе интересны для занимающихся нашими древностями слѣдующіе отдѣлы разбираемой книги: 1) описаніе золотыхъ и серебряныхъ монеть ломанутыхъ трехъ князей; 2) литература мѣвній о нашихъ древнихъ монетахъ и доказательства въ пользу русскаго ихъ происхожденія; 3) классификація нашихъ монеть; 4) таблицы гелиогативныхъ снимковъ со множества экземпляровъ монеть нашихъ лучшихъ нумизматическихъ коллекцій.

Изданіе графа И. И. Толстаго можно назвать роскошнымъ по техническому исполненію.

W. N.

IV.

Zur Geschichte des Orientalischen Krieges 1853—1856, von H. Geffcken.

Особенно въ настоящую минуту исторія Восточной войны 1853—1856 годовъ представляетъ высокій интересъ. Что можетъ служить лучшимъ для нея комментариемъ какъ событія совершающіяся на нашихъ глазахъ? Участь Кипра, Босніи, Герцеговины и наконецъ Египта должна, кажется, самымъ недалекимъ людямъ показать насколько правды въ томъ будто западныя державы ополчившіяся противъ Россіи стремились оградить цѣлость Оттоманской имперіи, будто серьезно вѣрили онѣ въ живучесть „большаго человѣка“ и не предъявляли притязаній на его наследство. Какою ироніей звучать теперь фразы которыми двадцать лѣтъ назадъ прикрывались для того чтобы начать войну! Впрочемъ кто же вѣрилъ имъ и тогда? Министръ иностранныхъ дѣлъ Наполеона III Друэнь-де-Люисъ говорилъ въ самый разгаръ войны одному изъ близкихъ къ нему лицъ: „Вопросъ о Святыхъ Мѣстахъ и все что къ нему относится не имѣетъ никакого дѣйствительнаго значенія для Франціи; весь этотъ Восточный вопросъ, возбуждающій столько шума, послужилъ императорскому правительству лишь средствомъ разстроить континентальный союзъ который въ теченіе почти полулѣтка парализовалъ Францію;

наконецъ представлялась возможность посѣять раздоръ въ могущественной коалиціи и императоръ Наполеонъ схватился за это обѣими руками“. Что можетъ быть откровеннѣе? Съ другой стороны, столь же чистосердечно выражался въ 1853 году въ своемъ мемуарѣ принцъ Альбертъ относительно тѣхъ намѣреній съ которыми Англія являлась спасать Турокъ. „Вступая въ союзъ съ Портой, говорилъ онъ, мы должны съ самаго начала настоять на томъ чтобы какъ веденіе переговоровъ, такъ распоряженія военными дѣйствіями и заключеніе мира были сосредоточены въ нашихъ рукахъ; если султанъ не захочетъ подчиниться этому, то нечего ему разчитывать на насъ. Мы не хотимъ чтобы Константинополь очутился подъ властью Русскихъ, достаточно для него этой гаранціи, но война должна быть ведена отнюдь не ради огражденія цѣлости Оттоманской имперіи, а въ интересахъ европейскихъ державъ и европейской цивилизаціи“. Надо полагать что въ настоящее время Порта поняла наконецъ что разумѣн подъ цивилизаціей Англичане! Признанія въ родѣ приведенныхъ нами встрѣчаются на каждомъ шагѣ въ документахъ относящихся къ Восточной войнѣ 1853—1856 годовъ которые обнародованы были въ послѣднее время. Исторія этой войны еще далеко не обработана. Многого хранится подъ спудомъ, но уже то что появилось въ біографіи принца Альберта составленной Мартиномъ, въ біографіи лорда Пальмерстона написанной Ашлеемъ, въ мемуарахъ Брука, въ перепискѣ короля Фридриха-Вильгельма съ Бузеномъ, въ запискахъ Стокмара, въ *Histoire diplomatique de la crise orientale* Бамберга, въ *Etude diplomatique sur la guerre de Crimée*, вышедшемъ изъ-подъ пера лица занимающаго видное мѣсто въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, проливаетъ яркій свѣтъ на закулисную ея сторону. Заслуга г. Гефкена, издавшаго книгу заглавіе коей выставлено выше, состоитъ въ томъ что онъ тщательно воспользовался всѣмъ этимъ матеріаломъ, но кромѣ того имѣлъ онъ и нѣкоторые рукописные документы, между прочимъ дипломатическую корреспонденцію лорда Кларендона съ лордомъ Пальмерстономъ. Оставляя въ сторонѣ тенденціи автора, весьма ведоброжелательныя для Россіи, надо сказать что онъ обнаружилъ много умѣнья группировать факты, дѣлать изъ нихъ любозытные выводы относительно настоящаго времени и

вообще небольшая его книга (386 стр.) читается съ живымъ интересомъ отъ начала до конца. Онъ могъ бы назваться ее исторіей германской дипломатіи во время Крымской войны, такъ какъ вниманіе его сосредоточено преимущественно на двухъ державахъ, Австріи и Пруссіи.

Къ первой изъ нихъ относится онъ очень строго, но отнюдь не потому чтобы не сочувствовалъ принципамъ руководившимъ Вѣнскій дворъ въ его восточной политикѣ. Принципы эти установились какъ нельзя болѣе опредѣленно послѣ неудачнаго союза Іосифа II съ императрицей Екатериной; съ тѣхъ поръ Австрія всегда видѣла въ Россіи своего естественнаго врага, не смотря на всѣ старанія Русскаго правительства увѣрить ее въ своихъ дружескихъ чувствахъ. Въ 1853 году, при самомъ началѣ столкновенія нашего съ Портой, можно было предвидѣть какую роль разыграетъ относительно насъ Вѣнскій дворъ. Если были какія-нибудь сомнѣнія на этотъ счетъ, то ихъ долженъ былъ разъяснить разговоръ происходившій между императоромъ Францемъ-Іосифомъ и русскимъ посланникомъ барономъ Мейендорфомъ (*Etude diplomatique*, I, 530).

— Ваше величество еще недавно оказали мнѣ, замѣтилъ Мейендорфъ, — что мы ничѣмъ не рискуемъ вѣрять интересы наши Австріи, ибо вѣрляемъ ихъ другу. А между тѣмъ австрійская печать очень озлоблена противъ насъ; графъ Буоль склоняется къ тому мнѣнію что было бы выгоднѣе ему сблизиться съ Франціей, которую считаетъ онъ болѣе консервативною державой. Насъ обвиняютъ въ революціонныхъ замыслахъ потому что около 600 сербскихъ волонтеровъ находятся подъ нашими знаменами, но въ 1787 году Австрія имѣла 30.000 Сербовъ въ рядахъ своей арміи.

— Справедливо, отвѣчалъ императоръ, — но возстаніе христіанъ было бы опасно для меня; оно поколебало бы *status quo* которымъ особенно долженъ я дорожить на Востока.

— Мы никого не возбуждали, продолжалъ посланникъ; — Греки поднялись сами, это было послѣдствіемъ телерешаемаго положенія райи. Мы убѣждали Сербовъ оставаться спокойными. Еслибы въ послѣдствіи Болгарія получила такія права какими пользуется телерь Княжество, то гдѣ же тутъ вредъ для Австріи?

— Мы не можемъ относиться равнодушно къ тому чтобы протекторатъ Россіи распространился на всю Турцію; отъ

этого пострадали бы и Австрія и вообще европейское равновѣсіе.

— А между тѣмъ Сербія и Княжества уже пользуются привилегіями обезличивающими имъ независимое управленіе: развѣ это потрясло равновѣсіе европейскихъ державъ? Что касается собственно Австріи, мы предлагаемъ ей раздѣлить вмѣстѣ съ нами протекторатъ надъ Сербіей.

— Да, во вслѣдствіе племенныхъ и религиозныхъ симпатій Россія будетъ при этомъ *esse*, а мы *ничто*.

— Это происходитъ, возразилъ посланникъ,—отъ того что мы оказывали услуги христіанскимъ племенамъ Востока, Австрія же постоянно жертвовала ими Туркамъ.

— Я согласенъ съ вами что это была ложная политика, отъѣчалъ императоръ,—но какъ скоро сложилось такое положеніе дѣлъ, мнѣ остается только сообразоваться съ нимъ.

Меттернихъ въ то время уже удаленъ отъ дѣлъ, но съ радостію видѣлъ онъ что приближается минута когда Австрія прямо и рѣшительно выступитъ врагомъ Россіи въ Восточномъ вопросѣ. „Совѣсть не позволяетъ мнѣ, говорилъ онъ барону Мейндорфу, хранить молчаніе при телерешивахъ обстоятельствъ; я обязанъ предостеречь моего государя; онъ не пойдетъ по тому пути на который вы стараетесь увлечь его, и повѣрьте мнѣ что въ концѣ концовъ Россія останется совершенно изолированной въ Европѣ“. Въ двадцатыхъ годахъ, во время Турецкой войны завершившейся Адрианопольскимъ миромъ, употреблялъ онъ чрезвычайныя усилія чтобъ образовать коалицію противъ Россіи, но не достигъ своей цѣли. Онъ и не могъ достигнуть ея, восклицаетъ г. Гефкенъ, потому что встрѣтился съ явнымъ противоѣдствіемъ Франціи и съ „дряблостью и близорукостью“ англійскихъ министровъ въ родѣ Кавинга. Ему не на кого было опереться, но не таково было положеніе Австріи среди событій 1853—1856 годовъ: за нею стояли западныя державы готовые энергически поддерживать ее какъ бы далеко она ни пошла. Вотъ почему, по мнѣнію нашего автора, вполнѣ извинительна неудача Меттерниха, но никакъ нельзя извинять ее графу Буолю. Г. Гефкенъ полагаетъ что этотъ министръ сдѣлалъ двѣ громадныя ошибки. Первая изъ нихъ состояла въ томъ что онъ заставилъ русскія войска снять осаду Силистріи и выступить изъ Княжествъ, ибо положеніе Россіи оказалось бы неизмѣримо затруднительнѣе еслибы

она продолжала держать свою армию за Дунаемъ, не отваживаясь однако идти за Балканы подъ опасеніемъ непріязненной диверсіи со стороны Австріи. Это неопредѣленное положеніе все болѣе и болѣе истощало бы ея средства; напротивъ, Вѣнскій дворъ оказалъ де, нисколько не желая того, существенную услугу Русскому правительству, которое, послѣ очищенія Княжествъ, могло безпрепятственно сосредоточить свои военныя силы всюду гдѣ угрожали ему союзники. Не трудно возразить на это что Австрія не была бы въ состояніи безконечно разыгрывать двусмысленную роль, что неминуемо вовлечена была бы она въ войну съ Россіей, но г. Гефкенъ убѣжденъ что нечего было ей страшиться подобнаго исхода. Напрасно де графъ Буоль — и это была вторая громадная его ошибка — такъ старательно уклонялся отъ войны: „удобнѣе всего вмѣшаться въ нее, говоритъ авторъ, было бы послѣ того какъ Вѣнская конференція 1855 года не привела ни къ какому результату. Еслибъ Австрія отважилась на это, еслибъ обнаружила немного уступчивости относительно Италіи, гдѣ Кавуръ готовъ былъ приступить ко всякому разумному соглашенію, то отбросила бы Россію на цѣлое столѣтіе назадъ, могла бы вмѣсто Ломбардіи пріобрѣсти Дунайскія Княжества, кромѣ того Бессарабію и Сербію и обезпечила бы себѣ преобладающее значеніе на Востокѣ. Къ сожалѣнію, она не переставала колебаться между двумя враждебными сторонами, и плодомъ этой политики было лишь то что она возстановила противъ себя и ту и другую“. Легко г. Гефкену, особенно послѣ совершившихся фактовъ, придумывать подобныя комбинаціи, но какъ нельзя болѣе понятно что Австрійское правительство, если даже онѣ и возникали въ его умѣ, не долго оставалось на нихъ. Съ одной стороны, оно руководилось самыми дурными намѣреніями относительно Россіи въ Восточномъ вопросѣ, съ другой, страшилось и такого союзника какъ Наполеонъ III. Оно понимало что война служила для него лишь средствомъ поколебать вообще ту политическую систему которая была установлена въ Европѣ трактатами 1815 года. Самоувѣренность императора Французовъ возростала съ каждымъ днемъ. „Vous savez, que je reux mettre le feu à l'Europe comme à ce cigare“, говорилъ онъ закуривая сигару австрійскому посланнику барону Гюбнеру. Но еслибы дѣйствительно возгорѣлся пожаръ, то прежде всѣхъ

не пострадала ли бы отъ него Австрія? Обольщая ее всякими надеждами, Наполеонъ въ то же время указывалъ заманчивую перспективу и ея соперницѣ, другой германской державѣ. Въ этомъ отношеніи очень интересны бесѣды его съ братомъ принца Альберта, герцогомъ Кобургскимъ, посѣтившимъ Парижъ весной 1854 года. Пруссія, говорилъ Наполеонъ, это держава представляющая собою интеллигенцію Германіи (*c'est la puissance de l'intelligence en Allemagne*); симпатіи всей Германской націи обращены къ ней; желательно чтобъ она приобрѣла подобающее ей могущество, и было бы всего удобнѣе ей воспользоваться войной съ Россіей „*pour élargir ses bases en Allemagne et s'arrondir autour d'elle: la Prusse doit se caser en Allemagne comme bon lui semble*“. Онъ, императоръ Французовъ, отнюдь не намѣренъ противиться вполнѣ справедливому и законному ея честолюбію; она можетъ де присоединить къ себѣ Саксонію или Ганноверъ; вѣроятно и нѣкоторые другіе мелкіе германскіе князья вынуждены де будутъ уступить ей свои владѣнія, для нихъ можно будетъ прискаты вознагражденіе въ Польшѣ. Какъ ни странно подобныя соображенія, но они не должны удивлять въ устахъ Наполеона III, о которомъ Токвилль выразился очень мѣтко: „*L'empereur ne sait pas distinguer entre rêver et penser*“; онъ, кажется, искренно вѣрилъ что усиленіе Пруссіи можетъ произойти не только безъ ущерба, но даже съ выгодой для Франціи. Его образъ мыслей на этотъ счетъ значительно облегчалъ въ послѣдствіи задачу Бисмарка въ переговорахъ которые прусскій министръ велъ съ нимъ среди событій должествовавшихъ завершиться разгромомъ Австріи на поляхъ Кениггреца.

Вѣнскій дворъ не задумался бы конечно пойти очень далеко еслибъ удалось ему вполнѣ увлечь за собой Пруссію, но онъ не услѣлъ въ этомъ. „Роль Пруссіи въ Восточной войнѣ, говоритъ г. Геккенъ, была не рѣшительна; король не хотѣлъ оскорбить Россію, но вмѣстѣ съ тѣмъ старался сохранить добрыя отношенія къ западнымъ державамъ, ограждать Германію отъ войны, помѣшать Австріи окончательна сблизиться съ Франціей и Англіей, улучшить положеніе христіанъ на Востокѣ, и все это отказываясь ото всякаго дѣйствія. Событія не поддавались такимъ противорѣчающимъ цѣлямъ, и Пруссія не только не обнаруживала на нихъ вліянія, но сама подчинялась имъ. По крайней мѣрѣ политика

эта имѣла одно достоинство,—она была честна. По окончаніи войны, западныя державы должны были отдать справедливость Пруссіи хоть въ томъ отношеніи что она никогда не обманывала ихъ, а Россія прониклась благодарностью къ ней за оказанную дружбу,—обстоятельство громадной важности для послѣдующей рѣшительной борьбы Пруссіи съ Австріей и съ Франціей“. Дѣйствительно, съ этой точки зрѣнія политика Берлинскаго двора представляется чрезвычайно искусною. Телерешнѣй германскій императоръ говорилъ графу Киселеву что еслибы власть находилась тогда въ его рукахъ, то онъ поступилъ бы иначе, а именно сталъ бы открыто противъ Россіи и этимъ оказалъ бы ей услугу: ибо Русское правительство, видя единодушіе всей Европы, могло бы де безо всякаго для себя стыда согласиться на требуемыя отъ него уступки и избѣгло бы войны. Король Фридрихъ-Вильгельмъ не пожелалъ явно выступить противъ Россіи, но дружба его не помѣшала намъ очутиться въ невыносимомъ положеніи. Онъ высоко цѣнилъ императора Николая, былъ искренно расположенъ къ нему, но Россія была въ его глазахъ какимъ-то страшилищемъ: „Въ наше время, говорилъ онъ, двѣ страшныя опасности угрожаютъ Европѣ,—съ одной стороны анархія и разложеніе всѣхъ религиозныхъ и общественныхъ началъ идущія изъ Франціи, съ другой кнотовой режимъ (Knutenregiment) Россіи. Я уважаю и люблю моего зятя, но онъ Русскій государь и долженъ оставаться въ своей роли.“ Фридрихъ-Вильгельмъ, какъ доказываютъ это его письма къ королевѣ Викторіи, ручался за безупречную добросовѣстность императора Николая, за благія его намѣренія, ссылаясь на услуги оказанныя имъ для поддержанія общеевропейскаго мира и спокойствія и въ то же время говорилъ: „Я не могу быть союзникомъ Россіи,—симпатіи мои на сторонѣ западныхъ державъ“. Онъ называлъ въ началѣ не иначе какъ „inceste“ союзъ Англіи съ Наполеономъ, въ которомъ видѣлъ порожденіе ненавистиной ему революціи, и былъ глубоко возмущенъ политикой Вѣнскаго двора: „Графъ Буоль, писалъ король, имѣетъ кажется непреодолимое влеченіе нарядиться въ ливрею г. Буркенея (французскаго посла въ Вѣнѣ) и ему удалось уже склонить свое правительство къ дѣйствіямъ присоединиться къ которымъ я не могу изъ чувства чести. Путемъ d'un échange de notes Австрія приняла на себя формальное

обязательство относительно западныхъ державъ не соглашаться ни на какія условія мира съ Россіей кромѣ тѣхъ которыя будутъ установлены въ Парижѣ и Лондонѣ. Это могли бы сдѣлать Турки, но какъ было ожидать чего-либо подобнаго со стороны Австріи, которая не находится въ войнѣ съ Россіей.“ И между тѣмъ, возмущаясь замыслами Вѣнскаго двора, постоянно жалуясь на его недобросовѣтность (*Oestreich hat grob gelogen*—фразы въ родѣ этой очень часто встрѣчаются въ письмахъ его къ Англійской королевѣ), Фридрихъ-Вильгельмъ все болѣе и болѣе втягивался въ ту роль которая вполне соответствовала видамъ Австрійскаго правительства. Въ апрѣлѣ 1854 года, генералъ Гессъ, посланный въ Берлинъ, усылалъ скалонить Пруссію „во имя германскихъ интересовъ“ къ такому соглашенію съ Австріей слѣдствіемъ коего было очищеніе нашими войсками Княжествъ. Справедливо замѣчаетъ г. Геккенъ что эти „германскіе интересы служили въ рукахъ Вѣнскаго двора эластическимъ средствомъ для того чтобы все болѣе увлечь Пруссію туда куда казалось она не намѣрена была слѣдовать за нимъ“. Нѣтъ никакого основанія предполагать что Фридрихъ-Вильгельмъ руководился хитрымъ разчетомъ; разгадку его дѣйствій нужно искать въ его характерѣ, основною чертой коего была, какъ выразился А. Гумбольдтъ, „двойственность впечатлѣній“ (*Dualismus der Empfindungen*).

Любопытныя и совершенно новыя свѣдѣнія сообщаетъ г. Геккенъ о повѣдѣ въ Парижѣ (не задолго до кончины императора Николая) генерала Веделля съ чрезвычайнымъ порученіемъ отъ короля Прусскаго. Въ разговорахъ съ нимъ Наполеонъ III доказывалъ что Фридрихъ-Вильгельмъ дѣлаетъ большую ошибку не рѣшаясь разорвать съ Россіей изъ опасенія что его подданные не хотятъ войны. „Съ тѣхъ поръ какъ власть перешла ко мнѣ, сказалъ онъ между прочимъ, я убѣдился что съ народомъ можно дѣлать все что угодно; еслибъ я выступилъ противъ Англіи, то вся Франція была бы противъ нея; но я предпочелъ союзъ съ этою державой, и теперь Французы относятся къ ней съ энтузіазмомъ; сильная воля можетъ совершить многое, даже такое что кажется положительво невозможнымъ“. Болѣе чѣмъ когда-нибудь толковалъ Наполеонъ III о своей готовности содѣйствовать усиленію Пруссіи, которое могло бы быть достигнуто лишь путемъ разгрома прусскаго могущества, и между приближенными Фридриха-

Вильгельма находились лица совѣтовавшія ему пользоваться благопріятными по ихъ мнѣнію обстоятельствами. Такъ на примѣръ Буэнзъ, занимавшій должность посла въ Лондонѣ и хорошо знавшій замыслы Англійскаго правительства, представилъ королю мемуаръ въ которомъ говорилъ что цѣлью западныхъ державъ было ограничить Россію ея „естественными предѣлами“: войну хотѣли вести до тѣхъ поръ пока откажется Россія отъ Бессарабіи и Крымскаго полуострова, предполагалось Финляндію и Аладскіе острова отдать Швеціи, что же касается Австріи, то ей предназначены были Придунайскія Княжества. Буэнзъ обольщалъ себя мыслью что получивъ такое приращеніе Вѣнскій дворъ не будетъ прелятствовать Пруссіи осуществить завѣтную ея цѣль, а именно собрать Германію подъ ея гегемоніей. „Изъ ненависти къ императору Николаю и къ моему миролюбивой политикѣ, писалъ Фридрихъ-Вильгельмъ, нашъ добрый Буэнзъ совершенно сошелъ съ ума; онъ обѣщаетъ мнѣ хорошую *водку* (Trinkgeld) если я вмѣшаюсь въ войну“. И самъ король, а еще гораздо яснѣе другіе его совѣтники понимали что никогда Австрія не откажется добровольно отъ своего значенія великой германской державы, что вопросъ о соперничествѣ между нею и Пруссіей долженъ рѣшиться кровавою борьбой. Время для войны было непригодно въ пятидесятыхъ годахъ, и Пруссія ничего не потеряла осудивъ себя повидимому на бездѣльную роль. Послѣдующія событія какъ нельзя лучше оправдали ея политику. Все устроилось къ лучшему, говоритъ г. Гефкенъ, ибо если Пруссія исполнила свою историческую задачу, то и Австрія приобрѣла очень много: „судьбы Балканскаго полуострова находятся въ ея рукахъ; Австрія можетъ удержать за собой это выгодное положеніе, потому что опирается на симпатіи всей Германіи, и къ этому союзу, навсегда отстраняющему ея отъ Франціи, по всему вѣроятію примкнетъ въ скоромъ времени и Англія, не смотря на ненависть Гладстона и его опасенія относительно успѣховъ германско-австрійской торговли“.

А Россія? Г. Гефкенъ полагаетъ, повидимому, что нечего принимать въ расчетъ ея интересы на Востокъ...

V.

Laurence Sterne, sa personne et ses ouvrages, par P. Stapfer.

Авторъ умной и блестящей книги о Шекспирѣ (Shakspeare et l'antiquité), о которой мы уже имѣли случай говорить, вполнѣ заслуживаетъ того чтобъ остановиться со вниманіемъ и на другомъ его произведеніи, появившемся теперь вторымъ изданіемъ. Предметомъ его служить одинъ изъ прославленныхъ англійскихъ юмористовъ прошлаго вѣка. Кому не извѣстно имя Стерна, а между тѣмъ много ли найдется такихъ которые знакомы съ его произведеніями? *Томъ Джонсъ* Фильдинга доставляетъ и теперь истинное наслажденіе, но нужно не мало труда чтобъ осилить *Тристрама Шанди*. Если при появленіи этого романа одна часть публики приняла его съ восторгомъ, то другая относилась къ нему крайне недоброжелательно и во главѣ ея стояли многіе изъ корифеевъ тогдашняго литературнаго міра. Ричардсонъ называлъ книгу Стерна отвратительною, знаменитый критикъ Самуилъ Джонсонъ не могъ слышать о ней равнодушно, Горасъ Вальполь утверждалъ что она „глупа, скучна, заставляетъ улыбнуться два или три раза вначалѣ, а затѣмъ нагоняетъ непреодолимую скуку“. Многіе изъ позднѣйшихъ писателей отзывались чуть ли еще не болѣе строго о Стернѣ; Таккерей, напримеръ, помѣстилъ о немъ слѣдующій отзывъ въ своихъ *English Humorists of the eighteenth century*: „Комизмъ такъ же присущъ генію Свифта и Рабле какъ птицѣ присуще лѣтъ, и никогда среди приладковъ веселости не забываютъ они о своемъ человѣческомъ достоинствѣ. Нѣтъ у нихъ ничего искусственнаго и принужденнаго. Но Стернъ ни на минуту не оставляетъ своего читателя въ покоѣ, ему все кажется что онъ долженъ безпрерывно раздражать его впечатлительность—и вотъ онъ становится предъ нимъ кверху ногами или заходитъ сзади и шелчетъ ему въ ухо грязную исторію. Это великій буффонъ, но не великій юмористъ. Онъ принимается за дѣло систематически, хладнокровно, надѣваетъ шутовской колпакъ, разстилаетъ на полу коверъ и начинаетъ производить потѣшныя эволюціи“. Кто былъ правъ, порицатели Стерна или тѣ кто съ жадностью читали все что выходило изъ-подъ его пера? Въ превосходномъ этюдѣ г. Сталфера мы находимъ какъ нельзя болѣе удовлетвори-

тельный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Быть-можетъ читатель пожалѣетъ что авторъ не поставилъ Стерна въ связь съ тогдашнимъ литературнымъ движеніемъ, почти ничего не говоритъ о современномъ ему обществѣ и о состояніи духовенства къ рядамъ котораго онъ принадлежалъ, но у него есть для этого оправданіе. „Необычайная оригинальность характера Стерна и его произведеній, говоритъ г. Сталферъ, даетъ намъ нѣкоторое правъ какъ бы выдѣлать его изъ окружающей его среды; онъ не принималъ никакого участія въ событіяхъ своего времени; вліаніе на него вѣка или то вліаніе которое онъ могъ обнаруживать на свой вѣкъ было ничтожно; все кажется въ немъ необыкновеннымъ; онъ не составляетъ часть цѣлага, онъ самъ по себѣ; какъ ладучая звѣзда быстрымъ полетомъ проносится онъ въ исторіи литературы“.

Итакъ личность Стерна и критическій разборъ его произведеній—вотъ чѣмъ занялся г. Сталферъ въ своей книгѣ. Портретъ автора *Тристрама Шанди* и *Сентиментальнаго Путешествія* начертанъ мастерскою рукой. Дѣйствительно, это была оригинальная личность, и какъ бы нарочно судьба поставила его въ такое положеніе которое было всего менѣе пригодно для него. Совершенно случайно, благодаря протекціи своего родственника, занялъ онъ мѣсто пастора въ Сеттонѣ, небольшой деревнѣ близъ Йорка. Стернъ—христіанскій проповѣдникъ: можно ли представить себѣ что-нибудь поразительнѣе! А между тѣмъ онъ проповѣдывалъ довольно усердно и въ послѣдствіи издалъ полное собраніе своихъ проповѣдей, породившихъ не малый скандалъ въ лубликѣ. „По воскресеньямъ, говоритъ г. Сталферъ, онъ входилъ на кафедру и не мало изумлялъ своихъ прихожанъ. Станный выборъ текстовъ, преимущественно изъ Ветхаго Завѣта, безпрерывныя цитаты изъ древнихъ писателей, остроумныя анекдоты, забавная жестикюляція совершенно несовмѣстная ни съ его званіемъ, ни съ тѣмъ мѣстомъ гдѣ онъ находился, шутки, много, даже черезчуръ много остроумія, таковы были исключительныя черты его проповѣди, способной забавлять, скандализовать, прельщать вовсе не такую простую аудиторію какая находилась предъ нимъ. Менѣе всего было въ ней христіанскаго благочестія, но за то блистала она тонкимъ анализомъ человѣческихъ страстей и умѣньемъ излагать библейскія событія въ драматической формѣ. До такой степени увлекался Стернъ своими художественными наклонностями

что ластва его видѣла предъ собой не строгаго обличителя пороковъ, не проповѣдника божественной истины, а любителя духовной литературы, который съ безстрашною любовью и знательностью философа изучалъ въ Библии душевныя побужденія праведныхъ и злыхъ и изображалъ ихъ дѣянiя какъ артистъ“. Такія произведенія могли нравиться только людямъ вполнѣ равнодушнымъ къ религию. Нѣтъ ничего удивительнаго что позднѣе, не задолго до своей смерти, Стернь проповѣдывалъ съ большимъ успѣхомъ въ церкви англійскаго посольства въ Парижѣ и что въ числѣ его слушателей находились Дидро, Гольбахъ и Гельвецій: то была публика способная оцѣнить его достоинство. Въ нравственномъ отношеніи онъ представлялъ собой далеко не назидательное зрѣлище. Стернь былъ жевать, но семейная жизнь не привлекала его: *sum fatigatus et aegrotus de mea uxore plus quam unquam*, писалъ онъ вскорѣ послѣ того какъ связалъ себя брачными узамъ. Онъ лѣнился затѣмъ Катериной Фурмантель, о которой забылъ тотчасъ же какъ былъ отуманенъ блестящимъ пріемомъ сдѣланнымъ ему въ Лондонѣ, куда предшествовала ему литературная его извѣстность. Исполненные страсти письма его къ замѣчательной женщинѣ Элизѣ Дреперъ свидѣтельствуютъ до какого лаоса могъ доходить онъ въ своихъ увлеченіяхъ, но увлеченія эти никогда не были продолжительны: онъ смотрѣлъ на жизнь легко и собственная его личность была ему дороже всего въ мирѣ.

Лучшія главы въ книгѣ г. Сталфера тѣ въ которыхъ онъ представлялъ оцѣнку *Тристрама Шанди* и *Сентиментальнаго Путешествія*. „Изумленіе читателя, говорить онъ, можетъ сравниться только со скукой которую испытываетъ онъ перелистывая *Тристрама*; скука возрастаетъ все болѣе и болѣе и наконецъ доходитъ до того что перестаешь даже изумляться“. Излагать этотъ романъ нѣтъ никакой возможности; въ немъ ни опредѣленнаго сюжета, ни малѣйшаго единства содержанія. Принимаясь писать одну главу, Стернь очевидно не знаетъ чтѣ будетъ находиться въ другой; иногда даже одна страница не имѣетъ у него связи со слѣдующею. Онъ безпрерывно прибѣгаетъ къ утомительнымъ разглагольствіямъ по поводу всего чтѣ только приходитъ ему въ голову,—утомительнымъ при всемъ ихъ остроуміи, именно потому что они встрѣчаются на каждомъ шагу. Авторъ видимо дорожить ими и считаетъ ихъ чуть ли не главнымъ достоинствомъ своей книги. Къ сожалѣнію, и въ этомъ

случаѣ совершенно справедливъ приведенный нами выше отзывъ Таккерей — отличаются они нерѣдко невыносимой аффектаціей и въ нихъ не столько юмора сколько кривлява. Но если такъ, то чѣмъ же объяснить что и до сихъ поръ романъ Стерна остается однимъ изъ видныхъ произведеній англійской литературы? „Какія же его красоты, спрашиваетъ г. Сталферъ, и что мы особенно цѣнимъ въ немъ? Два характера. Только два, и пусть не говорятъ что этого сашкомъ мало, ибо и одного было бы достаточно. Много ли насчитаемъ мы ихъ въ литературѣ! Читая романы вышедшіе изъ-подъ пера извѣстнѣйшихъ авторовъ, трагедіи, комедіи, драмы пользующіяся огромною извѣстностью, много ли встрѣтимъ мы въ нихъ лицъ до такой степени живыхъ, оригинальныхъ, вѣрныхъ природѣ что въ воображеніи нашемъ тотчасъ же слагается ихъ опредѣленная фізіономія, что ихъ наружность, походка, интонація голоса, жесты такъ знакомы намъ какъ будто по цѣлымъ годамъ мы не разставались съ ними? Хорошо если авторъ умѣетъ мастерски завязать интригу; хорошо если удается ему придумать такія положенія которыя, не утомляя воображеніе читателя и не оскорбляя здравого смысла его, неослабно возбуждаютъ его вниманіе до тѣхъ поръ пока, переходя отъ одной неожиданности къ другой, приближается онъ къ непредвидѣнной, но тѣмъ не менѣе естественной развязкѣ; еще лучше если въ основу произведенія, безъ явнаго ущерба художественной цѣли, вложена философская мысль, если драма или романъ пріобрѣтаетъ такимъ образомъ высокій интересъ нравственнаго поученія или психологическаго этюда. Но создать характеры! Наполнить идеальныи миръ такими лицами которыя навсегда останутся живыми! сообщить этимъ порожденіямъ фантазіи такую дѣйствительность что на ряду съ ними окружающіе насъ люди кажутся тѣнями! Вотъ торжество искусства, вотъ что дѣлаетъ поэзію творчествомъ и почему поэты достойны называться богами.“ Въ романѣ Стерна есть нѣсколько замѣчательныхъ типовъ, но между ними особенно выдаются капитанъ Тоби и братъ его мистеръ Шанди. Тотъ кто не читалъ самаго романа, познакомившись со страницами которыя посвящаютъ имъ въ своей книгѣ г. Сталферъ, пойметъ почему эти два художественныя созданія способны были увѣковѣчить имя англійскаго юмориста.

Менѣе всего былъ оцѣненъ Стернъ во Франціи. Иначе не могло и быть. Онъ самъ говоритъ въ *Сентиментальномъ*

Путешествіи что при всѣхъ блестящихъ своихъ качествахъ Французы имѣютъ одинъ существенный недостатокъ, а именно что они слишкомъ серіозны. Съ перваго взгляда это кажется однимъ изъ тѣхъ парадоксовъ которыми любилъ щеголять Стерна, но по мнѣнію г. Сталфера тутъ кроется значительная доля правды. „Возьмите, говоритъ онъ, великаго нашего комика. Чтò болѣе всего цѣнятъ Французы, въ Мольерѣ? Они преимущественно восхищаются самою серіозною изъ его комедій, тою которая по своему глубокому нравственному смыслу и по драматизму нѣкоторыхъ положеній походить скорѣе на философскую повѣсть или на трагедію. Иностранцы не такого мнѣнія; они упрекаютъ насъ и сожалеютъ о томъ что мы любимъ не столько веселость сколько сатиру; многіе изъ нихъ предпочитаютъ приключенія Жеронта монологами Альцеста. Забавное *imbroglio*, острые шутки, а если прибавить къ этому изящный языкъ, то Англичане остаются вполне довольны; они не требуютъ чтобы пьеса непременно содержала въ себѣ урокъ и вызывала на раздумье. Мы же цѣнимъ прежде всего идею; она нужна намъ и въ водевилѣ, и въ фарсѣ, и даже въ карриатурѣ. Игривый вымыселъ можетъ продержаться на сценѣ благодаря таланту актеровъ, но онъ не завоеуетъ себѣ мѣста въ нашей литературѣ если нѣтъ въ немъ хотя немного философіи. Когда Англичанинъ показываетъ намъ свой альбомъ карриатуръ, мы улыбаемся изъ вѣжливости, но не въ состояніи смѣяться искреннимъ смѣхомъ глядя на всѣ эти несообразности, на лица раздутыя до чудовищныхъ размѣровъ, на ноги тонкія какъ нитка, — мы все допускиваемся гдѣ же элиграмма, сатира, *ou est le trait*, и если не подмѣчаемъ ихъ, то произведенія забавной фантазіи оставляютъ насъ почти равнодушными. Даже языкъ нашъ слишкомъ серіозенъ: переведите по-французски страницу или фразу изъ Диккенса, Стерна, Фильдингга, которая въ оригиналѣ возбуждаетъ неистовый хохотъ, и посмотрите какую чолорною является она въ новой оболочкѣ. Если со времени Малерба серіозность все болѣе становится отличительною чертой нашей литературы, то это потому что веселость постепенно исчезала въ обществѣ. Французы въ сущности печальны. Вотъ предъ вами толпа которая слѣзаетъ туда гдѣ можно пріятно провести время, вы слышите шумный и радостный говоръ и готовы воскликнуть: какая веселая нація. Но развѣ не замѣчаете вы что всѣ эти люди стараются только какъ-нибудь себя разсвѣять, разогнать чѣмъ бы то ни было

свою скуку? Да и какъ не быть имъ печальными! Въ теченіе цѣлаго вѣка, послѣ непрерывно слѣдовавшихъ одна за другою революцій, послѣ разгрома и улада всѣхъ старинныхъ вѣрваній, житейскій ихъ горизонтъ омраченъ тучами, а горизонтъ небесный все болѣе и болѣе убѣгаетъ изъ ихъ глазъ. Если еще о предкахъ нашихъ Стернь говорилъ что они слишкомъ серьезны, то это потому что и у нихъ, не за долго до революціи, были тому причивы.“

Р.

VI.

Книжныя новости.

Въ С.-Петербургѣ вышли въ свѣтъ слѣдующія книги:

Исторія царствованія Императора Александра II. Въ картинкахъ. 100 стр. 76 картинъ.

Картины Русской исторіи отъ Рюрика до Петра Великаго. С. Павловича. Выпускъ VI. Отъ прекращенія Рюрикова дома до воцаренія дома Романовыхъ. Съ 9 рисунками, стр. 117—132

Вѣнокъ Царю-великомученику Александру II. Стихотворенія простолюди. д Г. М. Швецова. Изданіе третье, дополненное. 90 стр. 8 д. л.

Для солдатъ и народа. О подвигахъ русскихъ моряковъ. Разказъ I. *Наваринскій бой.* Съ одною картинкой. 24 стр. 8 д. л.

Русское царство отъ Ивана IV Грознаго до прекращенія Рюрикова дома. Изданіе редакціи журнала *Досугъ и Дѣло.* 52 стр. 8 д. л.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Археологическаго общества. Т. X, выпускъ 2й. 4 д. л.

Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ. Издавы Ю. Б. Иверсеномъ. Выпускъ IV. 4 д. л.

Труды втораго Археологическаго съезда въ С.-Петербургѣ. Выпускъ 2й. 4 д. л.

Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Выпускъ шестой. 512 стр. 8 д. л.

Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу. Съ посланіемъ С. И. Пономарева. 143 стр. 8 д. л.

Памятники древней письменности и искусства. *Шестодневъ.* Георгія Пизиды въ славяно-русскомъ переводѣ 1385 года. 22 стр. 8 д. л.

Сочиненія Давида Рикардо. Переводъ Зибера. Съ приложеніями переводчика. 659 стр. 8 д. л.

Моисеево-Раввинское законодательство. *Къ исторіи развитія еврейскаго брако-разводнаго права.* Сочиненіе С. Б. Гурвича. 72 стр. 12 д. л.

Corpus inscriptionum Hebraicarum, enthaltend Grabschriften aus der Krim und andere Grab und Inschriften in alter Hebräischer Anadratschrift sowie auch Schriftproben aus Handschriften von IX—XV Jahrhundert. Gesammelt und erläutert von D. Chwolson. 527 s. in 4.

Explication de la figure problématique représentée sur les monnaies de Wladimir 1 et de Jaroslaw 1 par A. Tilésius de Tilenare. 21 стр. 4 д. л.

С. А. Бермадскій. *Документы и регесты къ исторіи литовскихъ Евреевъ.* Изъ актовыхъ книгъ: метрики литовской, Виленскаго центральнаго архива и нѣкоторыхъ печатныхъ изданій. Т. I. 1388—1550. 337+XX. 8 д. л.

Скобелевъ. Личныя воспоминанія и впечатлѣнія В. И. Немировича-Давченко. Съ четырьмя гравюрами и факсимиле письма М. Д. Скобелева. 358 стр. 8 д. л.

Жизнеописаніе М. Д. Скобелева. Составилъ Н. А. Потоичъ. 32 стр. 8 д. л.

Сказаніе о дѣяніяхъ предковъ нашего Царя. 32 стр. 12 д. л. 100.000 экз.

Н. Б. Юсуловъ: *Духовная жизнь.* Апологетическое изложеніе. 105 стр. 8 д. л.

Рассказы о Суворовѣ. Составилъ В. Новаковский. 5е изданіе 69 стр. 12 д. л.

Дополненіе къ справочной книжкѣ для русскихъ офицеровъ изданія 1881 года. 120 стр. 16 д. л.

Краткій катехизисъ доктора Мартина Лютера, объясненный въ вопросахъ и отвѣтахъ Каслари, проповѣдникомъ въ Мюнхенѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. 278 стр. 12 д. л.

И. С. Блюхъ: *Финансы Россіи XIX столѣтія.* Исторія-статистика. Томъ II. 295 стр. Томъ III. 232 стр. 4 д. л.

Всѣобщая исторія литературы. Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, подъ редакціей В. О. Корша. Выпускъ XV. Средневѣковыя литературы западной Европы и Византіи (продолженіе).

Записки военной администраціи для военныхъ и юнкерскихъ училищъ. Составилъ Лобко. Изданіе седьмое. 8 д. л.

Гелвортъ Диксонъ: *Диана Леди Лайль*. 445 стр. 8 д. л.

Геври Удъ: *Эдайна*. 461 стр. 8 д. л.

Теодоръ Лабурье: *Драма въ сераль*. 8 д. л.

Минута гнѣва. Рубинъ Маріи Стюартъ. 8 д. л.

Царская коронація. Исторія коронованія государей у Египтянъ, Индійцевъ, Персовъ, Китайцевъ, Турокъ, Евреевъ, Грековъ, Римлянъ, Русскихъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ. У Русскихъ начиная со Владиміра Святаго до нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра III. Изданіе Д. Т. Кувиченкова. 46 стр. 8 д. л.

Гимны для христіанъ евангелическо-лютеранскаго исповѣданія. Второе дополненное изданіе. 88 стр. 16 д. л.

Полное собраніе сочиненій Ф. М. Достоевскаго. Томъ восьмой. *Бѣсъ*, Романъ въ трехъ частяхъ. 603 стр. 8 д. л.

Русскіе писатели въ классъ. Редакція Петра Вейнберга. Выпускъ VII. *Ломоносовъ*. (Стихотворенія и прозаическія сочиненія.) 78 стр. 16 д. л.

Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Полное собраніе сочиненій графа А. К. Толстаго. Томъ IV 359 стр. 8 д. л.

Жюль Гро: *Волканъ во льду*. Приключенія ученой экспедиціи къ сѣверному полюсу. Изданіе Е. Н. Ахматовой. 184 стр. 8 д. л.

Берегъ Слоновой Кости. Разказъ Луи Жаколиу. 164 стр. 8 д. л.

Антони Троллолъ: *Первый Министръ*. 807 стр. 8 д. л.

Золото Ориона. Романъ Розенталя Бочива. Изданіе В. В. Комарова. 215 стр. 8 д. л.

Безъ вины виноватые. Драма въ 4хъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ. Сочиненіе Н. Елизарова. 120 стр. 16 д. л.

Изъ одного дневника. Сочиненіе Михаила Хруцова. 46 стр. 12 д. л.

Смертная Казнь. Разказъ Жюля Симона. Переводъ съ французскаго А. О. П. 70 стр. 12 д. л.

Характеръ. Сочиненіе Самуэля Смайльса. Переводъ съ англійскаго С. Майковой. Четвертое изданіе. 338 стр. 8 д. л.

Земскій Ежегодникъ за 1879 годъ. Изданъ Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, подъ редакціей Ф. И. Шмигельскаго и при сотрудничествѣ А. В. Половцова и Л. В. Ходскаго. 562+180+12 стр. 8 д. л.

Дополненія къ первому изданію законовъ гражданскихъ (Сводъ Законовъ, томъ X, часть I). Съ объясненіями по

ршеніямъ Гражданскаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената. Составилъ А. Боровиковскій. 718—962+XIII. 8 д. л.

Систематическій сборникъ ршеній Гражданскаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената за 1879 годъ. Составилъ А. Боровиковскій. Матеріальное право. 498 стр. 8 д. л.

Птичка-синичка. Сборникъ разказовъ для дѣтей. Ив. Малеяревскаго. 69 стр. 12 д. л.

Учебная русская христоматія въ біографіяхъ и образцахъ, составленная изъ произведеній русскихъ поэтовъ. Въ двухъ частяхъ. Изданіе второе. 167 стр. 8 д. л.

Нѣмецкая Грамматика. Часть I. Этимологія. Составилъ К. Клоссе. Изданіе второе. 92 стр. 8 д. л.

Méthode Robertson. Cours pratique de langue Française à l'usage des écoles par Aimé Constantin. I et II partie. 9e édition. 296 стр. 12 д. л.

Собраніе арифметическихъ задачъ для умственнаго и письменнаго исчисленія. Составилъ И. Томасъ. Выпускъ второй. Изданіе 10е. 122 ст. 8 д. л.

П. Е. Вадеюкъ: *Географическіе очерки Россіи.* Курсъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, изложенный монографически. 183 стр. 8 д. л.

Сборникъ примѣровъ и задачъ относящихся къ курсу элементарной алгебры. Составилъ Ф. Бычковъ. Изданіе восьмое. 466 стр. 8 д. л.

Руководство къ арифметикѣ. Составилъ В. Волевъ. Двѣнадцатое исправленное изданіе. 174 стр. 8 д. л.

Пособіе для практическихъ занятій при первоначальномъ изученіи русскаго языка въ гимназіяхъ. Книга 1я. Составилъ М. Николенко. 6е изданіе исправленное. 216 стр. 8 д. л.

Руководство къ обученію письму. Составленное В. С. Гербачомъ. Прописи русскія. 46 стр. 12 д. л.

Знаки препинанія въ пяти важнѣйшихъ языкахъ. Составилъ В. Классовскій. 71 стр. 12 д. л.

Собраніе арифметическихъ задачъ для умственнаго и письменнаго исчисленія. Составилъ И. Томасъ. Выпускъ первый. Изданіе 18е исправленное. 104 стр. 8 д. л.

А. П. Кирлотенко: *Руководство къ наблюденію природы и собиранію естественно-историческихъ коллекцій.* Изд. третье, исправленное и дополненное многими задачами и рисунками въ текстѣ. 151 стр. 16 д. л.

Таблицы геометрическихъ и алгебраическихъ формулъ. Составилъ В. Голпневъ. 20 стр. 12 д. л.

Точное дѣленіе угла на три равныя части по правиламъ начальной геометріи, Д. И. Висковатова. 6 стр. 12 д. л.

Краткій курсъ геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ. Составилъ З. Вудихъ. Изданіе 6е. 186 стр. 8 д. л.

Чтожъ мы обязаны животнымъ? Выпускъ первый. Составилъ В. Попыревъ. 23 стр. 12 д. л.

Правильное сельско-хозяйственное счетоводство. Составилъ Г. Н. Кузьминъ. 151 стр. 8 д. л.

Въ Москвѣ изданы книги:

Сергій Шараловъ. *Министерство Земледѣлія и его мѣстныхъ агентства.* 58 стр. 8 д. л.

Школа садоводства и огородничества. Составилъ Мельниковъ. 384 стр. 8 д. л.

Строительное искусство, строительныя работы и матеріалы для нихъ употребляемыя. Составилъ Н. О. Рубанъ. 337 стр. 8 д. л.

Автоматическій телеграфъ Уитсона въ его современномъ устройствѣ, съ 83 чертежами. Составилъ по Тоаю В. А. Воскресенскій. 142 стр. 8 д. л.

Оцеводство въ южной Россіи. И. Ливке. 50 стр. 8 д. л.

Туристъ по лѣчебнымъ и климатолѣчебнымъ мѣстностямъ. Составилъ Максъ Герцъ. 128 стр. 12 д. л.

Руководство гомеопатическаго лѣченія; доктора медицины В. Фовъ-Дитмана. Томъ первый. 296 стр. 8 д. л.

Къ ученію о двойной маткѣ. П. И. Кубасова. 53 стр. 12 д. л.

Чрезмѣрная работа беременныхъ. Частнаго доцента В. В. Сутугина. 41 стр. 12 д. л.

Элементарныя себдѣнія изъ земли. Составилъ С. Ковалевскій. 3е изданіе. 50 стр. 8 д. л.

Учебникъ болѣзней нервной системы. Дг. Адольфа Зеелигмюллера. Переводъ съ нѣмецкаго Александра Черемшанскаго. Отдѣлъ I. 80 стр. 8 д. л.

Руководство къ физическимъ методамъ. Изслѣдованіе ступенныхъ болѣзней. Дг. Германа Эйгорста. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Дг. В. И. Чемезова. Часть I. 160 стр. 8 д. л.

Санитарно-инженерныя очерки. Воздухъ.—Вода.—Удаленіе отбросовъ и пр. Составилъ В. Карловичъ. 270 стр. 8 д. л.

Краткое руководство въ молочномъ хозяйствѣ. Нильса

Гротенфельда. Переводъ со шведскаго Э. В. Корיאндера. Изданіе К. В. Чистякова. 106 стр. 8 д. л.

Почему сооруженъ въ Москвѣ храмъ Христа Спасителя. Чтеніе для народа. Т. Толычевой. 16 стр. 8 д. л.

Отцаъ Климентъ Зедергольмъ, іеромонахъ Оптиной пустыни. Сочиненіе К. Леонтьева. Изданіе второе. 123 стр. 8 д. л.

Король Иоаннъ. Драма Шекспира. Переводъ съ англійскаго Дмитрія Мина. 90 стр. 8 д. л.

Чѣмъ люди жьивы. Разказъ графа Л. Н. Толстаго. Съ рисунками академика Шервуда. 16 стр. 2 д. л.

Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Два общедоступныя очерка А. Тумирязева. Изданіе второе. 191 стр. 8 д. л.

В. Авсѣенко. *Злой Духъ.* Романъ. Томъ первый. 444 стр. 8 д. л.
Михаилъ Дмитриевичъ Скобелевъ, его жьизнь и служба родинѣ. Съ двумя портретами. 12 д. л. 79 стр.

Блгный генералъ М. Д. Скобелевъ. Очерки боевой жьизни и ковчины его. 36 стр. 16 д. л.

Очерки боевой жьизни М. Д. Скобелева. 16 стр. 8 д. л.

Очеркъ кустарныхъ промысловъ Сѣвернаго Кавказа съ описаніемъ техники производства. Составилъ по матеріаламъ собраннмъ А. В. Золотаревымъ и др. О. В. Марграфъ. 288 стр. 8 д. л.

Руководство къ фабрикациі спичекъ, малярному мастерству, обработкѣ торфа и приготовленію селитры. 112 стр. 12 д. л.

Синтаксисъ русскаго языка, прилжнительно къ правописанію. Составилъ А. Киричичиковъ. Изданіе 13. 79 стр. 8 д. л.

Систематическій сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Составилъ В. Арбузовъ, А. Мининъ, В. Мивинъ, Д. Назаровъ. 232 стр. 8 д. л.

Пособіе къ чтенію и изученію Гомера. Составилъ Г. Веркгаутъ. *Одиссея.* Выпуски 11 и 12. 12 д. л.

Краткій русско-латинскій словарь. Составили Ю. Ходобай и П. Виноградовъ. Выпускъ II З—Ф. 44 стр. 8 д. л.

Капитанская Дочка. А. С. Пушкина. Для перевода на нѣмецкій языкъ, снабдилъ примѣчаніями и словаремъ Х. Ауспенъ. 187 стр. 8 д. л.

Руководство къ изученію теоріи словесности по лучшимъ образцамъ. Составилъ П. Случевскій. 220 стр. 8 д. л.

Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій породному языку. Методическое пособие для преподавателя элементарной школы. Составилъ Д. Тихомировъ. Изданіе пятое. 134 стр. 8 д. л.

Пособіе къ чтенію и изученію Гомера. Составилъ Г. Веркгаултъ. I *Одиссея*. Выпускъ первый. Пѣснь первая. Изданіе третье, исправленное. 107 стр. 12 д. л.

Краткій конспектъ греческой грамматики. Таблицы неправильныхъ формъ въ греческомъ языкѣ и управленіе словъ. Составилъ Н. Ка—цкій. 32 стр. 8 д. л.

Отчетъ по Императорскому Московскому Воспитательному Дому за 1881 годъ. 59 стр. 8 д. л.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губернии. Отдѣлъ санитарной статистики. Томъ III. Выпускъ VI. Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Можайскаго, Волоколамскаго и Звенигородскаго уѣздовъ. А. В. Погожева. Изданіе Московскаго губернскаго земства. 8 д. л.

Товарные склады и ихъ значеніе въ виду американской конкуренціи. А. Чупрова. 22 стр. 8 д. л.

Промыслы Владимирской губернии. Выпускъ III. Изданіе А. И. Баранова. Изслѣдованіе С. А. Харизоменова. 8 д. л.

А. В. Погожевъ. *Фабричный бытъ Германіи и Россіи.* 176 стр. 8 д. л.

Курсъ фармаціи. Доцента В. А. Тихомирова, читанный въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ въ 1881—82 году. 540+X стр. 8 д. л.

Ветеринарная медицина и ветеринарные врачи. С. Евсевако. 158 стр. 8 д. л.

—
Въ Кіевѣ издааны сочиненія:

Мелорабилии Ксенофонта. Перевелъ съ греческаго и объяснилъ И. Е. Тимошенко. 251 + 8 стр. 8 д. л.

Права или эмиграція. Посвящается еврейской молодежи 46 стр. 8 д. л.

Особый наказъ Уманскаго окружнаго суда. 101 стр. 8 д. л.

Римскія вакханалии и преслѣдованіе ихъ въ VI столѣтіи от основанія Рима. П. Н. Боданскаго. 78 стр. 8 д. л.

—
Въ Ригѣ:

Проектъ преобразованія русскаго акциза съ вина. Сочиненіе Карла Шедль. 35 стр. 4 д. л.

—
Въ Вильнѣ:

Ключъ къ новой методѣ изученія еврейскаго языка. Составилъ М. Вольперъ. 45 стр. 12 д. л.

Учебникъ русскаго языка для низшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Составилъ О. Шолковичъ.

Въ Харьковѣ:

Начала начертательной геометріи, теоріи тѣней и линейной перспективѣ. Съ приложеніемъ черченія кривыхъ. Курсъ реальныхъ училищъ. Составилъ А. Пальшау. 238 стр. 8 д. л.

Др. Эдуардъ Рейхъ. *Совѣтъ и первая помощь при внезапныхъ заболѣваніяхъ и несчастныхъ случаяхъ.* Популярная и полезная для всѣхъ книга. Изданіе Рѣзникова. 179 стр. 12 д. л.

Бѣлгородъ съ уѣздомъ. Историко-статистическій очеркъ А. М. Дренякина. 65 стр. 8 д. л.

Въ Гроднѣ:

Настольная книга для канцелярій мировыхъ судей. Составлена П. Г. Савинымъ. 161 стр. 16 д. л.

Сборникъ народныхъ и военныхъ разказовъ, сказокъ, басенъ, пѣсенъ и стиховъ. Составилъ штабсъ-капитанъ Е. Краевскій. 104 стр. 12 д. л.

Въ Варшавѣ:

Краткій курсъ органической химіи. Составленный по лекціямъ читаемымъ В. А. Гемпеляномъ въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ, издали М. Цукеръ и В. Добржинскій, студенты медицинскаго факультета. 385 стр. 12 д. л.

Старо-славянская Грамматика. Составилъ М. Колосовъ 70 † XIV. 8 д. л.

Сельскій Календарь на 1883. Годъ изданія X. 54 стр. 4 д. л.

Въ Варшавѣ же напечатанъ на еврейскомъ языкѣ переводъ сочиненія Массе *Исторія кусочка глѣба.*

Въ Воронежѣ:

Гамбургская драматургія Лессинга. Критическій очеркъ С. Смирнова. Выпускъ I. 101 стр. 8 д. л.

Въ Перми:

Уральское горнозаводское товарищество. *Описаніе Лунинскихъ копей и заводовъ.* Составилъ Ивановъ. 86 стр. 8 д. л.

Въ Новочеркасскѣ:

О воспитаніи тѣлеснаго организма въ младенческомъ и дѣтскомъ возрастахъ. А. Гиляровскаго. 120 стр. 16 д. л.

Въ Казани:

Наставленія новопостриженной инокини. Схимонахъ Рипской пустыни Леонида. 96 стр. 8 д. л.

Въ Тульѣ:

Для бесѣдъ учителей сельскихъ школъ съ учениками младшаго класса. Что нужно знать русскимъ крестьянамъ на счетъ средствъ къ улучшенію хозяйственнаго ихъ положенія. К. Дмитріева. 34 стр. 12 д. л.

Въ Кишиневѣ:

Краткій историческій очеркъ архипастырской дѣятельности въ Бессарабіи высокопреосвященнѣйшаго Павла архіепископа Кашиневскаго и Хотинскаго съ 1871 по 1881 годъ. Съ портретомъ. Составилъ Іосифъ Пархомовичъ. 110 стр. 8 д. л.

Въ Екатеринбургѣ:

Записки Уральского Общества Любителей Естествознанія. Т. VI. Выпускъ 2. 78 стр. 4 д. л.

Въ Твери:

Памяти М. Д. Скоблева. Составилъ И. Мцловцовъ. 32 стр. 8 д. л.

Во Владимірѣ:

О вознагражденіи за вредъ и убытки послѣдовавшіе отъ дѣлій не признаваемыхъ ни преступленіями, ни проступками. (Опытъ комментарія, по рѣшеніямъ Кассационнаго Сѣдата) къ 684—689 ст. 1 ч. X. Т. Св. Зак. Гр.

Въ Одессѣ:

Начальныя основанія математической географіи для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній В. Лалашва 61 стр. 8 д. л.

Хронологическій обзоръ событій древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ. Составилъ А. К. Подлицкій. 115 стр. 8 д. л.

Современная Палестина. Географическій очеркъ. Переводъ П. Диккера. 25 стр. 8 д. л.

Опытъ руководства къ отправленію кавалеріей стратегической службы. 1 часть. Составилъ генеральнаго штаба полковникъ Л. Байковъ. 153 стр. 8 д. л.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

Пробытіе Ихъ Величествъ въ Москву.—Князь Николай I Черногорскій.—Посѣщеніе Ихъ Величествами Всероссійской Выставки.—Египетскія дѣла.—Женское образованіе.—Смута понятій по вопросу о нравствѣ общества къ содѣйствію правительству.—Новые планы приписываемые Министерству Финансовъ.—„Нѣкотораго рода pietas“.

I.

8 сентября около полудня Ихъ Императорскія Величества прибыли въ Москву. Въ вышедшемъ въ тотъ день номерѣ *Московскихъ Вѣдомостей* радостное событіе было привѣтствовало слѣдующими словами:

Во второй по воцареніи разѣ вступаютъ Ихъ Императорскія Величества въ Москву, подѣ сѣнь ея святыхъ. Да будетъ благословенно Ихъ пришествіе! Да будетъ оно началомъ новой жизни для нашего великаго отечества! Въ Москвѣ совершается то церковное тайнодѣйствіе которымъ освящается самодержавная власть Царя Россіи. Въ Москву приходитъ онъ законнымъ преемникомъ своихъ предковъ; отъ Москвы исходитъ помазанникомъ Божіимъ.

Всякая власть отъ Бога, учитъ наша Церковь. Но Русскому Царю дано особое значеніе отличающее его отъ другихъ властителей міра. Онъ не только государь своей страны

и вождь своего народа,—онъ Богомъ поставленный блюститель и охранитель Православной Церкви, которая не знаетъ надъ собою земнаго намѣстника Христова и отрелась отъ всякаго дѣйствія кромѣ духовнаго, предоставляя всѣ заботы о своемъ земномъ благостоянiи и порядкѣ освященному ея вождю великаго православнаго народа. Русскій Царь есть болѣе чѣмъ наслѣдникъ своихъ предковъ; онъ преемникъ кесарей восточнаго Рима, строителей церкви и ея соборовъ установившихъ самый символъ христіанской вѣры. Съ паденiемъ Византіи поддалась Москва и началось величіе Россіи. Вотъ гдѣ тайна той глубокой особенности которою Россія отличается среди другихъ народовъ міра.

Высоко призваніе Государа Россіи, но и обязательно,—болѣе обязательно чѣмъ всякая другая власть на землѣ. Носить этотъ санъ требуется не только съ достоинствомъ, но съ благоговѣнiемъ. Его обязанности выше всѣхъ его правъ. Для народа составляющаго Православную Церковь, Русскій Царь предметъ не просто почтенія, на которое имѣетъ право всякая законная власть, но священнаго чувства въ силу его значенія въ домостроительствѣ Церкви.

Будемъ бодро смотрѣть впередъ, но и будемъ вѣрны завѣтамъ нашей исторіи. Всякому свое: Востоку восточное, Западу западное. Воздавая должное другимъ, останемся собою и пойдемъ своимъ путемъ. Лишь бы намъ быть искреннѣе въ нашихъ побужденіяхъ, яснѣе и правдивѣе въ нашей мысли, мы найдемъ въ себѣ самихъ источники и силу всякаго успѣха. Не случайно сложилось наше могущество въ мірѣ, и не даромъ существуетъ Россія...

9 сентября.

Наблюдателя, особенно иностранца, домашняго или изъ-за границы пришедшаго, долженъ поразить блескъ отсутствія полиціи на всѣхъ людныхъ мѣстахъ во время пребыванія Царской Семьи въ Москвѣ. Массы несмѣтныхъ наполняли улицы при проѣздѣ Государа; старожилы не заломнятъ такихъ громадныхъ стеченій народа, такого горячаго движенія массъ. И что же? полиціи почти не видно; лишь кое-гдѣ, будто въ обыкновенное время, встрѣтится городской, мѣстами жардармъ, и то болѣе для вида нежели для дѣйствія. Но старожилы точно также не заломнятъ чтобы когда-нибудь, при многочисленныхъ стеченіяхъ народа, не смотря на усиленные

старанія полиціи, соблюдался такъ строго порядокъ. Сотни тысячъ людей въ движеніи на небольшомъ пространствѣ, и никакихъ безпорядковъ, полное самообладаніе.

Дѣло въ томъ что полицію теперь держитъ самъ народъ; онъ не только съ восторгомъ встрѣчаетъ своего Государя, не только рвется горячо выразить свою преданность Ему, но ревностно охраняетъ Его пути. Это ли страна мятежа и революціи каковою хотѣли представить Россію? Это ли власть безъ народа и народъ безъ власти? Это ли правительство въ осадѣ, яко, бы вынуждаемое сдавать кому-то ввѣренную ему государственную цитадель?

Вотъ опроверженіе злонамѣренной лживости толковъ о нашемъ государственномъ разстройствѣ, объ упадкѣ нашего народнаго духа; вотъ очевидное для всѣхъ доказательство,—если только это требуетъ доказательствъ—что появившаяся у насъ крамола обязана лишь обману своею дерзостію. Достаточно одного яснаго взгляда чтобы призракъ исчезъ и одного твердаго шага чтобы намъ очутиться на почвѣ дѣйствительности, гдѣ все въ порядкѣ, все исполнено жизни и силы, и все ждетъ не дождется когда же кончится затменіе. Не слабый голосъ нашъ, а все вокругъ, все что мы видимъ теперь въ Москвѣ,—и этотъ народный энтузіазмъ, и это самообладаніе народныхъ массъ, и эта способность ихъ организоваться для цѣлей государственныхъ, и наконецъ эта блестящая Выставка русскаго труда, все свидѣтельствуютъ о здоровьѣ нашего народнаго организма. Если мы чѣмъ больны, то развѣ только налетнымъ воображеніемъ будто мы больны. Съ большимъ чѣмъ когда-либо убѣжденіемъ можно спросить теперь вслѣдъ за повтомъ:

...Еще ли Россѣ

Больной, ослабленный колоссъ?

Никогда наше отечество не было такъ могущественно и никогда единеніе народа съ государствомъ, всегда неразрывно крѣпкое, не было такъ живо, и никогда прежде не могло бы быть такъ плодотворно какъ теперь. Говорятъ о необходимости призвать какое-то общество для содѣйствія правительству. Но правительство уже совершенно обезпечено надежнымъ содѣйствіемъ всѣхъ и cadaго въ народѣ. Весь народъ, всѣми своими сословіями, сверху до низу, готовъ содѣйствовать правительству въ общемъ дѣлѣ и въ единомъ духѣ. Историческій, все объединяющій духъ нашего народа не покинулъ

насть, лишь бы только мы охотно слѣдовали его внушеніямъ, лишь бы правительство само оставалось вѣрно ему, лишь бы мудрость правительственная нашла способъ устроить въ этомъ духѣ народныя силы для государственныхъ цѣлей. Нѣтъ лучшей опоры правительству какъ заодно съ нимъ дѣйствующія, однимъ духомъ проникнутыя, твердо организованныя, живыя силы народа.

Въ одинъ день съ Ихъ Величествами прибылъ къ намъ, въ Москву, Николай I Нѣгушъ князь Черногорскій, доблестный вождь роднаго намъ племени, краса и честь Славянскаго міра и православнаго Востока. Радостно привѣтствовала его Москва, которая съ трепетомъ и восторгомъ слѣдила за его подвигами въ недавнюю войну, за чудесами самоотверженія и храбрости его юнаковъ, не отдѣляя ихъ въ своемъ чувствѣ отъ сыновъ Россіи, также самоотверженно и также доблестно бившихся въ то время за освобожденіе братьевъ. Его высочество испыталъ въ день своего пріѣзда, въ Кремлѣ, какъ знаетъ своего „вѣрнаго друга“ Русскій народъ и какъ горячо ему сочувствуетъ. Эти привѣтствія изъ глубины народныхъ массъ не могли не тронуть его...

II.

сентября 9.

Пріѣздъ князя Черногорскаго въ Россію и сердечный оказанный ему пріемъ обратили на себя вниманіе въ Европѣ, особенно въ Австро-Венгріи. О политическомъ значеніи поѣздки Князя измышляются всевозможныя небылицы, которыя однако проливаютъ свѣтъ на отношенія между Черногоріей и ея ближайшимъ сосѣдомъ.

До послѣдняго времени австро-венгерская печать была скудна свѣдѣніями о положеніи дѣлъ въ Черногоріи. Правда, въ австрійскихъ газетахъ мы находили довольно часто разсужденія какъ о внутреннихъ такъ и о вѣнскихъ отношеніяхъ Черногорскаго княжества, но только разсужденія. Чешскія, а отчасти и вѣнскія офиціозныя газеты, проповѣдывали что Черногорію необходимо привлечь на сторону Австро-Венгріи и восхваляли „лояльность“ Князя, который будто бы, въ противность своимъ ближайшимъ совѣтникамъ, искренно преданъ австро-венгерской политикѣ. Задача этой политики, по словамъ помянутыхъ газетъ, состоитъ только въ томъ чтобъ отдавить Черногорію отъ Россіи. Другія газеты, въ особенности

же венгерскія, во главѣ съ офиціознымъ органомъ высшаго Венгерскаго кабинета *Пештскимъ Ллойдомъ*, неистово нападали какъ на народъ Черногорскій, такъ и на его Князя, который не смотря на все якобы сдѣланное Австро-Венгріей для Черногоріи добро, тѣмъ не менѣе предавъ де панславистамъ и оказываетъ поддержку боснійскимъ и герцеговинскимъ цвсургентамъ. Съ необыкновенною запальчивостію органы эти требовали чтобы Черногорія была „укрощена“, и указывали на самый слособъ „укрощенія“. Убѣдившись на опытъ что съ этими горцами сладить не легко и зная что выступленіе австро-мадьярскихъ войскъ въ Черногорію изъ Герцеговины могло бы встрѣтить непреодолимая затрудненія и обойтись очень дорого, газеты указывали что Австріи будетъ всего удобнѣе захватить прежде всего Дульциньо и Антивари, и отрѣзавъ такимъ образомъ Черногорію ото всего міра, предлсать ей какія угодно условія, благо Россія занята своими внутренними дѣлами и не захочетъ помѣшать планамъ „дружественной“ Австро-Венгріи.

Съ перваго же взгляда всякому должно броситься въ глаза что всѣ австрійскія газеты смотрѣли на Черногорское княжество какъ на спутника Австро-Венгерскаго солнца. Взгляды этихъ газетъ расходились только относительно слособа, какимъ выгоднѣе окончателно подчинить Черногорію вліянію Австро-Венгріи. Вся австрійская печать пребывала, по видимому, въ томъ наивномъ убѣжденіи что Россія для того только проливала драгоценную кровь своихъ сыновъ чтобы оказать услугу Австро-Венгріи и отдать на ея произволъ весь Балканскій полуостровъ.

Пока еще трудно судить насколько австрійская печать выражала мнѣнія вѣвскихъ правительственныхъ сферъ.

Пока возстаніе въ Бокѣ Которской и Герцеговинѣ не было еще сломлено, Австрійское правительство, судя по сладкому тону вѣвскихъ офиціозныхъ газетъ, заискивало предъ Черногоріей, содѣйствіе которой, даже совершенно пассивное, могло оказать Австрійцамъ большія услуги. Къ князю Николаю обратились съ просьбой быть посредникомъ между австрійскими войсками и далматинскими бѣглецами. Австрійское правительство обѣщало что всѣмъ цвсургентамъ которые вернутся на родину будетъ дарована полная амнистія и—не сдержало своего обѣщанія. Большинство Кривошіанъ поэтому и теперъ находятся въ Черногоріи и не желаютъ вернуться восвосяи. Когда главные отряды Герцеговинцевъ

были наконецъ вынуждены уступить австрійскимъ войскамъ, изъ Герцеговины также потянулась масса бѣглецовъ въ Черногорію, такъ что число выходцевъ простиралось еще недавно до 10.000 человекъ. Забота объ этихъ несчастныхъ пала на Черногорское правительство, которое, какъ видно изъ официальныхъ отчетовъ, израсходовало на содержаніе ихъ около 500.000 гудденовъ,—сумму для бѣдной Черногоріи весьма значительную.

Съ подавленіемъ возстанія въ Герцеговинѣ, требованія Австрійскаго правительства усилились. Баронъ Тёммель, австро-венгерскій министръ-резидентъ, настаивалъ неоднократно чтобъ извѣстные вожди инсургентовъ были заключены въ тюрьму, что еще болѣе укрѣпляло бѣглецовъ въ ихъ намѣреніи не возвращаться на родину. Между тѣмъ скудные средства Черногорскаго правительства повидимому истощились. Положеніе князя Николая и его правительства, въ виду этихъ обстоятельствъ, при сочувствіи Черногорскаго народа къ своимъ братьямъ изъ Герцеговины и Далматіи, стало очень затруднительнымъ. Между тѣмъ Австрійское правительство внезапно повысило всѣ пошлины на привозимые изъ Черногоріи въ Австрію предметы, и привозъ вслѣдствіе этого почти совершенно прекратился. Холодный приемъ оказанный князю въ Вѣнѣ подтверждаетъ что Австрійское правительство сбросило маску и, не нуждаясь болѣе въ услугахъ Черногоріи, разчитывало что въ концѣ концовъ стѣсненной Черногоріи придется исполнить все чего отъ нея потребуютъ въ Вѣнѣ. Последніе переговоры между княземъ Николаемъ и австрійскими министрами „не привели однако къ желательному результату“: такъ по крайней мѣрѣ возвѣщаютъ офиціозныя австрійскія газеты.

При этихъ обстоятельствахъ лѣздка князя Черногорскаго въ Россію и въ особенности радушный приемъ ему здѣсь оказанный произвели въ Австріи сильное впечатлѣніе. Въ особенности искреннія слова Князя, сказанныя въ отвѣтъ на привѣтствіе предсѣдателя С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, поставили вѣнскихъ газетныхъ политиковъ въ тупикъ. Теперь они ясно видятъ что ошиблись, предполагая что Князь Черногорскій долженъ во всемъ слѣдовать приказаніямъ изъ Вѣны и что у него не можетъ быть своей національной политики. Интересы Россіи и Черногоріи солидарны, и въ этой солидарности кроется

сила которая легко может помѣшать планамъ простирающимся „jusqu'au delà de Mitrovitz“. Въ Вѣнѣ это хорошо знаютъ; поэтому тамъ и не понравилось торжественное заявленіе князя Николая въ Петербургѣ что онъ „остался вѣренъ и будетъ вѣренъ Русскому народу и идеѣ которая имъ выражается.“

10 сентября.

Предметомъ кратковременнаго посѣщенія Москвы Ихъ Императорскими Величествами была въ этотъ разъ Всероссійская Художественно-Промышленная Выставка. Праздникъ русской промышленности былъ бы не въ праздникъ безъ присутствія на немъ хозяина. Три дня почти вполнѣ посвящаетъ Хозяинъ Русской земли подробному обзору выставленныхъ образцовъ. Для всѣхъ, для своихъ и чужихъ, для друзей и недруговъ, эта выставка явилась великою неожиданностію. Когда наглый обманъ объявлялъ насъ заглохшею въ варварствѣ страной, неспособнымъ къ самостоятельной жизни народомъ, а мы слабодушно этому вѣрили и вторили,—явилось это блистательное собраніе образцовъ народнаго труда и неистощимыхъ богатствъ нашего великаго отечества.

Токи о русской неумѣлости, о косности русскаго труда, о непробудномъ снѣ въ которомъ будто бы пребываетъ русская промышленность, должны отнынѣ прекратиться. Клеветникамъ на Русскій народъ желающимъ приуныть его отрицающее присутствіе въ немъ задатковъ къ самостоятельному развитію и необходимыхъ для того силъ придется ловить тонъ.

У насъ всѣ привыкли удивляться, часто съ чужихъ словъ, громаднымъ успѣхамъ достигнутымъ промышленностію западныхъ странъ; но при этомъ забываютъ какой долгій періодъ времени требовался тамъ для того чтобы промышленность создалась, развилась и окрѣпла, какая могущественная поддержка оказывалась ей въ каждомъ государствѣ, какую сильную охрану въ теченіе вѣковъ находила она въ таможенныхъ тарифахъ. Сравнительно съ иностранною, наша промышленность родилась чуть не вчера; такимъ неуклоннымъ и мощнымъ государственнымъ покровительствомъ, какъ напримѣръ въ Англіи и Франціи, ей не суждено было пользоваться; сравнительно краткіе періоды, когда ей оказывалось необходимое поощреніе, какъ напримѣръ при графѣ Каякявѣ, смѣнялись періодами полнаго о ней небреженія. Сравнивая условія при которыхъ росла промышленность въ

другихъ странахъ и у насъ, нельзя не признать что первая до періода полной возмужалости пользовалась самымъ тщательнымъ уходомъ, наша же была оставлена на произволъ судьбы и бывала въ загоны.

Русская промышленность, тѣмъ не менѣе, благодаря энергіи народнаго духа, не переставала восходить изъ силы въ силу. На каждой новой выставкѣ русская промышленность выступала все съ большею для себя честію, а нынѣшняя выставка въ Москвѣ показываетъ что мы можемъ не только сравняться съ иностранцами, но во многомъ и превзойти ихъ, что частію уже и достигнуто.

Выставка доказываетъ что наши заводчики изготовляютъ самые сложныя, самые тонкіе механизмы; машины системы compound, валпримѣръ, считаются самыми трудными для фабрикаціи, между тѣмъ мы видимъ что ихъ не только изготовляютъ наши мелкіе заводчики, но даже дѣлаютъ въ нихъ капитальныя улучшения; сложныя машины для рафинадныхъ заводовъ которыя всегда выписывались изъ-за границы вытѣснены машинами нашихъ фабрикантовъ, такъ какъ при одинаковомъ достоинствѣ стоятъ гораздо дешевле. Десять лѣтъ тому назадъ выписывались изъ Англіи не только большія машины, но даже просто локомобили; теперь достаточно взглянуть на машину Курбатова, Бромлея или локомобиль Ортвейна чтобы убѣдиться что выписывать изъ-за границы нѣтъ болѣе надобности. Желѣзнодорожныя заводы также подвинулись: не смотря на крики и жалобы, наши вагоны и крѣпче и комфортабельнѣе заграничныхъ. Военное и Морское Министерства стали всѣ свои нужды исполнять дома такъ какъ Обуховскія лужки оказываются нисколько не хуже Крулловскихъ, а машины Невскаго или завода Бѣрда не хуже знаменитыхъ машинъ Пена. Если мы перейдемъ въ Мануфактурный отдѣлъ, то увидимъ то же самое: ситцы и бумажныя бархаты Рабенека, Баранова, Морозова, поражаютъ своею дешевизной при изяществѣ, а наряду съ этими дешевыми матеріалами роскошныя и совершенно самобытныя произведенія Саложникова и другихъ.

Выставка наконецъ ознакомила насъ съ новыми и оригинальными изобрѣтеніями и примѣненіями. Укажемъ на нефтяное отопленіе, зародившееся и разработанное у насъ въ Россіи. Этого рода толщину предстоитъ играть важную роль; неисчерпаемые запасы нефти и нефтяныхъ остатковъ, варварски уничтожавшихся, должны быть утилизованы, и только

у насъ разработать этотъ вопросъ и примѣненъ къ дѣлу. Одного перечня именъ Яблочкова, Ладыгина, Тихомирова, Чиколева и другихъ достаточно чтобы убѣдиться что и въ области электричества, этой злобы дня, сдѣлано и у насъ не мало. Свѣтъ Яблочкова признанъ лучшимъ, а лампа Ладыгина несколько не уступаетъ Эдисоновской. Не станемъ говорить о совершенно оригинальныхъ, представляющихъ вершъ изящества, чеканныхъ издѣліяхъ Сазикова, Овчинникова, Хлѣбникова; не будемъ останавливаться на услѣхахъ нашей фотографіи и другихъ искусствъ и ремеслъ; укажемъ на форму труда которая нигдѣ не имѣетъ себѣ ничего подобнаго. Мы говоримъ о кустарной промышленности. Она ведется съ незапамятныхъ временъ, и издѣлія *кустарей*, фабрикуемая самими первобытными инструментами, иногда трудно отличить отъ произведеній извѣстныхъ фирмъ.

Что же сдѣлала бы энергія народнаго труда, какъ развилось бы наше производство, какіе важные экономическіе результаты были бы достигнуты, есаибы русскій трудъ былъ издавна поставленъ въ благопріятныя условія?

Большая часть напряженія нашихъ производительныхъ силъ пропадаетъ безъ результатовъ. Русскому производству не обезпечены даже русскіе рынки благодаря недоосмотрамъ нашей таможенной и желѣзнодорожной политики. Даже технические услѣхи мало помогаютъ въ конкуренціи съ иностранцами у себя дома: мистическая вѣра въ превосходство всего иностраннаго и въ негодность своего была до сихъ поръ такъ сильна что лучшія произведенія русской промышленности, для обезпеченія имѣ хоть какого-нибудь сбыта, выдаются за привозныя. Кто не знаетъ что благодаря привычкѣ не признавать хорошимъ ничего русскаго, у насъ лучшія русскія сукна продаются за англійскія, лучшія русскія шелковыя издѣлія за ліонскія, что на русскихъ ножевыхъ издѣліяхъ ставятъ англійскія и нѣмецкія клейма? Неужели однако это непризнаніе русскаго производства и презрѣніе къ нему останется въ силѣ и послѣ вывѣшной выставки, на которой достоинство и услѣхи русскаго труда такъ ясно выразились что не могли не быть признаны всѣми?

Доказавшая свою жизнѣнность и силу русская промышленность заслуживаетъ того чтобы ей были оказаны вниманіе и поддержка. Всего нужнѣе обезпечить за ней возможно болѣе обширный сбытъ возвышеніемъ тарифа и недопущеніемъ

иностранныго транзита, особенно чрезъ Кавказъ, на тѣ азіатскіе рынки которые можно, а стало-быть и должно, закрыть за русскимъ производствомъ. Но помимо этого желательно, конечно, въ интересахъ русской промышленности и многое другое. Такъ, между прочимъ, требуется болѣе серьезная подготовка дѣловыхъ техниковъ. Это давно признано, но училища для этого недостаточны. Промышленный міръ мало пользуется услугами теоретиковъ выпускаемыхъ академіями, предпочитая имъ техниковъ практически знакомыхъ со всеми сторонами и условіями производства. Промышленный міръ дорожитъ только тѣми техниками которые образовались на фабрикахъ и заводахъ. Англія изобилуетъ искусными людьми по всемъ отраслямъ своего производства, но свое техническое образованіе они выносятъ не изъ лекцій, а изъ практической школы на самомъ производствѣ, не изъ академій, а изъ заводовъ и фабрикъ гдѣ они проходятъ собственнымъ трудомъ всѣ стелени технического дѣла.

III.

6 сентября.

Каиръ занятъ Англичанами, Араби-паша въ плѣну, экспедиція кончена... Быстрота событій поразительна! Какая тому причина? Положеніе Англичанъ въ военномъ отношеніи было критическое: они были слабѣе силами, имъ приходилось бороться съ природой, брать съ боя укрѣпленную позицію у войскъ еще почти наканунѣ храбро дравшихся въ открытомъ полѣ. Дѣло было рѣшено побѣдой не подъ Тель-эль-Кебиромъ, а въ Константинополѣ. Араби-паша, въ своемъ сопротивленіи хедиву и въ борьбѣ съ Англичанами, могъ опираться только на мусульманскую идею и ею властвовать надъ войсками и населеніемъ. Самъ по себѣ онъ ничего не значилъ. Все обаяніе его было въ знамени Пророка, которое онъ поднималъ противъ иностраннаго преобладанія. Глава мусульманскаго міра, стамбульскій калифъ, благословилъ его, и въ самый разгаръ возстанія отличилъ его высокою наградой. Вооружаясь противъ хедива, Араби былъ въ глазахъ населеній не бунтовщикомъ, а карателемъ невѣрнаго правителя во имя высшей власти и освободителемъ страны отъ алчныхъ иностранцевъ. Только въ силу этого обаянія могъ онъ стать полновластнымъ диктаторомъ. Англійская дипло-

нтія понимала это, и оумѣла настоять на томъ что тотъ же калифъ объявилъ наконецъ Араби-лашу бунтовщикомъ и запретилъ ему именоваться лашой. Съ этой минуты все измѣнилось. Объявленіе диктатора лашо съ чрезвычайною быстротой. Прокламація обнародована въ Константинополѣ 7 сентября, а черезъ недѣлю, 15го, диктаторъ уже былъ въ рукахъ Англичанъ. Тотчасъ по объявленіи султаномъ прокламаціи, всѣ перестали слушаться его: ни одно распоряженіе имъ отданное не было приведено въ исполненіе, желѣзныя дороги, телеграфы, все досталось Англичанамъ, въ войскахъ пала дисциплина, и Араби былъ вынужденъ оставить безъ исполненія планъ обороны, который, казалось, сулилъ ему вѣрный успѣхъ. Онъ и самъ упалъ духомъ. Чтѣ, въ самомъ дѣлѣ, значить онъ когда отъ него отступилась глава мусульманскаго міра, и объявилъ его бунтовщикомъ? Вотъ гдѣ кроется причина поразительнаго успѣха англійскихъ войскъ. Побѣда одержана не стратегіей и тактикой, а дипломатіей, не Волзеемъ, а Дѣфферивомъ. Войска только воспользовались побѣдой дипломатіи. Это какъ разъ на оборотъ тому чтѣ было въ нашу войну.

Предъ объявленіемъ султанской прокламаціи, еще въ началѣ сентября новаго стила, въ Константинополѣ ходили слухи о весьма рѣшительномъ планѣ Египтянъ; говорили что Суэскій каналъ будетъ испорченъ въ южной части, что въ то же время въ сѣверномъ его концѣ Египтяне нападуть на англійскіе охранительные отряды и, замкнувъ каналъ, лишатъ англійскія суда возможности вылазть оттуда. Даже въ южныхъ турецкихъ сферахъ этому вѣрили, и конечно не безъ основанія: рекогносцировка произведенная Араби-лашой 9 сентября, дѣйствительно, обнаружила намѣреніе его ударить во флангъ и тылъ Англичанъ. Присутствіе у Салигье, всего въ 50 верстахъ отъ Каптары (на каналѣ) значительныхъ силъ Египтянъ тоже указываетъ на ихъ намѣреніе обрушиться на незащищенную часть англійскаго операціоннаго базиса. Испортить каналъ не трудно, такъ какъ ширина его незначительна. Но ударъ постигшій египетскаго диктатора въ Константинополѣ разрушилъ всѣ его планы. Англійскій полководецъ, тотчасъ за объявленіемъ султанской прокламаціи, ударилъ на Тель-эль-Кебирь. У Араби-лаши въ Тель-эль-Кебирь, по англійскимъ свѣдѣніямъ, было отъ 25 до 30 тысячъ войскъ при 70 орудіяхъ. Волзее располагалъ

всего 11 тысячами пѣхоты, двумя тысячами кавалеріи и 60 орудіями. Выступивъ со своей позиціи около полуночи, пройдя спокойно ничѣмъ не потревоженные, Англичане предъ разсвѣтомъ выстроились къ бою и въ четыре часа 30 минутъ утра съ большою стремительностью атаковали Египетскую линію, направляя главныя силы вдоль желѣзной дороги въ правый флангъ Египтявъ; въ то же время англійская кавалерія стала обходить Тель-эль-Кебирскую линію, направляясь къ Бельбейсу, на путь отступленія Египтявъ къ Каиру. Египтяне оказали слабое сопротивленіе. Англичане захватили лагерь, обозъ, орудія. Египетская пѣхота, обитая съ позиціи, бросилась въ рассыпающую, частью въ Загазигъ, частью „въ пустыню“ по сторонамъ желѣзной дороги и прѣсноводнаго канала. Египтяне были совершенно деморализованы. Бой при Тель-эль-Кебирѣ кончился рано; преслѣдуя отступавшихъ Египтявъ и сдѣлавъ усиленный переходъ, индійскія войска вечеромъ въ тотъ же день заняли Загазигъ. Между тѣмъ англійская кавалерія, миновавъ Бельбейсъ, подходила къ Каиру. Желѣзныя дороги, вопреки расчетамъ и распоряженіямъ диктатора, не были испорчены, и англійскій авангардъ прибылъ 14 сентября въ Каиръ по желѣзной дорогѣ.

Движеніе Англичанъ и пораженіе Араби-паша подъ Тель-эль-Кебиромъ сдѣлалось извѣстно въ Каирѣ и Кафрѣ-Доварѣ 13 сентября еще днемъ. Командующій египетскими войсками въ Кафрѣ-Доварѣ, получивъ это извѣстіе, призвалъ необходимымъ покориться. На другой день утромъ начались переговоры, а затѣмъ въ Кафрѣ-Доварѣ прибыла Каирская депутація отправлявшаяся въ Александрію для изъясненія покорности хедиву. Араби-паша былъ разомъ оставленъ всѣми и очутился между двухъ огней: съ одной стороны сдающійся Англичанамъ Кафрѣ-Доварѣ, съ другой враждебное населеніе Каира, уже занятого Англичанами, главныя силы которыхъ, съ Волзеемъ, направлялись отъ Загазига прямо на Бенгъ-эль-Азль. Положеніе было безвыходное, о сопротивленіи нечего было и думать, оставалось только положить оружіе. Въ депешѣ Волзее изъ Бенга, отъ 15 сентября, сказано глухо: „Араби и Тульба сдались безусловно, войска ихъ положили оружіе.“ По другимъ извѣстіямъ, оба главные вождя возстанія арестованы каирскимъ префектомъ „за попытку возбудить населеніе къ поджогамъ и грабежѣ.“

Партія сыграна, и Англичанамъ остается лишь принять мѣры чтобъ устранивъ разныя случайности, которыхъ всегда можно ожидать отъ населенія пораженнаго логомомъ арміи, но еще не умиротвореннаго. Въ то же время англійская дипломатія принимаетъ мѣры чтобы предотвратить высадку турецкихъ войскъ гдѣ бы то ни было. 14 сентября лордъ Дифферинъ былъ приглашенъ въ Порту подписать конвенцію, но не счелъ нужнымъ явиться.

Пойдутъ ли теперь Англичане съ повинною головою въ Берлинъ и предоставятъ ли ареолагу мнѣшеской Европы выдѣлить имъ частицу изъ стяжаній добытыхъ, впрочемъ не столько ихъ кровью сколько настоячивымъ натискомъ ихъ политики? Правда, въ началѣ Египетской кампаніи, въ Берлинѣ и Вѣнѣ заключались было что всякій трактатъ который будетъ вырванъ англійскимъ оружіемъ у Турціи или Египта подлежить такой же урѣзкѣ какъ и Санъ-Стефанскій договоръ, но теперь объ этомъ нѣтъ рѣчи...

IV.

3 сентября.

Праздникъ женской классической гимназіи гжи Фишеръ, по случаю десятилѣтія существованія заведенія, переноситъ нась за десять, за девять лѣтъ предъ симъ. Тогда былъ въ ходу женскій вопросъ,—вопросъ о высшемъ образованіи женщины. Нездоровое повѣтріе гуло со всѣхъ концовъ Россіи молодыхъ дѣвицъ ко дверямъ университетовъ, за границу, въ Швейцарію, въ Цюрихъ. Злонамѣренная агитация была главнымъ образомъ направлена на школу, на учащуюся молодежь, на женщину. Сколько юныхъ существованій было загублено гнусѣйшимъ изъ обмановъ, который овладевая добрыми порывами не оперившихся умовъ увлекаетъ свои жертвы въ невылазное болото разврата и преступленій! Но въ то время, съ Божіею помощію, совершилось глубокое и рѣшительное преобразование русской школы, которымъ спасено наше будущее. Въ то же время возникъ и первый опытъ правильнаго уравненія женскаго образованія съ мужскимъ въ гимназіи гжи Фишеръ. Еще до открытія этого учебнаго заведенія, въ началѣ іюля 1872 года, мы присутствовали предпріятіе гжи Фишеръ и сулили ему полный

успѣхъ. „Учебное дѣло, писали мы въ № отъ 2 юня 1872, у насъ есть дѣло новое и пока еще очень слабое. Нѣтъ у насъ тѣхъ могущественныхъ, выработанныхъ исторіей силъ какими держится оно на высотѣ въ просвѣщеннѣйшихъ странахъ Европы. Исторія нашего учебнаго дѣла представляетъ лишь рядъ разрушеній и колебаній. Что и было у насъ общаго прочное развитіе, то было сломано и почти не оставило слѣдовъ. У насъ нѣтъ ни педагогическихъ преданій, ни школъ въ которыхъ уставы восходили бы далѣе вчерашняго дня... Вотъ почему у насъ было бы особенно важно ввести интеллектуальный интересъ въ нѣдра семьи и въ ней найти опоры для высшаго образованія. А въ семьѣ интересъ этотъ можетъ утвердиться только чрезъ женщину. Было бы желательно чтобы матери семействъ были не чужды высшимъ интересамъ науки и просвѣщенной педагогической опытности, и чтобы онѣ сами умѣли отличать истинные пути образованія отъ ложныхъ. Правильное и основательное образованіе не умалитъ женскаго въ женщинѣ; напротивъ, свойственныя ей качества могутъ отъ того получить лишь новое прекрасное развитіе...“

Опытъ удался сразу. Чрезъ годъ, въ сентябрѣ 1873 года, по поводу первой годовщины гимназій гжи Фишеръ, мы могли съ полнымъ убѣжденіемъ высказать рядъ соображеній о женскомъ образованіи, которыя считаемъ не лишнимъ повторить и теперь, послѣ десятилѣтней годовщины этого учебнаго заведенія, давшей уже четыре выпуска дѣвицъ окончившихъ полный курсъ не только равносильный классическому курсу мужскихъ гимназій, но быть-можетъ превосходящій его по высотѣ и успѣхамъ учаща.

Москва, 1 сентября 1873.

Вопросъ о женскомъ образованіи заслуживаетъ серіознаго вниманія. Нельзя видѣть въ немъ только капризъ времени; надобно признать въ его основѣ существенную потребность, которая дождалась своей очереди и даетъ себя чувствовать въ наше время сильнѣе чѣмъ когда-нибудь. Плохое дѣло расправляться съ возникающими вопросами необращеніемъ на нихъ вниманія; не разумно давать растущей потребности мнимое или шуточное удовлетвореніе. Нельзя также подавлять созрѣвшій вопросъ потому только что имъ овладѣваетъ

безуміе, безсмысліе и развратъ; напротивъ, тутъ-то и слѣдуетъ замяться имъ. Нужно дать ему правильное движеніе для того чтобъ онъ не заблудился на дикихъ путяхъ. Нужно направить живую потребность ко благу, иначе она станетъ неискаемымъ источникомъ зла.

И что сказать противъ образованія женщины вообще? Можно ли съ какой-либо уважительной точки зрѣнія отвергать его въ принципъ? Указываютъ на природу женскую, и находятъ что особенности ея пола предназначаютъ ей сферу иную чѣмъ мужскую. Но особенности женщины суть особенности человѣческой природы, и если женщина во многихъ отношеніяхъ противоположна мужскому, то не для того чтобы во всемъ имѣть чуждый ему удѣлъ, а чтобы во всемъ восполнять его. Въ какой бы сферѣ ни предопредѣляли женщину особенности ея пола, она ни въ чемъ не можетъ считаться изъятою изъ общаго назначенія чело-вѣка или лишенаю даровъ его природы. Она столько же чело-вѣкъ какъ и мужчина, и въ правѣ сказать о себѣ словами древняго поэта: *человѣкъ есмь, и ничего человѣческаго не считаю себѣ чуждымъ*, давая словамъ этимъ несравненно болѣе глубокое значеніе чѣмъ то съ какимъ могъ произнести ихъ римскій невольникъ.

Если особенности женской природы указываютъ на сферу дѣятельности преимущественно ей свойственную, то въ этой сферѣ должно находить себѣ мѣсто и примѣненіе все что составляетъ достоинство и силу чело-вѣка. Чѣмъ особливѣе представляемъ мы себѣ удѣлъ женщины, тѣмъ болѣе должны признавать этотъ удѣлъ способнымъ къ принятію и раскрытію всей полноты чело-вѣческихъ совершенствъ. Отвода для женщины особую сферу, мы тѣмъ самымъ лишаемъ себя и права и разумнаго основанія утверждать что сфера эта можетъ обходиться безъ развитія какихъ-либо сторонъ чело-вѣческаго существа; мы не можемъ сказать что для женскаго назначенія достаточно, на примѣръ, какъ говорится, сердца, и нѣтъ надобности въ образованіи ума или въ развитіи воли. Коль скоро мы скажемъ себѣ что женщина въ отведенной ей сферѣ не можетъ проявить всю полноту чело-вѣческой души, то это будетъ равносильно признанію что мы неправильно, несправедливо и неразумно стѣсняемъ ея назначеніе. Жен-скій удѣлъ понятый въ такомъ смыслѣ былъ бы не предопредѣленіемъ природы, а грубымъ насиліемъ факта, былъ

бы тюрьмой, чѣмъ онъ и дѣйствительно былъ въ шива злоху и теперь есть въ обществахъ варварскихъ. Обрекать женщину на такую долю значить уродовать въ ней образъ Божій.

Наконецъ, говоря о женщинахъ вообще мы не должны забывать что въ дѣйствительности женская природа, какъ и мужская, проявляется въ безчисленномъ разнообразіи индивидуальныхъ характеровъ. Единство общаго тѣла выражается во многообразіи и противоположностяхъ. Бываютъ женщины одаренныя значительною силою мысли и волей способною къ далекому разчитанному дѣйствию. Если въ той сферѣ которая отводится женщинамъ нѣтъ мѣста для развитія столь существенныхъ даровъ человѣческой природы, то что же должны дѣлать обладающія ими женщины?

Если есть сфера по преимуществу свойственная женщинамъ, то это конечно семейная. Но кто сказалъ семейство, тотъ сказалъ все. На семьѣ зиждется весь міръ человѣскій, все исходитъ отсюда и все сюда возвращается; здѣсь и родится человѣкъ, и приходитъ въ силу; здѣсь по преимуществу онъ чувствуетъ себя полнымъ существомъ и приходитъ въ равновѣсіе нарушаемое внѣшнею дѣятельностію; здѣсь онъ живой человѣкъ, обновляющій свои силы, а не простой зубецъ машины или ея регуляторъ; здѣсь ищетъ онъ вдохновеній и успокоенія; можетъ ли этотъ внутренній міръ человека быть чуждъ чему-нибудь человѣческому? Если женщина находитъ въ этомъ мірѣ свое главное назначеніе, то можно ли отказывать ей въ образованіи какъ дѣлѣ для нея излишнемъ?

Впрочемъ, въ наше время, посреди нашей христіанской цивилизаціи, женщина пользуется полнымъ уваженіемъ, и ей въ образованіи не отказываютъ. Ее обучаютъ разнымъ наукамъ, для нея создаютъ особыя учебныя заведенія, которыхъ число растетъ какъ въ другихъ цивилизованныхъ странахъ, такъ и у насъ. Однакоже, почему женскому образованію положенъ предѣлъ который другая половина человѣческаго рода далеко оставляетъ за собою? Отчего мужчина открыто высшее образованіе, къ которому приготавливаютъ его съ дѣтскихъ лѣтъ, а женщину обрекаютъ довольствоваться низшею степенію умственнаго развитія, образованіемъ поверхностнымъ, кое-какимъ? Почему женщина хорошо одаренная не должна восходить на тѣ высоты науки куда подавляютъ мужчину? Не потому ли что назначеніе женщины считаютъ

несовмѣстнымъ съ высшимъ образованіемъ? Не потому ли что, ограничивая женщину сферой семейства, полагаютъ что эта сфера не нуждается въ высокомъ умственномъ развитіи? Были времена когда и государство не нуждалось въ высшемъ образованіи, недавно и для мужчины на всѣхъ поприщахъ его дѣятельности казалось достаточнымъ кое-какое образованіе; но въ наше время ни одинъ народъ не можетъ безнаказанно отставать отъ другихъ въ этомъ отношеніи. Образованіе стало необходимостію, а за отсутствіемъ условій правильнаго образованія возникаетъ фальшивое подобіе его, которое умножаетъ не силу, а безсиліе и въ обществѣ, и въ семьѣ, и въ человѣкѣ.

Можемъ ли мы по совѣсти сказать что семейный бытъ въ современныхъ цивилизованныхъ обществахъ не оставляетъ желать ничего лучшаго и дѣйствительно ли мы убѣждены что въ этой сферѣ все обстоитъ благополучно и что многое зло замѣчаемое нами въ современномъ мірѣ не имѣетъ своимъ источникомъ пренебреженія въ какомъ доселѣ находилась женское образованіе не только у насъ, но и въ другихъ гораздо болѣе образованныхъ странахъ Европы? Въ сравненіи съ мужчиной, женщину называютъ существомъ слабымъ; но развѣ изъ той школы гдѣ воспитывается будущая мать семейства, домохозяйка, помощница мужа и часто законодательница общественнаго мнѣнія, развѣ изъ этой школы можно выносить силу? И хорошо еще если образованіе получаемое женщиной остается лишеннымъ силы; несравненно хуже если ей подъ видомъ вышаго образованія прививается немощь. Въ заботахъ о женскомъ образованіи, не продолжаемъ ли мы радить ее въ красивые доскутки для нашей потѣхи, не забываясь о возвышеніи ея собственнаго достоинства.

Нечего опасаться основательнаго образованія и стѣснять его предѣлы. Пусть женщина идетъ здѣсь наравнѣ съ мужчиной: она пріобрѣтаетъ силу которая вездѣ ей пригодится и во всемъ возвыситъ ея внутреннее достоинство. Если міръ домашняго быта есть сфера по преимуществу свойственная женщинѣ, то это не значитъ чтобы женщина была непремѣнно обязана ограничиваться кругомъ заботъ предписанныхъ ей старымъ Домостроемъ. Если въ низшемъ быту жена бываетъ помощницей мужа во всѣхъ его трудахъ, то почему же не можетъ она быть опорой ему въ высшихъ сферахъ дѣятельности, гдѣ требуется зрѣлая мысль, образованный умъ?

Но ошибочно и неправильно заключеніе будто все что вселитъ на себѣ образъ женщины должно непременно имѣть одинаковый удѣлъ и оставаться безвыходно въ сферѣ семейной дѣятельности. Семейство семействомъ, но нѣтъ основанія исключать женщину изъ высшихъ общественныхъ профессій. Если мужчина видитъ свое призваніе въ дѣятельности общественной, то вѣдь онъ не отрекается же отъ семейнаго быта, отъ семейныхъ дѣлъ и заботъ. Будучи дѣвателемъ общественнымъ и государственнымъ, онъ тѣмъ не менѣе остается же семьяниномъ. Точно такъ же и женщина: пусть она призвана главнымъ образомъ дѣйствовать въ семействѣ, но изъ этого не слѣдуетъ чтобъ она не могла имѣть своей доли и въ общественныхъ призваніяхъ разнаго рода. Къ тому же, всякая ли женщина становится хозяйкой своего дома, матерью своего семейства? Не бываетъ ли вездѣ и всегда множество женщинъ не причастныхъ счастью и заботамъ семейной жизни? Должны ли эти, часто по случайнымъ причинамъ лишенные своей доли въ семейной жизни, оставаться, подобно паріямъ, лишеннымъ всякой доли? Бываетъ- всегда много женщинъ рожденныхъ въ лучшихъ условіяхъ и получившихъ воспитаніе для жизни въ высшихъ общественныхъ сферахъ, но оставшихся безъ куска хлѣба. Должны ли онѣ непременно, чтобы снискивать себѣ хлѣбъ, идти въ кухарки или швеи, находя всѣ высшія профессіи закрытыми для себя? Для чего же это? Справедливо ли это относительно лицъ, и полезно ли для общества? Что касается послѣдняго вопроса, — вопроса объ общественной пользѣ, — то мы не можемъ не замѣтить что онъ въ нашемъ отечествѣ имѣетъ особое значеніе. Въ другихъ странахъ, быть-можетъ, слѣшкомъ чувствуется избытокъ людей; у насъ, напротивъ, все страдаетъ и изнемогаетъ отъ безлюдья. За что мы ни хватимся, вездѣ оказывается недостатокъ въ годныхъ къ дѣлу людяхъ. Намъ ли обречь массу живыхъ нравственныхъ силъ на бездѣйствіе? Намъ ли отвергать женскій трудъ? А надобно замѣтить что женскій трудъ, omnibus caeteris paribus, у насъ часто бываетъ добросовѣстнѣе и отчетливѣе мужскаго. До послѣдняго времени условія образованія были равно плохи какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, и въ этомъ отношеніи обѣ половины человеческого рода были у насъ почти уравнены, и однако между нашими образованными женщинами, чаще чѣмъ между нашими образованными кавалерами, даже съ ихъ университетскимъ

доложеніемъ, встрѣчался дѣльный, здравый и возвышенный умъ. Право, говоря вообще, женщина у насъ лучше чѣмъ мужчина, и мы готовы думать что всякое дѣло въ ея рукахъ, при надлежащей подготовкѣ, будетъ спориться по крайней мѣрѣ не хуже чѣмъ въ мужскихъ и исполняться съ большею честностью. Мы увѣрены что отъ хорошаго женскаго труда наша наука могла бы только выиграть и въ своемъ развитіи, и въ своихъ примѣненіяхъ, и въ своемъ вліаніи на жизнь. Черезъ женщину она глубже проникала бы въ жизнь и обновляла бы ее въ самихъ источникахъ.

Если политическое поприще менѣе всѣхъ свойственно женщинамъ, то ей могутъ быть открыты профессіи гдѣ требуется не меньшее образованіе. Ей и теперь открыта педагогическая дѣятельность, и это поприще, столь важное, столь основное, столь плодотворное, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе требующее дѣятелей, — поприще гдѣ наука у себя дома, — можетъ раскрыться для женщины гораздо шире чѣмъ теперь. Нѣтъ ни малѣйшей причины не доброхотствовать развитію женской дѣятельности на этомъ поприщѣ; напротивъ, все заставляетъ желать чтобы женскій трудъ въ этомъ дѣлѣ былъ сколь можно болѣе поощряемъ и чтобы учебная дѣятельность женщины не ограничивалась низшими степенями, но простиралась и на высшія, а для этого надобно чтобы будущая учительница имѣла возможность сама пройти школу равной силы и высоты съ тою гдѣ готовится будущій учитель.

И у насъ, и въ другихъ странахъ много толкуютъ о допущеніи женщинъ на врачебное поприще. Возникаетъ вопросъ: могутъ ли женщины заниматься медицинскими науками? Состоитъ ли это занятіе ихъ пою? Чтобы стать врачомъ надобно изучать основательно, подробно и наголо многое такое что казалось бы должно оставаться вѣчно прикрытымъ для особъ женскаго пола и о чемъ даже неприлично заводить съ ними недвусмысленную рѣчь. Правда, физиологію преподають у насъ даже для дѣвочекъ въ такъ-называемыхъ женскихъ гимназіяхъ; но тамъ это дѣлается не серьезно, только для украшенія ихъ разнообразными познаніями, для забавы... Врачебная же дѣятельность нуждается въ серьезномъ занятіи дѣломъ, и тутъ всѣ церемоніи приходится оставить. Но толки о неудобствѣ для особъ женскаго пола заниматься медицинскими предметами, съ точки зрѣнія приличія, скромности и стыдливости, не имѣютъ основанія. Волервыхъ, на

это самымъ рѣшительнымъ образомъ возражаетъ тотъ фактъ что женщины не только допускаются, но и привлекаются къ занятіямъ самою неприличною частью медицинскаго дѣла. Если оказывается не только возможнымъ, но полезнымъ и необходимымъ допускать женщину къ изученію акушерскаго искусства, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія не допускать ее, въ видахъ приличія, къ изученію какого бы то ни было предмета входящаго въ сферу врачебной науки. Затѣмъ, нельзя признать основательными опасенія за нравственность когда рѣчь идетъ о *серіозныхъ* занятіяхъ какимъ бы то ни было предметомъ. Вопросъ не въ предметъ, а въ духъ и цѣль занятій. Скромность, стыдливость, цѣломудренность, не страдаютъ нисколько отъ какихъ бы то ни было занятій имѣющихъ дѣльную, добрую и полезную цѣль. Надобно имѣть только обезпеченіе въ дѣльности занятій, каковъ бы ни былъ ихъ предметъ. Есть люди, есть можетъ-быть цѣлыя организованныя шайки развратителей, которые пользуются вопросомъ о женскомъ образованіи какъ средствомъ чинить дурную агитацию въ обществѣ, или завлекать въ свои сѣти и губить молодыя существа не огражденные достаточно ни своею семейною средой, ни своимъ воспитаніемъ отъ обмана во имя науки. Но, какъ замѣтили мы выше, надобно вырвать у обмана и разврата дѣло которымъ они завладѣли, а для этого надобно привести его въ ясность и поставить въ правильныя условія. Привести же въ ясность этотъ вопросъ очень не трудно: пусть та или другая особа женскаго пола докажетъ что она серьезно хочетъ и можетъ посвятить себя изученію какого бы то ни было спеціальнаго знанія. Наука для всѣхъ равна, ея требованія не могутъ измѣняться или приспособляться къ званію или полу. Она обладаетъ непробиваемою привлекательностію для всѣхъ кто способенъ понимать ее, но она строга и неуступлива въ своихъ требованіяхъ и не допуститъ никакой галантерейности въ своемъ обращеніи съ дамами. Если женщина претендуетъ на занятіе которое всегда было предметомъ мужской спеціальности, то она должна и подойти къ нему тѣмъ же путемъ какъ мужчина. Если женщина считаетъ себя въ умственномъ отношеніи равней мужчинѣ и серьезно домогается одинаковыхъ съ нимъ правъ на образованіе, то она должна доказать это своею способностію и готовностію пройти съ дѣтскихъ лѣтъ тотъ самый путь ученья, который шагъ за шагомъ возводитъ на высоту научнаго образованія.

Если есть действительная потребность въ женскомъ университетѣ, то она должна прежде всего выразиться въ потребности женской гимназіи, не той какія этимъ именемъ фальшиво называются у насъ, но настоящей гимназіи, женской только по полу учащихся, но совершенно мужской по содержанию и объему учебнаго курса.

Вопросъ объ учебной системѣ не имѣетъ въ настоящемъ случаѣ никакого смысла. Споръ о различныхъ системахъ общаго научнаго образованія не имѣлъ смысла и въ то время когда рѣчь шла о преобразованіи мужскихъ гимназій. Противники реформы отнюдь не были озабочены тѣмъ чтобы изъ нѣсколькихъ системъ выбрать лучшую, болѣе соответствующую цѣли. Такихъ которые добросовѣстно имѣли въ виду цѣль реформы было между возражателями не много. Такими добросовѣстными возражателями могли быть какія-нибудь больныя головы или любители экспериментовъ *amf gut Glück*, и особаго рода самолюбивые доктринеры-спорщики которые бываютъ при всякомъ дѣлѣ и которымъ обыкновенно до самаго дѣла и нѣтъ надобности. Всѣ же остальные имѣли въ виду цѣли не только не имѣющія ничего общаго съ интересами науки и образованія въ нашемъ отечествѣ, но прямо имъ противоположныя, чего они и не скрывали. Это была коалиція людей злонамѣренныхъ съ обскурантами, точно также какъ и при крестьянской реформѣ. Цѣль учебной реформы состояла въ томъ чтобы возвысить образованіе въ нашей странѣ и поставить въ этомъ отношеніи русскую народность въ условія равныя съ тѣми народами отъ которыхъ мы нищенски и рабски доселѣ получаемъ наше умственное пропитаніе. Правительство въ Россіи со временъ Петра Великаго всегда заботилось о просвѣщеніи; оно призывало и поощряло къ ученью, заводило школы всякаго рода, открывало университеты и академіи и тратило большія суммы на содержаніе заведеній посвященныхъ наукамъ. Но никогда правительственныя мѣры у насъ по части просвѣщенія не были такъ соображены съ интересами науки какъ при послѣдней реформѣ, никогда не были онѣ принимаемы столь рѣшительно въ тѣхъ видахъ чтобы положить въ русскомъ народѣ основанія самостоятельному образованію. Въ прежнія времена не доставало яснаго разумѣнія либо цѣли, либо средствъ, и въ своихъ заботахъ о насажденіи науки мы поступали какъ варвары не понимающіе сущности дѣла и

бросаются на его обстановку; правительственные мѣры казались большею частью только къ тому чтобы создать у насъ нѣкоторое наружное подобіе европейскаго образованія, и къ заботамъ о просвѣщеніи вѣрѣдко примѣшивались опасенія какъ бы не вышла горя отъ ума, и чтобы наука въ серьезномъ, а не шуточномъ развитіи не причинила какого вреда государству. А потому, трата большія деньги на содержаніе заведеній посвященныхъ наукъ, мы косвенно заботились о томъ чтобы ее принизить и обезсилить. Въ виду такой политики, ошибочно-консервативной, пагубно-предохранительной, либеральное мнѣніе у насъ привыкло упрекать правительство въ обскурантизмъ и съ разобленіемъ сравнивало бессильное состояніе нашей науки съ ея могущественнымъ процвѣтаніемъ въ другихъ странахъ. Но времена измѣнились. Правительство вступило на путь реформъ о какихъ едва могли мечтать наши отцы и дѣды. Наступила очередь и вопросу о просвѣщеніи, и правительство сочло себя обязаннымъ трактовать его какъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ государственныхъ вопросовъ,—быть-можетъ самый существенный,—безъ правильнаго разрѣшенія котораго не возможенъ успѣхъ ни въ чемъ, ничто не можетъ считаться обезлеченнымъ, и самая будущность націи становится хуже чѣмъ сомнительною. Наша общеобразовательная школа находилась въ бѣдственномъ положеніи. При существованіи министерства народнаго просвѣщенія, при болѣе значительномъ чѣмъ гдѣ-либо бюджетѣ по этой части, при многихъ университетсахъ и другихъ равноправныхъ имъ высшихъ училищахъ, мы представляли зрѣлище полнаго банкротства въ научномъ отношеніи. Необходимость реформы была самая настоятельная. Однако, и въ виду такой необходимости, правительство не вдругъ принялось за реформу. Надобно было привести вопросъ въ совершенную ясность чтобы разъ навсегда утвердить нашу школу на твердыхъ основаніяхъ. Правительство окружило себя всеми пособіями для правильнаго разрѣшенія этого вопроса законодательствомъ. Оно хотѣло предварительно изучить его во всѣхъ подробностяхъ и собрать всѣ свѣдѣнія касающіяся учебной части въ наиболее просвѣщенныхъ странахъ Европы. Почти пятнадцать лѣтъ длились эти пригетовительныя работы. Снаряжались многія коммисіи для изученія дѣла на мѣстахъ и для разработки проектовъ; при каждой новой фазѣ въ разсмотрѣніи вопроса спрашивали

живія известнѣйшихъ въ Европѣ ученыхъ и педагоговъ. Не было подробности которая не была бы тщательно соображена и взвѣшена. Нигдѣ никакая реформа не подвергалась такому долгому искусству какъ въ наше время учебная въ Россіи. Никто не можетъ сказать чтобы въ дѣлѣ этомъ законодательство наше поступило опрометчиво. Съ полнымъ убѣжденіемъ и совершенною ясностью оно впервые установило начала обученія соотвѣтствующія требованіямъ науки во всей силѣ значенія соединяемаго съ этимъ словомъ, и поставило русскій умъ въ условія развитія приблизительно равныя тѣмъ при какихъ умственные силы развиваются для цѣлей науки у самыхъ прогрессивныхъ въ этомъ отношеніи націй.

Повторимъ, никогда Русское правительство не принимало мѣръ столь соображеннои съ интересами науки, столь либеральной въ этомъ отношеніи, столь способствующей дѣйствительному прогрессу, какъ исполненная въ наше время учебная реформа. Еслибъ оно во сто и болѣе разъ тратило денегъ на постройку училищныхъ зданій, на ларкеты въ залахъ и на выставку учебныхъ аппаратовъ, оно ни мало не двинуло бы науки въ нашемъ отечествѣ. Наука имѣетъ дѣло съ умомъ, и вся задача состоитъ въ томъ чтобы къ высшему образованію прислѣвали умы дѣйствительно способные овладѣть имъ. Всякій легко пойметъ что одинъ возрастъ не дѣлаетъ людей зрѣлыми къ тому; точно также не дѣлаютъ ихъ къ тому способными одежда или внѣшнія украшенія. Мыслящій человѣкъ пойметъ также что умъ только поверхностно возбужденный, но не развитый, не укрѣпленный, не приученный къ правильному труду,—плохое орудіе для усвоенія науки въ высшемъ значеніи этого слова. Следовательно, задача состоитъ въ томъ чтобы для цѣлей науки воспитывать умъ съ дѣтскаго возраста, и не предрѣшая будущей специальности учащихся, шагъ за шагомъ развивать ихъ силы выработанными въ продолженіе вѣковъ методами и на испытанныхъ въ своемъ образовательномъ дѣйствиіи предметахъ. Учебная реформа удовлетворила этому требованію. Она основала у насъ общеобразовательную школу имѣющую дѣло съ возрастомъ между дѣтствомъ и зрѣлымъ юношествомъ на тѣхъ же самыхъ началахъ какъ въ самыхъ прогрессивныхъ странахъ міра.

Въ старыя времена, когда правительство заставляло дворянскихъ дѣтей учиться грамотѣ и цифири, Простаковы

откровенно протестовали противъ всякаго ученя, вида въ немъ излишнюю обузу. Извозчикъ, говорили они, и безъ географіи довезетъ куда нужно. Простаковы нашего времени не безъ хитрости. Они кричатъ что новые порядки придуманы для того чтобы стѣснить развитіе науки: они, видите ли, вступаются за науку. Гимназіи наши переполнены учащимися и вынуждены отказывать въ приемъ, вслѣдъ за реформой непрерывно открываются новыя гимназіи и прогимназіи,—и въ виду этого факта обскуранты, переодѣвшіеся въ ревнители просвѣщенія, все-таки кричатъ что правительственныя мѣры по учебной части клонятся къ уменьшенію числа учащихся. Чтобы удовлетворить ихъ, правительство должно было бы пренебречь требованіями науки и забыть объ интересахъ высшаго образованія, пожертвовать будущастью нашей народности, судьбами нашего государства, и вмѣсто всякой реформы объявить что Митрофанушки нашего времени могутъ оставаться на томъ же уровнѣ ученія до какого подтянули ихъ дѣдушекъ Кутейкины, Цыфиркины и Вральманы, и при этомъ пользоваться преимуществами людей ученыхъ. Правительство поступило бы, по мнѣнію этихъ господъ, самымъ просвѣдительнымъ и прогрессивнымъ образомъ еслибъ оно признало курсъ уѣздаго училища, съ нѣкоторыми прикрасами, достаточнымъ для поступления въ университеты.

Но мы возвращаемся къ вопросу о женскомъ образованіи. Если адвокаты этого дѣла дѣйствительно радѣютъ ему, если они не обманываютъ себя или другихъ и искренно убѣждены что женщина столько же способна къ умственному развитію какъ и мужчина, то они должны неминуемо требовать такой же точно школы для умственнаго воспитанія дѣвочекъ какъая считается необходимою для приготвленія мальчиковъ къ высшему образованію въ университетахъ. Свои права на высшее образованіе женщина можетъ доказать не тѣмъ что острижетъ себѣ волосы, надѣнетъ очки, возьметъ себѣ *гражданина* супруга и заучитъ символъ новой вѣры состоящій въ томъ что человекъ есть скотина, а Бога не существуетъ. Все это можетъ быть и очень хорошо, но не имѣетъ ничего общаго съ наукой, которая требуетъ извѣстной стѣпени умственной зрѣлости. Добросовѣстные и искренніе защитники правъ женщины на высшее образованіе должны заботиться о томъ чтобы она могла воспитываться въ условіяхъ

равныхъ съ мужчиной, и доказать что она способна проходить съ успѣхомъ ту же воспитательную школу ученаго характера какая считается вообще необходимою для самостоятельнаго занятія наукой. Что могутъ они сказать противъ этого? Скажутъ ли они что такая школа слишкомъ *учена* для дѣвочекъ, или имъ не подъ силу? Но это значило бы опровергать свой же тезисъ. Скажутъ ли они что не вѣрять въ принятую для приготовительной школы систему и думаютъ что той же цѣли можно достигать другимъ путемъ? Но они еще разъ обличаютъ свою несостоятельность: рѣчь идетъ не о присканіи какой-либо иной системы, а объ уравненіи условій женскаго образованія съ мужскимъ. Допустимъ что когда-нибудь придумаютъ лучшую систему гимназическаго курса,—но рѣчь идетъ не о томъ чтобы женщина училась по лучшей чѣмъ мужчина системѣ, а по совершенно равной съ нимъ, и достигала равныхъ съ нимъ результатовъ. Въ дѣйствительности существуетъ только одна учебная система приготовляющая къ высшему образованію. Возможна ли еще иная система, это во всякомъ случаѣ только вопросъ (для людей понимающихъ даже и не вопросъ); несомнѣвый же фактъ состоитъ въ томъ что уже существуетъ достаточно хорошая система которая находится въ основаніи всего современнаго развитія наукъ и знаній, уже имѣется приготовительная школа достаточно достигающая цѣли, ибо изъ нея выходятъ высшая интеллигенція всѣхъ образованныхъ странъ міра. Другой равносильной учебно-воспитательной системы на дѣлѣ не существуетъ, а потому для уравненія женскаго образованія съ мужскимъ—не въ фантазіи, а на дѣлѣ,—наподобно что бы дѣвочки предназначаемыя къ высшему образованію проходили ту же предварительную школу ученаго характера, которую проходить мальчики при томъ же назначеніи.

Мы не позволили бы себѣ поднимать вопросъ о женскомъ образованіи въ нашемъ отечествѣ еслибы потребность въ немъ ознаменовалась только появленіемъ *стриженыхъ студентокъ*. Но есть признаки серьезнаго и уважительнаго свойства, которые показываютъ что потребность въ женскомъ образованіи не есть только калусное, фальшивое, наганное дѣло, а начинаетъ дѣйствительно чувствоваться въ вѣдрахъ нашего общества, какъ и въ другихъ странахъ. Учебная реформа была плодотворна и въ этомъ отношеніи. Какъ только

были установлены правильныя основанія общеобразовательной научной школы, являлись попытки воспользоваться ими и для женскаго образованія,—попытки, въ добросовѣстности и дѣльности которыхъ нельзя сомнѣваться. Въ минувшее лѣто привѣтствовали мы открытіе въ Москвѣ женской классической гимназіи. Теперь мы можемъ поздравить это новое предпріятіе съ успѣхомъ, котораго мы и ожидали зная въ какомъ духѣ и съ какими залогами оно начиналось. Основательница гимназіи, С. Н. Фишеръ, была хорошо намъ извѣстна. Довершивъ собственнымъ энергическимъ трудомъ свое образованіе она пріобрѣла значительную педагогическую опытность приготовляя съ большимъ успѣхомъ мальчиковъ къ поступленію въ средніе классы гимназіи. Г. Б. Фишеръ, мужъ основательницы, одинъ изъ лучшихъ въ Москвѣ преподавателей математики и физики. Не мудрствуя лукаво, гжа Фишеръ приняла въ основаніе курса женской классической гимназіи учебный планъ установленный для мужскихъ гимназій. Открыты были три класса: приготовительный, первый и второй. Во второй приходилось принимать дѣвочекъ вовсе не учившихся латинскому языку, съ тѣмъ чтобы въ продолженіе одного года пройти съ ними по этому предмету курсъ перваго и втораго класса. Нашлось девять воспитанницъ поступившихъ прямо во второй классъ: число не малое по новости дѣла и особенноти условій при какихъ открывался этотъ второй классъ. Но вотъ учебный годъ совершился, и въ минувшемъ іюнѣ, въ женской гимназіи гжи Фишеръ, происходили испытанія ея ученицъ. Въ числѣ присутствовавшихъ были и мы, и мы можемъ свидѣтельствовать какъ самовидцы. Ученицы всѣхъ классовъ обнаружили замѣчательныя успѣхи по всѣмъ предметамъ курса, и изъ отѣтовъ ихъ было видно съ какою заботливостію и стараніемъ ведено было обученіе. Пройденное было усвоено ученицами основательно, твердо, отчетливо, и во всемъ былъ виденъ отпечатокъ добросовѣстныхъ занятій, доброкачественнаго труда. Но особенное вниманіе присутствовавшихъ, весьма естественно, было обращено на испытаніе изъ латинскаго языка (какъ въ послѣдствіи, на высшихъ классахъ, греческаго) и успѣхи оказанныя ученицами по этому главному предмету курса были поразительны. Чтобы не оставалось никакого сомнѣнія въ серіозности успѣховъ по этой части, каждую ученицу экзаменовали изъ всего пройденнаго и держали

иногда болѣе чѣмъ до часу. Ихъ расширявали и переспрашивали въ другой связи и въ новомъ видѣ, ихъ теребили, къ нимъ придирались и заставляли ихъ отдавать отчетъ въ каждой подробностях, ихъ испытывали какъ едва ли испытываютъ учащихся въ нашихъ мужскихъ гимназіяхъ. Отвѣты почти всѣхъ, даже слабѣйшихъ, отличались точностію, быстротой, находчивостію, которыя приводили присутствовавшихъ въ изумленіе и могли бы самаго отъявленнаго скептика удостовѣрить что къ умственному воспитанію женщины можетъ быть вполне примѣнена точно такая же дисциплина какъ и къ мужскому. Нельзя было не любоваться на этихъ милыхъ дѣвочекъ, съ ихъ цвѣтущими лицами, такъ бодро, такъ увѣренно, такъ весело смотрѣвшими при испытаніяхъ очень нешуточныхъ, очень строгихъ, даже придирчивыхъ. Въ нихъ не было замѣтно не только изнуренія, но и утомленія. На экзаменъ ученицы явились съ тѣми результатами какіе они вывели изъ цѣлаго года занятій, не прерывавшихся до самыхъ экзаменовъ, такъ что онѣ не проходили чрезъ тотъ лихорадочный кризисъ который называется приготовленіемъ къ экзаменамъ и обыкновенно имѣетъ цѣлью замазать недостатки ученія. Дѣвочки учились серьезно и трудились тѣмъ спокойнымъ, ровнымъ, постепеннымъ трудомъ который поддерживаетъ и укрѣпляетъ силы, а не изнуряетъ ихъ. Опытъ удался блистательно. Но особенно замѣчательны результаты испытанія ученицъ II класса по латинскому языку. Какъ было предположено, онѣ въ одинъ годъ прошли двухлѣтній курсъ. Успѣхи оказанные ими таковы что сдѣлали бы честь ихъ сверстникамъ въ мужскихъ гимназіяхъ, проходившимъ тотъ же курсъ въ продолженіе двухъ лѣтъ. Вотъ разительное доказательство лживости и безсовѣстности агитации которая кричитъ о непомѣрности усилій будто бы требуемыхъ новыми учебными порядками въ гимназіяхъ. Если дѣвочки могли въ одинъ годъ, безо всякаго затрудненія и съ полнымъ успѣхомъ пройти то что въ мужскихъ гимназіяхъ проходитъ въ два года, то можно ли добросовѣстно сказать что новые порядки въ гимназіяхъ обременяютъ учащихся непосильными занятіями, и не справедливѣ ли изъ сдѣланнаго опыта заключать напротивъ что требованія учебнаго курса въ гимназіяхъ слишкомъ слабы? А все дѣло въ томъ что воспитанницы учебнаго заведенія гжи Фишеръ не были парализуемы въ своихъ занятіяхъ гаулами насмѣшками

надъ латынью и безмысленными сужденіями о бесполезности занятій древними языками, какія ученикамъ мужскихъ учебныхъ заведеній приходится нередко слышать отъ своихъ любезныхъ родителей или родственниковъ. Эти добрые люди, не умѣя взять себѣ въ толкъ зачѣмъ дѣтей ихъ учать тому чему они сами не учились, и забывая что если рассуждать такъ, то мы не дошли бы и до простой русской грамоты въ которой наши прадѣды не были горазды, — внушаютъ своимъ дѣтамъ что ихъ учать пустякамъ, а потомъ удивляются что дѣти ихъ не дѣлають успѣховъ, и вопіють о трудности учебнаго курса и таскаются по редакціямъ газетъ, и подкупають наемныхъ писакъ строчить передовыя статьи противъ учебной реформы...

Ученицы гимназій гжи Фишеръ занимаются предметами своего учебнаго курса съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ. Онѣ гордятся своею школою и удивляются слыша что древніе языки не преподаются въ другихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. „Чему же тамъ учать?“ спрашиваютъ онѣ съ недоумѣніемъ. Онѣ инстинктивно чувствуютъ какой пробѣлъ остался бы въ ихъ ученіи безъ этой *pièce de résistance*, какъ пусто и малосильно было бы ученье безъ этого основнаго предмета...

Отъ всей души желаемъ дальнѣйшихъ успѣховъ женской классической гимназій гжи Фишеръ. Съ ея успѣхомъ связанъ вопросъ о серіозномъ женскомъ образованіи въ нашемъ отечествѣ. Тѣ изъ ея ученицъ которыя, Богъ дастъ, совершатъ полный установленный въ ней курсъ ученія будутъ имѣть несомнѣныя права на всякую ученую спеціальность. Предъ ними сами собою растворятся настежь всякія двери. Имъ можно будетъ смѣло предоставить полную свободу въ выборѣ дѣятельности. Такія сѣмбють не вьзаться не за свое дѣло, а за какое возьмутся, то поведуть хорошо. Гармоническое развитіе всѣхъ душевныхъ способностей, богатство историческаго матеріала вынесенное прямо изъ источниковъ, сокровище идей и образовъ почерпнутыхъ въ величайшихъ произведеніяхъ человѣческаго разумѣнія и творчества, непосредственное знакомство съ основными элементами всемірной цивилизаціи, мысль воспитанная практически на логикѣ совершеннѣйшихъ словесныхъ организмовъ, способная различать мельчайшіе отбѣнки смысла и восходить до самыхъ широкихъ обобщеній, сохраняя постоянный контроль надъ

себя, наконецъ благородный навыкъ къ умственному труду обратившемуся въ потребность и ставшему источникомъ высшихъ наслажденій, вотъ плоды которые при успѣшномъ ходѣ дѣла вынесутъ онѣ изъ своего учебнаго курса. Особенности женской природы ни мало не потерпятъ ущерба, который былъ бы послѣдствіемъ ученія односторонняго, сосредоточеннаго, на примѣръ, исключительно на математическихъ наукахъ. Все что есть цѣннаго въ особенностяхъ женскаго ума сохранится и еще явственнѣе выразится. Правильно развитый и образованный умъ облагородитъ и возвыситъ инстинкты женскаго сердца, не ослабляя ихъ. Ясное и твердое разумнѣе послужитъ женщинамъ надежною опорой среди искушеній и испытаній. Зажженный свѣточъ поможетъ ей найтись во всякомъ положеніи и на всякомъ пути. И въ семьѣ, и въ обществѣ, ея вліяніе можетъ быть обильно послѣдствіями для успѣховъ нашей цивилизаціи и для исполненія нашего народнаго призванія въ историческомъ мірѣ,—призванія которому очередь близится... Истинно образованная женщина, способная восполнить мужское дѣло не въ одномъ чернорабочемъ, но и въ умственномъ трудѣ, не можетъ не стать истиннымъ благомъ для той общественной среды гдѣ она появится въ значительномъ числѣ разнообразныхъ характеровъ и призваній.

Но и тѣ изъ воспитанницъ школы, подобной учебному заведенію гжи Фишеръ, которыя по обстоятельствамъ не были бы въ возможности окончить полный курсъ ея ученія вынесутъ изъ нея, перейдя за половину, существенную для себя пользу,—гораздо болѣе существенную чѣмъ результаты оконченнаго курса во всякой другой рода школѣ.

V.

4 сентябля.

Послушайте съ какимъ добродѣтельнымъ негодованіемъ наши прогрессисты и либералы, наши адвокаты и журналисты, волютъ о казнокрадствахъ и хищеніяхъ, съ какимъ пыломъ охотятся на интендантовъ и инженеровъ! Главная публика можетъ подумать что эти суровые Катоны на самомъ дѣлѣ ревнуютъ о чистотѣ нравовъ и пользѣ общественной, что имъ въ самомъ дѣлѣ противно воровство, хищеніе и мошенничество. Какая была бы это ошибка!

Говорять, наши дѣла пойдутъ какъ нельзя лучше если въ силу знаменитаго циркуляра графа Лористъ-Меликова общество будетъ призвано къ содѣйствию правительству. Но въ дѣлѣ преслѣдованія хищеній общество уже призвано къ содѣйствию. У насъ есть судебное сословіе которое ни отъ кого не зависитъ: у насъ есть институтъ присяжныхъ. Самодержавный судъ и люди взятые изъ общества судятъ на всей своей волѣ, безловоротно и безконтрольно, всякія дѣла и дѣла о хищеніяхъ. И что же? Никогда хищенія такъ не процвѣтали какъ въ наши дни; люди общества не только выгораживаютъ преступниковъ по этой части, но и самое преступленіе въ принципѣ обвѣляютъ и оправдываютъ. Если же достается интендантамъ и другимъ должностнымъ лицамъ, то не столько за преступленіе въ которомъ они уличены, сколько за ихъ званіе; въ ихъ лицѣ караютъ не преступниковъ, а чиновниковъ, потому что другіе виновные въ дѣлахъ того же рода не признаются виновными. Недавно обращали мы вниманіе нашихъ читателей на скандалъ подобнаго оправданія въ Петербургскомъ окружномъ судѣ. Судебный приставъ похитилъ у сиротъ значительную сумму денегъ върѣнную его храненію. Фактъ лохищенія не подлежалъ никакому сомнѣнію и признавъ присяжными, причемъ никакихъ уменьшающихъ вину обстоятельствъ не оказалось; но виновникъ факта признавъ невиновнымъ, то-есть самый фактъ признавъ непроступкомъ. Похитилъ такой-то такую-то сумму? спрашиваетъ судъ у общества. Да, похитилъ, отвѣчаетъ общество. Если похитилъ, продолжаетъ вопрошать лытливый судъ у того же общества, то виновенъ ли оны? Нѣтъ, не виновенъ, отвѣчаетъ общество. Что же отсюда слѣдуетъ? Слѣдуетъ что воровство есть фактъ, а не преступленіе. Боль скоро это такъ, то почему же и интендантамъ, и всякаго рода администраторамъ пренебрегать стажаніемъ которое „общественная совѣсть“ признаетъ не проступкомъ? Почему же нужно карать интенданта за дѣло изъ котораго выходитъ чистъ судебный приставъ? Или воровство есть привилегія избранныхъ, и однимъ предоставляется право воровать, другимъ нѣтъ? Судебнымъ приставамъ, напримѣръ, воровать позволительно, а интендантамъ нѣтъ? Органы гласности, которые ежедневно волюютъ о хищеніяхъ и казнокрадствѣ и требуютъ измѣненія всего нашего государственнаго строя для истребленія административныхъ *кузекъ* и *жучковъ*, остаются

спокойны и веселы когда преступленія этого рода оправдываются судами и призываемоу къ содѣйствию имъ общественною совѣстью. Что еслибъ „эта общественная совѣсть“ овладѣла и всѣми другими нашими дѣлами?

Предоставлять сборной толпѣ дѣло правосудія, законодательства, управленія, значить бросать дѣло на произволъ стихіи. Толпа не человекъ; у ней совѣсти нѣтъ. Толпа поводится толчку извнѣ, и если у нея нѣтъ явнаго вождя отгвѣтственнаго за ея направленіе и дѣйствія, то она неизбѣжно подчиняется безотгвѣтственнымъ логонщикамъ. Да избавить насъ Богъ во всѣхъ дѣлахъ нашихъ отъ власти толпы и отъ безотгвѣтственныхъ логонщиковъ!

До сихъ поръ у насъ, какъ и вездѣ,—положимъ, у насъ больше чѣмъ гдѣ-либо,—чинились хищенія и злоупотребленія всякаго рода; но никогда дѣло не доходило до того чтобы само преступленіе торжественно оправдывалось и осващалось. А теперь мы видимъ что дѣло по законамъ всѣхъ временъ и странъ преступное чуть не возводится въ правило. Законъ которымъ поддерживается нравственный порядокъ между людьми фактически отмигается. Говорать о злоупотребленіяхъ, а попробуйте заикнуться о необходимости дисциплины, безъ которой не можетъ держаться никакое общество и правильно дѣйствовать никакая администрація, и вся шайка этихъ молодежь заволить: „бюрократія, полицейскія мѣры, Аракчеевщина!“

Если прислушаться къ ходячимъ толкамъ, то подумаешь что мы задыхаемся отъ излишества правительственнаго дѣйствія, и что правительство у насъ все во всемъ. На дѣлѣ же совершенно наоборотъ: именно то чего намъ не достаетъ и есть правительство. Мы страдаемъ не полнокроемъ правительственнымъ, а развѣ анеміей и отъ того нервною. Правда, у насъ есть многочисленныя правительственныя мѣста и лица; но выражаютъ ли они собою правительство, то есть исполняютъ ли они обязанности правительства, дѣйствуютъ ли въ томъ духѣ и тѣхъ интересахъ которыя правительство призвано блюсти и развивать, служатъ ли цѣлямъ правительства,—это другой вопросъ. Если у насъ есть поводъ на что жаловаться и сѣтовать, то конечно не на излишнюю ревность правительственныхъ мѣстъ и лицъ въ исполненіи своего долга, а развѣ на то что они слишкомъ эманципировались отъ правительственнаго долга...

У насъ, при полномъ физическомъ здоровьѣ, замѣчается болѣзнь мнѣнія. Мы вообразимъ будто прогрессъ и либерализмъ состоитъ не въ улучшеніи, а въ упраздненіи правительства. Сложилось мнѣніе будто правительство въ существѣ своемъ есть темная сила, отъ которой надо избавляться, если не вдругъ, то постепенно. Мнѣніе это овладѣло нашими интеллигентными и *par tant* правительственными сферами. Это наша болѣзнь въ настоящее время. Подъ влияніемъ этой мысли, агенты власти могутъ легко въ своей совѣсти оправдывать всякое свое небреженіе и уклоненіе въ дѣлѣ службы. Правительственныя лица у насъ нерѣдко озбочены не тѣмъ чтобы дѣйствовать возможно лучшимъ образомъ съ точки зрѣнія правительства своей страны, а чтобы отлхивать его, будто злокредное чудище, какъ можно далѣе. Бывали (говоримъ *бывали*, чтобы не затронуть кого-либо въ настоящемъ, и именъ не называемъ: *potius vult odiosa*),—бывали администраторы на высокихъ ступеняхъ государственной іерархіи которые думали возвысить свою фигуру цѣной униженія правительства въ своемъ лицѣ...

И вотъ, въ самомъ дѣлѣ, правительство, аки темная сила, отступило по всей линіи и скрылось изъ виду, хотя всѣ правительственныя посты заняты и число ихъ не уменьшилось.

Посмотримъ ближе. Вотъ одинъ изъ великихъ интересовъ государства: образованіе избраннаго юношества, изъ котораго должны выходить руководители, правители, наставники народа, его свѣтъ и разумѣніе. Не требуется ли живая государственная функція при этомъ дѣлѣ? Не должно ли правительство считать своею священною заботой веденіе этого дѣла такъ чтобы оно давало возможно лучшіе результаты? Не слѣдуетъ ли ожидать сосредоточенія на этомъ пунктѣ всей энергіи, всего разумѣнія, какими только можетъ располагать правительство въ данный моментъ, въ данной странѣ? Что же однако видимъ мы на дѣлѣ? Правительственныя учрежденія имѣющія отношеніе къ этому предмету существуютъ, и всѣ они что-то дѣлаютъ. Но приняты мѣры чтобы высшее образованіе нашего юношества было по возможности эманципировано отъ государства и отдаво въ полное распоряженіе безответственнымъ коллегіямъ состоящимъ изъ неизвѣстныхъ правительству чиновниковъ. Имъ переданы всѣ полномочія правительства, а собственно правительственныя учрежденія служатъ только машиной утверждающею постановленія этихъ самовластныхъ коллегій. Правительство само,

ничѣмъ непокуждаемое, упраздняетъ себя въ этомъ важномъ вопросѣ, но чуть ли еще не болѣе считается око упраздненнымъ и въ другомъ, великомъ, всеобъемлющемъ государственномъ дѣлѣ,—дѣлѣ правосудія, которое также передано плотно связанной, сверху до низу, de facto самололотивающейся корпорации, не просто независимую отъ параллельныхъ властей, но являющую себя самодержавною, т. е. есть независимую отъ верховной въ государствѣ власти. Нѣтъ человека который не былъ бы заинтересованъ дѣломъ правосудія, и вотъ весь народъ, въ самыхъ жизненныхъ интересахъ своихъ, отдавъ въ безконтрольное завѣдываніе корпорации которая сама подъ судъ отдаетъ, сама судить, сама повѣряетъ свои рѣшенія, сама толкуетъ законы (и стало-быть въ нѣкоторомъ смыслѣ законодательствуетъ), и никому далѣе не отдаетъ въ своихъ дѣйствіяхъ отчета.

Печать есть, безъ сомнѣнія, общественная сила. Можно презирать ту или другую газету, но нельзя отрицать производимаго ею дѣйствія. Лица имѣющія право обращаться къ публикѣ съ печатнымъ словомъ обладаютъ такою силой благодаря которому въ одинъ и тотъ же мигъ десятки, сотни тысячъ людей, въ разныхъ концахъ обширной страны, направляются на тотъ или другой предметъ и настраиваются на тотъ или другой ладъ. Присутствуетъ ли правительство, въ истинномъ смыслѣ этого слова, при игрѣ на этомъ общественномъ инструментѣ? Правительственныя учрежденія для надзора за печатью не только не уменьшились въ числѣ, но увеличились. Сооружено громадное многоэтажное зданіе для этой цѣли, содержаніе котораго стоить казны не малыхъ денегъ: цензора, цензурные комитеты, главное управленіе печати, начальникъ надъ нимъ, наконецъ министръ. Но можно ли, повторяемъ, сказать что правительство присутствуетъ при этой игрѣ именуемой печатью? Правительственныя учрежденія существуютъ; но правительство также упразднило себя въ дѣлѣ печати какъ и въ другихъ государственныхъ интересахъ. Наглый обманъ, гнусное безчиство могутъ систематически эксплуатировать публику и распространять ложь въ беззащитныхъ массахъ. Всѣ это видятъ, и всѣ склоняются предъ этимъ зломъ какъ предъ роковою необходимостью. Правительственныя учрежденія надзирающія за печатью обнаруживали обыкновенно признаки жизни когда печать бывало скажетъ что-нибудь не кстата для ихъ началь-

ства, но ей предоставляется полная возможность оскорблять всѣ права, нарушать всѣ приличія, возбуждать дурныя страсти, распространять систематическій обманъ и завѣдомую ложь и служить орудіемъ интригъ враждебныхъ государству. Если правительство не хочетъ во все это вступаться, такъ зачѣмъ же существуютъ всѣ эти цензурныя учрежденія? Зачѣмъ требуется имѣть правительственное разрѣшеніе на то чтобы публично безчинствовать и распространять ложь въ народѣ? Цензурныя учрежденія, яко бы надзирающія за печатью, придаютъ санкцію этимъ злоупотребленіямъ, авторитетъ этимъ обманамъ и усиливаютъ ихъ дѣйствіе. Отреченіе правительства отъ своихъ обязанностей, какъ въ этомъ случаѣ такъ и вообще, не снимаетъ съ него отвѣтственности. Оно не можетъ сказать: я не виноватъ если учащаеся въ моихъ университетахъ юношество выходитъ не такимъ какимъ желательно было бы видѣть его: это дѣло коллегій которымъ я сдало всѣ мои полномочія, и если результаты плохи, то вина ихъ, а не моя. Точно также не можетъ оно сказать: какое мнѣ дѣло что творится въ судебномъ мирѣ, а тутъ ни при чемъ. Точно также не можетъ сказать: какое мнѣ дѣло что народъ на публичныхъ дорогахъ подвергается разбою, безчинству и обману? Я, въ силу прогресса, устраняюсь, всему и всѣмъ даю свободу....

Свобода! Свобода есть не только лшное слово, но и дѣло великое. Обезлеченіе свободы есть главная цѣль государства, но именно ради обезлеченія свободы въ человѣческомъ обществѣ правительство и должно энергически присутствовать вездѣ и во всемъ, не допуская самовластиа и насилія. Всякое принудительное дѣйствіе, все обязательное должно зависѣть отъ него и совершаться не иначе какъ подъ его строжайшимъ контролемъ. Правительство должно быть живою, неослабною силой государства и руководиться единственно благомъ великаго цѣлаго. Восходя къ источнику всякой власти, къ верховному началу, и возвышаясь надо всѣми группами интересовъ и надо всѣми властями, оно распределяетъ всѣ отправления государственной жизни, указываетъ предѣлы каждой власти и блюдетъ за исполненіемъ всякой установленной государствомъ обязанности. Бездѣйствіе правительства сопровождается своеволіемъ его органовъ, злоупотребленіями, смутами, разложеніемъ.

Если у насъ чувствуется недостатокъ въ правительствѣ, то равномерно чувствуется и недостатокъ въ свободѣ. У насъ вездѣ заставы; во всемъ, въ самомъ невинномъ и законномъ, поводы къ придиркамъ, а затѣмъ и къ злоупотребленіямъ должностныхъ лицъ. Мы свободны отъ правительства въ смыслѣ органа государственной пользы и общественной справедливости; за то нерѣдко бываемъ въ порабощеніи даже у антиправительственныхъ властей.

Пусть правительство призываетъ всѣхъ и каждого къ содѣйствию ему: и безъ того долгъ каждого содѣйствовать ему,—долгъ, а не право. Но для того чтобы призывать къ содѣйствию нужно дѣйствовать, и нужно знать что мы дѣлаемъ, нужно знать въ чемъ требуется содѣйствіе, и какое. Нужно прежде всего вступить въ обладаніе своими органами и заставить ихъ дѣйствовать въ строгомъ подчиненіи цѣлому составу. Всѣ съ радостію будутъ содѣйствовать правительству, какъ только правительство скажется. Содѣйствовать можно не мертвому, а живому.

А то пожалуй мы придемъ, какъ въ Америкѣ, къ Линчеву суду. Уже и теперь, за отсутствіемъ власти охраняющей общественную безопасность, люди прибѣгаютъ къ самосуду и саморасправѣ. Недавно сообщалось что въ Чистопольскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, прекратилось зло конокрадетва, отъ котораго много терпѣли крестьяне. Спрашиваютъ ихъ какая тому причина? Полиція ли была дѣятельна, суды ли были строги?—Нѣтъ, отвѣчали крестьяне, никакой управы не было; мы ихъ всѣхъ, батюшки, сами перебили.

VI.

17 сентября.

На дняхъ пронесся и служить съ тѣхъ поръ предметомъ толковъ слухъ о проектѣ серьезнаго преобразованія системы денежнаго обращенія въ Россіи. Проектъ этотъ выставляется совершенно выработаннымъ, и въ газетахъ приводятся не только мотивы и общія начала реформы, но чуть ли не весь проектъ въ восьми пунктахъ, изложенныхъ офиціальнымъ слогомъ. До сихъ поръ предлагалось обыкновенно только два средства исправленія нашей денежной системы: изъятіе

кредитныхъ билетовъ и усиленіе размѣннаго фонда. Проектъ признаетъ эти средства недостаточными, не достигающими цѣли заключающейся въ томъ чтобъ упрочить нашу монетную единицу и возстановить размѣвъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, и находитъ нужнымъ подготовить предварительно условія при которыхъ упроченіе валюты и возстановленіе размѣна стало бы дѣломъ возможнымъ, и въ этихъ видахъ рекомендуетъ средства почерпнутыя не изъ финансовыхъ теорій, а изъ историческаго опыта. Именно, предполагается лоставить денежное обращеніе въ Россіи приблизительно въ тѣ же условія въ которыхъ оно находилось въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, и при которыхъ такъ легко была совершена графомъ Канкринымъ замѣна прежнихъ ассигнацій размѣнными кредитными билетами.

Дѣйствительно, въ виду бывшихъ опытовъ, возлагать всѣ надежды въ дѣлѣ улучшенія денежной системы на изытаніе бумажныхъ денегъ могутъ только неисправимые доктринеры. Это средство уже было неоднократно у насъ испытано, но каждый разъ обманывало возлагаемыя на него надежды. Последнею по времени мѣрой въ этомъ смыслѣ былъ упомянутый указъ 1 января 1881 года. Всякіе дальнѣйшіе выпуски кредитныхъ билетовъ прекращены; на Государственный Банкъ возложена обязанность, въ предѣлахъ возможности, извлекать ихъ изъ обращенія, и исполненіе этой операціи обезпечено выдачей Банку изъ Государственнаго Казначейства 417 милліоновъ въ теченіе восьми лѣтъ. Операція началась; казна уже уплатила Банку 67 милліоновъ и чрезъ нѣсколько недѣль уплатитъ еще 50 милліоновъ; не малая масса кредитныхъ денегъ перестала обращаться въ странѣ, перейдя въ кассовые сундуки Государственнаго Банка. Не смотря на все это, не только денежное обращеніе не улучшилось, но нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ которые давали бы надежду на улучшеніе въ будущемъ. Наша монетная единица не только не сдѣлала шага къ упроченію, а напротивъ сдѣлала шагъ лопятый. Стоитъ сравнить нынѣшніе вексельные курсы съ тѣми какіе стояли въ теченіе всего 1880 года (а то былъ годъ особенно неблагопріятный, ознаменованный недостаточнымъ обильнымъ урожаемъ) чтобъ убѣдиться въ томъ что нашъ рубль до изданія указа 1 января 1881 года цѣнился на денежныхъ биржахъ дороже чѣмъ цѣнится нынѣ. Ясно что для улучшенія нашей денежной системы долженъ быть избранъ

ной путь, а не тотъ какимъ шли до сихъ поръ. Но желательно было бы убѣдиться что цѣль недостижимая изъятіемъ кредитныхъ билетовъ будетъ вѣраче достигнута въ случаѣ осуществленія новаго проекта, и что рекомендуемая имъ мѣра не причиняетъ потрясеній въ сложившемся экономическомъ бытѣ.

Цѣль проекта, какъ сказано, создать на Руси приблизительно тѣ же условія денежнаго обращенія какія были предъ 1839 годомъ. Тогда у насъ обращались рядомъ и ассигнаціи и звонкая монета, ходившая съ большимъ лажемъ. Соответственно этому, нужно, по проекту, достигнуть того чтобы въ странѣ и нынѣ стали обращаться рядомъ какъ кредитные билеты, такъ и звонкая монета. Этому препятствуютъ статьи 66, 163, 164, 166 Монетнаго и ст. 613 Вексельнаго Уставовъ. Въ силу этихъ статей, всѣ счеты, условія и всякаго рода сдѣлки какъ между казною и частными лицами, такъ и у частныхъ лицъ между собою могутъ быть производимы и совершаемы только на серебро, съ обязательнымъ пріемомъ при платежахъ, взамѣнъ серебра, кредитныхъ билетовъ въ ихъ полной нарицательной цѣнѣ, съ воспрещеніемъ при этомъ всякаго лажа на звонкую монету. Цѣнная много выше кредитныхъ рублей; монета перестала поэтому быть платежнымъ средствомъ и вышла изъ обращенія, ибо никому не выгодно платить сто рублей монетою стоящею полтораоста. Проектъ предлагаетъ посредствомъ отмѣны вышеупомянутыхъ статей дать монетѣ возможность сдѣлаться платежнымъ средствомъ внутри Имперіи. Пусть монета ходить съ лажемъ по рыночному курсу, пусть всѣмъ лицамъ неподатныхъ сословій (на податныя сословія дѣйствіе проектируемыхъ привилѣй не распространяется) будетъ дозволено совершать сдѣлки по ихъ усмотрѣнію какъ въ кредитной, такъ и въ металлической валютѣ, пусть, наконецъ, сама казна принимаетъ звонкую монету и расходуетъ ее тоже по курсу (впрочемъ не рыночному, а назначаемому министромъ Финансовъ), пусть будетъ это сдѣлано,—и въ странѣ, по предположенію авторовъ проекта, начнется вновь монетное обращеніе, станутъ накапливаться запасы монеты; затѣмъ, отъ повсемѣстнаго размѣна кредитныхъ билетовъ по измѣнчивому рыночному курсу уже не особенно трудно будетъ перейти или къ фиксаціи кредитнаго рубля, или къ восстановленію его цѣнности, смотря по тому чтѣ будетъ найдено удобнѣе. Такова сущность проекта.

Но имѣются ли достаточныя гарантіи въ томъ что эти надежды оправдаются, что страна выиграетъ, а не потеряетъ отъ осуществленія проекта? Можетъ-быть мы ошибаемся, но мы опасаемся что вмѣсто пользы мѣра эта можетъ причинить большой вредъ нашему денежному обращенію, всему нашему экономическому быту, и будемъ искренно благодарны тому кто намъ докажетъ неосновательность нашихъ опасеній.

Прежде всего мы недоумѣваемъ на чемъ основывается увѣренность что проектируемыя мѣры поведутъ къ накопленію запасовъ звонкой монеты во внутреннемъ обращеніи (въ этомъ заключается ближайшая, непосредственная цѣль реформы). Изъ того что въ Россіи было много звонкой монеты въ тридцатыхъ годахъ еще не слѣдуетъ что запасы ея во внутреннемъ обращеніи накопились вслѣдствіе лажа. Въ тѣ времена были совершенно иныя условія, содѣйствовавшія накопленію золота и серебра въ Россіи, условія какихъ нынѣ нѣтъ и которыя не могутъ быть созданы официальнымъ допущеніемъ лажа. Въ тѣ времена международное финансовое и экономическое положеніе Россіи было нисколько не похоже на нынѣшнее. Мы не находились тогда въ такой финансовой зависимости отъ иностранцевъ какъ нынѣ, нашъ международный разчетный балансъ былъ постоянно скорее выгоденъ чѣмъ невыгоденъ для Россіи. По торговлѣ съ Европой стоимость нашего отпуска была постоянно выше стоимости привоза, такъ что ежегодно не мы иностранцамъ, а иностранцы намъ должны были приплачивать монетой. Среднее ежегодное превышеніе отпуска надъ привозомъ по пятилѣтіямъ было:

1824—1828.....	7.620.680 р. с.
1829—1833.....	14.493.160 " "
1834—1838.....	9.135.425 " "
1839—1843.....	11.994.280 " "

Средній годовой излишекъ привоза золота и серебра предъ отпускомъ этихъ металловъ по торговлѣ съ Европой въ тѣ же пятилѣтія былъ:

1824—1828.....	2.128.940 р. с.
1829—1833.....	11.080.720 " "
1834—1838.....	3.479.000 " "
1839—1843.....	6.641.560 " "

Не мудро что при такихъ условіяхъ звонкая монета накоплялась на внутреннихъ рынкахъ, что наряду съ русскою звонкою монетою была у насъ тогда въ большомъ ходу также и разная монета иностранныхъ чекамовъ. Итогъ казенныхъ заграничныхъ платежей въ тѣ времена былъ также не великъ: и вѣшнихъ долговъ было мало, и заграничные заказы были умеренны; число проживающихъ за границей русскихъ путешественниковъ было также не велико. Если всѣ эти заграничные платежи не покрывались перевѣсомъ отпуска надъ привозомъ, то они съ избыткомъ покрывались золотомъ добываемымъ на сибирскихъ приискахъ, и часть этого золота постоянно шла на увеличеніе внутреннихъ его запасовъ. То ли видимъ мы нынѣ? Вмѣсто выгоднаго торговаго баланса мы имѣемъ дѣло съ хроническимъ перевѣсомъ привоза надъ отпускомъ. Намъ ежегодно приходится не получать монету отъ иностранцевъ, а отпускать за границу свое золото и серебро въ уплату за иностранные товары. Вѣшніе долги выросли въ такихъ размѣрахъ что на проценты по намъ, которые должны уплачиваться монетою, едва ли достаточно ста милліоновъ рублей ежегодно. Заграничные расходы по заказамъ и другимъ статьямъ также выросли въ страшныхъ размѣрахъ; еще въ большей мѣрѣ увеличилось число русскихъ путешественниковъ за границей, на прожитіе коихъ и переводятся туда ежегодно громадныя суммы русскихъ денегъ. Все это вмѣстѣ взятое представляетъ собою какъ бы цѣлый рядъ чудовищныхъ насосовъ выкачивающихъ золото и серебро изъ Россіи за границу. Можетъ ли при дѣйствіи этихъ насосовъ накопляться на внутреннихъ рынкахъ звонкая монета только потому что она будетъ ходить съ лажемъ? Не какъ общее платежное средство, но какъ товаръ, звонкая монета и теперь переходитъ изъ рукъ въ руки не по нарицательной цѣнѣ, а съ большимъ лажемъ, котировемымъ въ курсовыхъ бюллетеняхъ, и между лицами неподатныхъ сословіи едва ли много найдется такихъ которые отдавали бы свои полумилліалы за 5 р. 15 к. Но высокій лажъ на звонкую монету при существующихъ условіяхъ не останавливаетъ отлива золота и серебра за границу; полагаемъ что не оставивъ ихъ отлива, не создавъ ихъ прилива и тотъ лажъ на монету, который предлагается въ новомъ проектѣ. Находясь въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ русскій торговый балансъ въ положеніи сходномъ съ нынѣшнимъ, имѣи

мы тогда вѣшніе долги въ близкихъ къ нынѣшнимъ размѣрахъ, не было бы и тогда накопленія звонкой монеты въ русскомъ денежномъ обращеніи, и не было бы возможно исполненіе мѣръ 1839 и 1843 годовъ не взирая на тогдашнее хожденіе монеты съ лажемъ. Намъ кажется что противъ этого трудно спорить.

Далѣе насъ смущаетъ мысль что осуществленіе проекта можетъ дать, между прочимъ, слѣдующіе едва ли желательные результаты:

Вопервыхъ, послѣдствіемъ предлагаемыхъ мѣръ можетъ быть сильный упадокъ вексельныхъ курсовъ и потеря кредитнымъ рублемъ его нынѣшней цѣнности не только при сдѣлкахъ съ иностранцами и переводахъ денегъ за границу, но и при всѣхъ внутреннихъ платежахъ. Наши вексельные курсы низки главнымъ образомъ вслѣдствіе громаднаго спроса на звонкую монету для заграничныхъ платежей. Не будь необходимости въ этихъ платежахъ, полумперіалы не цѣнились бы по 8 р. и выше; будь цѣна полумперіаловъ ниже, вексельный курсъ не замедлил бы повыситься. Прямой путь къ повышенію курсовъ—сокращеніе спроса на золото; усиленіе же этого спроса есть, наоборотъ, прямой путь къ пониженію курсовъ. Между тѣмъ результатомъ мѣръ предлагаемыхъ въ проектѣ должно быть усиленіе спроса на золото: кромѣ нужды въ немъ для заграничныхъ расплатъ, была бы создана новая, не существующая нынѣ нужда въ золотѣ для расплатъ внутреннихъ по рѣшаемымъ въ проектѣ безчисленнымъ внутреннимъ сдѣлкамъ въ металлической валютѣ. Вмѣсто десятка рукъ тающихъ теперь къ каждому полумперіалу и подпавшихъ его цѣну до 8 р. 19 к., явятся сотни рукъ которыя будутъ вырывать этотъ полумперіаль другъ у друга, набивая на него цѣну до девяти, десяти, пожалуй и болѣе рублей. Какъ отозвалось бы это на вексельныхъ курсахъ? Принята ли въ соображеніе возможность—по нашему мнѣнію, неизбежность—такой преспективы? Было бы интересно знать какія въ этомъ отношеніи придуманы гарантіи.

Затѣмъ другое недоумѣніе. Помимо низкаго уровня вексельныхъ курсовъ, главный недостатокъ нынѣшнихъ условій денежнаго обращенія заключается въ неустойчивости этихъ курсовъ, въ частыхъ ихъ колебаніяхъ. Но прямо и непосредственно терпятъ отъ этихъ колебаній лишь непосредственныя участники сдѣлокъ съ иностранцами, а на всемъ

населеніи страны эти колебанія отзываются лишь косвенно и, сравнительно, въ довольно слабой степени. Для тѣхъ кто не имѣетъ надобности пріобрѣтать заграничныя тратты, или кто покупаетъ ихъ рѣдко и на малыя суммы, колебаніе курсовъ почти не чувствительно. Съ допущеніемъ внутреннихъ сдѣлокъ на звонкую монету, съ установленіемъ пріема кредитныхъ рублей въ платежи по этимъ сдѣлкамъ не иначе какъ по рыночному курсу дня, ежедневныя колебанія этого курса и невыгоды этихъ колебаній не будутъ ли чувствоваться повсемѣстно на всемъ пространствѣ Имперіи? Теперь рубль бываетъ то дороже, то дешевле только при переводахъ денегъ за границу, а въ предѣлахъ государства онъ всегда равенъ себѣ, всегда цѣнится во 100 коп. Но съ узаконеніемъ тажа, съ распространеніемъ сдѣлокъ въ металлической валютѣ, рубль утратитъ постоянство цѣнности и во всемъ внутреннемъ обращеніи: сегодня онъ стоитъ 65 к., завтра будетъ стоить 55 к., послѣ завтра 60 к., чрезъ недѣлю 50 к. Какое обширное, безграничное поприще для игры на повышение и пониженіе! Какая перспектива наживы для мастеровъ устанавливать курсы по своему произволу! Локализованное нынѣ зло не сдѣлается ли общимъ и повсемѣстнымъ? Спрашивается также, въ какомъ отношеніи можетъ быть сочтено улучшеніемъ нынѣшняго денежнаго обращенія то что въ странѣ будутъ одновременно два различныя внутреннія курса на одну и тѣ же рубли: одинъ устанавливаемый министромъ для сдѣлокъ съ участіемъ казны, другой вольный рыночный, различный въ разныхъ городахъ и мѣстностяхъ.

Выскажемъ еще одно изъ нашихъ опасеній: мы страшимся за весь внутренній государственный кредитъ, который, по нашему мнѣнію, можетъ быть поколебленъ осуществленіемъ проекта. Въ денежномъ обращеніи этотъ кредитъ держался на двухъ, такъ сказать, столбахъ: однимъ изъ нихъ, какъ извѣстно каждому грамотному человѣку читавшему то что напечатано на нашихъ бумажныхъ деньгахъ, былъ безостановочный во всякое время размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету; другимъ—присвоеніе кредитнымъ билетамъ хожденія по всей Имперіи *наравнѣ* съ серебряною монетою. Государственная необходимость привела къ пріостановкѣ размѣна; не слѣдуетъ ли тѣмъ болѣе остерегаться какъ бы не пошатнуть и второй изъ столбовъ на который опирается кредитъ дающій клочкамъ бумаги цѣну дѣйствительныхъ

денегъ? Что же останется за кредитными деньгами если у нихъ будетъ отнято это послѣднее условіе ихъ цѣнности? Какъ отзовется на государственномъ кредитѣ этотъ пріемъ въ казну отъ народа звонкой монеты до повышеннымъ противъ кредитныхъ рублей цѣнамъ, это признаніе самимъ правительствомъ государственныхъ кредитныхъ денегъ не заслуживающими того довѣрія которое оказывается имъ народомъ?

VII.

16 сентября.

Въ *Волжско-Камскомъ Словѣ*, газетѣ издаваемой въ Казани, напечатана рѣчь сказанная полечителемъ Казанскаго учебнаго округа на актѣ въ одной изъ тамошнихъ гимназій при раздачѣ аттестатовъ и наградъ.

Наша школа недавно пережила свой періодъ бурь и волненій; отношенія между учащими и учащимися извращались, учебный порядокъ колебался, дисциплина подвергалась поруганію. Въ университетахъ шла агитація. Студентовъ возбуждали къ демонстраціямъ, стогнали ихъ на митинги; они сочиняли, подъ рукою университетскихъ властей, профессорско-студентскую конституцію; разыгрывались, какъ всѣмъ извѣстно, сцены неслыханной анархіи...

Что-то не было тогда слышно полечительскихъ голосовъ которые отрезвляли бы юношество и наломивали бы руководителямъ ихъ обязанности. Все что молодые люди слышали сверху толкало ихъ напротивъ, на луть не имѣющій ничего общаго съ интересами и цѣлями науки. Теперь стало спокойнѣе: правительство, повидимому, готовится къ необходимой реформѣ, имѣющей цѣлю прекратить фальшивое положеніе университетовъ, образовавшееся въ началѣ шестидесятихъ годовъ, поставить ихъ въ правильное отношеніе къ государству, водворить въ нихъ духъ науки, освободить профессорскія collegii отъ тиранніи партій и очистить отъ посторонней примѣси отношенія наставниковъ къ учащимся. Изъ нынѣшнихъ студентовъ многіе верѣдко обнаруживаютъ гораздо большую зрѣлость чѣмъ наша общественная и ученая интеллигенція, поджигавшая молодежь къ разнаго рода демонстраціямъ якобы въ либеральномъ смыслѣ. Студенты нынѣшняго времени, воспитанники болѣе правильной приготовительной школы созданной правительствомъ въ 1872 году,

судят зрѣнѣ прежнихъ поколѣній и ясъе видятъ непра-
вильности положенія отъ котораго страдаютъ болѣе всего
опа сами. Въ *Московскыя Вѣдомостыя* недавно помѣщена
была статья за подписью „студентъ“ въ которой раскрывает-
ся ненормальность экзаминаціонныхъ порядковъ въ универ-
ситетахъ. Никакихъ личныхъ намековъ, никакихъ обвиненій
на кого-либо въ статьѣ этой не содержится; она характери-
зуетъ только общее положеніе съ точки зрѣнія студента же-
лающаго учиться. Студентъ высказываетъ образъ мыслей ко-
торому нельзя не порадоваться. Онъ не повторяетъ рабски
чужаго вздора, не радикальничаетъ; онъ остается въ предѣ-
лахъ здраваго смысла, говоритъ по собственному опыту, го-
воритъ о предметѣ достойномъ, о наукѣ, которую онъ при-
шелъ искать въ университетѣ, и, весьма естественно, жела-
етъ съ пользой провести свои университетскіе годы. Онъ
скорбитъ о неурядицахъ нашего университетскаго быта, ко-
торыя отзываются болѣе всего на учащейся молодежи, и же-
лаетъ улучшеній въ томъ же смыслѣ какъ разумѣть прави-
тельство послѣ долгаго и печальнаго опыта. И что же? имен-
но теперь, именно по этому поводу, послышался строгій,
укорительно-назидательный полечительскій голосъ: зачѣмъ
дѣ „серіозная“ печать (этотъ комплиментъ относится къ намъ)
позволяетъ себѣ колебать университетскіе порядки и публи-
куетъ статью студента который недоволенъ ими? „Грустно“,
сказалъ г. казанскій полечитель раздавая награды кончив-
шимъ курсъ ученикамъ гимназій, „это безоглядное бросаніе
камней въ высшія учебныя заведенія на которыя въ наше
время, когда мы учились, всѣ, и общество и учащіяся, смо-
тритъ съ нѣкотораго рода pietas. А теперь пожалуй иной
молодой человекъ, начитавшись валаденій на университеты
и профессоровъ, внесетъ въ университетъ не прежнюю на-
шу pietas, любовное, благоговѣнное чувство, а духъ критики и
стрижанія достоинствъ своихъ будущихъ наставниковъ.“
Не слишкомъ ли это, однако, требовать отъ молодыхъ лю-
дей постулающихъ въ высшіе университеты даже благо-
говѣнія къ мудрости за достоинства которой г. полечитель
даже самъ можетъ серіозно поручиться? Университетскія
корпорации дѣйствуютъ, по свидѣтельству казанскаго поле-
чителя, „единственно въ видахъ пользы учащейся молодежи“:
достовѣреніе пріятное, но не слишкомъ ли смѣлое?

Странное дѣло, эти университетскія корпораціи! Овъ автономны, правительство въ ихъ дѣла не вмѣшивается, только попечитель стоя у дверей приглашаетъ входящую молодежь безоглядно исполнять все что тамъ имъ предпишутъ и благоговѣнно относиться ко всему что тамъ имъ скажутъ; публика не можетъ туда заглядывать, серьезная печать не должна касаться того что тамъ происходитъ, студенты надъ которыми производятся операціи университетскаго самоуправленія не смѣютъ лѣзнуть. Значить, совсѣмъ крѣпко и залерто со всѣхъ сторонъ. Пусть печать настаиваетъ на измѣненіи государственнаго строя,—объ измѣненіи университетскихъ порядковъ она не должна заводить рѣчи. Да наконецъ, знаете ли что?—печальныя исторіи, такъ часто происходившія въ стѣнахъ университетовъ съ тѣхъ поръ какъ тамъ господствуютъ залертыя корпораціи, причинялись именно „серіозною“ печатью которая позволяетъ себѣ иногда врывать ся въ эти августѣйшія учрежденія... Серіозная печать воювала молодыхъ людей, отъ нея все зло; чуть ли не она и нигилизмъ породила. Вотъ послушайте что говоритъ г. казанскій попечитель: „Пресса несправедливо и огуломъ порицающая профессоровъ (какая же это пресса несправедливо и огуломъ порицаетъ профессоровъ?) оказываетъ отечеству плохую услугу; подрывая уваженіе къ профессорамъ и значеніе университетовъ въ глазахъ учащейся молодежи, она какъ бы санкціонируетъ студенческія демонстраціи и безпорядки въ стѣнахъ университетовъ и сдѣловательно играетъ въ руку политическимъ агитаторамъ.“

Вотъ какъ лишается официальная исторія!

А что если при введеніи новыхъ, предполагаемыхъ правительствомъ порядковъ, кто-либо изъ наставниковъ, по старой памяти, будетъ приглашать молодыхъ людей къ изъясленію духа критики относително правительства, хотя бы въ лицѣ попечителя, должны ли они будутъ благоговѣнно и безоглядно послѣдовать приглашенію?

Г. попечитель съ грустью вспоминаетъ „о нѣкотораго рода pietas“, но весь вопросъ какъ для серіозной печати и благомыслящихъ студентовъ, такъ и для правительства, именно и состоитъ въ томъ чтобы возобновить „нѣкотораго рода pietas“ въ университетахъ и возвратить профессорамъ свойственный имъ характеръ.

КАЦЕЛЕВО - АБЛАВСКІЙ БОЙ

24 АВГУСТА 1877.

I.

Общее положеніе дѣлъ на Задунайскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій послѣ второй Плевны. — Положеніе Русскаго отряда. — Составъ отряда Аблавскаго. — Намѣренія и мѣропріятія Турокъ. — Наши авантажи, ихъ жизнь и дѣятельность.

Вторая атака Плевны, 18 іюля, окончилась полною неудачей. Въ силу этого несчастнаго для насъ обстоятельства, главная квартира на другой же день, 19го, должна была оставить Тырново и передвинуться назадъ, къ Българскай позиціи, а потомъ въ Горный Студень, какъ въ дѣйстви-тельно центральнѣйшій пунктъ относительно общаго расположенія частей нашей Задунайской арміи.

19 же іюля, послѣ жестокаго боя при Лени-Загрѣ, гдѣ въ особенности отличилось болгарское ополченіе, генералъ Турко долженъ былъ отойти къ деревнѣ Дальбокѣ, а 20го начать свое отступленіе изъ долины Тунджи на сѣверную сторону Балканъ.

Въ тотъ же день, подъ впечатлѣніемъ слуховъ о новой неудачѣ постигшей насъ подъ Плевной и о томъ что черкесская конница Османъ-паша будто бы бросилась обходною дорогою на Систовъ, разыгралась извѣстная систово-зимницкая

панка, которую обыкновенно называютъ траги-комическимъ эпизодомъ этой войны, но которая тѣмъ не менѣе вполне поватна если вспомнить что Систовъ составлялъ пока нашъ единственный и притомъ не только не укрѣпленный, но даже вовсе лишенный гарнизона оловный пунктъ, за Дунаемъ, прикрывая собою понтонный мостъ, служившій въ то время единственнымъ путемъ сообщенія съ Румыніей и обороняемый лишь двумя ротами Воронежскаго пѣхотнаго полка. *

Все это ясно показало намъ что силы съ которыми мы перешли за Дунай были далеко не достаточны для тѣхъ широко задуманныхъ и смѣлыхъ предпріятій какими отличался первый періодъ нашей Задунайской кампаніи и далеко не соответствовали обширности занятой нами территоріи, даже и въ томъ случаѣ если держаться на ней только оборонительно.

Между тѣмъ, въ данную минуту не откуда было ждать значительныхъ подкрѣпленій: приходилось притягивать ихъ изнутри Россіи и даже изъ Петербурга, но для этого надо было предварительно сформировать ихъ, а затѣмъ уже отправить за границу. Положеніе, можно сказать, становилось критическимъ, тѣмъ болѣе что силы и средства противника съ каждымъ днемъ увеличивались. Пришлось приостановить на всѣхъ пунктахъ наше наступленіе и серьезно позаботиться о средствахъ обороны. Тѣ, сравнительно небольшія, части которыя время отъ времени подходили къ намъ изъ-за Дуная, въ періодъ времени отъ 20 іюля до 20 чиселъ августа, были направляемы почти исключительно къ Плевнѣ, откуда, во всѣмъ вѣроятіямъ, надо было ожидать какихъ-либо наступательныхъ дѣйствій со стороны Османъ-лаши, ободреннаго своею двукратною удачей.

Но если положеніе наше являлось критическимъ подъ Плевной, то еще опаснѣе было оно въ Руцукскомъ отрядѣ, который прикрывалъ собою стоверстное пространство отъ Дуная до Балканъ, имѣя противъ своего лѣваго крыла Руцукъ, снабженный сильнымъ гарнизономъ, противъ центра—Разградскую армію Мехмедъ-Али, а противъ праваго фланга армію Сулейманъ-лаши, готовившуюся къ обходу Шилки. Не получая въ это время ни откуда никакихъ подкрѣпленій,

* Второй Зимницко-Систовскій мостъ былъ оконченъ только 21 іюля.

Рущукскій отрядъ вынужденъ былъ раздробиться на небольшія части, для занятія ими наиболѣе важныхъ пунктовъ, вслѣдствіе чего становилась весьма ощутительною раздѣльность этихъ частей и слабость промежуточныхъ между ними разстояній, а стало-быть и слабость взаимной поддержки. Непомѣрная раставугость оборонительной линіи въ особенности чувствовалась въ кавалеріи сего отряда, которая не могла быть усилена и возвратившеюся изъ-за Балканъ кавалеріей генерала Гурко, такъ какъ эта послѣдняя, вслѣдствіе непомерныхъ трудностей похода и боевой убыли, насчитывала лишь отъ пяти до восьми рядовъ во взводахъ и до прибытія изъ Россіи своихъ маршевыхъ эскадроновъ не могла быть употреблена ни въ какое дѣло. Ея матеріальная часть настоятельно требовала починки и пополненія, да и лошадямъ, извурившимся и сбитымъ, необходимъ былъ продолжительный отдыхъ. Поэтому кавалеріи Рущукскаго отряда пришлось на неопредѣленное время полагаться исключительно на свои собственные средства и силы. Линія занимаемыхъ ею аванпостовъ, выдвинутая мѣстами на 10, а гдѣ и на 15 верстъ, тянулась отъ Дуная до Кадыкія и далѣе по теченію Бѣлаго Лома до Османъ-Базарской дороги, на разстояніи болѣе сотни верстъ, и охранялась только лятью полками. Такимъ образомъ на долю каждаго изъ этихъ полковъ приходился аванпостный участокъ въ 20 верстъ, и такъ какъ они ежедневно высылали на аванпосты по одному дивизиону, то слѣдовательно каждому эскадрону приходилось охранять 10верстное пространство, то-есть вдвое болѣе противъ полагаемой нормы. Отъ остальныхъ эскадроновъ высылались дальніе разѣзды, и понятно что при такой службѣ люди и лошади работали день и ночь безсмыслию. *

Войска Рущукскаго отряда опирались главнѣйшимъ образомъ на три пункта: Пиргосъ на сѣверѣ, противъ Рущука, составляя лѣвофланговый пунктъ отряда; Полкіюй, въ юго-восточномъ направленіи, противъ Разграда и Шумлы—правофланговый пунктъ, а селеніе Аблава являлось центромъ, находилось почти въ одинаковомъ разстояніи какъ отъ Пиргоса, такъ и отъ Полкіюя. Всѣ эти пункты были усилены полевыми укрѣпленіями.

* Воспоминанія А. Бильдерлингга: „Стародубовскіе драгуны въ Рущукскомъ отрядѣ“. См. *Военный Сборникъ*, 1879.

Аблавскій отрядъ, ввѣренный начальнику 12й кавалерійской дивизіи генераль-лейтенанту барону Дризену, состоялъ изъ 129го пѣхотнаго Бессарабскаго и 131го пѣхотнаго Тираспольскаго полковъ, при 2й и 3й батареяхъ 33й артиллерійской бригады. Таковой составъ отряда засталъ баронъ Дризенъ на мѣстѣ въ моментъ своего назначенія начальникомъ онаго. Означенныя батареи находились на позиціи безсмысленно; Бессарабскій же полкъ временно былъ взятъ для другаго назначенія, но затѣмъ возвращенъ обратно. Кроме того два баталіона 132го пѣхотнаго Бендерскаго полка оставались постоянно на Кацелевскомъ плато, впереди и вѣскольکو лѣвѣе Аблавы, и при нихъ батарея подполковника Нѣжмцева. * Отрядъ прикрывался аванпостами отъ 12го драгунскаго Стародубовскаго и 12го уланскаго Бѣлгородскаго полковъ, коихъ цѣль на протяженіи около тридцати верстъ тянулась отъ селенія Кадыкіюй, чрезъ Нисово, Соленикъ и Констанцу, до деревни Садина.

Видя наше бездѣйствіе, Турки наконецъ рѣшились перейти въ наступленіе и съ 10 по 19 августа произвели цѣлый рядъ нападений на передовые пункты выдвинутые со стороны Пиргосскаго и Полкіюйскаго отрядовъ. 18го они атаквали наши передовыя войска у Садины, Кара-Хассанъ-Кіюя и Хайдаръ-Кіюя, а 19го у Кадыкіюя, послѣдствіемъ чего было отступленіе передовыхъ войскъ праваго фланга къ Полкіюю, лѣваго же фланга за Ломъ къ Иванъ-Чифлаку. На Бѣломъ Ломѣ остались одни только Стародубовскіе драгуны, прикрывая Аблавскій отрядъ, но уже безо всякой связи съ сосѣдними отступившими войсками, а такъ-сказать виса на воздухѣ, и положеніе ихъ становилось тѣмъ рискованнѣе что селенія Кадыкіюй и Садина, лежавшія на флангахъ ихъ аванпостной линіи, были заняты Турками.

Свѣдѣнія получавшіяся чрезъ лазутчиковъ сводились главнѣйшимъ образомъ къ тому что Турки въ значительныхъ силахъ намѣреваются атаковать центръ Руцукскаго отряда, державшіяся на позиціяхъ у Кацелева и Аблавы и составлявшій при растянутомъ положеніи оборонительной линіи

* Одинъ баталіонъ Бендерскаго полка находился въ конвоѣ при Насадникѣ Цесаревичѣ, за исключеніемъ одной роты, которая оставалась въ городѣ Бѣлѣ въ распоряженіи мѣстнаго коменданта для полицейскаго надзора и охраны госпиталя и складовъ.

сего отряда наиболее слабый пунктъ его общаго расположенія. Стародубовскіе драгуны, выдвинутые въ районъ уже занятый непріателемъ, простояли нѣсколько дней въ постоянной тревогѣ, съ минуты на минуту ожидая нападенія. Чтобы быстро отойти въ случаѣ надобности и не оставить непріателю лишней добычи, ихъ обовы, палатки, кухни, все было отправлено назадъ. Люди бивуакировали на голой землѣ, не раздѣваясь, не разсѣдывая лошадей, не варя лица, а довольствуясь одними сухарями, и ни днемъ, ни ночью не знали отдыха. Всѣ силы были напряжены, нравственное волненіе дошло до крайняго предѣла. *

II.

Планъ Мехмедъ-Али.—Новое подраздѣленіе его арміи.—Его предположенія о расположеніи нашихъ силъ.—Причины вызвавшія переѣзку въ планъ Мехмедъ-Али и его новыя по сему поводу распоряженія.

19 (31) августа, рано утромъ, главнокомандующій Восточной турецкѣ арміи Мехмедъ-Али-паша, сопровождаемый своею свитой, выѣхалъ въ коляскѣ изъ Сарносуфларскаго лагеря, осмотрѣлъ поле недавней битвы при Кара-Хассанъ-Кіоѣ и отправился черезъ Садиву къ муширу Ахмедъ-Эйюбу, который стоялъ на позиціи западнѣе Разграда. Здѣсь Мехмедъ-Али сообщилъ муширу о своемъ рѣшительномъ намѣреніи вытѣснить 23 августа (4 сентября) Русскихъ съ Кацелевскаго плато, послѣдней позиціи которую они еще занимаютъ на правомъ берегу Чернаго Лома. Для исполненія этого предпріятія съ большими шансами на успѣхъ, Мехмедъ-Али приказалъ усилить 1й армейскій корпусъ (Ахмедъ-Эйюбъ-паша) одною дивизіей и притянуть къ нему еще одну бригаду изъ Руцука, причемъ сдѣлалъ муширу предложеніе сформировать изъ одного армейскаго корпуса два, которые въ такомъ случаѣ получатъ названіе Сѣверной или Разградской арміи, подъ его, Ахмедъ-Эйюба, начальствомъ. Ахмедъ-Эйюбъ согласился на это предложеніе, и такимъ образомъ подъ его начальствомъ

* А. Бильдерлингъ, стр. 41.

сосредоточилось 79 баталіоновъ, 36 эскадроновъ и 108 орудій.* Плато сѣвернѣе Кацелева имѣетъ отвѣсныя скалистые скалы къ долинѣ Соленикскаго ручья, что составляло одно изъ неблагопріятныхъ для Турокъ условій позиціи; но это обстоятельство съ извѣстнымъ выкупалось возможностью обозрѣвать всю долину и именно въ томъ направленіи въ которомъ и намѣревались Турки произвести свою атаку. Выборъ же направленія атаки основывался на предположеніи что наша 33я пѣхотная дивизія (12го корпуса) расположена на позиціи сѣвернѣе Кацелева, по сѣверной окраинѣ плато, прямо противъ Соленикскаго ручья, примыкая лѣвымъ флангомъ къ Бѣлому Лому, тогда какъ правое крыло не прилегло ни къ какому естественному препятствію.

Это-то обстоятельство и побудило Мехмедъ-Али направить противъ насъ демонстративную атаку изъ Соленика, съ цѣлью

* Расписаніе турецкихъ войскъ Восточной арміи было слѣдующее: Главная Восточная армія, подраздѣляющаяся на Сѣверную или Разградскую и Южную или Джумскую арміи.

Главнѣекомандующій главной Восточной арміи—муширъ Мехмедъ-Али-паша, начальникъ штаба—Рифадъ-паша.

Сѣверная или Разградская армія. Командующій оюю—муширъ Ахмедъ-Эйюбъ-паша, начальникъ штаба—Рожебъ-паша. Эта послѣдняя армія подраздѣлялась на два корпуса, а именно:

1й армейскій корпусъ—командиръ Ахмедъ-Эйюбъ. Въ составъ сего корпуса:

- a) дивизія Неджибъ-паши: 19 баталіоновъ, 6 эскадроновъ, 5 батарей;
- b) дивизія Фуадъ-паши: 18 баталіоновъ, 18 эскадроновъ, 4 батареи;
- c) отдѣльная бригада (изъ Рущука) Мустафы-Зефи: 12 баталіоновъ, 2 батареи.

2й армейскій корпусъ—командиръ ферикъ Асафъ-паша. Въ составъ сего корпуса:

- a) дивизія его же, Асафъ-паши: 13 баталіоновъ, 6 эскадроновъ 4 батареи;
- b) дивизія Сабитъ-паши: 12 баталіоновъ, 6 эскадроновъ, 3 батареи.

Южная или Джумская армія—командующій Гассанъ-паша, принцъ Египетскій, начальникъ штаба—Гусли-паша. Въ составъ оной:

- a) дивизія Измаилъ-паши: 15 баталіоновъ, 4 эскадрона, 5 батарей;
 - b) дивизія Салихъ-паши: 16 баталіоновъ, 18 эскадроновъ, 6 батарей.
- Итого въ Южной или Джумской арміи: 31 баталіонъ, 22 эскадрона и 66 орудій.

А всего въ Восточной арміи подъ начальствомъ Мехмедъ-Али-паши: 110 баталіоновъ, 58 эскадроновъ и 174 орудія.

задержать наши войска на Кацеловскомъ плато, дѣйствительную же и рѣшительную атаку вести въ это самое время изъ Церовцы и Огарчина противъ праваго фланга нашей Кацеловской позиціи и угрожать линіи нашего отступленія на Аблаву. Таковъ былъ планъ Мехмедъ-Али и исполненіе его первоначально предназначалось на 23е августа. Поэтому наканунѣ, то-есть 22го числа, турецкія войска уже начали движеніе къ назначеннымъ пунктамъ, а черкесскіе отряды произвели нѣсколько усиленныхъ рекогносцировокъ, которыя выяснили что сѣверная окраина Кацеловскаго плато вовсе не занята непріателемъ, какъ ошибочно предполагалъ было Мехмедъ-Али, а что, напротивъ, русскія войска видны на южной окраинѣ плато, отдѣляемой отъ сѣверной его части глубокимъ оврагомъ. Кромѣ того, патрули извѣстили турецкаго главнокомандующаго что непріатель стоитъ фронтомъ къ Церовцѣ. Въ результатъ всѣхъ этихъ свѣдѣній, у Мехмедъ-Али возникло новое предположеніе, будто русская оборонительная линія тянется полукругомъ отъ Бѣлаго до Чернаго Ломовъ, а путь отступленія русскихъ войскъ идетъ не на Аблаву, но на Широко. Вслѣдствіе такого предположенія, онъ отдалъ новый приказъ слѣдующаго содержанія:

„5го сентября (по стар. ст. 24го августа) въ семь часовъ утра, дивизія Фуада выступаетъ изъ Соленика и атакуетъ Русскихъ, занимающихъ позицію на Кацеловскомъ плато.

„Бригада Решиды направляется на лѣвый берегъ Бѣлаго Лома, для дѣйствій на ливію отступленія Русскихъ, идущую отъ Кацелова на Широко. Впрочемъ, во время этого движенія, бригада Решиды подчиняется ферику Фуаду.

„Дивизія Сабита выступаетъ изъ Цертинова въ девять часовъ утра и направляется противъ праваго непріятельскаго фланга, стараясь отрѣзать противника отъ Кацелова.“

Вслѣдствіе сего послѣдняго приказа, дивизія Фуада рано утромъ 23го августа начала движеніе отъ Церовцы въ долину Соленикскаго ручья, прошла чрезъ Констанцу на Соленикъ и взобралась на Кацеловское плато, причемъ нѣкоторымъ баталіонамъ приходилось подымать артиллерію на рукахъ, чтобы ввезти ее на возвышенность.

Обходная же бригада Решиды, въ то время какъ дивизія Фуада расположилась бивуакомъ недалеко отъ сѣверной окраины плато, перешла Бѣлый Ломъ и стала на одной высотѣ съ этою послѣднею дивизіей, а дивизія Сабита остановилась у Огарчина.

Таковы были распоряженія нашего противника. Ночь на 24е августа прошла для него въ полномъ спокойствіи: даже дивизія Фуада, разбившая свой лагерь въ пяти верстахъ отъ нашихъ войскъ, не была потревожена ими.

Обратимся теперь къ предварительнымъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ русскаго отряда.

III.

Распоряженія начальника Кацелево-Аблавскаго отряда.—Кавалерійскія стычки.—Выясненіе наміреній Турокъ и соответственныя имъ распоряженія Наслѣдника Цесаревича.—Аванпостные эпизоды 29го августа.—Развѣдка и дѣло майора Канукова.—Характеристика нашихъ позицій при Кацелевѣ и Аблавѣ.

Движеніе большихъ турецкихъ силъ по высотамъ праваго берега Лома отъ Опаки и по долину Соленикскаго ручья было замѣчено нашими развѣздами еще 21го августа. Кромѣ того, командиръ Стародубовскаго драгунскаго полка, полковникъ Бильдерлингъ, уже 20го августа доносилъ что непріятельская кавалерія показывается противъ центра Руцукскаго отряда. Вслѣдствіе этого донесенія ему было послано барономъ Дризеномъ приказаніе, полученное 21го числа, перейти съ двумя эскадронами изъ Соленика въ Кацелево; 3му эскадрону тѣмъ же приказаніемъ велѣно оставаться пока возможно у Нисова, для наблюденія за движеніями непріятеля противъ нашего лѣваго фланга, а 4му эскадрону отойти въ Церовцы и тоже наблюдать за движеніями Турокъ посредствомъ отдѣльныхъ пикетовъ у Соленика и Констанцы. Съ этою же цѣлью, а равно и для прикрытія праваго фланга Кацелевскаго отряда, эскадронъ Бѣгородскихъ уланъ былъ выдвинутъ къ деревнѣ Бекиръ-іени-кіюй.

Равнымъ образомъ, и въ слѣдующіе два дня отъ зоркихъ развѣздовъ не скрылось непрерывно продолжавшееся передвиженіе турецкихъ войскъ на деревни Бекиръ-іени-кіюй, Церовцы и нѣсколько далѣе, къ Кацелеву, хотя развѣдочные черкесскіе отряды, съ которыми нашимъ развѣздамъ и аван-

ностямъ приходилось имѣть въ эти дни непрестанныя стычки, сильно мѣшали производству нашихъ наблюдений. *

Турецкая кавалерія, а затѣмъ и пѣхота начали показываться у деревень Амуръ-кіюй, Садино и Олака. Эскадронъ Бѣгородскаго уланскаго полка, выдвинутый къ деревнѣ Бекиръ-іони-кіюй, выдержалъ 22 числа сильную стычку съ превосходящими силами турецкой конницы и пѣхоты и вынужденъ былъ отойти къ деревнѣ Огарчину, а на слѣдующій день и далѣе, къ самому Лому. 22 же были сбиты и драгунскіе посты выставленные у Соленика и Констанцы и отошли къ Кацалеву, на передовую нашу позицію.

Теперь уже было ясно что Турки, прикрывшись своею Джумскою арміею, а также и частью 2го корпуса Разградской арміи со стороны праваго фланга Руцукскаго отряда (13 корпусъ) и заставивъ нашу кавалерію послѣ дѣла у Кара-Хассавъ-кіюй отойти назадъ, предприняли фланговое движеніе на сѣверъ, которое заставляло насъ предполагать возможность главной съ ихъ стороны атаки либо противъ нашего центра (Кацалево-Аблага), либо же противъ нашего лѣваго крыла, гдѣ оставалась одна 12 пѣхотная дивизія съ бригадою кавалеріи. ** Прорвавъ нашъ центръ, Турки могли разбить Руцукскій отрядъ по частямъ, двинуться на Бѣлу и затѣмъ угрожать нашимъ войскамъ расположеннымъ подъ Шавной. Опрокинувъ же нашъ лѣвый флангъ, они могли дѣйствовать вдоль по правому берегу Дуная на сообщенія нашей арміи, имѣя въ предметѣ захватъ безоружнаго Систоа. Атаки которыя вели они въ послѣднее время на Кады-кіюй могли быть или демонстраціями, или усилёнными рекогносцировками, предшествующими главной атакѣ на нашъ лѣвый флангъ.

Принимая все это въ соображеніе, Наслѣдникъ Цесаревичъ приказалъ сосредоточить всю 33 пѣхотную дивизію у Аблавы, подчинивъ ее генералъ-лейтенанту барону Дризену и усилить кавалерію сего генерала Донскимъ казачьимъ

* Вообще, какъ свидѣтельствуютъ донесенія генералъ-лейтенанта барона Дризена, съ 19 по 24 августа, эскадроны 12 уланскаго Бѣгородскаго и 12 драгунскаго Старедубовскаго полковъ имѣли постоянныя столкновенія съ турецкою конницею.

** 12й гусарскій Ахтырскій и 12й Донской казачій полковника Хрецацкаго полка.

№ 31 полкомъ (въ составѣ пяти сотенъ), который только что прибылъ изъ-за Дуная. Кромѣ того уже 23 августа было отдано приказаніе двумъ полкамъ 1й пѣхотной дивизіи, Невскому и Калорскому, передвинуться въ Аблаву. * Такимъ образомъ, на нашемъ центрѣ имѣли сосредоточиться 17 батальоновъ, и еслибы Турки атаквали Аблаву, то эти 17 батальоновъ были обязаны отразить ихъ атаку; а еслибы противникъ двинулся противъ нашего лѣваго фланга, на 12ю пѣхотную дивизію, то баронъ Дризевъ долженъ былъ бы перейти изъ оборонительнаго положенія въ наступательное на Соленикъ и Церовцы, съ тѣмъ чтобъ изъ сего послѣдняго пункта, наступая на Писанцу и Тураакъ, угрожать флангу и тылу атакующихъ Турокъ.

Исполнивъ всѣ эти распоряженія, Наслѣдникъ Цесаревичъ въ донесеніи своемъ Великому Князю Главнокомандующему отъ 23 августа сообщилъ: „Сколько можно судить по полученнымъ донесеніямъ, главный пунктъ атаки Турокъ есть Аблава. Я послалъ въ подкрѣпленіе 33й дивизіи два полка 13 корпуса и казачій полкъ № 31. Еслибы это не оправдалось, то приказано 33й дивизіи дѣствовать наступательно на Соленикъ и Церовцу“.

Между тѣмъ, 23 же числа у нашихъ аванпостныхъ частей произошелъ слѣдующіе эпизоды:

Около двухъ часовъ дня, съ высотъ праваго берега Лома, со стороны Разграда, длинною цѣлью стали спускаться конные Черкесы. Нѣкоторая часть этихъ конниковъ направилась на нашу сторону и бросилась было къ Аблавѣ, но тамъ ее встрѣтилъ живой огонь стрѣлковой роты Тираспольскаго полка, принудившій Черкесовъ убраться за рѣку. Между тѣмъ цѣль остальныхъ всадниковъ продолжала двигаться къ послѣднему надрѣчному гребню того берега, гдѣ и остановилась одна весьма замѣтная группа всадниковъ, видимо

* 21 августа 130й пѣхотный Херсонскій полкъ съ двумя батареями перешелъ изъ Іени-Джеси въ Аблаву; 23 перешелъ въ Аблаву же изъ Іени-Джеси 129й пѣхотный Бессарабскій полкъ съ одною батареей, выславъ двѣ роты съ двумя картечицами скорострѣльной батареи въ Крелче, для обороны прохода черезъ Лемъ у этой деревни. Донской казачій № 31 полкъ, а также 1й пѣхотный Невскій и 4й пѣхотный Калорскій полки съ двумя батареями направлены въ Аблаву 23 августа.

рекогносцируя наши позиціи. Не желая допускать ихъ до этого, баронъ Дризенъ приказалъ 2й батареѣ 33й артиллерійской бригады пустить по нимъ два-три снаряда и заодно уже воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы заблаговременно пристрѣлять свои орудія. Первая же граната легла весьма близко отъ группы рекогносцировъ и взрывъ ея заставилъ ихъ въ тотъ же мигъ разсыпаться въ разные стороны. Помѣшавъ осмотру своей позиціи, мы замѣтили что Турки на вершинѣ одной изъ самыхъ дальнѣйшихъ горъ, въ разстояніи отъ насъ до шести верстъ, устраиваютъ земляную батарею, на которую около пяти часовъ пополудни взвели два орудія и вскорѣ сдѣлали изъ нихъ два, вѣроятно пробные, выстрѣла въ сторону лагеря Тираспольскаго полка. Наши батареи отвѣтили имъ тѣмъ же, послѣ чего турецкія орудія, не продолжая канонады, скрылись, а нашимъ эта перестрѣлка дала возможность сдѣлать нѣсколько полезныхъ приспособленій, выведенныхъ изъ практики сего послѣдняго опыта.

Въ тотъ же день (23) эскадронъ Бѣлгородскихъ уланъ, какъ уже сказано выше, былъ отгнѣсненъ отъ Огарчина къ самому Лому, и противникъ началъ выстраивать свои войска не только противъ позиціи у Кацелова, а и противъ Аблавы; но мѣстность много прелѣтствовала намъ разсмотрѣть какъ слѣдуетъ расположение и приблизительное количество силъ непріятеля. Вслѣдствіе этого 1й эскадронъ Стародубовскихъ драгунъ, подъ начальствомъ майора Канукова, былъ посланъ впередъ съ цѣлю развѣдать какъ можно точнѣе о расположеніи Турокъ. Но такъ какъ наша позиція тоже не была видна противнику, то и онъ въ свою очередь возымѣлъ намѣреніе разсмотрѣть ее поближе и съ этою цѣлю послалъ на рекогносцировку всю свою кавалерію. Съ утра уже, какъ свидѣтельствуется полковникъ Бильдерлингъ *, замѣтны были отдѣльныя группы всадниковъ, въ пестрыхъ нарядахъ, которые видѣли нашихъ выстрѣловъ, поодиночкѣ выѣзжая изъ кустовъ, гарцовали на бѣлыхъ коняхъ. 1й эскадронъ выѣхалъ впередъ, спустился въ деревню Кацелово и поднялся вправо на поляну. За деревней, къ турецкой сторонѣ, тянулся небольшой мелкій лѣсъ, изъ котораго показывались отдѣльные всадники. Наши наѣзники смѣло выскочили впередъ, но втянувшись въ лѣсокъ, увидѣли позади нѣсколько эскадроновъ регулярной

* „Стародубовскіе драгуны“, стр. 42.

турецкой кавалеріи и густыя массы Черкесовъ, шедшихъ изъ Соленика и Церовцы. Красныя фески и черныя бараны шляпки казались перемѣшались въ ихъ рядахъ. Положеніе Канукова сразу стало весьма критическимъ. Не разъ уже бывши въ дѣлѣ, онъ достаточно изучилъ нравъ противника и зналъ что если турецкіе конники не достаточно смѣло атакуютъ, за то при малѣйшемъ съ нашей стороны колебаніи преслѣдуютъ безпощадно, а потому не трудно было ему предвидѣть что въ случаѣ ототупленія эскадровъ его неминуемо погибнетъ подъ ударами этихъ многочисленныхъ Черкесовъ. Между тѣмъ онъ успѣлъ уже достаточно далеко отъѣхать отъ бивуака своего полка и поэтому не могъ разчитывать на немедленную помощь; атаковать же самому противника, превосходившаго его въ нѣсколько разъ своею численностью и уже окружавшаго эскадровъ съ разныхъ сторонъ, значило бы погубить свою часть безо всякой пользы. Принявъ все это въ соображеніе, Кануковъ рѣшился обороняться въ лѣшемъ строю, съ тѣмъ чтобъ удержать непріятеля съ помощію огня и такимъ образомъ не допустить его до обозрѣнія нашихъ позицій. Къ счастью поблизости находились на полянѣ небольшіе ложементы, уже давно вырытые на всякій случай нашею лѣхотой, стоявшею позади Кацелева. Кануковъ замѣтилъ эти закрытія и послѣдшилъ ими воспользоваться. Остановивъ своихъ наѣздниковъ на лѣсной олушкѣ и пославъ донесеніе на бивуакъ, онъ приказалъ слѣзнуться почти всему эскадрону, а лошадей съ небольшимъ числомъ коноводовъ отправилъ далеко назадъ, въ Кацелево. Когда же драгуны со своимъ командиромъ залегли въ ложементы, то и наѣзники отъѣхали назадъ вслѣдъ за коноводами, и эскадронъ превратившійся въ лѣхоту остался одинъ въ виду непріятельской конницы. Но прикрытые насылью, хорошо обученные стрѣльбѣ и ободренные примѣромъ начальника, который со своею магазинкой, еще раньше отбитою у Турокъ, лежалъ между своими людьми, драгуны спокойно ожидали вражескихъ нападений. Каждый разъ какъ только турецкіе конники показывались изъ олушки, нѣсколько мѣткихъ выстрѣловъ разсѣвали ихъ кучку, причемъ одинъ, другой залезалъ у нихъ съ коня. Съ разныхъ сторонъ собирались густыя массы всадниковъ, но каждый разъ встрѣченныя дружнымъ залпомъ, не рѣшались атаковать ложементы, предлагая въ нихъ лѣхоту. Наконецъ Черкесы тоже слѣзнулись

у олушки и открыли огонь; пули засвистали надъ головами, но лежа на насыпь, наши продолжали отстрѣливаться и такимъ образомъ продержались въ ложементѣхъ почти цѣлый день, не допустивъ Черкесовъ до осмотра нашихъ позицій. Къ вечеру на помощь драгунамъ прибылъ 4й эскадронъ ихъ полка и затѣмъ съ Аблавскихъ батарей было пущено нѣсколько выстрѣловъ въ неприятельскую конницу, которые хотя и дали значительный недолетъ, тѣмъ не менѣе посаѣ вихъ Черкесы отступили со всѣхъ пунктовъ. Подъ прикрытіемъ прибывшаго эскадрона подѣхали коноводы, и тогда слѣшанные драгуны, разстрѣлавъ уже всѣ патроны, вытѣзли изъ ложементовъ, сѣли на коней и вернулись къ своему бивуаку. За весь день они потеряли ранеными только одного человека и нѣсколько лошадей,—потеря ничтожная въ сравненіи со свѣдѣніями воочию добытыми майоромъ Кануковымъ: онъ донесъ что неприятель въ весьма значительныхъ силахъ выстроился противъ фронта и лѣваго фланга нашей Кацеловской позиціи, приблизясь къ ней на пушечный выстрѣлъ и ловидимому готовится на утро къ бою.

Теперь обратимся къ характеристикѣ занятыхъ нами позицій при Кацеловѣ и Аблавѣ, придерживаясь въ этомъ отношеніи свидѣтельства очевидцевъ и участниковъ дѣла*.

Деревня Кацелово лежитъ на правомъ берегу Чернаго Лома, деревня же Аблава на лѣвомъ, почти позади, то-есть нѣсколько юго-восточнѣе первой. Между тою и другою позиціями залегаеъ долина Лома, протяженіемъ въ ширину отъ ста до полтора ста сажень. Правый берегъ рѣки крутъ и обрывистъ, лѣвый же довольно пологъ, подымаеъ къ деревнѣ Аблавѣ уступами на протяженіи около версты, и покрытъ по склонамъ виноградниками. Черезъ Ломъ въ двухъ мѣстахъ были перекинуты мостики.

Позиція при деревнѣ Кацелово, будучи передовою и прикрывавъ пути чрезъ Ломъ у Острицы и Широко, не дозволяла противнику перейти эту рѣку у Аблавы и въ то же время облегчала намъ самимъ переходъ въ наступленіе. Вполнѣ удовлетворяя цѣли въ семъ послѣднемъ отношеніи, она однакоже была крайне неудобна для обороны потому, во-первыхъ, что не имѣла ни одного опорнаго пункта и, во-вторыхъ, по величинѣ своей далеко не соотвѣтствовала такому мало-

* Полковники: Бильдерлингъ и генеральнаго штаба Степановъ.

численному отряду, какой былъ на ней сгруппированъ, вслѣдствіе чего противникъ, пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ, легко могъ охватить ее съ обеихъ флаговъ. Ея лѣвое крыло примыкало къ небольшому лѣсу, а за правымъ находилась деревня Кацелево, слускавшаяся по ко-согору почти къ самому Лому, высокіе и крутые берега ко-его падали къ водѣ чуть не отвѣсно. Высоты праваго берега этой рѣки шедшія въ сѣверо-западномъ направленіи поворачи-ваются у Кацелева прямо на западъ и такимъ образомъ оглабаютъ мѣстность лѣваго берега у Аблавы дугой, пред-оставляя противнику возможность фланкировать съ нихъ вой-ска расположенныя на Аблавской позиціи. Это-то обстоя-тельство и выудило насъ выдвинуть на Кацелевскія высо-ты небольшой отрядъ получившій отъ нихъ свое названіе. Позади Кацелевской позиціи трудами нашихъ солдатъ былъ продѣланъ въ утесистыхъ бокахъ береговыхъ склоновъ все-го лишь одинъ и то весьма узкій слускъ къ Лому, и если не считать узкую лѣсную тропинку ведущую къ рѣкѣ за лѣвымъ флангомъ, то этотъ искусственный слускъ представлялъ со-бою для насъ единственный путь съ позиціи на случай от-ступленія.

Отъ Кацелева отходятъ въ нашъ тылъ двѣ дороги: одна идетъ долиной Чернаго Лома, чрезъ деревни Острицу и Ши-роко, на Батинцы и Бѣлу, а другая—слустясь въ долину Ло-ма, пересѣкаетъ рѣку и ведетъ чрезъ Ереджикъ въ Церков-ну, причемъ выйдя на лѣвый берегъ отдѣляется отъ себя въ самомъ началѣ двѣ вѣтви: одну на Кара-Вербовку, другую на Баничку, ведущія также въ Бѣлу. Дорога изъ Кацелева въ Ереджикъ идетъ по глубокому ущелью Ереджикскому, между двумя лѣсистыми гребнями, входя въ него изъ доли-ны Лома какъ разъ въ томъ углу который образуется тече-ніемъ рѣки при рѣзкомъ поворотѣ ея на западъ. Дорога изъ Кацелева на Острицу, на правомъ берегу Лома, точно также идетъ по длинному ущелью Острицкому, которое выводитъ къ Лому у этой послѣдней деревни.

Словомъ сказать, Кацелевская позиція, по справедливому замѣчанію полковника Бильдерлингга, вовсе не соответство-вала цѣли ея отряда, который будучи перекинутъ на правый берегъ рѣки долженъ былъ задержать наступленіе цѣлой ар-міи. Ее можно бы было и вовсе не занимать, еслибы не ола-сеніе что въ такомъ случаѣ займутъ ее Турки и стануть

оттуда флажировать главную позицію нашего центра, то-есть Аблавскую. Недостатокъ же Кацелевской позиціи въ отношеіи естественныхъ точекъ опоры былъ восполненъ до нѣкоторой степени насыпными батареями и стрѣлковыми ровиками, выкопанными въ нѣсколько ярусомъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію позиціи Аблавской.

Она, какъ уже сказано, отдѣлялась отъ Кацелевской долиной Чернаго Лома, и разстояніе между обѣими чрезъ эту долину съ переправой въ бродъ простиралось до пяти верстъ; но дорога въ Кацелево, по причинѣ крутаго подъема, была доступна только для лѣхоты; еслибы повадилось передвигнуть туда съ Аблавской позиціи часть артиллеріи, то орудія привуждены бы были слѣдовать обходною дорогою до 12 верстъ на Острицу и подниматься отъ сей послѣдней деревни по уломанутому выше Острицкому ущелью, что являлось также весьма существеннымъ неудобствомъ.

Восточный гребень Еренджикскаго ущелья образуетъ на своей высотѣ довольно большое плато, отъ котораго идетъ отлогіи спускъ къ долинѣ Лома, перерѣзанный нѣсколькими лощинами, спадающими въ ту же долину. Наиболѣе значительная изъ этихъ лощинъ носитъ характеръ оврага, и по ея юго-восточному склону, равно какъ и на самомъ днѣ, залегають деревня Аблава, къ коей примыкаль правый флангъ нашей позиціи. На вершинѣ этого юго-восточнаго склона, входя въ районъ позиціи, находится большой виноградникъ околпанный землянымъ валомъ и окруженный глубокою канавой. На самомъ плато были устроены ложементы для четырехъ батарей: одинъ съ лѣвой стороны надъ выходомъ дороги изъ Еренджикскаго ущелья къ Лому, другой правѣе, надъ деревней Аблавой, третій на вершинѣ плато, въ центрѣ позиціи, и четвертый на крайнемъ правомъ флангѣ, для обстрѣливанія подступовъ къ позиціи со стороны деревни Крелча. Кромѣ того сдѣланы еще ложементы для батарей въ самомъ виноградникѣ, а скаты обращенные къ фронту и флангамъ позиціи усилены ровиками для стрѣлковъ и земляными закрытіями для резервовъ. Такая позиція, представляя сильную трехъярусную оборону была бы чрезвычайно удобна для принятія на ней боя; но у нея было также одно громадное неудобство, которое въ случаѣ проиграннаго сраженія могло бы быть губельнымъ для отряда, это именно то что тылъ позиціи упирался въ обрывистый лѣсистый скатъ Еренджикскаго ущелья, которое

представляло собою весьма длинную и крайне неудобную для колеснаго движенія тѣснину. Впрочемъ, по словамъ полковника Бильдерлингга, «еще наканунѣ мы были убѣждены что противникъ не рѣшится атаковать эту позицію». Тѣмъ не менѣе на всякій случай были разработаны три снуска съ плато въ Еренджикское ущелье, а съ Кацелевской позиціи спускъ по ущелью Острицкому.

IV.

Послѣднія распоряженія предъ боемъ.—Усиленіе Кацелевскаго отряда.—Дождливая ночь.—Расположеніе нашихъ войскъ на Кацелевской позиціи.—Бой у Кацелева. Дѣйствія турецкой и нашей артиллеріи.—Общая атака Фуадъ-паши. Фуадъ измѣняетъ планъ Мехмедъ-Али.—Значеніе этого обстоятельства для всей русской арміи.—Прибытіе Сабита и возобновленіе атаки Фуада на центръ Кацелевской позиціи.—Смерть капитана Нѣжинцева.—Начало отступленія Кацелевскаго отряда.—Смерть капитана Воеводича и наши потери.—Дѣйствія нашей кавалеріи.—Прибытіе Мехмедъ-Али на поле битвы и его распоряженія.—Дальнѣйшее отступленіе генерала Арнольди.—Противорѣчія въ показаніяхъ турецкихъ и нашихъ источниковъ и какъ согласить ихъ между собою.—Отправка послѣднихъ подкрѣпленій къ Арнольди и окончательное отступленіе Кацелевскаго отряда.

Вечеромъ 23 числа, начальникъ Кацелево-Аблавскаго отряда, генераль-лейтенантъ баронъ Дризень получилъ уведомленіе изъ штаба Наслѣдника Цесаревича что въ подкрѣпленіе его войскамъ назначены и уже находятся въ пути два полка 1й пѣхотной дивизіи (Невскій и Калорскій) и двѣ батареи (2я и 6я) 1й артиллерійской бригады. Хотя по разчету времени подкрѣпленіе это и не могло прибыть на мѣсто ранѣе утра 24 числа, но такъ какъ рекогносцировки наши уже окончательно выяснили что Турки развернули массы своей пѣхоты и конницы предъ фронтомъ и лѣвымъ флангомъ Кацелевской позиціи, то баронъ Дризень счелъ за необходимое немедленно же усилить крайне слабый Кацелевскій отрядъ, весь составъ коего до сей минуты ограничивался лишь двумя баталіонами, тремя эскадронами и одною четырехфунтовою батареей *, отданными съ 22 августа, то-есть со времени

* 2й и 3й баталіоны 132го пѣхотнаго Бендерскаго полка, три эскадрона Стародубовскихъ драгунъ и 6я батарея 33й артиллерійской бригады.

прибытія на позицію 12го драгунскаго полка, подъ начальство генераль-майору Арнольди *.

Съ этою цѣлью въ ночь съ 23 на 24 число были отправлены на Кацеловскую позицію еще два баталіона съ одною 9фунтовою батареей и три Донскія сотни. ** Части эти выступили съ бивуака въ 4 часа утра, причемъ пѣхота спустилась прямо въ долину Лома, сдѣлавъ такимъ образомъ переходъ всего въ пять верстѣ, а батарея съ казаками пришлось идти до 12 верстѣ въ обходъ на Острицу. Извѣстіе о семъ послѣднемъ подкрѣпленіи привезъ на Кацеловскую позицію генеральнаго штаба капитанъ Воеводицъ, который вручилъ генералу Арнольди приказаніе барона Дризена чтобы, „въ случаѣ наступленія противника, удерживать его по возможности и предъ превосходящими силами отступить на Острицу, гдѣ и занять позицію“.

Около полуночи пошелъ мелкій дождикъ, но не прошло и получаса какъ хлынулъ продолжительный холодный ливень, гасившій бивуачныя костры. Дороги и безъ того плохія сразу превратились въ мѣсиво почти невылазной грязи. Войска, кромѣ частей высланныхъ въ подкрѣпленіе передовому отряду, ночевали на мѣстахъ назначенныхъ имъ по боевому распорядку, и едва занялась утренняя заря какъ продрогшіе люди были уже на ногахъ. На ихъ счастье съ разсвѣтомъ дождь пересталъ, небо прояснилось, и легкій вѣтерокъ кое-какъ обсушилъ промокшую насквозь одежду.

Какъ только разсвѣло настолько что можно было кое-какъ различить предметы, Кацеловскія войска были передвинуты на передовую часть своей позиціи. Шесть орудій 5й батареи заняли ложементъ у кургана возвышавшагося въ серединѣ этой позиціи; по сторонамъ ихъ залегло прикрытіе, состоявшее изъ двухъ ротъ 2го баталіона Бендерскаго полка. Остальныя три роты сего баталіона расположились въ нѣсколько ярусовъ по ровикамъ выкопаннымъ по склону возвышенности. На правомъ флангѣ, въ особомъ ложементѣ помѣстились остальныя два орудія 5й батареи, а по сторонамъ ихъ залегла въ цѣли стрѣлковая рота 3го баталіона Бендерцевъ, который расположился за своими стрѣлками въ закры-

* Командиръ 1й бригады 12й кавалерійской дивизіи.

** 2й и 3й баталіоны 130го пѣхотнаго Херсонскаго полка, 1я батарея 33й артиллерійской бригады и три сотни Донскаго № 31 полка.

тѣхъ. Трѣмъ эскадрамъ драгунъ приказано прикрывать лѣвый флангъ общаго расположенія, гдѣ мѣстность была нѣсколько удобнѣе для дѣйствій кавалеріи, и гдѣ они расположились въ одной линіи во взводныхъ колоннахъ. Такимъ образомъ, всѣ наличныя войска Кацалевскаго отряда израсходовались на занятіе боевой линіи, не имѣя за собою пока никакого резерва.

Въ это же время Фуадъ-паша раздѣлилъ пѣхоту своей дивизіи * на двѣ боевыя линіи, имѣя въ каждой по девяти баталіоновъ. Вся его артиллерія должна была предварительно ослабить огнемъ нашу позицію и тѣмъ дать своей пѣхотѣ возможность произвести сомкнутую атаку обѣими линіями сразу, для чего и была поставлена вторая линія очень близко отъ первой. На лѣвомъ открытомъ флангѣ Фуада всю ночь бодрствовала кавалерія, двѣнадцать эскадроновъ коей должны были прикрывать наступленіе пѣхоты. Кромѣ того, небольшому конному отряду приказано постараться войти въ связь съ дивизіей Сабита, имѣвшею цѣлю наступленіе на нашъ правый флангъ изъ Цертинова. Бригада Решиды готовилась начать въ 7 часовъ утра движеніе къ мосту на Ломѣ, чѣд у деревни Широко.

Въ исходѣ пятаго часа утра колонны Фуада начали показываться вдали противъ фронта нашей курганной батареи, которая сдѣлала по нимъ три выстрѣла, но снаряды нашихъ четырехфунтовокъ не долетѣли, и потому Турки на нихъ не отвѣчали.

Въ половинѣ седьмаго часа утра на позицію прибыли наконецъ два баталіона Херсонскаго полка. Можно судить, какова была дорога, если при всей экстренности движенія, на переходъ пятиверстнаго разстоянія потребовалось два съ половиной часа времени! Оба эти баталіона тотчасъ же были поставлены—одинъ за правымъ, другой за лѣвымъ флангомъ позиціи и такимъ образомъ до нѣкоторой степени восполнили собою недостатокъ резерва.

Ровно въ семь часовъ утра четыре батареи дивизіи Фуада, подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ первой боевой линіи, заняли позицію въ разстояніи 1.500 сажень отъ нашихъ передовыхъ ложементовъ и открыли огонь противъ курганной батареи. Но такъ какъ турецкимъ артиллеристамъ

* 18 баталіоновъ, 18 эскадроновъ и 4 батареи (32 орудія).

казалось будто наши орудія, кромѣ земляныхъ насыпей, маскируются еще вѣтвями деревьевъ, то не находя возможности достигнуть съ этой позиціи благопріятныхъ для себя результатовъ, они продвинули свою артиллерію впередъ еще на двѣ версты, и такимъ образомъ разстояніе между ими и нами простиралось теперь только до 500 саженъ. Нѣмецкій авторъ описавшій Кацелевскій бой въ журналѣ *Jahrbücher*, какъ очевидно сего дѣла съ турецкой стороны, говоритъ, будто и съ этой послѣдней дистанціи результаты для Турокъ были не лучше, а между тѣмъ ружейныя лули русской пѣхоты стали достигать до батарей, вслѣдствіе чего артиллерійская прислуга несла значительный уронъ, и пѣхотное прикрытіе вынуждено было развернуться чтобъ отвѣчать на стрѣлковый огонь непріятели. *

* Любопытно слѣдить показанія обѣихъ сторонъ, тѣмъ болѣе что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ являются данныя весьма противорѣчивыя. Такъ напримѣръ, относительно дѣйствительности турецкаго артиллерійскаго огня, всѣ показанія нашей стороны, начиная съ официальныхъ рапортовъ, до частныхъ описаній очевидцевъ и участниковъ боя включительно, говорятъ, вопреки нѣмецкому автору, что въ началѣ дѣла у Турокъ стрѣлало только десять орудій, которыя, быстро пристрѣлявшись, скоро стали наносить чувствительный вредъ нашей батарее, выбивая людей и лошадей изъ строя. Поможимъ что Турки могли этого и не видѣть, если батарея наша и въ самомъ дѣлѣ маскировалась для нихъ деревьями. Но уже то обстоятельство что они считали свой огонь мало дѣйствительнымъ, даже и съ послѣдней дистанціи, не говоритъ ли въ пользу энергическаго и притомъ отащнаго дѣйствія нашей батареи? Труднѣе, мнѣ кажется, согласить, почему наши показанія говорятъ, будто въ началѣ дѣла противъ насъ стрѣлали только десять орудій, тогда какъ нѣмецкій авторъ свидѣтельствуетъ что у Турокъ съ самаго начала были введены въ бой четыре батареи, т.-е. вся артиллерія дивизіи Фуада. Что же касается дѣйствительности нашего ружейнаго огня, то должно замѣтить что всѣ пѣхотныя части Руцукскаго отряда были вооружены исключительно ружьями Крынка, съ прицѣломъ лишь на 600 шаговъ, и только одна стрѣлковая рота имѣла прицѣлы до 1.200 шаговъ. Если допустить что показаніе нѣмецкаго автора справедливо (а не вѣрять ему мы не имѣемъ никакихъ основаній), то надо придти къ единственно-возможному выводу, а именно: что весь вредъ наносила турецкой артиллеріи исключительно 2я стрѣлковая рота Бендерскаго полка (расположенная въ передовыхъ ровикахъ у курганной батареи), что безспорно говоритъ въ пользу весьма искусной стрѣлбы этой роты.

Видя этотъ уронъ и предполагая свой артиллерійскій огонь не достигающимъ цѣли, Фуадъ-паша рѣшился достигнуть болѣе вѣрнаго, а главное, быстрого результата однимъ наступательнымъ ударомъ всей своей пѣхоты. Съ этою цѣлью, около восьми часовъ утра, онъ отдалъ приказаніе произвести сомкнутую атаку всюю первою боевою линіей.

Турецкіе баталіоны спустились въ оврагъ и вскорѣ взобрались на его противоположную сторону, гдѣ нашъ, по свидѣтельству нѣмецкаго автора, „убійственный“ огонь заставлялъ ихъ колонны развернуться въ длинныя стрѣлковыя линіи. Скоро въ ихъ рядахъ почувствовалась существенная необходимость въ поддержкахъ, что и вынудило Фуада направить къ нимъ одинъ баталіонъ изъ второй боевой линіи.

Въ это время (т.-е. около 10 часовъ утра) и баронъ Дризенъ, получивъ увѣдомленіе что Невскій и Калорскій полки уже подходятъ къ Аблавской позиціи, отправилъ къ генералу Арнольди еще одинъ (1й) баталіонъ Херсонцевъ. Такимъ образомъ, въ Кацелевскомъ бою съ нашей стороны принимали участіе всего лишь пять баталіоновъ, но въ данный моментъ боя, этотъ послѣдній баталіонъ еще находился только на пути къ позиціи, а мы уже видѣли раньше что это была за дорога, и потому на быстрое его прибытіе генералъ Арнольди не могъ разчитывать.

На Кацелевской позиціи между тѣмъ уже полтора часа тянулась борьба съ перешедшими оврагъ баталіонами 1й линіи Фуада. Наши время отъ времени бросались въ штыки, но каждый разъ были отбиваемы; однакоже и Туркамъ, въ своей чередъ, не удалось долго удержаться на южной сторонѣ оврага: нашъ огонь заставлялъ ихъ удалиться.

О приближеніи дивизіи Сабита все еще не получалось никакихъ извѣстій, а между тѣмъ не только артиллерія Фуада, но и первая боевая линія его пѣхоты уже чувствовали себя очень ослабленными. Опасаясь расхоловать далѣе по частямъ или въ цѣльности свою вторую линію и не зная какъ скоро можно разчитывать на содѣйствіе Сабита, Фуадъ рѣшился отчасти нарушить первоначальный общій планъ дѣла, данный диспозиціей Мехмедъ-Али, и послалъ одного изъ адъютантовъ съ приказаніемъ къ Решидъ-пашѣ чтобы тотъ прекратилъ наступленіе своей бригады на Широко и какъ можно скорѣе кратчайшимъ путемъ возвращался съ нею назадъ и занялъ бы позицію позади праваго фланга дивизіи Фуада.

Это отступление отъ диспозиціи Мехмедъ-Али имѣло не только для Кацелево-Аблавскаго отряда, но можно сказать для всей русской арміи огромное значеніе. Ни въ деревнѣ Широко, ни на пути въ Бѣлу, до которой отъ Широко только двадцать верстъ, у насъ не было никакихъ войскъ. Въ самой Бѣлѣ, гдѣ были сосредоточены обозы, госпитали и склады, оставалось всего-на-все одна рота Калорскаго полка, состоявшая въ распоряженіи мѣстнаго эталнаго коменданта. Такимъ образомъ ни предупредить, ни помѣшать наступленію Турокъ на этотъ пунктъ у насъ не имѣлось никакой возможности, ибо на лѣвомъ флангѣ противъ Рущука была только одна 12я пѣхотная дивизія, въ положеніи весьма рискованномъ; центръ у Кацелева и Аблавы выдерживалъ на себѣ ударъ превосходнаго числа непріятельскихъ силъ; вниманіе же войскъ праваго фланга (13й корпусъ), уже выдвинувшихъ одну пѣхотную бригаду на подкрѣпленіе центра, было приковано къ Османъ-Базарской дорогѣ, по которой ожидалось наступленіе Джумской арміи на Тырновъ.

Хотя дивизія Фуада уже и была ослаблена настолько что до прибытія новыхъ подкрѣпленій онъ не рѣшался возобновить попытку атаки и ограничился пока ружейнымъ огнемъ, за то этотъ огонь, развиваясь все болѣе и болѣе, достигъ наконецъ съ обѣихъ сторонъ крайней степени силы и ожесточенія. Такъ протянулось дѣло до половины одиннадцатаго часа утра, когда, наконецъ, первый пушечный выстрѣлъ раздавшійся съ юго-восточной стороны возвѣстилъ Фуаду о приближеніи дивизіи Сабита, задержанной, какъ оказалось потомъ, состояніемъ горной дороги испорченной ночнымъ ливнемъ.

Въ это же самое время и къ генералу Арнольди прибыли наконецъ подкрѣпленія: 1й баталіонъ Херсонскаго полка, Эцифунтова батарея и три Донскія сотни.

Съ приближеніемъ Сабита, Фуадъ опять перешелъ въ наступленіе. Его колонны, предшествуемыя густыми стрѣлковыми цѣлами въ три ряда, снова показали на южной сторонѣ оврага и двинулись противъ курганной батареи. Огонь всей артиллеріи Фуада снова жесточайшимъ образомъ сосредоточился противъ шести легкихъ орудій нашего центра. Снова стало вырывать людей и лошадей; артиллеристы уже изнемогали въ неравномъ бою, а тутъ еще хватило осколкомъ гранаты въ животъ ихъ командира, калитана Нѣжив-

цева, и этотъ ударъ, положивъ его мертвымъ на мѣстѣ, произвелъ на людей удручающее впечатлѣнiе. Чувствуя необходимость замѣнить орудія этой батареи дальнобойными, генералъ Арнольди приказалъ баталіону Херсонцевъ, подъ командой майора Галонова, передвинуться изъ резерва впередъ, влѣво отъ кургана, а тремъ казачьимъ сотнямъ отправляться на лѣвый флангъ, гдѣ и поступить подъ начальство командира Стародубовскаго драгунскаго полка, полковника Бильдерлингга. Въ это же время адъютантъ генерала штабсъ-капитанъ Саломирскій, по его указанію, провелъ на позицію новопривышную 9тифунтовую батарею, гдѣ она и была поставлена на склонѣ позади земляной батареи. Подъ прикрытіемъ огня 9тифунтовокъ, сопровождавшагося наступательнымъ ударомъ баталіона Херсонцевъ, четырехфунтовая батарея безпрепятственно взяла на передки и, по указанію генерала Арнольди, отошла назадъ на южную часть плато, отдѣленную отъ предыдущей глубокою котловиной. Тамъ была уже заранѣе выбрана и подготовлена земляными работами вторая позиція, на которой и расположилась выведенная изъ огня батарея въ устроенной для нея насыпи. Въ это время дивизія Сабита, подходя къ позиціи, стала развертывать свои силы противъ нашего праваго фланга. Замѣтивъ ея маневръ и видя что теперь приходится имѣть дѣло съ противникомъ который влаетеро насъ сильнѣе и уже начинаетъ охватывать оба наши фланга, генералъ Арнольди рѣшилсѣ отвести войска нѣсколько назадъ, съ тѣмъ чтобы по возможности задержаться съ ними на второй позиціи пока не уберутъ раненыхъ, а затѣмъ уже, согласно предписанію барона Дризена, отступить на Острицу. Сообразно этому рѣшенію, вслѣдъ за отходомъ четырехфунтовой батареи, велѣно было начинать отступление правому, какъ наиболѣе открытому, флангу, что и исполнено войсками онаго въ полномъ порядкѣ подъ прикрытіемъ энергическаго наступательнаго удара нашего центра и лѣваго фланга направленнаго противъ дивизіи Фуада. Правое крыло отошло къ круглымъ скатамъ спускавшимся къ Черноломской долинкѣ, а когда лѣхота Сабита развернула наконецъ свои силы, то большая часть Кацелевскаго отряда залегала уже на новой оборонительной позиціи въ готовыхъ закрытіяхъ. Оставалось отвести назадъ 9тифунтовую батарею, противъ которой дѣйствовали теперь шесть батарей турецкихъ—четыре Фуада и двѣ Сабита—не говоря

уже о массѣ ружейнаго огня со стороны насѣдавшихъ Турокъ. Исполненіе этого труднаго порученія выпало на долю генеральнаго штаба капитана Воеводича, который, по свидѣтельству очевидца, * „стоялъ все время на батареей возлѣ генерала Арнольди, помогая ему распоряжаться боемъ“. Но судьба не дала ему исполнить до конца послѣднее возложенное на него порученіе: Воеводичъ былъ убитъ въ глазахъ своего начальника. „Потерю эту, говоритъ очевидецъ, мы долго оплакивали; покойный былъ одинъ изъ лучшихъ, способнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба и пользовался общею любовью и уваженіемъ въ дивизіи.“

Окончательный отводъ орудій былъ исполненъ подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Бендерскаго полка (5й и 6й) и 3го баталіона Херсонцевъ, командиру коего майору Галовову приказано держаться во что бы то ни стало до послѣдней крайности. И дѣйствительно, какъ офицеры, такъ и солдаты въ эти трудныя, почти отчаянныя минуты исполнили свой долгъ со стойкостью выше всякой похвалы. Достаточно сказать что здѣсь были ранены всѣ три офицера 10й и командиры 9й, 11й и 12й ротъ Херсонскаго полка, убитъ командиръ 6й роты Бендерскаго полка, капитанъ Узембло, не считая уже нижнихъ чиновъ беззавѣтно положившихъ свои головы.

Между тѣмъ фронтъ непріятеля все болѣе и болѣе распространялся вправо и влѣво. Турки уже начали занимать опушку лѣса противъ нашего лѣваго крыла и выслали въ обходъ его всю свою кавалерію регулярную и черкесскую, съ цѣлью отрѣзать намъ путь отступления. Стародубовскіе драгуны во все время боя оставаясь на лѣвомъ флангѣ постоянно передвигались впередъ, назадъ и въ стороны чтобъ укрыться отъ огня артиллеріи, благодаря чему гранаты рвавшіяся возлѣ не причиняли вреда эскадрамъ. Въ одиннадцатомъ часу, какъ уже сказано, къ полковнику Бильдерлингу прибыли три Донскія сотни. Наша конница стояла въ лощинѣ, гдѣ подвигавшаяся впередъ мѣстность скрывала ее отъ глазъ противника. Замѣтивъ приближеніе турецкой кавалеріи, полковникъ Бильдерлингъ слѣшилъ два эскадрона своихъ драгунъ и примкнувъ ихъ къ лѣсу закрылъ тѣмъ самымъ путь къ охвату лѣваго фланга; тремъ же сотнямъ

* А. Бильдерлингъ, стр. 45.

казаковъ приказалъ атаковать непріятеля, придавъ имъ на поддержку послѣдній эскадронъ Стародубовцевъ.

Смѣлою рысью подавались впередъ турецкіе эскадроны, не ожидая встрѣчи съ нашею конницею. Какъ только они приблизились на достаточное разстояніе, казачьи сотни неожиданно подымались изъ лощины на верхъ и съ обычнымъ гикомъ понеслись на Турокъ, межъ тѣмъ какъ слѣшевныя драгуны открыли огонь во флангъ противнику. При внезапномъ появленіи казаковъ, регулярная турецкая кавалерія такъ была озадачена что не только не приняла атаки, но даже не повернула назадъ, а просто остановилась въ нерѣшительности шагахъ въ пятидесяти отъ нашихъ. Пользуясь этимъ замѣшательствомъ, казаки врѣзались въ ряды Турокъ и ликами перекололи впереди стоявшихъ офицеровъ. Только послѣ этого удара, Турки какъ бы очнулись и, повернувъ назадъ, лустились бѣжать вразсылную. Нѣсколько тѣлъ ихъ осталось на мѣстѣ сшибки. Ободренные успѣхомъ, казаки зарвались въ своей погонѣ за непріятельскими всадниками далѣе чѣмъ слѣдовало и, въ свою очередь, наткнулись на горячій огонь турецкой пѣхоты, которая и нанесла имъ уронъ довольно значительный. Тогда они отошли назадъ подъ прикрытіемъ огня слѣшевныхъ Стародубовцевъ.

Такимъ образомъ охватъ лѣваго фланга былъ предупрежденъ нашею конницею. *

* Выше цитованный нѣмецкій авторъ описываетъ кавалерійскій эпизодъ Кацелевскаго боа слѣдующимъ образомъ: „Турецкій кавалерійскій полкъ дивизіи Фуада, подъ начальствомъ полковника Ахмедъ-бея, былъ высланъ для рекогносцировки изъ Кацелева на правый берегъ Лома, противъ Широко. Ахмедъ-бей, со своей стороны, выдвинулъ въ видѣ передоваго отряда, на разстояніе 5.000 метровъ (семь верстѣ), около сотни Черкесовъ. Въ небольшой роцѣ послѣдніе наткнулись на казачью сотню. Въ началѣ обѣ стороны остановились другъ предъ другомъ, потомъ нѣсколько всадниковъ выскочило впередъ и во время рукопашной схватки, завязавшейся между ними, остальные съ разстоянія около 500 метровъ (посверсты) открыли перестрѣлку, не сѣзая съ лошадей. Между тѣмъ къ полю битвы подошли нѣкоторыя изъ частей турецкой регулярной кавалеріи и русскаго 12го Гусарскаго полка; онѣ также завязали между собою перестрѣлку, продолжавшуюся до прибытія главныхъ силъ послѣдняго. При главныхъ силахъ находилась также и командиръ,

Въ 12 часовъ дня на поле битвы прибылъ самъ главнокомандующій Мехмедъ-Али-паша и принялъ общее начальство надъ турецкими войсками. До сей минуты ходомъ боя распорядился муширъ Ахметъ-Эюбъ, пребывавшій все время на одномъ изъ скалистыхъ скатовъ сѣверо-восточнѣе Соленика, подъ навѣсомъ изъ листьевъ, въ разстоянн около десяти верстъ отъ поля битвы, откуда онъ передавалъ свои приказанія дивизіямъ Фуада и Сабита посредствомъ горнистовъ поставленныхъ на известномъ разстоянн другъ отъ друга, и только въ два часа дня сѣлъ на лошадь и отправился со своею свитой на восточную окраину Кацеловскаго плато, находившагося въ сферѣ дѣйствій русскихъ гранатъ. Съ минуты прибытія Мехмедъ-Али между дивизіями Фуада и Сабита установилось единство дѣйствій во время атаки, необходимое тѣмъ болѣе что и бригада Решиды, вернутая съ пути къ Широко, уже успѣла къ этому времени прибыть на мѣсто боя и пристроиться справа къ дивизіи Фуада. Эта послѣдняя въ половинѣ перваго часа дня успѣла охватить наше лѣвое

полковникъ Дризенъ, который и бросился въ атаку противъ развернушагося турецкаго кавалерійскаго полка. Хотя бой былъ очень ожесточенный, но не привелъ ни къ какимъ рѣшительнымъ результатамъ. Полковые командиры съ обѣихъ сторонъ остались на полѣ битвы.“

Читая это описаніе, по всему надо думать что авторъ не былъ самъ очевидцемъ кавалерійскаго дѣла, а изложилъ его по слухамъ и, въ добавокъ, весьма невѣрными. Уже невѣрно то что онъ говоритъ, будто этотъ эпизодъ боя „разыгрался въ два часа, въ долинѣ Чернаго Лома“. Данный случай имѣлъ мѣсто не въ два часа дня, а около полудня, въ то самое время, какъ нашъ Кацеловскій отрядъ отступалъ съ первой позиціи на вторую, и не въ долинѣ Чернаго Лома, а около лѣса, на лѣвомъ флангѣ первой позиціи. Казаковъ было не сотня, а три сотни, регулярной же кавалеріи не полкъ, а лишь одинъ эскадронъ, да и тотъ, сѣдуча въ резервѣ, непосредственнаго участія въ атакѣ не принималъ; остальные же два эскадрона изъ числа трехъ бывшихъ подъ Кацеловымъ вели перестрѣлку, но не съ коня, а слѣпашь. Равнымъ образомъ, не только цѣлаго 12го Гусарскаго полка, но и никакой части омаго здѣсь не было, да и быть не могло, потому что онъ въ это самое время занималъ аванпосты впередъ 12й пѣхотной дивизіи, между Думаемъ и Ломомъ. Наконецъ, не было и никакого полковника Дризена между командирами полковъ Кацеловскаго отряда, а равно и никто изъ полковыхъ командировъ въ этомъ дѣлѣ убитъ не былъ.

крыло, что и вынудило генерала Арнольди къ часу дня отойти со второй позиціи на плато западнѣе Каделева. Это плато со своими крутыми скатами, по словамъ очевидца, * представляетъ весьма удобную для обороны позицію. Восточная сторона его оломывалась стрѣлковыми ровиками, а къ югу отъ дороги на Широко былъ устроенъ редутъ значительной профили.

Въ часъ полудни противъ этой позиціи была направлена дивизія Фуада и одна изъ бригадъ дивизіи Сабита; другая же бригада послѣдней заняла позицію восточнѣе Каделева, противъ Аблавы. Наконецъ, бригадѣ Решиды велѣно снова отправляться обходною дорогою къ мосту на Ломѣ у Широко.

До двухъ съ половиною часовъ полудни бой колебался, такъ какъ, съ одной стороны, русская пѣхота быстро и съ большимъ умѣньемъ укрѣпилась на новой позиціи и, кромѣ того, самымъ дѣйствительнымъ образомъ поддерживалась артиллеріей; ** турецкія же батареи, наоборотъ, вслѣдствіе перестрѣчной мѣткости по сѣверной части Каделевского плато, не могли найти удобной для дѣйствій позиціи и только отчасти могли принимать участіе въ бою ***, благодаря чему и турецкая пѣхота не въ состояніи была одержать никакого

* Того же самаго нѣмецкаго автора, со словъ котораго мы приводимъ дальнѣйшее описаніе Каделевского боя, такъ какъ ни въ русской реляціи, ни въ описаніяхъ русскихъ очевидцевъ не находимъ никакихъ существенныхъ данныхъ относительно послѣдней части дѣла. Нѣкоторые изъ нихъ проходятъ ее даже совершеннымъ молчаніемъ, а потому всю отвѣтственность за точность или неточность описанія поневолѣ приходится оставить на нѣмецкомъ авторѣ, и если мы теперь пользуемся его показаніями для своего дальнѣйшаго разказа, то единственно въ томъ разчетѣ что, быть-можетъ, это вызоветъ со стороны кого-либо изъ нашихъ очевидцевъ и личныхъ участниковъ послѣдней части Каделевского боя какія-нибудь существенныя дополненія и подтвержденія, или же опроверженія нѣмецкаго автора.

** Этотъ послѣдній фактъ было бы очень любопытно провѣрить показаніями нашихъ участниковъ, потому что, насколько можно судить изъ реляціи, обѣ наши батареи, снявшись съ позиціи, были непосредственно и прямо направлены въ Острицу, на пути нашего отступленія.

*** Наши свидѣтели, напротивъ, показываютъ что къ концу боя противъ Каделевского отряда дѣйствовали 50 турецкихъ орудій (А. Бильдерлингъ, стр. 45).

успѣха. Мехмедъ-Али, получивъ въ это время уведомленіе о приближеніи 2й бригады дивизіи Неджиба, рѣшился ввести въ дѣло послѣдніе резервы и произвести атаку всѣми силами. Въ три часа дня бой на этомъ пунктѣ былъ рѣшенъ. Русскіе отступили, хотя и быстро, но въ порядкѣ, по направленію на Широко; Турки же заняли плато.“

На этомъ мѣстѣ оставляемъ пока нѣмецкаго автора и обращаемся къ свидѣтельству своихъ очевидцевъ. Ни одна изъ частей принимавшихъ участіе въ Кацелевскомъ бою на Широко не отступила, отошла же однѣ изъ нихъ на Острицу, другія на Кара-Вербовку и Еренджикъ, третьи на Аблаву, и отступление это, по словамъ какъ реляціи, такъ и свидѣтелей очевидцевъ, состоялось не въ три часа, а около двухъ часовъ пополудни. Впрочемъ, показанія нѣмецкаго автора, кажется, можно отчасти согласить съ нашими слѣдующимъ образомъ.

Дольше всѣхъ, какъ извѣстно, оставался на позиціи третій баталіонъ Херсонскаго полка, майора Галопова. По словамъ реляціи, во второмъ часу весь отрядъ, выдержавъ шестичасовой бой и находясь все время „подъ самымъ страшнѣйшимъ и непрерывнымъ огнемъ со *всѣхъ* непріятельскихъ батарей, окончательно оставилъ Кацелевскую позицію“ (то есть вторую). Майоръ Галоповъ, еще разъ отбивъ штыками наступавшаго противника, послѣднимъ въ полнѣйшемъ порядкѣ отступилъ съ позиціи, направляясь по дорогѣ въ Острицу. „Предоставивъ тогда стройно и *съ боемъ отступавшему баталіону майора Галопова, съ частями (5ю и 6ю ротами) Бендерскаго полка, идти на Острицу, генералъ Арнольди рѣшился съ драгунскимъ полкомъ прикрыть отступление на Кара-Вербовку и далѣе на Еренджикъ части Херсонскихъ и Бендерскихъ баталіоновъ, которые вели массу раненыхъ.“ Съ праваго же фланга часть третьяго баталіона Бендерцевъ, вытѣсненная Турками и отрѣзанная отъ пути отступленія въ Острицу, отошла на Аблаву, куда отступили и три Донскія сотни, успѣвшія потомъ въ этотъ же день еще принять участіе и въ дѣлѣ подъ Аблавой. Вотъ это-то стройное отступление съ упорнымъ боемъ баталіона Галопова и двухъ Бендерскихъ ротъ прикрывавшихъ отходившую артиллерію вѣроятно и призналъ нѣмецкій авторъ за послѣднюю часть дѣла имѣвшую мѣсто на третьемъ плато, западнѣе Кацелева. Въ такомъ случаѣ показаніе его что бой въ*

этомъ пунктѣ дѣлая до трехъ часовъ дня можно признать вполнѣ точнымъ, и если самая продолжительность и упорство боя заставили его предполагать что въ данномъ направленіи отступаютъ главныя силы Кацелевскаго отряда, то тѣмъ болѣе чести, тѣмъ выше и рельефнѣе рисуется этотъ фактъ высокое мужество горсти людей отступавшихъ на Острицу, подъ непосредственнымъ ударомъ всей дивизіи Фуада.

Получивъ извѣстіе о приближеніи къ Аблавѣ подкрѣпленій состоявшихъ изъ трехъ баталіоновъ (безъ одной роты) Калорскаго и трехъ ротъ Невскаго полковъ при двухъ батареяхъ, баронъ Дризень, желая активно, а не однимъ лишь артиллерійскимъ огнемъ помочь войскамъ сражавшимся на Кацелевской позиціи, приказалъ направить на Кацелево одинъ полкъ и легкую батарею, съ тѣмъ чтобъ эти послѣднія части нѣсколько отвлекли на себя вниманіе противника, наслѣдовавшаго на отрядъ генерала Арнольди. Получивъ это приказаніе барона Дризена, генералъ Тимоѣевъ (начальникъ 33й пѣхотной дивизіи) назначилъ для сего три баталіона 131го Тираспольскаго полка и бую батарею 33й артиллерійской бригады, приказавъ заступитъ ихъ мѣста на боевой позиціи 129му пѣхотному Бессарабскому полку и вновь прибывшей въ числѣ подкрѣпленій 6й батарее 1й артиллерійской бригады. Кромѣ того, баронъ Дризень прислалъ къ нему еще одинъ эскадронъ Бѣлгородскихъ уланъ, который долженъ былъ во время слѣдованія Тираспольцевъ прикрывать ихъ правый флангъ отъ покушеній непріятельской кавалеріи. Молодцы Тираспольцы, вмѣстѣ съ приданною имъ батареей, быстро собрались изъ виноградниковъ, ровиковъ и дожематовъ и подъ командой своего командира, полковника Влащенко, спустившись съ Аблавскихъ высотъ перешли въ бродъ черезъ Черный Ломъ подъ самымъ жестокимъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ и двинулись на высоты къ Кацелеву при поддержкѣ съ аблавскихъ батарей, работавшихъ шрапнелью по густымъ цѣлямъ Турокъ. Часть сего полка заняла даже самыя строенія въ деревнѣ, и хотя Кацелевская позиція въ это время была уже покидаема войсками генерала Арнольди, но движеніе Тираспольцевъ и 1го баталіона Херсонцевъ, приближавшихся къ Кацелеву, достигло своей цѣли: Турки приостановили преслѣдованіе отряда генерала

Армюльди и обратили вниманіе на войска Аблавской позиціи. Такимъ образомъ совершилось отступленіе Кацеловскаго отряда, хотя и разбросавшагося при этомъ по разнымъ направленіямъ, но принимая во вниманіе что сходь съ высотъ въ долину Лома были крайне неудобны и что оставленіе позиціи происходило подъ сильнѣйшимъ натискомъ противника влотаую охватившаго лѣвый флангъ отряда, должно сказать что отступленіе это исполнено не только благополучно, но и весьма стойко. Вспомните лишь то что пять баталіоновъ въ теченіе болѣе шести часовъ дрались сначала противъ 18, а потомъ противъ 30 баталіоновъ!

Перехожу теперь къ бою Аблавскому.

V.

Расположеніе войскъ на Аблавской позиціи предъ началомъ боя.—Дѣйствіе турецкой артиллеріи и слабый результатъ онаго въ сравненіи съ нашими орудіями.—Перемѣщеніе войскъ на нашей позиціи, вслѣдствіе отправки подкрѣпленій къ Кацелову.—Атака Мехмедъ-Али противъ Аблавской позиціи.—Занятіе Турками селенія Аблавы.—Попытка Черкесевъ обойти нашъ правый флангъ и отраженіе оной.—Оставленіе нашими виноградника.—Преграды къ дальнѣйшему отступленію.—Поведеніе начальствовавшихъ лицъ въ критическую минуту.—Отчаянная встрѣчная атака Русскихъ.—Генералъ Тимошеевъ и примѣры личнаго мужества начальниковъ.—Успѣхъ скакается на нашу сторону.—Отступленіе Турокъ.—Наши потери.—Присылка турецкаго парламентера.—Стратегическое значеніе Кацелово-Аблавскаго боя.—Царское „спасибо“.

Расположеніе войскъ въ боевыхъ линіяхъ на Аблавской позиціи представлялось къ началу дѣла въ слѣдующемъ видѣ:

На правомъ флангѣ, надъ самымъ селеніемъ Аблавою, въ околланомъ виноградникѣ расположились 2й и 3й баталіоны Тираспольскаго полка и 4я батарея 33й артиллерійской бригады, имѣя за собою, въ частномъ резервѣ, 1й баталіонъ того же полка раздѣлившійся на двѣ части, а именно: за лѣвымъ флангомъ, у верхней батареи № 3й, расположились три роты и у верхней батареи № 2й, въ центрѣ, позади у командующей высоты, двѣ роты. Выше виноградниковъ, на самомъ плато, помѣщались на лѣвомъ флангѣ 3я батарея, а на правомъ 2я батарея 33й артиллерійской бригады. Какъ

ближайшій резервъ и на случай дѣйствій непріятеля со стороны селенія Аблавы, то - есть съ праваго фланга, расположился 1й баталіонъ Херсонскаго полка и бѣ батарея 38й бригады.

Въ общемъ резервъ, въ тѣсницѣ, идущей отъ лѣваго фланга Аблавской позиціи по направленію пути отступленія къ Еренджику, находилась Бессарабскій лѣхотный полкъ, скорострѣльная батарея (безъ двухъ картечицъ) и три эскадрона 12го уланскаго Бѣлгородскаго полка. На части общаго резерва, между прочимъ, была возложена обязанность дѣйствовать во флангъ тѣмъ войскамъ которыя въ какомъ-либо случаѣ могли бы атаковать Аблавскую позицію съ лѣваго фланга.

Такимъ образомъ, на этой позиціи предъ началомъ дѣла насчитывалось семь баталіоновъ (изъ нихъ четыре на боевыхъ линіяхъ), 33 лѣвшихъ орудія (въ боевыхъ же линіяхъ), шесть конныхъ орудій и четыре картечицы.

Имѣвшіе прибыть къ Аблавѣ части 1й лѣхотной дивизіи съ двумя батареями прибыли: Калорскій полкъ и 1й баталіонъ Невскаго съ означенною артиллеріей въ одиннадцатомъ часу утра. Столь позднее прибытіе ихъ къ позиціи произошло вслѣдствіе того что имъ пришлось ночью пріостановить движеніе до разсвѣта, потому что проливной дождь шедшій всю эту ночь до невозможности испортилъ ихъ единственную дорогу изъ Ковачицы на Еренджикъ, идущую къ тому же лѣсомъ. Остальные два Невскіе баталіона въ бою этого дня вовсе не участвовали, такъ какъ баронъ Дризень послалъ имъ въ Еренджикъ приказаніе идти на Острицу, съ тою цѣлью чтобы тамъ принять на себя отступленіе генерала Арнольди и закрыть противнику доступъ къ нашему тылу, а главное къ Бѣлѣ.

Командованіе частями войскъ на Аблавской позиціи, подъ общимъ руководствомъ генералъ-лейтенанта барона Дризена, распредѣлялось между генералъ-майоромъ Тимошеевымъ, начальствовавшимъ надо всею лѣхотой, полковникомъ Разумихинымъ (командиръ 4й батареи), распоряжавшимся дѣйствіями артиллеріи, полковникомъ Власенко (командиръ Тираспольскаго полка), командовавшимъ въ виноградникахъ, и генералъ-майоромъ Корево (командиръ 1й бригады 38й лѣхотной дивизіи), въ вѣдѣніи коего оставался резервъ. Перевозочный пунктъ былъ расположенъ въ Еренджицкомъ ущельи

у фонтана, позади позиціи, близь мѣста расположенія общаго резерва.

Въ семь часовъ утра, одновременно съ началомъ дѣйствій противъ Кацелеевскаго отряда, Турки выдвинули стрѣлковую дѣль и противъ Аблавской позиціи, постепенно удлинняя ее въ обѣ стороны до 500 метровъ (полверсты). Но дѣль эта держалась отъ насъ такъ далеко что самый дальній пушечный выстрѣлъ едва достигалъ ея предѣловъ; резервы же этой дѣли сплона оставались спрятанными за гребнемъ высоты, пролежавшей параллельно фронту Аблавской позиціи.

Вскорѣ отдѣльные выстрѣлы орудій возвѣстили начало боя подъ Кацелеевымъ, а немного спустя, раздалась она и противъ Аблавы. Первый артиллерійскій огонь направленный на Аблавскую позицію былъ открытъ съ самой крайней батареи лѣваго фланга Турокъ, съ разстоянія около шести верствъ, и первая ихъ граната упала у насъ въ виноградникъ близь 4й батареи. Эта послѣдняя отвѣчала, но за дальностію разстоянія, кажется, не особенно успѣшно. Впрочемъ, какъ бы то ни было, а начиная съ семи часовъ утра, турецкій огонь противъ Аблавской позиціи гремѣлъ не умолкая въ продолженіе одиннадцати часовъ, и не смотря однакоже на громадное количество снарядовъ вылученныхъ за этотъ чуть не полусуточный промежутокъ времени изъ 54 орудій (таково показаніе нѣмецкаго автора-очевидца), особеннаго урона отъ этого огня мы не почувствовали. Причина та что большинство турецкихъ гранатъ не разрывалось. Такъ по приблизительнымъ исчисленіямъ артиллеристовъ, противъ одной лишь Аблавской позиціи, за вышесказанный періодъ времени, было вылучено болѣе 3.000 снарядовъ, изъ коихъ разорвалось не болѣе 500. Непріятельская артиллерія дѣйствовала на эту позицію изъ восьми батарей, расположенныхъ въ охватъ ее большимъ полукругомъ, когда дуга простиралась отъ высотъ противуположащихъ деревнѣ Кара-Вербовкѣ до деревни Огарчица. Не задаваясь цѣлью отвѣчать всему этому полукругу и уступая турецкимъ въ дальнобойности, наши аблавскія орудія старались возможно мѣтче направлять свой огонь лишь на ближайшія къ нимъ батареи, и эта скромная задача не осталась безъ весьма удовлетворительныхъ результатовъ: въ дѣломъ направленіи артиллерія наша имѣла видимый успѣхъ, подбивая непріятельскія пушки, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ прекращали свое дѣйствіе на время, а другія и вовсе

умолкали; наши же всё слова устояли на лафетахъ и не прерывая дѣйствія до послѣдняго момента боя.

Въ одиннадцатомъ часу, какъ уже сказано выше, 1й баталіонъ Херсонцевъ, а также и Тираспольскій полкъ, съ легкою батареей и эскадрономъ уланъ, были направлены черезъ долину Лома къ Кацелеву, а на оставленныхъ Тираспольцами мѣстахъ въ виноградникѣ расположились вызванные изъ резерва Бессарабцы и легкая батарея 1й бригады. При этомъ начальство на передовыхъ позиціяхъ принялъ генералъ Корево, который распорядился занять самую деревню Аблаву 1ю стрѣлковою ротой Бессарабскаго полка. Подоспѣвшіе къ сему времени три баталіона Калорскаго полка были поставлены на плато, на мѣстахъ левыхъ баталіоновъ полковъ Тираспольскаго и Херсонскаго. Въ то же время, съ уходомъ Тираспольцевъ, желая возможно болѣе усилить свой огонь, начальникъ Аблавскаго отряда приказалъ начальнику артиллеріи выдвинуть изъ резерва новопривывшую 9тифунтовую батарею 1й бригады (2ю шестирудійнаго состава) и расположить ее рядомъ съ 3й (9фунтовой же) батареей 33й бригады, лѣвѣ этой послѣдней, а четыре скорострѣльные орудія (изъ резерва же) поставить ниже и лѣвѣ лѣвофланговой батареи. Послѣ всѣхъ этихъ перемѣнъ и перемѣщеній, остались въ общемъ резервѣ и для охраны Еренджукскаго ущелья баталіонъ Невскаго полка, конная батарея и два уланскіе эскадрона.

Увлечшись успѣхомъ боя на Кацелевскомъ плато, Мехмедъ-Али рѣшилъ перейти въ атаку и противъ Аблавы. Первый приступъ возложенъ былъ на 2ю бригаду дивизіи Сабита. Около половины втораго часа дня сильная цѣль Черкесовъ перешла черезъ Ломъ по мосту и въ бродъ на нашу сторону. Пока одна ихъ часть завязала дѣло съ Бессарабскими стрѣлками, занимавшими селеніе Аблаву, другая бросилась грабить отдѣльно стоявшіе дома и строенія *, а третья въ количествѣ двухъ сотенъ направилась въ обходъ нашего лѣваго фланга. За цѣлью Черкесовъ слѣдовали два баталіона низама подъ начальствомъ Ибрагимъ-бея, которые цѣлью же двинулись противъ селенія Аблавы и виноградника, то-есть противъ праваго фланга и центра.

Замѣтивъ это движеніе, генералъ Тимоѣевъ приказалъ двумъ баталіонамъ Калорскаго полка придвинуться къ линіямъ

* Такъ свидѣтельствуетъ нѣмецкій авторъ.

верхнихъ батарей, а Невскому баталіону, бывшему въ резервѣ, въ Еренджикскомъ ущельи, подняться на плато и нѣсколько приблизиться къ боевымъ линіямъ. Было около двухъ часовъ дня, когда турецкая батарея появилась вдругъ на Кацеловскихъ высотахъ, прежде занятыхъ нами, и открыла съ нихъ огонь, фланкируя Аблавское плато и стояція на немъ батареи. Въ это же время окончательно выяснилось что вслѣдъ за двумя баталіонами Ибрагимъ-бея наступаютъ противъ Аблавской позиціи всѣ наличныя силы противника. Масса турецкой пѣхоты занявшая протяженіе около четырехъ веротъ, въ восемь и болѣе линій, слѣдовавшихъ близко одна за другою, наступала на деревню Аблаву, виноградникъ и на Тираспольскій полкъ, возвращавшійся изъ-подъ Кацелова. Наступленіе это велось по дорогѣ охватывавшей Аблавское плато съ трехъ сторонъ, а именно: съ бывшей нашей Кацеловской позиціи, изъ самаго Кацелова и отъ Огарчинской дороги, и начало его совпало какъ разъ съ тѣмъ моментомъ, какъ стали отступать изъ-подъ Кацелова Тираспольцы которымъ генераль Тимоеевъ послалъ приказаніе возвратиться на свою позицію, послѣ того какъ цѣль ради которой пришлось ихъ туда отправить была уже вполнѣ ими достигнута.

Медленно, шагъ за шагомъ, какъ звѣрь отгрызаясь отъ насѣдающей стаи, отступалъ за Ломъ Тираспольскій полкъ и занялъ, наконецъ, частію свои прежніе ложементы на склонахъ Аблавской позиціи, а частію отошелъ на самое плато, ближе къ Еренджикскому ущелью.

Около трехъ часовъ дня артиллерійскій огонь противника усилился до крайней степени напряженія, такъ какъ противъ Аблавской позиціи энергично работала теперь вся его наличная артиллерія, а ружейная пальба, по словамъ участника дѣла, * обратилась въ одинъ непрерывный залпъ, не прекращавшійся ни на одну минуту. Болѣе всѣхъ терпѣла отъ свинцоваго дождя 4я батарея, которая все еще держалась на позиціи въ виноградникѣ, не смотря на то что изъ ея фронта въ самое короткое время выбыли ранеными: капитанъ Пржевальскій, остававшійся за командира батареи, подпоручикъ Петровъ, 11 артиллеристовъ и 18 лошадей. Не менѣе страдали отъ огня и Бессарабскія роты, занимавшія

* Генеральнаго штаба полковника Степанова.

виноградникъ. Рѣшительная минута видимо приближалась. Восемь послѣдовательныхъ линій непріятельской цѣли уже ясно видны были въ долину Лома и на прибрежныхъ склонахъ противнаго берега. Нѣсколько разъ пытались было Турки вывести изъ-за гребня вслѣдъ за своими цѣлями и сомкнутыя части для ихъ дальнѣйшей поддержки, но каждый разъ чуть только они показывались на гребнѣ, наши батареи встрѣчали ихъ шрапнелью, и колонны Турокъ моментально разсѣивались и снова прятались за гребень.

Между тѣмъ турецкія цѣли, хотя медленно, однакоже продолжали подвигаться впередъ, причемъ одинъ баталіонъ ихъ обратился специально противъ селенія Аблавы. Не смотря на упорное сопротивленіе 1й стрѣлковой роты Бессарабскаго полка, которая со своимъ командиромъ штабсъ-капитаномъ Вальковскимъ нѣсколько разъ бросалась въ атаку, штыками выбивая Турокъ изъ деревни, эта послѣдняя, благодаря напору превосходныхъ силъ, была наконецъ уступлена непріятелю, причемъ въ схваткѣ былъ убитъ начальникъ стрѣлковъ Бессарабскаго полка подполковникъ Манцевичъ.

Въ это же время барону Дризену дали знать что Черкесы обходятъ нашъ правый флангъ. Какъ только за собою казацы сотни только-что прибывшія сюда съ Кацелевской позиціи, баронъ Дризень поскакалъ на правый флангъ, выѣхалъ на его командующую высоту и увидѣлъ отсюда что дѣйствительно двѣ черкесскія сотни взбираются къ намъ на скалы. Тотчасъ же приказалъ онъ двумъ сотнямъ Донцовъ слѣпиться, залечь въ цѣль и огнемъ прогнать Черкесовъ, что и было исполнено съ полнымъ успѣхомъ. Сбитые со скалъ Черкесы не возобновляли болѣе подобныхъ попытокъ.

Между тѣмъ, съ занятіемъ селенія Аблавы, Турки открыли изъ него фланговый огонь по частямъ занимавшимъ виноградникъ. Вслѣдствіе этого, 4я батарея, очутившись подъ перекрестнымъ огнемъ, не могла уже держаться долѣе и, сдвинувшись съ позиціи, отѣхала на плато; Тираспольцы же съ Бессарабцами продолжали еще держаться; но тутъ новыя подкрѣпленія прибывшія къ Туркамъ въ деревню и возобновленная ими атака противъ фронта виноградника вынудила наконецъ и ихъ къ отступленію. Медленно подаваясь назадъ шагъ за шагомъ, части эти отошли до самаго гребня позиціи. Далѣе, говорить очевидецъ, * отходить было некуда:

* Полковникъ Степановъ.

единственный путь отступления лежалъ глубоко внизу, по узкому ущелью, гдѣ разѣхаться двумъ повозкамъ почти не было никакой возможности. По сторонамъ этого пути высидись утесы, обрывы и росъ густой колючей кустарникъ. Дождь разгравилъ дорогу и къ тому же она была уже загромождена съ одной стороны обозомъ отправленнымъ съ позиціи, а съ другой—обозомъ который втапулся въ ущелье вслѣдъ за шедшими къ Аблавѣ подкрѣпленіями отъ 1й пѣхотной дивизіи. Даже одиночному всаднику трудно было пробираться въ этомъ хаосѣ. Кромѣ того дорога эта обстрѣливалась съ Кацеловскихъ высотъ правофланговою неприятельскою батареей, такъ что нѣсколько человекъ было ранено осколками гранатъ на самомъ перевязочномъ пунктѣ. Вслѣдствіе такого положенія единственной дороги въ тылу позиціи, объ отступленіи нечего было и думать. 9¼ баталіоновъ дрались противъ сорока таборовъ, и имъ оставалось только либо отбить наладеніе, либо умереть до послѣдняго человека.

Генералы Дризень и Тимоѣевъ находились во время боя на плаату, за верхнею батареей. Отправляясь на правый флангъ чтобъ удостовѣриться въ степени опасности черкесскаго обхода, баронъ Дризень поручилъ генеральнаго штаба полковнику Дохтурову объѣхать весь фронтъ нашей позиціи и узнать въ какомъ положеніи дѣло. Исполнивъ это порученіе, полковникъ Дохтуровъ возвратился къ верхней батарее и, заставъ здѣсь генерала Тимоѣева, доложилъ ему что 4я батарея, а за нею и Тираспольцы съ Бессарабцами уже очистили виноградникъ и отступаютъ по плаату, въ виду жестоко наступающаго на нихъ противника. Генералъ Тимоѣевъ выѣхалъ впередъ на встрѣчу отступавшимъ частямъ, а полковникъ Дохтуровъ послѣшилъ на правый флангъ для доклада о томъ же начальнику отряда. Баронъ Дризень, отбивъ казаками Черкесовъ, уже возвращался къ своему наблюдательному пункту, когда услышалъ отъ полковника Дохтурова тяжелую вѣсть о потерѣ позиціи въ виноградникѣ. Онъ тотчасъ же послалъ къ генералу Тимоѣеву словесное приказаніе: наступать немедленно и во что бы то ни стало, а самъ подскакалъ къ 1му баталіону отступавшихъ Калорцевъ, поднял его изъ резерва и воодушевилъ громко сказанными словами что чѣмъ переживать срамъ, такъ лучше оставить кости свои подъ Аблавой. „Докажите, ребята, что вы достойные сыны Россіи! говорилъ онъ имъ,—насъ бьютъ вражь

пули; докажете же что русскій штыкъ возьметъ свое! Во имя обожаемаго нашего Государя, во имя чести нашего оружія, впередъ, братья! Начальники уже впереди... барабандикъ, бей атаку! Ура!"

Въ тотъ же мигъ огласился воздухъ молодецкимъ ура Капорцевъ, и два баталіона изъ резерва вслѣдъ за барономъ Дриземомъ ринулись на встрѣчу отступавшимъ товарищамъ. Начальникъ отряда лично довелъ ихъ до центральной батареи и тамъ передалъ генералу Тимошееву, который между тѣмъ успѣлъ на время остановить отступавшія части, вытянувшись въ одну линію. Въ виду подходящаго резерва, сознавая что остается только побѣдить или умереть, онъ слѣзъ съ коня и безоружный, заложивъ руки за спину, спокойно вышелъ впередъ за цѣль и однимъ вѣторопливнымъ шагомъ направился въ сторону Турокъ. Вслѣдъ за нимъ кинулись туда же командиръ бригады генералъ-майоръ Корево и генеральнаго штаба подполковникъ Степановъ и другіе. Воодушевленная этимъ примѣромъ и точно также понимая что вѣтъ побѣды или смерти выхода нѣтъ, Бессарабцы вслѣдъ за своимъ почтеннымъ начальникомъ дивизіи съ отчаяннымъ ура обрушились впередъ на Турокъ, мигомъ перебѣжавъ отдѣлившее ихъ разстояніе въ какіе-нибудь двѣсти шаговъ. Сосѣднія части подхватили этотъ побѣдный кличъ, и всѣ наши баталіоны съ гребня бросились въ штыки на Турокъ. Тѣ не выдержали, дали тылъ и бросились къ Лому; наши за ними. Неумолкаемое ура, переливаясь по рядамъ, шумѣло въ воздухѣ, уже предвѣщая побѣду. 2й баталіонъ Капорскаго полка бросился на Аблаву и выбилъ Турокъ изъ деревни, а 3й баталіонъ присоединился на гребнѣ къ Тираспольцамъ и Бессарабцамъ. Черкесы, рассыпавшіеся было по деревнѣ для грабежа, первые, при неожиданномъ видѣ русскихъ штыковъ, пришли въ панику и, спѣшно бросаясь на лошадей чтобы поскорѣе удрать изъ деревни, произвели замѣшательство въ улицахъ среди турецкой пѣхоты, которая, тоже поддавшись паникѣ, бѣжала изъ деревни частію къ мосту на Ломѣ, частію впасть, и только уже на томъ берегу успѣла привести себя въ нѣкоторый порядокъ, впрочемъ не для отпора, а лишь для дальнѣйшаго отступленія. Итакъ, вся масса наступавшихъ Турокъ бѣжала за Ломъ. Часть нашихъ, увлекаемыхъ преслѣдованіемъ, перешла даже на ту сторону, причемъ первымъ перебѣжалъ черезъ мостъ Бессарабскаго полка

прапорщикъ Шилеке, раненый при этомъ въ грудь. Однако, эти удачныя были возвращены назадъ, потому что въ виду крайняго утомленія войскъ и превосходства турецкихъ силъ, баронъ Дризень не захотѣлъ подвергать дальнѣйшему риску насоды достигнутой побѣды, и такимъ образомъ Турки отступили за высоты праваго берега, преслѣдуемые огнемъ нашихъ батарей и оставивъ много убитыхъ и раненыхъ на нашей сторонѣ Дома. Ружейный огонь замолкъ часа въ четыре послѣдующаго, послѣ чего съ обѣихъ сторонъ поддерживался только артиллерійскій бой, пока не прекратилъ его въ шесть часовъ вечера сильный ливень, заволокнувшій всю окрестность густымъ дождевымъ туманомъ. Наши войска, пребывая въ непрерывномъ бою одиннадцать часовъ орда, снова заняли свои прежнія позиціи при Аблавѣ, въ готовности дать отпоръ, еслибы Турки вздумали повторить свою атаку.

Но тѣмъ было не до атакъ, потому что если у насъ, при оборонительномъ боѣ въ закрытіяхъ, вышло изъ строя убитыми и ранеными 56 офицеровъ, 1.250 нижнихъ чиновъ и 101 лошадь, то у Турокъ, наступавшихъ все время открыто, потеря, во всякомъ случаѣ, должна была значительно превосходить нашу. О ея значительности можно судить уже потому что на другой день утромъ, вмѣсто ожидаемой нами атаки, Мехмедъ-Али прислалъ къ барону Дризену парламентаря просить перемирія до 6 часовъ вечера, для уборки раненыхъ и похоронъ убитыхъ. Баронъ Дризень охотно согласился на это предложеніе, тѣмъ болѣе что хаосъ господствовавшій со вчерашняго дня на нашей тыловой дорогѣ въ Еренджикскомъ ущельѣ настоятельно требовалъ очистки пути для движенія войскъ и раненыхъ.

Отбитіе атаки Мехмедъ-Али подъ Аблавой имѣло очень важное стратегическое значеніе. Отъ стелени успеха этого дѣла зависѣла участь Русскаго отряда и данная ему цѣль обезпечить тылъ войскъ на Шалкѣ, прикрыть пространство отъ Дуная до Балканъ и разобщить турецкія арміи, дѣйствовавшія на западномъ и восточномъ театрахъ Болгаріи. Еслибы баронъ Дризень не удержался подъ Аблавой, то не только его отрядъ, не имѣя пути отступления, былъ бы окончательно уничтоженъ, задавленный численнымъ превосходствомъ противника, имѣвшаго на своей сторонѣ всѣ шансы успеха, но еще и прорывался центръ общаго расположенія Русскаго отряда, а тогда уже Мехмедъ-Али почти безна-

казанно могъ бы угрожать сообщеніямъ нашей арміи и.. Богъ вѣсть, какъ и чѣмъ пришлось бы намъ еще кончить нашу кампанію. Вотъ почему, не особенно эффектное въ декоративномъ смыслѣ, Кацелаво-Аблавское дѣло, 24 августа, по своему внутреннему значенію, остается однимъ изъ важнѣйшихъ стратегическихъ дѣлъ кампаніи 1877—78 годовъ, и не даромъ покойный Государь, получивъ о немъ извѣстіе, телеграфировалъ Наслѣднику Цесаревичу: „Спасибо моимъ молодцамъ, начиная съ самого Дризена“, а нѣсколько дней спустя прислалъ барону Дризену Георгіевскій крестъ 4й степени, поручивъ флигель-адъютанту князю Долгорукову передать ему этотъ крестъ отъ Государя лично. *

27 августа, то-есть чрезъ три дня послѣ дѣла при Аблавѣ, всѣ войска Рущукскаго отряда уже успѣли сосредоточиться, отступя отъ Чернаго Лома за Ломъ Баницкій, что значительно сократило линію фронта и доставило отряду чрезвычайно крѣпкія позиціи. Отступление это въ стратегическомъ отношеніи можетъ считаться одною изъ лучшихъ операцій Рущукскаго отряда, положеніе коего съ этого времени было уже вполне обезпечено.

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

* Нѣсколько дѣяній покойный Государь и Наслѣдникъ Цесаревичъ важное значеніе Аблавскаго дѣла показываютъ, между прочимъ, слѣдующія телеграммы, полученныя барономъ Дризеномъ въ первую годовщину сего боя:

1) „Телеграфъ въ С.-Стефано № 211.

„24 августа 1878.

„Изъ Ливадіи.

„Генераль-адъютанту Тотлебену. С.-Стефано.

„Объяви генераль-лейтенанту барону Дризену, если онъ еще не увѣдалъ, что въ память сегодняшней годовщины славнаго дѣла подъ Аблавой, гдѣ онъ начальствовалъ, я назначаю его генераль-адъютантомъ. *Александръ.*“

2) „Начальнику 1й гвардейской кавалерійской дивизіи генераль-адъютанту Дризену. С.-Стефано.

„Отъ всей души поздравляю васъ съ назначеніемъ генераль-адъютантомъ. Вспомнили вчера славный Аблавскій бой, благодаря которому весь нашъ Рущукскій отрядъ могъ спокойно отступить и сосредоточиться на новыхъ позиціяхъ. *Цесаревичъ Александръ.*“

ПОЛИТИКА ВЪ ШКОЛѢ.

I. Общій характеръ учебныхъ реформъ во Франціи.—II. Преобразование Главнаго Совѣта Народнаго Просвѣщенія и Академическихъ Совѣтовъ.—III. Новыя задачи факультетовъ.—IV. Новыя задачи лицеевъ.—V. Католическіе факультеты и конгрегационныя средне-учебныя заведенія.

I.

Въ XVIII вѣкѣ французская философія и литература, французскіе университеты и академіи, французское воспитаніе, даже французскіе гувернеры считались во всей Европѣ образцовыми. Самая революція, въ первую ея эпоху, была признаваема современниками результатомъ культурнаго превосходства французской націи предъ другими.

Революціонный разгромъ коснулся и школьнаго дѣла. Реформаторы первой революціи начали съ того что уничтожили въ корнѣ всѣ прежнія школы и университеты, рѣшившись сразу создать другіе, болѣе конечно совершенные; планы ихъ запечатлѣны были, съ одной стороны, безусловнымъ разрывомъ съ прошедшимъ, съ другой, поразительною неосуществимостію въ настоящемъ. Созданныя революціей школы, за весьма немногими исключеніями, не просуществовали и десяти лѣтъ. Тѣмъ не менѣе мѣропріятія эпохи и обнаружившіяся новыя стремленія имѣли огромныя послѣдствія. Велѣдствіе уничтоженія прежнихъ школъ и университетовъ, бѣлая

часть которыхъ были основаны духовными и отчасти свѣтскими корпораціями, возникла, по необходимости, система школъ казенныхъ, учреждаемыхъ, оплачиваемыхъ и руководимыхъ правительствомъ; въ то же самое время враждебное отношеніе революціи къ духовенству, католичеству и христіанству повело къ совершенному устраненію изъ новыхъ школъ не только духовныхъ наставниковъ, но и всякаго нравственно-религіознаго назиданія.

По выходѣ изъ революціоннаго погрома, при первой имперіи, школьное дѣло вступило наконецъ на путь правильнаго устройства. Возникъ *университетъ*, въ смыслѣ правильно организованнаго учебнаго вѣдомства. Вытѣснъ съ тѣмъ восстановлено было значеніе нравственно-религіознаго назиданія въ школьной средѣ, а въ послѣдующее время допущено было, подъ непосредственнымъ контролемъ правительственной власти, и вообще участіе духовенства и частной инициативы въ дѣлѣ народнаго обученія, какъ воспособленіе къ системѣ казенныхъ и общинныхъ школъ.

Такой порядокъ вещей послѣдовательно развивался во Франціи до 1879 года.

Съ водвореніемъ третьей республики наступаетъ эпоха новаго разгрома французской школы. На нашихъ глазахъ совершается любопытное зрѣлище возрожденія приѣмовъ и утолій революціонной эпохи въ школьномъ вопросѣ. И приѣмы эти, слѣдуетъ признать, проводятся съ замѣтательною послѣдовательностію и настойчивостію.

Руководителями реформъ съ начала 1879 явились гг. Ферри, Поль Беръ и Бароде, совокупными усиліями которыхъ былъ радикально измѣненъ характеръ центральнаго и мѣстнаго надзора за народнымъ просвѣщеніемъ во Франціи, а затѣмъ дано совершенно новое направленіе факультетамъ и лицеемъ, съ устраненіемъ духовенства, какъ во время революціи, отъ участія въ школьномъ дѣлѣ, и наконецъ преобразована система первоначальнаго обученія въ духѣ даической морали и республиканскаго цивизма *.

* Г. Ферри при второй имперіи принадлежалъ къ числу второстепенныхъ адвокатовъ, участвовалъ въ редакціи оппозиціонной газеты *Temps* и былъ замѣшанъ въ политическомъ процессѣ Тринадцати. Въ 1869 онъ былъ избранъ въ законодательный корпусъ;

II.

Желая устранить школы отъ политической борьбы и вывести ихъ изъ того хаотическаго состоянія въ которомъ онѣ оказались послѣ революціи, Наполеонъ I декретомъ 17 марта

былъ затѣмъ членомъ правительства Народной Обороны, занималъ въ 1871 въ теченіе нѣсколькихъ дней должность сенаксаго префекта, а потомъ состоялъ нѣкоторое время посланникомъ республики въ Афинахъ. Постоянно избираемый съ того времени депутатомъ въ Палату, онъ всегда принадлежалъ къ лѣвой республиканской фракціи, былъ министромъ народнаго просвѣщенія въ кабинетахъ Ваддингтона и Фрейсине, а съ 1880 президентомъ совѣта министровъ, съ сохраненіемъ прежняго портфеля; вышелъ въ отставку съ образованіемъ въ ноябрѣ 1881 кабинета Гамбетты; съ паденіемъ же послѣдняго въ январѣ 1882 опять занялъ постъ министра народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ Фрейсине. Ему собственно принадлежитъ преобразование главнаго совѣта народнаго просвѣщенія и академическихъ совѣтовъ, инициатива всѣхъ мѣръ противъ конгрегаціонныхъ школъ и защита въ сенатѣ проектовъ школьныхъ реформъ.

Г. Поль Беръ, профессоръ физиологій на факультетѣ физико-математическихъ наукъ въ Парижѣ, былъ префектомъ Обвернаго департамента во время войны 1870. Депутатъ съ 1872, ревностный сторонникъ „республиканскаго союза“, личный другъ г. Гамбетты, близкій сотрудникъ газеты *la République Française*, членъ преобразованнаго главнаго совѣта народнаго просвѣщенія, докладчикъ въ Палатѣ закона о первоначальномъ обученіи, онъ былъ преемникомъ г. Ферри по министерству народнаго просвѣщенія съ ноября 1881 по январь 1882.

Г. Бароде, бывшій преподаватель муниципальной школы въ департаментѣ Юры, былъ въ 1849 году уволенъ за крайній образъ мыслей, содержалъ затѣмъ свободную школу, а послѣ государственнаго переворота 1851 поступилъ домашнимъ учителемъ въ домъ одного богатаго промышленника. Позже онъ поселился въ Лионѣ, поступивъ сначала счетчикомъ въ частную контору, а затѣмъ занялъ мѣсто директора химическаго завода и страховаго агента. По провозглашеніи третьей республики, онъ былъ избранъ членомъ муниципальнаго совѣта и помощникомъ лионскаго мера; въ этомъ званіи онъ являлся, по порученію Лионской коммуны, въ Парижъ для переговоровъ съ президентомъ республики Тьеромъ, послѣ чего самъ занималъ должность лионскаго мера. Въ Палатѣ онъ застѣдуетъ съ 1873 году, принадлежа къ крайней лѣвой фракціи. Его инициативѣ принадлежитъ реформа первоначальнаго обученія.

1808 года установилъ для учебной части особую организацію. Соединивъ весь учебный персоналъ въ одно учрежденіе подъ наименованіемъ „императорскаго французскаго университета“ (*Université Impériale de France*), онъ распредѣлилъ управленіе имъ между „гросмейстеромъ университета“ (*Grand Maître de l'Université*) и самостоятельной коллегіей получившею названіе „императорскаго университетскаго совѣта“ (*Conseil Impérial de l'Université*). Гросмейстеру университета была предоставлена на правахъ министра власть распорядительная; во общій руководящій контроль за всѣми учебными заведеніями, дисциплинарныя мѣры относительно преподавателей и вопросы педагогическіе сосредоточены были въ совѣтъ, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ гросмейстера, наряду съ независимыми отъ него членами, заседали и наиболѣе заслуженные педагоги и самые крупныя представители науки. вмѣстѣ съ тѣмъ все государство раздѣлено было на нѣсколько учебныхъ округовъ (*académies*); во главѣ каждаго округа поставлены были: ректоръ (*recteur d'académie*) и академическій совѣтъ (*conseil d'académie*), а для непосредственнаго наблюденія за учебными заведеніями назначены въ каждомъ округѣ особыя инспекторы.

Члены учебнаго персонала составляли такимъ образомъ какъ бы одну общую корпорацію. Отъ произвольныхъ увольненій и перемѣщеній членъ ея былъ гарантированъ правомъ заинтересованныхъ лицъ апеллировать въ университетскій совѣтъ на рѣшенія совѣта академическаго. вмѣстѣ съ тѣмъ было увеличено жалованіе и учреждена пенсія. Все это не мало способствовало возвышенію уровня педагогическаго персонала.

Созданная Наполеономъ I система пережила первую имперію. Сохранивъ свои основныя черты даже во время реставраціи, она достигла высшаго своего развитія при Людовикѣ-Филиппѣ, благодаря просвѣщеннымъ заботамъ Виктора Кузена, Гизо, Вильмена и Тьера. *

* Во время реставраціи главный университетскій совѣтъ былъ переименованъ въ королевскій университетскій совѣтъ, который въ свою очередь при июльской монархіи получалъ сохранившееся за нимъ доселѣ названіе главнаго совѣта народнаго просвѣщенія (*conseil supérieur de l'instruction publique*); титулъ же гросмейстера университета былъ замѣненъ болѣе обычнымъ — министра народнаго просвѣщенія.

Съ теченіемъ времени къ этой системѣ „университетскаго преподаванія“ примкнуло въ формѣ свѣтскихъ лавсіоновъ и конгрегационныхъ школъ преподаваніе частное, свобода котораго была признана въ принципѣ еще въ 1830 году и формально провозглашена въ республиканской конституціи 1848 года, вслѣдствіе чего закономъ 15 марта 1850 года въ составъ главнаго совѣта народнаго просвѣщенія введены были и представители частнаго преподаванія.

Въ первые годы второй имперіи значеніе главнаго совѣта народнаго просвѣщенія было нѣсколько ослаблено усиленіемъ личной власти министра народнаго просвѣщенія, но въ 1867 году возвращенъ былъ совѣту прежній его авторитетъ, что не спасло его однако отъ крушенія, послѣ 4 сентября 1870 года, вмѣстѣ съ прочими учрежденіями имперіи. Лишь два года спустя, по инициативѣ депутатовъ: Вадингтона, Виллома и Сенъ-Маркъ Жирардена возникъ вопросъ о возстановленіи главнаго совѣта народнаго просвѣщенія. Результатомъ ихъ усилій былъ законъ 1873 года, въ силу коего въ составъ вновь образованнаго совѣта вошли попрежнему высшіе представители университета, института, государственнаго совѣта, магистратуры и духовенства, равно какъ делегаты отъ частнаго преподаванія.

Точно также сохранили свой прежній характеръ и совѣты академическіе; здѣсь, подъ предсѣдательствомъ академическаго ректора, наряду съ окружающими инспекторами, деканами факультетовъ и специалистами-педагогами, засѣдали мѣстные представители духовенства, магистратуры и администраціи.

Такова была система дѣйствовавшая много лѣтъ, сживавшаяся со всѣми разнообразными правительственными режими Франціи. Можно было предполагать что она будетъ принята и третьею республикой. И дѣйствительно, до 1879 года почти не заявлялось требованій подвергнуть ее какимъ-либо кореннымъ измѣненіямъ. Но въ это именно время, то-есть шесть лѣтъ спустя послѣ закона 1873 года, при г. Ферри, бывшемъ министромъ народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ Вадингтона, начались преобразованія долженствующія имѣть самыя серіозныя послѣдствія. Характеръ этихъ преобразованій настойчиво приводимыхъ въ исполненіе двойственный. Съ одной стороны въ нихъ обнаруживается стремленіе, само по себѣ, съ правительственной точки зрѣнія правильное, сосре-

доточить школьное дѣло въ рукахъ правительства съ устраненіемъ того что во Франціи зовется свободой обученія и что обозначаетъ участіе католическаго духовенства, параллельно правительству и въ сущности враждебно ему, въ школьномъ дѣлѣ. Съ другой стороны имѣется въ виду осуществленіе идей свѣтской республиканской школы согласно приѣмамъ и преданіямъ заведеннымъ первымъ революціей.

Прежде всего г. Ферри внесъ на обсужденіе законодательныхъ камеръ проектъ преобразованія главнаго и академическихъ совѣтовъ на совершенно иныхъ основаніяхъ. После продолжительныхъ преній, проектъ этотъ, по соглашенію республиканскаго большинства съ министерствомъ, былъ съ нѣкоторыми измѣненіями принятъ какъ палатой, такъ и сенатомъ и приведенъ вѣдѣнь въ исполненіе.

По закону 27 февраля 1880 года главный совѣтъ народнаго просвѣщенія представляеть, подъ предводительствомъ министра, многочленное собраніе изъ 56 членовъ, въ томъ числѣ: 9 совѣтниковъ назначаемыхъ президентомъ республики преимущественно изъ высшихъ чиновъ министерства народнаго просвѣщенія, директоровъ (*directeurs généraux*) и главныхъ инспекторовъ (*inspecteurs généraux de l'instruction publique*); 5 членовъ Французскаго Института, 40 выборныхъ членовъ отъ высшаго, средняго и даже низшаго преподаванія и 4 представителя по выбору министра народнаго просвѣщенія отъ частнаго преподаванія. Хотя срокъ пребыванія въ должности членовъ совѣта оставленъ полпрежнему четырехлѣтній, но очевидно что эта организація основана уже на совершенно новомъ принципѣ устраненія изъ совѣта независимыхъ отъ министра представителей магистратуры, духовенства и государственнаго совѣта, съ замѣной ихъ. Какъ на особое достоинство новаго совѣта указывалось на его педагогическую компетентность. Но компетентность эта при нынѣшнемъ составѣ совѣта можетъ внушать большее довѣріе. Если наряду съ академиками, деканами, факультетскими профессорами и главными инспекторами въ совѣтѣ засѣдаютъ и имѣютъ по всѣмъ вопросамъ право голоса 6 делегатовъ отъ высшаго преподаванія * и 10

* Въ выборѣ ихъ участвуютъ, между прочимъ, директрисы высшихъ женскихъ нормальныхъ школъ и инспектрисы приютовъ (*salles d'asile*).

отъ средняго (8 отъ лицеевъ, 2 отъ общинныхъ коллегій), то изъ этого, еще не слѣдуетъ что эти делегаты способны отринуться отъ своей будничной техники, выйти изъ узкихъ рамокъ своего личнаго опыта и возвыситься до высшаго пониманія потребностей народнаго просвѣщенія. Конечно, ихъ отзывы могутъ быть полезны и необходимы при рѣшеніи близко имъ знакомыхъ техническихъ вопросовъ. Но можно усомниться въ пользѣ участія делегатовъ отъ первоначальнаго обученія при обсужденіи вопросовъ обученія средняго или въ пользѣ участія делегатовъ отъ средняго обученія по вопросамъ преподаванія факультетскаго, тѣмъ болѣе что преподаватели первоначальнаго обученія знаютъ о лицеехъ и коллегіяхъ болѣе по наслышкѣ, а половина преподавателей въ лицеехъ и большинство образователей въ коллегіяхъ назначаются изъ числа лицедіатовъ, знакомыхъ съ факультетскимъ преподаваніемъ только по курсу тѣхъ четырехъ предметовъ которые они обязательно должны были слушать до выдержанія экзамена на эту степень. Къ тому же, такъ какъ къ заведенію въ совѣтъ при зываются делегаты средняго и первоначальнаго преподаванія по выбору своихъ товарищей, а выборы въ значительной степени обуславливаются не только личнымъ достоинствомъ избираемыхъ, но и разными посторонними причинами, то вѣтъ никакого основанія быть увѣреннымъ въ томъ что избираемые делегатами члены совѣта будутъ непременно принадлежать къ числу образцовыхъ педагоговъ, особенно если принять въ соображеніе что многочисленность, разбросанность и малое другъ съ другомъ знакомство избирателей этой категоріи весьма мало способствуютъ къ устраненію самыхъ вредныхъ случайностей и интригъ.

Наконецъ распространеніе права представительства въ совѣтъ на персоналъ высшихъ спеціальныхъ школъ хотя и увеличило число членовъ отъ высшаго преподаванія до 24, но насколько не усилило педагогической компетентности совѣта, ибо какое серьезное значеніе могутъ имѣть въ коллегіи предназначенной для рѣшенія общихъ школьныхъ вопросовъ профессоры фармаціи, восточныхъ языковъ, преподаватели агрономическаго института, консерваторіи искусствъ и ремеселъ, школы для разбора древнихъ актовъ и т. п.? Между тѣмъ въ числѣ 24 членовъ отъ высшаго преподаванія этихъ специалистовъ, но конечно не педагоговъ, насчитывается въ новомъ совѣтѣ не менѣе 10.

Вообще новый совѣтъ есть примѣненіе къ школьному управленію какой-то псевдо-парламентской организаціи, своего рода *suffrage universel*. Такая организація имѣетъ еще и то неудобство что вводитъ во всѣ инстанціи учебной іерархіи, несогласныя съ педагогическою задачею, личныя отношенія, причемъ интересы школы не могутъ не уступать первенствующаго мѣста политической злобѣ дня. Этотъ педагогическій парламентъ, эти періодическіе выборы не могутъ не быть отголоскомъ той самой политической партіи представителемъ которой является министръ народнаго просвѣщенія, какъ членъ кабинета. Поэтому и совѣтъ народнаго просвѣщенія при министрѣ-консерваторѣ будетъ имѣть совсѣмъ иныя тенденціи и даже иной составъ нежели при министрѣ-радикалѣ. Не забудемъ что при парламентскомъ режимѣ авторитетъ министра болѣе политической чѣмъ административный и что въ третьей французской республикѣ въ одиннадцать лѣтъ смѣнилось десять министровъ просвѣщенія. Конечно, выборы дѣлаются на четырехлѣтній срокъ; но развѣ министръ радикалъ, замѣнивъ министра-консерватора, не сумѣетъ, посредствомъ бюрократическаго давленія, заставить подчиненныхъ ему консервативныхъ педагоговъ сложить съ себя раньше срока званіе члена совѣта? Преобразованный совѣтъ долженъ неминуемо вовлекать педагогическій персоналъ въ водоворотъ политической борьбы.

Въ томъ же духѣ преобразованы были и академическіе совѣты: изъ нихъ точно также были удалены самостоятельные члены отъ духовенства и магистратуры и замѣнены выборными, но подчиненными министру представителями различныхъ степеней педагогическаго персонала, съ придачею къ нимъ, по назначенію министра, двухъ членовъ отъ мѣстныхъ генеральныхъ и муниципальныхъ совѣтовъ, и двухъ отъ частнаго преподаванія по касающимся только послѣдняго вопросамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Ферри озаботился усиленіемъ власти министра и присвоилъ этой должности по перемѣщенію и увольненію преподавателей права какими не пользовались ни Роби-Колларъ, ни Гизо, ни Викторъ Кузенъ, ни Вильменъ. Заручившись такою властью и содѣйствіемъ органовъ центральнаго и мѣстнаго надзора, располагая сверхъ того многочисленнымъ персоналомъ вполне подчиненныхъ ему инспек-

торовъ, * оны смѣло приступилъ къ преобразованію, въ духѣ господствующей партіи, всѣхъ существующихъ во Франціи учебныхъ заведеній.

III.

Прежде всего заботы г. Ферри обращены были на высшее преподаваніе. Чтобы оцѣнить по достоинству дѣятельность г. Ферри на этомъ полрищѣ, необходимо сказать нѣсколько словъ о тѣхъ особенностяхъ которыми отличается вообще французская система факультетскаго образованія.

Существовавшіе прежде во Франціи университеты ** съ ихъ корпоративнымъ устройствомъ были уничтожены во время революціи. Въмѣсто нихъ учреждены были Національнымъ Конвентомъ высшія спеціальныя школы: Нормальная (для образованія преподавателей, немедленно разрушившаяся), Политехническая и нѣкоторыя другія, а философія, литература, классическіе языки, даже законодательство (législation) приурочены были къ старшимъ курсамъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. Смѣшеніе университетскаго курса со среднимъ образованіемъ въ такъ-называемыхъ центральныхъ школахъ привело къ самымъ неблагоприятнымъ результатамъ, вслѣдствіе чего во время консульства высшіе курсы центральныхъ школъ были опять выдѣлены въ особые факультеты, замѣнившіе такимъ образомъ дореволюціонныя университеты. Правительства чередовавшіяся во Франціи послѣ первой революціи ревностно содѣйствовали процвѣтанію возродившихся факультетовъ. Но слабыя стороны новой организаціи не замедлили обваружиться. Самый важный, давно признанный недостатокъ высшаго преподаванія во

* Сверхъ 24 главныхъ инспекторовъ, по 8 для каждаго изъ трехъ видовъ преподаванія (высшаго, средняго и низшаго), въ каждомъ департаментѣ полагается по особому академическому инспектору, а въ каждомъ округѣ (arrondissement) по одному инспектору первоначальнаго обученія. Въ Парижѣ инспекторовъ послѣдняго разряда 9. Независимо отъ этого есть еще спеціальныя инспекторы по преподаванію рисованія, пѣнія, гимнастики и проч.

** Главнымъ, самымъ древнимъ и самымъ знаменитымъ былъ Парижскій университетъ; кромѣ того было въ дореволюціонное время 20 провинціальныхъ университетовъ, состоявшихъ всего чаще изъ одного факультета съ весьма ограниченнымъ числомъ кафедръ.

Франціи заключается въ разбросанности и разрозненности факультетовъ. Здѣсь нѣтъ университетовъ въ смыслѣ совокупности факультетовъ; здѣсь каждый факультетъ существуетъ отдѣльно, безъ связи съ другими, разбѣянными болѣею частью по разнымъ городамъ. Представители сосѣднихъ факультетовъ встрѣчаются другъ съ другомъ лишь два раза въ годъ, въ засѣданіи академическаго совѣта ихъ округа. Изъ тому же нѣкоторые факультеты находятся въ городахъ которые были прежде резиденціями мѣстныхъ парламентовъ, но съ тѣхъ поръ утратили всякое значеніе, вслѣдствіе чего въ этихъ городахъ насчитывается самое ничтожное число слушателей, а профессора стремятся къ переходу въ болѣе крупныя центры, такъ что на мѣстѣ остаются лишь наименѣе способные. И въ то же время остаются безъ факультетовъ тѣ именно города которые по мѣстнымъ условіямъ всего болѣе нуждаются въ органахъ высшаго преподаванія, представляя и гораздо болѣе залоговъ для процвѣтанія факультетовъ, какъ напримѣръ Буржъ, Орлеанъ, Лиможъ, Ницца, Нимъ. *

* „Система улучшеній по части высшаго преподаванія достигаетъ цѣли только въ томъ случаѣ если различныя факультеты не будутъ разрознены, но будутъ находиться въ одномъ городѣ, по возможности въ одномъ зданіи и, какъ части одного цѣлаго, подъ ближайшимъ руководствомъ единой власти. Безъ этихъ условій успѣхъ невозможенъ, и уже Викторъ Кузень еще въ 1833 энергически требовалъ ихъ примѣненія; но мудрыя усилія этого замѣчательнаго человѣка и его преемниковъ не увѣнчались успѣхомъ. До сихъ поръ, по непостижимой странности, факультеты физико-математическіе находятся въ однихъ городахъ, а факультеты филологическіе въ другихъ, медицинскій въ Монпелье, юридическій въ Э. и т. д., представляя собою разбросанныя вѣтви безъ общаго ствола, а потому лишенные жизненныхъ соковъ. Нельзя не краснѣть отъ подобнаго порядка вещей, особенно еще потому что причина этого явленія вполнѣ постыдна для правительства великой страны. Причина заключается исключительно въ опасеніи возбудить неудовольствіе мелкихъ городовъ, желающихъ сохранить въ своихъ стѣнахъ факультеты лишь изъ-за того чтобы домовладѣльцы и квартирныя хозяева могли попрежнему сдавать профессорамъ свои помѣщенія и держать столъ для студентовъ, подобно тому какъ другіе отстаиваютъ въ своемъ районѣ расположеніе кавалерійскихъ полковъ, вида въ нихъ выгодныхъ потребителей мѣстнаго фуража.“

Это было сказано еще въ 1849 герцогомъ Броль (*Etudes morales et littéraires*, изд. въ Парижѣ въ 1853 стр. 195—196, статья:

До реформы г. Ферри было во Франціи 43 факультета, въ томъ числѣ: 15 филологическихъ (ès lettres), 15 физико-математическихъ (ès sciences), 10 юридическихъ и 3 медицинскіе; сверхъ того 8 „свободныхъ факультетовъ“, учрежденныхъ послѣ 1875 на средства католическаго духовенства и частныхъ лицъ. * Въ виду этихъ цифръ трудно обвинять предшественниковъ г. Ферри въ томъ что они не заботились объ учрежденіи новыхъ факультетовъ. Напротивъ, невысокій уровень профессоровъ, малочисленность студентовъ на некоторыхъ провинціальныхъ факультетахъ и весьма сомнительный успѣхъ „свободныхъ факультетовъ“ доказываютъ что потребность въ заведеніяхъ для высшаго образованія была еще до г. Ферри удовлетворена даже свыше дѣйствительной надобности.

Но г. Ферри взглянулъ на дѣло совершенно иначе. Не обращая вовсе вниманія на указанная выше обстоятельства, онъ постоянно заявлялъ въ своихъ публичныхъ и парламентскихъ рѣчахъ что главная задача высшаго образованія должна, по его мнѣнію, заключаться исключительно въ усиленіи контингента лицъ убѣжденныхъ въ разумности и необходимости республики.

Во исполненіе этой программы были, вопервыхъ, открыты новые факультеты: юридическіе—въ Бордо, Монпелье и

de l'Instruction publique en France). Здѣсь кстати замѣтить что авторъ этихъ строкъ, герцогъ Броаь, членъ Академіи, извѣстный ученому міру своимъ капитальнымъ сочиненіемъ: *Церковь и Имперія въ IV. в.*, ораваистъ по своимъ убѣжденіямъ, принадлежитъ къ числу наиболее замѣчательныхъ представителей консервативной партіи въ сенатѣ. Онъ принималъ самое дѣлательное участіе въ обсужденіи школьныхъ реформъ не только 1879—1881, но и 1849—1850, вмѣстѣ съ Жюлемъ Симономъ и покойнымъ Тьеромъ.

Современное же незавидное состояніе факультетовъ въ неакихъ родахъ изображено въ сочиненіи *L'université et Mr. Ferry*, par Francisque Bouillier, Paris 1880, гл. XII; авторъ—членъ Института и бывшій директоръ Высшей Нормальной школы; его отзывъ заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія что онъ болѣе чѣмъ кто-либо практически знакомъ со всеми вопросами этого рода какъ бывшій профессоръ и, что еще важнѣе, какъ бывшій главный инспекторъ народного просвѣщенія.

* Въ это число не включены ни содержимые на счетъ казны факультеты богословскіе (5 католическихъ и 2 протестантскіе), ни высшіе богословскіе курсы при епархіальныхъ семинаріяхъ.

Лионъ и медико-фармацевтическіе (facultés mixtes)—въ Бордо, Лионъ, Лиля и Тулузъ; * воторыхъ, увеличено число

* Такимъ образомъ число юридическихъ факультетовъ доведено было до 13, а медицинскихъ до 7, общее же число всѣхъ факультетовъ, считая и богословскіе и свободные—до 65. Сверхъ того существуютъ еще высшіе курсы: *Французской Коллегии* (Collège de France) по предметамъ философіи, древней и новой литературы, восточныхъ языковъ, исторіи, права, математическихъ и естественныхъ наукъ; *Музея Естественной Исторіи* (при Ботаническомъ Саду въ Парижѣ—17 кафедръ); *Политехнической школы*; *Национальной школы древнихъ хартій*; *Практической школы высшихъ знаній* (четыре отдѣленія: математика, физика и химія, естественная исторія и физиологія, исторія и филологія); *Школы восточныхъ языковъ*. Всѣ эти высшіе курсы сосредоточены въ Парижѣ.

Замѣчательно однако что число студентовъ-юристовъ къ 1882 не превышало 4.649, въ томъ числѣ на Парижскомъ юридическомъ факультетѣ 2.055, а на двѣнадцати провинціальныхъ не болѣе 2.594. слѣдовательно въ среднемъ выводѣ около 200 студентовъ на каждый провинціальный факультетъ. Разумѣется въ болѣе значительныхъ городахъ, какъ напримѣръ, въ Бордо, Тулузъ, Монпельѣ, Дижонѣ, Лиля насчитывается студентовъ значительно больше, но зато въ сосѣднихъ съ этими городахъ: Пуатье (баузъ Бордо), Гренобль (баузъ Лиона) аудиторіи почти пусты. То же должно сказать про юридическій факультетъ въ Дуэ и про филологическіе факультеты въ Безансонѣ и Клермонѣ. Что касается студентовъ - медиковъ, то общее число ихъ въ прежнихъ трехъ факультетахъ къ 1881 не превышало 5.030, въ томъ числѣ 4.295 въ Парижѣ, 413 въ Монпельѣ, 178 въ Лиля и 144 въ Намси. Эти цифры убѣдительно доказываютъ что едва ли была серьезная потребность въ открытіи новыхъ факультетовъ въ Бордо, Лионѣ, Лиля и Тулузѣ, тѣмъ болѣе что кромѣ медицинскихъ факультетовъ существуютъ еще въ разныхъ городахъ 17 спеціальныхъ школъ медицины и фармаціи (écoles secondaires de médecine et de pharmacie), въ числѣ коихъ пользуются особеннымъ значеніемъ Марсельская и Нантская. (Приведенныя выше цифры заимствованы изъ сочиненія: *L'organisation française*, par Alphonse Bertrand, secrétaire rédacteur du sénat, Paris, 1882, стр. 164).

Что касается малочисленности студентовъ за послѣднее время, то въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія слѣдующія слова г. Буалье, автора сочиненія *L'Université et M. Ferry*, стр. 181—182. „Несомнѣнно что медицинскіе и юридическіе факультеты по своей практической спеціальности всегда будутъ имѣть студентовъ. И тѣмъ не менѣе можетъ ли быть завидна участь этихъ факультетовъ если слушатели слишкомъ малочисленны, какъ это мы видимъ особенно теперь на нѣкоторыхъ факультетахъ по причинѣ ихъ изолирован-

каедръ на прежнихъ факультетахъ; * втретьихъ, назначены добавочные ко многимъ каедрамъ профессора и усилено число такъ-называемыхъ *maîtres de conférences*; ** вчетвертыхъ, учреждены отъ правительства стипендіи для нуждающихся студентовъ, и впятыхъ, ассигнованы средства для усовершенствованія факультетскихъ библиотекъ, музеевъ, физическихъ кабинетовъ, лабораторій и обсерваторій.

Не подлежитъ сомнѣнію что эти мѣры могли принести не мало пользы высшему образованію; но бóльшая часть изъ нихъ подъ вліяніемъ политической тенденціи были при исполненіи до такой степени извращены что интересы высшаго образованія оказались принесенными въ жертву борьбѣ партій и потому скорѣе проиграли чѣмъ выиграли.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить что г. Ферри одновременно съ открытіемъ новыхъ каедръ и факультетовъ предпри-

ности или по отсутствію дисциплины и прилежанія среди молодежи. Есть, напримеръ, такіе юридическіе факультеты которые почти вовсе не посѣщаются, студенты же къ нимъ приписавшіеся считаются только на бумагѣ, а иногда даже и приписку свою къ факультету производятъ по почтѣ. Эти факультеты очевидно осуждены на то чтобы превратиться въ простыя экзаменаціонныя комиссіи, обязанныя даже быть черезчуръ снисходительными чтобы не лишиться желающихъ подвергаться установленному испытанію.“

* Впрочемъ увеличеніе каедръ началось еще съ послѣднихъ годовъ второй имперіи. Общее число новыхъ каедръ съ 1867 по 1881 годъ достигло 163. Въ предшествующее министерству г. Ферри время оныхъ возникли преимущественно по почину г. Ваддингтона, членъ науки, причемъ имѣлись въ виду исключительно научныя цѣли, но г. Ферри, при которомъ была основана бóльшая часть новыхъ каедръ, имѣлъ въ виду открытіе собственно новыхъ по учебному вѣдомству вакансій для приверженцевъ господствующей партіи.

** Сверхъ профессоровъ: ординарныхъ (*titulaires*), добавочныхъ (*suppléants*), адъюнктовъ (*adjoints*) и лекторовъ (*chargés de cours*) закономъ 5 ноября 1877 учреждены при факультетахъ такъ-называемые *maîtres de conférences*, которымъ вмѣнено въ обязанность помогать профессорамъ въ чтеніи лекцій и при производствѣ экзаменовъ. Число этихъ *maîtres de conférences* доведено было при г. Ферри къ 1880 до 100. Въ офиціальномъ органѣ министерства народнаго просвѣщенія: *Statistique de l'enseignement supérieur* между прочимъ объяснено что этимъ средствомъ открывается доступъ на факультеты тѣмъ молодымъ людямъ которые прежде не могли себѣ тамъ найти мѣста (*qui désespéraient de s'y faire place*) Bouillier, стр. 178—179.

няли очищеніе профессорскаго персонала отъ заподозрѣнныхъ имъ въ консерватизмъ профессоровъ; но въ числѣ послѣднихъ оказались въ провинціи наиболѣе заслуженные и опытные. Имъ было деликатно предложено предъявить право на отставку съ пенсіей (*être admis à la retraite*); а тѣ которые на это не согласились принуждены были къ тому же перемѣщеніемъ въ другіе города по личному распоряженію министра и уже безо всякой, конечно, оппозиціи со стороны главнаго совѣта народнаго просвѣщенія *. Такимъ образомъ въ профессорскомъ персоналѣ оказался весьма чувствительный пробѣлъ въ тотъ самый моментъ когда сразу потребовалось для новыхъ кафедръ весьма значительное число новыхъ преподавателей. Но подготовить новыхъ кандидатовъ на эту массу открывшихся вакансій министерство не имѣло даже времени, почему и пришлось замѣщать вакансіи профессорами лицеевъ или молодыми людьми вовсе не предназначенными себя къ факультетскому преподаванію. Наплывъ тѣхъ и другихъ никоимъ образомъ не могъ повысить уровня профессорской корпораціи, тѣмъ болѣе что министерство при выборѣ кандидатовъ сортировало ихъ не по ученымъ только заслугамъ, но еще болѣе по ихъ преданности господствующей партіи. Вслѣдствіе этого профессорская кафедра стала наградой политической благонадежности. Нѣтъ ничего удивительнаго что подъ вліяніемъ этой обстановки новые профессора далеко не такъ всецѣло поглощены отвлекаемыми интересами преподаваемой ими науки какъ это было прежде; разорвавъ связь съ прежнею традиціей, они представляютъ собою вполнѣ новое поколѣніе: кромѣ лекцій, они озабочены еще борьбой партій, выборами депутатскими и сенаторскими, выборами въ академическіе и главныя совѣты и разными общими вопросами, не имѣющими прямого отношенія къ ихъ специальности. Съ другой стороны, перспектива выгодныхъ перемѣщеній и повышенныхъ окладовъ, въ награду за республиканскую ревность, ** наконецъ возможность, благодаря той же ревности, попасть въ префекты, депутаты и сенаторы, породила въ средѣ профессорскаго персонала стремленіе къ непрерывному, лихорадочному исканію популярности, а чрезъ нее и болѣе виднаго положенія. Такимъ образомъ кафедра превратилась для

* См. Bouillier, стр. 200—201.

** См. Bouillier, стр. X и XI введенія и гл. X и XIV.

многихъ въ орудіе карьеры вовсе не педагогической.* Кабинетныя занятія не могли не отодвинуться при этомъ на задній планъ; за то лекціи стали отличаться политической тенденціозностью, а экзамены тою снисходительностью которою обуславливается въ студенческой средѣ популярность профессоровъ.

Замѣчательно однако что не смотря на открытіе новыхъ факультетовъ, на легкость экзаменовъ и учрежденіе казенныхъ стипендій для молодежи посвящающей себя ученымъ занятіямъ, большая часть студентовъ довольствуются полученіемъ степени лиценціата. Если это объясняется отчасти тѣмъ что правительство предоставляетъ теперь лиценціатамъ, подъ условіемъ республиканской благонадежности, тѣ должности по педагогическому, судебному и административному вѣдомствамъ которыя прежде замѣщались предпочтительно лицами обладавшими дипломомъ доктора, ** то съ другой

* Профессора получаютъ жалованья отъ 6.000 до 8.000 франковъ въ годъ и кромѣ того вознагражденіе за участіе въ экзаменаціонныхъ коммиссіяхъ (le conseil), которое весьма различно: въ провинціи отъ 1.000 до 3.000 франковъ, а въ Парижѣ гораздо значительнѣе. См. Bouillier, стр. 203—206. Понятно что ни это содержаніе, ни скромная роль провинціального профессора, не могутъ долго удовлетворять молодыхъ, увлеченныхъ политикою профессоровъ.

** Во Франціи существуютъ три ученые степени: бакалавръ (bachelier), лиценціатъ (licencié) и докторъ.

Къ испытаніямъ на степень бакалавра литературы (ès lettres) или наукъ (ès sciences), соответствующимъ собственно лицейскому курсу, допускаются юноши достигшіе 16 лѣтъ отъ роду; къ испытанію же на степень бакалавра правъ (en droit) только тѣ молодые люди, которые въ теченіе двухъ лѣтъ слушали на юридическомъ факультетѣ лекціи по восьми предметамъ (huit inscriptions).

Ранѣе года послѣ испытанія на бакалавра не дозволяется держать экзаменъ на степень лиценціата, хотя обыкновенно промежутокъ времени между двумя экзаменами бываетъ продолжительнѣе, такъ какъ кандидаты на степень лиценціата обязаны предварительно выслушать на соответственныхъ факультетахъ лекціи не менѣе какъ по четыремъ предметамъ (quatre inscriptions).

Лиценціаты для полученія степени доктора должны представить и защитить по двѣ диссертациі: на доктора литературы—одну диссертацию на французскомъ, другую на латинскомъ языкѣ, а на доктора правъ—одну диссертацию по французскому, другую по римскому праву. Впрочемъ для полученія степени доктора правъ требуется еще въ теченіе одного года посѣщеніе юридическихъ курсовъ.

стороны, это явленіе несомнѣнно обнаруживаетъ упадокъ стремленія къ высшимъ знаніямъ, хотя и возвышеннымъ по своимъ цѣлямъ, но не ведущимъ ни къ особенной популярности, ни къ быстрому повышенію, ни къ большимъ окладамъ. Какъ для профессоровъ кафедръ, такъ и для студентовъ выпускные экзамены стали средствомъ только для скорѣйшаго вступленія въ политическую жизнь; для успѣха же на этомъ поприщѣ республиканскіе порывы цѣнятся вожаками господствующей партіи гораздо болѣе чѣмъ докторскіе дипломы. И молодежь въ этомъ случаѣ только приняла къ свѣдѣнію указанія самого министра народнаго просвѣщенія, по теоріи котораго высшее образованіе представляется не чѣмъ инымъ какъ фабрикой для изготовленія ревностныхъ республиканцевъ. Нѣтъ ничего удивительнаго что политика перешла съ кафедръ и на скамьи аудиторій, что студенты прониклись политической тенденціозностью не меньше, а не рѣдко даже больше чѣмъ сами ихъ наставники. Этому направленію умовъ учащейся молодежи значительно, конечно, содѣйствовало и распредѣленіе министерствомъ казенныхъ стипендій предпочтительно между дѣтьми наиболѣе ревностныхъ республиканцевъ. *

Полученіе степени доктора медицины и хирургіи обставлено во Франціи, какъ и вездѣ, особыми условіями.

Нельзя однако не замѣтить что обязательное слушаніе тѣхъ или другихъ лекцій выражается часто только въ официальной припискѣ (inscription) кандидатовъ къ курсамъ того факультета предъ которымъ они намѣрены въ послѣдствіи держать экзаменъ; дѣйствительное же посѣщеніе лекцій далеко не обуславливается этою припиской и при смислительности провинціальныхъ профессоровъ-экзаменаторовъ вовсе не составляетъ необходимаго условія для полученія искомой степени. Въ послѣднее же время значительная часть молодежи стала гораздо болѣе чѣмъ прежде предпочитать обязательнымъ лекціямъ тенденціозныя публичныя курсы и политическія сходки.

* Къ послѣдствіямъ измѣнившейся обстановки факультетской жизни нельзя не причислить, во первыхъ, участившіяся столкновенія студентовъ съ профессорами не пользующимися популярностью по прищикъ своей строгости на экзаменахъ, или залоговѣнными въ консерватизмъ, а во вторыхъ, увольненіе остающихся еще въ должности заслуженныхъ профессоровъ отъ званія академическаго ректора или факультетскаго декана. Въ прежнее время въ этихъ званіяхъ заслуженные профессора обыкновенно заканчивали свою многолѣтнюю карьеру, но теперь должность ректора вплоть утра-

Исторія развитія наукъ въ человѣческихъ обществахъ все не доказала что распространеніе высшаго образованія вызываетъ исключительно республиканскіе инстинкты. Съ другой стороны, было бы ошибочно думать что развитіе высшаго образованія достигается только умноженіемъ способовъ для его пріобрѣтенія. Многочисленность кафедръ не оправдываетъ еще ихъ необходимости и не доказываетъ вовсе высокаго уровня преподаванія. Въ этой сферѣ менѣе чѣмъ гдѣ-либо качество обуславливается количествомъ. Все зависитъ отъ той потребности на высшее образованіе которая испытывается въ странѣ и отъ свойствъ профессорскаго персонала. Всего меньше факультетовъ въ Англіи, гдѣ однако высшее образованіе, вполнѣ удовлетворяя потребностямъ страны, стоитъ на высокой стелени совершенства. Въ Германіи, которая тоже можетъ похвалиться высокимъ уровнемъ университетскаго образованія, правительства нѣкоторыхъ государствъ не задумались однако не только въ прежнее время, но даже и въ текущемъ столѣтіи упразднить университеты оказывавшіеся излишними, напримѣръ въ Майнцѣ въ 1802 году и Гельмштадтѣ въ 1809 году, или напримѣръ бывшій во Франкфуртѣ-на-Одерѣ университетъ слить въ 1810 году съ Берлинскимъ. Но ни въ Англіи, ни въ Германіи никому не приходило на умъ создавать безъ дѣйствительной необходимости профессорскія вакансіи или привлекать студентовъ казенными субсидіями. Эти мѣры не были вызваны дѣйствительными потребностями и во Франціи, и мы выше видѣли что онѣ понадобились здѣсь только для того чтобъ увеличить контингентъ преподающихъ республикѣ профессоровъ и студентовъ. Такимъ образомъ наука явилась здѣсь предлогомъ для политической пропаганды.

Такое однако пріурочиваніе науки къ потребностямъ политической борьбы не можетъ не оказаться въ ущербъ самостоятельному, органическому развитію высшихъ знаній. Правда, вторженіе политики на кафедры и въ аудиторію замѣчается отчасти и въ Франціи, но въ другихъ государствахъ это явленіе всегда признавалось и доселѣ признается вполнѣ болѣзненнымъ, противъ котораго ратуютъ и правительства, и трезвая часть общества; во Франціи же само

тла свое самостоятельное значеніе, а должность декана стала не привлекательною вслѣдствіе частыхъ столкновеній не только со студентами, но и съ профессорами. См. Bouillier, стр. 200—202.

правительство, съ непостижимымъ ослабленіемъ, хотѣлось открыть всѣ казенныя для переполненія высшей школы политической озабоченностью. Во всякомъ случаѣ искусственное привлеченіе молодежи къ высшему образованію— не по призванію, а для цѣлей политическихъ, всего менѣе способно укоренить въ ней безкорыстную любовь къ наукамъ. Такая система способна только усилить ряды самолюбивыхъ, безпокойныхъ и озлобленныхъ недоучекъ, которые охотно предпочитаютъ политическія и социальныя потрясенія всякому производительному, хотя и болѣе скромному труду будничной жизни.

IV.

Обезлечивъ республиканскій характеръ высшаго образованія, г. Ферри посвятилъ свои заботы въ теченіе 1880 и 1881 годовъ обновленію системы средняго образованія. Перемѣны произведенныя имъ въ этой сферѣ имѣли еще болѣе глубокое значеніе.

Смѣняя старыхъ и назначая новыхъ профессоровъ, открывая новыя кафедры и учреждая новыя факультеты, г. Ферри только видоизмѣнялъ систему созданную послѣ революціи монархическими правительствами Франціи. Но въ сферѣ средняго образованія г. Ферри и его политическіе друзья могли свободно черпать идеалы, приемы и даже формулы изъ той именно эпохи которая иривнается теперь во Франціи исходною точкой всѣхъ республиканскихъ реформъ. Опираясь на традиціи первой революціи, становясь какъ бы отголоскомъ педагогическихъ плановъ Талейрана, Кондорсе и Лакапала, они рѣшили вдохнуть въ школы XIX столѣтія тотъ самый духъ и тѣ самыя тенденціи которыми руководились ихъ предшественники почти сто лѣтъ тому назадъ.

Республиканскіе органы печати, весьма настойчиво, но совершенно неправильно утверждали что правительственныя и общественныя свѣтскія школы возникли во Франціи по почину первой революціи. Кромѣ многочисленныхъ конгрегационныхъ школъ, были уже и до революціи и королевскія коллегіи (collèges royaux), и городскія коллегіи (collèges communaux), первыя на счетъ казны, послѣднія—въ наиболѣе значительныхъ городахъ, на счетъ городскихъ сборовъ. Конечно, въ этихъ коллегіяхъ были,

наряду со свѣтскими, и духовные преподаватели, случилось нередко что духовныя лица находились и во главѣ этихъ школъ, но состояли онѣ въ полномъ завѣдываніи свѣтскихъ властей, не имѣя ничего общаго съ конгрегаціонными заведениями. Тѣмъ не менѣе, подобно университетамъ, и эти коллегіи были уничтожены во время революціи. Взамѣнъ всего разрушаемаго учреждены были, на основаніи законовъ 25 февраля и 25 октября 1795 года, центральныя школы, по одной въ каждомъ департаментѣ. Эти новыя школы имѣли энциклопедическій характеръ. Въ курсъ ихъ включено было такимъ образомъ не только среднее, но и высшее образованіе; преподаваніе классическихъ языковъ было въ нихъ до крайности ограничено, но за то введено преподаваніе естественныхъ наукъ, химіи, высшей математики, политической экономіи, живыхъ языковъ, общей грамматики, законодательства и гражданскихъ обязанностей съ безусловнымъ, конечно, устраненіемъ катихизиса и какого бы то ни было религіознаго назиданія. Кромѣ того, центральнымъ школамъ данъ былъ характеръ необязательныхъ публичныхъ курсовъ *, тогда какъ прежнія коллегіи и упраздненныя одновременно съ ними конгрегаціонныя школы были заведениями закрытыми. Но эта система многоученія дала самыя неудовлетворительныя послѣдствія: только нѣкоторыя изъ вновь учрежденныхъ школъ принесли желательные результаты, благодаря участію первоклассныхъ ученыхъ, которыми такъ была богата Франція во второй половинѣ XVIII вѣка; остальные же принуждены были влечь самое жалкое существованіе, вслѣдствіе отсутствія не только хорошихъ профессоровъ, но и самыхъ учениковъ. Не смотря на то что плата за посѣщеніе курсовъ была самая ничтожная, большинство родителей предпочитали отдавать своихъ дѣтей въ частныя пансіоны, руководимыя учителями прежнихъ конгрегаціонныхъ школъ. Вотъ тѣ причины по которымъ Наполеонъ, еще будучи первымъ консуломъ, рѣшилъ подвергнуть центральныя школы коренному преобразованію **. По его мысли, изъ 120 центральныхъ школъ сохранены были только тѣ 32 которыя, по составу преподавателей, оказались лучше другихъ. Въ 1802 году *** онѣ были переименованы въ лицеи,

* *L'instruction publique et la révolution*, par Duruy, Paris, 1882.

** *Histoire du Consulat et de l'Empire*, par Thiers. T. III, кн. XIV, стр. 362—366 (по лейпцигскому изданію 1845 г.).

*** Законъ 1 мая 1802 года.

превращены въ закрытыя заведенія и подчинены строгой внутренней дисциплинѣ; преподаваніе въ нихъ было ограничено среднеобразовательнымъ курсомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ усилено изученіе классическихъ языковъ и возстановлено преподаваніе духовенствомъ катехизиса.

Одновременно съ учрежденіемъ лицеевъ положено было начало среднимъ школамъ (*écoles secondaires*), заведеніе которыхъ предоставлено было городскимъ обществамъ. Въ 1806 году * эти школы были подчинены главному совѣту народнаго просвѣщенія и переименованы въ городскія коллегіи (*colleges communaux*).

Существенное отличие коллегій отъ лицеевъ заключается, во первыхъ, въ томъ что курсъ первыхъ гораздо ограниченнѣе и, во вторыхъ, въ томъ что лицеи содержатся правительствомъ и находятся въ полномъ завѣдываніи министерства народнаго просвѣщенія, тогда какъ городскія коллегіи содержатся на счетъ городскихъ суммъ и находятся въ значительной зависимости отъ муниципалитетовъ. Впрочемъ есть лицеи получающіе воспитаніе отъ департаментовъ, и коллегіи воспитываемыя не только департаментами, но и правительствомъ. Замѣчательно однако что съ теченіемъ времени курсъ преподаванія въ большей части коллегій уравнился съ курсомъ преподаванія въ лицеяхъ, такъ что воспитанники многихъ коллегій поставлены были въ возможность, подобно воспитанникамъ лицеевъ, держать прямо экзаменъ на бакалавра.

Значеніе лицеевъ и коллегій всего болѣе характеризуется постепеннымъ, со времени первой имперіи, умноженіемъ числа тѣхъ и другихъ, равно какъ числа учащихся въ этихъ заведеніяхъ.

Въ 1809 году было	35	лицеевъ съ	9.068	учениками.
„ 1840 „ „	44	„ „	16.953	„
„ 1870 „ „	80	„ „	36.651	„
„ 1876 „ „	81	„ „	40.995	„

Число коллегій: въ 1809 году—213; въ 1865—251; въ 1881—253; въ томъ числѣ съ полнымъ курсомъ (*de plein exercice*)—142. Учениковъ было въ этихъ коллегіяхъ: въ 1809 году—18.507; въ 1840—24.912; въ 1865—33.038; въ 1876—33.782.

* Декретъ 17 марта 1806 года.

Вообще къ 1881 году въ 334 лицеяхъ и коллегіяхъ состояло отъ 75.000 до 80.000 учениковъ, то-есть по одному на 450 человѣкъ общаго населенія страны (36.000.000). Не надо однако забывать что сверхъ того считалось 31.249 учениковъ въ свѣтскихъ частныхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, 46.816 въ конгрегационныхъ школахъ (до ихъ упраздненія) и 30.000 воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Такимъ образомъ число молодыхъ людей получившихъ среднее образованіе достигло во Франціи почтенной цифры 180.000 въ годъ, что составляетъ по одному на 200 человѣкъ * общаго населенія, не считая значительнаго контингента молодыхъ людей получающихъ образованіе въ специальныхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ: медицины, живописи, музыки, земледѣлія и т. п. Отсюда слѣдуетъ что во Франціи среднее преподаваніе, въ его многоразличныхъ видахъ, никакъ нельзя упрекнуть въ томъ что оно мало доступно.

Недостатки лицеевъ и коллегій не количественные, а качественные. Одинъ изъ главныхъ заключается въ обширности программъ, такъ какъ въ старшихъ классахъ этихъ среднеучебныхъ заведеній преподаются предметы которые въ другихъ государствахъ входятъ въ составъ университетскаго курса. Необходимость болѣе правильнаго отдѣленія средняго преподаванія отъ высшаго была сознаана во Франціи еще въ концѣ сороковыхъ годовъ, въ то время когда, по мѣрѣ размноженія лицеевъ, неудобство этой системы стало нагляднѣе чѣмъ прежде.** Уже тогда было замѣчено что преподаваніе въ высшихъ классахъ лицеевъ, обремененная юные умы воспитанниковъ непосильными занятіями, оказывалось, преимущественно въ провинціи, далеко неудовлетворительнымъ, чему содѣйствовалъ и недостатокъ вполнѣ соответственныхъ профессоровъ. Поддерживать въ среднеучебныхъ заведеніяхъ персоналъ наставниковъ способныхъ къ преподаванію университетскихъ предметовъ было трудно даже тогда когда лицеевъ было гораздо меньше; но эта задача стала еще затруднительнѣе съ тѣхъ поръ какъ

* Этотъ выводъ основанъ на данныхъ заключающихся въ упомянутомъ выше сочиненіи *L'organisation française*, стр. 156, 157 и 159.

** De Broglie: *De l'instruction publique en France*, стр. 190 — 191.

число лицеевъ начало быстро увеличиваться. * Къ тому же съ появленіемъ новыхъ лицеевъ и коллегій съ полнымъ курсомъ, возникали новыя кафедры и на факультетахъ, вслѣдствіе чего лучшіе профессора лицеевъ устремились къ занятію университетскихъ кафедръ, что въ концѣ концовъ не могло не降低ить уровня преподаванія въ высшихъ классахъ лицеевъ, особенно въ послѣдніе годы имперіи. **

* Полный курсъ лицеевъ состоитъ изъ трехъ отдѣленій.

Въ первомъ, *элементарномъ* отдѣленіи (*division élémentaire*), три класса: *приготовительный, восьмой и седьмой*.

Во второмъ отдѣленіи (*division de la grammaire*) тоже три класса: *шестой, пятый и четвертый*.

Третье, *высшее* отдѣленіе (*division supérieure*) имѣетъ два подраздѣленія: одно для литературы (*section littéraire*), другое для наукъ (*section scientifique*). Здѣсь ученики обоихъ подраздѣленій проходятъ сначала третій и второй классы, затѣмъ одни поступаютъ въ классы реторики и философіи, для приготовленія къ экзамену на бакалавра *és lettres*, а другіе въ классы математики, для приготовленія къ экзамену на бакалавра наукъ, или къ поступленію въ высшія спеціальныя школы. Вообще послѣдніе классы лицеевъ соответствуютъ до нѣкоторой степени первымъ курсамъ факультетовъ въ нашихъ университетахъ.

** Для подготовленія преподавателей въ среднѣучебныя заведенія существуетъ высшая нормальная школа, въ которую ежегодно принимается отъ 40—50 молодыхъ людей, приобрѣвшихъ степень бакалавра. Они обязаны пройти въ этой школѣ трехлѣтній курсъ литературы или наукъ и выдержать въ теченіе этого срока экзаменъ на лиценціата, послѣ чего они могутъ быть допущены къ конкурсу для поступленія въ число агрегатовъ (*agrégés*), то-есть состоящихъ на правѣ профессоровъ при лицеехъ. Хотя педагогическая подготовка воспитанниковъ высшей нормальной школы отличается весьма высокимъ уровнемъ, но число ихъ далеко не достаточно, и большинство преподавателей въ лицеехъ принадлежитъ къ числу лиценціатовъ, а въ коллегіяхъ—къ числу лиценціатовъ и бакалавровъ выдержавшихъ лишь обыкновенный на эти степени экзаменъ предъ соответствующими факультетами. Впрочемъ, сверхъ высшей нормальной школы, есть еще высшая спеціальная нормальная школа (въ Каюни) для подготовленія преподавателей по предметамъ торговли и промышленности, преподаваемымъ въ особыхъ отдѣленіяхъ нѣкоторыхъ лицеевъ.

Замѣтимъ кстати что во Франціи титулъ профессора присвоенъ не только факультетскимъ профессорамъ, но и всѣмъ преподавателямъ лицеевъ и коллегій.

Другой капиталъный недостатокъ французскихъ лицеевъ заключается въ неудовлетворительности ихъ дисциплинарныхъ и гигиеническихъ условий. Это заведенія по преимуществу закрытыя, интернаты. Система закрытыхъ заведеній имѣетъ свои хорошия и дурныя стороны, но во Франціи ея преобладаніе коренится въ особыхъ свойствахъ общественной жизни. *

Интернаты существовали здѣсь до революціи; таковы были прежнія конгрегационныя школы и королевскія коллегіи. Созданныя Конвентомъ центральныя школы имѣли, напротивъ, характеръ открытыхъ учебныхъ заведеній. Но съ учрежденіемъ лицеевъ опять была введена система интерната, какъ наиболѣе соответствующая ожиданіямъ и потребностямъ той части родителей которые отдають своихъ дѣтей въ лицеи. Во Франціи, подобно Италіи и Испаніи, публичная и общественная жизнь преобладаетъ надъ семейною, причемъ родители обладающіе среднимъ достаткомъ проводятъ большую часть времени въ занятіяхъ, внѣ дома, имѣя столъ въ ресторанахъ, а вечеръ проводятъ въ кафе, клубѣ или на площади, и возвращаются домой только для ночлега; ихъ квартиры часто состоятъ изъ необходимыхъ только спаленъ, съ одною, и то не всегда, приемною комнатою, но безъ достаточнаго помѣщенія для дѣтей и необходимой для нихъ прислуги. Такимъ образомъ они естественно затрудняются въ наблюденіи за своими дѣтьми, и охотно отдають ихъ въ закрытыя заведенія, гдѣ дѣти находятся подъ постояннымъ надзоромъ. ** Но

Профессора лицеевъ подраздѣляются на брдинарныхъ (*titulaires*) и лекторовъ (*chargés de cours*); и тѣ и другіе должны имѣть степень лиценціата; первые для полученія сопряженныхъ со званіемъ профессора преимуществъ должны, начиная съ преподаванія въ шестомъ классѣ, состоять въ числѣ агрегатовъ. Кромѣ того, при лицезлахъ состоятъ репетиторы (*maîtres répétiteurs*), которые наблюдаютъ за всѣми классными занятіями воспитанниковъ.

Въ коллегіяхъ же степень лиценціата обязательна лишь для профессоровъ старшихъ и среднихъ классовъ, а въ остальныхъ допускаются профессора выдержавшіе экзамень на бакалавра.

Жалованье лицейскихъ профессоровъ простирается: въ провинціи отъ 2.800 до 3.500 фр., а въ Парижѣ отъ 4.500 до 5.500 фр. въ годъ.

* Bouillier, стр. 215 — 221.

** Впрочемъ система закрытыхъ среднеучебныхъ заведеній распространена и въ Англіи, не смотря на преобладаніе въ этой странѣ семейной жизни въ гораздо большей степени чѣмъ у южныхъ народовъ. Вообще интернаты всего менѣе укоренились въ Германіи, Россіи, вообще въ средней и сѣверной Европѣ.

этотъ надзоръ становится тоже весьма затруднительнымъ по мѣрѣ увеличенія числа воспитанниковъ. Если надзоръ за малочисленнымъ классомъ требуетъ весьма напряженнаго вниманія со стороны надзирателей, то съ умноженіемъ воспитанниковъ въ одномъ классѣ обязанности надзора становятся гораздо сложнее. Для устраниенія подобныхъ затрудненій введена была система раздѣленія классовъ на параллельныя отдѣленія; но и эта мѣра при наплывѣ учениковъ оказалась недостаточною. Вотъ почему не разъ возникала мысль объ образованіи изъ воспитанниковъ одного и того же отдѣленія нѣсколькихъ отдѣльныхъ группъ подъ руководствомъ особыхъ наблюдателей въ родѣ англійскихъ тьюторовъ. Тѣмъ не менѣе мысль эта не привилась, между прочимъ, по причинѣ малочисленности и неудовлетворительности персонала надзирателей. Но на это послѣднее обстоятельство было доселѣ обращено во Франціи весьма мало вниманія. Отсюда упадокъ дисциплины, разныя дурныя привычки между учащимися, на что давно уже и весьма справедливо сѣтуютъ родители. Это еще не все: гигиеническія условія лицейской жизни еще менѣе удовлетворительны; причина этого заключается въ томъ что бѣольшая часть лицеевъ помѣщаются не въ особо выстроенныхъ по спеціальнымъ планамъ зданіяхъ, но въ старинныхъ зданіяхъ упраздненныхъ во время революціи аббатствъ и монастырей. Эти зданія находятся не рѣдко въ слишкомъ шумныхъ, а иногда и въ весьма грязныхъ городскихъ кварталахъ; залы въ нихъ дурно вентилированы, дортуары холодны и даже сыры; при нѣкоторыхъ же лицейхъ нѣтъ даже садовъ для прогулки воспитанниковъ во время рекреаціи. *

Такимъ образомъ и программы, и персоналъ, и дисциплина и самыя зданія, то-есть всѣ внутреннія и вѣншія условія лицейскаго быта требовали значительныхъ измѣненій; поэтому родители съ нетерпѣніемъ ожидали обѣщанныхъ министерствомъ реформъ. Обѣщанія эти были исполнены въ 1880—1881 годахъ, хотя исполненіе ихъ далеко не удовлетворило общимъ ожиданіямъ.

Закономъ 4 іюля 1880 года открытъ былъ министру народнаго просвѣщенія слѣдующій кредитъ: 50.000.000 франковъ для перестройки лицейскихъ помѣщеній и 8.000.000 для

* Bouillier, стр. 227—233.

усовершенствованія учебныхъ пособій.* Мѣра эта, вполнѣ правильная, принадлежитъ однако къ числу тѣхъ которыя по сложности и медленности исполненія обѣщаютъ успѣхъ только въ будущемъ. Надо впрочемъ замѣтить что упомянутая сумма, по видимому столь значительная, далеко не достаточна для приведенія лицейскихъ зданій въ положеніе соответствующее нормальнымъ педагогическимъ и гигиеническимъ требованіямъ; это обстоятельство сознано самимъ министерствомъ, которое, испрашивая у законодательныхъ камеръ ассигнованіе означенной суммы, признавало за нею лишь характеръ субсидіи къ тѣмъ расходамъ которыя, въ видахъ улучшенія лицеевъ, будутъ производимы по почину департаментовъ и городовъ.**

Затѣмъ, въ видахъ уменьшенія интерната, министерство установило въ лицеяхъ новыя, многочисленныя стипендіи для приходящихъ воспитанниковъ. Но и эта мѣра, сама по себѣ не бесполезная, нисколько не поколебала традиціоннаго предпочтенія родителей къ интернату; она имѣла послѣдствіемъ только усиленіе числа учениковъ и посему еще болѣе затруднила надзоръ за ними. Но вообще обѣ эти мѣры, разчитанныя на будущее и потому гадательныя по своимъ послѣдствіямъ, не могли наглядно измѣнить настоящаго положенія лицеевъ. За то персоналъ и направленіе профессоровъ, программы и приемы преподаванія, даже внутренняя дисциплина этихъ школъ измѣнились при г. Ферри быстро и существенно.

Выше было замѣчено что между лицейскими профессорами высшихъ классовъ укоренилось стремленіе покидать лицейскія кафедры для факультетскихъ. Это стремленіе приняло самыя большіе размѣры именно въ 1880—1881 годахъ, когда съ учрежденіемъ новыхъ кафедръ и съ увольненіемъ старыхъ профессоровъ открылось такъ много вакансій для замѣщенія факультетскихъ кафедръ. Такимъ образомъ въ короткое относительно время лицейское преподаваніе лишилось лучшихъ своихъ преподавателей; тѣ же которые остались на мѣстѣ стали болѣе чѣмъ прежде смотрѣть на свою должность какъ на низшую и переходную. Съ другой стороны, вербованіе новыхъ профессоровъ для лицеевъ представлялось тѣмъ болѣе затруд-

* Сверхъ того было ассигновано 12.000.000 франковъ для улучшенія городскихъ коллегій.

** *Organisation Française*, стр. 157—158.

нительнымъ что наиболѣе способные молодые люди, получавъ степенъ лиценціата, старались всѣми силами поладать въ число состоящихъ при факультетахъ *maîtres de conférences*, такъ какъ это званіе предоставляло имъ гораздо болѣе выгодъ и въ настоящемъ, и въ будущемъ чѣмъ скромное положеніе лицейскаго преподавателя.

Отсюда слѣдуетъ что заботы г. Ферри о факультетахъ оказались въ ущербъ лицейямъ, * педагогическія силы которыхъ были парализованы въ то самое время когда въ силу новыхъ программъ, о которыхъ будемъ говорить ниже, недостаточность педагогическихъ силъ должна была озабочивать министерство гораздо болѣе чѣмъ прежде.

Вообще мѣры министерства относительно лицейскихъ преподавателей ограничились увеличеніемъ ихъ жалованья и распространеніемъ на нихъ права выбирать своихъ представителей въ главный и въ академическіе совѣты. Но увеличеніе окладовъ, при многочисленности лицейскихъ преподавателей, оказалось крайне ничтожнымъ, а введеніе въ педагогическую среду избирательной агитации вызвало лишь интриги; обѣ эти мѣры, очевидно, не заключали въ себѣ никакихъ залоговъ для улучшенія преподаванія. Онѣ даже имѣли почти обратное дѣйствіе, такъ какъ добавочное жалованье стало, на практикѣ, наградой не столько педагогическихъ заслугъ сколько республиканской ревности, проявляемой на выборахъ. Такимъ образомъ и здѣсь, какъ на факультетахъ, обязанности преподаванія усложнились политической, въ лицейяхъ еще болѣе неумѣстною чѣмъ на факультетахъ. **

Но система лицейскаго образованія была окончательно потрясена тѣми новыми программами которыя были, по указаніямъ г. Ферри, выработаны преобразованнымъ имъ главнымъ совѣтомъ народнаго просвѣщенія. Эти новыя программы разосланы были министромъ къ руководству въ августѣ 1880, при особомъ циркулярѣ, въ которомъ, между прочимъ, говорится что „цѣль (среднеобразовательнаго) преподаванія должна заключаться въ развитіи мышленія и памяти учащихся, равно какъ въ приученіи ихъ къ правильному выраженію своихъ мыслей.“ *** Этотъ педагогическій взглядъ

* Bouillier, стр. 179.

** Bouillier, стр. 63—65.

*** Bouillier, стр. 262 и вся глава XVII.

совершенно вѣренъ, хотя далеко не новъ: онъ давно усвоенъ въ Англіи, Германіи, Бельгіи, Швейцаріи и, конечно, во Франціи, гдѣ эта мысль была положена въ основу при самой замѣнѣ лицами созданныхъ Национальнымъ Конвентомъ центральнаго школы; ново въ циркулярѣ г. Ферри лишь то что для болѣе успѣшнаго осуществленія этой аксіомы министръ третьей республики прибѣгнулъ къ такимъ именно мѣрамъ которыя всего болѣе обременяютъ память и сбиваютъ съ толку мышленіе подростующихъ поколѣній.

Въ силу новыхъ программъ особый курсъ священной исторіи въ приготовительномъ классѣ замѣненъ біографіями великихъ людей: Магомета, Вашингтона, Вольтера, Данте, Мирабо, Микель-Анжело, Николая Пуссена, Бернара Палисси, Амлера, Араго и др., а ученикамъ шестаго класса вмѣнено въ обязанность знакомство съ законами Ману, буддизмомъ и мифологіей. Не слѣдуетъ забывать что въ этомъ случаѣ идетъ рѣчь о дѣтяхъ 11—12 лѣтъ, и тѣмъ не менѣе, кромѣ этой такъ-сказать исторіи религіи, имъ еще преподается въ томъ же классѣ своего рода историческая этнографія въ формѣ общихъ свѣдѣній объ арийскомъ племени, о первобытныхъ Грекахъ, о древнихъ италійскихъ племенахъ и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ были сокращены два года въ преподаваніи классическихъ языковъ, хотя число древнихъ авторовъ изучаемыхъ въ высшихъ классахъ было увеличено, преподаваніе же французскаго языка въ высшихъ и даже среднихъ классахъ усложнено изученіемъ средневѣковыхъ источниковъ, въ ущербъ классиковъ XVII и XVIII вв. Замѣтимъ кромѣ того что объясненіе ученикамъ французскихъ классиковъ приурочено по новымъ программамъ къ развитію не столько литературнаго вкуса сколько господствующей политической тенденціозности: такъ напримѣръ преподавателямъ предложено останавливать особое вниманіе своихъ учениковъ на произведеніяхъ въ родѣ *Тартюфа* Мольера и *Провинціалій* Паскаля (противъ іезуитовъ). Наконецъ, по всѣмъ классамъ, начиная съ низшихъ, усилено преподаваніе живыхъ языковъ: нѣмецкаго и англійскаго, и разсѣяно преподаваніе минералогіи, ботаники, зоологіи, геологіи, физики, химіи и физиологіи, тогда какъ прежде эти самыя науки были преподаваемы въ лицаяхъ преимущественно въ высшихъ и только отчасти въ среднихъ классахъ.

Такимъ образомъ преподаваніе въ лицаяхъ, столь обремене-

нительное для воспитанниковъ, не только не было упрощено, но напротивъ усложнено элементами такихъ именно знаний которыя умѣстны въ системѣ высшаго преподаванія, но всего менѣе въ среднеобразовательной школѣ, особенно же въ среднихъ и низшихъ классахъ. Слѣдуя дальше по этому пути, г. Ферри рекомендовалъ лицейскимъ профессорамъ такой педагогическій приемъ который по всей вѣроятности привелъ въ крайнее изумленіе многихъ педагоговъ. Въ упомянутомъ выше циркулярѣ онъ обращается къ этимъ профессорамъ со слѣдующими словами: „Воспитанники лицеевъ могутъ во время классовъ (?) упражняться въ обсужденіи *историческихъ фактовъ* подлежащихъ противорѣчивой оцѣнкѣ (*appréciation contradictoire*); этотъ способъ исторической и нравственной аргументаціи будетъ особенно полезенъ въ высшихъ классахъ, какъ дополненіе къ научному развитію умовъ.“ * Конечно, такія упражненія гораздо привлекательнѣе для учениковъ чѣмъ методическое классное ученіе, но вопросъ въ томъ: въ состояніи ли „историческая и нравственная аргументація“ 15-16-и 17-лѣтнихъ юношей серьезно содѣйствовать „научному развитію ихъ умовъ“? Подобныя упражненія, и то лишь по спеціальнымъ вопросамъ, практикуются въ германскихъ университетахъ, но не на лекціяхъ, а въ кружкѣ избранныхъ студентовъ, въ кабинетѣ и подъ руководствомъ опытнаго профессора. Примѣненіе же этой мѣры въ классахъ среднеучебнаго заведенія имѣетъ совершенно иной характеръ: ничего не прибавляя къ урокамъ преподавателей, эти словесныя злукубраціи способны только подстрекать воспитанниковъ къ риторству, легкимъ услѣхамъ и неумѣренному самолюбію. Не подлежитъ сомнѣнію что при господствующей во Франціи борьбѣ партій, къ которой привлечены теперь и самые преподаватели, означенная мѣра вводитъ во впечатлительную среду лицейской молодежи элементы политическихъ раздоровъ и тѣмъ отвлекаетъ воспитанниковъ отъ ихъ прямыхъ учебныхъ занятій.

Заботы г. Ферри объ усовершенствованіи лицейскаго преподаванія не ограничились новыми программами. Онъ увѣчалъ свои заботы еще другою реформой, послѣдствія которой должны отозваться глубже на нравственномъ развитіи учащейся въ лицейхъ молодежи. Безусловно отрицаая необходимость всякаго нравственно-религіознаго назиданія, онъ

* Bouillier, стр. 273.

начавъ съ того что въ 1880 году упразднилъ капеллановъ, бывшихъ при лицеяхъ съ самаго ихъ основанія; затѣмъ онъ исключилъ изъ новыхъ программъ преподаваніе не только священной исторіи, но и самаго катихизиса, предоставивъ заботу объ этомъ усмотрѣнію самихъ родителей, а преемникъ г. Ферри, г. Поль Беръ, установилъ чтобы преподаваніе катихизиса происходило въ лицейскихъ зданіяхъ, и это распоряженіе было оставлено въ силѣ г. Ферри, вновь замѣвившимъ г. Бера въ началѣ 1882 года. Эти мѣры, напоминающія приемы Конвента, были мотивированы необходимостью провести демаркаціонную линію между наукой и „мистикой“ и сколь возможно изъять лицейскую молодежь отъ клерикальных, враждебныхъ республикѣ вліяній. Но нельзя не замѣтить что большая часть республиканцевъ, получившихъ досель воспитаніе въ лицеяхъ, ни малѣйше не заражены клерикализмомъ; отсюда нельзя не заключать что приписываемое капелланамъ враждебное республикѣ преподаваніе, если кое-гдѣ и проявлялось, то крайне рѣдко, по той простой причинѣ что капелланы постоянно находились подъ контролемъ лицейскаго начальства, которое всегда имѣло возможность удалять непослушныхъ капеллановъ и замѣнять ихъ болѣе покорными. Съ устраненіемъ же капеллановъ изъ лицеевъ, возможность ихъ считаемаго политически вреднымъ вліянія на тѣхъ изъ учениковъ которые, по желанію родителей, учатся теперь катихизису въ лицахъ должна была, напротивъ, усиливаться, за отсутствіемъ какого-либо противодѣйствія со стороны лицейскаго начальства. Что же касается религіознаго вліянія на нравственное развитіе учениковъ, то достаточно вспомнить что этотъ элементъ составляетъ во всѣхъ образованныхъ странахъ существенную часть народнаго воспитанія, такъ какъ опытомъ вѣковъ доказано что самая лучшая педагогическая система не въ состояніи привести къ полезнымъ результатамъ безъ религіозно-нравственнаго назиданія. И эта именно часть преподаванія превратилась теперь во французскихъ лицеяхъ изъ обязательной въ факультативную, для родителей болѣе или менѣе обременительную, а для многихъ учениковъ случайную.

Итакъ распространяться о томъ до какой степени и въ какомъ духѣ эти мѣры должны видоизмѣнить характеръ внутренней дисциплины—этого большого мѣста лицейской организаціи. Устраненіе капеллановъ изъ лицеевъ оставило послѣ

себя пустоту, которую не пополнила ни многопредметность новыхъ программъ, ни введенная въ эти школы политическая тенденціозность: * эти новые элементы могутъ только затруднить правильный ходъ средняго обученія, особенно при низкомъ уровнѣ вновь опредѣляемыхъ преподавателей **.

Вообще вся совокупность приватныхъ министерствомъ мѣръ не только не исправила выясненныхъ опытомъ неудовлетворительныхъ сторонъ въ организаціи лицеевъ, но даже

* Вотъ на примѣръ что произошло въ Тулузскомъ лицей. 26 марта 1882 года, четыре воспитанника были исключены изъ этого заведенія за дурное поведеніе. Вслѣдъ за тѣмъ толпа другихъ воспитанниковъ отправилась, распѣвая *Marseillaise*, къ провизору (то-есть помощнику ректора) лицея и потребовала не только возвращенія исключенныхъ, но и отставки одного изъ репетиторовъ, сопровождая эти домогательства еще жалобами на дурную пищу. Ректоръ лицея отвѣчалъ на это исключеніемъ изъ лицея 80 воспитанниковъ высшихъ классовъ. Не этимъ дѣло не кончилось. Составилась другая депутація, изъ учениковъ не принимавшихъ участія въ первой, предъявившая новыя требованія и жалобы. Не получивъ удовлетворительнаго отвѣта отъ ректора, члены этой депутаціи объявили что они хотятъ раздѣлить участь исключенныхъ товарищей; такимъ образомъ число учениковъ покинувшихъ лицей достигло 130 (*Soleil*, 27 марта, и *Petit Marseillais*, 28 марта). Подобныя столкновенія учениковъ съ лицейскимъ начальствомъ не рѣдкость, но извѣстія о нихъ, часто встрѣчающіяся въ провинціальной печати, крайне рѣдко появляются на страницахъ парижскихъ газетъ, озабоченныхъ болѣе крупными политическими вопросами.

Въ началѣ апрѣля 1882 года, воспитанники лицея въ городѣ Монпелье возымѣли мысль составить „конгрессъ“ для изученія вопроса объ уничтоженіи испытываемыхъ ими злоупотребленій (*un congrès pour étudier la suppression d'abus dont ils sont victimes*) (*Petit Marseillais*, 7 апрѣля); замѣчательно что это куріозное кампаніе школьничковъ встрѣтило сочувствіе въ довольно распространенной парижской газетѣ *National*, редакція которой, вспоминая что бывшая въ этомъ родѣ коммиссія довольно удачно дѣйствовала въ томъ же городѣ въ 1848 году, предложила лишь на сей разъ усилить составъ конгресса родителями и бывшими воспитанниками лицея.

** Въ статьѣ *l'enseignement historique en Sorbonne et l'éducation nationale* par M. Ernest Laviste (*Revue des deux Mondes* 15 февраля 1882 года) приведены на выдержку *curricula vitae* нѣкоторыхъ профессоровъ. Каждый изъ нихъ перебивалъ въ нѣсколькихъ городахъ, преподавалъ, безо всякой подготовки, самые разнообразныя предметы: грамматику, философію, исторію, но ни одинъ изъ нихъ не могъ выдержать даже конкурснаго экзамена на агрегата. le

уоугубила ихъ, принеся интересы педагогическіе и нравственныя въ жертву заботамъ исключительно политическимъ. Г. Ферри какъ будто позабылъ печальный опытъ Национальнаго Конвента.

Впрочемъ г. Ферри не удовольствовался подражаніемъ первой республикѣ; онъ еще рѣшился увѣковѣчить третью республику созданиемъ новой системы женскихъ среднѣучебныхъ заведеній. Извѣстно что во Франціи, кромѣ конгрегаціонныхъ школъ и частныхъ пансіоновъ, не было до сихъ поръ вовсе среднѣучебныхъ женскихъ школъ. Г. Ферри пожелалъ восполнить этотъ недостатокъ. Но вмѣсто того чтобъ обезпечить воспитаніе будущихъ жень и матерей возымѣлъ намѣреніе создать прежде всего свободныхъ отъ предрасудковъ практически-образованныхъ республиканокъ. Съ этою цѣлію онъ, взаимно упраздненныхъ конгрегаціонныхъ школъ, предложилъ устройство женскихъ лицеевъ на счетъ государства, при матеріальномъ содѣйствіи департаментовъ и городовъ. Какъ и слѣдовало ожидать, прототипомъ женскихъ лицеевъ должны были послужить обновленные мужскіе лицей. Таковъ смыслъ принятаго палатой и сенатомъ закона 21 декабря 1880 и послѣдовавшихъ въ развитіе этого закона исполнительныхъ распоряженій министерства.

На основаніи этого закона женскіе лицей должны быть учреждены по системѣ экстерната; особыя при нихъ отдѣленія для интернатовъ могутъ быть открываемы не иначе какъ по соглашенію муниципальныхъ совѣтовъ съ правительствомъ.

Циркуляромъ отъ 14 января 1882 министръ народнаго просвѣщенія г. Поль Беръ предложилъ академическимъ ректорамъ войти въ соглашеніе съ департаментами объ устройствѣ *по одному лицей въ каждыя департаменты*. Но такъ какъ школа для преподавательницъ, недавно основанная въ Севрѣ (Sevres), не успѣла еще приготовить потребнаго персонала, то министръ, въ томъ же циркулярѣ (§ 5), разрѣшилъ ректорамъ на первое время представлять ему на должность директрисъ женщинъ не только имѣющихъ перворазрядное свидѣтельство для первоначальнаго преподаванія (brevet supérieur d'enseignement primaire), но даже и такихъ которыя, не имѣя никакого диплома или свидѣтельства, представляютъ однако благоприятныя условія для исполненія возлагаемыхъ на директрисъ обязанностей. Наконецъ, декретомъ отъ того же 14 января 1882 установленъ для будущихъ

женскихъ лицеевъ латинскій курсъ, въ составъ коего, *лажду прочимъ*, входятъ: для дѣвочекъ 12—13 лѣтъ французскій языкъ и литература, исторія всеобщая и исторія Франціи, арифметика и начала геометріи, ботаника и начала зоологіи; для дѣвочекъ 13—14 лѣтъ плаиметрія и геологія, для 14—15 лѣтъ физика и химія, элементы физиологіи, домашняя экономія и гигиена; для дѣвочекъ 15—16 лѣтъ древняя литература, мораль, исторія цивилизаціи до Карла Великаго, космографія, физиологія животныхъ и растеній; для 16—17 лѣтъ элементы психологіи въ примѣненіи къ педагогіи, иностранная литература, исторія цивилизаціи до новѣйшаго времени (*jusqu'à nos jours*) и практическія свѣдѣнія о законодательствѣ, кромѣ другихъ предметовъ еще болѣе спеціальныхъ, но *необязательныхъ* для дѣвицъ двухъ послѣднихъ классовъ*. Религіозное же назиданіе допущено въ этихъ заведеніяхъ лишь по желанію родителей въ свободные отъ классовъ часы.

Очень трудно сказать скоро ли эти программы и самыя лицей перейдутъ въ область дѣйствительности. Министерство желало чтобы первый починокъ въ учрежденіи подобныхъ лицеевъ былъ сдѣланъ Парижемъ; но пренія возбужденныя по этому поводу въ мартѣ 1882 въ Парижскомъ муниципальномъ совѣтѣ не привели ни къ какимъ практическимъ результатамъ, такъ какъ совѣтъ, руководимый радикальнымъ большинствомъ, заявилъ префекту Сены что столичное городское управленіе готово принять участіе въ расходахъ по учрежденію двухъ женскихъ лицеевъ лишь въ томъ случаѣ если, во первыхъ, не будетъ допускаемо въ училищныхъ зданіяхъ преподаваніе катихизиса и, во вторыхъ, будетъ предоставлено муниципальному совѣту право непосредственнаго участія въ управленіи этими заведеніями.

Приведенныя выше программы очевидно наломаную голову самыя которыя въ 1880 были выработаны для мужскихъ лицеевъ тѣмъ же главнымъ совѣтомъ народнаго просвѣщенія. Осуществить ихъ на дѣлѣ будетъ, вѣроятно, еще труднѣе, какъ бы министерство ни разчитывало на возможность, весьма впрочемъ сомнительную, быстрого возникновенія многочисленной корпорации директрисъ изъ числа воспитанницъ Севрской школы.

Преобразователи надѣялись, какъ скоро осуществятся задуманные министерствомъ департаментскіе женскіе лицей въ

* Латинскій языкъ, торговая географія, высшая математика.

каждомъ департаментѣ Франціи, увидѣть многочисленныя республканскія знакомыя съ древнею литературой, исторіей новѣйшей культуры, химіей, физиологіей, психологіей, законодѣтельствомъ и „давическою моралью“. По мнѣнію г. Ферри и его друзей, женщина, получивъ такое образованіе, будетъ гораздо глубже и вѣрнѣе, чѣмъ нынѣ, понимать обязанности жены и матери. Но восхищаться этими идеалами можетъ-быть нѣсколько рискованно. Примеръ созданныхъ Конвентомъ центральныя школы доказалъ что слишкомъ широкіе планы въ дѣлѣ народнаго образованія ведутъ къ самымъ плачевнымъ результатамъ. Во всякомъ случаѣ мѣры г. Ферри, сомнительныя въ будущемъ, нисколько не устранили въ настоящемъ тѣ новыя прелестности которыя были созданы для женскаго образованія во Франціи преслѣдованіемъ конгрегаціонныхъ школъ.

V.

Въ системѣ народнаго просвѣщенія унаслѣдованной третью респубlikой занимали до 1880 года крупное мѣсто среднеучебныя заведенія содержимыя и руководимыя духовными конгрегаціями.

Происхожденіе этихъ школъ во Франціи, какъ и въ другихъ католическихъ странахъ, коренится еще въ Среднихъ Вѣкахъ, когда сословія свѣтскихъ преподавателей почти не существовало; но необыкновенная живучесть этихъ школъ, не смотря на постепенное распространеніе свѣтскихъ учебныхъ заведеній, объясняется, съ одной стороны, существованіемъ доселѣ монашескихъ корпорацій исключительно предназначенныхъ для воспитанія юности, а съ другой стороны, несомнѣнными симпатіями къ нимъ значительной части населенія.

Понятно что руководители господствующей во Франціи партіи, столь враждебной католическому духовенству, не могли не объявить рѣшительной войны этимъ школамъ.

До революціи конгрегаціонныя школы оставались въ вѣликаго правительственнаго вліянія не только вслѣдствіе привилегированнаго положенія церкви, но и потому что не обременяя вовсе казны онѣ нисколько не противорѣчили интересамъ государственной власти. Вполнѣ соответствуя условіямъ того времени, онѣ не возбуждали никакихъ сомнѣній, а приносимая ими польза вполнѣ доказана какъ высокимъ

уровнемъ образованности французскаго общества въ XVIII вѣкѣ, такъ и недавно обнаруженными фактическими изслѣдованіями объ этой эпохѣ. * Первый ударъ этимъ школамъ былъ нанесенъ во время революціи конфискаціей духовныхъ имуществъ, а окончательный законъ 18 августа 1792 года о закрытіи конгрегацій. Въмѣсто нихъ Конвентъ учредилъ уломанутыя выше центральныя школы, исключительно свѣтскія и казенныя, преобразованныя при Наполеонѣ I въ лицеи. Хотя религіозно-нравственное преподаваніе въ лицеехъ было восстановлено, но возникновеніе вновь независимыхъ отъ правительства конгрегаціонныхъ школъ встрѣтило неодолимыя прелятствія въ декретѣ 22 іюня 1804 года, которымъ безусловно воспрещено было существованіе конгрегацій и разрѣшенныхъ государственною властію.

Тѣмъ не менѣе, послѣ паденія первой имперіи, стали опять мало-по-малу возникать конгрегаціи и конгрегаціонныя школы безо всякой правительственной санкціи. При Бурбонахъ и администрація и общество смотрѣли на это явленіе весьма благосклонно, но при Лудовикѣ-Филиппѣ либеральная партія поставила этотъ вопросъ на очередь въ палатѣ депутатовъ, вслѣдствіе чего, не смотря на сильную клерикальную оппозицію, школы іезуитовъ были закрыты; но школы прочихъ конгрегацій правительствомъ не разрѣшенныхъ остались при этомъ ввѣ спора и, *tacito consensu*, мирно продолжали свою дѣятельность, а приливъ къ нимъ учащейся молодежи нисколько не уменьшился. Но и іезуитскія школы не замедлили вскорѣ опять возникнуть и стали процвѣтать попрежнему, хотя сначала и подъ другимъ наименованіемъ. Въ виду фактической невозможности воспретить іезуитамъ и не разрѣшеннымъ конгрегаціямъ продолжать въ неуловимыхъ для закона формахъ ихъ педагогическую дѣятельность, пользовавшуюся къ тому же сочувствіемъ и поддержкой значительной части образованныхъ классовъ, а съ другой стороны, составлявшую въ сущности только одинъ изъ видовъ частнаго преподаванія, свобода котораго была торжественно провозглашена въ конституціяхъ 1830 и 1848 года—состоялась въ 1850 году, то-есть во время второй республики, органической законъ о свободѣ преподаванія, съ предоставленіемъ министерству народнаго просвѣщенія права постояннаго надзора за всѣми частными, въ томъ числѣ и конгрега-

* *L'instruction publique et la révolution*, par A. Duruy, Paris, 1882.

ционными школами. Такъ установилась во Франціи, вмѣсто прежней такъ-называемой „университетской монополіи“, система взаимодѣйствія государственнаго и частнаго преподаванія. Содержимыя и руководимыя конгрегациями школы приобрѣли, въ силу закона 1850 года, право полного гражданства и быстро съ тѣхъ поръ распространились; онѣ составили новый значительный контингентъ школъ соответствовавшихъ лицамъ и коллегіямъ. Эта система существовала и при второй имперіи; во время же третьей республики, именно въ 1875 году, она была дополнена по настоянію консервативнаго большинства Версальской палаты закономъ о дозволеніи частнымъ учебнымъ заведеніямъ выдавать ученые дипломы, вслѣдствіе чего основаны были въ нѣкоторыхъ городахъ Франціи на счетъ католическаго духовенства и частныхъ пожертвованій свободные факультеты, усвоившіе себѣ названіе католическихъ университетовъ.

Изъ этого видно что реформа задуманная г. Ферри и его политическими друзьями встрѣтилась лицомъ къ лицу съ цѣлою системою высшаго и средняго преподаванія, организованною католическимъ духовенствомъ.

Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить что значеніе католическихъ факультетовъ, возникшихъ съ 1875 года, совершенно ничтожно. Вызваны они были борьбой партій и минутнымъ торжествомъ клерикализма, а не какими-либо дѣйствительными потребностями. Они не успѣли еще окрѣнуть въ своей организаціи и не имѣютъ будущаго, вслѣдствіе избытка факультетовъ государственныхъ. Съ другой стороны, университеты уже до революціи утратили во Франціи прежній конфессіональный характеръ, сохранившійся доселѣ только на богословскихъ факультетахъ; поэтому преобладающее участіе духовенства въ преподаваніи наукъ на другихъ факультетахъ не могло не возбудить весьма лояльнаго недовѣрія въ публикѣ и признано было неумѣстнымъ даже тѣми многочисленными католиками которые энергически возставали *противъ удаленія капеллановъ изъ лицеевъ*. Въ виду этихъ обстоятельствъ, число студентовъ въ католическихъ университетахъ, незначительное съ самаго ихъ возникновенія, къ 1881 году даже уменьшилось. Самое право выдавать дипломы, выхлопотанное клерикалами Версальской палаты, осталось на практикѣ мертвою буквою, такъ какъ дипломы выдаваемые католическими факультетами не пользуются тѣмъ традиціоннымъ авторитетомъ который

усвоенъ дипломамъ факультетовъ государственныхъ, хотя въ составъ экзаменаціонныхъ комиссій католическихъ факультетовъ входятъ по закону 1875 года и представители государственнаго преподаванія. Вотъ почему студенты католическихъ факультетовъ даже предпочитаютъ держать экзамень для полученія ученой степени на факультетахъ государственныхъ.

Но совершенно другой характеръ имѣли среднеучебныя школы основанныя іезуитами, доминиканцами, ораторіанцами, маристами и женскими монашескими орденами. Число учениковъ въ этихъ школахъ къ 1877 году достигало 46.816 *, а къ 1880 году въ 641 конгрегаціонныхъ школахъ состояло 61.409 учащихся обоого пола, въ томъ числѣ 9.000 безплатныхъ, тогда какъ итогъ воспитанниковъ лицеевъ и коллегій колебался (къ 1881) между 75.000 и 80.000, а въ частныхъ пансіонахъ не превышала 31.249 (въ 1877 году). Эти цифры доказываютъ не только процвѣтаніе конгрегаціонныхъ школъ, но и предпочтеніе которое имъ оказывали многіе родители сравнительно съ лицеями и коллегіями, какъ бы наперекоръ мѣрамъ г. Ферри. Оно и понятно: во первыхъ, въ этихъ школахъ господствовала система интерната, столь соответствующая требованіямъ французской буржуазіи; во вторыхъ, эти интернаты, болѣе ограниченные по числу воспитанниковъ чѣмъ лицея, представляя и болѣе гарантій для услѣдшаго надзора за учащимися; въ третьихъ, конфессіональный характеръ конгрегаціонныхъ школъ никогда не возбуждалъ въ большинствѣ родителей тѣхъ опасеній которыми были встрѣчены католическіе университеты, такъ какъ участіе духовенства въ среднеучебномъ образованіи издавна признавалось во Франціи вполне цѣлесообразнымъ. Кромѣ того опытъ доказалъ что воспитанники конгрегаціонныхъ школъ постоянно выдерживали съ успѣхомъ экзамены на факультетахъ для полученія степени бакалавра, и особыя испытанія для поступленія въ высшія спеціальныя школы. Наконецъ женскія конгрегаціонныя школы были единственными учебными заведеніями для дѣвицъ, родители которыхъ не вполне довѣряли частнымъ женскимъ пансіонамъ.

Начиная борьбу съ католическими университетами и конгрегаціонными школами, г. Ферри возвращался къ монополіи государственнаго преподаванія, организованной Наполеономъ I,

* *L'Organisation Française*, стр. 157.

становясь такимъ образомъ въ противорѣчїе съ тою позитивнѣею свободой преподаванія, которая была провозглашена Гюльскою революціей въ 1830 году и второю республикой въ 1848 году, какъ одна изъ основъ политическаго, гражданскаго и религіознаго полноправія французскихъ гражданъ. Ослабивать этотъ принципъ было тѣмъ неудобнѣе что свобода преподаванія была уже въ 1850 году юридически согласована съ правами и обязанностями государственной власти, путемъ подчиненія конгрегационныхъ школъ, подобно прочимъ частнымъ учебнымъ заведеніямъ, надзору и главнаго совѣта народнаго просвѣщенія, и академическихъ совѣтовъ, и цѣлою іерархію правительственныхъ инспекторовъ. Признаться открыто въ недѣйствительности такого внушительнаго контроля послѣ недавняго преобразования главнаго совѣта народнаго просвѣщенія также не могло входить въ виды г. Ферри, такъ какъ это было бы равносильно признанію за духовенствомъ того именно вліянія существованіе котораго постоянно ослаблялось министерствомъ. Точно также было невозможно лишить огульно католическое духовенство права свободнаго преподаванія, оставивъ оное привилегіей лишь протестантскихъ пасторовъ и еврейскихъ раввиновъ. Въ этихъ обстоятельствахъ г. Ферри, тщательно обходя спорные вопросы о принципахъ, попробовалъ сначала достигнуть своей цѣли окольными казуистическими путями. Подысканіе же для сего подходящихъ предлоговъ не могло, конечно, представить никакихъ затрудненій.

Въ то самое время когда палата и сенатъ были заняты обсужденіемъ реформы главнаго совѣта народнаго просвѣщенія, г. Ферри внесъ, какъ бы въ дополненіе къ этой реформѣ, проектъ закона о высшемъ преподаваніи. Сущность предложеній г. Ферри заключалась прежде всего въ установленіи безвозмездной залуци (*inscription gratuite*) студентовъ на факультетскіе курсы и въ отмѣнѣ ограниченій съ которыми было до того времени сопряжено открытіе частныхъ курсовъ (*cours isolés*). Первая мѣра должна была отвлечь студентовъ отъ католическихъ университетовъ, а вторая убѣдить публику въ готовности министерства не стѣснять свободы преподаванія. Затѣмъ, какъ бы въ видахъ охраненія этой самой свободы отъ клерикальнаго давленія, г. Ферри предлагалъ въ томъ же проектѣ еще слѣдующія три мѣры: 1) отмѣнить установленное закономъ 1875 года право частныхъ учебныхъ заведеній выдавать ученые дипломы;

2) воспретить этимъ заведеніямъ именоваться университетами, и 3) лишить членовъ конгрегацій всякаго участія въ публичномъ преподаваніи.

Выше было объяснено далеко не завидное положеніе католическихъ университетовъ, исключающее всякую для нихъ возможность конкуренціи съ государственными факультетами. Если они, не смотря на то, продолжаютъ свое существованіе, то очевидно что лишеніе ихъ права именоваться университетами и выдавать дипломы не поколеблетъ ихъ положенія, доколѣ они будутъ обладать попрежнему необходимыми матеріальными средствами, источникъ которыхъ вовсе не въ платѣ за обученіе. Къ тому же ихъ профессора и руководители принадлежатъ не къ конгрегаціямъ существующимъ безъ дозволенія власти, а къ той части духовенства права которой ограждены конкордатами. Нѣтъ потому никакого сомнѣнія что г. Ферри, въ упомянутомъ законопроектѣ, имѣлъ въ виду не столько высшее, т.-е. факультетское, сколько среднее, т.-е. конгрегаціонное преподаваніе, не смотря на то что послѣднее введено было имъ въ текстъ закона какъ бы эпизодически.

Относительно католическихъ университетовъ, не пользовавшихся значительнымъ вѣсомъ, для г. Ферри было на первый разъ достаточно только поколебать ихъ официальное положеніе; относительно же конгрегаціонныхъ школъ за которыми стояла цѣлая армія преподавателей, родителей, въ особенности жень и матерей, нужна была другая политика: менѣе откровенная по формѣ, но за то и болѣе рѣшительная по существу. И дѣйствительно, ст. 7а проекта устраняла отъ преподаванія не одинъ какой-нибудь разрядъ учителей, но уничтожала въ корнѣ самое существованіе конгрегаціонныхъ школъ, такъ какъ всѣ эти школы были содержимы и руководимы конгрегаціями возникшими безъ правительственнаго разрѣшенія, сначала *tacito consensu*, а съ 1848 года подъ покровомъ свободы ассоціацій провозглашенной въ конституціи второй республики.

Такъ именно повали этотъ вопросъ и палата, и сенатъ. Всѣ статьи проекта, кромѣ ст. 7й, прошли въ обѣихъ камерахъ безъ особыхъ прелятствій; * что же касается ст. 7й, то она встрѣтила ожесточенное противодѣйствіе не только со стороны консервативовъ, но и въ средѣ республиканцевъ.

* Законъ 19 марта 1880 года.

Вотъ текстъ этой статьи: „Лицо принадлежащее къ неутвержденной правительствомъ конгрегаціи не допускается до заведенія какимъ бы то ни было публичнымъ или частнымъ учебнымъ заведеніемъ, а равно и до преподаванія въ таковомъ.“

Г. Ферри мотивировала ст. 7ю указаніемъ на то что молодые люди получаютъ въ конгрегаціонныхъ школахъ вредное политическое направленіе, усваиваютъ вражду къ республикѣ, утрачиваютъ патріотизмъ, проникаются отвращеніемъ къ духу времени. Обвиненія эти были облечены французскимъ министромъ и его сторонниками въ весьма эффектную форму. Вотъ обращикъ ихъ аргументаціи:

„Извѣстно изъ неоспоримыхъ источниковъ что воспитаніе въ конгрегаціонныхъ школахъ опирается единственно на плеть и систему взаимнаго шпіонства, * причемъ цѣль считается вполнѣ достигнутою если душа ученика утратитъ всякое чувство гордости и искренности... Мы встрѣчаемъ воспитанныхъ иезуитами юношей въ нашихъ военныхъ школахъ, въ нашихъ полкахъ, въ нашихъ канцеляріяхъ. И что же? вездѣ они составляютъ особую банду отъ своихъ товарищей, съ особыми привычками и мнѣніями, напоминая нравы (?), защищая мнѣнія реставраціи“... **

Но всѣ подобныя выводы г. Ферри и его друзей не были подтверждены никакими фактами. Они ограничились только цитированіемъ въ палатѣ депутатовъ, въ сенатѣ и въ печати, не многихъ мѣстъ изъ нѣкоторыхъ руководствъ употребля-

* Въ *Revue des deux mondes* 15 декабря 1881 года помѣщены воспоминанія Э. Ренана о его пребываніи въ семинаріи, то-есть въ такомъ духовномъ училищѣ которое имѣетъ цѣлью не общее образованіе, какъ въ конгрегаціонныхъ школахъ, но спеціально религиозное, и почти недоступно для контроля родителей. Поэтому можно предполагать что система ученія и въ особенности дисциплина въ семинаріи гораздо одностороннѣе чѣмъ въ конгрегаціонной школѣ. Но изъ воспоминаній г. Ренана видно что плеть, шпіонство и т. п. не существуютъ даже въ семинаріи. Авторъ *Жизни Иисуса Христа* относится напротивъ съ живѣйшею симпатіей къ своимъ старымъ наставникамъ.

** Г. Ферри и бывшій въ это время главой кабинета г. Фрейсине объясняли, между прочимъ, какъ въ палатѣ, такъ и въ сенатѣ что ст. 7я направлена собственно противъ иезуитовъ; но позднѣйшія событія доказали что министерство имѣло въ виду всѣ безъ исключенія конгрегаціонныя школы, а не однѣ только иезуитскія, которыхъ зачислялось не болѣе 29, въ томъ числѣ 8 для вольноприходящихъ.

емыхъ, по ихъ словамъ, въ конгрегаціонныхъ школахъ, хотя, по отзывамъ противниковъ г. Ферри, эти цитаты оказывались или превратно истолкованными или, наконецъ, выхваченными изъ руководствъ давно покинутыхъ. *

Со своей стороны противники ст. 7й доказывали что воспитанники конгрегаціонныхъ школъ не скрывались въ 1870 году отъ непріятеля (изъ одной парижской іезуитской школы въ rue des Postes 90 воспитанниковъ пали на полѣ сраженія), а въ настоящее время составляютъ значительный контингентъ преданныхъ республикѣ гражданъ; что если не все изъ нихъ сочувствуютъ радикальнымъ тенденціямъ господствующей партіи, а нѣкоторые изъ бывшихъ питомцевъ конгрегаціонныхъ школъ даже мечтаютъ о монархической реставраціи, то подобныя убѣжденія возникали и могутъ возникать совершенно независимо отъ какого бы то ни было школьнаго образованія. Въмѣстѣ съ тѣмъ противники ст. 7й доказывали въ палатѣ и въ печати что педагогическая система конгрегаціонныхъ школъ возбуждаетъ сочувствіе въ значительной части общества исключительно потому что внутренняя дисциплина, нравственное развитіе, гигиеническія условія и самое преподаваніе наукъ стоятъ въ этихъ школахъ на болѣе высокомъ уровнѣ чѣмъ во многихъ лицеяхъ и коллегіяхъ, въ которыхъ дисциплина крайне ослабѣла, а наставники, плохо подготовленные и скудно вознаграждаемые, набираются зачастую изъ лицъ пропитанныхъ радикальными и атеистическими тенденціями. Доказывая что конкуренція конгрегаціонныхъ школъ съ правительственными должна вести не къ уничтоженію первыхъ, но главнымъ образомъ къ усовершенствованію послѣднихъ, противники ст. 7й выяснили, между прочимъ, и то чрезвычайно важное обстоятельство что современныя конгрегаціонныя школы, вовсе не отличаясь приписываемымъ имъ религиозно-аскетическимъ направленіемъ, имѣютъ напротивъ характеръ совершенно свѣтскихъ учебныхъ заведеній, тѣмъ болѣе что даже курсъ преподаванія въ нихъ состоитъ изъ тѣхъ же предметовъ какъ и въ лицеяхъ и коллегіяхъ, соображенъ съ общепринятыми программами, а въ числѣ преподавателей конгрегаціонныхъ школъ состоятъ и наиболѣе извѣстные свѣтскіе профессора и педагоги.

Въ заключеніе, противники ст. 7 требовали чтобы прежде

* L'article 7 et la liberté de l'enseignement devant le Sénat, par Da-guy, въ *Revue des deux mondes* 1 января 1880 года. Google

желая подвергать interdiction конгрегационныя школы, произведено было о нихъ подробное изслѣдованіе, на что стороны г. Ферри съ необыкновеннымъ уловствомъ отвѣчали что „подобное сѣдствіе было бы не только не убѣдительно (?), но и совершенно бесполезно“, такъ какъ „свидѣтельства безчисленны, несомнѣнны, единогласны“... Такая аргументація представляла конечно очень мало убѣдительности, но она была вполне достаточна для той фракціи палаты ветерановъ которой выразилось въ слѣдующихъ словахъ г. Ферри: „Да воспользуется наша юная республика своими молодыми силами чтобы достигнуть предлагаемой ей нами цѣли. Или еще ждать? Но зачѣмъ? Когда еще будемъ мы сильнѣе, могущественнѣе чѣмъ нынѣ? Враждебныя партіи теперь побѣждены, разсѣяны, повергнуты во прахъ (ils sont à terre); не пропустимъ же минуты чтобы раздавить (écraser) ихъ окончательно“.

Г. Ферри, опираясь на республиканское большинство, успѣлъ достигнуть своей цѣли въ палатѣ: статья 7 была принята не смотря на сильную оппозицію консервативовъ и даже умѣренныхъ республиканцевъ.

Нужно было затѣмъ провести ст. 7 чрезъ сенатъ. Хотя послѣ январскихъ выборовъ 1879 установилось и въ этой камерѣ прочное господство республиканскаго большинства, тѣмъ не менѣе эта статья встрѣтила такое сильное сопротивленіе въ избранной сенатомъ комиссіи для разсмотрѣнія проекта г. Ферри что министерство сочло нужнымъ предварительно окончательнаго обсужденія ст. 7 въ полномъ собраніи сената подѣйствовать на настроеніе сенаторовъ посредствомъ совершенно своеобразной и всего менѣе парламентской агитаціи.

Съ этою цѣлью г. Ферри и нѣкоторые изъ его товарищей по министерству посѣтили наиболѣе значительные города Франціи, произнося вездѣ рѣчи въ пользу ст. 7. Принимая за несомнѣнный голосъ страны тѣ привѣтствія и рукоплесканія которыя такъ щедро были имъ расточаемы во время овацій устроенныхъ въ честь ихъ префектами при содѣйствіи республиканскихъ комитетовъ, г. Ферри публично и не разъ выразилъ во время этого путешествія мысль что населеніе требуетъ отъ сената утвержденія ст. 7 съ такою же точно настойчивостью съ какою избиратели на банкетахъ 1848 года требовали избирательной реформы отъ тогдашней палаты депутатовъ. Онъ, членъ правительства, какъ бы

предупреждалъ такимъ образомъ сенатъ что забаллотированіе ст. 7 угрожаетъ Франціи ни болѣе ни менѣ какъ новою революціей. Затѣмъ министерство, чтобъ еще болѣе предрѣшить благопріятный исходъ дѣла въ сенатѣ, передало ст. 7 на предварительное обсужденіе генеральныхъ совѣтовъ, будучи вполнѣ увѣрено что большинство совѣтовъ оправдываетъ ожиданія господствующей въ палатѣ партіи. Но вышло наоборотъ: не смотря на старанія префектовъ, такого большинства не составилось, и министерство должно было удовольствоваться только сочувственными въ пользу ст. 7 заявленіями меровъ и совѣтниковъ отдѣльныхъ муниципалитетовъ. Но за то всѣ эти заявленія и возбужденія вызвали и другой, совершенно несогласный съ видами министерства результатъ, вызвавшійся со стороны защитниковъ конгрегационнаго преподаванія въ весьма внушительной публичной петиціи на имя сената. *

Нѣтъ ничего удивительнаго что совокупность означенныхъ обстоятельствъ не ослабила, но усилила оппозицію въ сенатѣ противъ ст. 7. Особенно было знаменательно что руководителями этой оппозиціи противъ министерства явились здѣсь не одни консерваторы, но и такіе ревностные республиканцы какъ г. Жюль Симонъ, провозглашавшій вмѣстѣ съ г. Гамбеттой съ балкона Парижской ратуши республику 4 сентября, г. Дюфоръ, закончившій съ селтенатомъ

* Эта петиція сопровождалась 1.600.000 подписами. Министерство во время сенатскихъ прерій о ст. 7 заявило, между прочимъ, что въ числѣ подписавшихся были и дѣти. Если это заявленіе и справедливо, то нельзя придавать ему особаго значенія уже потому что г. Ферри со своей стороны, отстаивая ст. 7, нисколько не стѣсняясь ссылаться на голосъ дѣтей, увѣряя что они во время его путешествія встрѣчали его криками: „vive l'atricle 7“. Но сомнѣніе г. Ферри въ правильности подписей устраняется въ значительной степени тѣмъ обстоятельствомъ что большая часть подписей на петиціи были по требованію подписавшихся удостовѣрены мѣстными мерами.

Нельзя при этомъ умолчать что нѣкоторые республиканскіе меры сочли себя въ правѣ отказываться отъ требуемаго отъ нихъ удостовѣренія подписей, что и подаю поводъ къ формальнымъ жалобамъ. Но государственныи совѣтъ (преобразованныи въ 1879 году), разсмотрѣвъ эти жалобы, постановилъ что удостовѣреніе подобныхъ подписей, не будучи обязательно для меровъ, зависитъ исключительно отъ ихъ доброй воли. Изъ этого прихѣра видно какими прелатствами обставлено было администраціей представленіе въ сенатъ петиціи противъ ст. 7.

маршала Макъ-Магона и г. Литтре, представитель крайняго свободомыслия въ религиозной сферѣ. Въ глазахъ этихъ людей утвердить противъ конгрегаціонныхъ школъ и наставниковъ, лишая родителей права выбора системы воспитанія для своихъ дѣтей, представлялся ничѣмъ инымъ какъ вмѣшательствомъ государственной власти въ тѣ индивидуальныя проявленія свободы гражданъ которыя должны въ силу принциповъ 1879 года и республиканской конституціи 1848 года оставаться не только внѣ всякаго преслѣдованія, но и какого бы то ни было официальнаго вліянія. Находя посему въ ст. 7 стѣсненіе самыхъ существенныхъ гарантій личной свободы и ограниченіе семейныхъ правъ административнымъ усмотрѣніемъ они признавали что подобная диктатура, неправильная въ принципѣ, можетъ быть тѣмъ опаснѣе что правительственная власть находится въ рукахъ партіи обнаруживающей такъ мало терпимости. „Нужно быть докторомъ чтобы быть врачомъ, сказалъ при этомъ г. Жюль Симонъ, и это условіе никого не возмущаетъ; но вѣтъ болѣе свободы если напримѣръ ораторіанцу запрещено будетъ быть врачомъ только потому что онъ ораторіанецъ. То же самое и въ вопросѣ о преподаваніи“. И затѣмъ онъ обратился со слѣдующими словами къ членамъ министерства: „Ваша ст. 7 создаетъ новую категорію *исключенныхъ* (exclus), которые будутъ безъ слѣдствія и суда поставлены внѣ общаго права. Эта статья поражаетъ ихъ какъ *подозрительныхъ* (suspects), а не какъ виновныхъ; слѣдовательно ваше предложеніе въ полномъ смыслѣ уничтожаетъ свободу“. *

Эти доводы возымѣли свое дѣйствіе, и то чего не могла добиться консервативная оппозиція палаты депутатовъ было достигнуто республиканскою оппозиціей сената, который, въ засѣданіи 9 марта 1880 года, большинствомъ 148 голосовъ противъ 129 окончательно высказался противъ статьи 7.

Такимъ образомъ законъ о воспрещеніи конгрегаціоннаго преподаванія, вопреки всѣмъ настояніямъ Ферри, не состоялся.

* Приведенныя взгляды г. Жюль Симона доказываютъ что онъ остался вѣрнѣе убѣжденіямъ высказаннымъ имъ еще въ 1849 году, когда въ качествѣ докладчика по вопросу о народномъ просвѣщеніи онъ заявлялъ въ палатѣ что „республика запрещаетъ преподаваніе только невѣждамъ и недостойнымъ“, что она посему „не знаетъ корпорацій, не хочетъ оказывать имъ ни стѣсненій, ни покровительства, что она знаетъ и видитъ въ конгрегаціонныхъ преподавателяхъ только профессоровъ“.

Во всякомъ другомъ конституціонномъ, даже не республиканскомъ государствѣ, возбужденный министерствомъ вопросъ, послѣ такого исхода въ одной изъ камеръ, кончился бы компромиссомъ между палатой и сенатомъ. Но въ разогласіи сената и палаты выразилось столкновеніе различныхъ фракцій республиканскаго большинства, соглашеніе между которыми, какъ доказалъ опытъ, столь же невозможно какъ и между консервативными партіями. Поэтому министерству оставалось одно: отложить ст. 7 до созванія новой палаты. Но такая конституціонная процедура не въ обычаѣхъ господствующаго въ третьей республикѣ большинства. Хотя ст. 7 не получила силы закона, тѣмъ не менѣе министерство не задумалось привести ее въ исполненіе своею властью, ссылаясь на узаконенія первой революціи и первой имперіи. Таковъ смыслъ декретовъ президента республики отъ 29 марта 1880 года, въ силу которыхъ закрыты были административнымъ порядкомъ, безъ малѣйшей судебной процедуры, всѣ конгрегаціи возникшія безъ правительственнаго разрѣшенія; при этомъ въ числѣ прочихъ содержимыхъ конгрегаціями учрежденій (больницъ, пріютовъ, богадѣльнъ) закрыты были и ихъ школы.

Здѣсь не мѣсто входить въ юридическую оцѣнку этого акта, достаточно лишь замѣтить что 1.200 французскихъ адвокатовъ, съ Дюфоромъ и старшиной парижскихъ адвокатовъ во главѣ, обнародовали противъ этихъ декретовъ юридическую консультацию, въ которой доказано что декреты 29 марта, основанные на узаконеніяхъ утратившихъ теоретически и практически свою обязательную силу, ни въ какомъ случаѣ не давали администраціи права закрывать безъ судебного приговора существовавшія свыше 30 лѣтъ конгрегаціи.

Нелосредственнымъ послѣдствіемъ декретовъ было то что изъ числа 40.000 мальчиковъ и до 20.000 дѣвочекъ большая часть поставлены были въ самое затруднительное положеніе, такъ какъ размѣстить воѣхъ ихъ въ существующихъ лицеяхъ, коллегіяхъ и частныхъ пансіонахъ не было никакой физической возможности.

Но насильственное закрытіе конгрегаціонныхъ школъ не убѣдило родителей въ безусловномъ превосходствѣ лицеевъ и коллегій; руководимыя бывшими конгрегаціями школы не замедлили во многихъ мѣстахъ возникнуть вновь въ формѣ частныхъ пансіоновъ, въ силу закона 1850 года о свободномъ преподаваніи. Но и эти школы были немедленно

закрыты по распоряженію преобразованныхъ при г. Ферри академическихъ совѣтовъ; ревность совѣтовъ простерлась въ этомъ случаѣ до того что они стали систематически возбранять педагогическую профессію даже отдѣльнымъ членамъ бывшихъ конгрегацій. Жалобы на академическіе совѣты въ главный совѣтъ народнаго просвѣщенія остались, конечно, безъ послѣдствій. Однако всѣ эти административныя стѣсненія и ограниченія не достигли своей цѣли: число бывшихъ членовъ конгрегацій такъ значительно, сочувствіе къ нимъ въ извѣстныхъ слояхъ общества такъ сильно что, вопреки академическимъ совѣтамъ, конгрегаціонное преподаваніе продолжаетъ существовать въ неуловимой для какого бы то ни было преслѣдованія формѣ домашнихъ уроковъ.

Такимъ образомъ, закрытіе конгрегаціонныхъ школъ нарушило исторически сложившееся взаимодѣйствіе между преподаваніемъ государственнымъ и наиболее установившееся отраслю частнаго преподаванія, изъявъ только послѣднюю отъ правительственнаго контроля, что во всякомъ случаѣ едва ли можетъ быть признано полезнымъ. Внезапное же упраздненіе нѣсколькихъ сотъ школъ, издавна существовавшихъ, ничего не стоившихъ государству и пользовавшихся сочувствіемъ значительной части населенія, невольно напоминаетъ политику Національнаго Конвента, который изъ ненависти къ какимъ бы то ни было карлорадіямъ упразднилъ вмѣстѣ съ конгрегаціями всѣ французскіе университеты и академіи. Подобные coups d'états въ школьномъ дѣлѣ встрѣчаются только въ исторіи Франціи. Опытъ докажетъ будутъ ли декреты 29 марта долговѣчнѣе декретовъ Конвента, но для всѣхъ очевидно что коренные недостатки лицеевъ нисколько не были устранены разгромомъ конгрегаціоннаго преподаванія, и что женскіе лицеи, долженствующіе замѣнить школы конгрегацистокъ, существуютъ и долго еще будутъ существовать только на бумагѣ. *

(До слѣд. №).

ВИКТОРЪ ФУКСЪ.

* Такъ какъ закрытіе женскихъ конгрегаціонныхъ школъ, за отсутствіемъ во Франціи соответствующихъ имъ публичныхъ заведеній, вполнѣ упраздняло, по крайней мѣрѣ на неопредѣленное время, среднеучебное преподаваніе для дѣвицъ, то г. Фрейсике, бывши въ 1880 году главой кабинета, выразилъ намѣреніе отсрочить закрытіе женскихъ конгрегаціонныхъ школъ; но его преемникъ г. Ферри, уступая нетерпѣнью радикаловъ, предписалъ префектамъ закрыть и эти школы, что и было исполнено.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ МИЛЮТИНЪ

И

РЕФОРМЫ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ

Ратча: *Свод. о польск. мятежѣ 1863. года* и пр., Вильна, 1867—68, 2 т.

Lisicki: *Le marquis Wielopolski, sa vie et son temps*, Вѣна, 1880, 2 т.

Н. Берга: *Записки о польскихъ мятежахъ и возстаніяхъ*, Москва, 1873.

Материалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія и пр., Берлинъ, 1860—62, 3 т.

A. Moller: *Situation de la Pologne au 1 janv. 1865*, Paris, 1865.

Князь В. А. Черкасскій, Москва, 1879.

Leroy-Beaulieu: *Un homme d'état russe contemporain d'après sa correspondance inédite* (*Revue des deux Mondes* 1880—81).

Дневникъ Законосовъ.

Совершившіяся на нашихъ глазахъ событія начинаютъ мало-по-малу отдаляться отъ насъ и забываться. Забываются и люди принимавшіе видное участіе въ этихъ событіяхъ. Вотъ и минувшее царствованіе начинаетъ тускнѣть въ туманѣ отдаленія, а тѣ имена которыхъ еще такъ недавно повторяла стоустая молва сошли со сцены и либо слѣтъ ве-пробуднымъ сномъ, либо усталые ожидаютъ когда и для нихъ настанетъ минута услокоенія..

Между событіями минувшаго царствованія одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ послѣдній польскій мятежъ и послѣдовавшія за нимъ реформы, а между сотрудниками Александра II—Николай Алексѣевичъ Милютинъ. О польскихъ дѣлахъ 1860—65 года обнародованы кое-какіе матеріалы, а въ послѣднее время издано специальное изслѣдованіе о

маркизъ Велёпольскомъ и напечатана въ *Revue des deux Mondes* биографія Милютина, какъ государственнаго дѣятеля, основанная на частной его перепискѣ и составленная Анатолемъ Леруа-Больё (Lerou-Beaulieu). Она бросаетъ много свѣта и на ходъ самыхъ событій участникомъ коихъ былъ покойный Милютинъ. Конечно, всѣ эти матеріалы не даютъ еще возможности написать *исторію* помянутаго историческаго момента, но простая сводка разсѣянныхъ въ разныхъ изданіяхъ данныхъ, — разумѣется съ нѣкоторою критическою оцѣнкой этихъ данныхъ, — будетъ, кажется, трудомъ не безполезнымъ. Приступимъ же къ дѣлу безъ дальнѣйшихъ объясненій.

Г. Леруа-Больё приписываетъ Н. А. Милютину главную роль въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса въ Россіи. Но если и допустить что онъ встрѣтилъ полное сочувствіе со стороны Государя и нашелъ нѣсколькихъ чрезвычайно даровитыхъ сотрудниковъ, то какъ объяснить что этотъ необыкновенно щекотливый вопросъ былъ развязанъ и вошелъ въ жизнь съ такимъ успѣхомъ? Вѣдь онъ затрогивалъ матеріальное благосостояніе всего дворянскаго сословія и даже политическое его значеніе. Государь желалъ этого, скажутъ. Безъ сомнѣнія. Государь могъ принять мнѣніе меньшинства Государственнаго Совѣта и на этомъ основаніи издать указъ, — не даромъ же онъ сказалъ: „Самодержавіе установило крѣпостное право, самодержавіе должно оное и прекратить“ *; но почему же какъ при составленіи, такъ и при разсмотрѣніи Положенія стояли за освобожденіе крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ дворяне-помѣщики, какъ напримѣръ князь Черкасскій, Ю. Ѳ. Самаринъ и многіе другіе? Почему другіе дворяне-помѣщики взяли въ свои руки Положеніе 19 февраля и честно, даже съ увлеченіемъ, привели его въ исполненіе, что по крайней мѣрѣ столько же важно какъ и составленіе самого Положенія? Почему день объявленія Царскаго манифеста былъ для многихъ душевладѣльцевъ днемъ пламенныхъ лекцій, лютующихся и нѣсколько лѣтъ сряду? Почему чины родители водили въ этотъ день своихъ малолѣтнихъ дѣтей въ церковь, а другіе заставляли ихъ пить шампанское „за Царя и за освобожденіе мужиковъ“? Почему изъ сердца

* *Матеріалы* и пр., III, 160.

одного титулованнаго литератора (князя В. Θ. Одоевскаго) вылилось слѣдующее задушевное четверосташіе:

Тобой свершилося желанное вѣками!
Возрадовалась Русь, довольна и горда,
И празднуетъ народъ молитвой и слезами
Великій первый день свободнаго труда! *

Указъ могъ быть написанъ по волѣ, даже по единоличной волѣ Государя; такіе указы не рѣдкость. Но не рѣдкость что указы остаются мертвою буквой. Таковъ указъ Петра I о майоратахъ, таковы распоряженія Екатерины II имѣвшія цѣлю сближеніе съ Россіей Прибалтійскихъ провинцій, указы Александра I и Николая о вольныхъ хлѣболашцахъ и обязательныхъ крестьянахъ. Почему эти и многіе другіе указы остались мертвою буквой? Вслѣдствіе строптивости, улоуства, духа оппозиціи, свойственныхъ Русскому народу, какъ говорили не рѣдко иностранцы писавшіе о Россіи? Нѣтъ, развѣда здѣсь та что для указа 19 февраля 1861 года почва была подготовлена, тогда какъ она вовсе не была подготовлена для названныхъ указовъ Петра, Александра и Николая, а распоряженія Екатерины были прямо антипатичны... только не „строптивому Русскому народу“.

Да, почва для освобожденія крѣпостныхъ и для разрѣшенія вопроса о матеріальномъ обезпеченіи ихъ была въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ значительно подготовлена. Чѣмъ? Отчасти, думаемъ, предшествующими мѣрами правительства и ходомъ идей, отразившихся и въ русской литературѣ особенно съ половины сороковыхъ годовъ. Нѣкоторые изъ изображенныхъ тогдашними писателями типовъ были идеализованы, другіе выставляемы подъ освѣщеніемъ легкаго юмора, но юмора добродушнаго и сочувственнаго, и цѣлыя поколѣнія возрастали и воспитывались въ духѣ сочувствія къ бѣдности и незащитности, въ духѣ готовности пособить бѣдному и зашитить обездоленнаго. Подобныя же понятія внушали своимъ дѣтямъ и цыне родители усвоившіе себѣ гуманныя воззрѣнія Карамзина, Жуковскаго и Пушкина, воззрѣнія дѣйствовавшія тѣмъ сильнѣе что они легко прививались къ понятіямъ христіанскимъ, еще крѣпкимъ лѣтъ 50—60 тому назадъ.

* Русскій Архивъ, 1871, XI.

Таковы именно были повидимому родители Милютина. Г. Леруа рассказываетъ что однажды во время масленицы Николай Алексѣевичъ, будучи еще шестнадцатилѣтнимъ юношей, отправился на танцовальное утро въ Дворянское Собраніе, веселился тамъ до 6 часовъ вечера, потомъ обѣдалъ гдѣ-то; послѣ обѣда опять устроились танцы, потомъ подали ужинъ, такъ что юноша возвратился домой въ 3 или 4 часа ночи, совершенно довольный и счастливый. На слѣдующее утро, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ блаженныхъ воспоминаній, онъ принялся передавать ихъ своимъ родителямъ. Но они прервали его вопросомъ: а что же сдѣлалъ ты съ кучеромъ?—„Только тогда“, рассказывалъ Н. А. по словамъ своего біографа незадолго до своей смерти, „только тогда я почувствовалъ всю мою жестокость относительно этого бѣднаго человѣка, котораго я продержалъ на морозѣ пятнадцать часовъ. Съ тѣхъ поръ, заключилъ обезспяенный тяжкимъ недугомъ государственный человѣкъ,—въ головѣ моей постоянно толпились мысли объ освобожденіи крѣпостныхъ людей“... Это было въ концѣ тридцатыхъ годовъ.

Такимъ образомъ, то путемъ впечатлѣній почерпаемыхъ изъ литературы, то путемъ практическихъ уроковъ самой жизни воспитывались цѣлыя поколѣнія. По словамъ одного изъ друзей князя В. А. Черкаскаго, „съ самой университетской скамьи всѣ его помыслы, всѣ усилія были устремлены къ одной цѣли—къ освобожденію крестьянъ“. И то же, безо всякаго сомнѣнія, можно сказать о весьма многихъ не только крупныхъ дѣятеляхъ знаменитой реформы, но и о тѣхъ „людяхъ сороковыхъ годовъ“ имена которыхъ остались совершенно неизвѣстными. Повторяю, къ началу царствованія Александра II почва для предстоящей реформы была уже въ значительной степени подготовлена, по крайней мѣрѣ въ сферѣ сознанія, въ сферѣ мнѣнія. Вотъ почему, когда правительство поставило крестьянскій вопросъ на практическую почву, нашлись и сановники горячо принявшіеся за него, какъ Ламской, Ростовцевъ; нашлись и специалисты знакомые со всеми подробностями дѣла, ибо на разсмотрѣніе Главнаго Комитета поступило болѣе сотни проектовъ переустройства крестьянскаго быта *; нашлись серьезные публицисты разъяснявшіе читающей массѣ этотъ крайне сложный

* *Материалы* и пр. I, 265.

и щекотливый вопросъ, напалась, наконецъ, въ лицѣ мировыхъ посредниковъ, а еще ранѣе въ лицѣ предводителей дворянства, органы для проведенія въ жизнь новоизданнаго Положенія... Крестьянскій вопросъ вызрѣвалъ медленно, въ продолженіе четверти столѣтія, если принять за начало тридцатые годы; въ сознаниі же русскаго общества онъ началъ лускаться корнями еще несравненно ранѣе, а именно во времена Екатерины Великой, со времени извѣстнаго предложенія ея Вольно-Экономическому Обществу и *Наказа*. Среди образованнѣйшихъ людей двадцатыхъ годовъ уже возникало сознание,—но еще очень смутное, въ видѣ зародыша,—о правѣ каждаго человека располагать собой, и только 30—35 лѣтъ спустя этотъ зародышъ вызрѣлъ и неясныя стремленія могли воплотиться въ конкретную форму законодательнаго акта... Не худо бы держать это въ памяти. Одною изъ важнѣйшихъ причинъ сравнительной неуслѣбности другихъ реформъ послѣдняго царствованія, напримѣръ земской и судебной, было то что онѣ не услѣли вызрѣть въ общественномъ сознаниі и явились отчасти скороспѣлками, отчасти копіями съ чужихъ образцовъ. И новый судъ и земство дѣйствуютъ уже около двадцати лѣтъ, а какъ различны еще у насъ и теперь возрѣнія на компетенцію мировыхъ и общихъ судовъ, на обязанности слѣдователей, на порядокъ преданія суду, на порядокъ назначенія присяжныхъ засѣдателей, на права защиты, на права и обязанности земства, на составъ гласныхъ, и такъ далѣе!

Г. Леруа Больё долго, прилежно и—мы отъ души расположены допустить это—добросовѣстно занимался изученіемъ Россіи; но можетъ-быть потому именно что онъ сильно вчитался въ современную нашу публицистику и внимательно прислушивался къ толкамъ о настоящемъ положеніи нашего отечества, въ его статьяхъ о Россіи вообще и о Николаѣ Александровичѣ Милютинѣ въ частности встрѣчаются такіа выраженія и связываются съ ними такіа понятія которыхъ значеніе или совершенно вывѣтрилось отъ частаго употребленія, или же извратилось отъ употребленія въ неправильномъ, ненадлежащемъ и самопроизвольномъ смыслѣ. Таковы, между прочимъ, очень любимыя французскимъ авторомъ слова: „*tchinovnik*, *tchinovnisme* и *bureaucratie*“. Мы желали

бы знать, чѣмъ отличается русскій чиновникъ и русская канцелярія отъ французскаго bureau и французскаго employé? Съ послѣднимъ мы не знакомы лично, но мы встрѣчаемъ тѣхъ employés во французскихъ романахъ со временъ еще покойнаго Бальзака и находимъ оба эти слесимена очень сходными. Да иначе кажется и быть не можетъ. Сходныя причины производятъ и явленія сходныя. Веденіе регистра-туры, составленіе извлеченій и записокъ по мало интереснымъ дѣламъ, докладовъ по установленной формѣ и т. п. не слособны, конечно, развитъ въ человѣкѣ блестящихъ качествъ ума и воображенія, энергіи и инициативы. Но то же самое и вездѣ гдѣ существуетъ письменное производство, а оно существуетъ вездѣ, во всѣхъ государствахъ, ибо безъ письменныхъ сношеній, безъ журналовъ, протоколовъ, приходо-расходныхъ и иныхъ книгъ невысимо управление государствомъ; да безъ нѣкотораго письменоводства невысимо управление и у заводомъ, фермой, мелочною лавочкой. Можетъ-быть у насъ письменоводство приняло нѣсколько большіе размѣры чѣмъ въ другихъ странахъ, можетъ-быть оно болѣе страдаетъ медленностью, но такъ ли это дѣйствительно—сказать съ увѣренностью нельзя до тѣхъ поръ пока этотъ вопросъ не подвергнется специальному изученію, причемъ однако пришлось бы принять во вниманіе несравненно большія у насъ чѣмъ въ другихъ странахъ разстоянія и несравненно меньшее относительно пространства Россіи, протяженіе желѣзныхъ дорогъ. Во всякомъ случаѣ французскій авторъ, придавая словамъ *tchinovnik*, *tchinovnisme* и *bureaucrate* пренебрежительный характеръ, и называя самъ, отъ своего имени Милютина бюрократомъ, * очевидно повторяетъ столь знакомый намъ мотивъ господствующаго у насъ съ нѣкоторыхъ поръ мнѣнія; а какова иногда основательность этого мнѣнія о томъ даетъ уразумѣть одно уже то что Николая Алексѣевича, по словамъ г. Леруа-Больё, считали „чистѣйшимъ представителемъ чиновничества“.

Н. А. Милютинъ и чиновничество въ смыслѣ обыкновенно-этому слову придаваемомъ, то-есть въ смыслѣ бездарнаго и лѣниваго канцелярскаго люда, забитаго, залуганнаго, высох-

* „Pour un bureaucrate dont l'existence s'était écoulée dans les chanceleries pétersbourgeoises“, говоритъ французскій авторъ о Милютинѣ (*Revue des deux Mondes*, 1880, 851).

шаго надъ перелисываньемъ бумагъ,—это солоставленіе ужъ черезчуръ змѣшно! А между тѣмъ Милютинъ не единствен-
ный „чиновникъ“ чуждый печати чиновничества изъ числа
тѣхъ имена коихъ приводятся г. Леруа-Больё. Когда ему
было только 22 года, первый его начальникъ графъ А. Г. Стро-
гановъ, тогдашній министръ Внутреннихъ Дѣлъ, говоритъ
г. Леруа-Больё, обратилъ вниманіе на составленную имъ за-
писку объ оказавшемся во многихъ мѣстахъ голодѣ, * по-
желалъ лично познакомиться съ ея авторомъ и чтобъ окон-
чательно убѣдиться въ его способностяхъ, поручилъ ему
тутъ же, не выходя изъ министерскаго кабинета, составить
записку (un travail) по поводу первыхъ предположеній о же-
лѣзныхъ дорогахъ въ Россіи... Надо согласиться что и моло-
дой двадцатидвулѣтній чиновникъ, которому задаютъ такіа
работы, не похожъ на Акакіевъ Акакіевичей, на Дѣвушки-
ныхъ, вообще на чиновника въ пренебрежительномъ значеніи
этого слова, да и министръ востулающій въ личныя сношенія
съ мелкимъ подчиненнымъ ему чиновникомъ и лично испы-
тывающій его способности не похожъ на тѣхъ самодовольныхъ
пошляковъ какихъ въ продолженіе слѣшкомъ двадцати лѣтъ
намъ рисуютъ во главѣ „чиновничества“. Подобно Строганову
и его преемнику Перовскій и Ланской не смѣшивали молодого
Милютина съ канцелярскою толпой: при первомъ изъ этихъ
министровъ ему было поручено составленіе проекта преобра-
зованія Петербургской думы—работы законодательнаго ха-
рактера, а при Ланскомъ, имѣя не болѣе 35 лѣтъ, онъ былъ
сдѣланъ ближайшимъ сотрудникомъ, товарищемъ министра..
Что, спрашивается, во всемъ сейчасъ разказанномъ можетъ
подать поводъ къ толкамъ о „чиновничествѣ“, „чиновникахъ“
и „бюрократіи“? Бибииковъ, предмѣстникъ Ланскаго, не осо-
бенно благоволилъ къ Милютину, но ужъ конечно не въ „чи-
новничествѣ“ и „бюрократіи“ можно обвинить даровитаго,
энергическаго, исполненнаго личной инициативы Д. Г. Би-
бикова!

Разумѣется, совершая эту быструю карьеру, Милютинъ
ступалъ не по однимъ только розамъ. У насъ, какъ и вездѣ
впрочемъ, быстрое возвышеніе вызываетъ отчасти зависть,
а отчасти и усиленную требовательность, которую нельзя
назвать несправедливою: кому много дается, отъ того много

* Это было вѣроятно въ 1839 году.

и требуется. Иные считали Милютина счастливчикомъ, выскочкой и искали въ будаурныхъ тайнахъ объясненія его быстрому возвышенію; другіе считали его выскочкой опаснымъ. И точно, его воззрѣнія на существующій порядокъ, которыхъ онъ не скрывалъ, напротивъ, охотно провозглашалъ, желая имъ торжества, слишкомъ расходились съ духомъ господствовавшей правительственной системы. Человѣкомъ опаснымъ былъ онъ представленъ и покойному Государю. Но онъ имѣлъ сильную поддержку въ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, въ кружкѣ молодыхъ сановниковъ пробывавшихся уже на первыхъ ступени іерархической лѣстницы, и болѣе всего въ лицѣ своего непосредственнаго начальника Ланскаго. Ланской ручался предъ Государемъ за Милютина „какъ за самого себя“ и, какъ уже сказано, Милютинъ былъ одѣланъ товарищемъ министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Это назначеніе послѣдовало въ началѣ 1859 года, во время самаго разгара пригготовительныхъ работъ по крестьянскому вопросу. Но есть основанія полагать что еще гораздо ранѣе отъ него лично исходила инициатива многихъ мѣръ принятыхъ при разрѣшеніи этого вопроса. Изъ письма Милютина къ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ отъ 19 октября 1856 года, приводимаго г. Леруа-Больѣ, видно что въ его головѣ тогда уже слагалась мысль о губернскихъ комитетахъ. Тотъ же писатель разказываетъ что въ слѣдующемъ году, аѣтомъ, Ю. О. Самаринъ пожелалъ познакомиться съ Милютинымъ и что при этомъ „установлены были главныя черты освобожденія крестьянъ“. Наконецъ, по словамъ г. Леруа-Больѣ, многіе члены редакціонныхъ комиссій были приглашены по его указанію; что касается участія Милютина, уже какъ товарища министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ редакціонныхъ комиссіяхъ, то оно было первенствующимъ, преобладающимъ. Это достаточно извѣстно. Такое преобладаніе его было разумѣется естественнымъ результатомъ его выдающихся способностей и близкаго знакомства съ вопросомъ интересовавшимъ его, какъ мы знаемъ, почти съ дѣтства. И Милютинъ хорошо сознавалъ свою силу; но онъ зналъ что одинъ въ полѣ не воинъ и потому, какъ человѣкъ практической, онъ заблаговременно сталъ высматривать людей болѣе или менѣе сходно съ нимъ смотрѣвшихъ на дѣло, сблизился съ ними и ввелъ ихъ въ редакціонныя комиссіи. Между этими людьми достаточно на-

звать Ю. Э. Самарина и князя Черкаскаго, его будущиѣ сотрудниковъ въ переустройствѣ Царства Польскаго. Съ ихъ-то поддержкой и опираясь на нихъ, Милютинъ успѣлъ выработать проектъ Положенія 19 февраля почти въ томъ видѣ какъ оно обнародовано; ни въ Главномъ Комитетѣ, гдѣ предсѣдалъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, ни въ Государственномъ Совѣтѣ серьезныхъ измѣненій въ этомъ проектѣ не было сдѣлано; да Государь объявилъ что онъ и не допуститъ ихъ. „Вы можете, сказалъ онъ членамъ Совѣта, кое-что измѣнить, но главныя основанія должны оставаться неприкосновенными“.*

Между тѣмъ, вскорѣ послѣ обнародованія Положенія, престарѣлый министръ Внутреннихъ Дѣлъ удалился на покой. Быть товарищемъ, въ сущности *помощникомъ* другаго министра, Милютинъ вѣроятно не захотѣлъ бы, а сдѣлаться министромъ самому не было надежды; это не входило въ виды Государя, и вотъ какъ объясняетъ это г. Леруа-Больѣ: „Среди двора, вообще непріязненнаго Милютину, Государю приходилось слышать что дворянство погибнетъ окончательно если такому человѣку будетъ вѣрено приведеніе въ исполненіе аграрнаго закона установленнаго Положеніемъ. Больѣ чѣмъ когда-нибудь Милютина изображали систематическимъ противникомъ помѣщиковъ, человѣкомъ желающимъ разорить ихъ въ пользу крестьянъ. Государь, полагавшій свое честолюбіе въ доставленіи благосостоянія *сельмъ* и справедливо желавшій не налагать слишкомъ тяжелыхъ жертвъ на свое вѣрное дворянство, не могъ не обратить вниманія на подобныя жалобы. Онъ не сдвигался пока находилъ присутствіе товарища Ланскаго необходимымъ для приведенія дѣла къ концу“.... но, докончимъ мы мысль г. Леруа-Больѣ, великое дѣло было окончено въ законодательномъ порядкѣ, и опасеніямъ „вѣрнаго дворянства“ можно было дать удовлетвореніе. Въ письмѣ къ князю Черкасскому Милютинъ писалъ что ни онъ, ни Ланской не просили объ увольненіи и что его „выпроводили“. Онъ былъ однако сдѣланъ сенаторомъ, съ сохраненіемъ прежняго содержанія, а нѣсколько дней спустя онъ извѣщалъ Самарина что Государь, прощаясь съ нимъ, обласкалъ его, благодарилъ и нѣсколько разъ обнялъ. Какъ бы то ни было, Милютинъ считалъ

* *Матеріалы*, III. 160.

себя оскорбленнымъ и уѣхалъ за границу, а его біографъ, забывая выше приведенное свое объясненіе удаленія Милютина, говорить о явной къ нему и другимъ главнымъ дѣятелямъ крестьянской реформы немилости (*disgrace*). * Впрочемъ, не одни чисто субъективныя соображенія тревожили и раздражали Николая Алексѣевича; онъ тревожился и, надѣмаясь, болѣе чѣмъ за себя лично, за судьбу самой реформы. Въ письмахъ къ Черкасскому и Самарину онъ говоритъ объ интригахъ придворныхъ и министерскихъ канцелярій, о начинающейся реакціи, лицу которымъ подають де крестьянскіе безпорядки въ Рязанской и Пензенской губерніяхъ. Къ назначенію П. А. Валуева преемникомъ Ланскаго онъ относился не безъ недовѣрія: „Новый министръ, говоритъ Николай Алексѣевичъ, началъ тихо и уклончиво. Программу свою онъ излагаетъ такъ: строгое и буквальное приведеніе въ дѣйствіе Положенія, но въ духѣ примирительномъ. Не знаю, искрененъ ли онъ, но таково искренное желаніе Государя... Гуманныя свойства Государя предохраняютъ его отъ реакціи“... Въ концѣ концовъ кажется что Милютинъ удалился въ менѣе пессимистическомъ настроеніи и съ большою бодростью духа чѣмъ можно бы заключить по нѣкоторымъ изъ вышесказанныхъ его словъ. Въ письмѣ къ какому-то „неизвѣстному“ онъ говоритъ: „Я уношу съ собою старую мою увѣренность въ живучесть дѣла освобожденія... Новый порядокъ сельскаго устройства утвердится, а

* Не лишнимъ будетъ припомнить здѣсь слѣдующій, надѣлавшій въ свое время много шума и уломаный г. Леруа-Боальѣ случай. По окончаніи всѣхъ работъ по составленію Положенія 19 февраля, преемникъ графа Ростовцева графъ Панинъ пожелалъ представить къ почетнымъ наградамъ наиболѣе потрудившихся. Милютинъ узнавъ объ этомъ представилъ Ланскому докладную записку (которая потомъ была сообщена графу Панину) въ которой свидѣтельствовала объ отвращеніи (*répugnance*) его сотрудниковъ къ подобнымъ отличіямъ. „Участіе въ совершеніи столь важнаго дѣла есть уже само по себѣ такая честь которой достаточно на всю жизнь“, такъ разсуждалъ Милютинъ объ этомъ въ одномъ частномъ письмѣ, а Самаринъ далъ этому разсужденію фактическое подтвержденіе, возвративъ графу Панину препровожденный ему орденъ. Вотъ нѣчто иллюстрирующее ту *disgrace* Милютина и его друзей, о коей говоритъ г. Леруа-Боальѣ. Естественно что Государь могъ имѣть противъ нихъ нѣкоторое предубѣжденіе. Не слѣдуетъ служить изъ-за наградъ и выпрашивать ихъ, но не позволительно и презирать ихъ.

въ томъ убѣжденъ, при помощи честныхъ и правдивыхъ людей, которые должны словомъ и дѣломъ уяснить сознание и возвышать общественную нравственность. По глубокому моему убѣжденію, печать могла бы теперь содѣйствовать этому болѣе чѣмъ когда-нибудь. Она одна въ состояніи разсѣять вѣсковыя предубѣжденія, выяснитъ новый законъ и постоянно указывать возвышенную цѣль которая такъ легко терется изъ виду посреди мелочей всѣдневной жизни“... Главное же дѣло, писалъ Милютинъ своимъ друзьямъ-сотрудникамъ, князю Черкасскому и Самарину, теперь заключается въ работѣ на мѣстѣ, въ провинціи.

Эти друзья и перенесли свою дѣятельность въ провинціи, принявъ на себя обязанность мировыхъ посредниковъ. Письма ихъ къ Николаю Алексѣевичу вообще были успокоительны: великое дѣло утверждалось и пускало корни. Въ сферы собственно крестьянскаго вопроса приходили къ нему изъ Россіи тревожныя вѣсти. Начиналась смута, та смута, которая продолжалась 20 лѣтъ, разразилась страшною катастрофой 1 марта минувшаго года и не улеглась еще до нынѣ. Мы не будемъ касаться этой смуты, такъ какъ Н. А. Милютинъ не былъ призванъ бороться съ нею, но позволимъ себѣ привести слѣдующую характеристику тогдашняго положенія дѣлъ, которую находимъ въ письмѣ Самарина къ Николаю Алексѣевичу отъ іюля 1862 года. „Прежняя самонадѣянность, которая замѣняла энергію, исчезла безвозвратно. Старые правительственные приемы отброшены, а жизнь ничего не создала на ихъ мѣсто. Въ верхнихъ сферахъ—зудъ законодательства и неслыханный недостатокъ дарованій; со стороны общества власть, хроническая лѣнь, полное отсутствіе инициативы и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе обнаруживающееся поползновеніе безнаказанно задирать власть (*taquiner impunément le pouvoir*). Теперь, какъ и 200 лѣтъ тому назадъ, на всей землѣ Русской существуютъ только двѣ живыя силы—личная власть на верху и сельская община на противоположномъ концѣ; но эти двѣ силы, вмѣсто того чтобы быть въ связи между собою, напротивъ того разъединены промежуточными наслоеніями, и эта-то неслѣпая (*inépète*) среда, не имѣющая никакихъ корней въ народѣ и однако въ теченіе вѣковъ цѣпляющаяся за верхушку, начинаетъ храбриться и подниматься на дыбы (*se cabrer*) подъ рукою собственною своею, единственною подержкой (примѣръ тому дворянскія собранія, университеты,

печатать и пр.). Ея волли бесполезно смущаютъ правительство и раздражаютъ массы *. Правительство отстываетъ, дѣлаетъ уступки за уступками которыя не приносятъ никакой пользы обществу, а оно его продолжаетъ заирать изъ удовольствія заирать. Но это не можетъ продолжаться, ибо иначе не избѣжать сближенія между собою сбѣихъ оконечностей, Верховной Власти и простонародья,—сближенія при которомъ все находящееся посреди было бы сплюснуто и раздавлено (*aplati et broyé*); а все находящееся посреди—это вся грамотная Россія, вся наша интеллигенція... Прибавьте къ этому польскую пропаганду, которая проникла всюду и которая въ послѣднія пять лѣтъ сдѣлала громадныя успѣхи, особенно въ Подоліи“...

Дѣйствительно, польскія дѣла принимали весьма тревожный оборотъ. Замѣтивъ что съ началомъ новаго царствованія „ловѣяло новымъ духомъ“, крульные помѣщики Царства Польскаго, не нарушая легальности и установленныхъ порядковъ, обратились къ правительству съ ходатайствомъ объ амнистіи польскимъ эмигрантамъ, о возвращеніи на родину сосланныхъ въ разное время, о допущеніи дворянства участвовать въ мѣстномъ управленіи и судѣ и объ открытіи польскаго университета. Значительная часть этихъ ходатайствъ была уважена, и Государь, посѣтившій Варшаву въ 1856 году, вынесъ оттуда ловидимому хорошее впечатлѣніе. Довѣряя польскому дворянству, въ слѣдующемъ году правительство разрѣшило открытіе Земледѣльческаго Общества. Этому Обществу, въ которое записались едва ли не всѣ крульные землевладѣльцы Царства, было дозволено касаться исключительно

* „Въ Москвѣ, писалъ Николаю Алексѣвичу одинъ изъ его корреспондентовъ отъ 2 октября 1861 года, сборище студентовъ было разсѣяно народомъ, причемъ одинъ студентъ былъ такъ избитъ что вскорѣ умеръ (?)... Не могу ручаться за вѣрность этого факта, но если онъ справедливъ, то есть о чемъ подумать.“ Съ другой стороны профессоръ К. писалъ отъ 25 іюля 1862 года по поводу студентскихъ демонстрацій въ Петербургѣ: „Неаистивъ народа къ студентамъ усиливается со дня на день. Общество вспомошествованія Литераторамъ принуждено было заказать 200 паръ партикулярныхъ плащевъ для немущихъ студентовъ (имъ была тогда присвоена мундирная одежда) чтобъ они не были узнаваемы на улицѣ и не подвергались побоямъ“.

вопросовъ хозяйственныхъ, земледѣльческихъ, и оно сначала держалось въ этихъ границахъ, чѣмъ конечно и усилило довѣріе къ себѣ правительства. Вслѣдствіе такого довѣрія, но и по странному недомыслию, этому совершенно частному и чрезвычайно многочисленному обществу были въ послѣдствіи предоставлены права и обязанности губернскихъ комитетовъ, подготавливавшихъ въ Имперіи разрѣшеніе крестьянскаго вопроса. Такимъ образомъ Земледѣльческому Обществу были дарованы весьма серіозныя правительственныя функціи, а между тѣмъ оно превратилось въ орудіе противуправительственное и сдѣлалось центромъ „бѣлой партіи“; члены этого Общества приняли участіе въ первой же крупной уличной манифестаціи въ февралѣ 1861 года; председатель же Общества, графъ А. Замойскій, на вопросъ растерявшагося намѣстника князя Горчакова—что ему дѣлать, осмѣлился отвѣтить: „оставить Царство Польское“.*

Еще ранѣе и рѣзче обнаружила себя „красная партія“. Она произвела первую публичную демонстрацію еще лѣтомъ 1860 года, а слѣдующею осенью манифестація, и притомъ самаго гнуснаго, самаго пасквильнаго характера повторилась въ присутствіи и по поводу сѣзда въ Варшаву государей Русскаго, Австрійскаго и Прусскаго. Въ особомъ объявленіи распространенномъ въ Варшавѣ предъ прїѣздомъ этихъ монарховъ они были названы „вдронами, растерзавшими Польшу“, почему де Варшава должна была на время ихъ пребыванія обратиться въ „гробъ обитый чернымъ сукномъ“.

При этомъ на сцену выступили уличные мальчишки, обыкновенно выпускаемые тайными руководителями въ качествѣ застрѣльщиковъ революціонной рати. А такъ какъ объ эти манифестаціи остались безнаказанными, то уличные беспорядки сдѣлались въ Варшавѣ почти обычными явленіями. Предъ церквами и предъ каменными Мадоннами на площадяхъ начали собираться толпы народа, которыя расгвѣвали революціонныя, перемѣшанные съ церковными гимны. Какія-то тайныя власти заставляли Варшавянъ носить трауръ. Кѣмъ-то невидимымъ, но чрезвычайно, надо думать, авторитетнымъ, запрещено было посѣщать спектакли и вѣдѣно воздерживаться вообще ото всякихъ увеселеній.** Мѣстныя

* Бергъ.

** Въ домъ одного польскаго семейства, въ которомъ начали было танцовать по случаю какого-то семейнаго праздника, два замаскированные человека принесли гробъ и оставили въ передней, а сами скрылись.

власти смотрѣли на все это сквозь пальцы, охваченныя распространившемся незадолго предъ тѣмъ теоріей что всякія репрессивныя мѣры только плодятъ недовольство, раздражаютъ и должны, сѣдовательно, быть замѣнены уступками. А движеніе этимъ пользовалось, росло и крѣпчало. Въ январѣ 1861 года открылись „вальныя“ засѣданія Земледѣльческаго Общества или общія собранія, весьма напоминавшія старинныя сеймы. Съѣхавшимся въ числѣ 1.500 человекъ со всѣхъ концовъ Царства „сеимующимъ чинамъ“ предложены были на обсужденіе проекты крестьянской реформы... Но въ это время было уже не до академическихъ преній.

13 февраля (1861) организована была на одной изъ варшавскихъ площадей манифестація, причемъ впервые появился *польскій орелъ*. Манифестація была разогнана жандармами по распоряженію оберъ-полицеймейстера Трелова, но дѣло не обошлось безъ пролитія крови. Затѣмъ два дня спустя, 15 февраля, собравшаяся предъ окнами намѣстника толпа бросала въ наши войска грязью и камнями. Камни летѣли и съ улицы, изъ толпы, и сверху, изъ оконъ; нѣсколько нижнихъ чиновъ и командовавшій ими генералъ Заболодкій были контужены. Заболодкій объявилъ мятежникамъ что велитъ стрѣлять...

— Не смѣешь, отвѣчали нѣсколько голосовъ: — Наполеонъ запрещалъ.

Раздалась команда *или* (палу)! и пять человекъ заплатили жизнью за бравады своихъ земляковъ... Улица и площадь въ мигъ очистились. Намѣстникъ князь Горчаковъ, узнавъ о случившемся, сказалъ: *parfaitement fait*.

Но въ тотъ же самый день трупы убитыхъ были перевезены въ лучшую гостиницу Варшавы, гдѣ для этого очищена была большая концертная зала, и массы народа повалили туда чтобы видѣть лавшахъ *героевъ*—сань въ который они были немедленно возведены,—и поклониться имъ. „Какъ случилось что тѣла убитыхъ въ свѣдѣннѣ народа съ войсками оставлены въ распоряженіи толпы? Чего мы услугались?“ восклицаетъ съ недоумѣніемъ историкъ описываемыхъ событий. * Дѣло въ томъ что вслѣдъ за сумятицей, предъ

* Бергъ. Вся фактическая сторона тогдашнихъ варшавскихъ событий основана на *Замѣткахъ* г. Берга, пользовавшагося официальными данными, а потому мы будемъ лишь изрѣдка указывать на этотъ источникъ.

королевскимъ замкомъ, къ намѣстнику кинулись представители варшавскаго духовенства и знати, давнiе и постоянные негласные совѣтники князя Горчакова, кинулись депутаціи отъ городскаго общества, бабкиры, кулцы, фотографы, врачи, раввины, цѣховыя головы и пр., и всѣ единогласно говорили, кричали, свидѣтельствовали что войско не защищалось, а совершало убійства надъ безоружными людьми, что миръ ужаснется отъ образа дѣйствій Русскаго правительства и что обществу надо дать удовлетвореніе по крайней мѣрѣ строгимъ наказаніемъ генерала Заболоцкаго. Такъ выражались самые умѣренные; предводитель *цеха мясниковъ*, рассказываетъ г. Бергъ, осмѣлился сказать намѣстнику: „la corporation des bouchers est prête à marcher contre vos canons, et demain, si les corps des saintes victimes ne sont pas rendus à la ville pour être ensévelies solennellement, vous marcherez dans notre sang jusqu’aux genoux“! Совершенно растерявшійся Горчаковъ оправдывался, ссылаясь на неправильно понятыя приказанія его, выдавалъ головой Заболоцкаго, и довелъ себя до того что представитель *цеха сапожниковъ* грубо (но увы, справедливо) замѣтилъ ему что все-таки онъ, намѣстникъ, виноватъ, что онъ отвѣтчикъ, какъ общій начальникъ всѣхъ непосредственно виноватыхъ.... Какіе-то другіе представители чего-то и какія-то депутаціи отъ чего-то потребовали освобожденія всѣхъ арестованныхъ 15 февраля, торжественныхъ похоронъ „пяти жертвъ“ съ устраниеніемъ на это время полиціи и войскъ и предоставленія власти городской делегаціи; потребовали, наконецъ, смѣщенія оберъ-полицеймейстера Трелова. Этотъ ультиматумъ былъ принятъ цѣликомъ. Князь Горчаковъ принималъ независимо того адресъ на Высочайшее имя для представленія въ Петербургъ, а въ этомъ адресѣ говорилось о „страданіяхъ, болѣе подлоства претерпѣваемыхъ всѣмъ народомъ“; о послѣднихъ же манифестаціяхъ сказано было что онѣ „составляютъ единодушное и краснорѣчивое выраженіе чувствъ“ всѣхъ классовъ *...

* Г. Бергъ говоритъ что этотъ адресъ, подписанный 15 (27) же февраля 180ю лицами, былъ разсылаемъ затѣмъ для прочтенія и подписи по всему городу, между прочимъ по кандитерскимъ. Такимъ образомъ набралось 18.000 подписей... Онъ же говоритъ что генералъ Паулуччи, назначенный на мѣсто г. Трелова, явился въ залу той гостиницы гдѣ находились трупы „пяти жертвъ“ и спросилъ у присутствующихъ, желаютъ ли они имѣть его начальникомъ варшавской полиціи...

Понятно какъ все это раздражало Русскихъ и особенно воен-
ныхъ въ Варшавѣ: „Горчаковъ сдалъ Варшаву Полякамъ“, го-
ворили они между собою.

Тяжело, стыдно, да и бесполезно, въ виду нашей специа-
льной задачи, воспроизводить всѣ черты той паники которая
овладѣла въ это время несомнѣнно почтеннымъ, но совер-
шенно обезумѣвшимъ старикомъ-намѣстникомъ. Вообразивъ
что при похоронахъ „пяти жертвъ“ неминуемо произой-
детъ рѣзня и что Русскіе будутъ выгнаны изъ Варшавы,
князь Горчаковъ отправилъ въ цитадель двѣ шкатулки, въ-
роятно съ секретнѣйшею своею перепискою, и примѣру его
послѣдовали многіе высшіе сановники; только они озабочи-
вались сохраненіемъ не бумагъ государственной важности,
а частнаго своего имущества. Никакой рѣзни однако не
было на пресловутыхъ похоронахъ, но они были похоро-
нами и фактической власти русскаго намѣстника. Порядокъ
былъ сохраненъ, но благодаря не полиціи, а городской деле-
гациі, и притомъ если не считать нарушеніемъ порядка тор-
жественно несомыхъ въ процессіи терновыхъ вѣнковъ, про-
изнесенія задорныхъ рѣчей и раздачи присутствовавшимъ
фотографій „пяти жертвъ“ * и смоченныхъ ихъ кровью
обрывковъ платковъ. За сохраненіе этого „порядка“ обы-
вателямъ Варшавы выражено было удовольствіе не предста-
вителемъ верховной власти, а тою же делегацией, почему-то
продолжавшею существовать и послѣ похоронъ, и Земледѣль-
ческимъ Обществомъ. Со своей стороны представители еврей-
скаго общества въ Варшавѣ обнародовали воззваніе къ сво-
имъ единовѣрцамъ съ приглашеніемъ оказывать всевозмож-
ное содѣйствіе своимъ согражданамъ, христіанамъ-католи-
камъ... Руководители, властные люди начали возникать вездѣ
и отовсюду по мѣрѣ того какъ они перестали показываться
въ замкѣ; какъ природа, по замѣчанію древнихъ, не терпитъ
пустоты, такъ и человеческое общество не терпитъ безвла-
стія. „Клубъ (кулеческій), говоритъ одинъ изъ современныхъ
польскихъ дѣятелей, представлялъ въ то время пристанище и
центр агитаціи, мастерскую будущихъ манифестацій и за-
говоровъ“. По словамъ другаго и несравненно болѣе кру-
паго дѣятеля—Полака, именно Маркиза Велѣпольскаго, въ
этомъ клубѣ во всеуслышаніе говорили и даже во все горло

* По словамъ г. Берга, эти карточки продавались учащимся со
значительною уступкой.

кричали „долой Муханова“... * Что жъ? Удалось прогнать Трелова,—естественно было теперь приняться за Муханова! И это удалось какъ нельзя лучше. Въслѣдствіе телеграммы намѣстника министр внутреннихъ дѣлъ въ Царствѣ былъ уволенъ телеграммой полученною два часа спустя, и въ тотъ же вечеръ онъ долженъ былъ отправиться за границу. Въ видѣ насмѣшки или сочувствія, это трудно рѣшить, князь Горчаковъ прислалъ свою карету чтобъ отвезти его на станцію желѣзной дороги, на которой, равно какъ и на многихъ другихъ, Поляки провожали Муханова „кошачьею музыкой“

Г. Бергъ разказываетъ что одинъ пріѣзжій изъ Петербурга, пораженный зрѣлищемъ которое представляла въ это время Варшава, сказалъ своимъ тамошнимъ знакомымъ: „у васъ, господа, революція, а вы не видите“!.. Видѣть революцію всѣ видѣли, но мѣръ противъ нея не принимали. Намѣстникъ былъ какъ бы огуленъ тѣмъ что творилось вокругъ него. Его не могло бы казаться болѣе озадачить появленіе въ одно прекрасное утро предъ окнами замка Карпатскихъ горъ вмѣсто Вислы. Между тѣмъ все совершавшееся было вовсе не мгновеннымъ и неожиданнымъ взрывомъ народныхъ страстей, но результатомъ силъ работавшихъ въ край издавна, а въ теченіе послѣдняго года открыто, у всѣхъ на глазахъ и систематически. Неужели князь Горчаковъ, имѣя можетъ-быть до сотни „составшихъ при немъ“ и вообще не имѣвшихъ опредѣленныхъ занятій, неужели имѣя при себѣ особую дипломатическую канцелярію и располагая огромными экстраординарными суммами, неужели, говоря, онъ не зналъ день за днемъ всего того что говорилось и дѣлалось въ отель-Ламберъ — этомъ дворцѣ „короля Адама“ (Чарторыйскаго), и въ главномъ штабѣ „диктатора“ Мѣрославскаго? Неужели ему не докладывали о содержаніи заграничныхъ польскихъ газетъ и политическихъ брошюръ? Неужели онъ не зналъ, бѣдный старикъ, что эти газеты и брошюры имѣютъ совершенно свободное обращеніе въ его намѣстничествѣ, что въ немъ давно ужъ швыряютъ агенты „диктатора“ и что дворянство Царства руководствуется указаніями изъ отель-Ламбера?.. А М. Н. Муравьевъ, далеко не располагавшій средствами варшавскаго намѣстника, зналъ не только все что дѣлается и даже замышается

* Lisicki.

во вѣрившихъ ему губерніяхъ, но и то что дѣлается въ Царствѣ Польскомъ; мало того, онъ зналъ что дѣлается въ Пруссіи, Парижѣ и Лондонѣ по части приготовленій къ польскому мятежу. Онъ зналъ что вскорѣ послѣ обнародованія Высочайшихъ рескриптовъ 1857 года происходили тайные сѣзды помѣщиковъ сѣверо-западнаго края и Царства Польскаго, что въ 1859 одинъ извѣстный въ Царствѣ агитаторъ изъ *красныхъ* входилъ въ сношенія со своими единомышленниками въ Пруссіи въ виду уже замышлявшагося повстанія, что нѣкто Гутри, довѣренное лицо князя Чарторыйскаго, ѣздилъ въ Лондонъ чтобы заручиться содѣйствіемъ Герцеля... * Муравьевъ по прибытіи въ Вильну не потянулся ознакомиться съ польскою и анти-польскою политическою нѣмецкою литературой и съ содержаніемъ сѣдственныхъ дѣлъ производившихся въ Пруссіи по поводу разновременныхъ вспышекъ полонизма. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключить по тѣмъ матеріаламъ которые были отданы въ распоряженіе состоявшаго при Муравьевѣ генерала Ратча, автора не литературно написаннаго, но очень интереснаго сочиненія о послѣднемъ мятежѣ въ сѣверо-западномъ краѣ. За то, говорить г. Ратчъ, распоряженія Муравьева не только прекращали безпорядки, но нерѣдко предупреждали ихъ, потому что генералъ указывалъ ивогда, гдѣ именно, когда и кѣмъ будетъ собрана банда, куда направится и что имѣеть въ виду...

Да, какъ справедливо замѣтилъ тотъ пріѣзжій изъ Петербурга, въ Варшавѣ уже была революція. Она начинала захватывать такіе слои польскаго общества, которые еще недавно ей не сочувствовали и даже считались ея противниками. Многие члены Земледѣльческаго Общества, какъ уже сказано, вмѣшались въ ряды буянившей 13 февраля толпы, а при погребеніи „пяти жертвъ“ шелъ за гробами и самъ предсѣдатель Общества графъ А. Замойскій. Едва ли не

* Ратчъ, т. I, *Введеніе* 84, 92, т. II, 666 и мн. др. Первый томъ сочиненія г. Ратча начинается слѣдующими словами: „При чтеніи М. Н. Муравьеву собираемыхъ свѣдѣній о мятежѣ 1863 онъ выражалъ мысль что при данныхъ уже имѣющихся и вновь поступающихъ отъ подсудимыхъ должно обратиться къ предшествующему времени и свѣдѣть за митами пока онъ будутъ таяться... Чѣмъ за большее число лѣтъ соберутся свѣдѣнія о польской крамолѣ, тѣмъ боѣе она выяснится для блага русскаго дѣла.“

одна изъ всѣхъ Поляковъ сумѣла устоять противъ теченія и не увлечься „любѣдей“ надъ правительствомъ, любѣдой пожалуй дѣйствительною, но, какъ показали послѣдствія, минутною и притяжесною Полякамъ много разочарованій. Это былъ маркизъ Велёпольскій. Намѣстникъ обаялся съ нимъ и мгновенно подчинился вліянію этого сильнаго ума и самостоятельнаго характера. Велёпольскій настоятельно совѣтовалъ князю Горчакову прежде всего подавить удичную анархію и освободить Варшаву отъ господства толпы. Вѣроятно съ тѣмъ онъ склонялъ князя произвести нѣкоторыя реформы, подробные проекты коихъ у него были издавна готовы. Сильно рекомендованный намѣстникомъ, маркизъ отправился въ Петербургъ, гдѣ уже рѣшено было произвести рядъ серьезныхъ реформъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ мартѣ Государь возвѣстилъ о нихъ, хотя и въ общихъ выраженіяхъ, въ письмѣ къ намѣстнику, а вскорѣ вѣстникомъ ихъ пріѣхалъ и Велёпольскій въ званіи преемника Муханова. Письмо Государя было прочтено княземъ Горчаковымъ нѣсколькимъ вліятельнымъ въ Варшавѣ лицамъ и кажется произвело благопріятное впечатлѣніе. Варшава однако не была освобождена отъ господства толпы. Красные посмѣшили устроить рядъ демонстрацій чтобъ изгладить это впечатлѣніе. Въ концѣ марта, при восторженныхъ крикахъ толпы, на одномъ общественномъ зданіи завѣшенъ былъ чернымъ крестомъ государственный гербъ и воздвигнутъ польскій одлоглавый орелъ. Къ толпѣ выѣхалъ варшавскій генералъ-губернаторъ Памятинъ и „какъ другъ“ просилъ ее разойтись. Она разошлась, но въ тотъ же день собралась на площади, подъ окнами замка. Къ ней вышелъ самъ намѣстникъ и приглашалъ разойтись; но господинъ-толпа былъ менѣе благодушно расположенъ теперь, и князю Горчакову пришлось самому повернуть вспять, а толпа провожала его насмѣшками: „ступай, старикъ, домой: холодно, насморкъ получишь...“ Разсерженный намѣстникъ обнародовалъ воспрещеніе всякихъ сборищъ на улицѣ, съ предупрежденіемъ что противъ ослушниковъ, послѣ трехкратнаго приглашенія разойтись, будетъ употреблена вооруженная сила. Но точно въ насмѣшку надъ этимъ распоряженіемъ, на другой же день, 28 марта, повалили толпы по направленію къ замку по улицамъ выходящимъ на замковую площадь. Выведены были на площадь войска, сдѣланы съ барабаннымъ боемъ трехкратныя приглашенія, — толпа отбѣжала.

на это снѣхомъ; сдѣланы были всеобщія демонстраціи, не обмѣная однако оружія,—толпа начала сдвигать баррикаду изъ общественныхъ экипажей. Кавалерія обмѣнила сабли—въ нее полетѣли камни. Тогда сдѣлано было нѣсколько залповъ изъ ружей.. Толпа разбѣжалась, но на мостовой осталось значительное число труповъ. *

Страхъ навѣянный на Варшавянъ этими залпами и бивуаки войскъ на всѣхъ городскихъ площадяхъ водворили слоконство. Затѣмъ начали появляться и законодательныя реформы. Городская делегація и Земледѣльческое Общество были закрыты; Евреямъ были предоставлены общія гражданскія права; крестьяне были освобождены, но начиная съ 1 октября, отъ барщины, и притомъ съ увеличеніемъ оброковъ. Впрочемъ правительственный авторитетъ былъ потрясенъ и это начало обнаруживаться въ провинціи, куда не достигли звуки выстрѣловъ 28 марта. Во многихъ городахъ образовались делегаціи подобныя Варшавской и толпа приучалась къ демонстраціямъ. Страшная деморализація начинала проникать во всѣ сословія. По словамъ біографа маркиза Велѣпольскаго, Плонскій бискупъ циркулярно предписывалъ приходскимъ священникамъ внушать крестьянамъ чтобъ они ожидали облегченій не отъ „короля“, а отъ помѣщиковъ своихъ. Что же касается чиновниковъ посланныхъ изъ Варшавы для выясненія крестьянамъ новаго указа, то, по словамъ г. Берга, черпавшаго данныя изъ официальныхъ источниковъ, они „вели себя такъ какъ будто были посланы не правительствомъ, а заговорщиками.“ Они „вооружали его (народъ) противъ насъ, такъ что все кончится усиленнымъ чиншемъ (оброкомъ), а свободы не будетъ никакой...“

Среди этого разлива неурядицы, въ самый разгаръ всеобщей разнузданности умеръ (29 мая) бѣдный князь Горчаковъ, вѣроятно горько сожалѣя что не лезъ подъ развалинами Севастополя нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Онъ оставлялъ своимъ преемникамъ въ Варшавѣ страшно тяжелое бремя. Своєю вершинительностью, своею неспособностью внушить довѣріе какой бы то ни было партіи, какой бы то ни было группѣ

* Г. Бергъ относитъ это событіе къ 8 апрѣля, не оговаривая что это по новому стилю. Вообще онъ не дѣлаетъ различія между старымъ и новымъ стилями, что было бы нужно исправить при новомъ изданіи.

интересовъ онъ лишилъ правительство всякаго значенія, всякаго авторитета. Мы только что видѣли какъ ему служили чиновники и въ какія отношенія становилось къ нему духовенство. Высшее дворянство, на преданность котораго постоянно разчитывалъ покойный намѣстникъ, давно отвернулось отъ него и старалось само какъ-нибудь устроиться съ красными; графъ А. Замойскій отказался разсмотрѣть присланный ему проектъ устройства государотвеннаго совѣта въ Царствѣ Польскомъ и возвратилъ его при сухомъ и холодномъ письмѣ, дававшемъ понять что глава бѣлой партіи не желаетъ болѣе имѣть какихъ бы то ни было сношеній съ правительствомъ *. Полиція давнымъ давно ускользнула изъ рукъ правительства; въ арміи господствовало неудовольствіе, раздраженіе и, что еще несравненно хуже, въ нее начинала провикать деморализація: въ нѣкоторыхъ частяхъ офицеры громко говорили на темы *Колокола* и иностранной враждебной намъ печати.

Таково было положеніе дѣлъ когда пріѣхалъ въ Варшаву преемникъ князя Горчакова военный министръ Сухозанетъ. Онъ началъ съ того что приказалъ убрать войска съ варшавскихъ площадей... Странное дѣло! какіе-нибудь два мѣсяца съ половиной тому назадъ въ письмѣ къ князю Горчакову Государь выражался очень энергично по поводу уличныхъ безпорядковъ. Онъ писалъ: „Ни въ какомъ случаѣ потакать безпорядкамъ не буду. На такомъ грунтѣ строить ничего нельзя. Требования которыя захотѣли бы на нихъ опереться сами себя тѣмъ самымъ подколопали бы, уничтожили бы всякую довѣренность и встрѣтили бы съ моей стороны суровый отпоръ...“ Какъ же объяснить что и князь Горчаковъ такъ очевидно „потакалъ безпорядкамъ“, да и генералъ Сухозанетъ не собирался повидимому дать имъ „суровый отпоръ“?..

Въ это время умерли за границей, одинъ вслѣдъ за другимъ, извѣстный историкъ и крупный дѣятель въ революціи 1830 Лелевелъ и „король“ Адамъ Чарторыйскій. Цѣлая серія панихидъ тенденціознаго характера была устроена по этому поводу; ихъ совершали оборванные варшавскіе Евреи не имѣвшіе понятія ни о Лелевелѣ, ни о Чарторыйскомъ; ихъ совершали артели рабочихъ, причемъ въ пламенныхъ рѣчахъ были

* Lisicki.

напоминаемы публицѣ великія заслуги предъ отечествомъ „славныхъ покойниковъ“, и лубанка проливала горькія слезы. Кто-нибудь изъ коноводовъ затягивалъ одинъ изъ всѣмъ извѣстныхъ революціонныхъ гимновъ, и толпа выходила изъ костела или синагоги нафанатизованная. На одной изъ такихъ ланнихидъ затянулъ *Boże coś Polskę* самъ архіепископъ Фіалковскій, до того время державшійся довольно скромно. По поводу сочувственнаго Полякамъ заявленія сдѣланнаго въ англійскомъ парламентѣ, англійскому консулу въ Варшавѣ поднесенъ былъ благодарственный адресъ.... Чуть не ежедневно стали вылетать изъ таинственныхъ типографій разныя воззванія революціоннаго характера и наконецъ начала выходить революціонная газета. И все это происходило вполне безнаказанно. Потому изготовленіе уличныхъ беспорядковъ сдѣлалось профессіей, какъ извозъ, какъ устройство свадебныхъ и похоронныхъ процессій; по нѣкоторымъ статьямъ установилась даже такса: по савамъ г. Берга, *кошачій концертъ* съ выбитіемъ стеколъ стоить 15 р., а безъ выбитія—10 р. Дерзость коноводовъ толпы дошла наконецъ до крайней степени: въ день рожденія императрицы, когда въ кафедральномъ соборѣ по окончаніи богослуженія органъ заигралъ *Боже царя храни*, кучка уличныхъ воротилъ, тотчасъ же поддержанная толпой, заревѣла *Boże coś Polskę*.

И никакихъ общихъ мѣръ не принималось. Производились конечно аресты, но безъ толку. Полиція, состоявшая сплошь изъ Поляковъ, хватала наиболѣ шумѣвшихъ на улицѣ бундовъ, но это были или „лобусы“ (уличные мальчишки) или рабочіе, привлеченные обѣщаніемъ платы и возбужденные виномъ, а руководители оставались неприкосновенными.

Очевидно время было благоприятное, и Поляки были бы очень глупы еслибы не воспользовались имъ. Они устроили двѣ поистинѣ грандіозныя манифестаціи, двѣ манифестаціи *monstre*: одну близъ Ковна въ память соединенія Литвы (съ Русью) съ Польшей (1386), а другую—на Западномъ Бугѣ въ память Люблинской униі (1413), завершившей соединеніе Польши, Литвы и Руси. Разумѣется, для организаціи этихъ демонстрацій десятки, сотни тысячъ воззваній печатались и разсылались не только во всѣ концы Царства Польскаго, но и въ сѣверо-и юго-западные губерніи: развѣзжали

устроители, организаторы, устроивались мѣстные комитеты— все это съ полнѣйшею невозбранностью. А предполагаемыя манифестаціи по своему замыслу широко раздвигали сферу подготовляемой революціи: эти манифестаціи должны были „доказать Европѣ“ что не одна *Конгрессовка*, но и всѣ часты бывшей Рѣчи Посполитой солидарны въ своей ненависти противъ правительства, что *польскій бѣлый орелъ* и *литовскій осадникъ* одушевлены одинаковыми чувствами. Предполагаемое торжество, сказано въ одномъ изъ воззваній, „должно обнимать собою все пространство стародавней Польши“, а въ другомъ воззваніи были исчислены всѣ *воеводства*, земли и княжества обязанныя выслать депутаціи; между прочимъ онѣ должны были прибыть „изъ Поморскаго, Прусскаго и Познанскаго воеводства, изъ Галиціи, Волыніи и Русскаго воеводства, изъ княжествъ Смоленскаго, Новгородскаго (Сѣверскаго?), Полоцкаго, Витебскаго, Мстиславскаго, Минскаго и Курляндскаго“.

И обѣ эти манифестаціи—*monstre*, состоялись, — одна на Нѣманѣ, 31 іюля, а другая на Бугѣ, 29 сентября. Программа послѣдней должна была, правда, нѣсколько измѣниться: присутствіе войскъ помѣшало соединиться процессіи слѣдовавшей изъ Волынской губерніи съ тою которая слѣдовала изъ Люблинской. Но и на Бугѣ какъ и на Нѣманѣ составлены и подписаны были „делегатами земель и повѣтовъ Польши въ томъ ея составѣ какой она имѣла до раздѣленія“ протоколы въ томъ что „унія“ (соединеніе, связь) этихъ частей прежней Польши возобновляется нынѣ съ цѣлю „освобожденія отчизны и приобрѣтенія для нея полной независимости“. Протоколъ 29 сентября заключался словами: „Права наши поручаемъ совѣсти народовъ и благоусмотрѣнію конституціонныхъ правительствъ“.*

* Такъ значилось въ протоколѣ процессіи шедшей со стороны Царства Польскаго. Въ томъ который былъ составленъ и подписанъ въ Устаугѣ, Волынской губерніи, находится, между прочимъ, слѣдующее мѣсто: „Протестуемъ противъ насилія и утѣсненія нашихъ правъ, противъ жестокихъ мѣръ правительства“.... Актъ сей, сказано въ концѣ, составленъ „въ край управляемомъ деспотически“... Край управляется деспотически, а противуправительственныя манифестаціи совершаются невозбранно! Права Поляковъ утѣсняются, а они органируютъ и провозглашаютъ польскую революцію на Русской землѣ, среди кореннаго русскаго населенія! Правительство

Последняя, надбужная манифестация произведена была уже при намѣстникѣ графѣ Ламбергѣ. Онъ прѣехалъ 23 августа и привезъ съ собою портфели наполненные указами о преобразованіяхъ. Полный вѣры въ то что отойтъ только привести ихъ поскорѣе въ исполненіе дабы усложнить возмущенный край, онъ тотчасъ же вошелъ въ сношеніе съ вліятельными въ Варшавѣ лицами, разчитывая на ихъ содѣйствіе касательно проведенія въ жизнь новыхъ уставовъ. Прѣйхавшій вмѣстѣ съ нимъ новый генералъ-губернаторъ Варшавы, генералъ Герштенцвейгъ, совѣтовалъ ему предварительно всего прочаго освободить Варшаву отъ толпы, разрушить всемогущество уличныхъ вожаковъ и дать умамъ отрезвиться. То же совѣтовалъ ему, какъ прежде князю Горчакову, Велѣпольскій. Но намѣстникъ оставался вѣренъ своей мысли что клокоущая рѣка вышедшая изъ береговъ мгновенно усложнится волшебною силой указовъ. Въ этомъ улованіи поддерживали его приближенные имъ представители варшавской интеллигенціи. По крайней мѣрѣ они ручались что выборы въ городскіе и уездные совѣты, учрежденіемъ коихъ предполагалось открыть эру законодательныхъ преобразованій, пройдутъ спокойно и въ порядкѣ и что выборные люди, принявъ правительственную миссію, честно исполнятъ свой долгъ. Дѣйствительно, выборы совершились безъ серьезныхъ нарушеній порядка, какъ ни старались анархисты его нарушить. Затѣмъ открытъ былъ въ Варшавѣ государственный совѣтъ. Намѣстникъ былъ очень доволенъ. Лица къ которымъ онъ обратился въ Варшавѣ дали ему очевидно хорошій совѣтъ... Въ добрый часъ. Мы не имѣемъ основанія сомнѣваться ни въ патріотизмъ, ни въ честныхъ намѣреніяхъ этихъ лицъ. Но въ патріотизмъ какомъ: польскомъ или русскомъ? въ честныхъ намѣреніяхъ относительно Польши или относительно Россіи? Вотъ въ чемъ вопросъ, потому что польская и русская точка зрѣнія не всегда и не во всемъ могутъ быть тождественны. Благодаря только что названному, а отчасти еще при Горчаковѣ принятымъ мѣрамъ мѣстная администрація отдана была въ руки Поляковъ. Если и допустить что всѣ эти Поляки стали

жестоке, а надъ нимъ публично издѣваются, его публично мистифируютъ въ присутствіи его агентовъ, которые смотрятъ разная ротъ на всѣ эти лаутовскія продаккул... См. о всемъ этомъ *Записки* Н. В. Верга.

бы честно, какъ и надѣялся намѣстникъ, исполнять принятая на себя обязанности, то все-таки съ какой точки зрѣнія это было бы „честно“? Вотъ эти-то капитальные вопросы, по видимому, не были уяснены ни въ правительственныхъ сферахъ Варшавы, ни даже въ Петербургѣ.

Система уступокъ продолжала приносить свои плоды. Городскіе и уѣздные совѣты оказались органами бѣлой партіи, но не правительства. Маркизь Ведѣпольскій былъ не доволенъ этими совѣтами, но недоволенъ съ точки зрѣнія автономной правительственной польской власти и добивался права образовать „министерство“, то-есть сосредоточить въ своихъ рукахъ административную власть *.

Еще болѣе недовольна была красная партія—анархисты, устроители уличныхъ движеній. Они съ тревогой замѣтили пониженіе общественнаго пульса въ Варшавѣ и послѣдшили возвысить общественную температуру до степени кипѣнія крови. „Хлынулъ цѣлый потокъ“ манифестацій всякаго рода, окончившійся въ провинціи надбужною процессіей, а въ Варшавѣ похоронною процессіей умершаго въ то время архіепископа Фіалковскаго. Обѣ эти демонстраціи происходили въ одинъ и тотъ же день. Въ варшавской процессіи явились польскіе и литовскіе гербы, ленты національныхъ цвѣтовъ, польская и литовская короны (поддѣльные, разумѣется), терновые вѣнцы и т. п. Толпа была громадная, увеличенная въ-сколькими сотнями крестьянъ, нарочно привезенныхъ изъ соседнихъ деревень... Агитаторы достигли своей цѣли: атмосфера насквозь пропиталась электричествомъ. Одна молодая женщина Польшка, но обращающаяся въ русскомъ обществѣ, разказывала пишущему эти строки что она, въ то время еще ребенокъ, случайно попала со своею нянькой къ прибытію на одинъ изъ желѣзнодорожныхъ вокзаловъ лоѣзда съ крестьянами. „Когда я услышала, говорила она, крики которыми толпа привѣтствовала крестьянъ (по праздничному, и даже театрално одѣтыхъ), когда посыпались цвѣты къ ихъ ногамъ, когда начали бросать имъ деньги, браслеты, цѣпочки—мнѣ овладѣло какое-то ольяненіе, и я начала кричать не знаю что, и я стала шарить въ карманахъ и, не найдя денегъ, сорвала съ шеи наперсный крестъ и со слезами отдала какому-то крестьянину“.... Такова неотразимая сила искусно подготовленныхъ сценародныхъ спектаклей!...

* Lisicki.

Намѣстникъ поваялъ наконецъ это глядя на похоронную процессію Фіалковскаго изъ оконъ замка. Онъ рѣшился объявить Царство на востаномъ положеніи. Запрещались всякія сборища, денежныя сборы, революціонныя гимны и воззванія; частнымъ начальникамъ предоставлено принимать нужныя полицейскія и административныя мѣры для обезпеченія общественнаго порядка, запереть лавки, кофейни, ливныя, воспрещать сборища даже въ частныхъ домахъ, производить у подозрительныхъ людей домашніе обыски и подвергать этихъ людей аресту, а въ случаѣ сопротивленія прибѣгать къ оружію. Въ Варшавѣ на этомъ основаніи были немедленно закрыты всѣ ливныя и шинки, а также публичныя сады. Извозчиковъ обязали немедленно останавливаться по требованію чиновъ полиціи. Воспрещено было сходиться на улицѣ болѣе какъ тремъ человекамъ. Городскія площади и нѣкоторые другіе пункты были заняты войсками. Мѣры были эвергичны. Но варшавская толпа успѣла привыкнуть къ сходкамъ и всякаго рода процессіямъ въ продолженіе слишкомъ года; по причинѣ естественнаго въ такія эпохи ослабленія ремесленныхъ и другихъ производствъ, часть рабочаго люда существовала только благодаря платѣ за участіе въ уличныхъ беспорядкахъ: такимъ людямъ новое распорядженіе было крайне не по сердцу. Угрюмая толпа наполнила на другой же день (3 окт.) нѣкоторые костелы. Въ нее вмѣшались уличные залравилы и въ трехъ костелахъ заревѣли привычныя гимны. Согласно предварительно сдѣланному распорядженію, войска окружили эти костелы съ тѣмъ чтобъ арестовать пѣвцовъ когда они будутъ выходить. Но прошелъ часъ, другой, третій, наступилъ вечеръ, а они не выходили. Оказалось что изъ одной церкви всѣ бывшіе въ ней вышли тайнымъ подземнымъ ходомъ... Между тѣмъ до замка стали доходить слухи что гдѣ-то собираются огромныя массы народа съ тѣмъ чтобъ освободить интернированныхъ въ церквяхъ; что во главѣ этихъ массъ предполагаетъ двинуться духовенство in corpore со крестами и другими священными предметами. Намѣстникъ счелъ приличнымъ въ предупредженіе вооруженнаго столкновенія съ такимъ врагомъ ввести войско въ остальные два костела и тамъ арестовать присутствующихъ. Въ одномъ изъ этихъ костеловъ при арестованіи войскъ присутствовалъ генералъ Герштенцвейгъ. Всего отправлено было изъ костеловъ въ цитадель отъ 2хъ до 3хъ тысячъ человекъ.

Дозволивъ въ виду можетъ-быть мнимой опасности произвести аресты внутри храмовъ, графъ Ламберъ встрѣтился съ дѣйствительно серьезнымъ столкновениемъ. Администраторъ Варшавской епархіи Бялобржескій на сѣдующее же утро (4 октября) сдѣлалъ распоряженіе немедленно залечать помянутые два костела, какъ „оскверненные“, а въ прочихъ прекратить богослуженіе впредь до новаго распоряженія „изъ опасенія поруганія“. А по городу все утро, говорить г. Бергъ, бродили толпы народа съ угрожающими криками. Никогда еще, по словамъ очевидцевъ, не было минуты столь тревожной. Намѣстникъ рѣшился на уступку; съ его разрѣшенія девять десятыхъ изъ числа арестованныхъ въ костелахъ были освобождены немедленно. Но цѣль не была этимъ достигнута. Съ одной стороны, эта уступка, это свидѣтельство неувѣренности въ себя высшей въ краѣ власти до такой степени возмутила Герштенцвейга, давно уже недовольнаго графомъ Ламберомъ, что онъ застрѣлился: доказательство страха-перваго состоянія высшаго правительственнаго персонала. Съ другой стороны, уступка намѣстника не вызвала ни тѣни уступки со стороны духовенства. Публичное богослуженіе въ Варшавѣ повсемѣстно прекратилось...

Больной, со страшно раздраженными нервами, съ горькимъ сознаниемъ своей несостоятельности, молодой, блестящій, честолюбивый, избалованный фортуной графъ Ламберъ ушелъ черезъ нѣсколько дней послѣ этого за границу и никогда уже не возвращался въ Россію, а 24 октября въ Варшаву пріѣхалъ въ званіи намѣстника пожилой, но еще бодрый генералъ Лидерсъ, извѣстный своими боевыми заслугами въ Венгріи и на Кавказѣ. Онъ началъ круто. Благодаря только что сдѣланному улучшенію въ личномъ составѣ и организациіи полиціи произведено было нѣсколько основательныхъ арестовъ, разомъ вырвавшихъ изъ среды красныхъ нѣсколько видныхъ дѣятелей, а администраторъ Бялобржескій, отбывшій рѣшительнымъ отказомъ на приглашеніе Лидерса открыть костелы, былъ арестованъ и по суду заключенъ въ Бобрыйскую крѣпость. На мѣсто варшавскаго архіепископа назначенъ Фелинскій, бывший студентъ Московскаго университета и профессоръ Петербургской католической духовной академіи. Въ Петербургѣ знали его съ хорошей стороны и возлагали на него большія надежды. При томъ же его рекомендовалъ

Велѣпольскій, находившійся въ это время въ Петербургѣ и пользовавшійся тамъ большимъ значеніемъ, не взирая на впады его съ Сухозавотоуъ и графомъ Ламберомъ.

Но революціонное дѣло успѣло пустить глубокіе корни; ихъ уже нельзя было вырвать нѣсколькими котами бы весьма удачными арестами въ Варшавѣ. Необходимо было совокупное, дружное дѣйствіе власти какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ сѣверо-и юго-западныхъ губерніяхъ, а до этого было еще не такъ-то близко. Къ концу 1861 года образовалась такъ-называемая „организациа“ или революціонное управленіе, съ центромъ въ Варшавѣ и съ развѣтвленіями по всему пространству бывшей Рѣчи Посполитой. Это была „бѣлая организациа“. Ея „дирекціа“ начертала программку, начинающуюся слѣдующими характеристическими словами, сильно напоминающими надѣлавшій въ свое время много шума *Польскій Катехизисъ*. Программа постановляла правиломъ „принимать со смилосердіемъ всякія правительственныя реформы, показывая видъ что ими совершенно довольны. Равно принимать всё навязываемыя правительствомъ должности по новымъ учрежденіямъ. Стараться только всеми способами, какіе будутъ слодручны и доступны, чтобы всѣ высшія мѣста въ Царствѣ Польскомъ были заняты Поляками и чтобы рекруты изъ мѣстныхъ жителей оставались въ краѣ“... Со своей стороны и красные составили свою программку; ея предписывалось: „всякую связь съ правительствомъ разорвать. Думать только о возстаніи и идти къ нему возможно скорыми шагами... *Въ средствеахъ къ достиженію цѣлей не быть слишкомъ разборчивыми. Прибѣгать въ крайнихъ случаяхъ не только къ обману, но и къ террору*“. Обѣ программы провозглашали восстановленіе Польши въ границахъ 1772 года, а красная программа кромѣ того требовала освобожденія крестьянъ и надѣленія ихъ землей.*

Эти программы сдѣлались къ несчастію извѣстны правительству безъ сомнѣнія гораздо позже чѣмъ онѣ написаны и несравненно позднее чѣмъ оно приступило къ реформамъ. Но за то какъ ясно становится намъ теперь что оно

* Обѣ эти программы, а также изложеніе событій за время намѣстничества генерала Лидерса находятся въ *Запискахъ* Н. В. Берга, въ VIII главѣ, которая почему-то не вошла въ отдѣльное изданіе *Записокъ*, но напечатана въ *Русскомъ Архивѣ* 1873 года.

шествовало среди непрогляднаго тумана, съ завязанными глазами, къ собственной гибели!... Были ли солидарны Поляки съ этими программами? Кромѣ крестьянъ и ничтожнаго числа отдѣльных личностей, конечно, съ тою или другою изъ нихъ тогдашнее поколѣніе Поляковъ было солидарно. И имъ-то правительство предоставляло самоуправленіе, изъ нихъ призывало выборныхъ чтобъ орудовать краемъ, изъ нихъ назначало губернаторовъ и министровъ, ими наполнены были канцеляріи и правленія, а до преобразованія при графѣ Ламбертѣ, ими была наполнена и полиція, въ нихъ заискивали намѣстники!...

Новый архіепископъ, прибытіе котораго въ Варшаву ожидалось во всѣхъ лагеряхъ съ тревогою и упованіями, былъ прежде всего искренній католикъ. Онъ считалъ себя обязаннымъ, по своему званію и сану, охранять достоинство религіи и обрядовъ, но желалъ чтобъ политическія страсти не вторгались въ область религіи и чтобъ обряды церковныя не служили прикрытіемъ революціонному движенію. Эту мысль онъ выразилъ довольно ясно при представленіи ему варшавскаго духовенства, и еще яснѣе въ словѣ сказанномъ при открытіи костеловъ, изъ коихъ одинъ, кафедральный, онъ открылъ лично 1 февраля 1862 года. Онъ говорилъ обращаясь къ молящимся: „Блабы какая-либо власть запрещала вамъ молиться, я сказалъ бы вамъ: не слушайте этой власти, ибо обязанности ваши къ Богу выше чѣмъ обязанности къ сильнымъ міра“... Но „между молитвами вашими вкрались гимны не освященные костеломъ“; отъ нихъ надо отказаться, что однако „не значитъ отказаться отъ молитвы за отчизну“... Притомъ „я прибылъ къ вамъ вѣстникомъ доброй надежды что Монархъ имѣетъ непремѣнное желаніе удовлетворить нуждамъ нашего края; онъ завѣрилъ меня своимъ словомъ что и не думаетъ лишать васъ ни народности, ни религіи вашей;“ но онъ желаетъ „чтобы край успокоился и (чтобъ) народъ пересталъ пѣть гимны“... „Поэтому прошу и заканчиваю васъ именемъ Бога и отчизны, перестаньте пѣть эти гимны“...

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе слова новаго архіепископа. Но какъ повѣрить что эти гимны не освящены костеломъ, когда въ продолженіе полутора года они распѣвались въ костелахъ, когда ихъ запѣвали сами священны и даже покойный архіепископъ! Какъ повѣрить слову Монарха, когда одинъ изъ

еписколовъ * торжественно возвѣщалъ что правительству не слѣдуетъ вѣрять!.. Слово Фелинскаго было выслушано вообще холодно, а когда въ заключеніе оныъ пригласилъ тѣхъ кто воспринялъ сердцемъ сказанное имъ стать на колѣни чтобы получить его благословеніе,—лишь „весьма немногіе, говоритъ г. Бергъ, преклонили колѣна, иные же кучками стали выходить“. Битва, рѣшительная битва была проиграна, и вслѣдъ затѣмъ, по случаю открытія другихъ храмовъ, при личномъ посѣщеніи этихъ храмовъ и богоугодныхъ заведеній, изъ анонимныхъ писемъ, изъ подпольныхъ листовъ и изъ заграничныхъ польскихъ газетъ, Фелинскій убѣдился что оныъ „не архіеписколъ, не папстырь своей папсты, что между имъ и папстою цѣлая пропасть“... И папстырь побрелъ вслѣдъ за своею папстою, вмѣсто того чтобы направлять ее. Слова загремѣли въ костелахъ революціонныя гимны невозбранно. Притомъ Лидеръ получилъ изъ Петербурга приглашеніе дѣйствовать по возможности мягкими мѣрами. Тамъ, въ Петербургѣ, начинала брать рѣшительный верхъ система уступокъ и милостей которыми надѣялись побѣдить упорство Поляковъ. Подъ вліяніемъ современныхъ вѣяній, а также маркиза Велѣпольскаго, звѣзда котораго поднималась все выше и выше надъ петербургскимъ горизонтомъ тамъ начинали серьезно усваивать систему полной автономіи Царства Польскаго, ** съ величавымъ представителемъ въ лицѣ особы изъ Царской фамиліи, облеченнымъ полною мочью по военной части, но и съ облеченнымъ обширными правами помощникомъ по гражданскому управленію, притомъ изъ лицъ польскаго происхожденія. Такимъ лицомъ могъ быть единственно маркизъ Велѣпольскій; намѣстникомъ предназначался Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Слухи о всемъ этомъ начали ходить съ весны 1862 года и дѣлались все болѣе и болѣе настойчивыми. Лидеръ получалъ о нихъ разумѣется и болѣе положительныя извѣстія и естественно не находилъ въ нихъ основаній для усиленной энергіи. Полиція его впрочемъ дѣйствовала удовлетворительно, открывала тайныя типографіи, открывала тайные притоны въ которыхъ собирались главные воротилы красной партіи. Слѣд-

* Падскій, см. выше.

** Не исключая конечно изъ оного и Русскаго Забужья, этой южной части Владимірскаго-Волынскаго княжества. См. *Lisecki*.

ственныя комиссіи разъяснили положеніе дѣлъ въ краѣ. Яснымъ становилось что огромный, искусно организованный заговоръ покрывалъ какъ сѣтью Царство, сѣверо- и юго-западный край,—заговоръ въ которомъ участвовали и красные и бѣлые, который предполагалъ, да и началъ уже дѣйствовать и систематическою измѣной и терроромъ, приготовляя на всемъ пространствѣ бывшей Рѣчи Посполитой открытое вооруженное возстаніе. Все это однако не оказывало никакого вліянія на направленіе мыслей въ Петербургѣ и на принимаемыя тамъ рѣшенія или, вѣрнѣе, принималось въ доказательство необходимости новыхъ уступокъ. Реформы изготавлялись за реформами и приводились въ Варшавѣ въ исполненіе. Автономія Царства Польскаго болѣе и болѣе упрочивалась, чего тщетно добивались Поляки съ революціи 1830 года... И что же однако? Въ то самое время когда эти реформы лились потокомъ, когда автономія Царства Польскаго была почти осуществлена, когда маркизъ Велѣпольскій торжествовалъ и имѣлъ полное право торжествовать побѣду надъ „*vieux parti russe*“ и когда онъ примчался въ Варшаву чтобы возвѣстить объ этой побѣдѣ,—именно 15 іюня 1862 года въ намѣстника произведенъ былъ выстрѣлъ почти въ упоръ, по счастью, не смертельный однако... Выстрѣлъ произведенъ былъ не изъ-за угла, не ночью, не въ глухомъ, лустынномъ мѣстѣ, а среди бѣла дня, въ галлерей Саксонскаго сада, наполенной притомъ не отребьемъ фабричнаго люда, не одичалыми отъ бѣдности и грубаго разврата людьми, а благовоспитанными, хорошо одѣтыми дамами и кавалерами собравшимися пить „воды“ и слушать музыку... и ни одна рука не протянулась изъ этой эlegantной толпы чтобы задержать убійцу. Не торолясь и ловцидому нисколько не опасаясь за себя, онъ окрылся и не разысканъ даже до сей минуты... Какъ же не сказать что эта эlegantная толпа была солидарна съ человѣкомъ стрѣлявшимъ въ Лидерса, что она нравственно отвѣтственна за покушеніе 15 іюня.

Крoвавый эпизодъ 15 іюня имѣлъ въ Петербургѣ одно послѣдствіе: ускореніе отъѣзда въ Варшаву Великаго Князя Константина Николаевича. * Но еще прежде него, какъ уже сказано, отправилса новый начальникъ гражданскаго управленія съ благою вѣстью о преобразованіи

* Lisiecki.

Варшавской Главной Школы въ университетъ и цѣлой системы общественнаго воспитанія въ національно-польскомъ духѣ, о дозволеніи прямыхъ сношеній по духовнымъ дѣламъ Варшавы съ Римомъ и мн. др. Великій Князь прибылъ 20 іюня, а чрезъ два дня, 22 іюня, въ него пущена была пуля у театральнаго подъязда. Полиція схватила убійцу... Какъ же отнеслось польское общество къ этому новому злодѣйству? Архиепископъ на другой же день произнесъ по этому поводу горячее и сильное слово, требуя чтобы честные люди громко выражали свое отвращеніе къ злодѣю и къ злодѣянью. Маркизъ Велёпольскій говорилъ въ государственномъ совѣтѣ еще горячѣе и еще сильнѣе. Нѣсколько дней спустя графъ А. Замойскій во главѣ довольно многочисленной депутаціи явился во дворецъ Великаго Князя; эта депутація выражала несомнѣнно величественное осужденіе случившагося, но, говорить г. Сласовичъ, котораго никто конечно не заподозритъ въ неприязни къ Полякамъ и Польшѣ, „ни одно слово не вышло изъ рамокъ заурядной официальности и не было ни одного движенія которое вылилось бы изъ сердца“. Потомъ заговорили было объ адресѣ: неприлично, въ самомъ дѣлѣ, было бы не подать адреса въ настоящемъ случаѣ... Но, продолжаетъ тотъ же г. Сласовичъ, „затѣянный въ видѣ протеста противъ убійцы, адресъ превратился потомъ въ протестъ противъ Россіи и ея правительства“. * Дѣйствительно, вмѣсто отреченія отъ солидарности съ убійцами, задуманный адресъ выставялъ какъ условіе примиренія изготавлявшей его бѣлой партіи ни болѣе ни менѣе какъ автономію соединенныхъ Царства Польскаго съ сѣверо- и юго-западною Русью. ** Таковъ былъ отвѣтъ польскаго общества на покушеніе 15 и 22 іюня. А затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ покушеній противъ маркиза Велёпольскаго, къ которымъ Поляки,—говоримъ только объ умѣреннѣйшихъ,—отнеслись еще равнодушнѣе, еще безучастнѣе.

Во время управленія краемъ Великаго Князя Константина Николаевича, о каковомъ времени имѣется, впрочемъ, мало матеріаловъ, уличныхъ безпорядковъ было, кажется, меньше чѣмъ въ 1861 году. Да они были уже не нужны. Температура красныхъ была доведена до калильнаго жара и къ нимъ

* Разумѣется, этотъ адресъ не былъ принятъ.

** *Жизнь и политика маркиза Велёпольскаго.* Спб. 1882.

примыкало уже множество бывшихъ бѣлыхъ. Тѣ кто еще брезгливо сторонились отъ убійствъ слышали захватить, согласно бѣлой программѣ, * мѣста въ правительственной организаціи съ цѣлью обманывать правительство, измѣнять ему. Наконецъ, самые безвредные, но и самые ничтожные стояли въ сторонѣ отъ всѣхъ и отъ всего, сохраняя нейтралитетъ неблагооклонный правительству; обращеніемъ этихъ безцвѣтныхъ ничтожностей была депутація являвшаяся въ Бельведеръ послѣ покушенія 22 іюня. Наконецъ духовенство... но объ этомъ предметѣ приведемъ подлинныя слова Высочайшаго указа 27 октября 1864 года; въ этомъ указѣ, напоминая о преимуществахъ дарованныхъ, между прочимъ, и этому сословію въ 1861 и 1862 годахъ, сказано: „тѣмъ съ большею скорбію усмотрѣли мы что во время возникшихъ вслѣдъ затѣмъ въ Царствѣ волненій, нѣкоторая часть духовенства римско-католическаго не оказалась вѣрною ни долгу пастырей, ни долгу подданныхъ. Даже монахи, забывъ заповѣди Евангелія и презрѣвъ добровольно присягаемыя предъ алтаремъ обѣты иноческаго званія, возбуждали кровопролитіе, подстрекали къ убійствамъ, оскверняли стѣны обителей, принимая въ нихъ святотатственныя присяги на совершеніе злодѣяній, а нѣкоторые сами вступали въ ряды мятежниковъ и обгаряли руки свои кровью невинныхъ жертвъ“ **.

Вотъ съ кѣмъ и съ чѣмъ приходилось имѣть дѣло новому намѣстнику и правительству, во имя котораго онъ долженъ былъ дѣйствовать. Далѣе слѣдовать по пути уступокъ было невозможно, некуда. Слово автономія не было произнесено, но принципъ автономіи былъ, подъ вліяніемъ господствовавшего настроенія и внушеній Велѣпольскаго, строго проведенъ во всей организаціи управленія Царствомъ. Вся администрація, все судебное и учебное вѣдомство, всѣ центральныя и правительственныя органы почти исключительно были наполнены Поляками; языкъ преподаванія и официальныхъ сношеній былъ польскій; Великій Князь нарочно выучился польски и охотно говорилъ на этомъ языкѣ; и онъ и его супруга употребляли по возможности въ одеждѣ польскіе національныя цвѣта. Не доставало до полнаго сходства съ

* См. выше.

** *Дн. Законовъ*, т. 62. Далѣе будетъ сказано подробнѣе объ участіи духовенства въ мятежѣ.

Положеніемъ 1815—30 годовъ только національной польской арміи. Но и этому, можно было думать, положено было начало командированіемъ въ Варшаву тѣхъ полковъ гвардіи которые квартировали до 1830 въ Варшавѣ и которымъ теперь возвратили ихъ прежнюю форму времени Константина Павловича и графа Заіончка. По счастью, да, именно по счастью для насъ, Поляки не довольствовались и этимъ, сознаніе же національнаго достоинства начинало пробуждаться въ русскомъ обществѣ. Сильная рука однимъ взмахомъ свалила Герцена съ его лондонскаго льедестала; въ нашей періодической печати зазвучала давно смолкнувшая было струна русской народности, русскаго государственнаго духа. Когда же послѣдовало иностранное дипломатическое вмѣшательство въ наши польскія дѣла, а съ другой стороны, вспыхнуло вооруженное возстаніе и пролилась русская кровь, тогда окончательно развѣялось (надолго по крайней мѣрѣ) печальное марево, повисшее было надъ Россіей...

Въ это время снова выступилъ на сцену Николай Алексѣевичъ Милютинъ, на сей разъ какъ первествующій дѣятель въ Царствѣ Польскомъ. По счастью около того же времени сѣверо-западный край былъ ввѣренъ управленію М. Н. Муравьева.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

П. ЩЕБАЛЬСКИЙ.

ПСИХИЧЕСКІЙ МІРЪ ЖЕНЩИНЫ

ЕГО ОСОБЕННОСТИ, ПРЕВОСХОДСТВА И НЕДОСТАТКИ *

(Посвящается Н. Ф. Астафьевой и М. И. Астафьевой.)

VI.

Какъ ни важно очерченное въ послѣдней главѣ вліяніе особенностей женскаго ума въ области мысли, — въ практическихъ задачахъ жизни, въ дѣятельности и борьбѣ оно еще важнѣе. Мушкетеръ предоставленный самому себѣ осуществляетъ ли онъ свою волю, выражаетъ ли и доказываетъ свою мысль, всю свою энергію и все свое вниманіе сосредоточиваетъ на этой мысли или этой задачѣ воли, мало заботясь о личныхъ особенностяхъ тѣхъ на кого дѣйствуетъ, и ихъ впечатлѣніяхъ. Люди важны для него не какъ цѣлостныя нравственныя личности, со всею полнотою внутренняго міра которыхъ ему приходилось бы считаться, но какъ *объекты его спеціальнаго дѣйствія*, интересные для него лишь въ одномъ спеціальному отношеніи этого дѣйствія. Принимая во вниманіе опредѣленность лицъ только въ одномъ этомъ существенномъ для него отношеніи, видя въ нихъ только *предметы* общей безличной мысли, отвлеченнаго интереса или

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 125 1881 и № 65 1882.

права, оны подводять ихъ, несмотря на всѣ ихъ индивидуальныя особенности, подъ *общую для всѣхъ изъ мѣрку*, такъ сказать уравниваетъ ихъ. Разсматриваемыя лишь въ одномъ, отдаленномъ отъ живой совокупности индивидуальнаго, отношеніи, лица эти—объекты его дѣйствія, *равны* предъ его мыслию и волею, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ—безличны.

И такъ относится мужчина не только къ другимъ, но и къ самому себѣ. И въ себѣ самомъ въ данномъ случаѣ видитъ оны лишь представителя логической мысли, представителя права или интереса; и самого себя *оны упыняютъ и судятъ* по соответствующей *общей мѣркѣ* и требуютъ себѣ отъ другихъ такой именно оцѣнки. „Всѣ истинно-мужскія стремленія, вѣрно замѣчаетъ Лотце, * основаны на глубокомъ уваженіи ко всеобщему; даже гордость и честолюбіе мужчинъ не удовлетворяются безличиною уступкой ихъ желаніямъ: въ притязаніяхъ своихъ опираются они на ту долю общепризнаваемыхъ преимуществъ какую по крайней мѣрѣ сами себѣ приписываютъ; они постоянно чувствуютъ себя какъ нечто *не большее* ** чѣмъ особый примѣръ *всеобщаго* и требуютъ чтобъ ихъ мѣрили одною мѣрою съ другими. Женскій нравъ (наоборотъ) столько же склоненъ къ благоговѣнію предъ *чѣмъ-чѣмъ*: какъ красоту одного цвѣтка не слѣдъ мѣрить красотой другаго, такъ точно и женщина не захочетъ стать на одну доску ни съ какою другою; и тамъ гдѣ для служенія всеобщему мужчина добровольно вступитъ въ рядъ единомышленниковъ и потеряется въ немъ незамѣтною единицею, женщина все-таки хочетъ быть искомою и любимою *** только какъ прекрасное само-по-себѣ цѣлое, понятное лишь *изъ самого себя* и дорогое несравнимою особенностію, *безподобіемъ* своего индивидуальнаго существа.“ Утвержденіе Прудона что „всякая женщина хочетъ быть исключеніемъ“ вѣрно именно въ томъ смыслѣ что ни одна женщина *не хочетъ и не можетъ* цѣнить себя и быть цѣнимою другимъ только *какъ отдельный случай, примѣръ* отвлеченнаго общаго правила. Какъ не хочетъ и не можетъ женщина отвѣчаться отъ

* *Микрокосмъ* р. пер. II, 501—502.

** Въ рускомъ переводѣ Е. О. Корша пропущена эта частица *не*; въ оригиналѣ сказано: er fühlt sich durchweg als ein eigenthümliches Beispiel des Allgemeinen.

*** Признаваемою вообще.

полноты своей индивидуальности, *приравнять* себя мысленно къ другимъ*, такъ же мало склонна она отвлекаться и отъ полноты индивидуальности окружающихъ лицъ и положеній, отъ-ривая ихъ только какъ случаи примѣненія общаго правила, и съ отвлеченной точки зрѣнія этого общаго правила *равня* ихъ между собою.

А между тѣмъ такое отвлеченіе, уловное уравненіе во всякъхъ областяхъ спеціальной, профессиональной дѣятельности составляетъ первую необходимость. Только отрѣшеніе отъ личныхъ особенностей тѣхъ среди кого оны дѣйствуетъ даетъ мужицкѣ возможность сосредоточить всю свою энергію и все вниманіе на *самомъ* спеціальномъ дѣйствіи. Только это же отвлеченіе даетъ ему возможность дѣйствовать на большія *массы*, дѣйствовать для отдаленныхъ сроковъ и по опредѣленному, *неизмѣнному* правилу,—дѣйствовать долгое время въ одномъ направленіи, не отвлекаясь отъ избранной задачи и принятаго правила никакими несущественными для дѣла соображеніями. Только благодаря способности отвлекаться отъ цѣльнаго человека, такъ — сказать игнорировать полноту его жизни и видѣть въ немъ одну прямо касающуюся спеціальной задачи сторону: право, интересъ, логичность и т. л., и въ состояніи мужина быть что называется *дѣльцомъ*, быть юристомъ, финансистомъ, членомъ или вожакомъ политической партіи, диспутантомъ и т. л. Наконецъ—и это еще существенно—это же отвлеченіе отъ личностей, это господство въ дѣйствіяхъ идеи *равенства* есть и условіе неуклоннаго руководительства дѣятельности общими, *неизмѣнными, независимыми отъ случая нормами*. Оно же даетъ мужицкѣ и необходимое для правотѣрности и культурности всякой дѣятельности и борьбы *безпристрастіе* въ осуществленіи началъ своей дѣятельности (правовыхъ, финансовыхъ, научныхъ) и *ладнокровіе*,—даетъ умѣнье не обращать вопросовъ права или науки, холодной борьбы безличныхъ интересовъ и правъ, въ вопросы *личныя*, въ борьбу лица противъ лица. Отнимите у мужины эту способность отвлекаться въ дѣлахъ отъ личностей—и вы вмѣстѣ съ тѣмъ лишите общественную жизнь и борьбу необходимѣйшей гарантіи культурности ихъ и развитія,—руководительства опредѣленными нормами, на

* Быть цѣнима какъ опредѣленная въ данномъ случаѣ въ однихъ только общемъ съ ними отхоженіи.

которая всякій можетъ одинаково разчитывать и опереться. Тамъ гдѣ вопросъ и борьба переходятъ въ *личныя*, охватываютъ всю личность и со всѣхъ сторонъ, тамъ нѣтъ уже нейтральной почвы, на которой обѣ стороны сходились бы, и общей нормы, которую обѣ признали бы для себя обязательною; борьба обостряется и необходимо принимаетъ характеръ борьбы *стимульной*. Тамъ гдѣ борьба охватываетъ всю личность, естественно развивается смѣшеніе въ одномъ спеціальному вопросу самыхъ разнорѣчащихъ, несоизмѣримыхъ началъ, интересовъ и точекъ зрѣнія: вопросъ о правѣ обращается въ экономическій, экономическій—въ политическій, научный—въ полемическій. А при этомъ одинаково остаются неосуществленными начала и неудовлетворенными интересы, и юридическіе, и экономическіе, и политическіе, и научные; исчезаютъ и всякія твердыя нормы борьбы и она обращается въ голую войну,—въ чуждую и враждебную всякой культурѣ борьбу за *фактъ* существованія *.

Но внося въ общественную дѣятельность и борьбу начала уваженія личности противника, начала культуры и права, эта способность мужчины-дѣльца отвлекаться отъ личности, это господство въ его отношеніяхъ къ людямъ идеи *рациональности*, а въ его пріемахъ дѣятельности—прочныхъ, неизмѣняемыхъ общихъ *нормъ*, будучи односторонне, исключительно развиваема, ничѣмъ не пополняема и не умѣряема, приводитъ къ очень прискорбнымъ результатамъ. Вѣчно отрѣшаясь отъ живыхъ и сложныхъ въ своей живой индивидуальности лицъ и отношеній во имя простыхъ и одностороннихъ формулъ и началъ, человекъ скоро утрачиваетъ всякую чуткость пониманія того что живо, сложно и индивидуально, перестаетъ признавать въ его правѣ, какъ живаго *улываго*. Онъ скоро дѣлается работъ отвлеченной и общей *формулы*, юридической ли, экономической ли, и во имя ея безусловнаго осуществленія въ жизни начинаетъ ломать жизнь,

* Что далеко не одно съ борьбой за общій *принципъ*, за поддерживаемое тѣми или другими *основанія* ли—*право* на существованіе. Только въ исторіи человечества найдемъ мы эту борьбу за *начала*, за основанія права на существованіе, борьбу за идею; животное же борется лишь за непосредственный фактъ существованія. Поэтому и нѣтъ у него исторіи и такъ наивно звучатъ всякіе токи объ общественности или государственности у животныхъ.

полнота которой не можетъ безъ насилия быть втиснута въ узкія рамки этой простой формулы. Онъ забываетъ что отвлеченная формула его—не цѣль сама себя, а лишь одно изъ средствъ предназначенныхъ служить осуществленію задачъ жизни, правда которой именно въ ея многосторонней полнотѣ. Мертвый и *сухой формализмъ*, чуждый всякаго живаго сочувствія къ живой дѣйствительности и всякаго вѣрнаго пониманія ея нуждъ, все болѣе и болѣе суживаетъ отънынѣ умственный и нравственный горизонтъ его и мало-помалу обращаетъ его въ какую-то слѣпую машину, все безъ разбору на одинъ ладъ бессмысленно перемалывающую и мертвящую,—машину существованіе которой неосмысленная загадка и тягость и для нея самой и для всего окружающаго. Таковъ конечный результатъ односторонняго развитія главной особенности ума *дѣльца*, однаково безотрадный и для его собственнаго внутренняго міра и для утрачивающей отънынѣ возможность быть плодотворною дѣятельности его.

И здѣсь главнѣйшимъ противовѣсомъ этой пагубной для „внутренняго челоуѣка“ *дѣловой* отвлеченности является вліяніе конкретнаго, живаго и цѣльнаго женскаго ума, вліяніе простирающееся именно на тѣ стороны внутренняго міра дѣльца которымъ онъ далъ оскудѣть и заглохнуть ради болѣе сосредоточеннаго служенія задачъ своего спеціальнаго дѣла. Это вліяніе своею разносторонностію снова оживляетъ заснувшія въ немъ какъ дѣлцы общечеловѣческія чувства и потребности. Оно снова возвращаетъ ему и утраченное пониманіе дѣйствительности и утраченное сочувствіе къ ней, не только возстановляя въ ея полнотѣ обдѣлѣвшую внутреннюю жизнь его, но и придавая его спеціальной дѣятельности дѣйствительную плодотворность,—ибо руководство разумнымъ, *полнымъ* сознаніемъ жизненныхъ цѣлей, и умѣнье сообразовать ее съ дѣйствительною природою лицъ и отношеній. Вотъ почему формалисты, мертвые и все мертвящіе педанты чаще всего встрѣчаются между старыми холостяками и вообще лицами лишеными благотворнаго вліянія женщины въ этомъ отношеніи.

Характеръ этого вліянія конкретнаго женскаго ума на болѣе отвлеченный умъ мужчины въ особенности ярко выступаетъ на ихъ различномъ отношеніи къ праву и вопросамъ права. Можно сказать что въ этой области мужчина является представителемъ стремленій *собственно права*, женщина же—

представительницей стремленій *справедливости*, соображенія отвлеченнаго права съ индивидуальностью лицъ и отношеній. „Извѣстная неюридичность женщины, справедливо замѣчаетъ Лотце, находится съ этимъ въ непосредственной связи“. Она лежитъ не въ неспособности жертвовать въ случаѣ нужды личнымъ притязаніемъ, потому что никто не превзойдетъ женщину въ радостной готовности къ подобнымъ жертвамъ, *если только она видитъ предъ собою то добро изъ-за котораго должно привести ихъ*. Но она оскорбляется здѣсь тѣмъ что законы весьма часто смотрятъ здѣсь на цѣлость даннаго обстоятельства собственно не какъ на цѣлое, но изъ-за какихъ-нибудь отдѣльныхъ чертъ, на которыя налегать женскій умъ считаетъ произвольнымъ, они подводятъ его подъ то или другое общее опредѣленіе, которое женщинѣ кажется не мѣнѣе произвольнымъ, потому что въ немъ, какъ общей формулѣ дѣятельности, не обнаруживается непосредственно то окончательное добро, къ обезличенію котораго оно однако служить... Формы, соблюденіе которыхъ дорого мужчинамъ, суть *общія правила законнаго образа дѣйствій*, и эти правила готовъ онъ проводить даже и не обойдись тутъ безъ какихъ-нибудь разладовъ.“** Женщинѣ же эти именно разлады и не понятны и неависты. Для мужчины само точное соблюденіе общей нормы, безъ которой теченіе жизни утрачиваетъ правомѣрность и предоставляется произволу, есть *главное добро*; для женщины общая форма есть добро только въ той мѣрѣ въ какой она *служитъ* цѣлямъ и нуждамъ цѣльнаго, индивидуальнаго факта, отношенія, а не ограничиваетъ ихъ. Поэтому-то женщина и такъ трудно и такъ невольно и неискренно мирится съ требованіемъ права тамъ гдѣ оно, по ея оцѣнкѣ, нарушаетъ требованія факта, вытекающія изъ *всей его полноты*, и такъ легко готова, въ случаѣ подобнаго разлада права съ фактомъ, безцеремонно обходиться съ правомъ и его формами. Поэтому же и столь рѣдко удается встрѣтить женщину которая сумѣла бы изложить юридическій вопросъ вполне точно, опредѣлительно и кратко, не примѣшивая къ характеристикѣ отношенія и лица чисто юридическими чертами вовсе несущественныхъ съ точки зрѣнія права, какъ такого, обстоятельствъ и личныхъ оцѣнокъ. Не

* *Микрокосмъ*, II, 503.** *Fiat justitia perat mundus.*

одинъ судья, слѣдователь, администраторъ сознается какъ часто эта неспособность женщины стать на чисто-юридическую точку зрѣнія ставила его въ затрудненіе и доводила до отчаянія. * Но именно эта самая неспособность женской мысли и воли *столь* перенестись на точку зрѣнія строгаго права и отвлекаться отъ всесторонне, а не только юридически опредѣленной индивидуальности лицъ и отношеній, создаетъ въ женщинъ и особый интересъ и особую способность къ восполненію одностороннихъ началъ права другими моральными началами и къ согласованію ихъ такимъ путемъ съ *правдой* жизни. Прудонъ, опредѣляющій „справедливость“ чисто въ духѣ строгаго права и чрезвычайно односторонне признающій за главную причину паденія государствъ и народовъ подчиненіе этой строго-правовой justice тому что онъ называетъ „идеаломъ“, то-есть подчиненіе началамъ болѣе всеобъемлющимъ, глубокимъ и *меньше условнымъ* чѣмъ начала права (а таковы начала морали), видитъ въ этой особености женской мысли и воли, восполняющей узкость и условность чистаго права, доказательство *женской* „моральной (вѣрно было бы юридической) энергіи“ женщины. Но онъ же признаетъ что безъ вносимаго женщиной въ жизнь смягченія и пополненія строгихъ началъ права началами милости, примиренія, свисхожденія, прощенія и т. л. „наше *правовое* состояніе ничѣмъ не отличалось бы отъ состоянія войны“. ** Юристы вполне согласные съ послѣднимъ положеніемъ Прудона едва ли увидятъ съ нимъ въ склонности и способности къ восполненію односторонности и условности права другими моральными началами доказательство „меньшей *моральной* энергіи“; они не могутъ забыть что не „fiat justitia pereat mundus“, но fiat justitia *ne* pereat mundus, и что summum jus—summa injuria. ***

* Дѣловые переговоры мужчинъ обыкновенно коротки, женскіе многословны и рѣдко обойдутся безъ частыхъ повтореній; женщины очевидно мало довѣряютъ просто данному слову, основанному только на всеобщемъ догадѣ вѣры и вѣрности и не успеваютъ сверхъ того цѣлою массой мелочныхъ речей и подлоръ, вытекающихъ изъ подробностей наличнаго случая (*Микрокосмъ*. II. 502).

** *Pornocratie* pp. 38—39.

*** Изъ трехъ основныхъ „заповѣдей справедливости“ наиболее ородна мужскому духу и наиболее чужда женскому (и въ отношеніи ея къ другимъ и въ отношеніи къ себѣ) первая, то-есть *neminem laede*

Какъ бы ни назвали мы развитіе чувства жизненной правды въ ущербъ строго-юридической условной справедливости,—моральною слабостью или моральною силой,—жизненное значеніе его, тотъ фактъ что безъ него „правовое состояніе не отличалось бы отъ состоянія войны“, несомнѣнно не измѣнятся и не должны быть забываемы. Въ этой области, повторяемъ, съ особенною яркостью выступаетъ и дурная и хорошая сторона враждебности женской мысли и воли всякой условности, отвѣченности и формализму, столь свойственнымъ мужскому мышленію. И если насчетъ значенія этой враждебности въ экономіи общественной жизни возможно не соглашаться, то значеніе ея *морально-воспитательное*, вліяніе ея на расширеніе и освѣженіе внутренняго міра человѣка, исключительно развившаго въ себѣ точки зрѣнія и способности „дѣльца“ въ ущербъ другимъ общечеловѣческимъ потребностямъ и силамъ, вполнѣ несомнѣнно.

Но само собою разумѣется что возрождать, расширять, просвѣтлять, приближать къ жизненной правдѣ чей-нибудь внутренній міръ въ состояніи своими вліяніями только существо само живущее богатою и полною внутреннею жизнью, *не сужденною никакими условіями профессиональной односторонности, условности и отвлеченности*. Такова женщина до тѣхъ поръ именно, пока она чуждается этой односторонности. Именно благодаря цѣлности и неотвлеченности ума женщины, столь мало склоннаго къ формализму и профессиональному педантизму,—разъ она цѣной сравнительно большаго насилія надъ собой, а слѣдовательно съ сравнительно большимъ напряженіемъ, отдалась какой-либо профессиональной дѣятельности развивающей отвлеченный формализмъ,—тѣмъ болѣе рѣзко и некрасиво проявляется у нея вся сухость формализма, педантизма. Женщина-педантъ и формалистъ

(не нарушай ничьего права, никому не вреду). Женщина легче мужчины отягочается къ нарушенію и чужаго и своего права. Вторая — *visum cuique tribue* (всякому воздавай должно) въ равной степени, хотя и въ различной формѣ (для женщины главное въ воздаяніи *качество*, для мужчины—*количество*), близка нравственнымъ стремленіямъ мужчины и женщины; третья же—*immo omnes quantum potes juva* (помогай всякому, сколько можешь) едва ли не составляетъ искреннюю заповѣдь одной женской совѣсти, мужскою же (*en masse*) едва ли не допускается лишь въ качествѣ *уступки* разуму чувству, какъ примѣръ у Прудона.

несомнѣнно встрѣчается гораздо рѣже мужчины-формалиста и ледапта, но за то женщина - формалистъ и ледаптъ несравненно суше, ограниченнѣе и несноснѣе ледапта мужчиною, доводя ледаптизмъ свой до страстной виртуозности. Женщины-юристы, * женщины-закладчицы, женщины-банкиры и т. п. поэтому естественно должны быть гораздо ледапτικнѣе и непривлекательнѣе любого юриста и банкира-мужчины. Слишкомъ мало еще имѣемъ мы, къ счастью, примѣровъ подобныхъ женщинъ для провѣрки нашего положенія in concreto. Но за то слишкомъ хорошо знаемъ мы всѣ, до какой недосыгаемой для мужчины степени формализма и ледаптизма способна доходить женщина даже въ такихъ дѣлахъ какъ благотворительность или богомолье,—разъ она изъ того или другого создала себѣ специальность, профессию. Чѣмъ труднѣе дается женщинамъ требуемая всякою специальностью отвлеченная односторонность, тѣмъ полнѣе и исключительнѣе поглощаетъ она всѣ силы и стремленія ея духа. **

Въ этой малой способности къ отвлеченности вообще—и нравственная сила женщины и ея дѣловая слабость. Въ слѣдствіе малой склонности и способности къ отвлеченію вообще, а въ особенности къ отвлеченію отъ конкретныхъ свойствъ того что входитъ непосредственно въ кругъ ея дѣйствительности, ея впечатлѣній и интересовъ, женщина всего менѣе способна видѣть въ тѣхъ съ кѣмъ она имѣетъ дѣло отвлеченныя, равныя единицы, безразличныхъ сами по себѣ представителей отвлеченныхъ интересовъ, нравъ или теорій. Она не можетъ и *обращаться* съ ними отвлекаясь отъ ихъ личныхъ особенностей во имя идеи равенства, и самая идея эта ей извѣстна развѣ только по наслышкѣ, *чисто-теоретически*. *** Какъ дѣлень, близокъ къ живой дѣйствитель-

* Рѣчь идетъ о *практической* дѣятельности юриста.

** По закону: дѣйствіе равно противодѣйствію. Такъ и наиболее робкіе и трусаивые люди предъ лицомъ неминуемой опасности въ разгаръ борьбы оказываются наиболее отчаянными (только не халявными) храбрецами.

*** Хорошо показываютъ это тѣ женщины-писательницы которыя требуютъ *равноправности* половъ, не отвергая въ то же время различія ихъ силъ, способностей, а слѣдовательно и *обязанностей*. Съ такими странными и не искренними пошатками объ отношеніи между правомъ и обязанностью эти писательницы естественно кончаютъ презрѣніемъ къ собственному полу и обращеніемъ къ нему съ воззваніемъ: *Pleurez lâches!*—кончаютъ завистью, ненавистью и отчаяніемъ.

ности и чуждъ всякой условности и искусственной отваченности женскій умъ въ пониманіи людей и вещей, — такимъ же цѣльнымъ и чуждымъ всякихъ условныхъ ограниченій остается онъ и въ борьбѣ съ ними. Какъ женское пониманіе всегда есть личное и направленное на живые характеры, конкретныя единицы, такъ и всякая борьба, хотя бы даже и чисто-литературная, въ рукахъ женщины обращается въ борьбу личную, обостряется и принимаетъ страстный, некультурный и ненавистный характеръ. * Не наколая примѣровъ, сошлемся здѣсь на самого Дж. Ст. Милля, признающаго что напримѣръ участіе женщины въ религіозной пропагандѣ въ его отечествѣ можно охарактеризовать такъ: „увѣковѣченіе и ожесточеніе религіозныхъ распрій“. ** Ни въ борьбѣ ни въ любви женщина не сохраняетъ того великодушія, той совѣстливости въ выборѣ средствъ, уваженія къ личности противника и хладнокровнаго безпристрастія, которые одни обращаютъ борьбу въ средство развитія, а не источникъ личной вражды, конецъ которой только личное торжество или личное пораженіе. Для всего этого женщина и слишкомъ эмоциональна и слишкомъ цѣльна и неспособна къ отвлеченію. И будучи разъ вовлечена въ дѣятельную борьбу, едва ли даже самая лучшая и тонко-чувствующая женщина не перестаетъ сомнѣваться въ истинѣ правила мудраго отца Лойоля: *цѣль оправдываетъ средства*, — правила тѣмъ болѣе не мирящагося въ ея рукахъ ни съ какими общими нормами жизни чѣмъ она сама эмоциональнѣе и чѣмъ цѣльнѣе поглощается интересомъ борьбы. Ложь, интрига, насиліе, измѣна, — все это въ разгарѣ борьбы *** тѣмъ болѣе теряетъ въ глазахъ женщины свой едіозный характеръ, тѣмъ легче оправдывается въ виду конкретной цѣли — любви, чѣмъ женщина женственнѣе, вѣрнѣе себя. Такимъ образомъ женщина, имѣющая такое огромное морально-воспитательное значеніе умѣряющимъ и примиряющимъ вліяніемъ своимъ на умы „дѣльцовъ“ и

* Лучшій примѣръ тому представляетъ женская литература по нашему вопросу. (См. напр. памфлетъ „Наука и женщина“ въ *Русской Мысли* 1882 года).

** Л. с. стр. 222.

*** Только подъ условіемъ послѣдней развивается, въ женщинѣ вызываемая между прочимъ и сравнительною слабостью женскихъ средствъ борьбы, та склонность ко лжи, которую Шоплегауеръ, какъ будто бы даже *неодолимую*, приписываетъ женщинѣ вообще.

„борцовъ“ жизни, теряетъ и гармонію и красоту своего собственного нравственнаго міра и это самое великое нравственно-воспитательное и культурное значеніе, съ тѣхъ поръ какъ сама принимаетъ непосредственное участіе въ той борьбѣ; регулировать, умѣрять которую она можетъ лишь *не вовлкаясь въ нее*. Какъ при меньшей отвлеченности, условности и односторонности мысли женщина тѣмъ не менѣе превосходить мужчину въ какой-то странной страстности, восторженности формализма и ледантизма, такъ не смотря на ея сравнительную чувствительность, мягкость и отвращеніе отъ борьбы достигаетъ она въ борьбѣ недосагаемыхъ для мужчины степеней страстной, беззащитной и чисто виртуозной по своей безлолзности жестокости. Примѣрами изобилуетъ всякая уголовная хроника, * всякая исторія и всякая литература; ** и несомнѣнно что террористкой женщина дѣлается вообще гораздо труднѣе, но за то и гораздо искреннѣе и полнѣе, чѣмъ мужчина. ***

Много было говорено о неумѣнн женщины быть въ борьбѣ великодушною и хладнокровною, быть справедливою и не ожесточаться, о ея склонности обращать всякую борьбу интересовъ и мнѣній въ личную вражду. Но далеко не всѣ согласны видѣть въ этихъ некрасивыхъ чертахъ слѣдствіе той же логической причины которая въ дѣятельнаго участія женщины въ борьбѣ жизни дѣлаетъ изъ нея великую и незамѣнимую морально-воспитательную силу жизни, то-есть конкретности, живости и дѣльности ея ума съ его малою способностью къ отвлеченности. „Всѣ эти недостатки“, говорятъ сторонники участія женщины въ социальнo-политической борьбѣ, „суть лишь слѣдствія *дурнаго воспитанія* женщины, не достаточно будто бы внушающаго женщинѣ тѣ высшія начала права, справедливости и челоовѣчности, которыя

* Между убійствами совершаемыми женщинами гораздо большій процентъ *квалифицированныхъ*, чѣмъ между совершаемыми мужчинами. И оскорбить никто не сумѣетъ какъ женщина.

** Укажемъ здѣсь на образцовое въ этомъ отношеніи произведеніе *Клейста Penthesiläa*, (Царица амазонокъ, умерщвляющая страстно-любимаго челоовѣка, который, побѣдивъ ее *въ борьбѣ*, предается ей беззащитный) на художественные женскіе типы *Шекспира* и др.

*** Исторія революцій вездѣ, а не въ одной Франціи только, показываетъ это.

съ раннаго возраста и тщательно прививаются къ уму мужчины *въ виду* его будущаго соціально-политическаго назначенія“. Не можемъ рѣшительно понять, *откуда*, во первыхъ, берется такое понятіе о разницѣ въ воспитаніи женщины, будто бы намеренно-развращаемой въ виду ея будущаго *сѣмейнаго* положенія, и мужчины, намеренно же укрѣпляемаго въ началахъ права, справедливости и т. п. въ виду его будущаго *общественнаго* положенія? Гдѣ тѣ педагоги которые не призвали бы что начала права и справедливости одинаково необходимы и въ семейной и въ общественной жизни? * И откуда это узнали, далѣе, будто *характеры* создаются путемъ тщательныхъ *внушеній*? Развѣ люди бываютъ невеликодушны, жестоки, мстительны, несовѣстливы въ выборѣ средствъ потому что имъ *мало внушали красоты* великодушія, правдивости, уваженія къ чужому праву и т. п.? Вѣдь еслибъ *отъ этого* зависѣло дѣло, то образцовыми въ нравственномъ отношеніи людьми оказались бы тѣ которые особенно долго и прилежно изучали чистолисаніе и особенно часто поэтому перелисывали всякія правоучительныя прописи! И развѣ можно сказать будто наши женщины меньше и хуже насъ *знаютъ и понимаютъ* всякаго рода нравственныя красоты, чтобъ онѣ были худшими *цѣнителами* этихъ красотъ нежели мужчины? Не въ знаніи и пониманіи тутъ дѣло, также какъ и не въ умѣннѣ судить о достоинствѣ лицъ и поступковъ *со стороны*. Здѣсь все дѣло въ умѣннѣ примѣнять начала этого сужденія *какъ общія*, предъ которыми *всѣ равны, къ самому себѣ* и—примѣнять ихъ въ самомъ разгарѣ борьбы личныхъ интересовъ и страстей, отвлекаясь ото всякихъ пристрастій и личностей. И въ этомъ умѣннѣ женщина по самымъ кореннымъ свойствамъ ея душевной организаціи не

* Считать же систему воспитанія „развращающею“ на томъ единственно основаніи что она подготавливаетъ къ задачамъ *сѣмейной* жизни возможно очевидно лишь признавъ изначала *самую форму сѣмейной жизни за школу безнравственности*. Не это ли и хотятъ сказать? И любопытно, какія при этомъ формы экономической, политической, биржевой жизни признаются школами „нравственности“? Или идеалъ нравственности не въ *общеніи* между людьми (въ семьѣ—попадѣйшее выраженіе его), а въ *правильности* борьбы ихъ за существованіе, такъ-сказать въ умѣннѣ „перегрызать другъ другу гору“ съ соблюденіемъ *всѣхъ формъ вѣжливости и права* (удобнѣйшія поприща котораго—биржа и парламентъ).

можетъ оказаться особенно сильною, какъ старательно *мыслили* бы ей идеи равенства, безпристрастной справедливости и т. п. Если для дѣятельнаго участія во всякой *культурной* (не стихійной) борьбѣ требуется господство въ мысли идеи равенства и слѣдовательно значительная энергія отвлеченія и если, съ другой стороны, по основному закону сохранения силы, существо богатое впечатлительностью не можетъ быть въ то же время сильно и въ отвлеченіи, то женщину нельзя не признать не созданною для дѣятельнаго, непосредственнаго участія въ общественной и политической борьбѣ. И это не вслѣдствіе случайностей воспитанія и положенія, а вслѣдствіе коренныхъ особенностей ея душевной организаціи, вслѣдствіе неустранимой никакимъ положеніемъ и воспитаніемъ впечатлительности, цѣльности и малой отвлеченности ея ума.

Особенно не логичнымъ представляется намъ когда тѣ кто приписываютъ всѣ слабости и недостатки женщины, проявляющіяся въ однихъ областяхъ жизни, случайностямъ извѣстной *системы воспитанія*, здѣсь же преспокойно перечисляютъ и всѣ прямо соответствующія тѣмъ недостаткамъ превосходства женской мысли и воли, выступающія впередъ *въ другихъ* сферахъ жизни, нисколько не подозрѣвая повидимому связи этихъ превосходствъ съ *тою же* системой воспитанія. Повидимому не знаютъ или не хотятъ знать что *корень и недостатковъ и превосходствъ—одинъ и тотъ же* и что если этотъ корень—опредѣленная „система воспитанія“, то съ ея уничтоженіемъ устраняется причина не только всѣхъ слабостей, но и всѣхъ превосходствъ. Не замѣчаютъ по странной близорукости и того обстоятельства что *одна и та же* духовная организація (много или мало развитая „системой воспитанія“) въ *однихъ* задачахъ жизни проявляетъ себя только недостатками, уродствами, въ *другихъ* же только соответствующими силами и красотой. А отсюда можно бы кажется догадаться что *суть* вопроса здѣсь вовсе не въ той или другой системѣ воспитанія этой духовной организаціи, но въ томъ, соответствующія ли ея особенностямъ или не соответствующія имъ задачи поставлены ей жизнью для разрѣшенія?

Нужно мыслить если не въ практической борьбѣ, то по крайней мѣрѣ въ наукѣ, послѣдовательно, и если мы приходимъ въ восторгъ, преклоняемся предъ золотою стороною

медали, то должны примириться и съ ея обратной стороной. Никакое воспитаніе не лишитъ женщину ея морализующаго жизнь вліянія, *доколь* она не выходитъ изъ роли *моральнаго агента жизни*,—роли воспитателя, моральнаго судьи (такъ-сказать *воплощенной совѣсти*), вдохновителя и руководителя. Но и никакое воспитаніе не дастъ ей мужской отвлеченности, мужскаго хладнокровія, великодушія, безпристрастія, совѣстливости, коль скоро она обращается въ *непосредственнаго*, дѣятельнаго участника въ жизненной борьбѣ, изъ агента моральнаго обращается въ юридическаго, политическаго и т. п. И въ той и въ другой роли она остается все тою же женщиной,—женщиной которая *сама по себѣ* ни ангелъ, ни демонъ, ни выше и лучше, ни ниже и хуже мужчинъ; но съ тою разницей что въ одной она проявитъ всѣ свои чудесныя достоинства, перейдя же въ другую, разовьетъ до самаго крайняго и уродливаго выраженія всѣ свои худшіе недостатки. Поэтому мы не можемъ не согласиться съ О. Контонъ когда онъ пишетъ къ Дж. С. Миллю: „въ отношеніи осуществленія назначенія женщины (морализація жизни) полезна даже ея отчужденность отъ разныхъ практическихъ специальностей, ибо она облегчаетъ ей ея кроткое, умѣряющее вліяніе... при уравниеніи же половъ... справедливо приписываемыя женщинѣ качества получили бы меньшее развитіе“ *.

За то, прибавимъ мы, получили бы большее развитіе всѣ столь же справедливо приписываемыя женщинѣ недостатки. Наконецъ, всякое сосредоточеніе женскихъ силъ въ какой либо специальной профессиональной дѣятельности лишаетъ женщину и главной черты ея *духовной прелести*, главной ея привлекательности; а послѣднія составляютъ несомнѣнно одну изъ сильнѣйшихъ орудій осуществленія ею въ жизни ея морально-воспитательной задачи.

Главная духовная прелесть женщины тѣснѣйшимъ образомъ связана съ ея слабостью въ отвлеченіи и съ соответствующимъ богатствомъ ея впечатлительности и бессознательной сферы душевной жизни ея. Всѣ эти свойства естественно не дозволяютъ женщинѣ намѣренно и усиленнымъ напряженіемъ вниманія сосредоточиться на какомъ-нибудь *одномъ* радѣ специальныхъ исключительныхъ понятій и

* Письма Огюста Конта къ Джону Стюарту Миллю, приложенныя къ русскому переводу *О подч. эволюц.* (Цебриковой) стр. XLVI.

интересовъ, оставаясь замкнутою ко всей массѣ не входящихъ въ этотъ рядъ впечатлѣній, доставляемыхъ ей ежеминутно живою и безконечно разнообразною окружающею дѣйствительностью. Все это не даетъ ей всецѣло сосредоточиться, специализоваться въ одномъ направленіи, а потому и сохраняетъ ей постоянное разнообразіе, съжестъ и полноту внутренней жизни. Благодаря своей большей впечатлительности и эмоциональности, женщина вообще болѣе мужчины зависима отъ „вліяній минуты“, болѣе зависима отъ измѣненій въ окружающей ее средѣ, а вслѣдствіе этого и сохраняетъ постоянную *отзывчивость* на всѣ эти безконечно-разнообразныя вліянія. Ей, какъ мы видѣли, по преимуществу свойственна способность понимать *всѣ* окружающіе ее разнообразнѣйшіе интересы, характеры, настроенія, страсти и направленія мысли; а лишь постольку въ данномъ случаѣ есть *пониманія, постольку возможно и сочувствіе*: второе безъ перваго невысказано. Благодаря этой способности женщина, чѣмъ и въ какой мѣрѣ она ни была бы *ослаблена*, остается все-таки открытою для *всѣхъ* вліяній, остается все-таки какъ бы фокусомъ въ которомъ сходятся и преломляются всѣ лучи отъ окружающаго ее горизонта*. А это даетъ женщинамъ не только большую живость и правду, но и большую *полноту* сочувственнаго пониманія окружающаго сравнительно съ мужчиной, все развитіе котораго представляетъ *рядъ ступеней восходящей специализаціи* и въ кругъ понятій, и въ кругъ дѣлъ, интересовъ и привычекъ. Чѣмъ *уже* этотъ кругъ, чѣмъ выше достигнутая ступень специализаціи, тѣмъ сосредоточеннѣе дѣйствуетъ въ немъ воля и мысль, тѣмъ слѣдовательно производительная сила ихъ больше. Но и тѣмъ меньшую совокупность задачъ и интересовъ жизни захватываетъ она, тѣмъ невоспріимчивѣе, тулѣе и равнодушнѣе становится человекъ ко всему лежащему внѣ тѣснаго круга его специальности. Тѣмъ болѣе отчуждается онъ отъ живаго разнообразія и многосторонности окружающаго жизни, а слѣдовательно и отъ вѣрнаго пониманія ея во всей ея правдѣ, тѣмъ болѣе утрачиваетъ способность сочувствовать *всѣмъ* ея сторонамъ и тѣмъ болѣе замыкается въ своей собственной ограниченной индивидуальности, по ея только узенькой и условной

* Узокъ этотъ горизонтъ или нѣтъ, но онъ конкретенъ, даетъ много лучей и лучей разнообразныхъ.

кѣркъ міря отнынѣ вся и все. Отсюда вытекають грубый, насильственный деспотизмъ или тулость, ненаходчивость и какаѣ-то дѣтская безпомощность въ столкновенияхъ съ живыми, безконечно разнообразными характерами людей и положеніями. Отсюда неумѣнье *перенестись* душой въ чужое положеніе и сочувствовать чужому интересу, горю и радости, бѣдность, однообразіе и сухость внутренняго міра, а подъ конецъ даже какаѣ-то болѣзнь всякой жизни и всякаго разнообразія вообще,—какое-то робкое избѣганіе столкновений съ живыми людьми и задачами дѣйствительной жизни. Всѣ эти естественныя послѣдствія развитія мысли и воли въ направленіи крайней спеціализаціи мы можемъ наблюдать *только* на мушкетерахъ, спеціалистахъ и по особенностямъ своей психической организаціи (слабая впечатлительность и сильное отвлеченіе, сознательная работа вниманія) и по особенностямъ своихъ жизненныхъ задачъ (за рѣдкими исключеніями профессиональныхъ), которыя именно требуютъ силы отвлеченія, сосредоточенія душевной энергіи и малой впечатлительности. Въ женщинѣ, пока она не выходитъ за сферу своего естественнаго призванія, мы не находимъ ничего подобнаго. Ни ея силы, ни ея наклонности, ни ея впечатлительность и большая быстрота въ смѣнѣ ея впечатлѣній, а слѣдовательно и большая *потребность въ ихъ разнообразіи*, не даютъ ей дойти до этой степени спеціализаціи и слѣдовательно *производительности въ одной опредѣленной области, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сравнительной односторонности и тулостью*. Женщина *естественно*, поэтому, въ меньшей чѣмъ мужчина степени есть производительная (*рабочая*) сила на пользу общества, но именно это самое и сохраняетъ ей драгоценную способность все понимать, всѣмъ наслаждаться и на все отзываться. Благодаря этому она еп *passé* не только *практичнѣе* самаго умнаго и развитаго мужчины, не только больше и умнѣе его умѣеть *утилизировать* то что однако же есть главнымъ образомъ дѣло его производительной работы, но и приобретаетъ особое нравственно-воспитательное вліяніе и значеніе, *инстинктивно побуждая* *всѣхъ, кто нуждается въ пониманіи и сочувствіи, также какъ и въ указаніи лучшихъ путей наслаждаться дарами жизни, обращаться къ ней, а не къ мужчине*. Всякому, на примѣръ, извѣстно что мушкетеръ, слишкомъ занятому самимъ собой, слишкомъ всецѣло сосредоточенному въ своей спеціальной задачѣ, нужно

непрямѣнно *разказать* свою радость, горе или желаніе прямыми и точными словами, если мы желаемъ чтобы онъ насъ понималъ; женщина же угадаетъ васъ на полусловѣ и полусловомъ же дастъ вамъ угадать и свое сочувствіе и свое указаніе на разрѣшеніе заданнаго вами вопроса. А извѣстно, какъ мы заботливо скрываемъ отъ чужаго глаза въ особенности сври страданія и какъ все самое интимное, самое священное и неприкосновенное изъ волнующаго нашу душу и переживаемаго ею боится грубой формулы слова. * У мужчинамъ, тамъ гдѣ формула слова для насъ или неудобна, или не вполне достаточна, можно встрѣтить полувнимательный или недоумѣвающий взглядъ въ отвѣтъ на неполное или не вполне точное выраженіе ему того въ чемъ мы ждемъ себѣ отъ него сочувствія или помощи; у женщины, *если она только не личный врагъ вашъ* и не хочетъ оскорбить васъ, никогда! Все это дѣлаетъ изъ женщины лучшаго, болѣе чуткаго и деликатнаго друга, чѣмъ какимъ можетъ быть мужчина. Ово же даетъ ей способность быть другомъ, вступать „во внутреннее общеніе“ съ людьми самыхъ разнообразныхъ характеровъ, положеній и развитія, тогда какъ у мужчины кругъ лицъ съ которыми дѣйствительное внутреннее общеніе для него возможно тѣмъ болѣе *ограниченъ*, чѣмъ самъ онъ достигъ большей опредѣленности мысли и характера. Эта же самая способность сочувственно понимать и вступать во внутреннее общеніе съ людьми, далеко расходящимися между собою и по характеру своихъ понятій и стремленій и по роду своего дѣла, и такимъ путемъ устанавливать общеніе и между этими замкнутыми сами по себѣ другъ для друга внутренними мірами, дѣлаетъ изъ женщины и *главное связующее звено въ обществѣ*. ** Подтвержденіе

* Между прочимъ и потому что слово, какъ обозначеніе *общаго* понятія, никогда не въ состояніи вполне передать тончайшихъ, неумовимыхъ, во всей своей индивидуальности (но только въ ней и дорогихъ для насъ) оттѣнковъ чувства и мысли.

** Въ собраніе мужчинъ, вызванное не какою-либо соединяющею ихъ на этотъ разъ *спеціальною* задачей (общимъ дѣломъ или интересомъ), единство, оживленіе, словомъ душу внести въ состояніи только женское присутствіе. Одно оно въ состояніи пагнать скуку и латанутость изъ общества людей преслѣдующихъ далеко расходящиеся интересы, разномыслящихъ и всюду носящихъ съ собою свою исключительность и озабоченность. Убѣдиться въ этомъ очень легко

такого вліяння жемственой души въ жизни мы встрѣчаемъ опять на примѣрѣ старыхъ холостяковъ, сухость, черствость и всеобщительность которыхъ слишкомъ хорошо извѣстны. И одна изъ лучшихъ женщинъ-писательницъ (Мисе Давиель Стеръ) вѣрно замѣчаетъ что тамъ гдѣ женщина отчуждена отъ общественной жизни, тамъ и мужчины чуждаются другъ друга, живутъ изолированно и другъ друга не любятъ*. Можно сказать, поэтому, что въ томъ обществѣ гдѣ женскій элементъ вовсе отсутствовалъ бы или—что все равно—гдѣ женщина лишена была бы особыхъ *женственныхъ* качествъ, * не замедлило бы наступить истинное „Вавилонское столпотвореніе“ и люди перестали бы не только сочувствовать другъ другу и другъ друга поддерживать, но и просто другъ друга ловимать. И такой хаосъ насталъ бы въ обществѣ тѣмъ скорѣе чѣмъ высшей степени спеціализаціи, развитія во всякихъ спеціальныхъ задачахъ дѣятельности достигли его мужчины. Если у насъ вѣтъ этого Вавилонскаго столпотворенія, то лишь благодаря остаткамъ *женственности* женщинъ, имѣющей такимъ образомъ свое *существенное* значеніе въ экономіи жизни, не смотря на то что съ нею необходимо связана и меньшая *производительная* (въ разныхъ спеціальныхъ задачахъ) *сила* ихъ. И лучшимъ другомъ и главнымъ связующимъ звеномъ общежитія женщина является благодаря тѣмъ же самымъ особенностямъ ея душевной организаціи которыя дѣлають ее неспособною въ требующихъ отвлеченной односторонности задачахъ *профессиональной* дѣятельности.

VII.

Живость и конкретность женскаго ума вмѣстѣ съ его меньшею *способностью* отвлекаться отъ непосредственно окружающихъ лицъ и вліяній и меньшимъ *интересомъ* его къ отдаленнымъ лицамъ, временамъ и отвлеченнымъ началамъ,

на одномъ изъ тѣхъ „вечеровъ“ на которые желающіе устроить „пиръ для ума“ хозяева безъ разбора собирають и профессоровъ и литераторовъ, художниковъ и поетовъ, администраторовъ и финансистовъ, лишь бы только все это были люди „покрутѣе“, при строгомъ исключеніи женскаго „не серьезнаго“ элемента.

* То-есть была бы столь же профессионально озабочена и исключительно развита какъ большинство „дѣльныхъ“ мужчинъ“.

естественно ставить женщину въ болѣе *тѣсное и сочувственное отношеніе* къ непосредственной дѣйствительности, также какъ и въ болѣе *зависимость* отъ нея. * Отсюда столь же естественно вытекаетъ болѣе гармонія, меньшая возможность разлада и внутренней разорванности *какъ въ самомъ внутреннемъ мірѣ женщины, такъ и въ отношеніяхъ ея къ окружающей дѣйствительности*. У мужчины съ его способностью сосредоточивать весь свой интересъ и всю энергію въ одномъ исключительномъ направленіи, отвлекаясь отъ разнообразія живой дѣйствительности, эта гармонія и въ томъ и въ другомъ отношеніи гораздо менѣе достижима. Задачи непосредственной дѣйствительности, въ которую онъ погруженъ одною *непосредственною* стороною своего бытія, не составляющею для него предмета *напряженныхъ, сознательныхъ и излюбленныхъ* работъ его, — и тѣ болѣе или менѣе отвлеченныя, условныя задачи, на осуществленіи которыхъ сосредоточены вся его *воля, весь интересъ и вся сознательная и самостоятельная работа*, и слишкомъ далеко расходятся между собой и слишкомъ различную цѣнность, интересъ имѣютъ въ его собственныхъ глазахъ. Тамъ гдѣ отвлеченіе зашло черезчуръ далеко, разстояніе между двумя сторонами жизни, стороною обращенною къ реальной непосредственной дѣйствительности и стороною поглощенною односторонними и отвлеченными, *только сознательными* и идеальными задачами, естественно все болѣе и болѣе растетъ. Обѣ стороны все менѣе и менѣе соприкасаются и проникаютъ одна другую и наконецъ какъ бы распадаются на двѣ совершенно самостоятельныя сферы уже вовсе не соприкасающіяся, взаимно независимыя, *чисто* идеальную, сознательную, а *чисто* непосредственную, реальную, которыми человекъ уже и живетъ отнынѣ *поперемѣнно*, отнюдь не смѣшивая требованій одной съ требованіями другой. Чѣмъ выше, отвлеченнѣе идеальное развитіе мужчины, тѣмъ ближе къ нему и опасность такого *раздвоенія* жизни. А послѣднему

* До того что женщина не только, по замѣчанію Жанъ-Поль-Рихтера, въ сердцахъ окружающихъ читаетъ гораздо яснѣе чѣмъ въ своемъ собственномъ, но и въ своихъ сужденіяхъ о достоинствахъ окружающихъ и своихъ собственныхъ руководится, кромѣ исключительныхъ случаевъ, однією сдѣланною имъ тѣмъ обществомъ въ которомъ она вращается. „Was die Welt sagt ist wahr, und was sie thut gut“ ist ein weiblicher Grundsatz, замѣчаетъ Кантъ въ *Anthropologie* p. 345. Ausg. v. Hart.

необходимо сонутствуютъ неустойчивость, непослѣдовательность въ поведеніи и страданіе. Сознательная (чисто-духовная) и непосредственная (чисто чувственная) жизнь враждебно противопологалась въ одной душѣ,—а не противоположить она онѣ не могутъ тамъ гдѣ энергія сознательной дѣятельности порвала между ними всякую связь и общеніе,—не могутъ не вовлекать эту душу въ бездну противорѣчій и страданія *. И стоитъ только прослѣдить біографіи знаменитыхъ мыслителей, поэтовъ, художниковъ для того чтобъ убѣдиться въ томъ какъ часто встрѣчается здѣсь эта видимая аномалія: *возвышеннѣйшій, чистѣйшій идеализмъ съ искусствомъ и наукой, съ области спеціальной и сознательной дѣятельности, и слѣпость грубѣйшій, ничто въ облагораживающей социализмъ съ такъ-называемой всендневной жизни.* Въ лучшемъ случаѣ этотъ разладъ выражается просто въ томъ что въ удовлетвореніи обиходныхъ потребностей жизни, въ ея простѣйшихъ отношеніяхъ, нуждахъ и наслажденіяхъ человѣкъ уже *не ищетъ*, а потому естественно и *не наводитъ* никакого идеальнаго смысла, ничего облагораживающаго, одухотворяющаго и скрашивающаго ихъ грубую и лошлую сторону. Въ худшемъ случаѣ онъ приводитъ къ развитію дурныхъ страстей, пороковъ чувственности и ладенію: примѣры Бекона Веруламскаго и лорда Байрона слишкомъ крупы и ярки для того чтобы приводить здѣсь еще другіе.

Не то мы видимъ въ женщинѣ. Никогда не возносится она такъ высоко надъ непосредственною дѣйствительностью въ міръ исключительнаго идеала, сохраняя при томъ хотя сколько-нибудь энергію чувственности, но и никогда не падаетъ такъ глубоко и исключительно въ чувственную грязь, никогда не бываетъ во всендневной жизни (рядомъ съ сохра-

* Эта именно раздвоенность изображена величайшимъ изъ новыхъ поэтовъ въ лицѣ Фауста, черезъ котораго цѣлая половина человечества жалуется:

Ахъ, двѣ души меня терзаютъ нескладно,
 Враждебныя бѣгутъ одна другой...
 Одна рабыня вождѣній
 Платски въ земную грудь впилась
 И цѣлко къ пероти ахнетъ и жаждетъ пресажденій,
 Другая, лучшая, юдою отрекась
 И рвется къ праотцамъ въ заоблачныя сѣни.
 (Фаустъ. Переводъ Струговщикова).

повиеніемъ какого-либо идеала мысли и воли) такъ грубо матеріальна, *только утилитарна, несмысленна и неэстетична* *. Великій мыслитель или художникъ который въ то же время и великій скрага или пьяница или цывикъ, явленіе далеко не рѣдкое; но женщина сохранившая въ себѣ хотя искру духовности и въ то же время скрага, пьяница или цывикъ—вѣчто невообразимое. Слишкомъ для этого цѣльна, *конкретна* ея мысль и воля, вся ея натура, слишкомъ слаба ея сила отвлеченія, слишкомъ глубоко, всесторонне и тѣсно сопродикаются чисто духовная и непосредственная стороны ея существа.

Кантъ совершенно вѣрно замѣчаетъ какъ эта *большая элементность* духовной жизни съ тѣлесною оказывается уже въ самой *красотѣ* женскаго образа **. Но и ото всего окружающаго ее женщина требуетъ того же прекраснаго единства, того же *воплощенія духовнаго*. Во всѣ мелочи своихъ житейскихъ отношеній и своей обстановки вносить она одухотворяющія, осмысливающія и облагораживающія начала, вносить символизмъ, изящество. А вліяніе этихъ мелочей на развитіе характеровъ, постоянное и всестороннее, хотя и мало замѣтное, неизмѣримо велико,—больше можетъ быть чѣмъ вліяніе потрясающихъ по своей незаурядности рѣдкихъ уроковъ жизни. Поэтому нельзя не признать вѣрнымъ выраженіе *Мишле* что „женщина—урожденная аристократка, кто бы она ни была и что между женщинами нѣтъ черни“. Какъ *обстановка* женщины всегда болѣе или менѣе изящна,

* Этимъ тѣснымъ сопродикновеніемъ чувственной и идеальной сторонъ духовной жизни женщины, котораго не находимъ мы въ мужикѣ, объясняется тотъ повидимому странный, но общезвѣстный фактъ что мужчина исключительнѣе, такъ-сказать стихійнѣе и беззавѣтнѣе въ удовлетвореніи чувственной потребности или страсти чѣмъ женщина, не смотря на то что послѣдняя обладаетъ и большею страстностью вообще и въ особенности большимъ сластолюбіемъ. Ненасытимымъ же можетъ быть лишь сластолюбіе, но не чисто-чувственная страсть, потухающая съ удовлетвореніемъ ея, тогда какъ страсти, предметъ которыхъ чисто идеальный (напримѣръ честолюбіе, скудость) могутъ развиваться безпредѣльно, быть ненасытими. И этого рода страсти дѣйствительно изображались всегда въ мужскомъ образѣ, тогда какъ ненасытимое сластолюбіе выражалось въ образѣ прекрасной женщины. Характеристика ея въ этомъ отношеніи у Прудона (въ *Amour et mariage*) грѣшитъ только преувеличеніемъ.

** Kant. *Anthropologie*. A. v. Ros u. Schub. 291.

одухотворена, проникнута символическимъ смысломъ, * все облагораживающимъ, такъ и ея собственному внутреннему міру чужды разладъ и страданіе, такъ часто вытекающіе (и бывшіе даже не столь давно въ такой модѣ), изъ чувства глубокаго недовольства непосредственною дѣйствительностью, необходимо возникающаго послѣ того какъ мы сами, отвернувшись отъ этой дѣйствительности, лишили ее всего одухотворяющаго, сами обратили ее въ мертвую, безотрадную и пошлую лустыню. Дѣльность и конкретность ума женщины ограждаетъ ее отъ такого отрицающаго духовное значеніе дѣйствительности во имя чисто отвлеченнаго идеала взгляда на нее и отъ сопровождающихъ чувствъ лустоты жизни и страданія. Она, благодаря этому, въ высокой степени обладаетъ тою душевною гармоніей и ясностью, которая у мужчинъ высокаго развитія встрѣчаются лишь въ такихъ исключительно одаренныхъ организаціяхъ, какъ на примѣръ у Гёте.

Морально-воспитательное вліяніе этихъ качествъ ея на семью и группирующееся вокругъ нея общество нельзя не ставить высоко, если мы признаемъ вообще за эстетическими вліяніями какое-либо морально-воспитательное значеніе. Въ наше время это значеніе отчасти систематически отрицается, чаще же просто игнорируется. Но ни одинъ психологъ, къ какой школѣ онъ бы ни принадлежалъ, не рѣшится утверждать конечно чтобы не имѣло благотворнаго морально-воспитательнаго вліянія интимное общеніе съ существомъ обладающимъ гармоніей и ясностью внутреннего міра, существомъ одухотворяющимъ, символизующимъ всѣ мелочи ежедневной обстановки и жизни, не давая ни этимъ роковымъ мелочамъ утратить всякій духовный смыслъ и цѣну, ни міру идеальному всецѣло оторваться отъ той жизни которая изъ этихъ роковыхъ мелочей слагается и которою мы, хотимъ ли этого или нѣтъ, должны жить. Въ этой гармоніи красота, а красота и гармонія полезны, помимо всякихъ утилитарныхъ цѣлей, уже тѣмъ что существуютъ и что ихъ можно созерцать и постигать. И онѣ тѣмъ полезнѣе чѣмъ больше дисгармоніи, разорванности, безобразія и страданія представляетъ окружающая жизнь. Красота конечно сама по себѣ механи-

* Поэтому-то по обстановкѣ женщины почти всегда можно судить вѣрно заключеніе о ея характерѣ, по обстановкѣ же мужчинъ — почти никогда.

ческой работы не производить, она не *производительная* сила, какъ экономическая, политическая или литературная; и для тѣхъ кто иныхъ производительныхъ силъ вообще не знаютъ и не цѣнятъ, красота конечно *непроизводительна*: le beau c'est l'inutile. Но для тѣхъ кто признають и морально-воспитательную задачу за одну изъ „серьезныхъ“ задачъ жизни, несомнѣнно и красота гармонически-настроенной ясной души есть „одна изъ силъ разумныхъ міра“. Повторю и здѣсь слова Шиллера, на которыя давно уже ссылался въ другомъ мѣстѣ: „и въ нравственной области, какъ и въ политической, существуетъ различіе болѣе и менѣе благородныхъ; менѣе благородныя цѣнятся потому что они *даютъ*, болѣе же благородныя потому что они *суть*“. Съ этой точки зрѣнія женщина несомнѣнно болѣе аристократка, чѣмъ рабочая сила жизни мужчины.

Но эта самая внутренняя гармонія и ясность, сопровождающія болѣе тѣсное и сочувственное отношеніе женской души къ окружающей дѣйствительности, находятъ себѣ поддержку и развитіе еще въ другихъ особенностяхъ психической организаціи ея, на которыя я указывалъ уже въ IVй главѣ. Болѣе быстрый ритмъ душевной жизни женщины обуславливаетъ собою, какъ мы видѣли, соответствующее *разнообразію* впечатлѣній и дѣятельностей, преобладаніе въ душевной экономіи поводовъ къ возникновенію пріятныхъ, не утомляющихъ своею продолжительностью чувствъ, при менѣе сосредоточенной и *напряженной*, слѣдовательно и менѣе утомляющей, менѣе тягостной работѣ психической энергіи вообще. Въ результатъ получается болѣе свѣтлое и жизнерадостное общее настроеніе души и соответствующее болѣе теплое отношеніе къ людямъ и событіямъ. * А все это даетъ женщинамъ (оставшейся вѣрною своему телу) и особыя ей только свойственныя силы, особую энергію жизненности. Умѣла лучше и умѣе мужчины наслаждаться дѣйствитель-

* Въ этомъ глубокой смыслъ характеристикѣ роли „Психеи“, лежащейся въ кругу живущихъ бѣдною, отвѣченною и трудовою жизнью существъ, данной нашимъ поэтомъ А. Майковымъ въ предѣльномъ стихотвореніи:

Съ зелеными полей
Въ царствѣ бѣдное тѣней
Залетѣла разъ Психея и т. д. (*Два Мира*)

ностью, женщина лучше его переживает и ее невзгоды и неудачи, и лучше и полнее его приспособляется къ ея крутым поворотамъ. „Справедливо замѣчено съ давнихъ поръ, говоритъ Лотце,* что женщины гораздо легче приспосабливаются къ новому быту, непривычному сану или внезапно измѣнившейся экономической обстановкѣ, тогда какъ мужчина едва можетъ изгладить слѣды своего юношескаго воспитанія. Да и приобретенные навыки держатся въ немъ гораздо крѣпче, а перерывъ однажды введеннаго порядка, отсутствіе срочнаго удовлетворенія извѣстныхъ потребностей, причиняютъ общему его расположенію гораздо болѣе расстройствъ, нежели женскому. Съ этими чертами само собою соединяется та смѣсь сангвинической живости и сентиментальной теплоты сердца которую мы или находимъ въ женщинѣ, или объ отсутствіи которой жалѣемъ какъ о недостаткѣ“. Женщина *симпатизируетъ* мужчине не только физически, но и морально; и тамъ гдѣ сильнѣйшій мужчина терается, падаетъ духомъ и малодушествуетъ,—счастлива она если около него есть женщина, долгие его сохраняющая и привязанность къ жизни и силу жить, женщина, которая сумѣетъ поддержать его, пристыдить его малодушіе и побудитъ вести дальѣе неоконченную еще съ одною неудачей жизненную борьбу! Она предохранитъ его отъ непоправимаго паденія,—и это знаетъ всякій кто переживалъ горькія минуты отчаянія, утраты духа и безсилія. И вѣрно въ этомъ отношеніи замѣчаетъ профессоръ Шкларевскій что правило „школа несчастій возвышаетъ человѣка“ вѣрно почти только относительно женщинъ; рѣдкій мужчина не портится нравственно испытая рядъ неудачъ въ своихъ стремленіяхъ... и мизантропія есть болѣзнь почти исключительно мужская.** Но изъ всего изложеннаго достаточно ясно вытекаетъ что и эта большая нравственная сила (такъ-оказать живучесть) женщины и поддерживающая ее гармонія и ясность ея внутренняго міра тѣсно связаны, съ одной стороны, со слабостью ея способностей и наклонностей къ *отвлеченію*, а съ другою—съ *отчужденіемъ* ея отъ тѣхъ сферъ жизни, гдѣ отвлеченіе необходимо и какъ условіе и какъ результатъ дѣятельности,

* Л. с. II. 498.

** Л. с. стр. 20. Въ литературѣ дѣйствительно не встрѣчается ни одного типическаго изображенія женщины-мизантропа.

то-есть отъ сферъ профессиональной дѣловитости и дѣятельнаго участія въ социальномъ-политической борьбѣ.

Тѣ самыя особенности въ тонусѣ чувства и общаго настроенія у женщины, которыя вытекаютъ въ концѣ концовъ изъ большей быстроты ритма ея душевной жизни, сами собою наводятъ насъ и на естественное объясненіе общепризнаваемаго преобладанія въ женской душевной экономіи *двухъ склонностей* опредѣляющихъ весь ходъ ея развитія, весь строй ея чувствъ и понятій и все ея поведеніе. Мы говоримъ, во-первыхъ, о доходящей у женщины до страсти *потребности въ разнообразіи впечатлѣній* и, во-вторыхъ, о естественной склонности женщины къ такого рода психическимъ дѣятельностямъ которыя *не требуютъ продолжительнаго и исключительнаго сосредоточенія вниманія на одномъ предметѣ, не претерпѣвающемъ въ это время никакихъ очевидныхъ измѣненій*, не доставляющемъ ей потому никакихъ свѣжихъ, новыхъ впечатлѣній. Соединеніе этихъ двухъ основныхъ склонностей женской души чрезвычайно располагаетъ ее къ такъ-называемымъ пассивнымъ душевнымъ дѣятельностямъ, то-есть дѣятельностямъ *состоящимъ болѣе въ воспріятіи впечатлѣній и немедленной реакціи на нихъ*, чѣмъ въ самостоятельной и планомерной переработкѣ впечатлѣній и группировкѣ ихъ въ болѣе или менѣе обширныя группы, системы. Съ другой стороны, отсюда вытекаетъ и склонность къ дѣятельности среди живыхъ конкретныхъ лицъ, характеровъ и вещей, претерпѣвающихъ, по мѣрѣ самого воздѣйствія на нихъ, наглядныя измѣненія и доставляющихъ душѣ все новыя и свѣжія впечатлѣнія. Отсюда объясняется большая потребность въ „обществѣ“ у женщины чѣмъ у мужчины и ея меньшая способность продолжительно слѣдить за какимъ-нибудь однимъ дѣломъ, хотя бы и очень для нея интереснымъ, не разнообразія его отступленіями въ сторону. Поэтому-то, какъ вѣрно замѣтилъ Шолленгауэръ, женщина въ театрѣ, концертѣ, на чтеніи гораздо труднѣе мужчины воздерживается отъ обращеній къ сосѣдямъ, неумыслной подвижности и т. п. Та же самая быстрота ея психическихъ работъ, которая даетъ ей прелесть и силу гармоническаго, яснаго и жизнерадостнаго настроенія, чрезмерно развивая *потребность* въ разнообразіи впечатлѣній, является источникомъ и нѣкоторыхъ специфически-женскихъ слабостей и пороковъ, вовсе уже лишениыхъ прелести.

Эта потребность въ большемъ разнообразіи впечатлѣній прежде всего становится у женщины причиной гораздо легче и быстрее чѣмъ у мужчины наступающей *скуки, вялости и утомленія* тамъ гдѣ ей приходится имѣть дѣло не съ живыми людьми и поступками, но съ отвѣченными задачами или сашкомъ однобразными, постепенно измѣняющимися предметами. Отсюда естественно вытекаетъ и бóльшая, часто чрезмѣрная потребность ея въ *развлеченіи, исканіи* ея всякаго случая доставить себѣ новыя, свѣжія впечатлѣнія. Это исканіе выражается, съ одной стороны, въ столь свойственнымъ женщинамъ неумолчномъ, живомъ, хотя и не пресѣдующемъ никакой опредѣленной задачи *любопытствѣ*. Съ другой же стороны, тамъ гдѣ это исканіе впечатлѣній ничего удовлетворяющаго его не находитъ, оно естественно обращается въ искусственное *творчество поводовъ* ко впечатлѣніямъ или въ искусственное раздуваніе наличныхъ впечатлѣній, *преувеличеніе* ихъ, хотя сколько-нибудь замѣняющее ихъ дѣйствительное разнообразіе. Такимъ путемъ развивается склонность къ той неопредѣленной и безцѣльной игрѣ *воображенія* которая называется „мечтательностью“ и столь извѣстная чисто-женская страсть *преувеличивать* всѣ самыя мелкія событія ежедневной жизни, если сама дѣйствительность настолько бѣдна и пуста интересомъ что не отвѣчаетъ на запросы ея впечатлительности. Какъ на виды этой вытекающей изъ потребности въ разнообразіи впечатлѣній склонности преувеличивать укажемъ здѣсь на склонность къ *сплетнямъ*, на свойственную столь многимъ женщинамъ *аффектацію*, въ которую театральность, мелодраматичность въ ежедневныхъ отношеніяхъ, какъ бы ловящую съ жадностью всякій отдаленный поводъ къ разнообразящей сѣренькія будни *уютъ*, на часто совершенно непонятную *настойчивость* въ совершенно ловидимому безразличныхъ вопросахъ, какъ бы они были самыя жизненные, и на весь безконечный рядъ такъ называемыхъ женскихъ *капризовъ*.

Мы не сократили, какъ видно, длиннаго списка мелкихъ, но часто тѣмъ болѣе несносныхъ чисто-женскихъ недостатковъ. Эти недостатки, вытекающіе изъ сравнительно большей потребности въ разнообразіи впечатлѣній и меньшей сосредоточенности, соответствующихъ болѣе быстрому ритму душевной жизни женщины, дѣйствительно составляютъ почти *исключительно женскія* слабости. Но онѣ, во первыхъ, являются лишь темною обратной стороной той самой особенности

женскаго духа изъ которой, какъ мы видѣли, вытекаетъ и главная прелесть его; и здѣсь, какъ вездѣ, свѣтъ возможенъ только подъ условіемъ непрозрачнаго отражающаго тѣла и слѣдовательно тѣни. Но, восторжъ, представляя результаты *крайняго* развитія одной стороны женскаго духа, ея чрезвычайной впечатлительности, они и не безусловно-обязательны для всякой женщины и во всякомъ случаѣ, какъ стараются увѣрить нѣкоторые, напримѣръ, Шоплегауэръ, не могутъ найти себѣ противовѣсь, нейтрализующее начало въ другой силѣ того же духа. *Нѣтъ противовѣсья этимъ женскимъ слабостямъ* (скажемъ даже порокамъ) *только въ той женской душѣ которая живетъ одною впечатлительностью.* Не создаетъ имъ такого противовѣсья у женщины даже и такъ-называемое „болѣе серьезное“ научное образованіе или требующая сосредоточенной работы специальная дѣятельность. Конечно, образованіе или специальная дѣятельность, обогащая внутренній міръ женщины массой новыхъ задачъ и ловатій, доставляютъ ей въ нихъ нѣкоторую замѣну того разнообразія впечатлѣній котораго никакая дѣйствительность не даетъ безгранично. Но и наука и специальная дѣятельность, требуя отвлеченія и напряженной, сосредоточенной психической работы, *сами по себѣ* уже усиливаютъ однообразіе этихъ работъ, сами по себѣ уже развиваютъ въ требующей бѣльшаго разнообразія душѣ *болѣе тягостныя чувства утомленія и скуки*, слѣдовательно сами по себѣ скорѣе ведутъ къ еще сильнѣйшему развитію разбираемыхъ женскихъ недостатковъ. * Они и не удовлетворяютъ запросовъ впечатли-

* Такъ-называемыя „ученыя“ (не просто образованныя) женщины чаще всего лишены всѣхъ чертъ привлекательныхъ и въ обыкновенной женщинѣ (яснаго, свѣтлаго и жизнерадостнаго настроенія, непринужденности и нерасчитанной граціи въ мысли и рѣчи, полноты внутренней жизни, непосредственности и т. п.) и въ ученыхъ мушкетѣ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ ученыхъ женщинъ не найдется ни одной учености которой была бы несомнѣнно дѣломъ беззавѣтной преданности *интересу самой науки*, независимости отъ болѣе или меньшей возможности заявлять себя этою наукой въ обществѣ какъ или очень модною, или очень мало-распространенною, или почитаемою очень не женскою. Кантъ превосходно замѣчаетъ относительно „ученыхъ“ женщинъ что онѣ „пользуются своими книгами также какъ и часами, которые носятъ на показъ другимъ, хотя бы они и стояли постоянно, или шли невѣрно“ (*Anthropologie* Ausg. w. Hart. p. 345).

тельности женщины и не приковываютъ къ себѣ вполне ея интереса. Такимъ интересомъ, могущимъ наполнить душу женщины (насколько мы ее пока знаемъ), отъчаясь въ то же время и запросамъ ея впечатлительности, можетъ быть не интересъ отвлеченной науки или спеціальнаго дѣла, но интересъ къ живому лицу—интересъ живаго и достаточно всеобъемлющаго и глубокаго чувства. Женщина глубоко и серьезно чувствующая не скучаетъ, не мечтаетъ, не сплетничаетъ, не дѣлаетъ сценъ, не капризничаетъ ради потребности въ одномъ разнообразіи впечатлѣній *quand-même*. Жизнь ея достаточно полна и безъ того; задачи же ставимыя ей тѣми отношеніями въ которыхъ ея чувство сосредоточено доставляютъ ей и достаточную массу впечатлѣній и достаточно дѣла, не требуя отъ нея въ то же время несвойственной ей отвлеченности и не развивая въ ней тягостныхъ чувствъ пустоты, утомленія и скуки. Побольше серьезныхъ, искренно-чувствующихъ матерей семейства и женъ—и мы будемъ имѣть меньше скучающихъ, праздно мечтательныхъ, сплетничающихъ и выискивающихъ случая къ сценѣ женщинъ!

Другая сторона дѣла,—склонность болѣе къ накопленію впечатлѣній и немедленной реакціи на нихъ, чѣмъ къ ихъ сложной переработкѣ и обширной систематизации, объясняетъ намъ одно важное различіе въ ходѣ развитія женщины и мужчины и одно существенное превосходство женской мысли и воли предъ мужскими. Всемъ извѣстенъ тотъ фактъ что до извѣстнаго періода, наступающаго нѣсколько позже періода половой зрѣлости, дѣвочки и дѣвушки развиваются и умственно и нравственно гораздо быстрее юношей и мальчиковъ, между тѣмъ какъ по наступленіи этого періода ихъ развитіе приостанавливается, мужское же развитіе безостановочно продолжается иногда даже за сорокъ лѣтъ. Многое въ этомъ фактѣ объясняется тѣмъ соображеніемъ что накопленіе впечатлѣній должно конечно предшествовать ихъ переработкѣ и системати-

Что именно въ учении дѣлится женщиной, видно изъ того характернаго факта что хотя мы знаемъ о многихъ скромныхъ, непритязательныхъ ученыхъ мужчинахъ,—о скромной и непритязательной ученой женщинѣ едва ли кто слышалъ. И часто бываетъ довольно женщинамъ попробовать даже только школьной науки чтобы притязать уже на значеніе „исключенія“, какого-то пера создателя,—чего никогда не приходится въ голову мужчинамъ.

заціи, а слѣдовательно и падать на годы дѣтства и юности; въ дѣлѣ же накопленія впечатлѣній и немедленной на нихъ реакціи женщина, какъ мы уже знаемъ, и физиологически и психологически—впередѣ мужчины. Далѣе, самое естественное назначеніе дѣвушки—сдѣлаться матерью и слѣдовательно непосредственно-практическимъ, морально-воспитательнымъ дѣтелемъ въ жизни, способствуетъ тому что дѣвушка болѣе стремится, достигши опредѣленнаго возраста, къ *реализаціи* приобретенныхъ уже въ предшествующемъ развитіи душевныхъ богатствъ, идеаловъ и стремленій своихъ, чѣмъ къ ихъ дальнѣйшей переработкѣ и обширной, имѣющей болѣе отвлекаемый интересъ, систематизаціи. Поэтому-то дѣвушка въ двадцать лѣтъ уже вполнѣ „сложилась“, организовалась духовно, тогда какъ мужчина часто до конца своей жизни учится и работаетъ надъ устройствомъ своего внутренняго міра. И что изъ двухъ *важныхъ*, реализація ли или безконечная выработка и обдуманная систематизація накопленнаго душой содержанія? Этотъ вопросъ по нашему убѣжденію рѣшительно не имѣетъ серьезнаго значенія, не вопросъ. Какъ первое безъ втораго не вполнѣ осмысленно, такъ второе безъ перваго вполнѣ пусто и безплодно, это слишкомъ ясно. Но важно здѣсь обратить вниманіе на то обстоятельство что *реализаторскія* наклонности и способности женщины находятъ себѣ существенную поддержку, съ одной стороны, въ болѣе тѣсной, непріозвольной и нерасторжимой связи у женщины впечатлѣній съ соответствующимъ воплощеніемъ ихъ (выраженіемъ, движеніемъ), въ болѣе быстромъ и роковомъ слѣдованіи одного за другимъ, а съ другой, въ болѣе нерасторжимой и непріозвольной связи у женщины психическихъ ассоціацій вообще. *

Въ этихъ двухъ обстоятельствахъ сказывается то—если преобладаніе *безсознательной* душевной жизни ** надъ сознательною, то по крайней мѣрѣ болѣе равномерное распределеніе между ними въ душевной экономіи женщины, на которое мы уже ранѣе указывали. Благодаря имъ женщины гораздо менѣе чѣмъ мужчины приходится сознательно обдумывать, взвѣшивать всякое изъ своихъ движеній или всякій изъ своихъ мысленныхъ актовъ (сужденія, умозаключенія

* См. гл. IV, подробнѣе въ *Псих. ритма* стр. 18—32.

** Къ проявленіямъ которой принадлежатъ и инстинкты, и навыки, и всякая механическая ловкость, неразчитанная умѣлость.

воспроизведенія). Она гораздо *непосредственнѣе* мужчины и дѣйствуетъ и мыслить, непосредственнѣе и потому быстрее его ошибается и въ томъ и въ другомъ, но и непосредственнѣе же его и быстрее приходитъ къ истинѣ, находитъ то что въ данномъ случаѣ нужно. Въ этой легкости и быстротѣ мысли и цѣлесообразнаго дѣйствія, какъ мы уже говорили, — и *грація* женской мысли и поведенія сравнительно съ выдающимися тяжелюю сознательную работу дѣйствіями болѣе медленнаго и неповоротливаго ума мужчины, и ихъ *интуитивный* характеръ, благодаря которому въ древности женщинѣ приписывалась даже вѣщая сила. * Этою легкостью и безотчетною быстротой мысли и дѣйствія женственной женщины опредѣляются и особенныя свойства ея *практичности*, превосходства и недостатки ея въ разныхъ областяхъ *дѣйствія*.

VIII.

Слабая способность и склонность женщины къ однообразной, чисто-сознательной и утомительной работѣ отвлеченія, вмѣстѣ съ ея несравненнымъ умѣніемъ интуитивно пони-

* Женское мышленіе и хотѣніе болѣе *организованы*, совершаются по болѣе неизмѣнно опредѣленнымъ *планамъ и путямъ*, нежели мужскія, менѣе сознательны и произвольны. Разсмотрѣніе перехода вполнѣ сознательныхъ и произвольныхъ душевныхъ работъ въ пошу-и без-сознательныя навыки, привычки, инстинкты (ср. *Плѣтисъ мистическаго ритма* с. 27—32) согласно „закоmu работы“, показываетъ постепенное *ускореніе* и *облегченіе* психическихъ работъ по мѣрѣ этой ихъ организаціи. Но болѣе быстрая въ сѣбѣ психическихъ актовъ не только *указываетъ* на ихъ болѣе большую организованность, а и *обуславливаетъ скорѣйшую организацію* (перевѣсъ навыковъ и инстинктовъ надъ сознательною работою) психической жизни вообще, обладающей болѣе быстрымъ ритмомъ. Это ясно уже изъ значенія для обращенія извѣстной группы понятій или душевныхъ движеній въ *примечныя* (данныя всакой разъ въ *готовой* уже ассоціаціи) *символы* ихъ въ слово, движеніе или дѣйствіе. Тамъ гдѣ это возмощеніе *непосредственно* слѣдуетъ за возбужденіемъ соответствующей группы понятій и чувствъ, ассоціація ихъ *очень скоро организуется*; тамъ гдѣ двигательныя реакціи задерживаются, и сама ассоціація образуется медленнѣе. При болѣе же быстромъ душевномъ ритмѣ связаны чувства, ощущенія и т. п. съ соответствующимъ движеніемъ гораздо непосредственнѣе.

мать индивидуальное, живое и привариваться къ нему, съ особенно-тонкимъ и чуткимъ *тактомъ* ея и богатствомъ привычекъ,—дѣлаютъ женщину не только *практичные* мушны, но и болѣе его склонною къ чисто-практической дѣятельности, также какъ и болѣе его *заинтересованною* въ вопросахъ непосредственно-практическихъ. Ясно какъ рядомъ съ меньшею способностью и склонностью посвятить свои силы на *выработку* (обоснованіе и развитіе) отвлеченныхъ началъ и идей,—долженъ развиваться у женщины большой интересъ къ *реализаціи* этихъ началъ и идей въ окружающей дѣйствительности. Женщина поэтому не усложняется, усвоивъ и выливъ себя какое-либо готовое общее начало, но—гораздо дѣльнѣе и страстнѣе мушны въ этомъ случаѣ—стремится къ его непосредственному *примѣненію* въ жизни. Эту характерную черту женской души объясняетъ намъ и подтверждаетъ все чтѣ было сказано нами раньше и о гармоніи женщины съ окружающею жизнью, и ея сочувственномъ отношеніи къ ней, при большемъ сравнительно съ мушной отсутствіи внутренняго разлада и раздвоенія, и о естественной большей зависимости женщины отъ окружающей дѣйствительности и большей неспособности *отрѣшиться* отъ ея непосредственныхъ вліяній. Изъ всего этого естественно вытекаетъ особая *значимость* для женщины реальныхъ воплощеній общихъ началъ въ окружающей ея дѣйствительности, то-есть *значимость быта и нравовъ*. Женщинѣ гораздо сроднѣе чѣмъ мушнѣ страстная привязанность къ обычаямъ и нравамъ, служеніе имъ и ревнивое охраненіе ихъ. За нею поэтому искони признавали значеніе блюстительницы нравовъ и видѣли въ этомъ естественно-консервативномъ отношеніи женщины къ окружающему строю и порядку жизни даже особенность ея историческаго, культурнаго назначенія *.

Но правда заключающаяся въ этомъ взглядѣ на женщину какъ на *только* консервативную силу жизни односторонна и далеко не исчерпываетъ всего смысла дѣйствительныхъ

* Какъ представительница и хранительница жизни рода, женщина уже а priori должна представляться болѣе консервативною чѣмъ мушны (ср. часто приводимую нами рѣчь проф. Шкаревскаго). Однако, такъ какъ она въ то же время и моральная личность, то этимъ родовымъ консерватизмомъ еще не вполне исчерпывается ея характеристика.

фактовъ. Несомнѣнно что для женскаго конкретнаго и практичнаго, богатаго навыками ума нравы имѣють гораздо болѣе интересъ и значеніе чѣмъ волютившіяся въ нихъ отвлеченныя нравственныя начала и системы, въ своей отвлеченности. * Несомнѣнно и то что лютая къ правамъ болѣе интересъ и болѣе дорожа внутреннею гармоніей, обусловленною согласіемъ принятыхъ ею началъ съ волютившею ихъ въ нравы дѣйствительностью, женщина ревнивѣе мужчины оберегаетъ эти нравы ото всякаго посягательства личной страсти, личнаго произвола или отвлеченной, не доказавшей еще свою жизненную правду системы. Она менѣе мужчины, съ его отвлеченнымъ теоретическимъ умомъ, склонна допустить производство надъ существующимъ привычнымъ строемъ жизни опытовъ въ угоду требованіямъ *такой* системы. Но это не значитъ еще чтобы для нея былъ дорогъ только самый этотъ строй независимо отъ одухотворяющихъ и осмысливающихъ его усвоенныхъ ею началъ, чтобы она была озабочена лишь сохраненіемъ существующаго порядка *quand-même*. Именно въ силу *цѣльности* своего духовнаго міра женщина настоятельно требуетъ чтобы проникающимъ его началамъ соответствовали и внѣшній строй жизни, чтобы въ охраняемыхъ ею обычаяхъ и нравахъ дѣйствительно выражались воплощенныя въ нихъ и дорогія ей начала. Поэтому она не приметъ, вопреки существующему строю жизни, *новаго* начала во имя однихъ отвлеченныхъ, *логическыхъ* превосходствъ его. Но тамъ гдѣ въ самой окружающей ее и родственной ей жизни обнаруживается внутренній разладъ между ея живыми интересами и силами съ одной стороны и существующими нравами съ другой, служащими инымъ, уже утратившимъ жизненность началамъ, тамъ гдѣ самые нравы утратили уже жизненный смыслъ и правду, женщина гораздо *болѣе* нежели мужчина чувствуетъ отсутствіе гармоніи вообще. Она гораздо *страстнѣе* его стремится и выйти изъ этого разлада, а потому является и гораздо *воспріимчивѣе* мужчины къ новому началу, и *заинтересованнѣе* его въ обновленіи нравовъ. Она не бываетъ ни прогрессивна, ни консервативна *по принципу*, въ угоду такому или иному теоретическому взгляду на значеніе того или другаго направ-

* И въ особенноти болѣе чѣмъ ихъ отвлеченное чисто-философское обоснованіе и развитіе.

ленія въ исторіи или политической жизни, какъ это нерѣдко случается съ мужчинами. Но именно это отсутствіе теоретическаго предрасудка, заставляющаго часто мужчину (особенно благодаря его меньшей чуткости и практичности) игнорировать требованія дѣйствительной жизни, дѣлаетъ ее и *болѣе мужчинами прогрессивною* тамъ гдѣ къ прогрессу толкаютъ не одни теоретическія и общія побужденія.

Истина такимъ образомъ въ томъ что женщина и консервативнѣе и прогрессивнѣе мужчины *въ области нравовъ*, но не въ области отвлеченныхъ теорій и началъ; она не только блюстительница, но и *сводительница* нравовъ. Въ этомъ ея великое значеніе, какъ исторической, культурной силы. Усвоивъ всею своею цѣлостною природою (а не однимъ логическимъ разсужденіемъ) какое-либо начало, женщина немедленно стремится реализовать его, воплотить въ нравы и жизнь. *А только этими путями и достигаютъ идеи, нравственныя начала прочнаго господства и историческаго значенія.* Не то мы видимъ у мужчины. Болѣе женщины сильный въ дѣлѣ отвлеченія, онъ болѣе самостоятельно *вырабатываетъ* свои руководящія нравственныя и общія начала (болѣе озабоченъ ихъ обоснованіемъ, выводомъ и доказательствомъ); онъ не просто усваиваетъ ихъ готовыми какъ женщина. Потому-то онъ и тѣмъ легче относится къ нимъ *критически*, какъ къ собственнымъ созданіямъ, и тѣмъ свободнѣе въ *замѣнѣ* ихъ новыми, лучше повидимому выработанными. Живя болѣе замкнутою въ себѣ и отвлеченною жизнью, въ которой окружающая среда съ господствомъ въ ней тѣхъ или другихъ нравовъ имѣетъ далеко не такое существенное и такъ постоянно присущее его сознанію значеніе, какъ въ жизни женщины,—мужчина естественно и менѣе ея устойчивъ, болѣе ея прогрессивенъ *въ области своихъ началъ*. Онъ и гораздо менѣе и холоднѣе ея *озабоченъ* воплощеніемъ усвоеннаго имъ начала, проведеніемъ его и охраненіемъ въ жизни. *

* Der Mann will Freiheit, die Frau sucht Sitte

давно уже было сказано. И вѣрность этого афоризма вполне очевидна для насъ, въ виду призваннаго нами перевѣса въ душевной экономіи женщины *привычныхъ, организованныхъ работъ надъ вполне сознательными и произвольными*, не только утилизирующими готовые результаты предшествующей душевной дѣятельности, но и создающими нечто новое. Для новосозданія нужна свобода, для проявленія навыка и разумнаго инстинкта нужны нравы.

Это различіе въ отношеніи мужчины и женщины къ идеямъ съ одной стороны и нравамъ съ другой,—различіе вытекающее, какъ видно, изъ коренныхъ особенностей всего душевнаго строя ихъ, опредѣляетъ собою и *родъ* и *степень* участія обоихъ половъ въ ходъ историческаго развитія человѣчества. Если мужчина *выработываетъ* руководящія этимъ ходомъ идеи, начала, то на долю женщины выпадаетъ *проведеніе ихъ въ жизнь, закрѣпленіе ихъ въ обычаяхъ и нравахъ, вліяніе которыхъ и постоянно и охватываетъ собою всю сторону чело-вѣческой жизни, проникая всю отношенія ежедневной жизни, а потому и прочно и глубоко воспитательно, и неодолимо для ея какъ орудій самой остроумной даже, но только логической критики.* Только нравы доставляютъ господство и культурное значеніе идеямъ. Только нравами, а не теоріями, и единичными, хотя бы и рѣзкими и сильными мѣрами законодательства и управленія побѣждаются нравы и излѣчиваются общественныя болѣзни; и только нравами, а не теоріями, или законодательными мѣрами, прочно и глубоко воспитывается природа чело-вѣческая. Но въ созданіи какъ и въ охраненіи нравовъ женщина и болѣе мужчины заинтересована, и болѣе его, умѣла. И это не только вслѣдствіе извѣстныхъ уже намъ особенностей ея ума и такта, но и вслѣдствіе того что въ нравахъ—настоящая сила женщины, соответствующей своему морально-воспитательному назначенію, ибо нравы наиболѣе сильный и прочный союзникъ специфически-женскаго, *морализующаго* жизнь вліянія. Женщина хорошо знаетъ это: легко прощая мужчинѣ проступки противъ нравовъ, какъ не существенные для выполненія имъ своего жизненнаго назначенія (такъ какъ въ производительной, творческой работѣ, а не въ нравахъ его сила), женщина обыкновенно безплощадна къ преступившей нравы сестрѣ своей, осуждая и карая въ ней какъ бы измѣнницу собственному знамени, вѣроотступницу. Если вытекающія отсюда нетерпимость, педантичная строгость и узкій формализмъ въ области нравовъ и обрядностей у женщины и вырождаются часто въ непривлекательныя черты неосмысленнаго и смѣшнаго обрядоваго деслотизма, то не нужно забывать что эти черты вытекаютъ изъ того же источника, откуда исходить и стремленье и умѣнье женщины провести въ жизнь, укоренить въ душахъ и отстоять противъ произвола личной мысли и воли тѣ идеи, общія начала, открытіе которыхъ

выпало на долю мужчины. *Какогъ цѣль* двухъ дѣлъ *сужденіе и почитаніе*: открытіе ли высшихъ руководящихъ началъ или видреніе ихъ въ жизнь и характеры, придаваніе имъ путемъ нравовъ дѣйствительной руководящей силы и значенія?—этотъ вопросъ, повторяемъ, не серіозный вопросъ. Оба дѣла одно безъ другаго не имѣютъ смысла и цѣлности, и оба дѣла равно необходимы для исторіи.

Въ особенноти нельзя низко цѣнить вылавшей въ этомъ отношеніи на долю женщины задачи,—видренія идей въ жизнь и характеры путемъ нравовъ,—въ такія эпохи исторіи когда старыя начала утратили свой авторитетъ, а новыя на замѣну имъ только еще ищутся и составляютъ пока предметъ теоретическихъ преній школъ, партій и кружковъ,—когда въ нравственныхъ убѣжденіяхъ господствуетъ анархія, и нравы остаются единственною связующею и улаживающею жизнь силой. Если въ такія эпохи и нравы наконецъ становятся безсильны, если и ихъ ревнительница и создательница—женщина наконецъ отвращается отъ нихъ и съ намѣшкой толчетъ ихъ въ грязь,—тогда съ увѣренностью можно сказать что жизнь дошла до конца одного изъ своихъ періодовъ и требуетъ обновленія, критики началъ доведшихъ ее до этого конца.

Примѣры такихъ критическихъ эпохъ, когда даже женщина ея *павше* возставала противъ нравовъ, мы видимъ въ слѣдніе вѣка предъ паденіемъ языческаго до-христіанскаго міра и—въ меньшей мѣрѣ—въ XVII и XVIII вѣка во Франціи, вѣка предшествовавшіе разгрому первой революціи. Весьма извѣстно какъ мало было нравовъ въ эти плачевныя эпохи и какъ неустово даже не боролись съ ними, а просто издѣвались надъ ними, какъ бы съ наслажденіемъ попирали ихъ, въ *особенности женщины* этихъ эпохъ.

Первый примѣръ, паденіе древняго языческаго міра и введеніе христіанства, послужить намъ и примѣромъ чрезвычайно ярко уясняющимъ какъ тѣ *пути*, средства, которыми женщина осуществляетъ свое историческое призваніе, такъ и несостоятельность разбираемаго мнѣнія, будто женщина по природѣ *только консервативна*, способна только къ слѣпой и упорной борьбѣ противъ новыхъ началъ въ защиту хотя бы и отжившихъ уже старыхъ. *Кто* былъ болѣе консервативенъ и кто болѣе прогрессивенъ въ этомъ величайшемъ, конечно, изъ всѣхъ міровыхъ переворотовъ, женщина или мужчина? *Кто*

былъ болѣе уловенъ и слабѣ въ защитѣ очевидно уже отжившихъ идей и формъ древняго міра, не хотѣвшаго знать *моральной личности* (души какъ *самоутли*)—женщина или мужчина? Исторія даетъ на эти вопросы не двусмысленный отвѣтъ. Женщина *раньше* мужчины ловяла несостоятельность древней, преслѣдовавшей исключительно *политическій* (гражданскій) идеалъ цивилизаціи, мало-по-малу утратившей своей смыслъ по мѣрѣ того какъ развилась, окрѣпла и выдвинулась впередъ со своими новыми требованіями сильная не гражданскою только, но *внутреннею* силой и правомъ, *моральная* личность, предвозвѣщенная Сократомъ и столь ненавидимая Аристофанамъ и Цезарямъ всѣхъ временъ. Она раньше мужчины отказалась отъ безнадежныхъ и бесполезно-жестокихъ попытокъ продлить агонію этого міра разными искусственными средствами, и раньше его всѣми силами и мыслями своими, всѣмъ сердцемъ отдалась новому началу христіанства возродившему міръ, для котораго одна *гражданственность* перестала уже быть достаточною опорой. Исторія же говоритъ намъ и о томъ, какими *путями* осуществлялось участіе женщины, проявлялась женская сила въ этой величайшей изъ міровыхъ революцій. Не путемъ созданія *догматовъ*,—даже не путемъ публичной профессиональной *проповѣди*, но путемъ *вліяній моральныхъ*, *вліяній* женщины того времени на современнаго человѣка *всю своею личностью*, своими *нравами и прилптрами*, всею создаваемою ею *обстановкой* семейною и общественною, *воспитаніемъ и помощью* страдающему человечеству. „Изъ тысячи женщинъ совѣтовавшихся съ учителями новой религіи“, говоритъ Легуве, съ особенною любовью останавливающихся на этихъ страницахъ исторіи женщины, „и съ которыми эти учителя совѣтовались, едва была одна сдѣлавшаяся сама учителемъ“. Солоставляя горячее участіе женщины въ дѣлѣ христіанства, поднявшаго знамя въ защиту игнорируемой древнимъ идеаломъ гражданственности моральной личности, съ признаннымъ безучастіемъ женщины не только къ чисто-политическимъ событіямъ (многія ли женщины безъ аффектаціи способны читать политическій отдѣлъ газетъ, напримѣръ?), но даже и къ судьбамъ цѣлыхъ государствъ и народовъ, мы убѣждаемся въ томъ какъ мало затрагиваютъ женщину интересы болѣе или менѣе *условные и отвлеченные*, не захватывающіе разомъ всѣхъ сторонъ ея душевной, внутренней

жизни, и только издалека и слабо отражающіеся на лицахъ, нравахъ и вещахъ непосредственно окружающей ее дѣйствительности. Убѣждаемся мы и въ томъ, какъ полно и беззаветно, съ какою неодолимою силой и самоотверженіемъ отдается женщина идеѣ, если эта идея не отвлеченна и одностороння, но захватываетъ и глубоко проникаетъ весь строй и ея вѣдшихъ отношеній и ея внутреннего міра *, міра который не умѣетъ быть не цѣльнымъ, не умѣетъ входить съ собой въ компромиссы и вести рядомъ какъ бы двѣ отдѣльныя жизни какъ мы видимъ это у мушеры.

Заключимъ и эту часть характеристики женщины, какъ воспитательницы человечества путемъ созданія нравовъ, замѣчаемъ что и эта сторона ея воспитательной миссіи выполняется только путемъ вліянія *моральмаго*; распространяющагося отъ одного цѣлостнаго внутреннего міра на другой, воспринимаемаго послѣднимъ свободно, а не по принужденію и имѣющаго своею задачей *лишь* этотъ живой и свободный внутренний міръ. Подобное вліяніе не только не подлежитъ какой-либо вѣдней регламентаціи закона или договора, не только не усиливается поддержкой со стороны вѣдней силы, интересовъ или принудительнаго права, но даже, будучи воспринимаемо благодаря такого рода поддержкѣ, усваивается въ виду вѣдней цѣли,—усваивается уже не свободно, не какъ личное *моральное* вліяніе ** и, далѣе, усваивается не глубоко и не прочно, слѣдовательно не какъ истинно-воспитательное вліяніе. Такимъ образомъ и съ этой стороны „эманципація“ дарованіе женщинамъ новыхъ правъ, новаго соціального и политическаго положенія, не только не послужитъ къ усиленію ея средствъ въ дѣлѣ созданія и упроченія нравовъ, какъ одной изъ главныхъ силъ воспитанія человечества, но скорѣе должна бы произвести противоположный эффектъ.

Психологически различное отношеніе мушеры и женщины къ міру идей и міру нравовъ вполне понятно какъ прямое слѣдствіе большей непосредственности, конкретности ума и воли женщины, большей *организованности* (непроизвольности и бессознательности) ея психическихъ работъ, находящихся

* Такова именно моральная идея „внутренняго человека“ внесенная христіанствомъ въ исторію и столь сродная женщинамъ по многимъ уже указаннымъ раѣ (V—VII вв.) причинамъ.

** Но какъ вліяніе того или другаго права, интереса, положенія etc.

соотвѣтствующую имъ область именно въ *организованной идее* (каковы нравы), но не въ произвольномъ и сознательномъ трудѣ надъ новосозданіемъ, отвлеченнымъ обоснованіемъ и развитіемъ этой идеи. Подтверждается это и съ другихъ сторонъ. Быстрота ритма душевной жизни естественно и необходимо рождаетъ потребность духа въ большемъ разнообразіи впечатлѣній, легко смѣняющихся, и развиваетъ поэтому склонность къ такимъ душевнымъ дѣятельностямъ которыя не требуютъ активного и усиленнаго напряженія вниманія, долго и равномерно сосредоточеннаго на рядѣ однородныхъ предметовъ—дѣятельностямъ, въ которыхъ навѣкъ вложивъ приложимъ и полезны. Поэтому-то, какъ было вѣрно замѣчено, женскій умъ и женская воля „хотя никогда не остаются совершенно праздыми, какъ это бываетъ у отдыхающаго отъ своего дѣла мужчины, но за то и всѣ свои дѣла дѣлають *между дѣломъ*“, ни на одномъ не спеціализуясь. Этимъ исключается возможность съ любовью и успѣшно дѣйствовать въ тѣхъ сферахъ гдѣ навыковъ недостаточно, гдѣ цѣль достижима только чрезъ очень долгій рядъ послѣдовательныхъ и однообразныхъ усилій, гдѣ нужны терпѣніе, выдержка и неподатливость на вліянія минуты. Такова въ мірѣ ума область отвлеченнаго знанія и строгаго доказательства, область мысли, „считающей свои шаги“ и вырабатывающей начала. Такова въ мірѣ *воли* область дѣйствій имѣющихъ своимъ предметомъ большія человѣческія массы и общія отношенія между безличными партіями, отвлеченными правами и интересами. Всѣ эти предметы стоять внѣ круга непосредственнаго наблюденія и быстро, *прямо* дѣйствія,—внѣ приложенія навыковъ. Самый эффектъ воздѣйствія на нихъ никогда не бываетъ очевиденъ непосредственно по произведенію его, но сказывается лишь чрезъ долгіе промежутки времени и сначала лишь отдаленными симптомами. Ни быстрота и практичность женской мысли и воли, ни ихъ живость (эмоціональность), конкретность и организованность не приспособлены къ дѣятельности въ этихъ условіяхъ. Они именно требуютъ: 1) чтобы предметъ ихъ дѣйствія былъ не отвлеченный и невидимый, но живой и доступный непосредственному наблюденію; 2) чтобы и средства воздѣйствія на него были не слишкомъ отдаленныя, условныя и искусственныя, только медленно и постепенно приближающія къ цѣли, но прямыя и готовыя, слодручныя, и наконецъ 3) чтобы и эффектъ дѣйствія былъ очевиденъ, не

заставляя себя слишкомъ долго ждать и не оставаясь въ предѣлахъ лицъ и предметовъ слишкомъ отдаленныхъ для того чтобы непосредственно повліять на умъ и волю женщины, на ея впечатлительность. Всѣ эти условія успешнаго проявленія женской воли и мысли очевидно встрѣчаются лишь въ области *правовъ*, отношеній конкретныхъ, *личныхъ*, тѣхъ отношеній гдѣ возможны и необходимы вліанія *моральныхъ*, и ни одного изъ нихъ нѣтъ въ тѣхъ областяхъ гдѣ требуется творчество, извѣстная отвлеченность, условность и специализація, долгое и равномерное воздѣйствіе условными средствами на отвлеченные предметы ради отдаленныхъ цѣлей и никогда не очевидныхъ эффектовъ. Таковы именно области чистой науки и серьезной общественной или политической дѣятельности.

Ежедневный опытъ убѣждаетъ насъ что это дѣйствительно такъ. Отвлеченное доказательство никогда не вліяло сильно на женщину и не бывало ея искреннимъ дѣломъ, какъ всегда было чуждо ей и обуславливающее его состояніе сомнѣнія.* Всѣ свойства женскаго ума дѣлаютъ убѣдительнымъ, интереснымъ и вполне понятнымъ для него именно непосредственно подлежащіе конкретные, индивидуальныя факты, характеры, событія и положенія, и въ той же мѣрѣ замыкаютъ ея воспріимчивость и ея интересъ къ общимъ, отвлеченнымъ отношеніямъ. А изъ предѣловъ общихъ отношеній не выходитъ ни отвлеченное доказательство ни социальное-политическая

* Сомнѣнія, т.-е. воздержанія отъ рѣшенія въ ту или другую сторону до тѣхъ поръ пока такое рѣшеніе не сдѣлается безусловно понудительнымъ логически,—воздержанія *сознательнаго* и *наимѣреннаго*, котораго не должно смѣшивать съ состояніемъ простаго, пассивнаго *колебанія* между двумя мнѣніями,—простой неувѣренности. Женщина можетъ колебаться, быть неувѣренною; но собственно сомнѣніе, какъ дѣло сознательныхъ и намѣренныхъ усилій въ виду достиженія конечной цѣли—истины, ей существенно чуждо. Это состояніе раздвоенія мысли, поддерживаемаго съ усиліемъ, тягостное и утомительное вообще,—еще тягостнѣе для души которой враждебно всякое раздвоеніе. Поэтому, повторяемъ, женщина или вѣритъ или не вѣритъ,—рѣдко (и не по доброй воли) колеблется,—но она не хочетъ и не знаетъ *сомнѣнія*, а *свѣдательно* не знаетъ и *умныя доказательства*. И дѣла сомнѣнія—*иронія* рѣдко находятъ въ женщинѣ искреннюю дѣятельницу и рѣдко привлекаетъ ея симпатію, хотя и можетъ возбуждать ея удивленіе.

дѣятельность. * Заставьте женскій умъ и волю отрѣшиться отъ того что имъ вполнѣ понятво и глубоко интересно, въ тонкомъ пониманіи чего и точномъ воздѣйствіи на что имъ только помогаютъ и ихъ быстрота и богатство навыками и ихъ эмоціональность; сосредоточьте этотъ умъ и эту волю на мало понятныхъ и мало сочувственныхъ имъ общихъ отношеніяхъ и интересахъ; потребуйте отъ нихъ несвойственной имъ быстротѣ и потребности въ разнообразіи работы творчества, долгаго и утомительнаго напряженія въ одномъ исключительномъ направленіи,—и ничего нѣтъ удивительнаго если несравненные въ своей родной стихіи этотъ умъ и воля въ чуждой имъ заявятъ себя болѣзненными и даже уродливыми эффектами, въ родѣ пресловутыхъ „скорослѣвыхъ выводовъ“ или Пигасовскаго „дважды два—стеариновая свѣчка“. Эти болѣзненности и уродливости, также какъ и недостатокъ равномерной выдержки и терпѣнія у женщины въ общихъ и отвлеченныхъ научныхъ и соціально-политическихъ задачахъ въкоторыя сторонники эманципаціи относятъ къ „избытку женской энергіи, не находящей себѣ примѣненія“. Утверждаютъ что эти недостатки перестали бы существовать, *еслибы* только эта энергія была сосредоточена на *опредѣленной цѣли*“. ** Дѣло въ томъ только, видите ли, что у женщины, дающей человѣку физическую жизнь и воспитывающей его духовно, *нѣтъ опредѣленной цѣли* жизни, но *еслибы*....! Намъ очень нравится это „еслибы“, представляющееся здѣсь безо всякой другой рекомендаціи кромѣ своей собственной, въ простодушной увѣренности что ея за-глаза достаточно, и что его не вздумаютъ обременять праздными вопросами о его *возможности*, вопервыхъ, и его *желательности*, вовторыхъ. Однако не простодушное, себя самого призывающее въ свидѣтели „еслибы“, но несомнѣваемые физическіе и психическіе законы говорятъ намъ что большая быстрота дѣйствія всякой силы вообще несомнѣстима съ одновременнымъ большимъ

* Въ общихъ областяхъ требуется извѣстное *творчество*, не простое утилизованіе готовыхъ средствъ для готовыхъ цѣлей (какъ въ области личныхъ, моральныхъ отношеній), но новосозданіе однихъ и опредѣленіе другихъ, требуется следовательно извѣстная самостоятельность психической работы, *отрѣшенность* отъ непосредственно-предлежащаго и свобода ея, неорганизованность.

** Дж. С. Милль. L. с. 151.

сосредоточеніемъ этого дѣйствія. И смѣемъ думать что зная этотъ законъ, съ одной стороны, и зная необходимость большей быстроты и разнообразія психической дѣятельности женщины, съ другой,—стараться объ искусственномъ *сосредоточеніи, замедленіи, специализаціи* женской душевной энергіи путемъ воспитанія было бы столь же разумно, какъ и стараться воспитать кошку для дѣятельности въ водѣ. И наше объясненіе характерныхъ особенностей женской воли не только не локутся на праздномъ „еслибы“, не только есть выводъ изъ нѣкоторыхъ основныхъ *законовъ* биологіи и психологіи, но представляетъ за себя и такое множество подтвержденій въ фактахъ общечеловѣческаго вѣкового опыта—что выбирая изъ этихъ фактовъ по необходимости лишь немногіе, наиболее яркіе, чувствуешь положительное затрудненіе, *embarras de richesse*.

IX.

Изъ этихъ фактовъ особенно ярко бросается въ глаза общезвѣстное различное отношеніе женщины и мужчины къ *слабѣ*. Трудно даже найти предметъ въ которомъ психическія особенности двухъ половъ обозначались бы болѣе рѣзко. Страсть къ наглядно-выраженному, ясному и непосредственно дѣйствующему на душу льстиво одобренію со стороны конкретныхъ лицъ, близкихъ, родныхъ, знакомыхъ, у женщины развита согласно общему опыту и признанію даже чрезмерно. Она является даже источникомъ особыхъ, чисто-женскихъ пороковъ и слабостей. Назову изъ нихъ только главныя: кокетство, слабость къ блеску, къ украшеніямъ вообще независимо отъ ихъ дѣйствительной цѣнности (къ тому что хотя и не *есть*, по ея сознанію, прекрасное или высокое, но *кажется* такимъ) и ко всякаго рода отличіямъ, съ вытекающимъ отсюда расположеніемъ къ мотовству. * Сюда же принадлежитъ и извѣстная женская ревность, отличающаяся отъ мужской тѣмъ что, по мѣткому выраженію Канта, „мужчина ревнуетъ только тамъ гдѣ любить, женщина же ревнуетъ и безъ любви.“ ** Но у той же женщины, *всегда* болѣе или менѣе

* Не смотря на то что женщина вообще бережливѣе и даже скупѣе мужчины.

** Женщиноненавистникъ сказалъ бы: всегда, всѣхъ и ко всѣмъ.

тщеславной, совершенно отсутствует столь световенная мушья любовь къ славы, къ одобренію не среди близкихъ, родныхъ и знакомыхъ, но между людьми *вообще*,—знакомыми или незнакомыми, живыми или еще не родившимися, интересными сами по себѣ или неинтересными, все равно. Ей чужда любовь къ одобренію не наглядно выраженному и непосредственно ласкающему впечатлительности, но наичаще являющемуся наградой трудовой, исполненной тревогъ, лишеній и оскорбленій жизни уже тогда когда кости труженника, непризнаннаго и часто осмѣяннаго при жизни, давно уже истлѣли въ неизвѣстной могилѣ. Чѣмъ объяснить это странное и такое исключительное распредѣленіе между полами двухъ столь родственныхъ между собою видовъ *одной* общечеловѣческой потребности (и страсти): потребности признанія, одобренія, почета со стороны себѣ подобныхъ? Чѣмъ, какъ не тѣми особенностями ума и чувства женщины которыя ставятъ ее въ тѣснѣйшую и сочувственнѣйшую зависимость и связь именно съ непосредственно предающею, окружающею ее дѣйствительностью, — дѣйствительностью отъ которой ей такъ трудно, даже невозможно отрѣшиться во имя такихъ отдаленныхъ эффектовъ и никогда не очевидныхъ благъ, какъ отвлеченная загробная слава? Мушья и своими преобладающими склонностями и особенностями своей силы погруженъ именно въ сферу этихъ отвлеченныхъ интересовъ и не дѣйствующихъ прямо на впечатлительность благъ, оставаясь или равнодушнымъ или даже враждебнымъ къ непосредственно окружающему его, въ его непосредственности, и даже туло лонимая это окружающее. И не естественно ли при этомъ что онъ *болѣе дорожитъ загробною славою, чѣмъ минутными одобреніями, исходящими отъ этого окружающего?*

Указанную особенность женскаго ума признають всѣ, даже защитники психологическаго безразличія половъ. „Честолюбіе женщинъ“, говоритъ Дж. Ст. Милль, „ограничивается обыкновенно тѣсными предѣлами. Онѣ ищутъ вліянія преимущественно надъ непосредственно окружающими ихъ лицами; имъ хочется чтобъ ихъ любили, любовались ими тѣ люди которыхъ онѣ всегда видятъ предъ своими глазами; и если обладаемая ими степенъ совершенства въ искусствѣ или наукѣ достигаетъ этой цѣли, то это почти всегда удовлетворяетъ ихъ“. * Но Милль и здѣсь, какъ обыкновенно, болѣе

* L. c. 191—192.

преслѣдующій цѣли полемики чѣмъ изслѣдованія, объясненія факту ищетъ не въ коренныхъ особенностяхъ психическаго строа женщины, а во вѣдшихъ, случайныхъ обстоятельствахъ, причемъ и послѣднiя не стѣсняется—*sit venia verbo*—сочинять. Такими обстоятельствами выставляетъ Милль то что женщина въ искусствѣ и наукѣ *всегда занимала* лишь второстепенныя мѣста, всегда встрѣчая на этихъ путяхъ и *положительныя преграды закона и профессиональную зависть мужчинъ* ученыхъ и художниковъ. Что женщины всегда занимали здѣсь не только второстепенныя, но даже третьестепенныя мѣста,—это несомнѣнно; но вопросъ: *почему* это всегда было такъ? Въ Миллевоиъ объясненiи непонятно, во-первыхъ, *гдѣ* это нашелъ онъ въ наше время положительныя законы которые не только замыкали бы предъ женщиной нѣкоторыя соціально-политическія сферы дѣятельности, но и *заграждали бы ей доступъ къ славы художественной, научной и литературной?* Что же касается, во вторыхъ, до „мужской профессиональной зависти“, съ которою будто бы женщины приходится бороться на этихъ поприщахъ, то уже не говоря о томъ что по общему сознанию женщина пока *представила* въ наукѣ или искусствѣ очень мало такого что могло бы *возбудить* серіозную зависть, нужно помнить что съ профессиональною завистью приходилось бороться *всакому* выходящему изъ ряду вонъ, заслужившему славу и побезпокоившему блаженную посредственность оригинальному ученому, литератору или художнику: это ни для кого не тайна! Дѣйствительный опытъ и достойное мыслителя безпристрастіе скорѣе заставляютъ признать что къ женщинамъ, къ женской слабости и женскимъ притязаніямъ относятся, *въ особенности въ наше время*, и въ редакціи, и въ критикѣ, и на выставкѣ, и на сценѣ гораздо снисходительнѣе нежели къ мужскимъ, *поощряя* даже посредственность и *осуждая* всякіе рѣзкіе неодобрительныя приговоры. И это—не только въ бывшей нѣкогда рыцарскоиъ Франціи, но и въ нашемъ нерыцарскоиъ отечествѣ и вездѣ. И у насъ ли не позаботились бы, на примѣръ, за послѣднія двадцать лѣтъ воѣ обязательно стоящіе по „либеральной программѣ“ за „равенство половъ“ литературныя оцѣнщики, располагающіе 95ю печатными органами на 100, о томъ чтобы муссировать, раздуть до немикроскопическихъ размѣровъ самое маленькое наличное женское дарованіе въ доказательство желаемого „равенства“ способностей?! А много ли при этихъ *неблаго-*

пріобрѣтаютъ женщины въ условіяхъ дали намъ эти 20 лѣтъ сколько-либо замѣтныхъ женскихъ талантовъ въ наукѣ, искусствѣ или литературѣ?

Нужно сознаться что причины того, почему женщины не удалось завоевать себѣ въ наукахъ и искусствахъ такой славы, какъ малпримѣръ, пріобрѣтенная ею въ дѣлѣ введенія христіанства, гораздо проще, лежатъ геравдо ближе и нѣ для кого не лозорны какъ приводимыя Маллемъ и другими проповѣдниками равенства. *Жажда* къ отвлеченной славѣ у женщины нѣтъ просто потому что она вообще не любитъ и не цѣнитъ отвлеченностей и что у нея перевѣшиваетъ жажда болѣе нагляднаго одобренія въ своемъ близкомъ конкретномъ кругу. *Средствъ* же пріобрѣсти славу, работая въ области великихъ идей науки и искусства, женщины всегда не доставало, потому что хотя многія женщины и бывали хорошими художницами, писательницами, профессорами медицины, права и даже философіи (въ Средніе Вѣка въ Италіи), но никогда ни у одной изъ нихъ, не смотря на высокое образованіе и даже ученость (средневѣковая женщина en masse по образованію стояла выше средневѣковаго мужчины), не могла достигнуть высокаго развитія та именно способность которая одна и доставляетъ славу—*способность къ оригинальному творчеству*.

Самый фактъ общепризнавъ. „Женскія произведенія, замѣчаетъ Дж. Ст. Милль, по большей части * имѣють въ основаніи мысли пріобрѣвшія уже авторитетъ и рѣдко уклоняются отъ существующихъ уже типовъ; по части же *исполненія*, развитія мысли въ мелочахъ и красоты стила, у нихъ нѣтъ никакого недостатка“. Откуда же, спрашивается, этотъ недостатокъ *оригинальности* въ произведеніяхъ, часто не уступающихъ по глубокой художественности исполненія и точности отдѣлки даже произведеніямъ первостепенныхъ писателей? Говорить здѣсь о недостаткахъ современной *женской школы* по меньшей мѣрѣ было бы наивно. Еще никто не слыживалъ о такихъ школахъ и системахъ которыя *образовывали бы гениальность, оригинальность*, хотя часто видѣли, какъ слишкомъ усердное, неумѣлое (по возможности устранившее усовершенствованными методами передачи надоб-

* А та „меньшая часть“, которую Милль здѣсь выгораживаетъ, существуетъ пока только in spe.

ность въ самодѣятельной, напряженной *работѣ* мысли ученика, и развивающее взаимно всякіе *наметки* мысли) поколеніе въ зародышѣ убивало задатки будущей оригинальности. Оригинальности нельзя *смузиться* какъ таблицѣ умноженія. Дѣло *есть* толь что первое условіе оригинальности—*свобода отъ пассивнаго* подчиненія вліяніямъ окружающей умственной и общественной атмосферы, пассивнаго воспріятія ихъ—способность *отрешиться* отъ нея и критически *противостоять* вліянію на свою мысль и чувство ея готовыхъ идей, правилъ и формъ. Нужна способность въ случаѣ нужды страхнуть съ себя оковы этихъ готовыхъ идей и формъ, отвести къ нимъ критически и выступить въ вооруженіи одной силы собственнаго убѣжденія, *на борьбу* съ тѣмъ умственнымъ и нравственнымъ строемъ который никакихъ идей, правилъ и формъ кромѣ этихъ привычныхъ ему, готовыхъ, и никакой критики ихъ не знаетъ и не допускаетъ. Дѣйствительная, глубоко захватывающая оригинальность должна часто, прежде чѣмъ завоюетъ себѣ признаніе, выдерживать борьбу съ массой упорныхъ застарѣлыхъ предрасудковъ, не смущаясь предъ разладомъ съ окружающими, неодобреніемъ, насмѣшкой и нелюбиманіемъ ихъ, не отступая предъ случайностями и страданіями борьбы и часто жертвуя конкретными благами, привязанностями и привычками жизни отдаленной надеждѣ на торжество излюбленной идеи. Соответствуетъ ли этимъ условіямъ внутренній міръ женщины какимъ мы его пока узнали?

Все въ этомъ мірѣ, развивающемъ какъ физически, такъ и духовно интересы жизни *рода* и общія стремленія въ ущербъ полному разцвѣту исключительной, самобытной *индивидуальности*, противорѣчитъ имъ. Противорѣчитъ имъ и чуткая впечатлительность женщины, и ея податливость на вліянія минуты, и ея болѣе тѣсная и сочувственная связь съ окружающей непосредственною дѣйствительностью, вносящая въ ея душевный міръ ту ясность и гармонию которая составляетъ исключительное достоинство ея пола. Противорѣчитъ имъ и ея способность, и склонность *приспособляться* къ окружающимъ лицамъ и положеніямъ, столь способствующая ея практичности и ея мягкому воспитательному вліянію, и ея непреодолимое отвращеніе отъ разлада и борьбы во имя отдаленныхъ, отвлеченныхъ и исключительныхъ цѣлей, и ея верасположеніе къ отчужденной отъ окружающаго, замкнутой въ себѣ жизни, и наконецъ—ея малая способность и склон-

ность къ необходимой для всякаго новосозиданія, творчества, односторонней и утомительной работѣ *отвлеченія*, при богатствѣ всякаго рода навыковъ. Творчество въ области основныхъ идей науки, также какъ и глубочайшихъ концепцій искусства требуетъ (хотя бы *первой* намекъ на новую идею или концепцію и зародилась *безознательно*, изъ „невѣдомыхъ глубинъ духа“) всегда чрезвычайнаго напряженія дѣятельности отвлеченія, * сосредоточенія вниманія на всеобщемъ (въ искусствѣ—типѣ), а не на индивидуальномъ и конкретномъ, въ которомъ женщина такой тонкій знатокъ. Все это лежитъ внѣ собственной сферы женскаго ума. Въ древности рѣдкая философская школа не считала въ числѣ своихъ послѣдователей хотя нѣсколькихъ женщинъ; но тогда какъ послѣ мужскихъ остались отъ этихъ школъ системы и философы, послѣ женщинъ-философовъ остались только *анекдоты*. Въ Средніе Вѣка наука и искусство блюлись долгое время лишь монахами и женщинами, но *идей* и замѣтныхъ произведеній женщины, *научныхъ или художественныхъ*, отъ того времени до насъ не дошло, хотя до сихъ поръ еще живы въ *правахъ* слѣды ея созданной рыцарской культуры. Въ новое время если и приходится читать въ произведеніяхъ извѣстной партіи отзывы, ставящіе чуть не на одну доску Мше Шатле съ Ньютономъ, Сталь съ Лейбницами и Кантами, Соммервилль съ Лалласами, Губеръ съ Бюффономъ и т. п., то лишь грубое невѣжество или намѣренное и неприличное игнорированіе того значенія какое въ исторіи человѣческой мысли имѣли Ньютонъ, Лейбницъ, Лалласы, Ламарки и др. можетъ объяснить великое и недостойное сооставленіе съ этими великими именами и дѣлами именъ и дѣлъ ихъ популяризаторшъ, изъ которыхъ еще ни одна никогда и *ничего своего* (не только

* Едва ли нужно разъяснять почему мысль во всѣхъ задачахъ, теоретическихъ ли, практическихъ ли, гдѣ требуется не простое утилизированіе по навыку готовыхъ средствъ для готовыхъ цѣлей, но *творчество*, новосозиданіе однихъ и новое опредѣленіе другихъ должна начинать не съ конкретного, предлагающаго, но съ *общей идеи* опредѣляющей впервые самый планъ обращенія съ предлагающимъ матеріаломъ мысли или дѣйствія,—почему творчество необходимо предполагаетъ *отвлеченіе*? Животное не отвлекается и не творитъ въ своей жизни ничего новаго. И сила навыка, облегчая выполненіе знакомыхъ задачъ знакомыми средствами, обыкновенно пропорціональна слабости творческой способности.

ло содержаію, но даже и по формѣ) не сказала. Такіе отзывы, вызванныя, съ одной стороны, ребяческимъ увлеченіемъ партіи, съ другой, нехорошимъ расчетомъ на очень уже невѣжественную и слѣпо-благоговѣющую предо всякимъ вздоромъ—какъ скоро онъ напечатанъ—публику, заслуживаютъ лишь свисходительнаго замѣчанія ихъ: опровергать ихъ смѣшно! Въ наукѣ пока,—съ этимъ нельзя не согласиться,—ни однимъ шагомъ своимъ впередъ или даже назадъ человечество не было еще обязано женщинамъ.

Точно также не можетъ и искусство указать ни на одно истинно великое и самобытное произведеніе женщины, по крайней мѣрѣ въ *высшихъ родахъ*, не смотря на признанныя дарованія женщины какъ подражательницы и исполнительницы, а быть-можетъ и *благодаря* перевѣсу этихъ дарованій. Это вѣрно даже относительно искусства наиболее доступнаго женщинамъ и занимающаго наиболее мѣста въ ея воспитаніи,—относительно музыки. Ей обучаются почти всѣ женщины достаточнаго круга; имѣются и въ семьѣ, и въ обществѣ всякія поощренія этимъ занятіямъ; есть, наконецъ, и достаточный для нихъ досугъ. А между тѣмъ мы не знаемъ не только ни одного—не говоримъ уже великаго, а просто значительнаго—композитора-женщины, но даже ни одной исполнительницы могущей соперничать съ Листами, Рубинштейнами и Лаубе. * Въ этомъ послѣднемъ отношеніи замѣчательное исключеніе по видимому представляютъ женщины-пѣвицы; но и это исключеніе при ближайшемъ разсмотрѣніи только подтверждаетъ нашъ общій взглядъ. Пѣвицы дѣйствительно нисколько не уступаютъ пѣвцамъ, но *почему* это такъ? Потому что пѣвица имѣетъ дѣло не съ мертвымъ самъ по себѣ и условнымъ по своимъ эффектамъ инструментомъ, но съ наиболее живымъ и *непосредственно* выразительнымъ изъ всѣхъ, съ голосомъ, который часто, безъ сознательнаго даже намѣренія лица имъ владѣющаго, *отражено* передаетъ всѣ тончайшіе

* Главная отличительная черта женскаго музыкальнаго исполненія,—чрезвычайно характерная,—состоитъ въ неразборчивой точности, мелочности и чистотѣ отдѣлки всѣхъ подробностей, всѣхъ частей цѣлаго—и существенныхъ и не существенныхъ одинаково, *съ ущербомъ единству и силѣ излагаго*. Музыкантъ едва ли не согласится съ вѣрностью этого замѣчанія; психологическій же смыслъ его сейчасъ будетъ ясенъ.

оттѣнки его чувства и настроенія. И понятно что этотъ инструментъ во власти женщины, отличающейся именно быстротой, тонкимъ разнообразіемъ и полнотою жизни чувства и настроенія, особою эмоциональностью также какъ и точностью въ сознаніи всѣхъ оттѣнковъ этой жизни,—долженъ оказаться болѣе выразительнымъ чѣмъ какой бы то ни было инструментъ искусственный, въ которомъ и самая техника и пониманіе достигаемыхъ имъ эффектовъ болѣе искусственны, условны и спеціальны. Еще менѣе чѣмъ въ музыкѣ даетъ женщина въ живописи, * хотя и живопись въ ея образованіи занимаетъ болѣе мѣста чѣмъ въ мужскомъ; а объ образовательныхъ искусствахъ—ваяніи и тѣмъ болѣе зодчества—и говорить нечего: здѣсь отвлеченности, идейности условности средствъ и эффектовъ еще больше.

Наковецъ и въ словесности женщина съ выгодной стороны выказываетъ свои дарованія только въ низшихъ родахъ, романѣ и элегіи, рѣшительно оставаясь безплодною въ драмѣ и въ элозі. Женщина владѣетъ невѣроятнымъ знаніемъ своихъ чувствъ и выраженій лица, рядомъ съ особенною тонкою и непринужденною выразительностью всей своей фигуры и въ особенности голоса: это знаніе и граціозное умѣніе дѣлають изъ нея врожденную актрису. И дѣйствительно на сценѣ женщина нисколько не уступаетъ артисту-мущинѣ. Но *этого* знанія недостаточно для того чтобы сдѣлаться Шекспиромъ, Лессингомъ, Гёте, или даже Мольеромъ или Бомарше. Для послѣдняго требуется не пониманіе мелкихъ подробностей и тонкихъ оттѣнковъ отдѣльныхъ душевныхъ движеній, также какъ и не технически-совершенная отдѣлка выраженія этихъ частныхъ подробностей; но требуется постиженіе самого единого типа, изъ *единой* общей идеи котораго органически со внутреннею необходимостью и въ *одно*мъ все согласующемъ и все въ равной мѣрѣ выясняющемъ освѣщеніи вытекають уже и всѣ доступныя болѣе или менѣе точной отдѣлкѣ подробности, оттѣнки выраженія. Обладая всѣмъ что требуется для достиженія совершенства въ области *подробностей*, женщина не сильна въ томъ что требуется для достиженія единой и цѣльной общей идеи, безъ которой однако-

* И здѣсь въ женскихъ произведеніяхъ на первомъ планѣ отдѣлка подробностей и слабое единство, отсутствіе силы цѣлаго: съ этимъ можно достигнуть *изящнаго*, красиваго, но никогда—*прекраснаго*, никогда—выраженія глубокой идеи.

же и всѣ подробности выраженія лишены художественнаго смысла и силы. Въ области идеи требуется постиженіе общаго, постиженіе закона, отвлеченіе отъ непосредственно даннаго—*творчество*. Но въ этой области, какъ мы уже видѣли, женскій умъ не самобытно творить, а усваиваетъ и конкресцируетъ, волаощаетъ въ образъ готовую, не имъ создаваемую идею. И тамъ именно, въ тѣхъ родахъ поэзіи, гдѣ главное не въ созданіи идеи, а въ ея волаощеніи, въ придавіи ей *индивидуальнаго и живаго выраженія*, тамъ и проявляется съ успѣхомъ женское дарованіе. Совершенно безсильная въ драмѣ и въ эпосѣ, женщина далеко не бесплодна въ лирикѣ, то-есть именно въ томъ родѣ поэзіи гдѣ требуется наиболѣе полное и беззавѣтное проникновеніе, такъ сказать поглощеніе автора однимъ личнымъ чувствомъ и наиболѣе яркое и точное выраженіе его. * Поэтому-то въ произведеніяхъ смѣшаннаго рода, въ *романахъ* даже лучшихъ женщинъ-писательницъ всегда замѣтно преобладаетъ *лирическій* элементъ, придающій имъ иногда, къ сожалѣнію, даже нѣкоторую приторную слащавость, растанутость описательныхъ мѣстъ и вводныхъ, никому не нужныхъ личныхъ разсужденій, а слогу ихъ—нѣкоторую дутую театральность, мелодраматичность. Всѣ эти недостатки, при полномъ отсутствіи оригинальности, ставятъ произведенія женщины и въ этомъ родѣ, въ особенности большія (а тѣмъ болѣе такъ-называемыя „серіозныя“, то-есть задуманныя тенденціозно, на заданную тему) ** гораздо ниже мужскихъ, хотя сужденіе Прудона въ этомъ отношеніи чрезъ мѣру уже строго. И въ искусствѣ такимъ образомъ, какъ и въ наукѣ, женщина оказывается *воплотительницей* въ жизнь и конкретный образъ идей, но

* Укажемъ изъ нашего времени на Mme Аскерманн, въ стихотвореніяхъ которой, какъ мало ни сочувствовали бы мы ея пессимистическому и нигилистическому направленію, невозможно не признать очень сильнаго и крупнаго лирическаго таланта.

** Характеристично здѣсь то обстоятельство что въ массѣ большихъ женскихъ произведеній — *нетенденціозныхъ почти нѣтъ*. Исключеній очень не много: у насъ Кохановская, затѣмъ нѣкоторыя *мелкія* вещи Уйда, двѣ, три картинки Жоржъ Санда, въ родѣ Teverino и др. Не есть ли это лучшее доказательство малой способности женщины къ *творчеству въ мірѣ идей* и ея ограниченности здѣсь усвоеніемъ *готовой* идеи, къ шаблону которой она прилаживаетъ свои художественныя концепціи?!

не ей выладо на долю открывать и создавать, обосновывать эти идеи: ея задача и здѣсь—не творческая.

Но женщина не только мало способна къ оригинальному творчеству въ міръ идей, а и по большей части *враждебна* всякой оригинальности, какъ живому протесту индивидуальнаго, чисто-личнаго начала противъ сочувственныхъ ей и представляемыхъ ею общихъ стремленій которыми живетъ родъ. Таково по крайней мѣрѣ обыкновенно отношеніе женщины къ оригинальности, коль скоро послѣдняя, выхода изъ отвлеченныхъ сферъ искусства и науки, навязчиво вторгается въ окружающую женщину и привычную ей среду, возбуждая критику основъ окружающаго строя, нарушая издавна господствующія въ немъ правила и формы. Такая оригинальность, пытающаяся проводить въ жизнь новыя и спорныя, не общепризнанные идеалы и порядки жизни въ замѣну старыхъ, доказавшихъ уже свою жизнелюбность, естественно является въ существующемъ строѣ дисгармоніей. Она ведетъ съ нимъ борьбу въ той или другой мѣрѣ и вовлекаетъ окружающихъ въ эту борьбу съ тѣмъ что конкретно, общеприято и привычно, во имя еще только отвлеченныхъ и личныхъ требованій. Успѣхъ этой борьбы, ея исходъ долгое время еще неизвѣстенъ. А *успѣхъ* для женщины въ гораздо большей мѣрѣ чѣмъ для мужчины составляетъ критерій оцѣнки внутренняго достоинства и людей и начинаній. Дурно это или хорошо, но око такъ и ради непосредственной практичности женщины, и ради ея меньшей склонности увлекаться отдаленными задачами, и ради большаго консерватизма ея, какъ представительницы интересовъ рода. Тамъ гдѣ для женщины вопросъ о достоинствѣ человѣка, его мыслей и начинаній *еще не рѣшено предварительно* въ смыслѣ полной и непоколебимой вѣры въ него,—тамъ женщина обыкновенно руководится правиломъ: „что свѣтъ признаетъ — то вѣрно и что свѣтъ дѣлаетъ — то хорошо“. А свѣтъ только послѣ долгой борьбы признаетъ оригинальность и слѣдуетъ за нею! Поэтому-то рѣдкій изъ борцовъ за новыя идеи и противъ старыхъ привычекъ въ теченіе своей тревожной, исполненной страданій, лишений и неудачъ жизни встрѣчалъ искреннее сочувствіе и поддержку со стороны другой женщины чѣмъ та которая была связана вѣрой и любовью съ его личностью, а не съ идеей его только, и которая ради *тѣри* съ его личностью вѣрила и въ его еще непризнанную свѣтомъ идею, то-есть

кромѣ матери и жены. Безъ этого условія, — *въры въ личность* носителя оригинальной идеи, женщина не станетъ на сторону послѣдней противъ враждебныхъ этой идеи и признаваемыхъ кругомъ всѣмъ что для нея дорого и авторитетно началъ. И для многихъ изъ этихъ борцовъ за идею, всецѣло поглощенныхъ *чисто-личными до времени дѣломъ* своей жизни и роковымъ образомъ замкнутыхъ въ себя, — *семья* со всѣми ея радостями и силами должна остаться недостигаемою. Геній чаще всего въ самомъ себѣ носитъ и свою награду, и свое наказаніе; чаще всего онъ долженъ быть одинокъ, ибо носитъ на лбу своемъ „печать отверженія“. Слишкомъ много любви и *въры* въ него должно быть у женщины рѣшившейся сопутствовать ему въ „сферы надзвѣздныя“, въ область „темныхъ грозъ“, — для того чтобъ она не испугалась громовъ и молній царящихъ въ этой области и не послѣдила бы слухать при первой бурѣ занесшаго ее слишкомъ высоко орла въ болѣе мирныя и неизмѣнныя сферы тѣмъ же путемъ, какъ змѣя въ превосходной баснѣ Я. П. Полонскаго *Орелъ и Змѣя*. Но если генію и суждено часто роковымъ образомъ оставаться одинокимъ, то очень странно мыслить тѣ кто полагаютъ что имъ достаточно обречь себя на безбрачіе для того чтобы сдѣлаться въ своемъ родѣ Павлами, Декартами или Елисаветами...

За отчужденіе отъ генія не заслужившаго еще признанія и враждебность его идеальнымъ стремленіямъ, за неумѣніе и нежеланіе принять искреннее участіе въ его бурныхъ и безрадостныхъ судьбахъ, часто упрекали женщину, называя ее жалкою рабой услѣха, поклонницей господствующей силы, малодушнымъ и трусливымъ филистеромъ и т. л. И Дж. Ст. Милль „съ прискорбіемъ“ признаетъ что „безкорыстіе въ обширномъ значеніи этого слова, то-есть посвященіе энергіи цѣлямъ не представляющимъ выгодъ собственно семьѣ, слишкомъ рѣдко поощряется и поддерживается женскимъ вліяніемъ“. Жалобы же на постепенно и незамѣтно „олошляющее“ незаурядныхъ ловидимому людей, „подрѣзывающее имъ крылья“ вліяніе семейной жизни, женскаго общества, слишкомъ извѣстны и избиты для того чтобъ ихъ повторять. Пусть въ этомъ и есть доля правды. Пусть женщина, не *согрѣвая* искреннею любовью къ своему слутвику жизни и *колеблющаяся въ своей въры* * въ него

* Эти два условія необходимо помнить.

наичаще является только „блюстительницей будничнаго общественнаго мнѣнія и ревнительницей узкихъ семейныхъ интересовъ“, лишаящую понемногу эмергіи и идеальнаго стремленія связаннаго съ нею „даровитаго“ человека, обращающую семью въ Калую для этого Амнибала. Но для того чтобы вліяніе женщины (совершенно независимо отъ широты ея умственнаго кругозора) естественно сказалося *такимъ* образомъ, нужно, вопервыхъ, чтобы ея Амнибала не серьезно любила и не очень искренно въ него вѣрила. А вовторыхъ, орелъ давшій себѣ подрѣзать крылья уже не настоящій, а поддѣльный орелъ, и очень много жалѣть о его крыльяхъ нечего. Геніи вообще очень и очень рѣдки, гораздо рѣже чѣмъ мѣтціи въ геніи посредственности. И если не дѣйствительная сила и оригинальность, а безцѣльный или туло самолюбивый произволъ встрѣчаютъ въ своемъ стремленіи на свой ладъ („хай гише, абы инше“, по малороссійской пословицѣ) переименить существующее, заслуженный отпоръ и отрезвленіе со стороны женской практичности и ревности въ охраненіи существующихъ, доказавшихъ уже свою жизненность идей и интересовъ, то этому можно только порадоваться. * Нѣтъ спору—не хорошо быть „филистеромъ“, но ужь очень не красива и не умна вышла бы жизнь если бы всѣ вдругъ обратились въ оригинальничавшихъ, геніальничавшихъ буршей, для которыхъ весь свѣтъ требуется перестроить съ самаго начала, поумнѣе и получше. Гёте неподражаемо хорошо высказалъ отношеніе трезваго ума къ этимъ буршамъ **, моментальное превращеніе которыхъ въ филистеровъ по полученіи „мѣста“ очень хорошо показываетъ что источникъ ихъ ювонескихъ чудачествъ и геніальничавья таился

* Реформаторовъ и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и въ жизни требуется чрезвычайно мало сравнительно съ числомъ работниковъ. Да и чтобы производить реформы нужно запастись гораздо болѣе грузнымъ запасомъ знаній и талантовъ чѣмъ для того чтобы быть, по мѣткому выраженію Гёте, только

Ein Narr auf eigne Hand.

** Привожу это мѣсто въ подлинникѣ:

Медистобель (на сценѣ къ молодому бакалавру)

Original! fahr hin in deiner Pracht,

Wie würde dich die Einsicht kraenzen,

Wer kann was dummes, wer was kluges denken,

Was nicht die Vorwelt schon gedacht?!

вовсе не въ особенно глубокихъ идеяхъ или требующихъ непомѣрнаго простора силахъ.

Женщина мало сильна въ творчествѣ и мало сочувствуетъ ему и цѣнить его. Тѣ же особенности женской мысли и воли которыя доставляютъ имъ превосходство надъ мужскими въ областяхъ требующихъ не творческой силы, но богатства въ навыкахъ *, въ области моральныхъ, личныхъ отношеній и задачъ непосредственно-практической жизни, замыкаютъ для нихъ область спеціальной, профессиональной дѣятельности вообще (гдѣ творчество и отвлечение болѣе или менѣе необходимы) и отвлеченной науки и социальна-политической дѣятельности въ особенности. Въ этой послѣдней требуется именно не тонкое и быстрое пониманіе индивидуальнаго, не сочувствіе ему и тактъ въ быстромъ приспособленіи къ индивидуальному (чему навыкъ помогаетъ), но наоборотъ — отрѣшеніе отъ индивидуальныхъ особенностей во имя одной равняющей лица идеи, которая осуществляется дѣятельностью, и во имя точнаго, неуклоннаго проведенія общихъ началъ этой дѣятельности. Требуется не свободное, моральное общеніе съ людьми, но *подчиненіе* ихъ мысли, интереса или права тѣмъ которыя имѣются въ виду дѣятельностью, — *борьба* и умѣнье безстрастно и культурно побѣждать, столь несвойственное женщинамъ. Здѣсь и *предметъ* дѣйствія, — большія массы людей и отвлеченные интересы и права, — не подлежатъ непосредственному наблюденію и воздѣйствію по навыку; и самыя *средства* воздѣйствія не готовы и непосредственно примѣнимы, но болѣе или менѣе искусственны и сложны; и *эфектъ* дѣйствія отдаленны, долго заставляютъ ждать себя и проявляются въ далекихъ отъ непосредственно окружающей обстановки горизонтахъ, никогда не очевидны. Ни одного изъ этихъ несоотвѣтствующихъ силамъ и нуждамъ женской души условій нѣтъ въ сферѣ моральныхъ, личныхъ отношеній и задачъ, и *все* они въ совокулности

(Къ угрюмо сидящимъ въ партерѣ, не апплодирующимъ ювошамъ)

Ihr Jungens bleibt bei meinen Worten kalt;

Euch, gute Kinder, lass ich's gehen:

Bedenkt,—der Teufel der ist alt,

So werdet alt, den Teufel zu verstehen!

(Faust, II Th.)

* Облегчающихъ дѣятельности готовыми средствами въ области готовыхъ дѣлей; изъ нихъ сагаается вся непосредственно-практическая жизнь и вся жизнь рода, какъ такого.

встрѣчаются въ области социальна-политической дѣятельности и борьбы. Здѣсь безъ господства идеи равенства, отвлеченія и безстрастной выдержки немыслимо успѣшное и культурное дѣйствіе, и всякая впечатлительность, сердечность и и податливость на личныя соображенія и симпатіи прямо мѣшаютъ. Понятно какъ съ этой точки зрѣнія не требуетъ себя оправданій наше положеніе что *насколько женщина превосходитъ мужчину въ дѣль морально-воспитательныхъ вліяній, настолько же уступаетъ она ему въ задачахъ социальнополитическихъ, не только не дающихъ простора лучшимъ и драгоценнымъ способностямъ ея и дарованіямъ, но и прямо вызывающимъ наружу ея худшія слабости и недостатки.*

Мысль эта въ особенности ненавистна сторонникамъ „эманципаціи“ женщины, требующимъ для женщины именно роли не морально-воспитательнаго агента жизни (эта роль повидимому по ихъ оцѣнкѣ *не достаточно* высока и почтена), но— агента экономического, социальнополитического, — роли дѣятельнаго, профессиональнаго участника въ слагающей общественно-политическую жизнь *работъ и борьбъ*. Противъ нашего положенія, которое мы пытались обосновать и физиологически и психологически, они не думаютъ искать возраженій въ области *науки*. Это и не такъ удобно, а затѣмъ представляется имъ и совершенно бесполезнымъ въ виду обладанія однимъ аргументомъ, искони приводимымъ ими какъ вполнѣ очевидный и непобѣдимый. Этотъ аргументъ состоитъ въ ссылкѣ на одинъ очень извѣстный фактъ. „Исторія показываетъ намъ“, говорятъ, „много примѣровъ истинно великихъ, знаменитыхъ государынь и правительницъ; и если эти великія женщины оказались не только не менѣе, но даже болѣе мужчины способными руководить жизнью, направлять судьбы цѣлыхъ государствъ и народовъ, то возможно ли сомнѣваться въ способности женщины вообще плодотворно дѣйствовать *въ болѣе ограниченныхъ* и мелкихъ социальнополитическихъ сферахъ? Если женщина могла быть даже несравненно государыней и правительницей, разсуждаютъ они, то не очевидно ли что она тѣмъ болѣе можетъ быть и превосходнымъ министромъ, губернаторомъ, чиновникомъ, членомъ и руководителемъ политической партіи, гражданкой и т. п.!?“ Разсужденіе, повидимому, очень благовидное. *

* Какъ и всякое заключеніе отъ большаго къ меньшему, — примѣръ: „человѣкъ способенъ произвести человека, следовательно онъ тѣмъ болѣе способенъ произвести маленькую муху“, — примѣръ классическій!

Но къ сожалѣнiю оно всецѣло основано на аналогiи предметовъ между которыми *больше существенныхъ различiй чѣмъ сходствъ*,—на приравненiи понятiя „государыня, правительница“ къ понятiю *непосредственнаго активнаго и спеціальнаго* участника въ социально-политической борьбѣ,—юриста администратора, финансиста, гражданина, словомъ, *работника* жизни. Разборъ этого сравненiя еще разъ покажетъ намъ только какъ вѣрно вообще что *comparaison n'est pas raison*.

Есть ли дѣйствительно между двумя понятiями этими что-либо общее? Требуется ли отъ главы государства и управленiя и отъ непосредственнаго участника въ социально-политической работѣ и борьбѣ, юриста, администратора, финансиста, *одни и тѣ же свойства ума и воли, одинаковыя средства и способы дѣйствiя*? Есть ли хотя что-либо существенно сходное въ призванiи ихъ и положенiи?

Ничего и никогда. Долженъ ли глава государства быть *специалистомъ*—юристомъ, экономистомъ или философомъ-теоретикомъ? Отвѣтъ вѣтъ; такой государь или правитель былъ бы истиннымъ бѣдствiемъ для подвластнаго ему народа потому что чѣмъ выше стелень спеціальности (придающей цѣну *работнику*), тѣмъ она и одностороннѣе, исключительнѣе и склоннѣе къ деспотическому игнорированiю всѣхъ многообразныхъ нуждъ и правъ живой дѣйствительности и ко втискиванiю ихъ въ узкiя, не соответствующiя полнотѣ жизни и ея дальнѣйшему развитiю, условныя рамки. Примеръ—всѣ утолисты, отъ Платона и до Ковта съ его *politique positive*. Требуется ли отъ главы государства чтобы онъ рѣшительно сталъ на сторону *одной* изъ существующихъ въ современномъ обществѣ партiй, одного изъ существующихъ интересовъ и правъ, какъ долженъ сдѣлать это всякiй *непосредственно* принимающiй участие въ борьбѣ современныхъ партiй, интересовъ и правъ? Опять вѣтъ; и это было бы для государства и народа тяжкимъ бѣдствiемъ. вмѣстѣ съ этимъ глава государства утратилъ бы значенiе высшей земной силы, безпристрастно *регулирующей* борьбу всѣхъ современныхъ общественныхъ партiй, правъ и интересовъ во имя идеи *утилитарности*, не начинающагося и не кончающагося съ этою современностью,—регулирующей потому что стоящей вѣдь выше интересовъ этой борьбы. Онъ утратилъ бы и значенiе послѣдняго *приблѣжнителя* правъ меньшинства, правъ прошедшаго

и будущаго, противъ подавляющей силы современнаго большинства, утратилъ бы значеніе представителя *науки*, какъ единой непрерывной, живущей не только настоящимъ, но и ради прошедшаго и будущаго исторической личности, обратившись въ представителя интереса для, жизни и борьбы *сегоднешняго общества*. Тамъ гдѣ „идея“ этого (всегда атомистическаго) общества отождествилась съ идеей историческаго (національнаго) государства, * тамъ о жизни *науки* уже нѣтъ рѣчи, и въ исторіи наступилъ перерывъ. И что остается при этомъ отъ достоинства окружающаго лицо главы государства ореоломъ святости и неприкосновенности и дѣлающаго это лицо—вѣчное, какъ народъ, но не умирающее какъ общество,—необходимымъ, подъ какимъ бы то ни было титуломъ, во всякой формѣ правленія, хотя *призрачно-національнаго*? Требуется ли, далѣе, отъ главы государства чтобы онъ самъ лично, *непосредственно* дѣйствовалъ на управляемые имъ массы, самъ лично изобрѣталъ и приводилъ въ дѣйствіе тѣ средства которыми онѣ управляются и направляются? Опять нѣтъ; и то и другое возможно только въ патріархальномъ государствѣ или въ восточной деспотіи, въ современныхъ же національныхъ государствахъ непосредственное обращеніе государя къ массамъ и воздѣйствіе на нихъ обуславливается лишь необычайною торжественностью или особою важностью случая, усиливая сакраментальный характеръ такихъ обращеній. Требуется ли, наконецъ, отъ главы государства особая склонность къ *новому* и способность къ *творчеству*? Но ему поручено *продолженіе* не имъ начатой исторіи, и страсть къ новизнѣ или творческой разгуль, могущіе быть очень полезными и симпатичными въ частномъ лицѣ, этому повѣренному исторіи чаще всего могутъ навлечь только непривлекательный титулъ „искателя приключеній“....

Задачи главы государства вовсе не таковы какъ задачи работника жизни. *Выборъ* лицъ заправляющихъ отдѣльными отраслями управленія, *контроль* надъ ихъ дѣятельностью и ея *гармонизація*, наблюденіе надъ тѣмъ чтобы ни одно право, ни одинъ жизненный интересъ и сила общества не были

* Процессъ которымъ народы приходятъ къ такому отождествленію классически изображенъ Лоренцомъ Штейномъ во „введеніи“ въ одно изъ старыхъ сочиненій его: *Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich*.

нарушены и поправы во имя другихъ, одностороннихъ; *объединеніе, руководство, милость и пражде всего — соблюденіе исторической непрерывности жизни народной личности, вотъ они.* Выполненіе этого высшаго историческаго и культурнаго призванія: регулировать общественную борьбу, гармонизовать ея отдѣльныя задачи и отправленія и такъ-сказать вести исторію, требуетъ, съ одной стороны, чтобы глава государства стоялъ *вне* непосредственнаго участія въ этой борьбѣ, *вне* общественного антагонизма и выше его. Съ другой же, вліяніе его есть въ высшей степени *всестороннее*, въ высшей степени *личное, моральное*—высшее и глубочайшее, чѣмъ вліяніе любого спеціальнаго, юридическаго, экономическаго или политическаго агента и работника жизни. Гдѣ же тутъ хотя одно изъ условій *специфически-мужской* дѣятельности? Гдѣ хотя одно изъ условій той дѣятельности отвлеченнаго, одностороннаго, профессиональнаго спеціалиста, къ которой мы признали женщину неспособною? Регулированіе, морализація жизни, при *отчужденности* отъ непосредственнаго, активнаго участія въ ея антагонизмѣ; тонкое пониманіе лицъ и характеровъ, необходимое какъ для выбора исполнителей задачъ управленія такъ и для поддержанія между всѣми борющимися честолюбіями должнаго согласія; несклонность увлекаться въ погонѣ за отвлеченностями и глубокое уваженіе и привязанность къ историческому преданію и къ *raison d'état*, при невозможности личныхъ столкновеній и соперничествъ, также какъ и побужденій личнаго тщеславія, устранимыхъ высотой положенія,—все это задачи и условія прямо соответствующія лучшимъ способностямъ и склонностямъ женской души. Они ничего не имѣютъ общаго съ задачами и условіями дѣятельности отвлеченнаго спеціалиста или непосредственнаго участника въ социальномъ-политическомъ борьбѣ. Поэтому ссылка на великихъ государынь и правительницъ не только не опровергаетъ, но подтверждаетъ наше положеніе о *превосходствѣ* женщины въ качествѣ морально-воспитательнаго агента жизни и о *неприспособленности* ея силъ и склонностей къ задачамъ профессиональнаго спеціалиста, дѣятельнаго борца, такъ-сказать *чернорабочаго* жизни. И тѣ же самыя великія государыни на которыхъ ссылаются являются предъ нами въ очень непривлекательныхъ чертахъ обыкновенной раздраженной женщины, не знающей мѣры своему гнѣву, пристрастію и жестокости, тамъ гдѣ онѣ выходятъ изъ роли государынь и

вступаютъ въ дѣйствительное личное соперничество и борьбу; примѣръ хотя бы Елисавета англійская. Съ другой стороны, исторія представляетъ намъ и весьма плачевный примѣръ *участія въ правительствѣ женщинъ принадлежавшихъ къ тому же обществу которымъ онѣ управляли*, жившихъ непосредственно его интересами, соперничествами и неапатистами, и вносившихъ все это съ женскою страстностью въ зависящее отъ нихъ управленіе. Всякій знакомый съ исторіей Франціи не найдетъ слишкомъ преувеличеннымъ мнѣніе Шолленгауэра: „Не слѣдуетъ ли и во Франціи возложить вину за постепенное паденіе и порчу двора и правительства на постепенное возраставшее со времени Людовика XIII вліяніе женщинъ, вызвавшее подъ конецъ первую революцію?“

И еще разъ убѣждаемся мы что если стремленія и способности женской души доставляютъ ей превосходство въ дѣлѣ *утилизовація* всякихъ наличныхъ благъ и силъ жизни въ дѣлѣ ихъ *полной гармонизаціи и направленія*, въ дѣлѣ *управленія и высшаго руководства* жизнью какъ она предлежитъ,—то вовсе не тѣ же дарованія и склонности требуются для *работы созидающей* эти блага и силы, матеріальныя или идеальныя. Не они требуются для такъ-называемой *производительной*, творческой дѣятельности, но существенно-чуждыя, несвойственныя женщинамъ. Будучи, по природѣ *распорядительницею*, царицею какъ въ нравственной, такъ и въ непосредственно-практической и въ политической сферѣ, она, эта врожденная аристократка-воспитательница, обладаетъ не тѣми силами и стремленіями какія необходимы для роли *чернорабочаго* жизни, для *производства* тѣхъ силъ и благъ которыми она призвана только *распоряжаться*. Последняя иллюстрація этой очень старой мысли на примѣрѣ великихъ государынь и правительницъ настолько ярка и ясна что на ней мы и заканчиваемъ нашъ психологическій очеркъ, выводъ изъ котораго по вопросу о призваніи и нормальномъ положеніи женщины достаточно очевиденъ.

X.

Конечно можно бы расширить этотъ очеркъ, прослѣдить еще на массѣ подробностей изъ исторіи, исторіи литературы, характерологіи и т. п. проявленія тѣхъ особенностей душевной жизни женщины, *необходимое и неизлѣнимое* никакими

условіями воспитанія и положенія психологическое основаніе которыхъ (болѣе быстрый ритмъ этой жизни) мы вкратцѣ изложили въ IVй гл. и подробнѣе въ статьѣ „Поманіе психическаго ритма“. Но гнаться въ этомъ случаѣ за полнотой значило бы пытаться „исчерпать неисчерпаемое“, перебирая все содержаніе исторіи, поэзіи, характерологіи и др. Къ тому же дѣло вовсе и не въ *полнотѣ* перечисленія фактовъ, въ которыхъ проявились тѣ или другія особенности женской души, но въ *объясненіи и выводѣ* этихъ особенностей изъ простыхъ научныхъ началъ, безъ котораго всѣ эти факты, давно уже всѣмъ извѣстные, но произвольно и разнотолкуемые—больше ихъ или меньше—никогда не обезпечать *одного* необходимаго и обязательнаго толкованія. Установленіе этихъ началъ и составляло *главную задачу* нашей работы, важную помимо своего чисто-научнаго интереса и тѣмъ что только съ ея выполненіемъ вопросъ о психическомъ различіи или тождествѣ половъ изъясняется изъ царства произвольныхъ мечтаній и безконечныхъ пререканій и ставится на научную почву. Если *эта* задача выполнена нами не вполне, то знакомый съ психологическою литературою читатель не упрекнетъ насъ за эту незаконченность, всломнивъ что настоящая попытка—первая попытка *научнаго* обоснованія психологіи половъ, въ возможности котораго даже сомнѣвалась до послѣдняго времени научная психологія. *

* Не такъ давно еще Лотце писалъ: „Едва ли есть возможность отвѣчать на вопросъ, какимъ именно образомъ, благодаря извѣстнымъ чертамъ, высшая духовная жизнь обоихъ половъ становится характеристически - противоположною. Не смотря на безчисленное множество частію только остроумныхъ, частію же вѣстѣ и справедливыхъ замѣчаній, какія породилъ этотъ вопросъ, рѣдко интересовались проведеніемъ явственной границы между первобытнымъ, природнымъ свойствомъ и между тѣмъ что слѣдуетъ почесть за косвенный, опосредствованный результатъ тѣхъ житейскихъ отношеній и тѣхъ сферъ образованія которыя подѣйствовали на тотъ и на другой полъ весьма различно, хотя все-таки же въ соответствіи съ ихъ природными наклонностями. Сколько ни пытайся мы свести на простыя выраженія понятій обиліе этихъ разнообразныхъ особенностей, открываемыхъ намъ только жизненнымъ опытомъ и пластически воспроизводимыхъ только поэзіей, мы всегда сумѣемъ дать одинъ лишь крайне безцвѣтный очеркъ того что въ необозримой пестротѣ своей доставляетъ неокончаемое занятіе нашему живому, дѣйствительному міросозерцанію.“ (*Микрокосмъ*, р. пер. II. 499).

Очеркъ психическаго міра женщины, набросанный нами подъ руководствомъ понятія о психологическомъ значеніи болѣе или менѣе быстрого ритма душевной дѣятельности, очень по содержанію не новъ, давно и близко знакомъ намъ. Но чѣмъ онъ намъ родственнѣе, чѣмъ болѣе черты его совпадаютъ съ указаніями общечеловѣческаго вѣковаго опыта, тѣмъ болѣе ручательствъ въ томъ что онъ не сочиненъ, но вѣренъ дѣйствительности. Тѣмъ существеннѣе и задача объяснить внутренній смыслъ, внутреннюю необходимость и значеніе отдѣльных частей его въ цѣломъ. Картина набросанная нами изображаетъ, далѣе, не однѣ свѣтлыя, но и темныя стороны предмета. Вывода особенности того душевнаго строя который обозначается словомъ „женственность“ изъ кореннаго закона душевной жизни женщины, она самую женственность характеризуетъ со стороны ея силы, красоты и возвышенности, но вмѣстѣ и въ томъ въ чемъ она оказывается безсильною, мелкою и безобразною. Это въ нашемъ очеркѣ конечно не понравится многимъ. Многие желали бы встрѣтить одинъ свѣтъ безъ тѣни, одно дѣйствіе безъ противодѣйствія. Но такое желаніе конечно должно ступаться предъ тѣмъ закономъ что безъ противодѣйствія вовсе немислимо и *никакое* дѣйствіе и одно растетъ пропорціонально другому. Да и не много мудрости—понимать и цѣнить въ человѣкѣ и въ жизни одно свѣтлое и прекрасное безо всякой примѣси и презирать, отрицать и ненавидѣть все дѣйствительное, живое, какъ неизбежно представляющее смѣсь добра и зла, силы и слабости. Плохъ сердцемъ или очень еще юнъ умомъ тотъ человѣкъ который умѣетъ только преклоняться предъ абстрактными совершенствами, но котораго жизнь еще не научила болѣе серіозному дѣлу: любить живую дѣйствительность *какова она есть*, и въ ней находить смыслъ и цѣну; также недалеко онъ какъ тотъ кто, по русской пословицѣ, „любитъ одво сладенькое“. Но если однимъ изображеніе той женственности которую мы старались выяснитъ представится извращеніемъ, карриатурой ея, благодаря темнымъ сторонамъ изображенія, то другіе, находя его даже вѣрнымъ дѣйствительности, тѣмъ не менѣе окажутся склонны относиться къ женственности за ея *особенности* только съ пренебрежительнымъ свисхожденіемъ, не замѣчая и не цѣня въ ней того что дѣйствительно высоко и прекрасно. Послѣдніе (и во главѣ ихъ сторонники и въ особенности сторонницы „равенства“

половъ) принимаютъ вообще „женственность“ за синонимъ слабости. „Надъ чертами женственности подшучиваютъ, говоритъ Кантъ (*Werke A. v. Hart.*, X 340), и глупцы издѣваются надъ ними, но болѣе разумные очень хорошо знаютъ что эти именно черты и суть тѣ рычаги которыми она руководить и направляетъ „мужественность“ къ выполненію своихъ цѣлей“.

Въ этихъ словахъ (и далѣе) Кантъ высказываетъ признаніе право-воспитательнаго значенія самыхъ слабостей входящихъ въ понятіе женственности. Что же касается оцѣнки тѣхъ задачъ къ служенію которымъ право-воспитательное вліяніе женственности искони направляетъ человечество, такъ же какъ и до *сужденія* о тѣхъ особенныхъ силахъ, особенностяхъ мысли, воли и чувства женщины, въ которыхъ это вліяніе коренится, то не вдаваясь здѣсь въ повтореніе сказаннаго нами въ послѣднихъ пяти главахъ, укажемъ въ заключеніе лишь на ту особенную цѣнность какую приобретаетъ женственность въ *наше время*, въ которомъ она является едва ли не исключительною представительницей нѣкоторыхъ жизненнѣйшихъ, но чуждыхъ современности началъ.

Едва ли не самая характеристичная черта нашего времени, быстро возрастающая до угрожающихъ размѣровъ, есть распространеніе во всѣхъ слояхъ общества болѣе или менѣе сознательнаго, но вездѣ глубокаго, всеохватывающаго *недовольства* жизнью, утраты способности и желанія цѣнить ея блага и наслаждаться ими,—отрицаніе всякой цѣнности дѣйствительной жизни и ея дѣйствительнаго строя, неохота переносить ея тяготы и ужасающая легкость отношенія ко всему что въ этомъ строѣ еще дорого и свято. Вытекающіе отсюда *taedium vitae* и нигилизмъ относительно всей существующей культуры обостряются съ другой стороны расплывающимися воображеніемъ картинными будто бы несомнѣнно ожидающаго человечество въ будущемъ состояніи блаженства, какъ награды и цѣли *прогресса*, эволюціи. Услужливая псевдо-философія, разсуждающая что „на нашъ вѣкъ хватить, а après nous le déluge“, на духовный запросъ времени слѣдуетъ дать требуемое оправданіе. Предлагаютъ міру какъ лучшую, спасительнѣйшую панацею (замѣняющую и вѣру въ цѣнность жизни и ея начинаній и вѣру въ Бога), именно теорію эвдемонологическаго пессимизма (ничтожества и призрачности всякихъ благъ и начинаній жизни) и эволюціонистскаго оптимизма (искушенія человечества отъ

страданія съ прогрессомъ). * Такова „теорія“ Гартманна, блестяще изложенная въ *Zur Geschichte und Begründung des Pessimismus*. Изданія раскупаются изумительно быстро; столь же быстро растутъ и извѣстность общающаго сласти человечеству смертностью философа. Но еще быстрѣе развивается кругомъ недовольство жизнью, отрицаніе всякаго содержанія ея и неспособность выносить жизнь и цѣнить въ ней что бы то ни было. Жизненность въ человѣкѣ понижается все быстрѣе и быстрѣе, и онъ все болѣе и болѣе оправдываетъ извѣстную характеристику: *aujourd'hui l'homme désire immensément, mais veut faiblement*. Пессимизмъ и въ міровоззрѣніи, и въ чувствѣ, въ наукѣ, и въ литературѣ празднуетъ повсюду побѣды. И конечно не философскія опроверженія его (всегда доступныя лишь меньшинству, и только для меньшей части его убѣдительныя) въ состояніи задержать его разлитіе или предотвратить практической *выводъ* изъ его соединенія съ утоліей блаженнаго будущаго,—такъ-называемое социальное движеніе. Въ состояніи сдѣлать это лишь дѣйствіе какой-либо всеобщей, вездѣ присутствующей, всепроникающей и на все неодолимо вліяющей силы, одинаково враждебной и пессимизму ума, и чувства, и утоліи. Такою силой въ нашемъ обществѣ представляется единственно *женственная женщина*. Всѣ свойства ея мысли, воли и чувства одинаково отвращаютъ ее и отъ серьезнаго, подтачивающаго жизнь пессимизма и отъ искренней вѣры въ утолію. Женщина всегда любила, цѣнила жизнь, и лучше и полнѣе мужчины наслаждалась ею; она всегда сочувственнѣе, жизнерадостнѣе и теплѣе его относилась къ дѣйствительности и всегда болѣе его не довѣрала отвлеченнымъ благамъ и отдаленнымъ задачамъ. Искреннія пессимистки и утолистки встрѣчаются лишь въ рядахъ женщинъ *возматившихъ сознательно* противъ женственности и переставшихъ служить цѣлямъ рода. Поэтому право-воспитательное вліаніе женственной женщины, общеніе съ ея гармоническимъ, жизнерадостнымъ, полнымъ теплоты, сочувствія къ жизни и трезвой практичности внутреннимъ міромъ,—больше всякаго другаго, не столь долговѣснаго и сильнаго вліанія можетъ внести въ отношеніе современнаго человечества къ жизни теплоты и сочувствія, желанія, умѣнія и силы жить и цѣнить жизнь. Мы твердо вѣримъ что въ *женственности* нашихъ женщинъ—залогъ

* Хотя бы и искушенія только черезъ небытіе.

ковечной любви надъ лессимизмомъ и всякимъ нигилизмомъ. Женщинѣ, дающей намъ жизнь, удастся, какъ удавалось до сихъ поръ, и научить насъ цѣнить эту жизнь.

Женственная же женщина представляется въ наше время и почти единственною представительницей той силы которая есть первое и послѣднее условіе всякой жизни. Одна почти женщина теперь преимущественно живетъ (и *благодаря извѣстнымъ намъ особенностямъ ея душевнаго строя, и благодаря своему особому семейному и социальному положенію*, противъ котораго такъ возстаютъ сторонники эманципации) — жизнью и интересами *внутренняго человека*. А въ немъ вся сила и жизненность жизни! Тамъ гдѣ вѣтъ этой силы, гдѣ ея интересы забыты во имя задачъ усовершенствованія вѣншей жизни, во имя усиленнаго производства всякихъ *благъ* и устроенія вѣншихъ *формъ* жизни, тамъ оказывается въ результатъ что этими благами некому пользоваться потому что убита живая восприимчивость къ нимъ, а этимъ формамъ не на чемъ держаться, потому что залуствѣлъ и заглохъ живящій духъ, которому предназначалось жить въ нихъ. Не разъ уже въ исторіи такъ-называемый *прогрессъ* (развитіе вѣншей жизни при оскудѣніи внутренняго человека) оканчивался не *развитіемъ*, а смертью, скажемъ мы, примыкая къ выраженіямъ богатой парадоксами, но и прекрасными мыслями книги К. Н. Леонтьева *Византизмъ и Славянство*. Такъ было не съ одною Греціей и не съ однимъ Римомъ. Государства, народы, цѣлыя культуры умирали, но „внутренній человекъ“ переживалъ ихъ гибель и снова начиналъ жизнь. Представительница же и хранительница *исключительно* его силъ и интересовъ—женщина, а не такъ-называемая культура и не работники и фанатики вѣншаго прогресса. Она же поэтому не только физически, но и духовно была и есть представительница и хранительница жизни рода. Такою останется женственная женщина и для насъ, вездѣ и всегда напоминая намъ о силахъ, правахъ и нуждахъ „внутренняго человека“, такъ далеко оттѣсненнаго въ наше время на далекій и туманный задній планъ заботами и лихорадочнымъ трудомъ надъ дѣломъ *прогресса*, устроенія вѣншей жизни что на него наши мудрецы теперь даже глядятъ свысока, вовсе не понимая повидимому зачѣмъ онъ и почему? Читали же мы en toutes lettres, какъ Гёте, автору *Фауста*, были будто бы *чужды интересы чело-*

отчества (ловимай—прогресса) ибо слишкомъ близки интересы *человѣка!* * И такъ не только говорятъ теперь, а кто поручится, можетъ - быть даже и думаютъ! Не успѣхи культуры, не „быстрые шаги прогресса“, не желѣзныя дороги, банки, конституціи, телефоны, телеграфы etc. etc. сдѣлаютъ ненужнымъ вылолнение указанной задачи въ нашей жизни женственною женщиной; не они оживятъ обезсилѣвшаго и оскудѣвшаго въ насъ внутренняго человѣка, какъ не упразднятъ его, замѣнивъ какою-либо хитрою машинкой, которой тогда бы автоматически продолжалась жизнь. Болезнь именно : внутренній человѣкъ; его-то и нужно оживить, оживить и отрезвить. Сравнивъ матеріальное благоденствіе рабочаго XVI, XVII и XVIII вѣка съ суммой того чѣмъ пользуется рабочій нашего времени, съ одной стороны, и энергическое и жизнерадостное отношеніе къ жизни перваго, при всѣхъ его лишеніяхъ, съ глубокимъ и острымъ недовольствомъ жизнью его современнаго болѣе благоденствующаго собрата, съ другой **, нельзя не убѣдиться въ томъ что болезнь именно внутренній человѣкъ, и онъ одинъ. Живой и глубокой протестъ противъ этой болѣзни нашего времени—женственная женщина; въ ней же поэтому и надежда на исцѣленіе.

II. АСТАФЬЕВЪ.

* Въ баженной памяти *Критическомъ Обзорѣнн* 1880 № 2.

** Ср. *Taubert der Pessimismus u. seine Gegner*. p. 105 seqq.

ПОПРАВКА. Въ предшествующей статьѣ (*Русск. Вѣсти*. 1882, № 65, стр. 865) при версткѣ были пропущены двѣ строки между 3й и 4й строками сверху. Слѣдуетъ читать вмѣсто строки 3й: „скихъ состояній во времени. А эта смена состояній и соответствующихъ имъ актовъ психической дѣятельности, могущая быть болѣе или менѣе быстрою, и есть то что мы“.

ЕГИПЕТСКІЙ ГОЛУБЬ*

РАЗКАЗЪ РУССКАГО.

XX.

Какъ я былъ радъ вернуться домой! Съ утра я былъ все съ людьми и мнѣ было такъ пріятно сосредоточиться и отдать самому себѣ медленный и внимательный отчетъ во всѣхъ моихъ впечатлѣніяхъ за этотъ оживленный день. Я велѣлъ зажечь лампы и затолить обѣ чугунныя печки въ приемной съ диваномъ кругомъ стѣны и на узкой галлерей, которая служитъ залой. Лампы засвѣтились; печи запылали тотчасъ; добрый старикъ Христо и оба юноши мои Вѣлико и Яни съ особою радостью и усердіемъ, какъ будто они цѣлый мѣсяцъ меня не видали, слѣшили исполнить мои приказанія. Они всѣ улыбались мнѣ, смотрѣли мнѣ въ глаза. Яни даже заговорилъ со мной первый; заталивая печку, онъ приподнялся немного и, опираясь одною рукою на полъ, взглянулъ на меня ласково и спросилъ:

— Что это васъ цѣлый день не было дома? Мы безъ васъ соскучились...

— Дѣла, Яни, разные дѣла, сказалъ я.

— Дѣла! повторилъ Яни, качая головой.—А вотъ для нашего молодца, для Вѣлико, продолжалъ онъ,—дѣла не хороши!

* См. *Русск. Вѣсти*. №№ 8, 9 и 10я 1881 и № 1я 1882.

— Чѣмъ? что такое? спросилъ я съ нетерпѣвнѣмъ (мнѣ такъ хотѣлось чтобъ они всѣ поскорѣе ушли!).

— Одинъ Ляхъ офицеръ (такой здоровый!) нанялъ себѣ домъ на углу противъ насъ. Теперь я говорю, Вѣлико, со всѣмъ къ нашимъ воротамъ не подходитъ: увидятъ тебя, и эфенди нашему будутъ неприятели.

— Конечно, надо теперь стать еще осторожнѣе, замѣтилъ я.— Но ты, Вѣлико, все-таки не долженъ слишкомъ бояться и терять голову. Яви правду говоритъ, хлопоты и неприятности будутъ намъ съ консуломъ, и даже консулу болѣе чѣмъ намъ; но тебя мы, не боимся, ни за что не выдадимъ...

Вѣлико въ это время поправлялъ лампу, стоя ко мнѣ спиной; онъ обернулся и взглянувъ на меня кротко и покойно своими большими и томными сѣрыми глазами сказалъ:

— Я у васъ, эфенди, ничего не боюсь!

— Вотъ и прекрасно, воскликнулъ я и велѣлъ имъ уйти и оставить меня поскорѣй одного.

Я былъ ужасно радъ когда они, притворивъ за собой дверь, побѣжали съ лѣстницы играя и толкая другъ друга съ громкимъ смѣхомъ...

— Наконецъ я одинъ, я свободенъ!

Тяжелыя ворота мои крѣлко-на-крѣлко залерты. Теперь поздно и никто не ударитъ въ нихъ желѣзнымъ кольцомъ. Голоса добрыхъ слугъ моихъ утихли въ дальней кухнѣ. Во всѣхъ окнахъ мракъ, и многолюдный городъ безгласно червѣетъ у подножія ногъ моихъ за высокою стѣной высокаго двора.

Безмолвіе, блаженное безмолвіе!... Даже привѣтливый голубокъ, мучительный и милый другъ моихъ утреннихъ мечтаній, теперь не воркуетъ у окна пріемной моей, а спитъ на обнаженной вѣткѣ персика у сырой стѣны... Только чугунныя печи по всѣмъ комнатамъ пылаютъ огнемъ и весело мечутъ искрами. Тамъ, правда, гдѣ-то на столѣ лежитъ порядочная кила бумагъ, — все плоды Богатыревскаго самохвальства. Богъ съ вами! ночь длинна, и я не коснусь ихъ до тѣхъ поръ пока... О, мысли мои, мысли! гдѣ вы? Дайте собрать мнѣ васъ, дайте связать васъ крѣпкою связью асага вывода рѣшимости! Какъ все тихо, Боже!... Какой дѣятельный день былъ сегодня! „Услѣхи, услѣхи и еще услѣхи!“ изрекъ сегодня этотъ мерзавецъ, котораго я такъ жестоко облачилъ въ лакейскомъ атеизмѣ. Такъ ли это? и у

кого эти услѣхи? У нихъ съ Богатыревымъ?... можетъ-быть!.. И то я не вижу ничего выходящаго изъ ряда.

Но у *меня*? у меня вотъ что важно! Мои побѣды, мои удачи,—гдѣ онѣ? Я хочу сознать, перечислить ихъ? Конечно, я хорошо оборвалъ Боджіева... И это не только сошло мнѣ съ рукъ, но я сумѣлъ такъ взяться за дѣло что бѣшеный и смѣлый Остеррейхеръ остался доволенъ и далъ мнѣ даже довѣрительное порученіе. Я почтительно (какъ слѣдуетъ человѣку охранительнаго духа) доказалъ консулу что онѣ были грубы и неправы въ своихъ шуткахъ надъ моими отношеніями къ семьѣ Антоніади; я стеръ почти съ лица земли ладовитаго клеветера нашего Михалаки только за одинъ неприятный отгѣнокъ фамиллярности въ томъ, возбуждавшій во мнѣ какое-то смутное безпокойство. Все это такъ; но все это такъ ничтожно и такъ пусто! Она, она что сказала и что сдѣлала сегодня? какъ взглянула? какъ сидѣла? Когда краснѣла? при какихъ своихъ или моихъ словахъ? Она вѣдь не сказала *люблю*... положимъ.... Нѣтъ, она не сказала *люблю*!... Но развѣ это нужно?

И я вставалъ съ дивана и начиналъ ходить, еще глубже, еще внимательнѣе думая... Печи все пылали; лампы тихо свѣтили; городъ безмолвствовалъ; въ окнахъ былъ мракъ... и я все думалъ и думалъ и бился и блаженствовалъ въ одно и то же время. Тонкія недоумѣнія эти не отравляли моей задумчивой и бодрой радости, они лишь слегка подстрекали мое рвеніе придти скорѣе къ выводу....

Какъ дѣйствовать впредь?.. До сихъ поръ я все остерегался, до сихъ поръ я не слышалъ... Но теперь!.. Эта дочь въ угоду мнѣ одѣтая по-турецки... Этотъ уговоръ приходитъ иногда и до обѣда, когда мужъ въ конторѣ, это стремленіе довѣряться мнѣ, положиться на меня, когда дѣло идетъ даже о торговыхъ и гражданскихъ интересахъ этого мужа, богатствомъ и трудами котораго она пользуется и дышетъ. Нѣтъ, это много, очень много. Она хитра, она осторожна. И если она обнаружила столько сразу, то участь ея сердца рѣшена—она меня любитъ и вѣроятно готова на все... А если она хочетъ только меня увлечь и дружбой, и кокетствомъ? Нѣтъ! Это ясно: она готова на все. Но я?.. готовъ ли я на все? У меня былъ и тогда свой нравственный критеріумъ, въ иныхъ случаяхъ довольно строгій.

Онъ былъ мой этотъ критериумъ, мой собственный, долгимъ взаимодействіемъ внимательнаго ума, добраго сердца и страстной фантазіи утверждаемый и гордостью валежанный. Мнѣ не было нужды до того былъ ли онъ пригоденъ для остальнаго человѣчества или нѣтъ. Моему тогдашнему нравственному чувству онъ удовлетворялъ вполне и—чего же больше? Такъ я думалъ въ эти веселые годы молодаго самовѣрія!..

Склонивъ въ раздумьи голову на руку мою, въ безмолвномъ просторѣ моего турецкаго жилища, я вспоминалъ и представлялъ себѣ примѣры. Я вспоминалъ, хотя и смутно какъ-то, одно лицо изъ Диккенса. Почтенный старецъ, простодушный, добрый, ученый, сѣдой младевецъ кабинетнаго труда. У него молодая жена; она жаждетъ пребыть ему вѣрною, даже вопреки дурному влиянію родной матери. Она жалѣетъ, чтить, она любитъ своего честнаго и невиннаго старца. Вотъ еслибъ я встрѣтилъ такую чету... о!.. Я не могъ болѣе сидѣть и всталъ чтобы въ движеніи найти новый исходъ и опору мыслямъ. Такая чета, конечно!.. И еслибъ юная супруга такого старца подошла бы сама (сама, непрошенная) ночью къ дверямъ моей комнаты, я сказалъ бы ей: „Бѣги, бѣги скорѣй пока никто тебя не выдастъ, молись... усни и забудь эту ночь... не омрачай его чистаго и тихаго заката... не оскверняй высокой святости души твоей... Даже и со мною (*понимашь ты—со мною!*) это будетъ оскверненіемъ твоего храма!..“

И на чтѣ мнѣ Диккенсъ! Вотъ здѣсь на углу недалеко торгуетъ въ табачной лавкѣ почтенный и добрый Турокъ Гуссейнъ. Онъ сидитъ на прилавкѣ съ окладистою бородой, лицо его кротко и блѣдно, чалма чистая, бѣлая, густыя брови чернѣе бороды. У него такіе милые котята, сѣрые, полосатые, веселые, и онъ ихъ такъ любитъ. Самъ холодный извергъ нашъ Михалаки и тотъ говорить про него съ чувствомъ: „прекрасный человѣкъ! Никогда онъ никого даже изъ христіанъ не обидѣлъ! Святой человѣкъ!“ Пусть по нежданннмъ и ужаснымъ случайностямъ войны или другихъ событій этотъ старецъ Гуссейнъ довѣрилъ бы мнѣ молодую жену и весь гаремъ своей чтобъ я ихъ хранилъ. Есть ли хоть тѣнь сомнѣнія что еслибы самъ Богъ, одинъ только Богъ могъ знать и видѣть мои поступки, то они были бы такъ же точно чисты и праведны какъ были бы праведны въ присутствіи Гуссейна или на многолюдствѣ базара!.. Или еслибы

другъ (быть-можетъ и самъ по себѣ не особенно интереснѣйшій) страдалъ бы по жемъ своей, любилъ бы ее вѣрно, ревновалъ бы ее не изъ самолюбія, не изъ страха чужихъ перешелтываній и насмѣшекъ, а изъ боязни лишиться ея расположенія,—неужели я не оттолкнулъ бы даже грубо жему этого бѣднаго друга... Я не подлець, и слабымъ героемъ Тургенева и жалкихъ его подражателей я не былъ и быть не хочу, не смотря на весь пылъ моего воображенія, на всю алчность моего ненасытнаго, неутомимаго тщеславія... Самоуничиженія „сороковыхъ годовъ“ я знать не хочу, я его презираю. Я хочу быть правымъ предъ высшимъ судіей моимъ, предъ *самимъ собою!*

Антоніади не Гуссейнтъ; Антоніади не старецъ Диккенса невинно грѣящій у камина хладѣющія ноги! Антоніади не другъ влюбленный и страдающій, онъ сухой и холодный хамъ; онъ одинъ изъ тѣхъ европейскихъ буржуа которыхъ весь родъ я до фашизма, до глупости ненавижу.

И пусть бы онъ былъ не старецъ и не другъ страдающій. Нѣтъ, нѣтъ! вотъ пусть бы онъ былъ напимъ такой какъ этотъ Вѣлико. Взгляните на этотъ ростъ и плечи атлета, эту славянскую русую скобку волосъ, на чистыя, большія, юныя темносѣрыя очи. Какъ длинны черныя стрѣлки этихъ рѣсницъ. Полюбуйтесь на эту пеструю курточку, на красивыя складки шароваръ, на жесткія и большія, но прекрасныя формою рабочія руки, на бессознательное сочетаніе силы и женственной стыдливости его движеній. Эта простая вѣра въ *насъ*, Русскихъ, въ непобѣдимостъ защиты моей! И вотъ еслибъ онъ, этотъ Вѣлико, избралъ себѣ подругу-отроковицу, такую же невинную и простую какъ онъ самъ,—развѣ эта дѣвушка не была бы для меня дочерью, не смотря на то что я самъ еще молодъ?

Я ударилъ кулакомъ по столу и сказалъ громко, какъ будто я говорилъ ему самому: „Оставь со мной ее на годъ и больше, и вѣрь что ты отдашь ее родному отцу!.. Да!“

Но этотъ коммерсантъ, этотъ Европеецъ! Это ужасно! Плечи его немного узки; борода растетъ почти изъ глазъ! Ну чтѣ это! Изъ *homme honnête, ferme et laborieux*, какъ любятъ выражаться прогрессивные Французы. Покоенъ, твердъ, приличенъ даже! „Банабакъ!“ Нѣтъ онъ и не банабакъ восточный! Его хамство тонкое, самое вредное для жизненной лозіи! Просвѣщенное общечеловѣческое хамство! Въ немъ даже

греческаго мало; въ немъ нѣтъ той симпатичности которую мы видимъ нерѣдко въ какихъ-нибудь усатыхъ и грубыхъ капитанахъ парусныхъ греческихъ судовъ; главное сочетание патристическаго самохвальства, набожности, отчаянной отваги, корысти, лжи и добродушія. Въ немъ и этого нѣтъ. За что и на что его щадить, скажите?.. И развѣ я забылъ его тонъ въ Царьградѣ, его улыбочки, его томно самоуверенныя взгляды, его твердыя и пошлыя возраженія... „Пирронизмъ! Пирронизмъ! Во всемъ сомнѣнія!“ Или: „то что вы оказали о живоласности Востока всѣмъ извѣстно“. Каково! Это онъ лжѣ говорить. Ну, хорошо!..

Довольно отреченія! довольно нестерпимой тоски и одинокаго унынія... Я имѣю *особыя права*, права высшихъ потребностей. Я *долженъ наслаждаться*; вѣдь я

„Критонъ, молодой мудрецъ
Рожденный въ рощахъ Эликура!“

А онъ?

Нѣтъ! я не откажусь отъ нея. Она сама не хочетъ моего отреченія... и къ тому же развѣ я знаю ея прошедшее? Если другіе?.. Она столько странствовала, такъ часто оставалась одна безъ мужа, когда того требовали ихъ дѣла. А если она его обманывала прежде, но такъ искусно и умно что не возмутила до сихъ поръ его счастья? Зачѣмъ же я буду такъ просто, такъ глупъ, такъ наивенъ? Не правъ ли будѣтъ Блумфельдъ, взывая ко мнѣ такъ часто и такъ несносно съ укормомъ: „молодой человѣкъ! молодой человѣкъ!“ (смѣшной человѣкъ! наивный человѣкъ!)... Нѣтъ, я не откажусь отъ нея.

Но всѣ эти размышленія мои были внезапно прерваны ударомъ кольца въ ворота.

Я былъ въбѣшенъ.

Кто же это и такъ поздно вздумалъ меня тревожить?

Стукъ усиливался. Изъ кухни слышались голоса Яни и Христо. И кто-то изъ нихъ кинулся съ фонаремъ черезъ дворъ къ воротамъ. Переговоры у воротъ длились не долго.

Посѣтителя впустили.

Я смотрѣлъ внимательно изъ высокихъ оконъ моихъ внизъ на темный дворъ. Людей различить было невозможно, но показались рядомъ два фонаря; нашъ былъ простой, стеклянный, который свѣтилъ тускло, но со всѣхъ сторонъ; у гостя былъ фонарь европейскій, съ толстымъ круглымъ стекломъ, которое одиночнымъ большимъ глазомъ ярко сверкало во

мракъ. Глазь этотъ двигался бросая предъ собой продолговатый и неровный свѣтъ, но владыцѣ фомаря казался отъ этого погруженнымъ въ еще большую тьму.

Я слѣдилъ съ досадою и не могъ веномать у кого я видѣлъ такой фомарь.

Только приблизившись къ крыльцу неожиданнѣйшій гость приподнял фомарь къ лицу своему, и я увидѣлъ что это былъ самъ Антоніади.

— Боже мой! Что такое? Ужь девятый часъ вечера. Для турецкой провинціи это очень поздній часъ. Это ночь. Чего хочеть отъ меня этотъ „честный“ супругъ и „образованный“ коммерсантъ?

Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, въ умѣ моемъ мелькнуло нѣсколько догадокъ, одна другой нелѣпѣе и несообразнѣе, но самое простое мнѣ и въ голову не пришло.

Я привѣтствовалъ его какъ можно радушнѣе и спросилъ: Чему приписать что онъ потрудился по грязи, ночью придти въ этотъ дальній квартаалъ?

Антоніади желалъ быть любезнымъ и, перекачнувшись по привычкѣ своей чуть замѣтно съ каблуковъ на носки и опять назадъ, отвѣчалъ улыбаясь:

— Мнѣ за множествомъ хлопотъ не удалось до сихъ поръ побывать у васъ. Я не считаю перваго визита, который былъ моимъ „доагомъ.“—И оглядывая мою галерею, онъ прибавилъ:—Какъ у васъ хорошо! Это то что Англичаме зовуть *home!*... Очень хорошо. Въ старомъ турецкомъ, въ *вашемъ* вкусѣ.

Послѣднія слова онъ сказалъ съ особымъ почтительно-дружескимъ удареніемъ.

— Это правда, отвѣчалъ я,—меня до отчаянія доводитъ убранство въ европейскомъ вкусѣ. Особенно если оно дешовое.

Антоніади на это снисходительно замѣтилъ:

— Да, у восточныхъ людей есть свой стиль.

И потомъ помолчавъ продолжалъ:

— Вы сегодня были у насъ? Жена моя мнѣ все передала. „Какъ все?“ подумалъ я съ мгновеннымъ ужасомъ и ждалъ своего приговора.

— На счетъ господина Остеррейхера и Виллартова, объяснилъ Антоніади.—Но она не советмъ ясно и подробно передала мнѣ все это и мнѣ очень было бы пріятно слышать все

основательнѣе отъ васъ самихъ. Я прошу у васъ тысячу извиненій и надѣюсь что это не слишкомъ васъ затруднитъ.

Я началъ передавать ему все подробно; разказалъ ему даже смѣясь о моей схваткѣ съ Бояджіевымъ (Маша я забылъ объ этомъ сказать, потому что съ ней мнѣ было не до этого.)

Антоніади былъ чрезвычайно внимателенъ; все чуть-чуть усмѣхался, гладилъ рукой концы бакенбардъ. А я былъ разсѣянъ и нѣсколько разъ даже чувствовалъ что говорю наобумъ и вотъ-вотъ сейчасъ остаюся; потому что мысли мои были совсѣмъ не въ австрійскомъ консульствѣ и не въ коммерческомъ судѣ и о Бояджіевѣ вовсе я въ эту минуту не думалъ. Меня тревожили въ это время совсѣмъ другія мысли. Я смотрѣлъ на эту бѣлую, большую, *очень* красивую и безукоризненно (не по здѣшнему) выхоленную руку и не могъ никакъ освободиться отъ вопроса: цѣлуешь ли Маша эту руку? и когда цѣлуешь, то какъ— по движенію *извѣстнаго* чувства или изъ дружбы и уваженія? Она сказала: „вы поймете что мои отношенія къ мужу *лучше* чѣмъ вы думаете“... Когда жъ я пойму? когда? Я хочу понять, постичь все до глубочайшей тонкости сейчасъ же... Руки хороши, но развѣ въ этомъ дѣло! Самъ онъ, самъ... Впрочемъ... Боже мой... Я не то говорю... я путаюсь... О ужасъ! Онъ что-то мнѣ говоритъ, должно-быть очень нужное... Я ничего не слышалъ... я слышу только: „и давно это?“ Что *это?* что *давно?*—не знаю!

Я встрепенулся черезъ силу и сказалъ наугадъ:

— Давно ли? Право, не знаю.

— Какъ же это? спросилъ Антоніади съ преднамѣренною тонкостью и недоумѣемъ.—Вы вѣроятно это лучше всякаго знаете; но... я не смѣю настаивать. Дипломатія имѣетъ свои тайны. Хотя... я думалъ... конечно...

— Что вы думали?

— Я думалъ что г. Богатыревъ самъ не намѣренъ скрывать отъ публики того недоброжелательства которое существуетъ теперь между русскимъ и великобританскимъ консульствомъ.

(Вотъ оно что! вотъ о чемъ онъ спросилъ: „давно ли они разошлись?“)

— Нѣтъ, право, я не могу вамъ навѣрное опредѣлить этого срока, сказалъ я.—Ссоры явной не было никакой... Г. Вил-

лартомъ слишкомъ ужь двателенъ и живъ характеромъ; онъ слишкомъ слѣдилъ за нами... Это не всегда удобно. Но онъ добрый человѣкъ и прекрасный собесѣдникъ. Хорошо знаетъ Востокъ...

Автоніади сдѣлалъ отрицательное движеніе головой (слезу вверхъ, по восточному) и возразилъ съ сожалѣніемъ:

— Востокъ онъ знаетъ; но характеромъ онъ для Востока не годится. Здѣсь любить людей иного рода... Онъ слишкомъ подвиженъ и слишкомъ просто себя держитъ. Между христианами онъ очень не популяренъ, а это жаль.

— Почему? спросилъ я.

— Мое мнѣніе то что христианамъ лучше жить въ Турціи когда Россія и Англія заодно. Это согласіе подавляющимъ образомъ дѣйствуетъ на Турокъ. Это общее правило можно признать и къ мѣстнымъ условіямъ: христиане спавъте когда русское консульство въ союзѣ съ англійскимъ.

(Ему хочется быть англійскимъ драгоманомъ и въ то же время служить намъ „аздю“ * въ тиджаретѣ, подумалъ я.)

И потомъ спросилъ:

— Однако что жь мнѣ сказать г. Остеррейхеру отъ васъ именно? Не лучше ли вамъ сходить самому и выразить австрійскому консулу ваше сожалѣніе, если вы не хотите принять его предложеніе.

— Да, я тоже полагаю что надо сходить самому, хотя это очень непріятно. Я не желалъ бы возстановлять противъ себя господъ консуловъ. Времена такіа смутныя! можно ожидать даже всякихъ опасностей. Это ужасно! Въ Критѣ, вы слышали, опять были избіенія... Консулы здѣсь—наша единственная опора... Хорошій консулъ въ Турціи, это иногда якорь спасенія жизни и собственности. Но удостойте меня пожалуста вашимъ совѣтомъ: что мнѣ сказать г. Остеррейхеру въ мое оправданіе?

Я воспользовался этимъ оборотомъ разговора чтобы льстить ему.

— Я никогда не повѣрю чтобъ Эллины и притомъ такой высокообразованный какъ вы нуждаеся въ совѣтѣ такого рода, сказалъ я.

Автоніади сдѣлалъ томные глаза и наклонилъ молча голову въ знакъ благодарности за комплиментъ.

* *Аза тиджарета*: членъ коммерческаго суда.

— Я не здѣшній человекъ и плохо еще знаю здѣшнихъ людей и потому прошу еще разъ вашего совѣта, настаивалъ онъ.

— Скажите ему просто что вамъ вѣкогда и что самъ Ладневъ, когда передавалъ вамъ это, еще не зналъ что вы ужь уговорились съ г. Богатыревымъ о службѣ при тиджаретѣ. Я полагаю этого будетъ достаточно.

— Да, это такъ. Но если я рѣшусь принять предложеніе Виллартона, тогда Остеррейхеру это будетъ обидно. Для англійскаго драгомана нашлось время, а для австрійскаго нѣтъ. Боже сохрани меня создавать себѣ здѣсь сильныхъ враговъ! У меня есть семья.

Значитъ я угадалъ, онъ хотеть быть почетнымъ англійскимъ драгоманомъ, и видно правду говорила Маша что она мало имѣеть на него вліянія. Подумавъ однако немного я рѣшился все это дѣло взять на себя помимо Богатырева и уклониться отъ духа его инструкцій: показывать что намъ все равно. Я имѣлъ и право, и средство говорить прямо отъ себя, въ виду того что могъ со дня на день самъ стать во главѣ всѣхъ адрианопольскихъ и еракійскихъ дѣлъ подобнаго рода. Рѣшившись дѣйствовать по своему я началъ такъ:

— Послушайте, мсье Антоніади. Я буду съ вами прямъ. Вы знаете что г. Богатыревъ можетъ очень скоро уѣхать? Вы понимаете также что безъ него всѣ русскіе интересы до самаго мельчайшаго будутъ на моей отвѣтственности? Я же не скрою отъ васъ что мнѣ будетъ очень непріятно если вы будете служить у Виллартона.

— Жена моя уже передала мнѣ вашъ взглядъ на этотъ вопросъ. Она даже говорила о какомъ-то дезертирѣ.

— Да, онъ здѣсь внизу, и я могу вамъ его даже показать, потому что вы одинъ изъ лучшихъ у насъ здѣсь представителей христіанства. Правда, онъ Болгаринъ; но такъ какъ тутъ идетъ борьба между католичествомъ и православіемъ, то не можетъ быть сомнѣнія что честный Грекъ скорѣе сохранилъ тайну чѣмъ какой-нибудь Бояджіевъ, связавшій свои интересы съ уміей, Австріей и Поляками.

— Ковчево! пожимая плечами, сказалъ Антоніади.—Кто же станетъ думать объ общемъ и серіозномъ политическомъ вопросѣ когда дѣло идетъ о безопасности бѣднаго юноши, почти ребенка!.. Это было бы неблагородно!.. Жена моя мнѣ все это разказала, и я понимаю васъ вполнѣ.

— Но...

Онъ замаялся, посмотрѣлъ на меня внимательно и подумавъ рѣшился тоже ясъе высказаться.

— Времена смутныя, сказалъ онъ:—англійскій консулъ въ случаѣ волненій и опасностей большая сила! Еслибъ, я говорю, напримѣръ, еслибы Критское возстаніе привело къ европейской войнѣ; еслибы (вы понимаете, это говорить вамъ безлокойство семьянина и собственника), еслибы Россія двинула сюда войска, можно ли ручаться что въ Туркахъ не проснется старое янычарство? Не будутъ ли насъ убивать какъ собакъ... Я вѣдь отецъ семейства, мсье Ладневъ, и живу трудомъ!

Говоря это Антоніади оживился, глаза его блистали и глядѣли на меня вопросительно и смѣло.

— Положимъ такъ, отвѣтилъ я,—хотя я почти увѣренъ что войны не будетъ; а что касается избіеній, то едва ли Турецкое правительство допуститъ это тамъ гдѣ сами христіане не обнаружатъ явнаго намѣренія возстать. Портъ невыгодно безъ крайности возстановлять противъ себя общественное мнѣніе даже и на Западѣ... Но пусть будетъ по вашему. Что же значить тутъ англійскій консулъ?.. Во время Дамасскихъ избіеній, всѣ консулы принуждены были отдаться подъ охрану пашы; одинъ англійскій ничего не боялся, какъ будто онъ былъ въ заговорѣ. Въ Критѣ, въ 58мъ году, когда при Вели-пашѣ Турки города Канеи грозились перерѣзать всѣхъ Грековъ, били стекла конака и влачили за ноги трупъ молодого Грека котораго въ угоду имъ Вели-паша велѣлъ удавить. Что дѣлалъ г. Овглей, англійскій консулъ? Въ то время когда всѣ другія консульства были полны семьями христіанъ въ надеждѣ на то что толпа не рѣшится посягнуть на флаги великихъ державъ, г. Овглей залеръ наглухо свои двери и не пустилъ никого. Я увѣренъ что и нашъ милый, веселый и даже очень добрый Виллартовъ сдѣлаеть то же самое или въ этомъ родѣ. Нація Великобританская истинно великая нація по духу, и потому на представителяхъ ея отражается это величіе. Они никогда не впадаютъ въ это пошлое смѣшеніе необходимой личной нравственности съ ненужною и глулою политическою моральностью.

— Это правда! произнесъ Антоніади, тихо и значительно:—Англійская нація истинно великая! Почтичь ея духъ не легко иностранцу! Я нѣсколько лѣтъ провель въ Англію и не смѣю

сказать что я постигъ ее. Даже въѣшній видъ—что-то странное. Я помню первые дни моего прїѣзда. Толпа народа, экилажи; какая-то молодая дѣвица играетъ предъ гостиницей на скрипкѣ! Пушки палятъ почему-то. Прїѣхалъ откуда-то какой-то генералъ или адмиралъ, я не помню. Въ гостиницѣ курить не позволяютъ въ номерѣ. Это было мнѣ мученье! Эти парки, это богатство, эта строгая нравственность семьи! И въ то же время наши греческіе матросы съ торговыхъ судовъ разказывали мнѣ что къ нимъ на корабли являются цѣлыми партіями очень красивыя дѣвушки *изъѣстнаго рода* и просятъ даже не денегъ, а воображите, пакли! старой пакли чтобы продать ее и купить себѣ хлѣба. Потомъ—эти слуги! Слуга съ которымъ вы будете обходиться фамиллярно сочтеть за униженіе служить у васъ. „Вы не джентльменъ“! Все это такъ странно, такъ глубоко, даже я позволю себѣ сказать... Великая нація!

Я слушалъ его не безъ удивленія. Никогда еще я не видалъ его столь одушевленнымъ и многорѣчивымъ. Въ эту минуту онъ въ первый разъ мнѣ немного понравился; я и самъ, никогда не бывавъ въ Англіи, былъ въ этомъ именно смыслѣ ангаманомъ, оставаясь Русскимъ, быть-можетъ, иногда и до фанатизма, то-есть я желалъ бы чтобы Россія была такъ же глубока и самобытна въ своемъ *руссизмѣ* какъ Англія въ своихъ правахъ; чтобы она поскорѣй доросла до Англіи во всемъ, отъ корней до цвѣтовъ и плода отличаясь и отъ нея, и отъ всей Европы.

— Мы отвлеклись, простите! сказалъ Антоніади.—Вы хотѣли выразить ваше мнѣніе о г. Виллартонѣ, кажется?

— Да, отвѣчалъ я.—Этотъ Виллартонъ такой милый, веселый собесѣдникъ съ которымъ я такъ люблю кататься за городъ верхомъ; онъ не стѣснится, когда Сень-Джемскій кабинетъ найдетъ это выгоднымъ, распалать и здѣсь мусульманскія страсти и обогреть кровью всѣ эти мирныя и тихія улицы еракійскихъ селъ и городовъ. Въ такую минуту, если вы опасаетесь, не надѣйтесь на него. Вы хотѣли знать мое мнѣніе, вотъ оно.

Антоніади молча и съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ подозрительности смотрѣлъ на меня; наконецъ собравшись съ духомъ сказалъ:

— Но въдъ своего драгомана, своего employé, такъ-сказать онъ пощадилъ бы?...

Видя его колебанія, я рѣшился нанести ему послѣдній ударъ и началъ такъ:

— Какъ вамъ угодно, вы хотѣли совѣта, я вамъ его даю. Повторяю вамъ что я все это говорю вамъ отъ себя. Изъ разговоровъ г. Богатырева я замѣтилъ что онъ относится ко всему этому дѣлу равнодушнѣе чѣмъ я, ему можетъ-быть и все равно будете ли вы драгоманомъ у другаго консула или нѣтъ. Что жь, онъ можетъ-быть опытнѣе, способиѣе меня; но всякій дѣйствуетъ по своему; оно и вѣрнѣе. Я прямо предупреждаю васъ что при всемъ моемъ желаніи быть полезнымъ вамъ и Мше Антоіади, я, разъ оставшись управляющимъ, тотчасъ же смѣню васъ, лишу васъ должности въ тиджаретѣ, если вы будете англійскимъ драгоманомъ. А вы сами знаете что при умѣренности и тактѣ, котораго у васъ такая бездна, вы служа въ тиджаретѣ можете облизиться съ самими Турками. Супруга ваша русская подданная; иныя дѣла можно будетъ переводить на ея имя и дѣйствовать прямо подъ русскимъ флагомъ. Познакомьтесь съ беями, съ Тевфикъ-беємъ, онъ прекрасный человекъ; съ Ахмедъ-беємъ, онъ родомъ Грекъ и христіанъ нѣсколько жалуетъ; съ Исетомъ. Пошлите Мше Антоіади знакомиться по гаремамъ; это ее займетъ, скажите ей чтобъ она ото всѣхъ турецкихъ дамъ улаты визитовъ не ждала. У нихъ есть своя глупая гордость, на которую совѣтую не обращать вниманія, быть-можетъ это и не гордость, а робость какаа-то. Сблизьтесь главное съ нашимъ Михалаки Канкелларіо, онъ васъ всему научитъ; онъ и съ Турками коротко знакомъ. Онъ вамъ откроетъ разные ходы. А въ случаѣ опасности (которой вѣроятно и не случится) опять-таки супруга ваша русская подданная и прежде всѣхъ другихъ имѣетъ право на убѣжище въ русскомъ консульствѣ, а за ней разумѣется и предъ вами эти двери всегда будутъ широко раскрыты. И Богатыревъ, и я, все равно мы сумѣемъ, я надѣюсь, оправдать довѣріе котораго мы удостоены, и представлять здѣсь Россію такая честь что изъ-за нея и опасности стоить подвергнуться, если нужно. Не безпокойтесь за вашу семью ни въ какомъ случаѣ. Я увѣренъ что здѣшніе Турки даже и не посягнутъ на русское консульство. А пока для ежедневныхъ интересовъ съ васъ совершенно будетъ достаточно съ одной стороны вашего эллипскаго паспорта, а съ другой—этой должности въ тиджаретѣ, которой (прибавилъ я улыбаясь), извините, я васъ непременно лишу, если вы

поступите къ Валлартоу, котораго впрочемъ я очень люблю. Если хотите, можете ему это даже и передать.

— Quelle idée! воскликнулъ Автоіади и потомъ прибавилъ тоже съ улыбкой:—Что жь дѣлать! Надо согласиться съ вами. Всѣ знаютъ что г. Богатыревъ и предшественникъ его сумѣли такъ поставить здѣсь свое консульство что оно вліятельнѣе вѣсѣхъ! Къ тому же и согласиться не очень трудно. Я отъ русской политики самъ не хочу отдѣляться совершенно. Она благотвельна въ этихъ странахъ, и только одни мечтатели „великой эллинской идеи“ распространенія Элады до Балканъ или даже Дуная—могутъ быть въ средѣ Грековъ враждебны здѣсь этой осторожной и умѣренной политикѣ. Я, вы знаете, не изъ ихъ числа.

— Знаю, оттого мы вами такъ и дорожимъ.

Послѣ этого Автоіади вѣскольکو времени чему-то молча улыбался, какъ будто вспомнилъ о чемъ-то веселомъ или пріятномъ. Потомъ сказалъ все съ тою же легкою улыбкой:

— Къ тому же, вы знаете, les femmes! Ah! les femmes... Я всегда говорю: „мужъ глава, положимъ, но жена *шеф*“. Шефъ вертитъ голову. Жена моя такая руссофилка, я сказалъ бы патріотка даже, еслибъ она не была замужемъ за эллинскимъ подданнымъ. Она тоже не очень хочетъ чтобъ я служилъ Великобританіи. Il faut subir cette douce influence!... И онъ простеръ даже руки и опустилъ голову въ знакъ смиренія.

Мы пробесѣдовали съ нимъ послѣ этого о разныхъ предметахъ почти до полуночи. Уходя Автоіади вспомнилъ что Маша поручила ему передать мнѣ приглашеніе приходить иногда по вечерамъ почитать съ ней вмѣстѣ что-нибудь русское.

— Когда же прикажете? спросилъ я.

— Когда угодно, сказалъ Автоіади.—Она любитъ поэзію и сказала мнѣ имя одного стараго вашего поэта. Не могу вспомнить... Зу... Жу... Шу... Pardon!..

— Жуковскіи?..

— Да, да! Она хочетъ его вспомнить, и у нея есть, но не всѣ томы.. Нѣтъ ли у васъ? Она просила васъ также передать отъ нея то же самое приглашеніе и г. Богатыреву, если ему это не вѣсучить. Маленькіе литературные вечера, en petit comité.

Я поблагодарилъ и мы дружески простились.

Опять засвѣтился круглый глазъ его фонаря во мракѣ; стукнуло желѣзо ворота; опять воцарилась вокругъ меня безмолвіе, опять я былъ одинъ самъ съ собою.

— Странный день, странный день,—день разнообразныхъ впечатлѣній, день досады, гнѣва, колебаній, любви и несомнѣнныхъ удачъ!..

И какой путь почти незамѣтно пройденъ съ нашей первой встрѣчи на Босфорѣ!.. Гдѣ теперь эта тихая гордость г. Антониади въ обращеніи со мной, тогда немужнымъ и неизвѣстнымъ ему человѣкомъ? Гдѣ эти насмѣшечки: „лирронизмъ“! и т. п. Нѣтъ и слѣдовъ этого тона... Конечно, онъ держитъ себя хорошо и съ достоинствомъ, въ тонѣ его и приемахъ нѣтъ ничего унизительнаго... Но *я ему сталъ нуженъ теперь*. Завтра, послѣзавтра у меня опять будетъ (какъ было тутъ съ годъ тому назадъ) въ рукахъ извѣстная ему доля власти. И вотъ онъ меня слушается; онъ проситъ моихъ совѣтовъ, немного даже заигрываетъ со мной, вопреки своей серьезной и сухой природѣ. И я радъ этому, я торжествую...

И вдругъ я вспомнилъ давнишнюю грубую шутку Богатырева („для вашихъ будущихъ благъ!“), вспомнилъ мое негодованіе, мою косвенную ему месть въ видѣ оскорбленія на-весеннаго любимому имъ Михалаки,—вспомнилъ все это и воскликнулъ мысленно: Неужели же эти люди, грубо называющіе вещи по имени, такъ часто бываютъ правы?... „Начальническая эксплуатація“, сказалъ я давеча въ негодованіи. Я и теперь не хочу этой высоты... Не то, не то!.. Однако... Безъ вины людей, безо всякихъ происковъ, условій жизни и отношеній вашихъ съ этимъ человѣкомъ стали незамѣтно совсѣмъ иныя чѣмъ были въ день первой встрѣчи нашей на берегу Босфора... Тогда онъ ужасался тому что я сказалъ неосторожно: „мнѣ не нравится христіанская семья на Востокѣ“, и видимо не желалъ меня видѣть у себя въ домѣ. Теперь онъ зоветъ меня *почаще*, *читатъ* женѣ русскіихъ повтовъ; теперь если онъ и скажетъ мнѣ про случай: „лирронизмъ!“ то музыка возгласа будетъ другая, не лдовитая, а почтительная или ласковая. Чѣмъ виноватъ я что судьба посылаетъ мнѣ такой случай вліять на его интересы!.. „Des succès, des succès et encore des succès! Бываютъ и у насъ романы, бываетъ и у насъ кой-что!..“ Негодая Михалаки!.. Ненавистный человѣкъ!.. Какъ ты отвратительно, какъ ты плохо уменъ! Съ этимъ-то заключеніемъ я уснулъ въ ожиданіи „будущихъ благъ“.

(Нѣскольکو словъ отъ издателя).

Здѣсь въ разказѣ Ладнева перерывъ. Въ рукописи прѣславной мнѣ его родными я нашелъ послѣ двадцатой главы нѣскольکو неоконченныхъ отрывковъ; иныя изъ нихъ довольно длинны и наполнены повтореніями одного и того же и побочными подробностями о политическихъ дѣлахъ; другіе напротивъ того слишкомъ кратки и даже похожи на какой-то конспектъ.

Напримѣръ:

(Удача официальнаго обѣда.—Паши: Хамидъ, Арифъ, Орманъ.—Билетики на тарелкахъ съ именами.—Виллартонъ все волнуется; заранѣе какъ будто шутя приподымаетъ салфетку, ищетъ свое имя.—Недоволенъ; рядомъ съ Канкелларіо.—Порядокъ соблюденія Богатыревымъ строгій; придраться нельзя.—Остеррейхеръ и Виллартонъ вице-консулы; но Остеррейхеръ назначенъ въ Адрианополь раньше.—Де-Шервиль и Булгаридисъ (эллипскій) оба консулы.—Они заняли мѣста по сторонамъ Хамиды (haut-bout); двое младшихъ лашей около хозяина дома (bas-bout).—Австріецъ и Виллартонъ ниже ихъ vis-à-vis; а я и Канкелларіо ниже де-Шервиля и Булгаридиса.—Краткая и очень не дурная рѣчь Остеррейхера на турецкомъ языкѣ: онъ поздравляетъ генераль-губернатора съ прибытіемъ въ ново-учрежденный вилайетъ.—Сладкія улыбки сердитаго Австріяца.—Виллартонъ очень всѣмъ недоволенъ и очень плохо это скрываетъ; неудовольствіе между нимъ и Богатыревымъ еще больше усиливается.—Главная досада, я думаю, за то что не онъ первый, а русскій консулъ догадался оказать новымъ лашамъ такое вниманіе.)

Дальше я нашелъ особо начатое и неоконченное описаніе какого-то праздника въ Портѣ.

Вотъ оно:

„Была иллюминація: на обширномъ и пустомъ какъ плацъ-парадъ дворѣ играла военная музыка; толпы народа разной вѣры тѣснились во всю длину темной улицы противъ конака. Въ приемной пашы собирались приглашенные почетные гости. Сердитый и милый мой чудакъ Остеррейхеръ былъ въ мундирѣ съ полковничьими эполетами, съ прекраснымъ густымъ яламажемъ изъ бѣлыхъ и красныхъ перьевъ на

треугольной шляпѣ; онъ гремѣлъ огромными шпорами, рыцарски разсылаясь предъ мадамъ де-Шервиль, женой французскаго консула. Самъ французскій консулъ былъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ съ красною ленточкой *légion d'honneur* въ петлицѣ. Онъ по обыкновенію своему довольно ко всему равнодушный былъ разсѣянъ и все искалъ заговорить съ кѣмъ-нибудь объ охотѣ, своемъ единственномъ пристрастіи. Виллартонъ казался печальнымъ настолько насколько онъ могъ при своемъ живомъ и легкомысленномъ характерѣ.

„Когда мы съ Богатыревымъ вошли въ приемную, онъ въ углу на диванѣ что-то съ жаромъ, хотя и очень тихо говорилъ новому каймакамъ-лашѣ-Арифу.

„Они сближались все тѣснѣе и тѣснѣе...

„Увидавъ насъ, Виллартонъ вскочилъ и почти подбѣжалъ къ намъ, протягивая намъ руки, какъ искренно обрадованный другъ. Впрочемъ онъ и въ самомъ дѣлѣ быть-можетъ радъ былъ насъ видѣть... Ему нужны были прежде всего—борьба, движеніе, жизнь и онъ и врагамъ политическимъ былъ радъ, лишь бы они были не скучны.

„Я понималъ его хорошо съ этой стороны, и этимъ онъ мнѣ нравился. Безъ него было бы скучнѣе въ Адрианополѣ.. *Побѣждать* его было такъ пріятно!..

„Однако, я тревожился. Всѣ мѣстные *приматы* и православные и католики притѣжали одинъ за другимъ. Богатые католики и *почетные консула* * мелкихъ державъ: Даніи, Швейцаріи, Бельгіи, Голландіи уже давно возсѣдали тутъ съ супругами: Петраки Врадетти, Бертоме Гверацца, Франсуа Врадетти и Фредерикъ Гверацца, Фредерикъ Врадетти, Франсуа Гверацца, Антуанъ Гверацца и Жоржъ Врадетти... Ихъ было очень много: всѣ кулцы, всѣ родня, всѣ толстые, всѣ скулы, всѣ дѣятельныя орудія римской пропаганды, всѣ враги намъ, православію и Грекамъ, враги старающіеся всячески завлечь Болгаръ въ уніатство... всѣ союзники Остеррейхера и де-Шервиля. При видѣ ихъ Михалаки Канкеларио (онъ надѣлъ сюда сюртукъ поновѣе и орденъ Станислава въ петлицу) кажется забываетъ на время свою на меня злобу за то что я такъ недавно *почти назвалъ* его „лакеемъ“ за его невѣріе; онъ подходитъ ко мнѣ близко и глядя на всю

* Мѣстные жители безъ жалованья и безъ поманныхъ правъ!

эту западную буржуазію, собравшуюся какъ-то глупо въ одну кучу, шелчетъ мнѣ... нѣтъ, онъ не шелчетъ... онъ *шипитъ*, сверкая взорами:

„— Вотъ оно все „мышинное гнѣздо“ вмѣстѣ! Все *почти-кондун!* * Ахъ, когда бы дожить до разрѣшенія Восточнаго вопроса... показали бы имъ...

„— А развѣ есть средство имъ отмстить за всѣ ихъ интриги?...

„— Есть, есть! говорить Михалаки. — Только чтобы *мы* были живы; *мы* найдемъ!..

„Я едва слушаю его адскія рѣчи... Въ другое время я такіа злая рѣчи его любилъ... Дѣлать зло во имя вѣры и отчужды противникамъ своимъ такъ пріятно... Но теперь мнѣ не до того... Восточный вопросъ еще не разрѣшенъ; часъ отмщенья не ударилъ... А Маша и мужъ ея не ждутъ!..

„Вотъ Хаджи-Петро пріѣхалъ и другіе Греки-кулцы; вотъ согнувшись подбѣгаетъ къ генераль-губернатору и касается его полы молодой и богатыи болгарскій архонтъ Карагеоргиевъ, онъ щеголяетъ въ тепломъ пальто-сакъ съ бобровымъ воротникомъ и въ фескѣ; вотъ серьезный и почтенный докторъ Стула со своею худощавою *Ступимой*; она безъ перчатокъ, но для парада надѣла на султанское празднество какую-то чуть не мужскую двухбортную коротенькую жакеточку изъ желтоватаго трико съ большими стеклянными луговицами...

„Пріѣхалъ и добрый нашъ Чобанъ-оглу со своею непріятною докторшей. Онъ выбрилъ себя на этотъ разъ подбородокъ; но на затылкѣ его виденъ изъ-подъ воротника какой-то шнурокъ: должно-быть обрывокъ вѣшалки. Мадамъ Чобанъ-оглу закуталась въ широкій бурнусъ изъ бѣлаго кашмира съ кистями и задралировалась вся такъ странно что бурнусъ сталъ похожъ спереди на огромную салфетку, которою завѣсили огромнаго ребенка чтобы онъ не пачкался за обѣдомъ... Она мимоходомъ поглядѣла на меня сладострастно... Я отвернулся. Чобанъ-оглу *приподаетъ* предъ лашами и предъ гжой де-Шервиль... Глаза жены его сіяютъ и лицо ея пылаетъ тщеславнымъ смущеніемъ и радостью, когда генераль-губернаторъ, не вставая съ кресла, привѣтствуетъ ихъ съ мужемъ поклономъ съ пріятною улыбкой...

* *Мышинное гнѣздо* по-гречески.

„Антоніади все нѣтъ!.. А я такъ старалась всё эти дни! И такъ мнѣ было трудно и стыдно.. Мнѣ хотѣлось непременно добиться чтобы супруги Антоніады были сопричислены Хамидъ-пашой къ лику здѣшнихъ *архонтовъ* и чтобы ихъ не забыли пригласить въ конакъ...“

„Я не хотѣлъ говорить объ этомъ *своимъ*, ни консулу, ни тѣмъ болѣе *этому* Михаэли. Я старалась устроить это чрезъ греческаго консула...“

„Онъ извѣстилъ меня что желаніе мое исполнится. Однако ихъ все нѣтъ...“

„Наковецъ одинъ изъ греческихъ кулцовъ сказалъ мнѣ „А вотъ новый членъ тиджарата со своею *kokonoid!*..“

„Они вошли...“

„Откуда она достала эти свѣжіе жонкилы? И какъ хорошо придумала она украсить ими и свою косу черную и черныи барежъ платья на груди!..“

„Музыка на большомъ дворѣ все играла... Свѣтъ отъ плашекъ колебался и толпа тѣснилась къ рѣшеткѣ...“

Окончанія этого отрывка я вовсе не нашелъ; но на той же страницѣ карандашомъ написано: *Нужно ли это?* И больше ничего. Видно по всему что авторъ этихъ воспоминаній сталъ все больше и больше тяготиться своимъ трудомъ и не зналъ долго какъ отъ него освободиться. Даже почеркъ его сталъ гораздо хуже чѣмъ въ началѣ разказа. Иныя мѣста я совсѣмъ не могъ разобрать.

Какое-то сомнѣніе, какое-то болѣзненное чувство, подобное рассказанію или досадѣ, замѣтно терзало его...

Потомъ онъ должно-быть или поборолъ его, или подъ вліяніемъ новыхъ и случайныхъ впечатлѣній опять примирился со своими воспоминаніями. Мнѣ такъ казалось, потому что послѣ перерыва разказъ идетъ опять довольно правильно.

Догадки мои скоро оправдались: между другими бумагами Ладнева, тоже высланными мнѣ его родными, я нашелъ нѣсколько страницъ, которыя объяснили мнѣ даже и внутренній смыслъ его колебаній, и смущенія...

Вотъ эти страницы:

15 декабря 1879 года.

Зачѣмъ я началъ этотъ несмысленный, этотъ мучительный разказъ? Чтò мнѣ за дѣло теперь до этой *Маши*? Чтò общаго между *тѣмъ* Ладневымъ и мною? Я началъ писать это въ

одну веселую минуту, когда я осмѣлился (да, осмѣлился — несчастный я) подумать на мгновение что и для меня лѣтняя жизнь не совсѣмъ еще слѣта.

„Тогда, когда на пероиковой вѣтви ворковала мой бѣдный голубь, у меня было такое множество желаній, я такъ любилъ въ то время живая... Самыя страдавія мнѣ иногда невыразимо нравились.

„А теперь?

„Теперь я хочу одного—забвенія, покоя. Но какого покоя? Всякій лишній звукъ, всякое лишнее движеніе неважности мнѣ въ нынѣ дни до ужаса.

„Съ людьми я вижуся по нуждѣ. Мнѣ нельзя не видѣться съ ними! Но даже самыя искренніе друзья не могутъ дать мнѣ того что нужно человѣку для того чтобы быть веселымъ: тѣлесныхъ силъ, любви къ борьбѣ житейской, честолюбія, здоровья, вѣры въ какое-то близкое и привлекательное будущее.

„Я сталъ находить блаженство въ равнодушіи. Я иногда иду желаній, я съ любопытствомъ иногда спрашиваю себя: „Какъ это возможно ничего не желать, кромѣ необходимой пищи, мирнаго сна и легкой молитвы, и все безъ усилій? Не можете быть, а вѣрно чего-нибудь желаю! Я только не сознавалъ еще ясно этихъ новыхъ желаній моихъ!“

„И вотъ съ такими мыслями я недавно стоялъ въ церкви и слушалъ крестясь какъ діаконъ молилъ Бога о „миръ міра“, „благораствореніи воздуха, объ изобиліи плодовъ земныхъ“, о властяхъ, объ епископѣ нашемъ; крестился всѣмъ, и я крестился... Но я хотѣлъ бы отыскать что-нибудь лучшее, иное, особое, вѣчто такое что нужно только мнѣ одному и о чемъ я бы могъ вознести совсѣмъ особую, горячую, личную молитву сердца. Искалъ и не нашелъ. Я видѣлъ столько горя и грѣха отъ исполненія не только самыхъ страстныхъ, но даже и самыхъ невинныхъ и безкорыстныхъ желаній нашихъ что не понимаю теперь: зачѣмъ искать, хотѣть когда не хочется? Зачѣмъ? Я думалъ объ этомъ; я вспоминалъ страшныя событія послѣднихъ лѣтъ моей жизни; я видѣлъ духовную нить связующую ихъ, непонятную для гаулаге практическаго разума, для вѣры ясную какъ день... Я видѣлъ эту дивную нить и страшную и отрадную. Мысль моя снова овладевала тою тайной жизни которая открыта только вѣрѣ, и когда діаконъ сталъ молить о христіанской ковчигѣ жизни вашей „безболѣзненной“ и „мирою“ и о

„добромъ отвѣтъ на судѣ Христовомъ“, а вдругъ почувствовалъ желаніе положить глубокой поклоны и всталъ съ земли не скоро и касался лбомъ пола думая: „вотъ этого, конечно, и только этого мнѣ должно желать“.

„И послѣ этого мнѣ писать объ этой Машѣ! Думать о любви, полуидеальной, почувственной, дѣлать зачѣмъ-то усилія ума чтобы вспомнить что было прежде и что было послѣ...“

„Да, еслибы вспоминалось всегда ровно и легко, то отчего жь бы не разказывать? Это правда моей жизни, *это было*.“

„Но не всегда вспоминается легко, надо думать, надо мыслить,—вотъ принужденіе, страданіе. Зачѣмъ страдать? Кому такое страданіе полезно? И самъ я не знаю въ тишинѣ моей медленной, предсмертной тоски, что мнѣ пріятнѣе — все забыть или все вспомнить.“

„Пріятно вспоминать только то что помнится безъ усилій, не дѣлать усилій, вотъ теперь земной рай моей старости вотъ мой идеалъ!“

„И все что я вижу теперь вокругъ себя, и все что я слышу, и все чего я желаю такъ не похоже на то что я видѣлъ тогда, на то что я тогда слышалъ, на то чего я желалъ въ то время.“

„Я не вижу предъ собою ни фіалокъ, которыя разцвѣтаютъ такъ рано въ сырыхъ расщелинахъ между камнями лѣстницы на моемъ дворѣ; ни садовъ блестящей шелковицы, ни минаретовъ, ни старыхъ и прочныхъ каменныхъ мостовъ съ золотыми арабскими надписями надъ широкою и мутвою Марицей. Теперь я вижу предъ собою бѣлый свѣгъ и высокія сосны... Одно и то же съ утра и до вечера. Я вижу ихъ только изъ оконъ, и выйти, какъ другіе, не смѣю и не въ силахъ. На дорогѣ, недалеко отъ окна моего стоятъ русскія дровни; молодые крестьяне разчищаютъ дорогу, они кладутъ свѣгъ въ сани и свозятъ его со двора. Быть-можетъ и я рѣшусь выйти на воздухъ. Вотъ они бросили долаты и начали играть, бороться и кидать другъ въ друга свѣгомъ. Какія у нихъ здоровыя, красныя, веселыя лица... Какъ они радостно смѣются, какъ они еще молоды всѣ трое... И какъ я отвратительно старъ, не годами, а душой и силами!“

„Мнѣ даже ничуть и не завидно имъ! Я не хочу смѣяться.“

„А это вѣдь такъ близко все, это все мое: и дворъ мой, и свѣгъ мой, и лошади эти мои, и молодые люди эти служатъ мнѣ за мои деньги. И все это мнѣ чуждо... Я радъ локою и безмолвію моего теплаго и просторнаго жилища. Безмолвіе!“

безвучное, безстрастное, безгласное забвеніе за моремъ гла-
бокихъ снѣговъ.

„Я больше ничего не ищу. Все прошлое отравлено; все во-
вое мнѣ чуждо.

„И вотъ наполовину уже перешедшій въ невозвратную вѣч-
ность, я долженъ писать о такихъ веселыхъ дняхъ тщеслав-
наго ничтожества.

„И въ самомъ дѣлѣ, не правда ли какъ это пусто все? Не
похожа ли тогдашняя жизнь души моей на букетъ искус-
ственныхъ цвѣтовъ, слегка обрызганныхъ духами?

„Въ моей собственной жизни были года и событія совѣмъ
иного рода, иной силы и значенія.

„Зачѣмъ же я выбралъ это время, эту Машу, эту красивую,
быть-можетъ, но мелкую и безплодную лустоту?.. Не знаю.“

19 февраля 1879 года.

„Моя предсмертная тоска такъ нестерпима, уныніе мое,
мое нѣмое отчаяніе въ иные дни такъ ужасны что исцѣлить
ихъ не можетъ ничто...

„Я страшусь смерти, а жизнь мою, почти всю проходящую
теперь въ этомъ жалкомъ страхѣ за мое существованіе, нельзя
назвать и жизнью... Высшая радость моя—это тишина и воз-
можность не заботясь ни о чемъ считать съ позорною болью
испуганнаго сердца дни, часы, минуты быть-можетъ, которая
осталось мнѣ еще дышать!

„И этотъ тѣсный гробъ! и эти гвозди!.. и земля!.. и боль,
и тоска послѣдней борьбы...

„Кто кромѣ святаго человека забывшаго пасть можетъ по-
мириться съ холоднымъ ужасомъ этого близкаго и неизбѣж-
наго конца?..

„А я какъ неразумный звѣрь держусь изо всѣхъ силъ моихъ
за мое никому уже ненужное существованіе... держусь за него
безъ угрызеній, безъ стыда и предъ людьми, и предъ самимъ
собою. На что мнѣ стыдъ? На что мнѣ люди, кромѣ тѣхъ
людей которые мнѣ служатъ и которымъ, слава Богу, дѣла
нѣтъ до моего *внутренняго* достоинства.

„Какой же смыслъ будетъ имѣть для меня *принужденіе* въ
трудѣ подобномъ этому разказу?..

„Правда, была одна черта въ исторіи моихъ сношеній съ
этою женщиной, черта дорогая и рѣдкая въ жизни... Мы рас-
стались безъ пресыщенія, безъ горечи, безъ распрей, безъ

раскаивія, безо всякой примѣси того ада который таится почти всегда на днѣ благоухающаго сосуда восторженной любви...

„Другихъ я любилъ гораздо сильнѣе, продолжительнѣе, самоотверженнѣе быть-можетъ, но ясности и чистоты воспоминаній нѣтъ...

„И что же? Неужели только моя „честность“ или ея „чувство супружескаго долга“ восторжествовали надъ легкомысленною страстью? Увы! нѣтъ! нѣтъ!.. Разгадка здѣсь иная,— гораздо болѣе таинственная.

„И вотъ я рѣшилъ не принуждать себя болѣе... Если эта разгадка *должна* быть обнаружена, если *суддено* ей быть достояніемъ празднаго любопытства постороннихъ, то желаніе продолжать разказъ явится у меня само-собою и я его кончу.

„А если нѣтъ — нѣтъ!“

Этимъ кончаются отрывки въ запискахъ Ладнева. „Желаніе явилось“ и разказъ его пріялъ опять довольно правильное теченіе.

XXI.

Я объ Вѣлико не забывалъ. Я долго не писалъ о немъ. Это правда. Писать разомъ нельзя обо всемъ томъ что въ жизни совершается почти въ одно и то же время.

Я его видѣлъ каждый день и постоянно о немъ думалъ и заботился. Нашъ vis-à-vis—женатый польскій офицеръ, котораго такъ опасался старикъ Христо, скоро пересталъ тревожить меня; онъ выходилъ, выѣзжалъ съ женой въ каретѣ; до насъ онъ ничуть не касался; Вѣлико, самъ испуганный этимъ сосѣдствомъ, дверь теперь никому не отворялъ; напротивъ того, онъ прятался еще дальше какъ только раздавался стукъ желѣзнаго кольца на машинѣ воротахъ. Кавасы наши, хотя и мусульмане, были очень вѣрны. Посторонніе Турки у меня бывали рѣдко; на визиты лашей я, какъ секретарь, претендовать еще не могъ; младшіе турецкіе чиновники и беи, хотя и любилъ общество Русскихъ, но опасался чтобы свое начальство не подозрѣвало ихъ въ чемъ-нибудь политическомъ, рѣдко позволяли себѣ близкія сношенія съ иностранными агентами и помощниками ихъ.

Все это было бы не страшно. Но былъ одинъ человекъ въ Адрианополь котораго посвященія стали меня оцать въ это время тревожить. Это былъ все тотъ же неутомимый Виллартонъ; по мѣрѣ того какъ Богатыревъ все больше и больше старался отдалить его отъ себя, онъ все чаще и чаще сталъ звать меня къ себѣ, угощалъ обѣдами и хорошимъ виномъ, ѣздилъ со мной верхомъ за городъ и самъ заходилъ ко мнѣ не разъ. Вотъ онъ-то и казался мнѣ опаснымъ если не для самого Вѣлико, то для „приличій“ нашей службы и для сохраненія хорошихъ отношеній съ мѣстною властью. Вѣлико мы могли бы еще кое-какъ спасти, но удобно ли будетъ напимѣръ получать „ноты“ о томъ что мы скрываемъ у себя дезертира? И какъ отнесется посольство наше къ нашимъ дѣйствіямъ если мы не сумѣемъ быть ловкими? Наше начальство было умно и требовало ума и отъ насъ; этого рода дѣла надо судить по-спартаковски; „можно и даже должно иногда украсть, но не должно попадаться“. Турки такъ же готовы были верѣдко осмотрѣть сквозь пальцы на наши проделки („les intrigues moscovites“), но лишь при условіи соблюденія съ нашей стороны хоть внѣшняго уваженія къ ихъ законнымъ правамъ. Думая обо всемъ этомъ, а ни минуточку не забывалъ и того что скоро конецъ моей безответственности и не далекъ тотъ день въ который я провожу Богатырева верхомъ за городъ до садовъ *Хадумъ-Ага* и вернусь въ городъ одинъ, хозяиномъ русскихъ дѣлъ во *Фракіи*. Я предвидѣлъ также что въкоторыя крайности въ которыя впалъ недавно Богатыревъ по отношенію къ Виллартону облегчатъ во многомъ мою будущую дѣятельность.

Богатыревъ, при всей своей хитрости и здравой осторожности, увлекся на этотъ разъ и ежедневными удачами своими, и какимъ-то личнымъ капризомъ жестокости. Онъ черезъ мѣру терзалъ самолюбіе англійскаго консула и какъ бы тѣшился его несомнѣнными страданіями. Я думаю даже что впечатлительный Виллартонъ въ теченіе предшествовавшихъ двухъ лѣтъ политическаго согласія и тѣсной личной дружбы, отчасти и сердцемъ по товарищески привязался къ Богатыреву, и тѣмъ больше были ему обиды почти ежедневно наносимыя ему нашимъ упрямымъ и гордымъ Москвичемъ.

Я говорю—Богатыревъ перешелъ далеко и за черту приличій и за черту обязательной борьбы. Дальнѣйшая жестокость къ разстроенному Виллартону была не только не

нужна для нашего *русскаго дѣла*, но могла стать и вредною. Мягкіе и уступчивые люди становятся иногда ужасны въ мѣста своей, когда видать что противникъ равчитываетъ на эту слабость. Я хотѣлъ *поберечь для себя* или лучше сказать *для своей службы* Виллартона; я находилъ что, сохраняя съ нимъ лично хорошія отношенія, я могу еще легче дѣйствовать противъ него тайно, при тѣхъ хорошихъ помощникахъ которыхъ мы имѣли въ городѣ въ средѣ христіанской...

Все это такъ, но какъ бы онъ не дознался при своихъ слишкомъ частыхъ посѣщеніяхъ что Вѣлико не просто уѣзжать возвратившійся къ православію (это законно), но что онъ бѣглець изъ локка Садыкъ-паши? Опасенія мои почти оправдались.

Особенно одинъ визитъ англійскаго консула заставилъ меня задуматься.

Богатыревъ незадолго предъ этимъ переполнилъ чашу его терпѣнія. Случилось это вотъ какъ.

Отъ радости что самъ Антоніади пригласилъ меня читать женѣ своей Жуковскаго, я медлил. Я все боялся испортить дѣла свои. Я думалъ: „и такъ хорошо! на что торопиться?“

Послѣ праздника въ Портѣ, гдѣ она повторила что ждетъ насъ, я собрался. Надо было звать съ собой Богатырева. Къ тому же та часть Жуковскаго въ которой была *Долова Арфа* была у него. Я зашелъ къ нему и сказалъ ему:

— Пойдемте сегодня вечеромъ вмѣстѣ къ Антоніади. Онъ пригласилъ меня читать женѣ громко Жуковскаго!

— Какой дуракъ, отвѣчалъ Богатыревъ весело.—Когда я женюсь, я вамъ не позволю читать моей женѣ Жуковскаго. Нѣтъ, батюшка, отойди отъ зла и сотвори благо!..

— Перестаньте, возразилъ я,—вопервыхъ, съ какой стати вамъ сравнивать себя съ этимъ скучнымъ Антоніади. Въ васъ жена будетъ навѣрное такъ влюблена что тутъ не только нравственный Жуковскій, но и другіе поэты ничего не помогутъ.

Богатыревъ, не смотря на всю свою выдержку, не могъ скрыть своего удовольствія, услыжавъ такую лестную правду (это и оказалось правдой со временемъ: жена безъ ума любила его). Онъ покраснѣлъ и даже сконфузился, опустилъ глаза и сталъ разсматривать свои руки. Потомъ, совладавъ со своимъ минутнымъ смущеніемъ, онъ ужасно лукаво улыбнулся и сказалъ:

— Voyons—trève de flatteries! Vous voulez me faire servir de paravent... Eh bien! soit... Только на что это вы старину такую ей тащите? Началъ было я самъ *Ундишу*. Знаете—окучовато... Вы бы лучше ей какого-нибудь Павла Пытухова свесла. И мужъ бы послушалъ Поль-де-Кока... А то что жь онъ пойметъ! Онъ заснетъ, обидится и не будетъ васъ больше лускать къ себѣ... Я въ вашихъ интересахъ говорю.

— Онъ жилъ въ Одессѣ и понимаетъ немного ле-русоки.

— Да что жь что понимаетъ! возразилъ Богатыревъ.—Что-нибудь о „лишеницѣ“, „тащи жѣшки“ какіе-нибудь... А вы *Ундишу* ему...

Однако я стоялъ за Жуковского, и Богатыревъ, который все это говорилъ нарочиво, потому что былъ въ этотъ день въ духѣ, кликнулъ своего Ивана, настоящаго орловскаго камердинера, и сказалъ ему, вставая:

— Прimesи мнѣ перчатки и шалку и веди кавасу сейчасъ зажечь фонарь... мы пойдемъ.

Итакъ мы собрались идти. Я замѣтилъ что Богатыревъ искалъ что-то на столѣ своемъ, нашель и захватилъ съ собою это *что-то*, это нѣчто, которое онъ хотѣлъ отъ меня скрыть... Повернувшись ко мнѣ спиной, онъ послѣдилъ положить въ боковой карманъ какую-то небольшую вещь и потомъ, обращаясь ко мнѣ съ самымъ равнодушнымъ видомъ воскликнулъ: „Пойдемъ дѣлать досугъ печальный нашей краи“...

Я не отвѣчалъ на эту новую насмѣшку надъ Машей, и мы, взявъ Жуковского, каваса и фонарь, пошли въ Кастро, не слѣша, по темнымъ улицамъ, на которыхъ давно уже ходили, постукивая толстыми палками по мостовой, безмолвные и закутанные *паванты*. *

Было не очень холодно, шель маленькій снѣжокъ; подъ ногами онъ таялъ и обращался въ густую грязь. Мы долго шли молча, выбирая гдѣ посуше и переступая съ камня на камень, въ мѣстахъ почти безлюдныхъ, все между лавокъ, запертыхъ уже съ ранняго вечера.

Изъ-подъ ногъ нашихъ безпрестанно вставали худыя, никому не принадлежація уличныя собаки, кротко уступая намъ дорогу. Въ одномъ мѣстѣ мы чуть-чуть было не наступили на цѣлое гнѣздо щенятъ, для которыхъ чья-то со-страдательная рука постлала соломки около столба.

* *Паванты* или паввалы—ночной сторожъ.

Я любилъ все это: и эту грязь, и безмолвіе и отсутствіе газа, каротъ, и бѣдныхъ собакъ этихъ, нищихъ дукомъ „о Матометъ“... и запертыя лавки, и внезапный звонкій стукъ овороженой дубины о камни мостовой... Но Богатыревъ серданса, переступая съ камня на камень черезъ лужи и снѣгъ.

— Не дождусь когда я уйду изъ этой труппы! говорилъ онъ угрюмо.

Я не отвѣчалъ, но думалъ: „И я не дождусь чтобы ты уйхалъ! Тогда я буду воѣму здѣсь самъ хозяиномъ!“

Наконецъ мы подошли къ ихъ двери, и кавасъ нашъ заступилъ кольцо...

Снизу изъ сѣней мы услышали громкій и казалось намъ обоемъ незнакомый голосъ...

— Кто это у васъ на верху? спросилъ съ недовольнымъ видомъ Богатыревъ у служанки.

— Это г. Михалаки, вашъ драгоманъ, привелъ какого-то старика, который все кричитъ и кричитъ, отвѣчала Елена, — кричитъ и потомъ какъ кошка дѣлаетъ вотъ такъ: пффф!.

Елена, очень забавно отскочивъ отъ насъ, представила лицомъ и руками ислуганную и разсерженную кошку...

Я тотчасъ же догадался и сказалъ:

— А, это нашъ русскій подданный философъ Маджараки... это онъ...

Я любилъ этого оригинальнаго старика и обрадовался этой неожиданной встрѣчѣ; я сообразилъ кстати что они съ Михалаки могутъ занять Антоніади и Богатырева и этимъ облегчатъ мнѣ возможность отдѣльной бесѣды съ Машей. А читать можно и въ другой разъ.

Маджараки, уроженецъ и житель узьданаго городка Кыркъ-Килисси и русскій подданный, имѣлъ тяжбное дѣло въ Адрианополѣ съ однимъ Армяниномъ, турецкимъ подданнымъ Антоніади, новый членъ торговаго суда, долженъ былъ надѣлахъ принять участіе въ обсужденіи этого дѣла, и вѣчно дѣятельный Михалаки Канкелларіо, безо всякаго даже лобужденія со стороны консула, взялъ на себя трудъ привести Маджараки къ Антоніади въ домъ, чтобы подсудимый могъ какъ можно лучше изложить свою тяжбу еще неопытному въ мѣстныхъ дѣлахъ, но опытанному жизнью и коммерческою борьбой судѣ. Къ тому времени какъ намъ прѣдтъ, разговоръ о тяжбѣ уже кончился. Михалаки игралъ въ шахматы

съ Антоніади, Маша сидѣла на диванѣ съ работою; около нея была Мше Игнатовичъ, а низенькій и толстый Маджараки стоялъ посреди залы опершись правою рукою на спинку стула и, потрясая отъ времени до времени лѣвою, говорилъ дамамъ такъ, съ изступленіемъ страсти и фанатизма:

— Вы, вы, жительницы большихъ городовъ... вы можете позволять себѣ европейскую роскошь... Но мои дочери? мои дочери должны носить толстые красные болгарскіе фартуки! Онѣ метутъ, работаютъ, онѣ ѣдятъ руками... Да, моя покойная мать тоже ѣла руками, и сокъ!.. сокъ отъ кушанья текъ по груди ея... сокъ этотъ текъ (повторялъ онъ съ любовью и восторгомъ, качая умиленно съдою головой)... да, сокъ этотъ текъ, но мать моя была здорова, красива и сильна.

Мы прервали его рѣчь...

Онъ умолкъ мгновенно, увидавъ консула. Всѣ послѣднѣе встали, хозяинъ дома встрѣтилъ насъ у дверей залы, Маша тоже встала съ дивана и сдѣлала нѣсколько шаговъ намъ на встрѣчу. Маджараки отошелъ въ сторону, вытанулся и притворился робкимъ и скромнымъ. (Я говорю *притворился*, потому что онъ никого и ничего не боялся, своею смѣлостью съ Турками довелъ даже себя до цѣпей и суда, послѣ чего и добылъ себѣ въ Одессѣ русскій паспортъ.)

Богатыревъ, поздоровавшись съ хозяевами дома, едва ловель головой въ сторону Маджараки и не удостоилъ отвѣтить даже привѣтливомъ взглядомъ на его почтительный поклонъ. Онъ находилъ старика несноснымъ, да и вообще на всѣхъ здѣшнихъ людей смотрѣлъ только съ точки зрѣнія политическихъ интересовъ Россіи и выгодъ собственной службы. Сами по себѣ они всѣ для него не существовали, и онъ не считалъ ихъ достойными ни малѣйшаго вниманія. Мнѣ же, напротивъ того, случалось съ этимъ Маджараки проводить цѣлые вечера и до усталости слушать его разсужденія о философіи, богословіи и грамматикѣ. Я находилъ его замѣчательнымъ человѣкомъ и часто изумлялся его метафизическимъ способностямъ, развившимся такъ сильно и независимо въ такомъ удаленіи отъ главныхъ центровъ научной и умственной жизни.

Я предоставилъ Богатыреву заняться съ Машей, надѣясь вознаградить себя позднѣе и, взявъ дружески за руку бѣднаго и нѣкъмъ нелюбимаго мыслителя, усадилъ его около себя и спросилъ чѣмъ онъ теперь занимается.

Маджараки взглянулъ на меня весело, лаутовски и ска-
заль:

— Сравнительнымъ изученіемъ глаголовъ въ эллинскомъ и турецкомъ языкахъ...

— Простите меня, перебилъ я,—я уже говорилъ вамъ пре-
жде что философія и богословіе меня больше интересуютъ
чѣмъ грамматика. Ваши труды по метафизическимъ вопро-
самъ гораздо мнѣ понятнѣе чѣмъ эти глаголы.

— Прошу васъ, г. Ладневъ, извинить меня, но я позволю
себѣ замѣтить что вы не совсѣмъ правы... воскликнулъ Ма-
джараки значительно и прибавилъ по-французски: — Il n'y
avait pas de grand philosophe qui ne fut grand grammairien:
et il n'y avait pas de grand grammairien qui ne fut grand
philosophe.

Онъ произносилъ такъ смѣшно что Богатыревъ и всѣ при-
сутствующіе мушкетеры переглянулись съ улыбкой и приоста-
новили свою бесѣду, прислушиваясь къ нашей. Маджа-
раки, не замѣчая ничего, продолжалъ съ жаромъ:

— Филологическая идея поддерживаетъ во мнѣ метафизиче-
скую, метафизическая родитъ грамматическую. О! Это наслаж-
деніе, небесное наслажденіе—слѣдить за проявленіемъ бо-
жественнаго духа во всѣхъ феноменахъ человѣческаго ума.
Я не оставляю и метафизику. Такъ, напримѣръ, недавно я
убѣдился что троица или тройственность суть дѣйстви-
тельно основаніе всему, и такимъ образомъ самый основной и
священный догматъ православія находитъ для себя полнѣйшее
оправданіе и въ метафизическихъ законахъ бытія и мышле-
нія... Извольте, вникните (тутъ Маджараки придалъ своему
лицу выраженіе особенно задумчивое и глубокое, даже съ не-
большимъ отгибомъ какого-то испуга, и собравъ всѣ паль-
цы своей руки кучкой, тресъ ими предъ глазами и лбомъ своимъ):
вникните: Суть... Суть всего... сущность... сущій... „То ѡмъ“
(То шв)... (Потомъ лицо его приняло болѣе ожесточенный видъ
и онъ началъ быстро и долго стучать ребромъ руки по столу).

— *Энтелехія*... Безконечное проявленіе, безначальное и без-
конечное рожденіе, вѣчное дѣйствіе, неразрывное съ этимъ
сущностью... (Тукъ, тукъ, тукъ.... Тукъ, тукъ, тукъ!...) *Энте-
лехія*!..

Наконецъ, выразивъ и глазами, и извилистымъ движе-
ніемъ руки, и всеми физическими средствами своими вѣчто въ
родѣ гибкости и провицательности, Маджараки докончилъ:

— *Способъ дѣйствія... Трѣноса...* Понимаете, — даже про-
странства заключить или замкнуть нельзя безъ трехъ ли-
ній; треугольникъ—это первая фигура геометріи...

Я слышала что Мама вполголоса говорила Богатыреву и
мужу:

— *Il est charmant ce vieux... Ecoutez, il faut que vous lui
fassiez absolument gagner son procès au tribunal de commerce.*

— Овъ несносенъ! возразилъ глухимъ голосомъ консуль.

— Я не согласна, овъ премилый, повторила Мама и по-
томъ обратилась къ самому старику по-гречески:—*Киръ Ма-
джараки, отчего вы отдаете такое предпочтеніе одному г. Лад-
неву? Отчего вы насъ не удостоиваете вашей интересной
бесѣды? Вы насъ считаете недостойными?*

Наивный старикъ всталъ почтительно и отвѣтилъ съ боль-
шимъ достоинствомъ:

— *Кирія Мариго! Я уже настолько опытенъ чтобы пони-
мать до чего вкусъ и наклонности людей высокаго образованія
могутъ быть различны, и не желаю никому быть въ тягость.
Вотъ и г. Ладневъ удостоиваетъ вниманія мои скромные
метафизическіе труды и отвращается отъ моихъ же грамма-
тическихъ изысканій.*

— *Нѣтъ, нѣтъ!* сказала Мама,—*садитесь ближе, мы всё
хотимъ васъ слушать.*

Богатыревъ нахмурился; а я былъ очень радъ что она такъ
шло обращалась съ оригиналомъ этимъ, котораго я предпо-
читалъ другимъ здѣшнимъ жителямъ. И въ этомъ поступкѣ
ея я увидалъ ея желаніе показать что она во всемъ, *во всемъ*
сочувствуетъ мнѣ и не выдаетъ меня даже и въ мелочахъ.

Она придвинула кресло къ дивану и пригласила старика
сѣсть къ себѣ поближе.

Богатыревъ, избалованный въ Адрианополѣ своею властью
и вліяніемъ, покраснѣлъ и прошепталъ по-русски: „Уйду
сейчасъ въ шахматы играть. Право уйду... Мсье Михалаки,
не хотите ли партію?...“

Маджараки сіялъ и собирался видимо начать какую-то рѣчь,
какъ вдругъ раздался внизу стукъ въ двери, и немного спустя
Елена почти вбѣжала съ возгласомъ: „Англійскій консуль!“

Богатыревъ взглянулъ на меня и пожалъ плечами.

Виллартовъ былъ уже въ дверяхъ залы.

XXII.

Сначала все пошло хорошо.

Мадамъ Антоніади была настоящая свѣтская женщина въ томъ отношеніи что разъ принявъ въ домъ свой кого бы то ни было, она была со всѣми одинаково любезна и старалась даже скорѣе назшихъ замѣтно возвысить, боясь обидѣть ихъ.

Она удержала старика Маджараки около себя; Виллартова пригласила съестъ съ другой стороны, тоже поближе. Мы съ Богатыревымъ сидѣли напротивъ за круглымъ столомъ. Михадаки и мужъ ея около насъ. Бесѣда стала скоро оживленною и общемою.

Антоніади принесъ изъ другой комнаты какой-то французскій журналъ съ каррикатурами, и всѣ стали смотрѣть ихъ.

Особенно заняли всѣхъ рисунки разныхъ французскихъ и прусскихъ военныхъ чиновъ и полковъ, только-что отличившихся подъ Кениггредомъ. На каждой картинкѣ было по Французу и по Пруссаку. Напримеръ, французскій гусарь, стройный, красивый, ловкій, самоувѣренный, и гусарь прусскій, средняго роста, широкій, нескладный, въ огромной меховой шапкѣ, надвинутой на брови. Французскій маршалъ, тоже стройный, элегантный, въ треугольной шляпѣ съ ламажемъ, въ расшитомъ мундирѣ и весь *окруженный оліанна пружней славы*, рядомъ съ нимъ стоитъ неразвязно и вытянувъ руки прусскій генералъ, въ простомъ будничномъ военномъ кафтанѣ, въ каскѣ безъ султана, лица изъ-подъ козырька почти не видно и *на каскѣ очки учености...*

Изображенія Французовъ сопровождались длинными лептосами любезно-шутливыми, самыми лестными воспоминаніями о великихъ удачахъ и подвигахъ прошедшаго; у Пруссаковъ такихъ воспоминаній не было; вездѣ были вѣсто нихъ поставлены точки съ повтореніемъ одной и той же насмѣшки: „... mais solide!“ (*... за то надежны!*)

До Седана и Меца было еще далеко, и никто ихъ тогда еще предвидѣть не могъ. Похваюсь однако, я *полупредчувствовалъ* ихъ, и сказалъ:

— Какъ бы господамъ Французамъ не пришлось горько каяться въ этихъ насмѣшкахъ!... Исторія любитъ новое. И я, признаюсь, очень былъ бы радъ еслибъ этой передовой націи дали добрый урокъ. Они забыли Росбахъ...

Солидному Антоніади тоже это хвастовство не очень нравилось и онъ замѣтилъ:

— Я согласенъ съ вами. Развѣ дурное качество—солидность въ войскѣ? Это самое лучшее, какъ и во всемъ.

Виллартовъ просто смѣялся отъ души, разглядывая эти рисунки, и обратилъ вниманіе только на то что Французы представлены здѣсь слишкомъ красивыми.

— Я былъ съ ними вмѣстѣ подъ Севастополемъ, сказалъ онъ.—Они вообще скорѣе некрасивы.

— Вы избалованы красотой и благороднымъ видомъ вашихъ англійскихъ войскъ, оттого вы строги, замѣтилъ я, желая ему польстить (все подготавливая себѣ удобства въ *близкомъ будущемъ*).—Я тоже! служилъ тогда въ Крыму и послѣ заключенія мира восхищался вашими *гайлендерами* въ красныхъ мундирахъ.

Богатыревъ, выросшій въ Москвѣ, на французскихъ фарсахъ и французскихъ вкусахъ самого легкомысленнаго оталя, сталъ защищать все французское и кончилъ тѣмъ что досталъ изъ кармана ту книжку которую онъ предъ уходомъ изъ дома такъ таинственно положилъ туда. Это была довольно забавная глупость: *Исторія одной пуговицы пропавшей съ мундира нѣмецкаго солдата*. Опять насмѣшки надъ нѣмецкими формальностями, надъ нѣмецкимъ патриотизмомъ и т. п. Авторъ, вѣроятно настоящій Французъ, придумалъ себѣ русскій псевдонимъ—*Piotre Artamoff*.

Въ небольшомъ нѣмецкомъ городкѣ у солдата пролаждаетъ съ мундира пуговица. Все начальство приходитъ въ волненіе; пишется множество донесеній, отношеній, предписаній, при этомъ жизнь предъявляетъ свои требованія, и кто-то залѣлъ патриотическую германскую пѣсню, которая *вся* состояла изъ повторенія двухъ стиховъ:

Bois de la bierre,
Bonne, bonne Lisette!
Bois de la bierre!

* * *

Bois de la bierre,
Bonne, bonne Lisette!
Bois de la bierre!

* * *

Bois de la bierre,
Bonne, bonne Lisette!
Bois de la bierre.

.....

По-нѣмецки:

Trinck Bier,
 Liebe, liebe Lischen!
 Trinck Bier!

* * *

Trinck Bier,
 Liebe, liebe Lischen!
 Trinck Bier!

.....

И больше ничего!..

Ни одинъ изъ жителей города не можетъ устоять противъ восхитительнаго дѣйствія этой національной поэзіи; одинъ за другимъ Нѣмцы и Нѣмки начинаютъ подтягивать запятому, другіе сосѣди подхватываютъ, восторгъ растетъ, голоса все громче, лѣвіе все изстужаеннѣе, и скоро весь городъ становится огромнымъ хоромъ, который гремитъ:

Trinck Bier,
 Liebe, liebe Lischen,
 Trinck Bier...

Всѣ дѣла забыты, даже и тревога о луговицѣ...

Какой-то часовой и тотъ даже забываетъ въ этотъ волшебный мигъ строгость своего долга и съ увлеченіемъ присоединяется къ хору согражданъ.

Богатыревъ читалъ хорошо; онъ кончилъ маленькую книжку при дружномъ хохотѣ всего общества. Только Маджараки видимо улыбался изъ вѣжливости: онъ ничего не понималъ. Онъ изъ всего французскаго языка зналъ только наизусть ту фразу, о грамматикахъ и философахъ, которую давеча онъ такъ ужасно произнесъ. Вспомнивъ объ этомъ, Маша обратилась къ нему и сказала:

— Французы очень остроумны, вы знаете...

— Да, отвѣчалъ Маджараки значительно, — особенно Фонтенель. Я читалъ его въ переводѣ. Онъ удивительно тонокъ, напримѣръ, говоря въ томъ что съ разныхъ небесныхъ тѣлъ небо можетъ казаться обитателямъ этихъ тѣлъ совсѣмъ не того цвѣта какимъ представляется оно намъ по причинѣ другой окраски атмосферы... И упоминая о какомъ-то цвѣтѣ... положимъ розовомъ... не помню... говорить такъ тонко, обращаясь къ знатной госпожѣ, своей читательницѣ: „Я угадываю, сударыня, что вы теперь думаете: какъ хорошо бы сдѣлать такое платье?“

— Это очень мило, прелестно! сказала Маша.

Злой Михалаки, знавшій уже наизусть всѣ ресурсы своего стараго соотечественника, придумалъ между тѣмъ нарочно вѣчто такое что могло быть не совсѣмъ пріятно английскому консулу.

Онъ сказалъ хозяйкѣ дома съ самымъ невозмутимымъ и невиннымъ видомъ:

— У г. Маджараки удивительно то что онъ воздастъ каждому должное. Онъ очень уважаетъ французскую словесность, но когда ему, вслѣдствіе неприятностей съ Турками, посоветовали принять французское подданство, онъ отвергъ эту мысль съ негодованіемъ, — поѣхалъ въ Одессу и сказалъ: „Не моя была воля родиться подданнымъ мусульманскаго государства, но по свободному выбору я могу подчиниться только законамъ православной державы...“ Г. Маджараки твердъ какъ жельзо въ своихъ убѣжденіяхъ...

— Это прекрасно! сказала Мама.

Виллартовъ не остерегся и замѣтилъ насмѣшливо и фамильярно:

— И выгодно... Возвратиться опять въ государство мусульманское и пользоваться въ немъ всѣми удобствами русской протекціи...

Маджараки вспыхнулъ и глаза его засверкали; онъ задрожалъ:

— Эти руки!... воскликнулъ онъ, показывая свои руки, — эти руки были въ турецкихъ колодахъ... Тяжелыя цѣли за одно только подозрѣніе... обременяли это старое тѣло... И если я живъ, если меня не кинули въ Марицу съ камнемъ на шею, если меня не убили, не повѣсили на суку адрианопольскаго дерева, то этимъ я обязанъ православной русской крови, которая проливалась за христіанъ Востока со времени Великой Екатерины и до послѣдней несчастной войны противъ Франціи въ союзѣ съ двумя мусульманскими державами...

Маджараки былъ уже на ногахъ... онъ опять фыркалъ: „Пфф! Пфф!“ выходя изъ себя и сжималъ кулаки.

Богатыревъ вѣшался; онъ догадывался что хочетъ сказать изстуженный философъ и спросилъ:

— Какія же двѣ мусульманскія державы?... Турція одна...

Маджараки, забывъ всю свою формальную почтительность, взглянулъ на Богатырева съ высокомерною улыбкой какъ на бессмысленнаго ребенка, даже помолчалъ почти съ презрѣніемъ и наконецъ промолвилъ, небрежно улыбувшись:

— Самая великая и вредная истинному христіанству мусульманская держава въ мірѣ—это Великобританія... Въ числѣ ея подданныхъ...

Хозяинъ встревожился и послѣдилъ перебить его:

— Вы можете - быть не знаете кто предъ вами, — это г. Виллартонъ, англійскій консулъ...

Маджараки (который зналъ это очень хорошо) притворился и перемѣнилъ тонъ.

— Прошу его сіятельство извинить меня, я не имѣлъ чести до сихъ поръ встрѣчаться, сказалъ онъ плаутовато и смиренно-

Виллартонъ покраснѣлъ. Онъ видимо былъ недоволенъ, но не желая, конечно, въ томъ сознаться, воскликнулъ:

— О, ничего, ничего! Продолжайте, продолжайте!.. Это разговоръ частный... Меня очень интересуетъ ваше мнѣніе... А что вы думаете, на примѣръ, о будущности Босфора или Константинополя?..

Это было съ его стороны довольно ловко придумано чтобы затруднить всѣхъ насъ. Мы всѣ замерли на минуту... ждали что скажетъ старикъ.

Маджараки немного поколебался, немного подрождалъ въ какомъ-то страстномъ и сдержанномъ волненіи и наконецъ отвѣтилъ такъ, обращаясь прямо къ Виллартову:

— На счетъ Босфора и прекрасной столицы украшающей берега его, я, ваше сіятельство, долженъ отвѣтить вамъ такъ: тотъ будетъ проченъ на берегахъ этихъ и тотъ будетъ всѣмъ жителямъ этихъ странъ пріятенъ, кто на всякій западный товаръ наложитъ въ Дарданеллахъ *сто на сто*... Торговля и промышленныя западныя державы погубили въ Турціи всякую промышленность и развратили насъ ложною роскошью... Если султанъ въ силахъ наложить эти сто на сто, да здравствуетъ султанъ!... Пффф! Пффф!...

Отвѣчено было прилично, оригинально и умно; мы всѣ, кромѣ Виллартона, были довольны...

Вскорѣ послѣ этого Маджараки простился и ушелъ. А немного погодя собрались и мы идти домой. Маша нашла случай сказать мнѣ тихо:

— Намъ не удалось почитать Жуковского. Тѣмъ лучше. Приходите утромъ: мы будемъ одни...

Потомъ она посмотрѣла на меня внимательно, показала рукой на мой лобъ и замѣтила:

— Вы хорошѣете все... Какое у васъ сегодня милое выраженіе—доброе, ясное такое... „L'amour est un prisme que

nous portons au front et qui illumine nos entrailles"... Откуда это?

— Не помню...

— Поищите дома. У васъ эта книга есть...

— L'amour pour qui? спросилъ я...

— Pour Madame Чобанъ-Оглу, конечно... у васъ такой гадкiй вкусъ...

Мы простились и вышли вчетверомъ: Богатыревъ, Виллартоуъ, Михалаки и я. Кавасъ несъ впереди фонарь. Консулы шли рядомъ и молча за нимъ. Мы съ Михалаки сзади. Вдругъ изъ темноты сосѣдняго переулка послышался толпотъ бѣгущихъ толпой людей и раздался отчаянный волю турецкихъ пожарныхъ: „Янгынъ вѣръ!“ *

Мы всѣ приостановились, но Богатыревъ грубо сказалъ кавасу: „иди прямо! что ты стоишь!..“

И мы опять пошли...

Пожарные, занятые своимъ дѣломъ, бѣжали прямо на насъ. Они несли на себѣ тяжелую трубу и продолжали кричать, чтобы бѣдствiе не застало спящихъ обывателей врасплохъ и чтобы встрѣчные на улицѣ люди сторонились заранѣе и не задерживали бы ихъ.

Они были уже близко, когда Богатыревъ, вдругъ остановившись, сорвалъ черную кожаный чехолъ со своей бѣлой фуражки, чтобы она была виднѣе въ темнотѣ, и закричалъ еще громче ихъ своимъ сильнымъ голосомъ:

— Куда вы, ослы? Стой... не видите вы кто предъ вами!... Негодаи! Али! Вынь ятаганъ, —руби ихъ!...

Али, не колеблясь, мгновенно правою рукою извлекъ ятаганъ, а лѣвою почти бросилъ фонарь на землю и сдѣлалъ шагъ впередъ, приготовляясь безпрекословно кинуться на цѣлую толпу. Пожарные тотчасъ же остановились, разступились, прижались къ домамъ молча и почтительно, и мы прошли...

Я былъ возмущенъ этимъ поступкомъ консула, этою неужною несправедливостью, этимъ бесполезнымъ эффектомъ. Я всегда любилъ то что нынче выдумали звать самодурствомъ; особенно любилъ я самодурство національное, во имя *идеи*; но это было гауло, неумѣство, даже низко; по моему... О! еслибъ эти пожарные были „честные“ граждане—республи-

* Пожаръ! „Пожаръ есть“ слово въ слово.

бликавцы Цюриха и Берна или самоувѣренные подданные узурпатора съ расположенными усами, котораго куаферы въ кели тогда еще не были такъ восхитительно проучены при Вёртѣ и Седаянъ... Тогда я бы не сказалъ ни слова... Но эти бѣдныя Турки!... Они вѣдь слѣшили на доброе дѣло! Довольно съ насъ и того что мы *обязаны* дѣлать *противъ нихъ* для явной политической пользы едивовѣрцевъ нашихъ...

„Ce n'est même pas de bon goût!“ думалъ я про себя съ негодованіемъ...

Михалаки напротивъ того и этому былъ радъ—позднѣе онъ „шилѣлъ“ мнѣ что все это Богатыревъ дѣлалъ хорошо: надо показать этому Виллартону что энергическій русскій агентъ имѣеть право *все дѣлать здѣсь безнаказанно*...

Если я, Русскій, никогда съ этимъ согласиться не могъ, то какое же бѣшенство должно было обуревать въ эту минуту душу англійскаго консула, рожденнаго и выросшаго въ Турціи?!

Вѣроятно отъ избытка гнѣва Виллартона на этотъ разъ сдержался и не оказалъ ни слова.

Вотъ послѣ этого-то случая онъ вовсе пересталъ ходить въ наше консульство и даже отъ Антоніади сталъ все больше и больше удаляться, сталъ сущѣ обращать съ нимъ при встрѣчахъ и ни разу не былъ у него въ домѣ въ теченіе цѣлаго мѣсяца...

Встревоженный этимъ хіосскій кулець оказывалъ ему сначала всякаго рода вниманіе, конечно—„въ предѣлахъ своего личнаго достоинства“ (Антоніади любилъ такъ выражаться); но Виллартонъ не уступалъ, и Антоніади, скрѣпя сердце, долженъ былъ теперь ловить что онъ надолго, если не навсегда попался въ русскія „сѣти“. Надо было держаться еще крѣпче за Русскихъ, когда англійскій консулъ самъ, безо всякой вины съ его стороны, не хочетъ его больше знать!..

Для меня лично обстоятельства слагались все выгоднѣе и выгоднѣе... Удаляясь отъ Богатырева и Антоніади, Виллартонъ сталъ искать сближенія со мною, посѣщенія его *запросто* день ото дня учащались...

Я былъ очень радъ и безнокоился только о томъ чтобы Вѣлико не поладился ему безъ крайности на глаза...

Я сказалъ, почему я этого не могъ желать.

XXIII.

Однажды я сидѣлъ на верхней галлерей моего милого лестраго жилища и наслаждался...

Вѣлико, веселый и нарядный, стоялъ предо мной съ подвостомъ, а я курилъ наргиле, пилъ кофе и распрашивалъ его кой-о чемъ деревенскомъ: какъ одѣваются у нихъ въ Сазлы-Дерѣ женщины, что носятъ онѣ на головахъ, бѣлые платки или что-то въ родѣ фесокъ съ ловазками, какъ я видѣлъ въ иныхъ мѣстахъ, какого цвѣта фартуки?.. Въ это время въ Москвѣ готовилась этнографическая выставка и ждали Славянъ на съѣздъ общенія „любви“... Богатырева просили распорядители выставки доставить одежды и утварь, но онъ, ко всему подобному, прямо не касавшемуся службы, довольно равнодушный, принявъ эту просьбу чуть не насмѣшливо и предложивъ мнѣ и отвѣтъ написать и свидѣнiя собрать о томъ какія нужны одежды и что будетъ это стоить. Я взялся за это дѣло съ величайшимъ рвенiемъ и думалъ что сдѣлаю пользу и заслужу благодарность... Мы такъ занялись съ Вѣлико нашею бесѣдой что и не замѣтили какъ Виллартонъ вдругъ вошелъ въ незалертую на этотъ разъ дверь и громко спросилъ уже на лѣстницѣ: эфенди дома? И вслѣдъ затѣмъ оказался уже и самъ въ дверяхъ галлерей... Вѣлико не тронулся съ мѣста; только покраснѣлъ немного...

Виллартонъ тотчасъ же послѣ первыхъ привѣтствiй сказалъ мнѣ по-турецки (вѣроятно нарочно, чтобы Вѣлико понялъ его).

— У васъ новый служитель?

— Да! сказалъ я,—Болгаринъ...

— Хорошiй мальчикъ! Какъ тебя, мальчикъ, зовутъ? спросилъ онъ...

Виллартонъ, глядя на Вѣлико, старался сдѣлать вылукаые глаза свои самыми... самыми... не понимаю даже какими... или очень равнодушными, или ужасно многозначительными. Я зналъ хорошо эти вылукаые глаза его. О! какъ я ихъ помню и теперь... я умѣлъ по привычкѣ читать въ нихъ многое, но изобразить словами прочитанное не могу хорошо...

— Какъ тебя, мальчикъ, зовутъ?

Неправда ли, это очень просто... Какъ тебя, мальчикъ, зовутъ? Но глаза при этомъ становились *многозначительны*: они дѣлались вдругъ равнодушными до удивлiя, до печали...

Да! до печали... Я это хорошо сказалъ,—они дѣлались равнодушными до печали. Это вѣрно. Но что значило это равнодушіе? Было ли это неудачное желаніе скрыть какое-нибудь злоумышленное любопытство... Или, напротивъ того, очень тонкая угроза?

„Вы думаете, гг. Русскіе, что я очень веселъ, живъ, откровененъ и даже какъ будто вѣтренъ иногда и неостороженъ? Да, это мой характеръ, правда... Но я докажу вамъ что бороться съ вами я умѣю и буду мстить вамъ на каждомъ шагу за ваши частыя побѣды надо мною въ здѣшнихъ дѣлахъ...“

— Какъ тебя, мальчикъ, зовутъ?

У Вѣлико глаза потускнѣли; но онъ отвѣтилъ твердо и почтительно: „Вѣлико, эфендимъ“.

— Гайдукъ Вѣлико! (Разбойникъ Вѣлико), воскликнулъ Англичанинъ, раскидываясь съ хохотомъ на диванъ.—Ты знаешь лѣсню: „Гайдукъ-Вѣлико“?

— Знаю, чуть-чуть краснѣя отвѣчалъ мальчикъ.

— А это знаешь:

Покарамо ѣ маако момчѣ,
Маако момчѣ сѣво стадо
Изъ корня султанаова
Султанаова султаны-бѣйска.
Хѣра думат маако момчѣ... *

— Нѣтъ, этого не слыжалъ.

— А изъ какой ты деревни?..

— Изъ села Сазлы-Дерѣ.

Опять унылое равнодушіе на бородатомъ и веселомъ лицѣ мистера Виллартона.

— Сазлы-Дерѣ? Сазлы-Дерѣ? Гдѣ это Сазлы-Дерѣ?

— Недалеко, часа три отсюда, вмѣшиваюсь я чтобъ облегчить душу бѣдному Вѣлико, и потомъ говорю ему:

— Подай господину консулу кофе...

Я говорю это въ надеждѣ что инквизиціонные вопросы прекратятся. Пока Вѣлико сходитъ за кофеемъ, англійскій консулъ можетъ займется чѣмъ-нибудь другимъ... Я постараюсь даже занять его. Начну жаловаться нарочно на злоупотребленія турецкихъ чиновниковъ. Онъ будетъ спорить,

* Переводъ: „Молодой малый погналъ; Молодой малый сѣрое стадо; По пастбищу султана; Султана царя господина. Люди говорятъ молодцу...“ и т. д.

кричать, вспрыгиваетъ съ дивана и наконецъ восклицаетъ: „Я васъ прошу не оскорблять меня! Турція—это моя отчизна... Я здѣсь родился, здѣсь выросъ и люблю Турцію больше чѣмъ самую Англію“... Я немного уступаю, и мы за это не поссоримся. Или скажу ему что прочелъ въ русскихъ газетахъ какое множество униатовъ въ Польшѣ перешло въ православіе, а онъ тоже вскочитъ и вскрикнетъ: „Ah, bah! Ses uniates!... Nous en savons quelque chose! Имъ русскіе солдаты штыками раскрываютъ зубы для того чтобы польъ могъ насильно влить имъ причастіе. Вотъ ваша пролаганда!... Вотъ ваша свобода!“ И какъ онъ покраснѣетъ, какъ онъ ужасно раскроетъ тогда глаза свои! Я уже видѣлъ все это, все это знаю...

Мнѣ нужно теперь чтобъ онъ только забылъ о Вѣлико... А если онъ разсердится за униатовъ и Турокъ и еще упорнѣе будетъ стараться узнать что это у меня за Болгаринъ и откуда онъ? Нѣтъ, я не буду бранить Турокъ... Я буду бранить Французовъ, это ему будетъ пріятно, и я буду искреннѣе... Я Турокъ предпочитаю Французамъ. Французы выдумали демократическій прогрессъ. На этомъ мы съ Виллартономъ скорѣе сойдемся... Или начну я хвалить тѣ англійскіе обычаи и вкусы которые мнѣ знакомы: святки, боксъ, лувцовые мундиры; онъ это тоже любитъ. И въ этомъ я буду естественъ. Англичане, даже и враждующіе противъ насъ, мнѣ все-таки очень нравятся; или еще лучше буду Турокъ хвалить?.. Итакъ, хвалю Турокъ... хвалю ихъ отъ души...

— Вчера, (такъ я пристулаю къ моей „политикѣ“), — я былъ въ Эски-Сараѣ и вспомнилъ васъ, г. Виллартонъ; въ сущности я съ вами во многомъ согласенъ, если хотите... Иду я по берегу рѣки. Гуляло тутъ и кромѣ меня много народа. Вижу пожилой, такой почтенный Турокъ разостлалъ подъ деревомъ коврикъ и молится при всѣхъ... Онъ никого знать не хочетъ, онъ кладетъ земные поклоны свои и не обращаетъ вниманія на то что мимо проходятъ насмѣшники, или ненавистники его вѣры... Вотъ это я чрезвычайно уважаю въ Туркахъ.

Я не ошибся въ расчетъ. Виллартонъ былъ такъ тронутъ моимъ замѣчаніемъ что, вскочилъ съ дивана и воскликнулъ:

— Вы знаете эти стихи? Последнія слова взяты изъ Корана: „Какая рука и какой языкъ могутъ залатить долгъ благодарности Богу?“ И точно Богъ сказалъ: „Воздайте мнѣ

благодарность, о потомки Давида! ибо только немногіе изъ саугъ моихъ умѣютъ быть благодарными.“

И глаза его (я замѣтилъ это тотчасъ же) немного покраснѣли отъ навернувшихся на нихъ мгновенныхъ слезъ... Выпрямившись предо мною, Виллартовъ повторилъ еще разъ... И хотя эта цитата была не особенно кстати и не слишкомъ выразительна, я ее нашелъ прекрасною, а мои дипломатическія дѣйствія еще во сто разъ прекраснѣе... Однако кофе не несуть!.. Придетъ Вѣлико, Виллартовъ опять начнетъ свой докладъ...

Вотъ-вотъ шаги... несуть кофе... Боже мой... Однако какъ хитры эти единовѣрцы наши! Я сказалъ этому юношѣ, Боггариву, почти отроку: „Вѣлико, подай кофе г. консулу!“ Онъ долженъ бы былъ исполнить буквально слова мои, самъ подать ему, однако онъ предпочелъ прислать съ кофеемъ каваса-Турка, а самъ скрылся... А можетъ-быть это, напротивъ того, глупость?... Подозрительно... Но Виллартовъ сталъ спокойно пить кофе и о Вѣлико не сказалъ ни слова. Тогда я спросилъ у каваса:

— Гдѣ же Вѣлико?... Отчего не онъ подаетъ кофе?

— Онъ подметаетъ теперь вашу комнату...

— Ну, хорошо... Только скажи ему, все-таки, что онъ глупъ: кофе подавать его дѣло, а не твое...

Между тѣмъ, оживленное, подвижное лицо Виллартова вдругъ принимаетъ особенное какое-то выраженіе, почти лѣбдвое.

— Я все вспоминалъ, гдѣ я его видѣлъ прежде; я вспоминалъ все время гдѣ я замѣтилъ его красоту?... въ числѣ солдатъ Садыкъ-лаши или въ уніатской церкви?... И вспоминалъ что это было въ уніатской церкви... Я заходилъ туда разъ изъ любопытства... Онъ былъ тамъ *кандильманашомъ**. А насчетъ казакскихъ этихъ полковъ можетъ-быть я ошибаюсь. Какъ будто мнѣ кажется что я видѣлъ его гдѣ-то въ мундирѣ. Но это можетъ-быть и ошибка. А въ уніатской церкви въ Киречь-Хане я его видѣлъ—это вѣрно. На немъ была эта самая малиновая *аба***.

Мало-по-малу лицо Виллартова во время этихъ словъ опять доходило до выраженія того многозначительнаго,

* Пономаремъ.

** Сукно.

притворнаго унынія, которое мнѣ такъ было знакомо и онъ кончилъ свою значительную рѣчь такимъ простымъ и, повидимому, небрежнымъ вопросомъ:

— Онъ недавно, значить, оставилъ униатство, онъ перешелъ опять въ ортодоксію?..

— Да, недавно, отвѣчаю я съ улыбкой, которую стараюсь сдѣлать настолько же двусмысленною, насколько загадочно его „унывіе“.—Да, онъ перешелъ къ намъ. Мы раскрыли ему зубы русскимъ штыкомъ, какъ вы говорите.

— Не золотымъ ли ключомъ? отпущивается Виллартонъ...

— Чѣмъ придется, отвѣчаю я.—Съ такими искусными соперниками на Востокъ, какими мы окружены... что дѣлать... Напримеръ, хоть бы вы. (Я знаю что Виллартонъ, который годъ или два тому назадъ шагу не давалъ сдѣлать спокойно католической пропагандѣ, теперь старается помогать *даже и ей*, съ досады на наши послѣднія удачи, по злобѣ на русскую прелютевцію и съ отчаянія что нашъ ловкій Богатыревъ поставилъ его совершенно въ изолированное положеніе.) Изъ одного ли любопытства вы посѣщаете униатскіе храмы?

Виллартонъ, который долго оставаться въ одной позѣ не могъ никогда, давно уже ходилъ по комнатѣ, высоко поднимая носки при каждомъ шагѣ, какъ бы маршируя, и весело притопывая каждый разъ. Онъ вдругъ остановился въ удивленіи и, олутившись близко около меня на диванѣ, оборотился ко мнѣ лицомъ и началъ говорить дружески, такъ довѣрительно и такъ душевно:

— *Escoutez!* Я самый удобный и простой коллега. Со мной можно жить. Я буду прямъ. Я знаю, вы подозреваете что я лотворствую католикамъ?

Я хотѣлъ протестовать, но Виллартонъ, возвышая голосъ, продолжалъ убѣдительно:

— „Я знаю, знаю... Но еслибъ и такъ (хоть это не совсѣмъ такъ), кто жъ виноватъ? Вашъ консулъ очень плохой дипломатъ. Онъ вооружилъ противъ себя всѣхъ; всѣ недовольны имъ...“

Я не хотѣлъ слушать и дѣлалъ нетерпѣливыя движенія.

— Онъ не только для меня консулъ, онъ другъ мой... возражалъ я.

— Оттого что онъ другъ, я и совѣтую вамъ привлечь его вниманіе на тѣ невыгодныя условія въ которыя онъ ставитъ русскую политику во Фракіи. Онъ еще молодъ и очень гордъ; онъ увлеченъ удачами. Я отдаю справедливость его

уму; онъ человѣкъ лучшаго общества, онъ вполне джентльменъ... Но... все-таки я долженъ сказать вамъ правду. Повѣрьте, я знаю гораздо больше о его дѣйствіяхъ чѣмъ вы думаете... Посоветуйте ему... прошу васъ... Англія и Россія—державы могучія, большія, обѣ консервативныя; онѣ могли бы жить такъ спокойно другъ около друга и здѣсь могли бы идти рука объ руку во всемъ или почти во всемъ. Да впрочемъ въ высшихъ сферахъ власти такъ и дѣлаютъ; но это личное честолюбіе мѣстныхъ агентовъ большое зло и оно распаляетъ вражду. А мы были такъ друзьями съ Богатыревымъ и я съ моей стороны старался всячески помогать ему. Какъ мы тогда хорошо проводили время! Знаете, я вспоминаю при этомъ фразу вашего князя Горчакова въ его нотѣ по поводу сѣверо-американскихъ дѣлъ. Онъ тамъ говоритъ, кажется, такъ про Штаты Сѣвера и Юга: „Соединенные, они дополняютъ другъ друга; раздѣленные, они парализуютъ“... кажется такъ, въ этомъ родѣ... Вотъ такъ и мы теперь съ Богатыревымъ: прежде мы оба были сильны; теперь мы оба стѣснены. Видите какъ я правъ?

Опять у него покраснѣли глаза. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ правъ на этотъ разъ и съ нимъ это случилось нерѣдко... Онъ сильно увлекался своими чувствами; онъ былъ агентъ находчивый, изобрѣтательный и дѣлательный до вельзя; но онъ не могъ быть политикомъ осторожнымъ и холоднымъ; онъ безпрестанно переходилъ за черту умѣренности и дѣлалъ ошибки, хотя и умѣлъ скоро поправлять ихъ разными ухищреніями и изворотами.

На все это я отвѣтилъ ему такъ:

— До меня, признаюсь, все что вы говорите не касается прямо и не мое дѣло въ это входить; вы поговорили бы сами съ господиномъ Богатыревымъ.

Англичанинъ выпрамлился и сухо возразилъ:

— Нѣтъ, этому противится мое достоинство! Это невозможно!

Сказавъ это онъ взялъ шляпу и очень весело и мило пригласивъ меня къ себѣ обѣдать на слѣдующій день за-просто, пожалъ мнѣ руку съ дружескою выразительностью и ушелъ или лучше сказать бѣгомъ сбѣжалъ съ моей лѣстницы. Я не успѣлъ и проводить его до низу, какъ слѣдовало по обычаю мѣстной учтивости. Немного погодя я узналъ что сойдя такъ быстро съ лѣстницы, онъ спросилъ у каваса:

„гдѣ Велико?“ И, получивъ отвѣтъ что на кухнѣ, мимоходомъ заглянулъ туда и когда мальчикъ, смущенный, вскочилъ предъ нимъ, онъ со смѣхомъ сказалъ ему по-турецки: „А я тебя вѣдь знаю. Ты кандильянафтомъ былъ у Франковъ въ церкви. Я узналъ тебя!“ Велико (разказывали люди) поблѣднѣлъ и не успѣлъ еще отвѣтить какъ Виллартовъ уже опять принялъ серіозный видъ и, поглаживая важно свою длинную бороду, прибавилъ патріархально и все по-турецки:

— Это ты, дитя мое, очень хорошо сдѣлалъ что оставилъ унию. Не надо хорошему человеку мѣнять вѣру отцовъ. Ты долженъ быть „ортодоксъ-Булгаръ“, а не „унитъ“... Э! прощай... Будь здоровъ!... и ушелъ, щелкая бичемъ.

Узнавъ эти послѣднія подробности отъ моихъ людей, я тотчасъ пошелъ къ Богатыреву чтобы посоветоваться съ нимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

ЗЛОЙ ДУХЪ*

Р О М А Н Ъ

XXXV.

Беклицеву было тридцать шесть лѣтъ. Изъ кокетства онъ иногда увѣрялъ что уже отжилъ свою молодость, но въ сущности чувствовалъ себя очень молодымъ, и не только физически, но и въ смыслѣ равнаго достиженія тѣхъ обязательныхъ цѣлей, которыя съ удивительною ясностью представлялись ему когда онъ еще только готовился къ поступленію въ Пажескій корпусъ. Онъ былъ генераль, носилъ аксельбанты и принадлежалъ къ тому кругу изъ котораго назначаютъ на высшія должности. Для его лѣтъ этого было совершенно достаточно, и онъ спокойно перешагнулъ черту раздѣляющую двѣ половины человѣческой жизни. Собственно говоря онъ этой черты даже и не замѣтилъ, такъ какъ подобные ему люди умѣютъ быть стариками въ молодости и молодыми въ старости. Юность означала для него оберъ-офицерскій чинъ, манежную ѣзду, завтраки или ужины въ холостомъ обществѣ и вообще нѣсколько больше откровенности въ развлеченияхъ. Настоящей молодости онъ не зналъ. Холодный по натурѣ онъ съ раннихъ лѣтъ усвоилъ себѣ очень циническую точку

* См. *Русск. Вѣст.* 1881, №№ 4, 5, 7, 9, 10, 11 и 1882, №№ 1, 2, 3, 6, 7 и 8й.

зрѣнія на вещи, и только врожденное щепетильное чувство коммѣдистности, вмѣстѣ съ чрезвычайною заботой о сохраненіи здоровья, не давали обнаружиться въ немъ этому преждевременному цинизму.

Онъ никогда не любилъ, а между тѣмъ его любили; это бываетъ такъ часто! Разъ у него было даже нѣчто похожее на серьезный романъ. Женщина старше его, принадлежавшая къ одному съ нимъ обществу, готова была ради него бросить семью. Онъ сначала былъ пораженъ, почти растерялся; но понемногу овладѣлъ положеніемъ, удвоилъ внимательность, выдвинулъ впередъ отгѣнокъ глубокаго уваженія—и шагъ за шагомъ, безъ слезъ, безъ драмы, можно сказать даже безъ разочарованія, приучилъ любившую его женщину глядѣть на ихъ отношенія его собственными глазами. Объ этомъ романѣ онъ очень любилъ вспоминать наединѣ со своими мыслями и находилъ въ немъ большое для себя воспитательное значеніе: онъ вполнѣ раздѣлялъ французское понятіе что интрига съ порядочною женщиной даетъ человѣку окончательную отдушку.

Еще на кадетской скамейкѣ онъ рѣшилъ что къ тридцати лѣти годамъ будетъ генераломъ и женится. То и другое какъ-то необходимо сочеталось вмѣстѣ. Холостая жизнь не то чтобы надѣла ему—онъ жилъ въ очень солидной, почти семейной обстановкѣ,—но хотѣлось испробовать другаго. При томъ и выборъ сдѣланъ былъ какъ бы самъ собою. Лариса нравилась ему не только какъ Лариса, но какъ будущая его жена. Съ самой первой встрѣчи онъ, присматриваясь къ ней, все какъ-то прикидывалъ къ себѣ и находилъ что такъ будетъ отлично. Правда, она была чужая въ томъ обществѣ которое давало ему положеніе и шансы будущей карьеры; бракъ съ нею не приносилъ новыхъ связей, но Беклищевъ самъ имѣлъ въ Петербургѣ большое и вліятельное родство. За тѣ Лариса была богата, по слухамъ даже страшно богата; въ свѣтѣ къ ней сразу отнеслись съ завистливымъ вниманіемъ, въ которомъ интересъ новизны соединяется съ обычною данью красотѣ и изяществу. „Она рождена для большаго свѣта, она займетъ въ немъ мѣсто выпадающее только избраннымъ; и она будетъ моя жена, на мнѣ отразится часть окружающаго ее блеска“, думалъ Беклищевъ, небрежно ловивуясь въ grand-grand командѣ дирижера. „Но вѣтъ, мы оба будемъ стоять другъ друга“, тутъ же мысленно поправлялъ

онъ себя, чувствуя что и самъ онъ, со своею чистою и прямою фигурой, аксельбантомъ и связями представлялъ во всѣхъ отношеніяхъ завидную партію.

— Вы позволите мнѣ настоятельно просить васъ не выходить прямо въ садъ, а отдохнуть сначала въ комнатахъ? заботливо предложилъ онъ по окончаніи кадрили, придерживая локтемъ руку Ларисы.

Она не возражая прошла съ нимъ въ одну изъ дальнихъ гостиныхъ и сѣла въ углу заслоненномъ широкими драценами и бегоніями. Странное, почти печальное слокоистіе лежало на ея лицѣ, еще сохранявшемъ утомленіе душевной танцевальной залы. Беклицевъ оглянулся и поставилъ себѣ стулъ такъ чтобъ его можно было видѣть при входѣ въ комнату: ему показалось неудобнымъ быть скрытымъ вмѣстѣ съ Ларисой зеленью растеній.

— Я долженъ оправдаться предъ вами въ моей нескромности и объяснить почему я позволилъ себѣ предложить нѣсколько вопросовъ относительно Зимовьева, заговорилъ онъ особеннымъ, свойственнымъ только ему, вѣжливо-настоятельнымъ тономъ.

— Но я не замѣтила никакой нескромности, возразила Лариса.

— Во всякомъ случаѣ я не позволилъ бы себѣ подобнаго любопытства еслибъ оно не оправдывалось очень серьезными причинами, произнесъ слегка потупаясь Беклицевъ.— Съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ удовольствіе васъ встрѣтить, для меня сдѣлалось необходимымъ объяснить себѣ одинъ вопросъ, и я всюду искалъ на него отвѣта. Я наблюдалъ, всматривался во всякое новое лицо появлявшееся подлѣ васъ, ловилъ всякое извѣстіе, особенно отъ тѣхъ кто зналъ васъ раньше. Мнѣ хотѣлось убѣдиться: свободны ли вы?

Лариса сдѣлала попытку улыбнуться.

— Я бы вамъ отвѣтила еслибы вы прямо обратились ко мнѣ съ этимъ вопросомъ, сказала она.

— На это у меня не доставало рѣшимости, продолжалъ Беклицевъ;—надо было дать вамъ время немножко узнать меня, чтобъ объяснилось могу ли я разчитывать на то огромное довѣріе отъ котораго зависитъ мое счастье.

Онъ вдругъ всталъ и тономъ смущенія добавилъ:

— Вотъ я сказалъ гораздо больше чѣмъ имѣлъ въ виду. Но тѣмъ лучше. Мнѣ нѣтъ надобности скрывать мои намѣ-

ренія. Вы теперь знаете ихъ, и я съ покорнымъ нетерпѣніемъ буду ждать вашего отвѣта.

Лариса взглянула ему прямо въ глаза.

— Я тоже не ожидала этого объясненія, Леонидъ Сергѣичъ... сказала она.—Но я отвѣчу вамъ совершенно просто: да, я свободна. Но мы еще такъ мало знакомы съ вами что давать другъ другу слово было бы слишкомъ... послѣшно.

Беклицевъ сдѣлалъ глубокій поклонъ.

— Я слишкомъ цѣню благосклонность вашего отвѣта чтобы позволить себѣ торолить, настаивать... сказалъ онъ.— Вы разрѣшаете мнѣ ждать—я буду ждать. Это уже составляетъ цѣль, а цѣль даетъ спокойствіе. Не сочтите за самонадѣяность, но я не имѣю причинъ оласаться чтобы ближайшее знакомство со мною могло лишить меня вашего довѣрія.

Лариса спокойно встала и протянула ему руку.

— Но мы еще ничѣмъ не связаны, не правда ли? произнесла она, какъ бы перемогая что-то тайно солпротивлявшееся въ ней.

Беклицевъ снова поклонился, и на этотъ разъ его поклонъ отзывался почтительною сдержанностью.

— Что до меня лично касается, я уже радостно растаялся съ моею свободой, сказалъ онъ, пристально взглянувъ на Ларису своими свѣтлыми и въ ту минуту какъ будто злыми глазами.

Въ гостиную начали входить посторонніе. Лариса, увидавъ Анну Всеволодовну, съ замѣтною торолливостью подошла къ ней.

— Вы изъ саду? тамъ кажется готовится фейерверкъ? сказала она.

Княгиня бросила быстрый взглядъ на нее и на Беклицева

— Пойдемте, сказала она какимъ-то замысловатымъ тономъ беря Ларису подъ руку.

И какъ только онѣ сдѣлали нѣсколько шаговъ, она добавила, смѣясь и прижимаясь къ ея плечу:

— Женщины всегда должны оказывать другъ другу подобныя маленькія услуги, не правда ли?

— Какія? въ чемъ дѣло? переспросила Лариса.

— Ну, будто я не поняла что васъ надо сласти отъ этого интереснаго генерала, объяснила Анна Всеволодовна, пробираясь сквозь толлу на террасу.— Вы правы, нѣтъ ничего весноснѣе подобнаго ухаживанья. Мущины такъ рѣдко понижаютъ когда они правятся или нѣтъ.

Лариса засмѣялась.

— Не мудрено что это такъ трудно, если... а сама не умѣю дѣлать этого различія, сказала она, рискувъ совершенно невиннымъ взглядомъ.

— Полноте, хитрый человекъ! улыбулась Анна Всеволодовна: — будто я не понимаю что съ Беклицевымъ вамъ должно быть ужасно скучно.

— Не болѣе чѣмъ съ другими и скорѣе даже менѣе, отвѣтила Лариса съ легкимъ движеніемъ досады. — Я нахожу что онъ удобнѣе многихъ, а это уже что-нибудь значить. Вы къ нему несправедливы, княгиня.

— Я? удивилась Анна Всеволодовна. — Но вѣдь я въ этомъ случаѣ говорю прямо съ вашей точки зрѣнія. Вообще онъ даже въ нѣкоторомъ родѣ совершенство, но вѣдь не для васъ же!

— Вы опять хотите думать что я не такая какъ всѣ?

— Перестаньте, вы меня сердите. Вѣдь онъ олицетворенная пошлость, этотъ Беклицевъ.

Лариса бросила взглядъ по сторонамъ. Она какъ будто искала кого-нибудь чтобъ оставить княгиню.

— Я не замѣтила, отвѣтила она; — мнѣ напротивъ кажется что у него очень много такту, а въ жизни это можетъ-быть даже важнѣе ума.

Анна Всеволодовна кинула на нее подозрительный взглядъ.

— Вы меня удивляете, сказала она; — отъ кого угодно я ожидала бы это услышать, но не отъ васъ.

— Ахъ, княгиня, вы не хотѣли повѣрить когда я вамъ сказала что стала совсѣмъ другая и совсѣмъ, совсѣмъ какъ всѣ! отвѣтила съ напряженною улыбкой Лариса. — Pardon, паташ меня щеть, добавила она послѣшно, и высвободивъ руку повернула къ Марьѣ Ивановнѣ, которая уже высматривала ее, стоя подлѣ князя Павла Платоновича.

— Я любовался вами, а это всегда оставляетъ во мнѣ грустное впечатлѣніе, сказалъ князь, здороваясь съ нею.

Лариса вопросительно взглянула на него.

— Потому что когда я васъ вижу въ обществѣ, я всегда спрашиваю: гдѣ же тотъ который стоилъ бы ее? объяснилъ князь.

— А я, напротивъ, глядя на нихъ думала себѣ: вотъ какъ разъ пара! высказалась Марья Ивановна. — Посмотрѣть на молодежь, такъ право Беклицевъ лучше ихъ всѣхъ.

— Въ тащгахъ, я не сплрю; но Лариса Григорьевна тащуетъ съ такимъ равнодушiемъ что невольнo думаетъ совсѣмъ о другомъ. А для другаго другiе люди нужны, и вотъ ихъ-то и нѣтъ, возразилъ князь.

— Чтo это сегодня всѣ точно сговорились изъ меня какое-то необыкновенное существо дѣлать! сказала съ короткимъ и неискреннимъ смѣхомъ Лариса.

Ей хотѣлось вызвать Павла Платоновича на разговоръ о Беклицевѣ, только не при матери.

— Мама, мы пройдемъ въ садъ, здѣсь такъ душно! сказала она.—Князь, вы не боитесь простудиться?

— Все равно не убережешься, махнулъ рукой Павелъ Платоновичъ.

— Вы Беклицева давно знаете? спросила Лариса, входя съ нимъ въ освѣщенную разноцвѣтными фонариками аллею.

— Да, встрѣчаемся мы давно, отвѣтилъ князь;— онъ вѣдь здѣсь на виду, и притомъ изъ такихъ которые скоро и далеко пойдутъ.

— Но вы такимъ не сочувствуете? улыбнулась Лариса.

Князь пожалъ плечами.

— Чему же тутъ сочувствовать! молвилъ онъ.—Тилъ слышомъ извѣстный и совсѣмъ не симпатичный.

— Но я говорю не о тилѣ, а о Леонидѣ Сергѣичѣ, возразила Лариса.—Мнѣ кажется онъ вовсе не дурной человѣкъ.

— Кто же вамъ сказалъ что я его считаю дурнымъ человекомъ? Онъ даже очень милый человѣкъ, возразилъ въ свою очередь Павелъ Платоновичъ.—Но я его мало знаю и у насъ нѣтъ никакихъ поводовъ къ сближенiю.

Лариса молча сдѣлала нѣсколько шаговъ.

— Согласитесь, князь, что въ вашемъ отзывѣ есть нѣкоторая доля пренебреженiя, и на этотъ разъ мнѣ кажется что вы не совсѣмъ правы, заговорила она олять.—Я уже полгода знакома съ Беклицевымъ; за границей мы видались довольно часто, и онъ на меня производитъ впечатлѣнiе очень порядочнаго человѣка. Можетъ-быть онъ слишкомъ принадлежитъ понятiямъ и интересамъ своего круга, но вѣдь этотъ кругъ имѣетъ же право на существованiе!

— Если вы разумѣете именно кругъ свѣтскихъ людей дѣлающихъ карьеру путемъ связей, интригъ и отношенiй, людей безъ дарованiя, безъ серьезнаго ума, безъ хорошаго гражданскаго чувства, то по-моему нѣтъ большой чести принад-

лежать къ этому кругу и раздѣлять его понятія и интересы, сказалъ князь.

Они дошли до конца аллеи и повернули.

— Нѣтъ, вы строги! сказала съ печальною интонаціей Лариса и не возобновляла больше этого разговора.

XXXVI.

Балъ потерялъ для нея свое радостное оживленіе. Ей было неспокойно, почти обидно. Какъ глупо что всѣ судятъ со своей собственной точки зрѣнія, обращаются къ ней со своими исключительными притязаніями, какъ будто она не имѣетъ права быть такою какъ всѣ!

Она вернулась въ залу и стала между разубранными живою зеленью колонками, обводя задумчивымъ взглядомъ вальсирующія пары и стѣснившуюся лестную, нарядную толпу къ которой она сегодня чувствовала какую-то калризную симпатію.

„Зачѣмъ они всѣ увѣрили себя что я не принадлежу этой толпѣ, что я совѣмъ другая? Чтò мнѣ въ этихъ лестныхъ притязаніяхъ?“ думала она почти съ раздраженіемъ. „Я не хочу быть другою чѣмъ всѣ, я хочу жить вотъ этою самою общео, обыкновенною, пустою жизнью, въ которой есть же что-нибудь привлекательное, если всѣ ищутъ ея и умѣютъ наслаждаться ею. И какой все это вздоръ! Вотъ они всѣ веселы, счастливы, а мнѣ нельзя. Меня хотятъ увѣрить что ихъ радости не достойны меня... Но чтò дадутъ мнѣ взамѣвъ? Печальное утѣшеніе презирать другихъ, тощую гордость аристократа томащагося въ своемъ обязательномъ уединеніи? Я хочу жить какъ всѣ, никто не можетъ отнять у меня этого права“...

Старый князь Ладожскій разговаривалъ на другомъ концѣ залы съ хозяйкой дома. Лариса и на него взглянула недобрыми, вызывающими глазами. „Для нихъ такъ ясны законы чужой жизни, чужаго ума и сердца, а сами?“ спрашивала она себя все съ тѣмъ же чувствомъ обиды и раздраженія. „Вотъ этотъ добрейшій Павель Платоновичъ—на комъ онъ женился и чтò онъ сдѣлалъ изъ своей жизни? А Глѣбъ Дмитричъ? Развѣ его молодость не ушла на какую-то мрачную драму, и потомъ... потомъ развѣ онъ умѣлъ создать себѣ то чтò

нужно человѣку съ приподнятыми взглядами и требованіями? Или Анна Всеволодовна... она не можетъ представить себѣ чтобы мнѣ не было скучно съ Беклицевымъ, а сама замужемъ за Анатодемъ“.

— Ты не танцуешь больше? спросила садясь подлѣ нея Марья Ивановна.

— Не хочется... отвѣтила невеселымъ тономъ Лариса.

Къ ней подходили просить. Она отказывала, увѣряя что никогда такъ много не танцуетъ. Наконецъ это наскучило ей.

— Мама, садемъ въ гостиной, сказала она.

Беклицевъ пропустилъ ихъ въ дверяхъ и прошелъ вслѣдъ за ними. Лариса сѣла у круглаго стола покрытаго альбомами.

— Здѣсь не такъ душно, сказалъ Беклицевъ, остановясь подлѣ ея стула.

„Глупо онъ это сказалъ или умно?“ подумала съ не покидавшимъ ее тайнымъ раздраженіемъ Лариса. „Павель Платоновичъ или Глѣбъ Дмитричъ нашли бы что это глупо... почему?“

Она съ калризмьмъ оживленіемъ подвела голову.

— А васъ не интересуютъ танцующіе? спросила она.

— Когда вы сами не танцуете, нѣтъ, не интересуютъ, отвѣтилъ съ кокетливою серіозностію Беклицевъ.—Въ сущности вѣдь все это неможко скучно, прибавилъ онъ.

— Развѣ свѣтъ не занимаетъ васъ? спросила Лариса.

Молодой генералъ пожалъ плечами.

— Въ мои годы свѣтъ дѣлается простою привычкою, отвѣтилъ онъ, и добавилъ съ едва примѣтною улыбкой:—Нынче мы всѣ ужасно рано дѣлаемся стариками.

— Въ самомъ дѣлѣ? переспросила Лариса.—Мнѣ напротивъ казалось что это отсталая мода которую донашиваютъ люди съ дурнымъ вкусомъ.

— Мода миновала, но явилась простая необходимость, возразилъ Беклицевъ:—каждому нынче надо довольно много сдѣлать въ своей жизни, и приходится торопиться. Оттого молодость съ ея счастливою праздностію такъ сократилась.

— Правда, все какъ-то труднѣе дѣлается, встала Марья Ивановна, переворачивая толстые листы альбома.

— И вы тоже имѣете въ виду многое сдѣлать? обратилась Лариса къ Беклицеву.

— Все на свѣтъ относительно, и я конечно имѣю въ виду мои слабыя силы и способности, отвѣтилъ тотъ.—Я хотѣлъ оказать что для того кто серіозно смотритъ на свои обязан-

ности—всегда много дѣла, продолжалъ онъ. — Если я не пре- небрегаль такъ-называемыми услѣхами по службѣ, то потому что они расширяютъ сферу дѣятельности, даютъ болѣе отвѣт- ственныя задачи.

— У васъ по службѣ много занятій? спросила Лариса.

— Это опять очень относительно, объяснилъ генераль;—въ извѣстномъ положеніи бываетъ у человѣка дѣло какъ будто совсѣмъ невидимое и которое однако даетъ толчокъ и на- правленіе всему что дѣлается кругомъ. Въ нашей сферѣ вы можете встрѣтить людей которые по видимому весь вѣкъ толь- ко вертятся въ свѣтѣ, вѣдать изъ дому въ домъ, разговари- ваютъ, дежурятъ, парадируютъ, а между тѣмъ въ механизмѣ управленія ихъ значеніе въ самомъ смыслѣ громадное. Толь- ко благодаря имъ политическая идея получаетъ движеніе, во- ллащается, собираетъ и связываетъ людей... Вы будете смѣ- ляться, но этотъ свѣтъ такъ устроенъ что даже тѣ которые только говорятъ, вѣчно говорятъ, тѣмъ самымъ больше всѣхъ дѣлаютъ!

Выраженіе лица Ларисы, пока она слушала Беклицева, становилось все благосклоннѣе. Онъ въ первый разъ объ- яснялся съ ней о предметѣ казавшемся такимъ серьезнымъ. Она была какъ будто обрадована и успокоена. „Не нахожу чтобы все это было похоже на слова гаулага и лошлага че- ловѣка“, думала она съ тайнымъ упрекомъ обращеннымъ ко всѣмъ тѣмъ кто находилъ Беклицева недостаточно умнымъ и крулымъ. „Во всякомъ случаѣ онъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ которые даже гаупую вещь умѣютъ сказать такъ что она не покажется гаупою... а не въ этомъ ли въ сущно- сти все дѣло?“

Она ласково улыбнулась.

— Я вѣдь совсѣмъ провинціалка и ничего не знаю въ этихъ вещахъ, мнѣ надо объяснять какъ ребенку, сказала она.

Беклицевъ подвинулъ стулъ и сѣлъ.

— Я приведу очень простой и наглядный примѣръ, это луч- ше всего объяснить мою мысль, охотно продолжалъ онъ.— Вы знаете что въ настоящее время въ нашей политикѣ со- вершается крутой переломъ, поворотъ на совершенно новую дорогу, къ совсѣмъ инымъ цѣлямъ. Обстоятельство громадной важности, отъ котораго вся наша государственная жизнь по- лучить новую форму и новое содержаніе. Но развѣ это имѣ- етъ видъ такъ-называемаго дѣла, то-есть работы, исполнен- ной трудомъ? Нѣтъ, этотъ громадный переломъ совершается

какъ будто самъ собою, то-есть тѣми съ виду ничего не дѣлающими людьми которые въ сущности все дѣлаютъ. Происходить конечно также и детальная работа: какіе-то дѣлцы составляютъ законодательные проекты, секретари пишутъ протоколы, въ канцеляріяхъ растутъ дѣла, но настоящая творческая роль принадлежитъ не этимъ дѣльцамъ и труженникамъ. Исторію дѣлаетъ общество, то-есть въ тѣсномъ смыслѣ свѣтъ. У насъ этому слову придаютъ почти оскорбительное значеніе; а знаете ли что свѣтъ, и особенно большой свѣтъ, страшно могущественъ? Въ сущности отъ него все зависитъ, онъ всемъ управляетъ. Люди власти или прямо берутся изъ него и сохраняютъ всѣ связи съ нимъ, или невольно и почти незамѣтно подчиняются ему. Увѣряю васъ что каждый министръ гораздо меньше зависитъ отъ своихъ взглядовъ и убѣжденій чѣмъ отъ тысячи совершенно праздымъ по видимому людей составляющихъ свѣтъ. И вотъ поэтому роль въ свѣтѣ въ сущности гораздо важнѣе непосредственной официальной роли. Это до такой степени вѣрно что если бы кто-нибудь мнѣ сказалъ что вотъ этотъ сегодняшній балъ, на которомъ танцуютъ и говорятъ другъ другу любезности, имѣетъ политическое значеніе—я не удивился бы и не сталъ бы спорить.

Лариса слушала почти съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Это очень интересно, все что вы мнѣ объясняете, сказала она;—я такъ мало думала объ этихъ вещахъ.

Беклищевъ снисходительно улыбнулся.

— Эти вещи кажутся скучными только когда находишься въ сторонѣ отъ нихъ, отвѣтилъ онъ.—Я убѣжденъ что у васъ очень скоро явится вкусъ къ нимъ, тѣмъ болѣе что въ политическомъ творествѣ такъ-называемаго свѣта женщины принадлежатъ огромная роль.

— Въ самомъ дѣлѣ? переспросила Лариса.

— Есть даже прямо политическія женщины, съ серіознымъ видомъ подтвердилъ Беклищевъ.— Незнакома вамъ, наприимѣръ, вотъ та дама въ бѣломъ, съ фуксіями въ волосахъ? Это жена одного генерала... ни одинъ дипломатъ не сравнится съ ней въ искусствѣ интриги.

— Но интрига, это вѣд не политика, возразила Лариса.

— Въ такомъ случаѣ она гораздо важнѣе политики, отвѣтилъ Беклищевъ;—идея будетъ только бесполезно носиться по воздуху если ею не овладѣетъ интрига.

— Слѣдовательно и вотъ этотъ переломъ, о которомъ вы сейчасъ говорили, въ сущности есть дѣло интриги? неожиданно бросила Лариса.

Лицо Беклащевъ оживилось тою же снисходительною улыбкой.

— Я сдѣлалъ ошибку допустивъ раздѣленіе политики и интриги; на дѣлѣ онѣ всегда нераздѣлимы, отвѣтилъ онъ.— И это очень естественно, потому что политика есть борьба, а гдѣ борьба тамъ и интрига.

— Здѣсь въ Петербургѣ все интригами достигается, протодушно вставила Марья Ивановна.

Беклащевъ даже и виду не показалъ чтобы почувствовалъ неумѣстность замѣчанія, а напротивъ съ самымъ любезнымъ выраженіемъ обратился къ Марьѣ Ивановнѣ:

— Да, это вѣрно, но знаете почему это неизбежно? сказалъ онъ какъ бы даже съ удовольствіемъ.— Потому что всѣ интересы, личные и политическіе, до крайности переплетены и перелутаны въ жизни. Кто-нибудь, напримѣръ, добивается важнаго служебнаго положенія; это конечно его личный интересъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно необходимо для него чтобы расширить сферу значенія и дѣятельности. Или представьте себѣ что у какой-нибудь графини X есть тажба съ казноу; это также ея личный интересъ, но ей помогаютъ выиграть дѣло, потому что она въ свою очередь даетъ поддержку въ свѣтѣ, а это имѣетъ уже громадное вліяніе на карьеру.

— Я понимаю, разумѣется, какъ же иначе! сказала совершенно удовлетворенная объясненіемъ Марья Ивановна.

Лариса потянула къ себѣ альбомъ, и положивъ руку между листами, задумчиво наклонила голову. Лицо ея было серьезно.

— Но въ политикѣ необходимы извѣстные взгляды, не правда ли? сказала она.— Если участвуешь въ борьбѣ, то надо стоять на какой-нибудь сторонѣ, знать своихъ друзей и враговъ?

— Безъ сомнѣнія, отвѣтилъ Беклащевъ;— дѣйствовать не опираясь на какую-нибудь партію было бы очень трудно.

— Вы, сколько я могла понять, сочувствуете этому... новому направленію? продолжала Лариса.

— Въ настоящихъ обстоятельствахъ это единственное направленіе которое имѣетъ будущность, отвѣтилъ Беклащевъ.

— Такъ что вы держитесь либеральнаго образа мыслей? Извините за вопросъ, я вѣдь совсѣмъ не знаю вашихъ политическихъ убѣжденій, сказала улыбаясь Лариса.

Беклицевъ тоже улыбнулся и придалъ этой улыбкѣ какъ бы замысловатое выраженіе.

— Убѣжденіе, это слишкомъ литературное слово, и для насъ, людей дѣйствія, въ немъ всегда заключается лишнее недоразумѣніе, отвѣтилъ онъ.—Мы вообще больше понимаемъ образъ дѣйствія чѣмъ образъ мыслей. Въ настоящую минуту мы испытываемъ именно новый образъ дѣйствія, ничего больше. Мы идемъ навстрѣчу совершившихъ въ обществѣ требованій, вотъ и все. Задача политическихъ людей именно въ томъ и состоитъ чтобы регулировать общественныя потребности. Намъ жмутъ, мы сопротивляемся; намъ жмутъ сильнѣе—мы начинаемъ уступать, мы такъ-сказать переходимъ на сторону тѣхъ которые жмутъ, и такимъ образомъ дѣлаемся сильнѣе и свободнѣе. Въ этомъ заключается все искусство управленія.

— Немножко à la Napoléon III, мнѣ кажется! сказала Лариса.

Беклицевъ сдѣлалъ глубокомысленное лицо.

— Наполеонъ III, не смотря на всѣ его ошибки, былъ одинъ изъ величайшихъ политическихъ людей, у котораго долго будутъ учиться, отвѣтилъ онъ серьезно.

XXXVII.

Въ саду эффектно хлопнула и взвилась ракета. Беклицевъ послѣшью всталъ и подалъ дамамъ ихъ накидки.

— Фейерверкъ навѣрное будетъ очень блестящій, сказалъ онъ.

Садъ дѣйствительно былъ весь въ огняхъ. Вертящаяся комета съ хвостами, каскады огнистыхъ брызговъ, всплывающія къ небу и разсылающіяся разноцвѣтными искрами звѣзды, тихо сверкающіе бриллиантами вензеля наполняли темный воздухъ ночи радостнымъ блескомъ и шумомъ. Графъ Заряжскій очевидно самъ сознавалъ что его балъ имѣетъ значеніе, и не пощадилъ издержекъ.

Разгорѣвшіяся, оживленные лица улыбались, казались потягивае отъ причудливаго блеска огней. Всѣ какъ будто чувствовали себя веселѣе и свободнѣе при этомъ рѣзкомъ и странномъ освѣщеніи, то мгновенно пожирающемъ тьмоту ночи, то также мгновенно погасающемъ.

Бекаищевъ, стоя подлѣ Ларисы, поминутно раскланиваясь со знакомыми, внося въ эти поклоны тѣ неумовимые отбѣлки большаго или меньшаго вниманія которыми онъ умѣлъ различать людей по ихъ общественному положенію. Нѣсколько разъ онъ какъ бы съ радостнымъ выраженіемъ обращался къ Ларисѣ, сообщая ей титулъ и званіе только-что отошедшаго сановника и передавая сказанное имъ *petit mot*. „Положительно здѣсь всѣ наши“, повторялъ онъ, выравниваясь на каблучкахъ и обводя толпу совершенно довольнымъ взглядомъ.

Князь Рордъ, выпившій нѣсколько стакановъ шампанскаго и потому какъ-то странно, весело и слезливо щурившій слегка опухшіе глаза, шелъ навстрѣчу, вглядываясь въ ярко освѣщенные лица дамъ. Бекаищевъ вдругъ встреленулся.

— Позвольте представить вамъ моего стариннаго друга, князя Ретвизанова? быстро обратился онъ къ Марьѣ Ивановнѣ.— Это одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ людей въ нѣкоторыхъ сферахъ.

И не дождавшись отвѣта, онъ послѣшно направился къ Рордъ и подвелъ его за руку.

— Я давно искалъ этой чести... проговорилъ тотъ, и еще веселѣе сощурилъ глаза.— Праздникъ удался какъ нельзя болѣе, не правда ли? обратился онъ къ Ларисѣ.— Впрочемъ ваше мнѣніе не можетъ быть безпристрастно.

— Почему? спросила Лариса.

— Потому что вы царица этого бала... Я не понимаю какъ это могло случиться что я до сихъ поръ не имѣлъ чести быть представляемъ вамъ. Это ваша вина, Бекаищевъ!

Онъ весело наклонился въ его сторону и пожалъ ему руку.

— Я понимаю, понимаю! шелнулъ онъ ему.

— А, электрическое солнце! обратился онъ снова къ Ларисѣ.— Вотъ нѣсколько рискованное испытаніе, изъ котораго только молодость и свѣжесть выходятъ побѣдителями. Вы увидите какими неожиданными красками расцвѣтятся лица дамъ. Этотъ графъ злодѣй, положительно злодѣй со своимъ электрическимъ свѣтомъ. Боже мой, взгляните какая смертельная блѣдность внезапно покрыла лицо этой красавицы, вотъ тутъ, направо отъ васъ. Случалось вамъ когда-нибудь видѣть голубокожихъ женщинъ?

Лариса повела взглядомъ и неожиданно встрѣтилась глазами съ madame Хвоцовой.

Электрическое солнце действительно сыграло недобрую шутку съ красотой Клеопатры Михайловны: она была со-всѣмъ блѣдносияла и очень обрадовалась случаю повернуть-ся спиной къ предательскому свѣту.

— Здѣсь такая толпа что я могла только издали любовать-ся вами, сказала она.—Вашъ туалетъ восхитителенъ, какъ и вы сами... впрочемъ князь безъ сомнѣнiя уже сообщилъ вамъ это.

— О туалетѣ еще не успѣвъ, а о самой mademoiselle Соко-лицкой не смѣвъ, возразилъ съ маленькимъ смѣхомъ Рорд.— Но посмотрите какъ освѣтителенъ этотъ свѣтъ на зелени, просто волшебство... прибавилъ онъ не безъ ехидства.

— Нѣтъ, мнѣ глазамъ больно, отказалась Хвощева.

— Прекрасные глаза всегда отличаются слабымъ зрѣнiемъ, вымолвилъ ей въ упоръ Рорд.

Хвощева очень любезно улыбнулась.

— Знаете, князь, люди насмѣшливые какъ вы не должны говорить комплиментовъ, сказала она;—но на этотъ разъ я вамъ прощаю.

Она неможко боялась Рорд, пользовавшагося въ свѣтѣ репутаціей очень злого языка. Рорд самъ усердно старался поддержать эту репутацію, такъ какъ только благодаря де-шевымъ барказмамъ, отличавшимъ его разговоръ, онъ счи-тался человѣкомъ значительнаго ума и способнымъ рѣши-тельно ко всякому дѣлу.

— Хотите пройтись неможко? предложила Хвощева Ла-рисѣ и взяла ее подъ руку.

— Этотъ Рорд циникъ до мозга костей и презлющій, но такихъ людей всегда лучше имѣть на своей сторонѣ чѣмъ противъ себя, продолжала она какъ только онъ отошли на нѣскольکو шаговъ.—Я охотно позволяю ему иногда малень-кія козкости чтобъ имѣть право платить тою же монетой. Но, снѣге Лариса Михайловна, я васъ отозвала въ сторону чтобы сказать вамъ какъ я рада, какъ я искренно рада...

И своею лукавою рукою она крѣпко сжала руку Ларисы.

— Вы рады? вопросительно повторила та.

— По настоящему я должна была бы прежде всего упрек-нуть васъ, отвѣтила Хвощева:—мнѣ кажется я имѣю нѣко-торое право на вашу откровенность. Но я знаю вашъ скрыт-ный характеръ, и притомъ... не надо откровенности для того кто имѣеть видѣть и наблюдать:

— Вы говорите загадками, сказала съ чуть примѣтнымъ движеніемъ бровей Лариса.

Хвоцева олять дружески дотронулась до ея руки.

— Не запирайтесь, я за вами слѣдила, я все поняла, продолжала Клеопатра Михайловна,—и повѣрьте моей опытности, лучшаго выбора вы не могли сдѣлать. Это одинъ изъ милѣйшихъ людей въ нашемъ обществѣ, а нахожу что онъ просто созданъ для васъ!

— Но увѣряю васъ что я объ этомъ даже не думала, сказала Лариса и слегка покраснѣла.—А вы его давно знаете? прибавила она тутъ же.

Ей хотѣлось какъ можно больше услышать о Бекашцевѣ отъ женщины которая очевидно благоволила къ нему. Клеопатра Михайловна со свойственною ей провицательностью поняла этотъ послѣдній вопросъ.

— Я не была съ нимъ близко знакома, но когда человѣкъ выдается между другими, заставляетъ говорить о себѣ, всегда кажется что его больше другихъ знаете, отвѣтила она.—И въ особенности благодаря врагамъ, которыхъ у такихъ людей всегда много.

— Но если вы его узнали со словъ враговъ... замѣтила Лариса.

— Вы ошибаетесь, злословіе иногда помогаетъ лучше оцѣнить истинныя качества человѣка, перебила ее Хвоцева,—оно вызываетъ повѣрку, привлекаетъ вниманіе. Бекашцевъ изъ тѣхъ людей которые выигрываютъ при ближайшемъ знакомствѣ.

— Мнѣ тоже такъ кажется! сказала Лариса.

— О, я увѣрена! улыбнулась Хвоцева и подумала: „это не Нестужевъ, я надѣюсь!“—Это человѣкъ который можетъ дать женщинѣ блестящую роль. Я понимаю, можно пренебрегать положеніемъ въ свѣтѣ, но прежде надо занять его. „Странная мысль!“ невольно подумала Лариса.

— Знаете почему я особенно была бы рада вашему счастью? продолжала еще болѣе дружескимъ, вкрадчивымъ тономъ Клеопатра Михайловна:—потому что я имѣла бы право считать себя несомнѣнно непричастною ему... вѣдь мнѣ удалось немножко предостеречь васъ отъ печальной ошибки когда вы еще не знали ни людей, ни жизни... Кстати, вы совсѣмъ не встрѣчаетесь теперь съ Ипполитомъ Сергѣичемъ?

— Онъ совсѣмъ забылъ васъ, отвѣтила смущенная этимъ оборотомъ разговора Лариса.

— И полагаю что онъ правъ! заемѣлась Хвощева.

Фейерверкъ погасъ, и всѣ слѣшили въ комнаты. На террасѣ Ларису встрѣтили Беклицевъ и Рорд. Последний только что отошелъ отъ пожилаго господина украшеннаго очень рѣдкою звѣздой.

— Я въ совершенномъ отчаяніи отъ нашего милѣйшаго хозяина, оказывается что онъ рѣшительно никого не представилъ вамъ! заговорилъ Рорд.—Сейчасъ вотъ этотъ господинъ спрашивалъ меня, кто эта восхитительная особа съ которою я стоялъ въ саду? Помилуйте, говорю, вы не знаете! какое же вы послѣ этого правительство! Въ самомъ дѣлѣ это непростительно. Я бѣгу отыскать графа чтобы сдѣлать ему строжайшій выговоръ.

И Рорд чрезъ минуту дѣйствительно притащилъ подъ руку Заржидкаго, который тотчасъ разсыпался предъ удивленною Марьей Ивановной въ самыхъ изысканныхъ извиненіяхъ и затѣмъ подвелъ, любезно обхвативъ рукой за талію, савонника украшеннаго рѣдкою звѣздой. Всѣ перешли въ гостиную. За савонникомъ послѣдовалъ легкотѣлый „маркизъ“ и еще двѣ очень важныя особы. Около Волчецъ - Соколинскихъ образовался кружокъ на который остальные гости взглядывали съ нѣкоторымъ почтительнымъ любопытствомъ. Лариса должна была выслушать стелетилыя любезности, которымъ привычка къ официальнымъ сферамъ сообщила нѣсколько особый тонъ, какъ бы лагнуцій межилымъ залахомъ высшихъ присутственныхъ залъ. Это отзывалось скукой, но Ларису занимало что она вдругъ сдѣлалась предметомъ вниманія такихъ серіозныхъ и важныхъ людей, и что эти люди обязательно стремятся въ ея присутствіи быть не такими какъ привыкли. Ей даже показалось что между ними Беклицевъ держитъ себя серіознѣе всѣхъ и что его слова имѣютъ вѣсъ. Новое, еще не опредѣлившееся и почти радостное впечатлѣніе тайно вкрадывалось ей въ душу. Она словно вступала въ какую-то другую сферу жизни, и въ этой сферѣ все глядѣло такъ внушительно-парадно, такъ казалось лолно какого-то высшего содержанія. Ей думалось что она встрѣчается съ „людьми дѣйствія“, подлѣ которыхъ все другое, чего она привыкла искать въ человекѣ, теряетъ значеніе, дѣлается „чѣмъ-то литературнымъ“, по выраженію Беклицева — то-есть призрачнымъ и несеріознымъ. А здѣсь дѣло, сила,

власть — и блескъ, всегда окружающій силу и власть, даже когда она беспомощна и безвластна.

Клеопатра Михайловна, воспользовавшись удобною минутой, отозвала Бекашцева въ сторону и сказала полусмуща, полусерьезно:

— Вы не чувствуете себя въ долгу у меня? Я сейчас вожжи дамъ вамъ.

И на вопросительный взглядъ Бекашцева прибавила:

— Развѣ вы не знаете что Ларису Григорьевну я первая открыла и что въ свѣтъ я при ней въ должности ментора? Советую вамъ заручиться моимъ полнымъ благорасположеніемъ.

— Я всегда зналъ цѣну вашего благорасположенія, какъ-то замысловато отвѣтилъ Бекашцевъ и сдѣлалъ холодное лицо.

— О, я знаю, вы изъ тѣхъ любезныхъ людей которые не замѣчаютъ когда женщина старѣетъ и перестаетъ быть интересною, продолжала Клеопатра Михайловна тѣмъ тономъ въ которомъ у нея звучало столько же ироніи сколько искренней любезности.—Но какъ здоровье вашей матушки? Я все собиралась навѣстить ее, но вы не знаете, у меня такіе хлопоты съ этою землею въ Оренбургской губерніи. Представьте себѣ, этотъ участокъ который былъ назначенъ мужу теперь хотятъ отдать Бертаеву. Такія тамъ интриги что просто желчь разливается. Мужъ служить чуть не пятьдесятъ лѣтъ, и наконецъ всѣмъ извѣстна его послѣдняя дѣятельность въ Болгаріи... Я буду просить уважаемую Таусію Ивановну принять участіе. Я застаю ее завтра?

— Вы знаете, матушка почти никогда не выѣзжаетъ, тѣмъ же холоднымъ тономъ, отвѣтилъ Бекашцевъ.

— Такъ я пріѣду! сказала Хвоцева и значительно на него взглянула.

Бекашцевъ покаялъ что она назначила „цѣну“ своему благорасположенію.

XXXVIII.

Звуки мазурки произвели новое движеніе. Лариса охотно осталась бы въ гостиной, но она уже обѣщала. Молодой иностраннѣйшій графъ съ маленькими усами и съ лысиной на узкомъ черепѣ отыскалъ ее и подаль руку. Она встала съ сожалѣніемъ.

Заржицкій хлопоталъ, онъ считалъ что мазурка у него должна отличатся особеннымъ блескомъ. Въ первой парѣ

оказалась одна изъ самыхъ крульныхъ красавицъ, Полька по происхожденію, а съ ней высокій блондинъ очень представительной наружности. Оба съ сосредоточеннымъ вниманіемъ глядѣли другъ на друга, выжидая сигнала, и наконецъ серьезно и плавно повеселись по залѣ, то какъ бы разлетааясь, то снова обращаясь другъ къ другу, поводя плечами, танцуя не ногами только, но какъ бы всѣмъ тѣломъ, даже выраженіемъ глазъ и улыбокъ.

— Кто этотъ блондинъ? спросилъ хозяина одинъ изъ не-танцующихъ.

— А то графъ Вонсовичъ! отвѣтилъ Заржицкій, какъ бы удивленный что его не знаютъ. — То первый мазуристъ у насъ!

Вонсовичъ уже съ годъ какъ исчезъ изъ Петербурга и его немножко успѣли позабыть. Даже и сегодня онъ до этой минуты какъ-то не былъ замѣтенъ, словно его нарочно приберегали для мазурки, чтобы показать во всемъ блескѣ. И въ самомъ дѣлѣ онъ былъ блистателемъ, онъ былъ даже какъ-то особенно необходимъ на этомъ балѣ со своею не русскою фигурой и серьезнымъ, скрытымъ выраженіемъ улыбающагося лица.

Часть гостей, налюбовавшись мазуркой, понемногу разошлась въ сосѣднія комнаты. Въ большой гостиной образовалась группа пожилыхъ людей, на которую взглядывали издали и проходили мимо какъ бы съ почтительною осторожностью. Разговоръ въ этой группѣ замѣтно оживился, оставаясь въ темъ негромкомъ тонѣ какимъ говорятъ люди не желающіе чтобъ ихъ слышали посторонніе.

— Со времянь Петра дорога ясно указана: постеленное преобразование государства по европейскому образцу; эта задача такъ широка и такъ опредѣлена что въ ней нельзя ни прибавить ни убавить ни одного слова, говорилъ сидѣвшій въ центрѣ кружка генералъ.

— Но со времянь Петра наука и политика ушли очень далеко впередъ и на сцену выдвинулись очень важные вопросы — историческіе, національные, возражалъ высокій и сутуловатый господинъ во фракѣ. — Наука освѣтила намъ наше прошедшее, указала свои собственныя формы самоуправленія и свободы. Я стою за земскій соборъ, организованный въ правильныхъ условіяхъ періодичности и который въ сущности былъ бы ничѣмъ инымъ какъ увѣчаніемъ земской реформы.

— Славянофильская идея! а славянофилы составляют маленькую литературную партію безо всякаго значенія, возражаю генераль.—И притомъ такое экстремно созданное учрежденіе какъ земскій соборъ можетъ подпасть подъ вліяніе этихъ тамъ національныхъ увлеченій; вы представьте себѣ валримѣръ соборъ во время замѣшательства на Балканскомъ полуостровѣ, въ родѣ Сербской войны... это значило бы поставить все вверхъ дномъ. Нѣтъ, въ соборѣ всегда будутъ таиться эти разныя національныя идеи, которымъ всего опаснѣе предоставить свободу. Признаюсь вамъ, изъ всѣхъ дурныхъ запаховъ мнѣ всегда казался подозрительнѣе другихъ этотъ triple extrait du moujik russe.

— Къ тому же это надо еще создавать, тогда какъ европейскія формы выработаны окончательно и представляютъ собою организмъ чрезвычайно гибкій и въ сущности послушный, подтвердилъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

— Европейскія формы—понятіе слишкомъ тѣсное, потому что мы имѣемъ предъ собою Америку, которую кажется намъ никакъ нельзя забывать, замѣтилъ со своей стороны Безбѣдый.—Я разумѣю конечно не республику, а лишь подробности организаціи, приложимыя къ нашей странѣ больше чѣмъ ко всякой европейской.

Самовникъ во фракѣ бросилъ по направленію къ Безбѣдному сочувственный взглядъ.

— Я совершенно ловимаю вашу мысль и мнѣ всегда казалось что Россія, чтобы сохранить свои окраины, должна будетъ рано или поздно придти къ федераціи, къ автономіи областей и народностей, сказалъ онъ.—Окраины опередили насъ въ культурномъ отношеніи, а между тѣмъ каждая изъ нихъ дала бы ничтожное меньшинство въ представительномъ собраніи, будетъ ли то земскій соборъ или постоянная палата.

— Ахъ, опять этотъ несносный споръ о земскомъ соборѣ и о парламентѣ! вдругъ сказала политическая дама съ фуксіями, смѣло подходя къ разговаривавшимъ.

У нея лицо было влажно и бальная куафира ея уже замѣтно разстроилась. Ей подвинули кресло.

— Удивляюсь какъ вамъ не надоѣло, господа, продолжала она;—это вѣдь уже совсѣмъ рѣшено что прежде всего соборъ, созданный всеобщей подачей голосовъ и такъ чтобы въ немъ всѣ были: и офицеры, и полы, и женщины. И потомъ уже этотъ соборъ самъ рѣшитъ что дѣлать съ Россіей.

— Mais c'est simple: сои me bonjour, сказааъ тоже подхоаъ князь Рордъ.

— Не правда ли? съ живостью обернулась къ нему дама съ фуксіями, но замѣтивъ ироническое выраженіе его лица, тотчасъ продолжала:—А знаете съ кѣмъ я сейчасъ говорюаъ? Съ графомъ Воссовичемъ. Онъ только что изъ-за границы и разказываетъ что тамъ намъ сочувствуютъ, совершенно сочувствуютъ, и находятъ что человекъ давшій это направление нашей политикѣ въ полномъ смыслѣ слова гениальный человекъ.

— Кто жь въ этомъ сомнѣвается! процѣдилъ сквозь зубы одинъ изъ присутствующихъ.

— Кстати, этотъ Воссовичъ у меня завтра будетъ; съ нимъ не мѣшаетъ ближе познакомиться, это въ полномъ смыслѣ политическій человекъ, продолжала дама съ фуксіями.—Онъ и въ Женевѣ, и въ Лондонѣ знаетъ всѣхъ нашихъ. Можете себѣ представить, Бисмаркъ вызывалъ его къ себѣ въ Фарцивъ. Entre-pous, знаете ли что я подозрѣваю? прибавила дама, понижая голосъ;—мнѣ кажется что онъ имѣетъ въ виду присмотрѣться тутъ, оцунуть почву... Дѣло въ томъ что тѣ, заграничные, не видятъ больше возможности продолжать борьбу. У нихъ двѣ партіи: одна, самая непримиримая, считаетъ что вынѣшнія вѣянія не прочны и хочетъ просто переждать; другая потеряла всякую надежду, она ясно видитъ что русское общество примирено съ правительствомъ, что революція подавлена ея собственнымъ оружіемъ. Вотъ эта партія, самая многочисленная, готова признать себя побѣжденною.

— У нея отнята почва, сказааъ съ самоувѣренною небрежностью генералъ.

Лица присутствующихъ оживились такою же самоувѣренною и самодовольною улыбкой.

— Какъ мало въ сущности нужно чтобъ управлять людьми! сказааъ одинъ изъ нихъ.

Другой, напротивъ, какъ будто обидѣлся этимъ замѣчаніемъ.

— Ну, однако раньше не умѣли, возразилъ онъ, значительно сжавъ губы.

— Да, на самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не такъ легко, подтвердилъ Безбѣдый.

„Маркизь“, уже съ минуту обнаруживавшій нѣкоторое волненіе во всѣхъ членахъ, вдругъ сказааъ:

— А вы читали, господа, какъ меня сегодня въ газетахъ отбѣлали?

И лицо его выразило какъ бы блаженную улыбку, точно газетная отбѣлка доставляла ему самое большое удовольствіе. Присутствующие одобрительно взглянули на него.

— Они торопятся, хотятъ чтобы я въ двадцать четыре часа перевернулъ все вверхъ дномъ. Надо же время, господа! продолжалъ „маркизь“, словно оправдывался.—Но знаете какъ я поступилъ? Я пригласилъ двухъ журналистовъ обѣдать и благодарилъ ихъ за честное отношеніе къ дѣлу. Я имъ прямо сказалъ: „бравитесь, господа, бравитесь, вы тѣмъ только помогаете намъ, потому что у насъ одинъ и тѣ же дѣла. Бранитесь, вы заставите насъ наконецъ послушаться васъ“.

— Это тонко, прищурился князь Рорб.

„Маркизь“ навелъ на губы хитрую улыбку и такъ и замеръ въ созерцаніи собственной тонкости.

— Съ печатью либеральной такая тактика совершенно понятна, потому что мы должны найти въ ней друзей; но консервативную надо непременно раздавить! сказалъ Безбѣдный, и въ голосъ его внезапно зазвучала такая злоба, которой нельзя было даже предполагать въ этомъ совершенно сытомъ человѣкѣ.

Присутствующие только значительно сжали губы.

Музыка въ залѣ продолжала гремѣть; и въ то время какъ щеголеватая, веселая, отдавшіяся наслажденію пары шумно носились по паркету—по угламъ большой залы и въ уютныхъ гостиныхъ въ тайнѣ совершалась другая, незримая часть праздника, торжествовалась какая-то любовь, слышались ликованія... А надъ потемнѣвшими верхушками сада глубокое небо дышало сыростью и холодомъ, и холодно мигали звѣзды, и луна все выше всплывала, роная сквозь прозрачныя облака свой провнческій свѣтъ.

Нева казалась неподвижною какъ полированная сталь. Но подъ мохватыми елями, тѣсвившимися на низкомъ берегу, было темно и такъ пустынно и тихо какъ будто отъ вѣка здѣсь не ступала нога человѣческая. Однако здѣсь были люди. Нѣсколько темныхъ фигуръ медленно пробирались между деревьями, уходя отъ желто-розоваго зарева висѣвшаго надъ дачей Заржицкаго.

— Ну, гдѣ же наконецъ? спросилъ какъ бы безпокойнымъ тономъ одинъ изъ нихъ, у котораго отъ усталости и можетъ быть отъ тайнаго волненія давно уже выступилъ холодный потъ подъ мягкой войлочною шляпой.

Остальные значительно переглянулись между собою.

— Да пожалуй хоть здѣсь! сказалъ шедшій позади всѣхъ, и вдругъ быстрымъ движеніемъ опрокинулъ спрашивавшаго на землю, свалился на него и обхватилъ ему шею жилистыми пальцами. Несчастный только выкатилъ глаза.

— Догадался теперь зачѣмъ тебя привели сюда? произнесъ душившій и, стиснувъ зубы, совсѣмъ налегъ на него.

Въ лотьмахъ видна была только колоштившаяся на мокрой травѣ масса и слышался хрипъ и скрипъ зубовъ. Лежавшій сверху приподнялся, вынулъ изъ-за голенища ножъ и снова припалъ въ траву.

— Гдѣ записка? негромко спросилъ онъ товарищей, откинувшись на колѣняхъ предъ распростертымъ навзничъ трупомъ.

Голосъ его до такой степени измѣнился, что-то такое неслыханно жуткое слышалось въ немъ что присутствовавшіе невольно вздрогнули. Одинъ изъ нихъ подалъ листокъ бумаги. На немъ крупнымъ почеркомъ были написаны слова: „Казнемъ по приговору исполнительнаго комитета за шпіонство“. Стоявшій на колѣняхъ надѣлъ записку, прорвавъ ее посрединѣ, на рукоятку ножа и медленно всталъ.

— Собакъ собачья смерть! сказалъ онъ, конвульсивно трянувъ головой и плечами.

Всѣ какъ-то туло лятились и жались въ темнотѣ. Одинъ, заложивъ руки въ карманы пальто, подошелъ лопатываясь къ трупу и какъ будто пытался пристально заглянуть подъ надвинутую ему на глаза шляпу съ большими мягкими полями. Но онъ ничего не видѣлъ; онъ кажется былъ мертвецъ этого мертвого тѣла, и выраженіе его искаженнаго лица было почти безумно. Кто-то потянулъ его за пальто. Онъ вздрогнулъ и повернулся.

— Идемъ! боязливымъ шепотомъ сказалъ голосъ товарища.

Извоевъ машинально пошелъ вслѣдъ за другими. „И это сдѣлалось! я это видѣлъ, я былъ съ вами!“ металось въ его мозгу, и ноги, слотыкаясь, едва держали его.

XXXIX.

Пахтаевъ на другой день, какъ обѣщалъ, заѣхалъ къ Полиѣ и получилъ отъ нея вексель, на которомъ долженъ былъ поставить бланкъ. Коко не было дома, хотя Пахтаевъ, входя въ будуаръ, ясно видѣлъ въ зеркальномъ шкапу отраженіе его долговазой фигуры, быстро шмыгнувшей по ковру. Но такъ вышло еще лучше: все получило видъ маленькой шалости, о которой даже не стоить думать серьезно. Полина вертѣла форменнымъ клочкомъ бумаги какъ вертѣтъ между пальцами кускомъ отлоротой ленты, и на вопросъ—кто же собственно обѣщалъ выдать деньги, призналась самымъ легкомысленнымъ образомъ что не знаетъ его фамиліи.

— Ну, вотъ представьте же себѣ что я не подумала спросить объ этомъ у мужа, говорила она со смѣхомъ.—Вѣроятно даже онъ и называлъ его, да я не помню. Впрочемъ постойте, у меня гдѣ-то записанъ адресъ; я сейчасъ сыщу.

Волоча по ковру подшитый кружевами трѣмъ голубаго халатика, она подошла къ бюро, вытрясла изъ ящичка цѣлый ворохъ какихъ-то клочковъ, и наконецъ нашла полоску бумаги съ написанными на ней словами: „Большая Садовая, домъ № 62, меблированныя комнаты“.

— Я найду, сказалъ Пахтаевъ, пряча бумажку за перчатку.

— Но, право, мнѣ такъ досадно что вы будете сами возиться съ этими ластаками, проговорила Полина, опуская на его вѣчно свѣжіе погоны свои красивыя, тонкія и круглыя руки, сверкавшія молочнымъ блескомъ слоновой кости.

— Полноте, это не стоить разговора, отвѣтилъ Пахтаевъ, прижимая усы и губы къ этимъ рукамъ.

Онъ взялъ фуражку.

— Уже? спросила тономъ сожалѣнія Полина.

— Да, вѣдь эти вещи дѣлаются утромъ, надо будетъ поѣхать къ нотаріусу, да притомъ вѣроятно и деньги еще гдѣ-нибудь въ банкѣ, объяснилъ Пахтаевъ.

— Но вы вернетесь, не правда ли? Мужъ не обѣдаетъ дома, одной такъ скучно, пригласила Полина.

Генералъ обѣщалъ и простился.

— А bientôt! крикнула она ему, опуская лортьеру.

Черезъ четверть часа Пахтаевъ поднялся по крутой и темноватой лѣстницѣ и позвонилъ.

— Мнѣ у васъ надо отыскать одного господина, только я его фамиліи не знаю; онъ разными денежными дѣлами занимается, объяснилъ онъ отворившей ему горничной, и по свойственной ему щелетливости и конфузливости слегка покраснѣлъ при этомъ.

— Это вотъ сюда, первая дверь направо, тотчасъ догадалась служанка.

Пахтаевъ сбросилъ шинель и вошелъ. Въ большой комнатѣ, убранной съ тѣмъ полициальнымъ комфортомъ съ какимъ вообще меблируются такіа комнаты, за письменнымъ столомъ сидѣлъ маленькій, довольно кругленькій старичекъ, одѣтый въ поношенное драповое пальто. При входѣ посѣтителя онъ повернулъ круглую, сѣдую, коротко остриженную голову и всталъ.

— Покорнѣйше прошу садиться, предложилъ онъ прямо, придвигая кресло.

Пахтаевъ для большей вѣрности произнесъ фамилію Луковецкаго.

— Очень, очень пріятно... покорнѣйше прошу! Извините, не взывайте за безпорядокъ (въ комнатѣ, напротивъ того, царствовалъ отмѣнный порядокъ), я тутъ въ Петербургѣ еще недавно, не устроился какъ слѣдуетъ, не завелъ этого... знаете, столичнаго... но за то вы здѣсь встрѣтите сердце простое, чуждое себялюбія и хитрости, проговорилъ лѣвучимъ голосомъ хозяинъ, и извлекши изъ кармана пальто каемчатый фуляръ, встряхнулъ имъ.

— Позвольте узнать ваше имя и отчество? спросилъ генералъ, разчитывая что при этомъ ему скажутъ и фамилію.

— Илья Петровичъ, Илья Петровичъ Миловановъ, объяснилъ хозяинъ;— имя не громкое и мало кому въ столицѣ извѣстное, но не всѣмъ дано отъ колыбели украсить себя такъ-сказать наследственнымъ блескомъ рода. Людямъ рожденнымъ въ низменныхъ условіяхъ предназначено собственными трудами и заслугами достигать уваженія и воздаянія. Но позвольте въ свою очередь узнать съ кѣмъ имѣю честь? По мундиру вашему заключаю видѣть предъ собою особу высокаго ранга и положенія.

Пахтаевъ назвалъ себя.

— Очень, очень пріятно и лестно удостоиться посѣщенія... прогнѣлъ Миловановъ, тогда какъ зоркіе глаза его проницательно и какъ бы радостно оглядѣли генерала съ головы до

ногъ.—Почтеннѣйшій и уважаемый Константинъ Павловичъ Луховецкій уже объяснилъ мнѣ что находясь временно въ затруднительномъ положеніи и тѣмъ-то мысляю что эти затрудненія могутъ отозваться даже на семейномъ благополучіи его... такъ какъ, сколько мнѣ извѣстно, онъ пользуется счастьемъ семьянина, котораго я, по неисповѣдимымъ вачертаніямъ Промысла, лишился уже много лѣтъ назадъ... и мнѣ благоговѣйной памяти къ покойницѣ никогда не дозволялъ себѣ даже помышлять о вторичномъ супружествѣ... Однимъ словомъ, уважаемый Константинъ Павловичъ съ признательностью указалъ на ваше превосходительство какъ на человѣка готоваго, по христіанскому чувству принять участіе въ затруднительномъ положеніи ближняго, съ которымъ съ дѣтства соединяють узы дружбы и даже воспоминанія младенческихъ игръ.

Пахтаевъ неволью съ нѣсколько брезгливымъ видомъ потянулъ усами, но относя подробность о младенческихъ играхъ къ безлутной болтовнѣ Коко, не счелъ нужнымъ осларивать. Ему хотѣлось поскорѣе кончить, потому что кромѣ порученія Полины у него имѣлись въ виду нѣкоторые собственные интересы.

— Мнѣ Луховецкій говорилъ что онъ съ вами условился одѣлать и что требуется только моя подпись на векселя, сказалъ онъ, снова слегка краснѣя.

На Милованова эта конфузливость производила замѣтно самое выгодное впечатлѣніе. Онъ взглянулъ на генерала уже какъ бы съ чувствомъ собственности.

— Долженъ, долженъ вамъ признаться—обѣщаль! истинно обѣщаль! произнесъ онъ съ краткимъ вздохомъ. — Понялъ Константинъ Павловичъ мою слабость что не могу устоять предъ зрѣлищемъ человѣческой нужды и особливо у людей рожденныхъ пользоваться благами и роскошами жизни! Что будете дѣлать, сердце у меня, не взирая на преклонный возрастъ, мягко и участливо. Единственно только въ предосторожность стараюсь оградить себя чтобы не растратила легкомысленные и тѣмъ не отняли у благонадежныхъ.

Пахтаевъ досталъ изъ портфельчика векселя и показалъ Милованову.

— Еслибы вы могли сейчасъ лоѣхать со мною къ нотариусу, то мы сегодня бы и кончили, сказалъ онъ.

Миловановъ вздохнулъ и встряхнулъ платкомъ.

— Охъ, не слѣдуетъ съ этими дѣлами такъ слѣшно поступать, промолвилъ онъ;—подумать да подумать надо бы. Человѣкъ я здѣсь чужой, какъ въ лѣсу брожу. Довѣрія у меня много, а не пострадать бы потомъ?

— Что касается до меня, мое положеніе здѣсь всѣмъ извѣстно, и еслибы не случайность что моей женой теперь нѣтъ въ Петербургѣ... заговорилъ Пахтаевъ, и на этотъ разъ уже совсѣмъ вслыхнулъ отъ чувства униженія и досады.

Миловановъ бросилъ на него совершенно сладкій взглядъ.

— Да Боже мой, развѣ я дозволилъ бы себѣ какое-нибудь сомнѣніе! перебилъ онъ его.—Въ долговременныхъ превратностяхъ жизни моей я научился различать людей съ благородными чувствами. Но вѣрите ли, когда цѣной тяжкихъ трудовъ и лишеній скоплено скудное достоинство въ обезпеченіе бессильной и немощной старости, страшно прикоснуться къ нему даже собственною рукою...

Пахтаеву пришлось еще долго слушать лѣніе Милованова. Онъ кусалъ усы, оттопыривалъ щеки, и наконецъ какъ бы со злости на все это проговорилъ:

— Извините, мнѣ сказали что вы даете деньги въ ростъ; и такъ какъ мнѣ нужны деньги не только по этому векселю, но еще и лично для себя, то я пріѣхалъ условиться съ вами. Если для васъ это занятіе совсѣмъ непривычное, то извините за безлокойство.

И онъ всталъ. Миловановъ тоже быстро поднялся и заходилъ вокругъ него, помахивая платочкомъ.

— Вотъ и нетерпѣливость молодости сейчасъ обнаружилась и взыскательность къ слабостямъ старческаго возраста... кхе кхе! запѣлъ онъ еще слаще, какъ бы распуская всѣ складки лица.—Извольте-ка на минуточку присѣсть, и увидите что отсюда никто не уходитъ безъ облегченія и усложненія.

Пахтаевъ опять сѣлъ и черезъ полчаса оба наконецъ вмѣстѣ поѣхали къ нотаріусу, а оттуда въ банкъ. Укладывая деньги и чеки, Пахтаевъ теперь даже удивлялся что все такъ скоро сдѣлалось и что ростовщикъ сразу получилъ къ нему столько довѣрія. Онъ и не подозрѣвалъ какія обширныя свѣдѣнія стеклись уже къ Милованову не только о его финансовомъ положеніи, но и о нѣкоторыхъ интимныхъ обстоятельствахъ его жизни. Онъ не подозрѣвалъ что въ спальнѣ Ильи Петровича въ весьма тайномъ мѣстѣ хранилась книга

значительнаго объема, съ алфавитною нумераціею листовъ, и что въ этой книгѣ подъ буквой П. начертаны были красивымъ круглымъ почеркомъ слѣдующія строки:

„Состоитъ въ законномъ бракѣ съ Антониной Павловной урожденною Беклищевой, родною племянницею высоксклоставленной Таисіи Ивановны Беклищевой, отъ которой и получилъ карьеру (зри литеру Б.). Состояніе въ капиталахъ и въ недвижимости весьма изрядное, но жеманно. Долговъ до сей поры нѣтъ никакихъ. Дѣти: сыновья 11 и 13 лѣтъ. Принять въ высшемъ обществѣ, но не вліятельнъ. Имѣетъ посторонніе расходы по причинѣ любовной связи съ госпожой Л. (зри сію литеру), каковая по видимости изъ весьма прочныхъ.“

И далѣе:

„Свѣдѣнія относительно жены опровергаются. По семейнымъ несогласіямъ жена вѣхала въ деревню. Денежное положеніе требуетъ наблюденій и осторожности.“

И еще далѣе:

„Кредитовать можно безъ опасенія даже на великую сумму.“

Надѣвая въ швейцарской банка свою нѣсколько странною докромъ шивельку, Миловановъ вдругъ столкнулся лицомъ къ лицу съ княземъ Ретвизановымъ.

— А, въ добрый часъ, мнѣ васъ-то какъ разъ и нужно, сказала тотъ, подавая два пальца въ перчаткѣ.—Влѣзайте-ка ко мнѣ въ карету, я хочу немножко прокатить васъ по городу.

— Кхе, ваше сіятельство, не много ли чести мнѣ будетъ, молвилъ какъ бы даже конфузливо Илья Петровичъ.

— Полѣзайте, для васъ кажется не новость хорошія знакомства, повторилъ Рордъ, садясь однако самъ первый въ экипажъ.—Только старайтесь не высовываться, а сидѣть въ углу, пусть лучше подумаютъ что я съ кокоткой ѣду.

— Все шутить изволите, ваше сіятельство! съ блаженною улыбкой произнесъ Миловановъ, внутренно однако весь настораживаясь къ предстоящему разговору.

— Есть здѣсь вѣжкій лижонъ Хлестовъ, прямо началъ Рордъ.

— Знаю, перебилъ ростовщикъ.

— Чортъ васъ пойметъ откуда вы всѣхъ знаете, удивилса даже князь;—безъ году недѣлю въ Петербургъ, а точно выросли съ нами.

— Въ такой кругъ попалъ, ваше сіятельство, скромно отвѣтилъ Миловановъ.

— То-то, полтали.... немножко кажется я вамъ помогъ, замѣтилъ Рордъ.

— Я и чувствую съ несказанною признательностью! прогнать Илья Петровичъ.

— Ну, ладно. Вотъ насчетъ этого Хлестова вы должны оказать мнѣ некоторую услугу. Я бы хотѣлъ чтобы вы ближе съ нимъ познакомились.

Миловановъ раздумчиво подвѣлъ брови.

— Какъ прикажете, ваше сіятельство, сказалъ онъ.

— Ему скорѣе должны понадобится деньги, такъ мнѣ очень важно чтобы онъ именно къ вамъ обратился и чтобы вы ему не отказали, продолжалъ Рордъ.

— Трудно это, ваше сіятельство, возразилъ Миловановъ.

— Почему такъ?

— Да потому что господинъ Хлестовъ имѣетъ постоянно дѣла съ Венделевичемъ.

Ретвизановъ одѣлалъ быстрое движеніе головой.

— А, такъ онъ уже имѣетъ дѣла... но тогда тѣмъ лучше! сказалъ онъ.

— Чѣмъ же лучше, ваше сіятельство?

— Пожалуста только отвѣчайте, а не спрашивайте. Много ли у этого Вандаловича...

— Венделевичъ, ваше сіятельство...

— Ну положимъ это все равно. Много ли у него векселей Хлестова?

— Порядочно будетъ.

— Напримѣръ?

— Прикидываю я что тысячь на тридцать наберется.

Рордъ подумалъ.

— Двойные конечно?

Миловановъ подвѣлъ глаза къ потолку кареты.

— Дѣла эти, ваше сіятельство, только тамъ видимы! произнесъ онъ почти благоговѣнно.

— Почтеннѣйшій, я васъ не буду катать цѣлый день по Невскому; и потому остерегайтесь лишнихъ словъ, остановилъ его Рордъ.—Можете ли вы—да или нѣтъ—скупить всѣ эти векселя за половинную цѣну?

— Трудно, ваше сіятельство, отозвался разведя лодъ ши-велью руками Миловановъ.—Вексельки хорошіе.

— Ахъ вы старая ханжа, торговаться еще вздумали! прикрикнулъ Рордъ.—Говорятъ вамъ: скупите Хлестовскіе векселя, хоть не всѣ, а которые покрутѣе, и тогда тотчасъ явитесь ко мнѣ. Но чтобы имени моего не произносить, понимаете!

Миловановъ локорно склонилъ голову. Рорд дернулъ за шнурокъ чтобъ остановить карету.

— А телерь прыгайте, сказалъ овъ.

— Мнѣ бы, ваше сіятельство, вонъ въ ту сторону... проговорилъ подбирая шинельку Миловановъ.

— Выдумалъ еще! пожалъ плечами Рорд.

Илья Петровичъ соскочилъ, захопнулъ дверцу, и уже за стекломъ отвѣсилъ почтительный поклонъ. Карета помчалась дальше.

XI.

Князь Анатоль взялъ отлускъ и собирался уѣхать въ деревню. Овъ уже нѣсколько лѣтъ туда стремился, сознавая что хозяйство залущено и требуетъ его личнаго вмѣшательства; но поѣздки за границу и потомъ война препятствовали этому доброму намѣренію. Телерь его ничто не удерживало въ Петербургѣ, а воляжъ на воды при низкомъ курсѣ не представляла ничего завлекательнаго. Анна Всеволодовна тоже говорила что съ удовольствіемъ проведетъ два-три мѣсаца въ деревнѣ. Поэтому Анатоль объявилъ что дывѣшній вторникъ будетъ послѣдній въ этомъ сезонѣ.

Совѣщаніе съ поваромъ Антономъ было продолжительнѣе чѣмъ всегда. Ужинъ предполагался по крайней мѣрѣ на пять-десять персонъ. Анатоль тѣмъ не менѣе хотѣлъ чтобы все было товка-гастрономическое, и рѣшительно отвергъ майонезы и жиго и вообще всякіе mets de résistance, предлагаемые Антономъ. Соглашеніе кончилось на томъ что положено было сочинить для каждаго стола особое меню. Это обѣщало выйти оригинально и даже забавно и породить больше шуму. Благодаря такой комбинаціи, знаменитое рыбное суфле въ формѣ черепахи могло также фигурировать за однимъ изъ столовъ, и Анатоль заранѣе соображалъ кого именно посадить за этотъ столъ. Но отъ свѣтлокоричневыхъ ливрей съ гороховыми жилетами пришлось на этотъ разъ отказаться, потому что своей прислуги становилось не достаточно и надо было принавать изъ клуба. Допустить же чтобъ одни были въ ливреяхъ, а другіе во фракахъ, Анатоль находилъ крайнимъ mauvais genre. Овъ лучше хотѣлъ спить для одного этого вечера подложивъ лишнихъ ливрей, но Анна Всеволодовна рѣшительно воспротивилась.

Она находилась въ состояніи апатіи, доводившей ее почти до физическаго разстройства. Соглашаясь ѣхать въ деревню она старалась даже не думать о предстоящемъ удивленіи съ мужемъ среди обстановки которая не только не раздѣляла ихъ, а должна была напротивъ обличать. Она надѣялась что тамъ жизнь приметъ какъ бы болѣе физическій характеръ, что она будетъ больше спать и ѣсть, кулаться, толстѣть и гулять. Ей хотѣлось уйти отъ петербургскихъ раздраженій, отъ непрерывной дѣятельности нервовъ, которая портитъ характеръ и дѣлаетъ ее томительную хандру еще томительнѣе. А что ее характеръ портится, что она становится зла и завистлива, она сознавала по враждебному чувству съ какимъ неволью относилась къ Ларисѣ. Свѣжесть молодости, блескъ свободы, озаряющей неиспорченную, не начатую, всю еще впереди покоящуюся жизнь, раздражали ее.

Она наканунѣ видѣла Зимовьева и взяла съ него слово что онъ непременно будетъ. Ей хотѣлось чтобъ онъ встрѣтился съ Ларисой: она злорадно предполагала что имъ общимъ будетъ тягостна эта встрѣча. Она не забыла пригласить и Беклицева, и все съ тою же злорадною цѣлью.

Беклицевъ еще издали увидалъ Ларису и тотчасъ подошелъ къ ней.

— Ваша татаи кажется осталась очень довольна дачей которую я приискалъ, сказалъ онъ.

— Да, она чрезвычайно благодарна вамъ, отвѣтила Лариса.— Мы надѣялись же переѣзжаемъ.

— Но вы сами и не взглянули? спросилъ Беклицевъ.

— Я увѣрена что мнѣ будетъ удобно, равнодушно отозвалась Лариса.

У Беклицева глаза какъ-то весело играли.

— Вы не связываете съ этою дачей такого большаго значенія какъ я, промолвилъ онъ тономъ которому намѣренно придавалъ особый смыслъ.

— Петербургское лѣто такое короткое, улыбулась Лариса, какъ бы не звикая въ этотъ смыслъ.

— Нынѣшнее лѣто будетъ самое замѣчательное въ моей жизни, продолжалъ тѣмъ же замысловатымъ тономъ Беклицевъ.

Лариса вскользь взглянула на него.

— У васъ большіе планы? спросила она, и обращенный къ нему уголокъ губъ ее чуть-чуть задрожалъ.

— Очень большіе, отвѣтилъ Бекащевъ.—Я всегда былъ немножко серьезнѣе, даже въ первой молодости, но этотъ планъ серьезнѣе всѣхъ другихъ цѣлей какія я имѣлъ въ жизни. Все другое—только средства, а это—сама цѣль.

Онъ стоялъ предъ Ларисой словно загромождая ее своею высокою фигурой, и глядѣлъ на нее упорнымъ, почти вымывающимъ взглядомъ. Вдругъ этотъ взглядъ сталъ мягче, нѣжнѣе.

— Сегодня для меня какой-то хорошій день, я расположенъ вѣрить въ счастье, въ удачу... заговорилъ Бекащевъ другимъ, промикнутымъ несвойственною ему искренностью тономъ.—Сейчасъ у меня былъ разговоръ о васъ съ моею матерью. Это вышло какъ-то случайно... можетъ-быть потому что я слишкомъ много думаю о васъ... но разговоръ затаянулся и сказалось больше чѣмъ мы оба хотѣли. Я уже радъ что такъ случилось, мнѣ теперь кажется точно и ближе къ своему счастью. Мать очень хочетъ васъ видѣть и поручила просить у вашей татаи позволенія пріѣхать къ вамъ.

Лариса послушала отвѣтитъ что мать будетъ очень рада. Ее даже смутила такая совершенно необычайная любезность: Таисія Ивановна уже съ давнихъ поръ рѣшительно никому не дѣлала визитовъ.

— Но ваша татаи не совсѣмъ здорова, это будетъ слишкомъ большое безлокойство для нея, прибавила она;—мы съ татаи очень охотно предупредимъ ее.

— Нѣтъ, она должна сама къ вамъ пріѣхать, сказалъ Бекащевъ, слегка ударая на этомъ „должна“.

Въ гостиную гдѣ они стояли безпрестанно входила новая лица. Какая-то дама, необычайно шумная во всѣхъ движеніяхъ, бросалась въ кресло прямо подлѣ нихъ и подавъ голову взглянула на обоихъ съ выраженіемъ самаго непримечательнаго любопытства. Лариса подвинулась въ сторону, оглянувшись, и не находя свободнаго мѣста прошла въ маленькій будуаръ Анны Всеволодовны. Тамъ было не такъ тѣсно и не такъ ярко; бѣлый свѣтъ единственной лампы лился съ потолка, и на ковръ лежалъ красный отблескъ отъ каміна, какъ въ тотъ вечеръ когда Жѣдровскій помогалъ княгинѣ мѣшать щипцами уголья.

Лариса не оглядываясь опустилась на маленькій диванчикъ въ углу за экраномъ. Бекащевъ не рѣшился сѣсть

подлѣ нея; онъ сталъ, прислонясь къ обтянутой лямомъ доскѣ камина.

— Я вамъ повинуюсь, сказалъ онъ негромко, наклоня свое серьезное и какъ будто радостное лицо.

— Въ чемъ? спросила Лариса.

— Вы мнѣ приказали ждать; я жду, объяснилъ Беклицевъ, и въ голосъ его слышалась та смѣющаяся серьезность съ какою говорятъ люди увѣренные что съ ними строги только въ шутку.

Лариса не глядя на него поправила на рукѣ перчатку.

— Вы уже сказали что ваши планы разчитаны на лѣто, а лѣто еще только что начинается, проговорила она рискуя улыбнуться.

Беклицевъ тоже улыбнулся.

— А вы наловили что петербургское лѣто очень коротко, сказалъ онъ.

И наклонясь еще ближе, прибавилъ вполголоса:

— Лариса Григорьевна, я никогда не льстил себя надеждой заслужить то чувство которое выше всѣхъ обыкновенныхъ человеческихъ соображеній. Я не такъ молодъ и... взростаю, не такъ интересенъ. Я знаю только что если вы удостоите принять мое предложеніе, моею цѣлью будетъ окружить васъ тѣмъ счастьемъ и тѣмъ спокойствіемъ какое можетъ дать дружная семейная жизнь. Въ томъ что насъ обоихъ ожидать—нѣтъ ничего неяснаго—ни загадокъ, ни разочарованій. Мы оба знаемъ что мы можемъ дать другъ другу. Вы сказали что вы свободны. Возьмите же на себя рѣшимость отвѣтить однимъ коротенькимъ „да“, и я буду спокоенъ.

Лариса справилась съ перчаткой, но теперь ея вѣеръ все распускаясь изъ-подъ руки, цѣпляясь за мелкія складки платья. Она нетерпѣливо собрала его и подняла голову.

— Да, произнесла она улыбаясь своею серьезною улыбкой и какъ будто стараясь придать этому односложному отвѣту то спокойствіе котораго требовалъ Беклицевъ.

— Снѣге Лариса, я васъ иду, вдругъ услышала она голосъ Анны Всеволодовны, которая маленькими шажками вошла въ будуаръ и тотчасъ ихъ замѣтила.—Вы сколько не хотите облегчить мнѣ обязанности хозяйки. Поидемте, ваше появленіе всѣхъ обрадуетъ. Глѣбъ Дмитричъ даже впалъ въ умныя на находя васъ...

И она нѣжно обняла Ларису за талію.

— Не сердитесь, Леонидъ Сергѣичъ, что я ее покидаю у васъ, обернулась она къ Беклащеву;—но чтобы быть справедливою я должна уважать давность правъ.

„Какая она злая, и какъ это скучно!“ подумала Лариса.

Но она должна была ловиковаться. Маленькая княгиня провела ее чрезъ парадную гостиную въ угловую комнату, гдѣ за ломбернымъ столикомъ ворчливая сенаторша Марья Егоровна играла въ винтъ съ тремя пожилыми партнерами. Въ глубинѣ этой комнаты Зимовьевъ и князь Павелъ Платоновичъ разговаривали стоя.

— Я кого-то нашла для васъ чтобы вы наконецъ перестали серьезничать, сказала Анна Всеволодовна подводя Ларису.

Она ничего не знала объ объясненіи между Ларисой и Глѣбомъ Дмитричемъ и ожидала насладиться зрѣлищемъ смущенія какое, по ея мнѣнію, должно было овладѣть обоими.

А въ глазахъ и на уголкахъ губъ Ларисы такъ и бѣгало отраженіе нервнаго волненія, и рука ее продолжала нетерпѣливо играть вѣромъ.

— Я боюсь, княгиня, что вы оказываете имъ очень плохую услугу, сказала она, и не сѣла, а только оперлась руками на поданный ей стулъ.

— Нѣтъ, они мнѣ такъ надобля съ этою вѣчною политикою что я хочу наконецъ подразнить ихъ, продолжала Анна Всеволодовна.— Да, господа, въ то время какъ вы тутъ разсуждаете о земскомъ соборѣ—я увѣрена что о земскомъ соборѣ—monsieur Беклащевъ ходитъ какъ тѣнь по слѣдамъ Ларисы Григорьевны, и ни одинъ изъ васъ даже не думаетъ защитить ее отъ этого преслѣдованія. Вы, лала, еще можете извиниться своими лѣтами; но когда Глѣбъ Дмитричъ измѣняетъ своему знамени, для него нѣтъ извиненій.

Зимовьевъ хотѣлъ возразить, но Лариса сама обратилась къ княгинѣ:

— Я всегда обходилась собственнымъ умѣньемъ защитить себя; неужели въ вашемъ домѣ этого будетъ не достаточно? сказала она и взглянула на нее слоконными, невинными глазами.

— Сhère Лариса, надѣюсь маленькая шутка позволительна между друзьями? отвѣтила княгиня, и засмѣявшись отошла отъ нихъ.

Павелъ Платоновичъ, чтобы сохранить видъ шутки, сдѣлалъ серьезное лицо и покачалъ головой.

— Однако я действительно стала замѣчать что Беклицевъ за вами ухаживаетъ и это пахнетъ порохомъ! сказалъ онъ.

— Но почему бы ему и не ухаживаетъ за мной? улыбнулась Лариса.

— Потому что его ухаживанье не можетъ имѣть цѣли и не можетъ доставить вамъ удовольствія, отвѣтилъ уже действительно серьезно Павелъ Платоновичъ.

— Вы возбуждаете вопросъ который кажется непріятель для Ларисы Григорьевны, сказалъ Зимовьевъ.

Лариса съ выраженіемъ нетерпѣнія повела головой.

— Вы правы, вопросъ для меня непріятель, обернулась она къ Зимовьеву,—не самый вопросъ, а то что вы какъ будто уже рѣшили его за меня. А мнѣ желательнѣе было бы сохранить мою маленькую свободу... и притомъ я не имѣю никакой причины не цѣнить вниманія Леониды Сергѣича. Еслибы онъ замѣтилъ что это вниманіе мнѣ тягостно, то конечно не обнаруживалъ бы его.

Она сняла руки со спинки стула и отошла, обмахивая вѣтромъ слабо вслыхнувшее лицо.

Зимовьевъ и Павелъ Платоновичъ обмѣнялись значительнымъ взглядомъ.

— Мы кажется оба проглядѣли и отстали отъ того что дѣлается, сказалъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

— Вы серьезно предполагаете? спросилъ съ озабоченнымъ видомъ князь.

— Какое же можетъ быть сомнѣніе! отвѣтилъ Зимовьевъ.

Лицо князя сдѣлалось не на шутку печальнымъ.

— Но это Богъ знаетъ что такое! пожалъ онъ плечами.— Развѣ Беклицевъ ей пара? что можетъ ее ожидать съ нимъ? Внутренней, семейной жизни никакой; а въ свѣтѣ онъ ее введетъ въ такой кругъ гдѣ она задохнется отъ нравственнаго маразма, или развратится вмѣстѣ съ вами, съ этими жрецами раззолоченной карьеры, политической интриги и государственной кукли и продажи!

Глѣбъ Дмитріевичъ мрачно глядѣлъ на какой-то фамильный портретъ и кусалъ губами кончики усовъ.

— Все это, добрѣйшій князь, такая вещь въ которой мы съ вами ничѣмъ помочь не можемъ! сказалъ онъ съ напускнымъ равнодушіемъ.

XLI.

Лариса проходя въ гостиную остановилась на одно мгновение подлѣ широкаго зеркала и бросила на себя взглядъ. На ея лицѣ играла краска, губы были сжаты, а въ глазахъ какъ будто стояли слезы. И вдругъ она почувствовала какъ двѣ крупныя горячія капли упали съ рѣсницъ и медленно скатились по щекамъ, словно обжигая ихъ. Она послѣшью подошла къ окну, будто стараясь разглядѣть сквозь затканый купидонами тюль темноту ночи, потомъ наклонилась надъ жардиньеркой, нюхая раздражительный и свѣжій какъ сама весна залахъ залоздалыхъ гиацинтовъ и отбирая горячими пальцами засохшіе листки мирта. Необъяснимое стѣсненіе душило ей грудь и тянуло нервы. Это не было горестно тоскующее чувство, тутъ была злость полная неопредѣленнаго и тягостнаго раздраженія.

„Какое имъ дѣло? кто далъ имъ право? и почему они рѣшили что онъ непременно дурной, пошлый человѣкъ?“ задавала она себѣ вопросы. „Потому только что въ его взглядахъ можетъ-быть больше матеріальной дѣловитости, а въ натурѣ больше непосредственной связи съ жизнью; потому что онъ больше всосалъ въ себя того что составляетъ господствующую черту времени, поколѣнія... Но вѣдь *его* поколѣніе будетъ жить и дѣйствовать, вѣдь для *него* это время къ которому они не умѣютъ пріладиться! Они хорошіе, честные, умные... но развѣ онъ не честенъ, не уменъ? Въ его умѣ нѣтъ *литературнаго*, какъ онъ самъ сказалъ; но можетъ-быть у такихъ-то людей и есть самый настоящій умъ. Вѣдь Наполеонъ изъ такихъ былъ, и Бисмаркъ изъ такихъ; они что-то дѣлають, пока тѣ мечтають и пьются отъ жизни. А жизнь все-таки самое сильное и самое лучшее что есть въ этомъ мірѣ... Нѣтъ, есть еще много хорошаго. Есть музыка, стихи, любовь, мечты... Это лучше, выше, это стоитъ надъ жизнью... А жизнь все-таки сильнѣе.“

Лариса обмахнула украдкой лицо платкомъ и выпрямившись прошла между креслами, останавливаясь со знакомыми, улыбаясь странною спокойною и неискреннею улыбкой, которую всѣ замѣчали, но никто не понималъ. Къ ней олять

подошелъ Беклицевъ. Его не удивляло это непривычное выраженіе ея лица, онъ напротивъ тайнѣ торжествовалъ и въ эту минуту былъ почти влюбленъ въ Ларису. Онъ старался занять ее разговоромъ, въ которомъ сквозь шутивую любезность какъ бы сквозила тайно обращенная къ ней пощада. Лариса сѣла поспокойнѣе, стараясь войти въ этотъ разговоръ. Но ея силъ хватало только на короткое время.

— Я думаю ухватъ, у меня голова разболѣлась, сказала она вставая и щуря глаза, потому что боялась чтобы въ нихъ опять не появились слезы.

Беклицевъ встревожился, хотѣлъ сказать Аннѣ Всеволодовнѣ; Лариса удержала его, отыскала мать и попросила увезти ее лотиковку, не прощаясь. Беклицевъ въ одномъ мундирѣ проводилъ ихъ до кареты: теперь онъ уже недоумѣвалъ, торжествовать ли ему...

Марья Ивановна, какъ только они отѣхали, пристала съ разспросами. Лариса повторила что у нея голова болитъ, откинулась въ уголъ кареты и упорно молчала. Только у себя въ комнату, когда горничная окончила ея ночной туалетъ и вышла, она сказала съ напряженною улыбкой, скрестивъ на груди руки:

— Мама, вотъ я опять собралась замужъ выходить...

Марья Ивановна молча, не спуская съ нея глазъ, присѣла въ кресло.

— За Беклицева, мама! объяснила Лариса.

На лицѣ матери отразился радостный испугъ.

— Да ты шутишь или вправду говоришь? не повѣрила она сразу.

— Какія шутки, я уже слово дала. Вѣдь вы согласны, мама?

Голосъ Ларисы какъ будто сорвался, въ немъ прозвучала иронія.

— Я-то... да вѣдь ты слово дала, не спросилась! промолвила Марья Ивановна со внезапно подвернувшимся упрекомъ.

— Я только за себя, а вы можете не позволить... отвѣтила тѣмъ же какъ-то неловко звучащимъ голосомъ Лариса.— Но только вѣдь это... вѣдь такого брака нельзя не позволить...

Марья Ивановна встала и въ волненіи пересѣла ближе къ дочери.

— Да когда жь это ты все рѣшила? Мнѣ и въ голову не приходило что онъ тебѣ нравится, заговорила она.— А партія

разумѣется самая подходящая. Это сегодня-то вы и объяснились? То-то мнѣ странно показалось, отчего вдругъ голова разболѣлась. Беклицевъ... мнѣ вѣдь вотъ такого жениха всегда для тебя хотѣлось!

— Вотъ видите какая у васъ дочка хорошая... проговорила съ серьезнымъ лицомъ Лариса, и вдругъ отвернулась, какъ будто искала чего-то на туалетномъ столикѣ.—Но только, мама, не будемъ сегодня больше говорить объ этомъ, у меня въ самомъ дѣлѣ голова болитъ... прибавила она.

И когда Марья Ивановна, вздыхая, ушла къ себѣ, Лариса бросилась на постель и словно замерла, прижавшись лицомъ къ холодной подушкѣ. Ей не хотѣлось плакать... она не умѣла бы сказать чего ей хотѣлось. Капризное раздраженіе затихло въ ней. Было грустно и жаль чего-то, и вмѣстѣ съ тѣмъ радостнымъ трелетомъ охватывало ее приближеніе неизвѣстнаго гражданаго...

Пора было переѣзжать на дачу, и онѣ торопились. Визитъ Таисіи Ивановны по необходимости былъ отложенъ. Она прѣхала только чрезъ недѣлю послѣ того какъ онѣ совсѣмъ устроились на Крестовскомъ. Это произошло съ нѣкоторою помпой. Сначала явился курьеръ доложить что онѣ сейчасъ будутъ. Потомъ показалась четверомѣстная карета, запряженная большими, бѣлыми, необычайно смирными лошадьми, и съ красными дивреями на козлахъ. Въ каретѣ было устроено нѣчто въ родѣ ложа, такъ какъ Таисіа Ивановна опасалась сотрясенія въ ногахъ. Подлѣ нея сидѣла особа женскаго пола, неопредѣленнаго возраста и значенія. Съ помощью вывѣднаго она извлекла Таисію Ивановну изъ-подъ вороха какихъ-то луковыхъ платковъ и одѣялъ, и поддерживая лодъ локоть взвела на террасу. Тутъ оказалось что визитный туалетъ Таисіи Ивановны заключался въ шелковой стеганой на ватѣ и заходившей ниже колѣвъ кофтѣ, въ суконной юлкѣ и въ громадныхъ бархатныхъ салогахъ. Шляпокъ она уже давно не носила, а имѣла на головѣ блондовый чепецъ.

Марья Ивановна, заранѣ смущенная особымъ значеніемъ визита, схватила дочь за руку и точно вытащила ее на террасу. Таисіа Ивановна улыбулась на это и оглядѣла Ларису съ головы до ногъ, не выпуская ея руки изъ своей, такъ что Ларисѣ даже неловко стало. Марья Ивановна въ это время привѣтствовала компаньонку, которая за слиной патронессы такъ сжала губы и сдѣлала такой царственный наклонъ

головой, какъ будто хотѣла обозначить этимъ все несоотвѣстствіе между ея скромнымъ положеніемъ и личными достоинствами.

Таисія Ивановна выразила желаніе остаться тутъ на террасѣ. Выѣздной въ красной ливреѣ подставилъ ей вынесенную изъ кареты скамеечку съ подушкой и не ушелъ, а только отступилъ за колонку. На Ларису все это произвело нѣсколько странное и даже оскорбительное впечатлѣніе: похоже было какъ будто старая Беклицева съ умысломъ не вошла въ гостиную чтобъ отнять у своего визита всякій характеръ интимности. Но за то рѣчи ея были полны самой льстивой и, какъ показалось Ларисѣ, совсѣмъ не искренней любезности. Таисія Ивановна нашла ее очаровательною, прелестною, сравнила ее со знаменитыми красавицами прежняго Двора, замѣтила даже что въ ея чертахъ есть что-то напомивающее принцессу одного близкаго Россіи владѣтельнаго дома. Но затѣмъ, какъ бы исполнивъ свой долгъ, старуха разомъ перешла къ какому-то благотворительному учрежденію и рассказала утомительнѣйшую исторію, очень длинную и сложную, которую въ то время всѣ разказывали въ большомъ свѣтѣ, можетъ быть даже не отдавая себѣ отчета—почему именно надо ее разказывать.

Лариса старалась только смотрѣть и дѣлать видъ что слушаетъ, а сама въ это время думала: „Какъ было бы скучно часто принимать Таисію Ивановну... но вѣдь этого и не случится, она ни къ кому не ѣздитъ. Съ ея стороны очень, очень любезно что она пріѣхала. И даже эту исторію она разказываетъ чтобы занять меня, а если для меня это не интересно, то потому что я никого не знаю изъ дѣйствующихъ лицъ. Она не виновата, она постоянно видитъ людей только своего круга.“

Старуха наконецъ поднялась и обнаружила намѣреніе поцѣловать Ларису.

— Я хочу почаще, почаще васъ видѣть. Я скажу Леониду что вы совсѣмъ обворожили меня, произвела она.

Выѣздной принявъ скамеечку и вмѣстѣ съ компльдонкой взявъ Таисію Ивановну подъ локотки. И Марья Ивановна, и Лариса невольно вздохнули съ чувствомъ облегченія когда карета отѣхала.

Беклицевъ явился на другой день ранѣе обыкновеннаго и имѣлъ очень серьезный и какъ бы торжественный видъ. Онъ

прешелъ въ кабинетикъ Марьи Ивановны, сѣлъ какъ-то особенно прямо, съ фуражкой на колѣняхъ, и въ отборныхъ выраженіяхъ объяснилъ свои намѣренія.

Марья Ивановна, пока онъ говорилъ, уже достала платокъ и обмахивала имъ лицо.

— Дара мнѣ ужъ сказала, а знаю.. благослови васъ Богъ, а ея счастьемъ противиться не буду.. проговорила она срывающимся голосомъ, и когда Беклащевъ наклонился къ ея рукѣ, не удержалась, обняла его и поцѣловала въ обѣ щеки.

Посѣщеніе Таисіи Ивановны очевидно было событіемъ. Лариса замѣтила что вокругъ нея все какъ будто переизмѣнилось, что она какъ будто перешагнула какую-то черту, отдѣлявшую ее отъ самыхъ верхушекъ петербургскаго свѣта. Съ этимъ свѣтомъ она встрѣчалась и раньше, но не было тѣхъ правъ равенства, той незримою печати принадлежности, какую признавали теперь. Притомъ и самый кругъ лицъ нѣсколько измѣнился. Стали прѣзжать люди непосредственно стоящіе у власти, отдающіе свѣту лишь свои скулы измѣренныя досуги и въ самомъ свѣтѣ какъ бы продолжающіе свое высшее государственное служеніе. Лариса стала слышать разговоры еще не совсѣмъ понятнаго для нея, но импонирующаго содержания; съ довѣріемъ сообщалась ей иногда важная новость, объяснялась неудачная интрига, передавался „случай“ взволнованный весь этотъ кругъ близко сдѣланныхъ между собою и глубоко враждующихъ людей. Оставалась еще чуждою этому міру, она начинала понимать особый, факій и какъ будто полный содержания интересъ въ немъ заключающійся.

Зимовьевъ завѣхалъ только одинъ разъ и объявилъ что уважаетъ въ деревню. Ларисѣ вдругъ какъ будто жаль стало этого отъѣзда, и между тѣмъ она втайнѣ почувствовала что-то похожее на облегченіе.

— Надоело? спросила она.

— Безъ срока, улынулся Зимовьевъ;—то-есть разумеется придется появляться и въ Петербургѣ, но онъ мнѣ сталъ еще болѣе чуждъ чѣмъ прежде, и я вѣроятно сдѣлаюсь вполнѣ провинціаломъ. Подъ старость роднымъ мѣста больше тянутъ къ себѣ.

— Полноте, вамъ еще такъ далеко до старости, сказала Лариса.

— Нѣтъ, я очень постарѣлъ, возразилъ Зимовьевъ.

Они помолчали. Лариса съ задумчивымъ видомъ сдвинула брови.

— Вы не хотѣли принять моихъ условій, не сдѣлались моимъ другомъ, молвила она.

— Развѣ я далъ поводъ сомнѣваться въ моихъ дружескихъ чувствахъ, возразилъ Зимовьевъ.

— Ахъ, фразы! сказала Лариса, и неволью отвернулась.

Глазъ Дмитріевичъ посидѣлъ недолго и сталъ прощаться.

— Васъ надо поздравить, промолвилъ онъ, со смущеніемъ беря ея руку.

Лариса, благодаря его, тоже была смущена.

— Пора къ пристапу, проговорила она улыбаясь. Но улыбка вышла какъ будто невеселая.

— Отъ души желаю вамъ много, много счастья, сказалъ Глазъ Дмитріевичъ.

Лариса протянула руку, онъ поднесъ ее къ губамъ.

— Мнѣ жаль что я можетъ-быть долго не увижу васъ, молвила она, и подумала: „мнѣ въ самомъ дѣлѣ жаль... какъ страшно!“

Весь этотъ день она была задумчивѣе обыкновеннаго, такъ что Марья Ивановна даже всполошилась, и желая вывѣдать что-нибудь, заговорила о свадьбѣ.

— Онъ вчера намекалъ мнѣ что не хотѣлъ бы большикъ приготовленій, боится чтобы не затянулось очень, осторожно начала она.

Къ удивленію ея Лариса отвѣтила послѣ короткаго молчанія:

— Я тоже не вижу причины тянуть. Положеніе невѣсты такое скучное!

— А какъ скажешь, такъ и будетъ, обрадовалась Марья Ивановна.—Тутъ вѣдь не деревня, какое угодно приданое въ недѣлю сдѣлаютъ. Уже сколько и сдѣлано-то!

— Я ужъ говорила: зачѣмъ это! повела плечами Лариса.

— Ну вѣтъ, какъ-нибудь тоже нельзя, возразила Марья Ивановна.—И ты не кто-нибудь, да и онъ вельможа.

— Вельможа! съ искреннимъ смѣхомъ воскликнула Лариса.—Мама, еслибы вы знали какъ это смѣшно.

— Ничего вѣтъ смѣшнаго, а вельможа да и все, тономъ убѣжденія возразила Марья Ивановна.—Оттого и надо чтобы все какъ слѣдуетъ было. Сохрани Богъ, Таисія Ивановна осудить.

— А вы не шута Таисию Ивановну боитесь, замѣтила сквозь смѣхъ Лариса.

— И боюсь. Видѣла вѣдь какая она!

— Мама, дорогая, такъ вы хотите чтобы свадьба лоскорѣ была? Вамъ хочется дочку замужъ выдать? продолжала Лариса, вдругъ опустившись на колѣни предъ матерью и обнявъ ее обѣими руками за талию.

— Что жь, когда женихъ хорошій, отозвалась Марья Ивановна.

— А Леонидъ Сергѣичъ хорошій? Мама, скажите же что вы этого хотите, что вы рады, что дочка у васъ умная, рассудительная, партію себѣ сумѣла сдѣлать... говорила Лариса, глядя ей прямо въ глаза не то смѣющимся, не то промическими глазами.

— Ну, ужь конечно это лучше чѣмъ...начала было Марья Ивановна и оборвала сама себя, догадавшись что не надо тревожить наболѣвшаго у нихъ обѣихъ прошлаго.

А Лариса при этихъ словахъ тихо поднялась съ мѣста и отошла, скрывая отъ матери внезапно любѣднѣвшее лицо.

„Ахъ, пора!“ мысленно отвѣтила она своему смятенію. „Пора перестать жить мечтами, взмахивать крыльями, какъ когда-то напороочила мнѣ Клеопатра Михайловна. Пора жить какъ всѣ... пора къ приставамъ, къ презѣ!“

(До слѣд. №.)

В. АВСѢНКО.

ПОДПОЛЬНАЯ РОССИЯ

La Russia sotterranea. Profili e bozzetti rivoluzionari dal vero, di Stepaniak, già direttore di Zemlia e Volia (Terre e libertà), con prefazione di Pietro Lavrof (Революціонерскіе профили и очерки съ натуры. Степняка, бывшаго редактора Земли и Воли, съ предисловіемъ Петра Лаврова).

Почему эта постулившая недавно въ продажу въ Миланѣ книга, „предназначенная служить, по объясненію г. Петра Лаврова, къ ознакомленію западно-европейской публики съ революціоннымъ движеніемъ въ Россіи“, издана именно на италіянскомъ, менѣе чѣмъ другіе распространенномъ вообще въ Европѣ, языкѣ, когда, казалось бы, можно было обезпечить ей гораздо болѣе широкій кругъ читателей охочихъ до „забористыхъ“ революціонныхъ разоблаченій на столбцахъ *Intransigent* или другаго подобнаго радикальнаго парижскаго изданія,—довольно трудно понять... Съдвласный вожакъ русскаго революціонерства не сомнѣвается впрочемъ что означенный трудъ „человѣка скрывающаго подъ псевдонимомъ *Степняка* имя одного изъ самыхъ энергичныхъ и извѣстныхъ въ революціонномъ мірѣ дѣятелей *движенія* въ пройденныхъ онымъ главныхъ фазахъ (nelle fasi principali che passò il movimento russo) найдетъ весьма скоро переводчиковъ и на другіе языки.“ Не споримъ!..

Какъ бы то ни было, въ книгѣ этой, рекомендованной какимъ-то Петромъ Лавровымъ „Европѣ“, мы находимъ столь же много забавнаго сколько и поучительнаго.

Забавно прежде всего самое отношеніе автора къ своему предмету. Маниловъ русскаго „терроризма“, господинъ этотъ преисполненъ самаго восторженнаго и идеалическаго чувства какъ къ „высокой идеѣ“ руководящей его „партіей“ вообще, такъ и къ товарищамъ своимъ по революціонному ремеслу въ особенности. Будто черезъ тотъ фантастическій мостъ, по которому въ блаженныхъ мечтаніяхъ своихъ прогуливался отецъ *Θεμιστοκλέους* объ руку съ другимъ своимъ Чичиковымъ, проходитъ предъ читателемъ рядъ „профилей“ героев Стелняка (*puisque Sterpniak il y a*) поражающей тою приторною сладкавостью и утомительнымъ одвообразіемъ чертъ какія приданы имъ всѣмъ безъ малѣйшихъ отбѣнокъ черезчуръ усерднымъ перомъ революціоннаго витузіаста. Яковъ Стефановичъ, Дмитрій Клеменсъ, Валеріанъ Осивскій, Петръ Кралоткинъ, Дмитрій Лизогубъ, Гесся Гельфманъ, Вѣра Засулчъ, Софья Перовская, — всѣ эти безпардонные маниаки и обогранные кровью преступники, — всѣ они въ глазахъ единомышленника ихъ и біографа равно достойны всякаго восхищенія (*ammirazione*); всѣ они, какъ губернскіе чиновники въ понятіяхъ Манилова, равно „прекраснѣйшіе люди“, одаренные рѣдчайшими добродѣтелями и необыкновенною даровитостью. Къ сожалѣнію, „бывшій редакторъ *Земли и Воли*“ не приводитъ фактовъ которые могли бы послужить подтвержденіемъ его восторженнымъ отзывамъ объ этихъ прелестнѣйшихъ и *даровитѣйшихъ* людяхъ, кромѣ развѣ, напри- мѣръ, того что „Клеменсъ съ увлеченіемъ слушалъ лекціи Гельмгольца, что ему были *тѣсны рамки революціонной литературы* и онъ гораздо больше писалъ для подцензурныхъ изданій, такъ какъ ему нужна была болѣе многочисленная публика и *сюжеты болѣе широкіе*“ (что именно писалъ этотъ корифей революціи, и почему, признавая для себя тѣсными революціонныя рамки, продолжалъ онъ быть революціонеромъ — остается неизвѣстнымъ); что Владиміръ Осивскій, *„какъ отъ трѣ пустыни* перелетавшій съ одного конца Россіи на другой“, имѣлъ необыкновенный даръ добывать деньги на революціонное дѣло, и что „разказы о ложденіяхъ его съ

этою цѣлю переходили изъ усть въ уста какъ нѣчто чудесное“; что Вѣра Засуличъ, наконецъ, эта „избранная душа“ (*anima eletta*) „носитъ въ себѣ высокую неудовлетворенность, мать великихъ дѣлъ (*quell' incontentabilità sublime, madre delle cose grande*), которая является у нея какъ результатъ сдержаннаго идеализма, составляющаго основу (*base*) ея характера“; — „ревность ея къ дѣлу социализма“, прибавляетъ къ этому умиленный Плутархъ нашихъ революціонныхъ знаменитостей, „подняла въ ней такъ высоко чувство довлеющаго ей гражданскаго долга что все ей кажется малымъ, и одна изъ ея пріятельницъ, остроумная особа, весьма вѣрно опредѣляла обычное ея душевное состояніе такими словами: „Вѣра хотѣла бы стрѣлять въ Трелова каждый день, или по меньшей мѣрѣ разъ въ недѣлю; а такъ какъ она этого дѣлать не можетъ, то и гложетъ себя внутренно (*si rode l'animo*)“... Все это съ извѣстной точки зрѣнія, конечно, весьма умилительно. Можно даже посѣтовать на такую судьбу не позволяющую достойной дѣвицѣ „соціалиткѣ“, утратившей свой душевный покой, возвратитъ себѣ его, стрѣляя „по меньшей мѣрѣ разъ въ недѣлю“ въ того или другаго изъ русскихъ генераловъ. Но едва ли кто изъ здравомыслящихъ людей Европы, которой преподносится это назидательное сочиненіе о русской революціи, увлечется восторгами ея автора.

Діаграммы автора *Russia sotteranea* по адресу великихъ людей своей „партіи“, какъ вообще и всѣ выводы его и положенія, подверглись строгому осужденію даже со стороны другаго русскаго политическаго агитатора, г. Драгоманова, издателя жемеевскаго листка *Вольное Слово*. Подвиги террористовъ или, какъ называетъ оны ихъ, „подземныхъ революціонеровъ по профессіи“, г. Драгомановъ признаетъ „осужденными опытомъ“. „Безсильные, говоритъ оны, внѣ своей узкой сферы, будущее принадлежитъ не имъ, а движенію *земскому*, руководимому людьми полезнаго землѣ труда, людьми извѣстными землѣ...“ Что разумѣть подъ „*земскимъ* движеніемъ“ и какого именно „будущаго“ добивается самъ издатель *Вольнаго Слова*, вопросы которыхъ мы касаться не будемъ, но воспоминаемъ при случаѣ нѣкоторые его замѣчанія относительно лежащей предъ нами книги, какъ весьма куріозными со стороны политическаго

метафизика, который, какъ и осуждаемые имъ „подземные революціонеры“, разумѣетъ подлежащимъ устраненію весь исторически установившійся въ Россіи государственный порядокъ.

Первыя главы *Подпольной Россіи* посвящены историческому обзору русскаго „революціоннаго движенія“. Начинается съ того что „романистъ Тургеневъ, сочинившій слово *нигилистъ*, однимъ уже этимъ словомъ приобрѣлъ себѣ безсмертіе“ (si rese immortale con una sola parola), но что здѣсь не зачѣмъ было бы объ этомъ уломивать еслибы не случилось того что въ Европѣ названа была нигилистическою не та партія которая извѣстна подъ этимъ названіемъ въ Россіи, но другая, совершенно отъ нея отличная. Вслѣдствіе этого почитается нужнымъ объяснить Европѣ что дѣйствительный *нигилизмъ* былъ движеніемъ философскимъ и литературнымъ, процвѣтавшимъ (che fiorì) въ Россіи въ первое десятилѣтіе послѣ освобожденія крестьянъ, съ 1860—1870 годы, но что въ настоящее время оно совершенно угасло и отъ него остались лишь кой-какіе слѣды, исчезающіе съ каждымъ днемъ, „такъ какъ, при лихорадочной жизни послѣднихъ лѣтъ, въ Россіи каждое десятилѣтіе можетъ быть почитаемо періодомъ времени приблизительно отъ 30 до 50 лѣтъ“.

„Нигилизмъ, говорится далѣе, былъ не иное что какъ борьба за освобожденіе интеллигентнаго человѣка ото всякой зависимости,—страстное отрицаніе, во имя личной свободы, всѣхъ обязанностей налагаемыхъ на человѣка обществомъ, семьей, религіей“... Противъ сей послѣдней направлены были его первыя удары—и, если вѣрить автору на слово, бѣдная религія „сдалась“ бы „съ перваго же приступа“ такъ какъ, „въ настоящую пору въ Россіи между людьми хотя сколько-нибудь образованными человѣкъ который не былъ бы чистѣйшимъ материалистомъ (materialista puro, purissimo)“ былъ бы дѣчѣмъ-то „въ родѣ бѣлаго дрозда (un merlo bianco)“... „Побѣда эта весьма важна“, восклицаетъ по этому случаю авторъ: „полнѣйшій атеизмъ (l'ateismo assoluto)—единственное наследство сохраненное въ чѣлости (tale quale) новымъ поколѣніемъ, и едва ли нужно доказывать какую выгоду нашло въ этомъ современное революціонное движеніе.“ Еще бы!...

Кромѣ такого прекраснаго „наследства“, старый нигилизмъ „страстною проповѣдью своею на пользу эманципаціи женщинъ и допущенія ихъ къ высшему образованію, заставившею

само правительство склониться на его требованіе“, уготовилъ современнымъ революціонерамъ „интеллигентныхъ подрутъ (compagne intelligente)“, за что ему и выражается авторомъ подобающая благодарность.

Но заявивъ объ этихъ заслугахъ, выразитель послѣдняго слова „революціоннаго движенія“ относится затѣмъ къ нигилистамъ шестидесятыхъ годовъ, „евангеліемъ которыхъ былъ извѣстный романъ *Что дѣлать*“, съ крайнимъ высокимъ рѣимъ:

„Одержавъ побѣду по всей линіи, говоритъ онъ, добывъ себѣ умственную независимость и интеллигентную подруту, нигилистъ превратился въ концѣ концовъ въ уточненнаго эликурейца, въ жирномъ тѣлѣ котораго медленно обращается кровь...“ * „Ближайшее, слѣдовавшее за нимъ поколѣніе не могло удовлетворяться его эгоистическимъ идеаломъ жизни „разумной“ и влолнѣ „реальной“. Подъ вліяніемъ Парижской коммуны и зрѣлища страданій народа въ отечествѣ оно поняло *что дѣйствительно слѣдовало ему дѣлать*“. И вотъ „передовое юношество даетъ себѣ торжественное слово посвятить всю жизнь, всѣ силы, всѣ помыслы свои освобожденію этого народа, который кровавымъ лѣтомъ своимъ обезпечиваетъ ему, привилегированному счастливцу, возможность жить спокойно, учиться, приобретать знанія. Такимъ образомъ родился социалистъ-революціонеръ 1872—74 года. „Нѣсколько ранѣе (1866) появились *несчастные Карак*“

* Старые нигилисты горячо протестовали противъ упрековъ дѣлаемыхъ имъ въ этомъ отношеніи жившими революціонерами. Въ книгѣ приводится по этому поводу весьма комическое письмо Зайцева одного изъ извѣстныхъ сотрудниковъ *Русскаго Слова* шестидесятыхъ годовъ. „Клянусь вамъ всѣмъ что мнѣ дорого, писалъ онъ въ редакцію какого-то заграничнаго революціоннаго листка, что мы не были эгоистами, какъ вы насъ называете. Мы ошибались, сознаюсь въ этомъ, но мы были глубоко убѣждены что воевали за счастье человѣческаго рода, и каждый изъ насъ пошелъ бы на плаху (al ratibolo) и отдавъ бы свою голову за Моисеюта или Дарвина...“ Въ этомъ несомнѣнно искреннемъ и вѣрномъ утвержденіи, прибавляетъ отъ себя составитель книги, оказалась характеристическая черта русскаго ума, владѣющаго способностью пристращаться до фанатизма (appassionarsi fino al fanatismo) къ извѣстнымъ предметамъ, которые со стороны западнаго челоуѣка могутъ развѣ вызвать простое одобреніе или неодобреніе“.

зою,—небольшая группа, развившаяся подъ непосредственнымъ вліяніемъ зараждавшейся *Интернаціоналки*, имѣвшая лишь впрочемъ одинъ день жизни и не оставившая по себѣ затѣмъ никакихъ слѣдовъ.“

„Соціалисты-революціонеры“ пошли „въ народъ“ съ увѣренностью что „русскіе поселяне вломѣ приготовлены своею общиной къ воспріятію идей федеративнаго соціализма“. Однимъ изъ пророковъ „движенія“, Бакуининъ, утверждалъ даже что и никакой пропаганды для этого не нужно, что вызванный къ революціи народъ ничего бы не могъ и совершить иного кромѣ революціи чисто соціальной. „Но, говоритъ авторъ книги, революція требуетъ во всякомъ случаѣ сильной организаціи, которая не можетъ быть устроена иначе какъ чрезъ пропаганду, будь она соціалистическая или просто революціонная. Не имѣя возможности вести ее открыто, слѣдовало прибѣгнуть къ пропагандѣ тайной,—но и это совершенно невозможно въ нашихъ селахъ. Послѣ первыхъ тяжелыхъ разочарованій, ожидавшихъ ихъ на этомъ пути, пропагандисты перестали вѣрить въ побѣду и искали уже скорѣй терноваго чѣмъ лавроваго вѣнца.. Это былъ типъ людей слишкомъ идеальный для предстоявшей суровой борьбы. Онъ долженъ былъ измѣниться или исчезнуть...“

Вольнов Слово замѣчаетъ по этому случаю что „задача пропагандистовъ не была выполнена не потому что они были слишкомъ идеальнымъ типомъ, а потому что, движимые одною страстью (не бреднями ли безчеловѣчныхъ теорій?), они забыли или не хотѣли знать условій страны, не сумѣли къ нимъ приворовиться и часто не были достаточно подготовлены даже для той пропаганды съ которою шли въ народъ.“

Политическіе процессы 1877—1878 годовъ и, выражаясь словами нашего автора, „процессъ-чудовище (*processo-monstre*) 193хъ положили конецъ этому первому періоду революціонной дѣятельности въ Россіи“... Вотъ какими театральными калымпривными словами изображается вслѣдъ за этимъ помѣленіе „новаго типа“ на сцену неудачниковъ-пропагандистовъ 1872—1874 годовъ:

„На горизонтѣ показалась мрачная фигура, освѣщенная адскимъ пламенемъ, которая съ гордымъ челомъ, со взглядомъ дышащимъ ненавистью и вызовомъ (*disfida*), подходила, расчищая себѣ мѣсто среди перелуганной толпы, чтобы

подняться твердым шагомъ на сцену исторіи. Это былъ—террористъ!“

„Убийствомъ генерала Мезенцова, восклицаетъ съ тѣмъ же пафосомъ авторъ, терроризмъ смѣло кидаетъ свою перчатку въ лицо автократіи“...

Но что же такое въ сущности „террористъ“? можетъ спросить Европеецъ-читатель, отъ чьего имени, въ чьихъ интересахъ, въ виду какихъ положительныхъ цѣлей дѣйствуетъ онъ на своемъ кровавомъ поприщѣ?

Вопрошающій получить на это такого рода объясненіе:

„Террористъ борется не только за народъ, чтобы дать ему возможность самому располагать своею судьбой, но и за самого себя, за своихъ друзей, томящихся въ ужасныхъ центральныхъ тюрьмахъ и взывающихъ къ его помощи; онъ поклялся быть свободнымъ — и будетъ свободнымъ не смотря ни на что. Онъ не преклонитъ отнынѣ ни предъ какимъ идоломъ своей гордой головы; онъ посвятилъ свою мощную руку дѣлу народа,—но онъ уже не обоготворяетъ его (non lo deifica più). И если народъ, подъ влияніемъ дурныхъ совѣтовъ, скажетъ ему: будь рабомъ, онъ отвѣтитъ: жѣть! и пойдетъ впередъ, презирая его проклятія и ярость, увѣренный что справедливость будетъ отдана ему на могилѣ.“

Это, какъ видитъ читатель, столько же откровенно сколько и логично. Террористъ, дѣйствующій якобы для того „чтобы дать народу возможность располагать своею судьбой“, „не преклонитъ головы“ предъ волей этого самаго народа и „пойдетъ впередъ, презирая проклятія его и ярость“, какъ только народная воля окажется несогласною съ завзятыми теоріями его „партіи“... Къ довершенію чепухи, кровавая дѣятельность „партіи“ объясняется тутъ же какъ „дикая революція sui generis, дѣлаемая не массой народа, не чувствующаго въ ней потребности, а какою-то делегацией, высланною изъ вѣдръ народа.“ Спрашивается, изъ чьихъ же дѣйствительно „вѣдръ“ высылается эта революціонная „делегация“, когда по сознанію самихъ террористовъ „народъ не чувствуетъ никакой потребности въ революціи“ и исполненіе воли его эти яко бы его делегаты ни въ какомъ случаѣ не считаютъ для себя обязательнымъ?...

Но слово „народъ“ употребляется здѣсь, какъ оказывается, единственно для красоты слога. О народѣ менѣе всего заботятся революціонеры послѣдней формаціи:

„Въ программѣ русскихъ социалистовъ за послѣднія пять лѣтъ произошло значительное измѣненіе. Начавъ вмѣстѣ съ крайнею партией *интернаціоналки* (называемою „анархическою“) съ утвержденія что социалисты должны удерживаться ото всякаго участія въ борьбѣ политической, русскіе социалисты неумолимою логикой жизни и собственнаго опыта приведены были къ убѣжденію что политическая свобода не только полезна, но и необходима для социалистовъ какъ и для всѣхъ тѣхъ которые желаютъ провести какую-нибудь идею среди своихъ соотечественниковъ. Они должны были признать что безъ этихъ элементарныхъ правъ (свободы) социализмъ не выйдетъ никогда изъ тѣсныхъ предѣловъ тайнаго общества и не будетъ имѣть возможности получить рѣшительное вліаніе на убѣжденія народныхъ массъ.“ Вслѣдствіе этого „социалисты ослѣпли (s'arrigiarono) на терроризмъ и предприняли на свой рискъ (per conto proprio) борьбу съ автократіей“, которую положили вести до тѣхъ поръ пока правительство „не рѣшится уступить законнымъ и скромнѣйшимъ по сущности (modestissime) стремленіямъ *всей* (?) націи.“

„На этомъ пунктѣ“ совершенно молъ сходятся цѣли социалистовъ „со стремленіями русскаго общества, и террористы провозглашаютъ лишь громогласно трескомъ и пламенемъ своихъ взрывовъ то что *всѣ* (?) думаютъ про себя или лепечуть (bisbigliano) нерѣшительнымъ и испуганнымъ голосомъ... Этимъ путемъ революціонеры достигли того безцѣннаго нравственнаго преимущества которое состоитъ въ поддержкѣ общественнаго мнѣнія. И *поддержка эта со стороны наиболѣе мужественныхъ* (лицъ этого общества) *не ограничивается, конечно, одними словами.*“

Достаточно ли это ясно? Виновники кроваваго дѣла 1 марта не добиваются, какъ оказывается это теперь изъ собственныхъ ихъ словъ, ничего иного какъ той же *конституціи*, того же „праваго порядка“, о которыхъ такъ недавно еще звонили во всѣ колокола свои „либеральные органы нашей прессы“! Это для нихъ необходимый эталъ. Когда въ ту пору въ московской печати указывалось прямо на это полное тождество стремленій „либераловъ“ *легальныхъ и нелегальныхъ*, изданія извѣстнаго лагеря подымали каждый разъ неистовые клики, притворялись неумоврно оскорбленными, гоготали о „доносѣ“ и „клеветѣ“. Что скажутъ они въ настоящую пору, послѣ тѣхъ рѣшительныхъ откровеній ихъ подпольныхъ союзниковъ, *которые находимъ*

мы въ книгѣ „бывшаго редактора *Земли и Воли*“? Не указываетъ ли прямо этотъ enfant terrible русскаго революціонерства на „поддержку“ дѣла его „партіи“ со стороны „легальнаго“ конституціоннаго лагеря, — „поддержку не ограничивающуюся, конечно, одними словами“?..

Enfant terrible, дѣйствительно, скажемъ мы кстати, господинъ этотъ возводитъ цифру сочувственниковъ террористамъ среди русскаго общества до размѣровъ уже совершенно невозможныхъ. „Сотни тысячъ, быть-можетъ *милліоны*, людей разсѣянныхъ повсюду, говоритъ онъ, раздѣляютъ убѣжденія и стремленія революціонеровъ. Конечно, эта масса людей, которую можно бы назвать *революціонною страной* (Paese rivoluzionario), не принимаетъ непосредственно участія въ борьбѣ. Она *поручаетъ* (?) свои интересы и честь, свою ненависть и месть тѣмъ кто рѣшились (si prorogano) сдѣлать себѣ изъ революціи занятіе единственное и исключительное.“

На эту хлестаковщину *Вольное Слово* возражаетъ со своей точки зрѣнія что если считать всѣхъ „недовольныхъ настоящимъ порядкомъ вещей въ Россіи и желающихъ конституціи“, то численность революціонной партіи должна де дѣйствительно „выражаться милліонами“ (?), но что никакъ нельзя допустить чтобы всѣ эти недовольные и жаждущіе конституціи признавали „единственнымъ способомъ дѣйствія въ данномъ случаѣ—способъ политическихъ убійствъ...“ „Приводя факты за сочувствіе общества фракціи террористовъ, говоритъ г. Драгомановъ, можно привести много фактовъ и *противъ* него. Въ самомъ дѣлѣ, если террористы находили себѣ убежище у членовъ „общества“, то вѣдь еще большее число членовъ того же „общества“—послѣ убійства Царя, напримѣръ—тащило въ участки и било всякаго „подозрительнаго“ человѣка; мы видали какъ на петербургскихъ площадяхъ публично *далили* (sic) террористовъ. Корреспонденты заграничныхъ газетъ тряслись отъ негодованія, а въ толпѣ не нашлось *никого* (замѣтите!) кто бы чѣмъ-нибудь выразилъ сочувствіе *мученикамъ* (?) или злобу на *пьянаго палача* (?).“

Вслѣдъ за такимъ неопровержимымъ по сущности своей возраженіемъ мы могли бы обратиться къ самому издателю *Вольнаго Слова* съ вопросомъ: включаетъ ли онъ и этихъ „членовъ общества“, *тащившихъ въ участки, бившихъ и дававшихъ* на площадяхъ „*мучениковъ-террористовъ*“ въ число

тѣхъ „милліоновъ“ которые, по его исчисленію, состоятъ на положеніи „недовольныхъ настоящимъ порядкомъ вещей въ Россіи и желающихъ конституціи“?..

Что во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, это то что террористы находятъ себѣ не малое число единомышленниковъ и покровителей въ такъ-называемой „интеллигентной“ и по преимуществу петербургской общественной средѣ... Петербургъ вообще, не смотря на его „шліоновъ“ и бѣдыя, „проклятыя полицейскія ночи (maledette notti poliziesche)“, влечетъ, какъ оказывается, неотразимо „людей партіи“ на свою „воспламененную лочву (terreno infocato)“, обяательно вѣсть на нихъ своею „нервною и горячечвою жизнью подъ наружностью спокойною и холодною“. Въ Петербургѣ, дѣйствительно, всѣ они, какія бы опасности имѣ тамъ ни угрожали, чувствуютъ себя *дома*, какъ рыба въ водѣ. Изъ разказовъ о походахъ всѣхъ тѣхъ лицъ аполетомъ которыхъ состоитъ авторъ *Подпольной Россіи* мы можемъ совершенно опредѣлительно вывести заключеніе объ этой Sehnsucht по Петербургу какъ объ общей всѣмъ имѣ чертѣ. Въ Петербурга всѣмъ имѣ „скучно“ (noia); они не оставляютъ его, какъ Софья Перовская напримѣръ, даже тогда когда „чувствуютъ уже у себя на шеѣ веревку палача“; возвращаются туда, какъ „Тая“ Лебедева, въ несомнѣнной увѣренности что ихъ тамъ схватятъ, потому только что въ Москвѣ, въ иномъ мѣстѣ, имѣ „нечего дѣлать“,—не та атмосфера, не тотъ привычный ей, пропитанный чумными миазмами воздухъ, который такъ сладко дышется имѣ на берегахъ Невы... Это пристрастіе къ Петербургу, помимо своей психологической стороны, объясняется еще на практикѣ надеждой на тѣ указанныя нами выше сочувствія и дѣятельную помощь которыя привыкли тамъ находить эти люди въ извѣстныхъ, часто даже весьма вліятельныхъ сферахъ общества. Дѣйствительно, въ тѣхъ же сообщеніяхъ Степнякъ мы безпрестанно натыкаемся на какое-нибудь „лицо служебнымъ положеніемъ своимъ гарантированное противъ всякаго подозрѣнія“, на „превосходительство служащее въ высшей полиціи (una Eccellenza, nome addetto del' alte polizia)“, отъ которыхъ тотъ или другой изъ „партіи“ получалъ нужное указаніе, „добрый совѣтъ“, циркуляръ изъ „секретныхъ“, или „фотографію товарища снятую полиціей въ пору перваго его ареста“... Этого мало: въ благодатной Невской столицѣ

процвѣтаетъ цѣлая семья платоническихъ любовниковъ революціи, занимающихся спеціально укрывательствомъ *нелегальными* изъ любви къ искусству. Авторъ посвящаетъ цѣлую главу и такъ и озаглавиваетъ ее: „Gli ucrivatori, i nasconditori“. Это по искренности и безыскусственности изложенія самая интересная глава его книги. Мы познакомимъ съ нею нашихъ читателей въ скатой передачѣ:

Авторъ ведетъ здѣсь разказъ отъ своего лица. Полиція преслѣдовала его „по пятамъ“. Два раза сразу долженъ онъ былъ съѣзжать съ квартиры и добывать новый (само собою фальшивый) видъ, но покинуть столицу не рѣшался, такъ какъ „имѣлъ порученіе, которое не могъ передать никому другому“ и, кромѣ того, „любилъ этотъ городъ съ его вулканической почвой“ и т. д. Приходилось прибѣгнуть къ укрывателямъ.

„Но кто же такіе эти укрыватели?“ ставитъ онъ вопросомъ и отвѣчаетъ:

„Это многочисленнѣйшая среда (classe numerosissima) состоящая изъ людей всякаго званія, начиная съ аристократіи и высшей буржуазіи (borghesie) и кончая маленькими чиновниками различныхъ правительственныхъ вѣдомствъ включая сюда и полицію, которые, раздѣлая революціонныя убѣжденія, не принимаютъ, по различнымъ причинамъ, дѣятельнаго участія въ борьбѣ, но, пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ, сильно покровительствуютъ (solliegiano rotentemente) борцамъ, укрывая когда нужно какъ могущіе выдать ихъ бумаги и предметы (oggetti), такъ и ихъ самихъ.“

Одинъ изъ „ларціи“, носившій ключку *Дворникъ*, „спеціалистъ по части всего что относится до борьбы революціонеровъ съ полиціей и сыщиками, которыхъ онъ чуть не всѣхъ зналъ въ лицо“, отвелъ разказчика къ одному изъ такихъ доброхотовъ русской революціи.

„То былъ нѣкій совѣтникъ (consigliere) Таракановъ *, служащій въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, прозванный у насъ *Буцефаломъ* на томъ основаніи что, какъ конь Александра Македонскаго, онъ боялся собственной тѣни.

„Онъ былъ лугавъ какъ кроликъ и страшился рѣшительно всего. Не подходилъ никогда къ окну, боясь

* „Фамилія, само собою, вымышленная, какъ и всѣ подобныя встрѣчающіяся въ моей книгѣ“, предварааетъ авторъ.

сквознаго вѣтра; не перевозжалъ Невы на лодкѣ, боясь утонуть; не хотѣлъ жениться, боясь быть обманутымъ.

„Пламенный поклонникъ Чернышевскаго, онъ раздѣлялъ теоретически идеи революціонеровъ и, будучи лично знакомъ со многими изъ нихъ, охотно оказывалъ имъ услуги и былъ однимъ изъ надежнѣйшихъ укрывателей, такъ какъ служебное положеніе и еще болѣе, быть-можетъ, его безобидный нравъ ставили его вѣдъ опасности преслѣдованія. Онъ это хорошо зналъ, но тѣмъ не менѣе принималъ самыя строгія предосторожности для своей безопасности и повсюду видѣлъ шпіоновъ.

„Предваренный *Дворникъ*, Таракановъ, маленькій, толстенькій, съ одутаватымъ лицомъ, человекъ лѣтъ 35ти, ждалъ насъ въ положенный часъ. Онъ самъ отворилъ намъ дверь и послѣдшне повелъ насъ во внутренность квартиры. Предосторожность эта была совершенно излишняя, такъ какъ онъ жилъ одинъ-одинехонекъ въ своихъ трехъ маленькихъ комнаткахъ; кухарку свою онъ отпустилъ за нѣсколько дней предъ этимъ, вообразивъ что она была поставлена полиціей для наблюденія за нимъ.

„Онъ первымъ дѣломъ спросилъ насъ не видалъ ли кто какъ мы подымались по лѣстницѣ.

„— А то, знаете, жилища нижняго этажа, особа съ такими большими глазами, цвѣточница или модистка, кто ее знаетъ! Она на меня каждый разъ такъ и уставится когда я прохожу... Шпіонъ она, а увѣренъ.

„Онъ услоуколася на шигъ, узнавъ что на лѣстницѣ никого не было, но тутъ же принялъ озабоченное выраженіе и сказалъ мнѣ:

„— Во всякомъ случаѣ, выходить изъ квартиры вы никакъ не должны. Днемъ—цвѣточница, ночью—дворникъ, все шпіоны! Это очень опасно... Все что будетъ вамъ нужно я самъ буду вамъ приносить.

„Когда ушелъ *Дворникъ*, Таракановъ повелъ меня въ назначенную комнату, гдѣ я нашелъ столикъ, нѣсколько политико-экономическихъ сочиненій и диванъ имѣвшій служить мнѣ ложемъ, и оставилъ меня одного, а самъ ушелъ изъ дому, обѣщаясь вернуться въ сумерки.

„Газъ однако уже давно горѣлъ на улицѣ, а его все не было. Я начиналъ уже безлокоутиться... Но вотъ въ передней послышался щелкъ замка и онъ вошелъ ко мнѣ живъ и здоровъ.

„— Я не хотѣлъ вернуться прямо домой, объяснилъ онъ крѣпко сжимая мнѣ руку,—и потому побродилъ нѣсколько по городу...

„Мы провели вечеръ болтая о томъ и о семъ. При малѣйшемъ шорохѣ на лѣстницѣ Таракановъ прерывалъ свою рѣчь, тревожно прислушиваясь. Я старался успокоить его, говоря что никакой опасности быть не можетъ.

„— Знаю, отвѣтилъ онъ добродушно,—иначе я и не пригласилъ бы васъ. Но что вы хотите, боюсь!“

Ночью гость-террористъ слышалъ какъ хозяинъ то и дѣло переворачивался на своей постели. Пробило два, три, четыре часа, онъ все еще не спалъ...

„Утромъ звонъ чашекъ, которыя собиралъ онъ для чаю, разбудилъ меня. Я поскорѣе всталъ чтобы не заставлять его ждать.

„Онъ на себя похожъ не былъ: цвѣтъ лица зелено-блѣдный, влажные глаза, мутный взглядъ...

„— Что съ вами? спрашиваю.

„— Ничего.

„— Какъ ничего? Вы точно изъ гроба встали... И не уснули ранѣе четырехъ часовъ?

„— Скажите лучше, всю ночь не спалъ.

„— Вы больны, значить?

„— Нѣтъ, но я никогда не могу спать когда у меня есть кто-нибудь.

„Я тутъ все помалъ.

„— Послушайте, молвилъ я, взявъ его за обѣ руки,—я вамъ очень благодаренъ, но не желаю чтобы мое присутствіе причиняло вамъ дальнѣйшія непріятности и сегодня же оставлю васъ.

„— Что вы, что вы! Еслибъ я подумалъ что вы это такъ примите, я бы вамъ не сказалъ... Оставайтесь пожалуйста! Ничего!

„— Да вы дѣйствительно можете заболѣть.

„— Нѣтъ, не безпокойтесь! Я могу и днемъ выспаться, или, что еще лучше, принять лѣкарство.

„И въ самомъ дѣлѣ, какъ я узналъ въ послѣдствіи, онъ въ подобныхъ случаяхъ принималъ мораль, когда ему приходилось уже совсѣмъ не въ мочь.“

Тилъ выхваченный живьемъ изъ міра петербургскаго „либеральнаго“ чиновничества! Трусъ и шутъ, но за то „страстный

локлонникъ Чернышевскаго“ (это ли еще не достоинство!), господишь этотъ служить законному правительству своей страны (и даже, очевидно изъ того какимъ рисуется онъ намъ въ этомъ очеркѣ, ни на что иное неспособенъ какъ на эту свою департаментскую рутинную службу), получаетъ отъ него жалованье и всякія „наградныя“, чины и кресты, и въ то же время „либерально“ пригрѣваетъ и голубитъ изподтишка преступниковъ стремящихся къ гибели того самаго правительства которое его поитъ и кормитъ!.. Понятія о чести, о гражданскомъ долгѣ, о нравственномъ достоинствѣ человеческой личности до того сбиты въ нашемъ жалкомъ обществѣ что ни отдѣльно взятый „совѣтникъ Таракановъ“, ни цѣлая фаланга подобныхъ ему, нисколько не сознаетъ всей мерзости того что дѣлается ими подъ кличкой „либерализма“. Предателей изъ своей „партіи“ террористы душатъ на смерть, или обливаютъ сферою кислотой; въ русскомъ легальномъ мірѣ чиновные люди предатели своего государя и народа пользуются чуть не особымъ почетомъ...

Отъ Тараканова тотъ же *Дюрникъ* перевелъ товарища къ нѣкому Сѣрову, о которомъ повѣствуется такъ:

„Борисъ Сѣровъ, человекъ лѣтъ уже пятидесяти, былъ замѣшанъ въ первые заговоры царствованія Александра II. Въ 1861 году, состоя военнымъ медикомъ въ Казани, онъ принималъ дѣятельное участіе въ военномъ заговорѣ Ивануцкаго, нынѣ совершенно забытомъ,—какимъ-то чудомъ избѣгъ несчастной участи своихъ соучастниковъ и нѣсколько лѣтъ послѣ того переселился въ Петербургъ.

„Съ этого времени полиція постоянно слѣдила за нимъ и почти каждый годъ производила у него домашніе обыски. Десять или двѣнадцать разъ его сажали въ тюрьму, хотя всегда не надолго, такъ какъ никогда не находилось противъ него достаточныхъ уликъ. Онъ и не принималъ впрочемъ никакого дѣятельнаго участія въ заговорахъ; долгіе годы борьбы и постоянныхъ недочетовъ погасили въ немъ то что составляетъ душу всякой революціонной дѣятельности—вѣру. Энтузіазмъ его первыхъ лѣтъ преобразился въ тотъ изнуряющій скептицизмъ, который въ Россіи составляетъ общій удѣлъ образованныхъ классовъ...

„Но никакой скептицизмъ не былъ въ силахъ вырвать изъ души Бориса Сѣрова любовь и нѣчто въ родѣ культа (una specie di culto) къ тѣмъ, болѣе счастливымъ, или болѣе

молодымъ чѣмъ онъ, которые оставались въ рядахъ бойцовъ. Онъ оказывалъ имъ услуги всякаго рода: устраивалъ средства къ корреспонденціи, къ полученію запрещенныхъ книгъ и газетъ, собиралъ деньги по подпискѣ или мѣсячными дачами и т. д. Укрыватель былъ онъ единственный и давнишній, такъ что пригласилъ однажды нѣкоторыхъ друзей праздновать десятилѣтній юбилей своей удачной службы въ этой должности.

„Долгіи омытъ развилъ въ немъ необычайное чутье откровенно всего что могло грозить ему и дорогимъ ему людямъ со стороны полиціи. По одному болѣе или менѣе bravому виду городского стоящаго на углу улицы онъ заключалъ приказано ли ему или нѣтъ наблюдать за его, Острова, квартирой. По известнымъ отгвѣткамъ голоса дворника, по тому какъ тотъ приподымалъ шапку при встрѣчѣ съ нимъ, онъ угадывалъ—говорено ли ему было о немъ въ полиціи и въ какомъ смьюль и т. д.

„Чтобы дать понятіе о томъ какъ высоко цѣнимъ онъ былъ какъ укрыватель, достаточно сказать что къ нему привезена была Вѣра Засулитъ послѣ своего оправданія, когда весь городъ поставленъ былъ на ноги чтобы отыскать ее, и спасеніе ея стало дѣломъ чести для всей партіи.

„Софья Перовская, большая его пріятельница, говорила обыкновенно что когда Борисъ Островъ выставлялъ на своей двери известныи условный знакъ безопасности, можно было войти къ нему болѣе спокойно чѣмъ къ императору во дворецъ.“

Островъ былъ человѣкъ семейный, и нашъ террористъ съ перваго же раза подружился съ двумя его дочерьми, съ которыми въ пріятныхъ разговорахъ проводилъ каждый вечеръ. Это продолжалось недѣлю времени.

Но вотъ однажды, говорить онъ, хозяйня, вернувшійся къ обѣду, взглянулъ на меня съ улыбочкой и легкимъ кивкомъ головы произнесъ свое обычное въ этихъ случаяхъ словечко:

— Чуется!

— Что такое, что? воскликнули дѣвицы.

— О, пока еще ничего, отвѣтилъ онъ,—но чуется!

— Думаете ли вы что опасность близка? спросилъ я его.

— Нѣтъ, не думаю, но черезъ нѣсколько дней вѣроятно.

Во всякомъ случаѣ вамъ надо удирать.

„Противъ совѣта такого человѣка возражать было нечего. „Послѣ обѣда Стровъ ушелъ предупредить маммъ,—а въ тотъ же вечеръ я покинулъ эту любезную семью и снова, въ сопровожденіи одного пріятеля, принялся за свои странствованія.

„Черезъ нѣсколько дней я узналъ что полиція нагрянула къ Строву производить „медицинское освидѣтельствованіе“, какъ называлъ онъ ея періодическія посѣщенія. Но, не найдя ничего подозрительнаго, ушла съ пустыми руками.“

Разкащикъ между тѣмъ нашелъ пріютъ у новаго *укрѣпителя*—старухи, и притомъ иностранки. Типъ тоже недурной!

„Оттилія Горь—особа лѣтъ около 70ти. Она не Русская, говоритъ даже на нашемъ языкѣ очень дурно и не имѣетъ ничего общаго со всѣми нашими вопросами (questioni), какъ внутренними, такъ и вѣшними; тѣмъ не менѣе она вигилантка, и даже террористка, самая завзятая (agrabbiatissima).

„Исторія обращенія ея въ вигилизмъ такъ оригинальна что заслуживаетъ быть рассказанною.

„Оттилія Горь—Датчанка. Переѣхавъ, вмѣстѣ со своимъ первымъ мужемъ, изъ Риги въ Петербургъ, она вскорѣ овдовѣла и вышла во второй разъ за Русскаго, маленькаго полицейскаго чиновника. Будучи весьма вѣдомною (fantastica) особой по природѣ, составила она себѣ честолюбивый планъ добыть для мужа какое-нибудь мѣсто при дворѣ. Она отправилась для этого къ датскому посланнику просить о ходатайствѣ его на этотъ предметъ, на томъ основаніи что *первымъ* мужъ ея, полѣтка назадъ, имѣлъ какую-то *постачку* на Колевагенскій дворъ.

„Какъ легко предвидѣть, посланникъ, не имѣвшій никакого понятія ни о ней, ни о ея мужьяхъ, отказалъ ей наотрѣзъ; но такъ какъ госпожа Оттилія, владѣющая весьма упорнымъ нравомъ, начинала ему сильно надоедать, онъ позволилъ себѣ какія-то насмѣшки (alcune burle) надъ нею.

„Вслѣдствіе этого вспыхнула въ пламенной душѣ Оттиліи безпощадная ненависть къ бѣдному посланнику.

„Но какъ отмстить ему? Очевидно приходилось затаить злобу, не находя никакого средства проявить ее на дѣлѣ.

„Такъ прошли многіе и многіе годы.

„Между тѣмъ вигилисты начали свои подвиги. Внезапная мысль сверкнула въ головѣ Оттиліи. Вотъ, вотъ чего мнѣ

нужно! воскликнула она внутренно, и преисполнилась съ этой минуты глубокимъ энтузіазмомъ къ виглистамъ. Ее охватила надежда что эти люди, начавъ съ Трелова, съ Мезенцова, съ Кралоткина, непремѣнно кончатъ датскимъ посланникомъ, негоднѣйшимъ изъ всѣхъ (il più scellerato di tutti)...

„Она держала номера для студентовъ, которые всѣ болѣе или менѣе виглисты (?), и эта молодежь, посмѣявшись сначала надъ позднею политическою страстью гжи Оттиліи, кончила тѣмъ однако что должна была признать ея серьезность, такъ какъ въ полицейскихъ обыскахъ, которымъ подвергаются почти всѣ студенты (?), Оттилія дала доказательства не совсѣмъ обычнаго безстрашія и присутствія духа. Ей удалось вырывать компрометирующія книги и бумаги чуть не изъ самыхъ рукъ жандармовъ: и на допросы прокурора она отвѣчала съ находчивостью и осторожностью, достойными всякой похвалы.

„Студенты поставили ее въ сношенія съ нѣкоторыми членами организаціи, и Оттилія начала свою революціонную карьеру сначала какъ хранительница книгъ, затѣмъ корреспонденцій, и сдѣлалась наконецъ превосходною укрывательницей: ей можно было слѣпо довѣряться. Она была замѣчательно осторожна и совершенно бескорытна, что доказала во многихъ и многихъ случаяхъ.“

Къ этой „прекрасной дамѣ (ottima donna)“, въ домишко которымъ владѣла она на Каменномъ Островѣ, приведенъ былъ нашъ террористъ и у нея провелъ все время „пока полиція, озабоченная другими поисками, не успѣла забыть“ о немъ. „Вернувшись къ свободѣ и дѣятельной жизни, заключаетъ онъ, я, подъ другимъ именемъ, переселился въ другую часть города.“

Кромѣ укрывателей, на петербургской почвѣ произрастаютъ еще добротные датели на дѣло революціи. По этому случаю мы находимъ въ книгѣ разказъ не менѣе куріозный чѣмъ тѣ которыми мы подѣлились выше съ нашими читателями.

„Нѣкто П., человекъ лѣтъ сорока, хозяинъ коммерческаго заведенія, украшенный орденомъ и, сколько мнѣ помнится, даже членъ какого-то административнаго совѣта,—личность, словомъ, имѣющая отличное положеніе,—пожелалъ однажды сдѣлать террористамъ денежный подарокъ. Но такъ какъ

онъ былъ весьма подозрителенъ, то не могъ рѣшиться сдѣлать это чрезъ третье лицо и желалъ немедленно передать свои деньги въ руки кого-нибудь изъ членовъ партіи. Послѣ многихъ колебаній онъ открылся наконецъ нѣкому Н., двадцатилѣтнему другу своему. Тотъ, похваливъ его за наглѣе, предложилъ ему свести его со мною, такъ какъ этотъ Н. былъ мнѣ давно большой пріятель. П. согласился. Сумма была не велика, но и не совсѣмъ мала: около 500 рублей.

„Въ назначенный день и часъ мы съ Н. отправились къ П. У него былъ собственный домъ.

„Онъ былъ одинъ, такъ какъ семья его была на какихъ-то водахъ, а дворника и слугу своего онъ заранѣе куда-то отправилъ. Едва раздался нашъ звонокъ, онъ послѣшво кивнула внизъ отворить намъ, держа свѣчу въ рукѣ (было уже поздно). Но какъ только увидѣлъ насъ, онъ эту свѣчу задулъ. Въ глубокомъ мракѣ подмался мы на лѣстницу: это была *предосторожность*.

„Вошли въ самую отдаленную комнату втораго этажа совершенно пустаго дома; онъ зажегъ свѣчу снова.

„Начались переговоры при самомъ странномъ пріемѣ. П. никоимъ образомъ не хотѣлъ обращаться прямо ко мнѣ, повторяя:

„— Я никого не видѣлъ; никто, кромѣ господина Н., не входилъ ко мнѣ въ домъ.

„Онъ поэтому обращался исключительно къ Н., говоря обо мнѣ въ третьемъ лицѣ, будто меня вовсе тутъ не было. Я отвѣчалъ такимъ же манеромъ.

„Когда послѣ нѣкоторой прелюдіи дошла рѣчь до денегъ, П. заставилъ меня открыть большіе глаза весьма страннымъ вопросомъ (все въ третьемъ лицѣ), а именно дать ему (не отъ моего имени конечно) *заявленное письмо* на сумму которую онъ мнѣ вручить.

„— Не нахожу ни малѣйшаго затрудненія удовлетворить желаніе почтеннѣйшаго господина П., сказалъ я, обращаясь къ Н.—но попросилъ бы васъ спросить его, на что могъ бы послужить ему этотъ документъ; я никакъ понять этого не могу.

„И тотчасъ же затѣмъ услышалъ я голосъ П., сообщавшаго Н. что причина его требованія состоитъ въ слѣдующемъ: еслибы полиція, узнавъ о его *преступленіи* (crimine), явилась въ его контору и стала разсматривать его книги, она

ваша бы необъяснимый пробылъ въ кассовомъ счетѣ, а потому онъ желаетъ получить отъ меня заемное письмо.

„Выслушавъ это объясненіе, я объявилъ себя совершенно удовлетвореннымъ и готовымъ подписать все что ему угодно... Но Н. отговорилъ изобрѣтательнаго дароносца, замѣтивъ ему что мой почеркъ могъ быть извѣстенъ полиціи... Такъ это и было оставлено.

„Покочивъ съ дѣловымъ вопросомъ, П. разошелся вдругъ до того что сталъ уже прямо обращаться ко мнѣ. Помню, между прочимъ, онъ сказалъ мнѣ что не вѣрить въ возможность революціи въ Россіи, потому что Русскіе очень боязливы (раугові). „Я знаю это хорошо, применялъ онъ, такъ какъ самъ я Русскій“. Но онъ восхищался мужествомъ революціонеровъ, и вслѣдствіе этого и рѣшился „послѣ долгаго размышленія“ сдѣлать имъ этотъ подарокъ...

„Я забылъ сказать что въ продолженіе всего моего посѣщенія П. каждыя пять минутъ вскакивалъ съ мѣста и бѣжалъ къ двери посмотрѣть, нѣтъ ли за нею кого-нибудь, хотя во всемъ домѣ не было ни души и входная дверь вѣсду была залерта на замокъ. Вся эта сцена, которую я рекомендую вниманію Щедрина, фотографически вѣрна. Н. могъ бы это засвидѣтельствовать, и я ни единой строчки не прибавилъ къ ней отъ себя.“

Читатель замѣтилъ, конечно, съ какимъ презрительнымъ юморомъ, какъ бы пошевелѣ вырывающимся изъ-подъ жера разкащика, передаетъ онъ обо всѣхъ этихъ жертвователяхъ, лотатчикахъ и добрототахъ революціоннаго дѣла, аналогіи котораго посвятилъ онъ свою книгу. Какое, дѣйствительно, чувство кромѣ презрѣнія и насмѣшки можетъ внушать даже самимъ террористамъ вся эта сочувствующая имъ, никакъ-поклоняющаяся предъ ихъ „мужествомъ“, „либеральная“ среда пустыхъ болтуновъ или лолудіотовъ воспитанныхъ такою же какъ сами они невѣжественною и худосочною „прессой“, — среда лишенная всякой способности правльнаго и самостоятельнаго мышленія и утерявшая даже всякое чутье и всякое разумѣніе редной дѣйствительности!... Совсѣмъ другимъ языкомъ выражается „бывшій редакторъ *Земли и Воли*“ когда заводитъ рѣчь о „необыкновенныхъ“ людяхъ своей „партіи“. Тутъ весь онъ превращается въ риторическій экстазъ и съеть по адресу этихъ героевъ и героинь самыми безудержными хвалебными эпитетами.

„Полный страха и сомнѣнiя въ моиxъ силахъ, говоритъ онъ на примѣръ, готовуюсь я приступить къ очерку *грандиозной* фигуры Софьи Паровской“; или про Лизогуба: „Такое идеальное существо вальса себѣ представить даже въ воображенiи!...“ Мы имѣли уже случай замѣтить что эта вальщенность восхваленiй, при полномъ отсутствiи фактовъ которыми могли бы быть хотя сколько-нибудь оправданы они, производитъ впечатлѣнiе совершенно противное тому на которое очевидно разчитывал писавшiй: всѣ эти отлѣтые люди и холодные злодѣи представляются намъ еще болѣе отвратительными, и это тѣмъ сильнѣе что для ващаго првлеченiя къ нимъ сочувствiя „европейскихъ читателей“ авторъ прибѣгаетъ не разъ къ завѣдомой лжи. Такъ, на примѣръ, онъ ядовито передаетъ „слухъ“ будто преступники 1 марта, послѣ произнесенiя имъ смертнаго приговора, были, „согласно *азиатско-изумительскому совету графа Лорис-Меликова* (dietro il consiglio asiaticamente gesuitico di Loris-Melikof), подвергнуты пыткамъ въ своей тюрьмѣ“, — или уже прямо утверждаетъ будто при казни Валерiana Осинскаго „подлый (vile) *жандармъ* (?) велѣлъ оркестру войскъ окружавшихъ висѣльцу играть *ко-маринскую*, — веселую грязную лѣсню (una allegra ed oscene canzone)“....

Изъ ряда предлагаемыхъ намъ „профилей“ мы не въ состоянiи поэтому извлечь ни одной черты для сколько-нибудь положительной характеристики изображаемыхъ здѣсь личностей. Въ беллетристической формѣ, насмѣшливо замѣчаетъ по этому поводу *Вольное Слово* автору, можно двумя-тремя штрихами набросать всего человѣка, со всѣми его достоинствами и недостатками, такъ что онъ какъ живой станетъ въ воображенiи читателя; но для этого надо родиться съ умѣньемъ поставить гдѣ-то тѣ точки въ глазахъ, отыскивая которыя ломѣшался художникъ, герой одного разказа (*Портретъ Гоголя?*)“. Этому умѣнья дѣйствительно совершенно лишень составитель разсматриваемой нами книги, представляющей интересъ лишь въ тѣхъ главахъ своихъ гдѣ лишуций, не мудрствуя лукаво, ограничивается простою передачей извѣстныхъ фактовъ, вѣдомыхъ ему или по личному участию своему въ нихъ или чрезъ разказъ близкихъ ему людей... Къ такимъ главамъ принадлежитъ, между прочимъ, исторiя двухъ бѣгствъ (*Due fughe*)“, а именно Бралоткина изъ

Петербургскаго военно-сухолутнаго госпитала и Стефановича, Дейча, Бокановскаго и Фоменка изъ Киевской тюрьмы въ 1880 году. Мы передадимъ читателю о послѣднемъ изъ нихъ; о немъ въ публикѣ менѣе извѣстно вообще чѣмъ о первомъ, а кромѣ того нѣкоторыя заключающіяся въ самомъ разказѣ подробности не лишены своего рода назидательности.

Говорить одинъ изъ бѣжавшихъ, Бокановскій:

„Михайло * поступилъ въ тюрьму мѣсяцами двумя ранѣе нашего бѣгства. Поступить ему туда было дѣломъ не легкимъ и потребовавшимъ не мало времени. Ему наконецъ удалось быть туда принятымъ съ фальшивымъ паспортомъ нѣкоего крестьянина Фоменки, сначала на должность простаго дровосѣка, послѣ чего назначенъ онъ былъ сторожемъ.

„Вскорѣ расторопностью своею, усердіемъ и безупречнымъ поведеніемъ онъ вошелъ въ милость всего своего начальства. Черезъ мѣсяць онъ уже былъ назначенъ главнымъ сторожемъ одного изъ корридоровъ отдѣленія арестантовъ по обыкновеннымъ проступкамъ (delitti communi).

„Чтобы дать смотрителю тюрьмы вѣское доказательство своей преданности службѣ, Михайло, по совѣту Стефановича, отправился однажды къ начальнику съ записочкой не имѣвшею никакого серьезнаго значенія, писанною Стефановичемъ и захваченною будто бы имъ, сторожемъ, въ келии сего послѣдняго.

„Смотритель не захотѣлъ воспользоваться его довосомъ.

„Надо сказать что въ Киевской тюрьмѣ положеніе политическихъ арестантовъ было совершенно исключительное. Терроризмъ, который на первыхъ порахъ разилъ второстепенныхъ чиновниковъ, произвелъ въ Киевѣ такой лавическій страхъ что *отъ прокурора и до смотрителя тюрьмы, вся власть кто кого усерднѣе указывали за нами* (si facevano la corte a gaga), такъ какъ боялись быть убитыми по нашему первому знаку. Поэтому, узнавъ что записку писалъ Стефановичъ, самый страшный изъ всѣхъ, смотритель сказалъ: Оставь его, и ограничился этимъ. Но съ этого дня Михайло покорилъ его сердце.

* Одинъ изъ террористовъ, извѣстный подъ именемъ Фоменка; настоящая его фамилія осталась, если не ошибаемся, до сихъ поръ неизвѣстною.

„Въ наше политическое отдѣленіе, съ ухиломъ быль намъ приставленъ, смотритель поставилъ главнымъ сторожемъ вѣкового Никиту, прекраснѣйшаго человѣка, мягкаго какъ хлѣбъ (вроде some il rane). Намъ вуждо было однако избавиться отъ него во что бы ни стало, такъ какъ по всей вѣроятности на его вакантное мѣсто назначенъ былъ бы Михайло.

„Но добиться этого было довольно трудно. Добракъ не дѣлалъ намъ ни малѣйшаго зла. Мы стали тогда выдумывать нарочно всякія будто бы дѣлаемые имъ намъ обиды, на которыя жаловались смотрителю, который за нихъ упрекалъ его, бранился, грозилъ ему безо всякой дѣйствительной на ны со стороны бѣднѣаги. Но онъ, вмѣсто того чтобъ озлиться за это на насъ и какъ мы на это надѣялись и въ самомъ дѣлѣ подать намъ какой-нибудь серіозный поводъ къ жалобѣ на него, переносилъ все это съ лоянѣйшимъ смиреніемъ, говоря: Иисусъ Христосъ страдалъ—пострадаю и я!

„Мы были въ отчаяніи. Наконецъ Валеріанъ Осипскій, устроивавшій извѣстнае бѣгство, возымѣлъ добрую мысль отпраться въ трактиръ куда ходилъ Никита и познакомившись съ нимъ какъ бы случайно, предложилъ ему мѣсто конторщика на одной сахарной фабрикѣ внутри губерніи. Условія были выгодныя и дѣло состоялось весьма скоро. Получивъ деньги на дорогу и жалованье за мѣсяць впередъ Никита отошелъ отъ своей служебной должности, такъ какъ ему было сказано что онъ долженъ былъ уѣхать немедленно. Но затѣмъ явились затрудненія, отъзвѣдъ его откладывался со дня на день, пока наконецъ, когда намъ удалось уже бѣжать изъ тюрьмы, взятый у него Осипскимъ паспортъ возвращенъ ему былъ обратно при письмѣ въ которомъ сказывалось что въ немъ не имѣется болѣе нужды...

„Мѣсто его между тѣмъ оказалось такимъ образомъ свободнымъ, и смотритель дружески разговаривалъ со Стефановичемъ и Дѣйчемъ, о томъ кого бы назначить ему въ прѣсмылку*.

„— Не кажется ли вамъ что Гоменко, былъ бы совсѣмъ подходящимъ человѣкомъ?

„Стефановичъ поморщился и пробормоталъ сквозь зубы:

„— Шлюкъ!..

* Это ли еще не „гуманность“ со стороны начальства!..

„— Да что вы! отличнѣйшій человекъ! защищалъ его смотритель.

„Михайло былъ назначенъ главнымъ сторожемъ въ корридоръ политическихъ арестантовъ.

„Главнѣйшее было одѣяно. Но не все. Онъ могъ открыть намъ двери нашихъ келій, но какъ уйти четверомъ изъ тюрьмы оберегаемой военною силою?...

„Самое удобное средство уйти состояло въ томъ чтобы намъ переодѣться часовыми. Михайло изловчился добыть для двоихъ изъ насъ солдатскіе мундиры. Но двумъ другимъ приходилось оставаться въ статскомъ платьѣ. На всѣхъ насъ четырехъ былъ одинъ солдатскій тесакъ... Но мы рѣшились не ждать долѣе...

„Вечеромъ, въ назначенный день, Михайло привесъ намъ мундиры. Мы переодѣлись, затѣмъ устроили на постеляхъ нашихъ родъ манекеновъ (*fantocci*) изъ одѣялъ, чтобъ утромъ могли думать что мы спимъ.

„Въ полночь Михайло явился отпереть наши келіи. Но здѣсь встрѣтилось непредвидѣнное затрудненіе. Дежурный сторожъ, наряжавшійся на всю ночь, зашелъ именно теперь въ нашъ корридоръ и очевидно не имѣлъ никакого намѣренія уходить отсюда.

„Тогда Стефановичъ уронилъ, будто нечаянно, книгу изъ окна въ садъ и обратился къ Михайлѣ съ просьбой велѣть ее скорѣе подаять. Михайло приказалъ дежурному сторожу взять книгу и отнести ее въ контору. Пока тотъ исполнялъ это приказаніе, мы вышли безъ шума и направились къ выходу.

„Въ глубинѣ корридора произошло нѣчто ужасное: тамъ висѣла веревка отъ призывнаго колокола (*campana d'allarme*). Проходя вдоль стѣны въ глубочайшей темнотѣ я остулился о что-то. Чувствую что падаю, и инстинктивно простеръ руки впередъ, что-то коснулось моихъ пальцевъ, я ухватился за это что-то... Проклатіе! Громкій звонъ раздался по всей тюрьмѣ:—это была веревка колокола... Мы подумали что все пропало. Уже слышались топотъ и голоса караульныхъ солдатъ, послѣшво подымавшихся на этотъ звонъ. Но Михайло сказалъ чтобы мы спрятались скорѣй по разнымъ угламъ, а самъ любѣжалъ въ караульную объявить что онъ нечаянно дернулъ веревкой за бѣло колокола. Все успокоилось. Но теперь встрѣтилось новое замѣшательство. Попрятавшись въ

разные углы, мы не могли во мракѣ отыскать другъ друга. Михайло долженъ былъ долго бѣгать по корридору, пока не нашелъ насъ всѣхъ трехъ и собралъ опять всѣхъ вивствѣ.

„Отправились впередъ въ прежнемъ порядкѣ. Оставалось самое трудное—пройти въ ворота тюрьмы мимо привратника и часового. Но все обошлось отлично. На гелосѣ Михайлы привратникъ протянулъ ему безмолвно ключъ отъ каютки, а часовой изъ-подъ своей будки не обратилъ никакого вниманія на наше странное одѣяніе.

„Только что мы перешли за порогъ тюрьмы, какъ вдругъ предъ нами словно изъ-подъ земли выросъ какой-то офицеръ. Сердце у насъ дрогнуло. Но онъ приподнял свою фуражку, и мы увидѣли красивую голову Валеріана Осипскаго, который, весь сіяя, протягивалъ намъ руки.

„Онъ ждалъ насъ съ экипажемъ, чтобы вести во всю прыть къ Двѣпру, гдѣ ждала насъ небольшая лодка изготовленная для продолжительнаго путешествія и наполненная съѣстными припасами всякаго рода.

„Черезъ нѣсколько мгновеній мы плыли посреди рѣки, направляясь къ югу. Это водное путешествіе продолжалось около недѣли. Ночью мы вытаскивали нашу лодку въ прибрежный кустарникъ чтобы немного соснуть. Днемъ плыли во всѣ весла и если показывался намъ на отдаленномъ горизонтѣ дымъ какого-нибудь парохода, прятались въ камыши, растущіе въ изобиліи по берегамъ Двѣпра.

„Доѣхавъ до Кременчуга, мы встрѣтили тамъ опять Осипскаго, прибывшаго ранѣе по желѣзной дорогѣ и ожидавшаго насъ съ паспортами и всѣмъ что нужно.

„Мы узнали отъ него что весь Кіевъ былъ поставленъ верхъ дномъ (sottosopra) благодаря нашему бѣгству, такъ какъ всѣ были увѣрены что мы скрываемся въ городѣ.

„Въ тюрьмѣ о бѣгствѣ нашемъ догадались только раннимъ утромъ. Видя что съ нами исчезъ и Михайло, никто не угадалъ истины. Довѣріе которое онъ умѣлъ внушить было таково что смотритель и всѣ остальные убѣждены были что для безпрелютственнаго исполненія нашего замысла мы убили его, и повсюду разумѣется тщетно искали его тѣла.

„Только послѣ ближайшаго дознанія узнали что паспортъ его былъ фальшивый и лишь тогда уразумѣли до тѣхъ поръ необъяснимую казалась тайну происшедшаго.“

Изъ дальнѣйшихъ откровеній составителя *Подпольной Россіи* мы узнаемъ что „организация террористовъ *весьма немногочисленна*“. Приводя по этому поводу алофеегму Макиавела что въ дѣлѣ заговора вообще „большое число участниковъ портятъ его (lo guastano), а малаго не достаточно (non bastano)“, онъ восклицаетъ отъ себя съ торжествующимъ пафосомъ: „Мы видимъ однако что въ Россіи это малое число заговорщиковъ заявляетъ о себѣ достаточно грозно!“

Авторъ по этому случаю возвращается еще разъ къ „сочувствію русскаго общества террористамъ“, безъ котораго, конечно, при всей „ревности, нравственной высотѣ (!?) и энергіи этихъ *героическихъ* бойцовъ“, они не могли бы достигнуть того „блестящаго положенія которое завоевано ими въ настоящее время“... „И, въ самомъ дѣлѣ, говорить онъ, гдѣ живутъ террористы какъ не среди этого общества? Съ кѣмъ состоятъ они въ ежедневныхъ сношеніяхъ какъ не съ членами этого общества? Отъ кого получаютъ они средства, кто ихъ укрываетъ, кто оказываетъ имъ всякое содѣйствіе? Если бы террористы были простыми нарушителями общественнаго спокойствія, ихъ бы давно то же общество выдало руками и ногами представителямъ власти, или, по меньшей мѣрѣ, отказало бы имъ во всякой помощи. Но мы видимъ, напротивъ, что не смотря на всякія свои официальные изъясненія преданности правительству, оно не только не выдаетъ террористовъ, а охотно *помогаетъ* имъ, потому что *понимаетъ* что она *дѣлаетъ* на его *жизнь, общество, пользу*.“

Въ подтвержденіе этихъ положеній приводятся „нѣкоторые факты изъ революціонной жизни“:

„Надо сказать прежде всего что, какъ *заговорщики*, русскіе революціонеры, за малыми исключеніями, стоять немногаго. Русскій широкій, раслуцанный, не дисциплинированный характеръ, любовь къ *изліаніямъ* (expansion), привычка дѣлать все сообща—все это дѣлаетъ ихъ малоспособными къ строгому исполненію главнаго правила всякаго заговора, которое состоитъ въ томъ чтобы довѣрять то что до кого относится только тѣмъ кому *нужно* это довѣрять, а не всякому кому *можно* довѣрять это безъ боязни. Тилы какъ Перовская или Стефановичъ весьма рѣдки между Русскими. Революціонныя тайны поэтому сохраняются обыкновенно очень дурно, и едва изойдя изъ кружка организациі распространяются съ немновѣрною быстротой по всему нигилистическому міру,

переходя нерѣдко изъ одного города въ другой. И, не смотря на это, правительство никогда ничего не знаетъ.

„Такимъ образомъ, прежде чѣмъ стала издаваться *легалъ-ная* газета *Земля и Воля*, выходила въ Петербургѣ тайная революціонная и социалистическая газета *Начало*, издававшаяся не организаціей, а отдѣльнымъ кружкомъ людей *легалъ-ныхъ*. Весь Петербургъ зналъ ихъ и называлъ по именамъ. Но полиція хотя и отбила себѣ всѣ ноги въ поискахъ, ничего не узнала и не знаетъ до сихъ поръ, такъ что тѣ изъ сотрудниковъ этой газеты которые не скомпрометтированы потому въ другихъ дѣлахъ пребываютъ и по наши дни цѣлы и здравы.

„Продажа самаго страшнаго террористическаго изданія *Народная Воля* производится въ Петербургѣ самымъ простымъ какой себѣ только можно вообразить образомъ: въ каждой высшей школѣ и въ опредѣляемыхъ (*determinati*) кружкахъ общества, равно какъ въ главнѣйшихъ губернскихъ городахъ, состоятъ извѣстные всѣмъ люди занимающиеся этою аферой, которые, получая извѣстное число экземпляровъ газеты (отъ издателей ея), перепродаютъ ихъ всякому кто желаетъ по 25 копѣекъ за экземпляръ въ Петербургѣ и по 35 въ провинціи.*

„Другой фактъ, который можетъ показаться еще болѣе страшнымъ и тѣмъ не менѣе совершенно вѣрнымъ:

„Огромный динамитный заговоръ (*l'immensa conspirazione dinamitica*), устроенный исполнителями комитетомъ въ 1879 году—одно быть-можетъ изъ величайшихъ предпріятій (*forse la più grande delle imprese*) когда-либо организованныхъ тайнымъ обществомъ,—заговоръ этотъ по обширности своего замысла не могъ быть приведенъ въ исполненіе одними наличными силами организаціи. Пришлось взять людей со

* Если въ послѣднее время террористы встрѣчаютъ повидимому болѣе затрудненій къ распространенію своихъ листковъ,—да и о самомъ появленіи таковыхъ не стало слышно,—то мы можемъ засвидѣтельствовать что еще года подтора назадъ это производилось именно такъ какъ здѣсь сказано... Во время процесса 193 и другихъ процессовъ того времени, во всѣхъ высшихъ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ совершенно свободно продавались, между прочимъ, лонные стенографическіе отчеты о нихъ печатавшіеся въ тайной типографіи „партіи“, хотя составлялись они по всей вѣроятности лицами *легалъ-ными*.

сторона, изъ того многочисленнѣйшаго міра (*mondo vastissimo*) который стоитъ кругомъ революціонеровъ и всегда готовъ оказывать имъ услуги всякаго рода. Не удивительно что при участіи въ этомъ такого большого количества лицъ тайна замышлявшихся покушеній проникла наружу и распространилась по всей Россіи (курсивъ въ подлинникѣ). Не знали, конечно, гдѣ именно, но воѣ студенты, адвокаты и литераторы не полицейскіе (*letterati non poliziesche*) знали что Императорскій поѣздъ взлетитъ на воздухъ на пути изъ Крыма въ Петербургъ (*id.*). Объ этомъ толковали, какъ говорится, „вездѣ“. Въ одномъ городѣ открыта была даже чуть не публичная (*quasi publica*) подписка (*id.*) на этотъ предметъ, и собранныя ею деньги около 1.500 рублей были немедленно отправлены въ кассу комитета“. (Каковъ фактъ?)

„И не смотря на это полиція ничего не знала. Изъ всѣхъ шести покушеній готовившихся въ ту пору одно покушеніе Логовевки (въ Николаевѣ?) было своевременно дозволено и то по чистой случайности. Арестъ Гольдemberга съ провизіей динамита на Елисаветградской станціи, дѣло такого же случая, возбудилъ подозрѣніе что что-то готовится, и только поемъ этого были приняты предосторожности при отправкѣ Царскихъ поѣздовъ.“

„Эти и подобныя факты, которые я могъ бы распространить до безконечности, говорится въ заключеніе, даютъ мнѣ, кажется, достаточно ясное понятіе о взаимномъ положеніи правительства и революціонеровъ въ Россіи.“

Предпріятія террористовъ, по свидѣтельству автора, замышляются и организуются единственно въ предѣлахъ отечества. Русскіе эмигранты за границей, увѣряетъ онъ, не имѣютъ „никакого вліанія на оныя“ и „ничего даже не знаютъ (курсивъ въ подлинникѣ) о нихъ“, причемъ весьма пространно доказывается „европейскому читателю“ что иначе и быть не можетъ, что при той „титанической борьбѣ которую ведетъ теперь „партія“ противъ правительства *вооруженною рукою*, каждая минута важна и дорога и требуетъ быстрыхъ, немедленныхъ распоряженій, сообразныхъ съ тѣмъ что дѣлается *врагомъ* въ эту данную минуту и что при такихъ условіяхъ нельзя ожидать приказаній или совѣта изъ-за границы, не имѣя даже телеграфа въ своемъ распоряженіи?“ Вслѣдствіе этого, даже людямъ партіи самымъ энергическимъ и даровитымъ, принужденнымъ проживать за границей, „не остается

ничего дѣлать инаго какъ скрестить руки, гадя завистливымъ окомъ на дальнюю родину, гдѣ товарищи ихъ борются, умираютъ или любяждуютъ (?), между тѣмъ какъ сами они, унылые и безполезные, задыхаются въ этомъ невольномъ бездѣйствіи, чужіе всѣмъ въ этомъ чужомъ дѣлѣ.“ Какъ жалко, не правда ли?..

Европейскій читатель приглашается также не думать что „предпріятія террористовъ стоять ошшкомъ большихъ денегъ“... „Расходы борьбы такъ огромны что нигилисты какъ голодные вѣчно бѣгаютъ за сторублевою бумажкой (sempre correndo comme affamati dietro un biglietto di cento rubli). Они принуждены поэтому дѣлать все съ величайшею экономіей, часто рискуя изъ-за этого своими головами.

„Такимъ образомъ египетскія работы московскаго подкола и двухъ другихъ желѣзнодорожныхъ покушеній организованныхъ въ томъ же ноябрѣ (1879 года) стоили всего-на-все двадцать или тридцать тысячъ рублей, включая сюда поѣздки. Другія предпріятія меньшей важности обошлись еще дешевле. Такъ попытка освободить одного изъ осужденныхъ по процессу 193, организованная на широкую ногу, потребовавшая покупки пяти лошадей, экипажа, большого количества оружія и расходовъ на содержаніе значительнаго числа дозорщиковъ на-раженыхъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Курскѣ и Харьковѣ сѣднуть за каждымъ движеніемъ жандармовъ,—попытка эта, говорю, не потребовала болѣе 4.500 рублей, какъ это видно по подробнымъ счетамъ представляемымъ организаціи лицами которымъ поручено было это дѣло.

„Расходуя такъ мало, террористы принуждены собственною кожей затыкать щели которыя то и дѣло прорываются въ ихъ работѣ. Такъ при московскомъ покушеніи, за недостаткомъ денегъ, пришлось прибѣгнуть къ займу подъ залогъ того же дома откуда проводился подколъ. Надо было слѣдовательно подвергнуть себя страшному риску быть „выкрытыми“ при осмотрѣ дома городскими экспертами, что всегда дѣлается въ присутствіи полиціи,—когда работы по подколу были уже почти совсѣмъ окончены. (Въ предвидѣніи такой возможности, Перовская, по порученію товарищей, носила постоянно въ карманѣ заряженный револьверъ, изъ котораго должна была въ этомъ случаѣ выстрѣлить въ стоящую на столѣ въ комнатѣ изъ которой велся подколъ бутылку съ нитроглицериномъ и взорвать такимъ

образомъ все и всѣхъ). Самыя работы производились при наименьшихъ по возможности расходахъ.

„Достаточно сказать что земляной буравъ прибрѣтенъ былъ только въ самое послѣднее время, когда рабочіе выбились изъ силъ. Сначала все дѣлалось руками.. Для установки прямого направленія галлерей употребляли средства и инструменты къ которымъ съ пренебреженіемъ отнесся бы геодезистъ. Такъ, не было ни астролябіи, ни даже компаса съ квадрантомъ, а прибрѣтенъ былъ единственно простой дорожный компасикъ (*bussola di viaggio*), который употребляется для снятія военныхъ плановъ... Тѣмъ не менѣе однако, когда послѣ взрыва мина была изслѣдована инженерами, она найдена была очень хорошо сдѣланною.“

Одна изъ главъ книги посвящена тайнымъ типографіямъ (*stamperie clandestine*) и содержитъ довольно занимательныя свѣдѣнія. Оказывается что начиная съ 1860 года, когда появились первыя въ Россіи секретныя общества, *Земля и Воля* и *Молодая Россія*, всѣми возмущавшими одна за другою организаціями были дѣлаемы попытки завести типографіи внутри Россіи, такъ какъ заграничныя типографскіе станки не были де уже въ состояніи „удовлетворять потребностямъ все сильнѣе разгоравшагося революціоннаго движенія“,—но что „какое-то будто проклятіе тяготѣло надо всѣми этими предпріятіями: едва заведется такая типографія, тотчасъ же и принуждена закрыться“.

„Кружокъ *Каракозовцевъ* имѣлъ свою печатню, но она работала лишь въскольکو мѣсяцевъ. *Нечавуинъ* завелъ свою, но должны были все время держать ее зарытою въ землѣ, пока ее не забрали вмѣстѣ съ членами организаціи. Типографія *Долгушинцевъ* была открыта, успѣвъ напечатать только двѣ прокламаціи. Кружокъ *Чайковцевъ* обзавелся наборомъ и станочною машиной, но ему никакъ не удалось поставить ее на мѣсто, и въ теченіе пяти лѣтъ все это оставалось запрятаннымъ въ какомъ-то углу безо всякаго употребленія.

„Послѣ столькихъ неудачныхъ попытокъ учрежденіе тайной типографіи было признано всѣми не только затруднительнымъ, но и вовсе невозможнымъ, и *серіозные люди* не хотѣли даже ни говорить, ни слышать о ней.

„Но напелся мечтатель (*unsognoatore*), который, не соглашаясь съ общимъ мнѣніемъ, доказывалъ противъ всѣхъ что тайная печатня могла быть заведена въ самомъ Петер-

бургъ и что онъ беретса ее устроить если ему дадутъ на это средства.

„Назывался этотъ мечтатель Аронъ Зунделевичъ, виленьскій уроженецъ, сынъ бѣднаго Еврея-лавочника.

„Въ организаціи къ которой онъ принадлежалъ (той которая затѣмъ приняла вѣчно старое и вѣчно новое названіе *Земли и Воли*) сначала хотѣли надъ бреднями Зунделевича. Но онъ восторжествовалъ надъ этимъ недоувѣріемъ къ его идеѣ. Ему дано было тысячи четыре рубля. Онъ отправился за границу, привезъ въ Петербургъ все нужное и, намастерившись въ дѣлѣ набора, научилъ ему четырехъ человѣкъ, и съ ними основалъ въ 1877 году *вольную типографію* въ Петербургѣ,—первую заслуживающую этого имени, такъ какъ она могла работать правильно и печатать вещи большаго объема (*di gran mole*).

„Основанія на которыхъ устроилъ онъ дѣло были такъ рационально и искусно придуманы что въ теченіе четырехъ лѣтъ сряду самыя ревностныя старанія полиціи отыскать печатню оказались тщетными, пока, наконецъ, измѣна и простой случай не пришли ей на помощь“ *.

Авторъ посѣтилъ эту типографію по слѣдующему случаю:

„30 ноября долженъ былъ выйти первый номеръ *Земли и Воли*, которой я былъ однимъ изъ редакторовъ, когда партія еще не расщеплялась на двѣ вѣтви.** Въ это самое утро зашелъ ко мнѣ однимъ изъ нашихъ и разказалъ мнѣ что зайдя въ домъ Троцанскаго, въ которомъ полиція устроила мышеловку, онъ чуть не попался въ ея руки и ушелъ лишь благодаря своей прыткости (*destrezza*) и счастливой мысли пришедшей ему въ голову кричать, бѣжа во всю мочь по улицѣ: Воровъ, воровъ, лови, лови! пока полицейскіе гнались за нимъ.

„Мнѣ захотѣлось сообщить этотъ свѣжій фактъ въ имѣвшемъ выйти номерѣ, чтобы посмѣяться немножко надъ оберъ-полицеймейстеромъ Зуровымъ, который распространялъ слухъ что наша типографія никакимъ образомъ не можетъ находиться въ столицѣ, такъ какъ иначе онъ непременно открылъ бы ее.

* Рѣчь идетъ здѣсь, повидимому, объ известной типографіи въ Салернѣ переукѣ, взятой съ бою полиціей.

** Изъ нихъ террористическая, сохранившая девизъ *Земли и Воли*, и другая, отложившаяся отъ первой, принявшая названіе *Чернаго Перевѣла* и сохраняющая преданія чистаго социализма, то-есть отвергающая всякую политическую программу дѣйствій.

„Я воспользовался этимъ случаемъ посѣтить типографію, которая меня очень интересовала, тѣмъ болѣе что работавшіе въ ней настоятельно приглашали меня лобызать у нихъ.

„Типографія помѣщалась на одной изъ центральныхъ улицъ города (въ Салерномъ переулкѣ?).

„Съ величайшими предосторожностями подошелъ я къ двери и позвонилъ на условленный манеръ. Мнѣ отперла Марья Крылова. Я вошелъ умиленный (*tutto compunto*), какъ върующій въ церковь.“ (Удивительно счастливое сравненіе!)

О самомъ устройствѣ механизма типографій разкащикъ не сообщаетъ почти никакихъ подробностей, говоря только что онъ былъ „чрезвычайно простъ и все было пригнано такъ что машины и станки могли въ четверть часа времени быть убраны и упрятаны въ глубинѣ огромнаго шкала стоявшаго въ углу“,—но знакомить насъ за то съ лицами которыми велось тамъ дѣло:

„Ихъ было четверо: двѣ женщины и двое мужчинъ.

„Марія Крылова, почитавшаяся хозяйкой квартиры, была особа лѣтъ сорока лѣти. Она принадлежала къ числу старѣйшихъ и уважаемѣйшихъ членовъ нашей партіи, бывъ еще замѣшана въ заговорѣ каракозовцевъ. Посаженная въ тюрьму и приговоренная затѣмъ късылкѣ въ одну изъ сѣверныхъ губерній, она успѣла бѣжать, и съ тѣхъ поръ сдѣлалась *налогальною*. Въ типографіяхъ работала она съ самаго времени ихъ основанія, и не смотря на постоянное нездоровье и близорукость, доходившую чуть не до слѣпоты, работала отлично, пока наконецъ не была арестована на своемъ посту, какъ солдатъ съ оружіемъ въ рукахъ, въ типографію *Чернаго Передѣла*, въ 1880 году.

„Василій Бухъ, сынъ генерала и племянникъ сенатора, выдавался за родственника хозяйки. Это былъ молодой человекъ лѣтъ 26—27, блѣдный, аристократически-изящный и до того молчаливый что по цѣлымъ днямъ не открывалъ рта. У него былъ видъ на имя чиновника какого-то министерства, и онъ, на этомъ основаніи, уходилъ изъ квартиры каждый день съ портфелемъ подъ мышкой, въ которомъ заключались корректурные листы нашей газеты. Онъ служилъ связующимъ звеномъ между типографіей и вѣшнымъ міромъ.

„Третій наборщикъ, „имени вѣкамъ не передалъ“. Онъ принадлежалъ къ числу нашихъ уже года три, любимыхъ и

уважаемый всеми. Но, такъ какъ тотъ кто представилъ его *организации* тѣмъ временемъ умеръ, никто не зналъ его имени. Известенъ онъ былъ подъ прозвищемъ Птица, и никто его иначе не называлъ. Онъ застрѣлился когда, послѣ четырехъ часовъ отчаяннаго сопротивленія, типографія *Народной Воли* должна была сдать солдатамъ призваннымъ брать ее приступомъ... Такъ невѣдомымъ жилъ онъ и невѣдомымъ умеръ.

„Ему было года 22—23. У него была чахотка, и онъ это зналъ, но не хотѣлъ оставить дѣла, въ которомъ былъ очень искусенъ и трудно замѣнимъ. Положеніе его было изъ самыхъ тяжелыхъ: у него не было никакого вида, и онъ по дѣльнымъ мѣсяцамъ не выходилъ изъ квартиры чтобы не встрѣтиться съ дворникомъ.

„Четвертая особа была дѣвушка которую выдавали за горничную гжи Крыловой. Не помню ея имени. Это было существо лѣтъ 18—19, блѣнокурая, съ голубыми глазами, стройная и граціозная, которая была бы чуть не красавицей еслибы не выраженіе постоянного нервнаго возбужденія сказывавшееся на ея блѣдномъ лицѣ и производившее болѣзненное впечатлѣніе. Это было живое отраженіе того страшнаго напряженія силъ, той ежечасной кипевшей тревоги, въ которой проходило существованіе всѣхъ этихъ людей въ этомъ ужасномъ мѣстѣ.“

Въ заключеніе авторъ книги и предпославшій ей рекомендацію маститый г. Петръ Лавровъ, изъ „постелеповцевъ“ обратившійся, какъ известно, послѣ 1 марта въ *убѣжденнѣйшаго* террориста, стараются увѣрить „Европу“ въ „необходимости“ своей партіи и великомъ *будущемъ* ее ожидающемъ. „Русскому правительству не справиться съ революціоннымъ движеніемъ“, торжественно заявляютъ эти господа: „на мѣсто тѣхъ нѣсколькихъ человекъ которыхъ отъ времени до времени удастся ему захватить, явятся неустанно новые и новые бойцы. Молодежь возбужденная примѣромъ этихъ *героевъ* представляетъ изъ себя неиссякаемый источникъ новобранцевъ для партіи; недовольство общества снабдитъ ее попрежнему денежными средствами—и борьба будетъ продолжаться еще съ большою жестокостью.“

При всемъ этомъ, читаемъ мы далѣе, „надо сознаться что въ действительности рѣшительная, окончательная побѣда надъ правительствомъ посредствомъ терроризма (per mezzo

del terroгismo)—невозможна“... Террористы поэтому желают только „сдѣлать положеніе власти невозможнымъ“, и это до тѣхъ поръ „пока она не рѣшится наконецъ на уступки требованіямъ науки“ (?). Въ такомъ случаѣ наши милые господа великодушно обѣщаютъ отказаться на будущее время отъ своихъ *предпріятій* (impresa). Если же правительство вздумало бы „упорствовать“, авторъ *Подпольной Россіи* грозитъ ему нѣсколькими *исходами* (eventualita), сущность которыхъ, скажемъ мимоходомъ, при всей цинической свирѣлости сообщаемыхъ здѣсь замысловъ, содержитъ и не малую долю шутовства. „A beau mentir qui vient de loin“, можетъ легко всплывать по этому поводу французскую пословицу каждый здравомыслящій „европейскій читатель“...

Прежде всего революціонеры могутъ де приняться за „терроръ противъ правительственныхъ чиновниковъ въ массѣ“, покрыть всю Россію трупами губернаторовъ, жандармовъ, прокуроровъ и судей и сдѣлать такимъ образомъ „правительство совершенно безсильнымъ“. Такой „ударъ (colpo)“ произвелъ бы де „неотразимое (infallibile)“ впечатлѣніе, какъ это видно уже изъ того „страха который нагнали террористы совершенными ими въ 1878 году въ Кіевѣ нѣкоторыми *административными убійствами* на тамошнія власти“ (о чемъ говорится въ приведенномъ нами выше разказѣ о бѣгствѣ четырехъ политическихъ арестантовъ изъ Кіевской тюрьмы). Но тогда, молъ, „партія была еще слишкомъ слаба чтобы приступить къ борьбѣ такого широкаго объема“; въ настоящую же пору, когда она достигла будто бы „огромнаго (immenso) расширенія“, ей было бы „весьма легко сдѣлать этотъ опытъ (prova)“.

Если это окажется недостаточнымъ, террористы имѣютъ де въ рукахъ еще болѣе страшное оружіе, а именно: „терроръ аграрный“. Русское крестьянство питаетъ де „вѣковую, глубокую, безлощадную ненависть противъ всего государственнаго устройства, какъ *эманацию* (emanazione) *власти самого Царя* (здѣсь, какъ видите, разчитывается прямо на полное незнакоміе русской дѣйствительности „европейскимъ читателемъ“!), противъ бюрократіи, противъ землевладѣльцевъ и половъ присягавшихъ въ вѣрности правительству (!!!), противъ *господъ* и вообще всѣхъ тѣхъ кто носятъ *нѣмецкое платье*... Довольно было бы поэтому одной искры чтобы обратить эту ненависть въ огромный пожаръ, который

разрушилъ бы всѣ устои государства, весь существующій экономическій строй, а съ этимъ вмѣстѣ все на чемъ лежитъ печать цивилизаціи“... Наломивается по этому случаю что „террористы—всѣ социаллисты“, что они „никогда не представляли вести социалистическую пропаганду между городскими рабочими“ и что „доказательствомъ того что усилія ихъ не остались безплодными (infertuosi) служить значительная часть рабочихъ обвиняемыхъ и приговоренныхъ въ политическихъ процессахъ послѣднихъ трехъ лѣтъ“.

Предвидится де, наконецъ, еще третій исходъ: „дворцовые заговоры и coups d'état, которые могутъ быть производимы, какъ въ древнемъ Римѣ и Византіи, новыми Саянами изъ царедворцевъ и генераловъ командующихъ арміями (risum tenentis, amici!)“... Изъ этого можетъ де произойти или только „одна перемѣна деспотовъ (scambia di despoti)“, или, „если они (то-есть генералы „Саяны“) сойдутся съ нигилистами—свобода для страны“... „Во всякомъ случаѣ, говорится въ заключеніи, при кровавыхъ традиціяхъ создаваемыхъ террористами, перевороты эти будутъ менѣе всего отличаться гуманностью (saranno tutt'altro che umanitarii)“...

Мы не намѣрены, конечно, вступать въ какое-либо пререкательство по поведи заключеній и пророчествъ террориста-автора. Книга его представляетъ для насъ интересъ исключительно со стороны тѣхъ фактическихъ данныхъ о русскомъ „революціонномъ движеніи“ съ которыми онъ, купно съ Петромъ Лавровымъ, возымѣлъ счастливую мысль „познакомить Европу“. Благодаря его сообщеніямъ для насъ не остается уже ни тѣни сомнѣнія относительно *послѣдняго слова* этого „движенія“. Разочаровавшись въ сочувствіи къ себѣ народа, крестьянъ, тащившихъ „пропагандистовъ“ за шиворотъ къ ставовому, непризнавшие благодѣтели его преисполнились затѣмъ къ нему презрѣніемъ* и отажили въ сторону всякія заботы о немъ и его „благѣ“. Свою прежнюю, „социалистическую“, программу они быстрымъ вольтомъ замѣнили „политическою“ и „отълавъ изъ революціи свое специальное занятіе“, поступили на службу той

* Въ одномъ мѣстѣ книги, говоря о русскомъ обществѣ, авторъ прямо выражается такъ: „О немъ (объ этомъ обществѣ) никакъ нельзя сказать того же что про народъ, что онъ не знаетъ что ес-сорится и что делается.“

самой *интеллигенции*, какъ они говорятъ, „буржуазіи“, противъ которой еще такъ недавно направляли они свои пролитанна ядомъ стрѣлы. Въ настоящую пору террористы „трескомъ и пламенемъ своихъ взрывовъ провозглашаютъ громко“ лишь то о чемъ лепечетъ эта *интеллигенція* на столбцахъ „либеральныхъ органовъ“. Въ средѣ этой *интеллигенции* находятъ террористы въ свою очередь преданныхъ сочувственниковъ, доброхотовъ и вліятельныхъ покровителей. Она же доставляетъ имъ „матеріальныя средства“ для безпрелатотвеннаго устройства этихъ „взрывовъ“ и иныхъ „предпріятій“ имеющихъ „покрыть Россію трупами“... Такъ и будемъ знать!

LX.

Пельи, близъ Гемуи,
3 (15) октября.

ВНѢ КОЛЕИ *

РОМАНЪ

VI.

Et c'est être innocent que d'être malheureux.

Lafontaine.

Милуа страсть, и пылъ ея тревожный
Уже не мучить сердца моего,
Но разлюбить тебя мнѣ невозможно!
Все что не ты — такъ суетно и ложно,
Все что не ты — безцѣнно и мертво.

Графъ А. Толстой.

Пріѣхавъ въ О., Надя сперва остановилась въ гостиницѣ. Но въ родномъ городѣ, гдѣ протекло ея дѣтство, въ ней сильно забилось желаніе повидаться съ отцемъ, особенно въ такое время когда его постигло горе. Такъ недавно устроившееся ея собственное счастье заставило ее позабыть о причинахъ разрыва съ отцемъ, и какъ бы смыло все грустное прошлое. На слѣдующее утро она отправилась лѣвшкомъ къ Сергѣю Петровичу, но домъ оказался пустымъ. Единственнымъ живымъ существомъ въ немъ была старая кухарка, давно служившая у Альшевскихъ, да цѣпная собака, сердито залаившая на дворѣ когда Надя позвонила у подъѣзда. Молодой дѣвушка пришлось долго ждать пока ей оттерла кухарка.

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9.

— Барышня, вы ли это? обрадовалась и удивилась она.— Вотъ ужь не ждали, не гадали! И батюшка-то какъ вамъ обрадуется; все время, повѣрите ли, объ васъ сокрушался!

Надя отъ нея узнала что Сергій Петровичъ, вотъ уже болѣе недѣли, уѣхалъ въ Кіевъ по дѣламъ и его съ часа на часъ ожидаютъ.

— Да вы къ намъ, барышня, переберитесь—развѣ дома не лучше чѣмъ въ гостиницѣ. А батюшка вашъ, когда пріѣдетъ, такъ ужь радъ будетъ.

Надя рѣшилась такъ и сдѣлать и приказала свои вещи перевезти изъ гостиницы. Старое, давно забытое чувство привязанности къ отцу и покинутому дому воскресло въ ея сердцѣ. Она прошла по пустымъ комнатамъ. Затхло и грустно было въ нихъ, хотя на стеклахъ оконъ игралъ яркій лучъ южнаго осенняго солнца. Какое-то веряшливое залустьвие наполняло весь домъ, точно давно въ немъ не жилъ никто. Сильно постарѣлъ онъ за полтора года отсутствія изъ него Нади; и неодушевленные предметы, какъ люди, дряхлѣютъ иногда не по днямъ, а по часамъ. Молодая дѣвушка подумала что и владѣлецъ его, должно-быть, также почувствовалъ надъ собою за эти полтора года руку времени.

— Не узнаете вы батюшку, точно отгадавъ ея мысль, заговорила кухарка:— послѣднѣ они, сторблились.

Надя не смѣла спросить про Софью Петровну, но словоохотливая старушка и безо всякихъ разспросовъ ей все рассказала: Софья Петровна уже за шесть мѣсяцевъ предъ тѣмъ разсталась со своимъ покровителемъ, и эта размолвка, должно-быть, не мало содѣйствовала тому что прежній баловень прекраснаго пола такъ опустился за послѣднее время. Нада узнала отъ кухарки и то что Сергію Петровичу до его отъѣзда не было извѣстно про арестъ Саши. Услыхавъ объ этомъ, старуха всплеснула руками и заголосила:

— Чтò это, прости Господи! барышня-то наша—да чтò я, дура, говорю—не барышня, а княгинюшка—ее значить взяли, да въ тюрьму посадили!

Надя пробовала отъ нея разузнать, какія въ О... имѣются мѣста заключенія; но кухарка на этотъ счетъ ничего объяснить не сумѣла.

— Не знаю, барышня; вотъ не знаю. Развѣ у дворника спросить, когда вернется: послала его на зиму дровъ закупить.

Не болѣе свѣдущимъ оказался и дворникъ, но за то онъ былъ въ наипачайшихъ отношеніяхъ съ околоточнымъ и тотъ даже обявательно согласился явиться самолично и объяснить. Надѣ: „что, дескать, кутузокъ въ городѣ много; при каждой части своя, а главная, самая чтѣ ни на есть лучшая — при полицмейстерскомъ домѣ. И которыхъ велѣно хватать значить по секретному приказанію, тѣхъ больше туда и отводить. И преотлично тамъ помѣщеніе“.

Въ двѣнадцать часовъ Надя велѣла себѣ нанять извозчика и поѣхала въ судебныя мѣста. Долго она странствовала по лѣстницамъ и корридорамъ большого зданія, пока ей указали гдѣ прокурора дожидаются просители. Когда она у сторожа или у проходившаго мелкаго чиновника спрашивала про Боровскаго, тѣ на нее большею частію смотрѣли съ удивленіемъ, и недовѣрчиво посмѣивались. „Ишь къ какому важному лицу захотѣла! Да еще такая молоденькая!“ думали они вѣроятно про себя. У двери пріемной комнаты, за которою былъ кабинетъ прокурора, ее остановилъ сторожъ.

— Кого вамъ надо?

— Николая Осиповича Боровскаго.

— Его превосходительство занять. Здѣсь подождите, сурово объявилъ сторожъ.

Надя сѣла на стулъ у окна.

Было тутъ еще человѣкъ пять, тоже ожидавшихъ. Сидѣшіе за столомъ молодой секретарь и двое писцовъ, тоже молодыхъ, совсѣмъ даже не похожихъ на обыкновенныхъ писцовъ въ присутственныхъ мѣстахъ, переглянулись между собою и насмѣшливо кивнули въ сторону Нади.

Прошло полчаса. Разныя личности торопливо проходили по комнатѣ, шумно запирая за собою двери, но про Боровскаго не было и слуху. Надя встала и подошла къ секретарю.

— Позвольте васъ спросить, когда можно будетъ видѣть Николая Осиповича Боровскаго?

— Николай Осиповичъ сегодня въ засѣданіи, отвѣчалъ тотъ съ видомъ человѣка который не допускаетъ чтобы постороннимъ внутренній распорядокъ суда былъ неизвѣстенъ. — Подрудитесь подождать.

Она хотѣла опять сѣсть на свое мѣсто, но секретарь ее остановилъ:

— А вамъ зачѣмъ надо видѣть Николая Осиповича? спросилъ онъ не скрывая двусмысленной улыбки.

— По дѣлу, отвѣчала она просто, не догадываясь о его задней мысли.

— Гм, по дѣлу? Просьба, должно-быть, есть какая-нибудь?

— Да, просьба.

Секретарь опять улыбнулся и посмотрѣлъ на нее въ упоръ.

— Не знаю-съ, когда кончится засѣданіе. Должно-быть не скоро, сказалъ онъ и вдругъ принялся усердно писать. Но лишь только отошла Надя, онъ снова переглянулся съ писцами, и всѣ трое разсмѣялись.

— Воображаю, какое дѣло, ухмыляясь замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— А ничего, хорошенькая, подхватилъ другой.

Надя просидѣла въ приемной комнатѣ битыхъ два часа. Вдругъ изъ боковыхъ дверей стремительно вошелъ господинъ во фракъ съ серебрянымъ адвокатскимъ значкомъ. Надя его остановила.

— Я думаю вамъ долго придется ждать Николая Осиповича, обязательно объяснилъ ей тотъ.—Засѣданіе вѣроятно продлится до вечера. Напрасно вамъ не сказали.

И быстро, со всего размаха, поклонившись ей, онъ также стремительно вышелъ въ другія двери.

Изъ судебныхъ мѣстъ Надя лѣхала въ домъ полицеймейстера, надѣясь что-нибудь узнать про сестру. Но и тамъ ей не посчастливилось. На вопросъ о томъ гдѣ помѣщаются арестанты, услышавшіе его трое полицейскихъ разомъ посмотрѣли на нее самымъ свирѣлымъ образомъ.

— А чего вамъ надо въ арестантской-то? грубо спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Мнѣ хотѣлось бы съ родственницей повидаться.

Свирѣлое выраженіе усилилось.

— Къ арестантамъ никого посторонняго безъ особаго позволенія не пускаютъ, объявилъ ей все тотъ же полицейскій.

Надя попробовала настаивать и получить хотя бы свѣдѣніе о томъ, не содержится ли тутъ арестантка княгиня Туманова. При этомъ имени двое изъ бывшихъ тутъ чиновниковъ многозначительно переглянулись.

— По-русски говорятъ вамъ, никого не пускаютъ, былъ единственный отвѣтъ котораго она добилась.

Надя попробовала еще спросить, нельзя ли видѣть самого полицеймейстера, но ей отвѣтили что онъ принимаетъ только

до одиннадцати часовъ утра, а среда бывшаго въ комнатѣ равношерстнаго люда послышался громкій хохотъ.

Вечеромъ Нада отправила Дмитрію свое первое письмо, въ которомъ отразились испытанныя ею неудачи. Въ то же время она написала два слова Боровскому, съ просьбой принять ее на нѣсколько минутъ на слѣдующій день между двѣнадцатую и часомъ.

Николай Осиповичъ рѣдко чему-либо изумлялся, но записка Нади поразила его своею неожиданностію.

Его кратковременное знакомство съ молодою дѣвушкой казалось ему порваннымъ навсегда. И странное дѣло, когда онъ держалъ въ рукѣ присланный ею клочекъ бумаги, рука эта почему-то дрожала и непонятное волненіе заставляло сильнѣе забиться его сердце. Неужели не совсѣмъ еще скоро было мимолетное, угаснувшее чувство, на смѣну котораго давно уже пришло ожесточеніе вызванное уязвленнымъ самолюбіемъ?

Когда Боровской получилъ отъ Елены на прощанье полавшее къ ней въ руки письмо Неродовича, онъ сперва хотѣлъ имъ воспользоваться. Съ помощью его не трудно было привлечь Надю къ ответственности по политическому дѣлу. Но почти тотчасъ въ его душѣ поднялось какое-то гадливое чувство. Это не былъ голосъ возмущенной совѣсти—Боровской не допускалъ для себя такой слабости, годной разве для людей неуверенныхъ въ себя, а просто какое-то инстинктивное отвращеніе къ мелкой и скрытой мести поражающей изъ-за угла. „Я не стану орудіемъ злобы этой женщины“, почти съ презрѣніемъ сказалъ онъ себѣ; онъ вѣрно угадалъ поводы руководившіе Еленой. Еслибъ онъ потрудился глубже заглянуть въ самого себя, онъ созналъ бы конечно что въ немъ самомъ заговорила не одна гадливость, а еще болѣе можетъ-быть чувство жалости къ молодой дѣвушкѣ когда-то имъ любимой. Письма Неродовича онъ однако не уничтожилъ.

Боровской съ послѣдностію написалъ въ отвѣтъ Надѣ что въ назначенный ею часъ онъ будетъ къ ея услугамъ. Запечатавъ конвертъ, онъ вышелъ въ переднюю гдѣ дождалась присланная съ запиской Анисья. Онъ подробно разспросилъ ее, съ какихъ поръ Нада пріѣхала въ О. и долго ли она думаетъ пробыть. Анисья ничего ему не сказала про настоящую причину лутешествія Нади—она никогда про своихъ господъ ничего не передавала чужимъ. Но вернувшись домой, старушка не могла назваться Николаемъ Осиповичемъ.

— Такой онъ ласковый, говорила она,—и такъ про васъ, Надежда Сергѣевна, много спрашивалъ...

Надѣ было немного жутко отъ предстоявшаго свиданія съ Боровскимъ. Обращаться къ кому-либо съ просьбой ей всегда претило, а предъ человѣкомъ глубоко ею оскорбленнымъ это было вдвойнѣ неловко, почти тяжело. Чувство стыда и робости овладѣло ею когда она на другой день вошла въ ту самую комнату гдѣ наканунѣ тщетно дожидалась Боровскаго. За то приемъ ея былъ оказанъ совершенно иной: секретарь вскочилъ со своего мѣста, почти извинился предъ нею и побѣжалъ въ кабинетъ. Не прошло и двухъ минутъ какъ въ дверяхъ показался Боровской. Лицо его глядѣло холодно и офиціальное, какъ будто онъ собирался принять обыкновеннаго просителя. Онъ пригласилъ ее войти и пропустилъ мимо себя. Но когда они остались вдвоемъ, лицо и обращеніе его мгновенно измѣнились: офиціальная маска слетѣла. Несвойственная ему отрывистая тревога была въ его голосѣ и движеніяхъ когда онъ предложилъ ей сѣсть около письменнаго стола, пододвинувъ ей кресло.

— Чѣмъ могу я вамъ быть полезнымъ, Надежда Сергѣевна? сказалъ онъ все еще не вполне овладѣвъ собой.—Я радъ услужить вамъ.

Надя тотчасъ подмѣтила въ немъ признаки тревоги, и робость ея исчезла, какъ она всегда исчезаетъ у женщинъ соизвѣствующихъ что предъ ними робѣеть мужчина.

— Благодарю васъ, я долго васъ не задержу...

Но Боровской не далъ ей высказать свою просьбу. Онъ даже не слышалъ ея отвѣта: такъ занималъ его вопросъ о томъ что могло побудить ее пріѣхать въ О.

— Я знаю что вы здѣсь съ воскресенья: ваша горничная мнѣ вчера сказала... Вы здѣсь однѣ? то-есть... безъ вашего семейства?

— Я съ горничной.

— Какъ?! быстро воскликнулъ онъ,—и вашъ... онъ заплулся и не выговорилъ слова „женухъ“,—и Дмитрій Алексѣевичъ васъ не сопровождаетъ?

— Его мать больна, онъ не могъ ее оставить, спокойно отвѣтила Надя.

Явное удивленіе выразилось на лицѣ Боровскаго. Онъ не обратилъ никакого вниманія на извѣстіе о болѣзни Анны Григорьевны. Одна только мысль, была у него на умѣ и

читалась въ его запылавшихъ глазахъ: „Какъ могъ Дмитрій съ нею разстаться хотя на нѣсколько дней если онъ ее любитъ. Что значитъ даже мать въ сравненіи съ нею? Еслибъ она была не его, а моя невѣста...“ Тутъ уже сама мысль обрывалась у него, переходя въ какое-то неопредѣленное, но страстное чувство.

— Вы у меня не спрашиваете о предметѣ моей просьбы, опять заговорила Надя.

— Да, извините меня, я... Онъ не договорилъ.

Надя сказала ему про сестру.

— Княгиня Туманова ваша сестра? съ возрастающимъ удивленіемъ перебилъ онъ ее, и вы стало-быть...

— Я пріѣхала сюда чтобы просить за нее; а если я ничего не достигну, то затѣмъ чтобы по крайней мѣрѣ съ нею повидаться.

— Просить за вашу сестру?... Но вы конечно не знаете въ чемъ она обвиняется и какія имѣются улики?

— Я ничего не знаю... Да я и не затѣмъ пріѣхала чтобы ее оправдывать, а чтобы попытаться ее спасти.

— Мнѣ жаль что приходится васъ разочаровывать: для княгини Тумановой никто уже сдѣлать ничего не можетъ...

Боровской однако не сказалъ Надѣ что самъ онъ былъ главнымъ виновникомъ ареста Саши. Съ перваго же дня своего пріѣзда онъ повелъ дѣло съ такою энергіей что одно за другимъ были сдѣланы нѣсколько важныхъ открытій и задержаны личности которыхъ давно тщетно разыскивали. Теперь онъ былъ почти готовъ упрекнуть себя за усердіе, въ эту минуту онъ ради молодой дѣвушки охотно бы пожертвовалъ суровостью своей официальной роли.

— Позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ, Надежда Сергѣевна. Сестрѣ вашей, повторяю, вы помочь не можете. Но сами вы себя поберегите; не встрѣчайтесь съ людьми которыхъ вы знали прежде. Разорвите съ ними безповоротно, вѣдь половинныхъ разрывовъ не бываетъ.

Надя вспыхнула.

— Разорвать съ людьми не значитъ про нихъ забыть, запальчиво воскликнула она.—Какъ можете вы этого не понимать! Сестра въ опасности и оттого она стала мнѣ вдвойнѣ дорога... Да и не потому только что она мнѣ сестра; будь она мнѣ чужая, было бы то же самое... Да не въ этомъ дѣло, Николай Осиповичъ. Скажите мнѣ все подробно, зачѣмъ ее

взяли, въ чемъ она обвиняется?... Или, можетъ-быть,—съ горечью добавила она,—это канцелярская тайна?...

— Я, вы знаете, не формалистъ, Надежда Сергѣевна, отвѣтилъ Боровской, задѣтый за живое послѣдними ея словами.— Княгиня Туманова обвиняется въ раздачѣ брошюръ и прокламацій на фабрикѣ, гдѣ она жила въ поденьщицахъ подъ вымышленнымъ именемъ.—И Боровской передалъ ей какія неотразимыя улики имѣлись противъ бѣдной Саши.—Повѣрьте мнѣ я бы обрадовался возможности освободить ее отъ суда. Я, вы знаете, преслѣдую не личности, а дѣло, а она простое орудіе въ другихъ, болѣе сильныхъ рукахъ... Повторяю вамъ, ей помочь нельзя.

— Можетъ-быть. Но чѣмъ менѣе для нея надежды впереди, тѣмъ болѣе она нуждается въ утѣшеніи. Вѣдь она отрѣзана теперь отъ семьи, отъ цѣлаго свѣта. Мнѣ надо по крайней мѣрѣ съ нею проститься, все-таки ей можетъ-быть станетъ легче когда она увидитъ что ее не всѣ бросили.

Боровской снова принялся ее уговаривать:

— Ахъ, Надежда Сергѣевна, эти прощанья не утѣшаютъ никого; они только еще болѣе растравляютъ горе. А сами вы только подвергнете себя напраснымъ подозрѣніямъ...

— Какъ? перебила его Надя, вставая — вы думаете меня остановить такимъ соображеніемъ? Скажите лучше прямо что вы отказываете мнѣ въ разрѣшеніи повидаться съ сестрой.

— Я этого не сказалъ, Надежда Сергѣевна, но...

Онъ тоже всталъ и во взглядѣ его была какая-то смѣсь восхищенія ею и боязни за нее.

— А если такъ, дайте мнѣ бумагу съ которою бы меня къ ней пропустили, мнѣ сказали что это отъ васъ зависитъ. Она содержится при полиціи, не правда ли?

— Да, при полицейскомъ управленіи. Я исполню вашу просьбу. Не скрою отъ васъ однако что у насъ принято разрѣшать такіа свиданія лишь въ крайнемъ случаѣ...

Надя взглянула на него почти презрительно.

— А! вы можетъ-быть за себя болтаете, проговорила она.— Вы пожалуй нарушили бы этимъ какія-нибудь правила... начальство на это взглянетъ косо. Такъ бы вы и сказали... Я пойду къ главному начальнику края и отъ него добьюсь разрѣшенія: ему по крайней мѣрѣ нечего бояться.

Боровскаго эти слова не оскорбили. Онъ даже не обратилъ вниманія на то что было обиднаго въ нихъ для него. Его

поразила только спокойная, твердая рѣшимость молодой дѣвушки. Онъ все болѣе любовался ею.

— Ахъ, Надежда Сергѣевна, вырвалось у него восклицаніе,—еслибы вы могли стать женой человѣка такого же умнаго и сильнаго, какъ вы! Чего бы ни исполнилъ, чего бы ни достигъ вмѣстѣ съ вами такой человѣкъ. Вы созданы для того чтобы вдохновлять другихъ!..

Пылающій взглядъ, сопровождавшій эти слова, поразилъ, почти испугалъ молодую дѣвушку. Лицо ея стало вдругъ сдержанно и холодно.

— Разговоръ нашъ, кажется, затянулся, Николай Осиповичъ, сказала она.—Я не хочу злоупотреблять вашею любезностью. Если вы согласны исполнить то о чемъ я просила, потрудитесь указать мнѣ, какъ я должна поступить.

Нѣсколько мгновеній еще Боровской глядѣлъ на нее молча, стараясь побороть свое волненіе. Губы его судорожно сжались и снова поднялось въ его сердцѣ озлобленное чувство. Ея слова укололи его тѣмъ болѣе что онъ сознавалъ хорошо какъ непозволительно онъ предъ ней увлекся.

— Хорошо, Надежда Сергѣевна, проговорилъ онъ гауко,—я сейчасъ напишу для васъ нѣсколько словъ и сегодня же пошлю официальное предложеніе въ полицію.

Отрывистымъ движеніемъ онъ взялъ изъ лежавшей на столѣ дести бѣлый листъ, и перо его забѣгало по нему, послѣдственно выводя строки какимъ-то скачущимъ лихорадочнымъ почеркомъ.

— Съ этимъ васъ пропустятъ, подаль онъ ей подписанную бумагу.—Большаго я ничего для васъ сдѣлать не могу.

Она поблагодарила его и тотчасъ вышла. А Боровской, какъ ни старался онъ найти отрезвленіе въ обычной работѣ, не могъ заглушить воскресшаго чувства. Неужели, спрашивалъ онъ себя съ какимъ-то злобнымъ отчаяніемъ, единственная женщина которую онъ когда-либо любилъ останется для него всегда недоступною?

Бумага данная Надѣ Боровскимъ оказала свое дѣйствіе, когда на утро слѣдующаго дня молодая дѣвушка явилась въ полицейское управленіе. Правда, чиновникъ къ которому она обратилась недоувѣрчиво на нее посмотрѣлъ и заявилъ о разныхъ недоумѣніяхъ. Другой чиновникъ, немного покрутавъ, строго у нея спросилъ, взвѣсивъ предварительно каждое слово, написанное Боровскимъ: „Вы родственница?“ Получилъ

въ отвѣтъ что она сестра Тумановой, онъ неодобрительно покачалъ головой. Не обошлось конечно безъ нѣкоторыхъ скитаній по разнымъ столамъ, ради какихъ-то справокъ, и безъ завесекія чего-то въ какую-то книгу: извѣстно что безо всего этого шагу нельзя ступить въ любомъ присутственномъ мѣстѣ. Но все-таки послѣ этихъ мытарствъ ей дали требуемое разрѣшеніе, и полицейскій провелъ ее въ ту часть зданія гдѣ содержались заключенные.

Арестантская помѣщалась въ особомъ флигелѣ полицейскаго дома. Съ виду она не представляла ничего внушительнаго. Въ довольно широкомъ корридорѣ, съ грязнымъ войлочнымъ половикомъ, за маленькимъ столомъ сторожъ мирно доливалъ чай. Отсюда рядъ дверей, совершенно обыкновенныхъ, выбитыхъ и не особенно чистыхъ, велъ въ арестантскія камеры. У главнаго входа стоялъ часовой, солдатъ изъ мѣстной команды. Другой такой же солдатъ, съ удивительно тулымъ, скучающимъ лицомъ, шагалъ взадъ и впередъ по корридору. Полицейскій сопровождавшій Надю переговорилъ со сторожемъ и между прочимъ сказалъ что „имъ вотъ разрѣшено на полчаса имѣть свиданіе съ арестанткой Тумановой“. Сторожъ еще разъ глотнулъ чаю, кракнулъ и пробормотавъ: „№ 7, значитъ“, отворилъ одну изъ низкихъ дверей. Надя вошла въ узкую комнатку съ каменнымъ поломъ и залачканными стѣнами, плохо освѣщенную маленькимъ, высоко пробитымъ въ стѣнѣ окномъ.

На кровати сидѣла молодая женщина и что-то читала. На ней было черное шерстяное платье, безъ воротничка и рукавчиковъ, отчего кожа на шеѣ и кистяхъ рукъ прижимала какой-то смуглый, неопредѣленный оттѣнокъ. Лицо казалось усталымъ; на щекахъ не было и тѣни румянца.

— Нада! воскликнула она поджавъ голову и увидавъ бросившуюся къ ней сестру. Онѣ крѣпко обнялись. Но почти тотчасъ затѣмъ какой-то страшный стихъ напалъ на Сашу Туманову. Она вдругъ будто застыдилась овладѣвшаго ею прилива нѣжнаго чувства и высвободилась изъ обхватившихъ ее рукъ Нади.—Нѣтъ, зачѣмъ это, Нада, проговорила она, отстраняя сестру,—что это мы съ тобой разнѣжничались, точно институтскія подруги. Поцѣловались разъ и будетъ. Ты мнѣ лучше скажи, какъ ты сюда попала и до меня добралась.

Нада грустно оглядѣла исхудалый, угловатый обликъ недавно еще хорошенькой сестры и пожелтѣвшее лицо, черты

котораго приняли какое-то неестественное, ожесточенное выраженіе.

— Ну, хорошо, а тебѣ надождать не буду, и времени у насъ къ тому же немного...

Надя сказала ей про письмо Туманова.

— Ахъ, это Левка тебя сюда вызвалъ (Туманова въ кружкѣ всѣ называли этимъ уменьшительнымъ именемъ). Какъ это онъ собственнымъ умомъ дошелъ и тебя даже уговорить сумѣлъ...

Надю неприятно поразила рѣзкость тона сестры, въ которой она чувствовала что-то напускное.

— Ахъ, Саша, да вѣдь онъ такъ къ тебѣ привазаваъ, съ укоромъ проговорилъ она.

— Да, я знаю что привазаваъ. Онъ добрый такой. Сметки, правда, немного, да это ничего... И я къ нему привазама— ты не думай.— Саша даже расхохоталась при этихъ словахъ, но хохотъ ея мгновенно осѣкъся, и озлобленное, жесткое выраженіе опять показалось на губахъ.— Ты стало-быть, такъ-таки и пріѣхала. Ну, спасибо...— Она странно, почти насмѣшливо взглянула на сестру.— Не думала я что ты изъ-за меня побезхлокопшься...

У Нади почти слезы навертывались на глазахъ. Это свиданіе, котораго она такъ добивалась, приносило съ собой одни тяжелыя впечатлѣнія, совсѣмъ даже помимо той грустной обстановки въ которой она заставляла сестру.

— Ахъ, Саша, плохо же ты меня знаешь, сказала она вздохнувъ и снова обвила рукой стаяъ молодой женщины.— Бѣдная, милая моя. Неужто мнѣ о тебѣ не пожалѣть, да не попробовать хоть сколько-нибудь тебя утѣшить?

— Ницѣй мнѣ жалости не надо, гнѣвно возразила Саша,— и утѣшеній твоихъ я не прошу. Вотъ еще, милости оказывать мнѣ вздумала! Сама знаю что приходится заваренную кашу расхлебывать. Видишь, я не жалуясь.

На лицѣ молодой женщины напряженное выраженіе еще усилилось. Видно было что она старалась придать себѣ настоящую спартанскую твердость. У Нади еще больше сжалось сердце. Она просидѣла нѣсколько секундъ молча, не глядя на сестру, и потомъ стала спрашивать Сашу какъ и отчего произошелъ ея арестъ.

— Отчего? Съ тою же желчною и упрямою ironіей проговорила Саша, — спроси лучше, отчего меня раньше не

трогаи.—Она видимо гордилась своимъ положеніемъ.—А впрочемъ, изволь, разкажу.

Сама даже оживилась немного, передавая сестрѣ подробности своей жизни въ подпольной средѣ. Ей какъ будто было пріятно объ этомъ разказывать. Потомъ она перешла къ описанію ареста и начатаго уже слѣдствія.

А здѣсь мнѣ не худо, закончила она:—обходятся ничего, вѣжливо; кормятъ тоже не дурно. Сыровато только здѣсь немного, ну да сама знаю, не дворецъ здѣсь. На то наша сестра и идетъ. Не то что ты вотъ, бѣлоручка, на полпути свернула, чтобы съ барами жить...

Надя хотѣла что-то отвѣтить сестрѣ, но встрѣтивъ притальный, холодный взглядъ Саши, она не рѣшилась выговорить то что просилась къ ней на языкъ. Молодая женщина къ тому же тотчасъ перешла на другую тему.

— Главное, есть книги и бумага, писать не мѣшаютъ, а чтенія вдоволь—дѣльнаго чтенія.

Надя взглянула на толстую книгу лежавшую возлѣ сестры на кровати. Это былъ томъ *Біологій* Спенсера въ русскомъ переводѣ.

— Неужели это помогаетъ тебѣ справиться съ горемъ? невольно спросила Надя, хорошо знавшая что въ прежнее время Саша вовсе не была охотница до такой неудовоарительной умственной пищи.

— А ты бы мнѣ посовѣтовала что-нибудь душевспасительное читать? желчно разсмѣялась Саша. Но тутъ вдругъ не стало ея напускной суровости, будто пружина какая-то въ ней лопнула. Слезы неожиданно хлынули изъ ея глазъ, и всхлиывая, въ припадкѣ нервнаго возбужденія, она прильнула лицомъ къ плечу младшей сестры. Та притянула ее къ себѣ, нѣсколько разъ поцѣловала ее въ лобъ и принялась ее ласкать, какъ мать больное плачущее дитя.

— Ахъ Надя, Надя! Я такъ несчастна! Не вѣрь всему тому что я говорила... и насчетъ тебя въ особенности. Я такъ рада что ты пришла...

Слезы заглушили ея голосъ. Надѣ вдругъ припомнились поразившія ее недавно слова: „Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся...“ и она попыталась открыть предъ сестрой этотъ путь къ утѣшенію и миру.

— Дай волю слезамъ, говорила она сестрѣ.—Не крѣпись, какъ ты вотъ сейчасъ дѣлала. Вѣдь это была искусственная

твердость. Повѣрь мнѣ, другъ мой, легче станетъ. Наказанія вѣчныя не бываютъ...

— Какъ? Ты хочешь еще чтобъ я себя виновною признала, съ новымъ приливомъ гнѣва возразила Саша,—да пожалуй у начальства прощенія стала просить...

Саша не поняла сестры.

— Ну коли ты безъ вины терлишь, мягко отвѣтила Надя,—тѣмъ легче тебѣ утѣшиться, тѣмъ меньше терлѣть придется.

— Да что ты мнѣ за басни рассказываешь? какъ будто я не знаю сколько изъ нашихъ годы цѣлые по тюрьмамъ сидятъ да на каторгѣ. Великихъ милостей прикажешь ожидать что ли?

— Милостей, да не оттуда. Скажи себѣ только что ни одинъ приговоръ не можетъ состояться безъ цной, высшей воли...

— Да что ты за ахинею несешь?! не лоститься ли ты мнѣ прикажешь послѣ этого?

Саша встала, отерла слезы и положила руки на плечи сестры.

— Есть небесная справедливость, скажешь ты? Такъ зачѣмъ же тогда вотъ ты, Надя, счастлива и богата; пожалуй себѣ еще жениха найдешь, а я въ грязномъ чуланѣ заперта? И коли на то пошло, развѣ ты не такъ же виновата, какъ я. Благоразумно только оломилась вовремя...

У Нади слова сестры отозвались укоромъ ея чуткой совѣсти. Да, ей тоже казалось что она не имѣетъ права на лучшую судьбу, чѣмъ сестра.

— Вотъ видишь, сказала она однакожь, помолчавъ немного,—если моя жизнь измѣнилась къ лучшему, развѣ и для тебя невозможно поворотъ?

Саша вздохнула.

— Отсюда не вывернешся, чуть слышно пробормотала она.—Поздно.

— Кто знаетъ? Можетъ-быть и удастся что-нибудь для тебя сдѣлать. Говорятъ, тѣхъ прощаютъ которые...

— Раскаиваются? перебила ее Саша:—а потомъ на нихъ пальцемъ указываютъ...

Но все-таки, не смотря на эту попытку выказать стойкость, надежда словно блеснула въ сердцѣ Саши.

— Горько, Надя. Очень горько... И мужа мнѣ жаль. Онъ добрый, добрый... Да и отца тоже, хоть мы съ нимъ и не видѣлись давно. Что онъ, знаетъ?... Нѣтъ? Ну, тѣмъ лучше. Когда онъ вернется, ты его сперва подготовь—больше ему будетъ очень. А теперь вотъ о чемъ надо мнѣ тебя

попросить,—вдругъ перемѣнивъ голосъ продолжала Саша.—
Согласишься ты повидаться съ моимъ мужемъ?

— Еще бы! воскликнула Нада.

— Да, вѣдь, дѣло совсѣмъ не простое, и даже не вполнѣ
безопасное. Охъ, должно-быть, теперь на квартирѣ Гольд-
штейна. У насъ было давно рѣшено туда перебраться если
насъ потревожатъ. И оба они конечно не подъ настоящими
именами живутъ: Гольдштейнъ называется мѣщаниномъ
Абрамомъ Вадзинскимъ, а мужъ цеховымъ Александромъ
Пунынымъ. Тебѣ, я знаю, непріятно будетъ съ Гольдштейномъ
свидѣться—вы никогда друзьями не были. Да и не его одного
ты тамъ встрѣтишь. Варя Покровская здѣсь—Дунькой прозы-
вается, и Бульдогъ тоже. (Это было прозвище Неродовича.)

У Нади брови дрогнули при этомъ имени, но она ничего
не возразила.

— Да, наклеывалось какъ будто здѣсь дѣло, продолжала
Саша,—да помѣшали. Ты, стало-быть, все-таки согласна? Ну
такъ ты имъ скажи.. а вѣтъ, лучше я имъ напишу, вдругъ
рѣшилась она, оторвала изъ лачки клочекъ грубой сѣрой бу-
маги и принялась на немъ писать карандашомъ.

— Что это, шифрованное? воскликнула Нада, получивъ
отъ сестры записку.—Нѣтъ, какъ хочешь, мой другъ, а ши-
фрованного письма я не передамъ.

Саша изумилась.

— Не передамъ, потому что это значило бы злоупотреблять
довѣріемъ.

Дѣлать было нечего. Хоть эта щелетливость показала
Сашѣ очень глупо, она рѣшилась сообщить Надѣ содержа-
ніе записки. Сашѣ удалось при помощи другой арестантки,
съ которою она познакомилась гуляя по двору, найти средство
сообщаться съ друзьями остававшимися на свободѣ. Перелиску
соглашался доставлять сторожъ, конечно не изъ одной лю-
безности, и оставалось только опредѣлить способъ и мѣсто.

— Можеть-быть ты маѣ сюда и отвѣтъ привнесешь? доба-
вила Саша.—А пока ты мужу хотя двѣ строчки отъ меня
доставь, чтобъ онъ зналъ что я жива и пока здорова.

Едва успѣла Саша исписать второй клочекъ бумаги, какъ
въ дверяхъ показался сторожъ и объявилъ ухмыляясь что
барышня вотъ ужъ изволить цѣлый часъ здѣсь находиться,
хоть всего на полчаса было разрѣшено.

Нада снова обняла Сашу, хоть и не такъ ужъ вѣжно какъ
въ первый разъ; она дала сторожу цѣловый на чай и

поспѣшила выйти на улицу. Пока она шла домой, ее неотвязно преслѣдовала мысль о страшномъ неравенствѣ ея жизни съ судьбой бѣдной сестры. Ей вдругъ показалось что она не имѣетъ права на свое счастье, что она какъ будто обманомъ присвоила себѣ чужую долю земныхъ радостей. Долго не могла молодая дѣвуха отогнать эту мысль; она словно стерегла бѣдную Надю на каждомъ шагѣ и насмѣшливо ей шептала что незаконное счастье не прочно.

VIII.

Der Worte sind genug gewechselt,
Lasst uns nur endlich Thaten sehn.

Goethe.

Саша Туманова сообщила сестрѣ адресъ Гольдштейна. Но отыскать его квартиру оказалось дѣломъ нелегкимъ. Мѣщанинъ Абрамъ Вадзинскій услѣлъ уже переимѣнить мѣсто жительства: нелегальная жизнь по необходимости кочевая. Дворникъ того дома изъ котораго выѣхалъ Гольдштейнъ далъ Надѣ самыя сбивчивыя указанія. Она почти противъ воли продолжила свои поиски, тѣмъ болѣе что возвращеніе ея въ Бѣлые Столбы все отсрочивалось. Надя сознавала что женихъ не одобрилъ бы этихъ новыхъ сношеній съ прежнимъ кружкомъ Неродовича, и въ письмѣ отправленномъ къ нему послѣ свиданія съ Сашей молодая дѣвуха не объяснила Дмитрію почему замедлила свой отъѣздъ. Да и сама она чувствовала что порученіе сестры очень сомнительнаго свойства: въ сущности это было почти то же что передача шифрованного письма. Но вѣдь нельзя же ей было отказать Сашѣ въ ея просьбѣ: отношенія жены къ мужу въ глазахъ Нади стояли выше всякихъ иныхъ соображеній. Вообще съ тѣхъ поръ какъ Надя пріѣхала въ О..., она сознавала что ее опутываютъ какія-то невидимыя сѣти и незамѣтно втягиваютъ въ ту среду изъ которой она освободилась съ такимъ трудомъ. Словно какая-то таинственная, злая сила влекла ее туда, куда ей идти не хотѣлось. И внутренній, насмѣшливый голосъ шепталъ ей что не въ ея власти освободить себя отъ этой силы, что со своимъ прошлымъ раздѣлаться нельзя, какъ нельзя прервать и запрудить теченіе сильной рѣки.

Цѣлые два дня Надя провела въ поискахъ квартиры Гольдштейна. Только въ пятницу вечеромъ она пала на

настоящій слѣдъ. Абрамъ Вадвинскій помѣщался въ четвертомъ этажѣ большаго дома, одиноко стоявшаго среди низкихъ строеній отдаленной части города. Она поднялась по узкой, грязной лѣстницѣ. Иза-за дверей квартиры слышалось нѣсколько голосовъ. На звонокъ молодой дѣвушки долго не отвѣчали. Потомъ послышались чьи-то осторожные шаги, и незнакомый голосъ спросилъ изъ-за двери: „Кто тамъ?“ — „Отворите! Нада Ольшевская“, сказала она, и въ отвѣтъ тотчасъ щелкнулъ замокъ. Сальный огарокъ, который держалъ въ рукѣ отворившій ей человекъ, плохо освѣщалъ маленькую, темную передую, но молодая дѣвушка тотчасъ узнала желтое, безжизненное лицо и курчавую черную бороду Левана Туманова; онъ измѣнилъ голосъ заговаривая съ нею чрезъ дверь.

— Вотъ не ждалъ, не гадалъ, негромко поздоровался онъ съ нею, помогая ей снять накидку.— Неужели вслѣдствіе моего письма вы сюда пріѣхали?—Что-то недовѣрчивое слышалось въ его голосѣ. Она кивнула головой.— Войдите, здѣсь все свои, знакомые.

Въ небольшой комнатѣ, освѣщенной керосиновой лампой, да огаркомъ воткнутымъ въ бутылку, три человека сидѣли вокругъ покосившагося стола, на которомъ шилъ въ небольшой мѣднѣй самоваръ. Комната была низкая и въ ней тяжело дышалось отъ табачнаго дыма, не смотря на то что было раскрыто окно, выходившее во дворъ. Меблировка состояла всего изъ стараго кожанаго дивана, да трехъ, четырехъ плетеныхъ стульевъ. Въ женщину сидѣвшей на диванѣ, съ папироской въ зубахъ, Нада узнала Варю Покровскую. Она не похорошѣла съ тѣхъ поръ какъ Нада съ нею рассталась въ Москвѣ. Рядомъ на стулѣ сидѣлъ нашъ старый знакомый Брусовъ и тоже курилъ папироску. У Туманова въ рукѣ была коротенькая глиняная трубка, испускавшая необыкновенно зловонную струйку голубоватаго дыма. Не курилъ одинъ только хозяинъ квартиры Гольдштейнъ, сидѣвшій на другомъ концѣ дивана и неподвижно слушавшій какой-то оживленный разговоръ Брускова.

— Представьте себѣ: Нада! воскликнулъ Тумановъ, входя со своею невѣсткой изъ передней.

Присутствующіе повидимому не особенно удивились ея появленію; по крайней мѣрѣ они этого ничѣмъ не выказали. Никто не двинулся съ мѣста. Варя небрежно кивнула головой, пробормотавъ сквозь зубы: „Давно не видалась“. Брусовъ

насмѣшливо освѣдомился, благополучно ли она изволила совершить свое путешествіе, а Гольдштейнъ равнодушно спросилъ: „чаю не хотители?“

Надя отъ чаю отказалась.

— Какъ хотите; я подчивать не люблю и не умѣю. Садитесь, пожалуйста.

Онъ указалъ рукой на стоявшій противъ нея стулъ. Одинъ Тумановъ, казалось, обрадовался Надѣ. Когда Брусковъ захотѣлъ, какъ будто ничего не случилось, продолжать свой разказъ, Тумановъ его остановилъ:

— Да погоди же, услѣжь. Дай ее разспросить. Поинтереснѣе будетъ, чѣмъ тебя слушать.

Брусковъ пожалъ плечами.

И то правда, сказалъ онъ вполголоса,—что при чужихъ лучше держать языкъ за зубами. Какъ вы на этотъ счетъ полагаете, Варвара Ивановна?

— Вы лучше намъ скажите, видѣли вы Сашу? спросилъ у Нади Тумановъ.

— Третьяго дня видѣла.

И Надя усѣвшись принялась разказывать. Тумановъ ее то и дѣло перебивалъ разспросами; остальные трое слушали молча, какъ будто даже равнодушно.

— И такъ-таки васъ пустили туда, ядовито вставила Варя, когда она кончила,—скажите пожалуйста. Сейчасъ видно что протекція есть.

— Боровской-то, вѣдь, имъ другъ и пріятель, насмѣшливо отозвался Брусковъ,—помните, я же говорилъ...

Надя не обращала вниманія на явную враждебность къ ней присутствующихъ. Отправляясь къ этимъ людямъ, молодая дѣвушка съ трудомъ осилила свое отвращеніе къ нимъ; но она сознавала что исполняетъ добровольно принятую на себя обязанность. И это чувство возвышало ее надо всѣмъ тѣмъ что могла она услышать обиднаго.

— Я имѣю къ вамъ порученіе отъ сестры, заговорила опять Надя обращаясь къ одному Туманову, и передала ему про открытую Сашей возможность переписываться съ нею.

— Молодецъ, Саша! воскликнулъ онъ:—и спасибо вамъ, спасибо.

Прочіе однако не выказали особой радости.

— А позвольте узнать, Надежда Сергѣевна, спросилъ Брусковъ,—кто же передастъ нашъ отвѣтъ? Вы, можетъ-быть?

— Я, коль это будетъ нужно.

— А, а, вотъ какъ! Прекрасно. Стало-быть мы-то сдуру заведемъ эту переписку, а насъ потомъ и прихлопнутъ всѣхъ. Ловко придумано.

Тумановъ остолбенѣлъ услышавъ это. Онъ не совсѣмъ понималъ смыслъ того на что намекалъ Брусковъ, но въ то же время у него тотчасъ зародилось полусознательное недовѣріе къ Надѣ. Молодая дѣвушка встала и вся выпрямилась. На ея блѣдномъ лицѣ не было и кровинки. За то глаза блестя отъ негодовавія.

— Что вы хотите сказать? уставилась она на Брускова.

— Да то, Надежда Сергѣевна, что такому посреднику какъ вы вотъ, довѣриться трудно.

— Правда. Совершенная правда, поддакнула ему Варя.— Хороша ваша невѣстка, обратилась она къ Туманову, шпионкой стала. Да впрочемъ я ее давно знаю, удивляться тутъ почему...

Тумановъ въ недоумѣніи водилъ глазами по сторонамъ.

— Да какъ вы смѣете это говорить, почти беззвучно вырвалось у Нади.

Какъ ни велико было въ ней чувство собственной правоты, этого было уже слишкомъ. Не оскорбленіе она чувствовала, а какое-то гнѣвное сознаніе несправедливости.

— Да какже-съ, Надежда Сергѣевна, не смущаясь продолжалъ Брусковъ,—сами посудите: въ Бѣлыхъ Столбахъ вы измѣнили намъ самымъ безцеремоннымъ образомъ, перешли, такъ-сказать, въ непріятельскій лагерь, и по вашей милости Василия Триумфорова арестовали, а потомъ и мы съ Неродовичемъ чуть-чуть не попались. А здѣсь, едва только вы явились, всѣ дороги вамъ открыты и вамъ оказываетъ любезности тотъ самый Боровской котораго мы своимъ заклятымъ врагомъ считаемъ. И вы все еще хотите чтобы мы васъ принимали какъ одну изъ нашихъ?

— Нѣтъ воскликнула Нада,—я не изъ вашихъ и никогда вашею не буду. Послѣ того чему я была свидѣтельницей въ Бѣлыхъ Столбахъ, я ничего уже не хочу имѣть съ вами общаго!

— Что и требовалось доказать, насмѣшливо поклонился ей въ отвѣтъ Брусковъ.

— Беззащитчиво по крайней мѣрѣ, сквозь зубы процѣдила Варя.

Теперь Гольдштейнъ, до того сидѣвшій молча и угрюмо, быстро всталъ и обратился къ Надѣ съ запылавшими глазами. Онъ вдругъ какъ бы весь преобразился.

— То что вы сейчасъ высказали, проговорилъ онъ зашептывшимъ голосомъ,—мы всё знаемъ давно. Но пора и вамъ узнать наше мнѣніе на вашъ счетъ. Вы отрекались отъ вашего дѣла какъ разъ въ ту минуту когда вы могли ему помочь; а теперь пришли сюда чтобъ явно бравировать предъ нами, потому что считаете это дѣло проиграннымъ. Съ нами, думаете вы, можно разорвать безнаказанно. Такъ знайте же что такое поведеніе признается всѣми порядочными людьми позорнымъ. За вами останется общее презрѣніе всѣхъ тѣхъ кого вы прежде считали товарищами.

— Вы сами къ намъ напросились, Ольшевская, вспомните это, добавила Варя.

— Эхъ, да что вы слова теряете, нетерпѣливо ввернула Брусковъ.—Очень заботится Надежда Сергѣевна о нашемъ уваженіи.

Надя взглянула на Туманова. Она думала что по крайней мѣрѣ онъ вымолвить хоть слово протеста—вѣдь онъ зналъ что она не колеблясь совершила длинное путешествіе, вызванное его письмомъ. Но Тумановъ не отвѣчалъ на ея взглядъ, молча опустилъ голову. Глаза Нади блеснули гнѣвомъ.

— И вы заодно съ ними, сказала она шуршму.—Ну, такъ знайте же и вы что со всѣми вами связываетъ меня только сестра, а не будь ея, я бы пальцемъ не шевельнула ни для кого изъ васъ..

Проговоривъ это, она быстро направилась къ двери.

— А съ Неродовичемъ повидаться не хотите? разсмѣялась ей вслѣдъ Брусковъ.—Онъ будетъ сейчасъ сюда.

Тумановъ, какъ бы оломившись, бросился за Надей и хотѣлъ проводить ее до улицы. Но она уже успѣла накинуть свои вещи и выйти на лѣстницу.

— Благодаря вамъ однако, сказалъ Тумановъ, вернувшись въ комнату,—мы теперь лишены возможности воспользоваться предложеніемъ Саши. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ подрѣваете Надю?

— Разумѣется нѣтъ, отозвался Гольдштейнъ.—Да помимо ея, не безопасна эта переписка съ помощью сторожа. Кто знаетъ, можетъ-быть его и начальство въ тюрьмѣ подучило. По моему, лучше отказаться отъ нѣжничанья съ женой чѣмъ полѣзть въ мышеловку.

— А я такъ думаю, вмѣшалась Варя,—что Надя шлювка; я ей никогда не довѣряла.

Поднялся сморь, который вѣроятно бы долго затянулся еслибы не прервалъ его слабо раздавшійся звонокъ.

— Это бульдогъ, должно-быть, сказалъ Брусковъ.—Только не говорите ему пока что здѣсь Нада была, а то путнаго слова отъ него не добьетесь.

Это въ самомъ дѣлѣ былъ Неродовичъ. Онъ замѣтно осунулся и постарѣлъ за послѣдніе мѣсяцы.

Левъ Александровичъ швырнулъ круглую войлочную шляпу на стокожанникъ и потянулся къ чайнику чтобы налить себѣ стаканъ.

— Что, бурда эта совсѣмъ остыла? брезгливо сказалъ онъ, увидавъ въ стаканѣ мутную жидкость съ плавающими въ ней крупными листьями чаю.

— А вы, должно-быть, съ плохими вѣстями? отозвалась Вара.

— Я даже съ прямымъ рѣшеніемъ, глотнувъ чаю, объявилъ онъ: — здѣсь намъ житья вѣтъ отъ Боровскаго: еще взяли двоихъ сегодня. Надо отсюда убираться. Да и вдобавокъ новое дѣло отыскалось. Я совершенно случайно попалъ сегодня на такой богатый слѣдъ что лучшаго и желать нечего.

Неродовичъ разказалъ, какъ общій знакомый свелъ его съ прикащикомъ одного владимірскаго фабриканта, оказавшимся совершенно готовымъ къ воспріятію новыхъ идей.

Я съ нимъ и сговорился. Малый не то чтобъ ужь очень дальній, за то душа на раслашку. Наймемся мы къ нему на фабрику и будемъ жить какъ у Христа за лазухой. Онъ намъ прямо конторскія должности обѣщалъ: дѣло крупное—бумаго-прядильня.

Заявленіе Неродовича было встрѣчено гробовымъ молчаніемъ.

— Вамъ это какъ будто не нравится, сказалъ онъ, удивленный тѣмъ что не встрѣтилъ ожидаемаго сочувствія.

— Не то чтобы не нравилось, а говоришь ты совершенно пустое, отчеканилъ ему въ отвѣтъ Гольдштейнъ. Онъ былъ въ этотъ вечеръ какъ будто коноводомъ остальныхъ.

Неродовичъ не привыкъ встрѣчать такой явный отпоръ и посмотрѣлъ на Гольдштейна съ изумленіемъ.

— Да, да, продолжалъ тотъ, — совершенно пустое. Пропаганда наша яйда выѣденнаго не стоить. Довольно мы съ ней промаялись. Слова одни теряемъ, а нашихъ за то безо всякой пользы для дѣла ловятъ, да ссылаютъ.

— Ты все свое, махнулъ на него рукой Неродовичъ. — Я давно это отъ тебя слышу.

— Да не я одинъ это говорю. Спроси вотъ у нихъ — онъ кивнулъ головой въ сторону Брускова и Вари — мы всѣ рѣшили твою пропаганду бросить, какъ не ведущую ни къ чему.

— И вернуться къ мирнымъ занятіямъ благонамѣренныхъ гражданъ? насмѣшливо добавлялъ Неродовичъ.

— Ну не совѣмъ. Мы только находимъ что окольный путь длиннѣе и опаснѣе, и предпочитаемъ болѣе короткій. Пока взойдутъ тѣ сѣмена которыя мы до сихъ поръ бросали насъ всѣхъ давно на свѣтѣ не будетъ. Такъ мы вотъ и разсудили что когда имѣешь дѣло съ болѣе многочисленнымъ врагомъ, равновѣсіе восстанавливается однимъ только средствомъ, лучшимъ оружіемъ. А такое оружіе для насъ — рѣшимость не останавливаться ни предъ чѣмъ. Понимаешь?...

Гольдштейнъ подчеркнулъ эти слова: „ни предъ чѣмъ“.

— То-есть, говоря по просту, стать разбойниками? презрительно отвѣтилъ Неродовичъ.

Гольдштейнъ вскочилъ съ мѣста, услыжавъ это.

— Мы станемъ дѣлать сами, воскликнулъ онъ, — то къ чему подстрекали другихъ; вотъ и все. Ты, я думаю, не дѣлалъ себѣ иллюзій на счетъ мирнаго исхода той революціи которую мы проповѣдуемъ. Ну такъ взамѣнъ всеобщей рѣзни въ дальнемъ будущемъ, мы вотъ предпочитаемъ сразу приступить къ казни отдѣльныхъ лицъ. По крайней мѣрѣ выбирать ихъ будемъ не такъ слѣпо какъ толпа. Да и накрыть насъ будетъ тогда потруднѣе. Всѣ эти распространенія брошюръ, вся наша проповѣдь уже не нужна; а чѣмъ меньше мы говоримъ и показываемся, тѣмъ насъ труднѣе найти. За то будетъ у насъ иная проповѣдь, но краснорѣчивѣе той...

— Съ револьверомъ въ рукахъ, сказалъ Неродовичъ. — Кого жъ ты этимъ убѣдишь?

— Убѣждать не станемъ, за то напугаемъ, по крайней мѣрѣ, кого слѣдуетъ. И глаза Гольдштейна при этомъ сверкнули.

Неродовичъ всталъ, скрестилъ руки на груди и обвелъ присутствующихъ глазами. Не трудно было ему увѣриться что съ Гольдштейномъ согласны всѣ. Онъ сдѣлалъ однако еще попытку ихъ переубѣдить.

— Не трудись напрасно, перебилъ его Брусковъ. — Я, вѣдь, еще тамъ говорилъ тебѣ, на Акимовомъ дворѣ, помнишь, что

твои системы ни къ чему не ведутъ. Съ меня этого опыта будетъ.

— И ты, стало-быть, за личную расправу? Неродовичъ не могъ допустить чтобы всегда осторожный Брусковъ, не отличавшійся особою лылкостью, былъ сторонникомъ организованнаго убійства. Что Вара Покровская раздѣляла взгляды Гольдштейна, это ему казалось въ порядкѣ вещей—суровая дѣвушка всегда была фанатичка. Но къ натурѣ Брускова совсѣмъ не шли кровожадные инстинкты.

— Я вовсе не пришелъ къ этому выводу изъ любви къ искусству, спокойно отвѣтилъ Брусковъ,—а потому что иного исхода по моему нѣтъ.

Неродовичъ не уступилъ безъ боя. Онъ поочередно обращался ко всѣмъ, надѣясь по крайней мѣрѣ отвоевать въ свою пользу Туманова. Но и тутъ онъ встрѣтился съ твердою рѣшимостью: даже мягкій по природѣ Кавказецъ убѣдился доводами Гольдштейна. Неродовичъ понималъ наконецъ что власть свою онъ утратилъ влоднѣ. А идти на буксирѣ у своихъ прежнихъ сторонниковъ, которыхъ онъ не считалъ себѣ равными ни по уму, ни по силѣ характера, Левъ Неродовичъ не хотѣлъ.

— Коли такъ, мнѣ здѣсь дѣлать нечего, угрюмо проговорилъ онъ, хватаясь за шляпу.— Наши дороги разошлись.

Онъ не хотѣлъ сознаться предъ собой что путь по которому онъ велъ своихъ друзей неминуемо долженъ былъ привести къ этому. Инымъ проводникамъ случается въ услугѣ остававливаться предъ бездной, къ которой привели они сами.

— А мы приберегли тебѣ къ концу цую вѣсточку, засмѣялся теперь Брусковъ.—Надя Ольшевская была здѣсь.

— Какъ! Надя! И вы мнѣ до сихъ поръ ничего не говорили! Лицо Неродовича преобразилось.

Тумановъ разказалъ ему, какъ Надя пріѣхала въ О... и что произошло у Гольдштейна, за полчаса предъ его приходомъ.

— Молодецъ дѣвочка! въ восторгѣ перебилъ его Неродовичъ.— И вы съ нею такъ обошлись? Не стоите вы всѣ ея мизанца!

Вара и Брусковъ разсмѣялись. Но Неродовичъ уже не обращалъ на нихъ вниманія. Онъ спросилъ Туманова гдѣ остановилась Надя.

— Не знаю, право; она мнѣ не сказала.

— Я ее отыщу. Въ домъ ея отца, можетъ-быть, знаютъ.
Прощайте.

Онъ махнулъ шляпу и быстро вышелъ.

— Берегись попасть въ руки Боровскаго, пока будетъ отыскивать Надю, крикнулъ ему вслѣдъ Брусковъ.

Съ этой минуты все обаяніе Неродовича въ глазахъ его ближайшихъ сторонниковъ окончательно исчезло.

IX.

Mag die Wehmuth sich verweinen,
Wenn die Lust nicht mehr will blühen.
Freud und Leid sei mir gesegnet!
Eines nur ist mir verhasst!
Grauer Himmel, der nicht regnet,
Missmuth, dem die Welt verblasst.
Rückert.

Надя слѣшила домой по широкимъ прямымъ улицамъ. Шелъ спорый осенній дождь. Прохожихъ было немного, фонари тускло мерцали и городъ смотрѣлъ уныло и пустынно. Съ моря порывами дулъ влажный вѣтеръ. Молодая дѣвушка все прибавляла шагъ, точно чувствовала за собою погоню. И въ самомъ дѣлѣ, ей иногда казалось что ей надо укрыться, убѣжать, а то достигнуть ее и не выпустятъ уже изъ этого города, откуда ей теперь хотѣлось выбраться какъ можно скорѣе. Она почти сожалѣла о томъ что не послушалась Дмитрія и поѣхала въ О..., гдѣ встрѣтила она цѣлый рядъ такихъ гнетущихъ впечатлѣній. Последнія нити еще связывавшія ее съ людьми среди которыхъ протекали недавніе годы ея молодости были окончательно порваны. У нея не было уже теперь съ ними и той слабой личной связи которая иногда долго переживаетъ, какъ отголосокъ прошлаго, исчезнувшую дружбу. Но она не радовалась этому полному освобожденію. Ей почти жаль было что по крайней мѣрѣ уваженіе къ прежнимъ друзьямъ не упало послѣ разрыва. Невыразимая тоска овладѣла Надей и къ этой тоскѣ примѣшивалось иное чувство, похожее на страхъ. Можетъ-быть мрачная, сырая ночь среди чужаго города навѣвала на нее боязнь предъ какою-то призрачною опасностью. Раза два ей даже случилось вздрогнуть—холодъ должно-быть пролизывалъ ее легкую одежду; „завтра же я умру“, рѣшила она съ

собой; „отца дожидаться я не могу—я ему оставляю письмо“... Ей болѣзненно завотѣлось жоскорѣ навздъ въ Вѣнне Стоабы, къ дорогимъ людямъ, какъ послѣ дѣявлаго, утомительнаго пути хочется домоѣ, въ теплый уголъ, чтобы согрѣться и отдохнуть.

Дома ее ожидала негадавшая бѣда. За часъ предъ тѣмъ пришелъ съ желѣзнодорожной станицы давнишній слуга Сергѣя Петровича, по имени Андрей, много лѣтъ исполнявшій при немъ обязанности камердинера и буфетчика и въ то же время повѣреннаго разнообразныхъ сердечныхъ псалостей. Онъ привезъ съ собой извѣстие что Сергѣя Петровича нѣтъ уже въ живыхъ и что тѣло его будетъ привезено на слѣдующее утро изъ Елисаветграда, гдѣ Сергѣй Петровичъ лишился себя живаи. Да, неутомимый любитель жеманкихъ сердецъ, какъ на удивительно это казалось, самъ покончилъ съ собою.

— Приѣхали мы вчера съ баринимъ въ Елисаветградъ, разказалъ Надѣ Андрей,—тамъ у нихъ дѣла какія-то были—вексель должно-быть надо было перенести. Они всю дорогу такіе веселые были, даже со мной шутить изволили. Только какъ мы уже на поѣздъ собирались, явился вдругъ въ гостиницу господинъ, съ которыми они очень дружны были—Кандараки по фамиліи, кунаецъ одиакъ здѣшній. Они нѣмѣтъ долго о чемъ-то бесѣдовали, только я вижу, Сергѣй Петровичъ совсѣмъ вдругъ въ лицѣ измѣнился. А послѣ того вошли они въ номеръ и говорятъ мнѣ: „Нѣтъ, Андрей, я сегодня не поѣду, нездоровится что-то“. Они залерались у себя и долго все ходили по комнатамъ. Потому все тихо стало,—только разъ я къ дверямъ ихъ подошелъ и слышу пере будто скрилите по бумагамъ. Такъ часа два прошло, они меня все не зовутъ. Вдругъ слышу я—выстрѣлъ... Я перелугаася—Сергѣй Петровичъ всегда съ собой револьверъ бралъ, а двери все залерты. Я людей поввалъ двери выломать, а они говорятъ: за полиціей надо послать; безъ полиціи никакъ нельзя. Явился полицейскій ужъ часъ спустя, и вавали мы Сергѣя Петровича на полу—приказали ужъ долго жить: въ правый високъ себя выстрѣлили.

Надю эта вѣсть такъ ошеломила что она не была даже въ состояніи понять и усвоить себя случившееся. Ни слезуки она не проронила, слушая Андрея. Воображеніе не въ силахъ сразу обнять слишкомъ неожиданное, поражающее событіе.

Отецъ умеръ, и не просто умеръ, а насильственно и, стало быть, никогда уже, никогда... Она этого не могла допустить. Ей казалось что тутъ что-то не такъ; что Андрей разсказываетъ не то что случилось, или что она слышитъ про какое-то убійство совершенно чужаго человѣка, до котораго ей нѣтъ дѣла. Она какъ-то бессознательно повторяла себѣ что случилось ужасное несчастье, а между тѣмъ ей не вѣрилось что это несчастье касалось именно ея и въ то же время ей хотѣлось узнать, какъ и почему все это произошло. Несчастье возбуждало даже не горе, а удивленіе. И она все не могла понять, какимъ образомъ ея отца вдругъ не стало.

— Пріѣхалъ докторъ, продолжалъ разсказывать Андрей, — потому слѣдователь, актъ написали, много меня спрашивали: какія тамъ были причины? Несчастье ли какое, или тамъ денежная потеря? Нѣтъ говорю; ничего съ нами не было. Только какъ съ господиномъ Кондараки поговорили, въ лицѣ перемѣнились совѣтъ. Господинъ Кондараки послали разыскивать. А на столѣ нашлась записка, которую Сергій Петровичъ предъ самою кончиной изволили написать...

— Гдѣ же записка? вдругъ судорожно перебила его Нада, какъ бы опомнившись отъ какого-то оцѣнѣнія. Она почувствовала дрожь во всемъ тѣлѣ.

— Записку мнѣ выдать отказались: къ дѣлу надо, говорить, приложить. А коли хотите, копію съ нея выдадимъ.

Андрей досталъ изъ бумажки, гдѣ было нѣсколько пачекъ мелкихъ ассигнацій, исписанный крупнымъ почеркомъ листъ.

Нада живо схватила его и принялась читать.

— А господиномъ Кондараки, продолжалъ тѣмъ временемъ Андрей, — когда явились въ гостиницу, объяснили что они съ Сергѣемъ Петровичемъ имѣли разговоръ насчетъ арестованья старшей сестрицы вашей Александры Сергѣевны, про которую Сергій Петровичъ до того времени не слышали. Когда слѣдствіе кончили, хотѣли распорядиться тамъ похоронить вашего батюшку, только я говорю: „Нѣтъ ужъ, позвольте, а своего барина увезу въ О... Тамъ у него свой домъ есть“. Такъ и рѣшили и деньги мнѣ предоставили какія были при покойникѣ—650 рублей. Прикажете, барышня, получить?

Нада этого вопроса не разслышала. Она вся, цѣлымъ существомъ своимъ была погружена въ чтеніе послѣднихъ строкъ написанныхъ отцемъ. Нѣсколько разъ она уже пробѣжала ихъ, а все не могла усвоить себѣ ихъ настоящій

смыслъ. Вотъ что стояло на данномъ ей Андреемъ листъ бумаги:

„Прошу никого не обвинять въ моей смерти. Я самъ единственный виновникъ какъ въ ней, такъ и въ томъ что ее причинило. Я только что узналъ страшную вѣсть объ арестѣ старшей дочери Александры. Я больше года съ нею уже не видался, но думать объ ней я не переставалъ. Она была всегда моею любимицей. Я не сумѣлъ ее влору остановить, вернуть съ той дороги по которой она пошла... Теперь поздно. Оттуда гдѣ моя Саша не возвращаются. Я сознаю теперь что самъ виноватъ въ томъ что случилось. Я не сумѣлъ воспитать дѣтей, подавать имъ хорошій примѣръ и внушить уваженіе къ тому что уважать надо... Каюсь въ этомъ предъ всѣми кто прочтетъ это. Каюсь въ особенности предъ дѣтьми. Я ничего уже для нихъ сдѣлать не могу. Жизнь моя пропала даромъ—что я говорю: даромъ?—она принесла вредъ. Теперь я понимаю, все понимаю, да поздно. Мнѣ стыдно предъ дѣтьми, стыдно предъ всѣми. Пусть мой примѣръ хотя другимъ послужитъ. Мои легкомысленныя слова предъ дѣтьми слышанныя ими съ дѣтства всему причиной. Я самъ научилъ ихъ ничему не вѣрить. Тогда я готовъ былъ хвастаться своимъ вольнодумствомъ. Теперь только я вижу какіе оно привесло плоды. Черезъ нѣсколько минутъ меня въ живыхъ не будетъ. Что меня ожидаетъ впереди, не знаю, да и не хочу знать. Знаю только что жить мнѣ больше не нужно и нельзя...

„Завѣщанія я никакого не оставляю. Все что у меня окажется принадлежить дочерамъ. Да своего у меня ничего и нѣтъ. Мое имущество давно принадлежало имъ какъ наслѣдство ихъ матери: я никогда съ ними не разчитался какъ слѣдуетъ. Каюсь и въ этомъ. Я всегда былъ дурнымъ отцемъ, хотя и любилъ своихъ дѣвочекъ. Да, я ихъ любилъ, теперь предъ смертью лгать не стану. Да и смерть моя лучше всего это докажетъ...

„Если Сашу когда-нибудь простятъ или если судъ будетъ къ ней милостивъ, прошу младшую дочь, Надю, съ ней подѣлиться. Саша получила ужъ отъ меня три года тому назадъ двадцать пять тысячъ въ счетъ своей доли. Прошу Надю однако про это забыть и отдать ей половину того что окажется. Если же бѣдную Сашу,—мнѣ даже страшно про это писать,—сошлютъ въ Сибирь, все будетъ принадлежать

Надѣ. Прошу ее и тогда не забывать про сестру, да и про меня иногда вспомнить и за меня помолиться. Прошу ее также выдать тысячу рублей моему вѣрному слугѣ Андрею.

„Больше мнѣ писать нечего. Распорядиться чѣмъ-либо и давать наставленія я не имѣю права. Я дурно жилъ и дурно выхожу изъ жизни. Все-таки даю бѣднымъ моимъ дѣвочкамъ на прощанье мое отцовское благословеніе, коли онѣ имъ не побрезгають. Можетъ-быть оно имъ и принесетъ счастье. Для меня все кончено, а ихъ жизнь, хотя и испорчена по моей винѣ, все-таки еще только начинается.

„Сергій Ольшескій.“

Надя была не въ силахъ оторваться отъ этого лоскутка бумаги. Вдругъ—она уже много разъ перечитала завѣщанія ей отцемъ горестныя строки—слезы хлынули изъ ея глазъ. Она все какъ будто разомъ повала. Ей стало жаль бѣднаго, недостойнаго отца; не за себя жаль, конечно, а за него; за тѣ ужасныя минуты отчаянія которыми можетъ-быть искупилъ свою грѣшную, бесполезную жизнь. Именно потому что онъ умирая такъ унижался предо всѣми, сердце у нея защемило отъ болѣзненной скорби. Во всемъ что она могла запомнить объ отцѣ не было ни одной черты, ни одного воспоминанія на которомъ бы можно было остановиться и утѣкнуться. Вся его беспорядочная жизнь и этотъ жалкій, отчаянный конецъ, все это вызывало вѣдкую горечь. У него не хватало силы чтобы перенести свое единственное горе, какъ не хватало ей чтобы быть хорешимъ отцемъ и честнымъ человекомъ.

— Не прикажете ли, барышня, опять заговорилъ Андрей,—принять дѣла и бумаги покойнаго вашего батюшки? Мнѣ все извѣстно, гдѣ у нихъ что хранится.

Надя вздрогнула, услыхавъ это.

— Нѣтъ, нѣтъ, послѣ, сказала она глухо;—да и не нужно, совсемъ не нужно...

Она не могла собраться съ мыслями. Слезы все еще капали на ея щеки.

— А его привезутъ... завтра? вдругъ поднялась она съ мѣста, отирая глаза;—надо распорядиться, чтобы все было... какъ слѣдуетъ...

— Да вы ужъ не извольте беспокоиться, Надежда Сергѣевна, сказала только-что вошедшая Анисья.—Не угодно ли будетъ мнѣ довѣрить, я все устрою.

Въ передней уже оказался гробовщикъ, явившійся какимъ-

то непонятнымъ образомъ, не смотря на поздній часъ. Нада развѣшала какъ Анися съ ними заспорила, о цѣнѣ и поспѣшила затворить двери, чтобъ уйти отъ этихъ ужасныхъ, омерзительныхъ дрягъ.

— Триста рублей! Какъ это можно?! ахалъ гробовщикъ.— Одного глазу елашкомъ на сто рублей потребуются. Все надо въ лучшемъ видѣ одѣвать. Покойный баринъ, вѣдь, почти въ генеральскомъ чинѣ состоялъ...

Долго съ нимъ разсуждала Анися и порѣшила наконецъ что на слѣдующій день, въ субботу, къ 12 часамъ, гробъ будетъ привезенъ и поставленъ на катафалкъ. Анися распорядилась и насчетъ духовенства.

На слѣдующее утро, какъ разъ въ тотъ день когда въ Бѣлыхъ Столбахъ былъ произведенъ обыскъ, Нада съ Андреемъ и Анисей отправились на желѣзную дорогу встрѣчать тѣло отца. Его вынесли изъ товарнаго вагона и на дровахъ нагемъ повезли въ домъ. Тамъ уже суетился гробовщикъ со своими людьми. Толстые сапоги рабочихъ окрыляя по паркету. Сергѣя Петровича положили въ нижнемъ этажѣ, въ столовой, въ самой большой комнатѣ въ домѣ. Простой сосновый гробъ, привезенный изъ Елисаветграда, уже не вскрывали: крышка другаго, наряднаго гроба навѣки закрылась надъ покойникомъ. Надѣ уже мальца было еще разъ увидеть его черты и проститься съ нимъ послѣднимъ поцѣлуемъ. Дрожь пробѣжала у нея по всему тѣлу, когда, окончивъ съ своею работою, гробовщикъ ушелъ, и молодая дѣвушка осталась одна въ комнатѣ, гдѣ, скрытый отъ ея глазъ, лежалъ ея отецъ. Она олустилась на колѣни и долго оставалась неподвижною у студеней катафалка. Она не плакала и не молилась. Въ сердцѣ и въ головѣ Нада ощущала какую-то странную пустоту, точно ни мысли, ни чувства въ ней уже не было. Оставалось только какое-то усиленіе что-то вспомнить и на чемъ-то сосредоточиться. Она старалась вызвать предъ собой образъ отца, не того мертваго отца, который лежалъ въ гробу предъ ней, а прежняго Сергѣя Петровича; Нада словно хотѣла воскресить его въ памяти, чтобы проститься съ нимъ. И все ей что-то мѣшало, что-то отталкивало ее отъ этого образа. Она не могла себѣ представить его иначе, какъ страшно изуродованнымъ, съ очеркѣншею раной на вискѣ. И какъ только представлялся ей этотъ образъ, вызванный ея воображеніемъ, дрожь олять пробѣгала по спинѣ и уже прямое отвращеніе сказыв-

ваюсь въ ней. Она хотѣла съ любовью вспомнить объ отцѣ, и не могла. Она пробовала молиться, и молитва у нея не слагалась. Тотъ, кто лежалъ предъ нею въ гробу, былъ ей словно чужой. Холодомъ обдавало ее и отъ этого гроба съ тремя подсвѣчниками, обтянутыми флаеромъ, и даже отъ самыхъ стѣвъ этой комнаты, скудно мебелированной. Все сильнѣе сказывалось въ ней чувство пустоты, вѣющее отъ этихъ голыхъ, чужихъ стѣвъ, и все болѣе ей хотѣлось оторваться отсюда, чтобы поскорѣе уйти изъ этого дома къ своимъ настоящимъ роднымъ...

Чей-то голосъ заставлялъ ее оломниться. Кто-то громко кашлянулъ въ передней. Приходскій священникъ, отецъ Іоаннъ, явился со своимъ псаломщикомъ. Это былъ поный старичекъ, съ совершенно плоскимъ лицомъ. И выраженіе этого лица и его голосъ были какъ-то равно глухи и беззвучны. Поправивъ на носу мѣдные очки, онъ подошелъ къ Надѣ, сперва хотѣлъ ее благословить, но почему-то раздумалъ и подалъ ей руку.

— Вы, стало-быть, дочь покойнаго? сказалъ онъ почему-то улыбувшись.— Не помню васъ, не видалъ что-то.

Надя ничего не отвѣтила.

— Такъ начинать что ли?

Началась служба. Псаломщикъ роздалъ свѣчи. Присутствовали только Надя и трое слугъ. На бормотанье священника отвѣчали какіе-то странные возгласы единственнаго пѣвчаго, который вдругъ на нѣкоторыхъ высокихъ нотахъ почему-то необыкновенно завывалъ. Надя и тутъ не смогла вызвать у себя умиленія. Ей все казалось что она въ чужомъ домѣ у какихъ-то чужихъ людей. И все тяжелѣе было оттого что покойникъ такъ одиноко отходить изъ своего дома, что некому даже о немъ вспомнить и за него помолиться. Самая служба ей казалась исполненіемъ какого-то безразличнаго обряда. Равнодушный голосъ священника и неестественно громкія ноты, выкрикиваемая на ненужномъ мѣстѣ, казались чѣмъ-то нейдущимъ къ дѣлу, не выражающимъ никакого живаго чувства.

Ей даже за себя было стыдно изъ-за этого. Неужели и у нея, у дочери, нѣтъ болѣе теплаго, задушевнаго настроенія? Когда псаломщикъ запѣлъ: *Со святыми упокой*, она опустила на колѣна, потому что всегда это такъ дѣлается; потомъ она потушила свѣчку, потому что священникъ потушилъ свою...

Панихида была окончена. Отецъ Іоаннъ подошелъ къ ней, опять улыбнулся и вяло проговорилъ:

— И какъ страшно, такъ вдругъ окончилъ жизнь вашъ батюшка, скажите пожалуйста... Все въ рудѣ Божіей.

Эти слова священника показались ей еще болѣе полнымъ отрицаніемъ той торжественно грустной обстановки которая должна бы сопровождать молитвы объ умершемъ.

— Вы единственная наследница? продолжалъ онъ разспрашивать.— Должно-быть у покойника были оредства хорошія.

Надя сама не знала потому что именно она отвѣчала. Она примѣтила только какъ Анисья подошла къ священнику и подала ему какую-то цвѣтаю бумажку. Потому отецъ Іоаннъ разоблачился и вышелъ, а псаломщикъ стоя предъ гробомъ, заунывнымъ голосомъ сталъ читать псалтырь. Надя, окрестивъ руки на груди, простояла нѣсколько минутъ, стараясь вникнуть въ чтеніе, потомъ она медленно вышла и поднялась въ верхній этажъ. Анисья остановила ее на лестницѣ.

— Барышня, вѣдь надо бы вамъ съ Андреемъ и со мной посмотреть что послѣ вашего батюшки осталось... И въ полицію надо извѣстіе дать, а то, вѣдь, такъ нельзя.

— Я не могу, право, не могу теперь, Анисья. И въ самомъ дѣлѣ лучше полицію извѣстать. Пусть наложатъ печать, а теперь я ни до чего не дотронуся.

— И Надя прошла въ кабинетъ отца—веселенькую комнату, обитую зеленымъ репсомъ—и въ изнеможеніи утала на кресло, стоявшее предъ письменнымъ столомъ.

X.

Avec ce nom fatal je n'en ai pas fini.
Victor Hugo. *Ernani*.

Кабинетъ Сергія Петровича выходилъ окномъ въ крошечный садъ, разбитый на дворѣ. Собственно говоря это былъ даже не садъ, а всего три-четыре дерева, да нѣсколько кустовъ сирени. Деревья были еще молодыя и верхушки ихъ едва равнялись съ крышей дома. На вѣткѣ бѣлой акаціи весело щебетала синица, не устающая голосить и въ глубокую осень. День былъ ясный и теплый, и невысокое октябрьское солнце посылало въ открытое окно свои ласкающіе мягкіе

лучи. Нада оперлась доклями на письменный столъ и опустила голову на руки. Легкій вѣтерокъ игралъ концами ея волосъ. Но для нея словно не было этого привѣта сладко умирающей природою юга. Она будто оторшилась отъ дѣйствительнаго мира, ушла въ неподвижное, почти безсознательное созерцаніе. Мысль ея даже не остановилась надъ чѣмъ-либо опредѣленнымъ. Она будто оцѣпенѣла, еванная таготѣвшими надъ нею ощущеніями посядавшихъ дней. Это было даже не сожалѣніе объ участи сестры, не грусть по отцу, а какая-то безнадежная, гнетущая безпомощность. Прежде съ ней этого никогда не случалось, даже въ самыя тяжелыя минуты ея одиночества въ Москвѣ. Куда дѣвалась ея всегдашняя бодрость? Вѣдь такъ еще недавно, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, въ Бѣлыхъ Столбахъ она была окружена любящими ее людьми и жизнь ея сулила одно счастье. Какъ же могла случиться такая перемѣна? Нада поѣхала въ О... надѣясь хоть сколько-нибудь облегчить участь сестры и помириться съ отцемъ на порогѣ ожидавшей ее новой жизни. Надежда эта была жестоко обманута. Молодая дѣвушка встрѣтилась съ полною невозможностью хоть сколько-нибудь утѣшить сестру. И Надѣ казалось что суровое отчаяніе Самыя еще хуже и безотраднѣе рековой гибели отца. Въ первый разъ ей пришлось узнать тотъ непроницаемый и безысходный мракъ, откуда вѣтъ уже спасенья, куда не проникаетъ надежда. Судьба сестры—это была та же смерть, только медленная, и еще болѣе горькая смерть. И предъ ея лицомъ, предъ трупомъ самоубійцы отца, собственное ея счастье казалось ей теперь чѣмъ-то совершенно невозможнымъ, словно какую-то насмѣшкой надъ жалкою участью родныхъ. Ея будущее было отравлено. Ей хотѣлось оторваться отъ встрѣченныхъ ею здѣсь ужасовъ смерти и отчаянія, и въ то же время совѣсть ее укоряла за то что судьба ея такъ расходится съ судьбой близкихъ. Въ родномъ домѣ Надю обдавало холодомъ могилы.

Молодая дѣвушка не могла отдать себѣ отчета въ томъ сколько времени она просидѣла въ неподвижности предъ открытымъ окномъ. Въ домѣ все было тихо. Вдругъ ее словно пробудилъ какой-то слабый шорохъ. Птичка, не переставшая чиркать на оголенной вѣткѣ акаціи, взмахнула крыльями и перелетѣла на подоконникъ, гдѣ среди пыли валялись мелкія хлѣбныя крошки. Она весело щелкала

вертясь и подпрыгивая, и подбирала эти крошки носикомъ. Дѣвушка взглянула на нее, и маленькое беззаботное существо точно сказало ей что на свѣтъ не все безотрадно, и что даже въ тотъ домъ котораго коснулась рука смерти проникаетъ радостная жизнь природы и солнце шлетъ туда съ святаго неба свои вѣчно юные лучи. И коли такъ бываетъ всегда и вездѣ, коли жизнь торолится страхивать съ себя печаль, зачѣмъ же ей одной на себѣ вѣсти отвѣтственность за чужую вину и чужое горе? Въ сердцѣ Нади заговорилъ ропотъ противъ этой, ею же самой созданной отвѣтственности...

Надо было прежде всего оказать Дмитрію про новую отсрочку ея отъѣзда: похороны отца будутъ въ понедѣльникъ, и въ тотъ же день повѣздъ поведетъ ее обратно въ Бѣлые Столбы. Да, но прежде этого сѣдовало еще разъ повидаться съ сестрой и сообщить ей про смерть отца. Нада рѣшилась написать Боровскому и попросить у него разрѣшеніе на второе свиданіе съ Сашей. Она достала листъ почтовой бумаги и взявъ перо принялась обдумывать свое письмо къ Дмитрію. Ей показалось теперь что она виновата предъ нимъ что дѣлую недѣлю она прожила какъ бы совершенно забывъ о немъ. А теперь, вѣдь, она принадлежит исключительно ему, и этой одной, главной обязанности должны уступить всѣ остальные. Нада живо представила себѣ вдругъ, какъ онъ безпокоился за нее всѣ эти дни, какъ тревожно онъ ждетъ ея возвращенія. И на молодую дѣвушку словно пахнуло миромъ и радостью изъ далекаго и дорогаго угла. Перо ея забѣгало по бумагѣ и никогда еще изъ него не выливались такіа нѣжныя, любящія слова. Вдругъ ей показалось что щелкнулъ замокъ и дверь растворилась „Анисья! это вы? чего вамъ надо?“ спросила она не поднимая головы. Кто-то вошелъ, но это были не женскіе шаги. Она обернулась и съ изумленнымъ ужасомъ увидала предъ собою фигуру Неродовича, уже подошедшаго къ столу.

— Вы! вы! зачѣмъ вы здѣсь?! Чего вы хотите?! испуганно воскликнула она, отодвигаясь отъ него.

У него, казалось, тоже не было обычной самоуверенности. Зрачки его беззастѣночно разбѣгались по сторонамъ и голосъ какъ будто дрожалъ, когда онъ отвѣтилъ ей.

— Не пугайтесь, Надежда Сергѣевна. Я вѣдь для васъ не врагъ какой-нибудь. Вчера я узналъ что вы здѣсь. Мнѣ надо было съ вами повидаться во что бы то ни стало.

— Да неужели вы не понимаете что между нами нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго?...

Она ясно сознавала теперь что то именно чего она боялась была встрѣча съ этимъ человѣкомъ.

Неродовичъ скрестилъ руки на груди.

— Совѣтую вамъ, Надежда Сергѣевна, проговорилъ онъ,— примириться съ необходимостью видѣть меня лишній разъ такъ какъ я отсюда не намѣренъ уйти, пока вы меня не выслушаете.

Голосъ его теперь звучалъ твердо и дерзко, какъ будто встрѣченный имъ враждебный пріемъ придавалъ ему лишнюю рѣшимость.

— Да какъ же вы сюда вошли?

— Кухарка ваша мнѣ сказала что вы дома. Фамиліи своей я конечно не называлъ.

— А сказали ли вамъ также, взволнованнымъ и негодующимъ голосомъ спросила она,— что я вчера узнала про смерть отца, что онъ лежитъ здѣсь въ гробу?..

На Льва Александровича это не произвело никакого впечатлѣнія.

— Вы считаете что въ такой день, сказалъ онъ насмѣшливо,— людей подобныхъ мнѣ принимать нельзя? Трауръ этого не позволяетъ, что ли?

Она встала и смѣрила его съ ногъ до головы.

— Неродовичъ, прекратите этотъ разговоръ.— Привести онъ ни къ чему не можетъ. Повторяю вамъ, послѣ того что было въ Бѣлыхъ Столбахъ, я васъ не знаю и не хочу знать.

— Послѣ того что произошло въ Бѣлыхъ Столбахъ? За пожаръ на меня гнѣваться изволите, да?...— Но вдругъ тонъ его рѣчи перемѣнился и въ ней прозвучалъ словно взрывъ отчаянія и гнѣва.— Да неужели вы не видите что предъ вами человѣкъ который уже ничего не принимаетъ въ расчетъ и ни предъ чѣмъ не останавливается?

Она оперлась о столъ задрожавшею рукой. Его пылавшіе глаза ее пугали.

— Да, Надежда Сергѣевна, продолжалъ онъ.— Я все потерялъ. Будущаго у меня нѣтъ и бояться мнѣ ужъ нечего. Дѣло наше проиграно. Не общее дѣло, конечно, того проиграть нельзя,—а мое личное. Половину нашихъ схватили, а остальные со мной разорвали, слишкомъ мягкимъ меня считают. Да, меня, слишкомъ мягкимъ, смѣйтесь! И самъ я съ часу на часъ ожидаю ареста.

— Да что же вы тогда здѣсь дѣлаете? неволью спросила она.

— Ушелъ бы, да не стоить. Все равно. Для меня ужъ дѣятельности впереди нѣтъ. Моя лѣсенка слѣта.—Въ его словахъ была какая-то особенная, грустная насмѣшка надъ собой.—Одно мнѣ только дорого теперь на свѣтъ—вы, Надя, вы.

— Да какъ вы смѣете?...

Она не договорила, голосъ оборвался отъ волненія; яркій румянецъ залилъ на щекахъ, негодованіемъ блеснули глаза.

— Я долго берегъ это чувство, продолжалъ онъ,—и почти стыдился его, какъ мальчики это дѣлаютъ со своею первою любовью. Да, я боялся васъ—знайте это, Надя.—Въ словахъ его звучала теперь вѣжная, почти робкая нота.—Но теперь скрывать мнѣ ужъ нечего. Когда игра окончена, осторожность неумѣстна. Я хочу предъ концомъ хоть на часъ, хоть на мигъ одинъ отвѣдать полнаго счастья...

Онъ произнесъ это тихо, чуть слышно, во лицо его говорило ясно что за бурное чувство поднялось въ его груди и какъ готово оно бѣшено прорвать все еще сдерживавшую его плотину.

Страхъ все болѣе овлаживалъ ею.

— Уходите отсюда, проговорила она глухо.—Я не хочу васъ слушать; я лозову людей.

— Никого вы не позовете и никто бы не явился на вашъ зовъ... Въ домъ одна кухарка. Да и развѣ вы думаете что я васъ отсюда лущу? добавилъ онъ, какъ бы въ отвѣтъ на сдѣланное ею движеніе.

Надя обвела комнату глазами, какъ бы ища изъ нея выхода; въ ней была всего одна дверь. Молодая дѣвушка замѣтила электрическій звонокъ на стѣнѣ и бросилась туда. Испорченный звонокъ не далъ никакого звука подъ давленіемъ ея пальца. Неродовичъ засмѣялся.

— Я васъ прошу, умоляю уйти, заговорила она.—Если вы сейчасъ сказали правду, вы должны понять, какъ ужасно мнѣ слушать отъ васъ такія вещи... Да уходите же, уходите. Внизу подъ этой комнатою лежитъ мой бѣдный отецъ, а вы...

— Да какое мнѣ дѣло до вашего отца, перебилъ онъ ее,—котораго и сами-то вы никогда не любили. Эхъ, Надежда Сергѣевна! Подлю вамъ меня морочить. Нашли чѣмъ меня испугать, покойникомъ. Фантасмагорія это, да и только... Мы съ вами люди крѣпкіе. Чего намъ призраковъ-то пугаться?

Она молча, почти невольно, опустилаcь на кресло, стоявшее у самой стѣны. Испугъ и безпомощность ея вызвали у Перодовича внезапный приливъ жалости къ ней. Не двигаясь съ мѣста, онъ заговорилъ опять, и нѣжность слова прозвучала въ его словахъ.

— Вы сомнѣваетесь въ томъ что я сказалъ правду!.. Ахъ Надя, Надя! Вѣдь я полюбилъ васъ съ перваго дня, когда мы встрѣтились у Покровскихъ. Вы тогда были ребенкомъ, а я почти уже не молодой человекъ. Вы и не подозреваете даже что значитъ такая любовь? Безнадежная, горькая, лѣтняя въ тиши... Это не сахарное чувство какого-нибудь празднаго мальчишки... Такая любовь горы съ мѣста сдвигаетъ. Знаете ли что ради васъ я былъ готовъ бросить свое дѣло и забыть свою злобу противъ общества. Вамъ даже, когда вы были еще дѣвочкой, стоило одно слово сказать—и я бы расстался со всеми своими видами на будущее, сдѣлался бы ради васъ мирнымъ и благонамѣреннымъ. Я бы на все пошелъ—на пошлость, на униженіе...

Слова его сперва какъ пустой звукъ гудѣли въ ушахъ Нади, но мало-по-малу смыслъ ихъ становился ясенъ, и взорванная его дерзостью, она быстро поддалась съ мѣста, вся сіяющая гнѣвомъ.

— Ну, такъ знайте же въ свою очередь что даже и тогда, хоть я и была подъ вашимъ вліяніемъ, что-то въ васъ меня отталкивало. А каково же должно быть мое чувство къ вамъ теперь, послѣ всего что было въ Бѣлыхъ Столбахъ. Я презираю, я ненавижу васъ, и объ одномъ сожалѣю только—о томъ что не выдала васъ, что Дмитрій изъ-за меня далъ вамъ уйти отъ заслуженнаго наказанія...

Слова эти подѣйствовали на него какъ вѣтеръ дѣйствуетъ на пламя. Одного имени Дмитрія было достаточно чтобы радовать до бѣшенства его страсть.

— А, вы сожалѣете о томъ что меня не выдали, проговорилъ онъ ехидно зубы. Вы все-еще меня боитесь, стало-быть; можете-быть за своего Дмитрія боитесь, и все-таки не понимаете что людей въ моемъ положеніи раздражать опасно... Я являлся къ вамъ не для шутокъ, Надежда Сергѣевна. Вы думаете, стоить на меня кинуть гордый взглядъ, какъ вамъ пріятно это удавалось, и я смиренно преклоню голову и уйду?.. Нѣтъ, этимъ меня уже не пріимешь. Мнѣ остается можетъ-быть всего нѣсколько дней прожить на свободѣ, и этими

дьями я хочу воспользоваться. Я рѣшилъ что вы будете принадлежать мнѣ, хотя бы на одну часъ только. И вы будете моею... А тамъ, коли хотите, возвращайтесь къ своему Дмитрію.

Она поблѣдѣла и затряслась всѣмъ тѣломъ, но тотчасъ осилила свое волненіе и, вся выправившись, не глядя на него, быстрою и рѣшительною походкой направилась къ двери. Неродовичъ преградилъ ей дорогу.

— Куда вы? схватилъ онъ ее за обѣ руки, — бѣжать хотите? Злобная улыбка была на его лицѣ.

— Пустите же меня наконецъ...

Страхъ и отчаянье придали ей силы. Она стала бороться съ нимъ. Но онъ крѣпче, до боли сжалъ кости ея рукъ. Онъ хрустнули подъ его пальцами.

— Не теряйте же напрасно время, Надя...

Нѣсколько секундъ они простояли молча. Она все еще силалась вырваться отъ него къ двери.

— Андрей! Анисья! Андрей! рѣшилась она на послѣднее средство, долго претившее ея гордости. Она почти не разчитывала на успѣхъ: голосъ ея едва ли могъ достигнуть передней.

— А, вотъ вы какъ! сквозь зубы проговорилъ взбѣшенный Неродовичъ. — Звать на помощь вздумали.

До этихъ поръ онъ еще бережно обходился съ ней, пуская въ дѣло лишь ровно настолько силы чтобъ удержать молодую дѣвушку. Теперь правою рукой онъ крѣпко обнялъ ея станъ, лѣвою зажимая ей ротъ. Онъ повлекъ ее за собою въ глубь комнаты. Молодая дѣвушка уже не въ силахъ была ему противиться.

Но вдругъ на лѣстницѣ послышался скрипъ торопливыхъ шаговъ. Дверь въ сосѣдную комнату растворилась. Силы вернулись къ Надѣ и отчаяннымъ движеніемъ она высвободилась изъ его объятій. Должно-быть и самъ онъ повялъ что успѣхъ становился невозможнымъ.

— Анисья, вы? проговорила Надя.

Анисья постучалась въ дверь.

— Можно къ вамъ, барышня? спросила она.

Надю поразилъ испуганный голосъ старой ключницы.

— Войдите, сказала она, растворяя двери.

Старушка съ удивленіемъ посмотрѣла на незнакомаго ей Неродовича, но словами его не выразила. Неродовичъ олустился въ кресло, стараясь казаться спокойнымъ.

— Изъ полиціи, Надежда Сергѣевна, пришла, проговорила Аликсыя все тѣмъ же услуганнымъ тономъ.—Насчетъ имущества покойнаго вашего батюшки. Печать наложить значить. Сами вы посылать изволили.

— Ну такъ что жь, пусть войдутъ, почти обрадованнымъ голосомъ проговорила Нада.

— Да не просто должно-быть. Цѣлыхъ лять человекъ явилось: самъ приставъ съ двумя полицейскими, да съ ними еще офицеръ жандармскій, да статскій какой-то. Говорятъ въ бумагахъ Сергѣя Петровича что-нибудь можетъ окажется, но ихъ части... секретное.

При этихъ словахъ Неродовичъ перебрѣлся въ лицъ; но онъ тотчасъ сообразилъ что всякая попытка къ бѣгству повлечетъ лишь за собой его немедленный арестъ, тѣмъ болѣе что Нада едва ли станетъ ему помогать. Въ сосѣдней комнатѣ уже слышались шаги и зазвенѣли шпоры. Выпрыгнуть изъ окна втораго этажа было тоже не совсѣмъ удобно. Онъ принялъ развязную позу и закурилъ папиросу. Нада уже на него не смотрѣла. Она не совсѣмъ понимала службу Аликсы, хотя и ее озадачило это излишество полицейской силы.

Впрочемъ и участковый приставъ, и жандармскій офицеръ повидимому явились съ самыми мирными намѣреніями. Они расклаивались съ откровенною вѣжливостью, извѣщаясь за причиняемое безлокойство.

— Это кабинетъ вашего покойнаго батюшки? съ обязательно улыбкой спросилъ приставъ.—Съ него мы и начнемъ если позволите.

— Мое присутствіе здѣсь, счелъ долгомъ со своей стороны добавить офицеръ, кланяясь лишній разъ,—вызвано тѣмъ соображеніемъ что покойный батюшка вашъ, какъ начальству извѣстно, велъ перелиску съ разными лицами проживающими за границей и оставилъ послѣ себя нѣсколько бумагъ политическаго содержанія. Мы впрочемъ выдадимъ вамъ расписку въ полученіи всего что придется извлечь изъ принадлежащаго вамъ наслѣдства, обязательно добавилъ онъ.

Съ ними вмѣстѣ вошелъ какой-то статскій господинъ неопредѣленнаго званія, повидимому исправлявшій должность письмоводителя. По приглашенію пристава онъ усѣлся за письменный столъ и выложилъ изъ портфеля нѣсколько листовъ бѣлой бумаги. Офицеръ между тѣмъ, покосившись въ сторону Неродовича, обмѣнялся съ приставомъ многозначи-

тельными взглядомъ. Они стали о чемъ-то шептаться. На лицѣ пристава выразилось удивленіе.

— Вѣрно, я говорю вамъ, подтвердилъ вполголоса жандармъ.

Надя всего этого не замѣтила, но оно не ускользнуло отъ вниманія Неродовича, хотя онъ и продолжалъ курить любимому самымъ беззаботнымъ образомъ.

Одинъ изъ полицейскихъ принесъ между тѣмъ кусокъ сургуча и зажатую свѣчу.

— Ну-съ, мы приступимъ, если позволите, все также любезно сказалъ приставъ, хотя въ его манерахъ стала теперь проглядывать не то недоувѣрчивость, не то насмѣшка. Вошедшій Андрей принесъ ключи отъ письменнаго стола и отъ стоявшихъ по угламъ комнаты двухъ шкафовъ. Надя осталась совершенно безучастною, пока жандармъ и приставъ внимательно просматривали то что находилось въ ящикахъ письменнаго стола. Послѣ бурнаго объясненія съ Неродовичемъ ею овладѣло какое-то изнеможеніе. Она опустила на стулъ и не замѣчала даже того что происходило въ комнатѣ. Вынесенное ею тяжкое, горькое оскорбленіе не давало мѣста какому-либо иному чувству. Неродовичъ украдкой поглядывалъ на полицейскихъ, стараясь сохранить видъ полнаго равнодушія. Но безпокойное движеніе зрачковъ и подергиваніе мускуловъ лица выдавало его тревогу. Нѣсколько разъ ему пришлось встрѣтиться съ пытливымъ, насмѣшливымъ взглядомъ жандарма. Онъ не зналъ на что рѣшиться. Онъ все собирался встать, раскланяться съ Надей и выйти какъ ни въ чемъ не бывало. Всякій разъ когда это ему приходило въ голову, его оставалывало какое-то чувство боязни предъ Надей, словно онъ сознавалъ что стоить ему сдѣлать одинъ шагъ къ выходу, и молодая дѣвушка остановитъ его и обвинитъ предъ всѣми. А Надя оставалась неподвижною и упорная мысль какъ бы застыла на ея окаменѣвшемъ блѣдномъ лицѣ. Андрей между тѣмъ, съ усердіемъ слуги которому до малѣйшей подробности извѣстны всѣ дѣла барина, давалъ полицейскимъ объясненія.

— Тутъ, вотъ, у покойнаго Сергѣя Петровича деньги хранились, сказалъ онъ отлирая одинъ изъ ящиковъ на дѣвомъ боку стола.—Только теперь денегъ нѣтъ, всѣ у нихъ были съ собой въ дорогу взяты. А вотъ чековая книжка.

Въ книжкѣ оказались почти одни только корешки.

— Документы вотъ разные, указалъ Андрей на другой ящикъ,—свидѣтельство о залогѣ дома, пять векселей на двѣнадцать тысячъ, по которымъ и получить врядъ ли много придется; акціи, пятипроцентные билеты...

Акціи и билеты всего на сумму въ пятьдесятъ пять тысячъ и составляли вмѣстѣ съ домою весь остатокъ когда-то крупнаго состоянія матери Нади. Приставъ наложилъ на ящики съ документами казенную печать.

— Въ силу закона, сказалъ онъ, улыбаясь,—это по настоящему обязанность господина мирового судьи. Но за все время моей службы какъ-то приходится ее исполнить чинамъ полиціи. Господинъ судья слишкомъ занятъ должно-быть... А какое еще есть имущество?

— Да вотъ платье, бѣлье въ спальнѣ есть, объяснилъ Андрей.

— Ну, да это мы послѣ... А въ шкафахъ что? Книжки, должно-быть? Это будетъ поваживѣ.

Не смотря однако на тщательный розыскъ, найденное не отвѣчало ожиданіемъ. Книгъ у Сергѣя Петровича было вообще немного. Нашлась, разумѣется, цѣлая лачка номеровъ *Колокола*, три, четыре книжки *Полярной Звѣзды*, да собраніе запрещенныхъ стихотвореній. Но у кого изъ русскихъ вѣролюдованныхъ не оказалось бы этихъ обязательныхъ признаковъ страсти къ запретному плоду? Жандармскій офицеръ довольно презрительно отложилъ на столъ эти, никого уже не, пугающія страшилища времени минувшихъ. Потомъ онъ принялся разсматривать цѣлый ворохъ лежавшихъ въ безпорядкѣ тетрадей и бумагъ. Тутъ пестрою кучей смѣшались письма знакомыхъ самаго безобиднаго свойства, хотя съ неизбѣжнымъ глаумленіемъ надъ русскими порядками, счеты портнаго и бриллианщика—послѣдніе даже въ большомъ изобиліи, какъ свидѣтельство щедрости покойнаго къ прекрасному полу, да нѣсколько, довольно неразборчиво написанныхъ, замѣтокъ. Жандармъ сталъ бѣгло и нетерпѣливо ихъ перелистывать. „Сущіе пустяки“, оказалъ онъ почти сердито.

Записки касались всевозможныхъ политическихъ вопросовъ, но не выходили за предѣлы общедоступнаго разглаговльствованія. Одна изъ нихъ только обратила на себя вниманіе жандарма; на заглавномъ листѣ значилось: *Проектъ конституціи*. Но, увы! и этотъ проектъ оказался недолисаннымъ. Тѣмъ не менѣе, офицеръ сложилъ въ кучу всѣ найденныя тетради и бережно перевязалъ ихъ тесемкой.

— Все, кажется, сказалъ онъ вздыхая.

Надя попрежнему не обращала вниманія на суетившихся полицейскихъ. Неродовичъ, не проронивъ ни слова, закурилъ вторую, потомъ третью папиросу. Онъ надѣялся что хладнокровіе его разсвѣтъ подозрѣнія жандарма, если даже у того зародилась на его счетъ догадка. Не разъ уже за послѣдніе года ему удавалось, благодаря такому смѣлому хладнокровію, ускользнуть изъ полицейскихъ рукъ. Теперь однако онъ не владѣлъ собою, какъ тогда, и не былъ въ состояніи придать своему лицу необходимое, самоувѣренное равнодушіе. Кровь его еще не улеглась послѣ недавняго объясненія съ Надей.

— Потрудитесь составить актъ, приказалъ офицеръ сидѣвшему у стола статскому господину.—Мы, какъ видите нѣмногог отсюда увозимъ, обратился онъ къ Надѣ съ прежнею обязательностью.

Она подняла голову и чуть слышно проговорила: „Да, я вижу“, но вниманіе продолжало отсутствовать и взглядъ ея равнодушно скользнулъ по книгамъ и бумагамъ.

Пока писмоводитель быстрымъ почеркомъ составлялъ актъ, приставъ и жандармъ не переставали шептаться стоя у самыхъ дверей.

— Неужели вы увѣрены? спрашивалъ приставъ.

— Еще бы! Такое сходство... у насъ карточки.

— Да въ такомъ случаѣ и она тоже?..

Офицеръ пожалъ плечами.

— Конечно подозрительно; но такъ прямо сказать ничего нельзя. Такія странныя бываютъ случайности. А слѣдить разумѣется будемъ.

Неродовичъ глядѣлъ на говорившихъ съ возрастающимъ безлокойствомъ. „Вѣдь съ меня глазъ не слускаютъ все время, твердилъ онъ самому себѣ, и теперь у дверей стали точно затѣмъ чтобы не дать уйти...“

— Не угодно ли вамъ будетъ подписаться? ласково сказалъ Надѣ офицеръ, просмотрѣвъ уже готовый актъ.—Это такъ, лустая формальность. Вы этимъ засвидѣтельствуете то что нами было совершено при исполненіи своихъ обязанностей. А мы вамъ квитанцію выдадимъ. Вотъ здѣсь подпишитесь. И своимъ длиннымъ, выхолопнымъ ногтемъ онъ указалъ ей мѣсто на бумагѣ.

Надя взяла перо изъ его рукъ и выставила свое имя, не взглянувъ даже на содержаніе акта. Ей не было никакого дѣла до того что сейчасъ происходило въ этой комнатѣ.

— А теперь мы попросимъ вашего знакомаго подписаться тоже въ качествѣ свидѣтеля, продолжалъ офицеръ, указавъ на Неродовича.—Она конечно не поставитъ себѣ въ трудъ?

— Нисколько.... я съ большимъ удовольствіемъ, подманила Неродовичъ со своего мѣста и взялъ изъ рукъ жандарма перо.—Гдѣ прикажете?

Теперь Надя очнулась. Съ блестящими глазами она слѣдила за каждымъ движеніемъ Неродовича, пока онъ бойко расчеркивался на бумагѣ. Жандармъ и приставъ тоже упорно слѣдили за нимъ, хотя любезная улыбка не сходила съ ихъ лицъ.

— Полтавскій мѣщанинъ Иванъ Говоренко, прочелъ жандармъ только-что написанное Неродовичемъ.—Такъ-съ... прекрасно....

Глаза его уставились на Льва Александровича и любезная улыбка смѣнилась насмѣшливою.

Надя вздрогнула. Ея взглядъ тоже пристально слѣдилъ за лицомъ Неродовича. Напряженнымъ усиліемъ воли ему удалось не выдать своей тревоги, а между тѣмъ у него спираю дыханіе и холодный потъ готовъ былъ выступить на его лбу.

— А позвольте васъ спросить, обернулся жандармъ къ Надѣ,—вы хорошо знаете господина Говоренко?

Надя не отвѣчала. Секунды двѣ прошли въ молчаніи. Въ комнатѣ два раза послышался звукъ часоваго маятника, и Надѣ казалось что это не часы стучатъ на каминѣ, а сердце у нея въ груди.

— Я у васъ спрашиваю это потому, маркиръ голосомъ продолжалъ офицеръ,—что мы имѣемъ поводъ сомнѣваться на счетъ подлинности фамиліи господина Говоренко...

Кровь вдругъ бросилась въ блѣдныя щеки молодой дѣвушки. Что должна она была сказать? Неправду? зачѣмъ? Чтобы попытаться выгородить человѣка только-что оскорбившаго ее самымъ гнуснымъ образомъ? человѣка, едва не причинившаго смерть Аннѣ Григорьевнѣ? Вся она возмущилась отъ одной этой мысли и въ глазахъ ея блеснуло карающее чувство возмездія.

— Его зовутъ не Говоренко, а Левъ Неродовичъ, проговорила она рѣшительно.

Полицейскіе засіяли торжествомъ. Приставъ растворилъ дверь и кликнулъ въ сосѣдную комнату: „Оминь, иди сюда!“ Андрей и Анисья рѣшительно не понимали смысла всего происходящаго.

Лицомъ Неродовичъ мгновенно измѣнился. Долго сдерживаемые мускулы теперь повисовались уже одной овладѣвшей имъ бѣшеной злобѣ. Глаза его налились кровью. Указывая рукой на молодую дѣвушку, онъ проговорилъ обращаясь къ жандармамъ:

— Вы хотите меня арестовать.—Въ эту минуту въ дверяхъ показался полицейскій Ооминъ,—такъ арестуйте жъ и ее: она моя сообщница.

— Ну, это не ваше дѣло, господинъ Неродовичъ, засмѣлся офицеръ, крутя свой изящный усъ.

Надя остолбенѣла.

— Я ваша сообщница? воскликнула она.—Я, ненавидящая васъ болѣе всего на свѣтѣ...

— Увидимъ много ли вамъ поможетъ эта лютая ненависть, злобно возразилъ Неродовичъ.—Господинъ офицеръ, потрудитесь выслушать мое показаніе. Эта дѣвушка Надежда Ольшевская, уже два года тому назадъ вступила въ наше общество. Затѣмъ она была въ Цюрихъ и вернувшись оттуда, вмѣстѣ со мною и нѣкоторыми иными лицами, перѣѣхала въ Москву для активной пропаганды. Тамъ она принимала участіе въ нашихъ совѣщаніяхъ. Ей были известны и дѣла наши и средства.

Бѣшеное желаніе отмстить Надѣ такъ овладѣло Неродовичемъ что онъ не оставилъ даже предъ оговоромъ самого себя.

— Дѣла ваши я считаю отвратительными, перебила его Надя.

— Можеть-быть. Но еще годъ тому назадъ вы думали не такъ. Отрицайте это коли можете.

Изъ дальняго угла комнаты послышались всхлипывавья Аписы.

— Все это, Неродовичъ, строго объявилъ жандармъ,—вы сообщите тому кто васъ будетъ допрашивать. А теперь я васъ арестую. Господинъ приставъ отвезетъ васъ въ то мѣсто гдѣ вы будете содержаться.

Дворника послали за извозчикомъ. Приставъ и двое полицейскихъ увели Неродовича и не пытавшагося сопротивляться. Предъ уходомъ ихъ жандармъ что-то шелкнулъ на ухо приставу.

Надя снова упала на стулъ и закрыла лицо руками. Она не въ состояніи была сообразить того что случилось. Бурныя и несвязныя мысли стучали у нея въ головѣ, быстро смѣняя одна другую.

— Барышня, за что же это такое? подошла къ ней, не переставая всхлипывать, Амисья.—Что за страсти такіа, Господи!

Надя ея не слушала. Она оставалась въ какомъ-то безчувствіи. Офицеръ стоялъ возлѣ нея, не рѣшался заговорить. Онъ только барабанилъ пальцами по столу, что-то соображая. Хоть ему и не въ диковинку было присутствовать при тяжелыхъ сценахъ, но и онъ ощущалъ какое-то замѣшательство предъ красивою молодою дѣвушкой, такъ неожиданно очутившеюся въ полицейскихъ сѣняхъ. Амисья ломала себѣ руки въ безпомощномъ отчаяніи.

Такъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ жандармъ рѣшился заговорить.

— Мнѣ очень жаль, обратился онъ къ Надѣ, слегка запинаясь,—что приходится васъ тревожить, особенно въ такой день, когда у васъ только-что случилось семейное горе...

— Какъ? вы все еще здѣсь? Чего же вы отъ меня хотите? спросила она глухо, уставивъ на жандарма свои удивленные, словно потухшіе глаза.

— Мнѣ очень жаль, повторилъ онъ,—но вы сами поймете что случившееся здѣсь... происшествіе вынуждаетъ меня принять нѣкоторыя мѣры...

Она продолжала глядѣть на него съ недоумѣніемъ.

— Только-что арестованная здѣсь личность, продолжалъ онъ, какъ бы осторожно подбирая слова,—принадлежитъ къ числу самыхъ опасныхъ агитаторовъ. И само уже присутствіе ея въ вашемъ домѣ, самый, такъ-сказать, фактъ вашего знакомства съ нею служилъ бы достаточнымъ основаніемъ къ тому чтобы допросить васъ.—Она продолжала слушать, все еще не ловимая.—Но господинъ Неродовичъ былъ не только арестованъ у васъ,—онъ прямо указалъ на васъ какъ на сообщницу...

— Что жъ, вы хотите арестовать и меня? поднимаясь съ мѣста спросила удивленная дѣвушка, не вѣрившая ушамъ.

— Не арестовать, помилуйте, мягкимъ голосомъ возражалъ любезный жандармъ.—Но согласитесь сами, мы не можемъ, такъ-сказать, улустить нити ведущей къ открытіямъ... Я попрошу васъ только со мною сѣздить въ полицейское управленіе и тамъ дать свое показаніе, послѣ котораго вы будете конечно отпущены... Вотъ кстати ужъ и карету нашла, добавилъ онъ, увидавъ входившаго полицейскаго, Омина.

— Ахъ! вы и за каретой уже успѣли послать! воскликнула Нада, ловявшая теперь весь ужасъ своего положенія.— Такъ скажите же прямо, что вы меня арестуете! Чего вы стыдитесь?

Она гордо выпрямилась предъ жандармомъ. Онъ ей не отвѣтилъ, видимо затрудняясь приискать мягкую форму для своего непривлекательнаго дѣла.

— Васъ арестовать хотять? Барышня, да что жъ это? завопила вся растерявшаяся Анисья.

— Да я же сказала вамъ здѣсь, опять заговорила Нада,— что я давно порвала съ этими людьми. Этотъ Неродовичъ случайно зашелъ сюда. Его впустили по ошибкѣ; онъ оставался противъ моей воли...

Краска бросилась ей въ лицо при воспоминаніи о ея недавней сценѣ съ Неродовичемъ. Чувство достоинства громко заговорило и представило ей всю унижительность этихъ объясненій.

— Да что я теряю слова! Вы мнѣ не вѣрите!

— Я вѣрю вамъ, радъ вамъ вѣрить и заранѣе знаю что когда вы все объясните кому слѣдуетъ, всякое подозрѣніе исчезнетъ. Но я ничего сдѣлать не могу. Я человѣкъ подначальный.

— Ну, а если я откажусь за вами послѣдовать, что тогда? сверкнула она глазами.— Вы меня возьмете силой? Да?

Онъ не отвѣтилъ, въ невольномъ смущеніи опустивъ глаза. Анисья бросилась къ молодой дѣвушкѣ.

— Да мы съ Андреемъ васъ не пустимъ, Надежда Сергѣевна!— Андрей однако спокойно продолжалъ стоять въ углу, не считая удобнымъ вступаться за дочь своего бывшего господина.— Что скажетъ Анна Григорьевна? Что скажетъ женишекъ вашъ когда онъ узнаетъ?

Эти слова усилили краску стыда на лицѣ Нади. Все ея существо возмутилось при мысли что имя Дмитрія, что ея любовь къ нему будутъ поруганы выставленіемъ ихъ напоказъ предъ этимъ чужимъ человѣкомъ, холодно исполнявшимъ свои суровыя обязанности.

— Ыдемъ же, сказала она рѣшительно.— Я уступаю силѣ. Вы мнѣ позволите взять съ собою кое-какія вещи, да вотъ и ее тоже? Она указала на Анисью.

— Вещей сколько угодно, отвѣтилъ жандармъ,—но присутствіе горничной едва ли будетъ удобно...

Надя не возражала. Гордость придавала ей силы. Она приказала Анисья связать въ узелъ нужное платье и бѣлье. У нея хватило даже твердости чтобъ утѣшать старушку.

— Ничего, Анисья. Я завтра же вернусь, успокоивала она ее, хоть и сама этому не вѣрила. Теперь ей хотѣлось поскорѣе испить чашу до дна и покончить съ тяжелою, унизительною сценой. Она обняла все еще плакавшую старушку, быстро спустилась съ лѣстницы и на вѣсколько минутъ ушла предъ гробомъ отца. „Кто знаетъ, можетъ-быть не съ нимъ только я теперь прощаюсь“, съ горечью подумала она, вставая. Слезъ у нея не было. Она бы ни за что не выдала предъ чужими своего безнадежнаго горя. Она усѣлась въ каретѣ съ жандармомъ, и извозицы клячи драболою рысью повезли ее къ полицейскому дому.

Анисья въ тотъ же день послала Дмитрію письмо—то самое которое онъ получилъ когда собирался на поѣздъ.

XI.

Give me that man

That is not passion's slave, and I will wave him
In my heart's core, ay, in my heart of hearts.

Shakespeare. *Hamlet*.

Утромъ, на слѣдующій день, Николай Осиповичъ Боровской сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, влохмѣвъ убѣжденный что по случаю воскресенья его не оторвутъ отъ работы посѣтителю: на своей новой должности въ О... Николай Осиповичъ былъ такъ заваленъ дѣлами что иной разъ приходилось не подъ силу даже ему, привыкшему къ усидчивому, и въ то же время быстрому труду. Вдругъ, ровно въ половинѣ одиннадцатаго, въ передней раздался звонокъ.

— Жандармскій капитанъ Бандуринъ, спустя минуту доложилъ камердинеръ. Это былъ тотъ самый офицеръ который наканунѣ арестовалъ Надю.

Приходъ жандарма не удивилъ Боровскаго: по самому свойству его занятій ему приходилось нерѣдко принимать такихъ посѣтителей. Но когда офицеръ передалъ ему про арестъ Неродовича и Нади съ торжествующимъ видомъ человѣка сдѣлавшаго важное открытіе, гнѣвное изумленіе выразилось на лицѣ Николая Осиповича и заставило его измѣнить своей обычной сдержанности.

— Какъ?! Вы арестовали Надежду Сергѣевну Ольшевскую? воскликнулъ онъ, и жандарма поразила страстность его завывающаго голоса. Бандурина ожидалъ выраженія признательности за удачную поимку важнаго преступника, а за свое извѣстiе онъ получалъ чуть не выговоръ.

Но Боровской тотчасъ вернулъ себѣ привычное самообладанiе.

— Разкажите, я васъ слушаю, проговорилъ онъ спокойно, хотя съ отбѣнкомъ строгости, усаживаясь въ кресло.

Офицеръ съ дѣловой отчетливостью сообщилъ ему всѣ подробности, особенно настаивая на значенiи ареста такого опаснаго агитатора, какимъ считался Неродовичъ. Все что касалось Нади въ его глазахъ было маловажно. Боровской напротивъ почти не скрывалъ своего нетерпѣнiя, когда упоминалось про Неродовича. „Дальше, дальше“, остановилъ онъ даже раза два Бандурину, когда тотъ слишкомъ ужъ распространялся насчетъ Льва Александровича.

— Гдѣ же вы ее помѣстили? спросилъ Николай Осиповичъ, когда Бандурина кончила. — Неужели въ одной изъ этихъ отвратительныхъ арестантскихъ камеръ?

Офицеръ все болѣе изумлялся: никогда еще Боровской такимъ образомъ не отзывался о помѣщенiи для политическихъ арестантовъ.

— Гдѣ Ольшевской была отведена особая комната, очень приличная и удобная, въ главномъ корпусѣ полицейскаго управленiя; конечно на время, — прибавилъ онъ, — пока не будетъ сдѣлаано распоряженiе.

Боровскаго передернуло при мысли что жандармъ уже думаетъ о переводѣ молодой дѣвушки въ настоящiя арестантскiя камеры гдѣ содержалась ея сестра. Онъ вдругъ живо припомнилъ свой недавнiй разговоръ съ Надей. „Ее слѣдуетъ освободить немедленно!“ Хотѣлъ онъ было воскликнуть, но тотчасъ сдержалъ себя.

— Я не вижу основанiй, сказалъ онъ, — для привлеченiя дѣвицы Ольшевской къ отвѣтственности. Голословный оговоръ такого негодяя каковъ этотъ Неродовичъ не можетъ служить доказательствомъ. Кто знаетъ, изъ-за какихъ грязныхъ побужденiй онъ ее оклеветалъ?

— Заявленiе Неродовича, ваше превосходительство, не походило на клевету. Да и то обстоятельство что онъ былъ застигнутъ въ домѣ Ольшевской, само по себѣ уже служить уликой.

Боровской сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе рукой: онъ чуть-было не проговорился насчетъ того что вполнѣ объясняетъ себѣ вѣроятныя причины появленія Неродовича въ домѣ Нади. На мигъ въ его умѣ мелькнуло подозрѣніе что можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ молодая дѣвушка не прервала своихъ прежнихъ сношеній съ кружкомъ агитаторовъ. Но онъ тотчасъ отогналъ его какъ нѣчто совсѣмъ невозможное. Николай Осиповичъ слишкомъ хорошо умѣлъ судить о людяхъ чтобъ отдаваться боязливой подозрительности новичка.

Жандармъ между тѣмъ подумалъ что въ иныхъ случаяхъ и гораздо меньшія улики казались Николаю Осиповичу вполнѣ достаточными.

— Это еще не все, ваше превосходительство, снова заговорилъ онъ. — Вчера вечеромъ оба арестованныя лица были допрошены, и Неродовичъ подтвердилъ свои обвиненія съ такими подробностями что трудно ихъ принять за выдумки. Я привезъ къ вамъ его показаніе.

И Бандуринъ своими красивыми ногтями повернулъ замысловатый секретный замокъ изящнаго портфеля, который не выпускалъ изъ рукъ, и досталъ оттуда нѣсколько исписанныхъ листовъ бумаги.

Но Боровской не протянулъ даже руки чтобы взять ихъ.

— А что показала г-жа Ольшевская? спросилъ онъ. — Она тоже была допрошена, говорите вы?

— Она отказалась давать какія-либо показанія и ограничилась заявленіемъ что ни въ какомъ преступномъ сообществѣ не состоитъ и въ теченіе семи мѣсяцевъ проживала въ домѣ своей тетки, генеральши Корецкой.

При этихъ словахъ Боровской нетерпѣло кивнулъ головой, брови его сдвинулись и рука судорожно дернула за часовую цѣлочку.

— Ольшевская добавила еще,—и говоря это жандармъ зазвенѣлъ лалашемъ,—что вашему превосходительству личность этой Корецкой извѣстна...

Боровской не отвѣтилъ ни слова. Только лобъ его сморщился еще болѣе, словно въ его умѣ воскресло тяжелое воспоминаніе.

— Она просила даже разрѣшенія, продолжалъ жандармъ, опираясь лѣвою рукой на эфесъ,—написать къ вашему превосходительству.

— Ну? вырвалось у Боровскаго.

— Не было конечно повода въ этомъ отказываться. Мы дали ей бумаги; она что-то написала, перечла нѣсколько разъ и потомъ вдругъ разорвала записку: „Нѣтъ“, говорить „писать не буду“.

Боровской съ шумомъ отодвинулъ кресло и нѣсколько разъ молча прошелся по комнатѣ.

— Давайте сюда показаніе Неродовича, наконецъ сказалъ онъ, остановившись предъ жандармомъ.

Бандуричъ сказалъ правду: обвиненіе Неродовича не походило на пустую выдумку. Это было подробное изложеніе всего прошлаго Нади, ея вступленія въ кружокъ, поѣздки за границу и шестимѣсячнаго пребыванія въ Москвѣ. Самому Боровскому въ первый разъ доводилось узнавать про это, и взглядъ его съ напряженнымъ, страстнымъ вниманіемъ будто вливался въ каждую строчку. Онъ читалъ съ какимъ-то упорнымъ, болѣзненнымъ наслажденіемъ, и вдругъ, когда онъ кончилъ, его обдало страхомъ при мысли что вѣдь, если этой бумагѣ будетъ данъ обычный ходъ и на основаніи ея начнется слѣдствіе, Нада безвозвратно погибла... „Это показаніе надо уничтожить“, промелькнула у него мысль.

— Никто еще не познакомился съ содержаніемъ этой бумаги? спросилъ онъ, и голосъ его задрожалъ. — Производили допросъ вы?

— Я, ваше превосходительство, но въ то же время счелъ долгомъ сообщить о его результатахъ господину мѣстному начальнику жандармскаго управленія.

Боровской метнулъ гнѣвнымъ, загорѣвшимся взглядомъ на жандарма.

— Вы правы, сказалъ онъ однако, — вы иначе поступить не могли... А показаніе Неродовича и гжи Ольшевской я оставляю у себя: дѣломъ этимъ я займусь самъ, конечно, — добавилъ онъ съ худо скрытою провѣей, — при полезномъ содѣйствіи чиновъ корпуса жандармовъ.

Онъ отпустилъ Бандурина не протянувъ ему руки, и крупными шагами заходилъ по комнатѣ.

Первою мыслью Николая Осиповича было сжечь бумаги привезенныя жандармомъ. Конечно Неродовичъ повторить свои показанія. Но рукова слѣдствіемъ Боровской могъ устранить изъ него все касавшееся Нади. Стоило ему отдать приказаніе, и Нада въ тотъ же день будетъ выпущена изъ заключенія. Боровской напередъ радовался уже мысли что

сегодня же самъ онъ объявить любимой дѣвушкѣ про ея освобожденіе. Власть тѣмъ и хороша что она даетъ средства однимъ почеркомъ пера превратить горе въ радость...

Разчетливый умъ Николая Осиповича не легко поддавался увлеченіямъ. Онъ быстро возвращалъ себѣ утраченное на мигъ господство. Боровской снова взялъ съ письменнаго стола лежавшее тамъ показаніе Неродовича, не съ тѣмъ однако чтобъ его уничтожить. Онъ снова принялся за внимательное чтеніе, хотя каждая строка этого дописа крѣпко засѣла въ его памяти. И вдругъ Боровскому живо вспомнилось что содержаніе ея было уже извѣстно не одному Бандуршму. Обстоятельство это конечно и не ускользало отъ его вниманія, но теперь оно какъ будто ярче освѣтилось, словно оно теперь выступило изъ ряда другихъ фактовъ. Еслибы слухъ объ арестѣ Нади не выходилъ изъ круга подчиненныхъ ему, Боровскому, ничего бы не стоило вернуть ей свободу. Но теперь этого негласно уже сдѣлать нельзя. Въ глазахъ мѣстныхъ властей она также виновна, какъ десятки другихъ, судившихся и приговоренныхъ. Нѣтъ, она даже выдѣляется изъ числа прочихъ. Имя ея, какъ на зло, сразу приобретаетъ извѣстность.. Она сестра другой обвиняемой и какъ разъ съ нею вмѣстѣ, въ ея комнатѣ, былъ застигнутъ Неродовичъ. Нужды нѣтъ что всѣ обстоятельства дѣла указываютъ на явную вражду между нею и этимъ человѣкомъ. Нечего было и думать о томъ чтобы заглушить это дѣло, выпустить Нади безъ огласки. Такой поступокъ съ его стороны возбудить несомнѣнные толки, кто знаетъ, можетъ - быть даже подозрѣнія...

И Николай Осиповичъ снова зашагалъ по комнатѣ, живо и ярко представилъ себѣ неизбѣжныя послѣдствія освобожденія Нади. Ему поручено веденіе политическихъ слѣдствій, какъ человѣку испытанной энергіи и умѣлости. И что же въ правѣ будутъ сказать другія мѣстныя власти, когда онъ узнаютъ что онъ самовольно освободилъ отъ законнаго преслѣдованія дѣвушку противъ которой имѣлись самыя очевидныя улики? Какъ объяснить онъ имъ эту безпримѣрную милость? Молодостью и красотой Нади, что ли? Развѣ люди смотрѣвшіе съ завистью на его быструю карьеру не воспользуются этимъ чтобы пустить въ ходъ самыя двусмысленныя догадки? Въ тридцать три года онъ занимаетъ одно изъ первыхъ прокурорскихъ мѣстъ въ Россіи. Предъ нимъ широко раскрывается поле будущей дѣятельности. Еще не много вре-

мени, и онъ стулитъ выше, и кто знаетъ, въ его рукахъ, можетъ-быть, окажется власть—та настоящая, самостоятельная власть, которая давно носилась предъ его воображеніемъ и приводила всю его душу въ какой-то страстный трепетъ. И все это онъ можетъ вылустить изъ рукъ вслѣдствіе глупой вспышки чувства къ женщинѣ.

Но въ тотъ самый мигъ когда Николай Осиповичъ сказалъ себѣ это, на его разсудокъ нахлынула новая волна этого же глупаго чувства. Какъ скоро ему представилось, съ тою отчетливостью какую всегда принимала его мысль, что для будущей карьеры онъ долженъ прінести въ жертву свободу Нади, что-то въ немъ возмутилось противъ этого неумолимаго вывода. Какъ? отъ него зависить вся судьба единственной женщины которую онъ когда-либо любилъ, и онъ спокойно дастъ ей погибнуть изъ-за личнаго разчета? И страстные, задорные голоса слова заговорили въ его сердцѣ, заглушая собой робкія соображенія осторожности. Его вдругъ какъ бы воспламенила мысль что вѣдь своимъ спасеніемъ Надя будетъ обязана ему одному, и что тогда... Онъ какъ бы напередъ наслаждался обладаніемъ любимой дѣвушкой.

Тогда?... Насмѣшливо въ немъ поднялся опять иной, трезвый голосъ. Что тогда? Благодарность? Да развѣ можно полагаться на благодарность женщины? Да если это чувство въ ней и будетъ, развѣ можно требовать чтобъ оно превратилось въ любовь? Да и много ли стоить такая вымученная любовь? Боровской желчно разсмѣялся. Освободить Надю, значило бы возвратитъ ее Дмитрію... Нѣтъ, этого онъ не сдѣлаетъ, слишкомъ уже глупо было бы на собственный счетъ благодѣтельствовать этому человѣку. Боровской сознавалъ что какъ бы ни являлся онъ предъ Надей въ роли спасителя, онъ не замѣнитъ ей, не заслонитъ собою любимаго человѣка. Какъ ни ожесточался онъ при одной этой мысли, Боровской отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ что вѣрности Нади Дмитрію ему не поколебать ничѣмъ.

Ничѣмъ? А страхъ? Если Надя будетъ знать что ей предстоитъ не только разлука съ женихомъ, но тюрьма и ссылка, развѣ и тогда она не согласится купить себѣ свободу? Теперь Боровской не думалъ уже о томъ чтобы выгородитъ Надю. Ему надо было успитъ въ ней сознаніе оласности, подыскать, если можно, новую, лишнюю улику. И какъ разъ такая улика у него была въ рукахъ: письмо Перодовича къ Надѣ, полученное имъ отъ Елены Ордынцевой, бережно хранилось у

него подъ ключомъ. Онъ досталъ его изъ конторки и снова перечелъ, хотъ и зналъ его наизусть. Рядомъ съ показаніемъ Неродовича это письмо составляло уже неотразимое доказательство вины. И онъ рѣшился воспользоваться имъ какъ послѣднимъ средствомъ въ случаѣ упорства Нади.. Противъ такой грозной улики не устоитъ конечно и ея твердость.

Николай Осиповичъ рѣдко ошибался въ людяхъ, но оцѣнка его всегда была немного ниже дѣйствительности. И для себя теперь онъ уже довольствовался тѣмъ что могъ дать ему страхъ предъ такою будущностью. Одно желаніе такъ охватило все его существо что онъ пересталъ уже быть разборчивымъ на средства. Онъ зналъ уже только одно: такое средство было въ его власти; имъ надо было воспользоваться въ этотъ же день, тотчасъ воспользоваться. Ему хотѣлось уже не любви молодой дѣвушки, онъ довольствовался однимъ обладаніемъ. Для этого онъ не остановится ни предъ какими послѣдствіями. Пусть говорятъ что угодно, доносить на него, за эту цѣну онъ готовъ даже подвергнуть опасности свое блестящее положеніе... И говоря себѣ это, Боровской сознавалъ очень хорошо что въ сущности онъ готовъ совершить сдѣлку—продать молодой дѣвушкѣ ея свободу. Но какъ ни возмущалась въ немъ вся нравственная брезгливость природы, которую всегда отталкивала всякая явная гнусность, также точно какъ физическое безобразіе, Боровской уже оломиться не могъ. Всѣ новыя соображенія были отброшены ради одного страстного желанія. Нада будетъ принадлежать ему, или она... да онъ и не допускалъ мысли чтобы молодая дѣвушка могла заупрямиться. И что же будетъ потомъ?... Боровской долго не могъ точно и прямо отвѣтить на этотъ вопросъ. Недавно еще онъ бы дорого далъ чтобы соединить всю свою жизнь съ жизнью Нади. Боровской не хотѣлъ признаваться самому себѣ что теперь объ этомъ не могло быть и рѣчи. Нельзя же стать мужемъ дѣвушки привлеченной къ уголовному дѣлу. И хотя Боровской зналъ очень хорошо что Нада не была виновата ни въ чемъ, ея случайное заключеніе въ тюрьму словно набрасывало на нее какую-то тѣнь. Теперь она годится развѣ въ любовницы, а не въ жены, вотъ чего не договорилъ самому себѣ Боровской, но что все-таки гнѣздилося на самой глубинѣ его мысли. На этотъ разъ онъ самъ черезчуръ уже устыдился самого себя.

Ровно въ часъ дрожки Боровскаго подѣзжали къ дому полицейскаго управленія.

XII.

Но я другому отдаю
И буду вѣкъ ему вѣрна.

Пушкинъ.

Plutôt mourir pour lui que vivre auprès
de toi.

Racine.

Надя удивительно спокойно провела ночь на своемъ нежданномъ новосельѣ. Пережитое ею въ нѣсколько часовъ до того потрясло и ошеломило бѣдную дѣвушку что у нея не доставало даже силъ жаловаться на совершенное съ нею вопиющее дѣло. Она не въ состоянiи была опомниться и заглядывать въ будущее: переломъ наступилъ слишкомъ быстро и круто. Въ головѣ у нея сдѣлалась какая-то странная пустота. Мысли свалили въ ней какими-то отрывками, не остававшаяся и не уцѣпляясь одна за другую. Прежде всего ей нуженъ былъ покой, и сонъ, вѣрный утѣшитель молодости, увесъ ее далеко за стѣны ея непригляднаго жилища. Когда Надя утромъ проснулась, она въ недоумѣнiи оглянула голыя стѣны съ дешевенькими сѣрыми обоями и не могла отдать себѣ отчета, зачѣмъ она здѣсь и какъ она попала въ эту странную комнату. Она не сразу вспомнила что здѣсь не по своей волѣ и уйти ей отсюда нельзя. Да и комната совсѣмъ не походила на тюрьму: все въ ней было чисто и опрятно, только царилъ въ ней какой-то форменный канцелярскiй порядокъ. На двухъ высокихъ окнахъ, выходившихъ на дворъ, не было занавѣсокъ; подлѣжники плетеныхъ стульевъ шеренгой выстроились вдоль стѣны. На длинномъ столѣ, покрытомъ клеенкой, стояла большая, квадратная чернильница, какія бывають въ присутственныхъ мѣстахъ. Недавно здѣсь еще помѣщалось отдѣленiе канцелярiи, и лишь недѣли за двѣ предъ тѣмъ эту комнату, по недостатку мѣста, отвели для временнаго содержанiя арестантовъ которымъ по чему-либо считали нужнымъ оказывать снисхожденiе.

Мало-по-малу воспоминанiя Нади пришли въ порядокъ. Но страшное слово тюрьма все еще не являлось ей въ своемъ грозномъ свѣтѣ. Случившееся съ нею было такъ неожиданно, такъ велѣло, что ей все еще не вѣрилось, будто

выѣшій день совсѣмъ уже не то что вчерашній, что между нею и остальнымъ міромъ выросла какаа-то преграда. Молодость не легко поддается горю: она борется съ нимъ, не хочетъ признать его власти. Только тотъ кто много пожилъ настежь отворяетъ ему двери, какъ знакомому гостю. Нада понимала только что произошло какое-то удивительное недоразумѣніе, и сегодня же, черезъ нѣсколько часовъ, все разъяснится и будетъ улажено. Ей и въ голову не приходило чтобъ ее могли на самомъ дѣлѣ обвинить въ сообщничествѣ съ Неродовичемъ. И гнѣвное, возмущенное чувство направлялось у нея исключительно противъ него. При мысли о вчерашнемъ своемъ объясненіи съ нимъ, краска у нея бросалась въ лицо и негодование за его поступокъ съ нею совершенно заслоняло собой озлобленіе противъ тѣхъ по чьей винѣ она здѣсь.

Она наскоро одѣлась и стала теперь соображать, какъ ей поступить и къ кому обратиться. И вотъ, именно теперь она съ изумленіемъ стала убѣждаться въ томъ что собственно ей сдѣлать ничего нельзя, и сама она участи своей измѣнить не можетъ. Тутъ ей впервые померещилось что значить лишеніе свободы и въ тотъ же мигъ ее словно обожгло при мысли о томъ что бы почувствовалъ Дмитрій, еслибы вдругъ онъ узналъ про случившееся съ нею. Но все-таки она страдала только за Дмитрія. Она не допускала мысли про какую-нибудь неизбежную, продолжительную разлуку съ нимъ. Ей было только стыдно за себя, за то что она, его невѣста, очутилась на одномъ ряду съ преступниками.

Вдругъ въ двери щелкнулъ замокъ и въ комнату вошелъ визельскій полицейскій съ чайнымъ приборомъ. Она поблагодарила его, отказавшись отъ чаю, и спросила у него, можно ли видѣть того офицера который наканунѣ ее привезъ? „Не можемъ знать“, былъ короткій отвѣтъ полицейскаго. И какъ разъ въ эту минуту Нада почувствовала что она въ самомъ дѣлѣ отрѣшена отъ прочаго міра; ей даже нельзя обратиться къ кому-либо изъ тѣхъ кто имѣетъ надъ нею теперь власть. Ее конечно выпустятъ отсюда, но когда и какъ? Она начинала понимать что это вполнѣ зависитъ отъ произвола совершенно незнакомаго ей должностнаго лица, которое не можетъ знать что она совершенно невиновна, и которому ровно никакого дѣла нѣтъ до горя причиняемаго дорогимъ ей людямъ. Она все живѣе ощущала

свою безпомощность. А для нея, привыкшей соображать и рѣшаться быстро, эта полная невозможность хотѣть и дѣйствовать была чѣмъ-то не только ужаснымъ, но и непонятнымъ. Ее возмущало сознаніе что вотъ, вотъ, можетъ-быть сейчасъ къ ней придуть и объявлять какое-нибудь приказаніе, а можетъ-быть и долго, очень долго не придетъ никто. Ей самой ничѣмъ нельзя ускорить рѣшеніе. Въ этой опрятной, чинной комнатѣ она была будто на лустой скалѣ среди моря. Ни просьбы ея, ни крики даже, ни до кого не дойдуть.

Мало-по-малу ее охватывало какое-то сознаніе пустоты — то самое какое бываетъ у лутешественника потерявшаго слѣдъ въ стелю, или захваченнаго снѣжною метелью. Помощь, можетъ-быть, и будетъ со стороны, а можетъ-быть и вѣтъ, и приходится ждать, да ждать, а между тѣмъ ночь темнѣе ложится вокругъ и снѣжные хлопья все гуще сыплются съ неба.... Ее понемногу охватывалъ страшный трелетый холодъ. Она стала прислушиваться къ отдаленнымъ голосамъ въ домѣ, къ стуку шаговъ по корридолу, но равнодушная и неторопливая жизнь казеннаго мѣста шла своимъ чередомъ, минуя ее, совершенно забывъ о ней. Случалось что скрипнеть и отворится дверь и громко раздастся чей-нибудь начальнический голосъ, либо кто-нибудь пробѣжитъ по корридолу, торопясь исполнить приказаніе. Но къ ея дверямъ не подходили. „Что же наконецъ?“ думалось ей, „такъ нельзя... Надо же предпринять что-нибудь, объясниться... Но съ кѣмъ? и какъ даже просто добиться того чтобъ ее услышали, чтобы на ея зовъ пришли“... Нада вспомнила про Боровскаго. Наканувъ уже она задумала было къ нему написать. Но гордость ей помѣшала. Просить Боровскаго за себя лично ей претило въ высшей степени. А между тѣмъ онъ могъ освободить ее тотчасъ — она это знала. Молодая дѣвушка и не сомнѣвалась въ томъ что онъ это сдѣлаетъ. И какъ ни тяжело казалось ей быть чѣмъ-либо обязанною именно ему, она скоро пришла къ заключенію что на его помощь ей и надо всего болѣе разчитывать. Какъ скоро онъ узнаетъ про ея арестъ, онъ тотчасъ распорядится. Но какъ сдѣлать чтобъ онъ про это узналъ скорѣе? Вѣдь каждая, даже малѣйшая отсрочка все далѣе отодвигаетъ ея возвращеніе въ Бѣлыя Столбы.... Надѣ въ точности не были извѣстны взаимныя отношенія разныхъ представителей официальной власти и ходъ сложнаго механизма въ которомъ Боровскому принад-

лежала такая видная роль. Часы тлаулись страшно медленно. Нада все больше вникала въ свое положеніе, все мучительнѣе придумывала средства къ исходу. Все грознѣе охватывало ее сознаніе безсилія. Вдругъ въ корридоръ послышались быстрые, рѣшительные шаги, бряцаніе шпоръ, звукъ голосовъ. Потомъ она уже явственно услышала слова сказанныя почти у самой двери: „Здѣсь? Не безпокойтесь—я съ госложей Ольшевской переговорю самъ“. Дверь отворилась и въ комнату вошелъ Боровской, а въ корридоръ затѣмъ опять послышался звукъ удалявшихся шаговъ.

Никогда еще Нада не встрѣчала Боровскаго такъ радостно какъ въ этотъ день. На его лицѣ напротивъ лежала печать той приличной скорби, какая обыкновенно бываетъ у людей прѣвзажающихъ затѣмъ чтобы выразить участіе по случаю семейнаго горя. Онъ тотчасъ примѣтилъ однако произведенное на нее впечатлѣніе, и сердце у него забилось, откликаясь на радость молодой дѣвушки. Онъ быстро подошелъ къ ней и дружески протянулъ ей руку.

— Могъ ли я предвидѣть, воскликнулъ онъ,—что мы встрѣтимся при такой обстановкѣ!

Она крѣпко пожала его руку и отвѣтила почти весело:

— Благодаря вамъ, конечно, я здѣсь останусь недолго.

— Еслибы вы меня послушались, избѣгулъ онъ прямаго отвѣта,—этого бы не случилось. Сколькo разъ я говорилъ вамъ что слѣдуетъ разомъ порвать съ этими людьми. Какъ могли вы принять Неродовича?!

Нада ждала отъ него совершенно иныхъ словъ и посмотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Да вы же знаете, возразила она,—какъ все это произошло... Или, если вамъ всего не сказали, вы не могли не догадаться что моя воля тутъ была ни при чемъ...

И она разказала ему про то что было наканунѣ. Само собою разумѣется она при этомъ смягчила рѣзкость своего объясненія съ Неродовичемъ.

Боровской слушалъ ее молча, слегка олутивъ голову. Выраженіе скорби на его лицѣ еще усилилось. Оно походило въ эту минуту на лицо доктора слушающаго разказъ безнадежнаго больнаго.

— Да вы какъ будто мнѣ не вѣрите, закончила она,—и въ глазахъ ея была теперь уже не радость, а какое-то изумленное смущеніе.

— Я слишкомъ хорошо васъ знаю чтобы вамъ не вѣрить, произнесъ онъ тихо, отвѣчая на ея взглядъ, — но повѣрять ли вамъ другіе? Обстоятельства сложились такъ странно...

— Но вѣдь рѣшеніе зависитъ отъ васъ, горячо перебила она его, все еще цѣляясь за надежду что выслушавъ онъ тотчасъ же освободитъ ее.—А вы знаете меня не со вчерашняго дня. Вы можете судить обо мнѣ не по одному случайному обстоятельству.

Боровской покачалъ головой.

— Къ сожалѣнію это совсѣмъ не такъ просто, какъ вы думаете, грустно сказалъ онъ.—Неродовичъ далъ вчера показанія прямо обвиняющія васъ въ сообщничествѣ, и трудно, очень трудно будетъ разубѣдить судъ...

Она снова перебила его.

— Но этотъ судъ пока никто иной, какъ вы. А мнѣ, кажется, отъ васъ самихъ, не разъ приходилось слышать что нашъ образъ мыслей сходится очень близко.

Боровской почти до крови закусилъ нижнюю губу.

— Мысль вольна, она остается при васъ. За нее отвѣчать не приходится. Но то что я узналъ вотъ изъ этой бумаги,— и онъ досталъ изъ кармана показаніе Неродовича, — было, признаюсь, и для меня совершенною неожиданностью. Прочтите сами.

И онъ передалъ ей сложенные вчетверо листы, исписанные бѣглымъ почеркомъ Неродовича. Пока она читала, глаза его жадно слѣдили за каждымъ измѣненіемъ ея лица. Лицо это оставалось совершенно спокойнымъ. Только слабый румянецъ показался на ея щекахъ.

— Что жъ, это неправда? спросилъ онъ, когда она кончила, принимая бумагу обратно изъ ея рукъ. — Скажите что это ложь, клевета?...

— Все это совершенная правда, отъ перваго слова до послѣдняго. Да не въ этомъ дѣло. Въ первый же день нашего знакомства, мое прошлое было вамъ извѣстно. Новаго для васъ тутъ не можетъ быть ничего. Но съ тѣхъ поръ прошелъ цѣлый годъ, а въ Бѣлыхъ Столбахъ я была уже не та... Все что здѣсь написано, обвиняетъ не меня, а прежнюю Надю Ольшевскую, которой и слѣда не осталось. Да зачѣмъ я вамъ это говорю? Вы убѣждены въ этомъ такъ же какъ я сама.

— Вы не хотите меня понять, Надежда Сергѣевна. Здѣсь

рѣчь идетъ не о моемъ мнѣнiи. Еслибъ это прошлое не обнаружилось случайно, никакому суду до него не было бы дѣла. Но такъ или иначе, по несчастному случаю или по неосторожности съ вашей стороны, оно вышло наружу, и я пришелъ къ вамъ сюда затѣмъ лишь чтобъ обсудить съ вами, какими средствами вы могли бы избѣгнуть послѣдствiй.

Боровской проговорилъ это почти сурово. Воспоминанiе о Бѣлыхъ Столбахъ и о томъ что вызвало перемѣну во взглядахъ молодой дѣвушки не располагало его къ мягкости.

— Мы напрасно теряемъ слова, Николай Осиповичъ, возразила она холодно и рѣзко, словно она была судьей и ему приходилось давать предъ нею отчетъ,—намѣрены вы мнѣ вернуть свободу или вѣтъ?

Онъ собирався отвѣтить уклончиво, все болѣе убѣждаясь въ трудностяхъ предстоявшаго ему объясненiя. Но она не дала ему говорить и продолжала:

— Одно изъ двухъ, Николай Осиповичъ, либо вы меня считаете виновною—и въ такомъ случаѣ мнѣ остается лишь отвѣчать вамъ какъ официальному лицу, либо вѣтъ—и тогда, какъ честный человекъ, вы обязаны меня немедленно освободить.

Но Боровской еще разъ попробовалъ увернуться отъ поставленной ему прямой дилеммы.

— Я здѣсь пока въ качествѣ друга, мягко сказалъ онъ.— Она невольно сдѣлала рѣзкое отрицающее движенiе рукой.— Ну, положимъ, хорошаго знакомаго, желающаго найти для васъ благопрiятный исходъ. Но судъ, когда дѣло до него дойдетъ, разсудитъ иначе. Онъ можетъ и не обратить вниманiя на перемѣну въ вашемъ образѣ мыслей, и предъ нимъ останется голый фактъ—ваша несомнѣнная принадлежность къ тайному обществу.

— Но, вѣдь, та власть отъ имени которой вы говорите, воскликнула она,—не какая-нибудь машина, которую движетъ слѣпая сила, а живая власть въ рукахъ разумныхъ живыхъ людей.... Какъ? ей дѣла вѣтъ до того что я уже не прежняя, и потому что случайный доносъ обвинилъ меня въ давнишней, да еще въ несовершенной винѣ, она слѣло будетъ меня судить за эту вину... Да вѣдь это просто невозможно. Вы клеветаете на судъ. Или вы, можетъ-быть, не рѣшаетесь сознаться въ томъ что сами меня подозреваете, не смотря на то что сами мнѣ выражали сочувствiе тѣмъ отъ которыхъ я отступилась.

Отправляясь къ Надѣ, Боровской хотѣла увѣрить ее что самъ онъ нисколько не раздѣляетъ какихъ-либо подозрѣній на ее счетъ. Но теперь, въ виду ея прямыхъ рѣзкихъ словъ, онъ измѣнилъ этому намѣренію. Надо было напугать ее, а для этого нельзя уже было являться предъ нею защитникомъ, убѣждаемымъ въ ея невиновности. Она слѣшкомъ ясно высказала что въ такомъ случаѣ ему оставалось сдѣлать лишь одно—немедленно освободить ее.

— Арестованіе Неродовича въ вашемъ домѣ доказываетъ однако, онъ съ видимымъ трудомъ подыскивалъ слова,—что вы не совсѣмъ отъ этихъ людей отступились...

— А, вы наконецъ рѣшаетесь договорить!—Она вся сіяла отъ гордаго негодованія.—Какъ? Неродовичъ сдѣлалъ на меня доносъ, и вы все-таки во мнѣ видите его сообщницу? И вашу олытаость не поражаетъ такая явная несообразность? Вы говорите неправду, Боровской, вы сами знаете, чего стоить этотъ доносъ, да и судъ, которымъ вы меня страшаете, пойметъ это. Въ чемъ меня могутъ обвинить? Въ томъ что годъ тому назадъ я сочувствовала движенію которому сочувствуютъ сотни другихъ? И вы думаете не послушаютъ тетку, да и не одну ее—всѣ знавшіе меня въ Бѣлыхъ Столбахъ покажутъ на судъ.

Тутъ Боровской оставовилъ ее. Онъ не ожидалъ встрѣтить у молодой дѣвушки такую твердость предъ опасностью. Ему надо было всячески усилить въ ея глазахъ вѣроятность обвиненія, чтобы выступить затѣмъ въ роли ея спасителя. Онъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству—къ лисьму полученному отъ Елены: ухвативъ изъ дому онъ захватилъ его съ собой.

— Вы думаете, для суда эти улики не достаточны? А что скажете вы про это лисьмо?—Онъ протянулъ ей конвертъ, на которомъ стояло ея имя, не выпуская его однако изъ своихъ рукъ. Она тотчасъ узнала лисьмо Неродовича.—Какъ вы думаете, судъ повѣритъ что вы прекратили съ тайнымъ обществомъ всякія сношенія?

Нада и не думала отрицать что лисьмо было ею получено. На то она была слѣшкомъ горда.

— Письмо это украли у меня въ комнатѣ, сказала она презрительно.—Хороши средства къ которымъ вы прибѣгаете! Хотѣла бы я знать, какъ оно попало къ вамъ?

— Могу васъ увѣрить что попало совершенно случайно, и еслибъ я такъ старалась о вашемъ обвиненіи, я бы конечно

не былъ теперь у васъ. Я вамъ не врагъ, Нада. Я одинъ могу и желаю спасти васъ.

Онъ сказалъ это съ грустнымъ, почти съ вѣднымъ укоромъ. Но молодую дѣвушку покорило именно отъ этого отбѣга вѣжности гораздо болѣе чѣмъ отъ всѣхъ ужасовъ предстоявшаго ей суда.

— Есть одно только средство чтобы спасти васъ, средство незаконное, продолжалъ онъ, понизивъ голосъ.— Возвратить вамъ свободу можно только уничтоживъ все эти бумаги и прекративъ начатое слѣдствіе. А Неродовича я заставлю молчать. Но сдѣлать это я могу только съ личною опасностью для себя, такъ какъ показаніе это прочелъ не я одинъ...

— Съ опасностью для васъ? холодно и недоувѣрчиво возразила она:— и вы хотите чтобы я повѣрила въ вашу готовность принести для меня жертву?

— Да. Какъ бы страннымъ вамъ это ни казалось. Вы не можете скрыться отсюда такъ чтобы никто про это не зналъ. Пойдутъ разспросы, съ какой стати я освободилъ васъ, не смотря на имѣющіяся улики—и я однако готовъ это сдѣлать, Нада...

— Я не вѣрю въ безкорыстіе такой жертвы, насмѣшливо встала она.

— Я и не думаю принести ее даромъ!

Говоря это, онъ почувствовалъ какъ на лбу его выступили капли холоднаго пота. Съ самаго начала своего давняго разговора съ Надей Боровской точно боялся высказать то слово къ которому и клонился весь этотъ разговоръ. Но теперь уже медлить и отступать было нельзя.

— Неужели вы не видите что мнѣ дѣла нѣтъ до того, виновны вы или нѣтъ?

Нада не поняла и теперь. Она чувствовала только что ей нечего ожидать помощи отъ этого человѣка, и тупое отчаяніе медленно подступало къ ней.

— Я готовъ для васъ нарушить законъ, горячо продолжалъ онъ,— и не потому что васъ обвиняютъ напрасно, а потому что я люблю васъ. Вы отказали мнѣ, помните, Нада, обидно и презрительно отказали, когда я просилъ васъ стать моею женой, а теперь—онъ на мигъ залпулся—я хочу, понимаете ли, хочу чтобы вы были моею.

Съ этой минуты, когда рѣшительное слово было сказано,

онъ уже не останавливался, не боялся ея. Одно только чувство жило въ немъ теперь,—твердая, непреклонная воля овладѣть ею. Красныя латва выступила на его блѣдныя щекахи. Сырые холодные глаза горѣли непривычнымъ блескомъ.

— Судьба ваша зависить отъ васъ самихъ. Скажите одно слово, и вы сегодня же уйдете изъ этого дома, и слѣда не останется отъ доноса Неродовича.

Нада такъ была поражена неожиданностью этого страннаго объясненія въ любви что не нашла отвѣта. Языкъ не повиновался ей. Она стояла предъ Боровокииъ иъмая отъ гнѣва и изумленія.

— Я знаю очень хорошо, продолжалъ онъ съ какою-то горькою злостью,—что въ вашихъ глазахъ я кажусь отвратительнымъ и можетъ-быть смѣшнымъ. Любви требовать нельзя. Да я и не прошу объ ней. Случай мнѣ доставилъ власть надъ вами, и я пользуюсь этимъ случаемъ. Довольно я пострадала изъ-за васъ...

— Неродовичъ... это вѣдь то же что говорилъ вчера Неродовичъ! почти безсознательно, ломая себѣ руки, прошептала она въ отвѣтъ.

Но онъ уже раскаялся въ своихъ жесткихъ словахъ. Приливъ вѣжкости и состраданія къ ней вдругъ охватилъ его и отозвался въ его сердцѣ какимъ-то словно болезненнымъ чувствомъ.

— Простите меня, Нада, забудьте что я сказалъ сейчасъ, вырвалось у него, и лицо его мгновенно преобразилось отъ мучительнаго сознанія что никакія мольбы съ его стороны не вызовутъ въ ней ни малѣйшаго отклика.—Я люблю васъ горько, отчаянно.

— Любите, воскликнула она,—и предлагаете этотъ отвратительный торгъ! Хотите чтобъ я купила себѣ свободу, отдавшись вамъ...!..... Неужели вы не сознаете, какъ это гадко...

Она закрыла лицо руками, какъ бы затѣмъ, чтобы не дать волю слезамъ, навернувшимся въ ея глазахъ. Страстные, вѣжныя его слова вызывали въ ней еще болѣе отвращенія, нежели всѣ его угрозы.

Въ немъ разомъ совершился переломъ. Онъ самъ вдругъ устыдилса предложеннаго имъ торга, и любовь къ ней восторжествовала надъ всѣмъ остальнымъ.

— Вы меня не поняли! воскликнулъ онъ.—Какъ могли вы придать такой смыслъ тому что я сказалъ. Я предлагаю вамъ

отсюда выйти моею невѣстой. Прошу одного—дать мнѣ теперь же ваше слово...

Несчастный воображалъ что однимъ этимъ онъ искупить нанесенное ей оскорбленіе. Стыдъ предъ ней заставилъ его позабыть что такъ недавно еще, въ это же утро, онъ не допускалъ и мысли о такой жемитьбѣ, теперь онъ съ готовностью приносилъ ей эту жертву, вполнѣ увѣренный что она оцѣнитъ благородство такого поступка.

— Я не хочу знать про послѣдствія, самодовольно хвалился онъ предъ нею своимъ великодушіемъ,—лусть судать обо мнѣ какъ хотять, лишь бы вы, Нада, послѣ когда-нибудь, повалили и оцѣнили.

Молодая дѣвушка теперь снова владела собой. Она отняла руки отъ лица, и большіе ея глубокіе глаза, въ которыхъ уже не было слезъ, глядѣли на него съ неумолимымъ презрѣніемъ.

— Понять и оцѣнить все благородство приносимой вами жертвы—это вы хотѣли сказать, Боровской?—Она говорила тихо, но такъ отчетливо что слова ея, какъ звукъ струны, долго звенѣли въ его ушахъ.—Такъ знайте же что я во сто разъ предпочитаю тюрьму и судъ, да и можетъ-быть ссылку въ придачу, позору стать вашею женой! Теперь, послѣ того что вы посмѣли мнѣ сказать!..

Боровской стоялъ предъ ней какъ осужденный.

— Вы думаете я не повалила, съ горькою насмѣшкой продолжала она,—что это предложеніе вы мнѣ сдѣлали въ послѣднюю минуту, рѣшась на него какъ на отчаянное средство. Жалкій вы, низкій человѣкъ!.. Вы хотите чтобъ я стала вашею женой изъ-за страха. Хорошее бы я вамъ принесла счастье. Да какъ могли вы, хоть на минуту, усомниться въ моемъ отвѣтѣ, вы—такой умный вдобавокъ? Я отдала свою жизнь Дмитрію Корецкому и возможна она для меня только съ нимъ—знайте это. Да неужели вы не видите что разлука съ нимъ—вотъ истинное, грозное горе, предъ которымъ ничего не значать всѣ ваши ужасы. А вы мнѣ предлагаете свободу, чтобы быть вашею.. женой,—да на чтѣ она мнѣ, эта свобода, съ вами-то?!

Для Боровскаго всѣ ея обидныя слова ступевались предъ однимъ—предъ любовью ея къ Дмитрію, которую молодая дѣвушка прямо ему бросила въ лицо съ какимъ-то торжествомъ. Въ этомъ была вся ея сила, а въ Боровскомъ одно

напоминаніе объ этой любви вызывало самую бѣшеную злобу. Онъ бы вынесъ оскорбительный отказъ, но этого онъ вынести не могъ.

— Хорошо, процѣдилъ онъ, стиснувъ зубы,—оставайтеся ему вѣрны. Увидимъ, много ли поможетъ вамъ заступничество господина Корецкаго. Да и самъ онъ будетъ ли вѣчно оплакивать васъ, когда вамъ придется жить за нѣсколько тысячъ верстъ отъ него. Посмотримъ какъ онъ за вами поѣдетъ въ Сибирь!

Онъ съ какимъ-то особымъ наслажденіемъ подыскалъ эту посаданую, брошенную ей, насмѣшку и, отвернувшись отъ нея, послѣдилъ выйти.

Въ тотъ же день былъ отданъ приказъ о переводѣ Нади Ольшевской въ арестантское помѣщеніе, и слѣдствіе о ней получило обычный ходъ. Боровской не забылъ приложить къ дѣлу и записку Неродовича.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

К. ОРЛОВСКІЙ.

ОТЪ РЕВЕЛЯ ДО АЛЖИРА

ИЗЪ ДНЕВНИКА МОРСКАГО ОФИЦЕРА.

I.

Въ Балтійскомъ морѣ. 19 ноября 1880. Уходъ нашъ изъ Ревеля въ заграничное плаваніе назначенъ былъ на 16е ноября. Рано наступившая зима и ледоходъ заставили насъ поспѣшно уходить изъ Кронштадта и заканчивать работы по вооруженію въ Ревелѣ. Но и здѣсь нельзя было мѣшкать: погода все время стояла свѣжая. Каждую ночь вѣтеръ сильно крѣпчалъ, достигая иногда стелени шторма и занося гавань массами пловучихъ льдинъ. При такихъ обстоятельствахъ надо было слѣшить уходомъ.

Утро 16го было ясное и морозное. Въ такіе дни какъ-то бодрѣе себя чувствуешь и не такъ легко поддаешься грустнымъ мыслямъ. Въ 11 часу дувшій съ утра NW очень засвѣжѣлъ, что не помѣшало впрочемъ послѣ валутственнаго молбна очень удачно вытѣнуться изъ гавани.

Около двухъ часовъ пополудни дали ходъ машинѣ; по обѣ стороны выхода изъ гавани слышались послѣдніе валутственные клики провожавшихъ насъ. И тамъ, и на фрегатѣ

замахали платками и фуражками. Мѣрно забереждалъ фрегатъ своимъ винтомъ по снѣжной морской змби, оставляя за собою лѣвнѣющійся слѣдъ.

Теперь мы на пути въ Киль и въ заграничномъ плаваніи. На сколько лѣтъ покинули мы Россію, что ждетъ насъ въ чужихъ моряхъ, каково будетъ наше возвращеніе чрезъ два или три года—все это томительные вопросы, о которыхъ надо на время забыть, предоставляя рѣшеніе ихъ Провидѣнію.

Когда мы вышли въ море, было довольно бурно и качка вскорѣ началась. Дѣйствіе ея на молодую фрегатскую команду было, конечно, повальное: всѣ наши вѣстовые сдѣлались живыми мертвецами, такъ-что некому было подавать намъ обѣдъ.

20 ноября. Сегодня не добрались мы до Кила, не доберемся пожалуй и завтра. Два теперь такъ коротки что плаваніе въ узкостяхъ возможно лишь часовъ до четырехъ пополудни; ночи же теперь очень темны, особенно при SW вѣтрахъ, сопровождаемыхъ пасмурностью. Еще засвѣтло встали мы на якорь въ виду маяка Гедзеръ на островѣ Фальстеръ: отсюда до Кильбухты около 100 миль, такъ-что и завтра нельзя рассчитывать войти въ самую бухту, а вѣроятно станемъ на якорь на вѣшнемъ рейдѣ.

День кончается дурию: вѣтеръ сильно свѣжѣетъ и дуетъ порывами; барометръ значительно падаетъ. Какъ бы завтра не пришлось штормовать.

21 ноября. Предчувствіе отчасти оправдалось: мы еще не въ Киль и все утро отстаивались на якорѣ у Гедзера по причинѣ очень свѣжаго вѣтра и пасмурности. Только въ 2 часа пополудни снялись съ якора.

За то вышняя ночь вознаграждаетъ насъ: небо почти ясное и звѣзды свѣтатъ особенно ярко. Горизонтъ совершенно чистъ и маяки открываются одинъ за другимъ. Къ разсвѣту надѣмся быть у входа въ Киль-бухту.

22 ноября. Киль. Мы вошли въ бухту Кила сегодня утромъ въ одинъ изъ тѣхъ сѣренькихъ, но теплыхъ осеннихъ дней которые у насъ такъ не рѣдки въ Петербургѣ. Берега бухты, столь красивые лѣтомъ, когда здѣсь все покрыто зеленью, теперь представляются, конечно, въ самомъ невыгодномъ видѣ. Милонавъ фортъ Фридрихсъ-ортъ, съ которымъ фрегатъ обмѣнялся салютомъ и гдѣ теперь настроены громадныя морскія казармы,

вскорѣ отаан на акорь претивъ красивыхъ домиковъ Дюстери-брука. Это лѣтнее мѣстопробываніе здѣшнихъ жителей.

Я бывалъ въ Киль шесть лѣтъ тому назадъ и видъ города остался мнѣ очень памятевъ: по берегу вѣднѣтся нѣсколь-ко своеобразныхъ построекъ, между которыми старинный губернаторскій домъ съ каланчей, замѣчательный какъ мѣ-сто рожденія императора Петра III, занимаетъ видное мѣ-сто. Далѣе нѣсколько каменныхъ старообразныхъ амбаровъ и за ними высокій шпильъ городского собора. Все это оста-лось безъ малѣйшихъ перемѣнъ; за то противоположный бе-регъ бухты очень обстроился за послѣдніе годы. Здѣсь воз-вышаются стройныя зданія значительнаго уже военнаго пор-та, имѣющаго всевозможныя мастерскія и три каменные дока.

Здѣшнія военныя верфи и портовыя мастерскія показыва-ются иностранцамъ весьма неохотно. Мнѣ разказывали что пылѣшимъ лѣтомъ прїѣзжали сюда французскіе офицеры и стали-было дѣлать свои замѣтки, но это имъ не очень-то удалось: они немедленно были арестованы. Этотъ случай по-видимому налугалъ Нѣмцовъ и съ тѣхъ поръ бдительность здѣшнихъ карауловъ усилилась.

Въ Киль находятся морское училище и морская академія, а также школа рулевыхъ и учебныя кадры матросовъ гер-манскаго флота.

24 ноября. Стоянка наша въ Киль не представляетъ тѣхъ удобствъ на которыя мы разчитывали для приведенія фре-гата въ законченнаый и блестящій видъ. Туманы и дожди прелютствуютъ окраскѣ мачтъ, удалось только вычернить борта. Теперь идетъ погрузка угля и надвяхъ уходимъ въ Шербургъ.

Киль скучный городокъ, обязаный нѣкоторымъ ожив-леніемъ лишь своему военному порту. Изъ военныхъ су-довъ германскаго флота мы здѣсь застали *Арбому* и кор-ветъ *Штейн*, заслуживающій вниманія по силѣ своей артил-леріи (16 орудій 15ти саятиметровыхъ) и по желѣзнымъ мачтамъ. Въ гавани, кромѣ упомянутыхъ судовъ, нахо-дятся два новые корвета тѣла *Саксен*. Во всемъ что удается здѣсь видѣть, услѣхи германскаго военнаго флота поразительны. Въ весьма короткое время здѣсь услѣхи вы-работаться превосходныя кадры матросовъ и годъ отъ году

прибываютъ хорошія суда. Все здѣсь дѣлается умно, на эффекты не бьютъ и не любятъ ничего показывать чужимъ.

Фрегатъ нашъ видимо интересуется здѣшнихъ военныхъ моряковъ. Посѣтившіе насъ морскіе офицеры съ особеннымъ интересомъ осматривали фрегатскую машину, которая приводила ихъ въ восторгъ. Также старались разсмотрѣть подробно наше вооруженіе. По всему замѣтно что все русское теперь составляетъ особенно интересный предметъ для изученія въ военныхъ сферахъ.

Вчера посѣтилъ фрегатъ его высочество принцъ Генрихъ Прусскій, второй сынъ кронпринца, недавно воротившійся изъ двухлѣтняго кругосвѣтнаго плаванія на фрегатъ *Принцъ Адальбертъ*. Онъ особенно интересовался минными вооруженіями и электрическимъ освѣщеніемъ фрегата. Последнее пускается въ ходъ почти ежедневно вечеромъ и привлекаетъ на берегъ бухты много зрителей. Дѣйствительно фрегатъ нашъ, съ арко освѣщеннымъ бортомъ и стройнымъ вооруженіемъ, представляетъ весьма эффектную картину.

Надняхъ удалось мнѣ съѣздить отсюда въ Гамбургъ, куда ѣзды отъ Кила не болѣе трехъ часовъ по желѣзной дорогѣ. Камениыя громады шестиэтажныхъ домовъ, густой туманъ въ воздухѣ и тускло мерцающіе фонари длинныхъ прямыхъ улицъ—такимъ представился мнѣ Гамбургъ при остановкѣ на центральной станціи желѣзной дороги, которая обходитъ городъ почти вокругъ. Отсюда путь черезъ обширныя эсplanады, которыя лѣтомъ должны быть прекраснымъ мѣстомъ прогулки, а теперь, зимой, безъ листвы и съ обширными лужами, походять на пустыри. Лучшія гостиницы куда привозить васъ фурманъ находятся на берегу озера Альстеръ,—это лучшее мѣсто въ городѣ по красотѣ домовъ и окружающихъ Альстеръ бульваровъ. Гамбургъ, не смотря на свою старину, представляетъ мало своеобразнаго. Обширная мировая торговля дала ему какой-то космополитическій оттънокъ: онъ напоминаетъ во многомъ большіе американскіе города.

Ближе къ порту, растянувшемся вдоль Эльбы, и смежнымъ каналамъ еще видны кое-гдѣ старо-нѣмецкіе дома. Оригинальны также мрачныя внутренніе каналы, прорѣзывающіе городъ и служащіе при полной водѣ удобнымъ сообщеніемъ для доставки товаровъ изъ гаваней въ склады. Каналы

эти своею мрачностію и безмолвіемъ невольно напоминаютъ Венецію.

Гамбургъ—городъ бюргеровъ и купцовъ. Здѣсь вѣтъ Вестъ-Энда, какъ въ Лондонѣ, но есть цѣлый кварталъ перешошенный тавернами, кафе-шайтанами и народными театрами, куда къ вечеру переносится вся портовая жизнь. Шкипера и матросы отводятъ здѣсь душу послѣ океанскихъ переходовъ за стаканомъ лива или рюмкой джина (послѣдній впрочемъ также нередко льютъ стаканами) и съ шумными выраженіями восторга выслаиваютъ какую-нибудь шансонетку или „God save the Queen“ крохотныя дребезжающимъ фальцетомъ какой-нибудь безголосой лѣвицы.

Въ настоящее время въ Гамбургѣ уже начались рождественскія святки, которыя ознаменовываются здѣсь всевозможными гуляньями и базарами. Пригородъ Гамбурга—*Sanst-Pauli*—переполненъ балаганами, гдѣ показываются всевозможныя чудеса, начиная словомъ и кончая учеными блохами. Каждый вечеръ, а въ воскресный день въ особенности, здѣсь самое оживленное гулянье и давка неизмѣрная.

Гамбургъ представляетъ мало такъ-называемыхъ достопримѣчательностей. Здѣсь можно развѣ осматривать зоологическій садъ, въ которомъ есть особенно хорошій экземпляръ шимпанзе. Есть въ городѣ также картинная галерея, основанная весьма недавно и заключающая вѣскольکو хорошихъ картинъ новѣйшихъ школъ (между ними заслуживаетъ вниманія картина Поля Делароша *Кремль у гроба Карла I.*) Въ политехническомъ музеѣ можно видѣть очень хорошую коллекцію древняго фарфора и старинныхъ изразцовъ, а также старинной мебели. Наконецъ, не лишень интереса небольшой этнографической музей, особенно богатый своими африканскими и южно-американскими коллекціями.

Но безъ сомнѣнія самое замѣчательное въ Гамбургѣ его обширный коммерческій портъ, съ громадными каменными амбарами, изъ которыхъ товары доставляемые тысячами судовъ, парусныхъ и паровыхъ, прямо грузятся въ вагоны. При постоянномъ движеніи судовъ въ гаваняхъ поражаетъ особенный порядокъ: суда стоятъ рядами, не тѣснись другъ ко другу; вездѣ можно удобно пристать и не видать нигдѣ скопленія людей или какой-либо скученности. Между пароходами особенно бросаются въ глаза громадные суда Германскаго Трансатлантическаго Ллойда.

Когда я вернулся изъ Гамбурга въ Киль, день ухода въ море былъ уже назначенъ на 27 ноября.

6 декабря, Шербургъ. Сегодня рано утромъ фрегатъ нашъ благополучно прибылъ въ Шербургъ послѣ нѣскольکو продолжительнаго, но по времени года довольно благопріятнаго перехода.

Туманный Скагенъ и сердитое Нѣмецкое море были къ намъ милостивы; море мы прошли даже особенно удачно съ полутными NO и свѣтлыми лунными ночами. Впрочемъ, такой погоды мы здѣсь не нашли бы сутками двумя раньше, когда отстаивались въ Бельтѣ при очень свѣжемъ WNW, почти срывавшемъ насъ съ якорей.

Изъ Киля фрегатъ вышелъ, какъ было предположено, 27 ноября въ ясный солнечный день, при сильно дувшемъ NW. Мы взяли съ собою лопмана для проводки фрегата чрезъ Большой Бельтъ до мыса Скагена.

Начало нашего перехода было не особенно благопріятно и заставляло предполагать что въ открытомъ морѣ насъ неминуемо трелнѣтъ не на шутку. Туманы и сильные шквалы попеременно заставляли становиться на якорь и выжидать минуты для прохода узкостей Бельта. Такъ 27 ноября, въ сумерки, стали на якорь въ виду маяка Таарсъ, между островами Лангеландомъ и Лааладомъ. Наступившая ночь была лунная и ясная; здѣсь замѣчалось довольно сильное сѣверное теченіе.

28 ноября, съ развѣтомъ, пошли далѣе вдоль Лангеланда; на плоскомъ берегу мѣстами виднѣются здѣсь села, кирки и нѣскольکو старинныхъ замковъ. Лѣтомъ здѣсь все зеленѣетъ и Бельтъ представляетъ самую оживленную картину, съ безпрестанно снующими рыбацкими лодками и пароходами, которые держатъ сообщеніе между Ниборгомъ, Корсеромъ и Коленгагеномъ.

Теперь, зимой, все здѣсь смотритъ пустынно и непривѣтливо.

Въ тотъ же день густой туманъ съ полудня снова заставилъ насъ стать на якорь въ виду Ниборга. Барометръ быстро падалъ и къ вечеру начались жестокіе шквалы, заставившіе вытравить (вылустить) много каната (якорной цѣли) и отдать второй якорь. То же продолжалось и въ слѣдующіе дни, 29 и 30 ноября. Наконецъ 1 декабря буря начала

стихать, а барометръ равномерно подниматься. Въ восемь часовъ утра сваялись съ якора и пошли по одиннадцати узловъ при пятидесяти оборотахъ машины. Въ пятомъ часу наконецъ миновали узкости Большаго Бельта и вышли въ Каттегатъ. Всѣ радовались тому что выбрались изъ надобнѣшаго до нельзя Бельта, въ которомъ случается нерѣдко и дольше мѣшкать при неблагоприятной погодѣ; нѣкоторые у насъ помнятъ даже двухнедѣльные переходы Большимъ Бельтомъ.

Теперь погода нѣсколько поправилась: море, колеблемое стихающею зыбью, отражало ярко освѣщенныя луной свѣжо-бѣлыя облака. Ночь однако была снова ненастная и мокрая. Становилось замѣтно холоднѣе; мокрый снѣгъ заляпалъ глаза. До разсвѣта стали на якорь въ виду маяка Гиршхольмъ, близъ мыса Скагена. 2 декабря съ утра задуть NO, температура была $+3^{\circ}\text{R}$. Около полудня мы уже огибали серповидный мысъ Скагенъ, который, также какъ и высокій Скандинавскій берегъ, сплошь покрытъ былъ бѣлѣющимъ снѣгомъ. Здѣсь мы находились лишь на полтора градуса южнѣе параллели Петербурга. Отсюда уже пришлось намъ спускаться все болѣе и болѣе къ югу и постепенно отвыкать отъ родныхъ холодовъ. Быстро подвигались мы теперь къ выходу изъ Скагеррака; къ вечеру увидали Христиансандскій маякъ и взяли курсъ на Доггеръ-банку. Началось лавакие открытымъ моремъ. Значительная зыбь не замедлила раскатать фрегатъ. Погода установилась пасмурная и дождливая, но за то ночи были свѣтлыя и ясныя. 3 декабря вечеромъ нашли уже отличительную глубину Доггеръ-банки. Здѣсь во всякое время года сборный лужкъ сотенъ рыбацкихъ лодокъ, которыя въ отвѣтъ на наши фальшфейеры немедленно зажигаютъ свои оригинальные огни на шестахъ съ засмоленной соломой. Экипажъ этихъ лодокъ состоитъ изъ двухъ или много трехъ человекъ, изъ которыхъ одинъ обыкновенно какой-нибудь десятилѣтній мальчишка, начинающій такимъ образомъ свою морскую школу.

4 декабря мы были обрадованы наконецъ полутнымъ ONO, поставили фоковые (переднїе) паруса и пошли по двѣнадцати узловъ при 48 оборотахъ винта. Вечеромъ имѣли случай наблюдать при весьма благоприятныхъ обстоятельствахъ, начавшееся около пяти часовъ, частное лунное затмѣнїе. Полный дискъ луны покрылся тѣнью лепельно-кофейнаго цвѣта,

причемъ лишь правый серповидный край видѣлся свѣтлымъ. Мало-по-малу освѣщенная часть выступила изъ этой тѣни, пока не открылся снова весь освѣщенный дискъ.

Въ ночь съ 4 на 5 декабря увидѣли желанные огни маяка на англійскомъ берегу, а въ девятомъ часу утра проходили уже красивыя высоты Дувра, наминающія своими очертаніями Столовую Гору. Здѣсь мы обогнали большой парусный баркъ, который, слѣша воспользоваться вѣтромъ уже начинавшимъ стихать, распустилъ всѣ свои паруса.

Другой такой же баркъ видѣлся въ сторонѣ, окруженный нѣсколькими буксирными пароходами; точно лауки накинутае они на добычу, предлагая вѣроятно свои услуги для отвода барка къ устью Темзы. Пассажирскіе пароходы, дѣлающіе непрерывные рейсы между Кале и Дувромъ, нѣсколько разъ пересѣкали нашъ курсъ. Въ 1 часу подняли флагъ для призыва лодмана, но наступившая пасмурность помѣшала видѣть нашъ сигналъ и пришлось выслать нѣсколько разъ изъ лупекъ. Наконецъ зачертилъ гдѣ-то невдалекѣ парусный ботъ и вскорѣ на палубу вступилъ англійскій лодманъ въ дождевомъ костюмѣ и въ зюйдъ-вестѣ (дождевой шляпѣ), будто вышедшій прямо изъ морскихъ лучинъ; онъ повелъ насъ далѣе. Поставивъ фоковые паруса мы стали быстро подвигаться къ цѣли перехода. Въ сумерки были уже въ семидесяти миляхъ отъ Шербурга и уменьшили ходъ до утра.

Сегодня въ шестомъ часу, еще при совершенной темнотѣ, вошли на Шербургскій рейдъ, за длинный молъ, ограждающій его съ сѣвера. Въ девятомъ часу ставъ на бочку (жертвыи якорь) отсалютовали французскому флагу. Фрегатъ теперь окруженъ множествомъ парусныхъ шлюпокъ, перелопачиваемыхъ поставщиками, прачками и другими необходимыми людьми. Началась рейдовая суета: слускъ шлюпокъ, траповъ, встрѣчи и проводы мѣстныхъ властей, салюты и тому подобное.

Кажется что долгая стоянка въ Шербургѣ, гдѣ имѣются всѣ средства для необходимыхъ на фрегатѣ исправленій, дѣло рѣшенное.

10 декабря. Сегодня съ утра фрегатъ перешелъ во внутренній бассейнъ Шербургской военной гавани, которая вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ гранитнымъ моломъ составляетъ главную достопримѣчательность этого порта.

Описывать здѣшнюю военную гавань значило бы писать исторію современнаго французскаго флота, такъ какъ здѣсь можно встрѣтить представителей всѣхъ типовъ военныхъ судовъ, начиная съ трехдечнаго корабля и до современнаго миноносца и башеннаго фрегата. Исторія самой гавани тѣсно связана съ развитіемъ морскаго могущества Франціи. По мѣрѣ надобности военная гавань расширялась, бассейны ея углублялись, строились громадныя каменные доки, обширныя мастерскія и складочныя магазины для деревяннаго и и брѣвѣнаго судостроенія. Больше всего здѣсь возведено было сооруженій при Наполеонѣ I и Лудовикѣ - Филиппѣ.

Будучи въ военной гавани гдѣ будутъ производиться на фрегатахъ различныя работы мы должны вполнѣ подчиняться всѣмъ портовымъ регламентамъ: можемъ имѣть лишь опредѣленное число огней; варка пищи командѣ и куреніе табаку производятся въ особо отведенныхъ для того мѣстахъ въ гавани. Въ городъ насъ выпускаютъ только днемъ, съ 7 часовъ утра до 6 вечера, а потомъ впускаютъ лишь по особому разрѣшенію. Все это похоже на какой-то арестантскій образъ жизни. Послѣзавтра войдемъ въ докъ и тогда можетъ-быть устроится что-нибудь болѣе сносное. Кажется, здѣшнее портовое начальство уже снеслось съ морскимъ министерствомъ относительно дарованія намъ нѣкоторыхъ льготъ. Сегодня въ первый разъ былъ я на берегу и исходилъ городъ вдоль и поперекъ. Шербургъ довольно красивый и уютный городъ, сохранившій отчасти характеръ стараго нормандскаго. На взморьѣ виднѣтся конная статуя Наполеона I въ довольно изысканной позѣ, указывающаго рукой на рейдъ, подъ нею надпись: *Pavais résolu de renouveler à Cherbourg les merveilles de l'Égypte.*

Недалеко отъ этого памятника виднѣтся очень красивая церковь въ строго выдержанномъ стилѣ старыхъ нормандскихъ аббатствъ. Войдя въ нее я любовался красивыми расписанными стеклами готическихъ оконъ и розась. Пока я былъ въ церкви сюда принесли гробикъ ребенка и началось отпѣваніе; гробикъ несли четверо дѣтей, за нимъ шелъ заплаканный мальчикъ съ корзиной цвѣтовъ, вѣроятно братъ умершаго. Отпѣваніе продолжалось не долго, и послѣ нѣсколькихъ молитвъ на латинскомъ языкѣ печальное шествіе тронулось на кладбище.

Другая весьма красивая церковь, которую я потомъ осматривалъ, Notre Dame du voeu, принадлежитъ романскому стилю. На улицахъ Шербурга попадаются много весьма привѣтливыхъ и красивыя домовъ съ балконами и палисадиками; нѣкоторые изъ нихъ окутаны темною зеленью плюща.

На краю города, за гаванью, возвышается гора увѣчанная фортомъ (Fort du Roule); не смотря на позднее время года она зеленѣетъ свѣжею травой. Недалеко отсюда находится желѣзнодорожная станція.

27 декабря. Однообразіе нашей здѣшней стоянки иногда оживляется поѣздками въ окрестности Шербурга. Такъ наканунѣ задумали мы съ N сѣздить въ интересный нормандскій городъ Канъ (Caen), находящійся отсюда въ трехчасовомъ разстояніи по желѣзной дорогѣ. Мы собрались туда ѣхать 20 декабря или 1 января по новому стилю. День Нового Года во Франціи бываетъ всегда особенно оживленъ, магазины всѣ открыты, войска съ музыкой проходятъ по улицамъ; служащій людъ слышитъ съ поздравленіями. Такой день особенно благоприятенъ для осмотра незнакомаго города.

Послѣ утренняго кофе на фрегатѣ, мы вышли изъ гавани и быстрыми шагами направились на вокзалъ желѣзной дороги слѣша къ первому поѣзду. Вскорѣ помчалъ онъ насъ на юго-востокъ по зеленѣющей холмистой мѣстности. Здѣсь часто попадаются роицы и озера, обширныя и чистыя какъ зеркало, образовавшіяся отъ разлива рѣкъ. Въ этихъ водныхъ зеркалахъ отчетливо отражаются красивыя группы деревьевъ и изумрудная зелень луговой травы. Иногда промелькнутъ маленькіе выбѣленные домики какой-нибудь нормандской деревни, живописно раскинувшейя по склону холма.

Далѣе мы проѣзжаемъ нѣсколько оживленныхъ мѣстечекъ съ древними готическими церквами и мѣлѣ старинными замками; города Лизонъ и Валонъ мелькаютъ мимо насъ и наконецъ открывается Баті (Bayeux) съ его замѣчательнымъ соборомъ: двѣ романскія башни-близнецы этого величественнаго зданія хорошо видны со станціи. Кромѣ достопримѣчательностей собора въ здѣшней городской библиотекѣ показываютъ знаменитый шитый коверъ конца XI вѣка (tapisserie de Bayeux), украшенный сценами изъ исторіи Нормановъ и послужившій нашему ученому Погодину однимъ изъ доказательствъ нормандскаго происхожденія нашихъ первыхъ князей.

Часомъ позже открылся предъ нами Канъ, живописно раскинувшійся къ долина рѣки Орны. Городъ имѣетъ чрезвычайно веселый и привѣтливый видъ. Новыя постройки отличаются изяществомъ архитектуры и бѣлизной стѣнъ. Между ними тамъ и сямъ возвышаются темныя готическія и романскіе профили церковныхъ башенъ и мелькаютъ почернѣвшія крыши старинныхъ домовъ, которыхъ здѣсь немало. Много также въ городѣ садовъ и всланиадъ.

Среди города видѣются стѣны и башни старинной цитадели.

День нашей поѣздки былъ почти теплый, и когда мы подѣзжали къ Кану теплый солнечный лучъ ярко освѣтилъ живописную картину внезапно открывшуюся предъ нами изъ за холма.

Прибывъ въ городъ мы остановились въ гостиницѣ на place Royale, которую украшаетъ зданіе префектуры и статуя Людовика XIV въ римской тогѣ.

Послѣ сытнаго завтрака мы отправились осматривать мѣстныя достопримѣчательности. Направившись по главной улицѣ, rue de S.-Pierre, вскорѣ вышли мы къ церкви того же имени, безспорно лучшей въ городѣ по изяществу своей архитектуры.

Общій видъ церкви со стороны сквера, раскинутого вдоль нея, напоминаетъ въ миниатюрѣ Кельскій соборъ, за исключеніемъ колокольни, которая совершенно своеобразна и чрезвычайно изящна. Пирамидальный шпиль ея окруженъ восемью небольшоими башенками (clochetons) и придаетъ всему зданію что-то особенно стройное и воздушное. Не менѣе замѣчательна абсида церкви Св. Петра: она въ стилѣ Возрожденія, который очень счастливо сочетается здѣсь съ огавами строгаго готическаго стиля главнаго корпуса церкви.

Внутренность церкви къ сожалѣнію не вполне сохранила свою древность, но и здѣсь нельзя не любоваться изящными переходами отъ стрѣлчатыхъ сводовъ главнаго корпуса къ закругленнымъ очертаніямъ капеллъ абсиды; послѣднія украшены скульптурой, напоминающею сталактитовыя гроты.

Улица St. Pierre далѣе получаетъ названіе улицы Вильгельма Завоевателя и приводитъ къ старинному аббатству суровой вѣнности.

Оно называлось прежде Abbaye aux hommes, теперь же просто—St.-Etienne. Фасадъ этого зданія имѣетъ двѣ высокія

кія и мрачныя башни романскаго стиля и поражаетъ холодною своєю лиціей. Здѣсь нѣтъ изящной, будто кружевной розасы готическихъ зданій и глазъ пораженъ лишь громадой размѣровъ и массивностью желтоватаго камня изъ котораго сложены стѣны. Три входные портала украшены самою бѣдною по композиціи скульптурой. Внутренность St. Etienne представляетъ вѣтронутую старину: невозможно переносишься здѣсь во времена первыхъ нормандскихъ герцоговъ, еще сохранявшихъ суровый, предприимчивый духъ своихъ предковъ, викинговъ. Внутри тоже все холодно и мрачно какъ снаружи; тѣмъ не менѣе въ высокихъ закругленныхъ сводахъ главной галлерей и въ массивныхъ балконахъ по обѣи ея стороны, которые поддерживаются гигантскими колоннами, есть что-то величественное и нѣсколько подавляющее.

Подъ сводами главнаго алтара покоится прахъ Вильгельма Завоевателя, основателя этого аббатства. Въ 1087 году оняъ высадился во Франціи, чтобъ отмстить Филиппу I за насмѣшку надъ его дородностью, но при осадѣ Манта былъ смертельно раненъ и погребенъ здѣсь; аббатство же основано было имъ въ 1077 году, за десять лѣтъ до смерти.*

На пути отъ церкви S. Pierre до описаннаго аббатства встрѣчается много старинныхъ и очень оригинальныхъ домовъ, украшенныхъ скульптурой, преимущественно стиля XV вѣка. На одномъ изъ таковыхъ видѣется надпись: „Ici naquit Malherbe en 1555“. Къ той же элохѣ, какъ и аббатство St. Etienne, относится церковь Св. Троицы или abbaye aux Dames. Тогда какъ первое основано было Вильгельмомъ, это послѣднее около того же времени (въ 1066 году) построила его супруга Матильда. Она погребена вблизи отъ этой церкви. Abbaye aux Dames расположено на самомъ возвышенномъ пунктѣ города, на вершинѣ холма. Вокругъ него сгрулировались преимущественно старыя дома и тутъ

* На могильной плитѣ въ церкви S. Etienne сохранилась надпись: *Hic sepultus est invictissimus Guillelmus conqwestor, Normanorum dux et Angliae rex, hujusque conditor*“. Въ сакрутіи той же церкви сохраняется портретъ Вильгельма Завоевателя, но въ костюмѣ времени Франциска I, когда, какъ я узналъ, портретъ этотъ былъ копированъ съ нѣкоторыми измѣненіями съ древней стѣнной живописи XI вѣка.

же находится чрезвычайно живописная, полуразрушенная церковь S. Giles. Общій видъ аббатства вѣсколько схожъ съ St. Etienne, но взглянувшись ближе находимъ въ немъ гораздо болѣе изящества: здѣсь видимъ одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ образцовъ нормандско-романской архитектуры.

Когда мы вошли внутрь церкви, уже стемнѣло и въ таинственномъ полумракѣ слышалось унылое церковное гнѣие. Кое-гдѣ мерцали свѣчи, тогда какъ погасавшій уже дневной свѣтъ слабо просвѣчивалъ чрезъ чудно-нестрѣющія стекала розась и высокихъ оконъ мрачнаго аббатства. У нѣкоторыхъ алтарей видѣлись группы молящихся, преимущественно пожилыя Нормандки въ черныхъ платьяхъ и своеобразныхъ бѣлыхъ челцахъ. У одного изъ алтарей замѣчалось особенное скопленіе и здѣсь поразило насъ своимъ сходствомъ съ нашею Иверскою иконой изображеніе Notre Dame du prompt secours, кажется особенно здѣсь чтимое.

Выходя изъ аббатства мы еще успѣли полюбоваться красивою церковью S. Giles, освѣщавшеюся послѣдними отраженіями сумерекъ. Внизу холма уже мелькали многочисленные городскіе огоньки. Тишина здѣсь была невозмутимая.

Вблизи отсюда къ намъ привязался какой-то блузникъ вызвавшійся вести насъ въ цитадель. Мы вѣрили въ его руководство и онъ дѣйствительно провелъ насъ по узкимъ и извилистымъ переулкамъ ко входу въ крѣпость. Съ подземнаго моста, перекинутаго черезъ глубокіе крѣпостные рвы, прекрасный видъ на длинный рядъ крѣпостныхъ башень и стѣны возвышающіяся надъ крутыми обрывами холма. Все это представилось намъ въ постепенно темнѣвшей вечерней мглѣ. Внутри цитадели и на самой вершинѣ холма расположены развалины древней часовни, окруженной развѣсистыми дубами. Недалеко отсюда бѣли палатки гарнизона и видѣлось громадное зданіе казармъ. Приблизившись къ краю старинной крѣпостной стѣны, мы увидели подъ собою чернѣющія очертанія городскихъ зданій и башень осматрѣваемыхъ нами церковей и аббатствъ; въ полумракѣ все это принимало однообразный колоритъ стариннаго нормандскаго города. Нашъ путеводитель оказался уроженцемъ Кана и, показывая намъ древнюю цитадель, сталъ разказывать какія-то мѣстные легенды о Вильгельмѣ Завоевателѣ и его женѣ Матильдѣ. По его словамъ, цитадель соединяется обширными подземельями со старинною мельницей находящеюся на краю

города, но никто до сихъ поръ туда не проникалъ. Удивительно что въ современной Франціи, гдѣ все такъ быстро отживаетъ и забывается, еще можно встрѣтить въ народѣ отголосокъ столь глубокой старины...

II.

Въ исходѣ января, въ ясный солнечный день, приближались мы къ берегамъ Алжира. Яркое южное солнце и совершенно лѣтній зной особенно поражали насъ послѣ двухнедѣльныхъ холодовъ и проливныхъ дождей сопровождавшихъ наше плаваніе отъ Шербурга до самаго Гибралтара. Сильные западные вѣтры, нерѣдко достигавшіе стелени шторма, теперь смѣнились едва замѣтною южною бризою, пріятно умѣрившею дневную жару. Вдали уже синѣли неясныя очертанія высокаго скалистаго берега какъ будто выросшаго изъ воды по мѣрѣ нашего приближенія къ нему. Вскорѣ мы обогнули мысъ Коксине, на которомъ находится маякъ, а немного спустя предъ нами открылась обширная панорама Алжирской бухты.

Послѣ Неаполитанскаго залива въ Средиземномъ морѣ едва ли найдется что-нибудь эффектнѣе этой картины. Арабы сравниваютъ Алжиръ съ алмазомъ въ оправѣ изумрудовъ, и это поэтическое сравненіе довольно удачно: еще издалека городъ ослѣпительно бѣлѣетъ среди богатой зелени горныхъ склоновъ.

Подходя ближе къ берегу, яснѣе различаешь отдѣльныя части города. На вершинѣ горы виднѣются бѣлыя постройки арабскаго квартала, увѣнчаннаго старинною цитаделью—Казба. Эта верхняя часть города есть остатокъ прежняго Алжира, того самаго гнѣзда пиратовъ которое до французскаго покоренія наводило страхъ и ужасъ на всѣ сосѣднія побережья.

Ниже къ морю расположенъ въ нѣсколько ярусовъ новый французскій городъ; онъ рѣзко отличается отъ скученныхъ домовъ арабскаго квартала. Вдоль красивой и высокой набережной выстроенной на сводахъ виднѣется рядъ большихъ и красивыхъ зданій съ аркадами, напоминающими нѣсколько парижскій Пале-Рояль. Дома эти заняты лучшими ресторанами и магазинами; другимъ фасадомъ они выходятъ

на главную улицу Алжира — rue Bab-Azoun. Аркада прерывается двумя площадями; на одной изъ нихъ, place du Gouvernement, находится конный памятникъ принца Орлеанскаго, одного изъ полководцевъ руководившихъ покореніемъ Алжира французскому владычеству. Вблизи отсюда возвышается большая мечеть секты Малемитовъ.

Вторая площадь, place Bressan, съ городскимъ театромъ, особенно украшается тѣнистымъ скверомъ, который обсаженъ развѣсистыми пальмами и платанами.

Къ востоку отъ города склоны Сахела (такъ называется прибрежный горный хребетъ) представляютъ непрерывный зеленѣющій садъ и усады красивыми вилами. Здѣсь видѣются живописныя мѣстечки Agha и Monstapha.

Далѣе Сахель постепенно понижается до совершенной низменности и изъ-за него выступаетъ голубая полоса дальнихъ горъ: это Малый Атласъ, приближающійся къ морскому берегу у мыса Матифу.

Таковъ общій видъ Алжирской бухты. Что касается гавани гдѣ нашъ фрегатъ отдалъ якорь, то она не особенно велика. Сѣверный уголъ, гдѣ находится маякъ и зданія мавританской архитектуры, превращенныя теперь въ адмиралтейство, составляетъ старинную часть ея.

Съ восточной стороны гавани тянется гранитный молъ со входными маяками французской постройки.

Нѣтъ въ Средиземномъ морѣ стоянки лучше Алжира для зимняго времени года. Сюда вѣтры изъ сѣверной половины компаса почти не достигаютъ, южный же сирокко, дующій здѣсь лѣтомъ съ большою силой, зимой имѣетъ характеръ лишь легкой береговой бризы.

Въ первые дни нашей стоянки, здѣсь перепадали небольшіе дожди, въ родѣ тѣхъ что бываютъ у насъ лѣтомъ и пріятно освѣжаютъ воздухъ и растительность.

При сѣздѣ на берегъ Европейца, ищущаго оригинальныхъ мѣстныхъ впечатлѣній, на самыхъ первыхъ порахъ ожидаетъ разочарованіе: предъ нимъ открывается здѣсь заурядный европейскій городъ со множествомъ пестрыхъ вывѣсокъ, магазиновъ и ресторановъ, гдѣ французскіе военные читаютъ журналы и расливаютъ свой абсентъ. Тутъ встрѣчаешь и крикливыхъ газетчиковъ, и мальчишекъ со цѣтками, навазчиво хватающихъ васъ за ноги, и всѣ прочія прелести евро-

пейской цивилизаціи, не исключая даже кокотокъ и оперы буффъ. По вечерамъ улицы и магазины ярко освѣщаются газомъ. Въ городѣ замѣтно преобладаетъ военный элементъ. Вездѣ мелькаютъ яркіе мундиры зуавовъ, тюркосовъ и *chasseurs d'Afrique*, составляющихъ постоянную алжирскую армію Французовъ. Зуавы всѣ на подборъ чрезвычайно красивый народъ и носятъ свою форму шегольски. Менѣе красивы тюркосы въ голубыхъ курткахъ и шароварахъ, расшитыхъ желтыми тесьмами. Ихъ набираютъ преимущественно изъ туземцевъ, почему между ними не мало темнокожихъ.

Въ уличной толпѣ иногда встрѣчаешь стройную фигуру Араба; въ ней есть всегда что-то монументальное и художественное. Широкій *gilet*, охватывающій нѣсколько разъ вокругъ головы верблюжьимъ шнуркомъ и отбѣняющій красивое и нѣсколько высокомерное по выраженію лицо; широкія складки живописно накинутаго бурнуса и какая-то особенная медленная важность походки отличаютъ Араба отъ всего окружающаго; невольно полюбишься на такую фигуру.

Но въ европейскіихъ улицахъ Алжира такія встрѣчи рѣдки и не измѣняютъ стереотипнаго ихъ характера. Только проникая далѣе, въ арабскій кварталъ, который начинается выше главныхъ улицъ, встрѣчаешь совершенно иную обстановку и чувствуешь себя наконецъ въ Алжирѣ. Темныя переулки, скорѣе похожіе на внутренніе корридоры какого-нибудь лабиринта, идутъ уступами до самой вершины, гдѣ расположена полуразрушенная Казба. Переулки эти до того узки что дома противоположныхъ сторонъ соприкасаются здѣсь своими выступами, увеличивая господствующій тутъ полумракъ. Дома безъ оконъ, съ тяжелыми жѣзными дверями, скорѣе похожи на темницы. Прогулка по таинственнымъ переулкамъ этого прежняго притона пиратовъ чрезвычайно интересна. Они представляютъ не меньшее оживленіе чѣмъ европейскія улицы, но здѣсь все своеобразно и любопытно. На каждомъ шагу васъ ожидаетъ какая-нибудь неожиданная встрѣча: то уродливая негрятка съ ребенкомъ за спиной, то оборванный дервишъ, то воинственный Слагисъ въ красномъ бурнусѣ, а иной разъ цѣлая толпа пестрая и крикливая, среди которой чувствуешь себя какъ бы мелрошевымъ гостемъ.

Хотя въ этихъ улицахъ не замѣтно никакой полиціи, однако вполнѣ безопасно ходить, даже поздно вечеромъ. Но

есть въ арабскомъ кварталѣ нѣкоторые закоулки, куда Европейца пустать не слишкомъ охотно, особенно если здѣсь совершается какая-нибудь религіозная церемонія или похороны.

Въ праздничные дни арабскія кофейни бываютъ наполнены правотѣрными. Здѣсь на каменныхъ возвышеніяхъ, поджавъ ноги, засѣдаютъ дородные Арабы и Мавры за кофеемъ и трубкой. Стѣны и потолки кофейной въ такіе дни украшаются гирляндами зелени и цвѣтными бумажными фонарями. Такія же украшенія видѣются и на перекресткахъ узкихъ улицъ. По вечерамъ въ кофейныхъ происходитъ религіозное пѣніе, пляска дервишей, глотаніе скорпіоновъ и другія зрѣлища въ этомъ родѣ, послѣ которыхъ предпринимаются богомолья къ гробницамъ марабу или угодииковъ, похороненныхъ на загородномъ кладбищѣ.

Нѣкоторыя продольныя улицы арабскаго квартала крыты сверху навѣсами и представляютъ сходство съ восточными базарами. Здѣсь тѣснятся у лавокъ группы Арабовъ и Кабилловъ,* а иногда встрѣчаешь и женщинъ, между которыми легче различать національности. Арабскія женщины въ городѣ по восточному обычаю закрываютъ лицо до самыхъ глазъ и одѣваются въ бѣлое съ головы до ногъ, тогда какъ Кабилки ходятъ съ открытыми лицами и носятъ верѣдко темныя ткани. У послѣднихъ бываетъ обыкновенно татуировка на лбу, скулахъ и подбородкѣ, что очень ихъ уродуетъ.

Около Казбы обитаетъ много Мавровъ. Они здѣсь преимущественно богатые кулцы, торгующіе издѣліями страны. Интересно заглянуть въ лавки этихъ Мавровъ, всегда поражающія посетителя рѣдкимъ разнообразіемъ товаровъ. Здѣсь даже вспоминаешь иногда сказки *Тысячи и одной ночи*. Роскошные ковры изъ Судана, пестрые арабскія одѣяла и шитыя шелками старинныя ткани эффектно развѣшены по стѣнамъ лавки. На этомъ пестромъ фонѣ блеститъ богатое оружіе и мѣдныя блюда и фонари украшенные разными надписями. Воздухъ здѣсь насыщенъ запахомъ розоваго масла и амбры.

* Кабилы потомки аборигеновъ страны Берберовъ. Между ними рѣдко встрѣчаются рыжеволосые; въ костюмѣ же они не отличаются отъ Арабовъ.

Во время стоянки фрегата въ Алжирѣ мы встрѣчали самый радушный приемъ въ мѣстномъ обществѣ. Черезъ посредство любезнаго адмирала, начальника Алжирскаго порта, намъ безпрестанно посылались приглашенія на обѣды и танцевальныя вечера.

Однимъ изъ самыхъ пріятныхъ былъ вечеръ у здѣшняго англійскаго консула, имѣющаго прекрасную виллу въ Муштафѣ. Она расположена на одной изъ вершинъ Сахеля, откуда видъ на Алжиръ и всю окрестность превосходный.

Внутренность виллы роскошно отдѣлана въ стилѣ мавританскихъ домовъ; полы и карнизы выложены старинными изразцами самыхъ красивыхъ рисунковъ. Потолки покрыты рѣзьбой, а стѣны комматъ увѣшаны рѣдкимъ оружіемъ и уставлены туземною мебелью изъ душистаго кедра.

Хозяинъ вечера большой знатокъ Алжира. Онъ прожилъ здѣсь много лѣтъ и составилъ путеводитель по Алжиру для туристовъ, изданный извѣстнымъ каждому путешествующему Англичанину *Миссгау*.

Англійская колонія здѣсь годъ отъ году увеличивается. Умѣренный зимой климатъ и красивая мѣстность при сравнительной дешевизнѣ земли ежегодно привлекаетъ въ Алжиръ многихъ достаточныхъ Англичанъ, которымъ уже прискучила Италия, и они строятъ себѣ здѣсь виллы, слѣдуя примѣру своего консула. На его вечерѣ мы встрѣтили общество исключительно англійское.

Болѣе офиціальныи балъ у здѣшняго генералъ-прокурора ввелъ насъ въ административныя сферы Алжира. Здѣсь преобладала бюрократія и военные мундиры; было также нѣсколько именитыхъ туземцевъ, которые выдѣлялись въ этой толпѣ высокимъ ростомъ и своими бѣлыми бурнусами. При знакомствѣ съ ними мы узнали что воинственная внѣшность не мѣшаетъ имъ занимать мирныя должности судей (кадѣвъ), членовъ гражданскаго управленія и т. п. Одинъ изъ туземцевъ оказался даже профессоромъ какой-то академіи.

Самый маститый между присутствовавшими на балу Арабами былъ каидъ Си-Генни изъ Орлеанвилля, старикъ уже преклонныхъ лѣтъ, украшенный командорскимъ крестомъ Почетнаго Легіона и орденомъ Тунисской Звѣзды. Наиболѣе характерный типъ представлялъ другой именитый Арабъ, Могамметъ - бенъ - Сіамъ, видный мушкетеръ среднихъ лѣтъ съ умнымъ и выразительнымъ лицомъ. Онъ носилъ черныя усы

и брѣть подбородокъ, что рѣдко между истыми Арабами, но это придаетъ его лицу большую оригинальность. Могамметъ нѣсколько разъ бывалъ въ Парижѣ и приглашался ко двору Наполеона III. Онъ свободно объясняется по-французски и много читаетъ на этомъ языкѣ, но при этомъ онъ вовсе не поклонникъ европейскаго, какъ можно было бы подумать. Изъ разговора съ нимъ, вопреки того, замѣтно что онъ не принадлежитъ вовсе къ числу довольныхъ французскою администраціей въ Алжиріи и весьма критически относится ко вводимому здѣсь теперь гражданскому управленію. Алжирія, какъ всѣ прочія части Франціи, теперь раздѣлена на департаменты, префектуры и сублипрефектуры и съ нѣкоторыхъ поръ управляется гражданскими чиновниками, которые почти вездѣ замѣнили военныхъ. Многіе здѣсь не одобряютъ этой реформы, считая ее преждевременною; туземному же населенію новые порядки нравятся еще менѣе, нежели старые (хотя и тѣ были незавидны). Къ гражданскимъ властямъ воинственные туземцы не питаютъ никакого уваженія. По характеристичному выраженію одного Араба, „нельзя подчиняться людямъ которые не умѣютъ даже сѣсть на коня и развѣзжаютъ по нашимъ селамъ на ослахъ“.

Но Французское правительство не обращаетъ большого вниманія на мѣстныя толки, держась того взгляда что туземное населеніе Алжира сдѣдуетъ или окончателно подчинить порядкамъ образованной страны и тѣмъ сгладить его особенности, или же постепенно вытѣснять съ французской территоріи куда-нибудь на югъ. Последнее отчасти достигается: арабское и кабилское населеніе все болѣе и болѣе исчезаетъ съ плодородныхъ прибрежныхъ пространствъ, уступая мѣсто европейскимъ переселенцамъ.

Но тутъ является другое зло. Сами Французы оказываются вообще плохими колонизаторами и между переселяющимися въ Алжиръ Европейцами занимаютъ далеко не первое мѣсто. Въ гораздо большемъ числѣ переселяются на Африканскій берегъ Италіяны и Испанцы. Вблизи Орана особенно много поселеній основанныхъ ими. Къ этимъ же двумъ національностямъ принадлежитъ въ Алжиріи немалая доля городского населенія и притомъ едва ли не худшая. Последнее въ особенности относится къ Испанцамъ, которые въ городахъ нѣрѣдко напоминаютъ о себѣ самыми дерзкими грабежами и убійствами, совершаемыми даже среди бѣла дня.

Здѣсь поговариваютъ о томъ чтобы принять мѣры противъ этой вредной иммиграціи самыхъ неотборныхъ элементовъ населенія, но до сихъ поръ, кажется, еще ничего въ этомъ смыслѣ не сдѣлано. Гораздо болѣе занимаетъ и заботитъ Французовъ стремленіе Италіи упрочиться въ Тунисѣ.

„Правительство наше не можетъ допустить чтобъ Италія стала твердою ногой въ Тунисѣ“, говорилъ мнѣ одинъ зуавскій полковникъ, съ которымъ я познакомился на описываемомъ балу: „военное вмѣшательство наше въ дѣла Туниса, кажется, неизбежно и наши войска уже сосредоточиваются на границѣ“. Это говорилось въ началѣ 1881 года; съ тѣхъ поръ въ этихъ краяхъ пролито уже не мало крови, а между тѣмъ положеніе Франціи на африканскомъ берегу едва ли можно назвать упрочившимся.

Самымъ красивымъ мѣстомъ въ окрестностяхъ Алжира справедливо считается ущелье горной рѣки Шиффы въ Маломъ Атласѣ. Оно начинается недалеко отъ города Блудахъ, который расположенъ у самаго подножія этого горнаго хребта, въ 60 километрахъ отъ Алжира. Желѣзнодорожное сообщеніе между этими городами значительно сокращаетъ продолжительность поѣздки въ живописное ущелье.

Я отправился туда съ первымъ поѣздомъ, который выходитъ изъ Алжира въ девятомъ часу утра. Погода была прекрасная, но съ утра уже было жарко. Желѣзная дорога сначала проходитъ около самаго морскаго берега. Красивою панорамой мелькаютъ одно за другимъ живописныя мѣстечки Ага и Мустафа со своими виллами и садами на склонахъ Сахеля.

Потомъ виднѣется на вершинѣ горъ зданіе католической семинаріи, построенной въ стилѣ арабскихъ мечетей, а внизу чудесный садъ такъ-называемый *jardin d'Essai*, которымъ Алжиръ справедливо гордится какъ лучшимъ своимъ украшеніемъ. Въ этомъ саду встрѣчаются главные представители тропической флоры. Великолѣпныя аллеи различныхъ пальмъ, роши банановъ, бамбука и множество другихъ растений образуютъ здѣсь какой-то земной рай. Минувавъ этотъ садъ, желѣзная дорога постепенно уклоняется къ югу, и склоны Сахеля смѣняются равниной, которая ограничена далѣе горною цѣпью Атласа. Здѣсь непрерывно идутъ обработанныя

пространства и часто попадаются мызы окруженные огородами и фруктовыми садами. Все здѣсь встрѣчающееся: бѣлые домики съ плоскими крышами, живыя изгороди высоко разросшихся кактусовъ, красноватая глинистая почва и фонъ дальнихъ горъ, имѣеть характеръ весьма сходный съ югомъ Европы и особенно напоминаетъ южную Испанію. Единственную особенность въ общемъ видѣ этой мѣстности составляютъ рощи высокихъ и очень стройныхъ эвкалиптусовъ. Они имѣють довольно тонкіе стволы и листву нѣсколько наклоняющую плакучую иву. Стѣны многихъ сельскихъ домовъ почти сплошь покрыты яркомалиновыми цвѣтами красиваго туземнаго растенія. Это вьющееся растеніе образуетъ лышныя гирлянды и называется Bougainvillia.

По мѣрѣ удаленія отъ Алжира равнина все болѣе расширяется и образуетъ едва замѣтный постеленный подъемъ. Горы все отчетливѣе выступаютъ на горизонтѣ. Посреди равнины расположенъ Буфарикъ, мѣсто еженедѣльной ярмарки, на которую собирается все окрестное сельское населеніе и Кабилы изъ сосѣднихъ горъ. Отсюда еще двѣнадцать километровъ до Блудаха, который вскорѣ открывается впереди на склонахъ горы, среди обширныхъ плантацій апельсиновыхъ и мандариновыхъ деревьевъ и рощъ масличъ и кипарисовъ. Фруктовые деревья увѣшены созрѣвшими апельсинами; рядомъ съ ними цвѣтутъ розовые кусты—все здѣсь залито лучами южнаго солнца. Совершенно забываешь что еще только январь мѣсяць, когда у насъ вся природа еще закована льдомъ и что настоящее лѣто еще впереди.

Въ 12мъ часу дня прибылъ я въ пыльный городъ Блудахъ. Здѣсь также нашелъ я нѣкоторое сходство съ Испаніей, которое распространялось и на мѣстную гостиницу, очень напоминавшую мнѣ испанскую *fonda*.

На улицахъ безпрестанно встрѣчались вереницы навьюченныхъ осликовъ, сопровождаемая Кабилами, а у лавокъ видѣлось очень много арабскихъ женщинъ въ ихъ неизмѣнно бѣлыхъ костюмахъ. Въ городѣ расположенъ полкъ турецковъ и они попадаютъ здѣсь на каждомъ шагу.

Позавтракавъ наскоро въ гостиницѣ, я, не теряя времени, сѣлъ въ коляску чтобъ ѣхать въ ущелье Шиффъ. Моимъ возницей былъ широкоплечій негръ съ очень толстыми выдающимися впередъ губами. Онъ былъ фрагтовски одѣтъ въ куртку съ пестрыми разводами и широкіе синіе шаравары и

опоясанъ шелковымъ поясомъ. На головѣ оный имѣлъ феску съ длинною кистью обвитую бѣдымъ тарбушемъ.

Прекрасная шоссеиная дорога на нѣкоторомъ протяженіи проходитъ вдоль горной цѣпи. Отсюда Блѣдахъ представляеть довольно живописный видъ. Часть города расположена по склоны горъ. Между домами темнѣетъ зелень многочисленныхъ садовъ и такъ-называемой „священной рощи“, въ которой находится гробница какого-то особенно чтимаго Арабами марабу.

Около дороги расположенъ обширный плодородъ, по которому при моемъ проѣздѣ гарцовала французская кавалерія (chasseurs d'Afrique) на чистокровныхъ арабскихъ козлахъ. Вправо открывался видъ на равнину ограниченную съ сѣвера другою горною цѣлью и отрогами алжирскаго Сахеда, которые преграждаютъ дальнѣйшій видъ на море.

Вскорѣ дорога сворачиваетъ къ желѣзному мосту черезъ безводное русло рѣки Уэдъ-эль-Кебиръ. Берега ея состоятъ изъ глинистыхъ обрывовъ, поросшихъ кустарникомъ и какгусами.

Чѣмъ ближе подвигался я къ ущелью, тѣмъ освѣжительнѣе вѣяло на меня оттуда горною прохладой. Вдоль дороги за журчали едва замѣтные ручейки.

Вскорѣ дорога встрѣчаетъ русло Шиффы и слѣдуетъ дѣлать вдоль лѣваго ея берега. Долгая засуха сдѣлала изъ нея гакже лишь едва замѣтный ручей, но широкое каменистое русло доказываетъ что въ половодье она достигаетъ значительныхъ размѣровъ. По склонамъ горъ, сблизившихся все болѣе и болѣе, открывались густыя рощи пробковаго дуба и заросли кустарниковъ. На одной изъ вершинъ бѣлѣлъ среди зелени куполь надъ могилой марабу, уединенною въ самомъ дикомъ и недоступномъ мѣстѣ, куда поднимаются развѣ только кабильскіе ластухи со своими козами. На одномъ поворотѣ дороги, которая идетъ все время зигзагами, представилась мнѣ укромная арабская харчевня, около которой, стояли развьюченныя ослы. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, подъ тѣнью развѣсистыхъ тутовыхъ деревьевъ, видѣлись молящіяся Арабы. Среди дикой горной природы эти бѣлыя колѣнопреклоненныя фигуры произвели на меня особенное впечатлѣніе. Довольно часто встрѣчались по пути Кабилы со своими семьями, сопровождавшіе своихъ навьюченныхъ ословъ. Большинство мушницъ и женщницъ этого племени имѣетъ самый жалкій

и навзрачный видъ, они темнокожи, приземисты и очень некрасивы.

Дорога вдоль глубокаго и обрывистаго ложа Шиффы все болѣе поднимается въ гору, пока не достигаетъ горнаго перевала, откуда начинается уже незамѣтный спускъ. Съ этого же мѣста характеръ горныхъ склоновъ становится инымъ: вмѣсто красноватой глины они представляютъ слои шифера, похожіе на остатки какой-нибудь циклопической стѣны. Противоположный склонъ горъ имѣетъ самый дикій характеръ и образуетъ неприступные круги заросшіе кустарникомъ и низкими маслинами. Здѣсь видѣются иногда горные потоки въ видѣ тонкихъ серебристыхъ нитей, которые то исчезаютъ въ расщелинахъ скалъ, то снова сверкаютъ на солнцѣ при своемъ впаденіи въ Шиффу.

Самое красивое мѣсто всего ущелья находится близъ одного изъ такихъ ручьевъ, носящаго названіе—Обезьяньяго ручья (*guisseau des Singes*). Такое названіе произошло оттого что на берегахъ этого потока часто появляются дикія обезьяны, породы макакъ, иногда цѣлыми стаями. Для туристовъ устроена близъ дороги небольшая кофейня въ тѣни нѣсколькихъ старыхъ эвкалиптусовъ. Здѣсь бьетъ фонтанъ и слышно журчаніе горнаго потока, который быстро несется по скалистымъ обломкамъ и образуетъ множество живописныхъ каскадовъ.

Пока лошади отдыхали я имѣлъ время пройти немного далѣе и здѣсь встрѣтился съ двумя львеходами, разсматривавшими что-то на противоположномъ берегу Шиффы. Благодаря этой встрѣчѣ мнѣ удалось самому видѣть стаю дикихъ обезьянъ. Вглядѣвшись пристальнѣе въ заросли, которыми покрытъ берегъ, я насчиталъ здѣсь около двадцати небольшихъ сѣрыхъ мартышекъ спускавшихся къ водою. Нѣкоторыя изъ нихъ проворно скакали вверхъ къ рѣкѣ; другія, сидя группами, что-то ѣли передними лапами.

Послѣ этой остановки я проѣхалъ еще нѣсколько далѣе по ущелью, до живописнаго горнаго водопада, начинающагося на значительной высотѣ.

Между тѣмъ солнце уже скрывалось за горами, и длинныя вечернія тѣни начинали ложиться въ ущельѣ. Пора было помышлять о возвращеніи...

Ю. АРСЕНЬЕВЪ.

СКАЗКА НОЧИ

Въ разлукѣ мы съ тобой, душа свиданья просить
И часто въ сумракѣ, вечернею порой,
Крылатая мечта къ тебѣ меня уносить;
Мнѣ кажется тогда что вижу я съ тобой...

Недавно вечеромъ я былъ одинъ. Стемнѣло.
Заснулъ весь Божій міръ. Дневное кончивъ дѣло,
Я вышелъ на балконъ, съ балкона въ темный садъ,
Изъ сада далѣе побрелъ дорогой въ поле.
Въ померкнувшей дали тонулъ, какъ въ морѣ, взглядъ;
Но душно было мнѣ, какъ узнику въ неволѣ.
Въ удивленіи томилася душа
И бессознательно тебя вездѣ искала,
Въ далекомъ облакѣ зарница трепетала
А вѣтерокъ ласкалъ лицо мнѣ, чуть дыша.
Я шелъ все далѣе... и вдругъ мнѣ показалось
Что ты навстрѣчу мнѣ съ тѣмъ вѣтеркомъ примчалась
Какъ чистой радости желанная струя;
Съ доверьемъ ласковымъ къ груди моей прильнула
И, глядя мнѣ въ глаза, съ улыбкою шелнула:
— Меня ты не узналъ? Смотри, вѣдь это я!..

И вмѣстѣ мы пошли...

Счастливою тревогой

Такъ сердце билось, такъ намъ хотѣлось много
Другъ другу высказать что оба смолкали мы

И долго, долго шагъ средь чуткой полатымы,
 Ища напрасно словъ, лишь взглядами мѣняясь,
 Лишь крѣпче на ходу другъ къ другу прижимаясь,
 Въ минуту счастья неожиданнаго страшась,
 Чтобъ что-нибудь опять не разлучило насъ.
 Бессонный коростель кричалъ въ травѣ высокой;
 Но такъ прислушались мы къ голосу его
 Что намъ казалось—не слышно ничего!
 Поля покоились кругомъ въ тиши глубокой.
 Хотѣлъ я долгое молчанье превозмочь
 И разказать тебѣ всю лютость дней разлуки,
 Но смолкли на устахъ начатой рѣчи звуки—
 За насъ держала рѣчь сама царица Ночь!
 Она покрыла насъ широкими тѣнями,
 Она сверкала намъ блестящими глазами
 Своихъ несчетныхъ звѣздъ, она шелтала намъ
 Слова беззвучныя, но внятыя сердцамъ.
 Волшебныя слова, исполненныя ласки,
 Отъ вѣка созданной и вѣчно новой сказки,
 Про счастье любви... Въ разлукѣ мы съ тобой,
 Но такъ я обольщенъ былъ сказкой той ночной,
 Такъ ясно близъ себя внималъ твое дыханье,
 Такъ сердце вѣрило въ желанное свиданье,
 Что и теперь, отъ грезъ полночныхъ пробужденъ,
 Я сомнѣваюсь: ужель то былъ лишь сонъ!

Мнѣ сказывала Ночь: „Васъ въ мирѣ только двое!
 „Сіяніе зарю, мерцанье звѣздъ ночныхъ,
 Равнины тихія и небо голубое—
 Весь этотъ мракъ и блескъ для васъ—для васъ однихъ.
 Когда бъ другъ друга вы не знали, не любили,
 Когда бы чуждою тебѣ была она,
 Ни эти небеса, ни звѣзды бъ не свѣтили,
 Просторъ, туманъ и даль къ себѣ бы не манили
 И я сама, какъ смерть, была бы холодна.
 Припомни: не тогда ль, когда передъ собою
 Той лучезарною, той памятной весною
 Ее ты увидалъ—какъ вѣчной красоты
 Земной доступный ликъ—о, не тогда ль впервые
 Ты звуки услышалъ чудесные, живые:
 Какъ звѣзды говорятъ, какъ шелчутся цвѣты,

Какъ въ небѣ вѣтвихъ птицъ несутся вереницы,
 Какъ дышать стебли травъ, какъ бредить сонный лѣсъ,
 Какъ плещутъ крыльями лугливыя зарницы,
 Порхая въ сумеркахъ на рубежѣ небесъ.
 Что подыло вокругъ тѣ странныя шелтанья,
 Что возвѣщали тѣ полеты, трепетанья,
 Ночные голоса, и шумы, и огни?
 Я говорю тебѣ: встрѣчали васъ они
 И небомъ, и землею, и мракомъ, и денницей,
 Какъ юнаго царя съ избранною царицей!
 Про счастье твое ласкующую вѣсть
 Природы голоса слѣшили перенести
 Во всѣ концы земли, отъ края и до края,
 Ее то шелотомъ, то громко повторяя
 Журчаньемъ волнъ въ рѣкѣ, наливномъ птицъ въ лѣсахъ,
 Дыханьемъ травъ въ степи и громомъ въ облакахъ!
 А люди—помысли ли, какъ вотъ она вдругъ стали
 Добры и веселы? Безъ злобы и печали
 Они внимательно толпилися кругомъ.
 Черты суровыя и хмурыя смягчались,
 Холодные уста привѣтомъ оживлялись,
 Глаза участливымъ свѣтились огнемъ.
 Ласкались дѣти къ вамъ, забывъ свои игрушки,
 И даже дряхлыя, застывшія старушки,
 Съ улыбкою на васъ кивая головой,
 О милой юности шелтались межъ собой.
 И съ высоты любви безоблачной, спокойной
 На этотъ мѣръ толпы гудящей и нестройной,
 На этотъ будничныи и нестройный маскарадъ
 Лишь изрѣдка кидалъ ты равнодушный взглядъ,
 Ты зналъ иную жизнь и счастье иное:
 Повсюду и всегда васъ было только двое..
 Но... отвернись теперь—и полетимъ съ тобой
 Мы въ нѣкій новый край“...

И ты въ вдругъ разступилась.

И даль туманная внезапно озарилась
 Какой-то красною злобницею зарей;
 Почудилося мнѣ: невѣдомою силой
 Съ тобой вдругъ разлученъ, впередъ помчался я;
 А ты вдали, одна, головкою унылой

Покинувъ, съ горечью взглянула на меня
 И долетѣвъ ко мнѣ твой зовъ чудесно внятнѣй,
 Любви могучій зовъ... Потомъ, средь темноты
 Блеснувъ въ послѣдній разъ, изъ глазъ исчезла ты
 И замеръ голосъ твой—и страшный, веплоятнѣй,
 Подобный ляску водъ, посыпалася мнѣ гулъ.
 „Смотри, шелтала Ночь, смотри!“ И я взглянулъ:
 Передо мной былъ пиръ. Картиною огромной
 Огнями лисавной на сводѣ noci темной,
 Какъ разгорѣвшійся пожаръ, предотала мнѣ оны
 Безумный, радостный, весь въ звукахъ, весь въ движеніи,
 Стихая, вновь шума,—пылая въ наслажденіи!..
 „Войди!“ сказала Ночь; но мраченъ и смущенъ
 Въ недоумѣніи стоялъ я у порога
 Того волшебнаго и страшнаго чертога,
 Не въ силахъ ни войти, ни удалиться прочь;
 А на ухо олять мнѣ зашелтала Ночь:
 „Ты не войдешь сюда на пиръ, я это знала:
 Тебя иная власть навѣкъ заколдовала.
 Прислушайся: гремитъ веселый хоръ лѣвцовъ;
 Но сквозь его валѣвъ—ея ты слышишь зовъ!
 Безлечный, громкій смѣхъ, шумъ ляску раздаются,
 А сердце далеко и мысли къ ней несутся.
 Сверкаетъ золото, кругомъ огни горять,
 Блестить убранствами роскошная палата;
 Но ярче тѣхъ огней, и роскоши, и злата
 Въ глаза тебѣ глядитъ ея знакомый взглядъ,
 Вы встрѣтились олять—и смогло все чужое,
 Погасъ ненужный пиръ—васъ въ мѣрѣ только двое!
 И много пронеслось и пронесется дней:
 Межъ вами все полѣтъ, все крѣпче единенье;
 Нѣтъ таинъ, нѣтъ преградъ—и даже отдаленье
 Теперь уже тебя не разлучаетъ съ ней.
 Взгрустнется ль, темныя ль въ умѣ слетятся думы,
 Житейскихъ ли заботъ обниметъ мракъ угрюмый
 И некому излить тѣ думы, ту печаль,—
 Лишь всломвишь ты о ней—и исчезаетъ даль.
 На вѣрный твой призывъ отвѣтъ звучитъ счастливымъ,
 Въ молчаніи полетъ ты слышишь тороливый
 Сквозь степи и туманъ, и море тьмы ночной
 Зовешь ее—и въ мигъ она передъ тобой!“

Такъ говорила Ночь—и выше все и жарче
Зарницы страстныя пылали въ облакахъ,
Телѣ вътерокъ дышалъ въ ночныхъ потьмахъ;
А образъ милый твой все чище и все ярче,
Улыбкой, какъ лучомъ небеснымъ озаренъ,
Мнѣ въ душу проникалъ, гадѣлъ мнѣ прямо въ очи;
И взглядомъ повторялъ онъ ту же сказку ночи
Про счастье любви... Ужель то былъ лишь сонъ!

ГР. ГОЛЕНИЦЕВЪ-КУТУЗОВЪ.

С. Шубино.
8 юля 1882.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Скобелевъ, личныйя воспоминанія и впечатлѣнія В. И. Нелиросича-Данченко. С.-Петербургъ, изданіе А. Ф. Девриена, 1882.

Въ этихъ *личныхъ* воспоминаніяхъ не мало удачныхъ страницъ, живо рисующихъ читателю симпатичный образъ столь безвременно погибшаго героя. Авторъ изображаетъ намъ покойнаго М. Д. Скобелева преимущественно въ періодъ обнимающій время съ іюня 1877 года, когда автору книги впервые пришлось встрѣтиться съ Михаиломъ Дмитриевичемъ на Журжевскомъ берегу Дуная и до послѣдней бесѣды его въ Санъ-Стефано, во время продолжительной стоянки Скобелевскаго отряда въ виду Константинополя. Такой періодъ времени обнимаетъ слѣдовательно всѣ главнѣйшіе моменты русско - турецкой эпопеи, вмѣщаетъ въ себя геройскій бой при Параланѣ, переправу черезъ Дунай, Шевну и Шилку, геройскій переходъ отъ Казанлыка до Адрианополя черезъ Балканы и затѣмъ побѣдоносное шествіе въ Чалпылджу. Это время наиболѣе интересное въ жизни Скобелева, время, когда кровавыя событія войны формируютъ въ немъ героя; здѣсь зачатки того блестящаго развитія военныхъ талантовъ котораго бы несомнѣнно достигъ молодой генералъ, еслибы преждевременная смерть не пресѣкла его дни. Скобелевъ носилъ въ себѣ дѣйствительно всѣ элементы того умственнаго и душевнаго склада, съ помощью которыхъ образуются полководцы. Въ сравнительно молодые годы онъ постигъ душу русскаго солдата. Во время переправы черезъ Дунай, добровольно исправляя обязанности ординарца при

генералъ Драгомировъ, озабоченномъ громадною отвѣтственностью лежащею на немъ относительно исхода сраженія, Скобелевъ на лицахъ солдатъ прочелъ удачнѣе окончаніе дѣла. Радостный и веселый онъ поздравилъ Драгомирова:

— Ну, поздравляю тебя съ побѣдой.

— Какъ... Да вѣдь еще дѣло въ началѣ?

— Все равно... Ты посмотри на лица солдатъ... (стр. 79).

Лучшія страницы книги именно тѣ которыя посвящены изображенію отношеній Скобелева къ вѣрнымъ его командѣ солдатамъ. Тутъ авторъ чуждъ прикрасъ и преувеличеній, въ которыя, какъ романистъ, иногда впадаетъ, быть-можетъ и помимо своей воли. Генералъ ѣдетъ на конѣ съ нѣсколькими офицерами по дорогѣ изъ Баниаса въ Журжево. Стель, духота и жаръ невообразимые. По дорогѣ бредутъ измученные солдаты, согнувшіеся подъ тяжестью ранцевъ:

— Здорово, братцы.

— Здравія желаемъ, ваше—ство!

— Трудно идти... жарко?

— Трудно, ваше—ство...

— Ну-ка попробую я съ вами.

Генералъ сошелъ съ коня и отдалъ его казаку.

— Поѣзжай-ка въ Журжево. Прощайте, господа. Я вотъ съ этими молодцами.

И пошелъ лѣшкомъ. Спустя минуточку между солдатами слышался смѣхъ, шутки... Толпа ожила... Пѣсни зазвѣли—генералъ подтягиваетъ... (18).

Говорить Скобелевъ съ солдатами съ поразительною простотой и въ то же время и вразумительностью. Идетъ и видѣть: реветъ солдатъ.

— Ахъ ты баба!... Чего реветь-то... срамъ!

Солдатъ вытягивается.

— Ну чего ты... что такое случилось?

Оказывается получалъ солдатъ письмо изъ дому. Нужда въ семьѣ, корова пала, недоимка одолѣла,—неурожай, голодь.

— Такъ бы и говорилъ, а не плакалъ. Ты грамотный?

— Точно такъ-съ.

— И ласать умѣешь?

— Умѣю.

— Вотъ тебѣ пятьдесятъ рублей, пошли сегодня же домой, слышишь?... Тебѣ скажутъ, какъ это сдѣлать... Да квитанцію привеси ко мнѣ... (31).

Говорятъ все жалованье корпуснаго командира уходило на подобнаго рода вспомошествованія. О томъ чтобы солдаты были сыты, тепло одѣты Скобелевъ заботился неуставно. Измучившись въ страшномъ бою, генералъ не забываетъ обойти солдатскіе котлы и посмотреть что въ нихъ варится. Хищниковъ въ этомъ отношеніи онъ жестоко преслѣдуетъ. Онъ не спокоенъ если въ котомкѣ солдата нѣтъ полутора фунта мяса и въ волю хлѣба. Около Плевны, встрѣчая солдатъ, онъ не забывалъ спросить каждаго изъ нихъ:

— Пилъ чай сегодня?

— Точно такъ-съ, ваше—ство.

— И утромъ и вечеромъ?

— Точно такъ-съ.

— А водку тебѣ давали?... Мяса получалъ сколько надо? (81).

При наступившей зимѣ отсутствіе у солдатъ полушубковъ не даетъ Скобелеву покоя. Гдѣ взять? Обращается къ отцу, не дастъ ли тотъ денегъ, получаетъ отказъ:

— Это невозможно: вздумалъ наконецъ солдатъ одѣвать на мой счетъ.

Тогда сынъ бросается на хитрость. Пріѣзжаетъ къ отцу съ ротными командирами и чмокъ въ руку. Отецъ уже такъ привыкъ къ просьбамъ о деньгахъ что прямо послѣ такой сыновней вѣжливости спрашиваетъ: сколько? сынъ недоумѣваетъ:

— Чего сколько?

— Денегъ сколько тебѣ надо... Вѣдь я тебѣ насквозь вижу... промотался вѣрно?

— Что это ты въ самомъ дѣлѣ... Я еще съ собой привезъ нѣсколько тысячъ. Помоги мнѣ купить полушубки на полковныя деньги. Ты знаешь, вѣдь я безъ тебя ничего не понимаю.

Старикъ польщенъ вниманіемъ сына. Всею компаніею идутъ къ румынскому купцу, выбираютъ полушубки, потомъ наблюдаютъ за накладкой ихъ на телѣги, которыя, по нагрузкѣ, отъѣзжаютъ подъ Плевну на позиціи 16й дивизіи. Отъѣзжаетъ наконецъ и послѣдняя телѣга. Молодой Скобелевъ вскакиваетъ на лошадь и прощается съ отцомъ. Румынъ къ нему:

— Счетъ прикажете къ кому подать?

— А вотъ къ отцу... Отецъ, залаати пожалуйста... а потомъ отдамъ тебѣ... (83).

Во время битвы при Зеленой Горѣ Скобелевы съ негодованіемъ усмотрѣлъ что солдаты бѣгутъ безъ ружей въ разсыльную. Вдѣтъ къ нимъ на встрѣчу, не показывая вида что замѣтилъ ихъ безпорядочное отступление.

— Здорово, молодцы! крикнулъ онъ весело, радостно даже.

Солдаты приостановились. Посыпалось „здравія желаемъ“, только въ раздробъ, не смѣло.

— Слассибо вамъ, ораы, за услугу! Героями поработали сегодня.

Еще минутоу назадъ растерявшаяся толпа стала подбираться, показалось что-то на подобіе строя.

— Горжуся, братцы, что команду ю вами. Такихъ молодцовъ еще не было.

Бѣглецы совсѣмъ оправились уже. Строй правильный. Видимо очнулись.

Тутъ генералъ дѣлаетъ видъ что только сейчасъ замѣтилъ у нихъ отсутствіе ружей.

— Это что же такое? Гдѣ же ваши ружья, ребята?

Молчаніе. Солдаты стоятъ потупившись.

— Гдѣ же ружья, васъ спрашиваю?

То же томительное безмолвіе. Полная перемѣна декорацій и у Скобелева.

— Вы это что же? Ружья кинули—труссы... Бѣжать отъ Турокъ... Позоръ, стыдъ! Сволочь вы этакая... Не хочу я командовать такою дрянью... Вонъ отъ меня...

Солдаты совсѣмъ уничтожены. Стоятъ какъ приговоренные къ смерти.

— Маршъ за мной!

Рота безъ ружей стройно идетъ за генераломъ, не переставшимъ честить ихъ. Пришли на позицію, взяли ружья.

— За мной!

Вывелъ ихъ Скобелевъ въ промежутокъ между турецкою и нашею траншеей, въ самое опасное мѣсто, выстроилъ и давай производить имъ ученіе. Самъ сталъ въ наиболѣе опасномъ пунктѣ,—между ними и Турками.

— На плечо!

Команда исполнена, но неуверенно, не стройно.

— Еще разъ къ ноги... На плечо!

Исполнено лучше.

— Еще разъ.. Вы у меня какъ на парадѣ будете... На плечо!

Исполнено превосходно.

— На караулъ!

То же самое (169—170).

При взятіи одного редута подъ Плевной онъ грозно остаивается отступающихъ въ безпорядкѣ солдатъ:

— Это еще что за стыдъ! это что за таборъ бѣжить! Смирно!... Изъ-подъ редута бѣжать... Срамъ! Не хочу я командовать такую сволочью! идите къ Туркамъ! Вы не солдаты! Ружья побросали, скоты... За мной! Я вамъ покажу какъ бьютъ Турокъ... Стройся! За мной, ребята, я самъ васъ поведу. Кто отъ меня отстанеть, стыдно тому. Живо, барабанщики, наступленіе.

Громкая дробь барабана покрыва и грохотъ залповъ, и ревъ орудій то и дѣло выбрасывавшихъ снопы огня и клубы дыма изъ амбразуръ турецкой батареи. (110—111).

При переходѣ черезъ Дунай и Балканы въ Скобелевѣ еще не перебродила молодость. Какъ неопытный лѣвецъ съ гениальными задатками дарованія, Скобелевъ поетъ свою боевую лѣснь во весь голосъ, со всемъ возможнымъ стараніемъ, забывая что идетъ только первый актъ, что остается впереди еще четыре гдѣ сосредоточены труднѣйшія мѣста для которыхъ надо слѣдовательно побережъ голосъ. Храбрость и отвага въ генералѣ несомнѣнно благопріятно дѣйствуютъ на солдата, подымаютъ его настроеніе, ведутъ въ огонь и смерть. Но расходовать эту храбрость, подвергая и свою, и солдатскую жизнь опасности, въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣсколько необдуманно, не взвѣсивъ всехъ послѣдствій, съ точностью возможною на войнѣ, — это не въ обычаѣхъ Суворовыхъ и Наполеоновъ. Но это не разъ позволялъ себѣ Скобелевъ. Онъ играетъ своею безопасностью безпрестанно. Разъ случайно предупреждаетъ онъ г. Немировича-Данченко:

— Вотъ сейчасъ музыка начнется.

— Какая? удивился я.

— Да вотъ, видите ли, стоить отцу или мнѣ показаться здѣсь чтобы вонъ съ той батарееки открыли огонь...

„Музыка“ дѣйствительно начинается. Граната ладаетъ въ Дунай, взрывъ цѣлый фонтанъ бриллиантовыхъ брызгъ.

— Недолетъ! спокойно замѣтилъ Скобелевъ.

Вторая граната проносится надъ нами и разрывается гдѣ-то позади.

— Перелетъ... Теперь если стрѣлки хороши должны сюда хватить... (16—17).

Авторъ книги свидѣтельствуеъ что это обстрѣливанье себя, офицеровъ и солдатъ составляло обычное удовольствіе генерала. Скобелевъ достигъ въ этомъ отношеніи изумительныхъ результатовъ. Разъ, объясняя планъ одной мѣстности нѣсколькимъ офицерамъ генеральнаго штаба и военному агенту-иностранцу, а потому говоря по-французски, Скобелевъ былъ прерванъ въ своемъ изложеніи самымъ неожиданнымъ событіемъ. Всѣ были на коняхъ и стояли, слушающая генерала, повернувъ лошадей кружкомъ головами другъ къ другу. Вдругъ грохотъ,—и падаетъ въ середину круга граната, обдавая лица слушающихъ генерала комьями взрытой земли. У всѣхъ вопросъ: цѣлъ ли я? цѣлы ли товарищи? а Скобелевъ и глазомъ не моргнувъ, и ухомъ не повелъ. Спокойный его голосъ продолжаетъ, какъ будто пролетѣла муха, а не страшный снарядъ, могущій убить: „Et bien, messieurs, gévions“... (24)

Ведя кампанію 77—78 годовъ Скобелевъ учится, учится въ бою, подъ градомъ непріятельскихъ пуль, въ огнѣ перестрѣлки, учится на стоянкахъ, въ траншеѣ, въ какой-нибудь самой невозможной землянкѣ. Онъ читаетъ, чертитъ и дерется, полный отваги и силы... Онъ учится—и вотъ подъ Геокъ-Теле, въ 1881 году, каждый шагъ генерала зрѣло обдумавъ. Это уже не героическое юношество эпохи перехода черезъ Балканы, это размышляющая зрѣлость, когда Скобелевъ является во всеоружіи своей неутомимой храбрости, во всеоружіи знанія. Генералъ готовится къ Геокъ-Теле еще въ Петербургѣ. На Моховой, въ домѣ Дивова, говоритъ г. Немировичъ-Данченко, образовалась маленькая главная квартира. Тогда еще полковникъ Гродековъ, главнѣйшій сотрудникъ Скобелева, а также Барановъ и другіе его адъютанты ходили какіе-то ошалѣлые, блѣдные, истощенные.

— Отдыхать некогда... Непкогда, господа, за дѣло!

— Когда онъ спитъ, Богъ его знаетъ. У насъ руки отваживаются, говорили они (329).

Онъ лишетъ, изучаетъ край, читая о немъ, принимаетъ посѣтителей, собираетъ ближайшихъ сотрудниковъ. Онъ помнитъ что Самаркандъ и Кокандъ сдались почти безъ выстрѣла, Ташкентъ взятъ 800 штыками, Кульджа сдалась безъ боя, но Денгиль-Теле нанесла Русскимъ урокъ и заставила ихъ отступить. Готовая совершить рѣшительный

ударъ Туркменамъ-Теке, Скобелевъ является къ Текенцамъ съ массою орудій, съ пятитысячнымъ войскомъ и значительными резервами. Двадцать дней подъ Геокъ-Теле онъ изучаетъ какъ нанести противнику рѣшительное и окончательное пораженіе. Наканунѣ штурма, собравъ вокругъ себя офицеровъ, Скобелевъ въ мельчайшихъ подробностяхъ намѣчаетъ имъ планъ завтрашнихъ дѣйствій, развиваетъ предъ ними теорію которую на другой день они должны осуществить на практикѣ. И предначертанія этой изумительной теоріи оказываются такъ вѣрны что назавтра осуществляются почти съ математическою точностью. На этой замѣчательной рѣчи, которую вѣроятно оцѣнять стратеги и биографы Скобелева, но которая почти совсѣмъ неизвѣстна, позволимъ себѣ остановиться. „Цѣль нашей атаки, говоритъ Скобелевъ,—или лучше сказать штурма занять юго-восточный уголъ крѣпости и утвердиться по возможности на ея стѣнахъ“. Онъ перечисляетъ затѣмъ подготовленія сдѣланныя для этой атаки, брешь, пороховая мина, закладка динамита и переходитъ къ диспозиціи войскъ. „Войска для штурма будутъ раздѣлены на три колонны и общій резервъ“, говоритъ онъ, и объяснивъ что 1а лѣвофланговая колонна подчиняется полковнику Гайдарову, 2а правофланговая полковнику Куролаткину и 3а, средняя, полковнику Козелкову, переходитъ къ начертанію дѣйствій; что именно и представляетъ особенный интересъ. Онъ говоритъ:

„Съ разсвѣтомъ колонна полковника Гайдарова направится къ юго-западному углу крѣпости, займетъ мельничную каду и привлечетъ на себя главныя силы противника. Она будетъ демонстрировать, но если представится возможность, ей ничто не мѣшаетъ атаковать противника и ворваться въ крѣпость. Пока вниманіе противника будетъ отвлечено обходнымъ движеніемъ колонны Гайдарова, артиллерія устремитъ всѣ свои силы къ тому чтобы расчистить артиллерійскую брешь и сдѣлать обвалъ удобовосходимымъ для войскъ. Наконецъ въ девять часовъ утра стрѣльба будетъ приостановлена, произойдетъ взрывъ пороховой мины и въ тотъ же моментъ одновременно пойдутъ на штурмъ колонны: полковника Куролаткина на обвалъ произведенный взрывомъ, и полковника Козелкова на артиллерійскую брешь. Общій резервъ будетъ находиться на Ставропольскомъ редутѣ; онъ будетъ въ свою очередь раздѣленъ на пять колоннъ, изъ которыхъ первая двинется тотчасъ же вслѣдъ за колонной Козелкова,

а остальные послѣдуютъ одна за другою чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени, по мѣрѣ надобности: будетъ изрублена первая, пойдетъ вторая; погибнетъ эта—пойдетъ третья... Или мы будемъ на стѣнахъ крѣпости, или же всѣ ляжемъ подъ стѣнами ея. Отступленія не будетъ ни въ какомъ случаѣ. Я буду до взрыва мины на Ставропольскомъ редутѣ и все время самого штурма тамъ, гдѣ будетъ наиболѣе необходимо мое присутствіе“...

Назавтра все это было исполнено въ точности и Геокъ-Теле взяты.

Въ заключеніе позволимъ себѣ небольшое замѣчаніе. Авторъ *Воспоминаній* неоднократно заявляетъ читателю что *онъ былъ противъ парижской рѣчи Скобелева, что его убѣжденія не сходились съ убѣжденіями генерала, что его взгляды на войну рознились отъ взглядовъ на такую Скобелева* и т. д. Все это прекрасно: Скобелевъ могъ имѣть свои убѣжденія, авторъ книги свои, противоположныя Скобелевскимъ, но едва ли особенно интересно знать объ этомъ читателю, который, взявъ книгу, хочетъ познакомиться съ характеромъ и взглядами того чье имя стоитъ на оберткѣ книги, а не съ profession de foi автора. Въ *личныхъ* воспоминаніяхъ авторамъ надо по возможности уводить самихъ себя на задній планъ, заставляться экранами и абажурами и освѣщать всею силою имѣющагося въ ихъ рукахъ свѣта центральную фигуру лица памяти котораго посвящаютъ они свой трудъ. Въ противномъ случаѣ читателю всегда можетъ показаться что авторъ, говоря о томъ или другомъ знаменитомъ человѣкѣ, при этомъ случаѣ хочетъ немного выдвинуть и себя, вотъ дескать какъ-жъ я, чего не чуждъ и г. Немировичъ-Данченко. Эта мелкая черта вредитъ книгѣ, которая во всякомъ случаѣ весьма интересна.

Л.

II.

Опытъ изученія общественнаго хозяйства и управленія городовъ. М. П. Щелкина. Часть I. Москва. 1882 года.

Вышедшая на этихъ дняхъ первая часть *Опытовъ изученія общественнаго хозяйства и управленія городовъ* интересна уже потому что принадлежитъ перу одного изъ замѣтныхъ дѣятелей Московской Городской Думы, бывшему секретарю ея М. П. Щелкину. Въ его произведеніи мы имѣемъ дѣло

не съ теоретическими разсужденіями профессора и не со взглядами чиновника Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по земскому отдѣлу, а съ сужденіями практическаго дѣятеля, который имѣеть въ виду разработать слагавшійся у него на глазахъ матеріалъ думской дѣятельности въ теченіе 20 лѣтъ, съ 1863 по 1882 годъ. Интересъ вышедшей книги не уничтожается тѣмъ что она не представляетъ еще законченнаго цѣлаго и есть собственно собраніе статей которыя печаталъ авторъ въ разное время и въ различныхъ изданіяхъ.

Вышедшая книга представляетъ слѣдующіе четыре отдѣла: 1) разсужденія автора по различнымъ вопросамъ организациіи городского хозяйства и управленія наканунѣ изданія Городоваго Положенія въ 1870 году; 2) изслѣдованіе городскихъ финансовъ Москвы и нѣкоторыхъ большихъ городовъ Западной Европы; 3) составленіе и исполненіе городскихъ смѣтъ Москвы; 4) хозяйство уѣздныхъ городовъ и посадовъ Московской губерніи по бюджетамъ 1879 года.

Предоставляя специалистамъ городского хозяйства подробно ознакомиться съ этими отдѣлами, мы для характеристики книги приведемъ лишь немногое что можетъ интересовать большой кругъ читателей.

Кому не прожужжала уши „пресса“ своими разсужденіями о нашей буржуазіи въ интересахъ такъ-называемаго рабочаго вопроса! Но у насъ *tiers-état*, включая въ него государственныхъ чиновниковъ, адвокатовъ, литераторовъ, медиковъ и т. п., такъ малочисленно что, по мнѣнію автора, у насъ собственно *городскаго* населенія въ западномъ смыслѣ едва-едва хватило бы на нѣсколько городовъ. Хоть искусственно приготавлийте буржуазію. Наши многочисленныя города въ своемъ существѣ, и по занятіямъ жителей, и по ихъ числу суть, по мнѣнію автора, просто деревни. Только присутствіе въ нихъ государственной уѣздной администраціи даетъ имъ наименованіе городовъ, и это послѣднее въ существѣ своемъ есть псевдонимъ. Авторъ очень удачно замѣчаетъ что къ такимъ *деревнямъ* вовсе нейдетъ *городское* самоуправленіе съ городскими общественными собраніями, думами, банками и т. п. и совершенно основательно недоумѣваетъ зачѣмъ новое Городовое Положеніе съ такимъ усердіемъ распространяли на большинство городовъ Имперіи, которые носятъ это имя. „Мы, говоритъ авторъ, полагаемъ что хозяйственная самостоя-

тельность можетъ быть дѣйствительно желательна и лодотворна для мѣстныхъ обществъ лишь въ томъ случаѣ если поселеніе по праву носить названіе города, то есть дѣйствительно обладаетъ существенными условіями городской жизни и наконецъ если оно имѣетъ достаточныя матеріальныя средства для того, чтобы принять на себя въ качествѣ „самоуправляющейся единицы“ завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ съ возлагаемыми на него нелегкими обязательными расходами.

„Городская реформа, говоритъ г. Щелкинъ, не есть дѣло новое: она тянется уже болѣе 150 лѣтъ, если началомъ ея считать преобразованія Петра Великаго относящіяся до общаго благоустройства городовъ. Хотя съ того времени вопросъ о городскомъ строеніи возникалъ періодически, однако всѣ исполненныя преобразованія чрезвычайно мало содѣйствовали развитію городовъ и городской жизни. Главную причину этой неудачи надо искать въ томъ что со времени Петра въ основу реформъ полагались заимствованныя съ Запада начала, которыя были совершенно чужды русскимъ городамъ возникшимъ при условіяхъ совершенно другихъ чѣмъ въ Западной Европѣ. Прежде образцами для городского строенія въ Россіи служили тѣ нѣмецкія и голландскія городскія поселенія которыя развились въ борьбѣ съ феодальнымъ гнетомъ и сложились тамъ въ плотныя общины рѣзко отдѣлившіяся отъ массы сельскаго населенія и утвердившія свою силу и самостоятельность на городской промышленности. Тамъ, на Западѣ незамѣтно совершился коренной переворотъ въ самыхъ занятіяхъ народа; ремесленность и торговля сдѣлались преимущественнымъ занятіемъ городовъ, земледѣліе же занятіемъ поселянъ, и эти два занятія стали явственными признаками различенія между деревней и городомъ.“

Опредѣливъ значеніе нашихъ древнихъ городовъ какъ деревень въ коихъ устраивались военные и административные пункты, авторъ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ показывающихъ какъ легко устраивались у насъ города и какъ они чрезъ короткое время разжаловались въ простые села. Но иногда бывало и такъ что поселенія сами сопротивлялись обращенію своему въ города. Когда въ 1836 году слобода Царевка возводилась въ городъ Царевъ, то слобожане, сознавая что съ открытіемъ города они должны будутъ обратиться въ безземельныхъ

мѣщанъ и волей-неволей сдѣлаться торговцами или ремесленниками, въ чемъ они до того времени не имѣли никакой нужды, открыто стали сопротивляться учрежденію у нихъ города. Къ сожалѣнію, тогда не сочли нужнымъ войти въ разсмотрѣніе причинъ народнаго несочувствія къ мѣрамъ правительства и объявили Царевку городомъ; а недовольные жители рѣшились на отчаянную мѣру: не продавать чиновникамъ сѣбѣстныхъ припасовъ и такимъ образомъ голодомъ выжить непрошенныхъ гостей. Царевцевъ посредствомъ военной команды заставили повиноваться. (Хорошій способъ вводить городское самоуправленіе!) И вотъ этотъ городокъ, по свѣдѣніямъ 1861 года, въ числѣ 7.200 жителей населенія обоаго пола считалъ 3.000 крестьянъ, изъ 790 домовладѣльцевъ 359 было государственныхъ крестьянъ; торговля въ городѣ весьма незначительна; большая часть купцовъ вносили капиталъ единственно во избѣжаніе рекрутской повинности и вовсе не занимаясь торговлей посвящали себя земледѣлію, преимущественно скотоводству; ремесленности въ городѣ не было никакой, всего 27 самыхъ необходимыхъ мастеровыхъ. Подобнаго рода примѣры не составляютъ рѣдкихъ исключеній. По мнѣнію автора, задача правительства относительно такого рода поселеній должна состоять не въ томъ чтобы создать изъ всѣхъ городовъ особенныя „самоуправляющіяся единицы“, а въ томъ чтобы большинство ихъ ввести въ общій составъ *земства*; исключеніе составлять, кромѣ столицъ, лишь немногіе изъ русскихъ городовъ.

Обозрѣвая во второмъ отдѣлѣ книги городскіе финансы Москвы съ 1868 по 1881 годъ, авторъ, какъ сторонникъ городского самоуправленія, представляетъ ихъ вообще въ благопріятномъ видѣ, какъ по отношенію къ городскимъ сборамъ, такъ и ихъ расходамъ, но при изслѣдованіи свѣты на истекающій 1882 годъ приходитъ къ печальнымъ выводамъ. Общій балансъ свѣты на этотъ годъ представлялся въ слѣдующемъ видѣ: расходы были исчислены въ 6.164.063 руб. 28 коп.; доходы въ 4.921.067 руб. 34²/₃ коп.; слѣдовательно ожидался дефицитъ въ 1.224.995 руб. 93¹/₃ коп. Между тѣмъ, въ распоряженіи города не было никакого запаснаго или остаточнаго капитала изъ котораго могло бы быть сдѣлано заимствованіе для покрытія такого значительнаго недочета, составляющаго болѣе 20% общей бюджетной суммы. Слѣдовательно, возстановленіе баланса могло быть

достигнуто или сокращеніемъ на соответствующую сумму расходовъ, или заключеніемъ займа. Въ виду такого напряженнаго и крайне неблагоприятнаго положенія городского хозяйства, управа, не сокращая предположенныхъ расходовъ, предполагала заключить краткосрочный заемъ въ одномъ изъ московскихъ банковъ, въ формѣ спеціального текущаго счета, но не могла указать никакихъ производительныхъ источниковъ для его погашенія, а предполагала покрыть его въ послѣдствіи изъ тѣхъ суммъ которыя поступаютъ долгосрочнымъ займомъ необходимымъ для исполненія такихъ поставленныхъ думой на первую очередь предпріятій, какъ устройство водоснабженія и канализации. „Слѣдовательно, говоритъ г. Целкинъ, московское городское хозяйство достигло нынѣ тѣхъ крайнихъ предѣловъ когда является необходимость въ займѣ даже для удовлетворенія текущихъ, такъ-сказать, будничныхъ надобностей города.“

Въ чемъ же искать врачеванія этого, по мнѣнію автора, становящагося хроническимъ недугомъ городского хозяйства? Что касается означеннаго года, по его мнѣнію, въ виду крайняго недостатка наличныхъ средствъ, дума должна была отсрочить на одинъ годъ большую часть предположенныхъ предпріятій. Но для того чтобъ избѣжать на будущее время повторенія подобныхъ критическихъ явленій, авторъ предлагаетъ открыть новые источники доходовъ изъ коихъ бы возможно было почерпнуть готовые средства для удовлетворенія возрастающихъ расходовъ города; таковыя онъ указываетъ въ новыхъ сборахъ съ помѣщеній занимаемыхъ торговыми и промышленными заведеніями и квартирному налогу. Затѣмъ всѣ сооруженія и предпріятія думы разчитанныя на много лѣтъ слѣдуетъ устраивать не на текущіе расходы, а покрывать займами, значить за счетъ будущихъ поколѣній.

Въ разсматриваемой книгѣ не мало интереса представляетъ разсмотрѣніе финансовъ большихъ западно-европейскихъ городовъ и ихъ сравненіе съ финансами Москвы и Петербурга, на основаніи изслѣдованія венгерскаго статистика Кёрёзи *Statistique internationale des villes.*

III.

По Царскосельской дорогѣ. Путеводитель И. П. Золотницкаго. С.-Петербургъ, 1882 года.

Недавно вышедшая въ свѣтъ книжка г. Золотницкаго подъ выписаннымъ выше заглавіемъ представляетъ обращеніе очень удачнаго составленія путеводителя по окрестностямъ Петербурга. Кто не знаетъ Царскаго Села и Павловска, которымъ посвящена книжка? Но и знающій ихъ найдетъ въ ней много новаго для себя, сколько любопытнаго столько и практически полезнаго. Цѣль путеводителя—ознакомить читателей съ первою по времени постройки русскою желѣзною дорогою и ея райономъ и дать нужныя свѣдѣнія тѣмъ кто захотѣлъ бы ложить на дачѣ или побывать въ этихъ окрестностяхъ столицы. Здѣсь соединена и исторія и статистика, топографическія карты и очень недурные рисунки. Оставляя въ сторонѣ что служитъ практическимъ надобностямъ, мы приведемъ изъ книжки слѣдующія историческія свѣдѣнія о названныхъ мѣстностяхъ:

„Промель лишь съ небольшимъ годъ послѣ Нарвскаго разгрома 1700 года, а воины Петра Великаго уже стали одерживать верхъ надъ храбрымъ непріателемъ. Такъ въ исходѣ іюля 1702 года отрядъ изъ 2.100 человекъ лѣхоты и команды подъ предводительствомъ стольника Петра Алраксина вступилъ въ Ингрію. „По твоему указу, писалъ Алраксинъ Петру Великому, отъ 10 августа, рѣкою Невоею до Тосны и самой Ижорской земли я промелъ, все разорилъ и развоевалъ отъ рубежа до рѣки Лавы верстъ на 100, стою на Тоснѣ за 30 верстъ до Канецъ. Тутъ сдѣланъ былъ передовымъ отрядамъ Краніорта, чтобы не пустить насъ за Тосну, городокъ съ тремя пушками. Мы взяли городокъ, разбили до 400 человекъ и гнали ихъ верстъ 15 до самой рѣки Ижоры; такъ же взяли и славную мызу Ижорскую. Краніортъ со всѣмъ войскомъ стоитъ въ мызѣ Дудоровицкѣ (Дудергофъ), верстахъ въ 35 отъ насъ; мы пойдемъ на него съ Божіею помощію“. Петръ Великій пожелалъ услѣха Алраксину, но остался недоволенъ разореніемъ края, который признавалъ русскою областью. 13 августа 1702 года Алраксинъ встрѣтился съ Краніортомъ на берегахъ Ижоры; завязалась битва; непріятельская команда, потерявъ до 500 человекъ, разбросалъ

обознана телѣги, отступила въ Дудоровщину. Отъ 24 августа Апраксинъ уведомилъ государя что Краніортъ разбитый на Ижорѣ бѣжалъ въ Сарскую мызу, гдѣ постоявъ два, три дня удалился къ Кандамъ." Вотъ въ этой-то мѣстности возникли Царское Село и Павловскъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Ижорскомъ краѣ не измѣнились слѣды опустошеній: на лѣпелищахъ богатыхъ мызъ и селеній возникла убогія финскія и довольно жалкія русскія деревушки, и только мыза Сарская, подарокъ Петра I, въ 1708 году, его супругѣ Екатерины, обѣщала въ недалекомъ будущемъ превратиться въ прелестный городокъ, въ послѣдствіи Царское Село. Императрица Елисавета Петровна соорудила тутъ дворецъ, одно изъ изящѣйшихъ произведеній графа Растрелли; повелѣла развести сады съ тѣнистыми аллеями и зеркальными прудами.. но, обращая вниманіе на Царское Село, не приложила заботы о его окрестностяхъ, и только со второй половины царствованія Екатерины II началось нѣкоторое оживленіе унылыхъ окрестностей Царскаго.

Есть преданіе что здѣсь великій князь Павелъ Петровичъ въ юности своей неоднократно забавлялся охотой; что какъ тогда, такъ и послѣ, ему особенно нравились удивенные лѣса на берегахъ Славянки и что въ одномъ изъ нихъ, по повелѣнію Императрицы, былъ выстроенъ небольшой охотничій домъ, названный Кракъ, а въ другомъ—таковой же, по имени Кракъ. Близкое сосѣдство этой мѣстности съ Царскимъ Селомъ побудило императрицу обратить на нее вниманіе и она пожелала превратить берега Славянки въ изящную дачу, а обширные лѣса—въ сады и паркъ. Въ подобныхъ случаяхъ ея величество имѣла обыкновеніе дарить участки земель своимъ вельможамъ.

„Преобразование обширныхъ луговыхъ въ красивый городокъ Павловскъ, а непроходимыхъ лѣсныхъ чащъ въ сады и паркъ, подобныхъ которымъ не много въ Россіи—дѣло многолѣтнихъ, неутомимыхъ трудовъ основательницы Павловска—великой княгини, въ послѣдствіи императрицы Маріи Ѳеодоровны. Если Петергофъ доньякъ живо напоминаетъ Петра Великаго, Царское Село—Екатерину II, то съ Павловскомъ неразрывны воспоминанія о Маріи Ѳеодоровнѣ.

„Дворецъ отстроенъ по ея начертаніямъ и почти подъ личнымъ ея надзоромъ; при устройствѣ сада и возведеніи въ немъ увеселительныхъ зданій, великая княгиня руководилась воспоминаніями дѣтства: въ Павловскѣ она желала

возсоздать паркъ Этюла, помѣстья ея родителей, близъ Монбельяра, а также воспоминаніями о путешествіи по Европѣ, во время котораго Версальскій паркъ, Трианонъ, Фонтенбло, сельскій бытъ Германіи и Швейцаріи, наконецъ, художественныя памятники Италіи произвели на супругу великаго князя Павла Петровича самую пріятную впечатлѣнія.

„Устроивъ изящный дворецъ, обставивъ его всѣмъ что было отрадно ея сердцу, великая княгиня не упустила изъ виду тѣхъ учрежденій безъ которыхъ ей были немислимы удовольствія: одновременно съ построеніемъ дворца, была воздвигнута ею церковь и устроены школа для дѣтей, больница и богадѣльня.

„Въ царствованіе императора Павла I, Павловскъ украсился новыми сооружеціями, дворцовыми постройками и садовыми здаціями; паркъ его расширенъ и значительно улучшенъ. Высочайшимъ указомъ, 12 ноября 1796 года, селеніе Павловское переименовано въ городъ Павловскъ.

„Первые мѣсяцы вдовства проведены были императрицей Маріей Теодоровной въ Павловскѣ, и съ этого времени начинается новая эпоха, 1801—1828 годовъ, во всѣхъ отношеніяхъ для нею достопамятная. Здѣсь Александръ I, по возвращеніи изъ Парижа въ 1814 году, былъ съ торжествомъ принятъ своею родительницею. Въ этотъ же двадцати-восьми-лѣтній періодъ гостями императрицы, между многими достопамятными историческими дѣятелями на полприцахъ государственной и военной службы, явились подвижники науки и искусства въ Россіи; такъ въ Павловскѣ нерѣдко бывали: Гюндичъ, Карамзинъ, Крыловъ, Батюшковъ, Жуковскій; они не разъ встрѣчали вдохновенъе гула въ тѣнистыхъ аллеяхъ Павловскаго парка и нерѣдко вносили свои впечатлѣнія на страницы альбомовъ Розоваго Павильона. Здѣсь И. А. Крыловъ написалъ свой прелестный, неуязвимый *Василекъ*; Жуковскій поэтически описалъ *Славянку*; Карамзинъ читалъ блестящія страницы *Исторіи Государства Россійскаго*.

„Живя въ Павловскѣ, императрица не оставляла дѣлъ благотворенія: ею основано здѣсь первое училище глухонѣмыхъ; въ память возвращенія Александра I изъ Парижа, учрежденъ инвалидный домъ Монмартръ; ею же созданы въ Павловскѣ нѣкоторыя другія учебныя и благотворительныя заведенія.

„Послѣ кончины Маріи Теодоровны, при всякомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, Павловскъ прератался въ нагу-

военный городокъ. Вскорѣ желѣзная дорога сблизила его съ Петербургомъ; въ дѣтскую пору население Павловска, изъ году въ годъ, стало быстро увеличиваться дачниками; вокзалъ сталъ привлекать тысячи посетителей.

Значеніе Царскосельской желѣзной дороги весьма важно не только въ дѣтолицяхъ Царскаго Села и Павловска, но и въ исторіи торговаго и промышленнаго развитія нашего отечества, такъ какъ эта желѣзная дорога была первою, по времени ея сооруженія, въ Россіи.

„Въ августѣ 1834 года, по приглашенію К. В. Чевкина, прибылъ въ Петербургъ извѣстный желѣзнодорожный строитель Чехъ Францъ фонъ-Герстнеръ для обозрѣнія русскихъ заводовъ и горнозаводскихъ промысловъ. При дѣятельномъ содѣйствіи Чевкина, Герстнеръ тогда же пустилъ въ ходъ свой проектъ о сооруженіи желѣзной дороги между двумя столицами Россіи, но при недовѣрці какое выразили къ проекту графъ Толь, графъ Канкринъ и графъ Бенкендорфъ предположеніе это не нашло поддержки. Чтобы побѣдить въ петербургскомъ обществѣ недовѣрце къ возможности постройки желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, Герстнеръ предложилъ тогда соорудить въ видѣ опыта двѣ небольшія линіи: одну—отъ центра Петербурга въ Царское Село и въ Павловскъ, другую—отъ того же самаго пункта въ Петергофъ и Ораниенбаумъ. Учредителями этого предпріятія кромѣ Герстнера были: графъ А. А. Бобринскій, купецъ Венедиктъ Крамеръ и консулъ города Франкфурта-на-Майнѣ купецъ I. К. Плиттъ. Основной капиталъ компаніи въ три милліона рублей ассигнаціями былъ раздѣленъ на 15.000 акцій, въ 200 рублей каждая, съ правомъ выпустить въ случаѣ надобности еще 2.000 акцій на 500.000 рублей ассигнаціями.

„Письмомъ отъ 21 декабря 1835 года предсѣдатель Государственнаго Совѣта Новосильцевъ уведомилъ Герстнера что проектированная имъ линія желѣзной дороги Высочайше утверждена. 18 февраля слѣдующаго 1836 года великій князь Михаилъ Павловичъ осматривалъ и одобрилъ нарисованную въ Павловскомъ паркѣ линію дороги. Сверхъ того великій князь изъявилъ согласіе на возведеніе въ паркѣ на счетъ компаніи нѣкоторыхъ строеній „для пристанища и удовольствія публики“.

„27 сентября 1836 года, согласно обѣщанію Герстнера, произошло первое открытіе линіи желѣзной дороги между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ. Такимъ образомъ на долю этого

городка выпала честь быть первымъ въ Россіи отъ котораго былъ проложенъ желѣзнодорожный луть. По этому поводу Герстнеръ говорилъ въ своихъ отчетахъ слѣдующее:

„Первое открытіе желѣзной дороги между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ, по обѣщанію моему, послѣдовало въ назначенный мною день, 27 сентября 1836 года. Такъ какъ паровозы тогда еще не были получены, то ѣздили на лошадяхъ. На протяженіи $7\frac{1}{2}$ верстъ была ѣзда три воскресенья и всѣ безъ исключенія удивлялись легкости съ которою крестьянскія лошади, ходившія только по обыкновеннымъ дорогамъ, могли быть употребляемы и на желѣзной, и какую большую тяжесть онѣ возили! 3 ноября 1836 года лущевъ по дорогѣ между Царскимъ и Павловскомъ паровозъ Гакфорта, чрезъ нѣсколько недѣль—Стефенсона и наковецъ Кокерила. Англійскіе паровозы удовлетворили всѣхъ, ибо ходили въ восемнадцать градусовъ мороза, въ бурю, дождь и ужасную метель 4 января; кромѣ пассажировъ перевозимы были лошади, овцы, свиньи, строевой и дровяной лѣсъ, наковецъ разные экипажи поставляемые на дроги. Всѣ были довольны, кромѣ тѣхъ которые предсказывали что дорогу замесетъ снѣгомъ.

„Вслѣдствіе газетныхъ статей о пробныхъ поѣздахъ—разказываетъ Герстнеръ—стеченіе публики на желѣзной дорогѣ громадное. Я самъ долженъ былъ принимать на себя управленіе поѣздами. Вниманіе мое было обращено преимущественно на отклоненіе несчастныхъ случаевъ, ибо вся окрестность, кровли сосѣднихъ домовъ и весь луть были zagrożены несмѣтными толпами народа смотрѣвшими съ удивленіемъ на небывалое зрѣлище. Мнѣ ничего другаго не оставалось дѣлать какъ совершать поѣздки на каждомъ паровозѣ, и я такимъ образомъ въ первые пять дней проѣхалъ по пятиверстному разстоянію 116 разъ и смѣю увѣрить, что никакихъ безпорядковъ, ни несчастій не случилось. Въ октябрѣ 1837 года, ѣдучи на паровозѣ, я получилъ сильный ушибъ въ грудь, лишившій меня возможности продолжать управленіе поѣздами.“

30 октября 1837 года происходило торжественное открытіе всей линіи Царскосельской желѣзной дороги. Къ этому торжеству были приглашены предсѣдатель и члены Государственнаго Совѣта, министры, члены дипломатическаго корпуса и многія высокопоставленныя лица и представители именитыхъ купеческихъ домовъ. Гости съѣхались около

полудня въ зданіе станціи, находившееся тогда на дворѣ полковой церкви лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Поѣздъ состоялъ изъ восьми вагоновъ. Въ 12^{1/2} часовъ, поѣздъ, управляемый лично Герстнеромъ, тронулся въ путь, и въ 35 минутъ времени отъ Петербургской станціи прибылъ къ гостиницѣ Царскаго Села.

Ко дню открытія дороги была вычеканена въ нѣсколькихъ сотняхъ экземпляровъ для раздачи присутствовавшимъ бронзовая медаль, заказанная въ Берлинѣ граверамъ Гельду и Кенигу. Эта медаль неизвѣстно по какимъ причинамъ не удостоилась однако Высочайшаго одобренія и раздача ея была воспрещена. Единственный вызолоченый ея экземпляръ вѣнчая въ мраморную доску залы общаго собранія правленія Общества Царскосельской желѣзной дороги, на главной станціи, въ Петербургѣ.

Во время поѣздовъ желѣзной дороги толпы народа сбѣгались на Семеновскій плацъ и дивились „машинѣ“, которая даже для средняго класса была невидальщиной. Тысячи лубочныхъ картинъ и миткалевыхъ носовыхъ платковъ знакомы намъ простонародью съ паровозомъ; на листкахъ почтовой бумаги, на конфетныхъ коробкахъ, появились также его изображенія; на сценѣ Александринскаго театра давали водевиль à-propos: „Поѣздка въ Царское Село“, въ которомъ главную роль игралъ паровозъ. Мѣтвія о желѣзной дорогѣ были самыя разморѣчивыя; большинство смотрѣло на нее какъ на затѣливую игрушку, люди стараго закала изъ простаго народа видѣли въ ней „знаменіе времени—что де ужъ нынѣ люди не къ добру больно хитры стали“...

Первое время Царскосельская дорога находилась въ завѣдываніи III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. О всякомъ даже маловажномъ случаѣ на дорогѣ обязательно доводилось Бенкендорфу, а потомъ князю Орлову, а виновныхъ представляли въ III Отдѣленіе со всѣми „вещественными доказательствами“.

Куріозны мѣры предосторожности которыя въ то время принимались для охраненія безопасности движенія. Такъ какъ паровозные свистки „наводили ужасъ“ на лублику, то начальство приказало замѣнить ихъ музыкой. Для этого впереди дымовой трубы паровоза ставились особо для этого выписанные заграничныя органы, исполнявшіе разныя музыкальныя піесы съ аккомпаниментомъ сильныхъ трубъ и барабановъ. Ручку органа во время хода поѣзда вертѣлъ особый

агентъ службы движенія. Настолько же своеобразна была мѣра придуманная для отклоненія несчастій съ людьми при столкновеніи поѣздовъ. Между тендеромъ и вагонами ставились едра или двѣ открытыя платформы наполненныя соломой: предполагалось что при несчастіи съ поѣздомъ пассажиры въслѣдствіе сотрясенія вагоновъ будутъ изъ вѣжъ выбрасываться и при этомъ будутъ попадать на мягкую подстилку. Много ли потрачено соломы на осуществленіе затѣи—неизвѣстно, но несомнѣнно то что это не могло принести пользы пассажирамъ.

Покойный императоръ Николай Павловичъ былъ очень бережливъ въ средствахъ передвиженія: государь никогда не бралъ себѣ экстреннаго поѣзда, а ѣздилъ въ отдѣльномъ купѣ перваго класса на восемь мѣстъ.

„Не мало знаменитостей проѣхало по рельсамъ между Петербургомъ и Царскимъ, но едва ли гдѣ-нибудь въ мірѣ историческіе люди совершали желѣзнодорожное путешествіе при такой подчасъ необыкновенной обстановкѣ какъ на Царско-есельской дорогѣ. Подобную поѣзду пришлось сдѣлать, напримѣръ, графу Бисмарку въ бытность его прусскимъ военнымъ агентомъ при нашемъ дворѣ. Графъ слѣдующій на поѣздъ чтобъ ѣхать въ Царское, куда его вызвали къ засѣданію гдѣ предсѣдалъ государь. Подѣзжаетъ къ вокзалу—поѣздъ уже трогается въ путь, умоляетъ дать ему экстренный поѣздъ—получаетъ отказъ: ждутъ встрѣчнаго поѣзда, а путь одинъ. Послѣ продолжительнаго колебанія рѣшаются отправить Бисмарка на дрезину. До Средней Рогатки все шло какъ нельзя лучше, перемѣнили тамъ рабочихъ, тронулись дальше, а между тѣмъ встрѣчный поѣздъ уже показался на рельсахъ. Дѣлать нечего, пришлось Бисмарку вмѣстѣ съ рабочими стаскивать тяжелую дрезину съ пути, ставить ее на откосъ, затѣмъ снова тащить на адвію... Въ результатѣ: Бисмаркъ не опоздалъ къ засѣданію, начальникъ движенія получилъ отъ него въ подарокъ тысячу сигаръ, а рабочимъ дано на водку 50 рублей.

„Путешествіе на дрезинѣ Царскоесельской желѣзной дороги вышло также на долю знаменитой Лоллы Монтесъ, — той самой Монтесъ которая, кромѣ другихъ ролей, играла одно время видную роль въ исторіи Баварскаго королевства. Кончивъ поѣзду, знаменитая красавица пригласила начальнаго движенія къ себѣ на вечерній чай. Должно-быть самоваръ

долго не могли разогрѣть: по словамъ автора *Воспоминаній*, начальникъ движенія кончилъ пить чай только утромъ.

Прежнее завѣдываніе дорогой—какъ это ни странно—не могло избавить дорогу отъ такихъ шуточекъ со стороны шалудовъ, вотъ напиримѣръ факты. Трагикъ Кератыгинъ держитъ пари на дюжину шампанскаго что оставить поѣздъ, затѣмъ около Тярлева становится на путь, скрещивающій на груди руки и действительно останавливаетъ вагоны шедшіе по линіи. Бенкендорфъ приказалъ замять это дѣло „въ удаженіе къ талантамъ и заслугамъ артиста.“ Другой случай еще куріознѣе. Извѣстный казанскій атаманъ Орловъ держалъ съ Англичанами пари на 50.000 рублей что перегонитъ поѣздъ верхомъ, и пари это выигралъ. Для этого нѣсколько десятковъ своихъ знакомыхъ онъ заблаговременно разосладъ по вокзаламъ и заставилъ ихъ шумѣть, калпривичать и требовать билетовъ предъ самымъ отправленіемъ поѣзда со станціи; сверхъ того, вдоль шоссе, по которому скакалъ Орловъ, по его приказанію, было выставлено пятьдесятъ казаковъ съ нагайками чтобы сгонять съ дороги всѣ подводы пока атаманъ не проѣдетъ.“

W.

IV.

La Sorbonne et la Russie (1717—1747) par Pierling.

Г. Пирлянгъ, нашъ соотечественникъ, состоящій въ орде въ іезуитовъ, издалъ нѣсколько времени тому назадъ не лишнюю интереса книжку о Лжедмитріи. Теперь появился другой его трудъ, въ которомъ изложены попытки соединенія восточной и западной церкви возникшія при Петрѣ Великомъ. Извѣстно что когда царь лѣтомъ 1717 года посетилъ Францію, то нунцій Бенгивольфо возобновилъ переговоры которые еще прежде ведены были съ Куракинъ въ Римѣ; папа домогался чтобы Русское правительство заключило съ нимъ нѣчто въ родѣ конкордата, чтобы оно предоставило болѣе или менѣе широкія права католикамъ въ своемъ государствѣ и чтобы допущено было пребываніе въ Петербургѣ нунція. Иначе послупила Сорбонна. Когда Петръ осматривалъ это знаменитое учрежденіе, то тамъшніе богословы прямо возбудили вопросъ о необходимости восстановить единство церкви. Царь отвѣчалъ уклончиво что это дѣло великой важности, не допускающее послѣдшаго

рѣшенія; что самъ онъ не призванъ вести богословскіе споры, но пусть Сорбонна обратится къ русскимъ іерархамъ, которымъ онъ со своей стороны предложитъ разсмотрѣть ихъ соображенія. Вслѣдствіе того безотлагательно составлена была записка, доставленная Петру уже на возвратномъ его пути изъ Парижа. Отвѣтъ на нее изготовленъ былъ въ двухъ проектахъ,—одинъ принадлежалъ Теофану Прокоповичу, другой Стефану Яворскому: царь остановился на первомъ изъ нихъ, который и былъ препровожденъ въ 1718 году во Францію. Такъ какъ въ немъ было уклончиво сказано что Россія не можетъ одна приступить къ разрѣшенію возбужденнаго вопроса, ибо наравнѣ съ нею заинтересованы и другія страны исповѣдующія восточную вѣру, и что богословамъ Сорбонны слѣдовало бы узнать мнѣніе восточныхъ патріарховъ, то въ сущности переговоры и остановились на этомъ. Тѣмъ не менѣе французскіе богословы не отказались отъ своихъ надеждъ и въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ старались подготовить благоприятную для нихъ почву въ Россіи. Эпизодъ этотъ очень обстоятельно изложенъ въ небольшой книгѣ г. Пирлинга; авторъ знакомъ съ трудами графа Д. А. Толстаго, Соловьева, Пекарскаго, Чистовича и другихъ нашихъ изслѣдователей, но ничего такого что выставляло бы въ новомъ свѣтѣ упомянутое событіе онъ не сообщаетъ. Сочиненіе его гораздо болѣе интересно для иностранцевъ чѣмъ для насъ.

Останавливается оно на себѣ вниманіе развѣ только своимъ политическимъ характеромъ. Извѣстно что Римская курія въ разныя времена возбуждала вопросъ о соединеніи церквей, и слѣдовало бы ожидать что авторъ выразитъ сожалѣніе что попытка относившаяся къ царствованію Петра оказалась столь же неудачною какъ и всѣ остальные. Напротивъ, онъ отзывается о ней положительно съ ожесточеніемъ, и это потому что исходила она не изъ Рима, а изъ такой среды которая въ Римѣ не встрѣчала ни малѣйшаго сочувствія. Именно въ то время, когда Петръ посѣтилъ Парижъ, давнишняя распря съ ласенистами возгорѣлась съ неслыханнымъ ожесточеніемъ; Сорбонна протестовала противъ знаменитой буллы *Unigenitus*, но папа Климентъ XI не соглашался допустить ни малѣйшихъ измѣненій относительно изложенныхъ въ ней доктринъ и требовалъ безусловнаго подчиненія имъ подѣ страхомъ отлученія отъ церкви. Послѣ непродолжительныхъ колебаній, слабое правительство регента

стало открыто на сторону Римскаго двора и тѣмъ еще усилило агитацію охватившую все общество. „Доктора Сорбонны, вступившіе въ сношенія съ Петромъ, говоритъ г. Пирлингъ, были всѣ, за исключеніемъ одного, противниками папскаго авторитета; многіе изъ нихъ сдѣлались потомъ знаменитыми яansenистами. Чтобы понять какую важность придавали они своей попыткѣ, не слѣдуетъ улускать изъ вида ту цѣль которую они имѣли въ виду и которую преслѣдовали съ неослабнымъ рвеніемъ. Переговоры съ Россіей служили для нихъ обоюдоострымъ мечомъ. Привлекши къ единству весь Русскій народъ, они оказали бы громадную услугу католической церкви, и въ то же время Россія, въ которой они постарались бы утвердить галликанскіе принципы, явилась бы союзницей ихъ въ борьбѣ со мнимымъ (?) властолюбіемъ Рима. Эта двусмысленная политика была совершенно въ духѣ яansenизма, который не хотѣлъ ни открыто порвать связь съ римскимъ престоломъ, ни безусловно подчиниться ему.“ Г. Пирлингъ жестоко нападаетъ на записку представленную Петру Великому Сорбонной: записка эта отличалась умѣреннымъ тономъ; она старалась доказать что разногласіе двухъ церквей вовсе не такъ существенно важно какъ привыкли думать; особенно по вопросу о папской власти обнаруживала она замѣчательную податливость, а именно: доктора Сорбонны признавали за папою такую же власть какая подобаешь всѣмъ другимъ епископамъ, съ тѣмъ лишь различіемъ что онъ возвышался надъ ними какъ преемникъ апостола Петра; они отвергали его нелогичность, порицали стремленія римскихъ первосвященниковъ вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла и доказывали что Россія отнюдь не будетъ обязана подчиняться разнымъ распоряженіямъ исходившимъ изъ Рима, которыя не рѣдко и въ строго католическихъ земляхъ не имѣли обязательной силы. „Таковы наши воззрѣнія на папскую власть, гласила записка, и хотя ультрамонтаны не раздѣляютъ ихъ, это не препятствуетъ намъ однако быть хорошими католиками.“ Понятно что заявленіе такого рода приводитъ въ негодованіе іезуитовъ, и г. Пирлингъ не скрываетъ своей радости что дѣло задуманное яansenистами не привело ни къ какому результату. Вообще же это обетоятельство имѣетъ собственно для насъ лишь косвенный интересъ, но для уясненія судьбы яansenизма нельзя не пожелать чтобъ оно подверглось болѣе обстоя-

тельному и безпристрастному изрѣдованію. Дѣйствительно ли яansenисты, по увѣренію г. Пирлинга, добивались лишь того чтобы, возстановивъ единство церквей, занять выгодную позицію относительно папской власти и склонить ее къ уступкамъ въ свою пользу? Или же, въ критическую минуту ихъ существованія, зародилась у нихъ мысль что если съ одной стороны протестантизмъ пугалъ ихъ, а съ другой глубоко возмущалъ притязанія римскаго престола, то единственнымъ для нихъ исходомъ было обратиться къ Восточной церкви? Последнее изъ этихъ предположеній подтверждается нѣкоторыми намеками встрѣчающимися у Арио, одного изъ наиболее блестящихъ представителей яansenизма. Съ этой точки зрѣнія предпріятіе задуманное Сорбонной въ 1717 году могло бы получить иную окраску, но во всякомъ случаѣ правдой его исторіи слѣдуетъ ожидать не отъ іезуита.

Кое-какія неизвѣстныя до сихъ поръ свѣдѣнія сообщаетъ г. Пирлингъ о католическомъ священникѣ Жюбе (Jube), который въ царствованіе Петра II прибылъ въ Россію и оставался тамъ до 1732, занимаясь религиозною пропагандой. Княгиня Ирина Петровна Долгорукова, урожденная Голицына, находясь за границей, сдѣлалась католичкой подъ вліяніемъ знатной дамы, принцессы Оверьской, извѣстной между прочимъ тѣмъ что она вполне усвоила себѣ идеи яansenистовъ. Возвращаясь на родину, княгиня Долгорукова нуждалась въ духовникѣ и воспитателѣ для своихъ дѣтей, которыхъ она также обратила въ католицизмъ, и яansenисты послѣдними отрекомендовали ей пригоднаго для нихъ человѣка. И тутъ не обшлось безъ вмѣшательства Сорбонны: она указала на аббата Жюбе и снабдила его секретною инструкціей, предписывавшею ему вступить въ сношенія съ вліятельными лицами русскаго духовенства и склонять ихъ къ мысли о соединеніи церквей. Въ этомъ должна была состоять главная его задача. „Княгиня Долгорукова, замѣчаетъ г. Пирлингъ, желала имѣть наставника для своихъ дѣтей, капеллана для своего семейства, а вмѣсто того Сорбонна навязала ей миссіонера. Оторвать Россію отъ Византійской церкви, вполне привлечь ее къ католицизму, превратить ее въ галликанскую патріархію,—вотъ къ чему были направлены всѣ его помыслы.“ Авторъ разбираемой нами книги пользовался неизданною корреспонденціей Жюбе, но потому ли что корреспонденція эта мало интересна или потому что онъ не хотѣлъ извлечь изъ нея все замѣчательное, онъ не сооб-

цать подробностей о томъ съ кѣмъ именно изъ Русскихъ находилась въ сношеніяхъ Жюбе и какого рода были эти сношенія. Мы знаемъ только что въ началѣ, когда при Петрѣ II Долгоруковы были въ силѣ, аббатъ былъ очень доволенъ своею ролюю. „Не только успѣшно распространять оныя книги съ цѣлью религіозной проповѣди, говорить г. Пурпуръ, но завязывалъ повидимому важныя переговоры съ нѣкоторыми изъ русскихъ іерарховъ; въ Парижѣ, какъ кажется, выработали формулу для соединенія церквей, которая могла примирить обѣ стороны, и оставалось лишь разъяснить догматы объ исхожденіи Св. Духа.“ Со вступленіемъ на престолъ Анны Ивановны все однако измѣнилось. Долгоруковыхъ постигла опала. Княгиня Ирина Петровна вмѣстѣ со своимъ мужемъ должна была отправиться на житье въ деревню. Не задолго предъ этимъ Анна Ивановна, узнавшая о свращеніи ея въ католицизмъ, имѣла съ нѣю грозное объясненіе, о которомъ Жюбе инноксказательно извѣщала своихъ друзей такимъ образомъ: „*Мать* (императрица) утверждала что *бульваръ* (католическая религія) сивиланскаго происхожденія и упрекала *шубу* (княгиня Долгорукова) за переписку съ *Изорой* (принцесса Оверская). „Вы лжете“, воскликнулъ онъ, когда *шуба* стала увѣрять что не получала отъ нея писемъ со времени свиданія въ *лодкѣ* (Ригѣ).“ Испанскій посланникъ въ Петербургѣ, герцогъ Лурія, не могъ отстоять аббата Жюбе, которому въ 1732 году приказано было выѣхать изъ Россіи. „Можно вообще сказать, писалъ онъ прибывъ въ Варшаву, что предпріятіе наше было сажкомъ смѣло если принять во вниманіе непрерывныя перевороты въ Россіи и огромный авторитетъ верховной власти; только Богъ поддерживалъ и спасъ насъ среди столькихъ опасностей.“ Сорбонна и яansenисты должны были навсегда отказаться отъ осуществленія своихъ замысловъ въ нашемъ отечествѣ.

V.

Athenais. Geschichte einer bysantinischen Kaiserin, von F. Gregorovius.

„Всегда казалось мнѣ удивительнымъ, говоритъ г. Грегоровіусъ, что ни одинъ изъ телерешныхъ писателей которые съ замѣчательнымъ искусствомъ въ такъ-называемыхъ культурно-историческихъ романахъ изображаютъ событія и лица отдаленныхъ эпохъ, совершенно чуждыхъ нашему міровоз-

зрѣнію, не заинтересовалась судьбой *Аэинанды*.“ Того же мнѣнія и Филлей. По словамъ его, жизнь супруги императора *Феодосія II* обильна такими случайностями что вѣчего украшать ее вымыслами фантазій: достаточно лишь нѣкотораго литературнаго умѣнья чтобы вышелъ увлекательный разказъ. Въ прошломъ столѣтіи Французъ *Баюларъ д'Арно* попытался сдѣлать это, но если сентиментальный романъ его наводитъ скуку, то виной этого не сюжетъ, а бездарность автора. Дѣйствительно, если воздержаться отъ строгой критики, если принять на вѣру всѣ легенды сохранившіяся въ хроникахъ объ *Аэинандѣ*, то предъ нами является крайне заманчивый образъ женщины которой суждено было испытать самые поразительные перевороты въ своей жизни. Но имѣютъ ли эти легенды характеръ полной достовѣрности? Изображаютъ ли онѣ *Аэинанду* такую какою она была на самомъ дѣлѣ? Раскрываютъ ли онѣ достаточно ясно внутренній ея міръ? Едва ли. Мы какъ бы стоимъ предъ мозаикой, многія существенныя части коей не пощажены рукой времени, онѣ исчезли вовсе, и приходится догадками возстановлять въ воображеніи общій видъ картины. Конечно, романисту это удобно, ибо чѣмъ менѣе точныхъ указаній, тѣмъ болѣе можетъ онъ не стѣсняться въ своемъ вымыслѣ, но историкъ не романистъ, и къ нему прилагаются другія требованія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. *Грегоровіусъ* издалъ очень талантливо написанную книгу о *Лукреціи Борджіи*, въ которой всячески старался облить ея репутацію. Подъ перомъ его, дочь папы *Александра VI* выходила чуть ли не добродѣтельною женщиной. Это показываетъ какъ способенъ онъ относиться къ единодушному приговору современниковъ, къ массѣ свѣдѣній, правдивость коихъ не должна, кажется, возбуждать сомнѣній, какъ скоро та или другая историческая личность привлекаетъ почему бы то ни было его симпатіи. Тутъ онъ не скулится на краски и распорядается ими совершенно по своему произволу. Отчасти то же самое можно сказать и о новомъ его произведеніи. Онъ не искалъ характера *Аэинанды*, не извратилъ событій въ которыхъ принимала она участіе, но его видимо огорчаетъ то что у современныхъ лѣтописцевъ содержатся о ней крайне скудныя извѣстія, скорѣе намеки чѣмъ опредѣленныя и ясныя указанія. Начертать на основаніи ихъ влоднѣ рельефно образъ

Византийской императрицы очень трудно, но г. Грегоровиусъ взялся именно за эту задачу, и у него вышло нечто весьма привлекательное. Только не разъ читая его трудъ возникаютъ вопросы, не слишкомъ ли смѣло выдаетъ авторъ свои предположенія за дѣйствительность?

Въ трехъ главнѣйшихъ цѣтрахъ Византийскаго Востока, въ Аѳинахъ, Константинополѣ и Иерусалимѣ, протекала жизнь Аѳинаиды. Состояніе этихъ городовъ въ V столѣтіи начертано Грегоровиусомъ мастерскою рукою, хотя и тутъ многое принесъ онъ въ жертву своимъ цѣлямъ. Для него, напримѣръ, тогдашнія Аѳины все еще представляются значительнымъ цѣнромъ язычества, которое въ свой предсмертный часъ продолжаетъ вести борьбу съ новою религіею. Онъ не допускаетъ мысли чтобы съ историческими своими воспоминаніями, съ удѣлѣвшими своими храмами и памятниками искусства перестали Аѳины обнаруживать могущественное вліаніе на избранныя личности, искавшія благотворнаго удивленія въ ихъ стѣнахъ; въ соблазнительномъ свѣтѣ выставляетъ онъ послѣднихъ философовъ древняго міра, въ умѣ и сердцѣ коихъ христіанское ученіе не встрѣчало никакого отзыва. Не такъ судили однако объ Аѳинахъ современники. Спезій Киринейскій, еще въ то время когда онъ былъ язычникомъ, писалъ своему брату: „Въ нынѣшнихъ Аѳинахъ нѣтъ ничего возвышающаго душу за исключеніемъ прославленныхъ именъ нѣкоторыхъ мѣстностей. Подобно тому какъ объ убитомъ жертвенномъ животномъ только шкура наломиваетъ что оно было нѣкогда живымъ существомъ, и отъ удалившейся отсюда философіи не осталось ничего кромѣ внѣшняго вида Академіи и Лицея, а также разрисованной Стои, отъ которой философія Хризиппа получила свое названіе. Но Стоя уже не разрисована; проконсулъ приказалъ убрать картины на которыхъ Полигнотъ запечатлѣлъ свой гений. Въ настоящее время Египетъ собираетъ обильную жатву поспѣвшую Гилатіей, но Аѳины, служившія нѣкогда мѣстолребываніемъ мудрецовъ, славятся только своимъ гиметскимъ медомъ.“ Еще въ 380 году появился эдиктъ Θεодосія Великаго угрожавшій преслѣдованіями противникамъ христіанства, но далеко не во всѣхъ провинціяхъ проводился онъ въ исполненіе, и менѣе всего въ Греціи. Небольшой кружокъ аѳинскихъ философовъ продолжалъ существовать здѣсь не обращая на себя вниманія; то были люди

осторожные, никогда не державшіе наладать явно на христіанство, какъ дѣлали это нѣкогда Цельсій, Филостратъ, Либаній; и правительство и общество были слишкомъ поглощены религіозными распрами, въ которыхъ вырабатывались догматы христіанской вѣры, чтобы тревожиться пассивною оппозиціей нѣсколькихъ мечтателей, не понимавшихъ того что происходитъ вокругъ нихъ. Въ этому кружку принадлежалъ, между прочимъ, софистъ Леонтій, о которомъ не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній; известно только что онъ обладалъ достаточнымъ состояніемъ и не заботился дать хорошее воспитаніе своимъ дѣтямъ. Дочь его Афинаида отличалась умомъ и рѣдкою красотой; она усердно изучала грамматику, риторику, математику, занималась музыкой и поэзіей, знала наизусть избранныя мѣста изъ поэмъ Гомера и рѣчей Демосеена. По словамъ легенды, видимо старавшейся представить въ необыкновенномъ свѣтѣ всѣ обстоятельства ея жизни, Леонтій, какъ ни любилъ ее, завѣщалъ все свое состояніе двумъ своимъ сыновьямъ, а ей оставилъ лишь сотню золотыхъ монетъ, по тому будто бы соображенію что она въ самой себѣ имѣетъ всѣ задатки чтобы сдѣлаться счастливою. Мало того: братья по смерти отца тотчасъ же выгнали ее изъ дома, и Афинаида въ сопровожденіи своей тетки отправилась въ Константинополь.

Въ книгѣ г. Грегоровіуса опять находимъ мы нѣсколько блестящихъ страницъ посвященныхъ описанію столицы Византійскихъ цезарей. На престолѣ сидѣлъ Θεодосій II, сынъ Аркадія и Евдоксіи, которая оставила по себѣ ненавистную память гоненіемъ воздвигнутымъ ею на Іоанна Златоуста. Императоръ былъ слишкомъ молодъ чтобы самостоятельно пользоваться властью, и всѣ заботы о государственномъ управленіи приняла на себя сестра его Пульхерія, женщиа очень замѣчательная по уму, образованію и твердому характеру. Подъ вліяніемъ своей набожности превратила она дворецъ въ монастырь; сама строго соблюдала всѣ церковныя обряды и требовала того же и отъ другихъ членовъ своего семейства; и Θεодосій и его сестры не только днемъ, но и въ извѣстные часы ночи должны были молиться и пѣть псалмы. Юныя принцессы почти не имѣли досуга, занимались чтеніемъ книгъ духовнаго содержанія, руководящимъ и по примѣру самой Пульхеріи заранѣе обрекли себя на безбрачіе. Правительница тщательно отстраняла отъ брата все что могло

стать для него соблазномъ и старалась окружать его людьми достойными, въ числѣ коихъ видное мѣсто занялъ Паулинъ, которому въ послѣдствіи суждено было испытать горькую участь. Хотя ничего не было упущено изъ виду относительно воспитанія Θεодосія,—его много'обучали разнымъ наукамъ, заботились также укрѣпить физическія его силы, упражняли его въ фехтованіи, стрѣльбѣ изъ лука и т. л.,—но строгая мелочная олека подѣйствовала губельно на его характеръ. Пульхерія слѣдила за каждымъ его шагомъ, давала ему уроки какъ слѣдуетъ съ достоинствомъ носить царское одѣяніе, какъ надо отвѣчать на поклоны, садиться и ходить: Θεодосій превратился въ автомата, что было выгодно для честолюбивой сестры его, но могло угрожать ей серьезными опасностями еслибы другимъ, добывавшимся власти, людямъ удалось найти доступъ къ императору. Между тѣмъ онъ возросъ, и вопросъ о томъ кто удостоится быть его сулругой сильно занималъ все придворное общество.

Въ это-то время Аѳинаида явилась предъ Пульхеріей съ жалобами на своихъ братьевъ. Правительница такъ поражена была ея красотой и изяществомъ ея рѣчей что приказала ей остаться во дворцѣ, а сама послѣдила къ своему царственному брату. „Я нашла, сказала она, чрезвычайно привлекательную, цѣломудренную и образованную дѣвушку, язычницу и дочь философа, которую желала бы показать тебѣ.“ Θεодосій, заинтересованный этимъ, условился съ Пульхеріей что онъ посмотритъ на незнакомку изъ лотаеннаго мѣста, за завѣсомъ, куда онъ скрылся со своимъ вѣрнымъ Паулиномъ. Оба пришли въ восторгъ, и императоръ тотчасъ же выразилъ намѣреніе сочетаться бракомъ съ Аѳинаидой. Такъ читается этотъ разказъ въ дѣтописяхъ, которыя относятся однако къ VII вѣку. Современники не уломиваютъ ни о чемъ подобномъ. Созоменъ и Сократъ знали лично императрицу, но они говорятъ объ ея бракѣ съ Θεодосіемъ почти вскользь, какъ о дѣлѣ весьма обыкновенномъ. „Аѳинаида, замѣчаетъ первый изъ нихъ, отличалась обширнымъ образованіемъ; была она дочь софиста Леонтіа изъ Аѳинъ, который ознакомилъ ее со многими науками. Когда императоръ рѣшился жениться на ней, то еписколъ Аттікъ обратилъ ее въ христіанскую вѣру и при крещеніи получила она имя Евдокіи.“ Здравый смыслъ не допускаетъ вѣрить чтобы набожная Пульхерія вдругъ, при первомъ же свиданіи съ

красивою язычницей, такъ лѣвилась ей что у нея тотчасъ же зародилась мысль сдѣлать ее супругой своего брата. Вѣроятно же что, найдя доступъ во дворецъ, Аэинаида имѣла возможность посѣщать его, что мало-по-малу были оцѣнены ея достоинства и что почва для принятія ею христіанской вѣры была уже заранѣе подготовлена: указаніемъ на это послѣднее обстоятельство служить, между прочимъ, и то что родственница съ которою отправилась она въ Константинополь, сестра Леонтія, была христіанкой. Какъ бы то ни было, въ жизни молодой женщины совершился громаднѣй, невѣроятнѣй переворотъ: изъ скромной своей обстановки въ Аэинахъ была она перенесена на престолъ цезарей, должна была привыкать къ этикету придворной жизни и къ обязанностямъ совершенно чуждымъ до того времени ея помысламъ. Образование и умъ помогли ей вѣроятно примѣниться ко всему этому, но чтобъ усилить контрастъ и выставить еще въ болѣе интересномъ свѣтѣ положеніе Аэинаиды, г. Грегоровіусъ предполагаетъ что среди новаго для нея міра все еще не могла она вполне отречься отъ вѣрованій и понятій своей юности. „Эллическое міросозерцаніе Аэинаиды, говоритъ онъ, пробуждало въ ней не радостное, а горькое чувство, когда повсюду на площадяхъ и улицахъ Византіи взоры ея встрѣчали изображенія старыхъ боговъ.“ Изображенія эти уже перестали быть предметомъ поклоненія, они удѣляли лишь какъ памятники искусства, но г. Грегоровіусъ не вѣритъ чтобы не наводили они императрицу на тяжкое раздумье. „Подъ гнетомъ утомительнаго и мелочнаго этикета, восклицаетъ онъ, Аэинаида не рѣдко любила переноситься мыслию къ роцѣ на берегу Аэинскаго Кефисса.“ Въ другомъ мѣстѣ изображаетъ онъ съ какою горечью „Аэинаидка на престолѣ цезарей сознавала безсиліе свое обнаружить вліяніе на судьбы своего отечества, гдѣ именно въ царствованіе Феодосія II, по волѣ набожной Пульхеріи, началось безплощадное искорененіе политическо-религіозныхъ учрежденій древности.“ Не забудемъ что въ лѣтописяхъ не содержится ни малѣйшаго намека который хотя сколько-нибудь оправдывалъ бы подобныя предположенія; напротивъ, гораздо правдоподобнѣе можно было бы утверждать что Аэинаида, сдѣлавшись императрицей, обнаруживала искреннюю ревность къ христіанству, но въ такомъ случаѣ образъ ея утратилъ бы тотъ романтическій характеръ который созданъ въ воображеніи г. Грегоровіуса.

Обширное поле для догадокъ представляютъ и отношенія ея къ Θεодосію. Несомнѣнно лишь одно что она же была счастлива въ супружествѣ. „Душѣ молодого императора, говоритъ г. Грегоровіусъ, не была доступна никакая мужественная страсть. Его воспитали какъ педанта, и быть-можетъ ученость дочери аѳинскаго философа подвѣствовала на него сильнѣе чѣмъ ея красота. То былъ такой же буквоѣдъ какъ вѣкогда Клавдій. По цѣлымъ ночамъ просиживалъ онъ за книгами при свѣтѣ лампы устроенной такъ искусно что она сама собою наполнялась масломъ. Если даже не придавать большой цѣны льстивымъ отзывамъ царедворцевъ, все-таки оказывается что онъ много учился и много читалъ. Онъ былъ весьма свѣдущъ въ греческой и латинской литературѣ, даже въ математикѣ и астрономіи. Созоменъ считаетъ его вторымъ Соломономъ за многостороннія его свѣдѣнія въ свойствахъ камней и растений; переписывалъ онъ рукописи золотыми буквами и украшалъ ихъ миниатюрами такъ искусно что его прозвали „каллиграфомъ“; еще въ XIV столѣтіи показывали какъ драгоценную рѣдкость переписанную имъ Библію. Онъ былъ очень благочестивъ: когда однажды во время конскихъ ристалищъ въ гиллодромѣ разразилась страшная буря, всѣ присутствующіе залѣли по приглашенію императора псаломъ и двинулись вслѣдъ за нимъ въ церковь; въ другой разъ, когда какой-то монахъ, раздраженный его отказомъ на свою просьбу, дерзнулъ обратиться къ нему съ проклятіями, Θεодосій тревожился и не хотѣлъ вкушать пищи до тѣхъ поръ пока не примирился съ нимъ. Поглощенный съ утра до ночи своими любимыми занятіями, не обнаруживалъ онъ однако никакого интереса къ государственнымъ дѣламъ и подписывалъ не читая все что ни подносили ему. Рассказываютъ что по этому поводу Пульхерія сыграла съ нимъ злую шутку: однажды она предложила ему прочесть бумагу къ которой только что приложилъ онъ свою подпись, и оказалось что это было приказаніе обратить супругу его Аеванду въ рабство. Кромѣ того что шутка была неприлична, г. Грегоровіусъ видитъ въ ней доказательство что отношенія между императрицей и сестрой Θεодосія были далеко не дружественныя; Августинъ Тьерри, въ своей книгѣ *Nestorius et Eutychès*, считаетъ это несомнѣннымъ фактомъ, и дѣйствительно двѣ женщины одинаково честолюбивыя и съ сильнымъ характеромъ не могли ужиться вмѣстѣ среди козней и

цтригъ, которыхъ было такъ много при Византийскомъ дворѣ. но въ хроникахъ нѣтъ достаточныхъ указаній на ихъ распри. Въ первое—и даже продолжительное—время поддерживалось между ними согласіе. Аѳинаида умѣла пріобрѣсти вліяніе на своего супруга и принимала даже нѣкоторое участіе въ дѣлахъ; по крайней мѣрѣ, она горячо относилась къ вопросамъ возбуждаемымъ ересью Несторія, которая въ теченіе многихъ лѣтъ волновала церковь и государство.

Въ 437 году выдала она замужъ дочь свою Евдоксію за императора Западной Римской имперіи, Валентиніана. Заранѣе дала она обѣтъ, если осуществится это желанное ея событіе, предпринять путешествіе въ Іерусалимъ чтобы поклониться Гробу Господню: явное доказательство того какое глубокое религиозное чувство владѣло ею и какъ произвольны попытки г. Грегоріуса увѣрить будто въ глубинѣ своей души она не вполнѣ еще порвала связь съ тѣмъ міромъ идей и вѣрованій къ которому принадлежала въ своей юности. „Остановилась ли Аѳинаида, спрашиваетъ онъ, на томъ мѣстѣ гдѣ лежала нѣкогда Троя и привѣтствовала ли тѣмъ героевъ Гомера?“ Въ Антиохіи произнесла она рѣчь сановникамъ и гражданамъ, явившимся къ ней на поклонъ, рѣчь, въ которую очень удачно вставила стихъ изъ *Илиады*: это свидѣтельствовало конечно объ ея образованности и литературномъ вкусѣ, но даетъ ли право заключать что-нибудь объ ея вѣрованіяхъ? „Облаженіе Іерусалима коснулось души Аѳинаиды, говоритъ г. Грегоріусъ, и только тутъ впервые сдѣлалась она истинною христіанкой; еслибы было иначе, то въ послѣдствіи не избрала бы она этотъ городъ своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ.“ Выводъ болѣе чѣмъ странный! Зачѣмъ же Аѳинаида добровольно возложила на себя бремя долгаго и утомительнаго странствованія ко Святымъ Мѣстамъ если была она христіанкой лишь по вѣншности?

Пребываніе свое въ Іерусалимѣ ознаменовала императрица щедрыми пожертвованіями, усердно посѣщала храмы и увезла съ собою цѣли которыми по преданію скованъ былъ апостольскій Петръ: часть этихъ цѣлей была препровождена ею въ Римъ, гдѣ хранятся онѣ въ церкви Sancti Petri ad Vincula. Между тѣмъ въ отсутствіи ея, продолжавшемся цѣлый годъ, важныя перемѣны произошли въ Константинополѣ: Паулинъ полпрежнему занималъ высокую должность при дворѣ и на

ряду съ нимъ возвысился Киръ, одинъ изъ приверженцевъ Аецнаиды, но мало-по-малу значительное вліаніе на императора приобрѣлъ свухъ Хрисафій, который относился враждебно какъ къ Аецнаидѣ, такъ и къ Пульхеріи. Вокоръ по возвращеніи молодой императрицы произошло трагическое событіе, которое византійскіе историки разказываютъ слѣдующимъ образомъ: Однажды, когда Θεодосій шелъ въ церковь, какой-то крестьянинъ поднесъ ему фригійское яблоко необычайной величины; императоръ пожаловалъ ему 150 золотыхъ монетъ и тутъ же передалъ яблоко Аецнаидѣ. Вернувшись во дворецъ она послала его Паулану, тѣмъ страдавшему подагрой и не покидавшему своихъ коматъ, а Пауланъ, не предуздомлевный о томъ какимъ образомъ яблоко досталось ей, отправилъ его въ подарокъ императору. Θεодосій призвалъ свою супругу, которая на вопросъ его куда дѣвалось яблоко, отвѣчала что она съѣла его и даже подтвердила свои слова клятвой. Императоръ тотчасъ же залодорилъ ее въ престуламкѣ своменіяхъ со своимъ любимцемъ и приказалъ его умертвить. Нѣтъ никакой возможности удостовѣриться въ справедливости этой исторіи: современные событію писатели упоминаютъ лишь о паденіи Паулана, но ничего не говорятъ будто оно было вызвано невѣрностью Аецнаиды своему супругу. За то позднѣйшіе автописцы, начиная съ VII столѣтія, считаютъ приведенный нами разказъ вполне несомнѣннымъ, а въ XV вѣкѣ Кодицъ излагаетъ сцену между Θεодосіемъ и его супругой, а затѣмъ умерщвленіе Паулана съ мельчайшими подробностями. Но очевидно показанія такого рода не имѣютъ большой цѣны. У читателя является весьма основательное сомнѣніе относительно того, была ли какая-нибудь связь между катастрофой постигнутою Пауланомъ и позднѣйшею судьбой Аецнаиды? Не потому ли возникло это предположеніе что послѣ казни упомянутого сановника императрица вторично отправилась въ Іерусалимъ и на этотъ разъ съ твердымъ намѣреніемъ никогда не возвращаться оттуда? Но въ такомъ случаѣ чѣмъ объяснить что она собралась не вдругъ, а нѣкоторое время оставалась въ Константинополь, пользуясь всѣми подобавшими ей почестами? Вообще все это въ высшей степени загадочно; видно что произошла какая-то драма, о которой мы въ состояніи судить лишь по догадкамъ.

Невольная, какъ надо предполагать, поѣздка Аецнаиды въ Іерусалимъ уже не отличалась какъ прежде царскою

льностью. Года черезъ два по прибытіи ея въ этотъ городъ произошло опять трагическое событіе. Одинъ изъ аѳтолицевъ, графъ Марцеллинъ, сообщаетъ о немъ такимъ образомъ: „Священника Севера и діакона Іоанна, находившихся при императрицѣ Евдокіи въ Іерусалимѣ, умертвилъ начальникъ царскихъ тѣлохранителей Сатурнинъ, котораго нарочно съ этою цѣлью отправилъ туда императоръ Θεодосій. Въ горѣ своемъ дошла Евдокія до такого изступленія что приказала убить Сатурнина. Немедленно по распоряженію императора она была лишена за это своей свиты и осталась навсегда въ Іерусалимѣ.“ Изъ послѣднихъ словъ—скажемъ мимоходомъ—можно заключить что только вслѣдствіе упомянутого сейчасъ событія явилась у нея мысль не возвращаться въ Константинополь или, быть-можетъ, было это ей запрещено. Но чѣмъ же Северъ и Іоаннъ навлекли на себя гнѣвъ Θεодосія? Опять-таки и тутъ, за неизбѣжимъ положительныхъ свѣдѣній, открывается широкое поле для догадокъ. Августинъ Тьерри неизвѣстно почему полагаетъ будто Аѳинаида намѣревалась захватить верховную власть въ Іерусалимѣ, даже отторгнуть Палестину отъ Имперіи, и будто названныя нами духовныя лица служили ея орудіями для этой цѣли; г. Грегоровіусъ тѣмъ основательнѣе не упоминаетъ о подобномъ замыслѣ что источники совершенно умалчиваютъ о немъ, но столь же произвольно утверждаетъ будто Θεодосій руководился чувствомъ неукротимой ревности. Ревности къ кому, къ Северу или къ Іоанну? Почему же оба эти лица были признаны одинаково виновными? „Во всякомъ случаѣ, замѣчаетъ г. Грегоровіусъ, если руки Аѳинаиды были обогрены кровью Сатурнина, то это тяжкій ударъ идеалу женщины какою мы представляемъ ее себѣ, и она нисходитъ почти на уровень Христіны шведской, рѣдкая ученость коей не въ состояніи была укрощать дикіе ея инстинкты.“ Но почему же идеалъ созданъ въ воображеніи г. Грегоровіуса? Знаемъ ли мы такъ много объ Аѳинаидѣ чтобы сколько-нибудь вѣрно судить чѣмъ была она въ дѣйствительности?

Θеодосій недолго пережилъ разрывъ свой съ нею. Приемницей его провозглашена была его сестра Пульхерія, но такъ какъ она утратилась принять на одну себя все бремя правленія, то вступила въ бракъ съ Марціаномъ, сыномъ простаго воина родомъ изъ Фракіи, прославившимся своими подвигами въ борьбѣ съ варварами. Новый императоръ, человекъ

умный и энергическій, постарался прежде всего положить конецъ религіознымъ распрямъ, породившимъ сильную смуту въ Государствѣ. Въ 451 году созвалъ онъ Вселенскій соборъ, который изъ Никеи перенесенъ былъ вскорѣ въ Халкидонъ, противъ ереси монофизитовъ: основатель ея, Константинопольскій архимандритъ Евтихій, признавалъ въ Иисусѣ Христѣ только естество божественное. Халкидонскій соборъ осудилъ постановленія засѣдавшего не за долго предъ тѣмъ Эфесскаго собора, за которымъ сохранилось въ исторіи названіе „разбойничьяго“ и возстановилъ истину христіанскаго ученія. Но монофизиты не думали подчиниться этому рѣшенію; напротивъ, они отъивались противиться ему даже силой. Они взяли за оружіе и въ Иерусалимѣ и въ Александріи. Въ первомъ изъ этихъ городовъ монахъ Феодосій взволновалъ населеніе, провозгласилъ себя патріархомъ, прогналъ и даже умертвилъ нѣсколькихъ епископовъ, между тѣмъ какъ вооруженныя шайки его приверженцевъ наводили трепеть на всю Палестину. Среди этихъ кровавыхъ распрей, вдовствовавшая императрица снова напомнила о себѣ. О пребываніи ея въ Иерусалимѣ извѣстно намъ очень мало. Можно только предположить что несмотря на постигшія ее невзгоды пользовалась она тамъ большимъ почетомъ и продолжала получать доходы со своихъ имѣній,—доказательствомъ чему служатъ щедрыя пожертвованія которыми славилась она на Востокѣ. Если Пульхерія въ прежнее время враждовала съ ней, то вражда эта затихла,—по крайней мѣрѣ она сама находилась въ перепискѣ съ Аевинадой и побуждала ближайшихъ своихъ родственниковъ поддерживать съ нею сношенія. Тяжкое впечатлѣніе произведено было однако въ Константинополѣ извѣстіемъ что вдовствовавшая императрица стала открыто на сторону монофизитовъ и оказывала имъ содѣйствіе даже когда самозванный патріархъ Феодосій возбуждалъ своими неистовствами негодованіе всѣхъ честныхъ людей. Этотъ несомнѣнный фактъ сильно смущаетъ г. Грегоровіуса: „Мы не можемъ примириться съ мыслию, восклицаетъ онъ, что многосторонне образованная Аевинка находилась въ союзѣ съ толпой фанатическихъ монаховъ; музы Эллады должны были со стыдомъ отвратить отъ нея свое лицо“. Для г. Грегоровіуса непріятно не то что Аевинада присоединилась къ сектѣ монофизитовъ, а что вообще принимала она горячее участіе въ церковныхъ вопросахъ своего времени:

онъ никакъ не можетъ отречься отъ мысли что древне-греческая образованность еще не совсѣмъ утратила свою жизненную силу, и что въ Аѳинахъ имѣла она одну изъ достойнѣйшихъ своихъ представительницъ. Но вѣтъ, Аѳинада, особенно въ послѣдніе свои годы, была далеко не такою какою онъ старается изобразить ее. Чрезвычайныя усилія употреблены были для того чтобы заставить ее признать догматы установленный Халкидонскимъ соборомъ, лапа римскій Левъ обратился къ ней съ увѣщаніемъ, и все это напрасно; императрица упорствовала даже послѣ того какъ полководецъ Марціана Дороевъ, усмиривъ Палестину, вторгнулся въ Иерусалимъ и принудилъ къ бѣгству Θεодосія и его сообщниковъ. Только цѣлый рядъ несчастій внезапно обрушившихся на Аѳинаду побудилъ ее примириться съ церковью. Страшныя извѣстія приходили съ Запада: зять ея, императоръ Валентиніанъ III, палъ подъ ударами убійцъ, вдова его Евдоксія, дочь Аѳинады, вынуждена была выдти замужъ за сенатора Максима, одного изъ главныхъ виновниковъ этого преступленія, который захватилъ престолъ; вскорѣ затѣмъ Вандалы наводили Италію, и предводитель ихъ Гензерихъ, ограбивъ Римъ, увелъ главными въ Карфагенъ и Евдоксію и двухъ дочерей ея, Евдоксію и Платидію; старшую изъ нихъ насильно сочеталъ онъ бракомъ съ сыномъ своимъ Гуаверихомъ. Болѣе чѣмъ когда-нибудь нуждалась Аѳинада въ утѣшеніи доставляемомъ религіей: она обратилась за совѣтомъ къ прославленному святостью своей жизни Симеону Столпнику, а также къ другому столь же святому человѣку, подвизавшемуся въ пустыняхъ Палестины Евхимію, и оба они указали единственно вѣрный путь который могъ привести ее ко спасенію: въ 456 году торжественно отрелась она отъ ереси монофизитовъ. Въ послѣдніе годы своей жизни не мало занималась она литературными трудами, а именно въ стихотворной формѣ, греческими гекзаметрами, излагала содержаніе нѣкоторыхъ книгъ Священнаго Писанія, а также написала повму содержаніемъ коей послужила жизнь мучениковъ Кипріяна и Юстинны: вторую главу этой повмы г. Грегоровіусъ перевелъ стихами и помѣстилъ въ приложеніи къ своей книгѣ. Въ литературныхъ произведеніяхъ, о которыхъ упоминали мы сейчасъ, мало творчества и вообще таланта, но языкъ ихъ весьма изященъ, и они обнаруживаютъ замѣчательное умѣнье владѣть стихомъ.

Аншлада умерла въ 460 году. Прочитавъ очеркъ ея жизни всакій согласится конечно что это была личность въ высшей степени интересная. Если Эберсъ своею *Дочерью Фараона* умѣлъ увлечь публику, то несомнѣнно что жизнь и приключенія Византийской императрицы представляютъ несравненно болѣе благодарную почву для романиста. Но—повторяемъ еще разъ—не забываетъ ли слишкомъ часто г. Грегоровіусъ что онъ не романистъ, а историкъ?

P.

VI.

Письма Жоржъ Сандъ. Correspondance de Georges Sand, T. I, 1862 Paris.

Недавно вышедшій первый томъ *Корреспонденціи Жоржъ Сандъ* заключаетъ переписку обнимающую весь, если можно такъ выразиться, „вѣдѣтельный“ періодъ ея жизни, начиная съ дѣтскаго возраста (два письма), а также и первую пору ея литературной дѣятельности, то-есть время съ 1812 до 1836 года.

Прежде всего въ этихъ письмахъ видишь совсѣмъ не ту Жоржъ Сандъ которая обыкновенно рисуется намъ. Здѣсь видишь молодую женщину очень веселаго, общительнаго вѣсколько беззаботнаго характера и вмѣстѣ съ тѣмъ почтительную дочь, любящую жену и мать обожающую своихъ дѣтей, сына Мориса и дочь Солажъ.

До самаго развода съ мужемъ, она живетъ тою же жизнью какъ и всѣ другія, живетъ интересами сосредоточивающимися на семьѣ, родственникахъ и небольшомъ числѣ друзей дома. Надо, конечно, замѣтить что пока это еще не Жоржъ Сандъ, а Аврора Дюдеванъ, принадлежащая къ порядочному семейству изъ высшей буржуазіи и по вѣдѣности почти ничѣмъ не выходящая надъ общимъ уровнемъ, хотя съ другой стороны въ ея письмахъ, полныхъ огня и веселости, уже обнаруживается ея умъ, зародышъ будущаго таланта. Но теперь молодая Мше Дюдеванъ и въ помыслахъ не имѣетъ что будетъ современемъ писательницей; теперь она беззаботно живетъ съ мужемъ въ своемъ имѣніи Ногавъ, въ Берри, откуда отъ времени до времени оба совершаютъ поѣздки по Франціи или къ родственникамъ, или для удовольствія, изрѣдка

въ Парижъ, а иногда и для лѣчебнаго курса на какихъ-нибудь отечественныхъ водахъ, такъ какъ она не отличалась особенно крѣпкимъ здоровьемъ. Съ мужемъ она живетъ душа въ душу; случается что въ перепискѣ съ общими друзьями подписывается: „Оба Казимира“ (имя ея мужа). Изъ многочисленныхъ писемъ къ матери (она была чрезвычайно привязана къ ней) видно что мирная обстановка, однообразная жизнь совершенно по ней; не замѣтно ни малѣйшаго разлада; никакое недовольство безцвѣтною вседневностью, никакое ясное или неясное стремленіе не возмущаетъ пока ея души, она то же что и всѣ другіе, что и всѣ окружающіе; погружена въ заботы „о своихъ“, въ хлопоты по хозяйству и усердно лѣчитъ крестьянъ.

Все это живо отражается въ ея письмахъ.

„...Около Пасхи мы думаемъ прокатиться, представить г. Мориса (маленькаго сына) его дѣдушкѣ (барону Людеванъ) который еще его не знаетъ и, полатыю, очень хочетъ видѣть. Я хочу сдѣлать ему сюрпризъ: ничего не напишу и пошлю Мориса въ комнату, не говоря кто онъ такой, а мы спрячемся за дверь чтобы полюбоваться спектаклемъ. Впрочемъ, зачѣмъ я вамъ-то все это разказываю—вѣдь мнѣ хочется и съ вами сдѣлать то же самое...“

Морисъ составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ ея переписки за это время. „Богатство, удовольствія, все это ничто для сердца матери въ сравненіи съ ея дѣтми. Развѣ что-нибудь могло бы меня утѣшить еслибъ я потеряла Мориса? Онъ мнѣ необходимъ, безъ него я сама не своя.“

Ей хорошо въ Ноганѣ съ мужемъ, дѣтми, родными, друзьями, монастырскими подругами, навѣщающими ихъ тамъ, хотя она и говоритъ въ письмѣ къ одному хорошему пріятелю ея семейства (учителю Мориса) что тамъ: „вторникъ похожъ на среду, среда на четвергъ и т. д. Только зима и лѣто нарушаютъ эту неподвижность нашей жизни. Испытываемыя нами ощущенія, перемѣны холода и тепла, даютъ намъ знать что время идетъ впередъ и что жизнь бѣжитъ какъ рѣка. Теченіе въ которомъ лыжу я несется тихо спокойно, да я и не желаю лыжи быстрее... Я повеселилась (въ Парижѣ, куда недавно ѣздила), но очень рада что возвратилась домой“...

„...Мы, пишетъ она далѣе матери, наслаждаемся прелестью мирной и уединенной жизни; здѣсь у насъ нѣтъ ни надобна-

ющихъ, лишнихъ людей, въ ложныхъ друзьяхъ, по крайней мѣрѣ мы ихъ считаемъ искренними. Два наши летать какъ часы, хотя ничто не измѣняетъ ихъ однообразія... Мы постоянно видаемся со старыми друзьями; я, мало-по-малу и незамѣтно, на много сократила свой кругъ, потому что утомительно или, лучше сказать, неприятно было видать такую массу народа. Многочисленное общество пустыхъ и поверхностныхъ людей совсѣмъ не въ моихъ вкусахъ; я думаю, вы совершенно будете согласны со мною что гораздо лучше свой домъ, свой уголокъ и интимный кругъ, чѣмъ эта безконечная панорама все новыхъ лицъ, мелькающихъ такъ быстро мимо что не успѣваешь разсмотрѣть ихъ достоинства и недостатки. Я ограничилась двумя, тремя приятельницами, въ дружбѣ которыхъ могу быть вполнѣ увѣрена, а это уже само-по-себѣ случается довольно рѣдко, что же касается мушкетъ нашего кружка, то правда, они не отличаются изящною внѣшностью, но за то все это лучшіе люди въ мірѣ“...

Впрочемъ, еслибъ эта тихая, спокойная жизнь и не была ей по сердцу, то присущая ей характеру извѣстная доля беззаботности, *facilité d'humeur*, помогла бы ей довольно легко справляться съ нею; отчасти сюда примѣшивалось „другое чувство“... „Внѣ моего интимнаго кружка я не вижу ничего достойнаго искреннаго сочувствія, ничего такого чѣмъ бы можно было интересоваться отъ души. Въ наше время энтузіазмъ является добродѣтелью только наивныхъ людей. Нашъ вѣкъ—вѣкъ желѣза, эгоизма, вистости и обмана, вѣкъ въ который надо или насмѣхаться, или плакать чтобы не быть глупцомъ или негодяемъ. Вы знаете что я избрала себѣ. Я замкнулась въ тѣсномъ кругу тѣхъ кого люблю, оградивъ себя имъ, какъ священнымъ легиономъ, оберегающимъ меня ото всего мрачнаго, приводящаго въ уныніе. Мои друзья, со мною они или нѣтъ, всегда наполняютъ мою душу; воспоминаніе о нихъ вноситъ въ нее радость и гонитъ прочь горе. Случается, я плачу, но наступаетъ новый день и приносить съ собою лучъ солнца и надежды, и тогда я смѣюсь надъ вчерашними слезами. Васъ часто удивляетъ во мнѣ измѣнчивость расположенія духа, подвижность, гибкость характера, но что было бы со мною, не обладай я способностью легко забываться? Вы хорошо и до мельчайшихъ подробностей знаете всю мою жизнь и должны понять что безъ этой

счастливей способности быстро забывать горе я постоянно была бы угрюмою, сосредоточенною въ себѣ самой и бесполезною для другихъ, нечувствительною къ ихъ привязанности.

„Напротивъ, это свойство моего характера доставляетъ мнѣ такъ много утѣшенія...“ (Письмо къ Ж. Букуаранъ * 27 октября 1830 года).

Не всегда, конечно, Мше Дюдеванъ проводила время такъ тихо и однообразно; незадолго она веселилась отъ души, подсмѣиваясь иногда надъ мелочными провинціальными претензіями. Въ Ла-Шартрѣ (ближайшій значительный городъ отъ Ногана и суб-префектура), суб-префектъ г. де-Перивьи, отличавшійся вмѣстѣ съ Жоржъ Самдъ „философскимъ“, какъ она замѣчаетъ, взглядомъ на вещи, вздумалъ было давать вечера чтобы соединять семь или восемь кружковъ на которые дѣлилось тамошнее общество. „Первый вечеръ прошелъ довольно удачно“, рассказываетъ она, „хотя „самые важные гости“ и высказали чрезвычайное изумленіе что ихъ *амальгамировали* съ разною, какъ они выражаются, дрянью, которая викакъ не хуже ихъ и даже гораздо лучше. Особоенное негодованіе возбудило присутствіе учителя музыки и его миленькой жены; добрые люди сейчасъ же объявили что г. де-Перивьи такъ ухаживаетъ за этимъ музыкантомъ для того только чтобы не расходовать лишніе лять франковъ въ вечеръ.“ На слѣдующее приглашеніе не явился уже никто кромѣ Мше Дюдеванъ съ мужемъ и того же музыканта. По этому поводу она, вмѣстѣ съ однимъ изъ друзей, пустила въ ходъ стихи подъ заглавіемъ: *Административный вечеръ или суб-префектъ-философъ*, въ которыхъ добродушно осмѣиваетъ надутость Ла-Шартрской „знати“, а чтобы не узнали автора, она включила и самое себя въ число осмѣиваемыхъ, окрестивъ себя именемъ madame Ноггеур (Augoe). Веселились и въ масляницу 1828 года. „Милая маман, я уже давно собираюсь писать вамъ, оправдывается она предъ матерью, но пришлось дожидаться Великаго Поста, а те не было свободнаго времени. Никогда въ Парижѣ не проходила масляница такъ какъ мы ее провели здѣсь: катанья вечеромъ, гости, вечера, обѣды, всѣ дни у насъ были разобраны и мы гораздо болѣе были въ Ла-Шартрѣ и въ дорогѣ чѣмъ въ Ноганѣ.“

* Учитель ея сына, съ которымъ она сохранила навсегда дружескія отношенія.

Въ письмахъ она говорить и о другихъ балахъ и увеселеніяхъ по еобъдству.

Въ Ноганъ тоже иногда не обходилось безъ развлеченій, правда, импровизованныхъ. Напримѣръ они принимаютъ участіе въ деревенской свадьбѣ.

„Вы можете легко вообразить все великолѣпіе: блистательное освѣщеніе трехъ огарковъ, угощеніе, дешевое кислое вино и оркестръ изъ разбитой скрипки и волюнки, самой визгливой какую только когда-либо услышишь, а потому и самой пріятной для уха нашихъ поселянъ. Мы пригласили нѣсколькихъ знакомыхъ изъ Ла-Шартра и напались вдоволь, замаскировавшись вечеромъ крестьянами, но такъ что потомъ не узнавали другъ друга. Мше Дюлесси была восхитительна въ красной юлчкѣ, Урсула (горничная Жоржъ Сандъ), въ мужской голубой блузѣ и большой шляпѣ, казалась пресмѣшнымъ мальчишкой. Казиміръ, переодѣтый нищимъ, собралъ милостыню, которую ему подали, принимая его за настоящаго бѣднаго. Стефанъ де-Грансенъ разодѣлся франтоватымъ крестьянцемъ и, притворившись вылившимъ, началъ приставать къ нашему подпрефекту, очень милому и пріятному человѣку, который уже собирался уходить, когда вдругъ узналъ всѣхъ насъ.“

Въ обыкновенное время Ноганъ представлялъ безмятежную картинку помѣщичьяго житья-бытья. „...Дорогой папа (мужъ Жоржъ Сандъ) очень занятъ своею жатвой. Онъ приѣмлетъ теперь новый способъ молотбы, который заканчиваетъ все дѣло въ три недѣли, вмѣсто пяти или шести мѣсяцевъ. Цѣлый день съ самой зарі онъ, въ блузѣ и съ граблями въ рукахъ, на работѣ. Рабочіе волей-неволей вынуждены подражать ему, но нисколько на это не жалуются, такъ какъ имъ нѣтъ отказа въ мѣстномъ винѣ. Мы же, женщины, обыкновенно разсѣдемся на снопы, наваленные на дворъ; читаемъ, много работаемъ и намъ никуда не хочется изъ дому; много тоже занимаемся музыкой“ (письмо къ матери 4 августа 1828). Она повидимому и не всегда охотно уѣзжала изъ дому, хотя ощущенія свои по этому поводу и передаетъ съ обычною, свойственною ей, спокойною веселостію, какъ напримѣръ, въ слѣдующемъ письмѣ къ одному родственнику, г. Дютейль, адвокату въ Ла-Шартрѣ.

Бордо, 10 мая 1829.

„Увы! мой почтенный другъ, какъ жестоко, какъ страшно, какъ ужасно, скажу больше, какъ несносно уѣзжать изъ

своего угла и видѣть себя *пересаженою* за сто двадцать лѣтъ отъ родной стороны! Если это вообще составляетъ тяжелое горе для всякой благородной души, то для души беррійской оно особенно тяжко, и я чуть не утопила въ рѣкѣ слезъ пролитыхъ Пьеромъ (садовникъ), Тригасомъ (коровникъ), Колеттой (верховая лошадь Жоржъ Сандъ), Пато (цѣпная собака въ Ноганъ), Маріей Гильяръ (кухарка) и Браво (другая собака, пиренейской породы).

„Переѣздовавъ всѣхъ этихъ неопытныхъ слугъ, одного за другимъ, я бросилась въ карету, поддерживаемая съ трехъ сторонъ, и безрелативно доѣхала до Шатору... Вы можете-быть думаете, другъ мой, что въ Лошъ (Loches) я занялась размышленіями о томъ что эти почеркѣвшія башни, гдѣ моя кухарка умерла бы отъ сплина, служили некогда резиденціей одного изъ Французскихъ королей и его двора или начала приставать къ мѣстнымъ жителямъ съ просьбой сообщить мнѣ какія-нибудь новости объ Агнесъ Сорель?... Нѣтъ, у меня совсѣмъ не то въ головѣ... Настоящимъ посыланіемъ я хочу увѣдомить васъ что послѣ пятидневнаго утомительнаго переѣзда по раскаленнымъ стеламъ, среди ордъ людодовъ, послѣ пятиминутной переправы, во время которой намъ пришлось извѣдать гораздо болѣе опасностей и бѣдъ чѣмъ Лаперузу за всю его мореплавательную карьеру,—мы прибыли здравы и невредимы въ Бордо, городъ почти такой же великолѣпный, какъ и одно изъ предмѣстій нашего Ла-Шартра и гдѣ я себя чувствую довольно хорошо, сожалѣя однако что тутъ нѣтъ, вопервыхъ, васъ, мой другъ, затѣмъ вашей табатерки, потомъ двухъ сиреней растущихъ предъ моими окнами и за которыя я сейчасъ бы отдала всѣ здѣшнія зданія.

„Прощайте, достопочтеннѣйшій товарищъ; будемъ съ вами попрежнему, всею силою нашего просвѣщеннаго ума и дарованнаго намъ (вамъ и мнѣ) небомъ громаднаго превосходства надъ другими, стоять за дѣло здраваго смысла, за природу, справедливость, не забывая и морали, свободной культуры, табаку и *принципа равенства*...

„Увы! вдали отъ родины небо какое-то мѣдное, картофель испеченъ дурно, кофе пережженъ...“

Дома Жоржъ Сандъ разнообразитъ время проведеніе рисованіемъ и чтеніемъ. Имена авторовъ интересующихъ ее преимущественно уже указываютъ, однако, направленіе ея

образа мысли. То были: Барбару (журналист), Мше Роланъ, Поль-Луи-Курье, Викторъ Гюго, Бенжаменъ Констанъ, Ройе Колларъ. Однако, въ то время это было у нея такъ-сказать теоретическое поклоеніе, на дѣлѣ же она пока не много вникала въ общественные вопросы. Въ ноябрѣ 1827 она жалуется г. Карому (другу ея семейства) что парламентскіе выборы мѣшаютъ ей заниматься тѣмъ что для нея всего пріятнѣе, т.-е. бесѣдовать съ любимыми людьми. „...Вмѣсто того, вотъ уже недѣля какъ мнѣ приходится церемонно скучать со всѣмъ людемъ занятымъ политикой и выборами я мало что разумю въ этихъ вещахъ, но, изъ страха быть невѣжливою, обязана притворяться что понимаю ихъ и чрезвычайно озабочена дѣломъ о которомъ слышу въ первый разъ...“

Ей антипатично многое въ общественномъ складѣ, но она еще далека ото всякаго протеста, живя одною жизнью съ этимъ обществомъ, подчиняясь его требованіямъ. Заинтересованная въ судьбѣ одного изъ пріятелей своего брата, человѣка повидимому хорошаго по своей натурѣ, но безразсуднымъ поведеніемъ оттолкнувшаго отъ себя всѣхъ, она, между прочимъ, пишетъ брату (мартъ 1827): „Будь я мужчиною, при моемъ твердомъ желаніи помочь ему, я бы отвѣчала за него но я женщина, и вліяніе мое парализуется различіемъ пола, нашихъ положеній и множествомъ другихъ жестокихъ препятствій которыя дружеское чувство мое прокаиваетъ, *но предъ которыми оно преклоняется...*“

Она любитъ резонировать и охотно даетъ совѣты учителю своего сына, Жюлю Букуаранъ, человѣку еще очень молодому. Такъ въ письмѣ отъ 1 марта 1830 года дѣлаетъ ему выговоръ за фамильярность съ прислугой. „...Вы не любите уединенія; но чтобъ избавиться отъ общества которое вамъ не нравится выбираете другое, худшее. Я узнала что во время моего отсутствія (изъ Ногана) вы проводили всѣ вечера въ кухнѣ, и очень осуждаю васъ за это.

„Вамъ хорошо извѣстно высокомѣрна ли я вообще и слесива ли съ моими людьми. Воспитанная съ ними, привыкшая въ продолженіе пятнадцати лѣтъ смотрѣть на нихъ какъ на пріятелей, говорить имъ ты, играть съ ними, какъ Морисъ играетъ съ Томасомъ, я и теперь еще часто позволяю имъ распоряжаться мною, иногда и побранить меня. Я обхожусь съ ними не какъ съ прислугой. Одинъ изъ моихъ друзей

замѣтилъ совершенно вѣрно что они вовсе не слуги, а какой-то особый классъ людей, по собственному желанію взявшихъ на себя заботу о моемъ домѣ и хозяйствѣ и живущихъ здѣсь такъ же свободно, такъ же у себя, какъ и я сама.

„Вамъ хорошо извѣстно и то что иногда я присаживаюсь въ кухню и смотрю какъ жарится курица къ обѣду, тутъ же даю аудіенцію моимъ бѣднымъ. Но когда прислуга въ сборѣ, я не оставусь съ ними и четверти часа, чтобы не присутствовать при ихъ разговорахъ, мнѣ было бы и скучно и противно слышать ихъ, потому что мое воспитаніе разделяетъ насъ, я была бы не на своемъ мѣстѣ и въ то же время стѣснила бы и ихъ. Вы воспитаны такъ какъ я, а не какъ они, и потому не должны держать себя съ ними какъ съ равными вамъ...“ „...Повторяю, только одно воспитаніе устанавливаетъ настоящее различіе, настоящую грань между людьми, я не признаю никакой иной, но эта послѣдняя мнѣ кажется неопровержимой. Воспитаніе полученное вами налагаетъ на васъ обязанность жить съ людьми одинаковаго съ вами положенія, въ отношеніяхъ же съ другими ограничиваться добротой, снисходительностью, готовностью помогать. Никогда не допускайте ни интимности, ни довѣрія, развѣ въ какомъ-нибудь исключительномъ случаѣ...“

Вскорѣ (въ письмѣ отъ 22 марта 1830 года) она подастъ своему молодому и неопытному другу новый свѣтъ, заключающій въ себѣ наставленіе о необходимости „вѣжливости“ въ сношеніяхъ съ людьми; мы увидимъ изъ какого глубоко-человѣческаго источника идетъ ея понятіе о вѣжливости.

„Вы говорите: „я откровененъ, потому что не скрываю „отъ людей когда они мнѣ не нравятся; я ненавижу притворство и былъ бы лицомъ برمъ еслибы поступалъ иначе.““ Сейчасъ видны разсужденія двадцатилѣтняго юноши! Неужели, дитя мое, вы меня считаете коварною, лживою женщиной? Развѣ вы думаете что мнѣ не приходилось чувствовать антипатію къ инымъ людямъ, даже испытывать негодованіе при видѣ нѣкоторыхъ? Конечно это бывало со мною, но размышленіе заставило меня воздерживаться отъ откровеннаго выраженія моихъ истинныхъ чувствъ.

„Я каждый разъ спрашивала себя, на чемъ основывалось это отвращеніе, и почти всегда оказывалось что самолюбіе превеличивало мнѣ различіе между мною и тѣми людьми, превеличивало то превосходство которое я приписывала себѣ

надъ вами. Не говорю конечно о ворахъ и убійцахъ, которыхъ имѣла честь *наказывать*,—оставляю ихъ въ сторонѣ; они имѣютъ большее право на снисхожденіе, но здѣсь не мѣсто объ этомъ. Позволяю вамъ впрочемъ взирать на нихъ съ омерзѣніемъ, лишь бы только это чувство не дѣлало васъ непреклоннымъ и безжалостнымъ къ этимъ лавшимъ существамъ, которымъ надо оказывать помощь для того чтобы помѣшать ласть еще ниже. Здѣсь я говорю о порокахъ встречающихся въ обществѣ, во всѣхъ кругахъ и слояхъ, во встречающихся замаскированными, прикрытыми.

„Еслибы вы были постарше, болѣе на своемъ вѣку перевидали подобныхъ людей (въ этомъ и состоитъ такъ-называемая опытность), еслибы, прожвоя надъ вами свой судъ, вы обдумывали и взвѣшивали всѣ обстоятельства, то вы сдѣлали бы гораздо менѣе суровыми къ нимъ, оставаясь строго-добродѣтельными сами по себѣ.

„Подумайте о томъ что вамъ всего двадцать лѣтъ, что большинство людей недостатки которыхъ васъ смущаютъ прожили втрое, вчетверо болѣе васъ, прошли чрезъ тысячи испытаній, изъ которыхъ еще неизвѣстно какъ бы вышли вы сами, что они были можетъ-быть лишены всякихъ средствъ спасенія, всякой помощи, всякой поддержки могущей направить, предохранить. Почему вы знаете что на ихъ мѣстѣ не опустили бы хуже ихъ? Подумайте о томъ что такое человѣкъ предоставленный одному себѣ!

„Попробуйте со вниманіемъ прослѣдить за собой въ теченіе одного только дня, вы увидите сколько въ нашей прерывной натурѣ всякаго тщеславія, грубаго и безумнаго высекаемія, несправедливаго злоизма, подлой зависти, глупаго самообольщенія, какъ рѣдки въ ней хорошія движенія, какъ, напротивъ, въ ней быстро рождаются дурныя и какъ сильна въ ней привычка къ вамъ. Это-то привычка и мѣшаетъ намъ замѣчать ихъ. Спросите же себя, откуда у васъ явилась способность подавлять въ себѣ дурныя побужденія? „Это моя совѣсть, мои принципы“, скажете вы.

„Неужели вы думаете что эти принципы могли бы возникнуть въ васъ сами собой? Нѣтъ, они внушены вамъ вашею матерью и всеми тѣми кто потрудился надъ вашимъ воспитаніемъ? А между тѣмъ, вы забываете что благословлять и прославлять надо ихъ, а вовсе не васъ, такъ какъ вы не что иное какъ твореніе ихъ рукъ. Имѣйте же сожалѣніе къ тѣмъ

кто былъ брошенъ безпомощнымъ и, не зная куда идти, обился съ дороги. Не щите ихъ общества, оно не можетъ быть приятно, а скорѣе даже можетъ быть опасно для человѣка вашего возраста, но и не имѣйте къ намъ ненависти. Поразмысливъ обо всемъ этомъ, вы найдете что та благосклонность къ людямъ которую обыкновенно называютъ *symplicité* состоитъ не въ томъ чтобъ обманывать, а въ томъ чтобъ извинять, прощать...“

1830 годъ былъ годъ июльской катастрофы. Населеніе Ла-Шартра, въ томъ числѣ Аврора Дюдеванъ и ея мужъ, оказались на сторонѣ движенія.

По сосѣдству однако не всѣ города примкнули къ нему.

Въ одномъ изъ писемъ Жоржъ Савдъ (къ Букуарану, 31 юля 1830 года) живо чувствуется лихорадочное настроеніе тѣхъ дней. „Да, да, дитя мое, лишите мнѣ. Благодарю что обо мнѣ подумали среди этихъ ужасовъ. Боже мой, сколько крови, сколько слезъ!

„Ваше письмо отъ 28го я получила только сегодня 31. Съ какимъ страхомъ мы ожидали извѣстій, хотя все что вы сообщаете дошло уже до насъ изъ тысячи различныхъ источниковъ! Слухи мало отличаются одинъ отъ другаго. Но пока ничего официальнаго. Надѣмся что завтра уже будетъ... Весь городъ читалъ ваше письмо, всѣ жаждутъ подробностей, лишите же, подумайте что всякое новое извѣстіе ловятъ налету, лишите мнѣ только объ общественныхъ дѣлахъ. Бѣдное дитя мое, ни перестрѣлка, ни баррикады не ломѣшали вамъ уведомить меня о томъ что происходило. Повѣрьте, за васъ я дрожу не меньше чѣмъ за другихъ близкихъ мнѣ. Не подвергайте себя опасности, исключая только когда надо спасти друга; въ этомъ случаѣ я бы сказала вамъ то же самое что и родному сыну: скорѣе дайте себя убить чѣмъ оставить его. Ради Бога, если можете безопасно пройти по улицамъ, узнайте о тѣхъ кто мнѣ дороги.

„Не пострадали ли Сентъ-Эньяны? Отецъ у нихъ въ національной гвардіи. Теперь сдѣлался обычнымъ вопросомъ: не убить ли такой-то? Три дня назадъ смерть друга оледенѣла бы насъ отъ ужаса; а узнай мы сегодня о гибели двадцати друзей въ одинъ и тотъ же день, мы не могли бы и оплакивать ихъ. Въ такія минуты ходишь въ какой-то лихорадкѣ, и овладѣвшая сердцемъ тревога заглушаетъ чувствительность.

„Я полна энергіи, къ какой не считала себя способною. Духъ крѣпнетъ и окрыляется съ ходомъ событій. Скажи мнѣ что

завтра мнѣ прострѣвать голову, я все-таки спокойно проспала бы вышнюю ночь, но мучаешься за другихъ. О, какъ я вамъ завидую! У васъ нѣтъ дѣтей. Вы одинъ, а я оберегаю своихъ дѣтенышей какъ волчица. Еслибъ имъ что-нибудь грозило, я прежде дала бы себя разорвать въ куски.

„Но что такое я хотѣла писать вамъ? Въ моей головѣ происходитъ тотъ же всеобщій хаосъ который царствуетъ вокругъ. Сбѣгайте въ отель Эльбѣфъ, на площади Карусель, онъ конечно разграбленъ и разрушенъ. Узнайте успѣла ли моя тетка, Мише Марешаль, со своимъ семействомъ, избѣгнуть опасности въ эти кровавые дни. Дядя служилъ инспекторомъ въ министерствѣ двора. Надѣюсь что онъ былъ въ отсутствіи, но его жена и дочь совершенно одиѣ и тамъ гдѣ буря свирѣпствовала всего ужаснѣе. Его зять въ лейбъ - гвардіи. Не убили ли его? Если нѣтъ, то будетъ ли онъ живъ завтра? У меня не хватаетъ духу имъ писать. Да и гдѣ они? Если съ ними что-нибудь случилось, до того ли имъ чтобъ еще увѣдомлять о себѣ? Но вы, дитя мое, вы такой дѣятельный; подвижной, добрый и преданный вашимъ друзьямъ, вы можете-быть въ состояніи избавить меня отъ этого страшнаго безлокойства, если, какъ говорятъ, сраженіе прекратилось. Увы! не возобновится ли оно скоро опять?

„Скажу вамъ что дѣлается у насъ. Изъ всѣхъ городовъ только нашъ и выказываетъ настоящую энергію. Кто бы это подумалъ? Только онъ одинъ и готовъ идти, Шатору менѣ рѣшительнѣе, Иссудель—вовсе не думаетъ о томъ. Однако, національная гвардія повсюду организуется, и если власть (прежняя) будетъ бороться, то мы сумѣемъ оказать энергическое сопротивленіе. Въ настоящую минуту намъ могутъ противопоставить только жандармерию, это ихъ единственная боевая сила; но она такъ слаба въ сравненіи съ массой что благо-разумно держится въ сторонѣ. Намъ угрожаетъ только одна опасность—быть атакованными войсками изъ Буржскаго гарнизона: въ случаѣ ихъ появленія надо ожидать сраженія.

„Оба наши мужчины принадлежатъ къ числу самыхъ рѣшительныхъ сторонниковъ движенія. Казиміръ назначенъ поручикомъ національной гвардіи, куда уже зачислилось сто двадцать человекъ. Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ куда насъ пошлетъ временное правительство. Я ужасно боюсь, но молчу, потому что боюсь не за себя. А пока происходятъ собранія, сходки, всѣ подзадориваютъ другъ друга.

„Пишите мнѣ о нашемъ депутатѣ, благополучно ли онъ дѣлаеъ? Онъ отправился въ самую критическую минуту, и всѣ мы трепетали за него. Теперь надѣмся что съ нимъ не случилось ничего, но ждемъ съ нетерпѣніемъ чтобы насъ уведомили что мы не ошибаемся. Онъ нашъ герой“..

Нельзя не замѣтить однако здѣсь что ея энтузіазмъ не долго держался; по крайней мѣрѣ, немного времени спустя, она въ письмѣ къ матери (7 сентября 1830) говоритъ, между прочимъ, по поводу своихъ занятій рисованіемъ: „еслибы я обладала настоящимъ талантомъ, то не было бы судьбы лучше моей, и совсѣмъ бы забыла я, во глубинѣ моего кабинета, обо всѣхъ этихъ интригахъ честолюбія порождающихъ революціи“.

Катастрофа повліявшая на всю дальнѣйшую судьбу Жоржъ Санда произошла къ концу 1830 года. Изъ предшествовавшей этому времени перепискѣ, казалось, ея нельзя было ожидать. Еще такъ недавно она говорила о „Казимирѣ“ тономъ какимъ обыкновенно выражается жена находящаяся въ совершенномъ согласіи съ мужемъ: „...„Дорогой отецъ“... ..„Казимиръ не способенъ на ложь“... Въ каждомъ почти письмѣ къ матери она упоминаетъ о мужѣ, защищаетъ его, когда та почему-либо имъ недовольна. Ихъ воззрѣнія во многомъ сходятся. Правда, въ одномъ изъ писемъ къ Букуарану она говоритъ что „онъ хорошо и до мельчайшихъ подробностей знаетъ ея жизнь“ и что она „рада своей способности скоро забывать горе“. Но отсюда можно только заключить что если и бывали какія-нибудь „вслышки у домашнего очага“, то отнюдь не дававшія повода ожидать подобнаго исхода; съ другой стороны, слова эти могли и не имѣть именно такого смысла, если сопоставить ихъ съ общимъ тономъ ея выраженій о мужѣ. Но слѣдующія строки указываютъ что они имѣли именно этотъ смыслъ. Вотъ что она пишетъ 3 ноября 1830 года.

„...Узнайте же новость удивительную, изумительную (за прилагательными отсылаю васъ къ письму Мме де-Овилье, которой, что бы тамъ ни говорили, я не люблю), узнайте что несмотря на свою безлечность, на свою способность легко забываться, легко прощать обиды и причиненное мнѣ горе, узнайте что несмотря на все это я *рѣшилась на отчаянный шагъ*. Пишу вамъ совершенно серьезно, хотя и въ шутовскомъ тонѣ, и сообщаю одинъ изъ тѣхъ секретовъ которые

должны оставаться только между двумя. Вамъ извѣстна моя семейная жизнь, извѣстно легко ли смосить ее. Двадцать разъ вы удивлялись тому что я мирилась съ домашними сценами которыя обрушивались на мою голову. Но есть конецъ всему. Да и еслибы прежняго не было достаточно, то меня вынудили бы къ моему рѣшенію послѣдующія событія. Все произошло совершенно незамѣтно, безо всякаго шума. Я просто-напросто, пошаривъ зачѣмъ-то въ конторкѣ мужа, нашла тамъ конвертъ на мое имя. Конвертъ этотъ имѣлъ какой-то торжественный видъ, неволью обратившій на себя мое вниманіе. На немъ было надписано: „открыть послѣ моей смерти“. У меня не хватило терпѣнія ждать пока я сдѣлаюсь вдовой, да и не съ моимъ здоровьемъ можно разчитывать пережить кого-нибудь. Къ тому же я вообразила себѣ что мужъ мой умеръ и мнѣ очень захотѣлось узнать какого мнѣнія онъ былъ обо мнѣ при жизни. Конвертъ адресованъ мнѣ, а потому я имѣла полное право его открыть, могла прочесть завѣщаніе мужа безо всякаго волненія, такъ какъ онъ живъ.

„Боже мой! что это за завѣщаніе! Одни только проклятія и больше ничего! Онъ излилъ въ нихъ всю свою злобу на меня, на мою *разраженность*, все свое презрѣніе къ моему характеру. И это-то онъ оставляетъ мнѣ какъ залогъ своей приваиванности! Мнѣ казалось что все это я вижу во снѣ,—а, до сихъ поръ не желавшая замѣчать что онъ меня презираетъ. Но это завѣщаніе открыло мнѣ глаза. Я сказала себѣ что продолжать жить съ человѣкомъ не имѣющимъ къ своей женѣ ни уваженія, ни довѣрія, значило бы желать воскресить мертвого. Мое рѣшеніе было принято сразу *безповоротно*. Вы знаете что я не злоупотребляю этимъ выраженіемъ.

„Не откладывая ни одного дня я, несмотря на то что еще чувствую себя и слабою, и больною, тотчасъ же объявила свою волю, высказавъ при этомъ всѣ поводы съ такимъ хладнокровіемъ которое его совершенно уничтожило. Онъ никакъ не ожидалъ чтобы существо подобное мнѣ осмѣлилось такъ энергически поднять голову противъ него. Онъ кричалъ, спорилъ, просилъ. Но я осталась непреклонна. Я *требую извѣстной оумлѣ на содержаніе, переезжаю въ Парижъ, мои дѣти остаются въ Ноганъ*. Вотъ результатъ нашего первого объясненія. Я выказала неуступчивость по всѣмъ пунктамъ. Вы конечно догадываетесь что то было притворство

съ моею стороны. У меня нѣтъ ни малѣйшаго намѣренія отказаться отъ дѣтей. Когда онъ убѣдился въ этомъ, те сдѣлался тихъ какъ агнепокъ; затѣмъ онъ объявлялъ мнѣ что отдастъ Ноганъ въ аренду, распуститъ всѣхъ людей, а Мориса отвезетъ въ Парижъ и опредѣлитъ въ коллегію. Но теперь пока я этого не желаю; ребенокъ еще малъ и недостаточнo окрѣлъ. Кромѣ того, я не хочу разставаться со слугами, которые знаютъ меня съ самаго рожденія и которыхъ я люблю какъ друзей. Я согласна только на нѣкоторыя сокращенія, такъ какъ моя скромная пенсія сдѣлаетъ эту экономію необходимою. Часть года, *по крайней мѣрѣ шестъ мѣсяцевъ*, я буду проводить въ Ноганѣ съ моими дѣтьми и даже съ мужемъ. Этотъ урокъ заставить его быть поосторожнѣе. До сихъ поръ онъ обходился со мною какъ будто я вышала ему отвращеніе и, какъ только я въ этомъ увѣрилась, я ухажу. Теперь онъ въ отчаяніи что я оставляю его, тѣмъ хуже для него! Я доказываю ему что желаю не того чтобъ онъ терпѣлъ меня какъ бремя, а того чтобы мною дорожилъ какъ свободнымъ другомъ, который остается съ нимъ пока онъ этого достоинъ.

„Не считайте меня ни грубою или нахальною, ни безразсудною. Вспомните какъ меня увижал! Это продолжалось восемь лѣтъ! Въ самомъ дѣлѣ вы были правы когда говорили что удѣлъ слабыхъ—быть всегда одураченными обществомъ. Думаю что именно вашъ взглядъ и прідалъ мнѣ отчасти мужество и твердость. Я нѣсколько смягчилась только сегодня“...

Далѣе Жоржъ Сандъ проситъ Букуарана взять на себя въ теченіе двухъ лѣтъ воспитаніе Мориса и жить въ Ноганѣ, а въ слѣдующемъ письмѣ обращается къ нему съ просьбой никому не показывать перваго письма.

„...Еслибы кто-либо кромѣ васъ узналъ вины моего мужа, я никогда не простила бы себя что писала о нихъ“...

Происшедшій переломъ не тотчасъ обнаруживается во всемъ его значеніи. Въ началѣ Жоржъ Сандъ еще пишетъ къ мужу, въ письмахъ къ сыну посылаетъ ему поцѣлуи, мужъ выѣзжаетъ къ ней на встрѣчу съ дѣтьми, когда она возвращается въ Ноганъ; въ первое время даже и мать Жоржъ Сандъ хорошо не знаетъ зачѣмъ дочь уѣхала въ Парижъ и на вопросъ по этому поводу получаетъ отвѣтъ очень уклончивый. Но мало-по-малу разстояніе раздѣляющее супруговъ увели-

чивается, а затѣмъ дѣло кончается явнымъ разрывомъ и разводомъ по суду.

Жоржъ Сандъ вопиаетъ на литературное полприще. Она заявляетъ что сдѣлалась писательницей не по призванію, а единственно для того чтобы зарабатывать собственнымъ трудомъ средства въ которыхъ нуждалась. Сначала она себя считала не „писателемъ“, а чѣмъ-то въ родѣ литературнаго ремесленника, работающаго изъ-за платы, изъ-за хлѣба, которому нечего думать о „славѣ“.

Она прямо говоритъ это (въ письмѣ къ Букуарану, 12 февраля 1831 года): ...„я пускаюсь въ бурное море литературы. Надо жить, а я не богата теперь“... „...Я не вѣрю всѣмъ предсказаніямъ о непріятностяхъ которыя будто бы мнѣ обѣщаетъ литературная карьера. Необходимо прежде всего знать что меня лобуждаетъ къ этому и къ какой цѣли я стремлюсь. Мой мужъ назначилъ мнѣ по три тысячи франковъ въ годъ. Вы понимаете что этого слишкомъ мало для меня,—я люблю помогать и вовсе не умѣю быть аккуратною,—а потому мое единственное намѣреніе улучшить свое положеніе какимъ-нибудь заработкомъ. Такъ какъ я не ищу извѣстности, то ея у меня и не будетъ: ни въ комъ я не вызову ни зависти, ни ненависти. Жизнь большинства писателей полна горечи и борьбы, но всѣ тѣ кто не желаютъ ничего иного какъ только трудиться изъ-за хлѣба, живутъ мирно въ тѣни. Беранже, самъ великій Беранже, несмотря на свою громкую славу, держится въ сторонѣ ото всѣхъ кружковъ. Странно было бы еслибы такое незначительное дарованіе какъ мое не сумѣло скрыться ото всѣхъ взоровъ. Писатель въ которомъ нѣтъ ни гордости, ни фанфаронства самый свободный человѣкъ въ мірѣ и имѣетъ полную возможность жить въ неизвѣстности. Когда мнѣ говорятъ что *слава* новое горе которое я себѣ готовлю въ будущемъ, я не могу не смѣяться...“

Въ перелискѣ мы находимъ любопытныя свѣдѣнія о ея первыхъ шагахъ на новомъ пути.

„... Г. де-Латушъ (тогдашній издатель *Фигаро*) очень милъ ко мнѣ... пишетъ она Дютѣлю 15 февраля 1831, но увы! еслибы вашъ кузенъ зналъ какой тулой дурѣ онъ оказываетъ услугу, онъ навѣрное разбралъ бы васъ. Умолчимъ же объ этомъ... Онъ терпѣливо выслушалъ мои мелкія произведенія и сказалъ что все это прелество, но лишено здраваго

смысла; на что я отвѣчала: „это правда“; что надо все передѣлать, на что я сказала: „это возможно“; что я хорошо сдѣлаю если начну съизвова, на что я прибавила „хорошо“.

„Что касается *Revue de Paris*, то тамъ были какъ нельзя болѣе очаровательныя“. Она работаетъ съ Жюлемъ Садю, они вмѣстѣ составляютъ нѣкоторыя статьи. „Я рѣшилась сдѣлать его своимъ сотрудникомъ или, если хотите, сдѣлаться его сотрудницей. Мы уже условились что онъ дастъ мнѣ свое имя, такъ какъ я не буду подписывать своего... Когда мы добьемся успѣха, то я ему предоставляю всю славу, а барыши (если они только будутъ) раздѣлимъ пополамъ. Моя грубую и положительную натуру только это одно и соблазняетъ...“

„... Въ настоящую минуту я занимаюсь до упаду, хотя это меня еще не привело ни къ чему. Но все-таки я не теряю надежды. Я начинаю чувствовать страсть къ литературѣ, не правда ли какъ это странно? чѣмъ больше встрѣчаешь препятствій, чѣмъ больше ихъ видишь на своемъ пути, тѣмъ больше чувствуешь желанія ихъ побѣдить. Вы однакоже очень ошибаетесь если думаете что меня обуяла жажда славы. Это слово просто уморительно; я желаю зарабатывать деньги, и такъ какъ для того необходимо литературное имя, то и стараюсь составить себѣ его (фантастическое), толкаясь въ журналы съ разными статьями, что мнѣ удается только цѣной величайшихъ усилій и настойчивости. Еслибъ я предвидѣла хотя половину всѣхъ затрудненій, то не избрала бы этой карьеры. А между тѣмъ чѣмъ ихъ больше выростаетъ, тѣмъ сильнѣе во мнѣ рѣшимость продолжать... Въ жизни надо пристраститься къ чему-нибудь. Я скучала, потому что у меня не было никакой страсти. То существованіе, полное волненій, а часто даже нужды, которое я тутъ веду, избавляетъ меня отъ скуки...“

„Я болѣе чѣмъ когда-либо остаюсь при своемъ рѣшеніи продолжать литературную карьеру. Несмотря на то что меня иногда беретъ отвращеніе, что лѣнь или усталость заставляютъ бросать работу, несмотря на болѣе чѣмъ скромную жизнь мою здѣсь, все-таки я чувствую что мое существованіе теперь выполнено. У меня есть цѣль, задача, скажу прямо—страсть. Писательство—страсть сильная, почти непреборимая. Когда она овладѣетъ какою-нибудь блѣдною головою, то отъ нея уже не отвлечешься. Я не имѣла успѣха

Тѣ къ кому я обратилась за совѣтомъ наши содержаніе моего произведенія неправдоподобнымъ; они сказали мнѣ, что въ немъ слишкомъ много нравственнаго, добродѣтельнаго, чтобы публика ему повѣрила. Это совершенно вѣрно: надо угождать вкусу бѣдной публики, и я буду сообразоваться съ модой. Это будетъ дурно, но я умываю руки. Меня принимаютъ въ *Revue de Paris*, но заставляютъ изнывать отъ ожиданія. Извѣстныя имена печатаются прежде меня. Это справедливо, потому подождемъ еще. Я хлопочу о томъ чтобы попасть въ *Mode* и *Artiste*, такіе же журналы какъ и *Revue de Paris*. А пока надо чѣмъ-нибудь жить. Я прибѣгаю къ самому послѣднему средству—составлять статьи для *Figaro*. Еслибы вы знали что это такое! Но за то я получаю по семи франковъ за столбецъ и лью, чѣмъ и даже бываю въ театрѣ. Это мнѣ доставляетъ возможность дѣлать полезнѣйшія и забавнѣйшія наблюденія. Когда хочешь писать, то надо все видѣть, все знать, надо всѣмъ смѣяться. Э, что тамъ! да здравствуетъ жизнь артиста! Нашъ девизъ—*свобода*.

„Я впрочемъ нѣсколько расквасталась. Въ *Figaro* мы не особенно наслаждаемся *свободой*. Г. де-Латушь, нашъ достойный патронъ (о, еслибы вы знали этого человѣка!), вѣчно у насъ шредъ носомъ, все обрѣзываетъ, убавляетъ, перечеркиваетъ какъ попало, заставляя слушаться малѣйшаго своего калриза, малѣйшей сумасбродной фантазіи. И мы нищемъ такъ какъ ему желательно, потому что въ сущности вѣдь дѣло его, а мы только его работницы; теперь пока я не болѣе какъ *рабочій журналистъ, слуга-сотрудникъ*... Когда я вижу какъ двадцать человѣкъ вырываютъ другъ у друга страницы съ моими пошлостями, я хохочу и надъ собой и надъ благосклонными читателями, назначеніе которыхъ и состоитъ въ томъ чтобы быть всегда мистифицированными... Иногда они стараются находить въ этихъ статьяхъ какія-то загадки, понять ихъ, тогда я принимаюсь имъ объяснять, но только для того чтобъ ихъ запутать еще больше.“ (Къ Ж. Букуарану, 4 марта 1831).

„... Вы очень смѣялись бы, говорить она въ другомъ письмѣ (къ Ш. Дюверно, 6 марта 1831, по поводу написанной ею въ *Figaro Molinara*), вы бы очень смѣялись при видѣ того какъ добрые буржуа въ кафе Контэ, уткнувъ носы въ *Figaro*, старались изо всѣхъ силъ разобрать какая загадка скрыта въ *Molinara*. „Это эмблема“, утверждали одни, „анаграмма“,

отвѣчали другіе, „Логогрифъ“, вставили третьи. „Кто эта мельничиха? Это Дельфина Гв!“ „О вѣтъ! это герцогина Беррійская“. „А, да это жена Алжирскаго деа!“ „Во всякомъ случаѣ это очень ученая вещь—ничего въ ней не поймешь!“

Тогда я обратилась къ нимъ съ таинственнымъ видомъ: „Господа, мнѣ изъ хорошаго источника извѣстно что это жена лалы“, на что они воскликнули: „Можетъ ли это быть?“ „Честное слово!“

Многіе ее упрекали за сотрудничество въ *Figaro*, журналъ не брезгавшемъ диффамацией и потому имѣвшемъ репутацію не особенно чистую. Она оправдывалась все тѣми же доводами о стѣсненныхъ средствахъ, тѣмъ что не водитъ знакомства съ другими сотрудниками, а знаетъ только одного де-Латуша, тѣмъ наконецъ что журналъ былъ въ оппозиціи. Она, между прочимъ, написала статью въ духѣ направленія журнала „...Я дебютировала скандаломъ, сообщаетъ она Ж. Букуарану (9 марта 1831), шуткой надъ національною гвардіей. Полиція арестовала третьягодшніе номера *Figaro*. Я уже готовилась провести шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ La Force, такъ какъ не стала бы уклоняться отъ отвѣтственности за свою статью“. Преслѣдованіе, однако, было приостановлено. „Тѣмъ хуже, замѣчаетъ она, судебный приговоръ доставилъ бы мнѣ и извѣстность и состояніе.“

„Въ литературѣ тотъ же хаосъ что и въ политикѣ, продолжаетъ она въ томъ же письмѣ. Во всемъ чувствуется какая-то тревога, какая-то неувѣренность; всѣ хотятъ чего-нибудь новаго, оригинальнаго, но вмѣсто того создаютъ отвратительное и ужасное. Бальзакъ теперь наверху славы за то что изобразилъ любовь солдата къ тигрицѣ и артиста—къ cast-гато. Что это такое, Боже мой!“

„Чудовища въ модѣ—будемъ творить чудовища. Я въ настоящую минуту пишу въ своемъ чревѣ одно премилое...“

Матеріальное положеніе ея все еще пока не улучшилось, у нея уже есть долги, есть кредиторы. „Голуа (прозвище одного изъ ея хорошихъ знакомыхъ, Альфонса Фабри) и я, пишетъ она (Дюверне, 19 іюля 1831 года) разчитываемъ на здоровую патріотическую *бойню* или добрую cholera-morbus, которыя должны насъ избавить отъ подлой шайки кредиторовъ. Да впрочемъ развѣ у насъ не будетъ республики? А при этомъ надѣюсь первая статья новой хартіи провозгласитъ что всѣ долги уничтожены и всѣ кредиторы подлежатъ

ссылкѣ. Мы же по своему великодушію даруемъ имъ жизнь, но съ тѣмъ чтобъ они никогда не осмѣливались напоминать о прошломъ (одни только карлисты и іезуиты способны на такое злопамятство!). Если наши кредиторы желаютъ избѣгнуть гильйотины,—этой *сестры свободы*, то обязаны избавить насъ отъ своего гадкаго присутствія, а возрожденное отечество—отъ своего нечистаго и пошлаго ремесла...“

Все болѣе и болѣе начинаеть сказываться перемѣна происшедшая съ Жоржъ Сандъ послѣ домашней катастрофы. Это уже не тихая, спокойно-приличная жизнь въ Ноганѣ, въ лѣнѣ семейства и провинціального общества. Она совершенно изолрируется отъ „свѣта“, къ которому ея вражда не сдерживается болѣе соображеніями какія могли имѣть мѣсто прежде, когда она еще „преклонялась“ предъ извѣстными социальными преградами. Она нашла то чего такъ желала—независимость, свободу, и такъ рада ей, такъ быстро осваивается съ новымъ положеніемъ что иногда кажется будто до сихъ поръ только и ждала случая и возможности добиться ея. „Для меня, милая матушка (отъ 31 мая 1831 года), первое-благо—свобода мысли и дѣйствій... Я не могу терпѣть и тѣни принужденія, въ этомъ мой главный недостатокъ. Все что мнѣ навязываютъ какъ обязанность мнѣ становится отвратительнымъ, но все что предоставляютъ сдѣлать добровольно я дѣлаю ото всей души... Я не желаю ни свѣта, ни шума, ни театровъ, ни брилліантовъ... я желаю свободы. Имѣть возможность выйти на улицу одной и сказать себѣ: „я буду обѣдать когда захочу, въ четыре часа или въ семь; пойду въ Тюильри чрезъ Люксембургскій садъ, а не Елисейскими Полями, если таковъ будетъ мой калпризъ“—вотъ что меня занимаетъ гораздо больше чѣмъ пошлости мушкетъ и натужность салоновъ.“

Съ друзьями Жоржъ Сандъ держитъ себя свободнѣе чѣмъ прежде, съ нѣкоторою безцеремонностью и даже не совсѣмъ какъ женщина, а какъ будто „свой братъ—товарищъ“, обращается къ нимъ на „ты“.

„Чрезъ два дня я кончу *Валентину* или умру. Хочешь ли чтобъ я пріѣхала къ тебѣ на будущей недѣлѣ, пишетъ она одному изъ нихъ (Франсуа Роллинъ, 20 августа 1832 года). Если желаешь, мы отправимся въ Валансе... я увѣдомлю Густава. Но насъ надо предупредить заранѣе чтобы дать время приготовить и экипажъ, и дорожные пистолеты, и телное

лгать, и астралаби, то-есть все что необходимо для нутрошествамака.“

Далѣе полушутя, полусерьезно она говоритъ о своихъ (тогдашнихъ вѣроятно) манерахъ.

„Я буду очень рада что меня хорошо примутъ у тебя... предупреди твою мать и твоихъ большихъ сестеръ что я женщина чрезвычайно дурного тона, не умѣю сдержаться долѣе одного часа, что, подобно барону Корбиньи, и ругаюсь, и наливаюсь. Что дѣлать, у всякаго свои маленькія слабости, замѣтилъ нѣкто, стоя надъ кастрюлькой въ которой кипятилъ голову своего отца себѣ на завтракъ. Словомъ, прошу тебя отнюдь не выставлять меня приличною. Мнѣ было бы смѣшнѣе трудно потому выдерживать роль.“

Вотъ другой образецъ пріятельскаго обращенія въ тогдашнемъ ея тонѣ: „Мой столѣтній скелеть спать, курить, нюхать табакъ, пачкаетъ бумагу и плачетъ какъ тележокъ. Если ты чувствуешь себя лучше, если можешь вывести общество котораго-ника или висельника—привѣжай; если же моя грусть можетъ тебѣ наскутить или тебя опечалить—не вѣда, но лишь мнѣ: будь здоровъ и люби твоего стараго Жоржа“ (къ тому же, 6 сентября 1832 года).

Жоржъ Сандъ уже порвала связь съ обществомъ, не желая болѣе подчиняться его воззрѣніямъ, презираетъ общественное мнѣніе и слѣпое преклоненіе предъ приличіями, теперь она уже открыто „протестуетъ“. „Одни только люди бездушные и безправственные ставятъ себѣ приличія закономъ. Общественное мнѣніе—проститутка отдающаяся тѣмъ кто дороже заплатитъ...“

„Разочарованная во всемъ, я доверяю только тому кто не измѣнилъ мнѣ или кто меня помялъ съ моими недостатками, моимъ антисоціальнымъ умомъ и презрѣніемъ ко всему что уважается большинствомъ людей.“ Она хочетъ жить только въ кругу избранныхъ ею, видѣвая и себя и ихъ изъ общества. „Я чувствую въ себѣ довольно великодушія чтобы начать съ ними новую жизнь, жизнь полную любви, надежды, вѣры и которой не охладитъ воспоминаніе о прежнихъ разочарованіяхъ... На развалинахъ прошедшаго, нашихъ прошлыхъ предубѣжденій, мы являемся такими какими насъ создала природа... Безъ потребности обтѣшиваться утѣшеніями мы можемъ-быть оставались бы разрозненными и одинокими среди этого тщеславнаго и пошлаго общества, которое некогда нами

не простать нашего желанія освободиться отъ его узкихъ законовъ. Пусть его возстаютъ противъ насъ. Оно станетъ смотрѣть на нашу маленькую общину какъ на домъ сумашедшихъ. Будемъ жить въ сторонѣ, особою жизнью, приходя въ соприкосновеніе съ обществомъ только для того чтобъ или смѣяться надъ нимъ, или процвѣтать.“

Жоржъ Сандъ кажется разочарованною во всемъ, даже въ періодическихъ бунтахъ Парижанъ. „Привѣжайте къ намъ въ нашъ Парижъ, гдѣ если и не найдете общественной свободы за то найдете свободу индивидуальную“, продолжаетъ она дѣлѣе. „Отъ времени до времени будемъ ходить въ оперу, а въ тѣ дни когда не окажется ни одного су въ карманѣ, ставемъ осматривать соборы... или сядемъ ко мѣ на балконъ, откуда увидимъ какое-нибудь новое возмущеніе; мы любимъ на все это—и на побѣдителей, и побѣжденныхъ безущевъ, и тѣхъ и другихъ одинаково засаживающихъ только сожалѣнія...“

(Къ Шарлю Дюверне, 25 іюня 1832 года).

Ее, какъ видно, не щадили, на ее счетъ выдуживали всевозможныя слезы; ее поведеніе, каждый шагъ находилъ порицателей; друзей было немного, большинство обратилось противъ нея: ей приходилось оправдываться даже предъ матерью; братъ написалъ ей рѣзкое письмо; самые близкіе пріятели не всегда высказывали одобреніе, а иногда дѣлали даже и замѣчанія, въ особеннѣности по поводу нѣкоторыхъ эксцентрическихъ выходокъ. Она однако не уступала. Вотъ между прочимъ „отвѣтъ“ (Адольфу Геру, 6 мая 1836 года) на одно изъ такихъ замѣчаній, сдѣланное въ формѣ не особенно деликатной. „Въ вашемъ прекрасномъ письмѣ вполнѣ отражается добрая вапа душа; но отсылю вамъ назадъ эту страницу, мелкую и совершенно неприличную. Никто не можетъ ни писать такъ. Критикуйте мой костюмъ въ другихъ выраженіяхъ, если уже вы обращаете вниманіе на такую мелочь; лучше было бы вамъ не заниматься такими пустяками. Перечитайте подчеркнутыя мною строки, онѣ чрезвычайно дерзки. Я думаю что вы были нѣжны когда писали ихъ. Я несколько не сержусь за это и люблю васъ не меньше прежняго, а только предупреждаю не повторять смѣшной выходки во второй разъ. Это нейдетъ... Будь я мущина, я охотно, порой, прибѣгала бы къ шлагѣ, а остальное время занималась бы литературой; но я не мущина, обойдусь безъ шлагѣ и остаю

себѣ только перо, услугами котораго и буду пользоваться. Костюмъ въ которомъ я сажусь за свое бюро не имѣетъ никакаго отношенія къ дѣлу, и мои друзья, надѣюсь, будутъ уважать меня одинаково, одѣта ли я въ сюртукъ или въ женское платье. Въ этой одеждѣ я никогда не выхожу безъ трости, а потому будьте спокойны. Въ моей жизни не произведетъ никакаго переворота эта фантазія — иногда и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, надѣвать сюртукъ.

„Не лугайтесь, я не добиваюсь званія мущины, оно мнѣ кажется слишкомъ смѣшнымъ чтобъ его можно было предпочесть рабству женщины. Но я твердо намѣрена и выйдѣ, и всегда обладать тою совершеннѣйшею независимостью которую вы считаете исключительно только вашимъ правомъ. Я не стану совѣтовать всѣмъ добиваться ея, но въ отношеніи меня самой не потерплю чтобы любовь, какова бы она ни была, хотя сколько-нибудь нарушила эту независимость. Мои условія будутъ до такой степени суровы и вмѣстѣ съ тѣмъ ясны что не найдется ни одного мушкетера который оказался бы или достаточно смѣлымъ, или слишкомъ низкимъ чтобы принять ихъ...

„Считайте же меня мушиной или женщиной, какъ хотите. Дюталь говоритъ что я ни то, ни другое, что я—*существо*. Въ этомъ опредѣленіи заключается и все хорошее, и все дурное, ad libitum... но скажите вашимъ друзьямъ и знакомымъ что совершенно бесполезно желаніе поцѣловать меня изъ-за моихъ черныхъ глазъ, потому что я не даю поцѣлуевъ ни въ томъ, ни въ другомъ костюмѣ...”

Въ письмѣ къ М*** (іюнь 1835) мы находимъ мнѣніе Жоржа Санда о современной ей женщинѣ, ея положеніи и о тѣхъ нравственныхъ средствахъ при помощи которыхъ она можетъ добиться самостоятельности, средствахъ, замѣтимъ, черезчуръ идеальныхъ, но характеризующихъ понятія знаменитой писательницы. Въ этомъ письмѣ она совѣтуетъ своему пріятелю отказаться отъ любимой имъ замужней женщины, такъ какъ онъ не можетъ жениться, и не увлечь ее въ связь съ собой, причемъ и излагаетъ свои убѣжденія по этому поводу: „Любовь, какъ мы ее понимаемъ въ 1835 году, не можетъ быть поставлена въ уровень со всѣмъ тѣмъ что есть въ мірѣ самаго чистаго и прекраснаго... нынче смѣсь энтузіазма и эгоизма сообщаютъ ей у женщины совершенно особый характеръ.

Лишенные *спасительныхъ* предрасудковъ лицемѣрнаго благочестія, предоставленная самимъ себѣ въ періодъ умственнаго броженія, проникающаго, какъ попало, въ ихъ воспитаніе, онѣ тѣмъ не менѣе чувствуютъ надъ собою суровый гнетъ общественнаго мнѣнія. Это общественное мнѣніе—съ одной стороны не что иное какъ нетерпимость уродаивыхъ, холодныхъ или безчестныхъ женщинъ, а съ другой—насмѣшливое и оскорбительное порицаніе мужчинъ, которые не желая ни женщинъ благочестивыхъ, ни пока еще образованныхъ, ищутъ однако и требуютъ себѣ женщинъ преданныхъ и вѣрныхъ. Но не легко найти женщину которая въ одно и то же время обладала бы философскимъ взглядомъ и была бы цѣломудренна. Такихъ вовсе не видно, развѣ въ тѣхъ только случаяхъ когда онѣ лишены темперамента, да и то нельзя довѣряться...

„Итакъ, женщины нашего времени и необразованы, и не благочестивы, и не добродѣтельны. Нравственный переворотъ долженствовавшій преобразить ихъ согласно требованіямъ новаго мужскаго поколѣнія былъ понятъ неправильно. Женщину не хотѣли возвысить въ ея собственныхъ глазахъ, не хотѣли дать ей благородной роли и равенства, которое сдѣлало бы ее мужественно добродѣтельною.

Цѣломудріе было бы славой для свободныхъ женщинъ; для женщинъ же рабынь оно не болѣе какъ тиранія которая ихъ оскорбляетъ и бремя которое онѣ смѣло сбрасываютъ съ себя. Я не могу ихъ порицать за это. Но я не уважаю ихъ. Онѣ проиграли свое дѣло, бросившись въ раслутство во имя любви и энтузіазма, и поведеніе всѣхъ ихъ, кто бы онѣ ни были, полно безумія и неосторожности, соединенныхъ со слабостью и страхомъ. Ни разу еще мы не видѣли чтобъ изъ всѣхъ ихъ заблужденій выходило что-либо хорошее, прочное, благородное. Никогда не умѣютъ онѣ, послѣ своихъ ошибокъ, своего паденія, создать себѣ положеніе достойное уваженія. Мы видимъ, напримѣръ, что одна сначала открыто разрываетъ со свѣтомъ, а вскорѣ затѣмъ дѣлаетъ тысячи унижающихъ ее попытокъ чтобы быть принятою обратно; другая, разоривъ своего любовника, проситъ милостыню и, привыкшая къ шелковымъ платьямъ, чувствуетъ себя чрезвычайно несчастною въ лохмотьяхъ; третья, желая избѣгнуть подобныхъ бѣдъ, пускается въ развратъ, и становится хуже всякой публичной женщины; встрѣчается наконецъ

и такая,—и это вѣроятно лучшая изъ нихъ,—которая при видѣ несчастія причиненнаго ею любимому человѣку и не находитъ средотвѣ спасенія, налагаетъ на себя руки, а это въ свою очередь приводитъ только къ тому что пережившій дѣлается предметомъ всеобщей ненависти и отвращенія, если не послѣдуетъ послѣдовать примѣру своей любовницы.

„Только это я и видѣла до сихъ поръ въ романтическихъ приключеніяхъ нашей эпохи. Въ союзахъ подобнаго рода мнѣ еще никогда не случалось встрѣчать сожительства жаркаго, заслуживающаго уваженія, которому можно было бы позавидовать; сомнѣваюсь чтобы въ Франціи нашлось хотя одно подобное. Наше общество еще вполнѣ враждебно тѣмъ кто его пренебрегаетъ, а женщины чувствующія потребность свободы и ея еще недостойныя не обладаютъ силой, могуществомъ чтобы бороться противъ всего общества, бросающаго ихъ на произволъ судьбы, осуждающаго ихъ на мизеру, чтобы не сказать хуже.“

Далѣе Жоржъ Сандъ обращается съ совѣтомъ, о которомъ мы говорили выше—отказаться отъ замужней молодой женщины. „Не имѣя возможности свободно принадлежать другъ другу, вы оба, я думаю, должны чувствовать отвращеніе къ той скрытой, безчестной и нечистой связи, которая дѣлаетъ мужа отцомъ чужаго ребенка..... Оставайтесь же добродѣтельными, сдѣлайте для того все что въ вашихъ силахъ..... Очистите ваши сердца, будьте мучениками и святыми, или—бѣгите другъ друга и какъ можно скорѣе, иначе минутная слабость броситъ васъ на путь несчастія и разочарованій, среди которыхъ заглохнетъ и самая любовь Эта суровая добродѣтель будетъ, по моему мнѣнію, всего тяжелѣе для тебя, мушкетеръ; меня бы очень удивило еслибы молодая и совершенно чистая женщина не поняла всей ея прелести, всей ея поэзіи и нешла бы въ ней скорѣе гарантіи своего счастья и спокойствія. Что же касается ея благородной въ этомъ случаѣ роли и достойнаго примѣра, который она покажетъ своимъ поступкомъ, то легко понять его общее значеніе.“

Жизненные превратности не охладили въ Жоржъ Сандъ, если судить по ея письмамъ, горячей любви къ дѣтямъ; чрезвычайно озабоченная воспитаніемъ Мориса, вѣтреннымъ ея Букуарану, она слѣдитъ за его успѣхами и въ Нотанъ и издѣлки изъ Парижа, изъ-за границы, по этому предмету она

ведеть дѣятельную переписку какъ съ наставникомъ, такъ и съ ученикомъ. Она высказываетъ свои взгляды Букурару.

Между прочимъ вопросъ идетъ о параллельномъ преподаваніи исторіи и географіи..... „Мнѣ кажется что нѣсколько ускоренное изученіе этихъ предметовъ могло бы принести ему (Морису) большую пользу. Дѣло не въ томъ чтобы при его возрастѣ ожидать отъ него твердаго заломиванія фактовъ, но это единственное средство освоить его логіка съ жизненными явленіями, съ законами, войнами, разнообразіемъ нравовъ и обычаевъ, различными государственными устройствами, жизнью народовъ и ходомъ цивилизаціи. Слѣдовательно, надо трактовать науку съ болѣе высокой точки зрѣнія. вмѣсто того чтобы заставлять его молодой умъ плѣсневѣть, какъ во времена аббата Роллена, въ заучиваньи мелкихъ войнъ и исторіи незначительныхъ царей множества маленюкихъ государствъ древности, необходимо было бы резюмировать всеобщую исторію въ особомъ курсѣ по вашему плану... Въ послѣдствіи, онъ конечно ознакомится съ отдѣльными частями знанія, но это онъ пріобрѣтетъ уже чтеніемъ. Я въ теченіе пяти или шести лѣтъ дѣлала выписки о династіяхъ всѣхъ странъ міра; это—преподаваніе исторіи по способу іезуитовъ. Много разказа и ни одного разсужденія, ни одного объясненія, которое не было бы противно здравому смыслу и истинѣ. Въ моей утомленной головѣ ничего не осталось отъ этого вороха.....“ (Письмо 26 сентября 1831).

Она пишетъ длинныя письма къ сыну, находившемуся тогда въ коллегіи Генриха IV. Вотъ цѣлый нравственный кодексъ который встрѣчаемъ въ письмѣ отъ 18 іюня 1835 года:

„Трудись, будь мужественъ, будь гордъ, будь независимъ, презирай мелочныя непріятности свойственныя твоему возрасту. Береги свои силы для дѣяній и обстоятельствъ которыя будутъ того заслуживать. Это время придетъ. Если меня тогда не будетъ, думай обо мнѣ, которая и страдала, и работала не унывая. Мы похожи другъ на друга и душой и лицомъ. Я уже теперь знаю какова будетъ твоя умственная жизнь. Предвижу для тебя много глубокихъ страданій, надѣюсь для тебя много чистыхъ радостей. Береги въ себѣ сокровище сердечной доброты. Умѣй помогать безъ колебанія, терять безъ сожалѣнія, пріобрѣтать безъ вѣзости. Умѣй въ своемъ сердцѣ давать мѣсто счастью тѣхъ кого любишь,

взавѣвъ счастья котораго тебѣ будетъ не доставать! Храни надежду загробной жизни—тамъ матери вновь находятъ своихъ симвовей. Люби всѣхъ тварей Божиихъ, прощай вину несчастливцевъ, стой твердо противъ несправедливыхъ; будь преданъ тѣмъ кто великъ своею добродѣтелью, люби меня, я научу тебя многому если мы не разстанемся. Если же намъ не суждено это счастье (величайшее которое можетъ мнѣ выпасть на долю, единственное, которое заставляетъ меня желать долгой жизни)—молись за меня, и изъ лона смерти, если что-нибудь отъ меня останется въ мѣрѣ, твѣя твоей матери будетъ оберегать тебя. *Твой другъ Жоржъ.*“

Затѣмъ Жоржъ Сандъ поучаетъ своего сына, внушая ему свои взгляды, свои мысли, требуя чтобъ онъ обдумывалъ ихъ и давалъ ей отвѣты. Замѣчательно ея желаніе чтобъ ихъ переписка оставалась тайной и отъ отца, и отъ всѣхъ въ коллѣжѣ, чтобъ онъ никому не передавалъ ничего изъ того что она ему сообщала. Поученія ея менѣе всего соответствуютъ возрасту ея сына, тогда еще двѣнадцатилѣтняго мальчика. Изъ писемъ видно однако что она успѣла вбить кое-что въ голову ребенку. Ребенокъ конечно понимаетъ по-своему, не то, не такъ какъ желательно его матери, употребляетъ выраженія странно и неестественно звучація фразами въ его дѣтскомъ лепетѣ. Морисъ по классу былъ товарищемъ герцога Монпансье и бывалъ даже приглашаемъ въ королевскую семью. Странно какъ женщина съ умомъ Жоржъ Сандъ, правда крайне парадоксальнымъ, могла вести такія неразумныя рѣчи съ сыномъ:

„Твое письмо очень мило (письмо къ Морису Людевану 15 декабря 1835), несмотря на его ребячество. Ты можешь смѣяться надъ *Грушей* (извѣстное прозвище короля Лудовика-Филиппа, данное ему вслѣдствіе своеобразной формы его головы), если это тебя занимаетъ: но не надо ни къ кому имѣть ненависти въ твой возрастъ. Это ни къ чему не служить: ты не можешь еще сдѣлать никакого добра людямъ, никакого зла врагамъ человѣчества. Совершенно вѣрно что Лудовикъ-Филиппъ—врагъ человѣчества; но ты очень ошибаешься, называя его *круглымъ дуракомъ*. Онъ, напротивъ, можетъ-быть самый тонкій и ловкій человекъ во всей Франціи. Къ несчастію, онъ употребляетъ свои дарованія во зло и, вмѣсто того чтобы вокругъ себя распространять

любовь къ добродѣтели, онъ безчеститъ все его окружающее; онъ дѣйствительно безчеститъ Францію, которая его терпитъ. Большое несчастье видѣть какъ одинъ человѣкъ, по-творствуя порокамъ и дурнымъ наклонностямъ, можетъ нравственно испортить цѣлую націю и вовлечь ее во зло.

„Ты разсуждаешь впрочемъ хорошо (?), но дѣлаешь еще одну ошибку, говоря: „Природа была несправедлива къ значительной части человечества“, ты хочешь сказать *общество*.

„Природа—добрая мать, это—Богъ или Его твореніе; она даетъ намъ жатву, дѣса, плоды, дуга, эти прекрасные цвѣты, которые я такъ люблю, и тѣхъ прелестныхъ бабочекъ которыми ты такъ занимаешься. Природа сама предлагаетъ всѣ свои произведенія человѣку съящему и собирающему... *Общество*—дѣло иное: это—условіе заключенное между людьми для дѣлажа произведеній природы; но законы эти продиктованы не чувствомъ справедливости, а силой. Слабые получили меньше другихъ, немощные не получили ничего... Въ цивилизованныя эпохи, какъ наша на примѣръ, болѣе образованные и искусные разбогатѣли, но не стали отъ того лучше. Неграмотные бѣднаки всегда были и будутъ въ самой ужасной нищетѣ если для нихъ ничего не будетъ сдѣлано...“ Она предостерегаетъ сына отъ „излишней любви къ самому себѣ“.—„Въ однихъ она порождаетъ страсть къ титуламъ, въ высокому положенію, въ другихъ—страсть къ деньгамъ, почти во всѣхъ—эгоизмъ. Ни въ какой вѣкъ эгоизмъ не царилъ столь возмутительно какъ въ нашъ.“ Далѣе въ письмѣ говорится о революціи 1789 года. „Тѣ кто ее началъ оказались не изъ самыхъ сильныхъ и многочисленныхъ и были побѣждены тѣми кто, любя богатство и удовольствія, прикрылись словомъ *республика* только для того чтобы сдѣлаться самимъ вельможами полными пороковъ. Они захватили власть въ свои руки... Народъ слабъ вслѣдствіе своей необразованности. Пойми какъ велики преимущества и необходимость образованія; безъ него люди живутъ почти въ работѣ, такъ какъ и честный, разумный, трезвый крестьянинъ находится въ зависимости отъ злаго, пьянаго, грубаго, несправедливаго человѣка только потому что онъ умѣетъ читать и писать. Взгляни что такое человѣкъ не улучшенный образованіемъ. Взгляни какъ виновенъ предъ Богомъ тотъ кто, хорошо зная несчастья и нужду своихъ ближнихъ и имѣя возможность посвятить свое сердце и свою

жизнь дѣлаю помощи имъ, споконно засыпаетъ каждый вечеръ въ своей мягкой постели или плотно набиваетъ желудокъ за роскошнымъ столомъ, говоря себѣ: „все хорошо... справедливо что я богатъ и что есть на свѣтѣ бѣдные“... Вотъ разсужденія эгоиста... Я не желаю чтобы ты былъ однимъ изъ такихъ людей.... Миѣ кажется что земля принадлежитъ Богу, который ее создалъ и довѣрилъ людямъ для того чтобы она служила имъ вѣчнымъ убѣжищемъ. Но не могло быть въ Его намѣреніяхъ чтобы одинъ изъ нихъ умирали отъ излешесивъ, а другіе—отъ голода. Все что бы ни говорили на этому поводу не заглушить во мнѣ горя и гнѣва при видѣ нищаго плачущаго у дверей богача...“

„Такъ ты (лишеть она сыну 17 февраля 1836) бывашь въ королевѣ? Это хорошо, ты еще слишкомъ юнъ чтобы это могло имѣть для тебя какія-нибудь серьезныя послѣдствія; однако чѣмъ старше будешь становиться тѣмъ надо будетъ тебѣ больше обдумывать то что ведетъ за собою обличеніе съ аристократами. Я конечно увѣрена что ты не въ очель дружескихъ отношеній съ ея величествомъ и получаешь приглашенія единственно отъ того что принадлежишь къ классу герцога Монпансье. Но еслибы тебѣ было десятью годами больше, то убѣжденія твои не дозволили бы тебѣ пользоваться этимъ приглашеніями.“

„Ни въ какомъ случаѣ не свѣдуетъ притворствомъ добиваться милостей власти, а тѣ удовольствія которыя тебѣ доставляетъ герцогъ Монпансье суть уже милости. Подумай о томъ! Къ счастью они тебя ни къ чему не облавывають, но еслибы случилось что при немъ тебя спросили бы о твоихъ мнѣніяхъ, ты, надѣюсь, отвѣтилъ бы какъ прилично ребенку, что у тебя еще цѣль не можетъ быть; не я увѣрена, прибавилъ бы, какъ прилично мушкетѣ, что ты республиканецъ по рожденію и по натурѣ, то-есть что тебя уже научили желать равенства и свое сердце почувствуетъ только одной этой справедливости. Я думаю что тебя не оставитъ страхъ сдѣлать неудобное привѣду. Еслибы изъ-за обѣда или бала ты былъ способенъ льстить ему или только болтаться ему не понравиться своею откровенностью, то это было бы большою низостью.“

„Однако не надо и никакой неуфотной заносчивости. Еслибы ты при этомъ мальчикъ сказалъ что-нибудь дурное объ его отцѣ, то это было бы преступленіемъ. Но еслибы

для того чтобы заслужить хорошее мнение принца о себе ты стааь хвалить его отца, зная что кромѣ другаго ничего сказать нельзя, то ты была бы способна продать свою совесть за деньги, удовольствія над чѣмъ-либо удовлетворяющее твое тщеславіе. Я знаю что этого не случится, но обязана указать тебе на неудобство сношенія съ тѣми кто считают себя выше другихъ и кому, дѣйствительно, общество вручило власть надъ нами.

„Остерегайся думать чтобы мнѣнія принцевъ были лучше и болѣе приносили пользы чѣмъ мнѣнія другихъ людей. Напротивъ, это наши естественные враги, и какимъ бы самъ по себѣ хорошимъ ни былъ сынъ короля, онъ предназначенъ быть тираномъ, а мы осуждены на то чтобы быть унижены, оттолкнуты и преслѣдуемы имъ...

„Такъ не увлекайся же слишкомъ хорошими обѣдами и бѣдами. Будь съ этихъ лѣтъ *врагомъ Рицциниковъ*, т. е. гордымъ, безразумнымъ, врагомъ удовольствій которыя приобретаются цѣной чести и искренности.“

Около этого времени сочиненія Жоржа Сандъ привлекали къ ней симпатію сенсимонистовъ. Она достигла заданія ихъ писательницы, которая начинала уже приобретать значительность. Принявъ съ благодарностью дружескія заявленія послѣдователей догматъ ученія, Жоржъ Сандъ однако не вступила въ ихъ ряды, какъ о томъ ясно говоритъ письмо адресованное ей „Парижской семьѣ сенсимонистовъ“ (15 февраля 1836 года). Письмо это, написанное языкомъ фразистымъ и торжественнымъ, каковой она какъ бы считала необходимымъ избрать для обращенія къ аделтамъ Сенъ-Симона и Анфантена, заключаетъ въ себѣ прямой отказъ принять активное участіе въ новой проповѣди.... „Вы выражаете мнѣ симпатію и расцѣлованіе полныя очаровательной доброты. Я не заслужила вашего вниманія и ничего не сдѣлала чѣмъ бы заслужила эту честь. Я не принадлежу къ числу тѣхъ сильныхъ и испытанныхъ душъ которыя объявляютъ клятвой вступить на новый жизненный путь... Вы — жрецы, священники, мы (то-есть республиканцы) — солдаты: у каждаго свое дѣло, у каждаго свое величіе и свои слабости. Священникъ иногда страшится водительства вѣтерлиivosti солдата, солдатъ въ свою очередь насмѣхается надъ кроткимъ долготерпѣніемъ священника. Станемъ спокойно взглянуть на будущее. Вместе преклонимъ мы колѣна предъ

однимъ и тѣмъ же Богомъ и соединимъ. наши руки во святомъ порывѣ энтузіазма въ тотъ день когда восторжеству-
 етъ истина. Истина едина. Это время еще далеко, предъ нами
 еще цѣлыя столѣтія въ продолженіе которыхъ будетъ ца-
 рить порокъ, и если вашей священной фалангѣ придется ча-
 сто быть гласомъ волюющаго въ пустынѣ, то мы вѣ-
 роятно не разъ будемъ переходить *Чермное Море* и вновь бо-
 роться со стихіями даже и тогда когда, казалось бы, мы уже
 одержали надъ ними верхъ. Удѣлъ человѣчества искупать
 бѣдствіями и испытаніями вину невѣжества и слабости. Ваша
 же миссія—воодушевлять его совѣтомъ и поддерживать въ
 немъ единеніе и надежду. Исполняйте же эту священную за-
 дачу и знайте что ваши братья—люди не прошлаго, а буду-
 щаго... Что же касается меня, то я, брошенная одинокою въ
 толлу, нѣчто въ родѣ ралсода, предавнаго охранителя вос-
 торговъ древняго Платона, простертая въ безмолвномъ обо-
 жаніи предъ слезами Христа, изумленная поклонница вели-
 каго Спинозы, нѣчто въ родѣ страдающаго и незначащаго
 существа называемаго лѣстомъ, не умѣющаго выражать свое
 убѣжденіе или указывать иначе какъ въ формѣ повѣсти или
 жалобы на то что есть хорошаго или дурнаго въ человѣче-
 ствѣ, я чувствую что не могу быть ни солдатомъ, ни священ-
 никомъ, ни учителемъ, ни ученикомъ, ни пророкомъ, ни апо-
 столемъ: для всѣхъ я буду братомъ слабымъ, но предавнымъ;
 я не обладаю никакими познаніями, не могу ничему научить;
 я не обладаю силой, не могу ничего исполнить. Я могу
 только вослѣвовать святую волю и святой миръ, потому что
 сознаю необходимость и той и другаго. Моя голова лѣста
 полна мечтаніями о гомерическихъ битвахъ, на которыя я
 съ трепещущимъ сердцемъзираю съ высоты горъ или куда
 кидаюсь подъ ноги лошадей, ольпанная энтузіазмомъ и
 чувствомъ мщенія. Потомъ я мечтаю о новомъ днѣ послѣ
 бури, о чудномъ солнечномъ восходѣ, о воздвигнутыхъ по-
 всюду алтаряхъ украшенныхъ цвѣтами, о законодателяхъ въ
 оливковыхъ вѣвкахъ, о возстановленномъ человѣческомъ до-
 стоинствѣ, о мушнѣ освобожденномъ отъ деспотизма му-
 щины и о женщинѣ избавленной отъ тирании женщины.
 бѣ олекѣ любви священника надъ мущиной, олекѣ любви
 мущины надъ женщиной... Въ ожиданіи этого я буду вослѣ-
 вать, насколько мнѣ дано силы; мои лоученія будутъ скром-
 ны, такъ какъ я—дитя моего вѣка, я извѣдала всѣ его стра-

данія, раздѣляла всѣ заблужденія, пила изо всѣхъ его источниковъ жизни и смерти, и если я пламеннѣе чѣмъ масса жажду ея спасенія, то все же не болѣе просвѣщена чѣмъ она и не могу научить истинному пути... Мое призваніе ненавидѣть зло, любить добро, преклоняться предъ прекраснымъ... Считайте же меня искреннимъ другомъ, откройте мнѣ ваши сердца и не вызывайте къ моему уму, къ моей головѣ. Ми-первы вѣтъ въ ней и не выйдетъ она изъ нея...“

Вмѣстѣ съ тѣмъ Жоржъ Сандъ совершенно расходится съ „крайними“ „...Я, пишетъ она Геру, въ мартѣ 1836 года, говорила съ севсимонистами, карлистами, съ Ламенне, Куассономъ, съ людьми золотой середины, и вчера бесѣдовала съ самимъ Робеспьеромъ. Во всѣхъ этихъ людяхъ я нашла много честности, ума и разсудительности, но сильнѣе всѣхъ подѣйствовалъ на меня тотъ чьи убѣжденія я ненавижу болѣе всего.... Это именно послѣдній, изъ чего можно видѣть какъ легко вводить людей въ заблужденіе и злоупотреблять Божьимъ даромъ; но я клянусь предъ нимъ что если крайняя лѣвая захватитъ власть, то и моя голова уладеть, какъ уладутъ головы многихъ другихъ, потому что я молчать не буду...“

Въ ней замѣтны противорѣчія; ея взгляды, вообще хотя и имѣющіе извѣстную окраску, не составляютъ однако вполнѣ связнаго цѣлаго; это зданіе не совсѣмъ стройное, детали въ немъ не гармонируютъ. У нея преобладаютъ чувства и за то, по чувству, она всегда и оставалась неизмѣнно, непоколебимо вѣрною руководившему ею въ жизни и вдохновлявшему ее началу—человѣчности.

Сама она говоритъ о себѣ (письмо гжѣ ***, іюль 1833.) „...Я вполнѣ женщина по своей необразованности, безсвязности мысли, положительному отсутствію логики. Вы замѣтили вѣрно — у меня нѣтъ ни точности, ни послѣдовательности; повѣрьте, въ этомъ нѣтъ никакого признака высшего ума, это немощность натуры бѣдной способностями... Я ничему не училась, ничего не знаю, даже своего роднаго языка. Въ моей головѣ такъ мало яснаго, опредѣленнаго, что я никогда не умѣла справиться съ простѣйшею ариѣтической задачей... Я живу только ощущеніями, а не волей...“

„...Я, пишетъ она Дюверне, 15 октября 1834, мирюсь съ каждымъ характеромъ каковъ онъ есть, такъ какъ не думаю чтобы человѣкъ былъ въ состояніи передѣлать своей темле-

раментъ, чтобы нервный могъ стать саргановикомъ, или желу-
ный—превратиться въ лимфатическаго. По моему мнѣнію ваша
привычка, имѣть образъ жизни вдовѣ зависать отъ вашей
финансовой организаціи, и я никому не поставлю въ виду
сходства или несходства со мной....“

Жоржъ Сандъ, несмотря на все ея желаніе, подданно-
му искреннее, не удалось „остаться въ тѣни“; ея гражда-
ный талантъ быстро доставилъ ей извѣстность; слава уже
слетала для нея неуважимый вѣнокъ, но она все же
радуется этому „...Успѣхъ *Индіана* меня сильно лугаетъ
(къ Дюверне, 6 іюля 1832 года). До сихъ поръ я думала
работать, не привлекая на себя ни малѣйшаго вниманія.
Судьба рѣшила иначе. Теперь надо будетъ стараться опрѣ-
дѣлить тѣ наислаженнѣе восторги предметомъ которыхъ я
сдѣлалась. Страшно, это какъ-то отбиваетъ у меня охоту къ
моему ремеслу и будто отнимаетъ всякое удовольствіе пи-
сать....“

Слава даже тяготитъ ее. „...Не ищите моего знакомства,
отвѣчаетъ она (писательница) Кларъ Брюнъ (въ май 1835),
похвалы смущаютъ меня, производятъ на меня непріятное
впечатаніе. Я чувствую что не заслуживаю ихъ. Я показав-
лась бы холодною и, безъ сомнѣнія, не понравилась бы вамъ,
какъ не понравилась многимъ, внушавшимъ мнѣ близкое
чувство, несмотря на все мои усилія выразить имъ свою
благодарность. Этотъ любознательный, строгій и требователь-
ный взглядъ, которымъ меня удостоиваетъ снѣтъ, служившій
мнѣ наказаніемъ за мою ни на чемъ не основанную ску-
чную знаменитость....“

Понятно что извѣстность принесла ей и деньги. Теперь
уже дѣло идетъ не „о семи франкахъ за столбца“. „...За
свѣдующій романъ я получаю четыре тысячи франковъ. Это
больше чѣмъ я желала,—я вѣдь глуховата на этотъ счетъ.
Revue de Paris и *Revue des Deux Mondes* оспариваютъ другъ
у друга мой трудъ. Я продаюсь *Revue des Deux Mondes*“ (къ
Ж. Букуарану, 20 декабря 1832).

Браню она пишетъ что работа доставляетъ ей много де-
негъ. Но за то она и работала не мало, случалось по 12 на-
совъ сразу, среднимъ числомъ по 7—8 часовъ въ день
(г. Шеллеронъ, 16 марта 1834). Но тутъ же она выражаетъ
желаніе быть свободною хоть одинъ годъ, который ей хотѣ-
лось бы посвятить изученію замѣчательнѣйшихъ произвѣ-

ведений иностранныхъ литературъ, которыя она или „знаетъ мало, или вовсе не знаетъ“.

Средства даютъ ей возможность совершать заграничныя путешествія, она начала съ Венеціи. Венецію она такъ любила что желала бы остаться тамъ, еслибы не ея дѣти.

Оттуда, между прочимъ, она пишетъ Букурару (6 апрѣля 1834): „...Альфредъ (Миросе) уѣхалъ въ Парижъ, а я осталась здесь въ некоторое время. Она была еще слишкомъ слаба для такого продолжительнаго путешествія, и я безсмысленно, какъ онъ его перенесетъ; но оставаться тутъ было для него вреднѣе чѣмъ уѣхать; каждый день только отдавая, а не приближая облегченіе, и онъ наконецъ отправился подъ присмотромъ своего очень заботливаго и преданнаго слуги. Докторъ (Паджелло) ручается мнѣ за его грудь, если только онъ будетъ ее беречь, но я не очень спокойна. Мы расстались, можетъ-быть, на нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ-быть навсегда. Богъ знаетъ что теперь будетъ съ моею головою, моимъ сердцемъ. Я чувствую въ себѣ достаточно силы чтобы жить, работать, страдать...“

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя (31 августа 1834) она пишетъ Букурару, изъ Ногана, писъмо полное отчаянія: „Я пришла очень утомленная и больная, теперь мнѣ гуниче... Я такъ рада вновь быть здесь, куда возвратилась чтобы проститься съ родиной, со всеми воспоминаніями юности и дѣтства, потому что—вы должны понять—жизнь мнѣ отвратительна, невыносима, и я во что бы то ни стало хочу скоро покончить съ собой... Мнѣ надо будетъ обо многомъ переговорить съ вами и поручить вамъ исполненіе моей послѣдней воли. Не читайте мнѣ повѣстей раньше времени. Какъ только мы переговоримъ съ вами, какъ только вы увидите въ какомъ состояніи моя голова и мое сердце, вы увидите со мной что я пытаюсь жить изъ одной лишь трусости, тогда какъ я должна уже была бы покончить... Прощайте, другъ мой.... Хотите сказать моему хозяину что я оставляю квартиру за собой. Стоитъ ли мѣшать для того краткаго времени которое мнѣ осталось пробыть на этомъ свѣтѣ?“

Изъ 145 писемъ составляющихъ первый томъ, мы привели тѣ которыя намъ кажутся наиболѣе обрисовывающими нравственную физиономію знаменитой писательницы за указанный въ началѣ нашего очерка періодъ времени; осталь-

ныя письма не прибавляютъ ничего къ этой характеристикѣ. Они адресованы, по большей части, къ тѣмъ же самымъ лицамъ, за исключеніемъ немногихъ новыхъ, въ числѣ которыхъ встрѣчается пока только одна, собственно „знаменитость“, Францъ Листъ; но ему она пишетъ преимущественно о своихъ личныхъ дѣлахъ, о началѣ ея разводѣ съ мужемъ, о тогдашней подружкѣ великаго артиста графинѣ д'Агу. Она уже знакома и дружна съ Мейерберомъ, Гейне, знаетъ Ламартина, Сенъ Бѣва и т. д., но въ разсмотрѣнномъ нами томѣ вѣтъ ея писемъ къ нимъ.

N.

VII.

Книжныя новости.

Въ Петербургѣ вышли въ свѣтъ слѣдующія книги:

Дни богослуженія Православной Восточной Церкви. Т. I. Изданіе 7е. 8 д. л.

Протоіерей Соколовъ. *Начальное наставленіе въ православной христіанской вѣрѣ.* Изданіе 26е. 148 стр. 7 д. л.

Космографія сиречь описаніе всего свѣта земель и государствъ великихъ. Изданіе Общества Любителей Древней Писменности. 92 † 449 † LX стр. 8 д. л.

Вл. Назаревскій. *Изданія Общества Любителей Древней Писменности на Всероссийской Выставкѣ 1882 года въ Москвѣ.* Отгискъ статьи изъ № 201 *Правительственнаго Вѣстника* 1882 года. 23 стр. 12 д. л.

Приказы генерала М. Д. Скобелева. (1876—1882). I. Приказы по войскамъ Ферганской области. II. Приказы по 16й пѣхотной дивизіи. III. Приказы по авангарду дѣйствующей арміи. IV. Приказы по 4му армейскому корпусу (1878—79.). V. Приказы по войскамъ дѣйствующимъ въ Закаспійскомъ краѣ (1880—1881.). VI. Приказы по 4му армейскому корпусу.

Генералъ-адъютантъ М. Д. Скобелевъ. Краткое жизнеописаніе. Изданіе редакціи журнала *Чтеніе для солдатъ.* 36 стр. 8 д. л.

М. Д. Скобелевъ. Изданіе редакціи журнала *Досугъ и Дѣло.* 50 стр. 8 д. л.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ его поэзіи. Первый и второй періоды жизни и дѣятельности (1799—1826). Сочиненіе А. Незеленова. 248 стр. 8 д. л.

- Европейскіе писатели и мыслители. VI В. Гюго. Изданіе*
В. В. Чуйко. 191 стр. 8 д. л.
- Европейскіе писатели и мыслители. VII Ласоаль. Изданіе*
В. В. Чуйко. 147 стр. 12 д. л.
- Русскія Народныя Бялныя. Въ двухъ частяхъ. 8 д. л.*
- Разказы Андрея Печерскаго. (П. И. Мельникова). Изданіе*
второе. 408 стр. 8 д. л.
- Сочиненія Генриха Гейне въ переводѣ русскыхъ писателей*
подъ редакціей Петра Вейнберга. Томъ девятый 338 стр. 12
д. л. Томъ десятый. 460 стр. 12 д. л. Изданіе второе.
- Полное собраніе сочиненій О. М. Достоевскаго. Томъ девя-*
тый. Подростокъ, романъ въ трехъ частяхъ. 544 стр. 8 д. л.
- Дора Россель. Слѣды на снѣгу. Франкъ Барретъ. Спра-*
танное Золото. 236 + 124 стр. 8 д. л.
- Жюль Вернь. Паровой Дожь. 376 стр. 8 д. л.*
- Джерардъ. Чтѣ въ имени тебѣ моему 480 стр. 8 д. л.*
- Герцогъ де-Помаръ. Тайный бракъ и его послѣдствія. 458*
стр. 8 д. л.
- Квасье де-Монтепень. Дебютантка. Альберъ Дельви. Сыны*
Коралии. 189 стр. + 196 стр. 8 д. л.
- Гринъ. Дѣло по убійству Лисенворта. 360 стр. 8 д. л.*
- Аббать Жакъ. Вѣроотступникъ. Февъ. Водолазъ. 208 стр.*
+ 240 стр. 8 д. л.
- Бернаръ Деровъ. Залогильная Местъ. 652 стр. 8 д. л.*
- Ига. Ходзько. Дневникъ монаха Бернардина. Съ польскаго.*
Изданіе Вл. И. Веселовскаго. 280 стр. 12 д. л.
- Некедужанъ-Ханъль. Поэма М. И. Хрущевой. 39 стр.*
8 д. л.
- Демонъ. Фантастическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ. Слова*
по Лермонтову, съ сохраненіемъ многихъ оригинальныхъ
стиховъ. Музыка А. Г. Рубинштейна. 46 стр. 12 д. л.
- М. Малеонскій. Кандидатъ священства. Повѣсть изъ быта*
духовенства. 241 стр. 8 д. л.
- Обитатель львовъ. Разказы изъ жизни въ Америкѣ Габріела*
Ферри. Переводъ Н. Делпиша. Изданіе второе. 542 стр.
8 д. л.
- Одноголосныя дѣтскія пѣсни и подвижныя игры съ русски-*
ми народными мелодіями. Для народныхъ школъ, дѣтскихъ
садовъ и низшихъ классовъ гимназій. Съ аккомпаниментомъ
для фортепіано. Музыка А. И. Рубца. 4е дополненное
изданіе. Составила Е. Водовозова. 44 стр. въ 8 д. л.

Разказы изъ народной жизни: Для дѣтей младшаго возраста. Съ картинками, рисованными М. Скудновымъ. Н. Карловичъ: 48 стр. 12 д. л.

Живописная Россія. Отечество наше въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи. Подъ общію редакціей П. Н. Семенова. Томъ третій. Часть первая. Литовское полѣсье. Со 113 рисунками въ текстѣ и 15ю отдельными картинками, рѣзанными на деревѣ. Часть вторая. Вѣлорусское полѣсье. Со 80ю рисунками въ текстѣ и 11ю отдельными картинками, рѣзанными на деревѣ. 490 стр. 2 д. л.

Гражданское управленіе въ Болгаріи въ 1877—1879 годахъ. Дмитрія Георгіевскаго 65 стр. 8 д. л.

Историческія монографіи и изслѣдованія Николая Ковтоларова. Томъ пятнадцатый. Ружа. Историческая монографія 1663—1687. 695 ꙗ X стр. 8 д. л.

Основанія научныхъ государственнѣхъ строеній и Польскій вопросъ К. Л. Лухтанскаго. 422 стр. 8 д. л.

Фридрихъ Великій. Лекціи по исторіи военного искусства, читанныя въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба профессоромъ полковникомъ Н. Н. Сухотинымъ. 264 стр. 8 д. л.

Евреи-Реформаторы. „Новый Израиль“ и „Духовно-библейское братство“. Опытъ социальнo-религіозной реформы еврейства и новой постановки Еврейскаго вопроса въ Россіи. Сочиненіе Эммануэль-бекъ-Сіона. 155 стр. 8 д. л.

Уставъ коллегіи Императора Александра II для студентовъ С.-Петербургскаго университета учрежденной С. С. Нюлковымъ. 8 д. л.

Краткій отчетъ по постройкѣ зданія коллегіи Императора Александра II для студентовъ С.-Петербургскаго университета. Составилъ Н. Анничковъ. 48 стр. 4 д. л.

Германъ Лотце. Основанія практической философіи. Перевелъ съ нѣмецкаго Я. Огусъ.

Соціологическіе Очерки. Основы народничества. З. Юзова. 324 стр. 8 д. л.

Извѣстія миноваго офицерскаго класса. Редакторъ лейтенантъ А. Смирновъ 2я 1882 г. 6 выпускъ. 8 д. л.

Физико-географическій очеркъ Балтійскаго моря. Перевелъ съ нѣмецкаго В. Ивановъ. 81 стр. 8 д. л.

О лучшихъ походныхъ и боевыхъ строяхъ современнѣхъ

Флотосъ. Капитана корвета итальянскаго флота Карла Грилло. Съ итальянскаго перевелъ Г. К. Лилленфельдъ. 134 стр. 8 д. л.

Изслѣдованіе о выдѣлѣ преступниковъ. А. Штутлица. 227 стр. 8 д. л.

Производство кирпича. Съ 54мя рисунками на деревѣ по-литалійски и съ тремя таблицами чертежей. 67 стр. 8 д. л.

Перегрузка и храненіе алъбнаго зѣрня. Перегрузка каменнаго угля. Н. Петровъ. Съ 7 таблицами чертежей. 143 стр. 8 д. л.

Практическое руководство для полковых судовъ военнаго въ-домства и бригадныхъ судовъ пограничной стражи. Часть II. Судоустройство и судопроизводство. Составилъ полковникъ Щербаковъ. 93 стр. 8 д. л.

Департаментъ Земледѣлія и Сѣльской Промышленности. 1882 годъ въ сельскохозяиственной отѣшеки по отвѣтамъ полученнымъ отъ хозіевъ за лѣтній періодъ. Съ двумя раскрашенными картинами. 136 стр. 8 д. л.

Револьверы системы Смитъ-Вессона состоящія на воору-женіи русскаго войска. Съ приложеніями, чертежами и политиліями. Составилъ М. Элихинъ. 152 стр. 8 д. л.

Н. Принцъ. *О судебной эмеритурѣ.* 64 стр. 8 д. л.

Краткія повторительный курсъ частной патологіи и терапіи, составленныя по лекціямъ профессорвъ Медицинской Академіи. Часть I. 238 стр. ч. II. 212 стр. 12 д. л.

Руководство къ изученію зубныхъ болѣзней. Дг. медицины и хирургіи Юлія Шеффа. Переводъ съ нѣмецкаго Дг. М. Вишневекаго. 274 стр. 8 д. л.

Дг. Н. Fritsch. *Женскія болѣзни.* Руководство для студентовъ и врачей. Переводъ съ нѣмецкаго Дг. С. Б. Орѣкина, подъ редакціей профессора К. Ф. Оляянскаго. 424 стр. 8 д. л.

Календарь для врачей въсѣхъ вѣдомствъ на 1883 годъ. Изда-ніе доктора Торолова и книгопродавца К. Риккера. 269 стр. 12 д. л.

Аптечка-самопомощь (въ отсутствіи врача). I. Средства выдаваемыя изъ аптеки безъ рецепта, ихъ прижъвеніе. II. Вода и ледъ у постели больнаго. III. Признаки отравленій и домашнія противоядія. Составилъ М. И. Зусмановичъ. 30 стр. 8 д. л.

Руководство къ гигиеническимъ способамъ изслѣдованія. Дг. медицины К. Флюгге. Переводъ съ нѣмецкаго съ измѣненіями

и дополненіями, подъ редакціей Др. М. Н. Шмелева. Выпускъ четвертый. 8 д. л.

Положеніе земско-медицинскаго дѣла, эпидеміи и состояніе оспопрививанія въ С.-Петербургской губерніи въ 1881 году. Доклады земскихъ врачей третьему санитарному сѣзду СПБ. губерніи. 153 стр. 8 д. л.

Руководство къ анатоміи человѣческаго тѣла съ указаніемъ на физиологическія основанія и практическія примѣненія ея. Сочиненіе Іосифа Гиртля. Второе изданіе. Переводъ Бориса Явпольскаго. 816 стр. 8 д. л.

Учебникъ патологической анатоміи. Профессора Н. П. Иванова. Выпускъ II. стр. 177—320.

—
Въ Москвѣ изданы книги:

Толкованіе перваго посланія Св. апостола Павла къ Коринѳянамъ. Епископа Теофава. 571 стр. 8 д. л.

Толкованіе втораго посланія Св. апостола Павла къ Коринѳянамъ. Епископа Теофава. 410 стр. въ 8 д. л.

Путь ко спасенію. 144 стр. 18 д. л.

Священная исторія Новаго Завета въ объемѣ гимназическаго курса. Протоіерея Петра Смирнова. Изданіе второе исправленное. 168 стр. 8 д. л.

Экспедиція въ Китай 1874—75. Генеральнаго штаба полковника Ю. А. Сосновскаго. Томъ первый. Часть I, съ картой. 894 стр. 8 д. л.

М. Веряъ. Современная Японія. (Изъ записки книжки моряка.) Часть 1я. По пути въ Японию. Часть 2я. Японія. 100 стр. + 146 стр. 8 д. л.

Сочиненія В. Бѣлинскаго. Часть двѣнадцатая. Изданіе четвертое. 624 стр. 8 д. л.

Во святой обители. Историческій романъ изъ временъ Петра Великаго. Н. А. Чмырева. 453 стр. 8 д. л.

Сочиненія Г. А. Гусева. Томъ первый. 8 д. л.

Послѣ урока. Разказы для дѣтей. Со многими рисунками. Изданіе Гласовой. 156 стр. 8 д. л.

Букварь дѣдушки Прокофья. Разказъ для дѣтей. Соч. А. Голицынскаго. 125 стр. 12 д. л.

Жизнь и приключенія Робинзона Крузо. Съ 11ю политическими въ текстѣ. 188 стр. 12 д. л.

Не стыдись наслѣшковъ. Съ англійскаго. Изданіе Общества Распространенія Полезныхъ Книгъ. 15 стр. 32 д. л.

Сказка о серебряномъ блюдѣ и налимьихъ яблокахъ. А.

Изержинъ. Изданіе Общества Распространенія Полезныхъ Книгъ. 30 стр. 32 д. л.

Маленькій Длнѣтѣй. Съ англійскаго. Изданіе Общества Распространенія Полезныхъ Книгъ. Изданіе третье. 15 стр. 32 д. л.

Послѣдствія перваго проступка. Переводъ съ англійскаго 104 стр. 8 д. л.

Разказы о русскихъ самоучкахъ. Волосковъ, Печавъ, Сабуровъ, Замысловъ. Составилъ В. Г. Вашикинъ. Изданіе третье. 36 стр. 6 д. л.

Статьи о русскихъ сельскихъ воздѣлатель, его недостаткахъ и мѣрахъ къ его усовершенствованію 1857 — 1882. И. А. Стебута. 362 стр. 8 д. л.

Спутникъ механика. Практическое изложеніе механическихъ и физическихъ силъ въ примѣненіи къ паровымъ, водянымъ, вѣтрянымъ, живымъ, воздушнымъ, электромагнитнымъ и химическимъ приемникамъ движенія; а также описаніе машинъ и аппаратовъ разнаго рода. Составили инженеры Бромскій и Скаловъ. 170 рисунковъ въ текствѣ. 316 стр. 8 д. л.

Экономія топлива въ паровыхъ машинахъ въ періодѣ деуазъ столѣтій. Изв. Туме. 110 стр. 8 д. л.

Л. В. Ходскій. *Поземельный кредитъ въ Россіи и отношеніе его къ крестьянскому землевладенію.* 295 стр. 8 д. л.

Руководство къ изученію хирургическихъ повязокъ. Десмургія. Составилъ А. А. Бобровъ. Со 118 рисунками. 182 стр. 8 д. л.

Въ Казани изданы книги:

О вліяніи еврейства на Чувашъ. Опытъ объясненія нѣкоторыхъ чувашскихъ словъ. Протоіерея Евфимія Малова. 28 стр. 8 д. л.

Исторія древней русской словесности. И. Порфирьева. Сокращено по 3му изданію. 363 стр. 8 д. л.

Дѣянія вселенскихъ соборовъ, изданныя въ русскомъ переводѣ при Казанской Духовной Академіи. Томъ шестой. Изданіе второе. 321 стр. 8 д. л.

Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ. Труды студентовъ миссіонерскаго противомусульманскаго отдѣленія при Казанской Духовной Академіи. Выпускъ XVI. 263 стр. 8 д. л.

Систематическій указатель статей находящихся въ разныхъ духовныхъ журналахъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ

по предмету Свѣдѣна. Писанія Вѣтхаго и Новаго Завета. Въ двухъ частяхъ. Часть I, выпускъ 4й. Составилъ И. Златошскій. 182 стр. 8 д. л.

Ученіе Вѣтхаго Завета о безсмертіи души и загробной жизни. Исслѣдованіе П. Юнгера. XI+184 стр. 8 д. л.

Въ Могилевѣ-на-Двѣпрѣ:

Опытъ описанія Могилевской губерніи въ историческомъ, физико-географическомъ, этнографическомъ, промышленномъ, сельско-хозяйственномъ, лѣсномъ, учебномъ, медицинскомъ и статистическомъ отношеніяхъ, съ двумя картами губерніи и 17 рѣзанными на деревѣ гравюрами видовъ и таловъ. Въ трехъ книгахъ. Составленъ подъ редакціей А. С. Дембовецкаго. Книга I, 782 стр. 8 д. л.

Въ Кіевѣ:

Образцы русской церковной проповѣди XIX вѣка. Составилъ священникъ М. А. Поторживскій. 730 стр. 8 д. л.

Таблица русскихъ склоненій правильныхъ и неправильныхъ. Составилъ С. Шафрановъ. Изданіе второе.

О способности некоторыхъ глазъ противостоять глубокимъ перепадамъ. Изъ практики земскаго врача П. С. Евсѣенко. Съ рисунками. 46 стр. 12 д. л.

Учебникъ клинической и оперативной хирургіи. Д-р. Эдуарда Альберта, профессора хирургіи въ Вѣнѣ. Переводъ со втораго нѣмецкаго изданія, подъ редакціей и съ примѣчаніями А. С. Яценка и А. К. Флейшера. Томъ I. Хирургическія болѣзни головы и шеи. Со 132 рисунками.

Способы возраженій принятымъ русскою прессой. Периодическая печать и желѣзнодорожное дѣло. А. Бородина. 36 стр. 8 д. л.

Въ Калугѣ:

Опытъ изложенія жизнеописаній избранныхъ святыхъ съ вопросахъ и ответахъ. Составилъ священникъ А. Бѣлевъ. 30 стр. 8 д. л.

Въ Митавѣ:

Начальныя упражненія въ русской грамматикѣ для употребленія въ училищахъ Дерптскаго учебнаго округа съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ. Составилъ И. Концевичъ. 64 стр. 8 д. л.

Въ Вильнѣ:

Последній кусокъ моей духовной пищи. П. Кукольника. 64 стр. 12 д. л.

Въ Твери:

Историко-статистическое описаніе Тверской губерніи, составленное В. Покровскимъ. Томъ I. Историческій очеркъ губерніи, ея территория и народонаселеніе; землевладѣніе и земледѣліе; промышленность и торговля; ловишности; кредитъ; народное образованіе и народное здравіе; народная нравственность и благотворительность; церковь. 8 д. л.

Въ Варшавѣ:

Славянскія древности, лекціи профессора В. И. Григоровича, читанныя въ Новороссійскомъ университетѣ въ 1877—1878 годахъ. 76 стр. 8 д. л.

Чтеніе изъ Русской Исторіи (съ исхода XVII вѣка). П. Щербальскаго. Выпускъ пятый, изданіе третье. 254 стр. 8 д. л.

Собраніе задачъ для геометрическаго и проекціоннаго черченія. Составилъ М. Я. Покровскій. 230 стр. 8 д.

Въ Кронштадтѣ:

Руководство арифметики. Составилъ Ф. Ласкивъ. 140 стр. 8 д. л.

Въ Петрозаводскѣ:

Объ утѣкѣ членіи въ Олонецкой губерніи блаженнаго памяти въ Божь почитимаго Государя Императора Александра II.

Въ Каменецъ-Подольскѣ:

Очеркъ педагогики, составленный примѣнительно къ курсу женскихъ гимназій. А. Жукъ. Часть первая. 22 стр. 8 д. л.

Въ Ташкентѣ:

Исторія 4го Туркестанскаго линейнаго баталіона, съ картой, за періодъ съ 1771 по 1882 годъ, какъ матеріалъ къ описанію движенія Русскихъ въ Среднюю Азію. Составлена поручикомъ В. Н. Зайцевымъ. 212 стр. + 50 стр. 8 д. л.

Руководство для полковыхъ и баталіонныхъ адъютантовъ по естълз видамъ изъ дѣятельности и для начальниковъ командъ. Составлено поручикомъ В. Н. Зайцевымъ. Изданіе второе 8 д. л.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

Закрытіе Промышленно-Художественной Выставки въ Москвѣ.— Открытіе Александровской Коллеги въ Петербургѣ. — Процессъ г. Пухля.—Новая выдумка: русскій „клерикализмъ“. — Кандидатура барона Корфа на должность думскаго генералъ-инспектора училищъ. — Церковь и народная школа.—Крахъ Скопинскаго банка.— Вопросъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ военномъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ.—Подвиги анархистовъ во Франціи.

I.

Всероссійская Промышленно-Художественная Выставка закрыта 1 октября. Обширно раскинувшійся на Ходынскомъ полѣ дворецъ промышленности съ его изящно разставленными богатствами, съ его садами, фонтанами, гремящими оркестрами, гудящими колоколами, работающими машинами, несущимися вагонами электрической дороги, кіосками, павильонами, всѣми чудесами доставлявшими столько удовольствія посѣтителемъ въ теченіе жаркаго лѣта, какого не заломнятъ старожилы, обратился въ хаосъ заколачиваемыхъ и развозимыхъ ящиковъ. Единогласно признается что со стороны изящества и блеска внѣшней обстановки, Выставка не оставила желать ничего лучшаго. И правительство, потратившее на предпріятіе до трехъ милліоновъ,—лишь малая часть которыхъ выручена сборомъ съ посѣтителей,—и экспоненты улотребившіе

всѣ усилія чтобы показать товаръ лицомъ и обнаружившіе большую декоративную изобрѣтательность, не поскудились сдѣлать первый праздникъ новаго царствованія по истинѣ блестящимъ. Праздникъ вполнѣ удался. Спрашивается: сказалось ли что-нибудь, и что именно сказалось этимъ праздникомъ?

Въ послѣднее время, точно по приказу данному по всей линіи партіи злоупотребляющей именемъ либерализма, принято изображать Россію въ самомъ бѣдственномъ положеніи, наканунѣ гибели и разложенія. Всякое печальное событіе возбуждаетъ чуть не ликованія. Чуть не молятся не пошлетъ ли небо чумы или глада. Нѣкоторые органы прессы наполняютъ цѣлыя столбцы подборомъ мрачныхъ красокъ, не стѣсняясь въ вымыслахъ. На всѣ лады повторяется что жить становится нельзя отъ стѣсненій сверху и безвыходной кручины внизу. Настоячивымъ повтореніемъ джи удалось породить кошмаръ унынія и уложить къ постель здоровую страду. Праздникъ промышленности, громко говорящій объ энергіи и способности русскаго труда, о безчисленныхъ начинаніяхъ, и вполчатыхъ углахъ новой производительности, призывающихъ трудъ и умъ, пришелся какъ нельзя болѣе кстати на зарѣ новаго царствованія чтобы внушить бодрость къ живому и животворному дѣйствию. Посѣщеніе Выставки Ихъ Величествами придадо ей особую знаменательность. Ни малѣйшее облако не омрачило ясныхъ дней Царскаго пребыванія въ старой столицѣ среди воишь ликующаго народа. Кто былъ свидѣтелемъ Царскаго осмотра Выставки, тотъ не забудетъ свѣтлаго выраженія радости на открытомъ лицѣ Царя, съ величайшимъ вниманіемъ обозрѣвавшаго плоды труда своей страны.

Промышленные итоги Выставки подведены раздачей наградъ присужденныхъ комитетомъ экспертовъ и утвержденныхъ правительствомъ. Раздача происходила 21 сентября въ концертномъ павильонѣ Выставки. Рѣчь председателя ея, московскаго генералъ-губернатора, произнесенная подъ живымъ впечатлѣніемъ недавняго Царскаго посѣщенія и „высокаго благовоительнаго вниманія и одобрительныхъ отзывовъ Августѣйшихъ Посѣтителей“, достойно выразила общее настроеніе. При звукахъ музыки были провозглашены имена награжденныхъ гербами и золотыми медалями, и самыя медали были вручены распорядителямъ отдѣловъ. Количество

награды, какое первоначально предполагалось къ раздачѣ, оказалось мало, и по ходатайству экспертовъ комиссiи оно было увеличено. Значительное число экспонентовъ получили высшую награду—право отбивать свои изделия государственнымъ гербомъ. Оказывается что въ послѣднiе годы возникло множество новыхъ фирмъ, услѣвшихъ въ короткое время довести производство до широкихъ размѣровъ и значительнаго совершенства. Не знаемъ и не рѣшаемъ въ какой мѣрѣ экспертиза была тщательна, осмотрительна и справедлива; но ее никакъ нельзя упрекнуть въ излишней снисходительности. Серебряная медаль на выѣзвшей Выставкѣ считается уже высокою наградой.

Выставка засвидѣтельствовала что многія изделия и продукты прежде получавшіеся исключительно изъ-за границы нынѣ приготавливаются и воздѣлываются въ большихъ размѣрахъ въ Россiи. „Производство не уступающее лучшимъ заграничнымъ изделиямъ того же рода“—одна изъ обычныхъ похвалъ при экспертной оцѣнкѣ выставленныхъ произведений. Даже въ области приготавленiя научныхъ приборовъ, фирмы имѣвшiя прежде исключительно торговый, комиссiонерскiй характеръ, нынѣ обладаютъ собственными мастерскими, нерѣдко обширными, съ большимъ числомъ искусныхъ рабочихъ. Положенiемъ объ экспертизѣ, экспонентамъ удостоеннымъ высшихъ наградъ предоставлено право ходатайствовать о награжденiи своихъ сотрудниковъ и мастеровъ. Благодаря этому постановленiю, не останутся безъ награды тѣ чьи искусными руками изготовлены предметы удивлявшiе всѣхъ на Выставкѣ. Въ казенной патронной мастерской, которая довела производство декаль до такой степени точности что каждая металлическая часть изготовленная по этимъ декаламъ идетъ на свое мѣсто въ каждое ружье безъ пригонки, оказались простые русскiе мастера способные изготовлять измѣрительные снаряды самой точной обработки. И это далеко не единственный примѣръ въ нашемъ промышленномъ рабочемъ людѣ. Найдись опытные, дѣльные, вполне свѣдущiе руководители, въ искусныхъ рукахъ недостатка не будетъ. Общiй характеръ возникающихъ самостоятельныхъ производствъ пока соревновательный: достичь того чтобы изделие не уступало заграничному. Остается желать чтобы наше производство могло пролагать свои пути и достигло самообытностей и плодотворной изобрѣтательности.

Последняя русская промышленная выставка была въ Петербургѣ въ 1870 году. (Московская Политехническая Выставка 1872 году имѣла особую цѣль и допускала иностранныя произведенія). Нынешняя выставка свидѣтельствуетъ о значительномъ шагѣ сдѣланномъ съ той эпохи почти по всемъ отраслямъ. Весьма замѣтно вліяніе оказанное громаднымъ развитіемъ желѣзнодорожнаго дѣла. Потребность въ топливѣ вызвала усиленную разработку каменнаго угля и антрацита. Въ 1870 году годовая добыча каменнаго угля и антрацита простиралась до 42 милліоновъ пудовъ, въ 1880 году она достигла 200 милліоновъ пудовъ. Надо только чтобы правительство предотвратило хищническіе способы добычя этого важнаго матеріала. На правительство же должна пасть забота и о правильномъ удовлетвореніи возрастающей потребности въ чугунѣ. Въ 1870 году ввезено изъ-за границы чугуна два милліона пудовъ, въ 1880 году пятнадцать милліоновъ. Требуется дѣятельное правительственное поощреніе чугунно-плавильныхъ заводовъ.

По примѣру Московской Политехнической Выставки, на нынѣшней былъ допущенъ отдѣлъ кустарныхъ производствъ, который постоянно привлекалъ любопытство посѣтителей разнообразіемъ, дешевизной, самобытными качествами выставленныхъ издѣлій. Онъ послужилъ предметомъ внимательнаго изученія со стороны экспертизы. Обнаружился, между прочимъ, любопытный фактъ какъ иногда въ той или другой мѣстности возникаютъ и укореняются новыя производства. Въ 1878 году, въ Михайловскомъ уездѣ, Рязанской губерніи, выгорѣло село Высокое. Сосѣдняя владѣлица, гжа Казначеева, желая оказать помощь пострадавшимъ, занялась обученіемъ нѣсколькихъ крестьянокъ приготовленію кружевъ и вышиванью для продажи. Дѣло привилось и распространилось такъ что нынѣ крестьянки села Высокаго получаютъ съ этого заработка до двухъ тысячъ рублей въ годъ. Подобный промыселъ возникъ стараніями княгини Долгоруковой и княжны Шаховской въ Данковскомъ уездѣ той же губерніи. Здѣсь приглашена была учительница, заведена школа, и дѣло приняло значительные размѣры. Если такимъ услѣхомъ увѣнчивается частная инициатива, то какъ много могутъ сдѣлать разумно направленные государственныя мѣры, устраняя препятствія, улаживая пути, оживляя дѣятельность! Вся Выставка въ ея результатахъ есть обращенный къ правительству

общественный призвъ дѣйствовать,—дѣйствовать въ полнотѣ сознанія своею, ни въ чемъ не умаленной, силой и силой своихъ общественныхъ обязанностей, дѣйствовать ничѣмъ не смущаясь... Да избавимся мы отъ фальшиваго мнѣнія будто ноги у насъ скудельныя!

II.

3 октября совершилось въ Петербургѣ открытiе Александровской Коллеги при Петербургскомъ Университетѣ. Привѣтствуемъ открытiе полезнаго учрежденiя и поздравляемъ С. С. Полякова съ истинно добрымъ дѣломъ. Радуемся также тому что этотъ прiютъ для немощныхъ молодыхъ людей посвящающихъ себя наукѣ вступаетъ въ жизнь теперь, когда въ вѣдомствѣ Народнаго Пресвѣщенiя водворилось спокойствiе, прекратились колебанiя и смуты, и когда всякое доброе дѣло можетъ смотрѣть благонадежно впередъ, не опасаясь подвергнуться искаженiю и извращенiю.

Честъ и слава жертвователю! При его появленiи между студентами, въ учрежденной имъ коллегii онъ былъ встрѣченъ овацiями, и молодые люди, намѣдшiе въ ней прiютъ и обезпеченiе, поднесли ему благодарственный адресъ. Но не за одно только это дѣло почтенный жертвователь заслужилъ благодарность. Изъ людей обогатившихся въ наши дни услѣбными предпрiятiями никто такъ обильно и щедро не жертвовалъ на пользу просвѣщенiя какъ С. С. Поляковъ. Что касается Александровской Коллеги, то открывая въ себѣ прiютъ для недостаточныхъ студентовъ она заслуживаетъ благодарности еще и за то что даетъ лучшее управленiе правительственнымъ стипендiямъ. Эти пособiя, составляющiя въ совокупности значительную сумму, далеко не могутъ надежнымъ образомъ обезпечивать нуждающееся юношество и не замѣняютъ тѣхъ конвиктовъ которые въ прежнюю пору содержались при университетахъ. Казенные студенты были крѣпкимъ ядромъ учившейся въ университетахъ молодежи. Всѣмъ обезпеченные, они жили въ полномъ довольствѣ, пользуясь всѣми пособiями для занятiй, огражденные ото всякихъ дрягъ и столкновенiй университетскою инспекцiей. Въ видахъ прогресса найдено было нужнымъ упразднить эти конвикты, и молодые люди были либерально выгнаны на улицу. А между тѣмъ казенные студенты былого времени

составляли дѣлать дѣлательнѣе учащагося, работающаго юношества и поддерживать духъ серьезной науки среди своихъ товарищей. Нельзя того сказать о шившихся отсталостяхъ, получающихъ на руки денежное пособіе, принужденныя искать себя пріютъ въ трущобахъ, терпящихъ голодъ и холодъ, брошенныхъ на произволъ случая, на всякіе соблазны. Устроенная С. С. Полаковымъ Александровская Коллегія при Петербургскомъ Университетѣ возвращаетъ насъ къ прямой университетской системѣ обезличенія учащагося юношества и есть истинный прогрессъ. Даѣ Богъ чтобы на этомъ не остановилось дѣло, и чтобы полезное начало получило дальнѣйшее развитіе. Адресъ поднесенный молодыми людьми основателю Коллегіи своимъ добрымъ сердцемъ и сердечнымъ тепломъ свидѣтельствуетъ о новомъ, здоровомъ настроеніи учащейся въ университетахъ молодежи. Замечательнымъ признакомъ было бы уже и то только что молодые люди не ругаются, а благодарятъ за добро....

9 октября.

Въ Кіевѣ случилось казусное дѣло. Надъ нашею печатью наконецъ грянулъ ударъ правосудія. Окружный судъ,—да, окружный судъ,—приговорилъ редактора къ тажкой карѣ за клевету и диффамацию. Наконецъ-то! Вотъ говорили будто у насъ могутъ безнаказанно совершаться дѣла безчинства и разбоя на публичныхъ путяхъ печати! Вотъ, значить, не безнаказанно.

Ударъ разразился надъ газетою *Кіевлянинъ*. Грознымъ приговоромъ постигнуть редакторъ этой газеты Д. И. Пихно. У Омиды глаза завязаны, но она иногда умѣетъ глядѣть черезъ повязку.

Въ чемъ же преступленіе? Въ фельетонѣ этой газеты было сказано что одинъ изъ гласныхъ Кіевской городской думы, иѣкто г. Конисскій, взявъ на себя обязанность наблюденія за обмежеваніемъ городскихъ земель, представилъ „алтекарскій счетъ“ расходамъ которые были имъ сдѣланы при исполненіи этой обязанности, не забывъ тома межевыхъ законовъ который ему понадобился для справокъ и непромокаемыхъ салогъ для хожденія по лужамъ. Фельетонистъ газеты добавилъ что книга межевыхъ законовъ и салогъ не были возвращены г. Конисскимъ думѣ по минованіи надобности.*

* Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 281) помѣщены въ особомъ изображеніи подробности этого знаменитаго процесса.

На судебно́мъ слѣдствіи было доказано что когда книга не-
законно закована и была возвращена вопреки наказанію
фелетониста, во вѣрно то что салогн доставлены по при-
надлежности не были.

Аvis досточтимымъ редакторамъ *Курьеровъ*, *Тавсерафовъ*,
Голосовъ. Чтѣ же угрожаетъ имъ если оскорбленные и окле-
ветанные ими лица вадумаютъ привлечь ихъ къ суду?
Г. Пуховъ присужденъ правымъ и милостивымъ судомъ къ тю-
ремному заключенію за правду о салогнахъ невезвращенныхъ
въ свое время по принадлежности: чего же должны ожидать
отъ глѣвнаго правосудія виновные во лжи самаго гнуснаго
свойства?

Но быть-можетъ судъ, органъ государственной власти, чут-
кій ко злу которое подкалывается подъ государство и охра-
няемый имъ правотвенный порядокъ, воспользовался первымъ
случаемъ чтобъ à propos de bottles поразить зловредный
органъ... Ревность оласная и во всякомъ случаѣ чрезмѣрна!
Злоумышленный органъ, какъ бы ни былъ хитеръ и увертаивъ,
всегда можетъ дать лучшей поводъ къ удару чѣмъ фелетонъ
о пятирублевой книгѣ и непромокаемыхъ салогнахъ, купле-
ныхъ насчетъ думы и ей недоставленныхъ... Даже польскій
судъ во Львовѣ, посадившій отца Наумовича и г. Пляцка-
скаго, редактора *Слова*, все же старался найти нѣчто посе-
рюзнѣе салогнѣ для обвиненія.

Съ другой стороны, какой бы кто ни былъ благонамѣрен-
ный и добродѣтельный человекъ, во коль скоро несетъ на
себѣ общественную обязанность, притомъ по выбору, то не
можетъ считать себя внѣ общественной оцѣнки и критики.
Куда угодили бы мы еслибъ общественныя учрежденія пре-
тендующія на самоуправленіе и ихъ дѣятели не могли под-
лежать общественному сужденію?

Кто же однако обвиненный и кто обвинитель?

Газета *Киелянинъ* принадлежит по своему направленію
почти къ феноменальнымъ исключеніямъ въ нашей печати.
Она издается въ одномъ изъ самыхъ бойкихъ мѣстѣ Импе-
ріи, гдѣ политическая интрига свила себѣ гнѣздо, гдѣ „поль-
ская справа“ особенно дѣятельна, гдѣ вырабатывается лѣзъ
такъ-называемаго украинофильства. Здѣсь очень нужны и
дороги, въ сферахъ общественной дѣятельности, люди здра-
вомыслящіе, столько же просвѣщенные сколько вѣрные граж-
данскому долгу, хорошо вооруженные противъ обмаловъ такъ

легко овладѣвающихъ общественнымъ словомъ. Мы не имѣемъ чести личнаго знакомства съ редакторомъ *Кислякми*, но общій характеръ его газеты достаточно о немъ свидѣтельствуетъ какъ объ общественномъ дѣятелѣ заслуживающемъ уваженія и сочувствія. Намъ вѣрѣдко приходится цитовать его газету и приводить почти цѣлыя статьи изъ нея по вопросамъ серьезнаго свойства. Намъ радовалась зоркость мысли, вѣрность сужденія и сильное слово въ отпоръ наглости общественнаго обмана, который такъ разнузданъ въ послѣдніе годы. Мы не хотимъ сказать чтобы въ этой газетѣ было все одинаковаго достоинства, чтобы она всегда была безошибочна въ своихъ сужденіяхъ, чтобы никогда не давала увлечь себя общимъ теченіемъ какъ было во дни еврейскихъ лоббищъ, которыми даже высшіе администраторы считали возможнымъ разрѣшить еврейскій вопросъ. Мы указываемъ только на направленіе газеты по главнымъ и основнымъ вопросамъ, въ которыхъ не можетъ быть разногласія между честными органами. Мы не знаемъ получаетъ ли *Кислякми* поддержку отъ правительства, въ чемъ его укоряютъ противники. Но еслибъ эта газета и дѣйствительно пользовалась субсидіей, то это конечно не можетъ быть отягчающимъ въ глазахъ суда обстоятельствомъ. Получаетъ или не получаетъ правительственную субсидію *Кислякми*, но она какъ политическая газета издается въ правительственномъ смыслѣ, въ какомъ должна издаваться всякая политическая газета въ Россіи. Служить правительству не значитъ угождать капризамъ или фантазіямъ лицъ смѣняющихся во власти, какъ дѣлаютъ, корыстно или безкорыстно, холмошскіе органы прикрывающіе себя прозвищемъ „либеральныхъ“. Служить правительству значитъ служить тѣмъ, равно для всѣхъ дорогимъ и священнымъ интересамъ, которые находятся на попеченіи правительства. Въ наши дни шатанья умовъ, когда исполненіе долга гражданскаго, даже служебнаго, обзывается печатно подлостью, когда прокуроръ за открытіе преступленія подвергается поношенію даже между своими, можетъ ли правительство не дорожить органами подобными *Кислякми* и общественными дѣятелями какъ его издатель и доцентъ университета г. Пихро? За то не легко дѣйствовать въ такомъ смыслѣ. Нужно имѣть большую силу убѣжденія и характера. Сколько тяжкихъ оскорбленій, сколько обидъ и гоненій приходится испытывать! И каково если

въ борьбѣ за интересы государства приходится встрѣчать людей прикрытыхъ авторитетомъ власти административной или судебной!

Что касается г. Кошцесскаго, то мы узнаемъ о немъ впервые по случаю этого процесса. Изъ объясненій на судѣ видно что онъ болѣе или менѣе принадлежить къ крайнеофицальскому толку, что онъ подписывалъ въ газетахъ, былъ корреспондентомъ какой-то либеральной газеты (говорятъ *Голоса*, другіе будто *Московского Телеграфа*: c'est tout dire). Если *Кисляминъ* задѣлъ его въ своемъ фельетонѣ, то по всему вѣроятію это было вызвано не просто его счетами подавшими городокой думѣ. Впрочемъ, не видно чтобы между редакторомъ *Кислямина* и г. Кошцескимъ были какіе-либо личные счеты, но видно что между ними есть антагонизмъ въ политическомъ отношеніи. На корреспондентѣ известнаго сорта газеты, повидимому, имѣлось въ виду показать какъ эти обвинители и ревнители общественныхъ дѣлъ сами ведутъ себя въ дѣлахъ общественныхъ. Мы не можемъ рѣшить въ какой мѣрѣ заслуживалъ г. Кошцескій неприязнь *Кислямина*, но если вѣрно что онъ писалъ въ *Голосъ* или *Московский Телеграфъ*, то *Кисляминъ* не могъ относиться къ нему дружелюбно. Нельзя, конечно, одобрить излишнюю рѣзкость тома о комъ бы то ни было, но рѣзкость слова въ нашей печати вошла въ обычай, а судебныя пренія превосходятъ въ этомъ отношеніи и печать. Нигдѣ за словию нѣтъ такого разгула какъ въ судахъ.

Г. Кошцескій привезъ жалобу на диффамацию и клевету. Диффамация есть диффамация, то есть дѣло преступное когда касается частной жизни оскорбленнаго лица. Она на судѣ не доказуема и подвергается видовнаго ответственности во всякомъ случаѣ. Относительно же общественной дѣятельности диффамация можетъ быть судима только въ смыслѣ клеветы, то-есть какъ ложное или недоказательное нареканіе. Мы не будемъ пересказывать дѣло; въ судебскомъ отчетѣ читатели найдутъ показанія обѣихъ сторонъ и сами могутъ судить было ли основаніе обвинить г. Пихво въ клеветѣ и диффамациі, и было ли основаніе приговорить его къ тюремному заключенію.

Жалуются на произволъ административной власти, которой предоставляемо выслаать изъ города подозрительныхъ или опасныхъ людей, — произволъ тяжкій если дѣйствуетъ

безсмысленно или несправедливо. Но развѣ легче произволъ судовъ, которые по усмотрѣнію, безответственно и безнаказанно (не такъ какъ губернаторъ за высылку), за одно и то же дѣло можетъ одного оправдать, другаго приговорить къ легкому штрафу, а третьяго посадить въ тюрьму? Судейскій произволъ тѣмъ хуже что является съ ореоломъ законности. Изъ подробнаго отчета въ *Кіевлянинѣ* видно что въ этомъ дѣлѣ окружный судъ счелъ нужнымъ предлагать сторонамъ, по заведенному лишь въ мировомъ судѣ порядку, помириться, и настойчиво возобновлялъ это предложеніе. Судъ, значитъ, требовалъ чтобы г. Пихно, сознававшій себя правымъ, отдалъ себя на милость своего противника, и если антагонизмъ между ними былъ политическаго свойства, то преклонилъ бы предъ своимъ противникомъ свое знамя.

Приговоръ Кіевскаго окружнаго суда произвелъ, какъ намъ пишутъ, тяжелое впечатлѣніе въ Кіевѣ. Намъ сообщаютъ даже, не знаемъ вѣрно ли, будто одинъ изъ трехъ членовъ суда былъ на другой день съ визитомъ у г. Пихно...

Г. Пихно, потрясенный и оскорбленный, подалъ въ отставку отъ должности преподавателя въ университетѣ.

Не забывайте, г. судьи, и въ великомъ и въ маломъ, что вы судите во имя Императорскаго Величества, и что только поэтому ваши приговоры имѣютъ силу, и что вы не можете быть партией, или можете быть только партией государственной власти, васъ создавшей, которой вы должны служить органомъ въ примѣненіи законовъ.

III.

12 октября.

Много прекрасныхъ словъ сказано было на прощальномъ обѣдѣ который давался 10 октября отъѣзжающему отсюда епископу Харьковскому преосвященному Амвросію; но слово вызванное заботою дня было сказано московскимъ архипастыремъ. Говорилось о гармоніи между духовенствомъ и обществомъ. Но какая же гармонія когда въ обществѣ идетъ агитація прямо направленная противъ духовенства? И это фальшивое движеніе съ каждымъ днемъ становится все наглѣе и увѣреннѣе въ успѣхѣ, не встрѣчая отпора. Выдумали клерикальскую партію въ православной Россіи, какъ будто православное духовенство можетъ быть партией въ Русскомъ

государствѣ, какъ будто оно не было всегда живою зиждительною и просвѣтительною силой. Русскаго государства. Православная церковь была духомъ души Русскаго народа, ея создана Россія, ей Россія обязана своимъ величіемъ, своимъ всемірнымъ призваніемъ. Православная вѣра была тотъ кичъ народный, который собиралъ, единилъ, поднималъ Русскую землю. А кѣмъ же дѣйствовала церковь какъ не своимъ духовенствомъ? Какая же въ Россіи можетъ быть клерикальная партія, какой клерикализмъ? Таковъ былъ смыслъ и духъ немногихъ словъ сказанныхъ пастыремъ добрымъ, который призванъ не льстить своей паствѣ, а наставлять и предупреждать ее. Благо было бы еслибы въ нашемъ растерянномъ обществѣ чаще слышалось простое и искреннее слово предостереженія отъ фальшивыхъ общественныхъ движеній которыя возникаютъ изъ нечистыхъ источниковъ, захватывая неосторожныхъ и увлекая ихъ далеко, куда они и сами не знаютъ и куда не хотятъ.

Посмотрите какъ неожиданно вдругъ народился на Руса новый *вопросъ*. Вотъ уже второй мѣсяцъ какъ трещитъ ружейный огонь газетъ противъ новоизобрѣтеннаго призрака „клерикализма“, подѣ которымъ будто бы изнываетъ Россія, а теперь пущена въ дѣло тяжелая артиллерія толстыхъ журналовъ. Люди выдающіе себя за столповъ правой вѣры заодно съ открытыми врагами православія, съ заклятыми отрицателями всякой религіи, дружнымъ натискомъ двинулись на православное духовенство какъ на зловреднѣйшаго губителя и грабителя Россіи. Къ изумленію своему, наше отечество узнало что оно страдаетъ ужасною язвой, и что язва эта—„клерикалы“, то-есть священнослужители Русской церкви...

Предъ удивленною русскою публикой, ничего подобаго не слыхавшею, раздаются глумленія надъ священниками, откальваются, измышляются и обобщаются разные невѣроятные анекдоты, и ко всему этому присоединяются напыщенныя филиппики противъ „неразвитости“, „отсталости“ и „несовременности“ православнаго духовенства. Одни кричатъ что нужно спасти отъ духовенства школу, другіе доказываютъ что его нужно отгѣснить отъ благотворительнаго леченія о бѣдныхъ, еще другіе что его даже изъ церкви слѣдуетъ изгнать (съ тѣмъ вѣроятіемъ чтобы церкви залпереть). Того и жди что закричатъ: *бей поповъ!*

Оглядявъ этотъ можно сравнить развѣ только съ тѣмъ что дѣлается теперь во Франціи. И тамъ самая низкая страсть возбуждается теперь газетами противъ духовенства, и тамъ „клерикалы“ отлучаются отъ общенія со школою, бѣдными и больными, и тамъ объявляются они губителями и грабителями страны. Но какая однако разница между „антиклерикальною“ агитаціей во Франціи и въ Россіи! Тамъ духовенство есть дѣйствительно партія, армія своего владыки и крѣпко дисциплинированная и борющаяся съ правительствомъ страны изъ-за господства. У насъ православное духовенство находится въ самомъ тѣсномъ единеніи съ Русскимъ государствомъ и служить ему самымъ вѣрнымъ и надежнымъ союзникомъ. Во Франціи правительство само объявило войну духовенству, церкви и религіи, изгнало священниковъ изъ школъ и больницъ, монаховъ изъ монастырей; само выбросило изъ школъ, какъ ненужный хламъ, даже Рауля. Агитація французской печати противъ „клерикализма“ ведется по сигналу правительства, соотвѣтствуя его видамъ. А у насъ? У насъ правительство съ рѣдкимъ смиреніемъ присутствуетъ при всеобщемъ, всенародномъ лоруганіи своего духовенства; упразднивъ себя въ этомъ вопросѣ, какъ и во всякъ другихъ, молча и грустно смотритъ оно какъ хорошо извѣстные ему витязи съ азартомъ стараются подорвать самую надежную опору его, православную вѣру Русскаго народа. Невольно рождается у много мысль что можетъ-быть этотъ походъ противъ духовенства соотвѣтствуетъ и въ Россіи какъ во Франціи видамъ правительства. Какъ ни стараются увѣрить Русскій народъ что его правительство бессильно, онъ все-таки знаетъ что правительство у него сильное, и что все происходящее въ обществѣ можетъ происходить только подъ его вліяніемъ, при его участіи или съ его разрѣшеніа.

Впрочемъ, если судить по примѣру историческаго развитія другихъ вымышленныхъ и раздутыхъ за послѣднее время „вопросовъ“, можно ожидать что черезъ нѣсколько времени правительство само повѣритъ въ существованіе у насъ „клерикальнаго вопроса“, которымъ услѣбуютъ прожужжать ему уши, и созоветъ „свѣдущихъ людей“ для рѣшенія этого головомного вопроса.

Посмотрите какъ дѣйствуетъ общественный обманъ возбуждая среди людей неожиданныя движенія; въ которыхъ

могутъ радомъ очутиться самыя разнообразныя элементы. Остановитесь на людской улицѣ и начните пристрастно осматривать въ одну сторону, и около васъ образуется толпа; вы отойдете, а толпа будетъ расти, особенно если найдется къ чему пристрастиваться. Въ публичку бойке бросается вопросъ. Одни загадаютъ чужими словами, у другихъ окажется что-нибудь свое на умѣ, и у одного повелѣнется одно, у другого другое. Никто не спроситъ себя почему именно теперь возбуждается вопросъ и откуда. Люди чуждые ширити, но обманутые ею, становятся ее орудіемъ именно потому что направляютъ свою мысль въ ту сторону куда ихъ толкаетъ обманъ. У каждаго есть свои колышки которыми ширити нельзя и заставить людей, даже приточно ихъ собственными лучшими убѣжденіями, тоже гадать въ ея смыслѣ. Появляются разные идеалы, фантастическія проекты, а люди вовсе не враждебно расположенные къ предмету агитациі, безотчетно, молча сжигая работы, помещаютъ надъ нимъ дѣло его враговъ.

Русское духовенство, какъ и все на свѣтѣ, не находится въ идеальномъ состояніи. И въ своемъ образованіи, и въ своемъ положеніи, и въ своей дѣятельности, оно много оставляетъ желать лучшаго. Во множествѣ принадлежащихъ къ нему лицъ не могутъ не быть и такіа которыя приносятъ ему мало чести. Если чѣмъ можно особенно укорить наше вышшее духовенство, то развѣ тѣмъ что иные изъ его среды сами напрочь погадять о духовенствѣ, что ложный и фальшивый либерализмъ пробился и въ его среду, что въ школѣ изъ которой наши духовныя лица выходятъ ослабѣло ученье, дисциплина, церковный духъ, что оно слишкомъ зависимо не отъ государства, какъ говорятъ, а напротивъ отъ уличныхъ вліяній, отъ фельетоновъ газетъ. Но въ общей сложности русское духовенство все же исполняетъ свое назначеніе, все же дѣлаетъ свое дѣло, все же въ немъ есть не мало достойныхъ пастырей, все жъ оно великая необходимая сила, все же наконецъ безъ духовенства не можетъ жить и дѣйствовать православная церковь. Будемъ заботиться о немъ, будемъ улучшать условія его воспитанія и положенія и не въ фантазіи, а въ дѣйствительности, будемъ ограждать его отъ уличныхъ вліяній и баллотировокъ (будетъ съ нихъ городскихъ думъ и земскихъ учрежденій), но будемъ пока довольствоваться тѣмъ что есть. Видите какъ упалъ въ нашемъ обществѣ духъ, какія недоразумѣнія овладѣли нашимъ государственнымъ бытомъ,—какъ же тутъ процвѣтаетъ духовенству?

Но какую же цѣль имѣетъ эта агитація? Не надѣется же она въ самомъ дѣлѣ сразу покончить съ православною церковью? Такихъ фантастическихъ въ настоящую минуту видовъ, конечно, нѣтъ. Теперь нужно только навсегда оттолкнуть духовенство отъ народной школы. Вотъ ближайшая практическая цѣль интриги. Въ этихъ видахъ бросаетъ она грязью въ духовенство, а добрые люди, съ высоты своихъ идеаловъ, помогаютъ ей въ этой практической цѣли.

Народная школа вырвана у духовенства еще въ 1862 году. Сейчас получили мы очень поучительную книжку вышедшую въ Петербургѣ. Это *записка о народныхъ училищахъ*, составленная „въ ту пору“, какъ сказано въ предисловіи, „когда противъ безспорнаго дотошн. права Церкви руко-“ „водити первоначальнымъ обученіемъ народа впервые воз-“ „высился голосъ Министерства Народнаго Просвѣщенія,“ „которое изъ вѣрнаго союзника Церкви внезапно обратилось“ „въ завистливаго и недоброжелательнаго соперника“. Исходъ возникшей тогда борьбы извѣстенъ. „Школа была искус-“ „ственно отторгнута отъ церкви и насильственно уклонена“ „на тѣ странныя и исполненные опасностей пути по коимъ“ „она понынѣ блуждаетъ“. Въ настоящую пору „зловѣщія ука-“ „занія“ снова обратили вниманіе правительства на этотъ во-просъ...

Вотъ зачѣмъ теперь понадобилась агитація. Требуется *запугать* правительство призракомъ общественнаго мнѣнія. Съ этою же цѣлью, между прочимъ, въ видѣ демонстраціи создана кандидатура извѣстнаго „антиклерикала“ барона Корфа на должность инспектора московскихъ городскихъ училищъ, хотя почтенныя лица поддерживающія эту кандидатуру и не думаютъ, конечно, ни о какой интригѣ. Баронъ Корфъ высказался противъ „клерикализма“, то-есть противъ духовенства въ дѣлѣ школы. Нуженъ не столько онъ самъ, сколько его знамя. И вотъ, какъ слышно, улотребляются неумовѣрныя, еще небывалыя въ здѣшней городской жизни усилія, чтобъ обезпечить екатеринославскому ледагогу избраніе московскими гласными, дабы затѣмъ построить слѣдующій силлогизмъ: московскіе гласные избрали отъявленнаго антиклерикала, слѣдовательно Москва противъ духовенства; Москва есть представительница Россіи, слѣдовательно Россія противъ церковно-приходскихъ школъ...

IV.

Въ подкрѣпленіе кандидатуры барона Корфа на должность думскаго генераль-инспектора московскихъ училищъ, одна изъ здѣшнихъ газетъ отколола важный документъ, статью г. Кашина, появившуюся за двѣнадцать лѣтъ предъ симъ, именно въ январѣ 1871 года. Кто этотъ г. Кашинъ, спроситъ читатель? Почему статья написанная имъ должна имѣть какое-либо значеніе въ данномъ вопросѣ? Дѣло совсѣмъ не въ г. Кашинѣ. Статья приводится потому что она была напечатана въ одномъ изъ нашихъ изданій, въ *Современной Летописи*, выходившей въ 1871 году при *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Вотъ, значитъ, какую мы имѣемъ силу! Не только наши сужденія, а даже случайная корреспонденція неизвестнаго автора появившаяся въ нашемъ изданіи получаетъ авторитетъ до такой степени важный что ее откалываютъ чрезъ двѣнадцать лѣтъ для того чтобы разрѣшить ею горячій вопросъ. Но какое отношеніе имѣетъ эта статейка къ вопросу о кандидатурѣ барона Корфа въ настоящее время?

Г. Кашинъ, въ 1870 году, былъ въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, гостилъ тамъ у одного помѣщика, осматривалъ устроенныя имъ школы, и потому въ наивно-восторженныхъ выраженіяхъ восхвалялъ эти школы. Такъ какъ въ этой статьѣ рѣчь идетъ о благодѣтельномъ помѣщикѣ, то очень можетъ быть что газета въ родѣ *Русскихъ Вѣдомостей* тогда бы не привала ее въ свои столбцы, ибо баронъ Корфъ былъ тогда почти такъ же мало извѣстенъ какъ и его гость. Онъ тогда еще не выразился, и статья г. Кашина ничего не говоритъ объ его направленіи, описывая только внѣшнюю организацію состоявшихъ въ его завѣдываніи училищъ. Баронъ Корфъ тогда не былъ еще „извѣстнымъ педагогомъ“; онъ былъ просто баронъ, помѣщикъ (*крепостникъ*, сказали бы тогда *Русскія Вѣдомости*), филантропъ заботившійся о распространеніи грамотности въ своемъ уѣздѣ. Г. Кашинъ былъ у него въ 1870 году, и статья его появилась въ началѣ января 1871 года. Пресловутая же книга барона Корфа *Нашъ Другъ* вышла лишь въ теченіе 1871 года. Въ засѣданіи 20 ноября С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества впервые было сужденіе о педагогическихъ приемахъ

барона Корфа, причемъ была раскрыта вся несостоятельность его системы г. Миропольскимъ, который напечаталъ затѣмъ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* обширную статью: „Къ вопросу о книгѣ для чтенія въ нашей народной школѣ“ (*Журн. Мин. Народн. Просв.* 1873 года, январь), и въ ней подробно разобралъ всѣ абсурды екатеринославскаго педагога; а въ 1873 году въ *Русскомъ Вѣстникѣ* помѣщена о томъ же предметѣ статья: „Новыя идеи въ нашей народной школѣ“, писанная однимъ изъ нашихъ сотрудниковъ, вѣрно изложившимъ нашъ взглядъ на Корфовскую школу.

Впрочемъ, еслибы баронъ Корфъ ограничился методами обученія азбукѣ, то выборъ его въ руководители московскихъ училищъ былъ бы только печальною странностию и не имѣлъ бы по крайней мѣрѣ демонстративнаго значенія. Но теперь дѣло пошло далѣе. Баронъ Корфъ теперь уже не просто „извѣстный педагогъ“, обучающій ребятшекъ читать, писать и считать по новѣйшимъ „научнымъ методамъ“; онъ знаменосецъ, онъ вождь противоцерковной партіи. Съ его именемъ связаво теперь не только представленіе о педагогѣ, но еще болѣе—объ „антиклерикалѣ“. Выборомъ его Москва должна заявить свою солидарность съ направлениемъ которое стремится оторвать русскую народную школу отъ церкви.

Но такъ какъ заставить московскихъ гласныхъ пристать къ противоцерковнымъ тенденціямъ дѣло не совсемъ легкое то луцены въ ходъ всѣ средства заимствованныя изъ практики западнаго парламентаризма и извѣстныя тамъ подъ названіемъ „электоральныхъ маневровъ“. Устраиваются сходки избирателей, которымъ предлагаютъ, совѣтуютъ, внушаютъ почти приказываютъ выбрать именно барона Корфа. Въ газетахъ печатаются напыщенные панегирики „знаменитому педагогу“.

Откалыванье старыхъ, не имѣющихъ значенія статей чтобы склонить думскихъ гласныхъ къ избранію барона Корфа также характеризуетъ интригу которая дѣлаетъ изъ кожи для достиженія своей цѣли. Еще характеристичнѣе тѣ выводы которые московскій органъ интриги дѣлаетъ изъ того факта что статья г. Кашина была помѣщена въ *Современной Летописи*. Представивъ выдержки изъ этой статьи, воздающей хвалу барону Корфу за хлопоты объ умноженіи и устройствѣ

школъ въ Александровскомъ уѣздѣ, *Русскія Вѣдомости* говорятъ слѣдующее:

« Въ непонятномъ противорѣчїи находятся эти строки съ тою страшною агитаціей съ которою теперь выступили противъ барона Корфа тѣ же *Московскія Вѣдомости* и К^о, въ виду его кандидатуры на предстоящихъ выборахъ.

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* были помѣщены 28 августа и 14 сентября двѣ статьи по поводу фельетона барона Корфа въ *Голосъ* отъ 25 августа, заявляющаго что „школа въ рукахъ духовенства не можетъ ни развиваться, ни воспитывать человѣка, такъ какъ не надѣляетъ питомца своего ни вѣрными идеалами, ни возможностью найтись среди искушешій и устоять противъ нихъ.“ Въ то время когда екатеринославскій педагогъ писалъ этотъ памфлетъ на русское духовенство и когда мы опровергали его, не было рѣчи о его кандидатурѣ въ Московской Думѣ. Но вскорѣ послѣ этого, къ нашему изумленію, агитація дѣйствительно началась. Многіе гласные были собраны на частное совѣщаніе и имъ было предложено выбрать барона Корфа, не смущаясь недавно появившимся фельетономъ его въ *Голосъ*. Нѣкоторые изъ гласныхъ извѣстили насъ письмами о начавшейся агитаціи, и одно изъ этихъ писемъ мы напечатали 22 сентября. Въ этомъ письмѣ гласный спрашивалъ, тотъ ли самый баронъ Корфъ рекомендуется на должность инспектора городскихъ училищъ который написалъ фельетонъ въ *Голосъ* противъ духовенства. Мы ничего на это не сказали, и до 13 октября въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* о баронѣ Корфѣ не было ни слова. А между тѣмъ агитація въ Думѣ росла. Вся Москва заговорила о ней, заговорили о ней петербургскія газеты, завязалась ожесточенная полемика между петербургскими и московскими газетами, въ которой мы не принимали никакого участія. И насъ же обвиняютъ въ агитаціи!..

Впрочемъ, должно отдать справедливость откровенности и прямолинейности барона Корфа. Въ то время когда его друзья, агитирующие за его кандидатуру, клянутся и божатся предъ думскими гласными что онъ только „извѣстный педагогъ“ и что на него клеветуютъ будто онъ имѣетъ противоцерковныя воззрѣнія въ дѣлѣ школы, онъ самъ уличаетъ ихъ во лжесвидѣтельствѣ и настойчиво исповѣдуетъ свои воззрѣнія, дабы избраніе его имѣло опредѣленный, несомнѣнный, ясно выраженный характеръ. Послѣ фельетона въ № 229 *Голоса*,

въ которомъ баронъ Корфъ отрицаетъ у духовенства способность воспитывать дѣтей, онъ на этихъ дняхъ, состоя уже официальнымъ кандидатомъ въ Московскую Думу, обнародовалъ въ томъ же *Голосѣ* (№№ 275 и 279) два новые фельетона, не оставляющіе ни малѣйшаго сомнѣнія относительно его взглядовъ на религиозное преподаваніе въ народной школѣ. Въ этихъ фельетонахъ онъ востхваляетъ Французское правительство изгнавшее религію изъ школы, и провозглашаетъ что „Франція подала цѣлой Европѣ и всему просвѣщенному міру примѣръ того насколько тепло слѣдуетъ относиться къ образованію массы“. Въ чемъ же выражается это теплое отношеніе Французской республики къ народной школѣ? А въ томъ что въ новой программѣ народныхъ школъ во Франціи отсутствуетъ курсъ Закона Божія, и что „между школой и духовенствомъ не осталось ничего общаго“. Правда, баронъ Корфъ находитъ что намъ „подражать Франціи“ теперь еще невозможно, но кандидатъ на должность инспектора Московскихъ городскихъ училищъ видитъ въ теперешней Французской, лишенной Бога, народной школѣ—идеалъ которому онъ горячо сочувствуетъ. Такимъ образомъ, предъ баллотировкой онъ желаетъ совершенно выяснитъ значеніе того знамени которое предо всѣми держать, дабы всѣ знали что если московскіе гласные подадутъ свои голоса за него, то они подадутъ ихъ противъ духовенства и противъ единенія русской народной школы съ церковью.

Въ одной изъ московскихъ газетъ, принимающей аллюры офиціознаго органа Думы, напечатано слѣдующее:

Мы получили изъ самаго достовѣрнаго источника слѣдующее весьма важное извѣстіе относительно кандидатуры барона Н. А. Корфа, баллотировка котораго въ Думу предстоитъ на слѣдующій вторникъ.

Не смотря на то что баронъ Н. А. Корфъ получилъ, при предварительной баллотировкѣ записками, большинство голосовъ предо всѣми прочими конкуррентами и, слѣдовательно, онъ оказался излюбленнымъ кандидатомъ, въ одномъ изъ частныхъ засѣданій гласныхъ, бывшемъ вчера въ воскресенье, постановлено, въ виду напечатанныхъ имъ въ послѣднихъ вумерахъ *Голоса* двухъ статей о народномъ образованіи во Франціи, проситъ барона Н. А. Корфа отказаться отъ предложенной ему кандидатуры.

При этомъ самъ городской голова, поддерживавшій его кандидатуру, также присоединился къ этому постановленію.

Странное дѣло! Баронъ Корфъ, за нѣсколько недѣль до объявленія его кандидатуры, помѣстивъ въ томъ же *Голосѣ* статью о клерикализмѣ, которая вызвала въ печати сильныя возраженія и не могла не быть извѣстна свѣдущимъ и влиятельнымъ въ Думѣ лицамъ. Какимъ же образомъ статья эта, которая съ совершенною ясностью высказываетъ тѣ же воззрѣнія что и двѣ послѣднія статьи того же автора, не помѣшала усиленно поддерживать его кандидатуру? Какимъ образомъ очутился онъ „излюбленнымъ кандидатомъ“ при тѣхъ гласно высказанныхъ имъ воззрѣнїяхъ, за которыя вдругъ теперь отмечается? Зная его образъ мыслей относительно народнаго обученія, лучше было не хлопотать о его кандидатурѣ на инспектора училищъ въ Москвѣ, чѣмъ послѣ произведеннаго скандала отвергать „излюбленнаго кандидата“. Да и барону Корфу было бы лучше...

Между тѣмъ агитація все-таки продолжается. Приверженцы кандидатуры барона Корфа, накавунѣ баллотировки, все еще дѣлають удивительныя усилія чтобы поправить его фонды. Вопреки его собственнымъ заявленїямъ, они прибѣгають къ слѣдующему наивному аргументу: баронъ Корфъ не можетъ считаться противникомъ религіознаго воспитанія въ народной школѣ, потому что онъ *двѣнадцать лѣтъ* тому назадъ противъ этого воспитанія ничего не говорилъ и не писалъ, а въ 1870 году былъ выбранъ почетнымъ членомъ Московскаго Университета, причемъ православіе его наглядно выразилось слѣдующимъ обстоятельствомъ:

При баллотировкѣ баронъ вольнодумецъ послучилъ лишь однимъ голосомъ меньше противъ митрополита сербскаго Михаила, а именно изъ 45 шаровъ онъ получилъ только 4 избирательныхъ. Кстати замѣтимъ—это было въ 1870 г., то есть именно въ то время когда, какъ теперь увѣряють *Московскія Вѣдомости*, баронъ Корфъ даже не былъ еще извѣстнымъ педагогомъ (*Русск. Вѣд.* № 295).

Баронъ Корфъ въ 1870 году былъ извѣстенъ только своимъ усердіемъ по части распространенія грамотности; но педагогическая система его стала извѣстна лишь съ 1871 года, когда онъ издалъ свою книгу *Нашъ Друзь*, а окончательно образъ его мыслей обозначился въ настоящемъ 1882 году агитаціей противъ духовенства въ дѣлѣ народнаго воспитанія.

Оригинальный прїемъ защитниковъ барона Корфа напоминаетъ того адвоката который доказывалъ что его клиентъ

обвиняемъ быть не можетъ, потому что за двѣнадцать лѣтъ до учиненнаго имъ дѣянiя онъ не считался въ немъ виновнымъ.

Впрочемъ, баронъ Корфъ не нуждается въ защитѣ. Въ своихъ мнѣнiяхъ онъ воленъ; весь вопросъ только въ томъ, даютъ ли они ему право быть кандидатомъ Московской Думы для извѣстной должности.

V.

18 октября.

Послѣ блистательныхъ побѣдъ Пруссiи въ 1866 году пронеслось слово что своими успѣхами она обязана главнымъ образомъ школьному учителю, то-есть учителю первоначальной народной школы, хотя въ остальной Германiи грамотность и образованiе въ народѣ были распространены еще шире чѣмъ въ Пруссiи, прусская же школа отличалась лишь большею дисциплиной, патриотическимъ духомъ и религiознымъ направлениемъ подъ надзоромъ пасторовъ. Всѣ пошли толковать о важности шувейстерской профессiи, и о необходимости для всякаго прогрессивнаго государства озаботиться образованiемъ особыхъ учителей для народныхъ школъ. Заговорили объ этомъ и въ думахъ, и въ земскихъ собранiяхъ, и въ газетахъ. Казалось желательнымъ, въ видахъ распространенiя грамотности въ народѣ, образоватъ классъ людей которые имѣли бы своимъ специальнымъ призванiемъ преподавать въ народной школѣ. У насъ потребность эта казалась тѣмъ настоятельнѣе что за дѣло народнаго обученiя принимались люди повидимому, совсѣмъ къ тому не призванные, случайные, за неимѣнiемъ другаго промысла, и грамотѣ часто учили люди полуграмотные. Народная школа, казалось, требуетъ народныхъ учителей какъ особой профессiи къ которой люди должны специально готовиться. Какъ есть классъ университетскихъ профессоровъ или классъ учителей гимназiй и другихъ среднихъ учебныхъ заведенiй, такъ казалось необходимымъ и для первоначальной народной школы создать особый классъ дѣятелей. Какую полезную представлялась такая профессiя, какой плодотворный элементъ обѣщала она внести съ собою въ народную жизнь, и какимъ необходимымъ звеномъ мнчалась она быть въ нашей общественной организаци! Люди эти, принадлежа къ народу, были бы, казалось, его свѣточами,

были бы живою связью между темными массами и образованнымъ обществомъ, были бы проводниками всякаго добра и познаній въ народъ. Приготовление этихъ полезныхъ людей каждый представлялъ себѣ конечно по своему: они будутъ де, разумѣется, людьми просвѣщенными, свѣдущими по разнымъ наукамъ,—а главное строго нравственными и религіозными; добавляли про себя благочестивые люди. Какъ же образовать классъ народныхъ учителей? За этимъ дѣло не могло стать: потребовалось создать особыя учебныя заведенія для приготовления такихъ людей, учительскія семинаріи, въ которыя принимались бы мальчики изъ народа, гдѣ обучали бы ихъ всякой всячинѣ и наставляли бы ихъ въ педагогикѣ и дидактикѣ. Общее увлеченіе было такъ сильно что пришлось уступить ему. Торжеству учительскихъ семинарій много способствовалъ примѣръ Западнаго края, гдѣ эти заведенія были въ самомъ дѣлѣ необходимы и гдѣ они приносили несомнѣнную пользу. И вотъ пошли учреждаться учительскія семинаріи и отъ казны, и отъ земствъ, и теперь повидимому вопросъ считается навсегда рѣшеннымъ: мы имѣемъ, должны и будемъ де имѣть многочисленный, непрерывно возрастающій числомъ классъ народныхъ учителей, подготовляемыхъ *ad hoc* въ учительскихъ семинаріяхъ и долженствующихъ служить распространителями въ народѣ всѣхъ благъ просвѣщенія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это хорошо! Вотъ люди образованные, даже ученые, и въ то же время составляющіе одно съ народомъ, обучившіеся всякой премудрости и возвратившіеся въ свой прежній бытъ, скромные въ своихъ потребностяхъ, довольные малымъ,—какой отличный классъ общественныхъ дѣятелей, какой превосходный элементъ цивилизаціи въ нѣдрахъ народа! Давайте же какъ можно болѣе учительскихъ семинарій! Никакихъ средствъ на это не жалѣйте! Какъ де все измѣнится у насъ когда расплодится этотъ классъ столь полезныхъ дѣятелей, когда мы будемъ считать ихъ не сотнями, не тысячами, а десятками тысячъ! Просвѣщеніе распространится по Русской землѣ; въ избахъ заведется литература; въ кабакахъ, сихъ народныхъ клубахъ, просвѣщенные поселяне будутъ разсуждать, не хуже чѣмъ въ *черно-тмыжской* Англійскаго Клуба, объ Египетскомъ вопросѣ; всякаго рода промыслы заведутся по деревнямъ; мужикъ нашъ узнаетъ что есть на свѣтѣ блоха и есть тараканъ благодаря руководствамъ барона Корфа, съ которыми познакомитъ

его народный учитель и, притомъ, мимоходомъ обучить и сельскому хозяйству, и гигиенѣ, и медицинѣ, и отчизновѣдѣнію, и мировѣдѣнію.

Но будемъ говорить серьезно. Народная школа есть школа грамотности. Обученіе грамотѣ не можетъ быть самостоятельной профессіей; оно можетъ быть только принадлежностію какого-либо призванія. Къ какому же призванію могутъ при-мыкать учителя народной школы? Могутъ ли эти люди серьезно считаться представителями и органами науки въ томъ значеніи какое придается этому слову когда рѣчь идетъ о самостоятельномъ призваніи посвященномъ наукѣ? Серьезной науки не можемъ мы до сихъ поръ добиться даже въ нашихъ университетахъ. Возможно ли ожидать чтобы не только теперь, но и когда-нибудь, учительскія семинаріи давали людей науки, которые могли бы достойно распространять свѣтъ ея въ народныхъ массахъ? Учительскія семинаріи, при самыхъ лучшихъ условіяхъ, могутъ давать только людей полуобразованныхъ, а всякое полуобразование есть не сила, а слабость. Познанія которыя могутъ выносить изъ своихъ разсѣдниковъ учителя народныхъ школъ не могутъ имѣть никакого достоинства. Эти крулицы отъ тралезы наукъ не питаютъ, а только лучатъ и надмеваютъ, и часто до глулости; болтовня о разныхъ предметахъ можетъ производить только сумбуръ въ головахъ дѣтей если начиненный отрывочными и поверхностными полусвѣдѣніями учитель, не ограничиваясь азбукой, вздумаетъ посвящать учениковъ въ свою премудрость. Возможно ли серьезно думать что такими путями наука, серьезная и плодотворная, будетъ распространяться въ народѣ? Что общаго съ наукой можетъ имѣть тотъ одуряющій хаосъ словъ, безъ опредѣленнаго смысла реального значенія, который зарождался бы въ головѣ деревенскихъ мальчиковъ если учитель, не ограничиваясь азбукой и счетомъ, сталъ бы излагать имъ разнаго рода *научныя* познанія? Школа низшаго образованія, элементарная школа можетъ имѣть свои степени восходя отъ однокласснаго сельскаго училища до высшаго или городского. Должна быть, конечно, разница между образованіемъ мальчиковъ которые имѣютъ досугъ и возможность учиться въ продолженіе шести и болѣе лѣтъ и обученіемъ тѣхъ которые болѣе двухъ, трехъ лѣтъ употребить на ученіе не могутъ, и которыхъ миллионы. Первоначальная сельская школа не можетъ идти далѣе простой грамотности,

и она исполнить свое назначеніе если хорошо обучить своихъ воспитанниковъ чтенію, письму и счету. Всякая задача не по силамъ можетъ только вредить дѣлу. Еслибы мы задались мыслию создать въ каждомъ селѣ нѣчто въ родѣ маленькаго университета, то мы остались бы при неслѣдномъ замыслѣ, а народъ остался бы безъ грамоты. Мы можемъ оказывать народнымъ массамъ великое благодѣяніе если распространимъ въ нихъ грамотность: лишь бы они вышли грамотными, они сами будутъ имѣть возможность, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, пріобрѣтать полезныя свѣдѣнія. Слособными и любознательными людьми школа грамотности даетъ способъ въ дальнѣйшему образованію. Въмѣсто преждевременной энциклопедіи жалкихъ познаній которыя взяла бы преподавать мальчикамъ воспитанникъ учительской семинаріи, стараемся лучше дать взрослымъ людямъ хорошую умственную пищу распространяя въ грамотномъ народѣ просвѣтительныя и полезныя, умно и толково писанныя книги и книжки, въ которыхъ можно сообщать имъ и сельско-хозяйственныя, и врачевныя, и всякія другія свѣдѣнія. Взрослымъ, зрѣлымъ, достаточно грамотнымъ человѣкъ, конечно, лучше воспользуется разными свѣдѣніями чѣмъ мальчикъ слушаая полуобразованнаго учителя.

Итакъ, если сельскіе учителя не могутъ примыкать къ ученой профессіи, то какого же призванія по преимуществу можетъ быть дѣло народнаго обученія? Ни къ чему иному не можетъ примыкать народная школа какъ къ церкви. Только священно-служитель можетъ быть *по преимуществу* призваннымъ народнымъ учителемъ. Если вы полагаете что наше духовенство не слосбно обучать деревенскихъ дѣтей грамотѣ, такъ постарайтесь же сдѣлать его къ тому слосбнымъ. Но не нелѣло ли думать что образованіе священника достаточно для обученія деревенскихъ дѣтей грамотѣ? Хотя наши духовныя семинаріи много оставляютъ желать лучшаго, но онѣ тѣмъ не менѣе даютъ образованіе беспорно превосходящее все чего можетъ потребовать народное обученіе. Духовная семинарія беспорно превосходитъ все что, при наилучшихъ условіяхъ, можетъ дать учительская семинарія, которая слосбна лишь дрессировать, а не воспитывать умъ учащихся. Духовная семинарія несравненно болѣе соответствуетъ требованіямъ науки въ высшемъ смыслѣ этого слова чѣмъ какая бы то ни было учительская семинарія. Воспи-

тавянкъ духовной семинаріи, по самой продолжительности, основательности и серьезности пройденнаго имъ курса, можетъ съ полнымъ правомъ считаться представителемъ просвѣщенія въ средѣ народа, независимо отъ своего богословскаго характера.

Итакъ, церковь, вотъ истинная опора народной школы. Священнослужитель, вотъ по преимуществу призванный народный учитель, и вездѣ гдѣ государство не находится въ борьбѣ съ церковью стараются народную школу удерживать сколь можно въ тѣснѣйшей связи съ религіозными учрежденіями.

Но что хорошо въ идеѣ, то можетъ оказаться неудобнымъ на практикѣ. Если поручимъ народную школу священнику, то не затруднимъ ли его дѣломъ которому онъ не можетъ должнымъ образомъ посвятить себя, и не пострадаетъ ли отъ этого дѣло школьнаго обученія? Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли процвѣтать школа находясь въ завѣдываніи лица для котораго она будетъ лишь случайнымъ, какъ бы мимоходнымъ занятіемъ? На священникѣ лежать обязанности не всегда совмѣстныя съ регулярными учебными занятіями. Но почему же непременно только на священника возлагать обязанности школьнаго обученія? Кромѣ пресвитерства, православная церковь знаетъ еще діаконство. Званіе діакона есть апостольское установленіе, а между тѣмъ оно превратилось въ предметъ какой-то церковной роскоши, такъ что въ сельскихъ церквахъ діаконъ, въ видахъ экономіи, оказался излишнимъ. Благоуспѣхъ богослуженія съ устраненіемъ діакона пострадало, но все существенное въ богослуженіи и всякая церковная треба можетъ совершаться безъ его участія. Неужели однако, при самомъ началѣ Христовой церкви, апостолы установили несущественную и излишнюю церковную должность? Въ апостольской церкви, какою должна быть церковь православная, діаконство не должно быть только роскошью, безъ которой церковь можетъ обходиться. Діаконъ учрежденъ не для однихъ только возгласеній при богослуженіи. Діаконство также не есть только ступень ко пресвитерству. Подчиненный іерею при богослуженіи, діаконъ имѣетъ, кромѣ того, при церковномъ дѣлѣ свое самостоятельное положеніе. Въ первоначальной церкви, вѣрующіе собирались не только для общей молитвы, но и на общую трапезу. Избраннымъ и освященнымъ апостолами лицамъ поручены были заботы

объ общей тралезѣ. Первоначальнымъ происхожденіемъ опредѣляется существенное значеніе діаконства. Христова вѣра изъ малой общины распространилась по лицу всего міра; вѣрующіе не собираются на общую тралезу въ притворахъ церковныхъ, но апостольское учрежденіе не должно оставаться празднымъ. Діаконъ сохранить свое значеніе завѣдывая духовною тралезой, служба дѣлу народнаго обученія подъ сѣнью церкви. Вотъ по преимуществу призванный народный учитель. Давая священной должности діакона такое назначеніе, мы сохраняемъ ее для церкви, а вмѣстѣ удерживаемъ при церкви народную школу. Всѣ церковныя требы іерей исполняетъ и безъ помощи діакона, который можетъ неуклонно посвящать свою дѣятельность школъ своего прихода. Его не оторвутъ во время урока для валутствія умирающаго, для крещенія новорожденнаго и для другихъ церковныхъ требъ. Въ учебные дни онъ въ школахъ, а въ воскресныя и праздничныя онъ сослужить іерею, что для прихода также не лишено важности. Трудно было содержать діаконствъ въ сельскихъ приходахъ; однако желательно не только для благолѣпія, но и для ясности богослуженія, чтобы діаконъ возвратился и въ сельскіе храмы. Вмѣсто того чтобы учреждать во множествѣ учительскія семинаріи не лучше ли обратить расточаемыя на это средства на содержаніе діаконствъ, которые со своимъ священнымъ званіемъ соединяли бы обязанности учителя народнои школы? Самое обученіе выиграло бы чрезъ это въ единствѣ. Одинъ и тотъ же наставникъ преподавалъ бы и Законъ Божій и все другое. Мальчики и дѣвочки приучались бы къ церкви, а не отучались бы отъ ней, и чрезъ ея горнило проходило бы все то что имъ требуется знать и что они могутъ съ пользою усвоить.

Мы отнюдь не имѣемъ въ виду чтобы народное обученіе было исключительно дѣломъ діакона. Всякій членъ причта, и самъ священникъ, и псаломщикъ могутъ взяться за это дѣло если окажется удобнымъ. Точно также мы отнюдь не отвергаемъ и другихъ народныхъ училищъ кромѣ церковно-приходскихъ. Богъ въ помощь всякому доброму человѣку въ добромъ дѣлѣ. Но мы отличаемъ случайныхъ дѣателей отъ таковыхъ по призванію.

VI.

29 сентября.

Скопинскій Общественный Городской Банкъ постигла наконецъ та судьба которой давно опасались, которой нельзя было не предвидѣть. Телеграмма *Свернаго Телеграфнаго Агентства* сообщила что 23 сентября собралось въ Скопинскомъ Банкѣ болѣе 150 вкладчиковъ, но что ни члены правленія, ни служащіе въ этотъ день не явились, а пришелъ въ 12 часовъ только кассиръ чтобъ объявить вкладчикамъ что денегъ въ кассѣ нѣтъ, послѣ чего вкладчики потребовали составленія полицейскаго акта. Передавъ это извѣстіе, мы сочли за лучшее повременить нѣсколько сужденіемъ о фактѣ, въ виду вѣроятности, хотя и очень слабой, что дальнѣйшія извѣстія можетъ-быть выставать его значеніе въ мѣнѣе неблагопріятномъ смыслѣ. Но никакихъ сомнѣній болѣе нѣтъ, фактъ подтвердился. Между прочимъ, нашъ калужскій корреспондентъ сообщилъ намъ что многіе калужскіе крупныя вкладчики Скопинскаго Банка ѣздили въ Скопинъ для полученія своихъ вкладовъ, но возвратились ни съ чѣмъ, и что всѣмъ причтамъ Калужской епархіи уже давно предписаніе доставить въ мѣстную консисторію свидѣнія о томъ сколько хранится въ Скопинскомъ Банкѣ принадлежащихъ церквамъ денегъ.

Фактъ крупный, по своему значенію далеко оставляющій позади себя крушеніе въ 1875 году Коммерческаго Суднаго Банка въ Москвѣ. Скопинскій Банкъ, какъ и многіе другіе одной съ нимъ категоріи, былъ только по названію „городскимъ общественнымъ“, предназначеннымъ къ удовлетворенію только мѣстныхъ нуждъ въ кредитъ: онъ распространялъ свои операціи на всю Россію. Не былъ онъ „мѣстнымъ“ и по размѣру своихъ операцій, которому могли бы позавидовать многіе изъ нашихъ акціонерныхъ банковъ. По отчету Скопинскаго Банка за 1879 годъ, его основной капиталъ къ 1 января 1880 превышалъ 1.107.000 рублей, между тѣмъ какъ двѣнадцать акціонерныхъ банковъ, дѣйствовавшихъ одновременно съ нимъ, довольствовались значительно меньшими капиталами. * Сумма вкладовъ ввѣрен-

* Имелю: Лодзинскій торговый, Виленскій частный коммерческій, Псковскій коммерческій, Нижегородскій коммерческій, Рязанскій

ныхъ Скопинскому Банку простиралась къ 1 января 1880 года, по тому же отчету, до 10.212.000 рублей; такой суммы вкладовъ не имѣли одновременно въ своемъ распоряженіи не только вышеупомянутые двѣнадцать акціонерныхъ банковъ, но и многіе банки съ гораздо болѣе крупными основными капиталами; * такой суммы вкладовъ не имѣлъ къ 1 января 1880 года даже С.-Петербургскій Частный Коммерческій Банкъ при его пятимилліонномъ капиталѣ. Уменьшился ли къ текущему сентябрю итогъ скопинскихъ вкладовъ съ 1 января 1880 года мы не знаемъ, но если и уменьшился, то едва ли на значительную цифру; по всей вѣроятности, въ моментъ прекращенія платежей пассивъ Скопинскаго Банка былъ не менѣе десяти милліоновъ, — и разсыпавые по всей Россіи вкладчики, доверившіе Скопинскому Банку во многихъ случаяхъ свои послѣдніа средства, свои кровныя сбереженія про первый день, переживаютъ теперь тяжелыя минуты.

Но однимъ пассивомъ прекратившаго платежи городского банка значеніе Скопинскаго краха не ограничивается. Какъ крушеніе погубленнаго докторомъ Струсбергомъ Коммерческаго Суднаго Банка въ Москвѣ, причинивъ панику, серьезно отозвалось на операціяхъ почти всѣхъ другихъ банковъ, такъ и банкротство Скопинскаго Банка не пройдетъ безслѣдно для однородныхъ съ нимъ городскихъ общественныхъ банковъ.

А многіе ли изъ этихъ городскихъ банковъ окажутся въ состояніи удовлетворить своихъ кредиторовъ, если они, подъ вліяніемъ паники, станутъ являться толпами, требуя возврата вкладовъ? Вѣдь многіе изъ слабыхъ сторонъ устройства и дѣятельности Скопинскаго Банка, приведшихъ его къ катастрофѣ, составляютъ не исключительную его особенность, а общую принадлежность большей части, если не всѣхъ, городскихъ общественныхъ банковъ; почти всѣ они между собою родные братья, всѣ порождены однимъ и тѣмъ же Нормальнымъ Положеніемъ о Городскихъ Общественныхъ Банкахъ 6 февраля 1862, изданіемъ котораго такъ гордились многіе

торговый, коммерческіе: Минскій, Либавскій, Воронежскій, Кременчугскій, Екатеринославскій, Тифлисскій и Костромской.

* Азовско-Донскою, Варшавскій учетный, Рижскій, Кіевскій промышленный, Кіевскій частный коммерческій, Николаевскій коммерческій.

изъ нашихъ финансистовъ. Для вызванныхъ ими къ жизни кредитныхъ учрежденій наступилъ нынѣ критическій періодъ испытанія, которое многимъ, очень многимъ изъ этихъ учрежденій окажется непосильнымъ. То что случилось въ Скопиаѣ можетъ повториться, въ тѣхъ или иныхъ размѣрахъ, въ десяткахъ другихъ городовъ. Нельзя знать какіе размѣры можетъ принять кризисъ подъ вліяніемъ паники; но они могутъ быть ужасны. Чтобы судить о нихъ достаточно вспомнить что общій итогъ пассивовъ всѣхъ городскихъ общественныхъ банковъ простирается до двухсотъ милліоновъ рублей, если не болѣе.

И не одни безчисленные вкладчики нѣсколькихъ сотъ городскихъ банковъ могутъ быть охвачены паникой, могутъ стать жертвами кризиса. Непосредственное вліяніе его можетъ лечь тяжелымъ кошмаромъ на цѣлыя массы городскихъ населеній не имѣвшихъ никакого касательства къ городскимъ банкамъ, не принимавшихъ ни пассивнаго, ни активнаго участія въ ихъ операціяхъ, и лишь фиктивно связанныхъ съ ними Нормальнымъ Положеніемъ о Городскихъ Общественныхъ Банкахъ. Въ силу ст. 25 этого Положенія, ввѣренные городскому общественному банку „вклады обезличиваются ручательствомъ всего городского общества которое отвѣтствуетъ и за цѣлость всѣхъ суммъ банка“. На городскихъ обывателей, вслѣдствіе этого, банкротство городского общественного банка ложится еще несравненно тяжелѣе чѣмъ на вкладчиковъ. Что значитъ переполохъ произведенный крушеніемъ Коммерческаго Ссуднаго Банка въ Москвѣ, писали мы 7 ноября 1875 года *,—

„въ сравненіи съ тѣмъ какой произошелъ бы въ иномъ уздомъ городѣ, когда жители его въ одно прекрасное утро узнали бы вдругъ что ихъ городской банкъ оказался несостоятельнымъ на нѣсколько милліоновъ, или хоть на нѣсколько сотъ тысячъ, и что именно имъ, а не кому другому придется выплатить вкладчикамъ эти милліоны и сотни тысячъ. И въ какое недоумѣніе были бы оставлены эти городскіе обыватели въ виду совершенной неизвѣстности какимъ способомъ осуществится ихъ ручательство за вклады внесенные въ ихъ банкъ и за цѣлость всѣхъ суммъ этого банка! Поведеть ли за собой это ручательство продажу съ аукціона всѣхъ ихъ пожитковъ, или дѣло ограничится ассигнованіемъ правительственной ссуды и уплатой ея съ разсрочкой, съ

* См. *Моск. Вѣд.* 1875, № 285.

процентами или безъ процентовъ, изъ текущихъ городскихъ доходовъ, которыхъ не достаетъ часто на удовлетвореніе насущныхъ потребностей городского благоустройства? На этотъ вопросъ Нормальное Положеніе о Городскихъ Общественныхъ Банкахъ, установившее полное, ничѣмъ не ограниченное ручательство городскихъ обществъ за ихъ банки, не даетъ никакого отвѣта.

Высказывая это семь лѣтъ тому назадъ, посвятивъ тогда вопросу о городскихъ общественныхъ банкахъ четыре обширныя статьи, * мы указывали на необходимость безотлагательнаго пересмотра Положенія о Городскихъ Банкахъ, въ особенности на необходимость назначенія немедленной ревизіи этихъ банковъ и установленія надъ ними серьезнаго, строгаго правительственнаго контроля, въ видахъ предотвращенія возможной катастрофы. Въ семь лѣтъ, однако, ничего въ этомъ отношеніи сдѣлано не было, и до сихъ поръ идутъ лишь предварительныя толки о пересмотрѣ Положенія въ сказанномъ смыслѣ. Но въ настоящую минуту задача состоитъ уже не въ томъ чтобы предупредить возможность катастрофы: она уже совершилась. Реформа городскихъ банковъ не перестала быть настоятельною необходимостью, но однимъ пересмотромъ Положенія нельзя утишить бурю сокрушившую Сколинскій Банкъ и грозящую той же участью множеству другихъ банковъ той же категоріи. А главная задача и состоитъ теперь въ томъ чтобы утишить начавшуюся бурю, ограничить размеры кризиса и не дать паникѣ распространиться повсемѣстно. Прекратить тревогу надо какъ въ экономическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи; это требуется въ интересахъ общаго земскаго мира. Необходимо, полагаемъ, съ одной стороны успокоить вкладчиковъ, безотлагательно давъ имъ гарантію въ томъ что ни банкротство Сколинскаго Банка, ни другіе подобныя случаи которыхъ можно опасаться, не причиняютъ имъ разоренія, не поглотятъ ихъ сбереженій. Съ другой стороны, въ той же, если не въ большей степени, необходимо успокоить населенія тѣхъ городовъ гдѣ имѣются городскіе общественныя банки, введя въ разумныя и справедливыя предѣлы ту имущественную отвѣтственность за чуждыя и непонятныя простыми городскимъ обывателямъ банковыя операціи которая возложена на нихъ ст. 25 Нормальнаго Положенія.

* См. Моск. Вѣд. 1875, №№ 231, 276, 285 и 291.

Было бы неправильно и несправедливо отнести ко вкладчикамъ какъ Сколинскаго, такъ и другихъ городскихъ банковъ безучастно, предоставивъ имъ вѣдаться съ несостоятельнымъ должникомъ какъ они сами знаютъ, и учреждать конкурсъ надъ Сколинскимъ городскимъ обществомъ на основаніи общаго коммерческаго права, съ перспективой получить по нѣскольку копѣекъ за рубль. Сколинскій, какъ и всякій другой общественный банкъ, не есть частное кредитное учрежденіе. Ему довѣрялись вклады не столько подъ гарантію его капиталовъ (основнаго и залоговаго) и общественной городской отвѣтственности, сколько по довѣрію къ правительству. Въ виду всего этого, если Сколинскій крахъ потрясетъ благосостояніе вкладчиковъ, то это будетъ ударомъ не только Сколинскому, но и правительственному кредиту. А для огражденія послѣдняго можно, полагаемъ, не скуписься и на нѣкоторыя жертвы.

Еще несправедливѣе было бы отнести безучастно къ Сколинскому (какъ и ко всякому другому) городскому обществу, осудивъ его платить полностью за разбитые горшки послѣ заключительнаго финала не имъ разыгранной банковской оргіи. Было бы крайнею несправедливостію, было бы яввою, завѣдомою ложью сказать сколинскимъ обывателямъ: вы сами задумали у себя банковое дѣло, приступили къ нему съ полнымъ сознаніемъ принятой на себя отвѣтственности, вели его какъ хотѣли на полной вашей волѣ и пользовались его выгодами; ложните же теперь плоды вами посѣяннаго; любите кататься, любите и саночки возить. Нѣтъ, Сколинскій Банкъ (какъ и другіе прочіе) основанъ вовсе не по инициативѣ мѣстныхъ городскихъ обывателей; они и не подумали бы братья за темное для нихъ банковое дѣло, можетъ-быть отчурались бы отъ него еслибы оно не было всѣмъ городамъ рекомендовано изданіемъ Нормальнаго Положенія, и еслибы затѣмъ учрежденіе городскихъ общественныхъ банковъ не поощрялось прежнею финансовою администраціей. Не имѣя понятія о банковомъ дѣлѣ, городскіе обыватели тѣмъ менѣе могли понимать и созавать его возможные результаты; сомнительно чтобы между этими обывателями много было такихъ которые читали Нормальное Положеніе, и даже между читавшими едва ли довольно такихъ которые были въ состояніи понять и взвѣснить прочитанное. Въ учрежденіи Сколинскаго Банка мѣстные горожане

т. сѣк.:

неповицны даже и безсмысленною подачею голосовъ о непоплатномъ и невѣдомомъ дѣлѣ. Банкъ учрежденъ въ 1863 году, а при тогдашнемъ городскомъ режимѣ не имѣло мѣста даже и то фиктивное участіе горожанъ въ городскихъ дѣлахъ какое практикуется при нынѣшнемъ городскомъ quasi самоуправленіи. Дѣло было затѣано и велось немногими мѣстными тузами, и горожане помимо ихъ воли неожиданно внезапно очутились въ положеніи поручителей по обязательствамъ на многіе милліоны рублей. Контроль горожанъ надъ дѣйствіями заправителей банковаго дѣла могъ быть тоже только мнимымъ, а не дѣйствительнымъ. Ужъ если въ финансовомъ вѣдомствѣ, которому представлялись для свѣдѣнія годовые отчеты городскихъ банковъ, специалисты по кредитной части не усматривали зловѣщихъ признаковъ въ этихъ отчетахъ, то гдѣ же было усмотрѣть эти признаки людямъ ничего въ банковыхъ операціяхъ несмыслящимъ? Одно только можно признать, именно что городъ пользовался нѣкоторыми выгодами отъ учрежденнаго въ немъ банка: часть банковыхъ прибылей отдѣлялась на городскіе расходы, въ подкрѣпленіе обычнымъ средствамъ городского бюджета. Только въ суммѣ этихъ отчисленій, полагаемъ, и можетъ быть допущена падающая на городъ отвѣтственность, только на эту сумму — и то если она не превышаетъ его бюджетныхъ средствъ — можетъ быть предложено ему заключить заемъ на пополненіе конкурсной массы изъ которой должны быть удовлетворены кредиторы Банка. Всю остальную недостаку банковыхъ средствъ на покрытіе его обязательствъ было бы, полагаемъ, всего приличнѣе принять на себя правительству, которое не можетъ же устранить отъ себя всю тяжесть отвѣтственности лежащей на немъ въ имъ самимъ организованномъ дѣлѣ городскихъ общественныхъ банковъ. Затѣмъ уже дѣломъ правительственной власти будетъ строго разслѣдовать всѣ подробности банковской дѣятельности окончившейся крахомъ, взыскать чтѣ возможно со всѣхъ дѣйствительно виновныхъ въ злоупотребленіяхъ, небреженіи и несмотрѣніи, и наконецъ примѣнить къ заслужившимъ строгость закона.

Это отнесеніе на казну немаловажныхъ суммъ какія могутъ оказаться въ недостацѣ при ликвидаціи какъ Скопинскаго, такъ и всякаго другаго изъ городскихъ общественныхъ банковъ, ляжетъ, конечно, не малою тягостью на

государственный бюджетъ. Но едва ли было бы разумно и позволительно останавливаться предъ этимъ соображеніемъ. Ужь если у насъ не остановились предъ ассигнованіемъ болѣе чѣмъ четырехсотъ милліоновъ на уплату мнимаго казеннаго долга казенному банку, для уплаты никому не нужной и предпринятой единственно по теоретическимъ соображеніямъ, то какъ бы не принять на казенный счетъ суммы во много разъ меньшей, ассигнованіе которой, съ одной стороны, было бы большимъ благодѣяніемъ дѣльнымъ массамъ городскихъ населеній и безчисленному множеству вкладчиковъ, съ другой, было бы дѣломъ справедливости и разумной политики, имѣющей дѣлю какъ поддержаніе правительственнаго кредита, такъ и устраненіе вредныхъ нравственно и экономически вліяній и послѣдствій общей тревоги причиняемой крахомъ.

14 октября.

Банкротство Скопинскаго Банка теперь подъ слѣдствіемъ. Но факты подлежащіе раскрытію были извѣстны давно, много лѣтъ тому назадъ. Однако, и судебная, и полицейская, и финансовая власти до послѣдней минуты закрывали глаза на это явно нечистое дѣло, на этотъ грабежъ, которому въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подвергались въ Россіи массы людей.

Нерѣшительность, властей приступить къ дѣлу продолжалась до послѣдней минуты. Болѣе двухъ мѣсяцевъ тому назадъ банкротство Скопинскаго Банка было уже совершившимся и признаннымъ фактомъ. Въ предвидѣніи имущественной отвѣтственности въ силу ст. 25 Нормальнаго Положенія о Городскихъ Общественныхъ Банкахъ, ные изъ скопинскихъ кулцовъ и мѣщанъ, какъ сообщено въ газетахъ, тогда уже начали переводить свою недвижимую собственность на имена женъ и иногородныхъ лицъ, а движимость, по примѣру лоданному Москвичами въ 1812 году, вывозить изъ Скопина въ другія, болѣе безопасныя мѣста. Мѣстная администрація ничего этого не замѣчала. Хотя Банкъ не переставалъ печатать въ своихъ рекламахъ что „вклады возвращаются и проценты по нимъ выдаются наличнымъ вкладчикамъ въ тотъ же день, иногороднымъ высылаются съ почтой“, но многіе вкладчики уже съ начала весны тщетно обращались въ Банкъ добиваясь возврата своихъ вкладовъ, посылая въ Скопинъ одни за другими заказныя письма и телеграммы. Въ

августъ мѣсяцъ крестьянинъ Амосовъ уже прямо обращался къ рязанскому губернатору съ ходатайствомъ о покуженіи Сколинскаго Банка къ высылкѣ вкладныхъ билетовъ и капитала; еще мѣсяцемъ ранѣе, обратился къ содѣйствию и защитѣ губернатора гжа Созановичъ, прося принять участіе въ ея положеніи какъ вкладчицы, съ 27 апрѣля безуспѣшно добивавшейся возврата своихъ денегъ. По всей вѣроятности, эти случаи были не единственные. Губернская власть ограничилась передачей этихъ жалобъ сколинскому городскому головѣ, о чемъ и уведомила крестьянина Амосова, съ объясненіемъ что такъ постулемо на основаніи Нормальнаго Положенія о Городскихъ Банкахъ. Приступъ къ слѣдствію по Сколинскому дѣлу замедлялся даже и послѣ скандала 23 сентября, завершившагося тѣмъ что полтораста вкладчиковъ, по выслушаніи формальнаго заявленія что денегъ въ кассѣ нѣтъ, потребовали составленія полицейскаго акта. Не ранѣе какъ черезъ три дня, 27 сентября,—и то не по распоряженію властей, но, какъ сообщаютъ въ газетахъ, по предъявленію однимъ изъ вкладчиковъ иску,—судебный приставъ описалъ пустую кассу Сколинскаго Банка, и лишь черезъ четыре дня послѣ того, 2 октября, прокуроръ Рязанскаго Окружнаго Оуда, вмѣстѣ съ судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ, приступилъ къ пересмотру дѣлъ Банка и къ опечатанію его имущества. Затѣмъ постановленіе суда наложить запрещеніе на имущество Рыкова состоялось только 6 октября, обсужденіе же дѣла о признаніи Сколинскаго Банка несостоятельнымъ отложено до 12 октября. Первый допросъ Рыкову, бывшему по болѣзни подъ домашнимъ арестомъ, сдѣланъ только 8 октября.

Кромѣ Рыкова, какъ видно изъ газетъ, привлечены къ дѣлу Иконниковъ и Рудневъ. Но этими тремя лицами дѣло, конечно, не ограничится. Такой фактъ какъ показаніе въ отчетномъ балансѣ на 1 января текущаго года итога протестованныхъ векселей въ суммѣ 670.000 рублей, тогда какъ на дѣлѣ это итогъ выражался цифрой 2.430.000 рублей,—такой фактъ не могъ состояться безъ вѣдома многихъ служащихъ въ Сколинскомъ Банкѣ, которымъ не даромъ же выдавалось одного жалованья болѣе 47.000 рублей въ годъ. Вообще слѣдователямъ предстоитъ распутать дѣло многосложное и тѣмъ болѣе трудное чѣмъ позднее къ нему приступлено. Много разореній было бы предупреждено еслибы власти обратили

вниманіе на Скопинскій Банкъ насколько дѣла тому на-
задѣ. Но, къ великому всѣхъ прискорбію, власть во всемъ
у насъ какъ будто парализована, такъ что отдѣльныхъ лицъ
и видать недѣля за бездѣйствіе власти. Бездѣбы саѣдствіе на-
чалось хотъ въ іюлѣ, по крайшей мѣрѣ въ августѣ, виновные въ
расхищеніи доверенныхъ Банку суммъ ищѣли бы въ своемъ
распоряженіи менѣе времени скоронить концы и выгородить
многихъ изъ своихъ соучастниковъ. Начисъ саѣдствіе ранѣе,
можетъ-быть въ Банкѣ оказалось бы Рыковскихъ векселей не
на шесть милліоновъ, а на много меньшую сумму; Рыковъ мо-
жетъ-быть не успѣлъ бы своими векселями замѣнить тако-
вые своего вѣтя и другихъ лицъ съ которыхъ можно было
бы разыскать; лица подлежащія имущественной отвѣтствен-
ности ищѣли бы менѣе времени для сокрытія собственности.
Всѣ участники расхищенія, благодаря продолжительной от-
срочкѣ, могли завершить и округлить свои дѣла: саѣдствіе
не было начато ни въ іюлѣ, ни въ августѣ, ни въ сентябрѣ
Вдронемъ, быть-можетъ саѣдователи не только провѣрять,
при помощи компетентныхъ лицъ, весь сомнительный, дохо-
дащій до 13 милліоновъ, активъ Банка, но и разыскать тѣхъ
отвѣтчиковъ по растратѣ чьи векселя Рыковъ замѣнилъ
своими. Надо помогать что исчезнушіе векселя оставили же
слѣдъ въ книгахъ Банка и въ лампачи служащихъ въ немъ,
равно какъ должна быть возможность опредѣлить, по тѣмъ
же источникамъ, время напына Рыковскихъ векселей въ
замѣдъ исчезнувшихъ.

По важности дѣла, по множеству и громадности замѣшан-
ныхъ въ немъ интересовъ, нельзя не пожелать чтобы слѣд-
ствіе было обставлено всѣми возможными гарантіями без-
пристрастія. Это тѣмъ необходимое что ходитъ молва будто
въ числѣ тѣхъ чьи векселя Рыковъ замѣнилъ своими нахо-
дятся многія вліятельныя лица, въ интересѣ коихъ скрыть
свою прикосновенность къ дѣлу и косвенными средствами
направить слѣдствіе односторонне, не обращая вниманія на
интересы несчастныхъ вкладчиковъ и Скопинскихъ горожанъ.
Желательно поэтому чтобы всякое дѣйствіе саѣдственной
власти совершалось не иначе какъ подъ серіознымъ контро-
лемъ не только назначенныхъ судомъ полечителей, но и
повѣренныхъ со стороны горожанъ и вкладчиковъ. Одного
этого, однако, полагаемъ, недостаточно для огражденія инте-

решонъ пострадавшихъ отъ катастрофы; гарантія была бы гораздо серьезнѣе еслибы были опубликованы имена всѣхъ кредитовавшихся въ Скопинскомъ Банкѣ на значительныя суммы въ послѣдніе годы, съ той поры какъ на въ концъ изъ знакомыхъ съ банковымъ дѣломъ людей не могли оставаться сомнѣнія въ необходимости его паденія и въ характерѣ вѣдомыхъ имъ операцій.

Между тѣмъ Скопинская катастрофа не перестаетъ быть предметомъ повсемѣстныхъ толковъ. Пуще всего спорить о томъ должно ли правительство пособить вкладчикамъ и Скопинскимъ горожанамъ въ ихъ печальномъ положеніи. Всѣ признаютъ что большинство вкладчиковъ люди малоимущіе; ихъ право продать съ молотка весь городъ Скопиа, пустить на міру все его населеніе, признается несомнѣннымъ, не имѣетъ признается что продажа Скопинна дѣла не легкое, не скорое и трудно исполнимое, да и всей выручки отъ продажи пожалуй не достаетъ на удовлетвореніе вкладчиковъ даже въ отдаленномъ будущемъ. Съ другой стороны, всѣми признается что приращеніе къ Скопиа буквы закона разорвало бы все населеніе этого города. Явная несправедливость буквального приращенія закона къ горожанамъ, неповиновеніе въ томъ что творилось распорядителями банковыхъ операцій, выставляется въ яркомъ свѣтѣ. Допустить отвѣтственность горожанъ за эти операціи значило бы вообще допустить что повсюду, какъ рѣзко выражено въ одной газетѣ, „всякій домовладѣлецъ въ городѣ находится подъ опасностью потерять свое имущество благодаря городскому управительству накопящемуся въ рукахъ жуликовъ, поддерживаемыхъ кабачками, трактирщиками и всякою сволочью имѣющею право голоса въ управленіи“.

Казалось бы что кто все это говорить и думаетъ, тотъ долженъ желать и ожидать принятія казной большей или меньшей доли отвѣтственности по Скопинскому дѣлу. Но по псевдо-либеральнымъ ученіямъ, правительство должно быть празднымъ и ненужнымъ учрежденіемъ, должно бездѣйствовать и ни во что не вступаться. Какъ только пробудилась боязнь за дорогой пустоцветнымъ либераламъ принципъ бездѣйствія власти, взгляды на дѣло тотчасъ же измѣнились. Та же самая газета которая наканунѣ проливала слезы е печальномъ положеніи немущихъ вкладчиковъ стала утвер-

ждать что заботиться о них не стоить, что эти вкладчики, ввѣрившіе деньги такому банку какъ Скопинскій, либо Ивашкин-дурачки—а смѣшно было бы „дарить казну обокраденными дураками“,—либо что эти вкладчики, гнавшіеся за лишнимъ процентомъ, корыстные спекулянты и хищники, „маленькіе Рыковы“, и что поощрять ихъ спекуляцію „изъ народнаго кармана“, изъ „сумы податныхъ сословій“ не просто глупо, но „возмутительно“. вмѣстѣ съ тѣмъ, снятіе имущественной отвѣтственности съ горожанъ вдругъ оказалось не только ущербомъ и опасностью для казны, но и вредомъ для всего общества, для всей страны: оно было бы де „преміей за легкомысліе и дурной надзоръ“; оно „пріучило бы общество относиться безлечно и равнодушно къ дѣятельности своихъ членовъ, какъ отдѣльныхъ лицъ такъ и корпорацій организованныхъ для извѣстныхъ цѣлей и дѣйствующихъ по его полномочію“, оно увѣковѣчило бы повтореніе „общественныхъ бѣдствій вслѣдствіе злоупотребленій отдѣльныхъ лицъ и корпорацій“, ибо общество будетъ дремать если будетъ знать „что за него не дремлетъ какая-то высшая благодѣтельная сила“. Вотъ мы дошли и до мѣста wo ist der Hund begraben. И какъ хорошо звучитъ этотъ эпитетъ *enlish* въ приложеніи къ государственной власти въ Россіи! Чтобы только отдѣлаться отъ этой „высшей“ силы, наши же-либералы готовы не останавливаться ни предъ чѣмъ: пусть погибають многія тысячи вкладчиковъ, пусть неоправимо разоряются цѣлые города съ ихъ округами какъ послѣ непріятельскаго нашествія, пусть это повальное разореніе вызываетъ ролотъ и неудовольствіе противъ правительства издавшаго Нормальное Положеніе,—они готовы видѣть во всемъ этомъ лишь урокъ обѣщающій ту пользу что благодаря ему „высокое начало общественнаго кредита“ будто бы получить „прочное основаніе“.

Чтобы власть государственная не вздумала дѣйствовать, пускаются въ ходъ всевозможные софизмы въ доказательство того что отвѣтственность казны по дѣламъ общественныхъ городскихъ банковъ есть будто бы „вздорная фантазія“, и стараются осмѣять эту „казенную отвѣтственность“. Вѣдь если допустить ее, говорятъ между прочимъ, то казнь, по тому же принципу, пришлось бы отвѣчать и за частные банки, и за всякія предпріятія, ибо всѣ они возникаютъ съ

разрѣшенія правительства, и за всякаго торговца, такъ какъ и ему разрѣшенъ его промыселъ, стало-быть онъ официально признавъ благонадежнымъ человекомъ, и если таковымъ не окажется, то потерпѣвшіе отъ него убытки заковать, покладу, предъявить претензію къ казнѣ.

Жалкія попытки на остроуміе! Всему есть мѣра, есть мѣра и ответственности при разныхъ обстоятельствахъ. Никто не пойдетъ искать съ казны убытковъ понесенныхъ отъ обмана торговца; но на власти лежитъ серьезная ответственность какъ за недостатки торговыхъ уставовъ, такъ и за несоблюденіе надъ исполненіемъ уставовъ. Въ странѣ гдѣ учрежденіе банковъ такое же дѣло свободной частной предпримчивости какъ всякая торговля, гдѣ открыть банкъ то же что открыть магазинъ или лавочку (какъ это было прежде въ Америкѣ), гдѣ публика привыкла къ такимъ вольнымъ банкамъ, то же никому не можетъ придти въ голову, въ случаѣ банкротства, считать въ числѣ отбитчиковъ казну. Но у насъ банковое дѣло вовсе не предметъ вольнаго промысла, у насъ публика вѣковой практикой приобыкла къ несомнѣнному кредиту государственныхъ учреждений, не подвергавшихся никакимъ крахамъ и не дававшихъ повода ни къ какимъ сомнѣніямъ за цѣлостъ вѣрныхъ имъ вкладовъ. Подъ вліяніемъ навязанныхъ доктринъ ликвидировать свои кредитныя учрежденія, правительство въ замѣтъ ихъ само же создало массу новыхъ. Правительство несетъ на себѣ отвѣтственность за все отъ чего ливидному ототривалось и за духъ судовъ, и за злоупотребленія разныхъ самоуправленій, и за извращеніе школы, и за безчиства печата, и за шаткость кредита и банковые крахи, и за свое бездѣйствіе. Что касается городскихъ общественныхъ банковъ, этихъ учрежденій порожденныхъ Нормальнымъ Положеніемъ 6 февраля 1862 года, то нельзя приравнивать ихъ къ мелочнымъ лавочкамъ. Развѣ мелочная лавочка общественное учрежденіе? Наконецъ, развѣ мелочная лавочка совершаетъ свои операціи предъ государственнымъ зеркаломъ? *

* См. ст. 14 Нормальнаго Положенія: „Банку предоставляется имѣть зеркало въ комнатѣ предъзначенной для заведенія правленія, а также свою печать съ гербомъ присвоеннымъ городу гдѣ банкъ учрежденъ и съ надписью вокругъ наименованія банка“.

15 октября.

Въ послѣднее десятилѣтїе, предъ глазами лубанки и на ее сестры, не разъ происходили и миллионныя разстраты, и крупныя крушенія банковокъ и банкирскихъ конторъ. Но ни одинъ изъ подобныхъ случаевъ не производилъ на нашъ такъ-называемый либеральный лагерь такого впечатлѣнія какъ Скопинское банкротство. Къ другимъ случаямъ можно было относиться не безъ влорадства и, крича противъ хщешиѣ и грабительства, рекомендовать шаблонную конституцію, при которой будто бы не было бы ни зоревства, ни мошенничества, ни убійствъ, ни пожаровъ, ни эпидемїи, ни неурожаевъ, а настали бы золотыя годы блаженнаго миллениума. Но Скопинскїй крахъ не такого рода фактъ чтобъ изъ него помощью оффимовъ можно было выжать поученіе въ приведенномъ смыслѣ. Напротивъ, онъ служитъ какъ бы образчикомъ тѣхъ результатовъ какихъ слѣдуетъ ожидать по разнымъ частямъ отъ осуществленія рекомендуемой программы утѣчканїя реформъ, ибо самъ онъ выросъ и развился на почвѣ и подъ обнїемъ „правовыхъ порядковъ“ пригнѣсомыхъ въ сферѣ городскаго хозяйства и является ихъ цвѣтомъ и плодомъ, и вотъ, въ виду того что эти порядки не оправдали себя въ маломъ, не совсѣмъ-то ловко выставлять ихъ надежнымъ и вѣрнымъ кровомъ подъ которымъ должно укрыться отъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ бѣдъ все наше государственное зданїе. Оказался явилко фактъ не только не пригодный для агитация въ пользу вождедѣнной программы, но къ тому еще такой который, въ видахъ квази-либерализма, нужно замнѣять. По поводу Скопинской катастрофы поладобилось прочесть лекцію о томъ какъ слѣдуетъ смотрѣть на нее и на безчисленное множество другихъ фактовъ не говорящихъ въ пользу мнимо-либеральной программы.

Категорически нашего либерализма не лишены своеобразнаго интереса. Вотъ его сущность. Какія бы злоупотребленія ни замѣчались въ дѣятельности земскихъ дѣльцовъ и городскихъ думцевъ; какими бы результатами, на подобіе Скопинскаго, они ни завершались, чтъ бы ни творилось въ судахъ, какою бы насмѣшкой надъ правосудїемъ и здравымъ смысломъ ни являлись чины приговоры и дѣйствїа судебного персонала; чтъ бы ни происходило въ школахъ, какъ бы ни развращалось тамъ юношество, въ какихъ бы грубыхъ нарушенїяхъ

дисциплины ни проявлялось это возвращеніе; какъ бы ни вела себя печать, открытае отдающаго на служеніе важнымъ публичнымъ обшанамъ и крамола, въ какимъ бы наказанствомъ ни предьявлялось она меруганію честныхъ людей, какъ бы ни подкалывалась она подо все на чемъ зиждется государственнй строй начинала отъ семьи и кончала самымъ началомъ государственнаго самодержавія: во всемъ этомъ власть должна де только видѣть или протия случайности, или печальна поключенія, молчать и бездѣйствовать. Ея знача-тельность для пресѣченія всѣмъ очевиднаго зла было бы яко бы „пожымъ убиваніемъ самобытія, саморазвитія, самоуп-вершенствованія и оживленія“. Поэтому оставте аксіомой что по отношенію къ печати, къ школамъ, къ суду, къ зак-оному и городокому самоуправленію, къ общественному кре-диту, государственная власть и ея органы ничѣмъ и ни въ чемъ не должны проявлять своего существованія. Присут-ствіе государственной власти въ такихъ случаяхъ было бы будте бы отягченіемъ у общества правъ дарованныхъ ему „ве-ликии реформами прошлаго царствованія“, чреватимъ бѣ-дами „политимъ движеніемъ, лѣвореніемъ исторической ошибки“, возвращеніемъ къ „періоду казенной благонамѣрен-ности, когда пытались взать въ казну совѣсть, душу, мысль, вѣру, и отлукать ихъ на пользование казенными разамѣрен-ными, патентованными пайками“. Для власти дозволено что ей дозволяется проявлять свою силу въ дѣлахъ „о расхищеніи Уфимскихъ земель, дѣсовъ Царства Польскаго и о про-чихъ хищеніяхъ и казнокрадствахъ“; тутъ, по либеральному катехизису, она можетъ присутствовать, тутъ ее можно по-ощрять, но въ заповѣдныя, запретныя для нея области шко-лы, суда, печати и вслчскаго самоуправленія власть не долж-на показывать и носа. На эти запретныя для правительства области имѣеть де право какое-то „общество“... Пусть „въ общественной нашей жизни много грѣха, неправильности, фальши и жи“, но избавить отъ нихъ должно не „казенно-приказное воздѣйствіе“, не „чиновничье начало“ (таковы эпитеты которыми наши либералы честятъ государственную власть). Нѣтъ, предоставте это дѣло самостоятельному суду „въ которомъ могутъ свободно развиваться общественная совѣсть и общественныя взгляды на правду и справед-ливость“... на подобіе того какъ въ дѣлѣ Вѣрочки Засудичъ и въ

бездѣльному множеству другихъ; дайте возможность людямъ въ земствахъ и городахъ „выработать лучшіе порядки общественной жизни“... путемъ Скопинскихъ и иныхъ краховъ.

Но при всемъ шуме съ какимъ преповѣдуется догматъ бездѣтельности власти, наши либералы не могутъ скрыть своихъ опасеній что правительство, пожалуй, рѣшится наконецъ погрѣшнить противъ этого догмата, и что Скопинское банкротство можетъ послужить прямымъ поводомъ выйти изъ полупараличнаго состоянія которое предписывается ему пошлою доктриной, считавшеюся верхомъ политической мудрости. Прежде всего наши либералы трепещутъ за городское самоуправленіе въ его нынѣшнемъ видѣ. Это оказалось въ отрицаніи необходимости для правительства явиться на помощь Скопинскимъ горожанамъ и вкладчикамъ Скопинскаго Банка; это оказалось еще ярче въ набатномъ крикѣ „спасайте независимость городского самоуправления“, въ печальномъ обращеніи ко всемъ русскимъ городамъ съ куріознымъ предположеніемъ сдѣлать вкладчику изъ ихъ бюджетныхъ средствъ, а если нельзя, то устроить подлиски для восполненія всей Скопинской растраты помимо правительства. Въ одной распространенной газетѣ читаемъ: „Разъ государство явится оштрафованъ за грѣхи городского самоуправления и городскихъ общественныхъ банковъ, на его обязанности лежитъ задача обставить и народную казну гарантіями предупреджающимъ повтореніе подобныхъ краховъ, подвергнуть пересмотру основныя начала Городоваго Положенія и устава городскихъ банковъ. Если нашимъ городамъ дѣйствительно дорога независимость въ управленіи собственными дѣлами, то они, не долго думая, пополняютъ не достающіе въ Скопинѣ милліоны и удовлетворяютъ слова всѣхъ вкладчиковъ долгушаго Банка. Этою ничтожною въ сущности жертвой русскіе города окажутъ великую услугу самоуправленію и взаимной порукѣ; быть-можетъ въ силу закона правительство не въ правѣ допустить заимствованіе съ этою цѣлью изъ городскихъ бюджетовъ, но городамъ не возбраняется устроить частную подлиску.“

Нельзя, впрочемъ, сказать чтобы нашъ либеральный лагерь былъ вообще противъ реформы городского самоуправления, противъ пересмотра Городоваго Положенія. Нѣтъ, этимъ господамъ, конечно, было бы пріятнѣе чтобы въ сферѣ

„общественной самодѣятельности“ было все чѣмъ можно неказалтѣе, хотя бы не видѣности, все же неприглядное было бы шито и крыто, и чтобы все подлежащее шлобаченію и опороченію оказывалось только въ сферѣ государственной администраціи. Они поэтому были бы не пречъ передавать Городовое Положеніе, но передавать по своему, передавать не въ томъ смыслѣ чтобы въ видѣніи горожанъ и ихъ выборныхъ остались лишь тѣ дѣла которыя они могутъ хорошо вести для общей пользы, не разбрасываясь по сторонамъ, а въ томъ чтобы упрочить въ городскомъ управленіи господство людей своего пошиба. Они противъ всякаго дѣйствительно полезнаго сосредоточенія городского самоуправленія, противъ всякаго упрощенія многопредметности его дѣятельности. Нѣтъ, пусть эта многопредметность не только не сократится, но еще возрастетъ, пусть городскіе выборные видаютъ то въ чемъ не могутъ быть компетентны, какъ кредитныя операціи такъ и школьное дѣло, пусть будетъ отведено для нихъ что можно даже изъ предметовъ подлежащихъ прямому и исключительному видѣнію церковной власти; но пусть управленіе всѣмъ этимъ будетъ въ рукахъ „передовой“ либеральствующей интеллигенціи. Только этотъ смыслъ въ сущности и имѣютъ все эти вызванные Скептическимъ крахомъ волни противъ лавочниковъ, трактирщиковъ и кабачниковъ, и въ пользу подчиненія, при городскихъ выборахъ, имущественнаго ценза—образовательному. Собственно говоря, держатели кабаковъ должны быть любезны либеральному сердцу, какъ держатели „народныхъ клубовъ“; не даромъ же эти „клубы“ такъ отстаивались при обсужденіи литейнаго вопроса. Такими лавочниками, каковъ напримѣръ издатель *Русскаго Курьера*, либералы сами еще менѣе имѣютъ причинъ быть недовольными. Но не все лавочники на эту статью, и потому желательно дать городскимъ выборамъ такую „справедливую и практичную“ организацію при которой городское управленіе очутилось бы въ рукахъ „новыхъ людей“, употреблая терминъ извѣстнаго романа Чернышевскаго *Что дѣлать*. Будь введена такая организація выборовъ, и въ прессѣ тотчасъ же прекратились бы сѣтованія на „нашу политическую неразвитость, при которой воры воротилы становятся излюбленными людьми“, хотя бы эксплуатація общественнаго капитала

и предлагалась принять, только бы другими людьми. Не будет ли совершенна реформа въ такомъ именно направленіи, вотъ вопросъ смутавшій этихъ господъ въ виду Сконинскаго краха и поставленнаго имъ вопроса о лежащей на правительствѣ отвѣтственности за этотъ случай и многіе ему подобныя. А что если правительство найдетъ полезнымъ ограничить, въ интересахъ, не мнимыхъ, но действительнаго общества, городское самоуправленіе, и ввести въ должные предѣлы объемъ компетенціи городского самоуправленія?

VII.

8 октября.

Возбужденъ, наконецъ, вопросъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ военномъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ. По распоряженію главнаго военно-суднаго управленія, начальникамъ военныхъ округовъ, корпуснымъ командирамъ, многимъ начальникамъ дивизій, нѣкоторымъ командирамъ полковъ, всѣмъ пресѣдателямъ военныхъ судовъ и прокурорамъ разослана записка содержащая въ себѣ подробную разработку извѣстныхъ вопросовъ о проектированныхъ измѣненіяхъ. Всѣ упомянутыя лица приглашаются дать свое заключеніе объ изложенномъ въ запискѣ. Такимъ образомъ, въ предстоящей реформѣ нашего военного судоустройства и судопроизводства призваны принять участіе какъ непосредственно лица военно-судебнаго вѣдомства, такъ и занимающія вышнее положеніе въ военной іерархіи, а потому дѣятельно участвующія въ отправленіи военного правосудія.

Военный судъ есть органъ военного управленія, и его хотѣть поставить, повидимому, такъ чтобы онъ имѣлъ постоянно и неуклонно въ виду цѣли этого управленія и действительно содѣйствовалъ укрѣпленію въ арміи духа дисциплины и сознанія долга. Къ сожалѣнію, нашъ военный судъ не всегда стремился къ этой цѣли. Не далѣе какъ въ апрѣлѣ этого года Военный министръ вынужденъ былъ наложить особымъ циркулярнымъ предписаніемъ предсѣдателямъ судовъ что какъ обвинителямъ такъ и защитникамъ „положительно и безусловно запрещается употреблять выраженія оскорбительныя для военныхъ начальниковъ, дѣлать о нихъ пролическія замѣчанія, критиковать и порочить ихъ распрояженія или входить въ какія-либо общія разсуж-

денія изображающія принятыя въ военномъ быту порядки какъ нечто ненормальное, замуживающее порядкиа“. Изъ того же самаго циркуляра видно что вообще какъ прокуроръ такъ и защитники „весьма часто“ уклоняются отъ преподаваемыхъ имъ въ законѣ правилъ и тѣмъ даютъ поводъ къ справедливымъ нарекамъ, тѣмъ болѣе „прискорбнымъ“ что выставляютъ „въ неправильномъ свѣтѣ дѣятельность военно-уголовнаго правосудія“. Надо полагать что проектируемыя измѣненія въ военномъ судопроизводствѣ и судопроизводствѣ положить конецъ подобному извращенію функций суда.

Случайнымъ образомъ задуманный у насъ пересмотръ законоположеній о военномъ судопроизводствѣ и судопроизводствѣ совпалъ съ таковою же реформой въ Германіи. Полезно обратить вниманіе на взгляды какихъ держится въ этомъ дѣлѣ тамошнее военное начальство. До сихъ поръ въ Германіи нѣтъ общаго закона о военномъ судопроизводствѣ. Въ большей части арміи руководятся прусскими законоположеніями, но въ Баваріи, Саксоніи и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ дѣйствуютъ особые кодексы, существенно отличающіеся отъ прусскаго. Такъ напримѣръ, Баварія держится системы гласнаго судопроизводства, Пруссія вовсе не допускаетъ его. Въ прошломъ году созвана была особая коммиссія коей предложено сгладить эти разнорѣчія и проектировать общеперскій законъ о военномъ судопроизводствѣ. Весной коммиссія окончила свои занятія, проектъ ею выработанный былъ рассмотрѣнъ императоромъ и переданъ на заключеніе вассальныхъ правительствъ. Въ печати и въ парламентахъ немедленно возникли горячіе толки объ этомъ проектѣ. Говорилось что правительства не могутъ придти къ соглашенію вслѣдствіе слишкомъ большаго различія во взглядахъ, и что дѣло такимъ образомъ должно затормозиться. Говорили, между прочимъ, что Баварское правительство настойчиво добивается введенія гласности въ военное судопроизводство всей имперіи чему противится Пруссія. Либералы Баварскаго ландтага и отчасти имперскаго рейхстага немедленно послѣдшили вступить за принципъ гласнаго судопроизводства, выгодно де отличающій баварскій порядокъ отъ инквизиціоннаго прусскаго. Говорились запальчивыя рѣчи, принимались не менѣе запальчивыя резолюціи. Но ни правительства, ни военное начальство не обратили на всѣ

эти воли ни малѣйшаго вниманія. Разногласіа между правительствами оказались весьма несущественными и легко устранимыми. Надьякъ, офиціозная *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* передала что вновь составленный проект имперскаго военнаго судопроизводства весною уже будетъ представляемъ на обсужденіе рейхстага. Оказывается что существующее теперь въ Баваріи гласное судопроизводство не удержится. Вопреки ожиданіямъ либераловъ, Баварское военное министерство высказалось вовсе не въ пользу гласности, польза которой въ военномъ процессѣ вообще не сомнительна, тогда какъ, напротивъ, во многихъ случаяхъ эта гласность можетъ только вредить дѣлу, колебать дисциплину и субординацію и давать поводъ къ возбужденію политическихъ страстей. Едва ли не къ тому же взгляду пришло и наше военное начальство, съ годъ назадъ распорядившееся затворить двери военнаго суда для публички при разсмотрѣніи въкоторыхъ преступленій дисциплинарнаго характера. Не той ли же публичности процесса надо приписать и замѣченную въ нашихъ военныхъ обвинителяхъ и защитникахъ наклонность къ празднему краснорѣчію, „къ неумѣстной критикѣ, оскорбительнымъ отзывамъ, метафорамъ, аллегоріямъ и инымъ ораторскимъ приѣмамъ, не отвѣчающимъ ни условіямъ военнаго быта, ни существеннымъ цѣлямъ военнаго суда призваннаго къ укрѣпленію въ войскахъ порядка и дисциплины“. Рѣчь въ простой, сжатой и категорической формѣ лучше и достойнѣе чѣмъ приѣмы краснорѣчія вызывающіе скорѣе въ судьяхъ неудовольствіе и нетерпѣніе, не всегда выгодное и для подсудимаго. У насъ было не мало толковъ о военномъ судѣ и нареканій что судъ этотъ будто бы слишкомъ много зависитъ отъ военной администраціи и якобы поэтому не можетъ быть судомъ вполнѣ справедливымъ и безпристрастнымъ. Администрація можетъ же оказывать давленіе на судей и по своему усмотрѣнію наклонять вѣсы правосудія. Но администрація и судъ все-таки служатъ одному и тому же государству и потому должны имѣть одну и ту же главную цѣль. А какія имѣются гарантіи чтобъ избавить судей отъ давленія уличнаго мнѣнія, отъ ходячихъ фразъ, отъ заразы фальшивой популярности? Циркуляръ Военнаго министра не служитъ ли доказательствомъ что эти вліянія дѣйствуютъ на вѣсы правосудія?

VIII.

20 октября.

Анархисты, иначе вигиланты, даютъ себя знать и во Французской республикѣ. Куда вѣтеръ погонитъ эту чуму, туда она и несетъ свои миазмы. Тѣ же приемы какіе обнаружены были въ Россіи характеризуютъ дѣйствіе крамольниковъ во Франціи (та же тайная организація, тотъ же исполнительный комитетъ засѣдающій въ Женевѣ, тотъ же самостоятельный динамитъ), и въ числѣ дѣателей прямо встрѣчаются имена русскихъ отверженцевъ, съ Брокоткинымъ во главѣ. Нужно ли болѣе разительное опроверженіе лицемѣрнаго увѣренія нашихъ домашнихъ политическихъ интригановъ будто рекомендуемая ими система говорителъ прекратить зло? Не менѣе назидательно и то какъ общественное мнѣніе во Франціи относится къ крамолѣ съ той минуты какъ стало ясно что ни парламентаризмъ, ни даже республиканскій радикализмъ не служатъ олотомъ противъ разрушительныхъ элементовъ направляемыхъ тайною рукою противъ тѣхъ государствъ которыхъ требуется въ данную минуту замутить и обезсилить. Замѣчательно что социалисты революціонеры до сихъ поръ пренебрегали второстепенными по своему политическому значенію государствами, хотя такъ-называемый рабочій вопросъ, который социалисты-революціонеры выставляютъ на своемъ знамени, обстоитъ въ этихъ государствахъ далеко не лучше нежели въ странахъ крупнаго политическаго калибра. Почему, въ самомъ дѣлѣ, Швейцарія или Бельгія, гдѣ рабочіе классы находятся въ бѣдственномъ положеніи, до сихъ поръ не знаютъ ни о какихъ революціонныхъ попыткахъ со стороны социалистовъ? Почему динамитъ свободно выдѣлываемый крамольниками въ Швейцаріи есть лишь продуктъ для вывоза таинственнаго, но безпрелютственнаго?

Какъ бы то ни было, но во Франціи повяли теперь всю силу опасности угрожающей государству. Слишкомъ поздно слыхватились проповѣдники бездѣйствія власти; и для нихъ совершенно ясно что всеобщее помилowanіе дарованное нѣсколько лѣтъ тому назадъ сосланнымъ участникамъ Парижской коммуны и возвращеніе ихъ во Францію было грубѣйшею ошибкой. Амнистія эта была парламентарскимъ маневромъ г. Гамбетты, посредствомъ котораго онъ надѣялся умилостивить и привлечь на свою сторону крайнюю фракцію

республиканской партіи и объединить ее подъ диктаторскую власть. Разчетъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ не удался. Радикалы крайней лѣвой стали только сильнѣе съ присоединеніемъ къ нимъ возвратившихся коммунистовъ. И вся ихъ крикливая агитація обратилась именно противъ самого г. Гамбетты который одинъ требовалъ сильнаго и дѣятельнаго правительства дабы спасти страну отъ внутренняго разложенія и возвратить ей подобающее положеніе въ Европѣ. Партія „непримиримыхъ“ менѣе всего пожелала мириться съ программой имѣвшею во главѣ единство и крѣпость Французскаго государства.

За то по крѣпкой власти одинаково вздыхаютъ теперь какъ монархисты, такъ и республиканцы во Франціи, за исключеніемъ лишь тѣхъ кто отрекся ото всякой гражданской чести, ото всякихъ обязательствъ предъ отечествомъ.

Въ то же время французскіе доктринеры отрезвились отъ своихъ мнѣній касательно „политическаго убѣжища“. Судя по офиціозной замѣткѣ, опубликованной 27 октября *Агентствомъ Гаваса*, Французское правительство имѣетъ въ виду выступить энергически противъ Швейцарскаго, за преступное лотворство политическимъ бандитамъ, которые руководятъ изъ Женевы опаснымъ движеніемъ обваружившимся на югъ Франціи.

26 октября.

„Есть только одно средство къ подавленію революціонной крамолы—сильная правительственная власть“. Такъ говорятъ теперь самые либеральныя республиканцы во Франціи, между тѣмъ какъ наша такъ-называемая „либеральная пресса“ увѣряетъ будто правительство только тогда справится съ анархистами когда исполнить ихъ требованія, обезоружить себя и отдастся имъ въ руки.

Французская республика читится нашими „либералами“ какъ либеральнѣйшее изъ всѣхъ европейскихъ великихъ государствъ. Въ самомъ дѣлѣ, какихъ тамъ нѣтъ „свободъ“! И свобода преній, и свобода печати, и свобода сходовъ, и свобода ассоціацій, и свобода агитацій, и даже свобода присяги. И что же? Теперь французскіе либералы всѣхъ отговоровъ въ одинъ голосъ кричатъ: прочь всѣ эти свободы! дайте намъ только свободное правительство! Любопытно послушать

признанія одного изъ либеральнѣйшихъ французскихъ органовъ:

„Въ виду настоящаго прискорбнаго зрѣлища безпорядковъ и покушеній, люди несомнѣнно преданные республиканскимъ учрежденіямъ и либеральнымъ доктринамъ спрашиваютъ себя, не слишкомъ ли мы далеко зашли на пути свободы печати и свободы сходовъ, и не слѣдуетъ ли въ интересахъ самой республики вернуться назадъ (ахъ ретрограды, ахъ аракеевцы!) и установить различіе между свободой и своеволіемъ. Вопросъ этотъ весьма важенъ, и въ виду настоящихъ обстоятельствъ онъ служитъ предметомъ заботы для всѣхъ лучшихъ умовъ. Къ сожалѣнію, неоспоримо то что свобода не дала плодовъ какихъ мы отъ нея ожидали. Злоупотребленіе правомъ все говорить и все писать достигло крайнихъ предѣловъ. Мы надѣялись по крайней мѣрѣ что съ той минуты какъ будетъ снята всякая прелона съ самыхъ насильственныхъ подстрекательствъ и съ самыхъ крайнихъ бредней (divagations), мы покончимъ съ тайными обществами, съ варварскими злодѣяніями, съ убійствами и грабежами. Конечно, найдутся люди, думали мы, слособные говорить политическія глупости, но уже не будетъ такихъ которые въ состояніи совершать политическія преступленія. Мы были увѣрены что свобода служитъ лучшею гарантіей если не противъ извѣстнаго рѣчи, то по крайней мѣрѣ противъ матеріальныхъ безпорядковъ или противъ подпольныхъ махинацій и преступныхъ дѣйствій русскихъ нигилистовъ. Мы должны сознаться что наши ожиданія не оправдались. *Подъ режимомъ полной свободы мы были свидѣтелями фактовъ которые хуже тѣхъ что бывають подъ режимомъ стѣсненія.*“ (Тепрь, 30 октября.)

Таково разочарованіе французскихъ республиканцевъ. Теперь и подслѣловатые могутъ видѣть куда такъ настойчиво приглашаютъ насъ идти петербургскіе патріоты. А вѣдь было время когда люди во власти готовы были послѣдовать призыву и потянуть Россію къ тому почти безвыходному положенію въ которомъ теперь застряла Франція...

Но если мы вовремя остановились и de jure не улодобились Франціи, то de facto мы было приблизились къ ея теперешнему состоянію, которое г. Гамбетта назвалъ *легальною анархіей*. „Подъ предлогомъ децентрализаціи, говоритъ *République Française*, мы допустили разложеніе администраціи, которое, особенно въ провинціи, дошло до того что

управляемые жалуются что не знаютъ кто ими управляетъ и къ кому они должны обращаться; а сами администраторы еще болѣе жалуются что не получаютъ приказаній отъ высшихъ и не могутъ добиться повиновенія отъ низшихъ властей. Сверху до низу на административной лѣстницѣ каждый больше всего заботится о томъ чтобъ оставаться незамѣченнымъ. Анархистамъ извѣстно такое распаденіе администратіи, и они захотѣли имъ воспользоваться." (*Républ. Franç.* 1 ноября). Это и къ намъ, пожалуй, можетъ относиться. Но какая разница между средствами Французскаго правительства и нашего! Еслибы Французское правительство и захотѣло усилить энергію своей власти, оно не могло бы, тогда какъ нашему правительству ничто не мѣшаетъ исполнить свой долгъ.

Президентъ Гриви и его министры не могли бы ничего сдѣлать безъ *сoup d'état*. Сочиненные парламентомъ доктринерскіе законы о свободѣ печати и свободѣ сходовъ, гарантирующіе полную безнаказанность всѣмъ преступленіямъ на которыя слободна человѣческая устная и печатная рѣчь, даютъ крамолѣ сильное оружіе, предъ которымъ должно смиренно отступать правительство. Президенту Гриви остается только держаться своего наивнаго девиза, который считается у нашихъ публицистовъ верховъ политической мудрости: „*Tout laisser dire, ne rien laisser faire*“ (говорить можно все, только не дѣлать). Ребяческое заблужденіе! Какъ будто слово человѣческое не есть то же *дѣйствіе*! Отъявленный негодяй открыто распространяетъ возмутительный обманъ и остается безнаказаннымъ; другой же, человѣкъ темный (а такихъ въ каждой странѣ громадное большинство), услышалъ или прочелъ лжеученія или лжефакты, и по простотѣ увѣровалъ въ нихъ, такъ какъ они предложены ему со всею шарлатанскою ловкостью, и вотъ онъ подвергается тяжкой карѣ! И это называется справедливостью и политической мудростію! Настоящіе безпорядки во Франціи были подготовлены въ теченіе двухъ, трехъ послѣднихъ лѣтъ газетами и сходками. Ораторы и публицисты анархизма то и дѣло побуждали пролетаріевъ истреблять эксплуататоровъ „упивающихся лѣтомъ народа“, а правительство и республиканскіе либералы только улыбались при чтеніи „этихъ нечлѣвостей“, увѣряя другъ друга что нужно дать выговориться этимъ „паяцамъ“ дабы вся лошлость ихъ вышла наружу. Но французскіе рабочіе въ своихъ

кабакахъ иначе принимали эти „нелѣпости“ чѣмъ либеральные министры и редакторы въ своихъ кабинетахъ и салонахъ. Тѣ принимали филиппики противъ эксплуататоровъ за чистую монету и дѣйствительно воодушевлялись ими, и теперь, когда имъ былъ присланъ изъ Женевы динамитъ съ приказомъ начать походъ противъ эксплуататоровъ, они начали его въ полной увѣренности что совершаютъ хорошее дѣло. Г. Гриви допустилъ „все говорить“ и ему легко было исполнить эту первую часть своей программы. Но могъ ли онъ исполнить вторую ея часть и помѣшать слову перейти въ дѣло? Увы, онъ не можетъ даже преслѣдовать преступное дѣйствіе. Начавшійся судъ надъ двадцатью шестью Мовсодемивскими динамиторами пришлось прервать, такъ какъ присяжные были налуганы анонимными угрозами. Судъ присяжныхъ оказался негоднымъ, а замѣнить его полевымъ судомъ несчастный г. Гриви не имѣетъ права.

Мы, слава Богу, въ такомъ лозорномъ положеніи не находимся. Наше правительство устояло претивъ обмана и сохранило за собой полную свободу дѣйствія, лишь бы оно, ко благу страны, пользовалось этою свободой.

Во Франціи прискорбному положенію дѣль могъ бы пособить развѣ только смѣлый ударъ, *coup d'état*, который развязалъ бы правительству руки для спасенія Франціи. Но и эта насильственная мѣра едва ли могла бы имѣть желаемыя послѣдствія. Всѣ монархическія преданія во Франціи порваны, народъ раздробленъ на мелкія враждебныя другъ другу партіи, которыя лишь на короткое время, въ виду общей опасности, могутъ собраться вокругъ *одного* лица. А послѣ побѣды политическія интриги опять придутъ въ броженіе.

У насъ же весь народъ составляетъ одну нераздѣльную правительственную (въ высшемъ смыслѣ этого слова) партію. У насъ преданія единодержавія нерушимы. Для того чтобы раздавить крамолу мы не нуждаемся ни въ какихъ насильственныхъ ударахъ. У насъ все готово чтобы законными, нормальными, справедливыми путями избавиться отъ обмана который мутитъ умы и вредитъ дѣйствію нашихъ учрежденій, и этимъ положить конецъ скандалу....

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТОМА СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВАГО.

С Е Н Т Я Б Р Ъ.

	Стр.
Эпизодъ изъ Восточной политики Пруссіи. Окончаніе. <i>В. Д. Смирнова</i>	5
Вячь колеи. Романъ. Часть четвертая. Гл. I—VI. <i>К. Орловскаго</i>	69 ✓
Нѣсколько мыслей по поводу низкаго курса нашихъ бумажныхъ денегъ и нѣкоторыхъ другихъ экономическихъ явленій и вопросовъ. Окончаніе. <i>Н. Я. Данилевскаго</i>	137
Мирная дѣятельность на войнѣ. Записки сестры милосердія находившейся при дивизионномъ лазаретѣ 14й пѣхотной дивизіи въ войну 1877—1878 годовъ. Окончаніе. <i>Е. В. Духонимой</i>	199
Голосъ Шайтана. Стихотвореніе. <i>Князя Д. Н. Цертелева</i> .	323
Архимандритъ Пименъ настоятель Николо-Угрѣвскаго монастыря. Биографическій очеркъ (1810—1880). <i>Д. Б.</i>	226
Изъ Фрица Рейтера. Переводъ съ нижненѣмецкаго. <i>С. В. Флерова</i>	269 ✓
Злой духъ. Романъ. Часть третья. Гл. XXIX—XXXIV. <i>В. Г. Аветенка</i>	306 ✓
Опальный братъ Наполеона I. <i>LX</i>	342
Новости литературы. I. <i>Письма къ роднымъ митрополита Московскаго Филарета отъ 1800 до 1866</i> . Москва, 1882. <i>И. М.</i> —II. <i>Словарь церковно-историческій</i> . Трудъ и изданіе А. Верховскаго. Томъ I. Выпускъ I. Спб. 1882. <i>Н. С.</i> —III. <i>Древнѣйшія русскія монеты Великаго Княжества Киевскаго</i> . Нумизматическій опытъ графа И. И. Толстаго. Спб. 1882. <i>W. N.</i> — <i>Zur Geschichte des Orientalischen Krieges 1853—1856</i> von H. Geffcken.—V. <i>Laurence Sterne, sa personne et ses ouvrages</i> , par P. Stapfer. P.—VI. Книжныя новости.....	370
Современная лѣтопись.....	421

О К Т Я Б Р Ъ.

	Стр.
Кацелово-Аблавскій бой 24 августа 1877. <i>Всеволода Крестовскаго</i>	465
Политика въ школахъ. Гл. I—V. <i>В. Я. Фукса</i>	503
✓ Николай Алексѣевичъ Милютинъ и реформы въ Царствѣ Польскомъ. <i>П. К. Щебальскаго</i>	548
✓ Психическій міръ женщины, его особенности, превосходства и недостатки. Гл. VI—X. <i>П. Е. Астафьева</i>	582
✓ Египетскій Голубь. Разказъ Русскаго. Гл. XX—XXIII. <i>К. Н. Леонтьева</i>	646
✓ Злой духъ. Романъ. Часть третья. Гл. XXXV—XLI. <i>В. Г. Аспенка</i>	690
✓ Подпольная Россія. <i>LX</i>	731
✓ Въ колѣи. Романъ. Часть четвертая. Гл. VII—XII. <i>К. Орловскаго</i>	766
Отъ Ревеля до Алжира. Изъ дневника морскаго офицера. <i>Ю. Арсеньева</i>	828
Сказка ночи. Стихотвореніе. <i>Гр. А. Голеннищева-Кутузова</i>	851
Новости литературы: I. <i>Скобелевъ, личныя воспоминанія и впечатлѣнія В. И. Немировича-Данченка</i> . I.—II. <i>Опытъ изученія общественнаго хозяйства и управленія городовъ</i> . М. П. <i>Щелкина</i> .—III. <i>По Царскосельской дорогѣ</i> . Путеводитель <i>И. П. Золотницкаго</i> . С.-Петербургъ. <i>W.</i> —IV. <i>La Sorbonne et la Russie (1717—1747) par Pierling</i> .—V. <i>Athenais Geschichte einer byzantinischen Kaiserin</i> , von <i>F. Gregorovius</i> .—VII. <i>Письма Жоржесъ-Сандъ. Correspondance de Georges Sand, T. I, 1882, Paris</i> .—VIII. Книжная новостя	856
Современная лѣтопись	932

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

МОЙ ВКЛАДЪ. Статьи, записки, чтенія, замѣтки. Н. А. Любимова, профессора Московскаго Университета. Томъ I. Университетскій вопросъ. Москва, 1881 г. Цѣна 2 руб.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ. Бесѣды о революціи. Наброски и очерки въ разговорахъ двухъ пріятелей Варсоломея Кошова. Цѣна: выпускъ первый 75 к., выпускъ второй 75 к.; I и II выпуски вмѣстѣ 1 р. 50 к., за пересылку прилагать 25 к.

НЮМА РУМЕСТАНЪ. Романъ Альфонса Додэ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ. Романъ Чарльза Диккенса Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

БОЛЬШІЯ ОЖИДАНІЯ. Романъ Чарльза Диккенса. Переводъ съ англійскаго. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА ИЛИ ЖИЗНЬ НЕГРОВЪ ВЪ НЕВОЛЬНИЧЬИХЪ ШТАТАХЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ. Романъ гжи Бичеръ Стоу. Переводъ съ англійскаго, изданіе второе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877—78). ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. кн. Л. В. Шаховскаго. 1878. Ц. 2 р.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНІЙ БОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ. Повѣсти и разказы Любена Каравелова. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

РУЖЕЙНЫЙ ОГОНЬ ВЪ БОЮ (обработка боевыхъ наблюденій) соч. Н. Волоцкаго. 1881. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1875. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НОВАЯ МАГДАЛИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

БѢДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ. Семейная исторія. Соч. Уилки Коллинза. 1872. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЛЕДИ АННА. Романъ Автону Троллопа. 1874. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ“

въ 1883 году.

(ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.)

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія „ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ“ особенно рекомендованъ для среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, городскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ. Учебнымъ Комитетомъ при Святейшемъ Синодѣ допущенъ для приобретения въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ училищъ.

Оставаясь вѣрнымъ первоначальной идеѣ, *Дѣтскій Отдыхъ* и въ 1883 году будетъ главнымъ образомъ содѣйствовать ознакомленію дѣтей съ важнѣйшими эпизодами отечественной исторіи, біографическими чертами отечественныхъ дѣятелей и выдающихся по своему характеру личностяхъ, а также съ бытовыми сторонами русской жизни. Печатаема почти исключительно оригинальныя статьи русскихъ писателей, редація допускаетъ переводы и передѣлки иностранныхъ сочиненій только въ тѣхъ случаяхъ когда подобныя произведенія рѣзко выделяются своими достоинствами или вполне соотвѣтствуютъ программѣ журнала.

Въ журналѣ помѣщаются: повѣсти, разказы, біографіи, описанія путешествій, статьи историческаго содержанія, историческіе анекдоты, стихотворенія и пр.

Въ будущемъ году журналъ будетъ выходить въ томъ же объемѣ, въ тѣ же сроки и при тѣхъ же сотрудникахъ.

За два года существованія *Дѣтскаго Отдыха* въ немъ были напечатаны, между прочимъ, произведенія слѣдующихъ авторовъ: графа Л. Н. Толстаго, И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго, В. П. Клюшникова, Евг. Туръ, Т. Толычевой, А. Г. Коваленской, стихотворенія С. Т. и Н. С. Аксаковыхъ и мн. др.

Иллюстрированный журналъ *Дѣтскій Отдыхъ* выходитъ ежемѣсячно 15 числа въ объемѣ отъ 7 до 8 листовъ печатнаго текста.

Цѣна съ доставкой и перес. во всѣ города за годъ 6 р. — к.
За первое и второе полугодіе отдѣльно по..... 3 „ 50 „
Въ заграничныя государства съ перес. за годъ.... 8 „ — „

Подписка принимается въ Москвѣ: въ редакцію журнала (Большая Дмитровка, домъ Алексѣева); въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ; въ книжныхъ магазинахъ: Васильева на Страстномъ бульварѣ; *Новаго Времени*, Мамонтова и Вольфа, на Кузнецкомъ Мосту. Въ Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ *Новаго Времени* и Фену. Гг. ивгородскихъ просятъ обращаться съ требованіями исключительно въ редакцію журнала и контору Университетской типографіи.

Продолжается подписка на оставшіеся экземпляры журнала 1882 года. Цѣна за годъ 6 руб.

Продаются оставшіеся экземпляры за 1881 годъ по той же цѣнѣ.

Издательница Н. А. ИСТОМИНА.

О ПОДПИСКѢ

на

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

1883 года.

Годовое издание *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1883 году, стоить въ Москвѣ безъ доставки ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП., съ доставкой на домъ въ Москвѣ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на углу Большой Дмитровки и Страстнаго бульвара.

Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву:

Въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.

Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается также на полгода и на три мѣсяца. Цѣна полугодовой подписки 8 р. 50 к. Трехмѣсячной..... 4 „ 25 „

При сношеніяхъ съ редакціей контора редакціи покорнѣе проситъ гг. подписчиковъ **ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ** на слѣдующія правила:

1) Гг. иногородные подписчики **благоволятъ ПИСАТЬ** свой адресъ **ЧЕТКО**, съ точнымъ обозначеніемъ имени, отчества и фамиліи, а также и того почтового **МѢСТА** куда должно адресовать журналъ, съ указаніемъ губернии и уѣзда или станціи желѣзной дороги, присоединивъ и названіе этой дороги.

2) При перемѣнѣ адреса гг. подписчики **благоволятъ** сообщать редакціи вмѣстѣ съ новымъ адресомъ по которому желаютъ получать журналъ и **СТАРЫЙ АДРЕСЪ**.

3) Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается прямо въ редакцію съ приложеніемъ **УДОСТОВѢРЕНІЯ** мѣстной почтовой конторы въ томъ что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторой.

4) Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку журнала тѣмъ лицамъ которые подписались помимо конторы. Съ жалобами въ таковыя случаи гг. подписчики **благоволятъ** обращаться въ то мѣсто гдѣ подписались.

5) Гг. подписывающихся на полгода и на три мѣсяца при возобновленіи ими подписки редакція проситъ обозначать мѣсяцы въ продолженіе которыхъ они желаютъ получать журналъ. Равно гг. выписывающіе журналъ съ разсрочкой, присылая деньги, **благоволятъ** прилагать печатный адресъ наклеиваемый редакціей на бандероли, али въ письмѣ точно обозначать за какіе мѣсяцы журнала посылаются деньги.

6) За перемѣну адреса иногороднаго на иногородный и городского на иногородный взимается 10 коп.

О ПОДПИСКѢ НА МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ 1883 года.

Подписка на *Московскія Вѣдомости* 1883 года принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на углу Большой Дмитровки и Отрадного бульвара, по слѣдующимъ цѣнамъ:

На	1 мѣсяцъ.....	Всѣхъ доставлѣн.	Съ доставкой и пересылкой въ Россіи.	За границу, въ отдѣленія Всѣобщаго Почтоваго Союза.
На	1 мѣсяцъ.....	1 р. 80 к.	2 р. 50 к.	3 р. 50 к.
"	2 "	3 " — "	4 " — "	6 " — "
"	3 "	4 " 50 "	5 " 50 "	8 " — "
"	4 "	6 " — "	7 " 25 "	10 " — "
"	5 "	7 " 50 "	9 " — "	12 " — "
"	6 "	9 " — "	10 " 50 "	14 " — "
"	7 "	10 " 50 "	12 " — "	16 " — "
"	8 "	11 " — "	13 " — "	18 " — "
"	9 "	12 " — "	14 " — "	20 " — "
"	10 "	13 " — "	15 " — "	22 " — "
"	11 "	14 " — "	16 " — "	24 " — "
"	годъ	14 " 50 "	17 " — "	26 " — "

Въ иностранныя государства не вошедшія во Всеобщій Почтовый Союзъ подписка принимается по соглашенію съ редакціей.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ, по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ; для частныхъ лицъ, обращающихся прямо въ контору редакціи, 7 руб. при подпискѣ, 7 руб. въ концѣ марта и 3 руб. 1 августа. Подписчикамъ не внесшимъ въ срокъ подписныхъ денегъ высылка газеты прекращается.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе какъ съ 1 числа cadaго мѣсяца и не дагѣ какъ до конца года.

Отъ священно- и церковно-служителей православнаго исповѣданія въ девяти западныхъ и во всѣхъ православно-славянскихъ и прибалтійскихъ губерніяхъ принимается подписка по уменьшенной цѣнѣ, на сроку: 10 руб. въ годъ и 6 руб. за полгода.

Редакція проситъ иногородныхъ подписчиковъ присылать адреса ТОЧНО и ЧЕТКО написанные, съ обозначеніемъ ближайшей почтовой станціи или станціи желѣзной дороги (присоединяя названіе желѣзной дороги на которой стоитъ станція) въ которыхъ раздаются газеты подписчикамъ, а при перемѣнѣ адреса сообщать прежній адресъ или бандероль подъ которою высылается газета и прилагать 10 коп.

Гг. подписчики выписывающіе газету съ разсрочкой при уплатѣ слѣдующихъ за газету денегъ должны или присылать вмѣстѣ съ деньгами печатный адресъ, или точно обозначать за что слѣдуютъ посылаемые деньги.

Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку газеты тѣмъ лицамъ которыя подписались помимо конторы редакціи въ виду того что подписныя суммы таковыхъ лицъ часто передаются въ редакцію не своевременно. Съ жалобами въ таковыхъ случаяхъ гг. подписавшіеся благоволятъ обращаться въ то мѣсто гдѣ подписались.

Въ виду сократившейся до ничтожныхъ размѣровъ особой подписки на казенныя при *Московскихъ Вѣдомостяхъ* объявленія, таковая подписка на будущій годъ отмѣняется, и всѣ казенныя объявленія съ наступающаго года будутъ помѣщаться въ текстъ газеты для всѣхъ подписчиковъ, безъ увеличенія подписной цѣны и на основаніи общаго, ежедневно печатаемаго во главѣ каждаго нумера, тарифа объявленій.

AUG 23 1937

LEATHER — FULL CHROME

Digitized by Google

